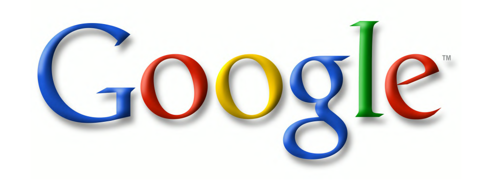

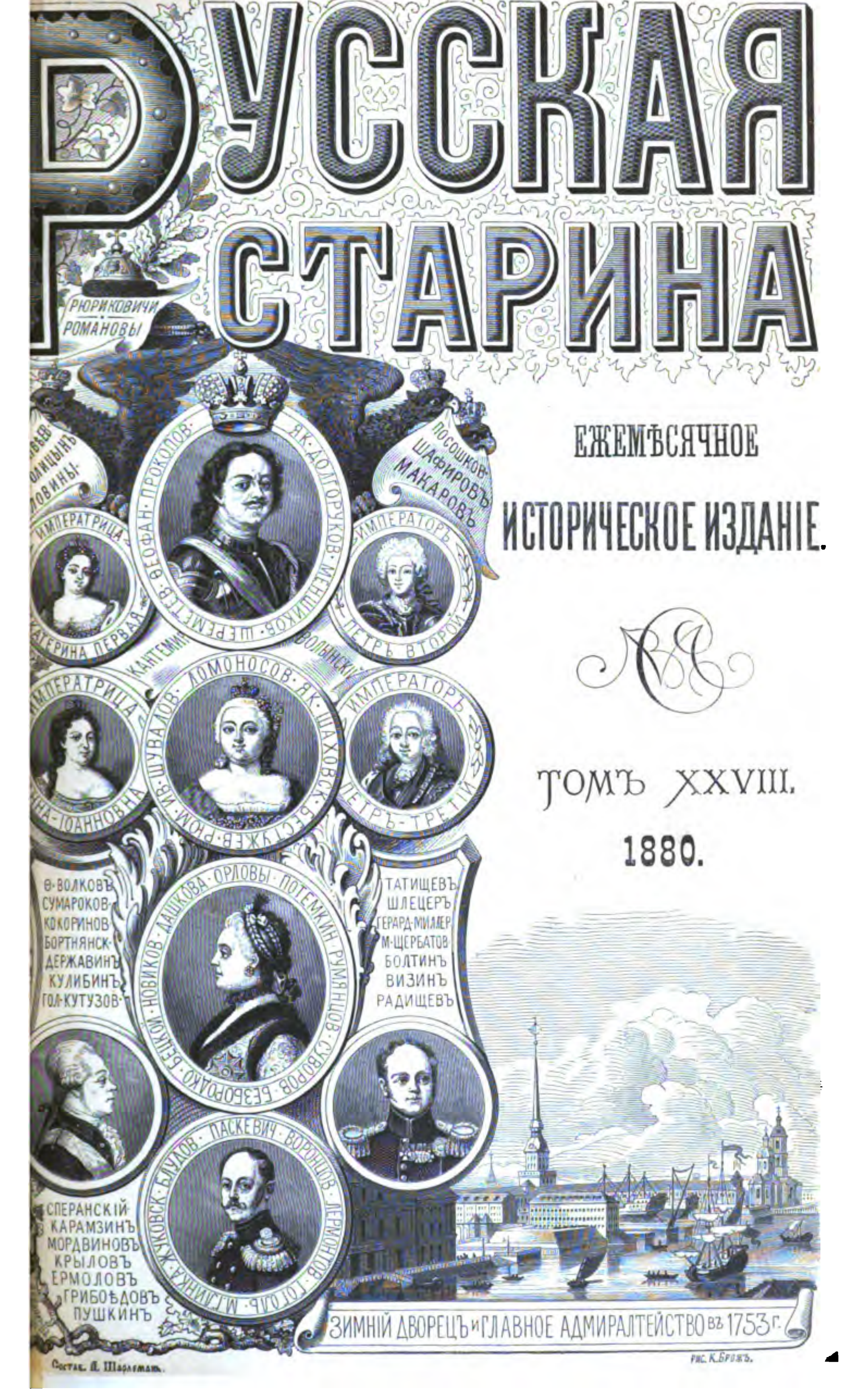
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1880.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ТОМЪ XXVIII.
1880.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ПОСОШКОВ·ШАФИРОВЪ·МАКАРОВЪ
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
Ѳ·ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ·КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД·МИЛЛЕР
М·ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. Л. Шарлемань.
рис. К. Брожъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ одиннадцатый. МАЙ. **1880 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Императрицы Екатерины I** († 1727 г.), геліографическій снимокъ съ лучшей гравюры ея времени, исполнилъ художникъ Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между [illegible] и [illegible] мостами, № [illegible].

1880.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая.

[illegible]ской войны 1849 [illegible]ніемъ 14 картъ и [illegible]вилъ И. И. Ореусъ. [illegible] 1880 г., стр. VI+546+118.

[illegible] въ высшей степени обстоя[illegible] добросовѣстный трудъ этотъ [illegible] по печатнымъ источникамъ и подлиннымъ рукописнымъ документамъ, хранящимся въ архивахъ военнаго министерства. Изъ сихъ послѣднихъ многія, и при томъ впервые, являются въ печати въ приложеніяхъ къ этому сочиненію. Описаніе военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Венгріи составляетъ спеціальный предметъ настоящаго труда. Этому описанію авторъ предпослалъ очеркъ политическаго состоянія Австрійской имперіи въ концѣ 1840-хъ гг. и отношеній центральнаго ея правительства къ различнымъ областямъ и національностямъ, входившимъ въ составъ монархіи; сдѣлалъ обзоръ внутреннихъ обстоятельствъ Венгріи и Трансильваніи (какъ будущихъ театровъ дѣйствій нашихъ войскъ) и указалъ на причины, увлекшія венгерцевъ къ окончательному разрыву съ австрійскимъ правительствомъ, наконецъ, очертилъ ходъ борьбы австрійцевъ съ венгерцами до той поры, когда вѣнскій дворъ обратился къ Императору Николаю съ мольбою о помощи.—Весь трудъ составленъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и совершенно чуждъ той щепетильности, ради которой—изъ опасенія «огорчать» монархію Габсбурговъ, прославившуюся, между прочимъ, своею черною неблагодарностью Россіи,—литература отечественной исторіи вовсе лишена была серьезнаго, спеціальнаго изслѣдованія войны Россіи съ Венгріей. Теперь этотъ важный и давно сознаваемый пробѣлъ восполненъ: историческій трудъ И. И. Ореуса—какъ по богатству матеріаловъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ, такъ по замѣчательному безпристрастію, съ которымъ относится почтенный авторъ къ нашимъ противникамъ, союзникамъ и, наконецъ, къ вождямъ русской арміи, дѣйствія которыхъ онъ не только описываетъ, но и подробно разбираетъ,—см., между прочимъ, общій выводъ автора о распоряженіяхъ Паскевича, стр. 541 и слѣдующія,—трудъ этотъ навсегда останется весьма важнымъ источникомъ для всесторонняго изученія д[illegible] мѣсячной войны Россіи въ предѣл[illegible] Венгріи въ 1849 году.

Записки Петра Андреевича Ка[illegible]ратыгина, 1805—1879. Изданы и [illegible]дактированы сыномъ покойнаго П. [illegible] Каратыгинымъ. Спб. 1880 г. Въ 8 [illegible] стр. 336.

Читатели «Русской Старины» хорошо знакомы съ этими, живо и талантливо изложенными, очерками одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ при его жизни, по уму и нравственнымъ качествамъ, артистовъ русской сцены. Записки Петра Андреевича Каратыгина печатались въ «Русской Старинѣ» съ 1872-го года, онѣ появлялись, болѣе или менѣе значительными отрывками, почти ежегодно на страницахъ этого изданія, но появлялись въ томъ порядкѣ, какой находилъ для себя удобнымъ авторъ; онъ печаталъ однѣ главы и откладывалъ другія, по совершенно особеннымъ соображеніямъ: такъ, напримѣръ, тѣ главы, въ которыхъ П. А. разсказываетъ о русскомъ театрѣ во время директорства А. М. Гедеонова, авторъ нашелъ удобнымъ напечатать только послѣ смерти сына А. М. Гедеонова—Степана Александровича. Нынѣ Записки эти изданы въ хронологической послѣдовательности. Одно уже это обстоятельство дѣлаетъ настоящую книгу весьма полезною. Если въ ней не болѣе тридцати пяти страницъ, не бывшихъ въ «Русской Старинѣ» [1]), за то разбросанное въ «Русской Старинѣ» въ теченіе семи лѣтъ (1872—1879 гг.) теперь соединено въ одну книгу.

Цѣнный, весьма полезный матеріалъ для исторіи отечественнаго театра, книга П. А. Каратыгина даетъ особенно интересный очеркъ для характеристики цѣлаго ряда артистовъ, а также администраторовъ, вѣдавшихъ судьбами отечественнаго театра въ теченіе полувѣка (1805—1853). Остроуміе, веселость и бойкость изложенія обѣщаютъ продолжительный и полный успѣхъ этой книгѣ. Изданіе ея при томъ и со внѣшней стороны вполнѣ изящно. **С.**

---

[1]) Таковы: первая любовь автора (стр. 67—71); выпускъ изъ училища; домашній бытъ отца; Л. О. Дюрова; свадьба автора и проч. (стр. [illegible]); второй бракъ, семейный бытъ [illegible] (стр. [illegible]).

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I

1725—1727.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1880 г.

озволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1879 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ

1799—1831.

Изъ всѣхъ окраинъ Россіи намъ менѣе всего извѣстенъ Кавказъ. Между тѣмъ, на ознакомленіе съ этимъ именно краемъ правительство дѣлало и дѣлаетъ весьма значительныя затраты. Учрежденная по Высочайшему повелѣнію, въ апрѣлѣ 1864 года, подъ моимъ предсѣдательствомъ, «Кавказская Археографическая Коммисія» успѣла уже напечатать семь громадныхъ (in fol.) томовъ собранныхъ ею Актовъ за время нашего владычества на Кавказѣ съ 1799 по 1831 г. Но изученіе Актовъ доступно только терпѣливому труду спеціалистовъ-изслѣдователей, дабы изъ отдѣльныхъ документовъ правительственной и административной дѣятельности сдѣлать общіе выводы для разъясненія различныхъ явленій исторической жизни Закавказья. Такая задача, очевидно, не легка и не можетъ быть съ перваго раза разрѣшена съ должною полнотой и законченностью; но это, конечно, не должно останавливать посильнаго ея разрѣшенія на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы можемъ воспользоваться въ настоящее время. Сдѣлаемъ что̀ можемъ, и предоставимъ другимъ исправить нашъ трудъ и достигнуть лучшаго результата.

Руководствуясь такимъ убѣжденіемъ, мы постараемся въ настоящемъ изслѣдованіи, по возможности, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

1. Было-ли присоединеніе Грузіи результатомъ завоевательныхъ плановъ Россіи?

2. Произошло-ли присоединеніе Грузіи къ Россіи вслѣдствіе эгоистическаго стремленія Георгія XII оградить свои личныя права? и

3. Желалъ-ли грузинскій народъ русскаго подданства?

Мы посвящаемъ разрѣшенію каждаго изъ этихъ вопросовъ особенную главу и на основаніи подробнаго анализа сдѣлаемъ конечный выводъ.

Ад. П. Берже.

1880 г. г. Тифлисъ.

Глава I.

Было-ли присоединеніе Грузіи результатомъ завоевательныхъ плановъ Россіи?

Европейскіе публицисты и мыслители никакъ не хотятъ признать постепенное развитіе внутреннихъ силъ и внѣшняго могущества Россіи за явленіе историческое, совершающееся помимо воли людей, стоящихъ во главѣ русскаго правительства, но видятъ въ томъ результатъ дальновидной политики, т. е. разныхъ ухищреній русскихъ дипломатовъ, исполняющихъ планы, задуманные ихъ предшественниками. Неосновательность такой мысли, не смотря на авторитеты, ее проповѣдующіе, выясняется всякій разъ, когда безпристрастное историческое изслѣдованіе касается какого нибудь вопроса изъ прошедшей жизни нашего отечества. Оказывается, что въ Россіи, какъ и вездѣ, дипломаты и лица, стоящія во главѣ государственнаго управленія, имѣли свои стремленія, свои планы, свои личныя симпатіи, но могли приводить ихъ въ исполненіе лишь на столько, на сколько этимъ обусловливался историческій ходъ событій. Не все у насъ были геніи, даже не все честные люди, не всегда были у насъ успѣхи въ сношеніяхъ съ другими странами и народами, и, не смотря на разочарованіе руководителей, факты доказываютъ, что иногда ошибкѣ, увлеченію, неудачѣ—мы были обязаны болѣе плодотворными послѣдствіями, чѣмъ наилучше обдуманнымъ, блистательнымъ планамъ, которыхъ систематическое, точное исполненіе приносило одно зло. То же самое было и у другихъ народовъ, предназначавшихся играть видную роль на поприщѣ историческомъ.

Покореніе Кавказа и Закавказья многимъ кажется неизбѣжнымъ продолженіемъ плановъ Петра I, который самъ водилъ войска по Каспійскому побережью и завоевалъ для Россіи лучшія персидскія провинціи, возвращенныя обратно его наслѣдниками, не понимавшими цѣлей геніальнаго человѣка. Но такой взглядъ не подтверждается историческими документами. Оказывается, что мысли Петра были совсѣмъ забыты или, вѣрнѣе, значеніе ихъ было утрачено впослѣдствіи. Вниманіе русскихъ государственныхъ людей было обращено на другіе вопросы и проложеніе торговаго пути черезъ Россію въ Индію по направленію, указанному великимъ преобразователемъ, было отнесено къ области утопій. По уступкѣ Персіи ея провинцій, всѣ наши заботы сосредоточились на охраненіи пограничной Кавказской линіи и возможномъ ея благополучіи. Всякое движеніе впередъ, всякій шагъ далѣе къ югу, къ Кавказскимъ горамъ, вовсе не былъ исполненіемъ

политической программы, преподанной свыше, а вызывался случайно событіями, совершавшимися въ сопредѣльныхъ странахъ, и дипломатія отставая отъ хода дѣлъ, только давала санкцію уже совершившемуся.

Рѣшительное покореніе Кавказа и Закавказья началось съ присоединеніемъ Грузіи, и фактъ этотъ, по нашему мнѣнію, вовсе непредусмотрѣнный современными дѣятелями, совершился даже вопреки ихъ воли и послѣдствія его были вовсе не тѣ, которыхъ ожидали, а тѣ именно, какія были необходимы для развитія могущества Россіи, сообразно задачѣ, которую она должна исполнить въ міровомъ, историческомъ ходѣ событій.

Грузія вовсе не была сознательно завоевана, какъ думаютъ нѣкоторые, и не могла быть завоевана въ то время, когда совершилось ея присоединеніе. Всякое завоеваніе предполагаетъ, конечно, завоевателя, который, подобно Александру Македонскому или Наполеону I, жаждалъ бы всемірной извѣстности, считалъ бы для себя высшимъ благомъ покореніе, торжество надъ непріятелемъ, кто бы онъ ни былъ, лишь бы можно было до него добраться и вынудить къ сопротивленію. Такого завоевателя, въ періодъ присоединенія Грузіи, на русскомъ престолѣ не было. Правда, начало серьезныхъ намѣреній присоединить Грузію относится къ царствованію Екатерины II, когда, благодаря широкимъ планамъ развитія Россіи, какъ самой императрицы, такъ и окружавшихъ ее геніальныхъ людей, можно подозрѣвать весьма отдаленныя политическія комбинаціи, но, какъ извѣстно, всѣ онѣ, со смертью императрицы, окончились отступленіемъ русскихъ войскъ изъ Закавказья въ 1796 году, что сильно поколебало вѣру въ покровительство Россіи. Въ инструкціи, данной по указу императора Павла I Коваленскому, 16-го апрѣля 1799 года (1), которою фактически конфирмовался договоръ, заключенный Екатериною II съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ II, 24-го іюня 1783 года,—вовсе не видно скрытыхъ политическихъ плановъ и не рекомендуется какихъ нибудь дипломатическихъ дѣйствій, предназначенныхъ приготовить пути къ поглощенію грузинскаго царства, а, напротивъ, все указываетъ на искреннее желаніе сохранить его самостоятельность подъ покровительствомъ Россіи. Такъ, напримѣръ, 11-мъ пунктомъ этой инструкціи Коваленскому вмѣняется въ обязанность «чинить царю приличныя внушенія, дабы поведеніемъ своимъ и разными заведеніями къ просвѣщенію народа въ православной вѣрѣ нашей, тамъ, по невѣжеству, наиболѣе по наружности исповѣдуемой, и, вообще, всякаго просвѣщенія, отличался бы онъ между варварскими тамошними народами». И далѣе: «если бы царь основалъ воинское свое ополченіе посредствомъ нѣкотораго порядка или регулярства и за-

веденія порядочной артиллеріи», то Коваленскому рекомендуется «употребить для руководства ихъ начальника и офицеровъ посылаемаго егерскаго полка, дабы такимъ образомъ царь и съ малыми силами могъ противостоять въ нуждѣ необузданнымъ и многочисленнымъ полчищамъ персидскимъ». Очевидно, приказаніе принуждать царя, поступающаго въ подданство, заводить національныя школы и національную регулярную армію—совершенно противно здравому смыслу, если бы предполагалось поглотить Грузію, а доказываетъ то, что Россія, въ виду сохраненія христіанскаго государства за непроходимыми въ то время Кавказскими горами, желала только оградить его существованіе и для того, довольствуясь лишь ролью сюзерена, предполагала упрочить прогрессивно развитіе страны.

Что 11-й пунктъ инструкціи не составлялъ дипломатической уловки, а имѣлъ реальное, буквальное значеніе, мы убѣждаемся изъ рапорта генерала Лазарева Кноррингу, отъ 25-го сентября 1800 года (2), письма къ нему-же Коваленскаго, отъ 23-го декабря 1800 года (3) и письма Кнорринга къ Георгію XII (4), въ которыхъ изложены предложенія, дѣланныя царю этими лицами о необходимости организаціи грузинскихъ войскъ. Но царь видимо не могъ воспользоваться предоставленными ему средствами устроить самостоятельное царство и предпочиталъ просить усиленія русскихъ войскъ до цифры 6,000 человѣкъ, которую почему-то считалъ достаточною для огражденія Грузіи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ (5). Впрочемъ, одинъ изъ сыновей Георгія, Михаилъ, какъ удостовѣряетъ Лазаревъ (6), «собралъ роту изъ своихъ малолѣтнихъ и по образу нашему вооружаетъ и обучаетъ ее»; но, вѣроятно, эта игрушка ничѣмъ не кончилась, такъ какъ объ этой ротѣ послѣ того нигдѣ не упоминается.

При высылкѣ полка Гулякова, Кноррингъ, 8-го сентября 1800 года (7), предписалъ Лазареву «дать примѣтить царю, что если высочайше назначенныя войска и вступили въ Грузію, то не на всегдашнее пребываніе и не на содержаніе гарнизоновъ, а только временно, по случаю опасностей, угрожающихъ Грузіи, и потому усилія царя въ мѣрахъ собственнаго воинскаго вооруженія не должны ослабѣвать». Далѣе Кноррингъ, «къ единому свѣдѣнію Лазарева», сообщаетъ почерпнутое имъ изъ переписки съ Георгіемъ убѣжденіе царя, что войска останутся навсегда въ Грузіи, и что отъ продовольствія ихъ Грузія будетъ наполняться деньгами, а царь ничего не будетъ тратить на содержаніе войска, и потому поручаетъ Лазареву «настоять, чтобы грузинское правительство не оставляло принятыхъ къ собственной своей безопасности мѣръ» (8). Честный Лазаревъ не

могъ допустить, чтобы царь пускался въ спекуляціи, какъ то дѣйствительно оказалось, но приписывалъ требованіе подкрѣпленій тому, что «царь, какъ человѣкъ удрученный страхомъ, не въ силахъ будучи отрясти отъ сердца своего угроженія, предавался совершенному унынію и въ семъ разѣ брался за то, что первымъ къ спасенію его представлялось» (9).

Впрочемъ, обвинять царя Георгія, что онъ не организовалъ туземныхъ войскъ, было бы не совсѣмъ справедливо. Полное разстройство внутренней государственной жизни, существовавшія и ожидавшіяся междоусобія и опасность отъ внѣшнихъ враговъ—не могли быть устранены собственными силами царства, что и вынудило искать подданства россійскому императору въ замѣнъ высылки русскихъ войскъ, которыя сохранили бы погасавшую жизнь грузинскаго царства. Первый отрядъ русскихъ войскъ, 17-й егерскій ген.-маіора Лазарева полкъ, вступилъ въ Тифлисъ 27-го ноября 1799 года (10), и, какъ описываетъ Коваленскій, «сдѣлалъ при входѣ фигуру преизрядную, бывъ встрѣченъ за три версты наивеликолѣпнѣйше. Царь, со всѣми знатными, свѣтскими и духовными вельможами, выѣхалъ на встрѣчу въ сопровожденіи болѣе десяти тысячъ человѣкъ народа, въ городѣ же, видъ амфитеатра имѣющемъ, всѣ крыши домовъ были усыпаны женщинами, и, по единообразному ихъ изъ бѣлаго холста одѣянію, казали собою прекрасный видъ разсѣяннаго по городу лагеря. Пушечная пальба и колокольный по всѣмъ церквамъ звонъ возвышали сіе празденство, а радостныя восклицанія народа, движенія и самыя слезы, особливо женщинъ, усовершали сію трогательную картину братскаго пріема и неложной преданности къ намъ народа». Но вслѣдъ за симъ трогательнымъ празднествомъ являются послы персидскаго шаха. Они требуютъ покорности, угрожая истребленіемъ Грузіи, а братъ царя, Александръ, бѣжитъ въ Персію и нарушаетъ внутреннее спокойствіе. Обучать войска было некогда и уже въ іюнѣ 1800 года Коваленскій проситъ усиленія русскихъ войскъ въ Грузіи, для отраженія ожидаемаго вторженія персіянъ подъ начальствомъ Аббас-мирзы. 10-го іюля генералу Кноррингу дается императоромъ Павломъ рескриптъ о приготовленіи къ походу съ Кавказской линіи по пяти эскадроновъ изъ драгунскихъ полковъ Пушкина и Обрѣскова, двухъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ серединѣ линіи, двухъ сводныхъ гренадерскихъ и одного баталіона егерскаго Лихачева 1-го полка, такъ, чтобы вмѣстѣ съ полкомъ Лазарева имѣть въ Грузіи 10 эскадроновъ кавалеріи и 9 баталіоновъ инфантеріи (11). Такимъ образомъ, очевидно, обстоятельства не допускали мысли о возможности доставить грузинскимъ войскамъ ре-

гулярство, особенно при томъ условіи, что денегъ въ царствѣ не было (12) и наличныя боевыя силы, собранныя въ помощь Лазареву, «едва имѣли по одному ружью на 18 человѣкъ, а остальные были вооружены обожженными кизылевыми палками» (13).

Первые политическіе дѣятели, прибывшіе изъ Россіи въ Тифлисъ, были дѣйствительный статскій совѣтникъ Коваленскій и генералъ-маіоръ Лазаревъ. Коваленскій, назначенный полномочнымъ министромъ при царѣ Георгіѣ, поставилъ себѣ задачею играть первенствующую роль и распоряжаться безконтрольно Грузіей. Во всѣхъ его донесеніяхъ, письмахъ, проектахъ и соображеніяхъ не видно никакой государственной идеи, никакого понятія о служеніи какому нибудь отвлеченному принципу: всѣ интересы Россіи и Грузіи отступають для него на задній планъ, какъ только задѣвается мелочное самолюбіе или корыстолюбіе этого кляузнаго чиновника. По пріѣздѣ въ Тифлисъ, министръ удивилъ всѣхъ своимъ поведеніемъ (14). Напрасно царь ежедневно посылаетъ узнавать о его здоровьѣ, выражая тѣмъ желаніе видѣть министра. Коваленскій не хотѣлъ понять этого и отсылалъ посланцовъ съ отвѣтомъ, что онъ здоровъ. Наконецъ, когда рѣшился явиться къ царю, то послалъ прежде сказать, чтобы для него изготовили кресла. Къ царю Коваленскій явился въ особомъ нарядѣ: въ шубѣ, теплыхъ сапогахъ и дорожной шапкѣ, и тотчасъ же сѣлъ въ изготовленныя для него кресла, касаясь своими ногами ногъ царя. Затѣмъ, отправясь въ томъ же нарядѣ къ царицѣ, онъ кончилъ аудіенцію объявленіемъ, что насталъ адмиральскій часъ, и потребовалъ себѣ водки. Сообразно нелѣпому наряду и поведенію, рѣчь министра отличалась дерзостью и пренебреженіемъ. А между тѣмъ этотъ недоступный министръ россійскаго императора обѣщалъ царицѣ взятку въ 3,000 р., адъютанту царя князю Александру Макаеву 2,000 р. и княгинѣ Чавчавадзе 7,000 р., если они убѣдятъ Георгія ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ оставленіи Коваленскаго министромъ въ Тифлисѣ, съ заявленіемъ, что никого другого на этомъ мѣстѣ царь имѣть не желаетъ. Вѣроятно, благодаря этимъ проискамъ, «мало чести ему у здѣшняго народа принесшимъ» (15), высочайшій рескриптъ отъ 3-го августа 1800 года (16) объ отозваніи Коваленскаго остался безъ исполненія, и послѣ смерти Георгія XII на долю Коваленскаго выпало организовать управленіе Грузіей, учредить такъ называемое Верховное грузинское правительство, во главѣ коего явился самъ Коваленскій съ титуломъ правителя Грузіи. Разбирая организацію этого Верховнаго грузинскаго правительства, проектированнаго и приведеннаго въ исполненіе Коваленскимъ, надворный совѣтникъ Соколовъ (17)

заключаетъ: «смѣло и утвердительно полагать можно, что злоупотребленія созерцались правителемъ при самомъ сочиненіи постановленія нынѣшняго въ Грузіи правительства». Приводя въ исполненіе свой зрѣло обдуманный проектъ, Коваленскій «укомплектовалъ всѣ мѣста бо̀льшею частью своими родственниками или людьми, съ нимъ или съ родственниками его въ какихъ нибудь связяхъ состоящими» (18). Затѣмъ, совершенно естественно, «домъ Коваленскаго былъ верховнымъ мѣстомъ, откуда разсылались повелѣнія, розыски, аресты и конфискаціи» (19). Всѣ чины правительства, очевидно, служили Коваленскому, а не Россіи, «и числились только по спискамъ въ видѣ безъименныхъ архитекторовъ, канцелярскихъ чиновниковъ», и пр. (20), и если существовали въ дѣйствительности, то «получали отъ Коваленскаго въ счетъ жалованья сукнами, которыя продавали послѣ съ убыткомъ для выручки денегъ» (21). Въ секретной запискѣ объ избранныхъ правителемъ приставахъ при татарахъ, Соколовъ выражается такъ: «они ни по службѣ, ни въ обществѣ достойными не были; напримѣръ, Мерабовъ и Маквиладзе, о достоинствѣ коихъ упоминать пристойность запрещаетъ» (22). Не смотря, однако, на такой невзыскательный выборъ чиновниковъ, государственная служба въ Грузіи и для нихъ представляла мало привлекательнаго. Полковникъ Черновъ доноситъ князю Циціанову, что «чины полиціи не удовлетворены полгода жалованіемъ, и какъ они не имѣютъ другаго средства пропитанія, то нерѣдко отказываются отъ должности, оставляя полицію безъ всякой дѣятельности» (23). Въ представленіи Верховнаго грузинскаго правительства уголовной экспедиціи (24) значится: «оная экспедиція имѣла разсужденіе, что повытчики Гуляевъ и Дзюбенко, и регистраторъ Свѣтлашный къ должностямъ своимъ не являются, извиняясь, что, по недачѣ скуднаго жалованія, назначеннаго правителемъ, и по неимѣнію кредита, они доведены до такого жалкаго состоянія, что ни пищи, ни обуви, ни верхней одежды не имѣютъ. Въ самой экспедиціи нѣтъ ни вахмистра, ни сторожа, и съ открытія губерніи не метутся и не топятся комнаты. Что писано правителю и главнокомандующему (Кноррингу) о высылкѣ положенныхъ по штату на расходъ денегъ, но увѣдомленія ни откуда не послѣдовало».

При подобныхъ принципахъ и порядкахъ въ управленіи Грузіи, послѣ полнѣйшаго разстройства внутренней государственной жизни при послѣднихъ царяхъ, злоупотребленія должны были составлять нормальный ходъ дѣлъ, и искать чего либо иного въ періодъ управленія Грузіей старѣйшаго изъ русскихъ дѣятелей за Кавказомъ—едва-ли возможно. «Изъ подносимыхъ мною государю императору донесеній,—пи-

шетъ кн. Цицiановъ (25) гр. Кочубею,—усмотрѣть изволите жалостное положенiе дѣлъ грузинскихъ и вопiющiя злоупотребленiя власти бывшаго правителя Грузiи... которыхъ десяти-мѣсячное продолженiе превзошло мѣры терпѣнiя грузинскаго народа, пришедшаго въ колебанiе и явное недоброжелательство къ нашему правленiю».

Правда, надъ Коваленскимъ былъ поставленъ высшiй контроль въ лицѣ начальника Кавказской линiи, главнокомандующаго войсками, генералъ-лейтенанта Кнорринга, который постоянно жилъ въ Кизлярѣ и Моздокѣ, откуда, по представленiямъ того же Коваленскаго, серьезно разрѣшалъ такiя мѣропрiятiя, какъ воспрещенiе вывоза изъ Грузiи шерсти, для того, чтобы Коваленскiй могъ скупать эту шерсть за безцѣнокъ на такъ называемую казенную суконную фабрику, и потомъ дешево стоющими сукнами расчитываться за службу съ состоявшими на лицо чиновниками, если они трудились для блага Россiи, а не состояли въ родствѣ съ Коваленскимъ, помогая ему эксплоатировать вновь присоединенную страну. При секретномъ слѣдствiи Соколова, между прочими, стоитъ такой пунктъ: «Во всей Грузiи скуплена за дешевую цѣну шерсть для употребленiя на суконной фабрикѣ, но, какъ здѣсь говорятъ, изъ шерсти сей дѣлается особая какая-то спекуляцiя. Правитель, имѣя оной до 15,000 пудъ, намѣревается отправить въ Россiю для распродажи съ выгодою» (26). Поэтому естественно, что какъ ни далеко лежала Грузiя, но слава дѣлъ правителя дошла, наконецъ, до Петербурга. Рескриптомъ отъ 8-го сентября 1802 года, императоръ Александръ, «по дошедшимъ жалобамъ и неудовольствiямъ на управляющихъ въ Грузiи генералъ-лейтенанта Кнорринга и дѣйств. ст. сов. Коваленскаго», призналъ нужнымъ «зачислить перваго по армiи, а втораго отозвать для употребленiя къ другимъ дѣламъ», а управленiе гражданскою и военною частiю возложить на кн. Цицiанова, предоставивъ ему поступить съ Коваленскимъ какъ признаетъ за лучшее (27).

Не смотря, однако, на такое широкое полномочiе, данное государемъ князю Цицiанову надъ участью правителя Грузiи, Коваленскiй рѣшился вступить въ борьбу съ новымъ главнокомандующимъ, который, между тѣмъ, подвигаясь къ Тифлису, былъ осаждаемъ массою жалобъ на злоупотребленiя Коваленскаго и К° (28). По прiѣздѣ въ Тифлисъ и производствѣ ревизiи присутственныхъ мѣстъ Верховнаго грузинскаго правительства, кн. Цицiановъ вездѣ нашелъ такой хаосъ и безпорядокъ, что тотчасъ же далъ Коваленскому ордеръ, лишающiй его должности (29). Коваленскiй вздумалъ было парализовать дѣйствiе ордера, подавъ рапортъ о болѣзни, гдѣ выражался, что не можетъ исполнять должности «по усилившимся болѣзненнымъ при-

падкамъ по поводу пораженія чувствительности неожиданнымъ и, кажется, незаслуживаемымъ пріемомъ, какой угодно было князю Циціанову сдѣлать при отверстыхъ дверяхъ въ посрамленіе Коваленскаго при множествѣ князей» (30), но князь Циціановъ, какъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и безусловною честностью, не тронулся деликатностью чувствъ такого закоренѣлаго дѣльца, какъ Коваленскій, и отвѣчалъ ему, что рапортъ о болѣзни вовсе не нуженъ, такъ какъ Коваленскій уже лишенъ мѣста, и прибавилъ, что если «нѣжной чувствительности пораженіе было у Коваленскаго непритворно», то оно заслужено и «по крайней мѣрѣ составляетъ слѣдствіе той нечувствительности, какую онъ полагалъ въ здѣшнихъ князьяхъ, когда оскорблялъ ихъ своимъ поведеніемъ и тѣмъ заставилъ возненавидѣть правленіе до такой степени, что кн. Циціановъ нашелъ страшное колебаніе умовъ противъ россійскаго правленія» (31).

При такомъ рѣшительномъ отпорѣ, дипломатическимъ укрывательствамъ отъ отвѣтственности не было мѣста и Коваленскому приходилось прибѣгнуть къ открытому противодѣйствію, но какъ оно повлекло бы за собой скорый конецъ, то, по примѣру всѣхъ мастеровъ канцелярскаго дѣла, онъ спрятался за абсолютную инерцію. На всѣ предписанія князя Циціанова онъ не отвѣчалъ; всѣ его требованія оставлялъ безъ исполненія, — предоставляя ему самому разобраться въ хаосѣ бездѣйствія и злоупотребленій Верховнаго грузинскаго правительства или пользоваться для того услугами чиновъ правительства, плутовавшихъ совмѣстно съ бывшимъ правителемъ. А между тѣмъ всѣ средства и дѣятельность Коваленскаго (32) были направлены къ тому, чтобы выставить себя передъ высшимъ начальствомъ несчастною жертвою несправедливаго преслѣдованія. Много пришлось потрудиться кн. Циціанову, чтобы сломить такую массу беззаконія, какую представлялъ собою Коваленскій, хотя, по здравому смыслу, этого быть не могло. Вредная дѣятельность Коваленскаго была признана самимъ императоромъ. Князю Циціанову было дано полномочіе поступить съ нимъ, какъ признаетъ за лучшее,—но Коваленскій все это игнорировалъ. Сначала онъ совсѣмъ не хотѣлъ отдавать отчета и выѣхалъ въ г. Георгіевскъ. Возвращенный оттуда по особому высочайшему повелѣнію въ Тифлисъ (33), для дачи отчета, онъ не хотѣлъ уже выѣхать изъ Тифлиса, и спокойно руководилъ здѣсь своими сообщниками, чтобы сбить правосудіе съ настоящей дороги. Однако, кн. Циціановъ преодолѣлъ все: указомъ правительствующему сенату отъ 15-го августа 1803 года повелѣно:

1) По содержанію всѣхъ статей, содержащихся въ слѣдствіи главнокомандующимъ въ Грузіи, по высочайшему повелѣнію, произведен-

номъ,—бывшаго правителя Грузіи дѣйств. ст. сов. Коваленскаго судить по законамъ, и

2) По связи сего дѣла съ политическими обстоятельствами и общимъ устройствомъ Грузіи, — судъ сей произвести при 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената (34).

Приведеннаго краткаго перечня дѣятельности перваго русскаго правителя Грузіи—совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію, что сановникъ этотъ преслѣдовалъ только свои личныя цѣли, при чемъ государственныя задачи Россіи для него не существовали. Стало быть, приписывать ему желаніе завоевать Грузію и ввести ее въ составъ Россійской имперіи — было бы несообразностью. Надо только удивляться, какъ Коваленскій не достигъ обратнаго результата: не погубилъ окончательно Грузію и всѣхъ войскъ, высланныхъ для ея охраненія. Онъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, для того все, что могъ, и если не имѣлъ успѣха, то благодаря тому противодѣйствію, какое встрѣтилъ со стороны честнаго и безхитростнаго слуги Россіи, командира 17-го егерскаго полка генералъ-маіора Ивана Петровича Лазарева.

По силѣ инструкціи 16-го апрѣля 1799 года, Коваленскому предоставлялась собственно дипломатическая часть, представительство Россіи и потомъ гражданская часть,—посланныя же въ Грузію войска ему подчинены не были и этому-то разумному отдѣленію гражданской власти отъ военной—Грузія обязана свои существованіемъ.

Послѣдовательное чтеніе донесеній Коваленскаго и рапортовъ Лазарева (35), напечатанныхъ въ «Актахъ Кавказской Археографической Коммисіи», въ высшей степени поучительно, такъ какъ въ этихъ документахъ вполнѣ выражается различіе между принципами и дѣятельностью этихъ двухъ представителей русской администраціи въ Грузіи. Въ первомъ же донесеніи генералу Кноррингу, 2-го декабря 1799 года, Коваленскій восхищается пріемомъ царя Георгія, говоритъ о его преданности и дѣлаетъ себѣ недвусмысленный комплиментъ, заявляя, что «его самого царь полюбилъ какъ сына и друга, и всѣ предложенія его пріемлетъ за свято. Что это его ободряетъ тѣмъ паче, что онъ нашелъ въ царѣ твердость правилъ, здравое сужденіе, кротость и благочестіе». Это, однако, не мѣшаетъ Коваленскому писать, отъ 6-го августа 1800 года, Кноррингу же, что «пуще всего безпокоитъ его слабое исполненіе его внушеній, ни отъ чего другаго какъ отъ робости и лѣности происходящее» (36). Съ 14-го декабря 1799 года Коваленскій начинаетъ свои жалобы или, правильнѣе, клеветы на Ивана Петровича Лазарева, который будто бы компрометируетъ себя передъ царемъ грубостью и преслѣдуетъ всѣхъ сво-

ихъ подчиненныхъ, если они находятся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Коваленскому, и затѣмъ распространяется о всѣхъ своихъ благоразумныхъ распоряженіяхъ по снабженію войскъ провіантомъ. Лазаревъ такъ характеризуетъ царя: «Онъ весьма добрый, но слабъ какъ разсудкомъ, такъ и въ управленіи; все генерально къ пользѣ солдатъ приказываетъ, но городъ, будучи управляемъ двумя армянами, Меликовымъ и Тумановымъ, ничего не выполняютъ, а ему докладываютъ, что все выполнено» (37). О продовольствіи полка Лазаревъ пишетъ, что «съ 13-го декабря онъ уже сухарей нигдѣ не видѣлъ, а такихъ, какіе Кноррингу доставлены на пробу, совсѣмъ не имѣлъ». Что въ день коронаціи царь отпустилъ солдатамъ 300 тунгъ чихиря и 200 балыковъ, «а люди были 6 дней безъ дровъ, а безъ крупъ Лазаревъ и счесть не можетъ, ибо на 4 дня отпущены вмѣсто крупъ бобы и грецкіе орѣхи и люди уже 8 дней ѣдятъ экономическій и его провіантъ». Что люди теряютъ 26 коп. при промѣнѣ рубля и не получаютъ полностью довольствіе. Однимъ словомъ, заключаетъ онъ: «лучше бы желалъ я стоять въ какомъ нибудь редутѣ, чѣмъ здѣсь, видя всѣ безпорядки». Обо всемъ этомъ Лазаревъ говорилъ адъютанту царя князю Чавчавадзе и обѣщалъ донести Кноррингу. Угроза подѣйствовала. Георгій прислалъ Абхазова съ объясненіями, что царь знаетъ сколько Лазаревъ огорченъ, проситъ, чтобы онъ не огорчался, и что царь употребитъ всѣ силы его персону удовольствовать всѣмъ, хотя бы это ему стоило заложить сына. «Сіи послѣднія слова,—говоритъ Лазаревъ,—показались мнѣ колки, ибо о себѣ я ему ни слова не говорилъ, исключая, что я рискую за недостатки въ полку потерять милости своего государя», и Лазаревъ просилъ передать царю, что «онъ ни въ чемъ нужды не имѣетъ, получая отъ государя жалованье и имѣя свои деревни, что одна его претензія состоитъ въ томъ, чтобы высочайше ввѣренный ему полкъ все то получилъ, что ему слѣдуетъ, что онъ обязанъ къ тому по человѣчеству и присягѣ, и доколѣ не будетъ удовлетворенъ, отъ своихъ требованій не отступитъ и будетъ доносить начальнику линіи». Тогда къ Лазареву явился самъ наслѣдникъ престола и просилъ сдѣлать царю милость потерпѣть, «ибо,—говоритъ Лазаревъ,- онъ знаетъ, если я донесу—полкъ возьмутъ и онъ пропалъ». Не смотря на это, все-таки ничего сдѣлано не было, ибо «приказанія царя худо исполняются, словомъ сказать, его никто не слушаетъ» (38), и Лазаревъ, уже 30-го декабря, обращается къ Кноррингу съ такою просьбою: «ваше пр—во, будьте Моѵсей и выведите народъ изъ работы вражіей» (39).

Не такимъ казалось Коваленскому положеніе войскъ въ Грузіи. «Имѣя во всегдашнемъ моемъ наиприлежнѣйшемъ попеченіи все, что

до выгоды и продовольствія войскъ принадлежитъ, — пишетъ онъ Кноррингу 14-го декабря 1799 года (40), - я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ усерднѣйшихъ и неусыпныхъ подвиговъ царя Георгія по предметамъ продовольствія, успокоенія и снабденія возможнѣйшими выгодами войскъ, съ самаго вступленія ихъ въ предѣлы Грузіи». А всѣ подвиги эти состояли въ снабженіи войскъ, какъ описываетъ Лазаревъ, и кончаются заявленіемъ самого Коваленскаго (41): «имѣя въ виду слова указа 8-го августа 1799 года: «продовольствіе Лазарева полку въ Грузіи останется на нашемъ попеченіи»,—царь никакого распоряженія о заготовленіи провіанта и фуража не дѣлалъ, окромя того количества, какое было потребно на время пути до столицы, и, сверхъ того, на случай прибытія въ столицу, мѣсячная порція». Затѣмъ Коваленскій сообщаетъ, что «штатная цѣна на продовольствіе и фуражъ противу настоящей весьма низкая и нигдѣ почти не существующая», но что «если царю дано будетъ приказаніе, то онъ все заготовитъ, и теперь, по представленію Коваленскаго, уже приказалъ заготовить на собственный счетъ еще двухмѣсячную пропорцію» (42). Смыслъ всѣхъ этихъ самовосхваленій тотъ, что царь уже сдѣлалъ заготовленія и потому передать ихъ другому нельзя. а штатную цѣну надо увеличить,—изворотъ, которому можетъ позавидовать любой изъ жидовствующихъ казенныхъ подрядчиковъ, — а между тѣмъ это писано отъ имени грузинскаго царя уполномоченнымъ министромъ русскаго правительства!

Когда двинутъ былъ въ Грузію полкъ Гулякова, потребовалось усилить заготовленіе продовольствія и царь, конечно, отдалъ строжайшіе приказы, а Коваленскій, въ порывѣ заботливости «о скорѣйшемъ онаго доставленіи», писалъ «въ наиубѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ къ знатнѣйшимъ князьямъ здѣшнимъ» (43).

«Источникъ доставленія продовольствія черезъ правительство весьма ненадеженъ,—доноситъ Лазаревъ (44),—ибо есаулы съ баратами посланы еще 31-го іюля въ Кахетію и Карталинію для доставки 30,000 пудъ провіанта, но доставлено очень мало; хотя Коваленскій наиубѣдительнѣйше писалъ къ князьямъ здѣшнимъ, но до сихъ поръ никакого успѣху не видно». Поэтому Лазаревъ предполагаетъ «чинить заготовленіе самымъ удобнѣйшимъ средствомъ, посылая по селеніямъ покупать привозимые на рынокъ продукты и оплачивать деньгами, чего правительство не дѣлаетъ».... Стало быть, и здѣсь грузинскій царь съ русскимъ полномочнымъ министромъ дѣйствовали какъ жиды-подрядчики: деньги отъ казны получали, а сами, по возможности, никому не платили. А между тѣмъ первый спасалъ русскими войсками

свое царство отъ персидскаго нашествія, а второй дѣйствовалъ по довѣрію императора Павла.

Въ іюлѣ 1800 года Баба-ханъ (Фетх-Али-шахъ) прислалъ къ Георгію XII пословъ, требуя аманатомъ сына его Давида и угрожая въ противномъ случаѣ истребленіемъ Грузіи. «Прибытіе сего посланца,— пишетъ Коваленскій (45),—произвело всеобщій страхъ и уныніе въ умахъ здѣшнихъ». Царь не могъ найтись какъ принять посла, и убѣдилъ Коваленскаго сдѣлать то въ его домѣ, «дабы имѣть тѣмъ болѣе бодрости въ отвѣтѣ» и показать передъ посланцемъ совершенную свою преданность Россіи. Отказавъ шаху во всемъ, царь и Коваленскій просили подкрѣпленій изъ Россіи, и 10-го іюля 1800 года (46) послѣдовалъ высочайшій рескриптъ объ усиленіи войскъ въ Грузіи. Между тѣмъ сопротивленіе крѣпости Маку и невозможность держать ее въ блокадѣ, за недостаткомъ провіанта и подножнаго корму, а также развившіяся въ лагерѣ болѣзни—заставили персіянъ отступить (47), и Коваленскій тотчасъ доноситъ Кноррингу, что «по принятымъ имъ къ оборонѣ мѣрамъ обстоятельства весьма поправились». Столица находится въ изрядномъ оборонительномъ положеніи, имѣетъ до 3,000 хорошихъ, по здѣшнему, воиновъ, и что своими дипломатическими дѣйствіями онъ удержалъ отъ противодѣйствія пограничныхъ мусульманскихъ владѣльцевъ, и затѣмъ предлагаетъ не присылать подкрѣпленій, чтобы мысль о нихъ не произвела «прежнее усыпленіе умовъ», такъ какъ «безпечность грузинскаго народа есть до такой степени, что при малѣйшемъ видѣ безопасности оставляются всѣ мѣры предосторожности» (48). Все это было писано 3-го августа, а 6-го тотъ же Коваленскій доноситъ: «безъ помощи отъ васъ (Кнорринга) мы не можемъ быть въ безопасности и чѣмъ она скорѣе будетъ, тѣмъ полезнѣе бы то было» (49), и того же числа, въ особомъ письмѣ, проситъ: «ради Бога перекиньте черезъ горы баталіонъ гренадеръ или мушкатеръ поскорѣе; мы ихъ подхватимъ разными манерами и привеземъ сюда хоть на лошадяхъ» (50). Но оказывается, вся эта суета и отчаяніе были вовсе ненужны: 13-го августа Коваленскій сообщаетъ Кноррингу, что всѣ перехваченныя имъ «бумаги и письма оказались совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ то представлено было мнѣ начально» (51). Шпіонъ, посланный меликомъ Абовымъ въ персидскій лагерь, былъ узнанъ и для спасенія жизни объявилъ, что присланъ для переговоровъ съ царевичемъ Александромъ, который принялъ его благосклонно, отдарилъ и отправилъ съ шахскими фирманами къ Абову и Томасу Орбеліани и съ письмами къ семейству Александра. Въ Памбакѣ этого шпіона, при возвращеніи въ Грузію, схватили и посадили въ тюрьму, а документы

отняли и представили какъ доказательство измѣны Абова. Изъ свѣдѣній, собранныхъ Коваленскимъ, оказалось, что «персидское войско простиралось до 12,000 человѣкъ, но не всѣ вооружены и даже нѣкоторые съ однѣми только дубинами» (52). На другой день (14-го августа) Коваленскій забываетъ, какую безсмысленную путаницу произвелъ онъ своими трусливыми и неосновательными сообщеніями, и доноситъ Кноррингу, «что персидскій сардарь Сулейман-ханъ, по полученіи извѣстія, что подъ распоряженіемъ Коваленскаго пріемлются мѣры къ оборонѣ, принялъ намѣреніе возвратиться въ Тавризъ» (53).

Въ то время, какъ Коваленскій молилъ перекинуть черезъ горы баталіонъ, Лазаревъ въ письмѣ къ Кноррингу, отъ 4-го августа (54), пишетъ о персидскомъ войскѣ: «всей сей сволочи бояться нечего, но чистосердечно признаться, руки устанутъ бить ихъ. На грузинъ надѣяться нечего, а армяне, на которыхъ такую твердую надежду полагаютъ, для меня весьма подозрительны». Далѣе Лазаревъ сообщаетъ, что распорядки по оборонѣ поручены царевичу Іоанну и Коваленскому, но что успѣха онъ никакого не видитъ, описываетъ сдѣланныя ошибки и заключаетъ, что если требуется только оборонять городъ, то достаточно одного егерскаго полка, а если придется дѣйствовать противъ лезгинъ, то нужно еще одинъ баталіонъ. Но такъ какъ высочайшее повелѣніе объ усиленіи войскъ, по ходатайству Коваленскаго, уже состоялось, то составъ нашихъ войскъ увеличился прибытіемъ въ Тифлисъ, 23-го сентября 1800 года, детапемента подъ начальствомъ ген.-маіора Гулякова. Отправляя этотъ детапементъ, Кноррингъ писалъ царю Георгію, что «одно это отправленіе» отвратитъ всѣхъ враговъ царя отъ злыхъ покушеній на Грузію, «болѣе слухами, чѣмъ самымъ дѣломъ, опасными» (55).

Причина, почему представленія Коваленскаго о присылкѣ помощи такъ часто и скоро перемѣнялись, объясняется Лазаревымъ въ письмѣ къ Кноррингу отъ 4-го августа (56): «Министръ, я слышу, пишетъ вамъ, что еще одного егерскаго полка довольно, но въ семъ есть его предметъ, чтобы вы сюда не пріѣзжали; сего ему очень не хочется; а я, напротивъ, желаю вашего пріѣзда». Это объясненіе какъ нельзя болѣе вѣроятно. Вся дѣятельность Коваленскаго была такова, что требовала потемокъ: всякое разъясненіе истиннаго положенія дѣлъ въ Грузіи должно было положить конецъ его произволу, интригамъ и систематической эксплуатаціи края, въ сообщничествѣ съ цѣлою шайкою родственниковъ и ихъ благопріятелей. «Здѣсь всѣ стараются елико возможно поскорѣе грабить,—пишетъ Лазаревъ Кноррингу отъ 12-го марта 1801 года (57),—и все дѣлается отъ меня по секрету. Царевичу я обо всемъ этомъ докладывалъ, но онъ запи-

рается. Нужно скорое введеніе нашихъ порядковъ, а безъ того боюсь не огорчили бы народъ». Лазаревъ не желалъ огорчать народъ, и осмотръ на мѣстѣ и контроль высшей власти—представляли для него единственное средство избавиться отъ постоянныхъ доносовъ и клеветы Коваленскаго, лично и при содѣйствіи членовъ царскаго семейства. При ясномъ взглядѣ и добросовѣстности, съ какими относился онъ къ положенію Грузіи, къ интригамъ Коваленскаго и царевичей, и къ политическимъ условіямъ страны, Лазаревъ не имѣлъ нисколько хвастливости, никакого желанія выставлять свои заслуги или пользоваться чужими. Все, что писалъ и дѣлалъ Лазаревъ, онъ писалъ и дѣлалъ просто, какъ прямое исполненіе служебнаго долга, не исполнить который онъ не могъ, состоя на службѣ и пользуясь милостями государя. Нужно задержать въ Тифлисѣ царицу Дарію, онъ принимаетъ всѣ необходимыя мѣры и дѣлаетъ побѣгъ ея невозможнымъ. Нужно отразить Омар-хана, поддерживающаго съ лезгинами нападеніе царевича Александра на Грузію, онъ идетъ и отражаетъ, распоряжаясь войсками безъ всякой суеты, совершенно спокойно, и въ донесеніи о славномъ дѣлѣ на Іорѣ ничего не говоритъ о своихъ подвигахъ, заботахъ и распорядительности, а описываетъ факты, представляетъ отличившихся и только позволяетъ себѣ на радости невинную шутку. Описывая, какъ ген.-маіоръ Гуляковъ очистилъ огнемъ и штыками всю мѣстность до самой рѣки, подошелъ, наконецъ, къ тѣснимой непріятелемъ грузинской пѣхотѣ, имѣвшей бо́льшею частью, вмѣсто оружія, однѣ палки, и однимъ залпомъ отомстилъ непріятелю «за невинныхъ сихъ пѣшеходовъ» (58). Умираетъ Георгій XII, начинаются интриги всѣхъ членовъ царствующаго дома противъ Россіи или, вѣрнѣе, противъ спокойствія Грузіи,—Лазаревъ никому не покровительствуетъ, никому не отдаетъ преимущества, ни въ комъ не ищетъ опоры, но съ удивительнымъ здравымъ смысломъ идетъ вѣрно по лабиринту интригъ, какъ ни сбиваетъ его съ пути Коваленскій, натравляя на него и начальство и царскую семью. Доказательства послѣднему мы найдемъ, сопоставляя доносъ царицы Маріи Кноррингу (59), что князь Гарсеванъ Чавчавадзе и жена его имѣютъ дружбу и связь съ Лазаревымъ, и рапорты Кноррингу Коваленскаго (60), въ которыхъ онъ не щадитъ красокъ въ описаніи дѣйствій Гарсевана Чавчавадзе, одного изъ немногихъ честныхъ и здравомыслящихъ грузинъ того времени, котораго потому Коваленскій особенно преслѣдовалъ и, наконецъ, арестовалъ (61) Къ тому надо прибавить, что Коваленскій, которому Лазаревъ мѣшалъ въ устройствѣ дѣлишекъ, постоянно добивался его подчиненія (62), придирался къ войскамъ; жаловался, что ему, гражданскому

чиновнику, не оказываютъ военныхъ почестей, и всѣми силами старался помѣшать Лазареву узнать что нибудь о положеніи дѣлъ въ Грузіи; даже перехватывалъ агентовъ, посылаемыхъ Лазаревымъ, и скрывалъ отъ него все, что было возможно (63), такъ что Соколовъ въ своей секретной запискѣ характеризуетъ такимъ образомъ отношенія между правителями гражданскимъ и военнымъ: «такой образъ управленія не что иное кажется, какъ шиканство, въ благоустройствѣ мѣста имѣть не долженствующее» (64).

Генералъ Лазаревъ былъ образцомъ истиннаго военнаго служаки: въ донесеніяхъ Кноррингу всѣ свои мысли и предположенія онъ облекаетъ въ самую скромную, почтительную форму; на всякій важный вопросъ требуетъ разрѣшенія, но не изъ боязни или нерѣшительности, а потому, что такъ требуетъ воинскій уставъ. Ожидая, напримѣръ, нападенія персіянъ, онъ проситъ разрѣшеній Кнорринга, заявляя, что «безъ того онъ не сдѣлаетъ ни шагу съ мѣста», но тотчасъ же прибавляетъ: «на которомъ, всеконечно, равно какъ и повсюду, соблюдать честь и славу побѣдоноснаго россійскаго оружія непрестанно есть мой долгъ и предметъ всевысочайшей службы» (65). Эта педантическая военная исполнительность и погубила Лазарева. Получивъ предписаніе кн. Циціанова (66)—по высочайшему повелѣнію арестовать и препроводить до Моздока царицу Марію съ семействомъ, генералъ Лазаревъ, «исполняя съ усердною точностью объявленную ему высочайшую волю, отъ излишняго снисхожденія къ полу и сану царицы Маріи, остался жертвою ея мщенія и неожиданнаго въ женскомъ полѣ свирѣпства» (67). Въ то время, какъ Лазаревъ объявилъ ей, что все готово къ отъѣзду, царица Марія, «скрывши неистовую злобу свою, оказала на сіе добрую волю и подала ему знакъ, будто хочетъ съ нимъ проститься, и коль скоро онъ къ ней приблизился, то, выхватя кинжалъ изъ-подъ полы, поранила его такъ сильно, что чрезъ нѣсколько минутъ сей достойный и усердный генералъ умеръ на мѣстѣ, въ глазахъ своихъ офицеровъ».

«Ужасъ и смущеніе города (Тифлиса) отъ сего варварскаго поступка до сихъ поръ еще вовсе не успокоились,—доноситъ князь Циціановъ 27-го апрѣля (68),—воображая, по азіатскимъ обычаямъ, что государь, разгнѣвавшись на преступницу, повелитъ наказать городъ, въ которомъ это случилось». Тѣло генерала Лазарева погребено 22-го апрѣля «съ должною по уставу почестью и возможнымъ великолѣпіемъ», при чемъ князь Циціановъ «лично убѣдился въ горестнѣйшихъ единодушныхъ знакахъ сожалѣнія грузинскаго народа, какъ собственно о потерѣ сего достойнѣйшаго генерала, стяжавшаго на-

родную любовь и довѣренность, такъ равно и о несчастіи, его постигшемъ».

Какъ видно изъ изложеннаго, служба первыхъ двухъ русскихъ сановниковъ окончилась соотвѣтственно ихъ дѣятельности: одинъ погибъ, честно исполняя свой долгъ, и похороненъ съ должною по уставу почестью и возможнымъ великолѣпіемъ; другой, за всяческія злоупотребленія, отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду и уклонился отъ наказанія. Добродѣтель почтена и порокъ не остался безъ осужденія; но со смертью Лазарева Россія навсегда лишилась честнаго и доблестнаго слуги, а съ удаленіемъ Коваленскаго вредная его дѣятельность не прекратилась: шайка собранныхъ имъ сообщниковъ осталась въ администраціи и препятствовала усиліямъ честныхъ людей уничтожить зло, насажденное въ Грузіи Коваленскимъ.

Анализируя дѣйствія Коваленскаго и Лазарева, мы не увидимъ въ нихъ никакихъ проектовъ, никакихъ мѣропріятій, указывающихъ на стремленіе содѣйствовать завоевательнымъ планамъ Россіи, на желаніе захватить Закавказье. Присланный для огражденія спокойствія и безопасности Грузіи, ген. Лазаревъ только добросовѣстно исполняетъ эту задачу, хотя тяготится ею и проситъ вывести его изъ «работы вражіей». Коваленскій устремляетъ всѣ силы своего ума и данную ему власть для своихъ личныхъ цѣлей, для удовлетворенія своего самолюбія и корыстолюбія. Онъ возбуждаетъ всѣ умы въ Грузіи противъ русскаго правленія своими мелкими чиновничьими интригами и поборами, и самъ платитъ взятки, чтобъ удержаться на мѣстѣ. Это не знаменитые Гастингсъ или Клейвъ, которые систематически грабили Индію для подчиненія ея остъ-индской компаніи: это просто земскій исправникъ любой русской губерніи, притѣсняющій населеніе, пока оно не потеряетъ терпѣніе и не пожалуется губернатору. Во всѣхъ документахъ, писанныхъ Коваленскимъ и Лазаревымъ, мы не найдемъ никакой инипіативы, никакого намека на мысль о расширеніи русскаго могущества за Кавказомъ. Все, что они для того дѣлали, они дѣлали по необходимости, по невозможности поступить иначе. Удаленіе лицъ царствовавшаго дома, отраженіе внѣшнихъ враговъ, усмиреніе внутреннихъ смутъ—все это не было вызвано какимъ нибудь политическимъ планомъ, но дѣлалось потому, что иначе нельзя было добиться спокойствія и безопасности Грузіи; дѣлалось потому, что иначе наши войска, высланныя въ Грузію, должны были бы позорно возвратиться за Кавказскія горы.

Отказавшись въ 1796 году отъ плановъ Екатерины II, императоръ Павелъ I, 18-го апрѣля 1799 года, далъ утвердительную гра-

моту, въ силу которой и на основаніи трактата 1783 года, Георгій XII, какъ наслѣдникъ Ираклія II, утвержденъ царемъ Грузіи, а сынъ Георгія XII царевичъ Давидъ—наслѣдникомъ престола грузинскаго (69),—слѣдовательно, Павелъ I вовсе не думалъ о присоединеніи Грузіи.

Между тѣмъ оно воспослѣдовало послѣ смерти Георгія XII († 28-го декабря 1800 года) (70) по высочайшему рескрипту Павла I къ генералу Кноррингу отъ 18-го января 1801 года, съ препровожденіемъ для обнародованія манифеста, что и исполнено Лазаревымъ 16-го февраля 1801 года (71). Въ дополнительномъ рескриптѣ 23-го января 1801 года Павелъ I повелѣваетъ: утвердить только Грузію и не искать другихъ пріобрѣтеній (72), а 19-го февраля требуетъ доказательствъ для всего свѣта, что точно общій Грузіи произволъ есть быть въ моемъ подданствѣ, а не то, чтобы покорство ихъ происходило отъ желанія двухъ или трехъ (73). Но императоръ Павелъ вслѣдъ за симъ скончался и это событіе, какъ доноситъ Лазаревъ (74), «привело въ весьма большое отчаяніе народъ и большинство знатныхъ, которые опасаются, что они лишатся счастія быть подданными Россіи и войска наши, по прежнему примѣру, отсюда будутъ выведены». Въ отвращеніе сего, многіе изъ нихъ «при присягѣ войскъ Александру I просили позволеніе принести присягу новому императору», но Лазаревъ, «не имѣя на то приказанія, не осмѣлился дать имъ разрѣшенія».

Александръ I, въ рескриптѣ Кноррингу отъ 19-го апрѣля 1801 года (75), признавая, что достоинство имперіи, безопасность нашихъ границъ, виды Порты Оттоманской, покушенія прорывовъ горскихъ народовъ—заставляютъ желать присоединенія Грузіи, но императоръ не желаетъ увлекаться только выгодами Россіи, ибо пользамъ царствъ земныхъ въ правилахъ вѣчныхъ предъуставлена другая мѣра, единая, истинная и непреложная,—справедливость и неприкосновенность къ международному праву. И потому Кноррингу поручалось удостовѣриться искренно-ли убѣждены грузины, что принятіе ихъ подъ державу россійскую есть единое средство ихъ спасенія,—и если это убѣжденіе будетъ найдено, то Кноррингу поручалось составить положеніе объ управленіи Грузіей, имѣя при томъ въ виду, что не для Россіи присоединяется народъ сей къ имперіи, но собственно для него, что не нашихъ пользъ мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности.

Исполняя волю государя, генералъ Кноррингъ лично отправился въ Тифлисъ, чтобы убѣдиться на мѣстѣ въ положеніи дѣлъ и

расположеніи умовъ въ Грузіи. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 28-го іюля 1801 года (76) онъ подробно изложилъ свое мнѣніе о безнадежномъ положеніи Грузіи, гдѣ, изъ 61,000 семействъ въ 1783 году, въ 1801 осталось только 35,000 семействъ, гдѣ съ умноженіемъ нуждъ царскихъ (царствующая династія состояла изъ 73 членовъ) увеличились поборы со всѣхъ продуктовъ и промысловъ, а число рукъ къ воздѣланію того уменьшилось; гдѣ внѣшніе враги умножались и усиливались, а вражда членовъ царской семьи угрожала внутренними междоусобіями. Поэтому генералъ Кноррингъ думалъ, что Георгій, рѣшившись просить подданства Россіи и отправляя въ Петербургъ пословъ, «всеконечно, зналъ пользы своего народа, и, предъусматривая, что оный будетъ растерзанъ внутренними междоусобіями, разсудилъ, что не слѣдуетъ жертвовать общимъ благосостояніемъ властолюбію своихъ братьевъ, принесшихъ столько вреда отечеству». Народъ встрѣчалъ генерала Кнорринга толпами отъ самыхъ границъ Грузіи до Тифлиса и выражалъ единодушно желаніе вступить въ русское подданство, находясь между страхомъ и надеждою о рѣшеніи судьбы угнетенной грузинской націи. Поэтому ген. Кноррингъ дѣлаетъ такое заключеніе: «если части недоброхотовъ, разумѣя здѣсь нѣкоторыхъ царевичей и дворянъ, противупоставить другую, лучше о пользахъ своихъ и своего отечества разсуждающую, и къ сей присовокупить весь народъ, жаждущій быть подъ законами Всероссійской имперіи, то сердечное желаніе сихъ несчастныхъ людей, возлагающихъ все упованіе на государя императора, заслуживаетъ уваженіе».

Послѣдствіемъ этого донесенія генерала Кнорринга былъ манифестъ 12-го сентября 1801 года (77) о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Не для приращенія силъ, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи (объявляетъ въ этомъ манифестѣ Александръ I) пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе скорбей, — учредить въ Грузіи правленіе, которое бы могло утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.

Эти высокогуманныя слова не были дипломатическою формою рѣчи, но реальнымъ фактомъ, который дорого обошелся Россіи, очевидно, неимѣвшей никакой надобности въ присоединеніи Грузіи, отдѣленной недоступными въ то время Кавказскими горами, заселенными

дикими разбойничьими племенами, покореніе коихъ стоило столько крови и денегъ. Въ то время Россія, больше чѣмъ теперь, страдала малолюдствомъ и изобиліемъ плодоносной земли, никѣмъ не воздѣлываемой. Присоединять къ Россіи новыя земли, на которыя претендовали и турки, и персіяне, и мелкіе сосѣди, ожидавшіе окончательнаго разложенія грузинскаго царства для его поглощенія,—было мѣрою ошибочною и крайне вредною; ибо вызывало перспективу безпрерывныхъ военныхъ дѣйствій, т. е. колоссальные расходы и никакихъ доходовъ, такъ какъ Грузія въ то время не имѣла достаточно средствъ даже на содержаніе царской семьи и правленія, а тѣмъ менѣе могла что нибудь дать на содержаніе войскъ и устройство края. Все это всецѣло должно было лечь на бюджетъ Россіи и не приносило ей никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ. Обезпеченіе границъ, о которыхъ говорится въ рескриптѣ генералу Кноррингу отъ 19-го апрѣля 1801 года, очевидно—фикція: пріобрѣтая Грузію, отрѣзанную непроходимыми горами и враждебными народами, мы не уменьшали, а значительно увеличивали длину границъ, подверженныхъ непріятельскому нападенію, стало быть, усложняли, а не упрощали наше положеніе на границѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, гдѣ была учреждена у насъ Кавказская линія. Виды Порты Оттоманской—другой мотивъ, упомнаемый въ рескриптѣ 19-го апрѣля,—тоже пустая дипломатическая фраза: власть Порты за Кавказомъ и даже въ полунезависимыхъ пашалыкахъ Карсскомъ и Ахалцыхскомъ была не многимъ болѣе настоящей власти Турціи въ Феццанѣ и Тунисѣ. Позже того, когда присоединена была Мингрелія и возбужденъ былъ вопросъ о занятіи Поти, оказалось, что Порта не знала сама, чт̀о такое она признала независимымъ по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, и должна была выслать особаго агента, Сеид-Ахмед-Эриб-эфендія, чтобы посмотрѣть эти страны и, вмѣстѣ съ русскимъ агентомъ, статскимъ совѣтникомъ Литвиновымъ, познакомиться съ дѣйствительными границами турецкихъ владѣній. Конечно, неопредѣленность границъ могла разъясниться, тѣмъ болѣе, что Закавказье было поводомъ постоянныхъ столкновеній между Турціей и Персіей, и въ этомъ отношеніи политическая дальновидность обязывала Россію обратить вниманіе на сохраненіе христіанскихъ государствъ за Кавказомъ, и потому, съ политической точки зрѣнія, совершенно понятна помощь войсками, посланная царю Георгію, для огражденія безопасности Грузіи. Но самое овладѣніе раззоренною Грузіей, особливо въ періодъ борьбы русскаго самодержавія съ революціонною Франціей, не вызывалось никакою необходимостью. Нельзя же допустить, какъ говорится въ рескриптѣ, будто бы Гру-

зія могла охранить наши владѣнія отъ прорывовъ горцевъ. Горцы никогда не прорывались изъ Закавказья, но воевали съ нами на линіи только тѣ изъ нихъ, которые жили по сѣверному склону Кавказскаго хребта. Стало быть, Грузія нисколько не охраняла нашей границы, а, напротивъ того, сама подвергалась нападенію другихъ мухаммеданскихъ племенъ, которыя никогда не прорывались по Военно-грузинской дорогѣ и съ которыми намъ пришлось вступить въ борьбу на жизнь и на смерть, какъ только мы заняли Грузію.

Поэтому изъ всѣхъ мотивовъ, помѣщенныхъ въ рескриптѣ 19-го апрѣля и которыми опредѣлялась необходимость присоединенія Грузіи,—можно признать непререкаемо вѣрнымъ только одинъ, именно: честь и достоинство Россіи требовали, чтобы, взявши на себя огражденіе безопасности Грузіи, Россія не оказалась безсильною исполнить принятыя ею на себя обязательства. Всѣ распоряженія и разъясненія при высылкѣ Коваленскаго и Лазарева показываютъ, что не было никакой мысли овладѣть Грузіей, а дѣло шло только объ ея поддержкѣ. Не поддержать грузинское царство было невозможно: всѣ матеріальныя и внутреннія производительныя силы государства были подточены внутреннею анархіей и безпрерывными нападеніями внѣшнихъ враговъ. Появленіе русскихъ войскъ возбудило съ новою силою персидскія претензіи на Грузію; бѣгство царевича Александра, возмечтавшаго, при помощи шаха и мелкихъ сосѣднихъ хановъ, прогнать русскихъ и завладѣть грузинскимъ престоломъ,—усилило всѣ внѣшнія опасности и внутреннія смуты, и Георгію XII не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ просить новыхъ подкрѣпленій изъ Россіи, до 6,000 человѣкъ. Россія не могла уступить угрозамъ персидскаго шаха и вывести войска свои изъ Грузіи, и для поддержанія ихъ пришлось выслать новый деташементъ генералъ-маіора Гулякова. «Тогда войска, въ Грузіи находящіяся,—по донесенію генерала Лазарева (78),—были готовы слѣдовать къ отраженію непріятеля во всякій часъ и вездѣ, отколь оный свое нападеніе покусился бы сдѣлать, и потому нѣтъ никакой опасности отъ нападенія внѣшнихъ непріятелей; слѣдуетъ только удерживать, чтобы внутренніе къ нимъ не приставали». Но остановить этихъ внутреннихъ непріятелей, порожденныхъ анархіею и хаосомъ взаимныхъ интересовъ и отношеній, сложившихся въ теченіе многихъ столѣтій,—можно было только перемѣною правленія и всего государственнаго строя Грузіи. Надежда, что царь грузинскій, опираясь на русскія войска, усилитъ свою власть и установитъ какой нибудь законный порядокъ на мѣсто существовавшаго безправія,—оказалась тщетною. Георгій былъ безсиленъ сдѣлать что либо для улучшенія государственнаго строя сво-

его царства, и, опираясь на совѣты и руководство Коваленскаго, предпочелъ притѣснять свой народъ для поставки провіанта тѣмъ, кто былъ призванъ для его избавленія. Изъ многочисленной семьи царевичей и ихъ родственниковъ не нашлось ни одного, кто бы сталъ за интересы народа; ни одного, кто показалъ бы что нибудь кромѣ гнуснаго, мелкаго своекорыстія и полнаго пренебреженія къ бѣдствіямъ народа, пользуясь легкомысліемъ и невѣжествомъ котораго, каждый изъ высшихъ лицъ вербовалъ себѣ шайку почитателей и пособниковъ для грабежа несчастнаго грузинскаго крестьянства. Русскія войска безмолвнымъ своимъ присутствіемъ не могли санкціонировать такого ужасающаго безпорядка, тѣмъ болѣе, что, безъ внутренняго благосостоянія, всѣ успѣхи противъ внѣшнихъ враговъ не приносили никакой пользы спокойствію и водворенію законности въ Грузіи. Отсюда неизбѣжное вмѣшательство русскаго начальства во внутренніе безпорядки, хотя этого вовсе не имѣлось въ виду при высылкѣ въ Тифлисъ 17-го егерскаго полка.

Всѣмъ извѣстны крайне либеральныя тенденціи Александра I, особливо въ первые годы его царствованія, когда разработывались различные планы административныхъ улучшеній на самыхъ широкихъ гуманныхъ началахъ, и глубокое отвращеніе императора ко всякому насилію. Потому рескриптъ Александра I къ генералу Кнорринга о нежеланіи захватить Грузію нельзя заподозрить въ неискренности. Гуманисты могутъ сколько угодно восхищаться высказанною въ рескриптѣ мыслью, будто бы интересы Россіи должны быть приносимы въ жертву справедливости и неприкосновенности къ международному праву; а политики школы Макіавелли и Бисмарка могутъ сколько угодно возставать противъ такого взгляда на обязанности правительства относительно своего народа,—но тѣмъ не менѣе рескриптъ 19-го апрѣля и послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ путешествіе генерала Кнорринга за Кавказъ—фактически доказываютъ полное нежеланіе императора Александра I присоединить Грузію къ Россіи. Но это нежеланіе должно было уступить неотразимому ходу событій, доведшихъ Грузію до полнаго разложенія, до невозможности самостоятельнаго существованія. Личныя гуманныя чувства государя удержали только на нѣсколько мѣсяцевъ (съ 19-го апрѣля по 12-е сентября) переходное состояніе Грузіи, но сила вещей взяла свое: манифестъ 12-го сентября былъ обнародованъ и грузинское царство перестало существовать!

Анализируя манифестъ 12-го сентября, которымъ грузинскому народу предоставлялись всевозможныя права и возлагалась на него одна обязанность—быть счастливымъ, нельзя не сознаться, что не-

добное самоотверженіе весьма поучительно гдѣ нибудь въ легендѣ о благочестивомъ старцѣ, но въ политическомъ дѣйствіи должно быть признано ошибкой. Но исторія не ошибается и вовлекаетъ въ ошибки только тогда, если безъ совершенія ихъ было бы невозможно достиженіе иныхъ результатовъ, необходимыхъ, но непонятныхъ для современниковъ, которые поэтому никогда не стремились бы къ ихъ осуществленію, если бы къ тому не вынуждала ихъ необходимость. Присоединеніе Грузіи, отдѣленной недоступными горами, безъ всякой другой цѣли кромѣ затраты для ея благоденствія русской крови и денегъ, не получая взамѣнъ того ничего кромѣ претензій и жалобъ, что это благоденствіе не развивается такъ быстро и не охватываетъ такъ широко всѣхъ отправленій разстроеннаго организма бывшаго царства, какъ это было желательно новымъ подданнымъ,—естественно заставило русскихъ дѣятелей изыскивать средства, чтобы, по возможности, уменьшить для Россіи тягость тѣхъ жертвъ, которыя приходилось ей нести въ силу манифеста 12-го сентября. Первымъ и самымъ очевиднымъ зломъ было отсутствіе сообщенія съ остальною Россіей: это чувствовалъ и испытывалъ на себѣ каждый, кому судьба назначала попасть въ Грузію,—а потому, естественно, первою явилась мысль о лучшемъ сообщеніи, о необходимости морскаго пути, о необходимости пробиться къ морю Черному или Каспійскому—какъ окажется удобнѣе. Рескриптомъ 17-го сентября 1801 года императоръ Александръ рѣшительно отказался принять въ подданство имеретинскаго царя Соломона II (79) и, стало быть, отказывался отъ всякаго движенія по направленію къ Черному морю. А между тѣмъ въ другомъ рескриптѣ, 12-го сентября 1801 года (80), гдѣ генералу Кноррингу дается подробная инструкція относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, въ пунктѣ 10-мъ значится: стараться, особливо чрезъ хана бакинскаго, владѣющаго устьями Куры и лучшимъ портомъ на Каспійскомъ морѣ, достигнуть способовъ доставлять войскамъ нашимъ въ Грузіи тягости изъ Астрахани водою, а не труднымъ путемъ черезъ Кавказскія горы.... Обратить вниманіе и на комуникацію, могущую быть съ Чернымъ моремъ черезъ Имеретію по р. Ріону или Фазу, и вообще стараться дознать скромнымъ образомъ положеніе земли сей и прочіе берега къ сей сторонѣ Чернаго моря.

Очевидно, какимъ бы скромнымъ образомъ ни производились подобныя изслѣдованія, цѣль ихъ была слишкомъ ясна и очевидна для упроченія нашего положенія въ Грузіи, и потому они неизбѣжно должны были повести къ покоренію всѣхъ земель до Чернаго и

Каспійскаго морей, ибо иначе нельзя было проложить здѣсь вѣрный путь сообщенія. Это понималъ каждый и потому присоединенія здѣсь были вызваны искусственно, т. е. собственно произошло завоеваніе, сознательное наступленіе и дипломатическимъ и военнымъ путемъ. Въ рескриптѣ 12-го сентября (81) пунктомъ одиннадцатымъ повелѣно: съ царемъ имеретинскимъ и владѣльцемъ области Одишской Дадіаномъ имѣть пріязненное сношеніе, не подавая однако тѣмъ повода къ подозрѣніямъ чиновникамъ Порты Оттоманской, въ томъ краѣ начальствующимъ, — но тотчасъ же по обнародованіи манифеста о присоединеніи Грузіи, начинается внимательное наблюденіе надъ этими двумя владѣльцами и вмѣшательство русскихъ властей въ ихъ внутреннія дѣла. Въ поводахъ къ такому вмѣшательству недостатка не было.

Мингрельскій владѣлецъ находился въ это время въ самомъ затруднительномъ положеніи. Имеретинскій царь Соломонъ II отнялъ у него почти всѣ владѣнія, и только родство съ Келеш-беемъ, сухумскимъ владѣльцемъ, который поддерживалъ Дадіани, давало послѣднему возможность держаться противъ царя Соломона. Самая Мингрелія и Имеретія были тогда далеко не цвѣтущими владѣніями. «Кутаисъ,—доноситъ Литвиновъ кн. Циціанову (82),—большое село, въ которомъ царь до нынѣшняго лѣта никогда и не жилъ, а постоянно разъѣзжалъ по своимъ владѣніямъ. У Дадіани же ничего кромѣ деревень нѣтъ: есть курятники, принадлежащіе ему, князьямъ его дома, первѣйшимъ здѣсь владѣльцамъ, но всѣ они на неприступныхъ высотахъ и подходы къ нимъ трудны. Дадіани,—описываетъ Литвиновъ въ своей превосходной запискѣ объ Имеретіи и Мингреліи (83),—слѣдуетъ пословицѣ: «хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ». Во время рыбной ловли онъ живетъ у Ріона; во время ловли фазановъ, оленей, дикихъ козъ и кабановъ—въ Одиши, куда дичь зимовать собирается. По сему образу жизни, простота ихъ жизни столь велика, что Дадіани съ царицей (такъ называютъ жену его) не гнушается жить въ избѣ безъ пола и потолка; грѣется около огня, разведеннаго посрединѣ избы, выкуривая себѣ глаза; очень счастливымъ назваться долженъ, если, ходя по своимъ чертогамъ, не тонетъ по колѣно въ грязи». При такомъ блескѣ двора, владѣльцу Мингреліи совершенно естественно было уступить свои верховныя права за орденъ св. Александра Невскаго, который былъ высланъ для него Кноррингу еще 29-го января 1802 г. (84). Но невинный Кноррингъ показалъ свое глубокое незнаніе Закавказья и отнесся къ вице-канцлеру князю Куракину, что кн. Григорій Дадіани за нѣкоторое про-

тивъ царя имеретинскаго покушеніе изгнанъ изъ своего владѣнія, которое якобы есть коренная область Имеретіи,—и потому ордена Дадіани не отправилъ. Дадіани обидѣлся и письмомъ къ Соколову (85) просилъ, если не хотятъ принять его въ русское подданство, то дать ему волю войти со всѣмъ семействомъ подъ протекцію Порты Оттоманской. Князь Циціановъ, принимая въ соображеніе пристань Поти, множество строеваго и корабельнаго лѣса, судоходную р. Ріонъ, а паче всего утвержденіе удобнѣйшихъ предѣловъ нашихъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря, просилъ высочайшаго соизволенія (86) принять въ покровительство сію раззоренную, но плодоносную область, чтобы потомъ не жалѣть о невозвратной ея утратѣ, если Дадіани приметъ покровительство Турціи. Изъ помѣщенныхъ въ «Актахъ Археографической Коммисіи» писемъ Дадіани къ кн. Циціанову, гдѣ Дадіани называетъ себя природнымъ рабомъ и собственнымъ сыномъ кн. Циціанова (87), видно, что безъ немедленной помощи существованіе Дадіани, какъ владѣльца, было близко къ концу. Однако, не смотря на то, что Дадіани, «безъ всякой лжи, съ нельстивою мыслью жертвовалъ головой въ покорнѣйшее рабство, присоединяя себя со всею своею землею, подъ покровительство августѣйшаго монарха россійскаго, къ владѣнію грузинскому (88), чтобы не возбудить неудовольствія Порты, необходимо было знать, какъ приметъ она намѣреніе Россіи присоединить Мингрелію. Нашему послу въ Константинополѣ поручено было заявить объ этомъ Портѣ, которая, какъ оказалось, не придавала никакого значенія владѣнію Мингреліей и выслушала заявленіе посла безъ всякаго неудовольствія (89). Тогда рѣшено было присоединить Мингрелію, и полк. Майновъ посланъ въ Одишскую провинцію для приведенія къ присягѣ на подданство Дадіани и подписи имъ просительныхъ пунктовъ о присоединеніи. 4-го декабря 1804 года Дадіани учинилъ присягу и полк. Майновъ возложилъ на него давно высланный орденъ св. Александра Невскаго, а женѣ его (2-го декабря) поднесъ соболій мѣхъ и 10 аршинъ пунцоваго бархату. За всѣ эти милости владѣтельная чета возносила усерднѣйшее благодареніе Всевышнему, упрашивая его о счастіи и благополучіи покровительствующаго монарха (90). 27-го сентября 1804 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ адмиралу де-Траверсе о перевозкѣ черезъ Черное море Бѣлевскаго егерскаго полка и полроты артиллеріи (91) для занятія Мингреліи.

Царь имеретинскій, не смотря на бѣдность и разстройство царства, все-таки имѣлъ войско и нѣкоторую силу и самостоятельность, а по своимъ связямъ съ Грузіей и сосѣдними турецкими пашами

могъ возбуждать смуты въ Закавказьѣ и недоразумѣнія съ Турціей. Поэтому присоединеніе Имеретіи требовало осторожности и бо́льшихъ усилій, чѣмъ присоединеніе Мингреліи. Слабость русскаго отряда, находившагося въ Грузіи, не допускала рѣшительныхъ мѣръ и пришлось прибѣгать къ дипломатіи. Отъ присоединенія Имеретіи Александръ I прямо отказался, но посолъ царя Соломона, князь Леонидзе, все-таки продолжалъ вести переговоры о подданствѣ, хотя русскія власти какъ будто бы занялись только однимъ вопросомъ о присоединеніи Мингреліи. Царь Соломонъ понималъ положеніе дѣлъ, понималъ необходимость добровольнаго подданства для сохраненія титула царя, который былъ бы у него отнятъ при завоеваніи Имеретіи силою оружія. Но, по азіатскому своему характеру и политикѣ, онъ не могъ прямо и честно подчиниться печальной необходимости. Умоляя о принятіи его въ рабство россійскаго императора, онъ въ то же время не пропускалъ случая заводить вредныя для Россіи интриги съ ахалцыхскимъ пашою, бѣжавшимъ царевичемъ Александромъ и его братьями,—и тѣмъ ускорилъ свой конецъ.

Наше дипломатическое вмѣшательство въ дѣла Имеретіи прежде всего выразилось въ покровительствѣ бывшему ахалцыхскому пашѣ Сабид-пашѣ, и оно было неудачно.—Сабид-паша, разбитый своимъ соперникомъ Шериф-пашою, скрылся въ Имеретію, и русское правительство, желая поддерживать безпорядки въ сосѣднихъ турецкихъ провинціяхъ, требовало отъ царя Соломона покровительства Сабид-пашѣ. Но это, конечно, не входило въ расчеты бѣглаго царевича Александра, который убѣдилъ царя Соломона убить Сабид-пашу, за что Шериф-паша уплатилъ царю Соломону 10, царевичу Александру 5, а князьямъ Церетели, Цулукидзе и Нижерадзе по два кошелька. Царицѣ же имеретинской Шериф-паша подарилъ за это убійство образъ, осыпанный драгоцѣнными камнями (92). Затѣмъ, Соломонъ сообщилъ Кноррингу (93), «что помянутый Сабид-паша кончилъ жизнь свою, не взирая на то, что намъ желательно было сохранить его здоровье и благополучіе».

Печальная участь царевича Константина, сына лишеннаго Соломономъ престола имеретинскаго царя Давида, обратила на себя вниманіе русскихъ властей, и по ходатайству матери его, царицы Анны (94), Константинъ былъ освобожденъ изъ заключенія. Принятіе бѣжавшихъ изъ Грузіи царевичей Юлона и Парнаоза, конечно, представляло уже серьезный поводъ къ наступленію на Имеретію, а затѣмъ война съ одишскимъ Дадіаномъ, у котораго Соломонъ отнялъ и не хотѣлъ возвращать весь Лечгумъ, потребовала уже непосредственнаго участія русскихъ въ дѣлахъ Имеретіи. Посылка Соколова,

Броневскаго и Литвинова указываетъ на постоянное преслѣдованіе мысли овладѣть крѣпостью Поти, теченіемъ р. Ріона и пробиться къ Черному морю. Завоеваніе здѣсь признавалось необходимымъ и причины тому выставлялись съ ясностью и очевидностью. Всѣ документы пишутся вовсе не такъ, какъ при сношеніяхъ съ грузинскими царями. Нѣтъ болѣе почвы гуманныхъ чувствъ и братской помощи единовѣрному несчастному народу: дѣло идетъ только о пользахъ и интересахъ Россіи, которымъ существованіе имеретинскаго царства и мингрельскаго владѣтельства служитъ помѣхою, каковую слѣдуетъ устранить возможно скромнымъ маneромъ, чтобы не нарушить мирныхъ отношеній съ Портою Оттоманскою. Князь Циціановъ уже прямо заявляетъ (95) «о планѣ, высочайше для его единственно свѣдѣнія пожалованномъ, о пріобрѣтеніи Имеретіи съ княжествомъ Дадіановскимъ, Мингреліею и Гуріею», а при отправкѣ Броневскаго предписывалъ ему (96) «развѣдать, не согласится ли царь Соломонъ выпускать ежегодно 5,000 штукъ строеваго корабельнаго лѣсу за умѣренную цѣну или изъ усердія». Въ запискѣ объ Имеретіи (97), представленной кн. Циціановымъ графу Воронцову, и въ представленіи кн. Циціанова (98) выставляются всѣ выгоды отъ занятія Имеретіи и Поти для торговли Россіи и для снабженія черноморскаго флота строевымъ корабельнымъ лѣсомъ. Въ рескриптѣ кн. Циціанову отъ 2-го августа 1803 года (99) императоръ Александръ, уважая представленіе его о знатныхъ выгодахъ для торговли и мореплаванія россіянъ по Черному морю, имѣющихъ воспослѣдовать отъ занятія Имеретіи, повелѣвалъ кн. Циціанову принять нужныя мѣры къ приведенію онаго въ дѣйство. Въ сентябрѣ 1803 года кн. Циціановъ ужъ доноситъ государю (100): «счастливымъ бы я почелъ себя, еслибы сей осени могъ окончить присоединеніе Имеретіи и, поставя твердую ногу на восточномъ берегу Черниго моря, могъ бы принять будущею весною россійскіе корабли въ своей уже гавани». Царь Соломонъ азіатскою своею недобросовѣстностью и хитростью ускорилъ достиженіе этого результата. Убійство Квиникидзе, посланнаго кн. Циціановымъ къ Дадіани; посылка кн. Леонидзе въ Петербургъ для договора о подданствѣ Россіи и одновременно съ тѣмъ сношеніе съ Оттоманскимъ правительствомъ о покровительствѣ Турціи — заставили покончить съ Имеретіею. 20-го апрѣля 1804 года рота егерей съ пушкою заняла имеретинскую деревню Серабай, гдѣ жители «приняли присягу на подданство съ невѣроятною радостью и безмолвнымъ повиновеніемъ» (101), чѣмъ, конечно, много облегчились переговоры съ царемъ Соломономъ объ его подданствѣ. 30-го апрѣля 1804 года, въ письмѣ къ кн. Циціанову, царь Соломонъ заявилъ свою готовность «до послѣдней капли крови

служить рабски» (102) на предложенныхъ имъ условіяхъ, прибавляя, что если кн. Циціановъ не согласится на эти условія, «то ему нѣтъ иныхъ способовъ, какъ быть во всемъ по волѣ кн. Циціанова», и потому кн. Циціановъ могъ доносить государю 25-го апрѣля, что имъ исполнено данное ему порученіе: «по присоединеніи царства имеретинскаго къ Россійской имперіи, устройствомъ сообщенія, чрезъ побережныя владѣнія Мингреліи съ Тавридой, связать весь этотъ край крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею» (103).

Пріобрѣтеніе Имеретіи не обошлось безъ расходовъ. Князь Циціановъ представилъ кн. Чарторыйскому счетъ въ 10,000 рубляхъ (104), розданныхъ разнымъ лицамъ, для склоненія царя Соломона къ уступкамъ. Въ числѣ этихъ лицъ значатся: Каіехосро Церетелли, Сехніа Цулукидзе, Отіа Цулукидзе, Давидъ Абашидзе, Бежанъ Аваловъ и Семенъ Цулукидзе.

Высочайшій рескриптъ о присоединеніи Имеретіи послѣдовалъ на имя царя Соломона 4-го іюля 1804 года (105).

Очевидно, однако, кн. Циціановъ не исполнилъ вполнѣ даннаго ему порученія: соединеніе Закавказья крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею, посредствомъ морскаго сообщенія, составляетъ еще задачу, неразрѣшенную и въ наше время. Кн. Циціановъ и самъ понималъ свое увлеченіе: для крѣпчайшаго соединенія онъ считалъ необходимымъ не только войти черезъ Мингрелію до берега Чернаго моря, но владѣть кр. Поти, Анакліею и Батумомъ, «заселеннымъ христіанами и всегда бывшимъ въ зависимости отъ Имеретіи» (106).

Первое военное русское судно, шкуна № 2, отправленная изъ Ѳеодосіи за фельдъегеремъ, прибыла къ устью р. Хопи 26-го сентября 1804 года (107), такъ какъ всѣ усилія нечаянно завладѣть крѣпостью Поти и даже получить позволеніе приходить туда судамъ съ провіантомъ—не увѣнчались успѣхомъ: турки поняли, какъ видно, значеніе закавказскихъ владѣній для Россіи. Тѣмъ не менѣе, назначенный на подкрѣпленіе войскъ въ Грузіи Бѣлевскій полкъ прибылъ морскимъ путемъ на военныхъ корабляхъ «Михаилъ», «Исидоръ», «Толгской Богоматери»; артиллерія была нагружена на бригѣ «Александръ». Первые два корабля въ октябрѣ благополучно выгрузили войска въ устьѣ р. Хопи (108). Какъ была удобна здѣсь гавань, можно судить по тому, что двѣ роты Бѣлевскаго полка, отправленныя на «Толгской Богоматери», ходили въ морѣ съ 1-го октября по 2-е декабря (109), и когда, наконецъ, могли начать выгрузку, то здоровыхъ людей оказалось только 40 человѣкъ; столько же умерло. Наконецъ, «Толгская Богоматерь» и бригъ «Александръ», не успѣвъ выгрузить всего груза, отъ усилившагося западнаго вѣтра и зыби, 8-го декабря потерпѣли крушеніе на рейдѣ, при чемъ погибли: кап.-

лейтенантъ Влито, капитанъ 1-го ранга Шостакъ, кап.-лейтенантъ Паніоти и лейтенантъ Студенцовъ; матросовъ погибло 168 человѣкъ (110).

Съ прибытіемъ военныхъ судовъ къ Хопи и вступленіемъ нашихъ войскъ въ Мингрелію и Имеретію началось фактическое владѣніе этими областями, хотя окончательное упраздненіе всѣхъ владѣтельскихъ правъ произошло недавно, именно съ добровольнымъ отказомъ отъ нихъ послѣдняго наслѣдника владѣнія мингрельскаго, нынѣшняго князя мингрельскаго Николая Дадіани. Упраздненіе независимости этихъ владѣній было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ присоединенія Грузіи—во имя блага ея обитателей, которое не могло быть достигнуто иначе, какъ расходомъ русскихъ денегъ и войскъ. Этотъ тяжелый расходъ могъ быть оправданъ только какими нибудь государственными выгодами, которыхъ владѣніе Грузіею не доставляло Россіи. И вотъ потому-то, чтобы Россійской имперіи получить не гадательную, а существенную пользу и возвращеніе издержекъ, на Грузію чинимыхъ, ожидать (111), потребовалось присоединеніе всѣхъ земель, лежащихъ между Грузіею и Чернымъ моремъ. «Польза отъ такого пріобрѣтенія для Россійской имперіи,—писалъ кн. Циціановъ государю 27-го іюня 1803 года (112),—хотя дальновидна, но ощутительна; пристань Поти долженствуетъ неминуемо принадлежать Россіи или быть открытою для нашей торговли. Рѣка Ріонъ, судоходная почти до Кутаиса, и коей берега покрыты всякаго рода строевымъ корабельнымъ лѣсомъ,– для первоначальнаго открытія древняго портоваго пути сего, варварствомъ временъ и народовъ истребленнаго, — доставитъ россійскимъ промышленникамъ богатую отрасль торговли строевымъ лѣсомъ и внесетъ изобиліе въ черноморскіе наши порты, которые, вслѣдствіе приращенія сихъ новыхъ способовъ, неминуемо усугубятъ россійское мореплаваніе».

Такимъ образомъ, во всѣхъ документахъ, касающихся обстоятельствъ, предшествовавшихъ присоединенію Имеретіи и Мингреліи, мы видимъ ясно-формулируемыя задачи, непосредственно удовлетворяющія интересамъ Россіи настоящимъ или будущимъ; видимъ необходимость завладѣть этими областями, сознаваемую всѣми властями, и систематическій рядъ дипломатическихъ и военныхъ мѣръ, доказывающій постоянное стремленіе присоединить Имеретію и Мингрелію къ Россіи. Сравнивая документы, предшествовавшіе присоединенію Грузіи, съ документами, относящимися до присоединенія Имеретіи и Мингреліи,—мы увидимъ въ первыхъ совершенное отсутствіе политическихъ и экономическихъ задачъ, которымъ могло бы удовлетворять присоединеніе Грузіи. Присоединеніе это скорѣе можно считать ошибкою, увлеченіемъ гуманными идеями, но отнюдь не захва-

томъ, завоеваніемъ. Но если это и можно считать ошибкою, то ошибка эта была неизбѣжна въ силу историческихъ условій: полное разложеніе государственнаго строя Грузіи и остальныхъ христіанскихъ владѣній за Кавказомъ требовало перехода Россіи за Кавказскій хребетъ, для охраненія христіанской цивилизаціи отъ мусульманскаго варварства,—и Россія перешла черезъ Кавказскія горы противъ желанія своего царственнаго руководителя и въ явное для себя раззореніе. Но какъ только это совершилось,—тотчасъ же явилась необходимость выйти изъ такого неестественнаго положенія. Выходъ представлялся одинъ: надо было достигнуть такихъ результатовъ, которые не ставили бы покровительствующую державу, Россію, въ положеніе вѣчнаго даннаго покровительствуемой ею Грузіи. Отсюда—стремленіе пробиться къ Черному и Каспійскому морямъ, чтобы вознаградить Россію, хотя косвенно, развитіемъ торговли съ тѣми областями, для которыхъ ей приходилось тратить свои кровныя средства. Покореніе Мингреліи и Имеретіи, создавая связь Закавказья морскимъ путемъ съ Тавридой или вообще съ южною Россіей,—составляетъ первую поправку присоединенія Грузіи. Покореніе мелкихъ ханствъ къ сторонѣ Каспійскаго моря—вторую, а послѣ этихъ двухъ поправокъ Россія, за понесенныя ею жертвы на военныя дѣйствія и на водвореніе цивилизаціи за Кавказомъ,—имѣетъ полную возможность вознаградить себя посредствомъ широкаго развитія производительности этихъ областей въ интересахъ фиска и процвѣтанія русской промышленности и торговли. Но этотъ результатъ пока еще есть дѣло будущаго.

Разбирая, наконецъ, вопросъ о присоединеніи Грузіи съ узкой, военной точки зрѣнія, необходимо признать, что Грузія не присоединена, а завоевана русскими войсками. Спокойствіе, безопасность жителей и ихъ имущества, въ каждой изъ настоящихъ областей Грузіи, въ каждомъ городѣ, начиная съ Тифлиса, и почти въ каждой деревнѣ—достигнуты военными дѣйствіями нашихъ войскъ противъ бунтовавшихъ царевичей, князей и внѣшнихъ непріятелей, сосѣдей Грузіи. Но тѣмъ не менѣе это было сдѣлано безъ всякаго предварительнаго плана, даже безъ всякой предвзятой мысли покорить единовѣрный, дружественный намъ народъ и завладѣть землею, на которой онъ разселился и которая намъ была не нужна. Въ этомъ непримиримомъ противорѣчіи добровольнаго поступленія въ подданство и фактическаго завоеванія страны, по нашему мнѣнію, заключается прямое и лучшее доказательство, что присоединеніе Грузіи произошли исторически, т. е. минуя всѣ расчеты и соображенія дѣятелей, принимавшихъ участіе въ совершеніи этого историческаго явленія.

Ад. П. Берже.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ I ГЛАВѢ.

1. Акты Археографической Коммисіи, томъ I. Тифлисъ, 1866 г., стр. 93, документъ № 1.

2. Ib., документъ № 79, стр. 155. «Конечное нашихъ разговоровъ было,—пишетъ генералъ Лазаревъ,—что его высочеству очень желательно установить свое войско по примѣру нашего. Я изъявилъ мою признательность къ столь доброму намѣренію его высочества и вмѣстѣ не упустилъ донесть, что всякое доброе намѣреніе въ единомъ токмо успѣхѣ похвально».

3. Ib., документъ № 12, стр. 103.

4. Ib., письмо ген. Кнорринга въ сентябрѣ 1800 г., № 66.

5. Ib., письмо царя Георгія къ ген. Кноррингу, №№ 61 и 64.

6. Ib., замѣчанія ген. Лазарева о Грузіи, № 129.

7. Ib., предписаніе ген. Кнорринга ген. Лазареву, отъ 9-го сентября 1800 г., № 73.

8. Тамъ же.

9. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 25-го сентября 1800 г., № 79, стр. 155.

10. Ib., донесеніе Коваленскаго генералу Кноррингу, отъ 2-го декабря 1799 г., № 6.

11. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 22-го іюня 1880 г., № 21; рескриптъ ген. Кноррингу, № 22, и всеподданнѣйшій рапортъ генерала Кнорринга, отъ 23-го іюля, № 23.

12. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 4-го октября 1800 г., № 82.

13. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 4-го августа 1880 г., № 35.

14. Акты Археографической Коммисіи, т. II. Тифлисъ, 1868 г. Секретное донесеніе к. с. Соколова гр. Воронцову 1802 г., № 3.

Считаемъ кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о Соколовѣ.

Александръ Егоровичъ Соколовъ, сынъ статскаго совѣтника, родился въ 1780 г. и, имѣя 13 лѣтъ отъ роду, былъ зачисленъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ каптенармусомъ; въ 1796 г. онъ былъ уволенъ изъ военной службы съ чиномъ капитана и вслѣдъ затѣмъ опредѣлился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1798 г. былъ посланъ на островъ Мальту и находился въ дѣйствіяхъ нашей арміи при Александріи, Тортонѣ и Нови. Въ 1802 г. его отправили въ Грузію и Имеретію для освобожденія царевича Константина, сына царя Давида, изъ заточенія у его дяди, царя Соломона II; для узнанія настроенія духа и расположенія кавказскихъ народовъ къ Россіи и, наконецъ, для поддержанія патріарха Даніила противъ Давида, утвержденнаго въ этомъ санѣ Портою Оттоманскою.

При князѣ Циціановѣ (1802—1806) Соколовъ былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ службу.

Въ 1806 году его произвели въ статскіе совѣтники и прикомандировали для занятій по дипломатической части къ генералъ-отъ-кавалеріи Михельсону, командовавшему нашею арміей въ Молдавіи и Валахіи. Тамъ онъ оставался до 1808 года. Въ 1816 г. онъ, въ качествѣ совѣтника, былъ назначенъ сопровождать А. П. Ермолова въ Персію, а въ 1819 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ.

15. Тамъ же.

16. Томъ I. Документъ № 29.

17. Томъ II. Документъ № 8.

18. Тамъ же.

19. Ib., представленіе кн. Циціанова гр. Кочубею, отъ 27-го февраля 1803 г., документъ № 27.

20. Тамъ же.

21. Тамъ же.

22. Ib., секретная записка Соколова подъ № 8.

23. Ib., рапортъ полк. Чернова кн. Циціанову, отъ 12-го февраля 1803 г., подъ № 21.

24. Томъ I. Документъ отъ 28-го ноября 1802 г., подъ № 608.

25. Томъ II. Отношеніе кн. Циціанова къ гр. Кочубею, отъ февраля 1803 г., подъ № 27.

26. Ib., секретная записка Соколова подъ № 8.

27. Ib., документъ подъ № 1.

28. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Цицiанова 9-го февраля 1803 г., подъ № 14.

29. Ib., представленіе кн. Цицiанова министру внутреннихъ дѣлъ 10-го февраля 1803 г., подъ № 19.

30. Ib., предложеніе кн. Цицiанова дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому, 10-го февраля 1803 г., подъ № 20.

31. Тамъ же.

32. Ib. Всѣ жалобы и сплетни Коваленскаго, по высочайшему повелѣнію, были препровождены къ кн. Цицiанову при рескриптѣ 31-го марта 1803 г. См. документъ № 32.

33. Ib., высочайшій рескриптъ ген.-л. Шепелеву, отъ 31-го марта 1803 г., подъ № 34.

34. Ib., документъ подъ № 47.

35. Томъ I. Донесенія 2-го декабря 1799 г., №№ 6, 8 и 9.

36. Ib., документъ подъ № 41.

37. Ib., письмо г. Лазарева къ ген. Кноррингу, 22-го декабря 1799 г. подъ № 10.

38. Тамъ же.

39. Ib., письмо ген. Лазарева къ Кноррингу, подъ № 16.

40—42. Ib., документъ подъ № 9.

43. Ib., письмо Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 19-го августа 1800 г., подъ № 53.

44. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 20-го августа 1800 г., подъ № 54.

45. Ib., Записки Коваленскаго о Грузіи, подъ № 34, стр. 115.

46. Ib., рескриптъ императора Павла, подъ № 22.

47. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга 23-го іюля 1800 г., подъ № 23.

48. Ib., письмо Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 3-го августа 1800 г., подъ № 33.

49. Ib., отношеніе Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 6-го августа 1800 г., подъ № 37.

50. Ib., письмо Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 6-го августа 1800 г., подъ № 41.

51. Ib., отношеніе Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 13-го августа 1800 г., подъ № 47.

52. Тамъ же, стр. 135.

53. Ib., отношеніе Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 14-го августа 1800 г., подъ № 48.

54. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 4-го августа 1800 г., подъ № 5.

55. Ib., письмо ген. Кнорринга къ царю Георгію въ сентябрѣ 1800 г., подъ № 66.

56. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 4-го августа 1800 г., подъ № 35.

57. Ib., документъ № 423.

58. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 14-го ноября 1800 г., подъ № 111.

59. Ib., письмо царицы Маріи къ ген. Кноррингу, отъ 11-го ноября 1801 г., подъ № 183.

60. Ib., рапорты Коваленскаго 12-го августа 1802 г., подъ № 496, 15-го ноября 1802 г., подъ №№ 510 и 511.

61. Томъ II. Представленіе кн. Циціанова гр. Кочубею отъ 27-го февраля 1803 г., подъ № 27; письмо Соколова къ кн. Воронцову, отъ 1-го ноября 1802 г., подъ № 6; рескриптъ кн. Циціанову 31-го марта 1803 г., подъ № 32, гдѣ сказано: «князю Гарсевану Чавчавадзе изъявите сожалѣніе мое о случившихся съ нимъ непріятностяхъ и увѣрьте его, что я въ вѣрности его никогда сумнѣнія не имѣлъ».

62. Томъ I. Письма Коваленскаго къ ген. Кноррингу отъ 23-го и 24-го декабря 1799 г., подъ №№ 12, 13 и 14.

63. Ib., то же, подъ № 41.

64. Томъ II. Записка Соколова, подъ № 8.

65. Томъ I. Рапортъ генерала Лазарева ген. Кноррингу, отъ 25-го сентября 1800 г., подъ № 79.

66 Томъ II. Предписаніе отъ 18-го апрѣля 1803 г., подъ № 187.

67. Ib., всеподданнѣйшее донесеніе кн. Циціанова, отъ 20-го апрѣля 1803 г., подъ № 192.—Подробности о смерти ген. Лазарева въ рапортѣ маіора кн. Саакадзе, отъ 22-го апрѣля 1803 г., подъ № 196.

68. Ib., представленіе кн. Циціанова гр. Кочубею, отъ 27-го апрѣля 1803 г., подъ № 199.

69. Ib., дополненія къ I тому Актовъ, документъ № 24, стр. 1147.

70. Томъ I. Рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 28-го декабря 1800 г., подъ № 137.

71. Ib., рапортъ ген. Лазарева, отъ 18-го февраля 1801 г., подъ № 528.

72. Ib., документъ подъ № 522.

73. Ib., документъ подъ № 529.

74. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 8-го апрѣля 1801 г., подъ № 533.

75. Ib., документъ подъ № 534.

76. Ib., документъ подъ № 543, стр. 425—431.

77. Ib., документъ подъ № 547.

78. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 3-го октября 1802 г., подъ № 508.

79. Ib., высочайшій рескриптъ 17-го сентября 1801 г., подъ № 709, и письмо ген. Кнорринга къ царю Соломону, отъ 28-го января 1802 г., подъ № 717.

80. Ib., документъ подъ № 548.

81. Ib., то же, стр. 436.

82. Томъ II. Рапортъ Литвинова кн. Циціанову, отъ 12-го ноября 1804 г. подъ № 951.

83. Ib., Литвинова Описаніе Имеретіи и Мингреліи, подъ № 803.

84. Ib., письмо ген. Кнорринга къ кн. Циціанову, отъ 4-го декабря 1802 г., подъ № 898.

85. Ib., письмо Григорія Дадіани къ Соколову, отъ 20-го декабря 1802 г., подъ № 899.

86. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 17-го марта 1803 г., подъ № 900.

87. Ib., письмо Дадіани къ кн. Циціанову, отъ 6-го іюня 1803 г., подъ № 902.

88. Ib., письмо Дадіани къ Соколову, подъ № 899.

89. Ib., письмо Италинскаго къ кн. Циціанову, отъ 3-го сентября 1803 г., подъ № 909.

90. Ib., рапортъ полк. Майнова, отъ 4-го января 1804 г., подъ № 913.

91. Ib., документъ подъ № 935.

92. Томъ I. Рапорты ген. Лазарева, отъ 14-го февраля и 9-го марта 1802 г., подъ №№ 719 и 722.

93. Ib., письмо царя Соломона къ ген. Кноррингу, отъ 17-го марта 1802 г., подъ № 724.

94. Ib., всеподданнѣйшее письмо царицы Анны, подъ № 703.

95. Томъ II. Письмо кн. Циціанова къ Италинскому, отъ 26-го февраля 1803 г., подъ № 688.

96. Ib., предписаніе надв. сов. Броневскому, отъ 30-го апрѣля 1803 г., подъ № 699.

97. Ib., документъ подъ № 701.

98. Ib., всеподданнѣйшее представленіе кн. Циціанова, отъ 27-го іюня 1803 г., подъ № 703.

99. Ib., высочайшій рескриптъ 2-го августа 1803 г., подъ № 705.

100. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 12-го сентября 1803 г., подъ № 714.

101. Ib., то же, отъ 25-го апрѣля 1804 г., подъ № 748.

102. Ib., письмо царя Соломона къ ген. Циціанову, отъ 30-го апрѣля 1804 г., подъ № 752.

103. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 25-го апрѣля 1804 г., подъ № 748.

104. Ib., отношеніе кн. Циціанова къ кн. Чарторыйскому, отъ 25-го апрѣля 1804 г., № 2023.

105. Ib., документъ подъ 780.

106. Ib., письмо кн. Циціанова къ Италинскому, отъ 26-го апрѣля 1804 г., подъ № 750.

107. Ib., рапортъ Литвинова кн. Циціанову, отъ 30-го сентября 1804 г., подъ № 790.

108. Ib., то же, отъ 16-го октября 1804 г., подъ № 800.

109. Ib., то же, отъ 8-го декабря 1804 г., подъ № 817.

110. Ib., то же, отъ 23-го декабря 1804 г., подъ № 922.

111. Ib., отношеніе кн. Циціанова къ кн. Чарторыйскому, отъ 25-го апрѣля 1804 г., подъ № 922.

112. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 27-го іюня 1803 г., подъ № 703.

Ад. П. Берже.

Тифлисъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18 февраля 1877 г.

Глава VII-я [1]).

О разбояхъ и воровствахъ, которые происходили въ XVIII и XIX столѣтіяхъ близъ Тумы и въ другихъ недалекихъ отъ нея мѣстахъ.

Мы, учившіеся чему либо происхожденцы изъ Тумы, любили, бывало, отыскивать этимологическое значеніе этого названія и находили, что въ русскомъ языкѣ только и есть одно слово тумакъ, которое можетъ имѣть одинъ и тотъ же этимологическій корень съ Тумою. Тумакомъ обыкновенно назывался сильнѣйшій ударъ, который могъ наносить одинъ человѣкъ другому; дать тумака почти то же значитъ, что убить до смерти. Не знаю, которое изъ двухъ словъ—Тума или тумакъ—надобно признать одно кореннымъ, а другое производнымъ, или они оба имѣютъ общій имъ корень въ языкѣ какого либо стариннаго финскаго племени; но надобно сознаться, что, не задолго до моего рожденія, Тума и тумакъ имѣли болѣе нежели одно этимологическое сходство. Уже въ царствованіе Екатерины II-й Тума была, по народному выраженію, разбойничьимъ селомъ, или по крайней мѣрѣ притономъ для разбойниковъ. Отъ моего дѣдушки Мартына я много разъ слышалъ, что разбойники, промышлявшіе около Тумы или въ ней самой, бо̀льшею частью принадлежали по своему происхожденію къ мѣстному духовенству. При Екатеринѣ многіе цер-

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704.

ковники, именно взрослыя дѣти духовенства, нигдѣ не учившіяся, никуда не приписанныя, должны были поступать въ военное званіе. Оно имъ не понравилось; надобно же было гдѣ либо привитать и чѣмъ либо промышлять. Въ Тумѣ были ихъ родные, знакомые, даже отцы и братья; село стояло на проѣзжей дорогѣ, была хорошая и пожива,—зачѣмъ же искать другаго пристанища? Сначала, можетъ быть, они открыто жили въ домахъ, но когда полиція стала ихъ преслѣдовать, то надобно было скрываться въ подпольяхъ, овинахъ, погребахъ, на сѣнникахъ и пр., или даже вырывать землянки въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Между добрыми молодцами, происходившими изъ духовнаго званія и занимавшимися около Тумы разбоемъ, былъ даже нашъ родственникъ Кузьма Михайловичъ, родной братъ Авдотьи Михайловны—матери дѣдушки Мартына. Когда, при Екатеринѣ II, было предписано всѣхъ безмѣстныхъ церковниковъ завербовать въ солдаты, то Кузьма Михайловичъ бѣжалъ съ какими-то Иваномъ Григорьевымъ и Самойлою; всѣ они бродили около Тумы по лѣсамъ и занимались надзоромъ надъ большою дорогою и чужими амбарами и кладовыми. У моего родственничка былъ злой врагъ Алексѣй—отецъ Паралинскаго дьякона Ѳедота, грозившій непремѣнно поймать его. Кузьма Михайловичъ струсилъ и, оставивъ товарища, бѣжалъ въ Саратовъ подъ именемъ мѣщанина Петра Кондратьева. Имѣя хорошій голосъ, онъ взятъ былъ въ архіерейскій хоръ, потомъ сдѣланъ дьякономъ, и наконецъ священникомъ. Будучи дьякономъ, онъ пріѣжалъ въ село Шеянки, гдѣ еще живъ былъ отецъ его, священникъ Михаилъ, и тутъ же жили его жена съ дочерью. Пріѣздъ былъ, разумѣется, секретный, ночью. Прабабушка моя Авдотья Михайловна, первая услышавши стукъ, имѣла переговоры съ братомъ, сказала отцу; этотъ всталъ, велѣлъ впустить сына, который и прожилъ двое сутокъ у него. Послѣ Кузьма съѣздилъ въ село Прудки къ отцу жены своей, которая въ то время гостила тамъ, и увезъ ее съ дочерью въ Саратовъ. У нея было три сына, одинъ дьякономъ, другой священникомъ въ Саратовской губерніи, и третій въ Астрахани чиновникомъ. Отъ послѣдняго дядюшка Иванъ Мартыновичъ въ сороковыхъ годахъ получилъ поклонъ чрезъ своихъ прихожанъ—плотниковъ деревни Панцыровой. Но и дѣдушка Мартынъ, когда

мы уже жили въ Тумѣ, имѣлъ переписку съ Кузьмою Михайловичемъ.

Впрочемъ, надобно правду сказать, что между духовенствомъ дѣдушкинаго и послѣдующихъ даже временъ многіе не отличались духомъ кротости и смиренія, прибѣгали для поддержанія своихъ требованій не только къ кулачному, но и къ дубинному и ножовому праву, или, по крайней мѣрѣ, любили водить хлѣбъ-соль съ ворами и разбойниками. Покойный дѣдушка самъ разсказывалъ, что при Екатеринѣ II въ селѣ Екшурѣ, верстахъ въ 25-ти отъ Тумы, наказывали кнутомъ тамошняго священника, за такъ называемое пристанодержательство; но было подозрѣніе, что онъ даже и самъ участвовалъ въ воровствѣ и разбояхъ. Смѣшно было слушать, да и самъ дѣдушка улыбался, разсказывая, что почтенный іерей, или уже эксъ-іерей, котораго спина была исполосована кнутомъ, немного отдохнувши и собравшись съ духомъ, вступилъ въ разговоръ съ знакомыми духовными и съ бывшими своими прихожанами. И когда тѣ и другіе, поговоривши, прощались съ нимъ, то онъ никакъ еще не хотѣлъ счесть себя каторжникомъ, а продолжалъ разыгрывать роль священника. Отъ священниковъ не принималъ благословенія, а цѣловался съ ними какъ съ равными, произнося даже слова: Христосъ посреди насъ. Всѣмъ же прочимъ говорилъ: „Ну, прощай, прощай,—да что же ты не просишь у меня благословенія?“ И благословлялъ тѣхъ, которые протягивали ему руку, а потомъ свою давалъ имъ для лобзанія.

Въ селѣ Архангельскомъ, Егорьевскаго уѣзда, уже въ 1809 г. было трагическое событіе. Тамъ священствовалъ отецъ моей матушки Никита. Онъ былъ человѣкомъ добрымъ и уживчивымъ, любимъ своими прихожанами, и во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ забіякамъ. Но вмѣстѣ съ нимъ служилъ дьяконъ (имя его уже я забылъ), отличавшійся буйнымъ характеромъ и умѣвшій передать свои разбойничьи ухватки потомству своему. Въ одинъ праздничный день въ сентябрѣ 1809 г., отецъ Никита сидѣлъ у своего окна вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сельчанъ. Въ это время сестра дьякона, немолодая уже особа, разыгравшись, принялась плясать и припѣвать разныя разности,—вообще повела себя не очень благопристойно. Когда она выдѣлывала свои залихватскія па передъ дѣдушкою, то старикъ сказалъ ей: „Что ты, дура?

съума что-ли сходишь? Вотъ тебя бы палкою хорошенько",—и дѣйствительно слегка ударилъ ее бывшимъ у него въ рукахъ посошкомъ. Дьяконова сестра, обидѣвшись и выговоромъ и ударомъ, закричала и побѣжала жаловаться любезному братцу. Этотъ не долго думалъ, схватилъ въ руки одинъ изъ такъ называемыхъ крюковъ, на которыхъ обыкновенно укрѣпляются кровли избъ, навѣсовъ, сараевъ и пр., т. е. застрехи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дрань однимъ концомъ своимъ въ нихъ вкладывается. Такіе крюки обыкновенно бывали длиною въ сажень и болѣе, толщиною до 3—4 квадратныхъ вершковъ, и оканчивались загнутымъ такъ называемымъ корнемъ дерева. Вооруженный такимъ-то крюкомъ, дьяконъ, подбѣжавши къ дѣдушкѣ, закричалъ: „ты, шелыганъ (ругательное слово для священниковъ), за что ударилъ мою сестру?" Дѣдушка, хотя и зналъ бѣшеный характеръ дьякона, никакъ не думалъ, чтобы онъ пустилъ въ дѣло крюкъ, которымъ можно было убить медвѣдя; онъ отвѣчалъ дьякону: „Что ты сестры своей не учишь? Смотри-ка, вздумала здѣсь плясать и безобразничать!"— „Ахъ ты, шелыганъ! какъ ты смѣешь это говорить? Вотъ я самъ поучу тебя!"—и затѣмъ ударилъ дѣдушку крюкомъ по виску. Дѣдушка обезпамятѣлъ и въ ту же ночь умеръ. Отецъ дьяконъ сначала убѣжалъ было въ сосѣдній лѣсъ, но потомъ самъ явился и, разумѣется, сосланъ былъ въ Сибирь.

Теперь не угодно-ли посмотрѣть, какіе, въ описываемое мною время, бывали причетники. Выбираю я пономаря села Тумы Николаевской, Андрея Андреевича—дѣда того тумскаго священника Никифора Миронова, за которымъ была въ замужствѣ моя тетка Анна Мартыновна. Почтенный Андрей Андреевичъ былъ грозою, или, лучше, тираномъ своего семейства, бивалъ свою жену и двухъ сыновей чѣмъ ни попало; трудно было даже въ то время отыскать крестьянина, который бы безчеловѣчнѣе его обращался съ своими семейными, но доставалось отъ него и лицамъ не принадлежавшимъ къ его семейству. Разскажу нѣсколько его подвиговъ. Жена его, находясь подъ его желѣзною рукою, была тише воды, ниже травы, переносила всѣ его побои плетью, возжами, полѣньями, коломъ и пр., и все-таки не нравилась. Кажется, почтенный причетникъ имѣлъ въ виду жениться на другой, помоложе. Но старуха, не смотря на всѣ побои, жила. Андрей Андреевичъ рѣшился доканать ее. Однажды въ рабочую пору слѣдовало метать большой

стогъ сѣна; Андрей Андреевичъ былъ очень ласковъ къ женѣ и велѣлъ ей стать на стогъ, а самъ подавалъ сѣно вилами. Когда дѣло подходило къ концу, онъ отослалъ на другую работу своихъ дѣтей и остался одинъ съ женою. Стогъ конченъ, надобно было женѣ спуститься съ него на землю. Для этого обыкновенно перекидывали чрезъ стогъ длинную веревку, одинъ конецъ которой лицо, стоявшее на стогу, брало въ руки, а за средину брался здоровый мужчина и постепенно спускалъ стогометателя на землю. Веревка перекинута, жена взялась за ея конецъ и сказала: держи же, Андрей Андреевичъ!—Держу,—отвѣчалъ онъ. Но едва жена стала спускаться, супругъ выпустилъ веревку изъ своихъ рукъ; жена упала на землю съ высоты болѣе нежели двухъ саженей; а онъ, взявши вилы и грабли, отправился домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Несчастная не могла приподняться съ мѣста, даже ползти на четверенькахъ. Дѣти спрашивали отца: гдѣ матушка?—А я почемъ знаю?—отвѣчалъ супругъ. Наконецъ, дѣтямъ вздумалось самимъ отправиться къ стогу, и оттуда при помощи сосѣдей донесли домой изувѣченную.—Еще прежде этого событія, Андрей Андреевичъ рѣшился сшить себѣ свиту, пригласилъ портнаго и далъ ему кусокъ домашняго сукна, аршинъ въ 35. Портной, снявъ мѣрку, шутя спросилъ: „А что, Андрей Андреевичъ, оставить тебѣ сукна отъ свиты на шапочку?“ (для свиты нужно было аршинъ 15—18) и получилъ въ отвѣтъ: какъ знаешь, это твое дѣло.—Андрею Андреевичу куда-то нужно было уѣхать; портной принялся за шитье свиты безъ него. Не знаю, почему ему вздумалось подшутить надъ Андреемъ Андреевичемъ, только онъ употребилъ на свиту всѣ 35 аршинъ, и, дѣйствительно, развѣ оставилъ только что нибудь на шапочку; свита вышла огромная, и Голіафъ для нея не годился бы; портной постарался убраться домой. Возвратившійся домой, Андрей Андреевичъ, осмотрѣвши свиту, счелъ за нужное сначала наказать своихъ домашнихъ—жену и двухъ сыновей, одѣлъ ихъ всѣхъ въ свиту, или, правильнѣе, окуталъ ею, и завязалъ такъ, что имъ нельзя было вырваться изъ нея; потомъ толстыми возжами началъ ихъ бить гдѣ и какъ ни попало. Но чтобы удары не падали на одного кого нибудь, онъ поворачивалъ связанныхъ то такъ, то иначе; натѣшившись сколько душѣ угодно, онъ ихъ выпустилъ избитыми; сукно не могло защитить ихъ отъ ударовъ. Но главный виновникъ—портной еще

не былъ наказанъ и, зная характеръ Андрея Андреевича, не являлся за деньгами. Андрей Андреевичъ, встрѣчаясь съ нимъ на базарѣ, дружелюбно съ нимъ разговаривалъ и прибавлялъ: „Что же ты нейдешь ко мнѣ за деньгами? да и бражки мы съ тобою выпили бы". Портной долго былъ на-сторожѣ, но, обманутый дружелюбіемъ Андрея Андреевича, какъ-то соблазнился и отправился къ нему въ домъ. Хозяинъ дѣйствительно велѣлъ принести ендову браги. „Ну, пей",—сказалъ гостю; этотъ выпилъ; затѣмъ хозяинъ наливаетъ другой ковшъ и говоритъ: пей!—Да ты самъ выкушай,—отвѣчалъ портной. „А тебѣ что за дѣло до меня?"—началъ горячиться хозяинъ;—пей, говорю". Выпилъ, но явился третій ковшъ; портной опять заикнулся что-то сказать.—„Ахъ, ты мошенникъ,—закричалъ Андрей Андреевичъ;—я давно до тебя добираюсь; помнишь свиту, я еще за шитье я не платилъ". Затѣмъ вскочилъ и пошелъ въ чуланъ за орудіемъ предстоявшей экзекуціи. Портной воспользовался этимъ временемъ и давай Богъ ноги,—убрался изъ избы, и выбѣжалъ на дворъ. Но ворота были уже заперты, да и Андрей Андреевичъ преслѣдовалъ по пятамъ, съ коломъ въ рукахъ, и началъ имъ угощать милаго гостя. Послѣднему какъ-то удалось найти лазейку и выскочить на улицу. Андрей Андреевичъ поскорѣе ворота отперъ и пустился за своимъ гостемъ съ коломъ. Не смотря на базарный день, никто не рѣшился останавливать преслѣдователя. Но преслѣдуемый успѣлъ кое-какъ выбраться изъ села и по полю бросился спасаться къ лѣсу; будучи много помоложе Андрея Андреевича, онъ сталъ болѣе и болѣе увеличивать разстояніе, их раздѣлявшее. Преслѣдователь понялъ, что ему не догнать преслѣдуемаго, и рѣшился возвратиться назадъ. Между тѣмъ, множество народа, увлеченное любопытствомъ, вышло въ поле, чтобы слѣдить за борьбою. Андрей Андреевичъ, увидавши огромную толпу, рѣшился сорвать свою досаду на ней и бросился къ ней съ коломъ. Толпа перепугалась и стала искать спасенія въ бѣгствѣ. Преслѣдователь пустилъ въ ходъ свой колъ, поднялся шумъ, крикъ, произошло волненіе на самомъ базарѣ; кричали: бѣгите, бѣгите! Андрей Андреевичъ всѣхъ бьетъ! Суматоха сдѣлалась ужасная; чуть не весь базаръ переполошился; кто бѣжалъ на дворы, кто прятался за воза; наконецъ, Андрей Андреевичъ, видя всеобщее смятеніе и наведенный на всѣхъ страхъ, поуспокоился и отправился домой. Этотъ герой не лю-

билъ потакать своимъ сослуживцамъ—другимъ причетникамъ, дьяконамъ и даже священникамъ. О красныхъ и крѣпкихъ словцахъ нечего и говорить: ими онъ украшалъ свои рѣчи, находясь даже въ счастливомъ расположенiи духа; но если онъ считалъ себя обиженнымъ, то пускалъ въ ходъ и свои кулаки. Его всѣ боялись. И странно, этотъ человѣкъ, грозный для всѣхъ своихъ односельчанъ и прихожанъ, умеръ отъ суевѣрной трусости. Однажды ему ночью, какъ говорится, почудилось, что священникъ подъ окномъ зоветъ его въ церковь служить заутреню. Андрей Андреевичъ пошелъ, священника тамъ не засталъ, потому что священникъ и не выходилъ изъ своего дома. Только чрезъ нѣсколько времени Андрей Андреевичъ прибѣжалъ домой, залѣзъ на печь и застоналъ. Ему у церкви представилось какое-то видѣнiе, которое такъ испугало его, что по возвращенiи домой онъ тотчасъ же заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

Описанныя мною три духовныхъ лица жили на небольшомъ разстоянiи другъ отъ друга, не болѣе 35—40 верстъ. Для такого пространства очень достаточно трехъ такихъ своеобразныхъ буяновъ. Но смѣю доложить, что въ томъ же пространствѣ или въ ближайшихъ окрестностяхъ было очень много въ духовенствѣ людей, которыхъ вовсе нельзя считать образцово-нравственными; о нихъ я коротенько скажу. Пименъ—дьячокъ или дьяконъ (не упомню) тумскiй—сосланъ былъ въ Сибирь за свои преступленiя; его домъ по переѣздѣ нашемъ въ Туму оставался еще цѣлымъ, хотя его никто не занималъ и онъ разрушался, никѣмъ не поддерживаемый; сынъ Пимена, дьяконъ, имѣлъ особый домъ. Дьяконъ села Пещуры, тоже Пименъ, около 1825 года уголовною палатою назначенъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но оставленъ былъ на попеченiи своихъ родныхъ по причинѣ преклонной своей старости; это былъ господинъ въ родѣ Андрея Андреевича, и занимался пристанодержательствомъ, да и самъ охотникъ былъ поприбрать къ рукамъ чужую собственность. Въ сосѣднемъ съ Тумою селѣ Биреневѣ былъ притонъ воровъ и мошенниковъ; и въ покровительствѣ и въ укрывательствѣ ихъ справедливо обвиняли чуть не все тамошнее духовенство, особенно же священника Алексѣя, котораго называли долгимъ попомъ; у него было подъ избою большое подполье, гдѣ скрывались и воры и краденныя ими вещи. Дьяконъ села Прудковъ Василiй Васильевъ

сосланъ былъ за воровство въ Сибирь во время моего дѣтства; то же случилось съ дьячкомъ села Нирмы, который вмѣстѣ съ крестьяниномъ обокралъ свою церковь,—о немъ еще я буду говорить. Не стану перечислять другихъ; но и по представленнымъ мною образцамъ читатель можетъ догадаться о томъ, какая нравственность была въ духовныхъ лицахъ въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтій! Надобно-ли послѣ этого удивляться, что ихъ родные,—не попавшіе въ духовное званіе, разумѣется, не за свои добродѣтели,—сдѣлались способными быть ужъ открытыми ворами и разбойниками?

Но какъ бы ни произошли тумскія разбойническія шайки, только члены ихъ были довольно многочисленны и дерзки въ то время, какъ мой дѣдушка поступилъ священникомъ въ Туму. Домъ себѣ онъ выстроилъ на самомъ краю села. Ночью весьма нерѣдко раздавался стукъ у уличныхъ оконъ. Кто это?—спрашивалъ бывало дѣдушка, не выглядывая въ окошко.—Я, или мы,—отвѣчали разбойники.—Что вамъ нужно?—вновь спрашивалъ дѣдушка.—„Давай, молодой попъ, хлѣба или чего либо другаго; у насъ недостало". И дѣлать нечего, съ должными предосторожностями подавали посѣтителямъ хлѣбъ, и даже что либо повкуснѣе; отказывать было опасно. Потомъ, едва не каждое лѣто повторялась сцена, когда тумское духовенство выходило предъ сѣнокосомъ раздѣлять между собою луга. Къ нему являлись разбойники и предлагали свои услуги для правильнаго дѣлежа. „Полно вамъ толковать, отцы святые,—говаривалъ какой либо лѣсной хозяинъ,—мы лучше вашего знаемъ, которые изъ луговъ лучше; вѣдь мы ихъ всѣ ужъ исходили". И отцы святые соглашались съ непрошенными услужливыми людьми. Послѣ же раздѣла разбойники принимались поздравлять духовенство съ окончаніемъ труда и требовáли магарыча. Опять тоже нельзя было отказывать; какой либо причетникъ отправлялся въ село, и изъ тамошняго кабака приносилъ четверть водки и какую либо закуску. И званные и незванные гости усаживались гдѣ либо на лугу и начиналась попойка; незнакомый съ дѣломъ, смотря со стороны на всю сцену, подумалъ бы, что это собрались добрые пріятели, рѣшившіеся вмѣстѣ подгульнуть на чистомъ воздухѣ, вдали отъ надзора своихъ женъ. А между тѣмъ тутъ служитель алтаря Господня, можетъ быть, въ тотъ же самый день приносившій безкров-

ную жертву, любезнѣ бесѣдовалъ съ разбойникомъ, который тоже, можетъ быть, недавно или ограбилъ какого либо прохожаго, или даже перерѣзалъ ему горло. Дѣдушка мой, хотя и слыхалъ уже прежде объ этихъ сценахъ, какъ-то не могъ къ нимъ съ перваго раза привыкнуть и задумывался. „Ну полно, молодой попъ, сидѣть повѣся носъ,—толкалъ его подъ бокъ кулакомъ кто либо изъ разбойниковъ,—дружись-ка съ нами, въ убыткѣ не будешь.... пей и будешь веселѣй“. Прочія же духовныя лица нисколько не затруднялись своимъ положеніемъ. Да и разбойники, пока ихъ еще не начали преслѣдовать, старались жить съ ними на мирной ногѣ. Однажды мой батюшка, имѣя еще 6—7 лѣтъ отъ роду, шелъ одинъ съ луговъ въ село, и къ своему ужасу увидѣлъ, что по той же самой дорогѣ за нимъ идетъ одинъ изъ разбойниковъ, котораго онъ зналъ въ лицо. Батюшка старался отъ него поскорѣе уйти, но и разбойнику, вѣроятно, тоже нужно было спѣшить. Батюшка мой еще болѣе перепугался и когда на пути встрѣтилась изгородь, чрезъ которую надобно было перелѣзать, онъ остановился и заплакалъ. Увидавши это, подошедшій разбойникъ сказалъ: „Что ты плачешь, Ваня, вѣрно не перелѣзть чрезъ изгородь?“ и—бережно поднявши, пересадилъ его на другую сторону ея, затѣмъ и самъ перелѣзъ и вмѣстѣ съ моимъ батюшкою вошелъ въ село, какъ говорится, среди бѣлаго дня.

Не думайте, г. читатель, чтобы Тума—моя родина—была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ разбойники такъ мало любили стѣснять себя. Нѣтъ, въ блистательное царствованіе великой и премудрой Екатерины, внутри государства происходили разбои чуть не повсемѣстно. И въ самомъ дѣлѣ, если въ Петербургѣ истрачивались сотни милліоновъ рублей на людей, бывшихъ въ случаѣ—Орловыхъ, Потемкиныхъ, Завадовскихъ, Зоричей, Зубовыхъ и пр.; роздано было болѣе милліона свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное право (и тогдашніе бояре утопали въ роскоши),—то за что же обвинять мелкихъ (людишекъ), которые, будучи доведены до невозможности честнымъ образомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, подкарауливали ночью у какого либо моста или рѣчки запоздалаго путника, отнимали у него рублей 5—10, мѣшокъ муки, армякъ и т. п., или залѣзали въ амбаръ, погребъ, свѣтелку, и оттуда уносили что ни попадалось подъ руки. Вѣдь эти мелкіе воришки и разбойники привитали гдѣ нибудь въ подземельѣ, подпольѣ и

проч., отвѣчали своею спиною и ноздрями когда бывали пойманы, и заканчивали свою жизнь гдѣ либо въ Нерчинскѣ. . . . .

. . . .

Скажу нѣсколько словъ о разбояхъ, которые происходили на моей родинѣ или близь нея. Когда еще дѣдушка былъ пономаремъ въ селѣ Шеянкахъ, то духовенство, и особенно мой дѣдушка, не ладило съ шайкою разбойниковъ, привитавшею въ сосѣднемъ лѣсу; поэтому, выѣзжая на полевыя работы, особенно въ одиночку или въ небольшомъ количествѣ, они брали съ собою заряженное ружье, которое на перевязи и висѣло на работникѣ. Такимъ образомъ, въ царствованіе императрицы Екатерины, съ небольшимъ въ 200 верстахъ отъ Москвы, мирное духовенство должно было пахать землю точно такъ же, какъ при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ линейные казаки работали на своихъ поляхъ, ожидая какъ бы гдѣ либо изъ-за куста не подстрѣлилъ ихъ какой либо черкесъ или чеченецъ. Однажды дѣдушкѣ моему нужно было ѣхать изъ Шеянокъ въ Туму, на праздникъ Николая Чудотворца (9-го мая). На дорогѣ между деревнями Давыдовой и Ахматовымъ, находившимися другъ отъ друга въ 4-хъ верстахъ, былъ переѣздъ чрезъ лѣсъ не болѣе двухъ верстъ, и, не смотря на то, тутъ почти постоянно привитала шайка разбойниковъ, такъ что для переѣзда чрезъ лѣсъ собирались бывало по нѣскольку человѣкъ. Дѣдушка мой не нравился нѣкоторымъ молодцамъ изъ этой шайки, которая къ своимъ владѣніямъ причисляла село Шеянки. Во время этой поѣздки онъ въ деревнѣ Ахматовѣ присоединился къ каравану, который тоже пробирался въ Туму на ярмарку и на праздникъ. Когда всѣ подъѣзжали кучею и шагомъ къ лѣсу, то изъ него раздался громкій голосъ: „Э! Мартышка-кутейникъ! дождался—не поѣхалъ одинъ, а то мы бы съ тобой расчитались“. Въ другой разъ дѣдушка долженъ былъ, тоже изъ Шеянокъ, отправиться въ г. Меленки, котораго уѣздъ граничилъ съ Касимовскимъ. Въ деревнѣ, гдѣ надобно было ночевать, онъ увидалъ, какъ большой обозъ въѣзжалъ въ одинъ дворъ. Дѣдушка, опасаясь здѣсь тѣсноты, хотѣлъ было ѣхать въ сосѣдній домъ по приглашенію хозяина. Тогда одинъ мужикъ, принадлежавшій къ обозу, сказалъ дѣдушкѣ: „а что-жъ не съ нами?“—Да тѣсно будетъ,—отвѣчалъ дѣдушка.—„То-то тѣсно, это еще не бѣда,—продолжалъ мужикъ,—за то голова будетъ цѣла;

а тамъ, смотри, наединѣ сразу мышь голову отъѣстъ". Дѣдушка мой понялъ намекъ и присоединился къ обозу. Я помню въ своемъ дѣтствѣ много разсказовъ, какъ хозяева постоялыхъ дворовъ принимали мѣры къ тому, чтобы не затрудняться отправить на тотъ свѣтъ и множество заѣхавшихъ къ нимъ дорожныхъ. Для этого прикрѣплялась къ потолку балка, или, какъ ее звали, матица. Она какъ будто нужна была для поддержки потолка, но между тѣмъ такъ была устроена, что ее можно было спустить на особыхъ цѣпяхъ или веревкахъ на полъ. Дорожныхъ кормили сытымъ ужиномъ, поили водкою, подбавляли въ нее снадобья, которыя бы усыпляли ихъ, потомъ укладывали ихъ на полу на соломѣ такъ, что спущенная матица придавливала ихъ всѣхъ, и особенно, чтобы упадала на шею или грудь. Дорожные засыпали, хозяинъ съ своею семьею или съ молодцами, которые у него сидѣли про запасъ въ подпольѣ, спускали потихоньку матицу, придавливали спавшихъ, одни крѣпко придерживали ее, а другіе разными орудіями поканчивали дѣло съ тѣми, кто еще оставался живъ. Можетъ быть, разсказъ имѣетъ легендарный характеръ, но за то въ немъ выражается мнѣніе современниковъ о томъ, какъ въ царствованіе императрицы Екатерины было безопасно ѣздить въ Рязанской и Владимірской губерніяхъ людямъ даже въ большомъ количествѣ.

Уже въ 1867 г., въ то время, какъ я началъ писать эти Записки, разсказывалъ мнѣ знакомый помѣщикъ Кореневъ о предкѣ одного изъ извѣстныхъ ему помѣщиковъ. Почтенный предокъ жилъ въ Пронскомъ уѣздѣ и занимался, какъ прилично магнату, грабежомъ въ огромныхъ размѣрахъ. У него была составлена изъ лакеевъ, крестьянъ и изъ другихъ свободныхъ людей огромная шайка, устроены были магазины и подземелья для храненія награбленныхъ вещей; съ полиціей и даже съ губернаторами у него была дружба. Однажды мимо его ѣхалъ изъ Пензенской губерніи огромный обозъ въ Москву съ какими-то продуктами на саняхъ, устроенныхъ вовсе не такъ, какъ это дѣлалось въ Рязани; при томъ и сани были очень красивы. Помѣщикъ догналъ на дорогѣ обозъ съ своею шайкою, захватилъ всѣхъ лошадей, сани и людей, только нѣкоторые изъ послѣднихъ успѣли кое-какъ спастись. Съ людьми покончили скоро, чтобы они ничего не могли сказать, лошадей и товаръ распродали; сани обык-

новенно атаманъ-помѣщикъ сожигалъ, но тутъ, прельстившись ихъ красотою и надѣясь получить порядочную за нихъ сумму, велѣлъ ихъ припрятать. Между тѣмъ уцѣлѣвшіе изъ дорожныхъ, хотя и знали, кто ихъ ограбилъ, не стали искать суда, потому—извѣстно было, что помѣщикъ найдетъ средства ихъ же самихъ засадить въ острогъ; воротились домой и разсказали все. Оттуда нѣкоторые рѣшились, впрочемъ, пройти въ Пронскій уѣздъ и тайкомъ развѣдывать о своемъ пропавшемъ обозѣ. Тогда они узнали, что люди перебиты, лошади распроданы, но всѣ сани и часть товаровъ еще цѣлы и хранятся въ подземельѣ. Со свойственною русскому угнетенному человѣку хитростью и настойчивостью, они рѣшились слѣдить за грабителемъ. Въ слѣдующую зиму онъ началъ высылать для продажи въ торговое село Перевискъ по нѣскольку саней пензенскихъ; сани были знатныя, красивыя, оригинальныя даже, ихъ стали покупать охотно,—и пензенцы узнали тоже ихъ и высматривали одни изъ нихъ, которыя имѣли особую примѣту. Наконецъ и эти сани были вывезены; пензенцы ихъ узнали, собрали громадную толпу народа, пригласили сотскаго и другія деревенскія власти, и при всѣхъ разсказали, кто они таковы, какъ ихъ ограбили въ прошлую зиму. Потомъ, указавъ на одни изъ саней, добавили, что они выжидали продажи именно ихъ для уличенія грабителей. По ихъ словамъ, въ лѣвомъ полозу этихъ саней подъ третьимъ копыломъ находится въ одну сторону пустое мѣсто, въ которомъ ими спрятано было 50 рублевиковъ, и потому просили тотчасъ освидѣтельствовать сани. Народъ, давно уже страдая отъ разбойниковъ, настоятельно потребовалъ освидѣтельствованія саней; вынули третій копылъ и нашли тамъ 50 рублевиковъ. Продавцы саней показали, что они продавали ихъ по распоряженію своего барина—извѣстнаго атамана. Тутъ ужъ земскимъ и губернскимъ властямъ нельзя было скрывать злодѣя; сдѣлали формальный обыскъ его дома, подземельевъ и пр., нашли огромные склады награбленныхъ вещей, и, наконецъ, по суду атаманъ - помѣщикъ сосланъ былъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Кромѣ давыдовскаго лѣса и самой деревни Давыдовой, было много другихъ мѣстъ недалеко отъ Тумы, пользовавшихся не очень хорошею репутаціей. Къ нимъ причислю: деревню Калитино, между погостомъ и Касимовымъ, вблизи глубокаго оврага, назы-

вавшагося Карцевымъ; лѣсъ ламакинскій, начинавшійся отъ рѣки Нирмы почти до самой деревни Полухтино; деревня Ершово, въ 30-ти верстахъ отъ Тумы на дорогѣ въ Рязань; деревня Кельца по той же дорогѣ, еще ближе къ Рязани верстъ на 30 и пр. На жителей Калитина, можетъ быть, несправедливо падало подозрѣніе въ грабежахъ; въ Карцевомъ оврагѣ и въ ламакинскомъ лѣсу грабили бо̀льшею частью мастеровые сосѣдняго желѣзнаго и чугуннаго завода г. Баташова; но грабежи повторялись довольно часто, случались и убійства даже въ мое время; вотъ, напримѣръ, уже въ 1865 или 1866 г. въ ламакинскомъ лѣсу было нѣсколько грабежей и даже одно убійство днемъ, почти близь самаго завода. Въ Ершовѣ во время моего дѣтства боялись въ небольшомъ количествѣ останавливаться ночевать. Близь этой деревни находились огромные луга, почти полуболото, которые во время весенняго разлива покрывались водою. Въ царствованіе уже Александра I рѣдкій годъ проходилъ безъ того, что при разливѣ не появлялось на поверхности воды мертвое тѣло, а въ счастливый годъ даже до пяти труповъ; это были тѣ несчастные, которые жителями деревни Ершово отправлялись на тотъ свѣтъ. Наконецъ, близь Келецъ, верстахъ въ полутора, есть гора, называемая доселѣ Сокольею. Здѣсь въ царствованіе Екатерины II имѣлъ пристанище знаменитый въ то время атаманъ Веревкинъ. Отъ горы по лѣсамъ у него была тропинка къ селу Бѣлоомуту, гдѣ онъ тоже занимался разбоемъ. Когда я, уже обучаясь въ Рязани, возвращался домой вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, то мы остановились обѣдать въ Кельцахъ у одного домохозяина и были имъ очень ласково приняты. Хозяинъ мнѣ очень понравился. Пообѣдавши, мы продолжали свой путь и я принялся хвалить хозяина. Тогда мой батюшка, выслушавъ мой панегирикъ, съ улыбкою сказалъ: „Умѣешь же ты цѣнить людей! да этотъ добрый, по твоему, человѣкъ много людей отправилъ на тотъ свѣтъ; и нынѣ еще я ночевать одинъ у него ни за что не буду“.

Повторяю, что я здѣсь только намѣтилъ нѣкоторыя мѣста, не пользовавшіяся хорошею репутаціей,—всѣхъ же не пересчитываю. Послѣ этого понятно, почему, какъ мнѣ говаривалъ дѣдушка, ѣзжавшіе при Екатеринѣ II изъ Мещоры въ Москву находили нужнымъ пріобщиться святыхъ Таинъ, точно такъ, какъ будто-бы собирались умирать.

Съ окончаніемъ царствованія Екатерины II окончился и золотой вѣкъ для разбойниковъ. Ни въ одной русской исторіи я не встрѣчалъ подобной мысли; не спорю даже и о томъ, что она, можетъ быть, приложима не ко всѣмъ мѣстностямъ. Но Мещора— моя родина и всѣ, которымъ нужно было ѣздить чрезъ нее, должны съ благодарностью вспоминать о царствованіи императора Павла. Дѣдушка мой любилъ тоже поговорить объ этомъ царствованіи. Духовенству оно очень нравилось по одному особенно обстоятельству, о которомъ я скажу впослѣдствіи. Но самое царствованіе въ памяти народной оставалось грознымъ и тяжелымъ. Шпіонства боялись даже въ деревняхъ. По словамъ дѣдушки, одинъ изъ помѣщиковъ касимовскихъ довольно свободно поговорилъ объ императорѣ въ очень тѣсномъ кружку; чрезъ нѣсколько времени, ночью, его полиція схватила, передала присланному изъ Петербурга военному офицеру, и съ тѣхъ поръ несчастный неизвѣстно куда дѣвался. Страхъ доносовъ заставлялъ быть осторожнымъ даже моего дѣдушку—человѣка, который, по русской пословицѣ, не любилъ въ кулакъ шептать. Покойный батюшка разсказывалъ, что дѣдушка, принимаясь за какой либо разсказъ, касавшійся императора, съ пріятелемъ, сосѣдомъ и сослуживцемъ своимъ священникомъ Варсонофіемъ, бывало останавливался и говаривалъ: „постой-ка, Варсонофій, надобно посмотрѣть въ окно, не подслушиваетъ ли кто нибудь съ улицы“, и, посмотрѣвши, начиналъ разсказывать, но тихо, тогда какъ мой дѣдушка вообще любилъ говорить слишкомъ громко. Но и дѣдушка и батюшка мои вполнѣ были согласны между собою въ томъ, что при Павлѣ дѣятельность и подвиги разбойниковъ прекратились; полиція получила строжайшія приказанія преслѣдовать разбойниковъ и исполняла эти приказанія съ необыкновенною дѣятельностью. И прежде, а отчасти и послѣ этого времени, донести на разбойника, поймать его и даже содѣйствовать его поимкѣ—было слишкомъ опасно. Полиція, въ большинствѣ своихъ членовъ, получая отъ воровъ и разбойниковъ хорошіе подарки, любила имъ покровительствовать; поэтому потихоньку давала имъ возможность убѣгать даже изъ остроговъ, или не преслѣдовала ихъ надлежащимъ образомъ, а сама между тѣмъ увѣдомляла ихъ о тѣхъ, кто на нихъ доносилъ. Разбойники и воры, находясь на свободѣ, разумѣется, умѣли мстить своимъ врагамъ. Независимо отъ

этого, поимка разбойника въ царствованіе императрицы Екатерины II часто имѣла раззорительные результаты для богатыхъ особенно жителей уѣзда. Вы, г. читатель, конечно, слыхали, что въ былыя времена по улицамъ Петербурга водили такъ называемые языки, т. е. какихъ либо преступниковъ, для того якобы, чтобы указать благодѣтельному правительству тѣ дома, въ которыхъ они привитали, или тѣхъ людей, которые были ихъ товарищами или пособниками. Завидѣвши издали приближеніе такихъ языковъ, жители богоспасаемаго Петрограда сами спасались отъ грозившей имъ опасности, бѣжали въ сосѣднія улицы, скрывались въ ближайшихъ домахъ, словомъ—всячески старались не встрѣчаться съ процессіею, потому что развозимый языкъ часто, ни съ того, ни съ сего, указывалъ, какъ на своихъ пріятелей, на такихъ людей, которые и не видывали его. Провинція въ этомъ отношеніи не отставала отъ столицы. Съ пойманнымъ разбойникомъ доброе начальство—въ видѣ исправниковъ, стряпчихъ, засѣдателей земскаго суда—отправлялось разгуливать по уѣзду. Настоящихъ своихъ милостивцевъ разбойникъ, разумѣется, не указывалъ, надѣясь, что они еще будутъ ему полезны впослѣдствіи; за то мстилъ своимъ врагамъ, обзывая ихъ, какъ своихъ укрывателей. Если же у самого развозимаго языка не было особенно имъ нелюбимыхъ людей, то опять (тогдашнее) начальство принимало на себя трудъ подсказывать ему имена тѣхъ лицъ, которыхъ слѣдовало обвинить въ пристанодержательствѣ; для этого, разумѣется, избирались достаточные жители, которыхъ начальство хотѣло поучить. Чтобы дать правдоподобіе своимъ оговорамъ въ обоихъ случаяхъ, разбойникъ обыкновенно говаривалъ, что онъ или знаетъ домъ своего пріятеля, но не знаетъ его имени, или не знаетъ ни дома, ни имени, но помнитъ его лицо. Въ первомъ случаѣ, проѣзжая деревню, онъ указывалъ на тотъ или другой домъ, что—вотъ гдѣ много разъ проживалъ и куда отдавалъ краденыя вещи на сохраненіе или для сбыта. Другой маневръ состоялъ въ томъ, что разбойникъ никакъ не могъ припомнить дома, а надѣялся узнать хозяина; и вотъ собирали весь людъ-людской деревни. Разбойникъ внимательно разсматривалъ всѣхъ предстоявшихъ и дрожавшихъ, и указывалъ на своего благопріятеля. Если онъ зналъ самъ и домъ и лицо обвиняемаго, то ему не было надобности въ пособіи другихъ. Но

иногда онъ не зналъ ни дома, ни хозяина, котораго начальству хотѣлось поприцѣпить, — ну, тогда . . . .
начальство такъ или иначе давало разумѣть, на кого онъ долженъ былъ указать. Во всякомъ случаѣ, обвиненное разбойникомъ лицо арестовывалось. Оно и Христомъ и Богомъ увѣряло, что рѣшительно ничего и знать не знаетъ, какъ дѣйствительно и бывало. Ну, тогда доброе и благопопечительное начальство говаривало обвиняемому: „Оно, пожалуй, и мы вѣдь знаемъ, что вы невиноваты,—да что станешь дѣлать съ мошенникомъ? Вѣдь вонъ онъ стоитъ на своемъ; заткни ему глотку чѣмъ нибудь; дай ему сколько нибудь рублей". Про свои глотки начальство говорило или нѣтъ—все равно, только ихъ затыкали уже десятками и сотнями рублей, смотря по состоянію обвиняемаго. Когда всѣ глотки были заткнуты, то дѣлали новую очную ставку обвиняемаго съ разбойникомъ; первый начиналъ уговаривать послѣдняго; этотъ сначала стоялъ на своемъ, но уже не такъ рѣшительно, какъ прежде; начальство тоже убѣждало сказать правду и не обвинять невиннаго. Разбойникъ колеблется, заминается, призадумывается, наконецъ начинаетъ просить прощенія у обвиняемаго и у праведныхъ судей, что онъ по насердкамъ сдѣлалъ оговоръ, что дѣйствительно обвиненный ни въ чемъ не виноватъ. Доброе начальство отпускало невинно-обвиненнаго, дѣлало приличное внушеніе обвинителю и везло его въ другую деревню, чтобы разыграть ту же самую комедію, или возвращалось въ городъ, если экскурсія доставила уже ему достаточное количество денегъ. И разбойникъ часто не оставался безъ награды; ему давали возможность убѣжать изъ острога и начать свои подвиги въ прежнихъ мѣстахъ. Послѣ этого жителямъ вовсе не было охоты быть невнимательными къ подобнымъ мòлодцамъ. Добрые эти мòлодцы жили да поживали, налагали контрибуціи на жителей, дѣлились своею добычею съ добрымъ начальствомъ.

Но при императорѣ Павлѣ дѣла шли иначе; полиція просила помощи у жителей въ поимкѣ разбойниковъ и была крайне благодарна за всякое содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Дѣдушка мой тогда пріобрѣлъ большую извѣстность въ околодкѣ своимъ усердіемъ помогать открывать и ловить промышлявшихъ около Тумы разбойниковъ и не разъ подвергался опасности. Однажды пуля, пущенная изъ лѣсу, прожужжала мимо самагò его уха. Объ угрозахъ же нечего

уже и говорить; его Богъ знаетъ чѣмъ ни стращали; покойная бабушка всегда, до самой своей смерти, съ ужасомъ вспоминала объ этомъ времени: „Ночи бывало не спишь,—говаривала;—безъ ружья и тесака никуда не ѣзжали“. Но дѣдушка былъ неутомимъ; сообщивши свое воодушевленіе многимъ изъ честныхъ своихъ односельчанъ и принявши надъ ними нѣкотораго рода команду, онъ многихъ разбойниковъ самъ, безъ полиціи, ловилъ. Жители, по крайней мѣрѣ большинство, усердно ему помогали, и, надобно по правдѣ сказать, не очень гуманно обходились съ пойманными; конечно, ихъ не убивали на-поваль, но уже безъ побоевъ не обходилось; особенно старались отнять у нихъ способность держаться и быстро ходить на ногахъ. Батюшка мой разсказывалъ интересный въ этомъ отношеніи случай. Молотьба хлѣба съ овиновъ въ Тумѣ начиналась рано утромъ, задолго до разсвѣта. Когда въ одинъ день бо̀льшая часть взрослыхъ жителей тумскихъ была занята на гумнахъ молотьбою, какой-то разбойникъ рѣшился воспользоваться такимъ благопріятнымъ временемъ и забраться для поживы въ чей-то домъ, но скоро былъ замѣченъ. Поднялась тревога, закричали: лови, держи разбойника! Мущины со всѣхъ гуменъ, бо̀льшею частію съ цѣпами въ рукахъ, бросились преслѣдовать вора, который усиливался укрыться въ сосѣднемъ лѣсу и, наконецъ, былъ догнанъ. Первый изъ догнавшихъ ударилъ его цѣпомъ со всего размаху, вскорѣ послѣдовали и другіе, такіе же удары; пойманный повалился на землю; тогда очень многіе изъ сбѣжавшихся жителей захотѣли, по ихъ выраженію, приложить свою руку или, лучше, свой цѣпъ, и отъ этого произошло нѣчто въ родѣ молотьбы. Батюшка мой, по малолѣтству, не былъ въ числѣ преслѣдователей, оставаясь на току у овина, и вмѣстѣ съ другими слышалъ звуки отъ ударовъ цѣпами, сыпавшихся на пойманнаго. Послѣдній, разумѣется, былъ избитъ до полусмерти.

Наконецъ, при усиліяхъ мѣстной полицейской власти, при содѣйствіи жителей и особенно моего дѣдушки, открытые разбои въ Тумѣ и около нея прекратились, т. е. перестали стучать по окнамъ и кричать: Эй! молодой попъ, давай намъ хлѣба; или при раздѣлѣ луговъ духовенство не было встрѣчаемо произвольными землемѣрами, которые по окончаніи раздѣла требовали магарычей и пр. Но мелкія мошенничества, частенько и крупныя воровства̀, а иногда и разбои, даже убійства—происходили и послѣ,

при томъ не только въ Тумѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, о которыхъ я отчасти говорилъ уже. Желая моихъ читателей познакомить вполнѣ съ современнымъ мнѣ положеніемъ вещей во всѣхъ, по возможности, отношеніяхъ, я, чтобы впослѣдствіи не дѣлить эпизодовъ, хочу здѣсь дополнить то, что уже мною сказано о разбояхъ и воровствахъ, и потомъ уже коснусь другихъ предметовъ моей біографіи.

Еще въ молодые мои годы случалось, что иные старики-дорожные, уроженцы Пензенской и Саратовской губерній, проѣзжавшіе въ Москву съ своими продуктами, не хотѣли останавливаться для ночлеговъ въ Тумѣ. Начнутъ, бывало, содержатели постоялыхъ дворовъ зазывать ихъ къ себѣ, „не поѣду,—отвѣчаетъ какой либо старикъ,—здѣсь въ моей молодости недобрые люди жили". Это было преданіе старины. Для жизни дорожныхъ на постоялыхъ дворахъ опасности уже не было никакой; но на счетъ воровства и мошенничества въ Тумѣ еще были промышленники. Привыкши до императора Павла давать убѣжище у себя разбойникамъ, принимать отъ нихъ наворованныя и награбленныя вещи и сбывать съ рукъ съ выгодою для себя, нѣкоторые изъ жителей не могли же вдругъ разстаться съ столь легкимъ способомъ зашибать копѣйку, и потомъ свои наклонности передали потомкамъ своимъ. Эти-то люди и сами при удобномъ случаѣ не отказывались захватить чужую вещь, но, главное, приглашали къ себѣ промышленниковъ чужой собственности, да и эти, въ свою очередь, отыскивали ихъ. Такому положенію дѣлъ очень благопріятствовали еженедѣльные базары, происходившіе въ Тумѣ въ субботу; для ловкихъ плутовъ тутъ всегда была возможность стянуть что нибудь съ воза и прилавка, или вытащить изъ кармана. Набожные новички по этой промышленности начинали ее особенно 25-го марта, въ день Благовѣщенія. По какому-то народному суевѣрію—кто въ этотъ день удачно украдетъ что нибудь между утреннею и обѣднею, то можетъ цѣлый годъ воровать, не опасаясь, чтобы его поймали. Однажды, кажется, въ 1818 г., я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ къ моему отцу привели крестьянина ему извѣстнаго, пойманнаго въ воровствѣ. Отецъ мой, выслушавши разсказъ поймавшихъ вора, сказалъ ему: „Какъ это, и ты сдѣлался воромъ? да при томъ когда же? въ Благовѣщеніе, въ такой важный праздникъ, и еще до обѣдни!"—„Ахъ,

батюшка,—отвѣчалъ простодушный крестьянинъ,—да когда же лучше и начинать, какъ не въ этотъ день? Вотъ мнѣ не удалось, значитъ Богу не угодно, чтобы я воровалъ". Но главными ворами, а нерѣдко и разбойниками, были бездомные или распутные мѣщане, потомъ немногіе каторжники, которымъ удавалось вырываться на свободу, и особенно бѣглые солдаты.

Всѣхъ такихъ воровъ и разбойниковъ жители знали и помогли бы поймать, даже сами поймали бы, если бы только земская полиція захотѣла, или, по крайней мѣрѣ, не противодѣйствовала; но это, къ несчастію, не всегда было; засѣдатели, а послѣ становые, а иногда даже и исправники, покровительствовали ворамъ и разбойникамъ. Вотъ два замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи случая.

Въ селѣ Архангельскомъ, Егорьевскаго уѣзда, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, проживалъ дьячковскій сынъ Иванъ Стратоновъ, внукъ того дьякона, который убилъ моего дѣдушку кровельнымъ крюкомъ. Всѣмъ было извѣстно, что онъ и одинъ, или вмѣстѣ съ крестьянами сосѣдней деревни Кассеино, занимался воровствомъ и даже грабежами. Но когда бывало пріѣдетъ въ окрестныя мѣста становой приставъ, то Иванъ Стратоновичъ являлся къ нему съ изъявленіемъ своего почтенія и преданности, и обыкновенно во все время пребыванія прислуживалъ начальству. Однажды, при производствѣ какого-то слѣдствія, въ то время, какъ Иванъ Стратоновичъ подавалъ становому закуренную трубку, этотъ сказалъ: „Ахъ, Иванъ, я и забылъ сказать, что вѣдь тебя надобно арестовать и представить въ Егорьевскъ".—Ну вотъ еще,—отвѣчалъ Иванъ Стратоновичъ,—къ чему это? я не хочу туда. „Ну полно упрямиться,—перебилъ его становой,—вѣдь, право, нельзя обойтись безъ этого, мнѣ строго-на-строго приказано тебя взять; такъ не упрямься", и пр. Въ этомъ тонѣ разговоръ еще нѣсколько продолжался, и наконецъ Иванъ Стратоновичъ согласился отправиться подъ арестомъ въ Егорьевскъ, откуда, впрочемъ, былъ выпущенъ, или бѣжалъ, и уже, кажется, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, прогнанный сквозь строй, куда-то усланъ въ арестантскія роты.

Другой случай былъ уже къ концу пятидесятыхъ годовъ. Близъ дмитровскаго погоста, гдѣ священствовалъ мой отецъ, промышлялъ грабежомъ бѣглый солдатъ Тимофей, или, какъ его

звали, Тимошка, бывшій крестьянинъ деревни Пестовской, дмитровскаго же прихода. Становымъ въ то время былъ тутъ хитрый полякъ Казиміръ Андреевичъ Ленковскій. Тимошка, какъ догадливый воръ, дѣлился съ нимъ своими добычами. Однажды онъ, укравши у богатаго мужика весьма хорошую лошадиную сбрую, подарилъ ее своему патрону. Обкраденный крестьянинъ сдѣлалъ заявленіе становому о кражѣ. Но пришедши въ какой-то праздникъ въ дмитровскій погостъ къ обѣднѣ, онъ на постояломъ дворѣ увидалъ, что украденная у него сбруя надѣта была на стоявшихъ тутъ лошадей становаго; подозвалъ многихъ своихъ знакомыхъ; постояли, посмѣялись, но начальства не стали безпокоить. Когда разбои и воровства Тимошки уже слишкомъ разгласились и увеличились, то Ленковскому строжайше приказано было поймать его, или по крайней мѣрѣ осмотрѣть сосѣдніе лѣса. Ленковскій явился, собралъ огромное число понятыхъ, распустивши напередъ молву, что онъ въ такой-то день станетъ по лѣсамъ ловить Тимошку, и дѣйствительно отправился туда съ понятыми. Тимошка, разумѣется, зналъ уже объ этомъ; но чтобы онъ какънибудь не оплошалъ, Ленковскій ѣздилъ по лѣсу на тройкѣ съ колокольчиками и бубенчиками, велѣлъ понятымъ перекликаться между собою, и, послѣ тщательнаго обыска, донесено было начальству, что Тимошки ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать. Жители окрестные долго вспоминали—кто со смѣхомъ, кто съ негодованіемъ—объ этой облавѣ.

Принимая во вниманіе описанныя мною обстоятельства, можно уже угадать, что воры, мошенники и разбойники не могли же оставить тѣхъ мѣстъ, гдѣ они издавна имѣли пріютъ; и въ Тумѣ и въ другихъ мѣстахъ они въ бóльшемъ или меньшемъ количествѣ существовали и существуютъ чуть-ли не до сего дня. Въ Тумѣ больше были мелкіе воришки, или пріемщики краденыхъ вещей, но были и крупные. Уже въ шестидесятыхъ годахъ тамошній житель Григорій, или Гришка, былъ извѣстенъ всему селу и всей окрестности какъ воръ, особенно лошадей; но онъ любилъ тоже заглядывать въ чужіе амбары, горницы и пр.; между тѣмъ дожилъ до старости и умеръ въ своемъ домѣ. Въ деревнѣ Верещугинѣ, тумскаго прихода, былъ мужикъ Китай; онъ цѣлую жизнь воровалъ, но въ 50 или болѣе лѣтъ попался и сосланъ въ Сибирь; его наказывали кнутомъ въ Тумѣ, когда мнѣ было 9—10 лѣтъ.

Но папаша умѣлъ приготовить достойнаго себѣ преемника въ своемъ сынѣ Семенѣ. Этотъ всю почти жизнь свою былъ извѣстнѣйшимъ воромъ и умеръ, уже въ шестидесятыхъ годахъ, въ своемъ домѣ. Съ нимъ были два характеристическихъ событія. Однажды въ Тумѣ, 20-го іюля, въ день ярмарки и престольнаго праздника, въ церкви, Семенъ Китаичъ, отстоявши обѣдню, зашелъ въ кабакъ, но не имѣлъ или жалѣлъ денегъ, между тѣмъ выпить винца для праздника Господня ему хотѣлось. Сидитъ онъ на лавкѣ, позадумавшись, а кругомъ его идетъ пиръ горой. Одинъ мужикъ, видя его задумчивость, толкнувши, сказалъ: о чемъ, Семенъ Китаичъ, позадумался?—„Да что̀, братцы?—отвѣчалъ записной воръ,—хочу бросить свое ремесло".—Какое? спросили его.—„Да что̀, братцы, по совѣсти сказать, поворовалъ я на своемъ вѣку, нечего грѣха таить, время и покаяться. Ну, братцы, выбирайте въ замѣну меня новаго вора, а я ужъ перестаю воровать". – Какъ? неужели? закричали мужики хоромъ.—„Да, братцы, всенепремѣнно",—отвѣчалъ Семенъ Китаичъ. Мужики, обрадованные этимъ обѣщаніемъ, принялись подносить ему то тотъ, то другой, по стаканчику. Семенъ Китаичъ славно справилъ праздникъ, поблагодаривъ за угощеніе, но, увы! долго еще продолжалъ воровать, пока отъ этой страсти не былъ удержанъ своими сыновьями. Эти молодцы по какому-то чуду вышли честными ребятами; возмужавши и къ досадѣ своей слыша разсказы о воровствахъ ихъ отца, они сначала уговаривали его оставить свое ремесло. Но когда онъ продолжалъ имъ заниматься, то они, въ своей избѣ, подступивши къ нему, сказали: „ты, бачка, все не перестаешь воровать, намъ отъ стыда и упрековъ нѣтъ житья; такъ вотъ мы и порѣшили тебѣ глаза выколоть, слѣпой воровать ужъ не станешь". И тотчасъ схвативъ его, расположили для операціи. Старикъ перепугался: „что вы, разбойники, что вы хотите дѣлать?"—Разбойникъ-то ты, а не мы,—ему отвѣчали и вновь приступили къ операціи. Тутъ старикъ принялся божиться и клясться всѣми святыми, что онъ перестанетъ воровать; дѣти сжалились, но сказали напрямикъ, что если онъ хоть разъ что нибудь украдетъ, то простись съ глазами, милости ужъ не будетъ.—Дѣйствительно, старикъ пересталъ воровать, но вскорѣ и скончался.

Близь Верещугина была деревня Быково, состоявшая почти вся изъ воровъ; порядочный лѣсъ, отдѣлявшій ихъ отъ большой

дороги, давалъ имъ возможность легко сюда приходить и потомъ скрываться. До шестидесятыхъ тоже годовъ первенствовалъ въ ней воръ Иванъ, извѣстный подъ названіемъ балованнаго Ваньки, который тоже умеръ дома, а не въ Сибири. Но ворами особенно изобиловало село Биренево, о которомъ уже я говорилъ. Жители его состояли изъ духовенства и мѣщанъ, которые или сами или въ лицѣ отцовъ и дѣдовъ происходили тоже изъ духовнаго званія. При императорѣ Александрѣ I-мъ у самого духовенства были, по русской поговоркѣ, руки не совсѣмъ чисты; сами духовные не воровали, но и не стѣсняли воровъ-мѣщанъ и, какъ гласила молва, не безъ выгодъ для себя. Но мѣщане почти всѣ были воры и кромѣ того давали пріютъ бѣглымъ солдатамъ. Однажды, уже при императорѣ Николаѣ, земская полиція налетѣла съ обыскомъ въ домъ главнаго вора-мѣщанина, у котораго въ то время сидѣла цѣлая компанія разбойниковъ. Домъ былъ окруженъ, бѣжать нельзя; подняли одну доску въ полу и упрятали всѣхъ ихъ (по слухамъ—до 10-ти человѣкъ) туда. Начался обыскъ, пересмотрѣли все, но—намѣренно или случайно—не заглянули въ подполье, и такимъ образомъ честная компанія осталась цѣлою и невредимою.

О деревняхъ Давыдовой, Ершовѣ, Кельцахъ, Калитинѣ и пр. я уже говорилъ выше; но особенно, почти до самыхъ шестидесятыхъ годовъ, была не безопасна большая дорога изъ Тумы въ Москву по Егорьевскому уѣзду и Московской губерніи, чуть не до самой Москвы. Тимошка, о которомъ я уже говорилъ, промышлялъ иногда на этой дорогѣ между селами Фроломъ и Середнинами. Къ концу сороковыхъ годовъ, когда я былъ у отца своего въ дмитровскомъ погостѣ, въ лѣсу въ этомъ мѣстѣ напала на плотниковъ, возвращавшихся домой, шайка бѣглыхъ солдатъ; плотники взялись было за свои топоры, но наведенныя на нихъ ружья принудили ихъ сдаться на капитуляцію; ихъ не только ограбили, но и избили за то, что они осмѣлились сопротивляться. Главнымъ же центромъ воровъ, мошенниковъ, фальшивыхъ монетчиковъ и раскольниковъ были окрестности Егорьевска и лежащая за ними часть Московской губерніи, называемая Гуслицами. Ее въ подробности описывать не стану, потому что она не одинъ разъ была описываема. Скажу только о нѣкоторыхъ изъ своихъ наблюденій. Въ концѣ сентября 1840 г., возвращаясь изъ дмитровскаго погоста въ Петербургъ, я въ деревнѣ Соболевой на по-

стояломъ дворѣ увидѣлъ двухъ уральскихъ казаковъ. „Вы какъ сюда попали?“ спросилъ я ихъ.—Въ командировкѣ,— отвѣчали мнѣ. Разспросивши объ этой командировкѣ, я узналъ, что, по случаю усилившихся по дорогѣ разбоевъ и грабежей, въ каждую деревню помѣстили по два казака, которые въ теченіе ночи должны постоянно разъѣзжать по дорогѣ, чтобы подавать помощь тѣмъ, на кого нападутъ разбойники. Послѣ я слышалъ, что въ эту осень казаку удалось заколоть пикою одного изъ разбойниковъ, который вздумалъ самъ отбиваться отъ него какимъ-то оружіемъ. Года черезъ два послѣ того цѣлая шайка была, недалеко отъ села Гжели, переловлена. По описываемой мною дорогѣ жители большею частію занимаются разведеніемъ хмѣля; отъ этого тутъ можно встрѣчать громадные хмѣльники. Въ нихъ-то разбойники любили укрываться. Одинъ изъ крестьянъ указалъ становому на хмѣльникъ, гдѣ скрывалась шайка. Становой вмѣстѣ съ мужикомъ, казаками и понятыми явился сюда; разбойникамъ уйти было нельзя, но одинъ изъ нихъ, вѣроятно, догадавшійся, кто открылъ ихъ убѣжище, выстрѣломъ изъ ружья положилъ мужика на мѣстѣ. Особенное вниманіе заслуживала здѣсь деревня Хрипань съ большимъ близь нея лѣсомъ. Грабежомъ, воровствомъ и убійствами тутъ занимались не одни пришлые разбойники, но главнымъ образомъ жители Хрипани. Болѣе другихъ извѣстенъ былъ хозяинъ крайняго двора въ лѣсу на лѣвой сторонѣ, если ѣхать изъ Москвы въ Егорьевскъ. Этотъ хозяинъ, по мѣстному обычаю, скупалъ у однодеревенцевъ своихъ право содержать одному постоялый дворъ въ теченіе лѣта. Я самъ видѣлъ этого старика, остановившись у него для обѣда во время ѣзды къ отцу. Но ночевать у него немногіе рѣшались. Уже въ 1849 г., въ августѣ мѣсяцѣ, ѣхало насъ, на тройкѣ, на парѣ и на одной лошади, всего шесть человѣкъ: я, братъ мой Александръ Ивановичъ, служитель мой Титъ, купецъ Евдокимъ Юкинъ и два кучера. Въ Хрипань въѣхали ночью; дорога была грязная, ночь темная и дождливая; до села Вялокъ, гдѣ можно было остановиться для ночлега, оставалось еще пять верстъ. И между тѣмъ, не смотря на приглашеніе старика-хозяина, Юкинъ и наши извощики ни за что не соглашались тутъ ночевать. „Да что̀ вы не остановитесь?—говорилъ старикъ,—ночуйте у меня“; тогда Юкинъ сказалъ: Ну, нѣтъ, старикъ, не ночуемъ, намъ своя жизнь дорога.—Мы по-

ѣхали, но старикъ, выслушавши Юкина, принялся насъ ругать безпощаднымъ образомъ. Черезъ хрипанскій лѣсъ мнѣ не одинъ разъ приходилось проѣзжать въ глухую ночь одному съ кучеромъ и даже безъ всякаго оружія. Конечно, я не спалъ уже весь этотъ переѣздъ и посматривалъ въ стороны—не выйдетъ-ли кто на встрѣчу или съ боку къ намъ. Но, многіе, проѣзжая не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, запасались оборонительнымъ оружіемъ. Покойный мой батюшка, пока я учился въ семинаріи, имѣлъ дома саблю, которую почти всегда биралъ съ собою, отправляясь въ Касимовъ или Рязань. Когда же въ началѣ года нужно было отвозить въ Касимовъ свѣчныя деньги со всего благочинія, то онъ бралъ съ собою въ качествѣ провожатыхъ одного или двухъ причетниковъ. Другіе запасались и ружьями, хотя очень рѣдко и бо̀льшею частію въ какихъ либо экстренныхъ случаяхъ. Въ селѣ Серединахъ былъ бурмистромъ въ вотчинѣ царевича Грузинскаго крестьянинъ Иванъ Силантьевъ. Онъ однажды поймалъ Тимошку, о которомъ я выше говорилъ. Доброе и милостивое егорьевское начальство не очень крѣпко держало Тимошку, который поэтому и убѣжалъ изъ острога и далъ знать Ивану Силантьеву, что онъ его изрѣжетъ на кусочки. Бѣдный бурмистръ струсилъ и, куда бы ни отправлялся, бралъ съ собою заряженное ружье и саблю, и кромѣ того въ густыхъ лѣсахъ ложился обыкновенно въ телѣгѣ такъ, чтобы его нельзя было убить нечаяннымъ выстрѣломъ изъ-за дерева.

Когда же воровство уже было сдѣлано, то обокраденные старались вступать съ ворами въ сдѣлки и выкупать у нихъ свои вещи. Это особенно дѣлалось относительно лошадей. Тотъ же самый Тимошка укралъ очень дорогую лошадь у крестьянина архангельскаго прихода. Мужикъ чрезъ одного посредника выпросилъ у Тимошки позволеніе повидаться съ нимъ. Мѣстомъ для свиданія назначенъ былъ лѣсъ, но съ тѣмъ, чтобы кромѣ мужика никого еще не было. Мужикъ пришелъ на условленное мѣсто и долго ждалъ Тимошку, который, впрочемъ, былъ вблизи, но высматривалъ, не сдѣлана ли для него засада. Наконецъ сошлись; мужикъ снялъ шапку, поклонился низко и пожелалъ добраго здоровья доброму мо̀лодцу. Потомъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, выставлялъ свои стѣсненныя обстоятельства и просилъ возвратить лошадь, обѣщая дать ему выкупъ. Дѣло уладилось

на 20 руб. Въ слѣдующую ночь деньги были принесены и мужику указана была лошадь, спрятанная вблизи въ густой чащѣ лѣса. Въ подобномъ почти положеніи былъ мой батюшка. Когда онъ уже жилъ въ дмитровскомъ погостѣ, то у него была украдена лошадь. Вскорѣ узнали, что это сдѣлали мужики деревни Кассеина, о которой я уже говорилъ. Самъ батюшка не пошелъ къ нимъ, а послалъ для переговоровъ парламентеромъ своего роднаго брата, дьякона села Прудковъ, Василья Мартыновича. Этотъ пришелъ въ деревню, адресовался къ мужикамъ съ своею покорнѣйшею просьбою. Мужики на улицѣ собрались для совѣта и послѣ продолжительнаго спора рѣшили не отдавать лошади и за выкупъ. Немилость эту батюшка мой навлекъ на себя тѣмъ, что не задолго до того времени, бывши при слѣдствіи о воровствѣ, въ которомъ уличили одного изъ жителей деревни Кассеина, много содѣйствовалъ къ тому, чтобы уличить вора, который и былъ сосланъ въ Сибирь. Кассеинское вѣче объявило моему дядюшкѣ свое рѣшеніе словами: „Скажи ты дмитровскому протопопу, что мы лошади ему не отдадимъ, а отошлемъ въ Тамбовскую губернію; зачѣмъ онъ помогъ сослать въ Сибирь нашего Ваньку? пусть знаетъ, что съ нами ссориться нельзя“.

Не скрою и того, что и полиція иногда ловко преслѣдовала воровъ, особенно если избирался честный и дѣятельный исправникъ. Такимъ именно исправникомъ былъ помѣщикъ Касимовскаго уѣзда деревни Ужищево Карлъ Васильевичъ Кронштейнъ, у котораго, какъ я выше сказалъ, была куплена нами женская прислуга. Вамъ, будущимъ моимъ читателямъ, по всей вѣроятности, покажется неразгаданнымъ характеръ этого барина. Человѣкъ онъ былъ очень честный и безкорыстный; занимая по выбору дворянъ десять лѣтъ доходныя должности исправника и уѣзднаго судьи, онъ умеръ самъ и оставилъ свое семейство въ крайней бѣдности. Но относительно управленія русскимъ простымъ народомъ онъ руководствовался идеями знаменитаго Аракчеева, будучи сердечно убѣжденъ, что только палка, плеть, розги, оплеухи—могутъ поддержать порядокъ между мужиками, и на этомъ основаніи онъ былъ чрезвычайно жестокъ въ наказаніяхъ. Объ обращеніи его съ своими крѣпостными я буду говорить впослѣдствіи, а теперь стану описывать его, какъ исправника.

На основаніи Аракчеевскихъ понятій о русскомъ народѣ,

Кронштейнъ, будучи исправникомъ, приказывалъ своему кучеру запасаться плетью, которою стегать лошадей было жалко; она назначалась собственно для людей. Если въ деревнѣ или даже на полѣ попадался въ чемъ либо виновный мужикъ, то по распоряженію исправника армякъ или полушубокъ снимались и затѣмъ кучеръ запасною плетью отпускалъ по спинѣ и другимъ частямъ виновнаго столько ударовъ, сколько находилъ нужнымъ его баринъ. Однажды подобная расправа происходила даже въ глазахъ рязанскаго губернатора Шрейдера, проѣзжавшаго по Касимовскому уѣзду. Разумѣется, узнавши о пріѣздѣ его превосходительства, исправникъ приказалъ поправить дороги и особенно мосты. Но одинъ мужикъ немножко позамедлилъ и поправлялъ перила у моста въ то время, какъ ѣхалъ по дорогѣ губернаторъ. Кронштейнъ, скакавшій на своей тройкѣ впереди его, увидѣлъ издали мужика и, приказавши гнать какъ можно скорѣе лошадей своихъ, подъѣхалъ къ крестьянину и, взявши запасную плеть въ руки, самъ лично отпустилъ нѣсколько ударовъ по спинѣ не кстати усерднаго исполнителя его же собственныхъ приказаній. Шрейдеръ изъ кареты видѣлъ эту сцену. „За что это вы, Карлъ Васильевичъ, такъ расправляетесь съ мужикомъ?"—спросилъ исправника губернаторъ.—Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь давнымъ давно велѣно было поправить мостъ, а этотъ мерзавецъ только теперь вздумалъ приняться за дѣло; не утерпѣлъ я, ваше превосходительство, постегалъ его; безъ плети съ этимъ народомъ ничего не сдѣлаешь.—„Правда, правда",—отвѣчало превосходительство, любившее исправника,—и потомъ всѣ поскакали впередъ, а мужикъ, почесывая спину съ синяками на ней отъ плети, пошелъ домой, понуривъ голову. Въ другой разъ я самъ былъ свидѣтелемъ экзекуціи, которую производилъ исправникъ въ Тумѣ, въ праздничный лѣтній день, между утреннею и обѣднею. Между крестьянами распространился слухъ, что ихъ хотятъ переселить куда-то на казенныя земли, освободивъ, разумѣется, отъ власти помѣщиковъ. Главными виновниками въ распространеніи этого слуха были крестьяне помѣщика Троумпеля, деревни Щурово, верстахъ въ полутора отъ Тумы. Кронштейнъ былъ съ головы до пятокъ помѣщикъ-крѣпостникъ и находилъ нужнымъ уничтожить въ мужикахъ всякую идею о свободѣ ихъ. А тутъ еще присоединилось то обстоятельство, что крестьяне

Троушпеля были отданы помѣщикомъ подъ его непосредственный надзоръ. Исправникъ останавливался въ Тумѣ въ домѣ экономическаго крестьянина Леонтьева, жившаго противъ насъ. Сюда были собраны и виноватые и правые мужики и составили обширный кружокъ. Исправникъ, ставши въ срединѣ его, вызвалъ къ себѣ трехъ преступниковъ, а кучеръ его тотчасъ же принесъ нѣсколько паръ пучковъ розогъ изъ довольно толстыхъ прутьевъ, получившихъ въ этомъ случаѣ названіе палокъ. Началась рѣчь о томъ, какъ глупо возставать противъ помѣщиковъ, распространять нелѣпые слухи и пр.; рѣчь обращалась и къ виновнымъ, и къ правымъ, которые всѣ стояли безъ шапокъ. Наконецъ, Кронштейнъ крикнулъ кучеру своему: „ну-ка, принимайся за дѣло, да смотри, чтобы руки не дрожали".—Кучеръ тотчасъ же подошелъ къ одному изъ преступниковъ, стащилъ съ него армякъ, поставилъ на средину круга. Потомъ взялъ одинъ пучокъ палокъ въ правую руку, а другой отдалъ молодому парню, который въ толпѣ показался ему способнымъ для экзекуціи. Стали, по обычаю, съ двухъ сторонъ несчастнаго и начали отпускать по его спинѣ удары пучками со всего размаха и изо всей силы. Наказавши одного, принялись за другаго и за третьяго. Удары были немилосердные; несчастные кричали ужасно; ихъ никто не держалъ, они стояли держа руки надъ своею головою, но иногда не выдерживали, ложились на землю, но тутъ едва-ли еще не сильнѣе были удары; бѣдняги опять вставали, опять ложились; менѣе сотни никому не досталось, а одинъ получилъ, кажется, до 200 ударовъ. И такъ какъ въ каждомъ пучкѣ было не менѣе 4—5 прутьевъ, то можно судить, каково было наказаніе, произведенное не по суду, а въ видѣ исправительной мѣры. Особенно жалко было смотрѣть на сѣдаго старика съ довольно умною и степенною физіономіею; и ему досталось, хотя и говорили, что онъ почти вовсе не былъ виновенъ.

Этотъ-то любитель плети и розогъ былъ отличнымъ исправникомъ когда дѣло касалось воровъ, особенно конокрадовъ и разбойниковъ, хотя и тутъ онъ не могъ отвыкнуть отъ Аракчеевскихъ понятій. Въ то время всякій воръ ссылался въ Сибирь, какъ скоро краденая вещь стоила болѣе 100 руб. ассигнаціями. На этомъ основаніи, какъ скоро попадался конокрадъ, то Кронштейнъ приказывалъ цѣновщикамъ оцѣнивать ее болѣе, нежели

въ 100 руб.; крестьяне исполняли его волю бо̀льшею частію безпрекословно; но если случались между цѣновщиками купцы, мѣщане, или даже крестьяне, которые затруднялись какую либо клячу оцѣнить во 100 руб., то исправникъ говорилъ имъ: „Лошадь дѣйствительно не стоитъ 100 руб., но вѣдь мужикъ безъ нея нищій,—ему не на чемъ ни пахать, ни снопы возить, ни за дровами съѣздить, и пр.; сосчитайте-ка, сколько онъ долженъ былъ понести убытку отъ кражи своей лошади — кромѣ того, развѣ ждать еще, пока воръ украдетъ дорогую лошадь? Нѣтъ, покончимте съ нимъ теперь". И дѣйствительно, поканчивали почти всегда, такъ что при первомъ трехлѣтіи, на которое Кронштейнъ былъ избранъ исправникомъ отъ Касимовскаго уѣзда, по носившимся тогда слухамъ, сослано было воровъ до 30-ти человѣкъ. При поимкѣ разбойниковъ онъ дѣйствовалъ еще суровѣе. Когда я учился въ училищѣ, то въ селѣ Нирмѣ, дьячокъ, о которомъ я уже говорилъ, и мужикъ обокрали свою церковь, за что и были наказаны кнутомъ, заклеймены и осуждены къ ссылкѣ въ каторжную работу; но мужикъ какъ-то ухитрился убѣжать изъ острога и нашелъ себѣ пристанище въ одной изъ деревень нирменскаго прихода, откуда и производилъ множество воровства и грабежей. Какъ ни усиливался Кронштейнъ поймать его, но не успѣвалъ. Наконецъ прибѣгъ къ самой радикальной мѣрѣ. Въ одинъ день, пріѣхавши въ деревню, гдѣ каторжникъ находилъ себѣ пріютъ, онъ собралъ всѣхъ мужиковъ и бабъ и сказалъ имъ: „Вотъ вы ужъ давно покровительствуете вору и разбойнику, прикрываете его у себя, дѣлитесь съ нимъ добычею его. Я ужъ много разъ говорилъ вамъ бросить это, и приказывалъ его поймать, но вы не послушались; ну, такъ сами же виноваты; я съ вами расправлюсь по своему". И тотчасъ приказалъ по очереди сѣчь всѣхъ до одного и до одной розгами; разумѣется, удары сыпались на обнаженную часть тѣла, и если ихъ было не черезчуръ много, однако и не мало, и каждый плотно прилипалъ къ тѣлу и оставлялъ на немъ слишкомъ видный рубецъ. Когда всѣ были высѣчены, то исправникъ вновь началъ говорить: „Вотъ вы сами до чего довели себя; смотрите же, приказываю вамъ непремѣнно поймать каторжника, а если вы его не доставите мнѣ въ теченіе двухъ недѣль, то пріѣду къ вамъ опять, и тогда ужъ задамъ не такую баню, какъ теперь. Эй, смотрите, поймайте, а

то опять пріѣду". Мужики и особенно бабы, которыхъ все-таки не часто сѣкали, не захотѣли въ другой разъ знакомиться съ исправническими проповѣдями; каторжникъ пойманъ и приведенъ къ Кронштейну въ Касимовъ еще до назначеннаго срока за нѣсколько дней.

Другое событіе происходило въ Тумѣ. Близь нея и въ ней самой привиталъ лѣтъ десять бѣглый солдатъ Герасимъ или, какъ его называли—Гараська. Онъ не разъ попадался въ острогъ, а иногда на зиму и самъ являлся туда, но къ веснѣ находилъ возможность убѣгать изъ него. Кронштейну ужасно хотѣлось поймать его, но разбойникъ былъ хитръ, при томъ съ жителями тумскими нельзя было поступить такъ же, къ съ нирменскими мужиками. Поэтому тактика была измѣнена. Въ деревнѣ Киряевѣ, въ 1 $^1/_2$ верстахъ отъ Тумы, жилъ бурмистръ Рюмина Дементій Ефимовъ, котораго любилъ Кронштейнъ за его распорядительность. „Эхъ, Дементій,—сказалъ ему однажды исправникъ,—сослужи ты мнѣ службу, большое спасибо скажу тебѣ".—Изволь, батюшка Карлъ Васильевичъ,—отвѣчалъ бурмистръ;—для васъ все готовъ сдѣлать, только прикажите.—„Такъ поймай мнѣ Гараську",—сказалъ ему Кронштейнъ.—Охъ нѣтъ, батюшка, уволь меня отъ этого, не могу, боюсь.—„Отчего же это? видишь ужъ и назадъ попятился, а сейчасъ обѣщался все сдѣлать для меня".—Такъ-то такъ, я дѣйствительно обѣщался, только не Гараську ловить.—„Да отчего боишься это сдѣлать?"—Какъ отчего, вѣдь его уже не разъ ловили, и онъ каждый разъ убѣгалъ изъ острога, и тогда плохо приходилось тѣмъ, кто его ловилъ: онъ и обкрадывалъ, и поджигалъ, да пожалуй, и убьетъ на-повалъ. Нѣтъ, батюшка Карлъ Васильевичъ, увольте.—„Эхъ, Дементій, Дементій, я тебя считалъ мужикомъ умнымъ, а ты не хочешь поймать Гараськи изъ боязни, что онъ уйдетъ изъ острогу! Эхъ, ты, глупая голова, поймай, да такъ, чтобъ ему уходить уже нельзя было".—Какъ же это сдѣлать? перебилъ Дементій.—„Ахъ ты, недогадливый! да вѣдь Гараська ходитъ на ногахъ, ну такъ сдѣлай, чтобы ноги ему не служили".—Оно, пожалуй, сдѣлать-то можно, и не мудрено, да за это самъ подъ судъ пойдешь. Вы, батюшка Карлъ Васильевичъ, сами знаете, что если не только ноги переломать хоть отъявленному разбойнику, а даже связать ему руки такъ, что отъ

веревокъ будутъ на нихъ рубцы, то и тогда достанется нашему брату отъ суда“.

Въ объясненіе этого обстоятельства нахожу нужнымъ прибавить, что, дѣйствительно, запрещено было, какъ и слѣдовало, увѣчить воровъ и разбойниковъ и наносить имъ удары безъ нужды. Но тогдашніе суды пользовались этимъ вовсе не изъ филантропическихъ побужденій, а для того, чтобы сорвать съ кого нибудь взятку. Привозили въ земскій судъ вора и разбойника; приказные, а также и другіе арестанты, научали ихъ жаловаться на своихъ поимщиковъ за то, что они ихъ били и увѣчили; тутъ шло, какъ говоритъ пословица, всяко лыко въ строку. Даже если дѣйствительно былъ на рукѣ или ногѣ синій рубецъ отъ крѣпко натянутой веревки, то судъ вызывалъ новыхъ виновныхъ, уличалъ ихъ въ изувѣчиваніи преступника, грозилъ и тѣмъ и другимъ; обыкновенно все оканчивалось взяткою секретарю и прочимъ, и небольшимъ подаркомъ арестанту. Поэтому случалось, что пойманныхъ воровъ связывали кушаками, а не веревками. Такимъ образомъ, Дементій имѣлъ поводъ не рѣшаться на предложенное исправникомъ радикальное средство.

Но исправникъ продолжалъ: „Да ты только переломай ноги и представь ко мнѣ, дѣло будетъ все покончено; не бойся, я все на себя принимаю“.—Неужели правда?—сказалъ Дементій, которому Гараська особенно былъ досаденъ теперь, обокравши не задолго его родственника.—„Увѣряю тебя, не бойся, поймай только, да не забудь переломать ноги, съ Гараською все покончится, и тебѣ ничего не будетъ“.—Слушаю, батюшка Карлъ Васильевичъ, не безпокойся, поймаю.

Дементій дѣйствительно принялъ ловкія мѣры. Изъ огромной вотчины, въ которой былъ бурмистромъ, онъ отобралъ нѣсколько десятковъ преданныхъ себѣ людей, и каждую ночь окружалъ десятками двумя изъ нихъ Туму, разставляя ихъ, незамѣтно для жителей, въ разныхъ условленныхъ мѣстахъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Гараська въ какую либо ночь придетъ въ Туму къ своимъ благопріятелямъ. Но разбойникъ, вѣроятно, провѣдавъ готовящуюся на него бурю, велъ себя осторожно, и караульные двѣ недѣли напрасно караулили цѣлыя ночи. Наконецъ, терпѣніе ихъ было награждено. Гараська, какъ послѣ сознался, опасаясь Кронштейна, рѣшился куда либо уѣхать подалѣе отъ Тумы, и къ вечеру,

подсмотрѣвши или получивши отъ своихъ повѣренныхъ извѣстіе, что нашъ сосѣдъ Леонтій оставилъ на ночь на гумнѣ двухъ лошадей и телѣгу, рѣшился воспользоваться такою оплошностью. Но хомутовъ, дуги и прочей упряжи не было. Въ сосѣдней деревнѣ Малькинѣ Гараська унесъ два хомута и прочую упряжь, оставленные мужикомъ на гумнѣ, и съ ними-то въ роковую для себя ночь подходилъ къ Тумѣ по тропинкѣ. Караульные замѣтили молодца, но чуть было не испортили всего дѣла. Разгорячившись, они подняли тревогу, когда Гараська былъ еще далеко отъ нихъ. Разбойникъ догадался о приготовленной для него ловушкѣ, бросилъ упряжь и спѣшилъ укрыться въ ближайшемъ лѣсу. Появившійся тутъ-же Дементій, увидѣвъ, что жертва ускользаетъ изъ рукъ, закричалъ преслѣдователямъ Гараськи: „Пускайте въ него колья!“ одинъ такой дѣйствительно сбилъ съ ногъ Гараську. Тогда налетѣло нѣсколько караульныхъ и всѣ они начали колотить Гараську кольями; Дементій только приговаривалъ: „Бейте по ногамъ!“ Разумѣется, разбойника принесли въ Туму: самъ уже идти онъ не могъ; поутру отправили его въ Касимовъ, гдѣ онъ въ острогѣ и умеръ. Кронштейнъ сдержалъ свое слово: Гараську никто не хотѣлъ слушать, что его изувѣчили,—такъ съ тобою и надо,—ему приговаривали.

Но жители и сами, не дожидаясь исправническихъ приказаній, не надѣясь на правосудіе судебныхъ и земскихъ властей, производили свой русскій линчевъ судъ и приводили сами свои приговоры въ исполненіе. Приговоры эти бо̀льшею частью бывали смертные, и осужденные спасались отъ нихъ развѣ случайно. Тумскій воръ Гришка, о которомъ я уже говорилъ, окончилъ свою жизнь, конечно, дома, пріобщившись Христовыхъ Таинъ, но не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Его поймали мужики или, лучше, догнали въ лѣсу съ украденными вещами и рѣшили съ нимъ раздѣлаться навсегда. Били на-смерть, и когда замѣтили, что онъ уже не дышетъ, сочли его мертвымъ и оставили на съѣденіе волкамъ. Но Гришка отлежался, пришелъ въ память, доползъ кое-какъ до дороги; его привезли домой, гдѣ онъ, прочахнувъ нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ такъ называемою христіанскою кончиною. Замѣчательно, что онъ не сказалъ—кто его и за что отколотилъ въ лѣсу на-смерть. Съ другими поступали иначе. Мещора страна болотистая; есть болота съ жидкою тиною, имѣю-

щія по нѣскольку сажень глубины. Покончивши съ разбойникомъ или воромъ, обыкновенно привязывали ему камень на шею и опускали въ болото. Иногда даже и живаго съ камнемъ на шеѣ точно также бросали въ болотистую тину, гдѣ онъ, разумѣется, погибалъ безвозвратно. Причина, почему болота въ этомъ случаѣ предпочитались рѣкамъ и озерамъ, состояла въ томъ, что въ этихъ ловили рыбу и могли бреднемъ или неводомъ вытащить утопленника съ камнемъ на шеѣ; тогда пошли бы розыски, и пришлось поплатиться не только деньгами, а даже спиною. Напротивъ, въ болотахъ никто ничего не ловитъ, притомъ тина въ нихъ скоро закрываетъ упавшія на ихъ дно предметы. На что же искать удобнѣе и безопаснѣе этого мѣста? Да, я и забылъ-было сказать, что Иванъ Стратоновичъ, о которомъ я говорилъ выше, чуть было не попалъ заживо въ болото; ему уже былъ привязанъ и камень на шею; оставалось только раскачать и бросить подальше въ болото, но случайно подошедшіе сторонніе люди помѣшали этому исполниться.

Гдѣ же не было ни болотъ, ни глубокихъ рѣкъ, а росли густые лѣса, тамъ, по мѣстному выраженію, прятали воровъ и разбойниковъ подъ кабёлъ. Для этого выбирали толстое и высокое дерево, особенно сосну, обрубали съ одной стороны корни его и, привязавши къ дереву довольно высоко веревку, наклоняли его въ ту сторону, съ которой корни не были подрублены. Дереву падать не дозволяли эти корни, но за то подрубленные корни другой стороны поднимались и оставляли подъ собою пустое пространство. Вотъ въ эту-то пустоту и укладывали мертваго, а иногда и живаго, разбойника, стараясь о томъ, чтобы онъ улегся или подъ самымъ стволомъ или близко отъ него. Тогда отвязывалась веревка, которою наклоняли дерево; оно поэтому опять принимало вполнѣ вертикальное положеніе. Этотъ-то способъ погребенія и назывался упрятываніемъ подъ каблюмъ. Замѣчательно, что иногда о такого рода убійствахъ знала вся окрестность, но молчали, т. е. не доводили до свѣдѣнія начальства. Въ домѣ биреневскаго священника Кузьмы, отца моего зятя, нирменскаго священника Василья Кузьмича Лебедева, однажды сидѣло множество народа, дожидаясь въ праздничный день обѣдни. Рѣчь зашла объ одномъ биреневскомъ мѣщанинѣ, извѣстнѣйшемъ ворѣ, про котораго уже давно не было никакихъ слуховъ. Спрашивали,

куда онъ дѣвался? Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: „Эка охота толковать о ворѣ, вѣрно хотите, чтобы онъ возвратился и опять началъ воровать?“—Ну, нѣтъ, ужъ не воротится,—возразилъ тутъ другой мужикъ, заика.—„А почему же ты думаешь, что онъ не воротится?“—Да какъ же ему воротиться: онъ уже столько-то времени лежитъ подъ кабломъ. Всѣ засмѣялись, впрочемъ, половина и безъ того уже знала о томъ.

Описанный мною „линчевъ судъ“, конечно, вынуждался крайнею необходимостью и тою потачливостью, которую начальство оказывало записнымъ ворамъ и разбойникамъ, умѣвшимъ пріобрѣсти и поддержать его благоволеніе, но выказывалъ грубость нравовъ и даже усиливалъ ее. Къ сожалѣнію, линчевъ судъ прилагали иногда къ такимъ лицамъ, которыя ровно ничѣмъ не были виноваты. Кстати уже я разскажу здѣсь объ одномъ изъ такихъ событій; тутъ, конечно, не было ни воровъ, ни воровства, ни разбоя, но цѣлая деревня дѣйствовала хуже шайки разбойниковъ. Въ 1840 году, бывши гостемъ въ дмитровскомъ погостѣ у моего батюшки, въ одинъ вечеръ я сидѣлъ въ кухнѣ въ то время, какъ всѣ тутъ ужинали. Дѣло зашло о разныхъ убійствахъ, и между тѣмъ о томъ, какъ мужики хотѣли было бросить Ивана Стратоновича съ камнемъ въ воду. Тогда ужинавшая тоже батюшкина работница, солдатка изъ деревни Ершовой, дмитровскаго прихода (это не то Ершово, о которомъ, какъ о разбойнической деревнѣ, я выше говорилъ, и которое находилось въ подлипковскомъ приходѣ Рязанскаго уѣзда), Анна сказала: „да что вы объ этомъ толкуете? Вотъ я вамъ разскажу получше штуку“. Передаю я ея разсказъ. Въ деревнѣ Ершовой, гдѣ родилась Анна, былъ старикъ, выжившій изъ рода, т. е. не имѣвшій ни дѣтей, ни внучатъ, ни правнучатъ, а потому и проживалъ онъ то у того, то у другаго дальняго какого либо родственника, и не считался принадлежащимъ къ какой либо семьѣ. Поэтому, при одной такъ называемой ревизіи, или народной переписи, его и не записали въ списокъ жителей деревни, или, по тогдашнему выраженію, пропустили. Въ то время чрезвычайно суровы были наказанія и штрафы которые налагались на старостъ и на вотчину, если кто либо бывалъ пропущенъ въ ревизіи. Мужики какъ-то узнали о томъ, что бездомный старикъ не попалъ въ перепись; думали, думали, да и придумали. Старикъ, какъ это дѣлаютъ многіе слишкомъ

пожилые люди, постоянно ожидающіе смерти, пріобщался чрезъ каждыя шесть недѣль, чтобы въ случаѣ внезапной смерти священникъ не отказался похоронить его. Однажды мужики и бабы всей деревни собрались на какой-то дворъ и объяснили старику: „что вотъ ты пропущенъ въ ревизіи, что изъ-за тебя намъ придется платить большой штрафъ и староста пойдетъ на поселеніе, что ты пожилъ уже на свѣтѣ и пора тебѣ умереть; такъ помолись-ка Богу, а мы съ тобою и покончимъ". Анна, смотрѣвшая на эту сцену съ улицы въ подворотню вмѣстѣ съ другими дѣтьми, разсказывала, что старикъ всячески упрашивалъ своихъ палачей не трогать его,—онъ и безъ того скоро умретъ; но они, не смотря на его просьбу, составили петлю на срединѣ длинной веревки, надѣли на шею старика и потомъ, ухватившись за концы веревки всѣ безъ исключенія, и бабы и мужики, потянули ихъ и цѣлымъ міромъ удавили старика. Надобно думать, что дали порядочную взятку попу, который и похоронилъ его безъ суда и слѣдствія. Анна добавила, что еще во время ея разсказа много было живыми изъ тѣхъ бабъ и мужиковъ, которые участвовали въ этомъ ужасномъ преступленіи. Теперь, какъ я пишу это, вѣроятно, ужъ нѣтъ никого изъ нихъ на бѣломъ свѣтѣ. Событіе это происходило въ царствованіе императора Александра I-го.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

VI [1]).

Пребываніе въ Петербургѣ.—Отношеніе къ обществу и литературному кругу.— Путешествіе въ восточную Россію.—Историческіе труды.— 1831—1834 гг.

Новобрачные Пушкины со дня свадьбы прожили въ Москвѣ до Ѳоминой недѣли 1831 года (Пасха была 19-го апрѣля); затѣмъ отправились въ Петербургъ, откуда, послѣ непродолжительнаго пребыванія, переѣхали на дачу въ Царское Село. Озабоченный устройствомъ домашнихъ дѣлъ, Пушкинъ на нѣкоторое время прекратилъ свои литературныя занятія. Весна и лѣто страшнаго холернаго года были счастливѣйшею эпохою въ жизни поэта. По прихоти судьбы, первые мѣсяцы супружества ему было суждено проводить въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ протекла его юность. Ближайшими сосѣдями Пушкиныхъ по дачѣ были В. А. Жуковскій и очаровательная своею любезностью А. О. Смирнова. О дружбѣ съ обоими поэтами и о посѣщеніи ихъ Александра Осиповна многое разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ [2]). Въ Царскомъ Селѣ весною 1831 года жилось весело, не смотря на то, что польская кампанія была въ самомъ разгарѣ, а холера съ запада и съ востока надвигалась на столицу. Политическія событія не надолго отвлекли Пушкина отъ любви и дружбы, единственно затѣмъ, чтобы высказать взглядъ на польскій бунтъ и на свои отношенія къ полякамъ... Дѣло въ томъ, что одинъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXV, стр. 371—388; 671—690 т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 129—148.

[2]) Воспоминанія г-жи Смирновой были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г., стр. 1869 и слѣд.

изъ членовъ временнаго правительства въ Варшавѣ, Іоахимъ Лелевель [1]), въ пламенной рѣчи по поводу возстанія, произнесенной имъ въ національномъ собраніи, выразилъ свое сочувствіе къ Пушкину, какъ къ поэту, произведенія котораго проникнуты свободолюбіемъ и какъ бы доброжелательствомъ полякамъ. Была-ли эта рѣчь напечатана въ иностранныхъ газетахъ [2]), инымъ-ли какимъ нибудь путемъ, но она дошла до свѣдѣнія правительства, о чемъ Пушкину сообщилъ дальній родственникъ семейства Гончаровыхъ—графъ Григорій Александровичъ Строгановъ [3]). По поводу этого-то сообщенія, Пушкинъ писалъ графу:

— Monsieur le comte! J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me paroit plus dûre qu'un exil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte au sermon. Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de Madame votre femme et agréez l'hommage de ma haute considération. Alexandre Pouchkine.

(Переводъ). Графъ! Печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако-же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ.

Отповѣдью Пушкина, по видимому, были написанныя имъ (въ августѣ того же 1831 года) стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». Въ обоихъ Пушкинъ является пламеннымъ защитникомъ интересовъ своей родины.

Вѣсть о появленіи холеры въ Петербургѣ застала Пушкина въ садахъ Царскаго Села, воздухъ котораго, благодаря разобщенію лѣтней резиденціи съ столицей, не былъ отравленъ заразою. Поэзію ужаса, неразлучную съ появленіемъ моровыхъ повѣтрій, Пушкинъ, еще за годъ передъ тѣмъ, передалъ неподражаемо въ драматическихъ своихъ сценахъ: «Пиръ во время чумы». Холера носилась

---

[1]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 года, т. XXII, стр. 633—656, и т. XXIII, стр. 75—98 (Лелевель род. 1785 † 29-го мая 1861 г.).

[2]) Пересмотрѣвъ французскія газеты 1831 года, мы не нашли въ нихъ не только подлинной рѣчи Лелевеля, но даже и малѣйшаго на нее намека.

[3]) Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ прославился энергіею и распорядительностью въ бытность свою нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, въ 1821 году. Онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ семействомъ Гончаровыхъ, а впослѣдствіи—однимъ изъ опекуновъ дѣтей Пушкина.

близко отъ него еще въ 1830 году, когда онъ проживалъ въ Болдинѣ и въ Москвѣ; для него эта зараза не была новостью... но годъ назадъ жизнь поэта еще не была связана съ жизнью страстно любимой жены. Прогрессивный періодъ холеры продолжался, какъ извѣстно, четыре недѣли (съ 7-го іюня по 7-е іюля); въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца въ Петербургѣ умирало отъ эпидеміи не менѣе 1,000 человѣкъ въ день. Въ эту самую пору, Пушкинъ писалъ въ Тригорское, Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой:

Sarskoé Sélo. 29 Juin, 1830 [1].

Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à m-lle Euphrosine tout le bonheur dont ici bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'emeute s'est apaisée; mais les desordres se sont renouvellés depuis.

Peut être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui j'usqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies d'l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute consi-

---

[1] Очевидная описка; слѣдуетъ читать: 1831 года.

dération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Адресъ: «Ея высокородію м. г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку». Письмо исколото въ карантинѣ.

Царское Село, 29-го іюня 1830 (1831) года.

(Переводъ). Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое [1]).

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовался нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился Императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ [2]): «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, что это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и дорогаго друга моего, увѣдомить меня, нельзя-ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкиномъ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жены моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее представить.

---

[1]) Евпраксія Николаевна Вульфъ выходила тогда замужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго. Счастливые супруги съ дѣтьми и внучатами живутъ и понынѣ въ Псковской губ., въ своемъ селѣ Голубовѣ, въ 17-ти верстахъ отъ воспѣтаго Пушкинымъ и Языковымъ села Тригорскаго и сосѣдняго съ нимъ села Михайловскаго.

[2]) Любопытно сличить разсказъ Жуковскаго объ этомъ же событіи. Онъ также написалъ письмо (и также по французски) къ принцессѣ Луизѣ Прусской, отъ 4-го іюля 1831 года.

29 Juillet. Zarskoé Sélo.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur—prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'O—a, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrets, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorod dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les medecins ont été massacrés avec un rafinement d'atrocité! L'Empereur y est allé, et a apaisé l'emeute avec un courage et un sang-froid admirable (sic); mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux emeutes, et les emeutés à sa présence. Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Si cette vérité était connue avant, nous eussions evité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remêts en vos mains mes interêts et mes projets.. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu, je tiens à être votre voisin et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qu'il parait, vont me retenir à Petersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes esperances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma considération. Je salue toute votre famille.

29-го іюля. Царское Село.

(Переводъ). Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца—благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ отнесъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ ними, о шалости —и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои

болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться уже нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете-ли, что въ Новгородѣ, въ военныхъ поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подъ тѣмъ же нелѣпымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительною храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ—къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Если бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули-бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву—деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобы рецептъ этотъ не понадобился вамъ въ Тригорскомъ. Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, по видимому, въ Петербургѣ болѣе чѣмъ-бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству.

Пушкины прожили въ Царскомъ Селѣ до 22-го октября и по переѣздѣ въ Петербургъ наняли квартиру въ Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорнъ. Тогда же Александръ Сергѣевичъ писалъ въ Москву, другу своему Павлу Воиновичу Нащокину: «...обо всемъ надо подумать. Не знаю, не затѣю-ли чего нибудь литературнаго, журнальнаго альбома, или тому подобнаго: лѣнь! Кстати, я издаю «Сѣверные Цвѣты» для братьевъ покойнаго Дельвига—заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь [1]). Поклонъ твоимъ, обнимаю отъ сердца». Но, кромѣ изданія альманаха, Пушкинъ прилежно занимался въ государственныхъ архивахъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго; хлопоталъ о поступленіи своемъ на службу, на которую и былъ зачисленъ 14-го ноября 1831 года (по вѣдомству государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ), съ производствомъ жалованья по пяти тысячъ руб. ассигнаціями въ годъ, по особенному благоволенію Государя Императора.

Съ этого времени по самый день несчастнаго своего поединка, великій поэтъ былъ неутомимымъ труженикомъ для жены и дѣтей. Завистники и недоброжелатели обвиняли его въ корыстолюбіи, въ алчности къ наживѣ, даже въ неблагодарности къ Государю, именно въ томъ смыслѣ, что, не довольствуясь пожалованнымъ ему окладомъ,

---

[1]) Пушкинъ говоритъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина», тогда только что вышедшихъ изъ печати.

Пушкинъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ своему державному покровителю съ просьбами о пособіяхъ. Память поэта въ оправданіяхъ не нуждается, а обвинители его не рѣшились бы на порицанія, если бы безпристрастнѣе отнеслись къ общественному положенію Пушкина. Женитьба на Гончаровой породнила его съ нѣкоторыми знатными фамиліями обѣихъ столицъ; посѣщеніе большаго свѣта было насущною потребностью для жены Пушкина, свѣтски образованной, молодой красавицы... Эти выѣзды были сопряжены съ немалыми расходами. Хотя простота одежды самого Пушкина доходила почти до небрежности (въ которой иные видѣли своего рода оригинальность или желаніе подражать Байрону), но онъ, любя страстно жену, не могъ равнодушно относиться къ ея туалету. Несомнѣнно, что скромность въ его одеждѣ, эта мнимая оригинальность, была ничѣмъ другимъ какъ самопожертвованіемъ съ его стороны. Замѣтимъ, что люди такого сорта, для которыхъ свѣжесть перчатокъ, покрой фрака, или изящно повязанный галстухъ служатъ мѣриломъ достоинства человѣческаго, изподтишка глумились надъ Пушкинымъ, но и онъ не оставался въ долгу: пустота, фатство, мишурность свѣтскаго круга часто вызывали у него цѣлый рядъ колкостей. Графъ Соллогубъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Пушкинѣ весьма вѣрно передаетъ положеніе поэта въ кругу великосвѣтскихъ людей, полагающихъ хорошій тонъ единственно въ соблюденіи условій ненарушимаго кодекса общежитія. «Главное несчастіе Пушкина,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его убившею. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которою не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ, и по достатку и по значенію, въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: «карету Пушкина!»—Какого Пушкина?—«Сочинителя»... Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто-бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, и т. п. Прочимъ же условіямъ онъ подчинялся безусловно. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ и соперницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнке-

ромъ (къ январю 1834 года). Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва-ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у него часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ»...

Въ томъ же большомъ свѣтѣ Пушкинъ встрѣчалъ разныхъ особъ, кичившихся передъ нимъ знатностью происхожденія, тогда какъ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, и въ данномъ случаѣ гордецы, по чванству—бояре эпохи мѣстничества, жестоко ошибались. Тѣмъ не менѣе, большинство нашей знати относилось къ Пушкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Литературныхъ враговъ Пушкина—писателей по ремеслу, это радовало: «ништо ему,—говорили они,—зачѣмъ льнетъ къ аристократіи, зачѣмъ садится не въ свои сани». Такимъ образомъ Пушкинъ, по общественному своему положенію, находился между двухъ огней: презрительное пренебреженіе знати—съ одной стороны, ненависть и укоризны литературной мелочи—съ другой.

Замѣтимъ при этомъ, что въ тридцатыхъ годахъ русскіе писатели дѣлились на литераторовъ-господъ и на господъ литераторовъ. Къ первымъ принадлежали: князья В. Ѳ. Одоевскій, П. А. Вяземскій и А. А. Шаховской; графы С. С. Уваровъ и Д. И. Хвостовъ; Д. Н. Блудовъ, А. Н. Муравьевъ, В. И. Панаевъ, А. С. Норовъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій; изъ военныхъ, въ генеральскихъ чинахъ: И. Н. Скобелевъ и А. И. Михайловскій-Данилевскій. Къ числу «господъ-литераторовъ» принадлежали корифеи нашей журналистики: Гречъ, Булгаринъ, Воейковъ, Сенковскій, Полевой и пр. Питая презрѣніе къ послѣднимъ, Пушкинъ придерживался писателей-сановниковъ; примѣру его вскорѣ послѣдовалъ и Гоголь. Презрѣніе Пушкина къ журналистамъ имѣло причины. Достаточно вспомнить неприличныя выходки Булгарина, направленныя противъ великаго поэта, грубость полемическихъ пріемовъ и неряшливость нашихъ литературныхъ нравовъ того времени вообще—чтобы оправдать Пушкина. Прикрываясь псевдонимомъ «Косичкина», поэтъ бичевалъ Булгарина нещадно; не скрывалъ своего отвращенія къ собраніямъ литераторовъ въ редакціяхъ, книжныхъ магазинахъ и типографіяхъ, гдѣ бесѣда начиналась обѣдомъ со спичами, стихами и т. п., а оканчивалась потасовками или плясками въ присядку подъ хоровое пѣніе жуковскихъ пѣсенниковъ. Понятна послѣ этого вся ядовитость отвѣта Пушкина, на вопросъ

одного изъ своихъ знакомыхъ: почему не бываетъ онъ на вечерахъ у журналиста N. N.?

— «Я человѣкъ женатый, и въ такіе дома ѣздить не могу!»

Къ новому 1832 году Пушкинъ возвратился въ Петербургъ изъ Москвы, куда ѣздилъ для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ и откуда спѣшилъ возвратомъ для занятій историческими своими трудами, а также для изданія газеты или журнала и послѣдней главы «Евгенія Онѣгина». Какъ черту, свидѣтельствующую о суевѣріи великаго поэта, приводимъ выдержку изъ его письма къ П. В. Нащокину (отъ 5-го января 1832 года):

«...Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ Опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь—и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую».

Къ П. А. Осиповой Пушкинъ постоянно питалъ чувство искренней пріязни. Слѣдующія два письма писаны имъ были въ 1832 году; первое писано въ началѣ января, второе осенью.

Помѣта рукою П. А. Осиповой: reçue le 14 de Janvier 1832.

Recevez, madame, mes bien cincères remerciments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à-fait gâté.

Je vous envoye, madame, les «Сѣверные Цвѣты» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins de contes à dormir débout; je souhaite que cela vous amuse un moment. Nous avons appris ici la grossese de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embellissent une jenne femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. A. P.

Помѣта: получено 14-го января 1832 г.

(Переводъ). Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость—потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ-ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ, по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Лѣвинова). Онъ долженъ заключать въ себѣ (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ, умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», коихъ я недостойный издатель. Это—послѣдній годъ этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ казаться вамъ недавнею. Прилагаю къ этому снотворныя сказки; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услыхали здѣсь о беременности дочери вашей. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно оправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ; дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью.

Благоволите, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи и неизмѣнной преданности. А. П.

— M-r Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême: j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'ecrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée comme nous tous. Il n'est rien de plus sage, que de rester dans son village et d'arroser ses choux,—vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une xistence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille.

(Переводъ). Г. Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштадт-

ской, въ домѣ Алымова». Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ, также какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту,—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся-ли мы нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо если-бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству.

Осенью 1832 года Пушкинъ познакомился съ Н. В. Гоголемъ. Любовь и благоговѣніе къ Пушкину автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться: поэты поняли и оцѣнили другъ друга... Мысль написать «Ревизора» и фабула «Мертвыхъ Душъ» были внушены Гоголю Пушкинымъ. Объ этомъ самъ Гоголь упоминаетъ въ своей «Авторской Исповѣди» (стр. 268—269 изд. 1855 г.): «онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы», и сюжета этого, по словамъ самого Пушкина—«онъ бы не отдалъ никому другому»... По этому поводу приводимъ разсказъ родной сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлищевой, записанный съ ея словъ сыномъ ея [1]).

— «Гоголь, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ первый открылъ громадный талантъ и много содѣйствовалъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ, сблизился съ Пушкинымъ въ 1832—1833 годахъ. Посѣщая Александра Сергѣевича, онъ часто пользовался его совѣтами. Бесѣдовали же они, бо̀льшею частью, глазъ-на-глазъ, такъ какъ Николай Васильевичъ въ присутствіи дамъ конфузился, въ чемъ неоднократно сознавался Александру Сергѣевичу.

«Въ одну изъ этихъ бесѣдъ, Пушкинъ передалъ Гоголю слышанную имъ новость, что какой-то господинъ, жившій въ Псковской губерніи (не подалеку отъ Михайловскаго), занимаясь покупкою мертвыхъ ревизскихъ душъ, попался въ этихъ подвигахъ властямъ предержащимъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ:

— «Знаете ли, Гоголь, что это отличный матеріалъ и какъ разъ мнѣ на руку: я имъ займусь... Къ стихамъ я нынѣ охладѣлъ и, какъ вамъ извѣстно, занимаюсь прозою»...

«Николай Васильевичъ выслушалъ исторію о первообразѣ своего «Чичикова» съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, не подавая вида, что онъ принимаетъ ее къ свѣдѣнію. Между тѣмъ, впослѣдствіи,

---

[1]) Львомъ Николаевичемъ Павлищевымъ, сообщившимъ этотъ разсказъ редакціи «Русской Старины», 19-го января 1872 года.

Александръ Сергѣевичъ показывалъ своей сестрѣ самую программу повѣсти, или романа, на сюжетъ похожденій скупщика мертвыхъ душъ. Но Гоголь предупредилъ его и когда трудъ его на столько подвинулся, что онъ сообщилъ о немъ Жуковскому и Плетневу— Александръ Сергѣевичъ былъ этимъ крайне недоволенъ.

— «Языкъ мой—врагъ мой,—говорилъ онъ женѣ своей.—Гоголь, хитрый малороссъ, воспользовался моимъ сюжетомъ. Исторію г-на N: N., которую я ему разсказывалъ, онъ какъ будто пропустилъ мимо ушей... Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ во мнѣ нѣтъ».

«Чтеніе самимъ Гоголемъ первыхъ главъ его «Мертвыхъ Душъ» Пушкину не только примирило великаго поэта съ похитителемъ его идеи, но заставило еще болѣе прежняго поощрять Николая Васильевича къ его литературнымъ трудамъ».

Заботы о средствахъ къ обезпеченію семейства часто и довольно надолго отвлекали Пушкина отъ его домашняго очага. Супружеская жизнь поэта продолжалась почти шесть лѣтъ и изъ этого періода надобно вычесть годъ и три мѣсяца (въ общей сложности), проведенные имъ въ разлукѣ съ женою и дѣтьми. Частыя отлучки, разумѣется, много способствовали развитію чувства ревности въ пылкой душѣ поэта. Это чувство особенно рѣзко проявлялось въ его письмахъ къ женѣ, въ недавнее время напечатанныхъ [1]). Появленіе этихъ писемъ, не смотря на предисловіе И. С. Тургенева, въ которомъ онъ выяснилъ важность ихъ значенія въ передачѣ «нравственнаго облика поэта», возбудило много разнорѣчивыхъ толковъ—за и противъ. Откровенный ихъ тонъ, нецеремонность выраженій, домашнія и чисто семейныя дѣла, разоблаченныя предъ глазами читателей—все это показалось нѣкоторымъ какъ-бы профанаціею памяти великаго поэта. Другіе (большинство), съ редакторомъ этихъ писемъ во главѣ, признали ихъ изданіе подвигомъ со стороны дочери Пушкина, графини Н. А. Меренбергъ (бывшей Дубельтъ) и громадною съ ея стороны услугою, оказанною исторіи русской словесности. Не вдаваясь въ разборъ вопроса—на сколько правы обѣ стороны, мы дозволимъ себѣ нѣсколько выдержекъ изъ переписки Пушкина съ его женою, въ той мѣрѣ, на сколько онѣ способствуютъ выясненію постепеннаго развитія въ душѣ поэта чувства ревности.

«(Москва, 26-го сентября 1832 г.)... Верьхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благо-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г., январь и мартъ.

склонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февраля 18-го, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, нещастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А нещастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть, и пр., и пр. Княжны Вяземскія слышали весь разговоръ и думаютъ, что нещастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю—Пѣтушковъ, или Вуяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? Не правда ли, интересный анекдотъ?

«(27-го сентября).... Не хорошо только, что ты пускаешся въ разныя кокетства: принимать (Мусина)-Пушкина тебѣ не слѣдовало, во первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіе сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

«(30-го сентября). Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать Пушкина. Просидѣла-бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресенья ты отъ меня письма не получила, а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не кокю-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадоны, etc., etc.—Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

«А бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ.

«(Октября 3-го).... Видишь-ли, что я правъ, а ты кругомъ виновата. Виновата: 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно, важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе, будто-бы подобное Нащокинскому! женка, женка!»

Не трудно замѣтить, читая эти письма, что грустное чувство рев-

ности пробивается сквозь шутливый тонъ, но покуда поэтъ пеняетъ женѣ на кокетничанье, съ боязнью допустить мысль, чтобы она могла подать и малѣйшій поводъ къ ревности основательной. Это лишь зародыши той кипучей, слѣпой ревности, которая привела Пушкина къ безвременной могилѣ.

Пребываніе его въ Москвѣ въ 1832 году продолжалось съ 17-го сентября до первыхъ чиселъ октября. По возвращеніи своемъ къ женѣ и дѣтямъ, онъ успокоился отъ своей душевной тревоги; по крайней мѣрѣ, его присутствіе замыкало уста праздному злословію и отдаляло отъ его жены докучливыхъ свѣтскихъ любезниковъ.

Раннею весною 1833 года Александръ Сергѣевичъ съ женою и дочерью, младенцемъ-первенцомъ, переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, гдѣ въ то время обыкновенно жили многіе представители высшаго круга. Черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ, Пушкинъ писалъ П. А. Осиповой:

(Помѣта: reçue le 20 de Mai 1833).

— Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre aimable lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés, ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiètude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mas parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage.

(Переводъ). «Получено 20-го мая 1833».—Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, дорогая Прасковья Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякаго рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій,

но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ имъ сопутствовать!

Жизнь Пушкина на дачѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни труженика-чиновника, ежедневно ходящаго на службу. Александръ Сергѣевичъ также ежедневно пѣшкомъ ходилъ съ Черной рѣчки въ государственный архивъ и въ библіотеку Эрмитажа. Купанье поддерживало его силы, а часы досуга онъ посвящалъ бесѣдамъ съ навѣщавшими его знакомыми, визитамъ съ женою, и уединеннымъ прогулкамъ по окрестностямъ, именно: на острова и въ Новую деревню, гдѣ ему особенно нравилось кладбище. Свѣтлыя лѣтнія ночи, такъ неподражаемо имъ воспѣтыя въ «Онѣгинѣ» и «Мѣдномъ Всадникѣ», были по прежнему любезны поэту и въ ночной тиши всего чаще осѣняло его вдохновеніе. Въ одну изъ подобныхъ вечернихъ прогулокъ на Крестовскомъ островѣ, онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, гвардейскаго офицера барона Ст., съ какимъ-то пріѣзжимъ нѣмцемъ. Ихъ пошлые комплименты и приторныя любезности до того надоѣли Александру Сергѣевичу, что онъ убѣжалъ отъ нихъ; но эта встрѣча доставила нѣмцу случай посвятить памяти Пушкина нѣсколько страницъ, мѣстами проникнутыхъ чувствомъ и не лишенныхъ поэзіи. Приводимъ нѣкоторыя выдержки. Разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ [1]).

— «Тоска и разобщеніе съ свѣтомъ были замѣтны въ рѣчахъ Пушкина. Онѣ не казались мнѣ пустымъ, наружнымъ представленіемъ, такъ часто проявляющимся въ словахъ поэтовъ, алчно наслаждающихся жизнію. Такъ нѣкогда наслаждался и Пушкинъ и наслажденія его утомили, что доказывается его лѣнивымъ молчаніемъ въ послѣдніе годы жизни (?).

«На вопросъ нашъ, не увидимъ-ли мы скоро новое его произведеніе, онъ отвѣчалъ: «Я не могу болѣе работать! Здѣсь-бы я хотѣлъ построить себѣ хижину и сдѣлаться отшельникомъ»... прибавилъ онъ съ улыбкою.

— «Еслибъ въ Невѣ были прекрасныя русалки»,—отвѣчалъ мой спутникъ, намекая на прелестное, юношеское стихотвореніе Пушкина «Русалка» («Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ») и приводя изъ него слова, которыми она зоветъ пустынника:

«Монахъ! монахъ! ко мнѣ! ко мнѣ!

---

[1]) Ein Russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833 von T. Tietz (Familien-Journal v. 1865, № 606).

— «Какъ это глупо! — пробормоталъ поэтъ, — никого не любить кромѣ самого себя».

— «У васъ достойная любви, прекрасная жена», — сказалъ ему мой товарищъ. Насмѣшливое, протяжное «да» было отвѣтомъ. Потомъ онъ заговорилъ о красивой лошади, купленной моимъ другомъ, и прибавилъ: «Завтра послѣ обѣда я заѣду къ вамъ: мнѣ надобно посмотрѣть вашего коня».

«Я сказалъ пару словъ, выражая мое восхищеніе прекрасною, теплою сѣверною ночью. «Она очень пріятна послѣ сегодняшней страшной жары», небрежно и прозаически отвѣчалъ мнѣ поэтъ..... Товарищъ мой смѣшался, стараясь навести поэта на болѣе серьезный разговоръ; но онъ постоянно отъ того уклонялся.

— «Тамъ вечерняя заря, малое пространство ночи, а тамъ уже заря утренняя», — задумчиво сказалъ мой другъ, показывая на горизонтъ, склонявшійся къ сосѣднему взморью. — «Смерть, мракъ гроба и пробужденіе къ прекраснѣйшему дню!»

— «Оставьте это, мой милый!» — отвѣчалъ Пушкинъ съ улыбкою. «Когда мнѣ было 22 года, знавалъ и я такія превыспреннія мгновенія... Но въ нихъ ничего нѣтъ дѣйствительнаго... Утренняя заря, пробужденіе.... Мечты, только мечты!»

«.....Въ это время внизъ по Невѣ плыла лодка съ многочисленною компаніею. Бывшіе на ней пѣвцы только что окончили народную пѣсню. Пушкинъ внимательно вслушивался въ ея послѣдніе звуки и нога его невольно двигалась, какъ въ русской пляскѣ. Раздалось нѣсколько аккордовъ гитары и пріятный мужской голосъ запѣлъ пѣсню Пушкина: «Черная шаль». Если я не ошибаюсь, эта пѣсня была положена на музыку знаменитымъ композиторомъ Глинкою [1]) — такъ что музыка соотвѣтствовала ея содержанію (?). Лишь только окончилась первая строфа, какъ Пушкинъ, лицо котораго показалось мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, проговорилъ какъ-бы про-себя:

«Съ тѣхъ поръ я не знаю спокойныхъ ночей....»

— «И сказавъ намъ отрывисто: «Bon soir, messieurs», исчезъ въ зеленой темнотѣ лѣса».

Въ исходѣ лѣта, 12-го августа, взявъ формальный отпускъ отъ мѣста своего служенія, Пушкинъ отправился въ путешествіе по юго-восточной Россіи. Онъ хотѣлъ заѣхать предварительно въ Дерптъ,

---

[1]) Авторъ ошибается, какъ и во многихъ мѣстахъ своего біографическаго очерка. Музыка романса «Черная шаль» сочинена А. Н. Верстовскимъ и плясовой ея мотивъ всего менѣе соотвѣтствуетъ словамъ.

посѣтить Екатерину Андреевну Карамзину, которая проживала здѣсь по случаю нахожденія въ университетѣ ея сына, Андрея Николаевича (въ числѣ товарищей котораго находился графъ В. А. Соллогубъ). Что-то помѣшало, однако, поэту исполнить это намѣреніе (см. письмо къ женѣ отъ 8-го октября). Онъ отправился прямо въ Москву и въ концѣ августа былъ уже въ своемъ Болдинѣ (Нижегородской губерніи); 6-го сентября прибылъ въ Казань: ѣздилъ за 10 верстъ отъ города на Троицкую мельницу, гдѣ стоялъ лагеремъ Пугачевъ; посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. Въ городѣ, съ самымъ искреннимъ радушіемъ былъ принятъ въ домѣ К. Ѳ. Фуксъ; съ нимъ и его супругою, Александрою Андреевною († 4-го февраля 1853 г.), Пушкинъ долго бесѣдовалъ о магнитизмѣ, въ который вполнѣ вѣрилъ, о ясновидѣніи, предчувствіяхъ, примѣтахъ... припоминалъ и предсказаніе ворожеи о его грядущей участи, именно—погибели отъ «бѣлаго человѣка»... На слѣдующій день, 8-го сентября, Пушкинъ отправился въ Симбирскъ; 12-го посѣтилъ село Языково, принадлежавшее поэту Николаю Михайловичу Языкову; 14-го числа, выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ третьей станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. 19-го сентября онъ прибылъ въ Оренбургъ. Сопутствуемый Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, объѣхалъ Оренбургскую линію крѣпостей, повсюду отыскивая преданій и свидѣтельствъ очевидцевъ о Пугачевѣ. Въ числѣ такихъ былъ старикъ Димитрій Пьяновъ, а въ селеніи Берды—старая казачка, бывшая любовница самозванца. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ привѣтствованъ всѣмъ городскимъ обществомъ, которое дало въ честь его обѣдъ. 23-го сентября онъ выѣхалъ изъ Оренбурга, и чрезъ Саратовъ и Пензу прибылъ въ Болдино 2-го октября. Здѣсь провелъ болѣе мѣсяца и къ 28-му числу ноября возвратился въ Петербургъ.

Слѣдующія выдержки изъ писемъ Пушкина къ женѣ, написанныхъ въ этотъ періодъ времени, свидѣтельствуютъ о возобновленіи душевной тревоги и мучительныхъ ревнивыхъ думъ, постоянныхъ его спутницъ при разлукѣ съ Наталіею Николаевною:

«(21-го августа). Машу не балуй, а сама береги свое здоровье. не кокетничай. 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ.

«(4-го октября). Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ и также озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка! Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности.

«(10-го октября). Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на кн. Хилковой. Давно-бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои—чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина»...

Наконецъ, отъ шутокъ Пушкинъ переходитъ къ болѣе серьезному тону:

«(30-го октября). Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ искокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за . . . . бѣгаютъ . . . . [1]); есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которые за тобою ухаживаютъ? Не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то—можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою беэпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись.—Да, Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все, что пахнетъ московскою барышнею, все что не comme il faut, все что vulgar.... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой аристократическій тонъ измѣнился — разведусь, вотъ те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя».

---

[1]) Выпускъ пяти словъ въ печати указываетъ, что Пушкинъ выразился крайне рѣзко и непристойно.

«(8-го ноября). Другъ мой, женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ и, кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ, и хоть оно имѣетъ свои приятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; курва, у которой переняла ты прическу (NB. ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью), Nipon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно.—Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка, чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги-же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности, etc., etc.,—не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я на-дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ».

Пушкинъ возвратился въ Петербургъ къ 28-му числу ноября 1833 г., съ богатымъ запасомъ новыхъ произведеній, между которыми находились «Мѣдный Всадникъ» и «Исторія Пугачевскаго бунта». Его тревожили теперь заботы о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатаніи этого труда; однако-же на него, благодаря высочайшему покровительству государя, цензура не наложила своей руки...

Въ домашнемъ быту, великій поэтъ немало страдалъ и отъ денежныхъ недостатковъ. Судьба видимо отказала ему въ мирной, спокойной жизни. Въ половинѣ декабря 1833 года онъ писалъ въ Москву къ Нащокину:

— «Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго съ нетерпѣніемъ, желая знать, что́ дѣлается съ тобою и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

«Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Өедоровичъ) пила твое здоровье и желала тебѣ всякого благополучія. Объ

Алешѣ [1]) не имѣю извѣстія: онъ живетъ у Эристова [2]), а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать; онъ безпокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ, не плачетъ-ли мальчикъ и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ? Успокой старика, какъ умѣешь.

«Не знаю, буду-ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди [3]) дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства.— Не знаю, войдутъ-ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я неприятности денежныя: я сговорился было съ Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что «Мѣднаго Всадника» цензура не пропустила - это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію (Пугачевскаго бунта), то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень неприятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

«Всѣ мои здоровы—крестникъ твой [4]) тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай—кланяюсь князя Гагарину [5]) и желаю вамъ обоимъ щастія. А. П.».

Опасенія Пушкина на счетъ цензурнаго пропуска «Исторіи Пугачевскаго бунта» оказались напрасными: государь, вмѣстѣ съ высочайшимъ разрѣшеніемъ печатать Исторію въ одной изъ казенныхъ типографій по собственному выбору Пушкина, пожаловалъ ему заимообразно 20,000 руб. асс. на изданіе и званіе камеръ-юнкера (31-го декабря 1833 года). Новый 1834 годъ начался для Пушкина при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ; а между тѣмъ, въ началѣ этого самаго года въ Петербургъ пріѣхалъ тотъ человѣкъ, которому судьбою было суждено стать убійцею Пушкина.

---

[1]) Слово «Алешѣ» зачеркнуто и замѣнено другимъ, котораго нельзя разобрать.

[2]) Князь Димитрій Ивановичъ—лицейскій товарищъ Пушкина и пріятель Нащокина.

[3]) Василія Львовича, умершаго въ 1830 году.

[4]) Александръ Александровичъ Пушкинъ, родившійся въ 1833 году.

[5]) Князь Θедоръ Θедоровичъ Гагаринъ (род. 1786 † 6 сентября 1863 г.), отставной генералъ-маіоръ, извѣстный храбростью кавалерійскій офицеръ и дуэлистъ.

VII.

Дантесъ.—Баронъ Геккеренъ.—Письма къ П. А. Осиповой.—Изданіе «Исторіи Пугачевскаго бунта».—А. Х. Бенкендорфъ.—Жизнь домашняя и общественная.

1834—1835 гг.

Жоржъ д'Антесъ (d'Anthès) [1] по собственнымъ его разсказамъ, потомокъ знатной ирландской фамиліи, сынъ барона Наполеоновской имперіи, самъ-же легитимистъ (бывшій пажъ герцогини Беррійской), прибылъ въ Россію съ множествомъ рекомендательныхъ писемъ, съ цѣлію поступить на службу. Графиня Фикельмонъ, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, и бо́льшая часть знатныхъ барынь и господъ приняли юнаго искателя фортуны подъ особенное свое покровительство. Д'Антесъ, по отзывамъ лицъ близко его знававшихъ, былъ красивый собою «блондинъ», пользовался хорошею репутаціею, былъ скорѣе остроуменъ, нежели уменъ, а образованія поверхностнаго. Отличительною чертою его характера была истинно французская (вѣрнѣе сказать: гасконская) хвастливость успѣхами у прекраснаго пола. Хвастливымъ разсказамъ его тѣмъ легче было вѣрить, что д'Антесъ одаренъ былъ завиднымъ свойствомъ, какъ-то особенно располагать въ свою пользу съ перваго взгляда. Однимъ словомъ, для великосвѣтскихъ гостиныхъ и будуаровъ этотъ господинъ былъ истинною находкою. Кромѣ знатныхъ барынь, въ судьбѣ д'Антеса живѣйшее участіе приняла французская колонія въ Петербургѣ, въ особенности одинъ изъ ея членовъ, баталическій живописецъ Ладюрнеръ [2]), мастерская котораго находилась въ Эрмитажѣ и нерѣдко удостоивалась посѣщеній императора Николая Павловича. Имѣя это въ виду, Ладюрнеръ задумалъ «будто-бы случайно» представить государю своего соотечественника. Съ этою цѣлью, на одномъ изъ холстовъ (самимъ Ладюрнеромъ, или д'Антесомъ) набросано было нѣсколько эскизовъ съ изображеніемъ грушеобразной головы короля Людовика-Филиппа, къ которому, какъ извѣстно, покойный государь питалъ непріязненныя чувства. Сдѣлавъ это, д'Антесъ началъ посѣщать мастерскую художника изо дня въ день, и преимущественно въ тѣ

---

[1]) У насъ фамилію его пишутъ разно: Dantès, Dantess, D'Antesse—но мы придерживаемся ореографіи автора статьи о Пушкинѣ въ Révue des deux Mondes (Août 1837): она вѣрнѣе всѣхъ прочихъ.

[2]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 661 и 669.

часы, въ которые туда могъ быть государь. Расчетъ оказался вѣренъ. Въ одинъ прекрасный день, заслышавъ его шаги, Ладюрнеръ спряталъ за ширмы дежурившаго въ мастерской д'Антеса и встрѣтилъ августѣйшаго своего посѣтителя. Увидѣвъ изображеніе Людовика-Филиппа, государь спросилъ Ладюрнера:

— Est-ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses-là?

— Non, Sire! C'est un de mes compatriotes, légitimiste comme moi, M-r d'Anthès...

— Ah, d'Anthès!.. mais je le connais: l'Impératrice m'en a déjà parlé [1]),—сказалъ государь и выразилъ желаніе видѣть д'Антеса; а Ладюрнеръ тотчасъ же вывелъ его изъ-за ширмъ.

Императоръ милостиво говорилъ съ нимъ и смѣльчакъ-французъ тутъ-же просилъ государя о дозволеніи ему вступить въ русскую военную службу, на что получилъ высочайшее соизволеніе. Государынѣ угодно было принять его, прямо офицеромъ, въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ. Во вниманіе къ бѣдности д'Антеса государь назначилъ ему отъ себя негласное ежегодное пособіе. Такимъ образомъ карьера д'Антеса была упрочена. Кромѣ того, вскорѣ по опредѣленіи въ полкъ, этотъ баловень счастія до такой степени расположилъ въ свою пользу бывшаго тогда въ Петербургѣ голландскаго посланника барона Гекерена [2]), человѣка съ большимъ состояніемъ, что тотъ усыновилъ его, съ единственнымъ условіемъ, чтобы д'Антесъ принялъ его фамилію.

Достойно вниманія, что, по какой-то странной, необъяснимой случайности, Пушкинъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ день пріѣзда д'Антеса въ Петербургъ. Лицейскій товарищъ Пушкина и, впослѣдствіи, его секундантъ—Константинъ Карловичъ Данзасъ въ первый разъ встрѣтилъ д'Антеса и познакомился съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ у Дюме, гдѣ Пушкинъ и будущій его убійца сидѣли рядомъ.

---

[1]) — Что это? Не вы-ли забавляетесь этими штуками?

— Нѣтъ, Государь! Это работа моего земляка, такого-же легитимиста какъ и я—г. д'Антеса.

— А, д'Антеса! но я его знаю: о немъ уже говорила мнѣ императрица.

[2]) Камергеръ баронъ Гекеренъ де-Беверваардъ (baron J. T. B. A. de Heeckeren de Beverwaard) съ 1-го іюня 1842 года былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австро-венгерскомъ дворѣ. Имя его не далѣе какъ въ 1875 году еще было показано въ спискахъ Готскаго альманаха (Almanach de Gotha, 1875. Annuaire diplomatique, p. 503).

Оставимъ на время д'Антеса и возвратимся къ Пушкину.

Въ Великомъ посту 1834 года (Пасха была поздняя: 22-го апрѣля) Пушкинъ отправилъ свое семейство къ женинымъ роднымъ въ Калужскую губернію, проводивъ его до Ижоры. Весну и часть лѣта онъ провелъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ по издательскимъ, домашнимъ и служебнымъ дѣламъ. Къ періоду времени съ марта по августъ 1834 года относятся слѣдующія его письма:

П. А. Осиповой.

29 Juin S.P.b.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même interêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme et, pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complête; je veux seulement n'être pas volé et payer les interêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pas pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié. A. P.

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

29-го іюня. Спб.

(Переводъ). Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, добрая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейхмана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго раззоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали, и исправно вносить проценты въ ломбардъ. Улучшенія придутъ впослѣдствіи. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленіе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоитъ того, чтобы его спасти, хотя-бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или, по меньшей мѣрѣ, бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непріятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго раззоренія. Если бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

13-го іюля. Это письмо должно было бы быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ; не знаю, какъ случилось, что оно не было послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все-таки располагаю явиться къ вамъ.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

1.

3 Juillet (1834).

Monsieur le Comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à votre excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur. Alexandre Pouchkin.

8-го іюля (1834).

(Переводъ). Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ.

Однако-же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ-бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть, съ почтеніемъ, вашего сіятельства нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

2.

4-го іюля 1834 г. Спб.

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

3.

6 Juillet S.P.b. (1834)

Monsieur le Comte. Permettez moi de vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces, dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été pour moi une Providence et si, dans le cours de

ces huit ans, il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant, qui me remplit de douleur — c'est celle de laisser dans son esprit une impression que, par bonheur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si etourdiment.

C'est en me recommandant à votre puissante protéction, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respêct, monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur, Alexandre Pouchkin.

6-го іюля. Спб. (1834).

(Переводъ). Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко истолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой-же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня Провидѣніемъ и если, въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастію, не заслуженное.

Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво.

Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія.

Съ таковыми чувствами имѣю честь быть вашего сіятельства нижайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Безпокойство Пушкина о монаршей къ нему немилости по поводу просьбы объ отставкѣ, заботы о раззоренномъ имѣніи и объ отсутствующемъ семействѣ, не попрепятствовали ему, однако-же, въ это самое время, оказать просвѣщенное покровительство одному талантливому, своеобразному художнику. Это былъ нѣкто Александръ (Alexandre), французъ-вантрилокъ (чревовѣщатель), дававшій свои представленія въ Петербургѣ и въ свое время надѣлавшій много шуму въ столицѣ. Изъ разсказовъ лицъ, видѣвшихъ представленія чревовѣщателя, можно заключить о его необыкновенномъ искусствѣ. Въ

небольшихъ пьесахъ, нарочно для него написанныхъ, Александръ, одинъ, являлся въ нѣсколькихъ роляхъ: старухи, знатнаго барина, глупаго лакея, охотника и т. д., столь-же быстро переодѣваясь и измѣняя лицо, какъ и самый голосъ. Убѣгая за дверь, онъ мгновенно возвращался въ другомъ костюмѣ съ совершенно инымъ лицомъ и голосомъ. Неподражаемо выходила у него сцена, въ которой баринъ бранится со слугою, запертымъ въ ларь и силящимся изъ него вылѣзти. Этотъ самый чревовѣщатель являлся къ Пушкину (еще до отъѣзда его семейства въ деревню) и вотъ чтó по этому случаю разсказываетъ шуринъ покойнаго поэта, Сергѣй Николаевичъ Гончаровъ, тогда очень молодой человѣкъ, жившій у него въ домѣ [1]).

— «У Александра Сергѣевича былъ самый счастливый характеръ для семейной жизни: ни взысканій, ни капризовъ. Однимъ могли разсердить его не на шутку. Онъ требовалъ, чтобъ никто не входилъ въ его кабинетъ отъ часа до трехъ: это время онъ проводилъ за письменнымъ столомъ или ходя по комнатѣ обдумывалъ свои творенія и встрѣчалъ далеко не гостепріимно того, кто стучался въ его дверь.

«Его кабинетъ былъ надъ моей комнатой, и въ часы занятій или уединенія Пушкина мнѣ часто слышался его мѣрный или же тревожный шагъ. Но разъ, къ моему удивленію, наверху раздались звуки нестройныхъ и крикливыхъ голосовъ. Стало быть, Пушкинъ былъ не одинъ. Однако, я не рѣшился идти къ нему и узнать, почему онъ допустилъ нарушеніе привычки, которой такъ строго держался. Когда всѣ собрались къ обѣду, я спросилъ у него, чтò происходило въ его кабинетѣ?

— «Жаль, что ты не пришелъ,—отвѣчалъ Пушкинъ.—У меня былъ вантрилокъ».

«Тутъ онъ распространился о его выходкахъ. По окончаніи обѣда онъ сѣлъ со мною къ столу и, продолжая свой разсказъ, открылъ машинально евангеліе, лежавшее передъ нимъ, и напалъ на слова: «чтò ти есть имя? Онъ-же рече: легіонъ: яко бѣси мнози внидоша въ онь» (отъ Луки, гл. VIII, ст. 30). Лицо его приняло незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ выраженіе; онъ поднялъ голову, устремилъ взоръ впередъ, и, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказалъ мнѣ: «принеси скорѣй клочокъ бумаги и карандашъ». Исполнивъ порученіе, я сѣлъ противъ Пушкина и не спускалъ съ него глазъ. Онъ принялся писать, останавливаясь, отъ времени до времени задумываясь, и часто

---

[1]) Кромѣ шурина, въ семействѣ Пушкина жили его свояченицы: Александра и Катерина Николаевны Гончаровы.

вымарывая написанное. Такъ прошелъ съ небольшимъ часъ: стихотвореніе было окончено. Александръ Сергѣевичъ пробѣжалъ его глазами, потомъ сказалъ мнѣ: «слушай». Слова евангелія вдохновили поэта; онъ взялъ ихъ эпиграфомъ, а стихи относились къ вантрилоку. Я пришелъ въ восторгъ; но попросить стихотвореніе, чтобъ его списать, не посмѣлъ, потому что Пушкинъ этого никогда не дозволялъ. Онъ выдвинулъ ящикъ стола, у котораго сидѣлъ, и бросилъ въ него исписанную бумагу. Вечеромъ, когда семейство разошлось, я вернулся въ гостиную съ надеждой, что найду стихотвореніе въ столѣ и перепишу его—но ящикъ былъ пустъ».

Этотъ самый вантрилокъ, задумавъ дать нѣсколько представленій въ Москвѣ, явился къ Пушкину съ просьбою о рекомендательномъ письмѣ. Это посѣщеніе напоминало италіанца-импровизатора въ «Египетскихъ ночахъ». Приходъ Александра къ Пушкину былъ совсѣмъ не кстати: въ ту самую пору, когда онъ былъ озабоченъ прошеніемъ о своей отставкѣ и его послѣдствіями, именно когда онъ три дня тому назадъ писалъ третье свое письмо къ графу А. Х. Бенкендорфу. Однако-же великій поэтъ исполнилъ просьбу чревовѣщателя и написалъ М. Н. Загоскину, бывшему тогда директоромъ московскихъ театровъ, слѣдующее:

9-го іюля 1834 года.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе и не слыхали отъ меня спасибо [1]). Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій [2]), который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ нужнымъ дѣломъ: г. Александръ, очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленіе пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

---

[1]) Пушкинъ говоритъ, вѣроятно, о романахъ Загоскина: «Тоска по родинѣ» или «Аскольдова могила».

[2]) Сергѣй Александровичъ Соболевскій (родился 10-го сентября 1804 † 6-го октября 1870), весьма близкій знакомецъ Пушкина.

Въ половинѣ августа Пушкинъ отправился за своимъ семействомъ въ Калужскую губернію, побывалъ въ своемъ Болдинѣ, и къ 18-му числу октября возвратился въ Петербургъ. Тогда же была отпечатана «Исторія Пугачевскаго бунта», продажа которой нѣсколько поправила разстроенныя денежныя обстоятельства автора. Въ концѣ года онъ писалъ П. В. Нащокину:... «Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка. Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату». Жизнь въ столицѣ, обязательные выѣзды въ большой свѣтъ и пріемъ великосвѣтскихъ знакомыхъ у себя въ домѣ—все это поглощало доходы Пушкина. Переселеніе на нѣсколько времени въ Михайловское или въ Болдино могло-бы поправить его обстоятельства, если-бы эти имѣнія не были въ самомъ плачевномъ состояніи. Посѣщая зимою 1834—1835 годовъ семейства Карамзиныхъ, князя Вяземскаго, графа Строганова, фрейлины Загряжской, Пушкинъ встрѣчалъ у нихъ барона Гекерена и его нареченнаго сына д'Антеса. Въ воспоминаніяхъ Данзаса сказано, что отецъ и сынъ часто посѣщали и домъ Пушкина. Александръ Сергѣевичъ любилъ вести съ д'Антесомъ шутливые разговоры и смѣялся его остроумнымъ выходкамъ, хотя онѣ иной разъ были запечатлѣны особенною колкостью въ отношеніи къ Пушкину. Такъ, однажды, когда Пушкинъ съ женою и обѣими свояченицами собирался на балъ, д'Антесъ, намекая на длинные шлейфы дамъ, сказалъ: voilà le pacha à trois queues! (Вотъ трехъ-хвостный—трехбунчужный—паша!) и т. п.

Любезность д'Антеса при его разговорахъ и при встрѣчѣ на балахъ съ Натальею Николаевною, въ этотъ періодъ времени, ничѣмъ не нарушала правилъ общежитія и еще не могла подать повода къ злословію. Супруга Пушкина имѣла обыкновеніе передавать Александру Сергѣевичу почти отъ слова до слова свои разговоры съ посторонними мужчинами. Самъ-ли онъ требовалъ этого отъ жены, или она сама, по врожденному легкомыслію, желала похвастать своими побѣдами, но, какъ-бы то ни было, эта странная привычка едва не довела Пушкина до дуэли съ графомъ В. А. Соллогубомъ и много способствовала несчастному поединку съ д'Антесомъ.

Весь 1835 годъ былъ проведенъ Пушкинымъ въ заботахъ объ улучшеніи его денежныхъ средствъ. Документальными тому доказательствами служатъ его письма къ брату Льву Сергѣевичу, къ П. А. Осиповой и къ графу А. Х. Бенкендорфу. Почти половину года Пушкинъ провелъ въ разлукѣ съ семействомъ, въ разъѣздахъ—въ Москву

(съ 5-го по 24-е мая) и въ Михайловское (съ 27-го августа по 15-е декабря). Вотъ что писалъ онъ:

Л. С. Пушкину.

2-го мая 1835 года.

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева [1]). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2,000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2,000 р.—не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить. А. П.

(Адресовано: Въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3-го мая 1835 г.).

Графу А. Х. Бенкендорфу.

1.

22 Juillet 1835. S-t Petersbourg.

Monsieur le Comte! J'ai eu l'honner de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez elle.

Comblé de bontés de Sa Majesté, c'est à vous, monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'interêt que vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg, j'ai contracté près de soixante milles roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille; cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient—ou de me retirer à la campagne, ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en, Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La réconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

---

[1]) Оброчная деревня, неподалеку отъ Болдина. Нынѣ принадлежитъ дѣтямъ Александра Сергѣевича.

C'est donc à vous, monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de me haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respêct et reconnaissance, monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur. Alexandre Pouchkine.

(Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа, 26-го іюля 1835 г.: «l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (sic) de congé au bout de quel (sic) il voira (sic) s'il doit prendre son congé ou non»).

22-го іюля 1835 года. С.-Петербургъ.

(Переводъ). Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастія застать васъ дома.

Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ, я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства и едиными способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе мое въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу и займы почти всегда суть долги между друзьями и на-слово.

Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо.

И такъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть съ почтеніемъ и признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

Помѣта: «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку, или нѣтъ».

2.

26 Juillet 1835. S-t Pétersbourg.

Monsieur le Comte! Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide a avoir recours en toute franchise à celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont de dettes d'honneur. Pour

les acquitter je me vois dans la necessité de contracter des dettes usuraires [1]), ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettera dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière, premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30,000 roubles et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le paiement de mes appointements, jusqu'à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respêct le plus profond et la reconnaissance la plus vive, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

(Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа: «l'Empereur lui accorde les 30,000 roubles en retenant, comme il les (sic) demande, ses appointements. 29-го іюля 1835 г.»).

26-го іюля 1835. С.-Петербургъ.

(Переводъ). Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ Провидѣніемъ.

Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора.

Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ—во первыхъ, возможности уплатить это 30,000 р., а во вторыхъ—дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого—удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга.

Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

(Помѣта): «Императоръ жалуетъ ему 30,000, съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья».

Въ это же время прибавились Пушкину еще и цензурныя заботы, давно ему неизвѣстныя, благодаря милостивому вниманію Государя къ его произведеніямъ. С. С. Уваровъ, смертельный врагъ А. С. Пушкина, захотѣлъ снова наложить цензурныя путы на поэта, какъ это видно изъ слѣдующаго заявленія Пушкина:

---

[1]) Выноска другою рукою на подлинникѣ:
Т. сов. Родофиникину 1-го августа 2590.
Ему-же 1-го августа 2591.
Мин. Финанс. 1-го августа 2592.

Въ главный комитетъ цензуры.

Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Въ слѣдствіе Высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ 3-го отдѣленія Собственной Его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и, такимъ образомъ, я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

25-го сентября 1835 года Уваровъ препроводилъ копію съ этого прошенія Пушкина къ управлявшему 3-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи Александру Николаевичу Мордвинову и увѣдомилъ: «что главное управленіе цензуры опредѣлило объявить г. Пушкину, въ отвѣтъ на его прошеніе, что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 22-й день апрѣля 1828 года устава о цензурѣ, быть представ-

ляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разсматриваются и одобриваются по общимъ цензурнымъ правиламъ».

Съ П. А. Осиповой переписка продолжалась въ слѣдующихъ письмахъ:

П. А. Осиповой.

1.

(Въ исходѣ августа 1835 г.).

Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez vous, que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour dire au maître de poste, que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à extrémité; elle était venu de Pavlovsk pour chercher un logement et elle est tombée subitement en faiblesse chez M-r Княжнинъ où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Nathalie en bût à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux, qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Nathalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venu établir chez moi, Nathalie, comme de raison, l'aurait reçue; mais une maison froide, remplie de marmailles et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi je fais de la bile et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute «süsse Gewohnheit» qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

(Переводъ). Вотъ я и въ Петербургѣ, милостивая государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило отъ того, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда кого нибудь изъ нашихъ людей, сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ этому печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служитъ цѣлью для злыхъ нападокъ свѣта. Повсюду говорятъ—какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человѣкъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ ни при чемъ и за все долженъ быть я въ отвѣтѣ. Если бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла-бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями—едва-ли годятся для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее уже переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая M-me Осипова, жизнь—при всемъ томъ, что она «сладкая привычка»—содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ-же—гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

2.

26 Decembre (1835).

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce à la plûpart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terrres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvérnement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées—ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre

famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois. (Помѣта рукою П. А. Осиповой: «je ne l'ai jamais reçue»).

26-го декабря (1835).

(Переводъ). Наконецъ, милостивая государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что̀ подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако-же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ-бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ протекло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою.

Вексель вашъ готовъ и я вышлю его въ слѣдующій разъ. (Помѣта рукою П. А. Осиповой: «Я его никогда не получала»).

Изъ писемъ Пушкина къ его друзьямъ и короткимъ знакомымъ не трудно понять, что свѣтскій образъ жизни, бывшій насущною потребностью для жены его, былъ ненавистенъ самому поэту; отрѣшиться-же отъ него онъ не могъ, по многимъ причинамъ. Свѣтскія удовольствія, отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы убѣжать подальше, не утратили еще привлекательности въ глазахъ его молодой, хорошенькой собою жены. Эти развлеченія отрывали его отъ литературныхъ и историческихъ трудовъ, или, наоборотъ—серьезныя занятія отвлекали отъ свѣтскихъ удовольствій. Въ теченіе шести лѣтъ супружества, какъ мы выше сказали, болѣе года, въ общей сложности, онъ провелъ въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми. Наталья Николаевна, оставаясь съ двумя сестрами и младшимъ братомъ, была особенно привлекательною цѣлью для злыхъ языковъ большаго свѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863.

XI [1]).

Оставивъ службу при Дворѣ, Павскій исключительно отдался ученому кабинетному труду. Придворная жизнь тяготила этого человѣка не отъ міра сего; здѣсь, напротивъ, онъ былъ совершенно въ своей сферѣ. Миръ и тишина, царившіе въ его кабинетѣ, способствовали даже возстановленію его физическихъ силъ, надломленныхъ тою тугой душевною, тѣмъ напряженіемъ нравственныхъ силъ, въ какомъ ему по необходимости приходилось себя чувствовать на придворной службѣ. Къ этому времени, если не ошибаемся, относится прежде всего его первый филологическій трудъ—«Сужденіе о Гречевой философической пространной грамматикѣ», написанное имъ по вызову какого-то неизвѣстнаго намъ его друга—филолога, въ формѣ письма къ нему. Позже, опять неизвѣстно когда, написанъ второй филологическій трудъ, посвященный тому же предмету: «Примѣчанія на вновь составленную грамматику русскаго языка». На черновомъ экземплярѣ этого труда, найденномъ нами въ бумагахъ Павскаго, есть надпись такого рода: «Замѣчанія сіи почти въ этомъ же видѣ отправлены къ его превосходительству Якову Ивановичу Ростовцеву, въ концѣ іюня 1845 года». Это двѣ совершенно отдѣльныя работы. Обѣ же въ своей совокупности даютъ читателю видѣть будущаго автора «Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка». Эруди-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510; 705—730.

ція въ сравнительномъ языкознаніи (по преимуществу цитуются Боппъ и Домбровскій), на почвѣ котораго ведется авторомъ вся критика, и то остроуміе, глубокомысліе и основательность въ соображеніяхъ и доводахъ, которыми характеризуется названный нами капитальный филологическій трудъ Павскаго,—вполнѣ присущи и этимъ двумъ этюдамъ, составляющимъ въ нѣкоторомъ родѣ пробу пера нашего ученаго на филологическомъ поприщѣ. Какъ ни далеко ушла русская грамматика со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія труда Греча и замѣчаній на него Павскаго, мы думаемъ, что многое въ этихъ замѣчаніяхъ доселѣ не утратило своего значенія. Къ труду Греча авторъ безпощаденъ. Своими замѣчаніями онъ, можно сказать, уничтожаетъ всякое его значеніе. Перебирая параграфъ за параграфомъ, онъ вездѣ находитъ полнѣйшую несостоятельность. Въ одномъ мѣстѣ Павскій грамматическія познанія недоросля Митрофана Простакова ставитъ выше Гречевыхъ. «Подъ числомъ 5-мъ щедрою рукою г. сочинитель сыплетъ примѣры нарѣчій. Чуть не всѣ творительные падежи (частію родительные и винительные) вошли у него въ число нарѣчій. Когда такъ, то очень мало насчитано. Если въ выраженіи: «онъ пріѣхалъ водою»—водою считать за нарѣчіе, то и въ предложеніи: онъ вошелъ дверьми—«дверьми» должно считать за нарѣчіе. А этимъ обидишь Митрофанушку. Онъ дверь давно уже внесъ въ имена прилагательныя». Третій любопытный трудъ Павскаго въ этой сферѣ составляетъ переводъ «Слова о полку Игоревѣ», сдѣланный тѣмъ оригинальнымъ размѣромъ, какимъ переведены Павскимъ пророческія рѣчи и поэтическія мѣста въ книгахъ ветхаго завѣта. Переводъ этотъ, какъ и одна изъ двухъ вышеупомянутыхъ работъ, найденъ нами по клочкамъ въ массѣ бумагъ Павскаго и сохранился, къ сожалѣнію, не въ полномъ составѣ. По крайней мѣрѣ доселѣ намъ не удалось отыскать начала перевода «Слова о полку» (перваго полулиста рукописи, содержащаго первые семнадцать стиховъ) и конца «Примѣчаній» на грамматику краткую. Къ этой же группѣ работъ Павскаго относится «Записка о русскомъ словарѣ», составленная имъ «по вызову академіи наукъ, въ 1852 году, по поводу составленнаго послѣднею словаря. Записка эта напечатана въ первомъ томѣ «Извѣстій II-го отдѣленія академіи».

Мы не можемъ съ точностію опредѣлить, когда именно сдѣланъ Павскимъ переводъ «Слова о полку Игоревѣ». Если судить по почерку, твердому и красивому, одинаковому съ почеркомъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ его университетскихъ лекцій по богословію (1819—1826 гг.) и по выцвѣтшимъ черниламъ рукописи перевода, то его слѣдуетъ отнести къ самому первому періоду его учено-литератур-

ной дѣятельности, хотя такому предположенію будетъ отчасти противорѣчить то обстоятельство, что изъ этого періода его дѣятельности неизвѣстно никакихъ другихъ его трудовъ, кромѣ богословскихъ. Но во всякомъ случаѣ можно категорически утверждать, что это одинъ изъ первыхъ, по времени, переводовъ «Слова» на современный русскій языкъ. Можетъ быть, этотъ переводъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ непосредственно за переводомъ, напечатаннымъ при первомъ печатномъ изданіи «Слова» въ подлинникѣ.

Характеристическую особенность перевода Павскаго составляетъ точность, непосредственное соотвѣтствіе текста перевода тексту подлинника. Переводчикъ не прибавляетъ отъ себя ни единаго слова; во всемъ переводѣ нѣтъ ни одной фразы, для которой не было бы соотвѣтствующаго выраженія въ текстѣ подлинника. Черта драгоцѣнная, которой мы не находимъ ни въ одномъ изъ существующихъ переводовъ, не говоря уже о переводахъ стихотворныхъ, которые суть не столько переводы, сколько вольныя переложенія (Сѣрякова, Палицына, Язвицкаго, Левицкаго, Грамматина, Минаева, Гербеля и другихъ), даже въ переводахъ, хотѣвшихъ быть подстрочными, каковы: самый первый переводъ, приложенный къ первому изданію текста «Слова», надъ которымъ трудились совмѣстно лучшія ученыя силы того времени (Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Малиновскій), переводы Шишкова, Пожарскаго, Вельтмана, Максимовича. Къ этой сдержанности и уважительному отношенію къ подлиннику пріучили Павскаго его профессіональныя занятія по переводу священныхъ книгъ ветхаго завѣта на русскій съ еврейскаго, гдѣ священный характеръ подлинниковъ требовалъ самой тщательной осмотрительности, удерживавшей переводчика отъ всякихъ произвольныхъ отступленій и дополненій текста. Но, отличаясь величайшею точностію и самымъ строгимъ непосредственнымъ соотвѣтствіемъ подлиннику, переводъ Павскаго въ то же время отличается литературнымъ достоинствомъ, безукоризненною правильностію и чистотою рѣчи. Великій мастеръ и знатокъ отечественаго слова, онъ всегда умѣетъ не только пріискать соотвѣтствующія подлиннику выраженія, но и построить фразу вполнѣ безукоризненно и сохранить въ то же время колоритъ древней русской рѣчи и художественную живописность его образовъ и картинъ. По нашему мнѣнію, это рѣшительно лучшій переводъ «Слова о полку Игоревѣ» изъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время.

Чтобы подтвердить сказанное, приведемъ нѣсколько примѣровъ, сопоставляя переводъ Павскаго съ подлинникомъ и съ переводомъ 1-го изданія.

Текстъ подлинника.	Текстъ перевода при 1-мъ изданіи подлинника.	Переводъ Павскаго.
20[1]). Крычатъ телѣгы полунощы; рцы лебеди распущени.	Скрыпятъ телѣги въ полунощи; говоруны лебеди распущены.	Скрыпятъ въ полночь телѣги, словно распуганные лебеди.
23. Долго ночь меркнетъ.	Мракъ ночной продолжается.	Мрачная ночь тянется долго.
— Говоръ галичь убуди.	— Замолкъ говоръ галокъ.	Крикъ галокъ пробудился.
30. Заря свѣтъ повѣдаетъ.	Заря свѣтъ открыла.	Заря предвѣщаетъ разсвѣтъ.
32. О русская земле! уже не шеломянемъ еси.	— Уже предѣлы твои открыты.	Уже не за (съ) шеломенемъ!
36. Стоя на борони.	Стоя на рукѣ правой.	Ты стоишь на бранв
— Камо поскочитъ...	Куда ни появится...	Куда скочитъ..
— Поскепаны шеломы.	Разрублены шлемы.	Расщеплены шлемы.
38. Кая раны дороги, братія, забывь, что и живота...	Къ чему было такъ безвременно ополчаться...	Какія раны дороги, братія, забывшему почести и жизнь...
39. Были вѣчи Трояни.	Прошло то время, когда бывали вечи (съѣзды)...	Были вѣка Трояновы.
43. На канину зелену паполому постла за обиду Олгову...	Положенъ на зеленую конскую попону.	На зеленомъ шелковомъ покрывалѣ.
47. Рѣдко ратаевѣ кикахуть.	Рѣдко слышенъ былъ разговоръ двухъ земледѣльцевъ.	Рѣдко гайкали оратаи и часто гаркали вороны.
51. Тугою взыдоша по русской земли.	Разсыпалась печаль по землѣ русской.	Съ большою натугою взошли въ русскую землю.
73. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ.	Синее вино, смѣшанное съ трутомъ.	Черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ горечью.
74. Уже дскы безъ кнѣса.	«Дски безъ кнѣса (столы не убраны»).	Шутили надо мною, что доски безъ матицы.
86. Нъ нечестно одолѣсте: не честно бо кровь поганую прольясте..	Не похвально сраженіе, ибо несправедливо кровь половецкую пролили.	Не съ честію вы побѣждали, ибо не къ чести пролили кровь поганыхъ.
89. . . . . былями.	— боярами.	съ былями (сначала было написано поселянами).
94. Се у Рим кричатъ подъ саблями..	Се Уримъ кричитъ подъ саблями.	Вотъ въ Ромахъ кричатъ подъ саблями.
102. Подперъ горы угорски своими желѣзными полками.	Заперъ горы своими угорскими полками..	Подперъ Венгерскія горы своими желѣзными полками.
105. Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.	Храбрая мысль возводитъ васъ къ подвигамъ великимъ.	Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на подвиги.
127. Утрь же воззни стрикусы отвори врата Новуграду.	. . . вонзивъ стрикусы, отвори врата.	Поутру возовыми стрикусами отворилъ врата.

---

[1] Цифры показываютъ №№ строфъ по раздѣленію Павскаго. Текстъ подлинника мы приводимъ по изданію Пекарскаго (Записки Акад. Наукъ, т. V, кн. 1, 1864. Прил. I.). Н. В.

128. На Немизѣ снопы стелютъ головами.	. . . снопы стелютъ головами.	. . . стелютъ головы, какъ снопы.
144. Идутъ сморци мглами.	Идутъ сморци мглами.	Пошли смерчи въ туманѣ.
148. велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть.	Кликнулъ: князю Игорю не быть.	Овлуръ свистнулъ за рѣкою, подаетъ знакъ князю. Князя Игоря не стало.

Не продолжаемъ сличеній и выписокъ, потому что не пишемъ здѣсь спеціальнаго изслѣдованія. Но и изъ приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, можно усмотрѣть характеръ перевода Павскаго.

Сдѣланный съ перваго изданія «Слова», когда далеко еще не была установлена возможно-правильная редакція его текста, когда не появлялись еще на свѣтъ изслѣдованія о немъ не только такія, какъ князя П. П. Вяземскаго, Н. С. Тихонравова, г. Всев. Миллера, Е. В. Барсова, но и болѣе раннихъ ученыхъ, переводъ Павскаго, тѣмъ не менѣе, стоитъ на уровнѣ пониманія этого памятника, значительно высшемъ не только современныхъ ему издателей его и толкователей, но иногда и изслѣдователей намъ современныхъ. Извѣстно, что подлинный текстъ «Слова» значительно испорченъ, какъ древними его переписчиками, такъ отчасти и первыми издателями его, вслѣдствіе чего для того, чтобы возстановить правильное чтеніе того или другаго мѣста, ученымъ приходится прибѣгать къ разнымъ толкованіямъ и натяжкамъ, при помощи которыхъ и достигается если не всегда безусловно-правильное и вполнѣ удачное, то по крайней мѣрѣ болѣе осмысленное чтеніе этихъ испорченныхъ и непонятныхъ мѣстъ. Такихъ толкованій и исправленій текста «Слова» существуетъ въ настоящее время цѣлая литература [1]. Павскій при своемъ переводѣ не даетъ никакихъ подобныхъ толкованій и розысканій, но нерѣдко самымъ своимъ переводомъ даетъ пониманіе текста, по нашему мнѣнію—болѣе правильное, чѣмъ до какого додумались изслѣдователи путемъ хитросплетенныхъ и натянутыхъ соображеній. Вотъ примѣры. 1. Въ снѣ Святослава встрѣчается выраженіе босуви врани: «всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони». Г. Вс. Миллеръ въ своемъ «взглядѣ» на «Слово о полку», самой послѣдней въ нашей литературѣ работѣ по этому предмету, представляющей несомнѣнно весьма цѣнный вкладъ въ эту литературу, изобилующій весьма остроумными и вполнѣ дѣльными соображеніями, старается доказать, что слово босуви—испорченное, но не изъ бѣ-

---

[1]) См. «Жур. мин—ва нар. просв.» 1876 г.; также «Филологич. Записки» 1875 и 1876 гг.

сови, какъ думали нѣкоторые, и не изъ бо соди, бо супи, бо сови, а изъ слова босый, а это слово есть искаженіе изъ боусый—областнаго слова, значащаго, по Далю, темно-голубо-сѣрый, буре-дымчатый, сизобурый и пр.; затѣмъ авторъ обращается къ зоологіи (цитуетъ Брема и др.) и приходитъ къ тому заключенію, что въ босуви врани слѣдуетъ видѣть сѣродымчатыхъ ворóнъ (corvus cornix) и исправить босуви въ бусови (стр. 221—223). Павскій переводитъ это мѣсто: «всю ночь каркали Бусовы вóроны», то-есть думаетъ, что босуви искажено изъ Бусовы, изъ прилагательнаго, происходящаго отъ Бусъ—собственное имя половецкаго хана, упоминаемое нѣсколькими стихами ниже въ томъ же «Словѣ»: «Готскія красныя дѣвицы, побрякивая русскимъ золотомъ, поютъ время Бусово». Г. Миллеръ хочетъ понимать выраженіе это въ буквальномъ смыслѣ, Павскій—въ иносказательномъ и въ Бусовыхъ воронахъ видитъ тѣхъ же половцевъ. Князю приснился печальный сонъ, будто половцы проникли даже на территорію его владѣній, находились у Плѣсенска, въ дебри Касановой, и что онъ самъ не могъ прогнать ихъ къ синему морю. Намъ пониманіе этого мѣста Павскимъ кажется и болѣе простымъ и болѣе правильнымъ. 2. Въ разсказѣ о Всеславѣ встрѣчается выраженіе «воззни стрикусы»: утрь же воззни стрикусы, отвори врата Новуграду. Г. Миллеръ (стр. 223), какъ и другіе переводчики и толкователи, воззни—читаетъ вонзи, вонзилъ. Павскій считаетъ чтеніе воззни правильнымъ и оставляетъ его неприкосновеннымъ, понимая это слово въ смыслѣ прилагательнаго отъ возъ, воззни—возовые. Отсюда становится понятнымъ и слово стрикусы: можетъ быть—оглобли, можетъ быть—какія либо имѣвшіяся при походныхъ повозкахъ простыя и легкія орудія, при помощи которыхъ Всеславъ отворилъ ворота Новгорода. 3. «Копія поютъ на Дунаи». Г. Миллеръ (стр. 236) думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о пѣніи копій, а о поеніи коней, на томъ основаніи, что копья не поютъ, то есть не брянчатъ. Павскій (стихъ 136) не измѣняетъ выраженія подлинника и переводитъ: копья свистятъ, то-есть при быстротѣ ихъ движенія въ сраженіи, при чемъ эту фразу относитъ къ предыдущему описанію войска и знаменъ, а не къ послѣдующему плачу Ярославны, съ которымъ эта фраза нисколько не вяжется, не смотря на всѣ усилія г. Миллера и кн. П. П. Вяземскаго найти такую связь. 4. «Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ». Г. Миллеръ, по примѣру Тихонравова, усиливается исправить это мѣсто и придать ему чрезвычайно мудреный смыслъ (см. стр. 242—245). Въ пе-

реводѣ Миллера, все это мѣсто читается такъ: «не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла волны (протоки) на кустарникъ и юношу князя Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу». Сличите этотъ переводъ съ подлинникомъ и вы увидите, сколько здѣсь ненужныхъ исправленій, совершенно измѣняющихъ смыслъ подлинника. Пропущено частица ли (Павскій ее не пропускаетъ, а исправляетъ на ми—мнѣ; «не тако ми»—не такова для меня; это измѣненіе принимаетъ и князь Вяземскій); рече (то есть Игорь, 3-е лицо, един. числа) совершенно неправильно переведено словомъ говорятъ; ростре (растерла) понято въ смыслѣ простре; струги (лодки, челноки) переведено—волны (г. Миллеръ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ словарю Миклошича и толкованію Максимовича, забывая, что слово струги въ значеніи древне-русскомъ, сохранившемся доселѣ, гораздо ближе въ настоящемъ случаѣ, чѣмъ въ значеніи тождественнаго съ нимъ слова сербскаго или нынѣшняго мѣстнаго малороссійскаго); ясно значащееся въ обоихъ текстахъ «Слова»—у Мусина-Пушкина и у Пекарскаго—Днѣпрь г. Миллеръ читаетъ днѣ (отъ дно рѣки). Павскій понимаетъ здѣсь слова подлинника буквально и оставляетъ текстъ его неприкосновеннымъ и, не смотря на то, переводъ его является болѣе правильнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ смыслу подлинника, если взять спорную фразу въ связи съ предыдущимъ. Та часть «Слова», къ которой относится эта фраза, содержитъ въ себѣ обращеніе Игоря къ рѣкѣ Донцу, чрезъ который онъ благополучно переплылъ во время своего бѣгства изъ плѣна. «Донецъ, не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ серебристыхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ» и проч. «Не такова—продолжаетъ князь—рѣка Стугна, которая, имѣя худую струю, но поглощая чужіе ручьи, раздираетъ на кустахъ струги (то-есть вслѣдствіе разлива, затопляя острова, на которыхъ растутъ кусты, силою теченія наноситъ на эти кусты легкія лодки, которыя объ вѣтви этихъ кустовъ раздираются, разбиваются, портятся). Не хорошъ и Днѣпръ, продолжаетъ князь: «юному князю Ростиславу (когда онъ переправлялся чрезъ него во время бѣгства съ поля сраженія, гдѣ онъ былъ разбитъ половцами) Днѣпръ закрылъ (то-есть вслѣдствіе тумана сдѣлалъ незамѣтными, неузнаваемыми) берега свои (вслѣдствіе чего этотъ князь направился къ Стугнѣ, въ которой и утонулъ). 5. «Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша толко». Г. Миллеръ, послѣ многихъ весьма ученыхъ соображеній, филологическихъ и зоо-

логическихъ, находить, что слова по лозію (то-есть по прутьямъ, по хворосту) слѣдуетъ читать полозіе (особаго рода пресмыкающіяся) и перевести все это мѣсто такъ: «только гады ползали»; или же подъ полозьями слѣдуетъ разумѣть какую-либо птицу изъ породы ползуновъ (sitta europaea). Павскій и здѣсь (стихъ 158) текстъ подлинника оставляетъ неприкосновеннымъ и переводитъ эту фразу такъ: «вороны не каркали, галки молчали, сороки не стрекотали, а только скакали по вѣтвямъ». Ползаху перевести словомъ скакали —нѣсколько неточно; но все-таки это лучше, чѣмъ произвольно исправлять текстъ подлинника. Слово «ползали» въ примѣненіи къ сорокамъ неудобно; но отчего не предположить неточность выраженія въ подлинникѣ, извинительную при бѣдности тогдашняго русскаго языка. Подобныхъ неточностей—съ современной намъ точки зрѣнія—немало въ «Словѣ», и если-бы исправлять ихъ такъ, какъ дѣлаетъ здѣсь г. Миллеръ, пришлось бы не переводить, а передѣлывать все «Слово». 6. «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца, стараго времени Ярославля, Ольгова когани хоти». Эти слова г. Миллеръ переводитъ такъ: «сказалъ Боянъ и исходъ для (меня) пѣснотворца Святославова, Ярославова стараго времени, Олегова и княжеской жены». Павскій эти свова опять переводитъ иначе: «Говоритъ Боянъ и насмѣшливыя выходки на Святославова пѣснотворца, воспѣвавшаго старыя времена Ярослава и Олега, любимца коганова» (ст. 164). Очевидно, нашъ переводчикъ и здѣсь хотѣлъ оставить неприкосновеннымъ текстъ подлинника, переведя слово ходы словами: «насмѣшливыя выходки». При отсутствіи примѣчаній при переводѣ его, трудно сказать, какими соображеніями онъ руководился понимая такъ слово ходы, и мы въ этомъ случаѣ не стоимъ за его переводъ. Очень можетъ быть, что иходы слѣдуетъ читать исходы, и понимать это слово въ смыслѣ ἔξοδος—заключительной части или окончанія. Но другая особенность перевода Павскаго въ этомъ мѣстѣ—пониманіе слова хоти не въ смыслѣ жены, а въ смыслѣ любимца, при чемъ этотъ эпитетъ будетъ относиться къ пѣснотворцу, кажется намъ болѣе основательною: слово хоть, по нашему мнѣнію—рода общаго и можетъ значить не только «возлюбленная, жена» (Милл., 231 стр.), но также любимецъ, фаворитъ.

Мы не дѣлаемъ дальнѣйшихъ сличеній перевода Павскаго съ другими переводами и толкованіями, будучи убѣждены, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что переводъ этотъ если и не безусловно-лучшій изъ всѣхъ, то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія любителей отечественной древности.

Но главный трудъ, которому посвящалъ свои занятія Павскій въ это время, были его «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка». Первое изданіе этого сочиненія, въ трехъ томахъ, вышло въ свѣтъ въ 1841—1842 годахъ; въ 1850 году онъ выпустилъ второе его изданіе, значительно исправленное, примѣнительно къ указаніямъ, сдѣланнымъ критикой, и дополненное четвертымъ томомъ. Офиціальная и неофиціальная критика отнеслась къ десятилѣтнему труду ученаго съ большимъ уваженіемъ. «Анатомія ваша русскихъ глаголовъ,—писалъ Павскому одинъ изъ академиковъ, П. А. Плетневъ, отъ 7-го мая 1841 г., — теперь ничего желать не оставляетъ намъ, занимающимся грамматикою». «Филологическими наблюденіями» началось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка, — писалъ въ предисловіи къ новому изданію грамматики Ломоносова академикъ И. И. Давыдовъ.—По появленіи сочиненія прот. Павскаго, составившаго въ исторіи грамматики нашей эпоху, планъ грамматики, начертанный въ 1842 Вторымъ отдѣленіемъ академіи, долженъ былъ измѣниться въ объемѣ и методѣ». «Филологическія наблюденія» представляютъ собою плодъ ученаго трудолюбія изумительнаго, сколько огромностію силъ и способовъ, столько же безпримѣрнымъ героическимъ самоотверженіемъ», отозвался тогдашній критикъ «Отечественныхъ Записокъ» (1844, т. 44). «Павскій одинъ стóитъ цѣлой академіи. Имъ положено прочное основаніе филологическому изученію русскаго языка, показанъ истинный методъ для этого изученія. Журналы не оцѣнили великій трудъ Павскаго какъ слѣдуетъ, и не оцѣнили потому, что для него, какъ сочиненія совершенно самобытнаго и оригинальнаго, которое полагаетъ основаніе русской филологіи, не нашлось цѣнителей. Но придетъ время, когда сочиненіе Павскаго сдѣлается классическою и настольною книгою для всякаго ученаго, который посвятитъ себя изученію русскаго языка (Сочин. Бѣлинскаго, т. X, 126). Академія наукъ, куда представилъ на оцѣнку свой трудъ Павскій, на основаніи не менѣе, чѣмъ предыдущіе, блестящаго отзыва академика А. X. Востокова, присудила ему за него полную Демидовскую премію. Здѣсь кстати замѣтимъ, что бывшая «Россійская академія» много разъ хотѣла выбрать Павскаго въ свои члены еще при Шишковѣ; но послѣдній, пользуясь властію президента, всегда отклонялъ это избраніе: Павскій, съ свойственною ему откровенностію, не стѣснялся подшучивать надъ славянизмами Шишкова и эти остроты всегда передавались почтенному президенту... Бѣдствія, постигшія Павскаго послѣ двукратной борьбы съ Филаретомъ, удаленіе отъ Двора и затѣмъ формальный судъ надъ нимъ по обвиненію въ неправославіи по поводу

перевода библіи—были причиной, что и послѣ смерти Шишкова академія долго не рѣшалась избрать его въ свои сочлены, не смотря на всѣ его заслуги, и сдѣлала это не раньше какъ въ 1858 году, когда изнемогшій физически и нравственно старецъ не могъ приносить ей пользу какими либо новыми трудами. Получивъ дипломъ на званіе академика, Герасимъ Петровичъ немедленно же послалъ въ отдѣленіе русскаго языка и словесности свой отзывъ, въ которомъ, благодаря академиковъ за оказанную ему честь, выражалъ сожалѣніе, что по болѣзненному состоянію не можетъ принимать участія ни въ трудахъ академіи, ни въ ученыхъ ея собраніяхъ. Плетневъ, одна изъ симпатичнѣйшихъ и самыхъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи русскаго просвѣщенія, по этому случаю писалъ ему: «По прочтеніи отзыва вашего въ отдѣленіи, сгрустнулось мнѣ несказанно: я такъ давно не видѣлся съ вами и не зналъ, что нездоровье ваше не только не прекратилось, но еще и усилилось. Всѣмъ намъ остается только молить Господа, чтобы Онъ послалъ вамъ облегченіе отъ недуговъ. Довольно трудовъ вашихъ для пользы науки, для чести отечества и для славы вашей. Берегите себя: жизнь ваша дорога для близкихъ вамъ и для всѣхъ васъ знающихъ. Что касается собственно меня, мысль о васъ и воспоминаніе нашего общаго прошлаго никогда не покинетъ моего сердца». Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку «Филологическихъ наблюденій»—Павскаго; но нельзя не замѣтить, что при самомъ бѣгломъ просмотрѣ этого сочиненія невольно поражаешься его первоклассными достоинствами и тою массою благопріятныхъ условій, которыми обладалъ авторъ для такого сочиненія. Знаніемъ семитическихъ языковъ—еврейскаго, арабскаго, халдейскаго, а также языковъ латинскаго и греческаго, равно какъ новѣйшихъ западныхъ—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и другихъ, Павскій обладалъ издавна, когда былъ еще преподавателемъ еврейскаго языка въ академіи,—съ этой стороны, какъ мы видѣли, онъ уже оцѣненъ былъ по достоинству при самомъ началѣ своей учено-педагогической дѣятельности, какъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, такъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія—въ лицѣ графа С. С. Уварова. Приступая къ своему труду, онъ изучилъ нарочно славянскія нарѣчія: чешскій языкъ (по Добровскому, Нейдлѣ и Томзѣ), польскій (по Линде), краинскій (по Копитарю) и др. Затѣмъ изучилъ языки зендскій и санскритскій (по Боппу и Уилькинсу), древне-нѣмецкій (по Аделунгу и Гримму). Только благодаря такой всеобъемлющей филологической учености, вспомоществуемой прирожденнымъ ему остроуміемъ и глубокомысліемъ, и смогъ Павскій дать этотъ блестящій опытъ примѣненія къ русскому языкознанію метода историко-сравнитель-

наго, впервые введеннаго Гриммомъ и получившаго право полнаго гражданства въ наукѣ уже послѣ Павскаго.

Протоіерей А. Ѳ. Орловъ въ некрологѣ Павскаго говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду издать и пятый томъ своихъ «Филологическихъ наблюденій», который долженъ былъ содержать въ себѣ сравнительный словарь коренныхъ русскихъ словъ съ иностранными. Мы не знаемъ такого «пятаго тома», но въ бумагахъ, послѣ Павскаго оставшихся, дѣйствительно имѣются два громадныхъ рукописныхъ тома (около 1,500 страницъ въ поллистъ мелкаго письма руки самого Павскаго), озаглавленныхъ: «Матеріалы для объясненія русскихъ коренныхъ словъ посредствомъ иноплеменныхъ» (Томъ 1-й: А—Н. Томъ 2-й: О—Ѳ). Но, судя по всѣмъ признакамъ, это трудъ совершенно особый отъ «Филологическихъ наблюденій», бо̀льшаго объема и болѣе капитальнаго значенія. Составивъ списокъ коренныхъ русскихъ словъ, авторъ проводитъ каждое слово по всѣмъ тѣмъ языкамъ, начиная отъ санскрита, въ которыхъ есть слова однородныя по значенію или однозвучныя. Мы не беремъ на себя права судить о достоинствѣ этого труда, совершенно неизвѣстнаго русской ученой литературѣ; но смѣемъ думать, что какъ послѣдній результатъ филологической учености, скоплявшейся и нароставшей у автора чѣмъ дальше, тѣмъ все въ бо̀льшей мѣрѣ, онъ долженъ имѣть бо̀льшее значеніе для науки, чѣмъ самыя «Филологическія наблюденія». Собственникъ всѣхъ письменныхъ сокровищъ, оставшихся послѣ Павскаго, его родной внукъ Г. А. Орловъ, какъ намъ извѣстно, представилъ уже эту колоссальную работу на компетентный судъ академіи наукъ, гдѣ досточтимый филологъ Я. К. Гротъ съ своими товарищами не преминетъ, конечно, опредѣлить степень ея ученаго достоинства и извлечь ее на свѣтъ Божій.

Чѣмъ развлекалъ себя ученый труженикъ среди своихъ напряженныхъ работъ? Рѣдкія посѣщенія его родныхъ и близкихъ знакомыхъ—Граціанскихъ, Кочетовыхъ (протоіерей І. С. Кочетовъ, подобно Павскому, профессоръ Петербургской духовной академіи, позже законоучитель лицея, еще позже протоіерей Петропавловскаго собора, знаменитый въ духовной литературѣ ученый, авторъ перваго курса православнаго нравственнаго богословія—«Черты дѣятельнаго ученія вѣры»; біографія его составлена священникомъ М. Ѳ. Архангельскимъ), еще болѣе рѣдкіе выѣзды его къ этимъ знакомымъ—не были его главнымъ отдыхомъ. Самое пріятное развлеченіе онъ находилъ въ своей семьѣ, въ заботахъ о воспитаніи своихъ дочерей, съ которыми самъ занимался уроками. Въ 1850 году скончалась его старшая дочь. Чтобы утѣшить себя въ этой тяжкой потерѣ, Герасимъ Петровичъ взялъ къ

себѣ на воспитаніе двухъ ея сыновей: въ ихъ играхъ и дѣтскомъ лепетѣ онъ находилъ себѣ отраду. Пять лѣтъ прожили два мальчика въ домѣ дѣдушки, перенимая отъ него самыя разнообразныя знанія: Павскій имѣлъ удивительный даръ говорить съ дѣтьми, пріобрѣтенный долгою педагогическою практикою. Но лучшею отрадой его въ тиши уединенія были все-таки книги. Для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій по филологіи онъ не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ. Его филологическая библіотека была, можетъ быть, въ свое время первая и лучшая въ своемъ родѣ. По остаткамъ ея, сохранившимся до настоящаго времени, видно, какъ цѣнилъ онъ этого рода богатство и какое дѣлалъ изъ него употребленіе. Почти всѣ эти книги испещрены его замѣчаніями.

XII.

Счастливое спокойствіе ученаго труженика было неожиданно нарушено въ концѣ 1841 года извѣстнымъ печальнымъ эпизодомъ,—возникшимъ въ это время дѣломъ о его переводѣ библіи съ еврейскаго на русскій. Однажды вечеромъ Павскій получаетъ съ почты слѣдующее письмо (сохранившееся въ его бумагахъ): «Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій отецъ протоіерей. Одинъ изъ чтущихъ таланты вашего высокопреподобія пріемлетъ смѣлость извѣстить васъ о недоброжелателѣ, позавидывавшемъ славѣ вашей въ области наукъ, и проситъ предостеречься отъ имѣющихъ еще послѣдовать отъ него нѣкоторыхъ доносовъ по дѣлу о переводѣ св. писанія. Это бывшій инспекторъ Московской духовной академіи, соборный іеромонахъ Агаѳангелъ, а нынѣ харьковскій ректоръ, который въ одно время съ владимірской почты послалъ три просительныя письма тремъ преосвященнымъ митрополитамъ о найденномъ неправославіи въ переводѣ, чрезъ студента академіи, отправившагося на Рождество Христово во Владиміръ. Онъ сознался уже въ этомъ владыкѣ московскому Филарету, но по чрезмѣрному честолюбію думаетъ еще выгадать чрезъ сіе у начальства. Вашего высокопреподобія усердный почитатель».

Исторія съ русскимъ переводомъ библіи Г. П. Павскаго достаточно извѣстна въ литературѣ. Много о ней разсуждали и такъ и иначе. Мы передадимъ ее въ общихъ чертахъ словами автобіографіи Павскаго, которому, конечно, дѣло было извѣстно лучше чѣмъ кому либо.

«Видя, что я не совсѣмъ уничтоженъ первымъ натискомъ (доносомъ митрополита Филарета по поводу «Христіанскаго ученія въ краткой системѣ»), враги мои постарались сдѣлать вторую пробу

придавить меня. Послѣ отказа моего отъ профессорства въ академіи (въ 1835 г.), ученики, довольные моими уроками, собрали ихъ и, налитографировавъ, разослали и другимъ бывшимъ моимъ ученикамъ. Эти литографированныя тетради попали къ моимъ врагамъ. Уроки эти съ моей стороны были совершенно чисты; я ихъ преподавалъ, бывши профессоромъ академіи, въ виду всѣхъ. И другіе профессоры при своихъ лекціяхъ пользовались моимъ знаніемъ еврейскаго языка. Московскіе невѣжды нашли въ моихъ урокахъ несообразное съ семидесятью толковниками, и одинъ изъ нихъ, бывшій тогда инспекторъ академіи московской, Агаѳангелъ, написалъ на нихъ злую критику и по почтѣ изъ Владиміра послалъ къ тремъ митрополитамъ: Серафиму, Филарету кіевскому и Филарету московскому. Послалъ онъ обвиненіе будто отъ своего имени, а между тѣмъ меня увѣряли, что это новая продѣлка Филарета московскаго. Огорчаясь прежнею неудачею и моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, не мудрено, что онъ внушилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агаѳангелу. Сія попытка имѣла такое слѣдствіе. Когда присланъ былъ литографическій переводъ св. писанія и ябедническія замѣчанія къ тремъ митрополитамъ, и узнано чрезъ Карасевскаго (чиновникъ при оберъ-прокурорѣ св. синода, графѣ Протасовѣ), что я въ литографированіи не участвовалъ, обращено было вниманіе на виновниковъ литографіи и обобраны были всѣ книги (т. е. экземпляры перевода), сколько можно было найти. Между тѣмъ обратили вниманіе и на самый переводъ. Донесено было снова государю обо мнѣ, и государь позволилъ, въ бытность при томъ оберъ-прокурора и двухъ Филаретовъ, спросить у меня: мой-ли переводъ и мои-ли замѣтки къ переводу? Я отъ этого дѣла не отрекся, поелику тутъ вины не было никакой, и митрополиты подали различные голоса касательно перевода св. писанія; Серафимъ подалъ отдѣльный голосъ, что не надо и вовсе переводить св. писаніе. Своею разноголосицею они испортили все дѣло, разсорились, и вслѣдствіе сей ссоры разъѣхались, кто въ Москву, кто въ Кіевъ, и никогда уже послѣ не съѣзжались. Симъ и разстроилось, по волѣ государя, скопище беззаконное» (Этими словами оканчивается бывшій въ нашемъ распоряженіи отрывокъ автобіографіи Павскаго).

Въ этомъ разсказѣ Павскаго важно то обстоятельство, что почннъ этого дѣла онъ приписываетъ митрополиту Филарету (московскому). Дѣйствительно, прочитавъ доносъ Агаѳангела, нельзя не замѣтить нарочитаго соотвѣтствія его сужденій съ извѣстными воззрѣніями Филарета. Жестоко нападая на Павскаго, какъ еретика, маркіонита, котораго нужно непремѣнно судить судомъ церкви, а

самый переводъ истребить, доносчикъ очень убѣдительно и краснорѣчиво доказываетъ необходимость церковнаго, синодальнаго, авторизованнаго перевода библіи на рускій языкъ. Это была всегдашняя мысль Филарета, бывшаго члена библейскаго общества, одного изъ главныхъ сотрудниковъ его по изданію русскаго перевода св. писанія. Потерпѣвъ самъ, при замѣнѣ Голицына Шишковымъ, за то, что приводилъ въ своемъ катихизисѣ текстъ св. писанія въ русскомъ переводѣ, митрополитъ Филаретъ, однако, радъ былъ стать въ ряды противниковъ Павскаго и нанести ему ударъ.

Подробности этого дѣла, со всею обстоятельностію, на основаніи подлинныхъ документовъ, изложены И. А. Чистовичемъ въ его «Исторіи перевода библіи на русскій языкъ» («Христіанское Чтеніе» за 1872 годъ, май и іюнь); поэтому мы остановимся здѣсь лишь на нѣкоторыхъ деталяхъ этого процесса, наиболѣе характеризующихъ личность Павскаго и то время, когда возникло это дѣло, прибавляя, по мѣстамъ, тѣ новыя данныя, какія намъ удалось найти въ бумагахъ Герасима Петровича Павскаго.

Обстоятельства, при которыхъ послѣдовалъ доносъ о. Агаѳангела и началось слѣдствіе по этому доносу, были крайне неблагопріятны для Павскаго. Независимо отъ того, что коммисія, которой поручено было разслѣдовать дѣло, вся состояла изъ лицъ къ нему лично недоброжелательныхъ, и всѣмъ ходомъ ея занятій заправлялъ имѣвшій съ нимъ свои особые счеты — митрополитъ Филаретъ московскій, и свѣтскія правительственныя сферы настроены были по отношенію къ нему неблагосклонно. То направленіе въ области русскаго богословія и русской церковной жизни, которое выше мы назвали католическимъ и которое было діаметрально противоположно тому строю научно-богословскихъ воззрѣній, котораго придерживался Павскій, было господствующимъ. Послѣ закрытія библейскаго общества, самъ Филаретъ московскій осмѣливался едва лишь заикнуться о переводѣ библіи на русскій языкъ, и, конечно, безуспѣшно. Предполагалось утвердить исключительное, церковное и учебное, употребленіе славянской библіи (въ редакціи послѣдняго, Елисаветинскаго, изданія) церковнымъ авторитетомъ, какъ это сдѣлано въ католической церкви относительно Вульгаты. Ходила мысль въ обществѣ о необходимости запрещенія чтенія библіи простымъ христіанамъ, основанная на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, только что переведенныхъ, по мысли графа Протасова, на русскій языкъ извѣстныхъ граматъ восточныхъ патріарховъ. Филаретъ московскій и Григорій, архіепископъ тверской (впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій), съ ужасомъ говорятъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. Первый по поводу разсужденія о

«священной герменевтикѣ» (наука о толкованіи св. писанія), составленной П. И. Савваитовымъ, между прочимъ, писалъ къ Гавріилу, архіепископу рязанскому, прося его заняться разсмотрѣніемъ этой книги: «Споспѣшествуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣренныхъ по цѣли охранить преданіе, но не безопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство св. писанія» («Чтенія М. О. И. и Др.» 1868 г., кн. 2-я). Второй писалъ Филарету: «Одна мысль о запрещеніи чтенія св. писанія простымъ христіанамъ приводитъ меня въ страхъ. Не могу постигнуть откуда происходитъ такое мнѣніе. Не есть-ли оно изобрѣтеніе всегда скрытно дѣйствующаго латинства? Или это мнѣніе есть порожденіе умножающагося въ наше время вольнодумства, дабы потомъ, какъ оно поступало съ духовенствомъ западной церкви, смѣяться надъ нами? Да помилуетъ насъ Всемилостивый!» («Прав. Обозр.» 1861 г., V).

И въ такое-то время вдругъ появляется переводъ библіи на русскій языкъ, сдѣланный съ еврейскаго, а не съ греческаго перевода семидесяти, не безъ пособія германскихъ экзегетовъ!..

Назначена была слѣдственная коммисія по дѣлу Павскаго, состоявшая изъ митрополитовъ московскаго и кіевскаго (послѣдній впослѣдствіи былъ замѣненъ Гавріиломъ, архіепископомъ рязанскимъ) и оберъ-прокурора графа Протасова, которая отнеслась къ Герасиму Петровичу крайне строго. На вопросные пункты, предложенные Павскому, онъ давалъ энергическіе и основательные отвѣты. Приведемъ изъ нихъ тѣ, которые наиболѣе характеризуютъ эту достойную личность и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ, по нашему мнѣнію, истинную, единственно правильную точку зрѣнія на это дѣло.

— «Во время преподаванія уроковъ въ академіи,—говоритъ Павскій,—я перевелъ всѣ пророческія и учительныя книги, кромѣ Пѣсни пѣсней. Сію книгу я перевелъ для себя собственно, и какъ она дошла до учениковъ—не знаю. Изъ числа пророковъ книга Іезекіиля переведена мною по увольненіи изъ академіи, когда я былъ уже на покоѣ; но какъ переводъ перешелъ въ руки студентовъ—совершенно не знаю. Я переводилъ сіи книги постепенно, начиная съ первыхъ курсовъ. И, помнится, началъ съ книги Іова, потомъ перевелъ псалтирь, которая, бывъ пересмотрѣна въ особомъ комитетѣ, напечатана. Я дѣлалъ переводъ въ классѣ, и потомъ переведенное отдавалъ ученикамъ на бумагѣ въ видѣ лекцій. Нѣкоторыя изъ такихъ бумагъ я имѣю и нынѣ.—Мною составлены и оглавленія, и введенія, и примѣчанія. Только надъ книгою Экклезіаста надписаніе не похоже на мое. И большая надпись главъ Исаіи отъ XL и далѣе—не моя. Переводъ мой литографированъ совершенно

безъ моего согласія и вѣдѣнія. Я никому не давалъ сего согласія. И даже, услышавъ о литографированныхъ экземплярахъ, не хотѣлъ имѣть у себя ни одного изъ нихъ». «Изъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ, я догадываюсь, что св. синодъ находитъ переводъ св. писанія, сдѣланный мною, неправославнымъ. Основаніемъ сему подозрѣнію послужило, что въ надписяхъ и оглавленіяхъ пророчествъ я не указывалъ именно того лица или происшествія, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, почему въ надписи надъ VII главою Исаіи я не сказалъ прямо, что здѣсь рѣчь идетъ о рожденіи Іисуса Христа отъ Дѣвы Маріи; почему въ надписи надъ XI главою не поставлено, что подъ именемъ жезла отъ корене Іессеева разумѣется Іисусъ Христосъ,—и т. д. Для отвращенія отъ себя всякаго подозрѣнія въ неправовѣріи, я считаю обязанностію подробно изложить теперь, какъ составлялся мой переводъ, съ какою цѣлію и для какихъ слушателей. Извѣстно, что въ кругѣ академическихъ богословскихъ наукъ есть особенный классъ для чтенія св. писанія, особенний—для герменевтики, и тоже особенный—для догматики. Для всякой изъ сихъ наукъ поставленъ особый преподаватель. Все, касающееся до толкованія св. писанія, и всѣ догматическія положенія церкви мои ученики слышали въ тѣхъ другихъ классахъ, а въ моемъ классѣ и не должно было касаться до догматовъ и герменевтическихъ соображеній. Это не то значитъ, что я не зналъ и не признавалъ какихъ либо догматовъ своей церкви, а то, что я строго отличалъ одну науку отъ другой и твердо помнилъ, что изъ круга своей науки я выходить не долженъ. Какъ профессоръ еврейскаго языка и филологіи, я долженъ былъ научить своихъ учениковъ еврейскому языку и, посредствомъ наилучшаго знанія и разныхъ филологическихъ соображеній, довести ихъ до возможно-яснаго разумѣнія библіи. Поставивъ себя въ такихъ границахъ, какъ и слѣдовало, я, при составленіи своихъ лекцій, имѣлъ предъ глазами только наилучшіе словари еврейскаго языка, наилучшія археологическія книги, въ которыхъ объясняется жизнь народа Божія въ разныхъ отношеніяхъ. Изъ сихъ-то лекцій, составленныхъ по чисто-филологическимъ руководствамъ, вышелъ мой переводъ пророческихъ и другихъ библейскихъ книгъ. Какъ переводъ филологическій, онъ не могъ и не долженъ былъ касаться ни до чего не филологическаго. Потому-то, когда я для указанія связи и хода рѣчи дѣлалъ надъ нѣкоторыми рѣчами надписи, тогда дѣлалъ сіи надписи точно тѣми словами, которыя находятся въ рѣчи. Въ рѣчи пророческой говорится о царѣ,—не сказано, о какомъ именно, о пророкѣ,—я и надписываю, что въ такой-то рѣчи говорится о царѣ, о пророкѣ,—не указывая какъ ему имя... Догматика въ мой филологическій

переводъ входила только отрицательно, т. е. я не позволялъ себѣ вносить въ свой переводъ ничего противнаго яснымъ положеніямъ православной церкви; а вводить въ него догматическія указанія прямо и положительно я не имѣлъ права и обязанности. Я привыкъ ясно отличать одну науку отъ другой и одно дѣло отъ другаго. При томъ, не внося въ свой переводъ догматическихъ указаній и соображеній, я шелъ по слѣдамъ предшествующихъ издателей библіи. У насъ нѣтъ надписей съ догматическими указаніями, ни въ славянской библіи, ни въ русскомъ переводѣ псалтири. А изъ этого можно ли заключить, что издатели псалтири не признавали пророческаго смысла во многихъ псалмахъ, и что псалма, напримѣръ, 21-го не относили къ страждущему Мессіи?

— «Когда бы я въ урокахъ догматическаго ученія превращалъ догматы церкви или даже проходилъ ихъ безъ вниманія, когда бы, напримѣръ, въ главѣ о пророчествахъ – пропустилъ пророчество о рожденіи Іисуса Христа отъ Дѣвы,—тогда бы это было явнымъ признакомъ моего неправовѣрія. Но я увѣренъ, что ни одинъ изъ моихъ учениковъ не скажетъ обо мнѣ, что я научилъ его чему либо не православному, что я не говорилъ о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы, не приводилъ пророчествъ о Его жизни и страданіяхъ... Пробуждая любовь къ слову Божію, я никогда не терялъ изъ виду и церковныхъ догматовъ, старался подкрѣплять ихъ доводами изъ св. писанія, видѣлъ и другимъ указывалъ въ нихъ единодушный голосъ отцовъ церкви... Правда, люблю ясность и доказательность, и хочу вѣрить только тому, что твердо стоитъ на своихъ началахъ; но въ этомъ мнѣ никто не полагаетъ препоны. Благодарю Бога, что церковь, въ которой я рожденъ и воспитанъ, не принуждаетъ меня вѣрить чему либо безъ доказательствъ; Она позволяетъ мнѣ углубляться въ чистое и святое слово Божіе, и если что предписываетъ—всегда указываетъ основаніе своему предписанію въ словѣ Божіемъ и въ общемъ голосѣ просвѣщенныхъ учителей церкви. И потому я чтилъ и чту ее какъ путеводительницу и матерь, и никто изъ знающихъ меня не скажетъ, чтобы я отвергалъ какія либо ея постановленія и догматы. Неужели я ложью, лицемѣріемъ, неправовѣріемъ, вольнодумствомъ—пріобрѣлъ то уваженіе, которымъ пользуюсь у людей просвѣщенныхъ, почтенныхъ и по своему благочестію, и по глубокимъ познаніямъ.

— «Я надѣюсь, что св. синодъ приметъ въ уваженіе сіи показанія мои, и переводъ мой не найдетъ противнымъ православію. Правда, въ такомъ видѣ, какой ему данъ въ ученомъ мѣстѣ, онъ не можетъ пойти въ общенародіе. Бывъ составленъ для людей ученыхъ, пріобрѣ-

тающихъ дополнительныя свѣдѣнія отъ другихъ наставниковъ, онъ получилъ вовсе не общенародную форму и для полученія полнаго знанія слова Божія недостаточенъ. Онъ—чисто-филологическій переводъ. Потому-то въ немъ цѣлыя книги и главы переставлены съ одного мѣста на другое, стихи поставлены параллельно, чтобы одно полустишіе поясняло другое. Переводы библіи, издаваемые для всенароднаго употребленія, такого вида принять не могутъ. Для народа издаютъ библію или вовсе безъ поясненій, или съ поясненіями всякаго рода—и историческими, и догматическими, и археологическими, и отчасти филологическими.—Не отвергаю того, что переводъ мой недостаточенъ. Онъ составлялся для однихъ учениковъ священной филологіи, и составлялся повременно. Иныя книги переведены лѣтъ за двадцать передъ симъ и послѣ того не разъ были поправляемы мною въ моихъ тетрадяхъ, когда я пріобрѣталъ новыя свѣдѣнія въ языкѣ и замѣчалъ шероховатость перевода или неточность. Переведенныя въ послѣдніе годы должны быть, по самому ходу человѣческихъ дѣлъ, вѣрнѣе и глаже. Но и сіи, какъ человѣческое произведеніе, не могутъ назваться отлично вѣрными. Стараясь о точнѣйшемъ выраженіи смысла подлинника и о вѣрности перевода, я иногда терялъ изъ вида чистоту русскаго языка... Всякіе переводчиковъ недостатки могутъ находить заботливые изыскатели людскихъ погрѣшностей; но подозрѣвать во мнѣ злонамѣренность нѣтъ ни малѣйшей причины. Злоумышленники дѣйствуютъ тайно, а я преподавалъ уроки не тайно, давалъ тетради ученикамъ всѣмъ вообще, а не какимъ либо соумышленникамъ; отдавалъ начальству отчетъ о филологическихъ своихъ занятіяхъ не разъ въ году. И все это продолжалось болѣе пятнадцати лѣтъ, и за все это я получалъ и добрые отзывы и награды. Виноватъ ли я, что людскія мнѣнія измѣняются и что считавшееся законнымъ прежде признается теперь незаконнымъ?

— «Все, доселѣ сказанное, должно относиться къ переводу собственно моему, а не къ той безобразной редакціи моего перевода, которая находится въ литографированномъ экземплярѣ, дошедшемъ до синода. Въ этой редакціи бездна ошибокъ, происходящихъ отъ дурныхъ писцовъ, множество неумѣстныхъ прибавокъ, пропусковъ. Все это никакъ не должно падать на мою отвѣтственность, потому что литографированный оттискъ сдѣланъ безъ моего позволенія и вѣдома, и, слѣдовательно, безъ всякаго моего надзора.

— «Въ заключеніе снова повторяю, что въ переводѣ св. писанія я не думалъ помѣщать что либо противное ученію православной церкви. Я твердо знаю ея догматы и отъ нихъ отступать самъ и другихъ

отводить никогда не помышлялъ. Въ этомъ никто не обличитъ меня. Если подозрѣніе на меня пало отъ того, что догматическое церковное ученіе не было вносимо въ надписи пророческихъ рѣчей, то я уже объяснился—по какой причинѣ. Я обдѣлывалъ филологическую часть и дѣлалъ переводъ для знающихъ догматы. Я никогда не ожидалъ, что переводъ мой выйдетъ изъ ученаго круга... Впрочемъ, когда по неблагоразумію учениковъ, не умѣющихъ различать, что̀ гдѣ хорошо, онъ вышелъ изъ ученаго круга и своею неполнотою и ученою пытливостію переводчика произвелъ подозрѣнія: то часть вины пріемлю на себя. Виновенъ я въ томъ, что, дѣлая переводъ для ученыхъ, не предусмотрѣлъ, что онъ можетъ попасть и въ руки не ученыхъ. И потому прошу мою неосмотрительность прикрыть благоразуміемъ, и если впредь произойдутъ отъ перевода моего какіе-либо соблазны, прошу укрощать ихъ пастырскими наставленіями».

Митрополитъ Филаретъ московскій не удовлетворился этими объясненіями, равно какъ и устными собесѣдованіями съ Герасимомъ Петровичемъ, находя какъ въ переводѣ и примѣчаніяхъ къ нему Павскаго, такъ въ его объясненіяхъ устныхъ и письменныхъ—мысли неправославныя, именно несогласное съ ученіемъ православной церкви пониманіе пророчествъ. Формальное слѣдствіе, веденное Карасевскимъ, чиновникомъ оберъ-прокурора, клонилось, однако же, къ оправданію Павскаго. Тогда Филаретъ убѣдилъ своихъ товарищей по коммисіи окончить поскорѣе порученное имъ слѣдствіе. Объясненія Павскаго съ своимъ журналомъ коммисія представила въ св. синодъ на заключеніе. Вслѣдъ затѣмъ оба Филарета, московскій и кіевскій, уѣхали въ свои епархіи, откуда больше уже не были вызываемы для присутствія въ св. синодѣ.

Оканчивая разсказъ объ отношеніяхъ Павскаго къ митрополиту Филарету московскому, здѣсь кстати будетъ замѣтить, что отношенія эти не помѣшали Павскому быть избраннымъ въ почетные члены конференціи Московской духовной академіи. Избраніе это состоялось въ 1828 году, еще прежде поступленія Павскаго на должность законоучителя Государя Наслѣдника Цесаревича, что видно изъ того, что въ спискѣ членовъ конференціи Павскій названъ «Андреевскаго, въ С.-Петербургѣ, собора протоіереемъ» [1]). Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Павскій оказывается въ спискѣ по-

---

[1]) См. «Исторію Москов. дух. академіи до ея преобразованія» С. Смирнова, стр. 412.

четныхъ членовъ конференціи Московской академіи единственнымъ изъ всего петербургскаго бѣлаго духовенства... Зная, до какой степени близокъ былъ митрополитъ Филаретъ къ своей академіи, до какой степени непосредственно принималъ онъ участіе во всѣхъ академическихъ дѣлахъ, трудно предположить, чтобы это избраніе состоялось безъ вѣдома Филарета или противъ его воли. Вѣроятно, это избраніе было отголоскомъ прежнихъ миролюбивыхъ взаимныхъ отношеній Павскаго и Филарета, имѣвшихъ мѣсто во время службы Филарета въ Петербургской академіи и совмѣстной дѣятельности обоихъ въ Россійскомъ библейскомъ обществѣ.

Н. И. Барсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО 1728 ГОДА.

(Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа).

I.

1728 года іюня въ 18 день по указу Его Імператорского Величества въ Преображенскомъ приказе определено: присланного въ Преображенской приказъ іsъ Московской Губернской Канцелярiі колодника подмосковной вотчины господина граѳа Опраксина села Іsславскаго дьячка Івана Григорьева по Уложенью первой главы перваго да седмагонадесять пунктовъ двадесять второй главы третьягонадесять пунктажъ казнить смертью отсѣчь голову за то: будучи онъ по отсылке іsъ оной канцелярiі въ остроге сказалъ за собою, да за колодникомъ же роздьякономъ Павломъ важное дѣло; а въ Преображенскомъ приказе въ роспросе і въ очпой ставке іsвещалъ на того роздьякона, якобы оной роздьяконъ во ономъ остроге обронилъ писмо, въ которомъ написано къ возмущенію народа. А съ розысковъ винился, что онъ то писмо сочинилъ, умысля воровски собою, въ которомъ сперва на простомъ листу, обманувъ оного роздьякона, велѣлъ написать нѣкоторые подъ скрытомъ рѣчи, а къ тому приписалъ онъ, дьячокъ, возмутителныя слова, отписываясь отъ своей руки, чтобъ оное писмо причтено было якобы сочинилъ оной роздьяконъ, і чаялъ, что тому его составнову писму повѣрятъ і роздьякону учинятъ тожъ, за что і Ростовской епископъ кажненъ, а емубъ, дьячку, за оное, якобы за правой іsвѣтъ, отъ определенной ссылки за воровство въ Сибирь быть свободну. А по Уложенью вышепомянутыхъ пунктовъ: кто учнетъ мыслити на государское здравие злое дѣло і про то сыщется допряма, что онъ на Царское Ве-

личество злое дѣло мыслилъ і дѣлати хотѣлъ, и такова по сыску велено казнити смертью; а кто на кого доводилъ государево великое дѣло іли ізмѣну, а не довелъ і сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, і тому ізвѣтчику велено учинить тожъ, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ; а которые воры чинятъ въ людяхъ смуту і затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышлениемъ затѣйные дела, і таковыхъ воровъ за такое ихъ воровство велено казнить смертью. І для того ево, дьячка, за объявленную ево вину, по силе оныхъ пунктовъ, смертью і казнить.

Подлинное определение за подписаниемъ его сиятелства дѣіствителного тайного совѣтника і кавалѣра і Московской губерниі генерала губернатора князя Івана Өедоровича Рамодановского.

Съ подлиннымъ определениемъ читалъ канцеляристъ Іванъ Кириловъ.

II.

1728 года іюня въ 18 день по указу Его Імператорского Величества въ Преображенскомъ приказе определено о присланномъ въ Преображенской приказъ изъ Московской губернской канцеляриі колоднике дьячке Іване Григорьеве послать въ оную канцелярию промеморию, въ которой написать, что по указу Его Імператорского Величества і по определению въ Преображенскомъ приказе по градскимъ законамъ и по Уложенью за составное ево возмутителное воровское писмо велено того дьячка казнить смертью, которая казнь учинена будетъ ісъ Преображенского приказу.

Подлинное определение за подписаниемъ его сиятелства дѣйствителного тайного совѣтника і кавалѣра и Московской губерниі Генерала губернатора князя Івана Өедоровича Рамодановского.

III.

Экстрактъ подмосковной вотчины граѳа Андрѣя Матвѣевича Опраксина села Ізславского о дьячке Іване Григорьеве.

Маія 14-го числа сего 728 году въ Преображенской приказъ присланъ ізъ Московской губернской канцеляриі помянутой дьячекъ Григорьевъ для того:

По розыску ізъ оной канцеляриі определенъ онъ за воровство въ сылку въ Сибирь і, будучи въ остроге подъ карауломъ, сказалъ за

собою да за колодникомъ же роздьякономъ Павломъ Его Імператорского Величества важное дѣло.

А въ Преображенскомъ Приказе оной дьячекъ объявилъ писмо прошито бумагою бесъ печати. А въ роспросе сказалъ: оногожъ де маія 13-го дня вышепомянутой роздьяконъ, пошедъ ізъ острогу въ миръ, оное писмо завернуто въ тряпице выронилъ ізъ за пазухи, а какое то писмо і кто ево писалъ про то онъ, дьячекъ, не вѣдаетъ.

А роздьяконъ Павелъ въ роспросе і з дьячкомъ въ очной ставке сказалъ, что у него никакова писма не бывало і въ тряпице не выранивалъ.

І вышепоказанное писмо роспечатано і роздьякону Павлу казано.

І оной роздьяконъ спрашиванъ: то писмо чьіхъ рукъ, онъ знаетъ-ли?

І роздьяконъ, смотря того писма, сказалъ: то де писмо чьей руки, не знаетъ.

Онъ же, постоявъ, винился і сказалъ: въ томъ де писмѣ сначала крупное писмо чьей руки, не знаетъ; а въ конце де того писма на другой странице шесть строкъ писмо руки ево, роздьяконовой; писалъ онъ на бѣломъ полулисте, по прозбѣ вышеписанного дьячка Івана съ письма ево, дьячковой, руки. А какъ де то писмо онъ, роздьяконъ, сталъ писать і того дьячка спросилъ: для чего съ того ево писма ему списать далъ? І онъ ему сказалъ: какъ де онъ съ того писма спишетъ, і онъ де то писмо пошлетъ къ другу (а х кому не сказалъ), чтобъ ему на нужду далъ денегъ. І онъ де съ того писма написалъ спроста, не выразумѣвъ въ томъ писмѣ силы і, списавъ то писмо, отдалъ тому дьячку; і за то тотъ дьячекъ далъ ему двѣ денги. А на томъ же полулисте досталное писмо чьей руки, не знаетъ.

А дьячекъ Іванъ Григорьевъ въ роспросе і съ нимъ, роздьякономъ, въ застенке въ очной ставке сказалъ: тому роздьякону того писма писать онъ не веливалъ і показанныхъ словъ не говаривалъ, а то де писмо подлинно обронилъ тотъ роздьяконъ въ остроге, а онъ, Іванъ, поднялъ.

А съ подъему оной дьячекъ винился: вышепомянутое де писмо сочинилъ онъ, дьячекъ, сначала крупнымъ писмомъ на странице і на другой сторонѣ съ четверть страницы писалъ онъ, дьячекъ, отписываясь отъ своей руки, а ниже того мѣлкое писмо писалъ вышеписанной роздьяконъ Павелъ по ево дьячкову прошенью съ руки ево дьячковой на бѣломъ полулисте.

А въ вышеписанномъ писмѣ написано:

(1). Вѣдомо всѣмъ чину, яко грѣхъ ради нашихъ въ Россіскомъ государствѣ умноженіе всякого непотребства і зла преісполненіе отъ вышнихъ господъ.

(2). Въ началѣ святѣй церкви озлобленіе: ходятъ въ церковь въ парикахъ, а жены іхъ въ пластыряхъ.

(3). Они же учинили подушной окладъ і тѣмъ разореніе народу чинятъ, людей і крестьянъ укрѣпили, мучатъ холодомъ и голодомъ, а дѣтца негдѣ.

(4). Полковые аѳицеры солдатъ мучатъ і жалованьемъ іхъ корыстуютца, за мундиръ і за ружье выворачиваютъ.

(5). О православниі христиане, военны чине і простыі народъ! станите крѣпце за вѣру християнскую противъ господъ і аѳицеровъ учинить съ ними брань, не якоже бы прежние стрелцы: народъ къ вамъ і чернь приклонитца, а паче люди боярские і будите вы господа!

(6). Стрелцы, аще телесне і пострадали, но души ихъ съ праведными радуютца.

(7). Пророкъ Ілия, аще і много людей закла, но однако праведенъ живъ.

(8). А сей владѣющиі Россиею Імператоръ не долгожизненъ, скоро умретъ.

(9). Вы же въ то время будите христоіменити людие, і господа всему государству, і я въ то время явлюся, аще і далече отлученъ, о чемъ значитъ рука моя ниже сего.

(10). А они боятца васъ военныхъ: во единъ кругъ салдатомъ сошедшимся ничего думать і шептать невелятъ.

Въ томъ же писмѣ внизу мѣлкимъ писмомъ другою рукою написано тако: «Прошу і молю всѣхъ усердно со слезами о вышеписанномъ споможеніе учинить і всеусердно постаратца, какъ о томъ явствуетъ въ сѣмъ писмѣ; і кѣмъ сие писмо получено будетъ, чтобъ сие писмо, пожаловалъ, удержалъ у себя. І какъ по сему писму доброе будетъ чинитца, я вашей милости въ то время і самъ явлюся».

А дьячекъ Іванъ Григорьевъ на оное писмо въ роспросехъ и съ трехъ пытокъ і съ огня по пунктамъ говорилъ:

(На 1). Какъ де въ прошломъ 727 году сидѣлъ онъ, дьячекъ, въ губернской канцеляриі въ колодничьей полате і после розысковъ за воровство велено ево сослать въ Сибирь, і посланъ былъ въ острогъ, і сталъ мыслить: какъ бы ему написать какое ни есть писмо, чемъ бы ему отъ ссылки свободитца; а судьі де ихъ, колодниковъ, держатъ за карауломъ многое время, а кромѣ того іного никакова непотребства за вышними господами і ни за кѣмъ не знаетъ.

(На 2). Оное написалъ въ такой силѣ, что въ прошлыхъ годѣхъ, а сколь давно, не помнитъ, приѣзжалъ онъ къ Москве для домовныхъ

покупокъ і въ одно время шелъ онъ ізъ города на постоялой дворъ, і на Смоленской улице стоя расколщики 2 человѣка межъ себя говорили: «господа де аѳицеры ходятъ въ церковь въ парикахъ і въ шпагахъ, а жены де ихъ въ пластыряхъ і то де Богу грубно, а они де за тѣмъ въ церковь не ходятъ».

(На 3). Написалъ для того: какъ жилъ онъ на свободе и ізъ двора ѣзживалъ въ Звенигородъ на торгъ для своіхъ нуждъ, і на томъ торгу говорили крестьяне, а чьі не знаетъ, что подушнымъ де окладомъ народу отяхчение і у скудныхъ де крестьянъ хотя 3 іли 4 сына маленкие і съ тѣхъ подушные денги велятъ платить; а у которого де крестьянина у богатова сынъ одинъ і съ того де одного подушные берутъ, і тѣмъ де въ народе неравенство і они де убогие отъ того холодни і голодни і дѣтца імъ негдѣ.

(На 4). Писалъ онъ, выдумавъ собою, къ вине роздьякону, а ни отъ кого про то не слыхалъ і не знаетъ.

(На 5). Написалъ, вымысля собоюжъ, якобы оное писалъ вышепомянутой же роздьяконъ Павелъ къ возмущению народа.

(На 6). Писалъ, выдумавъ собоюжъ, къ оному роздьякону; а въ стрелцахъ у него Івана родственниковъ і знаемыхъ никого не бывало і нѣтъ и іхъ не сожалѣя.

(На 7). Написалъ, припомня, что о томъ напечатано въ Прологе въ житиі пророка Іліі, а не для іной какой причины.

(На 8). Написалъ, вымысля собою жъ, якобы оное писалъ тотъ же роздьяконъ, потому: припомнилъ онъ, какъ на Красной площаді прибитъ былъ къ столбу каменному листъ жестяной, а на немъ написано показанное, что пророчествовалъ Ростовской епископъ блаженные і вѣчно достойные памяти о Его Імператорскомъ Величествѣ, і за то онъ, епископъ, кажненъ. І чаялъ, что, повѣря оному его составному писму, і помянутому роздьякону учинятъ тожъ.

(На 9). Написалъ то, приводя якобы то писалъ і сочинялъ помянутой же роздьяконъ, і что онъ отправялся въ сылку въ Сибирь.

(На 10). Написалъ къ такой силѣ: въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ, не помнитъ, былъ онъ въ Москвѣ для покупокъ і у Соляного двора стоя два человѣка салдаты говорили межъ собою громко: «у насъ де нынѣ въ армѣе хорошо военной судъ творитца: сошедчись де во единъ кругъ ничего говорить і шептать никому невелятъ». А онъ, Іванъ, тѣ слова прислушалъ, а отъ іныхъ ни отъ кого не слыхалъ, і причинялъ то къ томужъ роздьякону.

А что де въ томъ же писмѣ снизу написано другою рукою мѣлкимъ писмомъ, і о томъ де у него сказано съ первого подъему выше сего.

Вышеписанное де всѣ онъ, Іванъ, писалъ, выдумавъ собою одинъ, а никого въ сообщениі съ нимъ, Іваномъ, о томъ писмѣ не было і умыслу къ возмущению народа къ бунту, і чтобъ то писмо гдѣ подкинуть у него, Івана, не быложъ; а оное писмо бутто писалъ онъ, роздьяконъ, і держалъ при себѣ, хотѣлъ ево объявить въ Преображенскомъ приказе і сказать, что то писмо писалъ онъ, роздьяконъ, і тѣмъ бы ему, Івану, свободитца отъ ссылки. А другихъ такихже і тому подобныхъ къ возмущению і никакихъ подмѣтныхъ писемъ не писывалъ, і не подмѣтывалъ, і другихъ такихъ воровъ никого онъ не знаетъ, і помянутого писма, чтобъ гдѣ ево подкинуть, умыслу у него не было. А тряпицы де никакой у помянутого роздьякона въ остроге ізъ за пазухи не выпадывало, і онъ, Іванъ, не подымывалъ, і оногожъ писма онъ, Іванъ, никому не казалъ, і копиі съ него никому не давывалъ, і самъ не списывалъ, і никуда не посылывалъ, і на Его Імператорское Величество злаго никакова умыслу у него, Івана, нѣтъ і не бывало, і ни за кѣмъ такова умыслу не знаетъ, і съ тѣмъ роздьякономъ у него, Івана, ссоры никакой не бываложъ. I о томъ о всемъ показалъ онъ самую істинну, і въ той ево вине воля Его Імператорского Величества.

А въ Уложенье напечатано: во 2-й главѣ, 1-я статья:

Будетъ кто учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло, і про то его злое умышление кто ізвѣститъ, і по тому ізвѣту про то его злое умышление сыщется допряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ і дѣлати хотѣлъ и такова по сыску казнити смертью.

Во 2-й: Такоже будетъ кто при державѣ Царского Величества хотя Московскимъ государствомъ завладѣти і государемъ быти, і для того своего злаго умышления начнетъ разбирати іли кто Царского Величества съ недруги учнетъ дружитися і совѣтными грамотами ссылатися, і помощъ имъ всячески чинити, чтобы тѣмъ государевымъ недругомъ, по его ссылкѣ, Московскимъ государствомъ завладѣти іли какое дурно учинити, і про то на него кто ізвѣститъ і по тому ізвѣту сыщется про ту ево ізмѣну допряма, і такова ізмѣнника потомужъ казнить.

Въ 17-й: Будетъ кто на кого доводилъ государево великое дѣло іли ізмѣну, а не довелъ і сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, і тому ізвѣтчику тоже учинить, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ.

Въ 22-й главѣ, въ 13-й статьѣ: Которые воры чинятъ въ людяхъ смуту і затѣваютъ на многихъ людей своімъ воровскимъ умышлениемъ затѣйные дѣла, і таковыхъ воровъ за такое іхъ воровство казнити смертью.

I по слушаниі оного экстракту въ Преображенскомъ приказе определено: вышеписанного дьячка **Івана Григорьева** по Уложенью второй главы первого да седмагонадесять пунктовъ, двадесятьвторой главы третьягонадесять пунктажъ **казнить смертью** за то: будучи онъ по отсылке ізъ оной канцеляриі въ остроге, сказалъ за со-

бою да за колодникомъ же роздьякономъ Павломъ важное дѣло; а въ Преображенскомъ приказе въ роспросе і въ очной ставке івѣщалъ на того роздьякона, якобы оной роздьяконъ во ономъ остроге обронилъ писмо, въ которомъ написано къ возмущению народа, а съ розысковъ винился, что онъ то писмо сочинилъ, умысля воровски собою, въ которомъ сперва на простомъ листу, обманувъ оного роздьякона, велѣлъ написать нѣкоторые подъ скрытомъ рѣчи, а къ тому приписалъ онъ, дьячекъ, возмутителные слова, отписываясь отъ своей руки, чтобъ оное писмо причтено было, якобы сочинилъ оный роздьяконъ, і чаялъ, что тому ево составному писму повѣрятъ і роздьякону учинятъ тожъ, за что і Ростовской епископъ кажненъ, а емубъ, дьячку, за оное, якобы за правой івѣтъ, отъ определенной ссылки за воровство въ Сибирь быть свободну.

І вышеписанному дьячку, по оному определенію, экзекуцыю чинить ли, о томъ указомъ Его Імператорского Величества что повелено будетъ?

IV.

1730 году марта 20-го дня, по указу Ея Императорского Величества, Правительствующиі Сенатъ, слушавъ предложенного изъ бывшей Преображенской Канцеляриі экстракта, приказали: колодника подмосковной вотчины граѳа Андрѣя Апраксина села Иславскаго дьячка Івана Григорьева, которой, будучи въ Московской губернской канцеляриі, въ тюрме написалъ воровское злоумышленное возмутителное писмо и желалъ тѣмъ воровскимъ умысломъ привесть посторонного невинно къ смертной казни, въ чемъ онъ въ роспросе і съ розысковъ самъ винился, казнить смертью четвертовать; и голову и руки и ноги поставить на колье; и для той казни отослать ево, Григорьева, въ Московскую губернскую канцелярию.

Москва.

Сообщ. **Н. С. Тихонравовъ.**

ПОРТРЕТЪ КНЯЗЯ Н. В. РЕПНИНА.

1799 г.

Позволяю себѣ сообщить на страницы «Русской Старины» свѣдѣніе о весьма рѣдкомъ живописномъ портретѣ князя Николая Репнина, каковой портретъ составляетъ мою собственность. Напомню сначала о самомъ кн. Н. В. Репнинѣ.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ былъ внукъ князя Аникиты Ивановича и сынъ Василія Аникитича Репниныхъ. Дѣдъ его Аникита былъ генералъ-фельдмаршаломъ и приближеннымъ человѣкомъ къ Петру Великому, пріобрѣлъ его любовь и довѣренность, но въ минуту гнѣва Петра за потерю сраженія при Головчинѣ разжалованъ въ солдаты; за сраженіе при Лѣсномъ и за Полтавскую битву князь Репнинъ получилъ прежнее значеніе. Умеръ въ Ригѣ 3-го іюля 1726 года, на 58-мъ году жизни. Отецъ его Василій Аникитичъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, воспитывался за границею, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и служилъ по дипломатической части. 11-го марта 1734 года родился князь Николай Васильевичъ и, бывши 15-ти лѣтъ отъ роду, участвовалъ уже въ походахъ своего отца, послѣ смерти котораго, 21-го іюля 1748 года, въ лагерѣ при Кульбахѣ, порученъ былъ императрицею Елисаветою графу Бестужеву-Рюмину. Дальнѣйшая служба князя Репнина, какъ полководца, дипломата и администратора, на столько извѣстна изъ статей «Русской Старины», что я не смѣю утруждать изложеніемъ этого. Обращаюсь прямо къ отношеніямъ князя Репнина къ мартинистамъ и вообще къ масонству, и къ появленію его крайне рѣдкаго портрета, писаннаго знаменитымъ Боровиковскимъ.

Однажды, въ 1776 году, князь Николай Вас. Репнинъ, не смотря на свое высокое положеніе при дворѣ и неблаговоленіе императрицы Екатерины II къ масонству, посѣтилъ ложу Елагина. Здѣсь въ первый и послѣдній разъ онъ встрѣтилъ Новикова. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ есть указаніе, что Новиковъ произвелъ на князя Репнина большое впечатлѣніе, вслѣдствіе котораго всѣ колебанія прекратились и Репнинъ вошелъ въ тѣсную связь съ друзьями Новикова и началъ почти безусловно раздѣлять ихъ убѣжденія. Очень любопытны письма Алексѣева къ князю Репнину, которыя хранились въ прежде бывшей Чертковской библіотекѣ, въ Москвѣ. Екатерина II не очень довѣряла Репнину, считала его тайнымъ сторонникомъ Павла Петровича. Въ

1785 году князь Репнинъ пріѣхалъ въ Москву и предался мистицизму. Сухость пріема, который сдѣлалъ Репнинъ барону Шредеру, была причиною тому, что онъ не поступилъ въ розенкрейцеры, но масонъ Лопухинъ далъ ему мѣсто надзирателя въ своей масонской ложѣ. Всѣ эти отношенія имѣли вліяніе на жизнь князя Репнина на столько, что онъ долженъ былъ поселиться въ подмосковномъ своемъ имѣніи Воронцовѣ. Въ это время, подъ впечатлѣніемъ деревенской скуки и оскорбленнаго самолюбія, князь Репнинъ еще болѣе вдался въ мистицизмъ. Между тѣмъ, внѣшнія событія имѣли большое вліяніе на императрицу. Отдано было приказаніе объ арестованіи Новикова и другихъ; вообще на это дѣло посмотрѣли какъ на государственную измѣну. Репнинъ былъ въ Москвѣ. Было 21-е апрѣля 1792 года, день рожденія Екатерины II. Огромный домъ, занимаемый княземъ Прозоровскимъ, блисталъ огнями; оркестры музыки играли полонезъ, когда къ князю Репнину подошелъ одинъ изъ его приближенныхъ и сообщилъ о распоряженіи правительства объ арестованіи Новикова и вообще мартинистовъ. Репнинъ поблѣднѣлъ и цѣлый вечеръ былъ очень разстроенъ. На другой день, т. е. 22-го апрѣля, начались обыски и аресты. Новиковъ при допросахъ не только отклонилъ всякое участіе князя Репнина, но даже показалъ, что не былъ съ нимъ знакомъ, и, не смотря на все стараніе Шешковскаго, участіе Репнина въ масонствѣ осталось неоткрытымъ. Но, не смотря на это, Екатерина II, чтобы удалить Репнина изъ Москвы, назначила его, 30-го сентября 1792 года, намѣстникомъ рижскимъ и ревельскимъ. 8-го ноября 1796 года императоръ Павелъ пожаловалъ князя Репнина въ генералъ-фельдмаршалы, но въ 1798 году уволилъ отъ службы съ мундиромъ. Послѣ этого князь поселился въ Москвѣ, гдѣ на балѣ у дочери его, княгини Волконской, снятъ былъ означенный портретъ Боровиковскимъ. Я описалъ отношенія князя Репнина къ масонству потому, что, по убѣжденію и мистицизму, Репнинъ ни подъ какимъ видомъ не дозволялъ снимать съ себя портрета. Нужна была вся привязанность дочери его, княгини Волконской, матери князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго,—впослѣдствіи участника въ войнѣ 1812 года, затѣмъ замѣшаннаго въ заговорѣ декабристовъ 1825 года и воспитанника до четырнадцатилѣтняго возраста князя Репнина, т. е. по день его смерти 12-го мая 1801 года,—и приближенныхъ къ ней лицъ, чтобы секретно снять съ кн. Николая Васильевича портретъ. Этотъ крайне любопытный портретъ—поясной; величина его шестнадцать вершковъ длины и двѣнадцать вершковъ ширины, кромѣ позолоченой круглой рамы въ полтора вершка. На портретѣ князь изображенъ

немного выпивши, что видно по его глазамъ и цвѣту лица, въ мундирѣ темнозеленаго сукна съ красными отворотами прежней формы, съ двумя звѣздами, Георгіевской и Владимірской, и двумя лентами соотвѣтствующими звѣздамъ.

Д. Козелкинъ.

Примѣчаніе. Дмитрій Ивановичъ Козелкинъ писалъ намъ, что онъ готовъ продать описанный имъ портретъ кн. Н. В. Репнина. Доводимъ объ этомъ до свѣдѣнія лицъ, владѣющихъ собраніями портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей. Адресъ г. Козелкина: въ городъ Брянскъ, Орловской губ.

Ред.

Артиллерійскій огонь 14-го декабря 1825 года.

По поводу статьи В. И. Фелькнера о событіи 14-го декабря 1825 года, помѣщенной во второмъ томѣ третьяго изданія «Русской Старины» 1870 года (стр. 202—230), я, какъ состоявшій въ то время въ томъ самомъ дивизіонѣ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады въ легкой № 1 батареѣ, который стрѣлялъ въ бунтовщиковъ, не лишнимъ считаю сообщить нѣкоторыя подробности объ этомъ событіи, на сколько онѣ остались въ моей памяти.

По окончаніи курса въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища въ началѣ 1825 года, я былъ зачисленъ подпоручикомъ въ легкую № 1 батарею 1-й л.-гв. артиллерійской бригады. Утромъ 14-го декабря всѣ военные чины были созваны въ Зимній дворецъ для принесенія поздравленій Государю Императору Николаю Павловичу по случаю вступленія Его Величества на престолъ, послѣ отреченія его императорскаго высочества Константина Павловича. Собравшись въ назначенный часъ, всѣ тщетно ожидали императорскаго выхода; наконецъ порядокъ въ залахъ измѣнился, стали собираться группами, говорить шопотомъ; начало смеркаться. Не помню, плацъ-маіоръ или комендантъ объявилъ наконецъ, что выхода не будетъ и чтобы всѣ строевые чины спѣшили къ своимъ частямъ. Выбѣжавъ—въ настоящемъ смыслѣ слова—я поспѣшилъ на Литейную улицу, гдѣ находились казармы 1-й бригады, но, еще не доѣзжая до нихъ, встрѣтилъ и присоединился къ своему взводу и дивизіону, которымъ командовалъ въ то время поручикъ Бакунинъ. Другой взводъ былъ подъ командою прапорщика фонъ-Фока. По прибытіи черезъ Дворцовую площадь на Исакіевскую, командиръ батареи полковникъ Статковскій поставилъ мой взводъ противъ правой стороны бульвара, такъ

что лѣвый флангъ нашъ находился въ небольшомъ разстояніи отъ забора строившагося въ то время Исакіевскаго собора.

Снявшись съ передковъ, мы ждали распоряженія; вскорѣ къ лѣвому флангу взвода подъѣхалъ и остановился Государь Императоръ, верхомъ на лошади; вмѣстѣ съ тѣмъ къ дивизіону присоединился и бригадный нашъ командиръ полковникъ Нестеровскій. Государь не рѣшался начинать стрѣлять изъ орудій и посылалъ нѣсколько разъ приближенныхъ своихъ для уговора мятежниковъ; многіе подъѣзжали къ Государю съ донесеніями и, между прочими, подъѣхалъ къ нему, не знаю для какой цѣли, уланскій офицеръ Якубовичъ, оказавшійся впослѣдствіи въ числѣ бунтовщиковъ. Терпѣніе Государя истощилось и, наконецъ, по его командѣ, грянулъ первый выстрѣлъ картечью, перелетѣвшій чрезъ головы мятежниковъ по направленію Галерной улицы; но это оказалось недостаточнымъ; второй выстрѣлъ разстроилъ мятежниковъ и они начали искать выхода, многіе бѣжали къ Невѣ; всего сдѣлано было четыре выстрѣла, когда полковникъ Нестеровскій вызвалъ меня изъ фронта и приказалъ, взявъ зарядный ящикъ, спѣшить въ лабораторію на Выборгскую сторону и истребовать нѣкоторое количество боевыхъ снарядовъ. Сѣвши на перваго попавшагося извощика, я пріѣхалъ въ лабораторію и приказалъ отворить ворота, но часовой не исполнилъ моего приказанія и послалъ сторожа спросить у смотрителя и дежурнаго на тотъ день офицера; на это требованіе явился смотритель и когда я ему передалъ приказаніе, по которому я былъ посланъ, онъ спросилъ у меня письменнаго предписанія, котораго у меня не было, а безъ онаго зарядовъ я получить не могъ и потому отправился обратно съ таковымъ донесеніемъ. Въ Запискахъ г. Фелькнера упомянуто, что былъ посланъ за зарядами поручикъ Булыгинъ; мнѣ это неизвѣстно, тѣмъ болѣе это невѣроятно, что поручикъ Булыгинъ служилъ не въ легкой, но въ батарейной батареѣ, которая не была въ дѣйствіи, а при томъ въ мое время было положеніе имѣть въ батареѣ нѣсколько боевыхъ зарядовъ, кажется 10, а потому оныхъ хватило для усмиренія мятежа.

Возвратясь на Исакіевскую площадь, я засталъ все дѣло оконченнымъ; бунтовщики бѣжали по направленію отъ сената чрезъ Неву, гдѣ собирались въ группы, по которымъ было сдѣлано еще три выстрѣла. Такъ какъ въ это время былъ довольно сильный морозъ, то на площадѣ были устроены горящіе костры, при которыхъ грѣлись оставленные для караула войска; къ этимъ кострамъ подводили пойманныхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ строю бунтовщиковъ, безоружныхъ и безпорядочно одѣтыхъ. Они со стыдомъ и страхомъ говорили, что ихъ обманнымъ образомъ уговорили защищать

конституцію, а они думали, что конституція была жена цесаревича Константина Павловича.

Намъ, бывшимъ въ строю и дѣйствовавшимъ противъ бунтовщиковъ, объявлена была въ приказѣ Высочайшая признательность и убавленъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія за 25 лѣтъ.

Н. В. Вахтинъ.

Эпиграмма.

«По милости твоей я весь насквозь расколотъ,—
Сказалъ кирпичъ гвоздю,—
За что такая злость?»
«За то, что въ голову меня колотитъ молотъ»,
Сказалъ въ отвѣтъ съ досады гвоздь.

Примѣчаніе. Эпиграмма эта, встрѣчаемая въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ, приписывается покойному кн. П. А. Вяземскому. А. Ч.

Пріѣзды Императора Николая Павловича въ Горный корпусъ.

(Къ Запискамъ Богуславскаго).

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 235, приведенъ разсказъ о замѣченномъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ въ Горномъ корпусѣ неисправномъ бѣльѣ у нѣкоторыхъ кадетъ. Государь, сказано тутъ, послалъ флигель-адъютанта сказать объ этомъ графу Канкрину. Тутъ ошибка. Государь пріѣзжалъ одинъ. Это было во время вечернихъ классовъ. Замѣтивъ неисправность бѣлья, онъ обратился къ инспектору классовъ полковнику Соколову—извѣстному профессору минералогіи. Онъ только что былъ переименованъ въ горные инженеры (въ 1834 году). Полковникъ Соколовъ отвѣчалъ, что это не по его части. Тогда Государь приказалъ ему немедленно отправиться къ графу Канкрину и сказать ему о замѣченномъ. Что̀ отвѣчалъ на это министръ—не знаю, но извѣстно, что ссылка на прачекъ была сдѣлана командиромъ корпуса Шленевымъ. Онъ явился въ классы нѣсколько позже пріѣзда Государя и началъ было рапортовать Его Величеству словами: честь имѣю донести В. И. В—ву... Тутъ Государь, прервавъ его, сказалъ, что «у тебя все неисправно», и указалъ ему на замѣченную имъ неисправность. Вотъ тутъ-то Шленевъ отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты прачки.

Вскорѣ послѣ этого Государь посѣтилъ опять корпусъ для переустройства его на военный образецъ, такъ какъ онъ, бывъ переименованъ въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, получилъ вмѣстѣ съ этимъ военную форму и военныхъ начальниковъ. Съ Государемъ пріѣзжалъ тогда и генералъ К. В. Чевкинъ, назначенный начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ. Пріѣздъ Государя былъ передъ обѣдомъ. Кадеты были собраны въ рекреаціонный залъ. Прежде они дѣлились на отдѣленія, большое и малолѣтнее; теперь должны были быть раздѣлены на роты. Государь велѣлъ расчитать по ротамъ и вызвалъ для этого одного изъ офицеровъ, служившаго въ военной службѣ. Тотъ сталъ ставить сначала резервную роту въ ряды и считалъ такъ: первая пара, вторая пара, и т. д. Государь остановилъ его, сказавъ: «Какія тутъ пары? А еще былъ въ военной службѣ», и, обратившись къ генералу Чевкину, поручилъ ему построить резервную роту, а самъ занялся устройствомъ кондукторской роты. Потомъ избраны были изъ кадетъ унтеръ-офицеры и изъ нихъ лично Государемъ фельфебели. Затѣмъ въ новомъ строѣ повели кадетъ въ столовый залъ. Государь былъ въ веселомъ расположеніи духа и, обходя столы, шутя обратился къ Шленеву: «Такъ прачки виноваты въ неисправности бѣлья?» Шленевъ опять отвѣчалъ: «Прачки, Ваше Величество».

Послѣ того Государь очень часто посѣщалъ Горный институтъ, и всегда одинъ, и только разъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

9-го ноября 1879 года.

Ѳ. Вотышевъ,
бывшій воспитанникъ Горнаго института.

Покушеніе 1843-го года.

(Замѣтки къ Запискамъ Богуславскаго).

Въ «Русской Старинѣ» 1879 г., томъ XXVI, стр. 123 и 557, въ разсказѣ о выстрѣлѣ за Познанью, Богуславскій передаетъ многое, по слухамъ, неточно.

Вотъ какъ было дѣло: въ 1843 г., въ ночь съ 6-го на 7-е сентября, Императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Берлина на Познань, въ Варшаву. Его Величество сопровождали: графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, лейбъ-медикъ Рейнгольдъ, флигель-адъютантъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) князь Мен-

шиковъ и чиновники военно-походной Его Величества канцеляріи Суковкинъ (впослѣдствіи статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами комитета министровъ) и Кирилинъ (нынѣ тайный совѣтникъ, управляющій канцеляріею министерства Императорскаго Двора).

На другой день, 7-го числа, около 9 часовъ вечера, Государь прибылъ къ Познани. У въѣзда въ городъ его встрѣтили начальствующія лица и доложили, что, по случаю большой похоронной процессіи (прусскаго генерала Крона), Его Величеству неудобно ѣхать чрезъ городъ, а потому просили объѣхать Познань кругомъ. Такимъ образомъ, всѣ экипажи послѣдовали за Государемъ; коляска же военно-походной канцеляріи подъѣхала къ городу позже другихъ экипажей, а потому сидѣвшіе въ ней Суковкинъ и Кирилинъ, не бывъ никѣмъ предупреждены о похоронной процессіи, въѣхали прямо въ Познань. При слѣдованіи по главной улицѣ, на углу маленькаго переулка, произведены были выстрѣлы. Пули, въ числѣ десяти, пробили кузовъ коляски и три изъ нихъ остановились въ ватѣ шинели Андрея Николаевича Кирилина.

8-го сентября, къ обѣду, Его Величество благополучно прибылъ въ Варшаву.

Первая жена Клейнмихеля, Варвара Александровна, вышла замужъ не за Будакова, а за Булдакова.

Вторая жена Клейнмихеля была Клеопатра Петровна—дочь генералъ-маіора Ильинскаго, вдова штабъ-ротмистра Хорвата. А младшая сестра ея—Елисавета—была за Аркадіемъ Аркадіевичемъ Нелидовымъ.

Изъ пяти виновныхъ въ институтѣ путей сообщенія названы три, и двухъ изъ нихъ фамиліи ошибочно названы: вмѣсто Грошопфъ—Гроскопфъ, вмѣсто Пяткинъ—Петлинъ. Два неупомянуты—Македонскій и Крашевскій—братъ знаменитаго польскаго писателя.

Какой сумасшедшій министръ сдѣлаетъ въ своемъ домѣ арестантскую?

Какой сумасшедшій дастъ мальчикамъ по 250 ударовъ розгами? Ихъ подняли бы мертвыми.

Графъ Чернышевъ былъ ротмистръ не Кавказскаго, а Кавалергардскаго полка, что можно видѣть въ печатномъ донесеніи слѣдственной коммисіи. Кавказскаго полка никогда и не существовало,—это, конечно, опечатка.

21-го ноября 1879 года.

Сообщ. В.

Разсказъ изъ жизни Императора Николая I.

1837 г.

Вотъ одинъ характерный случай изъ жизни Императора Николая Павловича, въ 1837 году. Извѣстно, что въ 1837 году назначенъ былъ смотръ войскамъ покойнымъ Государемъ подъ г. Вознесенскомъ. Едва-ли не болѣе ста тысячъ войска были въ сборѣ, а блескъ обстановки, какую графъ Витъ приготовлялъ для этого смотра, привлекъ все лучшее общество Одессы и Херсонской губерніи. Едва войска расположились въ лагерѣ, какъ разослано было секретное распоряженіе о наблюденіи за появленіемъ злоумышленника противъ особы Государя, польскаго эмигранта Ипполита Вайткевича, отправившагося будто-бы въ Вознесенскій лагерь изъ Парижа съ преступнымъ противъ жизни Государя замысломъ. Секретъ этотъ распространился и всякій изъ насъ зорко слѣдилъ за появленіемъ подозрительной личности. Въ одинъ изъ свободныхъ отъ смотра дней, графъ Витъ устроилъ балъ, на которомъ присутствовалъ Государь. Пробывъ до поздняго часу ночи, Государь оставилъ балъ и вышелъ въ сопровожденіи свиты на возвышенное крыльцо. Увидавшая его публика привѣтствовала продолжительнымъ крикомъ ура! Государь, отпустивъ свою свиту обратно на балъ, мгновенно сошелъ съ высокаго крыльца, прошелъ между громадною толпой публики одинъ и направился къ дворцу своему, чрезъ тѣнистый обширный квадратный бульваръ, съ полнымъ спокойствіемъ. Господь Богъ хранилъ Царя, но хранилъ его и вѣрный ему народъ.

Я былъ въ то время на балѣ молодымъ офицеромъ и помню живо, какъ сердца наши тревожно провожали Государя при оставленіи имъ бала.

Г. Старобѣльскъ.

А. Л. М—въ.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ.

(Изъ моей студенческой съ нимъ жизни).

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, воспитанникъ Пензенской гимназіи, по предварительно выдержанному имъ университетскому испытанію, въ 1828 году, вмѣстѣ со мною поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго университета казеннокоштнымъ студентомъ [1]), и я, въ числѣ еще пяти товарищей студентовъ [2]), помѣстился съ нимъ въ одномъ номерѣ университетскаго казеннаго зданія, гдѣ и прожилъ съ нимъ почти неразлучно три года. Бѣлинскій былъ всегда отличный товарищъ и, не смотря на небольшую вспыльчивость его характера, я жилъ съ нимъ, что называется, душа въ душу. Въ концѣ 1830 года появилась въ Москвѣ холера, сопровождаемая такимъ паническимъ страхомъ, что всѣ присутственныя мѣста, театры, собранія позакрывались и чтеніе университетскихъ лекцій прекратилось. Всѣ казеннокоштные студенты медицинскаго факультета, не исключая даже и вновь только что поступившихъ, въ числѣ 70-ти человѣкъ, размѣщены были по вновь устроеннымъ холернымъ больницамъ и, что всего удивительнѣе, что ни одинъ изъ этихъ студентовъ, не смотря на страшную эпидемію и постоянное обращеніе съ трудно-больными и умирающими, не почувствовалъ даже малѣйшаго признака этой болѣзни. Мы, отъ нечего дѣлать, ходили неоднократно съ Бѣлинскимъ по этимъ холернымъ больницамъ къ студентамъ-медикамъ и пили съ ними постоянно прямо изъ бочекъ чуть-ли не ковшами больничное красное вино, что, можетъ быть, насъ и предохраняло. Самая непріятная вещь—это было возвращеніе наше въ зданіе университета, гдѣ насъ окуривали какою-то гадостью съ омерзительнымъ запахомъ. Бѣлинскій всегда этимъ страшно возмущался.

Студенты прочихъ факультетовъ, какъ своекоштные, такъ и казеннокоштные, оставаясь безъ занятій, устроили, по подпискѣ, въ одной

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, двѣ обширныя статьи о В. Г. Бѣлинскомъ, въ которыхъ впервые напечатаны весьма многія письма и вообще новыя данныя для его біографіи, сообщенныя въ подлинникахъ княземъ Н. Н. Енгалычевымъ, стр. 46—87 и 324—347. Въ томъ же томѣ «Русской Старины» см. сообщеніе С. П. Щепкина объ увольненіи Бѣлинскаго изъ Московскаго университета, стр. 677—678. Наконецъ, къ тому же тому «Русской Старины» приложенъ портретъ Бѣлинскаго, гравированный академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Нынѣ помѣщаемое воспоминаніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько подробностей, довольно интересныхъ для біографіи Бѣлинскаго. Ред.

[2]) М. Б. Чистяковъ, П. С. Нечай, Н. П. Матюшенко, В. С. Саренко. Н. А.

изъ залъ университета любительскіе спектакли, на которыхъ женскія роли исполнялись тоже студентами. Оркестръ для театра былъ свой, изъ своекоштныхъ студентовъ, подъ управленіемъ знаменитаго въ то время своими музыкальными способностями студента Радивилова; онъ игралъ на всевозможныхъ инструментахъ и игралъ какъ артистъ, въ особенности же онъ увлекалъ публику своею игрой на устроенной имъ самимъ такъ называемой балалайкѣ, на которой струны были безъ ладовъ. Всѣ увертюры были собственнаго его сочиненія, но, странно, онъ не имѣлъ за то никакихъ способностей къ научному образованію и, просидѣвъ почти семь лѣтъ на скамьѣ университета, выпущенъ былъ съ чиномъ 12-го класса, по милости профессоровъ, во вниманіе только къ его замѣчательному музыкальному таланту. Все необходимое для театра, какъ-то: занавѣсь, декораціи и прочія принадлежности, все это сдѣлано было собственноручно студентами. Спектакли были до того хороши и занимательны, что М. С. Щепкинъ—знаменитость того времени—не пропускалъ ни одного спектакля и ходилъ къ намъ постоянно за кулисы; для московской же интеллигентной публики, не смотря на продолжавшуюся панику, за день до представленія не было уже свободнаго мѣста. Бѣлинскій не принималъ участія въ представленіяхъ, по неимѣнію для того никакихъ сценическихъ способностей, но былъ не одинъ разъ хорошимъ суфлеромъ. Намъ, казеннокоштнымъ студентамъ филологическаго факультета, такъ называемымъ словесникамъ, эти невинныя развлеченія, какъ-то—заучиваніе ролей и самыя репетиціи, доставляли мало удовольствія. Мы согласились, сверхъ того, устроить между собою еженедѣльные литературные вечера, на которыхъ каждый изъ насъ долженъ былъ представить свое какое либо литературное произведеніе и прочесть его вслухъ, а затѣмъ на этихъ вечерахъ начинались учено-литературные диспуты о всѣхъ вышедшихъ въ то время замѣчательныхъ сочиненіяхъ, съ должнымъ на нихъ критическимъ взглядомъ. Бѣлинскій въ этихъ диспутахъ мало высказывался, но, обладая огромною памятью и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною способностью одну и ту же идею развивать или, какъ мы тогда выражались, мыкать на двухъ—трехъ и болѣе страницахъ, всѣ эти наши взгляды и сужденія помѣстилъ въ своихъ раннихъ литературно-критическихъ сочиненіяхъ.

На этихъ нашихъ вечернихъ собраніяхъ Бѣлинскій читалъ бо̀льшею частью изъ своей, тогда задуманной имъ, какъ онъ называлъ, трагедіи «Владиміръ и Ольга». Вся основа этой трагедіи или, лучше сказать, драмы была та, что, при существовавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ, одинъ изъ дворовыхъ людей какого-то богатаго помѣщика, случайно какъ-то получившій университетское образованіе и при томъ страстно еще влюбленный въ какую-то Ольгу, дѣлается жертвою грубаго произ-

вола своего неразвитаго барина [1]). Бѣлинскій читалъ всѣ эти сцены съ большимъ увлеченіемъ, и всѣмъ, по тому времени, весьма рѣзкимъ, монологамъ мы страшно аплодировали и многіе изъ насъ совѣтовали даже, съ окончаніемъ этой піесы, представить ее на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, для того, чтобъ можно было поставить ее на сцену нашего университетскаго театра. Съ окончаніемъ этой піесы и нѣкоторыми, сдѣланными въ ней измѣненіями, при общей нашей помощи, она была переписана и Бѣлинскій самолично представилъ ее въ комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ университета. Прошло нѣсколько дней въ нетерпѣливомъ ожиданіи, какъ вдругъ, разъ утромъ,—въ это время я былъ одинъ съ нимъ въ номерѣ и мы занимались чтеніемъ какого-то періодическаго журнала,—его потребовали въ засѣданіе комитета, помѣщавшагося въ зданіи университета. Спустя не болѣе получаса времени, вернулся Бѣлинскій, блѣдный какъ полотно, и бросился на свою кровать лицомъ внизъ; я сталъ его разспрашивать, что̀ такое случилось, но ничего положительнаго не могъ добиться: онъ произносилъ только одно, и то весьма невнятно: «пропалъ, пропалъ, каторжная работа, каторжная работа!» Заглянувъ ему въ глаза и увидавъ почти смертную блѣдность лица, я крикнулъ сторожа, приказалъ принести воды и, сбрызнувъ его, далъ немного напиться. Когда же онъ сталъ успокоиваться, я болѣе его не разспрашивалъ, догадавшись въ чемъ было дѣло, и только настоялъ на томъ, чтобъ онъ сей же часъ отправился въ клиническое отдѣленіе казеннокоштныхъ студентовъ, помѣщавшееся на томъ же университетскомъ дворѣ, близъ анатомическаго театра, и проводилъ его туда вмѣстѣ со сторожемъ.

Вечеромъ того же дня я былъ въ больницѣ и узналъ отъ него, что профессора цензурнаго комитета распекли его таки порядкомъ и грозили, что съ лишеніемъ правъ состоянія онъ будетъ сосланъ въ Сибирь, а могло случиться еще что нибудь и хуже. Я его успокоивалъ по мѣрѣ возможности и доказывалъ ему, что самое бо̀льшее, что̀ могли съ нимъ сдѣлать—это послать его, какъ неокончившаго курсъ казеннокоштнаго воспитанника, учителемъ приходскаго училища или исключить изъ университета. Мнѣ душевно стало жаль Бѣлинскаго и сдѣлалось досадно на самого себя, что, говоря откровенно, хотя и не совѣтовалъ представлять эту трагедію въ цензурный комитетъ, но могъ удержать его отъ этого, тѣмъ болѣе, что онъ бы меня послушался.

Въ началѣ 1831 года холера почти прекратилась и я сталъ готовиться къ выпускному экзамену и, не смотря на свои усиленныя занятія, я все-таки постоянно навѣщалъ Бѣлинскаго въ больницѣ, но-

[1]) Эта трагедія напечатана съ подлинной рукописи Бѣлинскаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 66—78.

силъ ему чай, сахаръ, табакъ и, по усиленному его желанію, малую толику очищенной. Въ знакъ своей признательности, онъ вызвался написать мнѣ одно разсужденіе по каѳедрѣ русской словесности, за которое я, вмѣсто ожидаемой отмѣтки—четыре, получилъ отъ профессора Давыдова единицу [1]). Расчитывая, такимъ образомъ, окончить курсъ со степенью кандидата, я выпущенъ былъ со степенью дѣйствительнаго студента и вскорѣ затѣмъ, какъ казеннокоштный воспитанникъ, посланъ былъ въ распоряженіе Дерптскаго университета, гдѣ и получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка, исторіи и географіи. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы, Бѣлинскій оставался еще въ больницѣ, гдѣ я и простился съ нимъ по пріятельски. Впослѣдствіи, какъ я узналъ, мои предсказанія сбылись; но не могу понять только одного, какъ такой студентъ, какъ Бѣлинскій, не могъ выдержать экзамена на званіе приходскаго учителя и затѣмъ, вмѣстѣ съ однимъ студентомъ-медикомъ, дѣйствительнымъ идіотомъ, по освидѣтельствованіи ихъ медицинскимъ профессоромъ Армфельдтомъ, признанъ былъ неспособнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій и исключенъ изъ университета. Бывшій когда-то моимъ домашнимъ учителемъ въ Рязани, профессоръ эстетики и археологіи Н. И. Надеждинъ принялъ въ Бѣлинскомъ большое участіе, помѣстилъ его у себя на квартирѣ и Виссаріонъ Григорьевичъ сталъ помѣщать въ издаваемыхъ Надеждинымъ тогда журналахъ «Телескопъ» и «Молва» бо̀льшею частью свои переводныя статьи, а иногда свои учено-литературныя критическія статьи. Н. И. Надеждинъ, какъ издатель, за помѣщенную имъ въ своемъ журналѣ «Телескопъ» философскую статью Чаадаева, былъ сосланъ на жительство въ Вологодскую губернію; Бѣлинскій же, какъ замѣчательно даровитый сотрудникъ журнала, былъ приглашенъ въ Петербургъ, гдѣ, за три тысячи рублей годоваго содержанія, сталъ помѣщать свои статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Бѣлинскій избѣгалъ всякой встрѣчи съ своими прежними университетскими товарищами, въ особенности съ бывшими казеннокоштными воспитанниками; онъ возненавидѣлъ ихъ окончательно (?), но со мною онъ обходился всегда по пріятельски. Послѣдняя встрѣча его со мною была въ 184. году, въ Павловскомъ вокзалѣ, за буфетомъ. Онъ былъ уже женатъ и я, желая его поздравить, предложилъ ему налитой стаканъ шампанскаго; онъ обругалъ меня непечатнымъ словомъ и велѣлъ налить двѣ рюмки очищеннаго; я, зная раздражительный его характеръ, долженъ былъ съ нимъ чокнуться и поцѣловаться. Съ тѣхъ поръ я уже больше съ нимъ не встрѣчался.

Н. А. Аргилландеръ.

---

[1]) Почему? было плохо, или, можетъ, либерально? П.

Замѣтка о сестрѣ В. Г. Бѣлинскаго.

Кн. Енгалычевъ, въ сообщеніи своемъ весьма интересныхъ и обширныхъ матеріаловъ о В. Г. Бѣлинскомъ («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 46—87; 324—347), говоритъ, между прочимъ, и о родной сестрѣ Виссаріона Григорьевича—Александрѣ Григорьевнѣ (по мужѣ Козьминой). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я зналъ ее лично по мѣсту моего и ея жительства въ городѣ Нижнемъ-Ломовѣ (Пензенской губ.), гдѣ мужъ ея М. Н. Козьминъ болѣе 30-ти лѣтъ былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища. По выходѣ г. Козьмина въ отставку, старики, на небольшой пенсіонъ мужа, скромно зажили въ уютномъ флигелькѣ ломовскаго обывателя г. К—на. Какъ Козьминъ, такъ и она, были добрѣйшими существами и охотно дѣлились всѣмъ и со всякимъ, словомъ и дѣломъ. Отличительною чертою характера Александры Григорьевны было всегдашнее, ничѣмъ невозмутимое, желаніе говорить правду. Мужъ ея до сего времени (1876 г.) живъ, но она уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, послѣ непродолжительной болѣзни, перешла въ вѣчность.

Какъ теперь гляжу я на эту добрую старушку: небольшаго роста, съ постоянною дружелюбною улыбкою и ласкою въ глазахъ, сидитъ, бывало, въ своемъ флигелькѣ у окна, читая книгу.....

Александра Григорьевна Козьмина, рожденная Бѣлинская, умерла бездѣтною. Дѣвка Авдотья, которую покойный Виссаріонъ Григорьевичъ желалъ видѣть «вольною» (см. его письма въ «Русской Старинѣ» 1876 г.), на предложеніе объ этомъ Александры Григорьевны, сама не пожелала увольненія на свободу и до самой своей смерти жила въ услуженіи у Козьминыхъ.

Авг. 26-го дня 1876 г.

И. А. Мачинскій.

Сельскій священникъ.

Замѣтка.

Литература наша, въ послѣднее время, стала нерѣдко касаться духовенства; но, къ сожалѣнію, отзывы ея о духовенствѣ, большею частію, самые дурные. А хроникеръ одного изъ уважаемыхъ журналовъ однажды писалъ: «духовенство наше и тупо, и глупо, и даже безнравственно. Оно не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества; оно, своимъ умственнымъ развитіемъ, стоитъ ниже даже средняго

уровня общества. Дѣти духовенства, видя грязное, отупѣлое и безнравственное состояніе отцовъ, не хотятъ быть въ этой тинѣ и вылазятъ изъ нея во чтò бы то ни стало, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ»; и пр., и пр. Я долго ждалъ отвѣта на статью эту отъ духовной литературы, не дождался и, наконецъ, самъ забылъ о ней. Случайно статья эта попалась мнѣ опять, и я отвѣчаю на нее.

Кого нужно разумѣть подъ словомъ «общество»? Матушка Россія наша велика и члены ея слишкомъ разнообразны и по званію, и по состоянію, и по образованію, и даже по роду и племени. И требованія ихъ, поэтому, слишкомъ разнообразны. Какое сословіе дошло до совершенства и можетъ служить образцомъ для духовенства, въ полномъ его составѣ? Здѣсь я перебираю сословія, и нахожу, что ни одно изъ нихъ, въ полномъ ихъ составѣ, не можетъ похвалиться совершенствомъ и быть образцомъ для насъ. Чего требуютъ отъ насъ эти сословія? Мужикъ требуетъ, чтобы его попъ былъ такимъ же мужикомъ, какъ и онъ самъ. Баринъ,—чтобъ отъ попа и не пахло мужицкимъ духомъ; баринъ-картежникъ,—чтобы попъ игралъ въ карты; баринъ-псарь,—чтобъ и попъ былъ псаремъ; для барыни-старухи попъ будетъ святителемъ, если онъ выпьетъ съ ней цыкорнаго ея кофейку и поиграетъ съ ней въ гранъ-пасьянсъ; для молодой барыни онъ будетъ образованнѣйшимъ духовникомъ, если скажетъ ей какое, по послѣднему журналу, дано положеніе шиньону—падвинутъ ли онъ напередъ, или вздернутъ кверху; ученый требуетъ своего, купецъ своего, чиновникъ, приказный—своего, архіерей своего, консисторія своего, раскольники своего, различные статистическіе комитеты своего и пр., и пр. Священникъ стоитъ именно между этимъ разнообразнѣйшимъ обществомъ и долженъ удовлетворять требованіямъ всѣхъ.

Но чтò даетъ ему само общество?..... Обо всемъ этомъ надо будетъ поговорить подробно и обстоятельно.

Сельскій Священникъ.

Весьма важный вопросъ, выдвинутый въ этой замѣткѣ, разработанъ въ цѣломъ рядѣ главъ «Записокъ Сельскаго Священника», которыя, составляя новую часть уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ «Записокъ» того же автора (см. «Русскую Старину» 1879 г., томы XXIV и XXVI, 1880 г. томъ XXVII),—находятся въ распоряженіи редакціи и будутъ напечатаны въ ближайшихъ книгахъ «Русской Старины». Ред.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

попытка его получить степень магистра философіи въ 1842 г.

Въ 1879 году Оксфордскій университетъ возвелъ И. С. Тургенева въ почетную степень доктора «общественнаго права». Это даетъ намъ поводъ сказать о попыткѣ нашего высокоуважаемаго писателя получить степень магистра философіи въ Московскомъ университетѣ. Изъ совѣтскаго дѣла, хранящагося въ университетскомъ архивѣ (№ 32 за 1842 г.), видно, что въ началѣ того года И. С. Тургеневъ, представивъ дипломъ на степень кандидата, данный ему отъ Петербургскаго университета, просилъ совѣтъ Московскаго—допустить его къ испытанію на вышепомянутую степень. Ректоръ М. Т. Каченовскій передалъ, 17-го марта, его просьбу въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета, иначе называвшееся отдѣленіемъ словесныхъ наукъ. Деканъ послѣдняго, И. И. Давыдовъ, донесъ ректору, что отдѣленіе находитъ возможнымъ произвести испытаніе кандидату Тургеневу на искомую имъ степень; но къ этому прибавилъ: «поелику же каѳедра философіи въ университетѣ не открыта и профессора по сему предмету нѣтъ, то отдѣленіе испрашиваетъ разрѣшенія у высшаго начальства на произведеніе испытанія и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ нужнымъ ввести на будущее время преподаваніе философіи».

Дѣйствительно, каѳедра философіи не имѣла постояннаго преподавателя въ Московскомъ университетѣ съ 1826 года, когда она поручена была И. И. Давыдову, вскорѣ, однакожъ, потерявшему ее, такъ какъ его вступительная лекція, составленная по Шеллингу: «О возможности философіи, какъ науки», а равно и конспектъ предположенныхъ имъ чтеній, не понравились высшему начальству. Давыдовъ переведенъ былъ во 2-е отдѣленіе философскаго факультета, гдѣ и преподавалъ до 1831 г. чистую математику, получивъ потомъ, по смерти Мерзлякова, каѳедру русской словесности. Правда, послѣ 1826 г. читались въ Московскомъ университетѣ отдѣльные курсы по нѣкоторымъ частямъ философской каѳедры: такъ, въ 18 1835 г. Н. И. Надеждинъ преподавалъ логику для студентовъ I-го курса всѣхъ отдѣленій, а въ 1837—1838 и 1838—1839 гг. преподавалъ въ университетѣ логику наставникъ Александрійскаго сиротскаго института И. М. Терновскій-Платоновъ; но собственно каѳедра философіи не имѣла постояннаго преподавателя съ 1826 года. Просьба И. С. Тургенева дала поводъ И. И. Давыдову указать на такое положеніе каѳедры.

Донесеніе словеснаго отдѣленія было представлено ректоромъ попечителю Московскаго учебнаго округа, который, отъ 28-го марта, отвѣчалъ, что допущеніе И. С. Тургенева къ испытанію на степень магистра философіи зависитъ отъ самого университетскаго начальства и не требуетъ разрѣшенія начальства высшаго, а потому желательно имѣть объясненіе: какое именно разрѣшеніе, по мнѣнію 1-го отдѣленія философскаго факультета, нужно въ данномъ случаѣ? На запросъ этотъ, переданный ректоромъ въ словесное отдѣленіе, которое и обсуждало его 1-го апрѣля, отдѣленіе къ прежнему своему отвѣту прибавило, что: «оно не принимаетъ на себя отвѣтственности по сему предмету, относя незамѣщеніе каѳедры философіи въ продолженіе 15-ти лѣтъ въ Московскомъ университетѣ, открытой между тѣмъ въ другихъ университетахъ, къ особымъ причинамъ начальства». На другой же день ректоръ представилъ попечителю это объясненіе отдѣленія. 17-го апрѣля, стало быть, за два дня до кончины М. Т. Каченовскаго, попечитель увѣдомилъ ректора, что: «отвѣтственность ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на членовъ университета за неоткрытіе той или другой каѳедры, ибо это принадлежитъ усмотрѣнію и распоряженію высшаго начальства», и снова требовалъ объясненія: «на какой именно предметъ испрашивало 1-е отдѣленіе философскаго факультета разрѣшенія по поводу поданной кандидатомъ С.-Петербургскаго университета г. Тургеневымъ прошенія о допущеніи его къ испытанію на степень магистра философіи, тогда какъ вопросъ объ экзаменахъ на ученыя степени опредѣленъ Положеніемъ 1839 г. апрѣля 28-го».

На такой запросъ И. И. Давыдовъ отвѣчалъ уже прямѣе, говоря, что: «1-е отдѣленіе философскаго факультета въ отзывѣ, представленномъ имъ по поводу прошенія кандидата Тургенева о допущеніи его къ экзамену на степень магистра философіи, выразило свое сомнѣніе на счетъ возможности допустить просителя къ испытанію въ наукѣ, которая въ теченіе 15-ти лѣтъ не преподается въ университетѣ. Вслѣдствіе сего отдѣленіе сочло необходимымъ обратиться къ начальству съ просьбою разрѣшить его сомнѣніе и опредѣлить: какъ долженъ поступать отдѣленіе впредь, когда опять явятся лица, желающія подвергнуть себя испытанію на высшія ученыя степени изъ предметовъ, для которыхъ въ университетѣ не существуетъ каѳедръ». Это объясненіе подписано было: деканомъ отдѣленія И. И. Давыдовымъ и секретаремъ Т. Н. Грановскимъ. Такимъ объясненіемъ и закончилось дѣло, возникшее вслѣдствіе намѣренія И. С. Тургенева пріобрѣсти степень магистра философіи въ Московскомъ университетѣ.

Сообщ. **Нилъ А. Поповъ.**

Преданіе о царѣ Иванѣ Васильевичѣ [1]).

С. Минчаково. 4-го іюля 1827 года.

Сейчасъ ходилъ гулять, встрѣтилъ старика лѣтъ 90. Вступилъ съ нимъ въ разговоръ и услышалъ отъ него слѣдующій разсказъ. Мужикъ сей шелъ съ работы. Я говорю ему: ты, старинушка, уже слабъ, чтобъ тебѣ работать.—«Да что дѣлать, батюшка,—отвѣчалъ онъ.—На мѣстѣ сидѣть и еще хуже, а сколько могу—и поработаю». И началъ говорить: «Похоже на вашу милость, вотъ эдакъ же ѣздилъ царь Иванъ Васильевичъ на охоту со своей свитой; видитъ мужика пашущаго, и спрашиваетъ у него: старъ ли ты, мужичокъ?—Лѣтъ двухъ-сотъ, отвѣчалъ онъ.—Чтоже ты самъ работаешь? ты очень старъ, такъ бы ты всталъ.—Ваше величество,—отвѣчалъ старикъ—я всталъ, да и опять упалъ.—Ну, говоритъ царь, ты бы опять всталъ.—Я опять всталъ, да опять палъ, говоритъ этотъ старикъ.—Ну, ты бы еще всталъ, говоритъ царь. Старикъ отвѣчаетъ: я и еще всталъ, да уже самъ-то сталъ старъ. Царь еще спрашиваетъ далѣе: Помнишь ли, старинушка, давно-ли на горахъ снѣги стали?—Помню, ваше величество, помню, кажется, уже годовъ со сто есть.—Помнишь ли, какъ съ горъ вода потекла?—Помню, какъ не помнить, ваше величество. Этому ужъ лѣтъ съ 50. Царь говоритъ: Смотри же старичокъ, завтра полетитъ здѣсь стадо гусей. Такъ ты выдерни изъ каждаго гуся по перышку и за то не имешь (т. е. не станешь) работать.—Слышу, ваше величество: ежели ты приказываешь, такъ я и по два выдерну. Царь, довольный старикомъ, уѣзжаетъ домой. По пріѣздѣ спрашиваетъ у придворныхъ: что̀ онъ говорилъ со старикомъ, чтобы они растолковали. Въ противномъ случаѣ онъ лишитъ ихъ чиновъ и дворянства. Тѣ знали, что царь шутить не любитъ, а загадки отгадать не могли. А онъ далъ имъ сроку на три дня. Вотъ они ѣдутъ къ мужику, находятъ—онъ пашетъ, спрашиваютъ: что̀ съ нимъ царь говорилъ? Онъ отвѣчаетъ: да вѣдь вы слышали, что я говорилъ царю, что трижды всталъ и трижды палъ, и потому самъ работаю.—Да что это значитъ, старинушка?—А что пожалуете, чтобы я изъяснилъ вамъ это? Они даютъ по сту рублей. Нѣтъ, онъ проситъ по двѣсти, и они дали ему по двѣсти. Старикъ говоритъ: «Царь спрашивалъ, отчего я самъ работаю? Я сказалъ, что некому за меня пахать. Царь сказалъ, чтобы я всталъ, т. е. чтобы я женился. Я отвѣчалъ, что я всталъ да и палъ, т. е. женился, и жена умерла бездѣтна; я въ другой разъ женился, и другая жена также умерла; я третій разъ женился, да уже старъ, такъ дѣтей не

[1]) Это отрывокъ изъ «Записокъ» Ивана Ѳедоровича Рукина, стараго студента Вологодской духовной семинаріи, который въ 1826 и 1827 гг. жилъ въ сельцѣ Минчаковѣ, въ Николоухтомскомъ приходѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, будучи учителемъ дѣтей помѣщика этого сельца, подполковника Павла Аполлоновича Соколова, состоявшаго въ тѣ годы ярославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и велъ въ 1827 г. «Записки», находящіяся теперь въ моей библіотекѣ. Въ послѣдующее время И. Ѳ. переселился въ Ярославль и, по основаніи «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», былъ первымъ редакторомъ этихъ вѣдомостей, съ 1831 по 1836 годъ. В. Л.

могу прижить. На горахъ снѣга—это на головѣ волосы посѣдѣли лѣтъ сто уже тому. Съ горъ вода—это слезы изъ глазъ, уже лѣтъ 50 какъ у меня онѣ потекли, ибо у всякаго старика глаза на старости слезливы. Бывалъ и я,—заключилъ старикъ,—бывалъ въ свои годы работникомъ, а теперь уже худо вижу».

Я, простившись съ нимъ, возвратился въ свою хижину и успѣлъ записать разговоръ его въ семъ журналѣ.

Сообщ. **В. И. Лѣствицынъ.**

Основаніе Московскаго городскаго кредитнаго общества.

[Изъ Записокъ И. В. Селиванова].

Еще въ 1859 году стали ходить по Москвѣ различные слухи, что нѣсколько состоятельныхъ лицъ хотятъ учредить нѣчто въ родѣ акціонернаго банка, получившаго въ общественной молвѣ названіе «Кошелевскаго». Устава этого банка я не зналъ,—узналъ его только тогда, когда получилъ отъ бывшаго тогда московскимъ генералъ-губернаторомъ П. А. Тучкова слѣдующее предписаніе, помѣченное 27-мъ октябремъ 1860 года:

«Милостивый государь Илья Васильевичъ!

«Г. министръ финансовъ увѣдомилъ меня, что коммисія для устройства земскихъ банковъ приступила нынѣ къ разсмотрѣнію проектовъ частныхъ земскихъ банковъ, представленныхъ разными учредителями на утвержденіе правительства. Какъ въ числѣ этихъ проектовъ находится, между прочимъ, и проектъ компаніи (подъ названіемъ Московскаго городскаго ипотечнаго товарищества), предполагающей производить операціи по ссудамъ подъ залогъ домовъ въ г. Москвѣ, то г. дѣйствительный тайный совѣтникъ Княжевичъ, признавая участіе самихъ домовладѣльцевъ г. Москвы въ обсужденіи сего проекта въ коммисіи весьма полезнымъ, проситъ моего распоряженія о приглашеніи нѣкоторыхъ лицъ изъ среды московскихъ домовладѣльцевъ пріѣхать въ С.-Петербургъ для разсмотрѣнія означеннаго проекта, совокупно съ членами коммисіи, къ 1-му числу будущаго ноября мѣсяца.

«Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу васъ, въ качествѣ представителя домовладѣльцевъ здѣшней столицы, отправиться въ С.-Петербургъ къ назначенному г. министромъ финансовъ сроку, для принятія участія въ занятіяхъ помянутой коммисіи при разсмотрѣніи проекта Московскаго ипотечнаго товарищества; о замѣчаніяхъ же, какія вами будутъ сдѣланы на этотъ проектъ, не угодно-ли вамъ будетъ лично доложить мнѣ по возвращеніи въ Москву.

«Примите увѣреніе и проч. П. Тучковъ».

Вмѣстѣ со мной были назначены А. А. Медынцевъ и еще одинъ, фамилію котораго я, къ моему прискорбію, забылъ.

Согласившись съ этими господами на счетъ отъѣзда, мы отправились въ Петербургъ и по пріѣздѣ явились къ бывшему тогда министромъ финансовъ А. М. Княжевичу. Онъ не обратилъ на насъ особеннаго вниманія; спросилъ два—три слова у Медынцева о состояніи торговли въ Москвѣ и отпустилъ, сказавши, чтобъ мы явились въ коммисію подъ предсѣдательствомъ Ю. А. Гагемейстера, бывшаго тогда директоромъ кредитной канцеляріи министра.

Въ назначенный вечеръ мы отправились въ зданіе главнаго штаба. Членовъ коммисіи было человѣкъ 12 и въ числѣ ихъ М. Х. Рейтернъ, тогда еще не бывшій министромъ финансовъ.

Засѣданій коммисіи было три или четыре. Нашего мнѣнія спрашивали только для вида, не обращая на него никакого вниманія, и когда я сталъ на это жаловаться, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ коммисіи, отведя меня въ сторону, очень категорически замѣтилъ мнѣ, что я напрасно безпокоюсь, потому что они и безъ насъ могутъ очень хорошо обойтись и сдѣлаютъ то, что найдутъ нужнымъ, хотя бы мы и не согласились съ ними.

Послѣ такого категорическаго совѣта, намъ, конечно, ничего не оставалось болѣе, какъ сидѣть молча, что̀ мы и дѣлали съ большимъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ пока не прошли по параграфамъ весь уставъ, послѣ чего мы уѣхали, сами не зная для чего мы ѣздили и для чего насъ вызывали.

Всякій разъ, что я бывалъ въ Петербургѣ, я считалъ непремѣннымъ долгомъ и пріятною обязанностію побывать у А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго съ которымъ былъ знакомъ по участію моему въ «Земледѣльческой Газетѣ», которой онъ былъ когда-то редакторомъ. Такъ было и въ этотъ разъ. Этотъ почтенный человѣкъ, извѣстный своимъ обширнымъ умомъ и глубокою начитанностію,—былъ моимъ оракуломъ—я съ полною вѣрою и глубокимъ уваженіемъ принималъ каждое его слово, зная какъ серьезно относится онъ ко всякому дѣлу вообще. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Ну, что вамъ няньчиться съ этимъ «ипотечнымъ товариществомъ», возьмите-ка лучше проектъ кредитнаго общества, учреждаемаго здѣсь въ Петербургѣ и теперь разсматриваемаго у насъ въ государственномъ совѣтѣ.

И онъ подалъ мнѣ брошюру устава этого кредитнаго общества.

Я стоялъ съ купцами въ одной гостинницѣ и потому въ тотъ же вечеръ сообщилъ имъ этотъ уставъ. Само собою разумѣется, что онъ

понравился намъ несравненно болѣе того, который насъ прислали защищать, что и было отчасти причиною, что мы такъ усердно молчали въ коммисіи. Да и мудрено было не понравиться: акціонерный банкъ предоставлялъ учредителямъ такую львиную долю, что бѣднымъ заемщикамъ, да, пожалуй, и акціонерамъ пришлось бы плохо, ежели-бъ, по несчастію, проектъ его устава былъ утвержденъ, тогда какъ этотъ не имѣлъ ни учредителей, ни дядекъ, которые бы поглощали значительную часть его доходовъ, къ вящшему отягощенію заемщиковъ—и ужъ, конечно, безъ всякой для нихъ пользы. Слава Богу, что учрежденіе его не состоялось и меня Богъ занесъ къ А. П. Заблоцкому—иначе не видать бы Москвѣ кредитнаго общества, такъ какъ приняты были, какъ это увидитъ читатель впослѣдствіи, всѣ мѣры, чтобъ уставъ акціонернаго товарищества прошелъ чрезъ государственный совѣтъ прежде всякаго другаго, а слѣдственно, и началъ свои операціи прежде другихъ.

Воротившись въ Москву и отдавъ отчетъ генералъ-губернатору въ нашей поѣздкѣ, я разсказалъ ему о проектѣ петербургскаго кредитнаго общества и просилъ позволенія пустить его въ ходъ. Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ пожелалъ узнать главныя его основанія и когда я изложилъ ему ихъ на словахъ, онъ призналъ ихъ полезными и разрѣшилъ мнѣ начать дѣло. Я написалъ три заявленія, которыми общество домовладѣльцевъ уполномочивало меня, отъ ихъ имени, ходатайствовать у генералъ-губернатора объ учрежденіи кредитнаго общества для залога домовъ въ Москвѣ, и съ однимъ изъ нихъ отправился въ англійскій клубъ, а съ другимъ просилъ (не помню теперь—кого именно) поѣхать въ купеческій клубъ для собранія подписей. Въ англійскомъ клубѣ я встрѣтилъ большое сочувствіе и заявленіе мое покрылось значительнымъ количествомъ подписей. Не могу не прибавить, что въ этомъ мнѣ много содѣйствовалъ П. Л. Бревернъ, какъ имѣвшій большой кругъ знакомства. Въ купеческомъ клубѣ заявленіе тоже нашло много сочувствія и я, заручившись этими заявленіями, на основаніи ихъ подалъ генералъ-губернатору формальное прошеніе.

П. А. Тучковъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ не дать благому дѣлу немедленнаго движенія. Не далѣе какъ черезъ нѣсколько дней, я получилъ отъ него слѣдующее предписаніе, помѣченное 30-мъ ноябремъ того же 1860 года:

«Милостивый государь Илья Васильевичъ!

«Признавъ необходимымъ, вслѣдствіе ходатайства купеческаго и мѣщанскаго обществъ, а также и другихъ домовладѣльцевъ, объ

учрежденіи при здѣшней городской думѣ банка, открыть нынѣ же особую коммисію, подъ предсѣдательствомъ г. московскаго губернскаго предводителя дворянства, для составленія проекта положенія сказаннаго банка, прошу васъ принять участіе въ занятіяхъ коммисіи.

«Примите увѣреніе и проч. П. Тучковъ».

Коммисія была составлена изъ гг. А. А. Рябинина и меня—отъ дворянства; С. Д. Ширяева и И. И. Четверикова—отъ купечества; я же былъ назначенъ и дѣлопроизводителемъ этой коммисіи.

По близкому, почти пріятельскому знакомству съ губернскимъ предводителемъ, П. П. Воейковымъ, предоставившимъ мнѣ исключительно и вполнѣ вести это дѣло, засѣданія коммисіи начались скоро у него въ домѣ. Мы собирались три или четыре вечера и прошли петербургскій уставъ по параграфамъ, почти безъ измѣненія, кромѣ одного, помнится—94-го, предложеннаго мною, принятаго коммисіей и потому вошедшаго въ уставъ. Предложить этотъ параграфъ далъ мнѣ мысль слѣдующій случай:

У меня есть въ Москвѣ домъ. Домъ этотъ былъ заложенъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и въ одинъ прекрасный день сгорѣлъ, подожженный, какъ это мнѣ послѣ открылъ одинъ изъ арестантовъ въ острогѣ, однимъ подсудимымъ, обвиняемымъ въ сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, для того, чтобъ вмѣстѣ съ домомъ сжечь и дѣло о немъ, находившееся у меня на дому, по званію предсѣдателя уголовной палаты. На его несчастіе, дѣло это, бывшее у меня дѣйствительно на дому нѣсколько дней, въ утро пожара было выслано въ палату и, слѣдственно, предполагаемому ауто-да-фе не подверглось; за то всесожженію подверглось все мое имущество. Къ довершенію бѣды, страховое общество, по требованію опекунскаго совѣта, отослало деньги туда и мнѣ причлось въ выдачу какихъ нибудь 5,000 руб., на которые, разумѣется, нечего было и думать возстановить сгорѣвшее. Что мнѣ было дѣлать? Занимать? дорого,—такъ какъ по меньшей мѣрѣ требовалось тысячъ 25,—а своихъ денегъ не было у меня ни гроша. Я отправился въ опекунскій совѣтъ просить: не выдадутъ ли мнѣ снова въ ссуду деньги, полученныя изъ страховаго общества, но тамъ мнѣ объявили, что для этого надо особое высочайшее повелѣніе, безъ котораго подобная выдача разрѣшена быть не можетъ. Утопающій, какъ извѣстно, хватается и за соломенку. Я, со словъ экспедитора, помнится—г. Савченко, принявшаго участіе въ моемъ горѣ, написалъ прошеніе на высочайшее имя и подалъ его тутъ же.

Недѣли черезъ три я получилъ черезъ полицію извѣщеніе, что въ ссудѣ мнѣ отказано.

Получивши такую печальную вѣсть, я совершенно упалъ духомъ, и снова отправился въ опекунскій совѣтъ сообщить о моей неудачѣ. Тотъ же Савченко, говоря, что статсъ-секретарь, докладывавшій дѣло, «сдѣлалъ это по молодости лѣтъ» (такъ какъ онъ только что былъ назначенъ), посовѣтовалъ мнѣ отправиться въ Петербургъ самому и лично хлопотать по этому дѣлу. Я послѣдовалъ доброму совѣту и поѣхалъ.

Вслѣдствіе того, что помѣщалъ въ «Современникѣ» мои разсказы, я былъ пріятельски знакомъ съ издателями «Современника» И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ, съ которыми меня свелъ и еще короче познакомилъ В. П. Боткинъ, съ которымъ я находился въ самыхъ близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ. Панаевъ, котораго я посѣтилъ по пріѣздѣ, предложилъ мнѣ ѣхать на другой день въ собраніе литераторовъ, между которыми будетъ обсуждаться проектъ учрежденія общества пособія бѣднымъ литераторамъ, и прибавилъ, что тамъ, вѣроятно, я могу встрѣтить Ю. А. Гагемейстера, въ канцеляріи котораго производятся дѣла о банкахъ. Разумѣется, я не заставилъ себя просить, какъ потому, что вообще дѣло литературы меня всегда интересовало, такъ и потому, что надѣялся если не совсѣмъ уладить дѣло о деньгахъ, такъ по крайней мѣрѣ получить указанія, куда и какъ обратиться. Собраніе помѣщалось, ежели не ошибаюсь, въ залѣ Императорскаго Географическаго общества. Тамъ встрѣтилъ я много знакомыхъ: А. П. Заблоцкаго, К. Д. Кавелина, А. В. Дружинина и другихъ. Панаевъ указалъ мнѣ на Гагемейстера, а Кавелинъ меня ему представилъ. Юлій Андрееевичъ былъ такъ любезенъ, что выслушалъ внимательно мою просьбу и сказалъ, чтобы я побывалъ у него въ кредитной канцеляріи. Я отправился туда на другой день и получилъ совѣтъ написать о моемъ желаніи прошеніе на имя министра финансовъ и принести къ нему. Когда я принесъ его на другой день, Гагемейстеръ сказалъ мнѣ, что могу ѣхать въ Москву и ждать тамъ отвѣта, который, вѣроятно, послѣдуетъ недѣли черезъ двѣ.

И дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли я получилъ изъ опекунскаго совѣта извѣщеніе, что министръ финансовъ разрѣшилъ мнѣ ссуду по мѣрѣ выстройки. Заручившись этимъ, я приступилъ къ работѣ. Отдѣлавши нижній этажъ, я, по освидѣтельствованіи его архитекторомъ, получилъ подъ него часть ссуды; отдѣлавши второй этажъ, получилъ другую часть, а докончивъ постройку, получилъ и остальные. Такимъ образомъ я безъ гроша собственныхъ денегъ отстроилъ снова свой домъ и сталъ получать съ него прежній доходъ.

Это-то и дало мнѣ мысль предложить 94-й §, который и вошелъ въ

уставъ. Параграфъ этотъ предоставлялъ право заемщику сперва заложить землю или фундаментъ, на эти деньги возводить первый этажъ, потомъ заложить и его и продолжать стройку до конца, закладывая понемногу все, по мѣрѣ выстройки.

Говорили мнѣ, что петербургское кредитное общество, въ которомъ никому не пришло въ голову предложить подобную мѣру, долго завидовало этому параграфу.

Когда уставъ былъ коммисіею составленъ, онъ былъ внесенъ къ генералъ-губернатору, въ канцеляріи котораго, вопреки моему желанію, былъ прибавленъ параграфъ, дающій право владѣльцу извѣстнаго количества облигацій (кажется—на 5,000) быть членомъ общества и участвовать въ его постановленіяхъ.

Затѣмъ проектъ отъ генералъ-губернатора былъ внесенъ въ министерство финансовъ.

Прошли мѣсяцы, а объ утвержденіи его не было ни слуху, ни духу. Признавая проектъ этотъ своимъ дѣтищемъ и принимая въ судьбѣ его самое искреннее участіе, предвидя его великую будущность, я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ узнавать, что̀ съ нимъ дѣлается. Отвѣтъ во всѣ разы былъ одинъ и тотъ-же: не разсмотрѣнъ еще министерствомъ финансовъ. Нечего было дѣлать, надо было ждать.

Прошло между тѣмъ восемь или девять мѣсяцевъ (кажется, даже больше), а на проектъ нашъ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Ежели не ошибаюсь, кажется, въ пятый разъ я поѣхалъ въ Петербургъ, съ твердымъ намѣреніемъ прослѣдить до конца—куда проектъ дѣвался, и по мѣрѣ силъ, способствовать его движенію, хотя бы для этого надо было заводить кляузы. Пришедши для этого въ кредитную канцелярію, въ которой, сказать мимоходомъ, Ю. А. Гагемейстера уже не было, ибо онъ сдѣланъ былъ сенаторомъ, я сталъ справляться—гдѣ находится мое дѣтище. Мнѣ отвѣчали, что такого проекта никогда въ кредитную канцелярію не поступало, и что о немъ никто ничего не знаетъ. Я попросилъ входящую и сталъ отыскивать его въ ней самъ. Дѣйствительно, по входящей поступленія его не оказалось. Тогда я бросился въ общую регистратору министерства финансовъ и нашелъ, что проектъ отъ генералъ-губернатора былъ полученъ и сданъ въ кредитную канцелярію. Вооружившись числомъ и номеромъ, я воротился въ канцелярію и обратился къ вице-директору, помнится—Семенову, который былъ такъ любезенъ, что приказалъ отыскать его. Пока я былъ въ суетахъ по этому поводу и снова принялся за входящую книгу, чтобъ удостовѣриться не пропустилъ-ли я поступленіе, а затѣмъ узнать, кто росписался въ его принятіи, такъ какъ никто изъ столоначальниковъ не хотѣлъ сознаться, что получилъ его, я, стоя въ

раздумьи въ канцеляріи, вдругъ получилъ толчокъ отъ одного проходившаго мимо меня неизвѣстнаго чиновничка, который, какъ будто извиняясь въ своей неосторожности, шепнулъ мнѣ, что проектъ нашъ лежитъ въ шкапу въ самомъ низу подъ бумагами и бородой указалъ мнѣ на этотъ шкапъ. Тогда я сталъ просить столоначальника, хозяина этого шкапа, дозволить мнѣ поискать проектъ въ его шкапу. Онъ долго не соглашался, но приказъ вице-директора разрѣшилъ нашъ споръ—и проектъ былъ найденъ, зарытый въ самомъ углу, въ пыли, подъ бумагами.

Когда я извлекъ его оттуда и съ торжествомъ вынесъ на свѣтъ Божій, г. Семеновъ разрѣшилъ мнѣ дѣлать въ немъ всѣ перемѣны, какія только я признаю нужными, увѣряя, что министерство финансовъ согласится на все,—при чемъ далъ слово, что проектъ тотчасъ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Признаюсь, сильно чесались у меня руки уничтожить параграфъ, дающій право голоса владѣльцамъ облигацій, но мысль, что это можетъ показаться непріятнымъ П. А. Тучкову, котораго я глубоко и безусловно уважалъ,—меня остановила. Я объявилъ г. Семенову, что не нахожу нужнымъ дѣлать въ проектѣ какія либо перемѣны, и только просилъ его—внести какъ можно скорѣе въ государственный совѣтъ.

На счастіе мое и Москвы, акціонерный проектъ былъ государственнымъ совѣтомъ отвергнутъ, вѣроятно, потому, что уставъ петербургскаго кредитнаго общества былъ уже утвержденъ, а потому и нашъ проектъ, какъ во всемъ сходный съ петербургскимъ, очень скоро прошелъ законодательную инстанцію и при томъ безъ малѣйшей перемѣны, чѣмъ и окончилась эта эпопея, начавшаяся случайно, но принесшая столько выгоды московскимъ жителямъ, судя по тѣмъ дворцамъ, которые выстроены съ помощью кредитнаго общества, а мнѣ, его пѣстуну, принесшая болѣе 15,000 убытку за то, что я слишкомъ вѣрилъ въ неизмѣнную прочность его бумагъ.

Хоть и много воды утекло съ тѣхъ поръ, но тѣмъ не менѣе и теперь еще вспоминаю съ грустью, что никто, даже по сіе время, не сказалъ мнѣ хоть даже простаго спасибо за всѣ мои хлопоты и старанія по этому дѣлу, а, напротивъ того, когда я, будучи одно время членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета, сталъ требовать точнаго и правильнаго исполненія устава,—встрѣтилъ одно недоброжелательство, заставившее меня отказаться отъ надежды быть полезнымъ дѣлу, которое я такъ близко принималъ къ сердцу и лелѣялъ съ такою любовью.

Непріятности эти съ правленіемъ особенно усилились, когда я былъ выбранъ предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета и, на осно-

ваніи 57 § устава, потребовалъ—для того, чтобъ наблюденіе не оставалось словомъ безъ смысла—постояннаго присутствія двухъ членовъ комитета въ засѣданіяхъ правленія, и учредилъ для этого очередь, съ тѣмъ, чтобъ эти постоянные наблюдатели каждомѣсячно доносили комитету о всемъ, что будетъ сдѣлано правленіемъ; для того же, чтобъ наблюденіе было выражено чѣмъ нибудь осязательнымъ, потребовалъ, чтобъ ихъ допустили на журналахъ правленія или надписывать свои фамиліи и число просмотра или, по примѣру того, какъ это дѣлали стряпчіе и прокуроры присутственныхъ мѣстъ — писать: читалъ. Въ этомъ распоряженіи директоры (Шильдбахъ, Шиповъ и Ламакинъ) увидали недовѣріе къ себѣ и посягательство на ихъ свободу дѣйствія. Тщетно я имъ представлялъ, что недовѣрія тамъ быть не можетъ, гдѣ требуется только исполненіе того, что узаконено уставомъ, утвержденнымъ правительствомъ, — директоры мои твердили свое, что это имъ обидно.

Кончилось тѣмъ, что, съ выходомъ моимъ изъ наблюдательнаго комитета, установленіе это, вліяніемъ правленія, утратило всякое значеніе и уцѣлѣло только для вида, а между тѣмъ было причиною, что изъ членовъ правленія я разошелся даже съ тѣми, съ которыми до этого былъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ,—со стороны же другихъ непріязненность осталась даже и по сіе время.

И. В. Селивановъ.

Къ исторіи покоренія Кавказа.

ЗАМѢТКА.

Послѣ скоропостижной смерти генералъ-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго, послѣдовавшей въ Женевѣ 25-го февраля 1879 г., появилось нѣсколько краткихъ, безсодержательныхъ, а можетъ быть, и оскорбительныхъ для памяти покойнаго статей. Даже некрологъ «Русскаго Инвалида», этой офиціальной военной газеты, былъ на столько простъ, что уподоблялся некрологу обыкновеннаго генерала, а не генералъ-фельдмаршала, покорившаго своему отечеству Кавказъ. Только одинъ Д. И. Романовской, въ своей хотя небольшой, но правдивой и прочувствованной статьѣ, помѣщенной 4-го марта 1879 г. на столбцахъ «Голоса», отозвался, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ о князѣ А. И. Барятинскомъ:

«Не теперь, когда смертные останки покойнаго генералъ-фельдмаршала еще не опущены въ могилу, говорить о мѣстѣ, какое займетъ его имя въ нашей исторіи. Въ этомъ отношеніи, можно съ увѣренностію сказать только одно—

въ исторіи готовится для него мѣсто почетное. Недаромъ же князь въ теченіе своей долголѣтней блестящей военной карьеры, въ длинномъ ряду блистательныхъ заслугъ и геройскихъ подвиговъ, не имѣлъ ни одной неудачи. Недаромъ же покореніе Кавказа, никогда и никому прежде непокорявшагося, всего ближе и тѣснѣе связано съ именемъ князя Барятинскаго. Для людей же, близко знавшихъ покойнаго, Кавказъ и князь Барятинскій соединены такъ неразрывно, что имъ трудно думать о Кавказѣ не вспоминая князя Барятинскаго, или вспоминать князя Барятинскаго не думая о Кавказѣ»[1]).....

Желая и съ своей стороны выставить князя А. И. Барятинскаго въ истинномъ свѣтѣ, не только какъ главнаго дѣятеля въ покореніи Кавказа, но и какъ человѣка, я обратился къ редактору «Русской Старины», какъ болѣе распространеннаго и извѣстнаго журнала, съ тѣми главами моихъ Записокъ, въ которыхъ изображена была характеристика князя и описаны военныя дѣйствія, во время трехлѣтняго управленія имъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи.

По благосклонномъ принятіи этой части моихъ Записокъ М. И. Семевскимъ и напечатаніи ихъ въ іюньской и іюльской книгахъ «Русской Старины» за прошлый годъ, я и намѣренъ былъ ограничиться дальнѣйшимъ печатаніемъ моихъ статей. Но словесные отзывы нѣкоторыхъ изъ моихъ сослуживцевъ въ такомъ смыслѣ: «что хотя съ моей стороны много потрачено на куреніе ѳиміама, но все-таки не исключительно князю Барятинскому принадлежитъ заслуга покоренія Восточнаго Кавказа»,—побудили меня составить на-скоро новую статью подъ заглавіемъ «Кавказъ и покореніе его восточной части», которая и была помѣщена въ февральской книгѣ «Русской Старины» 1880 г.

На эту послѣднюю мою статью появилась рецензія въ «Новомъ Времени», отъ 9-го прошлаго марта, многоуважаемаго моего сослуживца по Кавказу А. А. Зиссермана, подъ заглавіемъ «Два слова къ исторіи покоренія Кавказа». Рецензентъ, указывая на нѣкоторыя ошибки, касающіяся характеристики генерала Евдокимова, хотя, какъ выразился самъ почтенный авторъ, «по существу и не весьма значительныя, но недопускаемыя въ такой компетентной статьѣ, какъ моя», коснулся и другихъ ея неточностей, относительно взятія Веденя и принесенія безпрекословной покорности ичкеринцами, послѣ паденія резиденціи Шамиля.

Благодарю моего почтеннаго рецензента за указанныя ошибки въ характеристикѣ графа Евдокимова, но не могу вполнѣ согласиться съ его замѣчаніями, касающимися взятія Веденя. Все, что говорится по этому предмету въ замѣткѣ: «Два слова къ исторіи покоренія Кавказа», совершенно вѣрно и неопровержимо, но только оно не относится до моей статьи. Каждый прочитавшій ее, вѣроятно, замѣтилъ, что, описывая военныя дѣйствія, я не касался подробностей. То же самое соблюдено мною и относительно взятія Веденя. Что же касается выраженія, «что Ведень былъ оставленъ своими защитниками, безпрепятственно изъ него вышедшими», породившаго подробное описаніе штурма резиденціи Шамиля А. А. Зиссерманомъ, то это выраженіе принадлежитъ не мнѣ, а покойному графу Евдокимову.

---

[1]) Выписка эта сдѣлана съ разрѣшенія автора статьи «Некрологъ», помѣщенной въ «Голосѣ», 4-го марта 1879 г., № 63. М. О.

Однажды, разговаривая о Чечнѣ съ графомъ Н. И. Евдокимовымъ, въ Ставрополѣ (въ то время, когда онъ былъ командующимъ войсками въ Кубанской области, а я начальникомъ кавказской резервной дивизіи), я, между прочимъ, спросилъ его: «Развѣ нельзя было окружить Ведень со всѣхъ сторонъ, чтобы его защитниковъ заставить положить оружіе?»

— «Это продлило бы взятіе Веденя и подвергло бы войска не только новымъ лишеніямъ, но и бо̀льшимъ потерямъ, а Шамиль все-таки ушелъ бы изъ Веденя, какъ онъ это сдѣлалъ подъ Ахульго,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.— Отъ того же, что мы дали возможность безпрепятственно уйти изъ Веденя нѣсколькимъ тысячамъ горцевъ, вѣдь покореніе Восточнаго Кавказа не замедлилось»,—добавилъ графъ Евдокимовъ улыбаясь.

Полагаю, что не только мой почтенный рецензентъ, которому столь хорошо извѣстенъ Кавказъ, но и всѣ другіе, служившіе на немъ во время описываемыхъ мною событій, согласятся съ этими моими доводами.

2-го апрѣля 1880 г. **М. Я. Ольшевскій.**

ПОПРАВКА. Въ «Русской Старинѣ» изданія 1880 года, томъ XXVII, тр. 784, напечатано: «съ десятью эскадронами кавалергардовъ», читай: «съ десятью эскадронами гвардейской кавалеріи».

Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Т. II. Спб. 1879. 844 стр. Б. ц.

По поводу этого изданія мы говорили уже при выходѣ I-го тома. Во второмъ томѣ оканчиваются дѣла графа Апраксина, представляющія весьма важный матеріалъ для исторіи русскаго флота, съ 1708 г. до царств. Екатерины I. Въ теченіе этого періода во главѣ морскаго управленія въ Россіи стоялъ ген.-адмиралъ графъ Ѳ. М. Апраксинъ, въ дѣлахъ котораго сохранились, по возможности, полные слѣды всей морской дѣятельности за это время. Но и этими двумя объемистыми томами «Описанія Архива» не исчерпываются еще матеріалы по исторіи флота въ царств. Петра В. Не менѣе важныя дѣла другихъ сотрудниковъ послѣдняго—адмирала Крюйса, в.-адм. Змаевича и дѣла адмиралтействъ-коллегіи за первое время ея существованія составятъ третій томъ настоящаго изданія.

Но помимо такого спеціальнаго значенія «Описи Архива», она имѣетъ и другой—общеисторическій интересъ. Въ обширномъ собраніи разсматриваемыхъ матеріаловъ находится масса свѣдѣній и данныхъ, относящихся къ военному дѣлу въ Россіи вообще въ этотъ періодъ, политическимъ сношеніямъ за время Сѣверной войны, внѣшней и внутренней торговлѣ, пребыванію русскихъ учениковъ за границею, обязательному обученію дворянъ въ Россіи, о розыскныхъ дѣлахъ, фабрикахъ, заводахъ, состояніи финансовъ, церковныхъ дѣлахъ и внутреннемъ управленіи вообще. Пользуясь обстоятельною описью архива, постараемся сдѣлать указаніе на нѣкоторыя изъ дѣлъ, поименованныхъ въ описи. Таковы, напримѣръ, распоряженія объ отправкѣ заграничныхъ липовыхъ деревъ изъ Ревеля въ Петербургъ, о подтвержденіи «царедворцамъ и другимъ чинамъ, коихъ предположено выселить въ Петербургъ», о заблаговременной постройкѣ ими себѣ дворовъ въ Петербургѣ; о разъясненіи случаевъ произнесенія «слова и дѣла»; о взысканіяхъ по поставкамъ и подрядамъ; о пересылкѣ княземъ Меншиковымъ изъ-за границы графу Ѳ. М. Апраксину готовальни «въ презентъ» и «коробки по употребленію табака»; дѣла турецкія и польскія; тяжебныя дѣла графа Апраксина; о назначеніи въ практику молодыхъ людей, окончившихъ ученіе въ Навигацкой школѣ, и о высылкѣ изъ Англіи и Голландіи навигаторовъ, отправленныхъ туда для изученія мореплаванія; объ отправкѣ къ навигаторамъ за границу женъ и о пребываніи за границею навигаторовъ и отсылкѣ ихъ въ Россію; объ отсылкѣ къ прусскому королю 80 «великихъ ростомъ гренадеръ»; о наказаніяхъ за употребленіе солдатъ на свою работу; о передачѣ города Скопина съ принадлежащими къ нему деревнями и крестьянами «царицѣ и вел. княгинѣ» Екатеринѣ Алексѣевнѣ; о пребываніи племянника графа Апраксина въ Лондонѣ, о его невоздержной жизни и объ уплатѣ его долговъ; рядъ матеріаловъ о насильственныхъ поступкахъ начальствующихъ лицъ; о покупкѣ въ Амстердамѣ и отправкѣ въ Россію для графа Ѳ. М. Апраксина четырехъ зеркалъ и 2,000 черепичковъ съ синими фигурами (раскрашенныхъ изразцовъ); о доставкѣ изъ-за границы зеркалъ и картинъ, выписанныхъ Апраксинымъ; вѣдомость о числѣ служилыхъ мурзъ и татарскихъ дворовъ въ Казанской, Нижегородской и Азовской губерніяхъ; о переводѣ голландской грамматики; рядъ матеріаловъ о школахъ; постановленія о роскоши, и многія другія.

По важности подобнаго рода матеріаловъ весьма желательно было бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія изъ нихъ печатались въ видѣ приложеній или обстоятельныхъ извлеченій, мелкимъ шрифтомъ, и тогда самая Опись могла бы получить значеніе не только обстоятельнаго указателя, весьма хорошо составленнаго, какъ это слѣдуетъ сказать о настоящей Описи, но и сборника историческихъ матеріаловъ. Замѣтимъ также, что въ числѣ бумагъ архива находится не мало автографовъ Петра Великаго.

Въ концѣ тома приложены указатели предметовъ и личныхъ именъ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными, при каждой книгѣ, портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **П. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ одиннадцатый. ІЮНЬ. 1880 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Императора Петра II** († 1730 г.), геліографическій снимокъ съ лучшей гравюры его времени, исполнилъ художникъ Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1880.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Языкознаніе. Исторія словесности. Кіевъ, 1880. 745. Ц. 4 р.

Въ настоящій, послѣдній томъ означеннаго изданія вошли статьи, напечатанныя авторомъ въ разныхъ повременныхъ журналахъ и сборникахъ, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, а также и напечатанныя отдѣльно. Въ отдѣлѣ языкознанія помѣщены статьи: 1) Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ; 2) Начатки русской филологіи (стр. 25—155); 3) Филологическія наблюденія и изслѣдованія (объ имени человѣкъ, о системѣ славянскихъ нарѣчій, о грамматикѣ Ломоносова); 4) Къ исторіи малорусскаго языка, стр. 183—346 (филологическія письма къ Погодину, отвѣтныя письма къ нему же и новыя письма—о старобытности малороссійскаго нарѣчія; о правописаніи малороссійскаго языка, о малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ). Въ отдѣлѣ исторіи словесности напечатаны: 1) Исторія древней русской словесности (Кіевъ, 1839), съ отзывомъ на критику, помѣщенную въ «Отечественныхъ Запискахъ» (стр. 346—479); 2) О народной исторической поэзіи въ древней Руси; 3) Пѣснь о полку Игоревѣ; 4) Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ, въ стихотворномъ переводѣ Гербеля; 5) Темное мѣсто въ Пѣсни о полку Игоревѣ; 6) Къ объясненію и исторіи Слова о полку Игоревѣ; 7) Книжная старина южно-русская (стр. 661—716); 8) О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ; 9) О первомъ изданіи Дидаскаліи Сильвестра Коссова; 10) Библіографическое объясненіе Гильдебрандту (по поводу Апокрисиса); 11) О двухъ стихотвореніяхъ: «Плачъ Малой Россіи» и «Милость Божія»; 12) О стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича; 13) Извѣстіе о книгѣ: «Благоутробіе Марка Аврелія».

Складъ изданія находится въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ и въ С.-Петербургѣ.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. М. 1880, 578. Ц. 2 р.

Послѣ довольно значительнаго промежутка со времени выхода въ свѣтъ первой части этого сочиненія (1876), отзывъ о которой былъ въ свое время сообщенъ въ Библіографическомъ листкѣ «Русской Старины», появилась вторая часть «Исторіи Россіи», задуманной авторомъ въ довольно широкихъ, хотя и не столь обширныхъ, размѣрахъ, какъ трудъ покойнаго Соловьева. Это обстоятельство даетъ автору возможность обратить вниманіе на отдѣлку самаго труда и частные научные вопросы, затрогиваемые въ немъ. Съ другой стороны, какъ по своему объему, такъ и по изложенію, трудъ этотъ является болѣе доступнымъ большинству читателей. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга.

Еще при выходѣ въ свѣтъ перваго тома было обращено вниманіе на новое дѣленіе исторіи, принятое авторомъ. Но дѣленіе нашей исторіи имѣетъ, такъ сказать, свою исторію. Извѣстно знаменитое дѣленіе русской исторіи на періоды Августа Шлецера: Русь рождающаяся, раздѣленная, угнетенная, побѣдоносная, процвѣтающая, которое Карамзинъ называлъ болѣе остроумнымъ, нежели основательнымъ. Онъ самъ, въ соотвѣтствіи западно-европейской исторіи, предложилъ раздѣлить русскую исторію на древнѣйшую—отъ Рюрика до Іоанна III; среднюю—отъ Іоанна III—до Петра В., и новую—отъ Петра В. до Александра I. Характеристикою первой эпохи у него служитъ—система удѣловъ; единовластіе—второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ—третьей, при чемъ, однако, онъ прибавляетъ, что нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ. Полевой, скептически отнесшійся во многимъ сторонамъ «Исторіи Государства Россійскаго», не удовлетворился и дѣленіемъ, предложеннымъ исторіографомъ. Слѣдуя своимъ основнымъ положеніямъ, Полевой дѣлитъ русскую исторію на пять періодовъ. По его системѣ, первый періодъ слѣдуетъ считать до смерти Ярослава I, когда окончилась норманская феодальная система на Руси; 2-й—до нашествія монголовъ; третій—до Іоанна III, 4-й—съ Іоанна III, какъ объединителя Россіи, до Петра В.; 5-й—съ Петра В., когда Россія вступила въ систему европейскихъ государствъ. Оба эти дѣленія не удовлетворили нашихъ историковъ. Одни (какъ Устряловъ), предложивъ болѣе простое раздѣленіе всей исторіи Россіи на древнюю и новую, подраздѣляютъ, однако, каждую изъ этихъ частей еще на нѣсколько періодовъ (О системѣ прагматич. русской исторіи, Спб. 1836), слѣдовательно, допускаютъ даже болѣе мелкія дѣленія; другіе, какъ С. М. Соловьевъ, на-

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ II.

1727—1730.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1880 Г.

ВОЛЕН… ЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 СЕНТЯБРЯ 1879 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ

1799—1831.

Глава II [1]).

Произошло-ли присоединеніе Грузіи къ Россіи вслѣдствіе эгоистическаго стремленія Георгія XII оградить свои личные интересы?

Личная воля властителя при деспотическомъ образѣ правленія, казалось, должна бы подчинить себѣ всѣ отправленія государственной жизни, но въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ и быть не можетъ. Индивидуальность деспота и народа никогда не могутъ слиться въ одно цѣлое: между ними всегда существуетъ глубокій антагонизмъ, хотя этотъ антагонизмъ выражается пассивною инерціею и по наружности представляется въ видѣ покорности, рабскаго подчиненія и потворства всѣмъ злоупотребленіямъ деспотизма. Искра божества, которую, въ видѣ разума и свободной воли, каждый получаетъ при рожденіи, оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ душою при обращеніи въ трупъ. Но, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ представляетъ живой организмъ, понятіе о правдѣ и неправдѣ и разумное стремленіе къ улучшенію своего положенія,—хотя бы въ самой ограниченной формѣ удовлетворенія первыхъ матеріальныхъ потребностей,—не могутъ быть выдѣлены изъ человѣка никакими лишеніями, пытками и разстройствомъ общественной жизни. Они всегда остаются въ его сознаніи и если страхъ наказанія заставляетъ человѣка скрывать внѣшнее проявленіе этого сознанія, то, тѣмъ не менѣе, оно постоянно руководитъ всѣми его побужденіями, мыслями и поступками. Составленное изъ подобныхъ атомовъ цѣлое, т. е. народъ, не можетъ поэтому

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 1—34.

потерять заботу о лучшемъ будущемъ и, стало быть, стремленіе исправить, улучшить настоящее. Форма, въ которой проявляется это стремленіе, можетъ быть неудачна: перемѣна правителя можетъ быть къ худшему; возмущеніе—повести къ болѣе тяжелому рабству; внѣшняя помощь оказаться покореніемъ, т. е. уничтоженіемъ политической самостоятельности народа,—но, во всякомъ случаѣ, внутренняя, вѣчная, неустанная работа надъ улучшеніемъ настоящаго положенія остается неотъемлемою частью жизни каждаго народа, какъ бы ни былъ низокъ его умственный и нравственный уровень. И такъ какъ это стремленіе діаметрально противоположно интересамъ деспотизма, то оно, вопреки кажущейся силы деспотизма, парализуетъ послѣдній и заставляетъ всякаго деспота принимать въ расчетъ интересы и желанія народа, подчиняться болѣе или менѣе невидной, неосязаемой, но сильнѣйшей силѣ, именно стремленію народа улучшать свой бытъ. Такая непроизвольная уступка народнымъ интересамъ есть необходимое условіе существованія самаго деспотизма. «L'état c'est moi»—думалъ Людовикъ XIV, но при концѣ своей карьеры долженъ былъ, какъ извѣстно, убѣдиться, что онъ и государство существуютъ отдѣльно, сами по себѣ, и могутъ слиться въ одно только на почвѣ истинныхъ народныхъ интересовъ. Всѣ войны, въ которыя увлечена была Франція для эгоистическихъ и династическихъ цѣлей своего короля; весь блескъ его двора, необходимый для его личнаго величія—отозвались безсиліемъ и нищетою народа, который онъ принималъ за себя самого. А между тѣмъ въ молодости Людовикъ XIV сдѣлалъ много добра для Франціи: у него былъ Кольберъ и блестящій періодъ быстраго развитія народнаго богатства. Забота о благосостояніи, величіи, славѣ французскаго народа была важнымъ стимуломъ дѣятельности Людовика XIV, и не покидала его до смерти. Преемникъ его, воспитанный въ блескѣ и развратѣ двора Людовика XIV, въ своихъ воззрѣніяхъ на народъ ушелъ далѣе афоризма: «l'état c'est moi» и руководился другою, не менѣе знаменитою фразою: «après moi le déluge» и тѣмъ сознательно приготовилъ гибель своему царственному дому. Въ азіатскихъ же деспотическихъ государствахъ эта циническая выходка развратнаго человѣка, не понимавшаго своего высокаго положенія, служитъ основою, исходною точкою всей дѣятельности деспота, и потому въ азіатскихъ государствахъ отождествленіе воли правителя и народа составляетъ совершенную безсмыслицу. При такомъ убѣжденіи, невозможно допустить, чтобы грузинскій царь Георгій XII по собственной волѣ могъ заставить свой народъ желать русскаго покровительства и еще менѣе могъ принудить народъ поступить въ подданство русскаго импера-

тора. Это было для него тѣмъ невозможнѣе, что если въ Грузіи существовало полное безправіе и самое слово законъ,—по удостовѣренію кн. Циціанова (1),—потеряло всякій смыслъ, такъ что произволъ и насиліе были единственными формами отношеній верховной власти къ подданнымъ,—тѣмъ не менѣе образъ правленія въ Грузіи нельзя даже назвать деспотическимъ, а скорѣе деспотическою олигархіею или, вѣрнѣе, деспотическимъ хаосомъ. Правительство и администрація притѣсняли и грабили народъ сколько было возможно, но не могли имѣть на него никакого нравственнаго вліянія. Да, можно думать, объ этомъ никто не заботился и не могъ заботиться. Прежде всего, самъ царь Георгій былъ «человѣкъ весьма добродѣтельный, но слабый здоровьемъ, не оставлявшій своей комнаты, и потому зналъ только тѣ происхожденія, какія окружающіе ему сообщали» (2). Онъ не имѣлъ постояннаго и преданнаго войска, которое давало бы ему средства смирять непокорныхъ царевичей и даже князей и дворянъ, хотя «вообще всѣ они никакихъ привилегіевъ не имѣли: какъ князь, такъ и крестьянинъ, равно служатъ; какъ князь, такъ и крестьянинъ, равно наказываются» (3). Всѣ высшія и низшія административныя должности были наслѣдственныя, что лишало царя удобства избирать, по своему усмотрѣнію, людей, необходимыхъ для его личныхъ видовъ. Конечно, царь имѣлъ право отнять должность и наказать ослушника, такъ какъ никто никакихъ привилегіевъ не имѣлъ, но, понятно, пользованіе такимъ правомъ было для него крайне опаснымъ: оно вооружало противъ царя все высшее сословіе, заинтересованное въ сохраненіи наслѣдственныхъ должностей. Царь же могъ управлять Грузіею или, точнѣе, грабить грузинскій народъ не иначе, какъ опираясь на высшее сословіе, преданность или, лучше, соучастіе котораго въ грабежѣ, при безправіи народа и систематическомъ его ограбленіи,—составляли всю силу царя. Не имѣя сильнаго характера, не имѣя средствъ смирять высшее сословіе, Георгію оставалось одно: вполнѣ подчиниться необходимости терпѣть насиліе и грабежъ господствующаго сословія; видѣть постепенное истребленіе всѣхъ производительныхъ силъ народа и гибель грузинскаго царства.

Уже отецъ Георгія, царь Ираклій Теймуразовичъ, заботясь болѣе о прокормленіи своего многочисленнаго семейства, чѣмъ о благосостояніи царства, нанесъ послѣдній ударъ Грузіи. «Находя недостатокъ въ казенныхъ доходахъ,—повѣствуетъ генералъ Кноррингъ (4),—на содержаніе, по приличію, царевичей и царевенъ, дѣтей его, Ираклій отнималъ у князей и дворянъ древнія ихъ помѣстья единственно по праву неограниченнаго самовластія и, отдавъ сіи помѣстья въ удѣлъ дѣтямъ своимъ, повергъ бо̀льшую половину Грузіи ихъ

своеволіямъ. Когда же въ смутныя времена требовались отъ царевичей, соразмѣрно ихъ владѣніямъ, участіе войскъ или вспомоществованіе отъ доходовъ,—они всегда являлись ослушниками, и царь, дѣйствіемъ супруги своей, царицы Дарьи, находился въ необходимости уважать такіе родныхъ своихъ поступки».

«Помѣщики обязаны были, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, помогать царю изъ своихъ доходовъ,—продолжаетъ Кноррингъ,—но, чтобы не понести чувствительной утраты, вознаграждали себя раззореніемъ крестьянства, которое посему часто изыскивало убѣжище въ чужихъ владѣніяхъ, поставляя равнымъ: быть-ли крайне утѣсненну въ своемъ отечествѣ или находиться въ рабствѣ у сосѣдей. Ибо кто не грабилъ сихъ несчастныхъ людей? Всякій царевичъ, всякая царица и царевна, всякій родственникъ царскій могъ давать отъ себя такъ называемый баратъ (указъ) на отнятіе у купца, у крестьянина того, что у него есть лучшее, а власть царская, поколебавшись въ своемъ основаніи, едва примѣчала таковыя насильства, а того меньше принимала мѣры къ истребленію ихъ».

«Поселяне,—доноситъ генералъ Лазаревъ (5),—привезя хлѣбъ на рынокъ, сильно страшатся, и случается нерѣдко,—какъ въ семъ родѣ земныхъ продуктовъ, такъ и въ другомъ,—что хозяинъ, привезши что нибудь въ городъ, на базаръ для продажи, принужденъ бываетъ, оставя нагруженную товаромъ собственную арбу въ добычу требующихъ якобы на имя царское,—угонять домой лишь бѣдную свою скотину, возвращаясь съ пустыми руками».

Фактъ этотъ подтверждаетъ самъ Георгій; въ письмѣ къ Лазареву (6) онъ пишетъ: «Нынѣ, будучиболѣнъ, слышу, что въ Тифлисѣ отнимаютъ нѣкоторыя вещи и грабятъ жителей не солдаты, а люди нашей же земли», и проситъ назначить караулъ изъ одного офицера съ нѣсколькими солдатами, «дабы не допускать ни царскаго человѣка, ни людей дѣтей и братьевъ царя, княжескихъ и дворянскихъ, отымать ни у большаго ни у малаго».

«Удѣльные царевичи, братья царскіе,—доноситъ генералъ Лазаревъ Кноррингу (7),—томясь неприличною жадностью къ самоначалію и подбирая партію недовольныхъ правительствомъ, направляютъ дѣла къ мятежу, безпорядкамъ и буйствамъ».

Какія были средства у царя усмирить ихъ, мы находимъ въ письмѣ Георгія къ князю Отару Амилахвари (8), по поводу сборовъ въ Гори въ пользу царевича Парнаоза: «Парнаозовыхъ людей не щади никоимъ образомъ; имѣешь право не жалѣть для нихъ ни палокъ, ни дубины, ни камня, ни оружія, ни ружья, ни шашки, ни пистолета—ничего противъ ихъ не жалѣть, и не пускать ихъ.

Кто бы ни явился въ Гори, не уступай ему ни на одну денежку— такъ ты долженъ знать».

«Бараты,—свидѣтельствуетъ Лазаревъ (9),—нигдѣ не записываются и отъ того выходитъ, что сегодня отдадутъ одному, а завтра то же имѣніе или мѣсто отдадутъ другому; все правосудіе отдается у нихъ словесно и, сколько я могъ примѣтить, или по пристрастію или по праву сильнаго, и часто видны неимущіе защиты совсѣмъ ограбленными. Жалованья никакой чинъ не имѣетъ, а всякій долженъ кормиться отъ своего мѣста, и отъ того еще больше терпитъ и купецъ, и мѣщанинъ, и крестьянинъ, и, однимъ словомъ—всякій.... Всѣ чины здѣсь наслѣдственны, не взирая на достоинство людей; почему и часто видно людей не на своихъ мѣстахъ».

Эти немногія выписки объ управленіи Грузіею при Ираклѣ II и Георгіѣ XII даютъ ясное понятіе о томъ невообразимомъ хаосѣ, который представляли правительство и администрація несчастной Грузіи. Указъ, данный Амилахвари, доказываетъ полное безсиліе царя управляться съ провинціями. Приказаніе: «дѣлай что хочешь» есть неизбѣжное сознаніе того, что: «я не могу ничего сдѣлать». Исполняя подобную волю царя, наслѣдственному моураву, который не боится смѣны, естественно угнетать плательщиковъ до того, что они бросаютъ на базарѣ арбу съ товаромъ и возвращаются хотя съ пустыми руками, но живыми, цѣлыми и сохраняя по крайней мѣрѣ рабочій скотъ. Одинъ русскій офицеръ съ нѣсколькими солдатами, поставленный для порядка на тифлисскомъ базарѣ, конечно, не могъ исправить зло, которое совершалось во всей странѣ и всѣмъ господствующимъ сословіемъ. При подобномъ государственномъ строѣ,—хотя это слово совершенно неумѣстно говоря о тогдашнемъ состояніи Грузіи, представлявшей одно крайнее разстройство всѣхъ органовъ государственной жизни,—положеніе управлявшаго страною царя Георгія нельзя назвать иначе, какъ бѣдственнымъ. Онъ былъ представителемъ неограниченной власти, но власти не имѣлъ никакой. Фиктивное его значеніе посреди органовъ исполнительной власти, отъ него независимыхъ, ясно обозначается при каждомъ обращеніи его къ силамъ и средствамъ страны. Его никто не слушаетъ, приказаній его никто не исполняетъ. Для поддержанія хотя внѣшняго призрака своей власти, Георгію приходилось обращаться къ наемнымъ войскамъ. Но лезгины, которые всегда были одинаково готовы къ услугамъ какъ царя, такъ и его противниковъ,—еще болѣе увеличивали бѣдствія страны. «Обязавшись служить оградою безопасности народной,—пишетъ генералъ Кнорингъ (10),—лезгины причиняли неимовѣрныя своеволія въ самомъ Тифлисѣ, и, узнавая скрытныя въ Грузіи мѣста,

вводили въ оныя своихъ единоземцевъ, а сіи въ самомъ сердцѣ царства грузинскаго грабили и вовлекали въ неволю несчастныхъ поселянъ и тогда, когда руки сихъ обработывали поля, и изъ самыхъ селеній, чрезъ что Грузія ежегодно теряла, по средней мѣрѣ, отъ 200 до 300 семей. Георгій XII содержалъ до 7,000 лезгинъ, но уже не для защиты царства отъ внѣшнихъ враговъ, а единственно для устрашенія своихъ братьевъ, которые неповиновеніемъ и своеволіемъ болѣе первыхъ ему угрожали».

Болѣзнь Георгія, не допускавшая его покидать дворца,—величайшее несчастіе для страны въ другихъ условіяхъ,—при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Грузіи, представляла единственное благопріятное обстоятельство, сохранявшее въ глазахъ народа обаяніе царской власти. Всякому казалось, что будь царь здоровъ—все шло бы лучше, хотя нѣтъ сомнѣнія, величайшій геній съ энергіею Петра I едва-ли могъ бы улучшить государственный строй Грузіи. Для всякаго генія все-таки нужна какая нибудь точка опоры въ патріотизмѣ народа, общественномъ устройствѣ, экономическомъ положеніи или внѣшнихъ политическихъ условіяхъ,—но такой точки опоры не существовало. Всѣ сосѣди Грузіи были или мелкіе враги другъ друга, истреблявшіе при содѣйствіи двухъ крупныхъ, взаимно враждебныхъ политическихъ организмовъ—Турціи и Персіи, или дикари, промышлявшіе грабежомъ и не имѣвшіе никакого понятія о государственныхъ интересахъ. Союзъ Грузіи съ каждымъ изъ сосѣдей или разомъ съ цѣлою группою ихъ—не представлялъ ничего, кромѣ шансовъ внѣшней войны за чужіе интересы, во имя святости договора. Прирожденная всякому честному человѣку любовь къ родинѣ въ массѣ народа воспитывается исторіей и сознаніемъ своей силы. Она никогда не можетъ въ массѣ народа быть чувствомъ платоническимъ и умираетъ или исчезаетъ, если не имѣетъ активнаго дѣйствія на увеличеніе силы, могущества народа и на улучшеніе его благосостоянія. Экономическое положеніе Грузіи было безповоротно подточено плотоядными истинктами царской семьи и господствующаго сословія. Оба эти факторы истребленія народнаго благосостоянія, на правѣ рожденія,—самомъ несправедливомъ и оскорбительномъ для умственнаго и нравственнаго превосходства каждаго правѣ,—при посредствѣ наслѣдственности должностей и взаимныхъ родственныхъ связей, основали крѣпкую, неразрывную сѣть для эксплуатаціи всего народа. Ни царь сверху, ни народъ снизу—не могли разорвать, устранить этой тяжкой для обоихъ ихъ опеки. Ближайшіе сосѣди и другіе разбойники и разбойничьи племена были всегда готовы къ услугамъ каждаго недовольнаго, будь онъ царевичъ Александръ или послѣдній

нацвалъ, лишенный царемъ мѣста за грабежъ народа. Всякая попытка царя смѣстить плута съ должности, ввести новые элементы въ администрацію—неизбѣжно отзывалась интригами внутри и внѣшними набѣгами большихъ и малыхъ шаекъ, истреблявшихъ все, что имъ попадалось на пути.

Внутреннее общественное устройство Грузіи—да гдѣ и въ чемъ искать его? Въ Грузіи существовали только одни враждебные элементы, другъ друга уничтожавшіе. Царь, представитель законности, отнималъ имѣнія у князей и дворянъ и надѣлялъ ими своихъ дѣтей и родичей единственно по праву неограниченнаго самовластія. Князья и дворяне отнимали имѣнія одинъ у другаго съ помощью придворныхъ интригъ, получая бараты, или прямо посредствомъ открытаго насилія. И всѣ эти крупныя злоупотребленія власти почерпали средства для грабежа въ обманѣ легковѣрнаго народа и его ограбленіи. Могъ-ли поэтому какой нибудь геніальный реформаторъ, явившись на мѣстѣ слабаго, больнаго и добраго Георгія, уничтожить массу зла, накопившуюся вѣками безпорядочнаго правленія, и организовать въ замѣнъ этого зла новый строй государственной жизни, сообразный съ вѣчными законами правды и справедливости? Мы думаемъ, что никакой реформаторъ такого чуда сдѣлать не могъ, да и самое его появленіе противорѣчило бы общему порядку вещей. Всѣ геніальные государственные дѣятели и реформаторы своего отечества вызывались на арену исторической жизни предшествовавшими событіями, опредѣлявшими потребность ихъ плодотворной дѣятельности въ силу явленій и силъ, давно созрѣвшихъ и накопившихся въ жизни народной, которымъ они только придавали конечную, ярко очерченную форму, необходимую по условіямъ исторической роли народа. Но нигдѣ мы не видимъ, чтобы разрушившійся, обезсиленный вѣками злоупотребленій, государственный организмъ вдругъ производилъ такого просвѣтителя, который бы изъ массы отжившихъ элементовъ создавалъ бы новое, здоровое государство. Для этого необходимо прежде паденіе царства или династіи, появленіе новыхъ, здоровыхъ элементовъ и затѣмъ слитіе старыхъ и новыхъ элементовъ въ новую форму государственной жизни.

Георгій XII, конечно, не былъ реформаторомъ, а именно тѣмъ, что могли произвести изжившаяся отъ продолжительнаго царствованія династія и расшатанный во всѣхъ отношеніяхъ государственный строй Грузіи. Но это жалкое, въ государственномъ смыслѣ, лицо не стоитъ одиноко. Оно окружено, съ одной стороны, братьями: Юлономъ, Вахтангомъ, Антоніемъ, Миріаномъ, Александромъ и Парнаозомъ Ираклієвичами, а съ другой—сыновьями: Давидомъ, Іоанномъ, Ба-

гратомъ, Теймуразомъ, Михаиломъ, Джебраиломъ, Ильей, Окропиромъ и Ираклiемъ Георгiевичами. И въ этомъ длинномъ спискѣ лицъ, предназначавшихся по рожденiю для широкой дѣятельности на пользу родины, одинаково отсутствуетъ всякое понятiе о государственныхъ интересахъ, о благѣ родины, о благоденствiи народа, о службѣ отечеству или хоть о поддержкѣ царствующаго брата и отца во имя интересовъ династiи. Во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ, сношенiяхъ и другихъ документахъ, напечатанныхъ въ «Актахъ Археографической Коммисiи», никто изъ этихъ царственныхъ лицъ не высказываетъ ничего, кромѣ самаго узкаго эгоизма и личнаго корыстолюбiя. Особенно непрiятно поражаетъ переписка ихъ съ русскими властями. Это самая жалкая смѣсь сплетенъ и клеветъ другъ на друга; униженнаго рабскаго вымаливанiя разныхъ милостей; клятвенныхъ обѣтовъ на вѣрную службу и преданность государю императору, и одновременно съ тѣмъ—всевозможныхъ интригъ и противодѣйствiя распространенiю русскаго влiянiя. Если бы это послѣднее противодѣйствiе имѣло основою патрiотическое чувство, оскорбленное иноплеменнымъ завоеванiемъ,—къ нему можно бы отнестись съ уваженiемъ. Но искать чего нибудь подобнаго у грузинскихъ царей и царевичей, къ сожалѣнiю, было бы безплодно. Объ освобожденiи родины отъ завоевателей, объ интересахъ несчастнаго народа—менѣе всего думали царевичи и царевны. Всѣ они ясно сознавали невозможность дальнѣйшаго существованiя грузинскаго царства безъ поддержки извнѣ и всѣ одинаково понимали, что только «россiйское непобѣдимое воинство»,—какъ выражались тогда въ официальныхъ бумагахъ,—можетъ предохранить Грузiю отъ новаго нашествiя Ага-Мамед-хана или отъ поглощенiя Грузiи Турцiей, съ истребленiемъ, конечно, царскихъ правъ, христiанства и самостоятельнаго существованiя царства. Поэтому, всѣ они, «по чистой христiанской совѣсти, готовы всемилостивѣйшему государю служить съ вѣрностiю до пролитiя крови (11) и готовы быть его всеподданнѣйшими рабами» (12), лишь бы имъ предоставили званiе царя, который имѣлъ право отнимать у всѣхъ имѣнiя.

Болѣе другихъ братьевъ царя какъ будто бы показалъ самостоятельности царевичъ Александръ. Онъ бѣжалъ по прибытiи русскихъ войскъ въ Грузiю, какъ будто бы изъ ненависти къ русскому господству, но въ дѣйствительности лишь для того, чтобы, заручившись помощью Персiи и мелкихъ сосѣдей, для которыхъ было выгодно разворенiе Грузiи, помѣшать царевичу Давиду занять царскiй престолъ. Его пособники—братья и ихъ единомышленники—прямо объявили Котляревскому (13) свое согласiе, чтобы въ Грузiи совсѣмъ не было царя, лишь бы ненавистный имъ царевичъ Давидъ не занялъ престола.

Добиваясь отъ персидскаго шаха признанія царемъ Грузіи, царевичъ Александръ вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не желаетъ ссориться съ русскими и пишетъ ген. Лазареву (14): «Мы никогда не вмѣшиваемся въ такое дѣло, которое было бы противно государю, и нѣтъ намъ надобности сражаться съ его войсками. Божіею милостью мы постараемся, чтобъ лучше и усерднѣе служить государю, а если вы не перестанете насъ преслѣдовать, то станемъ доносить обо всемъ, что̀-бы вы ни дѣлали, государю императору». «Клянусь Богомъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ тому же ген. Лазареву (15),—мы даже одного солдата не хотимъ обидѣть, не то чтобы рѣшиться на какое противное государю дѣло». Даже послѣ пораженія на Іорѣ Омар-хана, призваннаго имъ для разворенія Грузіи, царевичъ Александръ завѣряетъ «о своей готовности служить со всевозможнымъ усердіемъ государю» и самое свое участіе въ этомъ безчестномъ набѣгѣ на Грузію онъ объясняетъ одною цѣлью: «отмстить тѣмъ, кто его выгналъ изъ Грузіи, но никакъ не противъ войскъ государя императора» (16). Къ кн. Циціанову царевичъ Александръ пишетъ еще яснѣе (17): «Сообщите мнѣ напрямикъ, какое мнѣ будетъ отъ государя утѣшеніе, или милость, или содержаніе и успокойте меня, выпустивъ меня изъ невѣрной земли и показавъ мнѣ опять христіанскую молитву и обѣдню». Такимъ образомъ, этотъ открытый врагъ Россіи, посвятившій всю свою жизнь на войну и интриги противъ нея, въ дѣйствительности только желалъ набить себѣ цѣну, продать себя повыгоднѣе, и для того не стыдился создавать, сколько могъ, враговъ для своей несчастной родины.... Какой безобразный историческій фактъ!

Интересно прослѣдить, что̀ обѣщалъ царевичъ Александръ народу грузинскому?—Митрополита Кизикскаго онъ проситъ расположить свою паству въ пользу его, Александра, «дабы въ случаѣ какого либо сопротивленія не впасть въ какой нибудь грѣхъ или кровопролитіе» (18). Вліятельнымъ князьямъ (19) обѣщаетъ: «Какую вы имѣете отъ русскаго государя милость—отъ иранскаго государя получите вдесятеро» и сообщаетъ, будто шахъ дастъ ему 20, 30, 40, 50 тысячъ войска и, наконецъ, весь Иранъ, чтобы идти противъ Грузіи, и что русскихъ, хоть бы ихъ было 6,000 чел., онъ всѣхъ конями истопчетъ, и потому зоветъ къ себѣ всѣхъ князей, объявляя, что кто больше приведетъ къ нему людей, тотъ больше получитъ милостей. Простому же народу пишется одно хвастовство и ложь о мнимыхъ персидскихъ побѣдахъ надъ русскими и потому предлагается не оказывать сопротивленія, которое можетъ повлечь наказаніе, и внушается затѣмъ, что народъ уже 1,700 лѣтъ проливаетъ кровь за царей и долженъ заслужить милость и даже оказаться болѣе вѣрнымъ, чѣмъ

дѣды и отцы. Немудрено поэтому, что только князья, въ надеждѣ получить вдесятеро, показывали сочувствіе царевичамъ, а народъ желалъ только одного—какъ бы поскорѣй отъ нихъ избавиться.

Какими возвышенными чувствами о собственномъ достоинствѣ были проникнуты царевичи, можно судить по Вахтангу, который, по словамъ Соколова (20): «по хитрости и пронырствамъ своимъ, почитается своими единомышленниками за оракула». Царевичъ Вахтангъ всегда дѣйствовалъ заодно съ Александромъ; открыто поддерживалъ Юлона и Парнаоза, но постоянно заискивалъ у властей и прислуживался русскимъ, помогая проходу черезъ горы въ Грузію нашихъ войскъ, которымъ могъ мѣшать, владѣя Душетомъ и лежащими по дорогѣ деревнями. Такое двуличное поведеніе заставило удалить его изъ Душета. Ген.-маіоръ Тучковъ занялъ Душетъ; Вахтангъ скрылся въ Гудамакарское ущелье, гдѣ запертъ войсками, и долженъ былъ явиться къ Тучкову, который отправилъ его сначала подъ благовиднымъ предлогомъ въ Душетъ, а оттуда подъ строгимъ и неослабнымъ надзоромъ въ Тифлисъ, гдѣ предполагалось оставить его на жительство. Но царевичъ Вахтангъ продолжалъ свои интриги и кн. Ципіановъ рѣшился, наконецъ, выслать его въ Россію (21). Тогда Вахтангъ, по словамъ кн. Ципіанова—«изъ всѣхъ хитрѣйшій», когда было ему объявлено повелѣніе выѣхать въ Россію,—«привелъ кн. Ципіанова въ крайнее смущеніе, бросившись къ его ногамъ и прося помилованія».

Конечно, въ виду общечеловѣческой слабости, нельзя безусловно обвинять царевичей за смуты, происшедшія послѣ смерти Георгія, но ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдать принятыхъ ими средствъ, т. е. одинаковой лживости и двуличія и передъ русскимъ правительствомъ, и передъ своими клевретами, и, наконецъ, полнаго забвенія всѣхъ интересовъ народа, который они сознательно разворяли только для того, чтобы онъ чувствовалъ невыгоды быть въ русскомъ подданствѣ. Въ Грузіи не было закона о престолонаслѣдіи и престолъ могъ переходить отъ брата къ брату, минуя сына послѣдняго царя (22). Поэтому нужно было имѣть много гражданскаго мужества и патріотическаго самоотверженія, чтобы, пользуясь своими связями и силами, не попытаться захватить освободившійся престолъ, не возбудить тѣмъ междоусобій и не предать страну разворенію. Ждать гражданскихъ добродѣтелей отъ тогдашнихъ царевичей, конечно, нѣтъ основанія, а при государственномъ положеніи Грузіи и болѣе просвѣщенныя личности не остались бы покойными зрителями, какъ это подтверждается въ настоящее время борьбою монархическихъ партій во Франціи. Всякій претендентъ на престолъ всегда

находитъ бездушныхъ эгоистовъ, которымъ выгодно выдвигать его впередъ, раззоряя свое отечество. Поэтому существованіе такихъ документовъ, какъ письмо, составленное карталинскими князьями (23), въ которомъ утверждается, будто по завѣщанію Ираклія II престолъ долженъ перейти къ Юлону, также письма кизикскихъ князей къ князьямъ и народу внутренней Кахетіи (24), ровно ничего не доказываютъ, кромѣ почина самого претендента, точно такъ же, какъ письмо князей карталинскихъ, удостовѣряющее, что истинный наслѣдникъ престола есть сынъ Георгія XII, царевичъ Давидъ (25). Особенно замѣчательно во всѣхъ этихъ трехъ документахъ, что претендентъ рекомендуется русскому правительству, но сохраняется рѣшительное желаніе народа оставаться въ подданствѣ русскаго императора. Это есть лучшее доказательство, что подобныя, якобы народныя, требованія получены отъ него обманомъ и обманомъ не на столько остроумнымъ, чтобы, въ увлеченіи, народъ забылъ свои собственные интересы и не забылъ заявить о нихъ вмѣстѣ съ внушенными претендентами мыслями.

Если дѣти Георгія уступали умомъ и энергіею своимъ дядямъ, то не уступали имъ въ отсутствіи всякой заботливости о пользахъ царства. Даже будучи признаннымъ наслѣдникомъ престола грузинскаго, старшій сынъ Георгія, царевичъ Давидъ «занимался болѣе своими собственностями и ни въ какія дѣла не мѣшался» (26), а когда Георгій умеръ, то «окружилъ себя молодыми людьми, никакого вниманія не заслуживающими, которые, видя, что правленіе ихъ не долго будетъ, стараются всячески его развращать и теперь набивать карманы; онъ же немного невоздерженъ въ питьѣ, то они и находятъ удобный случай его заводить» (27). Совершенно естественно, что, потерявъ надежду быть царемъ, царевичъ Давидъ перешелъ на сторону враговъ Россіи, но многаго сдѣлать не могъ. «Всѣ дѣянія царевича Давида суть пустяки и совершенно маловажны,—доноситъ генералъ Лазаревъ генералу Кноррингу,—онъ всегда старается меня обмануть, но противъ его хитростей взяты мѣры и потому онъ не можетъ достигнуть до своего предмета, ибо онъ всѣми нетерпимъ и даже ненавидимъ». Тѣмъ не менѣе, неблагонамѣренность Давида была слишкомъ очевидна и заставила русскія власти выслать его въ Россію одновременно съ царевичемъ Вахтангомъ.

«Царевичъ Іоаннъ,—по мнѣнію Лазарева,—былъ человѣкъ весьма солидный и поелику здѣсь (въ Грузіи) всѣ наблюдаютъ болѣе свою, чѣмъ государственную пользу, то онъ старается отъ всего удаляться и живетъ больше въ своихъ деревняхъ, коихъ старается елико воз-

можно болѣе присовокупить, хотя бы то было и съ обидой ближнему» (28).

Мы остановимся на этой выпискѣ, такъ какъ цѣль наша не подробная личная характеристика дѣтей Георгія XII, а подтвержденіе высказанной мысли о полномъ пренебреженіи государственныхъ и народныхъ интересовъ со стороны ближайшихъ членовъ царствовавшей династіи.

Въ женскомъ персоналѣ царствовавшей династіи имѣлись двѣ крупныя личности, которыя дадутъ случай будущимъ грузинскимъ драматургамъ изобразить національные типы, соперничествующіе съ шекспировскими въ жестокости, силѣ ума, характера и неразборчивости средствъ. Первенство безспорно принадлежитъ мачихѣ царя Георгія XII, царицѣ Даріи—этому главному центру, около котораго сосредоточивались и откуда исходили всѣ разнообразныя интриги, клеветы и злоумышленные планы противъ спокойствія Грузіи (29). Имѣя подъ руками шестерыхъ сыновей царевичей (изъ которыхъ одинъ занималъ мѣсто католикоса всей Грузіи), непосредственныхъ исполнителей ея предначертаній, и многочисленныхъ родственниковъ и приверженцевъ, царица Дарія представляла большую силу, съ которою пришлось долго считаться и русскимъ властямъ. Съ необыкновенною ловкостью прикрывалась она своимъ положеніемъ несчастной матери, единственная забота которой есть благосостояніе дѣтей, подвергающихся несправедливому преслѣдованію царя Георгія, царевича Давида и его партіи и даже русскихъ главныхъ начальниковъ. Царица Дарія не подавала рѣзкаго повода удалить ее изъ Грузіи, хотя она видимо руководила всѣми смутами и интригами. Только въ 1803 году князь Ціціановъ испросилъ разрѣшеніе «сей корень неспокойствія Грузіи исторгнуть отсель» (30) и «приступить къ дѣятельному понужденію къ неотложному выѣзду изъ Грузіи», этой царицы, «вскормленной персидскою гидрою» (31).

Царица Марія не представляется такою колоссальною личностью, какъ царица Дарія, можетъ быть, потому, что ея дѣятельность заслонена сначала мужемъ ея Георгіемъ XII, а потомъ сыномъ, царевичемъ Давидомъ, занимавшимъ самое выдающееся мѣсто въ управленіи грузинскимъ царствомъ. Но смертоубійство, которое она самолично произвела надъ генераломъ Лазаревымъ, показываетъ готовность этой женщины на все, для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей. Можно, конечно, не придавать этому факту такого крупнаго значенія, такъ какъ царица Марія, убивая лучшаго слугу Россіи, была убѣждена въ безнаказанности, но даже и при этомъ соображеніи во всякомъ случаѣ надо было этой женщинѣ имѣть слишкомъ

шекспировскій пошибъ характера, чтобы собственноручно зарѣзать ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Титулъ жены царя грузинскаго въ то время былъ еще такъ важенъ, что, вмѣсто всякаго наказанія, царицу Марію отправили въ Россію, «яко плѣнницу и смертоубійцу, безъ всякихъ почестей» (32) и «по случаю ея звѣрскаго поступка съ генераломъ Лазаревымъ, коего она зарѣзала», ей не приказано было «давать ножа даже при подаваніи кушанья» (33), а пенсіонъ, необходимый на содержаніе ея съ семействомъ, былъ назначенъ.

Напрасно, конечно, искать какихъ нибудь государственныхъ или патріотическихъ побужденій въ дѣятельности царицъ и царевенъ, когда ничего подобнаго не имѣлось въ дѣятельности царей и царевичей. Строгій моралистъ, для этихъ несчастныхъ женщинъ, содѣйствовавшихъ гибели своей родины, найдетъ по крайней мѣрѣ облегчающее обстоятельство въ материнскомъ эгоистическомъ чувствѣ любви къ дѣтямъ и желаніи имъ благоденствія, хотя это дѣлалось и не тѣми путями, которыхъ требовала чуждая имъ государственная мудрость. Но для царевичей, призванныхъ по рожденію къ государственной дѣятельности, измѣна и продажа интересовъ родины и благосостоянія своего народа представляетъ самое гнусное преступленіе, которое только усиливается, если къ нему прибавить единственную, постоянную заботу объ увеличеніи личнаго богатства, о благоустройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ во вредъ всему народу и для благосостоянія своихъ дѣтей.

Не будемъ увлекаться богатствомъ матеріала, представляемаго «Актами Археографической Коммисіи» для характеристики дѣятельности второстепенныхъ членовъ и родичей царской семьи: это не измѣнитъ общаго характера картины благоденствія грузинскаго народа подъ управленіемъ царствующаго дома изъ 67-ми членовъ, а только усилитъ и безъ того тяжелое впечатлѣніе, какое испытываетъ всякій, изучая по документамъ паденіе грузинскаго царства. Придется отнестись съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ слѣдующему показанію Соколова (34):

«Народъ весьма радовался, что тремя особами царской фамиліи въ Грузіи стало менѣе; но радость сія, вскорѣ по моемъ сюда прибытіи, исчезла, ибо изъ Россіи получены здѣсь извѣстія, что сіи царевичи опять сюда изъ Россіи отпущены». «Знаю довольно,—пишетъ Соколовъ далѣе,—коль велико желаніе здѣшняго народа избавиться навсегда отъ царевичей и царицъ, ко всѣмъ неустройствамъ въ свою пользу путь показующимъ».

Знакомство съ грузинскимъ царствующимъ домомъ заставляетъ снисходительнѣе относиться къ личности Георгія XII. Болѣзнь мѣ-

шала ему заниматься государственными дѣлами: онъ все видѣлъ чужими глазами; всякое его рѣшеніе приводилось въ исполненіе безъ всякаго контроля, чрезъ посредство его жены и сыновей, какъ лучшихъ помощниковъ царя. О томъ же, какъ они ему помогали, мы можемъ судить по тому, что самое большое зло для Грузіи—оставленіе Коваленскаго на мѣстѣ—совершилось при посредствѣ взятки въ 3,000 рублей, полученной царицей Маріей (35). Еще интереснѣе разсказъ Лазарева о томъ, какъ царица Марія не постыдилась выдать суду удостовѣреніе, что получила взятку только въ пять червонцевъ, а дѣло такое, что отнято имѣніе у самаго бѣднѣйшаго человѣка и отдано другому весьма багатому, изъ чего,—замѣчаетъ Лазаревъ,—можете судить о величествѣ ея духа (36). Георгій, конечно, выдалъ множество несправедливыхъ баратовъ, но сдѣлалъ это, бо́льшею частію, не вѣдая что̀ творилъ. Какъ царь, онъ не могъ, ибо не имѣлъ надобности, подобно женѣ своей, брать взятки за свои неправильныя рѣшенія, такъ какъ въ странѣ, гдѣ самое слово законъ потеряло всякій смыслъ, всякое его рѣшеніе было законно. По положенію своему онъ былъ деспотическій властитель, хотя не имѣлъ силъ и средствъ пользоваться своими правами. Извлекали выгоду изъ этихъ правъ, грабили и раззоряли грузинскій народъ только жена, дѣти и преданные сановники, окружавшіе его одръ болѣзни. Самъ же Георгій не могъ сознательно водворять неправду, губить и раззорять грузинскій народъ, существованіе котораго было такъ тѣсно связано съ собственными интересами его самого и его потомства. Какъ бы ни былъ низокъ его умственный и нравственный уровень, Георгій, конечно, понималъ эту понятную для каждаго мужика истину. Онъ не могъ забыть, что онъ царь грузинскаго царства и что это царство не можетъ существовать безъ народа. Поэтому Георгій не могъ совершенно отрѣшиться отъ заботы объ улучшеніи положенія Грузіи; онъ вынужденъ былъ относиться къ положенію грузинъ добрѣе, сердечнѣе, чѣмъ его окружающіе, злоупотреблявшіе именемъ и властью царя только благодаря его болѣзненному бездѣйствію. Нельзя думать, чтобы Георгій не зналъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, но болѣзнь, слабость характера и отсутствіе матеріальныхъ средствъ не позволяли ему ограничить честолюбіе и ненасытную алчность (37) родной семьи, видѣвшей прямой интересъ въ ослабленіи власти царя, какъ въ единственномъ препятствіи къ раздѣлу всей Грузіи. Но полюбовный раздѣлъ Грузіи между членами царствующей династіи былъ немыслимъ: каждый клочокъ земли и каждая кода хлѣба, которые отнялъ бы какой нибудь царевичъ у своего брата или племянника, по тогдашнимъ грузинскимъ понятіямъ, нравамъ

и обычаямъ, вызывали бы возмездіе, кровомщеніе и раззореніе ни въ чемъ неповиннаго народа. Какъ ни былъ слабъ разсудкомъ Георгій, но такое настроеніе своей семьи онъ зналъ по ежедневнымъ столкновеніямъ съ родными и по жалобамъ на нихъ князей, дворянъ и простаго народа. Будь у него войско или сгруппировавшееся городское сословіе, которое помогло европейскимъ королямъ справиться съ феодальнымъ порядкомъ, или будь хотя внѣшній союзникъ, интересы котораго были бы связаны съ существованіемъ Грузіи,—можетъ быть, послѣдній грузинскій царь сдѣлалъ бы попытку задушить противодѣйствіе своей семьи и спасти царство отъ гибели. Но ничего такого не было у него подъ рукою и онъ осужденъ былъ безмолвно присутствовать при уничтоженіи основъ государственнаго порядка и всѣхъ производительныхъ силъ народа. Если же совѣсть мѣшала бы ему утвердить своимъ бездѣйствіемъ гибель грузинскаго царства, то ему оставалось одно: отказаться отъ престола. Но и этотъ отказъ не спасалъ Грузіи. Кого бы ни назначилъ онъ наслѣдникомъ—Юлона Ираклієвича или Давида Георгієвича—междоусобіе между дядями и племянниками было во всякомъ случаѣ неотразимо. Такіе руководители какъ царица Дарія или царица Марія не остановились бы на полдорогѣ, не стремясь къ взаимному истребленію при помощи лезгинъ, персіянъ и турокъ; они окончательно истребили бы и самую Грузію. Слабость характера могла внушать Георгію позорную мысль бросить царство и бѣжать изъ Грузіи, обезпечивъ себѣ и дѣтямъ кусокъ хлѣба въ будущемъ. Даже, вѣроятно, такой проектъ существовалъ. Лазаревъ увѣдомлялъ Кнорринга (38), что будто бы царевичъ Давидъ, за нѣсколько дней до смерти Георгія, взявъ у царицы ключи, разбиралъ царскія бумаги и нашелъ между ними черновую, изъ которой узналъ, что царь взамѣнъ царства просилъ у государя императора себѣ 30,000 душъ въ Россіи и 200,000 р. ежегодно; а братьямъ своимъ пенсіонъ здѣсь или въ Россіи. Но пріобрѣтеніе Грузіи было ненужно для Россіи и потому, естественно, такая покупка царскихъ правъ, если бы она и дѣйствительно была предложена,—состояться не могла и продажи Грузіи не произошло. Георгію пришлось ограничиться только исканіемъ покровительства русскаго императора, для чего и послано имъ въ Петербургъ посольство изъ князей Гарсевана Чавчавадзе, Георгія Авалова и Елеазара Палавандова (39). Безпристрастный анализъ фактовъ показываетъ, что высылка этого посольства вызвана не личнымъ эгоизмомъ Георгія, или желаніемъ лично получить пенсіонъ отъ богатаго русскаго императора,—но, за силою современныхъ историческихъ условій, представляла единственное средство спасти су-

ществованіе—если не грузинскаго царства, то грузинскаго народа. Эта забота не могла оставить Георгія, какъ бы ни былъ онъ слабъ характеромъ и разсудкомъ. Больной, безсильный, —но Георгій все-таки былъ царь грузинскій, и желаніе сохранить это званіе въ своемъ родѣ до такой степени естественно въ каждомъ человѣкѣ, что оно существуетъ даже у послѣдняго идіота, вопреки цинической фразы Людовика XV. Предотвратить неизбѣжныя междоусобія Георгій не могъ иначе, какъ внѣшнею силою: это для него, безсильнаго деспотическаго царя грузинскаго, было яснѣе чѣмъ для кого нибудь. Но гдѣ же было искать этой внѣшней благотворной силы, которая, сдержавъ всѣ плотоядные инстинкты царской семьи и родни, не стерла бы съ лица земли грузинскаго народа съ его тысячелѣтнею исторіей, христіанскою религіей, невѣжественно, но крѣпко исповѣдуемой, съ его христіанскими обычаями и нравами посреди сильныхъ мусульманскихъ государствъ и мелкихъ владѣній? Покровительство Персіи и Турціи съ ихъ религіознымъ презрѣніемъ къ христіанству и христіанамъ; съ деспотическою неурядицею управленія хановъ и пашей, образцы которой были вездѣ кругомъ Грузіи; съ прямымъ послѣдствіемъ этой неурядицы—неисходнымъ рабствомъ и потерею всѣхъ человѣческихъ правъ поступившаго въ подданство народа,—все это, конечно, не могло плѣнять воображеніе добродушнаго и благочестиваго Георгія, особливо въ то время, когда тяжкая болѣзнь заставляла его думать о смерти и готовиться отдать отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ передъ престоломъ Всевышняго. Нельзя отвергать, что подобный страхъ отвѣта существовалъ у Георгія, потому что всѣ документы свидѣтельствуютъ о строгомъ исполненіи во всей Грузіи внѣшнихъ обрядовъ православной вѣры, что, конечно, обусловливалось не уваженіемъ къ ея высокой истинѣ, а страхомъ отвѣта въ будущей жизни. Подтвержденіемъ этому можетъ служить царица Марія, жена Георгія XII. Ей ничего не стоило зарѣзать собственноручно генерала Лазарева, но, отправляясь въ Россію, она пишетъ письмо кн. Аслану Орбеліани, въ которомъ проситъ передать своей матушкѣ, чтобы она молилась за нее Богу съ чистымъ сердцемъ и распорядилась отслужить въ разныхъ церквахъ 170 обѣденъ и 40 молебновъ (40). Поэтому, понятно, и Георгій, приготовляясь къ смерти, долженъ былъ отрѣшиться отъ грубо-матеріальнаго воззрѣнія на свое право грузинскаго царя пользоваться всѣмъ грузинскимъ народомъ для собственнаго благоденствія; но, думая о тлѣнности всего земнаго и необходимости дать строгій отчетъ Богу о томъ, что сдѣлалъ онъ какъ царь, управляя царствомъ, вѣроятно, припомнилъ немало примѣровъ святыхъ царей и царевичей, прославляемыхъ греческою

церковью за то, что они, какъ истинные пастыри, душу полагали за народъ свой, заботясь не о себѣ, не о собственномъ мамонѣ, а только о спокойствіи и благосостояніи Богомъ ввѣреннаго имъ народа. Такая идеализація своихъ обязанностей, у самаго грубаго и ограниченнаго человѣка съ религіознымъ настроеніемъ, весьма часто встрѣчается передъ смертью. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Георгій, не показавшій въ теченіе жизни никакой заботливости о благосостояніи Грузіи, передъ смертью задумался надъ положеніемъ своего несчастнаго народа; понялъ ясно все зло деспотической анархіи, въ которой находилась Грузія благодаря многочисленности, алчности и узкому эгоизму царствующей династіи, и пожелалъ сохранить свое царство отъ неизбѣжнаго раззоренія и поглощенія мусульманствомъ. Въ то время, всѣ европейскія государства были слишкомъ далеки отъ Грузіи; не имѣли никакихъ сношеній съ Закавказьемъ и никакого почти понятія о грузинскомъ царствѣ,—да и послѣднее очень смутно знало объ ихъ существованіи. Въ письмѣ царевича Теймураза къ одному изъ братьевъ есть просьба достать исторію Грузіи, словарь и планъ всему свѣту, хотя бы французскій (41), но это желаніе просвѣтиться относится уже къ тому времени, когда царевичъ Теймуразъ выѣзжалъ въ Россію, а не къ тому, когда онъ могъ расчитывать принять участіе въ правленіи Грузіи. Въ сношеніяхъ съ Грузіей была одна единовѣрная Россія, къ которой съ древнихъ временъ постоянно обращались цари въ критическія минуты и на которую Грузія всегда возлагала надежды. А потому для Георгія не было выбора: онъ долженъ былъ обратиться за покровительствомъ къ Россіи, которая, еще при жизни его, выславъ 17-й егерскій полкъ, спасла Грузію отъ нашествія персіянъ и лезгинъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя думать, чтобы Георгій XII искалъ покровительства Россіи изъ-за личныхъ своихъ видовъ: передъ смертью о нихъ думать не время. Благо народа и царства грузинскаго—хотя въ видѣ спокойствія и сохраненія обычаевъ и вѣры отцовъ—требовало внѣшней помощи со стороны единовѣрнаго и могущественнаго государства. Такимъ государствомъ именно и была Россія, которая историческими судьбами была придвинута въ то время къ Кавказскимъ горамъ. Одна только Россія могла спасти отъ поглощенія мусульманствомъ Грузію, раззоренную и распатанную во всѣхъ отношеніяхъ внѣшними врагами, междоусобіями и корыстолюбіемъ царствовавшей династіи. Что Георгій смотрѣлъ на покровительство Россіи именно съ такой христіанской точки зрѣнія, подтверждается тѣмъ, что въ послѣднія минуты онъ весьма неласково относился къ своему наслѣднику и всей семьѣ своей, а осо-

бенно заботился убѣдиться въ томъ, удалось ли ему передать Грузію подъ покровительство Россіи. Онъ постоянно обращался къ ген. Лазареву съ вопросомъ: скоро-ли возвратятся посланные имъ въ Петербургъ послы? и «какъ я видѣлъ, что его утѣшаетъ скорое прибытіе пословъ,—доноситъ ген. Лазаревъ (42),—то всегда докладывалъ, что очень скоро пріѣдутъ. Царь всегда отвѣчалъ на это: «тогда я умру покойно».

И Георгій былъ правъ. Присутствіе русскихъ властей и войска помѣшало междоусобію, ибо безъ того,—говорили царевичи ген. Лазареву,—мы бы другъ друга перерѣзали (43). Затѣмъ, учрежденіе временнаго правительства—Верховнаго грузинскаго правительства, главнокомандующаго въ Грузіи и постепенное усмиреніе и высылка членовъ бывшей династіи,—дали, наконецъ, возможность грузинскому народу, подъ охраною русскихъ штыковъ, получить безопасность личную и имущественную и начать умственное и нравственное движеніе, недоступное для него столько вѣковъ, вслѣдствіе повальнаго грабежа царствовавшей семьи и господствовавшаго сословія, о которомъ Лазаревъ отзывается такъ: «чувствую, что весьма недостаточенъ съ сими странными людьми и обстоятельствами (по случаю смерти Георгія XII) обходиться и гдѣ всякій шагъ можетъ быть пагубою. Если самъ чего не сдѣлаешь, такъ вѣрно выдумаютъ, и гдѣ только того и смотрятъ, чтобъ другъ друга ограбить, отнять все имѣніе, а еслибъ можно—то и жизнь» (44).

Изъ предыдущаго очевидно, что Георгій XII задумалъ присоединеніе Грузіи къ Россіи вслѣдствіе неотразимой исторической необходимости, а не для личныхъ цѣлей, хотя и по своему личному почину,—а поступить иначе онъ не могъ, будучи грузинскимъ царемъ въ 1800 году.

Прежде всего приходится признать, что Георгій XII не могъ совѣщаться съ своимъ народомъ не только въ силу основъ деспотической власти, но и вслѣдствіе современнаго ему состоянія грузинскаго царства. «Изъ страха, чтобы его намѣреніе преждевременно не обнаружилось его сосѣдямъ, которые не упустили бы своихъ усилій отклонить его отъ сего вреднаго пользамъ ихъ подвига,—доноситъ ген. Кноррингъ государю (45),—и изъ опасности, чтобы царевичи-братья и вдовствующая царица, мать ихъ, свѣдавъ о семъ предпріятіи, противномъ безмѣрному желанію ихъ царствовать, не изыскали бы каковыхъ препонъ, Георгій XII приступилъ къ сему (переговорамъ) тайно, по совѣщаніи съ немногими высшими, ему преданными чинами царства, и уполномочилъ посланника своего князя

Чавчавадзе и князей Авалова и Палавандова искать непосредственно подданства россійскаго монарха».

Если Георгій XII не могъ открыто совѣщаться даже съ высшими ему преданными чинами царства, то, конечно, о совѣщаніи съ чернымъ народомъ не могло быть и мысли. Желаніе этого чернаго народа поступить въ подданство Россіи мы увидимъ изъ тяжелаго, невыносимаго его положенія, требовавшаго перемѣны къ лучшему; изъ той общей готовности, радости и содѣйствія, какія народъ обнаружилъ при объявленіи ему покровительства Россіи, прекращенія престолонаслѣдія царей, при удаленіи членовъ царствовавшей династіи и содѣйствіи водворенію русской власти на мѣстѣ отжившей династіи.

Ад. П. Берже.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ II ГЛАВѢ.

1. Акты Археографической Коммиссіи. Томъ II. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 13-го февраля 1804 г., подъ № 65.
2. Томъ I. Замѣчанія ген. Лазарева о современныхъ событіяхъ въ Грузіи, подъ № 129.
3. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 8-го марта 1801 г., подъ № 419.
4. Ib, всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 28-го іюля 1801 г., подъ № 543.
5. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 25-го августа 1800 г., подъ № 59.
6. Ib., письмо отъ 7-го декабря 1800 г., подъ № 128.
7. Ib., то же, отъ 25-го августа 1800 г., подъ № 59.
8. Ib., письмо царя Георгія, отъ 21-го сентября 1800 г., подъ № 77.
9. Ib., Замѣчанія Лазарева о Грузіи, подъ № 129.
10. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 28-го іюля 1801 г., подъ № 543.
11. Ib., письма царевичей Юлона, Вахтанга, Миріана и Парнаоза къ ген. Лазареву, отъ 19-го ноября 1800 г., подъ № 192.
12. Ib., то же,—царевичей Юлона и Вахтанга къ ген. Кноррингу, отъ 26-го января 1801 г., подъ № 265.
13. Ib., рапортъ шт.-кап. Котляревскаго ген. Лазареву, отъ 20-го января 1801 г., подъ № 202.
14. Ib., письмо царевича Александра къ ген. Лазареву, подъ № 310.
15. Ib., то же, отъ 2-го декабря 1800 г., подъ № 313.
16. Ib., то же, отъ 5-го марта 1801 г., подъ № 319.
17. Томъ II. То же, къ кн. Циціанову, отъ 10-го іюля 1803 г., подъ № 285.
18. Томъ I. То же, къ Кизикскому митрополиту, отъ 24-го октября 1800 г., подъ № 311.
19. Томъ II. Документы подъ №№ 287—301.
20. Ib., письмо Соколова къ кн. Куракину, отъ 20-го сентября 1802 г., подъ № 110.

21. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 10-го февраля 1803 г., подъ № 111.

22. Томъ I. Свѣдѣнія о Грузіи, подъ № 448.

23. Ib., письмо отъ 3-го января 1801 г., подъ № 193.

24. Ib., документъ подъ № 473.

25. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 31-го декабря 1800 г., подъ № 355.

26. Ib., Замѣчанія ген. Лазарева о Грузіи, подъ № 129.

27. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 2-го марта 1801 г., подъ № 417.

28. Ib., Замѣчанія ген. Лазарева о Грузіи, подъ № 129.

29. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 20-го августа 1802 г., подъ № 501.

30. Томъ II. Донесеніе кн. Циціанова гр. Кочубею, отъ 5-го октября 1803 г., подъ № 161.

31. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 10-го іюля 1805 г., подъ № 313.

32. Ib., письмо кн. Циціанова къ ген. Тучкову, отъ 19-го апрѣля 1803 г., подъ № 188.

33. Ib., предписаніе кн. Циціанова ген. Тучкову, отъ того же числа, подъ № 190.

34. Ib., письмо Соколова къ кн. Куракину, отъ 20-го сентября 1802 г., подъ № 110.

35. Ib., секретная записка Соколова, подъ № 3.

36. Томъ I. Письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 11-го января 1802 г., подъ № 450.

37. Томъ II. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 3-го марта 1803 г., подъ № 116.

38. Томъ I. Письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 2-го января 1801 г., подъ № 142.

39. Ib., нота грузинскаго посольства о Грузіи, отъ 23-го ноября 1800 г., подъ № 121.

40. Томъ II. Письмо, отъ 10-го іюля 1803 г., подъ № 203.

41. Ib., документъ подъ № 350.

42. Томъ I. Письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 2-го января 1801 г., подъ № 142.

43. Тамъ же.

44. Тамъ же.

45. Всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 28-го іюля 1801 г., подъ № 543.

Ад. П. Берже.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18 февраля 1877 г.

Глава VIII-я [1]).

О нашей домашней жизни въ Тумѣ.

Въ Тумѣ моему батюшкѣ нельзя было, по крайней мѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ, жить такъ, какъ онъ живалъ въ Палищахъ. Тума была чѣмъ-то въ родѣ центральнаго мѣста, маленькою столицею касимовской части Мещоры; въ ней былъ каждую субботу базаръ; находился не только кабакъ, но и винный подвалъ; такъ называемый повѣренный, то-есть агентъ откупщика, завѣдывавшій нѣсколькими окрестными кабаками; сюда часто наѣзжали чиновники земской полиціи и самъ исправникъ; здѣсь, по причинѣ проходившей большой дороги изъ Касимова въ Москву, останавливалось много купцовъ и дворянъ; окрестные же помѣщики пріѣзжали просто для того, чтобы размыкать свою скуку. Батюшку моего сдѣлали благочиннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старшимъ священникомъ; къ нему, такимъ образомъ, являлись и прихожане и духовенство не только Тумы, но и многихъ другихъ селъ. Далѣе, одинъ изъ священниковъ, Иванъ Петровичъ, жилъ на барскую ногу, то-есть имѣлъ самоваръ, самъ помѣщался въ чистой теплой горницѣ, куда уже не попадало ни одно изъ домашнихъ животныхъ. Наконецъ, въ двухъ съ половиною верстахъ жилъ старый знакомый батюшки, помѣщикъ Петръ Васильевичъ Ивановъ, мой крестный отецъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704. Т. XXVIII, стр. 35—68.

Но батюшкѣ съ перваго раза нельзя было, такъ сказать, развернуться. У дѣдушки, какъ сказано выше, была для семейства и его и нашего только одна теплая изба, другая же на зиму отдавалась дворнику. Въ первой мы сначала всѣ и помѣстились, числомъ до 15-ти человѣкъ. Впрочемъ, это продолжалось слишкомъ недолго. Наступила скоро весна, дворникъ лѣтомъ не держалъ постоялаго двора; такимъ образомъ, открылась возможность по крайней мѣрѣ на ночь всѣмъ намъ размѣщаться въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, батюшкою уже было куплено пятистѣнное зданіе у биреневскаго священника Алексѣя; зданіе въ маѣ все было перевезено въ Туму, поставлено посреди двора между обѣими избами; оно называлось хоромами и состояло изъ четырехъ комнатъ: передней, очень большой залы, спальни и кладовой; ни въ одной изъ комнатъ, кромѣ передней, не было лавокъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, прежнюю дѣдушкину избу замѣнили новою двухъэтажною; нижняя называлась кухнею, а верхняя замѣнила хоромы, состояла тоже изъ четырехъ комнатъ, но устроена была по плану деревенскихъ избъ; въ ней находились лавки и даже палати.

Тумская жизнь нашего семейства не была барскою и не во многомъ отличалась отъ палищенской. Прежде всего скажу, что мы всѣ по прежнему всегда почти обѣдали и ужинали вмѣстѣ съ своею прислугою, даже когда они и наша семья состояли изъ 18—19-ти человѣкъ; обыкновенно только маленькія дѣти до 6—7-ми лѣтъ и бабушка послѣ того, какъ лишилась зрѣнія, отдѣльно отъ прочихъ обѣдали и ужинали. Исключенія бывали въ тѣхъ случаяхъ, когда наѣзжали или уже очень почетные гости, особенно свѣтскіе, или хоть и менѣе почетные, но въ большомъ количествѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ столъ для гостей накрывался уже въ хоромахъ или, послѣ, въ верхней избѣ и за него садились батюшка и матушка и потомъ я, когда сдѣлался уже довольно взрослымъ; затѣмъ, всѣ прочіе кушали въ кухнѣ за однимъ столомъ. Замѣчательно, что старики, и дѣдушка и бабушка, даже не очень любили, если имъ приходилось обѣдать вмѣстѣ съ гостями, не въ кухнѣ; въ послѣдней они находили свое положеніе вольготнѣе, по выраженію дѣдушки. Но если гости были изъ родныхъ, и при томъ не въ большомъ количествѣ, то обыкновенно садились за столъ въ кухнѣ, и если можно было усѣсться за столомъ, то вмѣстѣ съ прислугою. За общимъ нашимъ обѣдомъ о тарелкахъ,

вилкахъ, ножахъ и помину не было: ложки были деревянныя, круглыя; ножъ кухонный употреблялся для рѣзанія хлѣба; говядина разрѣзалась на куски на деревянной тарелкѣ тѣмъ же ножомъ, но бо̀льшею частію придерживалась вилкою. Затѣмъ щи жидкое холодное, каша и другія кушанья, которыя нужно было брать ложками, наливались или клались въ одну общую деревянную чашку. Изрѣзанные же кусками студень и жаркое изъ говядины, баранины, поросенка и пр. каждый бралъ съ общей тарелки рукою. Но когда бывалъ отдѣльный обѣдъ для гостей, ставили плоскую деревянную тарелку предъ каждымъ гостемъ, чтобы на нее класть ложку, а для жаркаго употреблялъ всякій не свою, какъ выражались, пятерню, а уже вилку. Для очень уже почетныхъ гостей, напримѣръ, помѣщиковъ, проѣзжихъ архимандритовъ, ставились глубокія оловянныя тарелки и въ нихъ наливались горячія кушанья отдѣльно для каждаго.

Пища, которую мы всѣ употребляли въ отсутствіи гостей, была очень незатѣйлива. Начну съ постныхъ дней. Минутъ за 20—30, въ большую чашку накладывали сухарей изъ чернаго хлѣба и потомъ наливали туда воды; это называлось намочить сухари. Послѣ, когда они дѣлались мягкими, или, какъ говорилось, размокали, воду сливали и употребляли для питья, а въ сухари вливали квасъ, прибавляли луку и особенно огурцовъ. Вотъ это—первое блюдо. Оно въ зимнее время замѣнялось квасомъ съ бѣлою капустою и съ огурцами, куда уже не опускали сухарей. Затѣмъ слѣдовали щи, приправленныя или подбитыя пшеничною мукою во время варки ихъ, или забѣленныя сокомъ изъ конопляныхъ сѣмянъ. Если лѣто было грибное и дѣлался большой запасъ сушеныхъ грибовъ (что̀ почти всегда и бывало), то постныя щи варились съ грибами. Потомъ часто заканчивалось все гречневою кашею съ коноплянымъ или льнянымъ масломъ, и нерѣдко съ тѣмъ же сокомъ, которымъ забѣливались щи. Когда вошелъ въ употребленіе картофель, то его подавали или въ видѣ жаркаго, или просто свареньмъ, такъ что, взявши изъ чашки картофелину, нужно было сначала очистить ее и потомъ уже ѣсть. Нерѣдко, очистивши напередъ картофель, растирали его въ чашкѣ и, наливши туда квасу, подавали въ видѣ холоднаго; въ зимнее же и осеннее время свареная и изрѣзанная свекла опускалась въ квасъ и составляла холодное. Лѣтомъ же,

когда выростали большія листья свеклы, ихъ срывали, разваривали, изрѣзывали и, смѣшавши съ квасомъ, подавали тоже въ видѣ холоднаго подъ названіемъ баланды. Когда появлялись грибы и ягоды, то изъ нихъ приготовлялись разныя кушанья. Одни грибы варились, другіе обжаривались, третьи—сушеные, моченые или обваренные—соблюдались для зимы. И въ Тумѣ, также какъ въ Палищахъ, употреблялась нами почтенная кулага. Равнымъ образомъ, квашеная брусника составляла лакомое блюдо или съ медомъ или, бо̀льшею частію, въ смѣси съ гречневою мукою, подъ названіемъ тѣста. Да и забылъ-было я сказать о самыхъ сытныхъ и, такъ сказать, самыхъ плотныхъ кушаньяхъ: горохѣ и толокнѣ. Первый весьма часто употреблялся свареный въ водѣ безъ всякихъ приправъ, развѣ съ прибавкою муки. Второй состоялъ изъ овсяной муки, особеннымъ образомъ приготовленной; въ нее наливали бо̀льшее или меньшее количество воды, отчего получалось жидкое или густое толокно; блюдо это употреблялось часто лѣтомъ, когда не было ни огурцовъ, ни луку, ни картофелю. Рыбу слишкомъ рѣдко употребляли, и то почти только соленую, въ праздничные дни; впрочемъ, по правдѣ сказать, свѣжей рыбы въ Тумѣ трудно было и доставать, особенно въ лѣтнее время; даже къ масляанницѣ иногда ѣздили за нею въ Касимовъ. Въ праздничные дни, особенно при гостяхъ, пеклись пироги изъ пшеничной муки, начиненные или капустою, или черникою и малиною,—къ ягодамъ прибавляли меду, отчего и пироги носили названіе сладкихъ. Впрочемъ, вообще въ простые дни почти никогда не бывало за обѣдомъ болѣе трехъ перемѣнъ.

Приступая къ описанію скоромныхъ кушаньевъ, употреблявшихся въ нашей семьѣ, нахожу нужнымъ предварительно сказать, что долго еще послѣ переѣзда нашего въ Туму трудно было достать лѣтомъ и даже осенью свѣжей говядины у какого либо торговца; ее привозили на базаръ мерзлою въ зимнее время. Только уже предъ концомъ моей семинарской жизни въ мясоѣды можно было въ субботу запасаться свѣжимъ мясомъ на цѣлую недѣлю, если только была возможность сберегать его на снѣгу отъ порчи. Поэтому почти во всѣхъ домахъ, даже достаточныхъ, свѣжая мясная пища состояла изъ телятины, баранины, поросятины, утятины, гусятины и другихъ небольшихъ домашнихъ животныхъ. Потомъ каждый достаточный хозяинъ къ концу осени,

когда уже наступали морозы, зарѣзывалъ одну или нѣсколько коровъ и свиней и запасался солониною и окороками. И тѣ и другіе въ лѣтнее время служили главнымъ запасомъ для тѣхъ, кто находилъ возможнымъ по своему состоянію имѣть мясную пищу въ скоромные дни.

Въ будничные скоромные дни, во щи, если въ нихъ варилась говядина, особенно свѣжая, опускались сухари. Слишкомъ мало я помню случаевъ, когда у насъ въ эти дни щи бывали безъ всякаго мяса и забѣливались только сметаною, да и то въ началѣ тумской жизни, когда хозяйствовали еще по образцамъ, заведеннымъ дѣдушкою. Щамъ нерѣдко предшествовалъ квасъ, въ который крошились, то-есть опускались, куски солонины, говядины, а въ праздники студеной поросятины; иногда напередъ растирали нѣсколько круто сваренныхъ яицъ и ихъ разводили уже квасомъ. Какъ въ щахъ, такъ и въ квасѣ, сначала всѣ хлебали ложками одну жидкость, или, какъ ее называли, жижу, жижицу; а потомъ, когда уже оставалось кушанья въ чашкѣ менѣе половины, тогда старшій говаривалъ: берите,—этимъ выражалось позволеніе ложкою захватывать, но не болѣе какъ по одному кусочку говядины; дѣти, а иногда и взрослые, послѣ магическаго берите, почаще ложку опускали въ щи или въ квасъ, чтобы поболѣе кусковъ оттуда вытащить; но обыкновенно рѣдко доставалось каждому болѣе четырехъ—пяти кусковъ. За щами слѣдовали или жареный картофель, или кислое—квашеное молоко, рѣдко то и другое вмѣстѣ, но непремѣнно почти всегда заканчивалось кашею, не такъ часто пшенною, какъ гречневою; въ кашу подбавлялось или коровье масло, или свѣжее молоко; послѣднее блюдо было едва-ли не самымъ любимымъ и вкуснымъ.

Нашъ незатѣйливый списокъ кушаньевъ въ праздничные скоромные дни пополнялся или замѣнялся другими кушаньями. Къ нимъ принадлежали преимущественно: 1) жаркое изъ телятины или баранины, гуся, утки, поросенка, который всегда почти начиненъ былъ гречневою кашею; 2) ушникъ—то же, что супъ, въ которомъ варились внутренности гуся, утки, курицы, и самая курятина; 3) лапша или съ говядиною, или на молокѣ; 4) молочная каша, или яичница, драчона, и прочее. Но вообще въ скоромные будничные дни, также какъ въ постные, обѣдъ состоялъ бо́льшею частію изъ трехъ, а въ праздничные иногда изъ че-

тырехъ—пяти перемѣнъ. За столомъ сидѣли мы при старшихъ очень тихо; вести разговоръ предоставлялось только имъ; впрочемъ, иногда принимали участіе и всѣ, болѣе или менѣе, только съ соблюденіемъ приличій. На счетъ продолжительности сидѣнья за столомъ не соблюдалось церемоній; если кто не хотѣлъ больше ѣсть, тотъ выходилъ изъ-за стола, такъ что иногда къ концу обѣда или ужина не оставалось и половины людей. Считаю нужнымъ прибавить, что у моего батюшки, какъ благочиннаго, какъ священника въ богатомъ селѣ, столъ былъ лучше, нежели у многихъ другихъ духовныхъ лицъ. Мнѣ самому не разъ случалось обѣдать и ужинать въ тѣ времена у своихъ родныхъ, и не видать ни одного мяснаго куска; вся скоромная пища состояла только изъ молока квашенаго, молока съ кашею, щей, забѣленныхъ сметаною, и пр.

Въ лѣтнее теплое время кухня служила ночлегомъ или спальнею для немногихъ изъ насъ. Дѣдушка и бабушка ночевали обыкновенно въ холодной горницѣ противъ избы, отдававшейся дворнику; батюшка и матушка въ хоромахъ, послѣ—въ верхней избѣ, гдѣ одна комната и называлась спальнею; я спалъ гдѣ случалось—и на сушилѣ на сѣнѣ, и въ холодной горницѣ, и въ верхней избѣ, а впослѣдствіи, когда я сдѣлался уже полувзрослымъ и взрослымъ,—въ хоромахъ, иногда съ старшею сестрою, а послѣ одинъ; сестры мои—или въ верхней избѣ, или въ холодной горницѣ, или на потолкѣ надъ сѣнями; маленькія дѣти—въ сѣняхъ, или горницѣ, иногда въ верхней, а въ не очень теплое время перебирались въ кухню; постоянными же квартирантами кухни ночью были купленная старуха Прасковья и ея внуки; послѣднія, впрочемъ, не всегда. Такимъ образомъ лѣтомъ семейство ночью распредѣлялось въ различныхъ мѣстахъ. Но съ сентября мало по малу почти всѣ собирались въ кухню. У дѣдушки и бабушки постель устраивалась въ той части кухни, которая называлась чуланомъ. Для дѣтей побольше—спальнею служили иногда палати, для маленькихъ—на такъ называемомъ куткѣ устраивалась отъ вхожей двери до продольней стѣны общая кровать, человѣкъ на пять—шесть и даже болѣе; тутъ, какъ мы выражались, спали въ повалку; наконецъ, прочіе располагались по лавкамъ, а старуха Прасковья на печи. Лѣтъ съ 14-ти я уже почти всегда ночевалъ въ верхней избѣ съ старшими сестрами,—я въ залѣ на лавкѣ или на полу, а сестры въ передней на такихъ

же мѣстахъ; на палатяхъ тутъ рѣдко кто спалъ. Такимъ образомъ, въ кухнѣ въ рѣдкую ночь въ холодное время спало менѣе десяти человѣкъ; предъ праздничными и воскресными днями, особенно въ Великій постъ, предъ субботою набиралось множество деревенскихъ бабъ, а иногда и мужчинъ, которые, опасаясь, что изъ своихъ домовъ не поспѣютъ къ заутренѣ, приходили съ вечера въ село и здѣсь въ разныхъ домахъ размѣщались. Въ эти ночи полъ устилали соломою, на которой, а также и по лавкамъ, на палатяхъ и пр., располагались пришедшіе, такъ что иногда рѣшительно пройти не было возможности, не наступивъ, какъ тогда говаривали, кому либо на языкъ. Въ такія ночи даже маленькихъ братьевъ и сестеръ, спавшихъ на куткѣ, уносили всѣхъ въ верхнюю избу.

Въ нетеплое и холодное время, кухня служила не только общимъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ почти насъ, но и, такъ сказать, классною комнатою для учившихся читать, а отчасти и писать. Дѣдушка и бабушка почти всегда тутъ были. Сестры здѣсь пряли, а иногда шили и вышивали, и пр. По вечерамъ она освѣщалась почти всегда лучиною, тогда какъ въ верхней избѣ и въ хоромахъ употреблялись только свѣчи. Относительно домашнихъ животныхъ соблюдались тѣ же обычаи, которые я уже описалъ выше. Вновь рожденныя—и телята, и поросята, и ягнята—въ сильные морозы укрывались въ кухнѣ; впускались, хоть и не часто, и объяловившіяся коровы, то-есть недавно принесшія теленка, чтобы съѣсть тутъ приготовленное для нихъ мѣсиво; а мамаши поросятъ иногда и ночевали; гусыни-же несли яица, насиживали ихъ, выводили дѣтей и нѣсколько времени послѣ вывода были неизбѣжными жителями избы. Надобно еще прибавить, что домъ нашъ стоялъ на низкомъ мѣстѣ, отчего въ нижней избѣ была порядочная сырость, такъ что отъ густаго слоя инея на оконныхъ стеклахъ съ оконъ текла вода; чтобы она не разливалась по лавкамъ и полу, клали на окна тряпки, поглощавшія воду, или подставляли чашки, въ которыя по прорѣзаннымъ жолобкамъ она стекала. Легко понять, что воздухъ въ кухнѣ не могъ отличаться доброкачественностію, хотя мы этого, разумѣется, не замѣчали. Раза два въ мою семинарскую жизнь забиралась къ намъ горячка, и тогда чуть не всѣмъ, кромѣ батюшки, дѣдушки и бабушки, приходилось съ нею ознакомиться. Впослѣдствіи вы

строена была уже скотная теплая изба, но не обходилось и при ней безъ того, что кого либо изъ новорожденныхъ животнаго царства на короткое время не помѣщали на кухнѣ. Изъ моего описанія нашей жизни можно понять, какъ жили священники въ бѣдныхъ приходахъ и вообще причетники и дьяконы. Предъ моимъ поступленіемъ въ семинарію, почти всѣ священники и нѣкоторая часть, можетъ быть, дьяконовъ имѣли, кромѣ кухни, отдѣльныя теплыя избы, но дьячки бо́льшею частію жили еще по старинѣ.

Глава IX-я.

О хлѣбосольствѣ.

Батюшка мой принадлежалъ къ числу усердныхъ хлѣбосоловъ. Въ Палищахъ ему трудно было выказать это качество, но въ Тумѣ, гдѣ такъ много людей являлось къ нему за нуждою и безъ нужды, хлѣбосольство его развернулось вполнѣ и, по правдѣ сказать, обходилось не дешево. Описываемое мною время въ деревняхъ было временемъ борьбы или, пожалуй, мировой сдѣлки между старою и вновь появившеюся методою угощать своихъ гостей. Тогда начиналъ входить въ употребленіе чай. Батюшка, бывши еще въ Палищахъ, купилъ уже самоваръ; въ цѣломъ приходѣ предупредили его только овинцевская барыня и голваревскій помѣщикъ. Не говорю уже о насъ—дѣтяхъ, которыя первоначально даже съ нѣкоторою робостію смотрѣли на этотъ горячій и шумливый приборъ, но и взрослые люди, даже дьяконы и дьячки, удивлялись и не понимали, отчего онъ такъ скоро нагрѣвалъ воду и приводилъ ее въ сильнѣйшее кипѣніе. „Тьфу ты пропасть, какая затѣя, какая штука!“ поговаривали стоявшіе около самовара. Но чай пить тогда было не очень легко. Не помню, по какой цѣнѣ покупался чай, но хорошо знаю, что, живя въ Палищахъ, батюшка платилъ въ Рязани и Касимовѣ не менѣе двухъ рублей ассигнаціями за фунтъ сахару. Неудивительно, что немногіе рѣшались заводить у себя такое дорогое угощеніе, которое только наполняло желудокъ горячею водою и возбуждало потъ, но не придавало головѣ никакого куражу. Дороговизна чаепитія увеличивалась еще отъ того, что сначала пили

чай въ такъ называемую накладку, то-есть въ чайную чашку клали столько сахару, чтобы налитая въ нее жидкость была достаточно сладкою. Впрочемъ, скоро появилось искусство пить чай сквозь кусочекъ, или въ прикуску, но все-таки пивали его въ духовенствѣ немногіе; еще менѣе было пившихъ каждый день.

По переѣздѣ въ Туму, у батюшки самоваръ пошелъ въ большой ходъ. Здѣсь священникъ Иванъ Петровичъ давно уже пилъ чай; здѣсь тоже и повѣренные откупщиковъ чаепитіе считали необходимостію и для себя и для своихъ гостей. Другой священникъ, дядя мой Никифоръ Мироновичъ, вскорѣ тоже купилъ самоваръ. Но прочій духовный и мірской людъ неохотно знакомился съ новымъ напиткомъ. Почти до самаго 1829 г., когда мнѣ навсегда пришлось разстаться съ Тумою, изъ коренныхъ, постоянныхъ ея жителей были самовары едва-ли только не у священниковъ, дьячка Луки Семенова, мѣщанина Сазанова и крестьянина Леонтья Максимова; въ приходѣ же—лишь у двухъ бурмистровъ: шульгинскаго Ивана Астафьева и киряевскаго Дементья Ефимова. Если же кому хотѣлось попотчивать почетнаго гостя чайкомъ, то въ селѣ брали у кого либо самоваръ, или заводили мѣдный чайникъ, который кипятили на таганѣ на шесткѣ печи. Въ деревняхъ же иногда прибѣгали къ горшку и чугуну. Я самъ былъ однажды съ батюшкою у киряевскаго мужика Афанасія—церковнаго старосты. Мы сидѣли кругомъ стола у передняго угла, а хозяйка на шесткѣ печи подкладывала лучину и щепу между ножками тагана подъ стоявшій на немъ горшокъ съ водою и наконецъ вскипятила ее. Тогда деревяннымъ уполовникомъ, то-есть ковшомъ съ длинною рукояткою, которымъ наливаютъ щи изъ горшка въ чашку, она стала наливать кипятокъ въ глиняный чайникъ, куда положенъ былъ чай. Изъ этого-то чайника и разливали намъ чай по чашкамъ. Иногда происходили болѣе смѣшныя сцены. Иная баба или сама по себѣ, или даже посовѣтовавшись съ мужемъ, клала чай прямо въ горшокъ или чугунъ, въ которомъ приготовлялся кипятокъ, но видя, что выходила какая-то пустая жидкость, находила нужнымъ подбавить туда гречневыхъ крупъ, луку и другой какой либо приправы. Самъ, впрочемъ, я не бывалъ при такого рода чаепитіяхъ, но слыхалъ въ дѣтствѣ о многихъ подобныхъ случаяхъ.

Старинное же угощеніе состояло главнѣйшимъ образомъ въ

нашей православной водкѣ, или сивухѣ. Для закуски подавались разныя вещи, смотря по лицу угощаемому, времени дня и другимъ обстоятельствамъ. Иногда клали на столъ только ломоть хлѣба съ солью, иногда ставили тарелку съ нарѣзанными кусками говядины, или чашку огурцовъ и т. п. Опоражнивали рюмку за рюмкой, или стаканъ за стаканомъ, не столько ѣли, сколько пили. Въ двадцатыхъ годахъ уже у многихъ, не только духовныхъ лицъ, но и крестьянъ, для экстренныхъ случаевъ покупались виноградныя вина—русскія, извѣстныя подъ названіемъ бѣлаго, хотя цвѣтъ его красноватый. За недостаткомъ его, въ случаѣ надобности, особенно благочестивые люди, или для благочестивыхъ людей, брали такъ называемое церковное, красное вино.

Батюшка мой соединилъ и новую и старинную методу угощать. Для помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ, почетныхъ бурмистровъ, купцовъ и пр.—ставили обыкновенно самоваръ и потомъ потчивали чаемъ. Предъ чаемъ непремѣнно надобно было попотчивать водкою, или простою, или въ видѣ настоекъ, особенно знаменитаго въ то время ерофеича, т. е. вина, настоеннаго на травѣ, называвшейся звѣробоемъ. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю начиналось угощеніе пуншемъ. Ромъ тогда еще мало былъ извѣстенъ въ селахъ и деревняхъ; его замѣняла кизлярская водка. Гдѣ же не случалось ея—тамъ иногда подливали въ чашку простую водку, сивуху, но у батюшки этого никогда не было. Бывали дни, что для гостей приходилось у насъ ставить самоваръ не по одному разу. Но мы сами, одни, до поступленія моего въ академію, рѣдко пивали чай. Обыкновенно его употребляли въ праздничные дни, послѣ бани, иногда послѣ окончанія какой либо работы и т. п. Чаемъ потчивали, особенно сначала, далеко не всѣхъ дѣтей; даже и я до реторики не всегда приглашаемъ былъ къ нему; но потомъ мало по малу пивали всѣ дѣти, хотя не при всякомъ разѣ. Дѣдушка долго не любилъ чаю. „Эка охота наливать брюхо горячею водою! лучше рюмочку выпить“, говаривалъ онъ. Но послѣ и ему началъ нравиться чай, такъ что случалось даже слыхать: „а что бы, Ванюша,—говаривалъ онъ моему батюшкѣ,—напиться нынѣ чайку? вѣдь хорошо поработали“. Для угощенія по старинѣ батюшка мой не имѣлъ нужды дѣлать большихъ расходовъ; по тогдашнимъ обычаямъ откупщики давали ему, какъ благочинному, очень достаточное для домашняго рас-

хода количество водки. Батюшка любилъ дѣлать разнаго рода настойки, подъ названіемъ рябиновки, малиновки, вишневки, смородиновки, углянки, и пр.; нѣкоторыя бутылки хранились по нѣскольку лѣтъ.

Я до сихъ поръ говорилъ объ угощеніи случайныхъ гостей, приходившихъ на нѣсколько часовъ. Но у сельскаго духовенства, а также и у прочихъ деревенскихъ жителей, есть особенные случаи, при которыхъ во всемъ блескѣ должно обнаруживаться хлѣбосольство,—это храмовые праздники у духовенства, а у крестьянъ иногда и храмовые праздники, но больше Пасха. Опишу праздники у духовенства, и при томъ—какъ они происходили не только въ моей молодости, но и прежде. Начну со старины.

Въ храмовые праздники къ священно и церковнослужителямъ съѣзжаются и теперь, а прежде еще усерднѣе съѣзжались ихъ родственники и знакомые очень въ большомъ количествѣ. Не 10, а 20 и даже до 30-ти человѣкъ бывало гостей, такъ что лошадьми и телѣгами или санями застанавливалась значительная часть даже большаго двора, а маленькій весь наполнялся. Поэтому и говаривали, что у такого-то попа гостей полный дворъ, или цѣлый обозъ. То же самое происходило по случаю свадебъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ онѣ праздновались. Весь этотъ обозъ, вмѣстѣ съ лошадьми, оставался на полномъ содержаніи хозяина не одинъ какой нибудь денекъ. Въ лѣтнюю рабочую пору полевыя настоятельныя работы еще заставляли гостей убираться поскорѣе домой. Но осенью, по окончаніи работъ, и зимою, особенно въ праздники Покрова, Казанской Божіей Матери, Введенія Богородицы и Николая Чудотворца, живали не по три и четыре дня, а даже по недѣлѣ, иногда даже и къ неудовольствію хозяина. Когда я уже былъ профессоромъ академіи, то во время пріѣзда къ батюшкѣ я слышалъ разсказъ, какъ недавно у одного сосѣдняго священника праздновали свадьбу его сына. Гости загулялись и загостились чуть не цѣлую недѣлю. Хозяинъ—большой хлѣбосолъ—угощалъ ихъ на славу, но наконецъ и онъ увидалъ, что у него недостаетъ средствъ для угощенія. Въ одинъ день, когда гости, возставъ отъ сна, выпили и закусили за порядочнымъ завтракомъ и потомъ стали составлять планы, какъ провести день у хлѣбосольнаго хозяина, этотъ съ полною откровенностію сказалъ: „какъ угодно, господа гости, у меня все уже вышло, и водка, и

чай, и сахаръ, даже и съѣстное; угощать мнѣ васъ, право, больше нечѣмъ; извините, запасался-было многимъ, да все ушло на васъ же". Гости послѣ этого слова не нашли нужнымъ долѣе оставаться и разъѣхались.—И дѣйствительно, не мало нужно было издержекъ, чтобы угостить наѣзжавшихъ гостей; любили и давнишніе покойники и мои современники попить и погулять! Начну съ того, какъ угощеніе въ храмовые праздники и другіе торжественные случаи происходило встарь, т. е. когда мой батюшка былъ мальчикомъ.

По словамъ его, которыя, бывало, дѣдушка подтверждалъ своею улыбкою и прибавленіями: „такъ, такъ;—правда;—иначе нельзя было;—водилось" и пр., угощеніе происходило слѣдующимъ образомъ. За часъ или за два до того времени, когда гости должны были вставать съ постели, хозяинъ подходилъ къ нимъ съ штофомъ водки, толкалъ и будилъ каждаго по очереди, покорнѣйше прося выпить рюмочку или стаканчикъ. Гость, проснувшись, даже почти полупроснувшись, опираясь на одну руку, другою, въ полулежачемъ положеніи, выпивалъ, и потомъ, утерши губы своимъ рукавомъ, ложился опять и засыпалъ тотчасъ. За нимъ толкали и будили другаго, третьяго и т. д. Сцена была дѣйствительно оригинальная. Кроватей и перинъ для всѣхъ гостей достать не было возможности; для нихъ приносили нѣсколько вязанокъ соломы или сѣна, раскидывали ихъ на полу толстымъ слоемъ, иногда чѣмъ нибудь покрывали, а то прямо укладывали дорогихъ гостей—мужчинъ на это импровизированное ложе; женщины бо́льшею частію спали въ чуланѣ, по лавкамъ, или въ горницѣ, если тепло было. Представьте себѣ комнату, слабо освѣщенную или лучиной, или какимъ либо сальнымъ огаркомъ, а иногда и небольшою восковою церковною свѣчкою. Освѣтительное орудіе держитъ или неубранная и недоспавшая жена хозяина, или какая нибудь работница въ понёвѣ, или работникъ. Послѣдніе двое обыкновенно посматриваютъ съ язвительною улыбкою. Гости сопятъ и храпятъ, какъ любили тогда выражаться, во всю ивановскую; хозяинъ, со штофомъ въ рукѣ, на колѣняхъ на полу по очереди расталкиваетъ гостей; эти по очереди полуподнимаются, выпиваютъ и опять начинаютъ свою ивановскую.

Окончивъ это первое праздничное вступленіе, хозяинъ гдѣ либо укладывался, чтобы вознаградить себя за прерванный сонъ,

но хозяйка почти всегда должна была начинать приниматься за стряпню, если у нея не было для этого особой, опытной стряпухи. Наконецъ, гости начинають просыпаться, потягиваются, покашливаютъ, произносятъ слова по два, и пр., но вставать еще не думаютъ. Если хозяинъ самъ не догадается встать въ это время, то какой либо посановитѣе или поназойливѣе гость громко покрикиваетъ: „Эй, хозяинъ, гдѣ же ты? вставай, пора дѣломъ заняться“. Хозяинъ по этому призыву или самъ собою является опять со штофомъ и стаканомъ или рюмкою, и опять, припавши на колѣни, потчуетъ одного за другимъ своихъ гостей; говоръ усиливается, непроснувшіеся доселѣ гости просыпаются сами, или пробуждаются сосѣдями. Хозяинъ садится на полу или на соломѣ, начинается общій разговоръ и прежде, нежели найдутъ нужнымъ встать съ постели, водка въ штофѣ еще уменьшится, а иногда принесется и новая посудина. Наконецъ, или сами собою, или по докладу хозяйки о томъ, что скоро будетъ готовъ завтракъ, гости поднимаются, обуваются, одѣваются, начинаютъ умываться, откашливаются, отхаркиваются, охаютъ, но всякій непремѣнно помолится Богу, даже сдѣлаетъ сколько нибудь земныхъ поклоновъ. Потомъ надобно убирать свои длинные, всклокоченные волосы; зовутъ своихъ женъ заплести косы, а иногда и сами другъ другу заплетаютъ.

Между тѣмъ, расторопная хозяйка накрываетъ столъ для завтрака, устанавливаетъ разныя кушанья—или оставшіяся отъ вчерашняго дня, или приготовленныя уже утромъ. Хозяинъ, увидавши, что все уже готово, усаживаетъ гостей за столъ и, разумѣется, опять пошла рюмочка въ ходъ. Попьютъ, поѣдятъ, покричатъ, даже немного и побранятся, и такимъ образомъ покончатъ завтракъ уже на-веселѣ. Болѣе догадливые, или болѣе отяжелѣвшіе, ищутъ гдѣ либо уютнаго мѣстечка, чтобы завалиться на боковую и запѣть свою ивановскую. Но большинство не ложится. Если не къ кому въ селѣ идти въ гости, то начинаются разговоры о всѣхъ возможныхъ предметахъ; подимаются споры; говорящихъ почти столько же, сколько и присутствующихъ,—слушателей бываетъ не много; развѣ только жены, но и у нихъ также развязывается языкъ, такъ что ко всей этой сценѣ можно было приложить пословицу: слушай дуброва, чтò вѣтеръ шумитъ. Если же кто либо въ селѣ звалъ гостей къ себѣ, то

уходятъ къ нему, чтобы до хозяйскаго обѣда покончить визитъ. У новаго хозяина начинается новое угощеніе ястіемъ и питіемъ, по выраженію церковныхъ книгъ. Поэтому гости возвращаются къ настоящему своему хозяину уже очень на-веселѣ. Впрочемъ, еслибы они и остались здѣсь, то имъ тоже не дали бы просто сидѣть, да калякать. Если бы самъ хозяинъ не догадался, то какой либо гость сказалъ: „А что̀, хозяинъ, въ горлѣ что-то пересохло; не мѣшало бы промочить". Такимъ-то образомъ дѣло доходило до обѣда.

Обѣдъ если не отличался особенною изысканностію въ нынѣшнемъ смыслѣ, то былъ уже самый сытный и состоялъ изъ множества перемѣнъ. Въ постные дни, особенно по причинѣ недостатка въ свѣжей рыбѣ, трудно было оразнообразить столъ, но и тутъ изъ разнаго рода грибовъ, ягодъ, печеній, даже гороху и пр. умѣли составлять много перемѣнъ; однихъ киселей бывало до 3—4-хъ. Въ скоромные же дни изъ ветчины, говядины, телятины, баранины, гусей, поросятъ, молока, масла, муки пшеничной, гречневой, даже ржаной, картофелю, и пр., приготовлялось множество разнообразныхъ холодныхъ, горячихъ, жаркихъ, драчонъ, кашниковъ, пироговъ и нирожныхъ. Мнѣ самому случалось сиживать за сельскими обѣдами, къ которымъ подавалось болѣе десяти блюдъ. Хозяинъ и хозяйка въ дѣдушкино время никогда, да и послѣ не всегда, сами участвовали въ обѣдѣ. Они занимались только обхожденіемъ, т. е. переходили отъ одного гостя къ другому, потчивали, и каждаго отдѣльно, и всѣхъ вмѣстѣ. Хозяинъ, разумѣется, главнымъ образомъ занятъ былъ по части піемаго, а хозяйка по части ѣдомаго. Все пускалось въ ходъ: и настоятельныя просьбы, и поклоны, и лесть, и жалобы. „Что это вы ничего не кушаете? Да, вѣрно, вы насъ не любите? Вѣрно, я плохо приготовила? Покушайте, сдѣлайте милость",—и гости, которыхъ желудки были уже переполнены всякою всячиной, чтобы уважить хозяевъ, храбро принимались за ѣду и питье. Оканчивался обѣдъ; выходили изъ-за стола, если только могли приподняться; молились Богу, если у кого руки поднимались еще; принимались благодарить хозяина и хозяйку; эти извинялись, говорили, „что вы ничего не кушали, что мы не умѣли угодить вамъ,—извините, пожалуйста,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, угостили, какъ съумѣли". Но не всѣ могли встать и выйти

изъ-за стола; нѣкоторые, а иногда и цѣлая половина мужчинъ, дѣлались слишкомъ нагруженными и тяжелыми, иногда даже и засыпали за столомъ. Этихъ со смѣхомъ укладывали куда нибудь, другихъ поднимали съ мѣста и вели къ мѣсту успокоенія, но чуть не у всѣхъ языкъ прилипалъ къ гортани ихъ. Наибольшая часть отправлялись къ храповицкому и засыпали; да при томъ даже не могли не заснуть. Но тутъ спали недолго — не болѣе часика или двухъ, потому что еще предстояло много дѣла. Поотрезвившись, поотдохнувши, уходили въ другіе дома, чтобы и тамъ отпраздновать праздникъ; обходили въ разные дни не только духовныхъ, но и міранъ, особенно богатыхъ хлѣбосоловъ. Угощенія опять шли своимъ чередомъ; на столъ ставили всякаго снѣдомаго, потчивали виномъ, но не забывали и пива, или, лучше, деревенской браги. Въ тогдашнія времена ее варили обыкновенно котлами, гдѣ либо за задними воротами, заквашивали и солодили въ чанахъ, разливали но боченкамъ и кувшинамъ. Вкусомъ особеннымъ не отличалась брага, но за то была густа, горька, забориста, а эти-то качества и нужны были. Домовитые хозяева-хлѣбосолы приготовляли такъ называемое мартовское пиво. Варили брагу въ мартѣ, наполняли ею крѣпкіе бочонки, ставили ихъ въ ледники и закрывали снѣгомъ такъ, чтобы они оставались подъ нимъ до іюня или даже долѣе. Такая-то брага и называлась мартовскимъ пивомъ. За недостаткомъ ледниковъ или въ другія времена года бочонки опускали въ колодези и тоже тамъ продерживали ихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ водѣ; въ такомъ случаѣ брагу уже нельзя было назвать мартовскою, потому что ее варили когда находили возможнымъ; но и она также отличалась крѣпостію.

Брагу во время праздниковъ употребляли бо́льшею частію послѣ обѣда, приносили въ мѣдной посудѣ, называвшейся ендовою, пили большими стаканами и кружками. Нѣкоторые поворотливые гости успѣвали послѣ обѣда побывать не въ одномъ мѣстѣ. Но если бы даже и никуда не пошли, то, конечно, отдыхали побольше, но, вставши, вновь были угощаемы то тѣмъ, то другимъ, особенно же брагою. Кончалось тѣмъ, что къ ужину всѣ почти были не только на-веселѣ, но даже и пьяны; иной даже не могъ и поужинать, а заваливался гдѣ либо спать. Ужинъ, конечно, не былъ такъ обиленъ, какъ обѣдъ, но все-таки было что̀ поѣсть; хозяйки

иногда считали нужнымъ въ другой разъ истопить печку, чтобы приготовить ужинъ. Относительно же вина нечего было говорить, оно такъ же щедро разливалось и подносилось, какъ за обѣдомъ, и потому по окончаніи ужина гости выходили вполнѣ нагруженными. Хозяева поскорѣе торопились вынести изъ избы столъ или поставить его въ сторонку, вносились вязанки соломы и сѣна, густо устилали ими полъ, и скоро все начинало храпѣть и сопѣть; тутъ даже забывали, или, лучше, не могли помолиться Богу. На слѣдующій день начинались тѣ же самыя церемоніи и попойки, и это длилось, какъ я уже сказалъ, иногда цѣлую недѣлю.

При такомъ продолжительномъ, постоянномъ и сильномъ пьянствѣ, не могло же все происходить спокойно. Духовные и теперь любятъ, и прежде очень любили похвастаться своею ученостію и начитанностію, потолковать о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, поспорить и даже пошумѣть, особенно когда въ головѣ шумитъ. Присоедините сюда то обстоятельство, что, живя въ одномъ селѣ, они рѣдко бываютъ въ ладу между собою; у священно и церковнослужителей сосѣднихъ селъ тоже не безъ столкновеній, не безъ соперничества, и особенно не безъ зависти; самые родственники находятъ много поводовъ другъ съ другомъ ссориться. Послѣ этого понятно, что праздничные пиры не могли обходиться безъ ссоръ; доходило часто до перебранокъ, а иногда принимались и за аксіосы, т. е. вцѣплялись другъ другу въ волоса, или потчивали взаимно кулаками и пинками. Въ свадьбы же позволяли себѣ дѣлать множество разныхъ глупостей и даже гадостей. Я не говорю уже о томъ, что молодыхъ на другой день послѣ бракосочетанія водили, съ барабаннымъ боемъ въ заслоны и чугуны, въ баню, что на невѣстиной рубахѣ отыскивали доказательства ея цѣломудрія и дѣвической невинности; эти глупости и гадости уже начинали не вездѣ встрѣчаться. Но почему-то чуть-ли до сихъ поръ не продолжается еще обычай на тотъ же второй день разбивать всю глиняную посуду, т. е. горшки, кувшины, кружки, а иногда даже и стеклянныя вещи. Предусмотрительныя хозяйки старались къ утру этого дня всю нужную хорошую при стряпаньѣ посуду прятать куда либо подальше, а для любителей разбитыхъ черепковъ оставляли никуда негодныя уже вещи, а иногда выпрашивали ихъ и у своихъ со-

сѣдокъ. Но безъ этихъ предосторожностей все было разбиваемо, такъ что полъ въ сѣняхъ, а иногда и въ избѣ, покрывался порядочно-толстымъ слоемъ черепковъ. Въ другіе праздники производить такія глупости не считалось обязательнымъ, такъ сказать, закономъ; тутъ только радовались, когда или самъ хозяинъ, или гость неожиданно разбивалъ какую либо вещь; во время имянинъ это считалось даже хорошимъ предзнаменованіемъ для имянинника. Почему же и намѣренно не доставить наслажденія публикѣ, а хозяину-имянциннику—предполагаемаго счастья на цѣлый годъ? А иные просто по привычкѣ или по шалости били вещи. Въ нашемъ родствѣ этимъ отличался братъ моей матушки, священникъ села Подлипокъ Степанъ Никитичъ Арбековъ. Человѣкъ онъ былъ умный, любознательный, скромный даже иногда до застѣнчивости; но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ оставался трезвымъ. Какъ же скоро попадало ему за галстухъ, тогда какъ будто поселялся въ него бѣсъ шаловливости и разрушенія; все, что ни попадало подъ руку, онъ разбивалъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и потомъ помиралъ со смѣху отъ удовольствія.

Не думайте, чтобы описанныя мною попойки и дурачества принадлежали только ко временамъ моего дѣдушки. Нѣтъ, онѣ продолжались и послѣ; нѣкоторыя даже существуютъ и теперь. Мнѣ впослѣдствіи придется еще, можетъ быть, не одинъ разъ къ нимъ возвратиться, а теперь опишу какой результатъ былъ свадьбы, бывшей въ дмитровскомъ погостѣ, при отдачѣ дочери священника Ивана Петровича Смирнова за семинариста Ивана Карповича тоже Смирнова, поступившаго священникомъ въ село Гибелицы, около Касимова. Я самъ не былъ на этой свадьбѣ, но жилъ въ то время у моего батюшки въ отпуску, въ одномъ изъ сороковыхъ годовъ. На второй день послѣ свадьбы, гости, женихъ и хозяинъ до того перепились и перессорились, что ихъ насилу кое-какъ развели жены и другія лица, не бывшія пьяными. Поутру на слѣдующій день, поднялась новая тревога. Вставши и помолившись Богу, хозяинъ не досчитался трехъ изъ своихъ гостей, именно молодаго своего зятя, своего свояка—нирменскаго священника Ивана Васильевича, и еще близкаго тоже своего родственника священника Илью Осиповича Дроздова, почти что моего сверстника. Начались спросы и разспросы сначала дома,

но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, куда дѣвалась почтенная троица. Дѣлать было нечего, принялись разспрашивать и отыскивать по дворамъ односельчанъ. Я помню, какъ разные послы, приходившіе къ намъ, спрашивали: нѣтъ-ли и не былъ-ли у васъ Иванъ Карповичъ? Насилу-то, часу въ первомъ по полудни, онъ самъ явился. Съ вечера или, лучше, въ полночь, перессорившись съ тестемъ и съ гостями, онъ сдѣлался драчливымъ и, кажется, хотѣлъ поучить уму-разуму молодую свою жену; но та и другія женщины попрятались и позаперлись отъ него. Самъ онъ не могъ объяснить своихъ ночныхъ похожденій; но надобно думать, что онъ, ночью отыскивая вездѣ жену, ушелъ со двора и на гумнѣ, нашедши себѣ мягкое мѣстечко въ сѣнникѣ, заснулъ тамъ и проспалъ за полдень. Другіе же два гостя тоже разсердившись на хозяина, не захотѣли у него больше оставаться и никѣмъ не замѣченные ушли каждый по своей дорогѣ. Одного изъ нихъ, Ивана Васильевича, верстахъ въ восьми отъ дмитровскаго погоста, въ лѣсу, встрѣтилъ становой приставъ. У почтеннаго отца хмѣль уже попрошелъ; онъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ лѣсу соснулъ, и потомъ, не зная куда идти, шелъ наудачу, по пословицѣ—куда кривая ни вынесетъ. Но, будучи въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы, онъ избѣгалъ встрѣчъ и, увидавши становаго, старался скрыться отъ него за деревьями. Становой замѣтилъ это, подошелъ къ святому отцу и, будучи знакомъ съ нимъ, привезъ на своей тройкѣ къ свояку его. Другаго батюшку, Илью Осиповича Дроздова, встрѣтилъ, тоже въ лѣсу, одинъ изъ богатыхъ крестьянъ, и также привезъ въ дмитровскій погостъ. Помню, сколько было смѣху по этимъ случаямъ.

Во всѣхъ угощеніяхъ сельскаго духовенства самая дурная сторона состояла въ томъ, что развѣ рѣдкій, даже рѣдчайшій хозяинъ не считалъ своею обязанностію потчивать гостя водкою сколько возможно больше; находили какое-то наслажденіе въ томъ, чтобы непремѣнно гость пилъ, пилъ, и наконецъ сдѣлался пьянъ. Если же какой либо хозяинъ не очень настойчиво упрашивалъ выпить, то на него даже сердились; „спѣсивъ больно,—говаривали,—ему и попотчивать не хочется, поставитъ графинъ, скажетъ слова два, да больше и не проситъ,—это не по нашенски“. Чтобы не заслужить такой дурной репутаціи или чтобы не показаться отступникомъ отъ прадѣдовскихъ обычаевъ, хозяева-

духовные употребляли всѣ усилія къ-тому, чтобы гость выпивалъ подносимую ему рюмку. Если онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, хозяинъ принимался упрашивать, умаливать, кланялся, подзывалъ жену, и та кланялась; потомъ если гость былъ почетный, то часто становились даже на колѣна, кланялись въ ноги, льстили, ублажали и пр. Тутъ присоединялись и другіе гости, любившіе и желавшіе еще выпить; общимъ хоромъ начиналась мольба, обступали упрямца и надоѣдали до того, что иной, вовсе не желая пить, напивался. Этому обстоятельству радовались, какъ одержанной побѣдѣ, а за глаза любили и посплетничать. „Знаешь-ли?—говаривали,—нашъ непейка-то вотъ тамъ-то славно нализался; правда, надобно было его изъ-за каждой рюмки упрашивать, но упросили-таки; значитъ, не то—что не пьетъ, а любитъ только потчиванье". Если же гость былъ не важная особа, а такой-же, какъ и нашъ братъ, особенно молодятенка, ну, тогда рѣшались употреблять и насиліе; сначала грозили заставить поневолѣ выпить, и если слова не дѣйствовали, то приводили угрозу въ исполненіе. Упрямца принимались держать—кто за руки, кто за ноги, кто за голову, одинъ раскрывалъ ротъ, другой лилъ туда водку; этому тоже радовались, какъ побѣдѣ. Съ другой стороны, считалось тоже признакомъ невѣжества, если кто либо пивалъ безъ оттоворокъ, не предоставляя хозяину случая выказать свое искусство упрашивать. При томъ вѣжливость требовала попотчивать и самого хозяина. „Покажи-ко самъ примѣръ, а потомъ и мы за тобой", приговаривали. Были также разныя поговорки, присказки, прибаутки, которыя употреблялись для того, чтобы уговорить гостя выпить ту или другую по числу рюмку. Первая рюмка называлась входною; подъ этимъ словомъ на церковномъ языкѣ извѣстны молитвы, которыя священникъ читаетъ предъ царскими дверьми передъ началомъ обѣдни;—почему же, такъ сказать, не освятить церковнымъ словечкомъ своихъ трапезъ? Еще нелѣпѣе, хоть и рѣдко, первую рюмку предлагали выпивать въ честь единства Божія. Вторая затѣмъ рюмка выпивалась въ честь двухъ естествъ Іисуса Христа. Третья—въ честь Троицы, съ присказкою: безъ Троицы домъ не строится. Для четвертой употреблялась поговорка: безъ четырехъ угловъ изба не становится. Далѣе уже пивали просто, но иногда и тутъ напоминали о пяти главахъ на церквахъ, о семи вселенскихъ соборахъ или таинствахъ, о девяти чинахъ ангельскихъ,

о двѣнадцати апостолахъ. Когда гость уходилъ отъ гостепріимнаго хозяина, то, не въ счетъ прежде выпитыхъ рюмокъ, подносились новыя, съ новыми поговорками. Первая рюмка называлась посошкомъ; посошокъ-то на дорожку, говорилъ хозяинъ. Вторая рюмка подносилась потому, что вѣдь у человѣка двѣ ноги и потому предполагалось, что, выпивши только одну рюмку при прощаньи, гость станетъ хромать на одну ногу: надобно было подпереть посошкомъ и другую. Посошки подносились когда уже гость стоялъ на ногахъ, прощаясь, даже иногда былъ уже въ передней; нельзя было вдругъ все покончить, завязывался разговоръ и продолжался очень долго, даже по часу и болѣе; я самъ бывалъ неоднократно свидѣтелемъ такихъ проводовъ. Если почетный или любимый гость былъ изъ другаго села, то запрягали лошадь и провожали его за версту и болѣе, и тамъ опять начинались подаваться посошки.

Особеннымъ, какимъ-то демонскимъ искусствомъ и неумолимою неотвязчивостію отличался дмитровскаго погоста священникъ Иванъ Петровичъ Смирновъ, когда надобно было угостить кого нибудь. Правда, и самъ онъ рѣдко уходилъ изъ гостей не на-веселѣ, но точно также и отъ него не было возможности уйти непьянымъ всякому, кто рѣшится сначала выпить хоть немного, лишь изъ угожденія хозяину; только одно положительное: не пью — могло спасать еще. Я самъ много разъ бывалъ свидѣтелемъ его искусства и неотвязчивости. Только почти я одинъ приводилъ его въ отчаяніе. Во все время моего съ нимъ знакомства я уже не пилъ никакихъ, даже виноградныхъ, слабыхъ винъ; онъ это узналъ съ перваго дня моего съ нимъ знакомства, но рѣдкій разъ обходилось безъ того, чтобы онъ не принимался около меня ухаживать, чтобы я выпилъ, чтобы хоть пригубился, хоть капельку пропустилъ,— „вѣдь отъ этого пьяны не будете, а мнѣ доставите истинное счастіе; сдѣлайте милость, дорогой, почтеннѣйшій Дмитрій Ивановичъ, осчастливьте“, и пр., и пр. И когда всѣ его слова не производили на меня вліянія, то онъ осматривался на всѣ стороны, пожималъ плечами и выражалъ своими минами какъ будто ту мысль: „ну, чтожъ ты станешь тутъ дѣлать? ничѣмъ не убѣдишь“. И между тѣмъ чрезъ недѣлю или двѣ начинались опять тѣ же просьбы и упрашиванія. Нечего скрывать, что даже нѣкоторые изъ близкихъ моихъ родныхъ, когда я въ первый разъ

пріѣхалъ изъ Петербурга, не очень вѣрили, что я вовсе ничего не пью; иные думали, что я церемонюсь, или только для виду отговариваюсь, а на самомъ дѣлѣ тихонько отъ другихъ выпью, да еще спасибо скажу. Во время моего домоваго отпуска въ 1840 г., одна изъ моихъ сестеръ, Марья, вмѣстѣ съ мужемъ, увидала меня въ домѣ другаго моего зятя въ Тумѣ, и тамъ да еще въ домѣ дяди могла уже замѣтить, что я не пью совершенно никакихъ винъ. Между тѣмъ, когда я оттуда вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, то послѣ угощенія чаемъ стали меня потчивать пуншемъ съ кизлярскою водкою или ромомъ,—потомъ уже хоть съ краснымъ или бѣлымъ виномъ. „Да развѣ вы не видали, что я не пью? Къ чему вы просите?"—сказалъ я. Тогда сестра просила меня выпить еще чашечку чайку, но въ накладку. Отказываться уже не хотѣлось; надобно было потѣшить. Вскорѣ подали чашку чаю; я ее сначала поставилъ на столъ, но скоро сталъ ощущать, еще не пивши, особенный отъ нея запахъ, понюхалъ и узналъ, что любезная сестрица подлила въ чай бѣлаго вина. Сердиться, разумѣется, не слѣдовало; тутъ было усердіе, даже любовь, понимаемыя по своему. Но когда я возвратилъ назадъ чашку, то моимъ хозяевамъ не очень это понравилось.

Въ августѣ того же года мнѣ пришлось столкнуться съ болѣе докучливыми угощателями. Къ празднику Успенія Богоматери я поѣхалъ въ село Прудки къ моему дядѣ дьякону Василью Мартыновичу. Въ томъ селѣ священникомъ былъ Владиміръ Никитскій, курсомъ постарше меня по семинаріи. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай. Когда я пришелъ къ нему, то у него уже сидѣло за столомъ, уставленнымъ разнородными съѣдомыми веществами, порядочное количество гостей, но самого его не было дома. Меня приняла и начала угощать его жена. Сначала поднесла рюмку водки; не повѣрила, чтобы я не пилъ, принялась упрашивать на разные способы и послѣ долгихъ переговоровъ отстала отъ меня. Но не надолго. Хоть я, отговариваясь отъ водки, и говорилъ, что не пью никакихъ совершенно винъ, но почтенная матушка не обратила на то вниманія, — подошла ко мнѣ съ рюмкою бѣлаго вина. Опять начались прежніе отказы, отражаемые прежними упрашиваніями, и пр. Покончили было съ этимъ, но матушка вновь явилась съ рюмкою краснаго; опять по-

вторилась та же сцена. Непріятность положенія увеличивалась отъ того, что я скоро замѣтилъ, какъ мое воздержаніе и самое присутствіе всѣхъ стало стѣснять; вѣдь если я, петербургскій гость, не пью, такъ и имъ хоть и противъ желанія надобно тоже отказываться отъ рюмокъ. Когда-было лично за себя немного я поуспокоился, то явился самъ хозяинъ, немножко на - хмѣльку, увидѣлъ меня, расцѣловалъ и спросилъ жену, потчивала-ль она меня чѣмъ нибудь. Услыхавши отъ жены вѣсть, что, не смотря на всѣ ея просьбы, я даже въ руки не взялъ рюмки, отецъ Владиміръ вскрикнулъ: „ну, ужъ нѣтъ, этому не бывать; ты не умѣешь потчивать; вотъ смотри, совсѣмъ другое будетъ, когда я возьмусь за дѣло". И дѣйствительно взялся. Опять появилась предо мною рюмка водки, но предлагаемая уже не съ женскою вѣжливостію, а съ назойливостію пьянаго попа. Кое-какъ я отказался, но потомъ долженъ былъ отразить еще два нападенія отца Владиміра—съ рюмкою бѣлаго и съ рюмкою краснаго вина.

Почтенный хозяинъ приходилъ въ недоумѣніе, что̀ дѣлать съ такимъ гостемъ? „Да кушаете-ли вы хоть чай-то?"—спросилъ онъ у меня съ какимъ-то саркастическимъ недовѣріемъ.—Пью, пью, отецъ Владиміръ,—отвѣчалъ я, желая хоть сколько нибудь утѣшить хлѣбосольнаго хозяина.—„Ну, слава Богу, жена, скорѣе чаю!"—кричалъ онъ. Подали чай; я всегда былъ любителемъ этого напитка, а тутъ кстати томила меня жажда, и потому я выпилъ довольное количество чашекъ и полагалъ этимъ немножко расположить хозяина въ свою пользу. Когда, наконецъ, я уже рѣшительно отказался отъ чаепитія, то началась для меня новая мука. Отецъ Владиміръ сталъ меня потчивать пуншами. Сначала подали кизлярки; опять надобно было такъ же долго отказываться, какъ и отъ первой рюмки водки. Потомъ послѣдовалъ пуншъ съ бѣлымъ виномъ; затѣмъ пуншъ съ краснымъ виномъ. Когда отецъ Владиміръ увидалъ, что я отъ того и другаго отказался, то, по русской поговоркѣ, пришелъ въ тупикъ и не зналъ, чѣмъ можно угостить петербургскаго гостя. Но подумавши, вдругъ, какъ будто получивъ какое-то вдохновеніе, сказалъ: „а! знаю, знаю, я и забылъ, что это петербургскій гость; теперь съумѣю угостить уже по петербургски", и какъ я ему ни доказывалъ, что ничего не пью, ничего не буду пить, онъ ушелъ въ чуланъ, и чрезъ нѣсколько времени вынесъ оттуда чашку чаю и просилъ меня ее

принять, говоря, что это настоящій петербургскій напитокъ. Думая, что это простой чай, я взялъ чашку и, понюхавши, изумился, что меня, отказавшагося пить пуншъ изъ краснаго вина, стали угощать ромомъ. „Помилуйте, отецъ Владиміръ,—сказалъ я,—да вѣдь это вы рому налили, вѣдь вы слышали“... Но отецъ Владиміръ, не давши мнѣ докончить рѣчи, съ торжествомъ перебилъ ее, посматривая на окружавшую публику: „а вѣдь вотъ говорятъ, что не пьютъ, а сами тотчасъ узнали, что это ромъ!“ Надобно было опять отказываться нѣсколько минутъ; тогда уже принялись меня угощать то орѣхами, то яблоками, то поросенкомъ, и пр., и пр. Между тѣмъ гости, не смотря на мой примѣръ трезвости, уже порядочно подпивши, начали пошумливать и отвлекать отъ меня хозяина. Не находя и не ожидая никакого удовольствія въ этой компаніи, и кромѣ того желая повидаться съ другимъ священникомъ, дальнимъ своимъ родственникомъ, я, выбравъ благопріятную, по видимому, минуту, рѣшился потихоньку убраться изъ дому; всталъ, вышелъ въ переднюю и, отыскавши свою шинель, хотѣлъ было выйти въ дверь, какъ встрѣтился въ ней съ хозяйкою, которая несла большую ендову пива изъ погреба. „Ахъ, какъ-же это, Дмитрій Ивановичъ,—сказала попадья,—вы бѣжите ужъ отъ насъ, при томъ не простясь; нѣтъ, извините... Эй, отецъ Владиміръ“,—закричала она... Опасаясь появленія его въ передней, я началъ упрашивать матушку отпустить меня, потому что мнѣ нужно побывать у отца Тимофея... Просьба моя подѣйствовала; „Ну, извольте, Дмитрій Ивановичъ, только ужъ выкушайте стаканчикъ бражки“, и, наполнивши ею большой стаканъ поднесла мнѣ. Думая этимъ отдѣлаться, я поскорѣе взялъ стаканъ и чуть не залпомъ выпилъ его. Но когда я сталъ возвращать его назадъ, то матушка сказала: „нѣтъ, какъ угодно, а выкушайте еще“. Брага была горькая, настоящая брага; я сталъ отказываться; хозяйка же, закрывая собою дверь, рѣшилась позвать на помощь своего мужа и закричала ему: „поди-ка сюда“, и пр. Зная, что отъ этого отца мнѣ не удастся дешево отдѣлаться, я, скрѣпя сердце, выпилъ и другой стаканъ, и только было хотѣлъ шагнуть въ дверь, какъ явился въ передней отецъ Владиміръ. „Такъ вотъ какъ,—закричалъ полупьяный,—петербургскіе-то уходятъ не простясь съ хозяиномъ“, и ухвативъ меня за руку, началъ звать назадъ. Я началъ выставлять причины, которыя заставляютъ меня ухо-

дить; онъ поколебался, но, обратясь къ женѣ, сказалъ: „чтожъ ты не попотчивала Дмитрія Ивановича пивцомъ?“—Та тотчасъ отвѣчала: нѣтъ, извини потчивала, и Дмитрій Ивановичъ выпилъ два стаканчика. Хозяинъ радъ былъ этому извѣстію. „Ну, какъ хотите,—заговорилъ онъ,—ей Богу, не пущу, если вы для меня еще не выпьете стаканчика“. И увы! я долженъ былъ еще выпить стаканище горькой браги, и кое-какъ убрался отъ полупомѣшанныхъ хлѣбосоловъ. Послѣ узналъ я, что отецъ Владиміръ, возвратясь къ гостямъ, говорилъ имъ: „вѣдь вотъ ничего не пилъ здѣсь, а тамъ, въ прихожей, выпилъ чуть не цѣлую ендову пива; охъ, эти петербургскіе!“...

Дядюшка мой ужъ не мучилъ меня своими угощеніями, но его теща Самойловна была изъ любви ко мнѣ настоящимъ наказаніемъ для меня. Она, не занимаясь питейнымъ угощеніемъ, завѣдовала кухнею. Въ каждый день готовили для гостей завтракъ, похожій на длинный обѣдъ; затѣмъ, обѣдъ—чуть не вдвое длиннѣе завтрака, и ужинъ. Хоть я въ то время вовсе не ужиналъ, но долженъ былъ всѣ три раза садиться за столъ; иначе Самойловна говорила, что если я не сяду, то она никому ничего не подастъ. Разумѣется, любезная сваха-старуха не спускала съ меня глазъ и какъ скоро переставалъ я ѣсть, тотчасъ начинала рѣчь: „чтожъ ты, батюшка Дмитрій Ивановичъ, ничего не кушаешь? Да и гдѣ мнѣ угодить на дорогаго гостя? вѣдь онъ изъ Петербурга, а мы люди простые, глупые, ничего не умѣемъ ни сказать, ни приготовить“, и старуха иногда даже готова была плакать. Станешь говорить, что сытъ ужъ по горло. „Ахъ, что ты, батюшка,—отвѣтитъ она,—да ты ничего не ѣлъ еще; сдѣлай милость, скушай хоть кусочекъ, въ ножки поклонюсь, не спѣсивься!“ Ну и возьмешь кусочекъ; тогда другая бѣда. Старуха вообразитъ себѣ, что я люблю потчиваніе, и при слѣдующемъ кушаньѣ еще усерднѣе начнетъ просить кушать. И если станешь говорить, что сытъ уже по горло, то прибавитъ съ улыбкой: „ты вотъ и давича говорилъ, что сытъ тоже, а какъ я попросила, ты покушалъ;—покушай и теперь, не спѣсивься, родимый, не томи меня, старухи“, и пр., и пр... Да, г. читатель, тутъ я вполнѣ понималъ справедливость басни Крылова: „Демьянова уха“. Къ сожалѣнію только, я не могъ, схвативъ въ охапку кушакъ и шапку, уйти куда нибудь, а долженъ былъ сидѣть и ѣсть!

Перехожу теперь къ тому, какъ происходили праздники и въ нашемъ домѣ. Матушка моя была вполнѣ трезвая женщина; я даже не помню, чтобы она пила когда нибудь водку; даже виноградныя вина употребляла въ самомъ умѣренномъ количествѣ,— только что сдѣлаетъ честь хозяину, а бо̀льшею частію вовсе не пила и ихъ. Батюшка мой пивалъ и водку, и пунши, но былъ воздерженъ. Иногда же по нѣсколькимъ мѣсяцамъ и даже годамъ вовсе не пивалъ ничего хмѣльнаго. Слишкомъ немного случаевъ я помню, когда бы онъ былъ пьянымъ; но и въ такомъ случаѣ постепенно вовлекался усердными потчивателями. Потомъ, къ нему ѣзжало много помѣщиковъ и чиновниковъ, которые держали себя деликатно, и онъ въ ихъ обществѣ перенялъ много свѣтскаго. Наконецъ, самъ по себѣ вовсе не любилъ тѣхъ дурачествъ, которыя позволяло себѣ духовенство на своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Отъ этого на нашихъ домашнихъ праздникахъ, даже и у нашихъ родныхъ, когда тамъ бывалъ батюшка, безобразія не было, или встрѣчалось оно не часто. Иногда покойникъ-дѣдушка позволялъ себѣ старинныя шуточки, но, не видя одобренія имъ, начиналъ молчать, а потомъ и вовсе ихъ оставилъ. Былъ еще старикъ парахинскій священникъ Иванъ Антоновичъ, дальній нашъ родственникъ, который любилъ подгульнуть, но, какъ добрый, простой старикъ, онъ и пьяный былъ только забавенъ. Одинъ дядюшка Степанъ Никитичъ дѣлался невыносимымъ, когда бывалъ въ куражѣ; но его даже насильно усмиряли.

Но хотя у насъ безобразія не любили, а все-таки считали необходимымъ угощать гостей какъ можно лучше. Въ храмовые и другіе праздники, послѣ того какъ встанутъ гости, умоются и помолятся Богу, предъ чаемъ ихъ потчивали рюмкою водки; потомъ пили чай и подносили по пуншу. Затѣмъ слѣдовалъ очень сытный завтракъ, за которымъ подносили водку, но не въ большомъ количествѣ. Въ промежутокъ отъ завтрака до обѣда, если гости не уходили къ кому-либо изъ сосѣдей, время проходило въ разговорахъ; особенно мастеръ былъ пробуждать общую веселость мой дядюшка Василій Мартыновичъ; самъ дѣдушка, слушая его, помиралъ со смѣху, а иногда приговаривалъ: „Экъ тебя угораздило, откуда это ты берешь слова? ну, забавникъ!“ Батюшка мой зналъ множество анекдотовъ и былъ начитанъ, мастеръ разсказывать, но его разговоры были болѣе занимательны, нежели забавны.

Обѣдъ былъ, разумѣется, сытный; матушка моя была изобрѣтательною по части разнообразныхъ кушаньевъ. Батюшка потчивалъ водкою, виномъ бѣлымъ и наливками, но послѣдними въ особыхъ случаяхъ. Конечно, выходили изъ-за стола многіе на-веселѣ, но опять скажу: до дурачествъ и безобразія слишкомъ рѣдко доходило и если и случались они, то тотчасъ принимались противъ нихъ мѣры. Послѣ обѣда почти всѣ ложились спать, только женщины, укрывшись гдѣ нибудь въ горницѣ, сидѣли, передавая другъ другу свои новости. Послѣ сна вечеромъ принимались за чай; тутъ уже пуншъ подавался по два и даже по три раза, но всегда въ чайныхъ небольшихъ чашкахъ, такъ что пара такихъ пуншевъ едва-ли сравнится съ однимъ стаканнымъ. Послѣ чаю, и больше не пивши его, ходили въ другіе дома, если были приглашаемы. Къ ужину всѣ возвращались; ужинали сытно, разумѣется, не забывалось потчиванье водкою и бѣлымъ виномъ. Послѣ ужина иногда занимались долго разговорами, игрою въ карты, но въ деньги никогда не играли,—батюшка мой терпѣть этого не могъ. Спать ложились, если было много гостей, на полу въ хоромахъ, или въ верхней избѣ, но солому или сѣно рѣдко приносили, потому что у батюшки было въ запасѣ нѣсколько перинъ и такъ называемыхъ полстей—бѣлыхъ большихъ войлоковъ.

Былъ я дома и на свадебномъ пиру, при выдачѣ въ замужство моей старшей сестры Натальи за учителя сапожковскаго духовнаго уѣзднаго училища Ивана Филипповича Воскресенскаго. Свадьба происходила въ воскресенье предъ самою масляницею и такимъ образомъ празднованіе ея соединялось съ русскимъ карнаваломъ. Здѣсь прежде всего мои слова могутъ показаться несправедливыми тѣмъ людямъ, которые знаютъ, что по церковнымъ постановленіямъ тогда дозволялось вѣнчать браки только предъ вполнѣ скоромными днями; поэтому въ воскресенье предъ масляницею, когда мясная пища уже не употребляется, вѣнчать было запрещено. Но батюшка мой, при всей своей набожности, не любилъ быть слѣпымъ исполнителемъ обрядовой стороны религіи. Свадьбы почему-то нельзя было вѣнчать ранѣе воскресенья, отлагать же ее до весны не хотѣли, и потому батюшка не затруднился распорядиться вѣнчаніемъ въ запрещенный день. Свадьбу эту почти всѣ гости праздновали едва не всю недѣлю. Не смотря на то, что соединены были за разъ два самые

разгульные русскіе праздника, все шло, конечно, весело, но безобразныя сцены не допускались. На другой день свадьбы не только не носили для показа сестриной рубашки, не били ни горшковъ, ни кувшиновъ, но даже батюшка не велѣлъ топить и баню;— это отступленіе отъ мнимо-священныхъ преданій цинической старины считалось чѣмъ-то въ родѣ ереси или раскола. Въ теченіе цѣлой недѣли пированье было самое веселое. Днемъ, кромѣ чаевъ, завтраковъ и обѣдовъ, занимались главнымъ образомъ катаньемъ въ саняхъ. На дворѣ стояло около 15-ти лошадей и нашихъ и гостиныхъ; запрягали ихъ или тройками или парами, къ каждой дугѣ привязывали если не по два, то на худой конецъ по одному колокольчику. Такимъ образомъ выѣзжали вдругъ 4—5 троекъ, или 6—7 паръ; къ нимъ присоединялись нѣкоторые изъ тумскихъ жителей на своихъ лошадяхъ. Катались и по сельской улицѣ, но тутъ было мало простору; больше ѣздили по полямъ и по сосѣднимъ деревнямъ. И вообще ѣхали не тихо, но гдѣ позволяла дорога, или снѣгъ былъ не глубокъ, тамъ принимались обгонять другъ друга. Тутъ русская удаль являлась во всемъ разгарѣ; возжи опускали, лошадямъ давали свободу, погоняли ихъ и крикомъ и кнутьями, но онѣ и сами, разгорячившись, не хотѣли уступать побѣды другъ другу. Мужчины становились на ноги, махали шапками, женщины и дѣвицы сначала пугались, но потомъ сидѣли спокойно; все это мчалось, летѣло, вовсе не обращая вниманія на то, что можно было вылетѣть изъ саней. Впрочемъ, въ кучера выбирались люди здоровые, сильные и трезвые; они все-таки управляли лошадьми, давая имъ волю только бѣжать какъ можно быстрѣе; когда же нужно было остановить ихъ, то сворачивали въ сторону, гдѣ снѣгъ былъ глубокъ; разумѣется, скоро останавливались. По деревнямъ бо̀льшею частію ѣхали не шибко, но за то съ пѣснями; народу на улицу высыпало множество. На полѣ опять начиналась гонка, или сильная рысь. Тутъ я на себѣ испыталъ, что быстрая ѣзда, особенно на тройкѣ, производитъ какое-то чарующее дѣйствіе на русскаго человѣка. Тутъ, кажется, все ни почемъ, и самая жизнь — копѣйка, только бы скакать, очертя голову.

По вечерамъ у насъ были другаго рода удовольствія; играли въ карты, въ разныя другія русскія деревенскія игры, но любимымъ занятіемъ были свадебныя и другія пѣсни. У сестеръ моихъ

были прекрасные голоса; онѣ приглашали еще своихъ подругъ, къ этимъ присоединялись нѣкоторые мужчины и женщины. И когда, бывало, запоютъ общимъ хоромъ стройно, живо, какую либо удалую пѣсню, то, по пословицѣ, косточки начинали сами похаживать; но плясокъ не было,—отецъ мой ихъ не любилъ и не позволялъ.

Ближайшіе наши родственники во время своихъ праздниковъ приноравливались къ характеру моихъ родителей; впрочемъ, изъ нихъ почти вовсе никто не принадлежалъ къ страстнымъ поклонникамъ Бахуса и не любилъ безобразничать,—кромѣ только дядюшки Степана Никитича, о которомъ я уже говорилъ. Поэтому на праздникахъ и пирушкахъ нашихъ родныхъ бо̀льшею частію шло хоть и весело, но безъ безобразныхъ сценъ; въ этомъ я самъ лично убѣждался. Но лица изъ другихъ кружковъ и нѣкоторые изъ нашихъ дальнихъ особенно родственниковъ тяготились такою, какъ они выражались, церемонностію. Въ 1851 г., когда еще я былъ на службѣ, но между тѣмъ жилъ во время каникулъ въ дмитровскомъ погостѣ, выдавали замужъ мою племянницу и крестницу Марью Акимовну—дочь моей сестры Елисаветы Ивановны, которой мужъ въ то время былъ священникомъ въ селѣ Архангельскомъ. Разумѣется, я былъ на свадьбѣ. Все шло весело, но безъ дурачествъ. Только съ женихомъ, Осипомъ Евсеевичемъ Вышневскимъ, поступившимъ на должность священника въ село Воронцово, близь Егорьевска, пріѣхало нѣсколько его родныхъ, между которыми былъ его отецъ причетникъ Евсей Петровичъ, мой товарищъ по касимовскому училищу. За общимъ столомъ, въ общей бесѣдѣ, они, изъ уваженія и къ моему отцу и ко мнѣ, вели себя прилично, только Евсей иногда не выдерживалъ себя. „Да что-же это за свадьба?—онъ вскрикивалъ,—развѣ такъ-то надобно ее праздновать?“ Но порывы его останавливаемы были. За то и для него и для другихъ гостей жениховой родни ночь служила отрадою. Для помѣщенія ихъ была взята на время особая изба на дворѣ вдовой попадьи. Когда, поужинавши, ихъ туда провожали, то вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ препровождали потребное количество графиновъ и рюмокъ; тогда-то и начиналось настоящее, по ихъ мнѣнію, свадебное веселье. Не смотря на улицу, которая отдѣляла насъ отъ ихъ ночлега, ночью мы, проснувшись, слыхали тамъ и ликованья, и топанья, и пр.

Былъ случай, когда мой батюшка не могъ совладать съ собою отъ дурачествъ парахинскаго священника Ефима Иванова Флерова, поступившаго на мѣсто и въ зятья того старичка отца Ивана Антоновича, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Онъ былъ моимъ товарищемъ по семинаріи, и въ трезвомъ состояніи скромный и умный человѣкъ; но пьяный отличался дурачествами, буйствомъ, и при случаѣ, и драчливостію. Была свадьба двоюроднаго моего брата Дмитрія Степановича Арбекова, поступившаго священникомъ въ село Подлипки, на мѣсто умершаго своего отца и моего дяди Степана Никитича. На свадьбѣ были мой батюшка, какъ старшій въ родствѣ, и отецъ Ефимъ, какъ дядя невѣсты по своей женѣ; въ то время, кстати сказать, онъ былъ благочиннымъ и надъ моимъ батюшкою. Множество было дѣлано имъ дурачествъ во время пира, но послѣднее, наконецъ, вывело изъ терпѣнія моего батюшку. Батюшка вѣнчалъ молодыхъ и по существующимъ постановленіямъ долженъ былъ на консисторскомъ указѣ своеручно написать, когда и гдѣ совершено бракосочетаніе. Въ это самое время отецъ благочинный Ефимъ Ивановичъ и на словахъ, и на дѣлѣ производилъ въ пьяномъ видѣ множество глупостей. Увидавши, что батюшка мой серьезно дѣлаетъ надпись на указѣ, онъ подошелъ къ нему и спросилъ: „ты что̀ это дѣлаешь?“—Отойди,—сказалъ батюшка,—не мѣшай. Тогда отецъ благочинный вдругъ схватилъ указъ и разорвалъ его пополамъ. Батюшка мой не выдержалъ себя, вскочилъ, и, какъ самъ говорилъ, задалъ порядочную таску своему благочинному. Не судите, г. читатель, строго моего батюшки за этотъ поступокъ по тѣмъ понятіямъ, которыя въ ваше время господствуютъ; примите во вниманіе то время и ту среду, когда и гдѣ это происходило, примите тоже во вниманіе множество дурачествъ отца Ефима, которыя онъ дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и, наконецъ, дурачество, за которое уже можно было подпасть суду,—ну, право, мудрено и выдержать себя.

Впрочемъ, не думайте, чтобы отецъ благочинный сталъ жаловаться на своего подчиненнаго за таску; онъ скоро понялъ, что за разодранный указъ его потянутъ въ консисторію. Батюшка мой пользовался тогда расположеніемъ архіерея Гавріила, товарища его по семинаріи; отецъ Ефимъ скоро сообразилъ, что только батюшка мой можетъ выручить его изъ бѣды. Поэтому сначала, конечно, сталъ жаловаться вслухъ на нанесенную ему обиду,

приговаривая: „Господи! Господи! благочиннаго за волосы! самого благочиннаго за волосы! на что это похоже? Да еще при всѣхъ!" Но дѣлать было нечего; вмѣстѣ съ моимъ батюшкою, котораго, впрочемъ, и прежде и послѣ онъ очень уважалъ, поѣхали въ Рязань. Идя къ архіерею, отецъ Ефимъ, смотря на соборъ, преумилительно говорилъ: „Пресвятая Богородица! Успеніе Божіей Матери! пронеси эту бѣду мимо меня; даю слово даже ни одной капли вина не брать въ ротъ". Батюшка както объяснилъ поступокъ отца Ефима; послѣдній самъ затѣмъ взошелъ ко владыкѣ, который, пожуривъ его за неосторожность, отпустилъ съ миромъ. Отецъ Ефимъ быстро возвратился на квартиру, благодарилъ батюшку, кланялся ему въ ноги, цѣловалъ его, но увы! и пресвятая Богородица, и успеніе Божіей Матери, и данное имъ обѣщаніе—все было забыто. „Какъ угодно, отецъ протопопъ,—сказалъ онъ моему батюшкѣ,—поздравить меня надобно; вѣдь какая бѣда съ плечъ сошла по твоей милости". И отецъ Ефимъ продолжалъ пить по прежнему, и . . . . пилъ и дурачился пьяный совершенно также, какъ и въ былое время. Онъ уже потомъ былъ за штатомъ и однажды, исправляя, по найму, священническую должность въ селѣ Палищахъ,—потерялъ пьяный свою дароносицу.

Заключу эту главу разсказомъ о томъ, какъ онъ наказывалъ свою жену, женщину очень умную и съ характеромъ, которую онъ очень любилъ и уважалъ. Но если она въ гостяхъ настойчиво уговаривала его не дурачиться, то онъ начиналъ ей грозить: „погоди ты у меня; я съ тобой раздѣлаюсь". Раздѣлка была очень оригинальная. Когда они уѣзжали изъ гостей и отецъ Ефимъ непремѣнно бывалъ ужъ очень на-веселѣ, то онъ припоминалъ обиду и, встрѣтивъ на дорогѣ пригорокъ или оврагъ, онъ, съѣзжая внизъ, начиналъ погонять лошадь самымъ сильнымъ образомъ; жена, разумѣется, приходила въ ужасъ и поднимала крикъ; но отецъ Ефимъ былъ неумолимъ. И замѣчательно, что какимъ-то образомъ ни себѣ, ни женѣ, онъ, по пословицѣ—не сломилъ шеи.

Глава X-я.

О домашнемъ нашемъ хозяйствѣ въ Тумѣ.

Не смотря на то, что батюшка мой, по переселеніи въ Туму, былъ тутъ старшимъ священникомъ, благочиннымъ, и имѣлъ уже около 30-ти лѣтъ, ни онъ, ни матушка моя не вдругъ стали полными во всѣхъ отношеніяхъ хозяевами въ принадлежащемъ имъ домѣ. Тогда въ духовенствѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ его членахъ, сохранялся тотъ же самый обычай, который до сихъ поръ еще остается въ силѣ въ крестьянскомъ семействѣ. Здѣсь старикъ и старуха—отецъ или дѣдъ, мать или бабушка—хозяйничаютъ до самой смерти, если сами не откажутся отъ этого, хотя бы дѣти ихъ были настоящими хозяевами, занимали даже почетную должность, напримѣръ—старшины, старосты, и все нужное для содержанія семьи добывали своими трудами, и пр. Я зналъ бурмистра деревни Коробовской въ приходѣ дмитровскаго погоста Ивана Максимовича, мужика бойкаго, умнаго и деспота въ вотчинѣ; но этотъ же самый деспотъ въ дому занималъ второстепенное мѣсто; отецъ его, человѣкъ лѣтъ за 70, не позволялъ ему ни въ чемъ хозяйничать. „Ты въ конторѣ и на вотчинной сходкѣ бурмистръ,—говаривалъ старикъ,—а здѣсь я нáбольшій; дѣлай то, что тебѣ велю". Нѣчто въ родѣ этого происходило и въ нашемъ семействѣ; батюшка и матушка имѣли по хозяйскимъ дѣламъ старшихъ надъ собою и должны были имъ повиноваться.

Домашнее хозяйство въ деревняхъ раздѣляется на двѣ части: на бабье, какъ говорятъ, и на мужицкое, т. е. мужское хозяйство. Къ бабьему принадлежитъ надзоръ за домашнимъ скотомъ, который или самъ или въ видѣ своихъ продуктовъ идетъ на пищу, т. е. за коровами, овцами, свиньями, курами, гусями, и пр., приготовленіе сыру, масла, храненіе ихъ и молока, и, главное дѣло, завѣдываніе кухнею; въ этомъ, такъ сказать, департаментѣ командуетъ хозяйка. Къ мужскому хозяйству относится уходъ за лошадьми и всѣ полевыя работы; тутъ распоряжается уже хозяинъ.

Въ нашемъ домѣ въ Тумѣ первоначально хозяйничала моя прабабушка, дѣдушкина мать Авдотья Михайловна, имѣвшая уже болѣе нежели 70 лѣтъ на своихъ плечахъ. Не смотря на то,

она была неутомимая работница, вставала чуть не прежде всѣхъ, смотрѣла за доеніемъ коровъ, а иногда сама доила, лѣтомъ нерѣдко прогоняла домашній скотъ въ стадо, назначала—какую въ тотъ день пищу нужно было готовить. Во время же истопеля, т. е. когда топилась печь, она не отходила отъ нея, одно сама готовила, другое поручала кому нибудь; и бабушка и матушка мои допускались тутъ, какъ помощницы и совѣтницы. Во время обѣда и ужина она почти никогда не садилась за столъ, но сама наливала щи въ чашку, отрѣзывала говядину, накладывала кашу, и пр.; даже иногда сама подавала на столъ. Не думайте, чтобы это дѣлалось ею по чьему либо принужденію; нѣтъ, покойница была не изъ тѣхъ, которыя могли быть подъ чьею либо командою. Она была женщина съ самымъ настойчивымъ, непреклоннымъ характеромъ; всѣхъ своихъ прямыхъ потомковъ держала въ повиновеніи; самъ дѣдушка ее побаивался и слушался. Съ другой стороны, и матушка и бабушка были бы довольны, если бы старушка имъ передала власть хозяйничать, потому что она не очень любила принимать чьи либо совѣты, не обращала вниманія на вновь появившіяся потребности, держала все въ рукахъ по старинѣ. Она хозяйничала, потому что привыкла къ тому, считала это своими и обязанностью и правомъ. Съ удивленіемъ и теперь вспоминаю какъ она, бывало, немножко нагнувшись, ходитъ босыми ногами по грязному двору, покрикиваетъ на работницъ и работника; тамъ загонитъ овецъ въ хлѣвъ, тутъ подоитъ корову, или посмотритъ хорошо-ли это дѣлается; почти каждый день вечеромъ пересчитаетъ и овецъ, и ягнятъ, и куръ, и пр.; процѣдитъ молоко полѣзетъ въ погребъ, установитъ или велитъ при себѣ установить горшки, и пр.; вѣчно была въ дѣятельности, позволяя себѣ только отдохнуть послѣ обѣда и ночью; спала почти всегда на печкѣ, никогда ничего не подстилая подъ себя. Она и умерла, по русской поговоркѣ, на ходу. По обычаю, о которомъ я уже говорилъ, она, какъ пожилая старуха, исповѣдывалась и пріобщалась чрезъ каждыя шесть недѣль и, такъ сказать, постоянно готовилась къ смерти. Наканунѣ или, лучше, въ день самой смерти она, по своему обыкновенію, была дѣятельна; только дня два или три говорила, что она скоро устаетъ, но распоряжалась всѣмъ по хозяйству. Послѣ ужина въ избѣ остались она и матушка съ купленными дѣвками и старшею сестрою моею; онѣ пряли. Прабабушка

залѣзла на печку и, по видимому, заснула. Вдругъ она какъ-то странно захрапѣла; дѣвицамъ показалось это смѣшно, и онѣ засмѣялись. Но матушка моя остановила ихъ и когда не одинъ разъ повторилось подобное храпѣнье, рѣшилась съ огнемъ посмотрѣть на старушку. Взглянувши на лицо, она съ ужасомъ увидала распространяющуюся на немъ смертную блѣдность, стала тереть виски умирающей и поскорѣе велѣла разбудить дѣдушку и батюшку, спавшихъ по горницамъ. Тѣ, прибѣжавъ, сняли ее съ печки живую еще, но въ безчувственномъ состояніи; положили, по обычаю, въ передній уголъ, дали въ руки зажженную восковую свѣчку; она еще продолжала дышать, но чрезъ нѣсколько минутъ умерла. Спалъ я эту ночь въ горницѣ, гдѣ, проснувшись, увидалъ батюшку очень серьезнымъ. „Полно тебѣ спать,—сказалъ онъ мнѣ,— у насъ бабушка умерла". Слова эти меня озадачили: я никакъ не могъ понять, которая изъ бабушекъ—его или моя—скончалась, потому что обѣихъ ихъ я вечеромъ видѣлъ здоровыми;—какъ же это одна изъ нихъ умерла? Пришедши въ избу, я увидалъ уже убранную по надлежащему покойницу; надъ нею читали псалтырь; тутъ уже стояло нѣсколько стороннихъ лицъ, пришедшихъ взглянуть на умершую и потужить о ея смерти; меня заставили поцѣловать ее; въ первый еще разъ въ жизни я цѣловалъ мертваго, и мнѣ какъ-то странно и страшно показалось прикосновеніе къ холоднымъ губамъ. Впрочемъ, покойницу мнѣ было жаль; хоть она была и ворчлива, но меня почему-то любила и часто баловала: то молочка дастъ попить отдѣльно отъ другихъ, то какую либо косточку съ остающимся еще на ней мясцомъ, то сунетъ тихонько въ руку гостинецъ какой нибудь. Вообще погребеніе ея было для меня важнымъ событіемъ: я въ первый еще разъ видѣлъ смерть въ своемъ дому и съ любопытствомъ смотрѣлъ и дома и въ церкви за разными обрядами и обычаями, съ которыми у насъ принято провожать покойниковъ на тотъ свѣтъ.

Такимъ образомъ семейство дѣдушки уменьшилось на одно лицо. Едва-ли не въ тотъ же самый годъ выдана была въ замужство его послѣдняя дочь, Афимья Мартыновна, за семинариста, исключеннаго изъ риторики, Василья Саввича Молчанова, поступавшаго дьякономъ въ село Былино, съ чѣмъ-то въ 20-ти верстахъ отъ Тумы. Свадьбы ея я вовсе почти не видалъ: насъ, дѣтей, от-

правили въ дворническую избу, и, давши намъ разныя разности, строжайше запретили выходить оттуда.

Послѣ смерти прабабушки, женскимъ хозяйствомъ стала было завѣдывать бабушка Фекла Антоновна. Но она не имѣла энергіи своей свекрови, была слабовата здоровьемъ, даже немного тучна; потомъ, зрѣніе ея становилось слабѣе и слабѣе отъ сильной головной боли, такъ что, задолго до поступленія моего въ семинарію, она лишилась его. Поэтому моя матушка мало по малу сдѣлалась полною хозяйкою въ дому по своей части. Не думаю, чтобы она была очень рада этой самостоятельности, потому что у ней и безъ того слишкомъ много было дѣла. Въ то время насъ, дѣтей, было шесть человѣкъ. Матушкѣ самой, и при томъ одной, надобно было и насъ, и себя, и батюшку обшить и одѣть, т. е. самой напрясть и наткать холста, и нашить изъ него бѣлья всѣмъ восьми человѣкамъ; сестры и купленныя дѣвки хоть начали уже прясть въ то время, но почти что только начали. Кромѣ того, такъ какъ батюшка былъ занятъ своими должностями, то надзоръ за воспитаніемъ всѣхъ дѣтей лежалъ преимущественно на матушкѣ. О себѣ пока я не стану говорить; займусь теперь воспитаніемъ моихъ сестеръ.

Ихъ всѣхъ до одной учили и выучили читать и писать. Главнымъ учителемъ ихъ была матушка, но не забывалась и метода взаимнаго обученія, только не въ томъ видѣ, какъ ее ввелъ Песталоцци. Она состояла въ томъ, что умѣвшаго порядочно читать сажали около того или той, кто только начиналъ учиться, и заставляли поправлять ошибки. На основаніи этой методы я на 8-мъ или 9-мъ году уже сдѣлался педагогомъ. Это почетное званіе сначала мнѣ понравилось, потому что для самолюбія пріятно было разыгрывать роль учителя, и при случаѣ тайкомъ щипнуть непонятливую ученицу, или подрать ее за волосы. Но вскорѣ послѣдовало разочарованіе. Мои уроки шли своимъ чередомъ, и за ними надобно было сидѣть по прежнему; а тутъ еще сиди съ сестрою часа два—три; между тѣмъ изъ окна видно, какъ мои пріятели бѣгаютъ и веселятся на улицѣ, даже поддразниваютъ меня. Потомъ, если ученица плохо выучила урокъ, а учитель сказалъ, что все исправно; если замѣчали невнимательность учителя, засматривавшагося на улицу; если ученица жаловалась

въ чемъ нибудь и жалоба находима была справедливою, то, увы! его же самого и при его ученицѣ, а иногда и вмѣстѣ съ нею, сѣкли прутомъ или плеткою,—и разумѣется, учителю доставалось побольнѣе.

Но все-таки должность педагога мнѣ не такъ была противна, какъ обязанность няньки. А между тѣмъ, когда еще сестры были очень малы или чѣмъ либо заняты, то мнѣ давали братца или сестрицу въ пеленкахъ или въ одѣяльцѣ и приказывали ихъ забавлять, а иногда качать и колыбель. Къ несчастію, подобныя событія случались чаще всего къ вечеру, къ тому самому времени, когда я былъ совершенно свободенъ отъ ученыхъ занятій и могъ бы играть на улицѣ сколько душѣ угодно. И вотъ въ это-то время сиди, бывало, съ ребенкомъ, да нянчай его. Чтобы утѣшить себя хоть сколько нибудь, бывало выйдешь съ нимъ за ворота и по крайней мѣрѣ глазами любуешься на игры сверстниковъ. Но иногда я, скрывать нечего, прибѣгалъ къ непозволительнымъ хитростямъ. Я зналъ, что если ребенокъ такъ раскричится, что его никакъ нельзя унять, т. е. успокоить, то обыкновенно слѣдовало передать его матушкѣ или кому либо другому побольше. Вотъ бывало и ущипнешь того или ту, кого нянчишь; само собою, поднимется крикъ и плачъ, и бѣжишь съ нимъ, и докладываешь, что вотъ никакъ не унять, и берутъ его отъ няньки, а нянька повертывается и уже чрезъ минуту летаетъ по улицѣ. Бывали, впрочемъ, и тутъ бѣды; догадливый, немножко взрослый ребенокъ объяснитъ самъ проказы няньки, или сами догадаются, а иногда на тѣлѣ ребенка замѣтятъ красное или синеватое пятно; ну, тогда съ нянькою, разумѣется, происходила строгая расправа, по правдѣ сказать—совершенно справедливая. Роль няньки для меня покончилась скоро; съ тѣхъ поръ, какъ я отданъ былъ въ училище, кажется, меня не принуждали къ ней; тогда уже и купленныя дѣвки и подросшія сестры отправляли эту должность.

Но ученостью и грамотностью сестры мои не долго занимались, большею частію на 6—8-мъ годахъ; тутъ онѣ выучивались читать, т. е. прочитывали, выучивали азбуку, часословъ и псалтырь; писать же учились послѣ понемногу, отъ нечего дѣлать, въ праздники, а иногда и самоучкою. Поэтому отъ нихъ нельзя было требовать, чтобы онѣ могли равняться съ дѣвушками го-

родскаго духовенства и чтобы очень были любознательны въ молодости своей. Только старшая сестра любила читать книги гражданской печати, будучи еще въ дѣвицахъ. Но въ замужствѣ едва-ли не всѣ сестры тоже не прочь были послушать и сами почитать книжку, при томъ не одни житія святыхъ. Обращеніе ихъ съ братьями, знакомство съ помѣщиками, распространявшіяся мысли о необходимости образованія, собственные сыновья, по возвращеніи изъ училища разсказывавшіе о своихъ ученыхъ свѣдѣніяхъ и пр.,—расшевеливали ихъ любознательность. Сестра Марья знала недурно даже географію Европы; священная исторія была всѣмъ имъ извѣстна даже хорошо; сестра Александра умѣла съ большимъ толкомъ передавать ее своимъ дѣтямъ.

Съ восьмаго-жъ, а иногда и съ седьмаго года ихъ возраста сестеръ моихъ сажали за женскія работы или рукодѣлья, особенно за прядево; съ него я и начинаю.

По отношенію къ домашнимъ занятіямъ сестеръ, да почти и всѣхъ деревенскихъ женщинъ и дѣвицъ, годъ раздѣлялся на двѣ части: на рабочую пору, когда, то-есть, происходили полевыя и другія агрономическія работы, и нерабочую, когда этихъ работъ или вовсе не было, или мало. Нерабочая пора начиналась въ сентябрѣ или въ октябрѣ, и тутъ обыкновенно усаживались на донцѣ за гребень, чтобы прясть. Сначала, какъ это бываетъ со всѣми дѣтьми, сестрамъ самимъ хотѣлось начать прядево, особенно когда надоѣдало учиться грамотѣ. Ихъ сначала пріучали понемногу къ пряденью; но на восьмомъ или девятомъ году каждая изъ нихъ была уже порядочною пряхою. Тутъ, можетъ быть, иногда и надоѣдало сидѣть цѣлые дни на донцѣ, но отдѣлаться уже было трудно; обыкновенно давали каждой уроки и взыскивали за неисправности. Но съ 10—11-ти лѣтъ у нихъ уже являлось сильное соревнованіе въ работѣ; всякой хотѣлось напрясть какъ можно болѣе и лучше; готовы были цѣлыя ночи просиживать; тогда уже матушка иногда насильно заставляла ихъ ложиться спать, чтобы не разстроилось ихъ здоровье. Впрочемъ, признаюсь, и я любилъ присутствовать при этихъ работахъ. Къ концу моего семинарскаго курса, за гребнемъ, бывало, сидѣли четыре сестры, матушка, двѣ купленныя дѣвки, старуха Прасковья,

даже иногда бабушка, пока еще не лишилась зрѣнія. Весело бывало смотрѣть, какъ 7—8 пряхъ, разсѣвшихся по всѣмъ лавкамъ и скамьямъ, пощипываютъ лѣвою рукою мочку, т. е. ленъ на гребнѣ, вытягивая изъ нее нитку, а правою повертывая веретено, на которое наматывалась выпряденная нитка. Сидѣли обыкновенно не молча, а разговаривали, пошучивали и, главное, пѣвали пѣсни. Послѣднее особенно происходило вечеромъ. Я уже сказалъ, что у сестеръ были очень хорошіе голоса; обѣ купленныя дѣвки, особенно Татьяна, были мастерицы пѣть; сама матушка, когда была помоложе, не отказывалась участвовать въ общемъ хорѣ своимъ отличнымъ голосомъ. И вотъ, бывало, шесть и болѣе пѣвицъ начинаютъ пѣть русскія заунывныя пѣсни стройно, чинно, даже съ чувствомъ,—заслушаешься. Неудивительно, что мы почти всѣ собирались вечерами въ избу и при горящей лучинѣ слушали ихъ,—тогда-то зашла въ меня любовь къ русскимъ пѣснямъ, которая не оставляетъ меня и въ старости. Пѣсни иногда наскучивали, или ихъ нельзя было пѣть, напримѣръ, въ посты; тогда кто нибудь разсказывалъ русскія сказки; матушка моя ихъ знала много. Дѣдушка тоже иногда говаривалъ о старинномъ житьѣ-бытьѣ. Впрочемъ, я не всегда былъ празднымъ зрителемъ и слушателемъ. Сестры мои очень любили, чтобы я изъ приготовленной ими пряжи наматывалъ мотки; къ святкамъ, когда я пріѣзжалъ изъ семинаріи, онѣ приготовляли свои початки, т. е. нитки, навитыя во время пряденья на веретена, и я рѣдко отказывалъ наматывать нитки въ мотокъ.

Въ началѣ весны, около Пасхи или послѣ нея, пряденье оканчивалось; начинали сновать основы, для того, чтобы ткать холстъ. А отъ Пасхи до Петрова дня и даже иногда чуть не до сентября шло тканье въ нашемъ домѣ не только въ одинъ, но уже въ два и три стана. Не знаю почему, но станъ, за которымъ происходило тканье, назывался краснами.

Тѣ лица изъ женскаго пола, которыя не сидѣли за краснами, не оставались безъ дѣла. Кто разматывалъ мотки на вьюшки (цилиндры изъ древесной кожуры), кто наматывалъ съ этихъ вьюшекъ пряжу на тоненькую палочку, или моталъ цѣвки, которыя употреблялись на утокъ при тканьи холста. Но большинство занималось шитьемъ бѣлья, а также плетеніемъ кружевъ

и разнаго рода узорными вышиваньями. Необходимымъ для дѣвицъ рукодѣльемъ считалось тоже вязанье чулокъ пятью спицами и одною. Я, впрочемъ, тоже умѣлъ вязать пятью спицами и, будучи въ училищѣ, самъ для себя вязалъ иногда варьги на руки.

Сестры мои не были увольняемы отъ мытья бѣлья и даже половъ. Полы обыкновенно мывались въ горницѣ по субботамъ, впрочемъ, не въ каждую изъ нихъ; въ кухнѣ же оно происходило только предъ Пасхою, святками, храмовыми праздниками и какими либо особенно торжественными случаями. Сестры, вмѣстѣ съ купленными дѣвками, босыя, съ тряпьемъ и мочалками въ рукахъ, согнувшись мывали полы. Что же касается до бѣлья, то мытьемъ его и дома и особенно на рѣчкѣ занималась чуть не вся женская часть нашего семейства; сама матушка, пока еще была вполнѣ здорова, ѣзжала съ ними для этого версты за двѣ отъ села, на рѣку Нирму, за деревню Кабаново, и тамъ стирала руками и колотила валькомъ не хуже другихъ. Барства, по правдѣ сказать, у насъ не было.

Одѣвалась женская половина въ нашемъ семействѣ не бѣдно, но и не очень богато. Бабушка держалась старины; она чуть не до самой смерти ходила въ кокошникахъ и сарафанахъ, особенно тѣхъ, которые назывались сукнями; ситцевыхъ платьевъ, кажется, она и знать не хотѣла. Матушка, по всей вѣроятности, получила въ приданое нѣсколько кокошниковъ, потому что я видалъ ихъ у нея, но за то я никогда не видалъ ни одного изъ нихъ на ней. Въ Палищахъ почти всегда, да и въ Тумѣ долго, она не при гостяхъ ходила въ сукняхъ, и только въ праздники одѣвалась въ ситцевыя пёрышки и платья; первыя отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что они были безъ рукавовъ и держались на плечахъ особыми тесемками. Впослѣдствіи, разумѣется, она всю старину оставила и носила только платья ситцевыя, а нерѣдко шерстяныя и даже шелковыя. Но чепцовъ и шляпокъ рѣшительно во всю жизнь не надѣвала; голову свою всегда покрывала платкомъ. Сестры мои тоже сначала хаживали въ сукняхъ, но потомъ опять ситцевыя пёрышки и платья вытѣснили старинные наряды. Одѣты онѣ были не богато и не пышно, но вмѣстѣ прилично, кромѣ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, гдѣ смѣшно было бы наряжаться, какъ, напримѣръ, когда надобно было мыть

колы или сидѣть за гребнемъ. И купленныя наши дѣвки одѣты были почти такъ же, если не лучше, какъ и дочери тумскихъ дьячковъ.

Кстати уже скажу о моемъ щегольствѣ. Надобно сказать, что я никогда не былъ, да и не умѣлъ быть щеголемъ. Отъ родителей моихъ, обремененныхъ огромнымъ семействомъ, обязанныхъ заготовлять приданое для пяти дочерей и воспитать въ училищѣ и семинаріи четверыхъ сыновей, смѣшно было бы требовать, чтобы они насъ одѣвали по барски. До самаго моего поступленія въ академію я носилъ только холщевыя рубахи и подштанники тяжовые, о которыхъ я уже говорилъ выше. Не только изъ голландскаго или ткацкаго полотна, но даже изъ ситцу я ни одной не носилъ рубахи. Будучи мальчикомъ и семинаристомъ, я дома, безъ гостей, или даже при гостяхъ—своихъ родныхъ, сиживалъ только въ одномъ бѣльѣ, даже иногда безъ жилета, а лѣтомъ и безъ сапоговъ. Въ рабочую пору, на работѣ, точно то же самое было, если только дождь или холодное время не заставляли надѣвать что нибудь сверхъ рубахи; на ноги же надѣвалъ на гумнѣ и въ полѣ калишки, или босовики, то-есть старые сапоги, отъ которыхъ отрѣзаны были голенищи, а голову прикрывалъ по бо̀льшей части ермолкою. Лѣтнее платье мое состояло въ училищѣ изъ халатовъ нанковыхъ или затрапезныхъ, изъ сюртучковъ или, какъ ихъ тогда называли, изъ сибирокъ, на которыя употреблялась или нанка, или домашнее синее сукно. Для зимы имѣлъ я тулупы, сначала нагольные, то-есть ничѣмъ не покрытые, но послѣ всегда ихъ покрывали уже нанкою. Первыя панталоны, именно изъ нанки, были мнѣ сшиты, когда я уже поступилъ въ семинарію, — кажется, въ началѣ 1825 г.; впрочемъ, лѣтомъ я еще надѣвалъ панталоны, но зимою, когда ходилъ въ тулупѣ, находилъ это излишнимъ. Первый сюртукъ не изъ домашняго сукна, а изъ лавочнаго или фабричнаго, сшитъ мнѣ былъ когда я уже учился въ философіи;—это былъ единственный порядочный сюртукъ, изношенный мною до поступленія въ академію. Тогда-же мнѣ была сшита шинель, но изъ очень посредственнаго сукна и деревенскимъ портнымъ, такъ что въ ней щегольнуть нельзя было. Поэтому въ зимнее время, даже въ богословіи, я ходилъ въ тулупѣ, но для важности не подпоясы-

вался кушакомъ. Уже послѣ Пасхи въ 1829 г. сшита мнѣ была очень хорошая шинель, но въ іюлѣ меня послали въ академію, и шинель надобно было отдать зятю моему, учителю Воскресенскому. Первые такъ называемые смазные сапоги сшиты мнѣ были, кажется, не ранѣе перваго года въ философіи; но въ нихъ я хаживалъ почти что только въ лѣтнее время. Наконецъ, первыя калоши на моихъ ногахъ появились уже когда я сдѣланъ былъ баккалавромъ академіи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863.

XIII [1]).

Чистосердечныя и откровенныя разсужденія Павскаго, содержащіяся въ его объясненіяхъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно истиннаго характера и степени достоинства перевода св. писанія, имъ совершеннаго. Съ своей стороны, мы должны прибавить, что позже, когда миновало то настроеніе умовъ, которое имѣло мѣсто въ описываемую эпоху, когда мысль митрополита Филарета московскаго о необходимости русскаго перевода библіи, санкціонированнаго высшею церковною властію для общенароднаго употребленія, восторжествовала, когда, въ 1857 году, состоялось опредѣленіе св. синода объ изготовленіи таковаго перевода и, въ видѣ подготовительныхъ работъ, разрѣшено было печатать уже имѣвшіеся въ рукописяхъ и новые опыты перевода, и переводъ Павскаго, въ его подлинномъ видѣ, былъ напечатанъ въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ («Духъ Христіанина»), хотя и не весь—по причинѣ преждевременнаго прекращенія журнала, въ которомъ онъ печатался—подобно другимъ переводамъ—архим. Макарія Глухарева (въ «Правосл. Обозрѣніи»), преосв. Порфирія Чигиринскаго (въ «Трудахъ Кіевской Академіи») и другихъ. Когда, затѣмъ, съ тою же цѣлію при духовныхъ академіяхъ учреждены были коммисіи для изготовленія перевода всей библіи по частямъ, переводъ Павскаго положенъ былъ въ основаніе

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510; 705—730. Томъ XXVIII, стр. 105—124

этихъ коммисіонныхъ переводовъ и былъ лучшимъ и главнымъ пособіемъ для коммисій, облегчивъ для нихъ трудъ больше, чѣмъ на половину. Такимъ образомъ, исторія самымъ дѣломъ оправдала ученаго труженика, отдавъ должное его заслугамъ на этомъ поприщѣ, хотя въ 1842 году ему грозила за этотъ колоссальный ученый подвигъ, за безпримѣрную заслугу для церкви—ни болѣе, ни менѣе какъ ссылка въ монастырь на покаяніе! Благодаря основательнымъ объясненіямъ Павскаго и благоразумію высшей духовной власти—св. синода, русская церковь избѣжала этого позора; но все-таки Павскій не былъ признанъ безусловно правымъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по порученію св. синода, Гедеонъ, архіепископъ полтавскій, «келейно испытавъ искренность раскаянія Павскаго», истребовалъ отъ него собственноручное исповѣданіе вѣры и подписку о неуклонномъ исполненіи обязанностей своего званія до конца жизни», которую и представилъ въ синодъ въ подлинникѣ.

Приводимъ сохранившееся въ бумагахъ Павскаго послѣднее его «объясненіе» преосв. Гедеону, помѣченное въ черновомъ спискѣ 7-мъ августа 1844 года, и его краткое исповѣданіе вѣры, которымъ закончилась вся эта исторія. «Въ прошедшей бесѣдѣ вашей со мною,— писалъ Павскій архіепископу Гедеону,—вы объявили мнѣ, что объясненія, данныя мною въ 1842 году преосв. Филарету, митрополиту московскому, оказались неполными и неудовлетворительными, и что св. синодъ поручилъ вамъ взять отъ меня окончательное объясненіе касательно моихъ понятій о нѣкоторыхъ мѣстахъ св. писанія. Между прочимъ вы указали мнѣ, что мое объясненіе седминъ Даніиловыхъ не согласно съ вѣрованіемъ прав. церкви. Я вамъ тогда говорилъ на словахъ и теперь повторяю письменно, что я не стою за это изъясненіе и охотно отлагаю его, какъ скоро нахожу, что оно несовмѣстно съ общепринятымъ толкованіемъ. Я никогда и не утверждалъ, чтобъ допущенное мною толкованіе было единственно вѣрное; оно предложено мною въ видѣ догадки, которую всегда можно измѣнить на другую или вовсе отложить. Въ объясненіи, данномъ мною въ 1842 году, я подробно изложилъ причины, на чемъ основывалъ я догадку, но изложилъ не потому, что я твердо хотѣлъ стоять въ моемъ мнѣніи, а для того, чтобы показать, чтò привело меня къ такой догадкѣ. И если бы тогда же сказано было мнѣ, что мое мнѣніе вовсе неумѣстно и не можетъ быть допущено прав. церковію, то я бы безпрекословно отложилъ его; ибо чтò значитъ мнѣніе частнаго лица предъ мнѣніемъ, принятымъ цѣлою церковію? Прошу васъ, преосвященнѣйшій владыко, донести св. синоду, что я былъ, есмь и буду до конца моей жизни

вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ прав. церкви, и что, при всѣхъ глубокихъ изслѣдованіяхъ моихъ ея догматовъ и вѣрованій, я не нахожу въ ней ничего такого, что̀-бы отвергала моя совѣсть, образованная долгимъ и подробнымъ изслѣдованіемъ св. писанія и внимательнымъ чтеніемъ св. отцовъ. Я всегда благодарю Бога, что онъ поставилъ меня въ такую церковь, которая твердо стоитъ на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самого Іисуса Христа. Получивъ съ малолѣтства непреоборимую любовь къ чтенію св. писанія, я продолжалъ углубляться въ него и въ зрѣломъ возрастѣ. При чтеніи св. писанія на славянскомъ языкѣ, мнѣ представилось множество непонятнаго, и потому я обратился къ иностраннымъ переводамъ св. писанія; но и тамъ находя разногласія и противорѣчія, положилъ себѣ за правило основательно изучить еврейскій языкъ, на которомъ написанъ ветхій завѣтъ, и греческій языкъ, на которомъ написанъ новый завѣтъ. Даже и прочіе языки—нѣмецкій, французскій, англійскій—мною изучены для того, чтобы читать все, что служило къ объясненію св. писанія. При такомъ усильномъ и разнообразномъ изученіи св. писанія, я не переставалъ вникать въ духъ церкви, изслѣдовать начало ея догматовъ и разнообразныхъ постановленій. Слѣдствіемъ сего глубокаго изслѣдованія было то, что я вполнѣ убѣжденъ въ чистотѣ ученія своей церкви, и не только не думаю прекословить ей, но жалѣю и о томъ, что я навелъ на себя подозрѣніе, будто прекословлю ей. Подозрѣніе въ неправославіи пало на меня по случаю перевода нѣкоторыхъ книгъ св. писанія на русскій языкъ и по случаю краткихъ примѣчаній на нѣкоторыя пророческія рѣчи. Иное показалось недосказаннымъ, иное не такъ сказаннымъ, какъ слѣдовало, а изъ всего этого выведено заключеніе о злонамѣренности переводчика. Я уже въ прежнихъ объясненіяхъ доказалъ, что заключать о злонамѣренности переводчика нѣтъ ни малѣйшей причины. Переводъ дѣлался предъ учениками зрѣлаго возраста, которые тотчасъ бы поняли злое намѣреніе профессора и донесли бы на него; сдѣланный въ классѣ переводъ передаваемъ былъ ученикамъ на письмѣ и, конечно, былъ въ рукахъ у начальства. А извѣстно, что злонамѣренныя дѣла дѣлаются скрытно. Одна книга, переведенная мною такимъ образомъ въ классѣ, представлена была въ св. синодъ, который, по разсмотрѣніи ея и по исправленіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, издалъ ее въ свѣтъ и пустилъ во всенародное употребленіе. Я говорю о псалтири. На основаніи такого гласнаго одобренія моего дѣла, я продолжалъ съ учениками переводить и прочія учительныя и пророческія книги, какъ наиболѣе темныя на славянскомъ

языкѣ. Дерзко было бы съ моей стороны увѣрять, что переводъ мой есть вѣрнѣйшій и наилучшій, и что примѣчанія и соображенія мои вездѣ вѣрны. Но совѣсть моя смѣло можетъ сказать, что я сдѣлалъ то, что могъ, по крайнему моему разумѣнію, и что долженъ былъ дѣлать по званію профессора. Если же св. синодъ укажетъ мнѣ что либо въ моемъ переводѣ или въ примѣчаніяхъ несогласнаго съ православіемъ, то я, какъ прежде указанное, такъ и вновь замѣченное, готовъ исправить со всею покорностію» (На полѣ приписано: «моя любовь къ чтенію св. писанія и желаніе передать мои знанія ученикамъ—вотъ побудительныя причины... Православіе нимало не страдало отъ яснаго понятія св. писанія»). Наконецъ, въ своемъ исповѣданіи вѣры Павскій пишетъ: «Я нижеподписавшійся, по случаю падшаго на меня подозрѣнія въ неправославіи, симъ искренно предъ Богомъ и св. православною греко-россійскою церковію свидѣтельствую, что ея св. ученіе, изложенное какъ вообще въ Символѣ вѣры, такъ и подробно въ изданномъ св. синодомъ катихизисѣ, я всегда содержалъ твердо и ненарушимо и никогда не имѣлъ ни явнаго, ни тайнаго намѣренія противиться духу ученія святой православной церкви нашей. Вмѣстѣ съ симъ исповѣданіемъ даю обязательство, что и впредь, при помощи Божіей, буду вести себя такъ, какъ первоначально обязался при крещеніи, такъ и вторично при вступленіи въ санъ священническій. Къ сему моему собственноручному исповѣданію и обязательству протоіерей Герасимъ Павскій руку приложилъ».

Всѣ объясненія Павскаго, какія онъ давалъ коммисіи и комитету, какъ видѣли читатели, дышатъ спокойствіемъ, достоинствомъ и твердостію. Но на самомъ дѣлѣ тяжело жилось почтенному ученому въ это время. Чрезвычайно тревожное, мучительное состояніе души его, подъ вліяніемъ суровыхъ и строгихъ допросовъ, которымъ его подвергали въ качествѣ подсудимаго, выражалось въ разныхъ сновидѣніяхъ, которыя онъ записывалъ на другой день поутру, видя въ нихъ своего рода знаменательность. Приводимъ нѣкоторые изъ этихъ сновъ ради любопытства. «Съ 30-го на 31-е ноября, т. е. въ день Андрея Первозваннаго, снилось мнѣ, что по какому-то случаю служу въ церкви съ двумя другими (священниками). Во время служенія крайне безпокоилъ меня пѣтухъ, такъ что я въ службѣ безпрестанно былъ смущаемъ и забывалъ, что̀ за чѣмъ слѣдуетъ. Кто-то однакожъ поймалъ его и, завязавъ въ кулекъ, подалъ мнѣ къ престолу, но онъ все продолжалъ кричать. Я, стоя подлѣ престола, сталъ его давить, но онъ силою отбивался и царапалъ меня преострыми когтями. Это было въ половинѣ обѣдни, предъ освященіемъ Даровъ. Наконецъ, я или другой кто удавилъ пѣтуха, такъ что при освященіи Даровъ я увидалъ

его уже мертвымъ. Безобразный трупъ его, когда надобно было причащаться, поданъ мнѣ; я разрѣзалъ его бѣлое, мягкое и жирное мясо, какъ будто для снѣденія себѣ и прочимъ сослужащимъ. Впрочемъ, я не ѣлъ его. Филаретъ былъ при служеніи, и когда я сказалъ «изрядно о пресвятѣй» и пѣвчіе стали пѣть дурно, онъ вышелъ изъ алтаря и бранилъ ихъ.

«При моей борьбѣ съ пѣтухомъ онъ не участвовалъ, а только говорилъ: хотя его и убили, но духъ его житъ будетъ въ другихъ курицахъ и пѣтухахъ. Послѣ сего сна, 31-го ноября днемъ, я получилъ безъимянное письмо [1]) отъ какого-то добраго человѣка, который увѣдомляетъ, кто былъ доносчикъ на меня и что этотъ доносчикъ не дремлетъ и готовитъ или уже изготовилъ новые доносы, чтобы выслужиться предъ начальствомъ и получить повышеніе». «Съ 19-го на 20-е марта 1842 года приснилось мнѣ, что нахожусь предъ престоломъ какой-то церкви. Когда вмѣсто стараго изодраннаго антиминса я хотѣлъ положить новый, и затѣмъ сложить новый шелковый илитонъ, то долго не могъ уложить послѣдній и перевертывалъ его такъ и сякъ. Онъ былъ очень длиненъ. Вдругъ откуда-то взялся Филаретъ и сзади толкнулъ меня и даже ударилъ въ щеку. Когда я съ досадою оглянулся, онъ ушелъ. Потомъ, видя предъ собою шляпу и палку, я взялъ ихъ и пошелъ. Когда я проснулся утромъ, мнѣ докладываютъ, что уже давно дожидается меня экспедиторъ синода. Я вышелъ къ нему и онъ объявилъ мнѣ Высочайшую волю, чтобы я въ 12 часовъ 20-го марта явился къ Филарету московскому. Тамъ я нашелъ еще Филарета кіевскаго и графа Протасова. Они взяли съ меня показанія касательно сдѣланнаго мною перевода св. писанія. По тону вопросовъ и по духу вопрошающихъ я не надѣюсь, чтобы слѣдствіе сихъ допросовъ было хорошо. Я почти увѣренъ, что донесеніе Государю будетъ сдѣлано не въ мою пользу и потому не ожидаю себѣ ничего лучшаго, кромѣ дальнѣйшихъ гоненій и Филаретовскихъ пощечинъ. Да будетъ воля Божія! Я дѣйствовалъ во славу Божію и на пользу соотечественниковъ, пусть самъ Богъ защититъ меня и вознаградитъ за то, что я Слово Его хотѣлъ сдѣлать яснымъ и понятнымъ для всѣхъ. Вѣрно трудъ мой слишкомъ длиненъ въ сравненіи съ скудоуміемъ нынѣшнихъ іерарховъ. Да и кто не знаетъ, что все доброе, истинное и умное съ трудомъ сходитъ на землю? Если страдали пророки, страдалъ безгрѣшный и святѣйшій Проповѣдникъ истины, то почему не страдать и намъ многогрѣшнымъ? Онъ далъ намъ образъ,

[1]) Приведенное нами выше. Н. В.

да послѣдуемъ стопамъ его».—Записывать свои сны Герасимъ Петровичъ началъ очень рано,—сохранились записи отъ времени начала его службы въ академіи. Такъ, одинъ разъ ему видѣлся сонъ (послѣ того, какъ онъ первый разъ сдалъ студентамъ свои «лекціи», въ октябрѣ 1821 года), что Филаретъ обнималъ его и называлъ своимъ другомъ, а Поликарпъ (Гайтанниковъ, ректоръ Петербургской семинаріи) боролся съ нимъ и сломалъ подъ нимъ желѣзную кровать и едва не повредилъ ему руки,—при чемъ Степанъ Ивановичъ (Райковскій, профессоръ математики въ академіи?) поддержалъ его и проч. Павскій находитъ этотъ сонъ знаменательнымъ въ виду «гоненія на все доброе и чистое»—въ то время. Другой разъ ему снилось, что, приготовившись купаться въ рѣчкѣ, онъ снялъ съ себя уже бѣлье, какъ вдругъ какой-то мальчишка бросилъ его въ воду. Онъ выплылъ и хотѣлъ одѣться, но бѣлья его уже не оказалось,—на мѣсто его положено было толстое, гадкое. «Подъ именемъ мальчишки у меня извѣстенъ Р.» . . . . замѣчаетъ сновидѣцъ. Съ 7-го на 8-е апрѣля ему видѣлось, что Филаретъ увѣщеваетъ его заняться св. отцами. Съ 8-го на 9-е апрѣля ему, во снѣ, кто-то изъ свѣтскихъ сказалъ, что Государь гнѣвается на него и отдалъ его «въ продажу». Съ 12-го на 13-е августа—будто изъ пожалованнаго ему креста вдругъ выпали всѣ драгоцѣнные камни и отъ креста оторвалось кольцо,—впрочемъ, «все было потомъ собрано и осталось цѣло». Во снѣ, видѣнномъ въ ночи съ 24-го на 25-е февраля 1843 года, митрополитъ Серафимъ извинялся передъ нимъ въ причиненномъ ему злѣ, митрополитъ Іона также оправдывалъ Серафима, а викарій сказалъ, что ему, Павскому, суждено управлять людьми, вводящими въ Россіи лучшее земледѣліе и лучшее садоводство. Въ 1824 году, въ ночи съ 12-го на 13-е декабря, ему видѣлось во снѣ, будто Филаретъ, лежа больной, со слезами на глазахъ говорилъ ему, что его, Павскаго, отставятъ отъ ученыхъ занятій въ университетѣ и академіи и оставятъ только въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Съ 13-го на 14-е того-же мѣсяца извѣстный архимандритъ Фотій во снѣ говоритъ Павскому: «Ну, приготовься терпѣть, что съ тобою будетъ», и проч. Всѣ эти сны записаны Павскимъ собственноручно и сохранились въ его бумагахъ въ подлинникѣ.

XIV.

Немалымъ утѣшеніемъ для Павскаго среди только что описанной нами невзгоды, его постигшей, служило общее сочувствіе къ нему со стороны бѣлаго духовенства столицы и вообще болѣе образованныхъ людей въ обществѣ. Изъ лицъ монашествующихъ сочувствіе его трудамъ по переводу библіи на русскій языкъ выражалъ одинъ знаменитый Иннокентій, впрочемъ—раньше, чѣмъ послѣдовалъ доносъ на Павскаго и началось слѣдствіе, именно въ 1834 году. Иннокентій былъ въ то время ректоромъ Кіевской академіи. Отъ 6-го января этого года онъ пишетъ Павскому: «Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій Герасимъ Петровичъ. Для новаго года мнѣ пришло желаніе сдѣлать здѣшней (т. е. Кіевской) академіи какой либо подарокъ. Не нахожу лучшаго и полезнѣйшаго, какъ доставить въ ея библіотеку полный (какой есть) переводъ ветхаго завѣта на русскій языкъ. Но исполненіе сего благаго желанія зависитъ во многомъ и отъ васъ, ибо у васъ только можно найти списки перевода полные и совершенно исправные. Посему прошу одолжить сихъ списковъ человѣку, который явится къ вашему высокопреподобію за ними. Это извѣстный вамъ Карпъ Дмитріевичъ Грузинъ, котораго я просилъ взять на себя трудъ составить съ вашихъ оригиналовъ исправный списокъ и прислать намъ. Вмѣстѣ съ симъ прошу принять увѣреніе въ полномъ душевномъ уваженіи къ вамъ, которое не зависитъ и не измѣняется ни отъ какого разстоянія мѣстъ и временъ. Вашего высокопреподобія всегдашній усердный слуга Иннокентій.

«P. S. И только? скажете вы. Только. Ибо если писать подробно все и о всемъ, то и Кіевъ не вмѣстилъ-бы пишемыхъ книгъ. О. инспекторъ Іеремія (находящійся у самыхъ дверей гроба) вамъ усердно кланяется».

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, относясь такъ уважительно къ «переводу библіи» Павскаго въ 1834 году, когда Павскій еще прочно стоялъ при Дворѣ и когда провинціальные его друзья могли думать, что онъ имѣетъ тамъ вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ, Иннокентій совсѣмъ иначе высказался о томъ же самомъ переводѣ библіи, котораго выпрашивалъ у Павскаго и который хотѣлъ принести въ даръ Кіевской академіи какъ наиболѣе цѣнный подарокъ,—въ 1843 году, когда только что окончилось дѣло о переводѣ библіи, въ письмѣ къ К. С. Сербиновичу, своему петербургскому другу, лицу, пользовавшемуся близостію къ оберъ-прокурору св. синода. Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ: «Скоро-ли кончится дѣло у васъ о литогра-

фіи ветхаго завѣта? Въ десять лѣтъ этихъ книжонокъ не было-бы и такъ на свѣтѣ; на нихъ рѣдко кто обращалъ вниманіе,—а теперь всѣ бросились читать. Что же, скажете, читать, когда книги отобраны? А списки и рукописи? Развѣ ихъ можно отобрать?..... Все это не значитъ, чтобы я стоялъ за отобранныя книжонки. Я первый горько жалѣлъ, что онѣ увидѣли свѣтъ, и первый же, я думаю, отобралъ сіи книги, когда онѣ появились въ Кіевѣ, бросивъ ихъ на чердакъ въ ученый хламъ. То же можно бы сдѣлать и со всѣми ими вездѣ, безъ шума и соблазна» [1]). Конечно, здѣсь идетъ рѣчь не собственно о переводѣ Павскаго, а о томъ видѣ его, какой былъ налитографированъ студентами; но во всякомъ случаѣ, какова бы ни была разница между тою и другою редакціей перевода—полученной Иннокентіемъ лично отъ Павскаго и имѣющейся въ литографіяхъ—она не могла быть на столько значительна, чтобы вызвать столь пренебрежительный отзывъ о послѣдней.—Стоитъ замѣтить, что Иннокентій, также какъ и Павскій, въ бытность свою не только въ Петербургѣ, но и въ Кіевѣ, слылъ неологомъ, и, дѣйствительно, по міровоззрѣнію принадлежалъ безспорно къ школѣ Павскаго. Его знаменитое сочиненіе «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа», напечатанное въ «Христіанскомъ Чтеніи», было запрещено и могло быть издано отдѣльною книгой не раньше какъ въ семидесятыхъ годахъ (вновь издано оно недавно г. Вольфомъ въ «полномъ собраніи» сочиненій Иннокентія). Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ о Павскомъ и Иннокентіи, вынужденныхъ находиться при собраніяхъ въ академіи постоянно особнякомъ, кто-то изъ сослуживцевъ сказалъ однажды вслухъ: «Вотъ неологи».—«Да, не олухи», съострилъ въ отвѣтъ Павскій.

Изъ остальныхъ писемъ Иннокентія къ Павскому сохранились всего лишь два письма, писанныя—одно немедленно по прибытіи Иннокентія въ Кіевъ, 25-го ноября 1830 г., другое отъ 27-го мая 1831 года. Оба на столько интересны, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести ихъ въ полномъ составѣ. «Изъ Могилева я жаловался вамъ, почтеннѣйшій Герасимъ Петровичъ, на трудность пути. Вѣроятно, жалоба моя принята вами къ сердцу. Отъ Могилева до самаго Кіева мы имѣли дорогу гораздо лучше. Подъ конецъ счастіе намъ даже замѣтно поблагопріятствовало. Мы застали еще на Днѣпрѣ мостъ, который на другой день разорвало льдомъ такъ внезапно, что нѣсколько проѣзжающихъ уплыло внизъ. Значитъ, въ числѣ сихъ несчастныхъ очень и очень могли быть и мы!—Въ Кіевъ прибыли мы къ 15-му числу, странствуя

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 660.

въ дорогѣ ровно три недѣли. На другой день были у владыки (т. е. у кіевскаго митрополита Филарета), который принялъ насъ довольно хорошо. Я изумился той подробности, съ какою знаетъ онъ о петербургскихъ событіяхъ, самыхъ неважныхъ, напримѣръ, о курьезной встрѣчѣ въ моей комнатѣ А. И. Красовскаго съ о. Смарагдомъ, коея свидѣтелемъ былъ одинъ К. Д. Грузинъ. Тѣмъ болѣе, думаю, извѣстно ему все здѣшнее: новая причина быть осторожнымъ! Академисты встрѣтили насъ съ замѣтнымъ усердіемъ: дай Богъ сдѣлать для нихъ что нибудь добраго! А нуждъ у нихъ не мало. Учащіе оставались доселѣ почти безъ всякаго поощренія, и нѣкоторые терпятъ бѣдность, которая убиваетъ дарованія. По внѣшности въ академіи все довольно исправно; не знаю еще, каково внутри, но, кажется, не худо. Только библіотека здѣшняя, на которую я надѣялся, вовсе не отвѣтила моему ожиданію. По современной литературѣ богословско-философской едва-ли найдется десятка полтора книгъ, и то не важныхъ. Не знаю, чему и кому приписать такую бѣдность. Только не преосв. Моисею, у котораго было очень много книгъ новыхъ. Но дѣлать нечего, надобно будетъ восполнить сей недостатокъ, въ каковомъ благомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, и вы не откажетесь намъ посодѣйствовать.—Монастырь мой, поколику соединенъ съ академіей, очень хорошъ: обстроенъ, убранъ, красивъ. А внѣшняя экономія его, коею онъ долженъ питаться, дошла до совершеннаго упадка. Это преимущественно надобно сказать о мельницѣ—главной статьѣ доходовъ,—коея цѣна, за ветхостію строенія, понижаясь годъ отъ года, наконецъ дошла до ноля. Теперь необходимо строить ее вновь; а денегъ нѣтъ, умѣнья—тоже, не знаю что дѣлать. Придется, по примѣру новгородскихъ монастырей, жить подаяніемъ. За то гдѣ жить? Настоятельскія комнаты отдѣланы о. Смарагдомъ какъ нельзя лучше. Лошадей, экипажей, звоновъ, поклоновъ, какъ нельзя больше. Есть съ кѣмъ и раздѣлить время: кругъ ученыхъ сотрудниковъ и великъ и хорошъ. Въ свободное время и владыки, говорятъ, не отказываются посѣщать академію. Вообще намъ на первый разъ кажется здѣшній міръ таковымъ, что если бы не остались въ Петербургѣ вы и еще нѣсколько добрыхъ людей, подобныхъ вамъ, то не было бы причинъ вспоминать часто о петербургской жизни.—Пиша о многомъ, надобно сказать что-нибудь и о здоровьѣ. До сихъ поръ нашъ богоспасаемый Кіевъ соотвѣтствуетъ своему названію, хотя нѣсколько домовъ было оцѣплено по разнымъ подозрѣніямъ. Но, кажется, не долго намъ оставаться въ числѣ людей безподозрительныхъ: болѣзнь идетъ все ближе и ближе—теперь за пятьдесятъ верстъ. Въ мѣрахъ предосторожности нѣтъ недостатка, въ средствахъ медицинскихъ—тоже.

Хлоръ не хуже вашего, по крайней мѣрѣ дешевле. Изъ семинарій нашего округа только три остаются нераспущенныхъ. Здѣсь давно перестали учиться. Такого непріятеля, какой угрожаетъ намъ, надлежитъ срѣтить съ крѣпкимъ здоровьемъ. А наше, къ сожалѣнію, съ дороги очень разстроилось. А посему не взыщите, если наши имена окажутся въ числѣ людей, отправившихся на тотъ свѣтъ.— Каково живется вамъ? О внѣшнихъ событіяхъ общественныхъ мы можемъ имѣть всѣ свѣдѣнія: ибо владыка велитъ выписывать всѣ до одной газеты. О внутреннемъ ходѣ дѣлъ, особенно близкихъ къ намъ, надѣемся по временамъ слышать что нибудь отъ васъ. Предъ отъѣздомъ, за хлопотами, я забылъ возвратить вамъ Фесслера. Карпъ Дмитричъ, у коего остались мои книги, постарается вамъ его доставить.—До новаго удовольствія писать къ вамъ!—Почтенному Акиму Семеновичу [1]) и А. Ивановичу усердное почтеніе. А равно Василію Борисовичу [2]), Василію Ивановичу [3]) и всей братіи академіи.—О. Смарагдъ [4]) писалъ сюда. Что-то онъ слишкомъ не жалуетъ новаго своего мѣста. Жалуютъ-ли его?»

Второе изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи писемъ Иннокентія къ Павскому чрезвычайно любопытно по описанію положенія Кіева и вообще юго-западнаго края въ то время. «Кіевъ, мая 27-го 1831 г. И я въ свою очередь замолчался предъ вами, достопочтеннѣйшій Герасимъ Петровичъ. Время глаголати. Только не знаю, откуда начать плакать. Плакать, говорю, ибо нѣтъ ни одной радости: все рыданіе, жалость и горе. Давидъ не зналъ, какое выбрать изъ трехъ золъ; мы поражены ими всѣми безъ выбора. Ужасная холера не даетъ ни дня покою: жертва за жертвою, и все вблизи. Инспекторъ здѣшней семинаріи, въ продолженіе десяти часовъ, изъ здороваго человѣка превратился въ такой трупъ, что трудно было узнать, кому онъ прежде принадлежалъ. А мученія? Едва-ли меньше тѣхъ, кои терпитъ человѣкъ, попавшій въ колесо въ мельницѣ. Извѣстный вамъ профессоръ нашъ Гуляевъ выдержалъ было первый натискъ болѣзни, поразившей его въ самый Свѣтлый день; но жестокая горячка, происшедшая отъ ослабленія нервовъ, довершила пораженіе, и съ недѣлю назадъ мы проводили его къ отцамъ своимъ. На прошедшей недѣлѣ подверглись припадкамъ холеры профессоръ (Персиковъ?), баккалавръ Амфитеатровъ, и о. ректоръ семинаріи. Однако-же паро-

---

[1]) Кочетовъ, профессоръ академіи, извѣстный ученый и протоіерей.

[2]) Бажановъ, преемникъ Павскаго въ должности законоучителя.

[3]) Кутневичъ, оберъ-священникъ арміи и флотовъ.

[4]) Крыжановскій, умершій въ санѣ архіепископа рязанскаго. Н. В.

ксизмъ скоро прошелъ и они поправились. Заразительности, коей прежде такъ много опасались, въ сей болѣзни вовсе нѣтъ; по крайней мѣрѣ у насъ не видно. Мертваго обмываютъ, цѣлуютъ, и остаются здоровыми. Я самъ былъ у покойныхъ... и Гуляева, а ничего не чувствовалъ, кромѣ обыкновенной своей слабости. Лучшее лекарство—треніе, припарки, обтираніе уксусомъ. Коль скоро больной вспотѣетъ, то опасность прошла. Вѣрнѣйшее предостереженіе—діэта, покой душевный и чистый сухой воздухъ. Неумѣренность и сырость—стихія болѣзни. Не дай Богъ, чтобы сіе бѣдствіе достигло вашихъ краевъ. Если гдѣ, то у васъ оно можетъ отяготѣть надолго, надъ многими. Инфлюенца, свирѣпствующая, если вѣрить «Прусской Газетѣ», въ Финляндіи, говорятъ, не такъ опасна и легче излечивается. Лучше, однако же, будетъ, если и сія болѣзнь пронесется мимо васъ. Надобно же какому нибудь мѣсту въ цѣлой Россіи остаться здоровому, чтобы подавать другимъ помощь.

«Другое зло—голодъ—хотя не такъ велико, но, въ соединеніи съ прочими несчастными обстоятельствами, вредитъ очень много. Тягость его, какъ обыкновенно, лежитъ на бѣдныхъ крестьянахъ. Если бы вы посмотрѣли что̀ они употребляютъ въ пищу! А безсовѣстные помѣщики, иждивъ ихъ кровавые труды безразсуднѣйшимъ образомъ, не хотятъ или не могутъ помочь имъ. Цѣлыя тысячи бродятъ, ища работы за кусокъ хлѣба.—Наконецъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ суждено было испытать намъ и третье бѣдствіе: междуусобіе. Глупая здѣшняя шляхта не утерпѣла, чтобы вслѣдъ за варшавскими безумцами не похрабровать на счетъ безопасности мирныхъ жителей. Тамъ и здѣсь появились вооруженныя партіи. Маршалы нѣкоторые оказались въ числѣ предводителей. Надлежало отправить цѣлые полки для усмиренія. Насъ, горожанъ, пугаютъ разными слухами: то пожаромъ, то ночнымъ набѣгомъ. Вслѣдствіе сего крѣпость и городъ поставлены на военную ногу (первая наполнена арестантами). Артиллерія всегда на-готовѣ. По мѣстамъ главнымъ стоятъ баталіоны. Вокругъ города разъѣзды. Вотъ до чего дожили! Надѣются, впрочемъ, что всѣ смуты скоро окончатся, и у насъ водворится прежняя тишина. Военныхъ извѣстій у насъ если не болѣе, то не меньше вашего. Мы сами получаемъ, кромѣ русскихъ, заграничную газету. А фельдмаршалъ присылаетъ нашему владыкѣ лучшія иностранныя, даже варшавскія. Сколько лжей, хвастовства, клеветъ! Есть и горькія истины. Что дѣлать! Это время посѣщенія Божія для Россіи!—Согласитесь, почтеннѣйшій Герасимъ Петровичъ, что среди такихъ обстоятельствъ, въ какихъ находимся мы, нельзя жить спокойно и весело. Малодушія нѣтъ, а все-таки по временамъ

приходитъ на мысль и то и другое. На бѣду, вашъ владыка недавно расходился съ своимъ православіемъ. Повѣрите-ли, онъ не постыдился письменно обнести меня неологомъ предъ нашимъ преосвященнымъ. По милости послѣдняго, я собственными глазами видѣлъ собственноручное его навожденіе. Такая отеческая попечительность, простираемая за тысячи верстъ, право, отзывается преслѣдованіемъ. Имѣю не неосновательныя причины думать, что въ вашемъ кругѣ есть люди, кои находятъ удовольствіе раздувать въ душѣ старца давно тлѣющія искры; и, чего бы не хотѣлось говорить, въ числѣ сихъ людей, кажется, первымъ вашъ . . . . . Ignoscat ei Dominus, nescit enim quod facit. «Христіанское» ваше «Чтеніе» идетъ такъ удачно и скоро, что и вчужѣ нельзя не порадоваться. Канонъ пасхальный вѣрно вашего перевода. Его только что не поютъ, а читаютъ съ удовольствіемъ великимъ. Что же вашъ Іовъ? [1]) Лексиконъ? [2]) Исторія? [3]) Смотрите, я знаю всѣ ваши труды, и при первомъ случаѣ сдѣлаю доносъ, если бы вы вздумали утаить что нибудь. Кстати объ утайкѣ. Слышу, что на меня у васъ сѣтуютъ, или сѣтуетъ, за увозъ какихъ-то статей, приготовленныхъ якобы кѣмъ-то для «Христіанскаго Чтенія». На васъ посылаюсь, были-ли какія либо статьи подобнаго рода? И на что мнѣ ихъ? Одинъ провозъ подобной рухляди стоитъ чего нибудь.—Въ заключеніе позвольте попросить вашего ходатайства у преосв. Григорія о сиротахъ покойнаго Гуляева. Мы будемъ просить имъ въ пенсіонъ треть жалованья, хотя покойникъ служилъ только десять лѣтъ. Могутъ дать, могутъ и отказать. А, право, дать лучше. Четыре птенца. Мать слабая. Родня бѣдная. Покойникъ служилъ отлично и ничѣмъ не былъ награжденъ. При

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что, кромѣ перевода библія, Павскій занимался и учено-экзегетическими и герменевтическими изслѣдованіями по св. писанію Въ бумагахъ его мы нашли трактатъ о значеніи въ библіи словъ: **хетонеевъ. тамбецъ.** Въ письмѣ Иннокентія подъ Іовомъ разумѣются также «примѣчанія на книгу Іова», а не переводъ, который сдѣланъ былъ раньше. Примѣчанія эти также сохранились въ бумагахъ Павскаго.

[2]) Еврейско-русскій лексиконъ, сохранившійся въ рукописи.

[3]) Павскій превосходно зналъ церковную исторію, всеобщую и русскую. Курсъ богословія, читанный имъ въ университетѣ, разработанъ по историческому методу. Въ бумагахъ его сохранилось нѣсколько тетрадей и множество отрывковъ изъ исторіи церкви всеобщей и русской. Очевидно, онъ готовилъ къ печати курсъ церковной исторіи. Филологическія занятія отвлекали его отъ этой области научныхъ изысканій. Въ печать попалъ лишь одинъ эпизодъ изъ церковной исторіи, именно «О состояніи русской церкви подъ управленіемъ патріарховъ», напечатанный въ «Лѣтописи факультетовъ», изд. Галичемъ. **Н. В.**

томъ наши несчастныя обстоятельства. Если когда нужно явить милость, то въ настоящее время.—Знакомымъ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.—За симъ, препоручая себя вашей любви, остаюсь навсегда искренно вамъ преданный Иннокентій».

Переводъ св. писанія на русскій языкъ, совершенный Павскимъ, былъ давно уже извѣстенъ за границей. Приводимъ любопытное письмо къ Павскому одного изъ его духовныхъ дѣтей, лица извѣстнаго г. Саблукова, — подписывавшагося въ своихъ письмахъ изъ Англіи и Германіи «вашъ вѣрный другъ», — изъ Дрездена, отъ 5-го ноября 1829 года. «Любезный батюшка! Обѣщавъ вамъ писать изъ чужихъ краевъ, когда встрѣтится что либо интересное, я долженъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ и доставить вамъ двѣ книжки, купленныя мною въ Гернгутѣ. Нѣтъ словъ, любезный батюшка, объяснить вамъ, какъ плѣнительно сіе мѣстечко, — спокойствіемъ, тихостію жителей, дешевизною, красотою мѣстоположенія, всеобщею нравственностію, однимъ словомъ — всѣми нравственными плодами, каковые должны являться, гдѣ посажено древо истиннаго христіанства (!). Сіе самое и побудило меня послать вамъ двѣ пространныя книжки, увѣренъ будучи, что, при познаніи нѣмецкаго языка, оныя будутъ вамъ занимательны. Вамъ уже извѣстно, что Гернгуты, происходящіе отъ Моравцевъ, суть церковь епископальная. Я имѣлъ удовольствіе и честь познакомиться съ двумя епископами Fabricius и Heufel, видѣлъ и ихъ женъ, и житіе, и только сожалѣлъ, что вы вмѣстѣ со мною не пользовались ихъ прелестнымъ обществомъ. Вы, однако, не были забыты, и они оба съ немалымъ восторгомъ слышали, что Герасимъ Петровичъ Павскій—переводчикъ слова Божія съ оригинальнаго еврейскаго языка на отечественный живой нашъ языкъ—теперь духовнымъ наставникомъ Наслѣдника престола Россійскаго. Могу васъ увѣрить, что сіе ихъ много порадовало, и вамъ, конечно, будетъ пріятно сіе слышать отъ человѣка, на правду словъ коего вы положиться можете. Къ сему долженъ прибавить, что такъ какъ Гернгутеры и ихъ духовенство пріемлютъ большое и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ библейскихъ, то сообщеніе мое ихъ очень утѣшило и было доказательствомъ, что благочестивый младый Монархъ нашъ отнюдь не противенъ распространенію слова Божія и противъ главныхъ орудій бывшаго Библейскаго общества немилости не имѣетъ, а, напротивъ того, жалуетъ и употребляетъ нѣкоторыхъ изъ того числа, которые имѣютъ искреннюю любовь слова Божія. Сохрани Богъ отъ употребленія всѣхъ членовъ этого общества безъ разбора! На сей разъ вамъ, любезный батюшка, сказать нечего, и проч. Вашъ вѣрный другъ Николай Са-

блуковъ». Этотъ г. Саблуковъ былъ замѣчателемъ тѣмъ, что по женѣ имѣлъ родственникомъ нѣкоего «молодаго человѣка добрыхъ нравовъ и хорошаго воспитанія», M-r George Lock, отецъ котораго the R-nd George Lock, Rector of Lee, былъ сынъ или внукъ, во всякомъ случаѣ потомокъ по прямой линіи, знаменитаго философа Локка, а съ материей стороны былъ правнукъ Андрея Томсона, «который назваться можетъ однимъ изъ патріарховъ россійской торговли съ Англіею». Молодой Локкъ прибылъ въ Россію, чтобы посвятить себя профессіи своего прадѣда—заняться веденіемъ торговыхъ дѣлъ Россіи съ Англіей; получивъ хорошее классическое образованіе, сынъ Лэйскаго ректора не владѣлъ русскимъ языкомъ и корреспондентъ—другъ Герасима Петровича проситъ его заняться обученіемъ молодаго англичанина русскому языку.

По вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, преемникъ Павскаго по законоучительству, протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, вообще горячо любившій и чтившій Павскаго, по возвращеніи Государя изъ Москвы съ коронаціи, имѣлъ счастіе обратить милостивый взоръ Монарха на его бывшаго законоучителя. Герасимъ Петровичъ удостоился аудіенціи у Государя, послѣ который ему пожалованъ былъ драгоцѣнный, бриліантами украшенный крестъ изъ кабинета Его Величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павскій былъ перечисленъ отъ церкви Таврическаго дворца въ штатъ духовенства придворнаго большаго собора. С.-Петербургская духовная академія видѣла заслуженнѣйшаго и достойнѣйшаго изъ своихъ профессоровъ послѣдній разъ въ 1859 году, на праздникѣ пятидесятилѣтняго юбилея академіи. Вскорѣ послѣ того Павскій пересталъ выѣзжать изъ дома: труды и время сдѣлали свое. Въ послѣдніе годы жизни своей, страдая ногами, онъ былъ почти прикованъ къ постели и могъ ходить по комнатѣ не иначе, какъ при посторонней помощи. Въ ночь на 7-е апрѣля 1863 года онъ мирно скончался. На похоронахъ Павскаго стеклось все, что было лучшаго въ петербургскомъ духовенствѣ. Здѣсь друзья и недруги приснопамятнаго труженика науки и достойнѣйшаго изъ служителей православной церкви могли во очію убѣдиться, какъ дорогъ былъ Герасимъ Петровичъ для церкви, какъ глубоко любило и чтило его столичное духовенство.

Н. И. Барсовъ.

Спб. 22-го августа 1879 г.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Я. М. НЕВѢРОВА.

Подвижникъ и подвижница [1]).

Саровской пустыни я обязанъ моимъ религіозно-нравственнымъ развитіемъ, что, конечно, покажется страннымъ послѣ только что разсказанныхъ различныхъ анекдотовъ [2]), а между тѣмъ дѣйствительно, первое проявленіе истинно-религіознаго чувства оказалось у меня въ Саровѣ,—и вотъ по какому случаю. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія—именно въ эпоху моего дѣтства и отрочества—еще живъ былъ схимникъ Серафимъ [3]),

---

[1]) Обширныя Записки достоуважаемаго Я. М. Невѣрова, составленныя имъ довольно уже давно и продолжаемыя нынѣ, отнюдь не предназначались и не предназначаются имъ къ печати при его жизни. Тѣмъ не менѣе, мы испросили согласіе Януарія Михайловича на помѣщеніе на страницахъ «Русской Старины» настоящаго небольшаго отрывка изъ нихъ, относящагося къ ранней эпохѣ его жизни. Другой, значительно бóльшій открывокъ изъ тѣхъ же Записокъ, но изъ періода пребыванія автора за-границей — см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 731—764.

[2]) Описывая Саровскую пустынь, находящуюся въ 10-ти верстахъ отъ села Дивѣева, гдѣ мать автора имѣла усадьбу, въ которой проводила лѣто онъ разсказываетъ, какъ помѣшалъ условленному rendez-vous іеродіакона съ одною изъ посѣтительницъ пустыни, и другіе интересныя подробности касающіеся Саровскихъ монаховъ. Ред.

[3]) Отецъ Серафимъ, іеромонахъ Саровской обители, пустынножитель и затворникъ, былъ уроженцемъ города Курска, сынъ достаточныхъ родителей изъ купеческаго сословія, Мошниныхъ; родился въ 1759 году и въ крещеніи получилъ имя Прохора; съ дѣтства преданный благочестію, онъ велъ уединенную жизнь и занимался чтеніемъ библіи и духовныхъ книгъ, а 17-ти лѣтъ оставилъ родину и отправился въ Саровскую пустынь, гдѣ, по выдержаніи послушническаго испытанія, принялъ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха; поселившись въ лѣсу, велъ отшельническую жизнь и скончался въ 1832 году.— См. «Житіе старца Серафима». Москва. 1877 года. Изд. 2-е. Я. Н.

изображеніе коего и теперь можно видѣть въ Москвѣ и повсюду въ нашей лубочной литографіи. Серафимъ не жилъ въ самомъ монастырѣ, а въ лѣсу,—и тамъ не только я, но едва-ли кто изъ фешенебельныхъ посѣтителей Сарова могъ его видѣть, и хотя въ монастырѣ у него была своя келія,—но онъ приходилъ въ нее только разъ въ недѣлю для пріобщенія св. Таинъ. Въ церкви я его никогда не видалъ,—а пріобщался онъ всегда у себя въ келіи, послѣ ранней обѣдни, обыкновенно совершавшейся въ больничной церкви монастыря. По окончаніи литургіи, совершавшій ее іеромонахъ торжественно, съ чашею въ рукахъ, въ сопровожденіи всего клира и всѣхъ молившихся въ церкви, отправлялся въ келію Серафима, который встрѣчалъ св. Дары стоя на колѣняхъ на порогѣ своей келіи,—и по пріобщеніи и уходѣ іеромонаха съ св. Дарами раздавалъ благословенія посѣтителямъ, изъ которыхъ многіе приносили ему въ даръ большія просфоры, церковное вино, свѣчи, масло и подобные предметы, что̀ Серафимъ принималъ съ благодарностью—и просфоры тутъ же крошилъ въ огромную деревянную чашку и, поливъ принесеннымъ ему посѣтителями краснымъ виномъ, угощалъ самъ публику, изъ коей многіе принимали это угощеніе съ благоговѣніемъ, въ томъ числѣ и мать моя. Когда она познакомилась съ новыми нашими сосѣдями, Калмацкими, то, конечно, предложила имъ въ ближайшее воскресенье ѣхать вмѣстѣ съ нами въ Саровскую пустынь, что и было охотно принято.—Пріѣхавъ въ субботу ко всенощной, мы узнали, что о. Серафимъ въ монастырѣ и на другой день, по обыкновенію, будетъ пріобщаться послѣ ранней обѣдни св. Таинъ. Мы отправились въ церковь, а послѣ обѣдни за процессіей—къ нему въ келію, и когда онъ, пріобщившись, началъ предлагать публикѣ свое обычное угощеніе—крошеными просфорами въ чашкѣ съ виномъ, которую и подносилъ самъ ко рту присутствовавшихъ, черпая изъ нея деревянною ложкою, то новопріѣзжая молодая дама Засѣцкая была крайне удивлена этимъ оригинальнымъ угощеніемъ, а когда Серафимъ подошелъ къ ней и поднесъ къ ея рту ложку съ приготовленнымъ имъ кушаньемъ, она никакъ не хотѣла его принять и отворачивалась отъ него. Добрый старецъ, вѣроятно, понялъ ея сопротивленіе такъ, что она затрудняется принять въ ротъ весьма почтенныхъ размѣровъ ложку, и пренаивно сказалъ ей: „а ты пальчикомъ-то, матушка,

пальчикомъ!“ т. е. ложку приставь только ко рту, а содержавшееся въ ней переложи въ ротъ рукою,—но при этомъ совѣтѣ молодая особа засмѣялась, а вслѣдъ за нею началъ и я громко хохотать, такъ что почтенный старецъ отошелъ отъ нея въ недоумѣніи, и она тотчасъ вышла изъ кельи; а такъ какъ мой хохотъ не унимался, не смотря на всѣ старанія матери прекратить его, то я выведенъ былъ ею также вонъ и получилъ сильный нагоняй за мое неприличное поведеніе: меня оставили безъ чаю и безъ обѣда, и матушка объявила мнѣ, что она не проститъ меня до тѣхъ поръ, пока я не получу прощенія отъ отца Серафима, и меня послали къ нему послѣ обѣда. Конечно, я отправился только по настоятельному требованію, а не по внутреннему призванію,—и подъ надзоромъ матери, слѣдившей за мною. Подойдя къ двери келіи, я нашелъ ее запертою извнутри и, по обыкновенію, громко произнесъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“—что̀, какъ извѣстно, на монастырскомъ языкѣ равносильно просьбѣ войти,—на что мнѣ отвѣчали „аминь“, т. е. „войди“, и отперли дверь. До того времени я видѣлъ эту келію не иначе, какъ наполненною народомъ, тѣснившимся принять благословеніе отъ Серафима, а потому замѣтилъ только передній ея уголъ, уставленный образами съ горѣвшими предъ ними лампадами, подъ образами столъ, на которомъ лежали свѣчи, а подъ столомъ просфоры, бутылки съ церковнымъ виномъ и деревяннымъ масломъ— и ничего болѣе; да меня занимала, конечно, не келія и ея обстановка и даже не хозяинъ ея, а публика, тѣснившаяся около него,—но тутъ я былъ одинъ предъ старцемъ, и меня поразило странное зрѣлище: посрединѣ келіи стоялъ гробъ, и въ гробу сидѣлъ почтенный старецъ Серафимъ, держа въ рукахъ книгу. Онъ чрезвычайно привѣтливо обратился ко мнѣ съ словами:

— „Здравствуй, мой другъ, здравствуй; что тебѣ надобно?“

Я отвѣчалъ ему: „Матушка прислала меня просить прощенія у васъ въ томъ, что я давеча смѣялся надъ вами“.

— „Тебя матушка прислала,—ну, благодари отъ меня твою матушку, мой другъ, благодари ее отъ меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее,—благодари ее!“

Слова эти сказаны были самымъ добродушнымъ тономъ, но съ нѣкоторымъ особымъ удареніемъ на фразу „тебя матушка прислала“,—такъ что я, сознавая внутренно свою виновность

предъ старцемъ, слышалъ въ нихъ какъ бы укоръ, — а потому, желая во что̀ бы ни стало получить прощеніе, позволилъ себѣ сказать: „нѣтъ, не матушка прислала, а я самъ пришелъ“.

— „Ты самъ пришелъ, мой другъ — ну, благодарю тебя благодарю! Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!“ — при этомъ онъ позвалъ меня къ себѣ и благословилъ, сказавъ: „раскаяніе и грѣхъ снимаетъ — ну, а тутъ не было грѣха, — Христосъ съ тобою, мой другъ!“

При этомъ онъ спросилъ меня, читаю ли я евангеліе? Я, конечно, отвѣчалъ — нѣтъ, потому что въ то время кто же читалъ его изъ мірянъ: это дѣло дьякона. Старецъ пригласилъ меня взять единственную въ келіи скамейку и сѣсть возлѣ него, а самъ, раскрывъ бывшую у него въ рукахъ книгу, которая оказалась евангеліемъ, началъ читать 7-ю главу отъ Матѳея—стихъ: „не судите, да не судимы будете, юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ“—и читалъ далѣе всю главу. Онъ читалъ безъ всякихъ объясненій и даже не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на мой проступокъ, но, слушая его, я самъ глубоко созналъ мою виновность, и это чтеніе произвело на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что слова евангельскія врѣзались въ мою память, и я, доставъ евангеліе, послѣ нѣсколько разъ перечитывалъ эту главу отъ Матѳея и долго помнилъ почти наизусть ее всю. Окончивъ чтеніе, Серафимъ снова благословилъ меня и, отпуская, совѣтовалъ мнѣ почаще читать евангеліе, что̀ я принялъ къ сердцу и началъ дѣлать съ того времени.

Замѣчательно, что ни у насъ въ домѣ, ни въ Верякушахъ [1]) не было евангелія, и вообще въ томъ кругу, среди коего я провелъ мое дѣтство, почиталось если не грѣхомъ, то профанаціею святыни читать дома евангеліе: для этого находили необходимымъ торжественную обстановку, такъ какъ и въ церкви евангеліе читалось священникомъ или дьякономъ во время богослуженія, а не причетниками, и потому полагали, что оно не могло быть читано въ семьѣ. Даже въ училищѣ [2]) законоучитель, занимавшій насъ иногда — какъ я сказалъ выше — чтеніемъ

---

¹) Деревня, гдѣ жилъ дѣдушка автора, отецъ его матери, и гдѣ онъ провелъ почти все свое дѣтство.

²) Авторъ начальное обученіе получилъ въ арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ.

житій святыхъ, не только не объяснялъ, но и не читалъ намъ евангелія въ классѣ, и только уставъ гимназій и училищъ 1833 года вмѣнилъ въ обязанность законоучителямъ — объяснять учащимся въ воскресенье передъ обѣдней евангеліе, но и это — какъ увидимъ послѣ — долгое время оставалось безъ исполненія, и этому распоряженію не сочувствовали не только законоучители, но и архіереи, такъ что я, будучи директоромъ, долженъ былъ на себя принять эту обязанность. Вслѣдствіе всего этого я не могъ тотчасъ начать это душеполезное чтеніе, но, живо помня совѣтъ почтеннаго старца, воспользовался имъ послѣ. При описанной мною сценѣ въ келіи Серафима мать моя не присутствовала: она только издали наблюдала, вошелъ-ли я въ келію, и поджидала моего выхода на монастырскомъ дворѣ. Увидѣвъ меня чрезвычайно взволнованнымъ, когда я подошелъ къ ней, она не тотчасъ повѣрила моему разсказу и все приписывала мое волненіе нагоняю, который я—какъ ей казалось—долженъ былъ получить отъ старца; но проявившееся съ этой поры во мнѣ глубокое къ нему уваженіе и стремленіе непремѣнно быть у него всегда, когда мы пріѣзжали въ Саровъ, и его всегда необыкновенно ласковое со мною обхожденіе—вполнѣ ее успокоили впослѣдствіи. Дѣйствительно, въ первый же разъ, когда мы послѣ описанной сцены отправились къ нему вслѣдъ за священникомъ съ Дарами, я протѣснился впередъ къ старцу, и меня занимала уже не толпа—какъ то было прежде—но именно самъ Серафимъ и актъ его причащенія. По обыкновенію, онъ стоялъ на колѣняхъ на порогѣ своей келіи, и сверхъ іеромонашеской мантіи на немъ была эпитрахиль. Когда приблизился священникъ и передалъ ему чашу, онъ, благоговѣйно принявъ ее въ руки, началъ громко читать извѣстную причастную молитву: „вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ“. При этомъ онъ преклонилъ голову до земли, держа чашу надъ головою. Затѣмъ, поднявшись, продолжалъ: „еще вѣрую, что сіе есть самое пречистое тѣло Твое“, и т. д. и все это съ такимъ убѣжденіемъ и съ такимъ восторженнымъ умиленіемъ, что и я невольно преклонилъ колѣна, и каждое слово этой молитвы глубоко впечатлѣлось въ душѣ моей.—Когда послѣ пріобщенія въ числѣ прочихъ подошелъ и я къ его благословенію, то онъ такъ привѣтливо обра-

тился ко мнѣ съ своимъ обычнымъ угощеніемъ—крошеныхъ просфоръ въ чашкѣ съ виномъ—погладилъ меня по головѣ и далъ цѣлую просфору, что обратило на меня вниманіе всей толпы, такъ какъ это была необыкновенная съ его стороны благосклонность. Съ тѣхъ поръ я всякій разъ, когда былъ въ Саровѣ, старался какъ можно ближе становиться къ Серафиму, чтобы не только слышать, какъ онъ произноситъ причастную молитву, но и любоваться его глубоко-вдохновенною наружностью и слѣдить за каждымъ его движеніемъ, что̀ все производило на меня потрясающее впечатлѣніе. Даже до сей поры—подходя къ причастію и повторяя за священникомъ слова причастной молитвы, я мысленно вижу предъ собою величественный обликъ Серафима съ чашею въ рукахъ—и, будучи впослѣдствіи директоромъ гимназіи, я обращалъ особое вниманіе на то, чтобъ приступающіе къ пріобщенію ученики отчетливо знали и понимали эту молитву, а въ пятидесятыхъ годахъ, въ Ставрополѣ, будучи недоволенъ преподаваніемъ закона Божія, преимущественно въ уѣздныхъ училищахъ, я составилъ инструкцію законоучителямъ, въ которой требовалось, чтобы эта молитва каждогодно была объясняема учащимся во время говѣнья Инструкція эта была одобрена попечителемъ и духовнымъ начальствомъ и—пока я былъ директоромъ—исполнялась въ точности, но послѣ, какъ я слышалъ, предана забвенію.

Во время моего дѣтства, въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, краю, въ большихъ монастыряхъ, и кромѣ Саровской пустыни, были подвижники, пользовавшіеся репутаціею святыхъ—и монастыри старались о распространеніи ихъ извѣстности для привлеченія къ себѣ богомольцевъ. Такъ, въ самомъ Арзамасѣ, въ Алексѣевской женской общинѣ, въ которой тогда считалось до 800 общинницъ [1]), изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли собственныя средства къ существованію и строили или покупали себѣ въ монастырской оградѣ домики, въ которыхъ вели совершенно самостоятельную жизнь, являясь только къ богослуженію въ церковь и къ вечернему правилу, читавшемуся въ ней дежурною чтицей (но и это не было строго обязательно); бѣдныя же дѣвицы и вдовы принимались на

[1]) Не знаю, какъ ихъ назвать: онѣ не были монахинями, хотя община устроена была на монастырскихъ началахъ, но собственно постриженія въ монашество въ ней не производилось, и значительное число живущихъ въ общинѣ ходило даже въ свѣтскомъ платьѣ. Я. Н.

полное содержаніе общины, но за то обязывались нести всякаго рода службы не только при общинныхъ церквахъ, но и хозяйственныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ мастерскихъ, трапезѣ, кухнѣ и проч.; мастерскія же исключительно состояли изъ золотошвейныхъ работъ, которыми Алексѣевская община снабжала не только всѣ церкви нижегородской епархіи, приготовляя для нихъ плащаницы, воздухи и другія церковныя принадлежности, но разсылала свои произведенія по всей Россіи, что̀ и составляло главный источникъ содержанія общины.—Во время моего дѣтства, въ ней жила нѣкая Алёна Аѳонасьевна, извѣстная подъ названіемъ блаженной, которая—кажется, пользуясь именно этимъ присвоеннымъ ей прозваніемъ—принадлежала къ первой категоріи общинницъ, т. е. имѣла свой домикъ и свое особое хозяйство, средствами содержанія коего, вѣроятно, служили ей усердныя приношенія ея многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ, которые являлись къ ней послѣ богослуженія въ общинной церкви и, по бо̀льшей части, не съ пустыми руками, а со всякаго рода приношеніями. Въ числѣ таковыхъ поклонницъ была и моя покойная матушка.—Объ Алёнѣ Аѳонасьевнѣ я помню разсказъ, что она побочная дочь какого-то зажиточнаго помѣщика и по тогдашнему обыкновенію жила и воспитывалась въ его домѣ, какъ членъ семьи. Отецъ вздумалъ отдать ее замужъ по своему усмотрѣнію, но выборъ жениха ей не нравился и всѣ ея мольбы объ освобожденіи отъ этого ненавистнаго ей брака были безплодны. Назначенъ былъ день и часъ свадьбы: силою надѣли на несчастную дѣвушку подвѣнечное платье и отправили въ церковь. Когда началось вѣнчаніе, и священникъ, по церковному уставу о бракѣ, обратился къ ней съ вопросомъ, желаетъ-ли она вступить въ бракъ съ предстоящимъ женихомъ, она громко и рѣшительно отвѣчала: „нѣтъ, нѣтъ!"—и въ то же время мгновенно бросилась къ дверямъ и выбѣжала вонъ изъ церкви. Дѣло было зимою—и она, добѣжавъ до первой снѣговой кучи, упала безъ чувствъ; ее подняли въ безсознательномъ положеніи. Конечно, она была долго больна, лишилась ногъ и оставшись, навсегда умственно-разстроенною, поступила въ Алексѣевскую общину, гдѣ и была извѣстна подъ именемъ „блаженной". Я помню ее уже старухою лѣтъ 60-ти, но еще довольно бодрою. Мать моя часто посѣщала ее вмѣстѣ со мною и приносила ей разнаго рода гостинцы. Однажды весною, она

принесла ей банку новаго варенья—а покойница матушка сама всегда его варила и наше варенье пользовалось отличною репутаціею; я съ ранняго дѣтства пріобрѣлъ страсть къ варенью и всякимъ сладостямъ. Когда мы вошли къ Алёнѣ Аѳонасьевнѣ, у ней уже было много посѣтителей, которые стояли шеренгой. Алёна Аѳонасьевна, принявъ изъ рукъ матушки варенье, взяла со стола ложку и тотчасъ же начала его кушать съ большимъ аппетитомъ. Въ это время взоръ ея, конечно—случайно, остановился на мнѣ и она позвала меня къ себѣ. Я съ восторгомъ бросился къ блаженной, воображая, что получу цѣлую ложку лакомаго кушанья, какъ вдругъ она схватила меня за волосы и начала довольно чувствительную потасовку, приговаривая: „вотъ тебѣ варенье, вотъ тебѣ варенье!“ Публика была крайне удивлена этою неожиданною суровостью святой, и когда я отошелъ отъ нея съ горькимъ плачемъ, то меня окружили со всѣхъ сторонъ съ разспросами: „за что, за что она тебя прибила?“—Я, конечно, отвѣчалъ, что ничего не знаю.—„Но ты сказалъ ей что нибудь?“—Ничего я не говорилъ.—„Но что ты думалъ, когда она тебя позвала?“—Я думалъ: какая она невѣжливая: когда у насъ гости, и на столѣ стоитъ варенье, а я подойду къ нему и возьмусь за ложку, маменька непремѣнно отведетъ меня назадъ, да иногда и ударитъ по рукѣ, сказавъ: „варенье ставится для гостей, а не для тебя“,—ну, такъ какъ Алёна Аѳонасьевна начала ѣсть варенье, я думалъ: какъ же она никого не потчуетъ, а сама ѣстъ; вѣдь варенье для гостей, а я гость, а потому думалъ, что и меня попотчуетъ.—Конечно, эти мои размышленія сопровождались такими движеніями моей физіономіи, что ихъ не трудно было отгадать—но публика приписала это къ разряду чудесъ и долго былъ говоръ въ городѣ, что Алёна Аѳонасьевна даже мысли читаетъ человѣка, и многіе послѣ нарочно пріѣзжали къ намъ, чтобъ разспросить меня лично объ этомъ совершившемся надо мною чудѣ. Только по этому случаю я и помню Алёну Аѳонасьевну, которая, впрочемъ, никогда не производила на меня пріятнаго впечатлѣнія, а слѣдовательно, не имѣла никакого вліянія на мое религіозное развитіе.—Ему отчасти содѣйствовало еще одно довольно оригинальное лицо—верякушскій приходскій священникъ, но это вліяніе было чисто отрицательнаго рода.—Священникъ этотъ былъ очень любимъ прихожанами, но въ домѣ дѣдушки онъ являлся только для исполненія церковныхъ требъ и по годовымъ праздникамъ для поздравленія,

вмѣстѣ съ діакономъ, при чемъ имъ обыкновенно подносилось по рюмкѣ ерофеичу, послѣ чего они тотчасъ же удалялись. Не только дѣдушка, но и никто изъ нашей семьи не вступалъ съ нимъ въ сколько нибудь продолжительную бесѣду, а всѣ ограничивались только нѣсколькими общими фразами, потому что почитали его за очень недалекаго человѣка и, дѣйствительно, онъ былъ таковъ,— но это не мѣшало быть ему человѣкомъ искренно преданнымъ церкви, постановленія коей онъ самъ строго исполнялъ, придерживаясь буквы канона, и поощрялъ къ тому и свою паству— преимущественно крестьянъ, пускаясь съ ними въ объясненія при всякомъ удобномъ случаѣ; а такъ какъ онъ былъ человѣкъ трезвый и некорыстный, то крестьяне его любили и уважали. Если бы этотъ добрый священникъ получилъ хорошее образованіе, то, безъ сомнѣнія, былъ бы отличнымъ пастыремъ; но, къ сожалѣнію, образованія-то ему и недоставало, а потому его пунктуальность въ исполненіи буквы канона и стремленіе при всякомъ, иногда даже и положительно неудобномъ, случаѣ объяснять прихожанамъ молитвы и пѣснопѣнія церковныя—часто возбуждали смѣхъ между дворовыми людьми, грамотными и, конечно, болѣе развитыми умственно, чѣмъ крестьяне,—и подавали поводъ къ спорамъ, въ которыхъ я принималъ очень живое участіе. Обыкновенно, по окончаніи требы или поздравленія, когда онъ, откланявшись дѣдушкѣ, выходилъ въ залъ, къ нему подходили подъ благословеніе лакеи, тогда я обращался къ нему съ вопросами и замѣчаніями, и у насъ начиналась довольно продолжительная бесѣда,—а для этого мнѣ невольно приходилось справляться съ богослужебными книгами, коими онъ же самъ весьма охотно снабжалъ меня, и тѣмъ самымъ далъ мнѣ возможность ознакомиться съ ними. У меня остались въ памяти три случая, въ которыхъ особенно рѣзко выразились его странности.

На первой недѣлѣ Великаго поста, дѣдушка, вся наша семья, дѣвушки и бо̀льшая часть дворни говѣли, а потому богослуженіе,—конечно, за исключеніемъ обѣдни—совершалось у насъ въ домѣ, а равно и исповѣдь. Къ этому времени пріѣзжали нѣкоторые изъ помѣщиковъ, въ помѣстьяхъ коихъ не было церквей, и оставались у насъ на все время говѣнья. Однажды, въ числѣ такихъ посѣтителей была молодая особа, постоянная жительница Москвы, Аргамакова. Конечно, исповѣдь начиналась съ дѣдушки, а мы всѣ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ съ тою, въ которой нахо-

дился священникъ, и входили въ нее по мѣрѣ того, какъ выходилъ кто оттуда. Естественно, за дѣдушкой и бабушкой прочіе члены семьи предоставляли очередь пріѣзжимъ гостямъ, а слѣдовательно, Аргамакова была въ числѣ первыхъ отправлявшихся на исповѣдь, а мы всѣ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ мы слышимъ страшный хохотъ въ исповѣдной — и вмѣстѣ съ тѣмъ оттуда выбѣгаетъ наша гостья Аргамакова. Пораженные этимъ страннымъ явленіемъ, мы всѣ столпились около нея, полагая, что съ ней сдѣлался истерическій припадокъ; но когда она нѣсколько успокоилась, то разсказала намъ, что добрый нашъ священникъ, читая предъ нею по требнику длинный перечень грѣховъ, между прочимъ, спросилъ ее: „не чревобѣсничала-ли, матушка?“ и когда она просила объяснить ей, что значитъ—чревобѣсничать, то онъ очень коротко отвѣчалъ на это самымъ простонароднымъ названіемъ обыкновеннаго желудочнаго дѣйствія. Вопросъ Аргамаковой, потребовавшей объясненія, что такое чревобѣсіе, поставилъ добраго человѣка въ затрудненіе, такъ какъ никто изъ его паствы не обращался къ нему—при исполненіи имъ требъ—ни съ какими вопросами, и онъ преспокойно далъ молодой барынѣ вышеприведенный отвѣтъ, превратившій ея религіозное настроеніе въ неудержимый хохотъ, и она, съ замѣчаніемъ, что „и вы, батюшка, вѣроятно, послѣ обѣда такъ грѣшите“, поспѣшила выбѣжать изъ исповѣдной и отказаться отъ дальнѣйшей исповѣди и причащенія. Такая сцена не могла не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія, и я послѣ спросилъ добраго священника: „батюшка, вотъ вы называете грѣхомъ то-то, ну, а кашлять грѣшно?“ На это онъ мнѣ, конечно, отвѣчалъ—нѣтъ, но прибавилъ: „потому что объ этомъ въ требникѣ не написано“. При дальнѣйшихъ объясненіяхъ оказалось, что онъ считалъ обязанностію каждому исповѣднику прочесть помѣщенный въ требникѣ перечень грѣховъ, изъ опасенія, что иначе исповѣдуемый можетъ забыть о какомъ нибудь своемъ прегрѣшеніи,—и вся исповѣдь состояла въ чтеніи этого реестра съ отвѣтами исповѣдующагося: „грѣшенъ“, „не грѣшенъ“, послѣ чего тотчасъ читалась отпускная молитва; а такъ какъ требникъ составленъ въ первые вѣка христіанства, въ эпоху борьбы его съ язычествомъ, то въ него внесены не только пороки, но и обычаи языческаго міра, въ числѣ коихъ было и чревобасіе (чревовѣщаніе), которое потомъ измѣнилось въ чревобѣсіе. Такъ, по

крайней мѣрѣ, объяснялъ мнѣ одинъ изъ нашихъ богослововъ, которому я впослѣдствіи разсказывалъ этотъ анекдотъ. Воспоминаніе объ этомъ курьезномъ происшествіи было причиною тому, что я, будучи директоромъ гимназій Черниговской, а потомъ Ставропольской, не допускалъ дьячка или дьякона читать приступающимъ къ причастію гимназистамъ—причастныя молитвы, но всегда читалъ ихъ самъ, съ тою цѣлію, что такъ какъ въ одной изъ этихъ молитвъ также находится исчисленіе грѣховъ, между коими упоминаются самыя отвратительныя противоестественныя дѣйствія, то я обыкновенно все это выпускалъ, боясь возбудить любопытство юношей о значеніи подобнаго рода имъ неизвѣстныхъ терминовъ, и дойдя до словъ „кій грѣхъ не содѣяхъ, кое зло не сотворихъ“, обходилъ исчисленіе грѣховъ и читалъ далѣе съ фразы: „но о всемъ семъ сердцемъ сокрушеннымъ покаяхся“ и т. д.

Та же скрупулезность добраго священника въ буквальномъ пониманіи требника высказалась въ другомъ оставшемся у меня въ памяти случаѣ. Однажды, являемся мы всею семьей къ заутрени на Пасху,—конечно, церковь была биткомъ набита народомъ и мы едва добрались до нашего мѣста, но не отъ тѣсноты—намъ очистили дорогу,—а отъ того, что въ церкви была страшная копоть, грозившая угаромъ, отъ поставленныхъ у всѣхъ дверей какихъ-то горшковъ, отдѣлявшихъ страшный дымъ. Меня тотчасъ же послали въ алтарь просить священника, чтобы онъ велѣлъ убрать эти горшки. На эту просьбу онъ отвѣчалъ мнѣ отказомъ и—на настоятельныя мои заявленія, что отъ чада нельзя долѣе оставаться въ церкви—взялъ требникъ и предложилъ мнѣ самому прочесть чинъ богослуженія на утрени въ день Пасхи, гдѣ сказано: „полунощи же минувшей, келарь, пріемъ благословеніе отъ настоятеля, ударяетъ во вся великая и тяжкая и клеплѣтъ довольно“, потомъ (не помню далѣе славянскаго текста) на всѣхъ четырехъ странахъ храма ставитъ сосуды съ горящими углями, на которые сыплетъ ѳиміамъ „да исполнится весь храмъ благоуханія“. Хотя я доказывалъ, что поставленные горшки распространяютъ не благоуханіе, а зловоніе, но добрый батюшка, съ словами: „что̀ же дѣлать? чистыхъ нѣтъ“—не согласился велѣть убрать ихъ. Такимъ образомъ мое посольство осталось безуспѣшнымъ, и мы всѣ, будучи не въ состояніи выносить страшную копоть, принуждены были выйти изъ церкви и стоять на дворѣ, пока не пріѣхалъ дѣдушка. Предъ помѣщикомъ священникъ без-

молвствовалъ: горшки были выкинуты, и мы возвратились въ церковь. Дѣло въ томъ, что такъ какъ въ церкви не было жаровенъ, то пономарь, получивъ приказаніе священника „поставить сосуды съ ѳиміамомъ“, взялъ дома четыре горшка, но, къ сожалѣнію, не чистые, а такіе, въ которыхъ держатъ щи и прочія кушанья, а потому, когда въ нихъ наклали углей и, посыпавъ ладону, зажгли, то запахъ послѣдняго былъ совершенно заглушенъ копотью отъ жира, что, конечно, чувствовалъ и самъ священникъ, но при всемъ томъ почиталъ необходимымъ терпѣть это неудобство, чтобы не нарушить постановленіе требника, такъ какъ другихъ горшковъ не было.

Въ примѣръ же его неудачныхъ разъясненій простолюдинамъ молитвъ и священныхъ книгъ приведу еще одинъ, оставшійся у меня въ памяти, слѣдующій случай: была крестьянская свадьба, весною. Я былъ на дворѣ, и, замѣтивъ свадебную процессію, отправился за нею въ церковь вмѣстѣ со многими изъ нашихъ домашнихъ. Во время вѣнчанія, читая одну изъ молитвъ, въ которой говорится: „благослови, Господи, всѣ входы и исходы ихъ“, добрый батюшка, прочтя эту фразу, обратился къ жениху уже не съ вопросомъ только „понимаешь ли ты, о чемъ молимся?“— какъ онъ часто дѣлалъ въ другихъ случаяхъ, но прямо съ объясненіемъ: „что-бы ты ни дѣлалъ, все начинай съ молитвой; такъ и теперь, помолившись Богу, ложись съ женою въ постель, но прежде чѣмъ обнимешь ее, перекрестись и скажи: Господи, благослови!—иначе Богъ не дастъ вамъ плода чрева“. Замѣчательно, что женихъ и всѣ находившіеся въ церкви крестьяне приняли это наставленіе съ благоговѣйною покорностью,—но не такъ отнеслась къ нему дворовая молодежь, которая, едва сдерживая хохотъ, вышла тотчасъ вонъ, а съ нею и я, и тамъ, на свободѣ, толпа начала въ подробности комментировать это поученіе. Вотъ почему добрый священникъ съ своими разъясненіями молитвъ обращался только къ крестьянамъ, а въ помѣщичьемъ домѣ и вообще въ дворовой средѣ воздерживался отъ нихъ, и только дѣлалъ ихъ въ случаѣ запросовъ, на которые обыкновенно отправляли меня, а потому я и замѣтилъ выше, что добрый человѣкъ имѣлъ нѣкоторое, но только, впрочемъ, совершенно отрицательное, вліяніе на мое религіозное развитіе: онъ косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ къ ознакомленію меня съ церковными постановленіями и богослужебными книгами, потому что на мои вопросы ссылался на послѣднія и давалъ мнѣ читать ихъ.

Я. М. Невѣровъ.

МОРДОВСКІЯ ОБЩИНЫ.

(Этнографическія замѣтки изслѣдователя).

Недавно изданы въ свѣтъ изслѣдованія наши, относящіяся исключительно проявленій общиннаго начала въ мордовскихъ общинахъ, населяющихъ при-Узинскій край Саратовской губерніи. Въ настоящемъ же очеркѣ мы намѣрены познакомить читателя съ тѣми бытовыми чертами, которыя исключительно принадлежатъ мордовскому племени изучаемаго нами края. Основываясь на историческомъ ходѣ заселенія этого края, представляется вѣроятнымъ, что онъ заселился съ самыхъ первыхъ поръ, т. е. до монгольскаго погрома. Здѣсь же прежде всего должны были появиться и первые русскіе выходцы. Хотя край этотъ вошелъ въ составъ русскихъ владѣній съ паденіемъ татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, т. е. съ половины XVI вѣка, но, не смотря на всѣ выгоды обитанія въ немъ, заселяться успѣшно не могъ по причинѣ полной административной неурядицы. Большинство здѣшней мордвы принадлежитъ къ Мокшанскому колѣну и только живущіе въ Саратовскомъ и Волгскомъ уѣздахъ происходятъ изъ рода Ерзà, которые и сами возводятъ древность своего водворенія здѣсь не далѣе 150-ти или 160-ти лѣтъ. Изъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ усматривается, какъ свидѣтельствуютъ историческія изслѣдованія этого края, что въ Петровскомъ уѣздѣ мордва обитали уже въ концѣ XVII вѣка, но имѣли еще своихъ князьковъ или мурзъ. По народнымъ преданіямъ, по именамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ князьковъ называются разныя мордовскія селенія: въ Кузнецкомъ уѣздѣ—Пиксанкино, отъ Пиксая, въ Петровскомъ—Мачкасы, отъ Мачкаса и т. д.

Мордва стали переселяться изъ одного мѣста въ другое, въ болѣе позднее время, частью во избѣжаніе повинностей, возложенныхъ на нихъ русскими, частью по распоряженію самого правительства, когда

оно принимало мѣры къ заселенію. Мордва села Ямашей сами разсказываютъ о себѣ, что они ушли съ праваго берега Волги тайкомъ (за утѣсненіемъ пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ) и жили на избранныхъ мѣстахъ безвѣстно и небезпокоимые никѣмъ, пока не открыли ихъ межевщики и не записали въ окладъ. Конечно, это не единственный случай подобнаго порядка основанія селеній.

Въ обработкѣ земли на общинномъ началѣ [1]) заслуживаетъ особенное вниманіе обрядъ разсѣванія зерна.

Насыпавъ мѣшокъ или осиновку зерномъ, разсѣвальщикъ обыкновенно садится на томъ загонѣ, съ котораго начинаетъ посѣвъ; посидѣвши немного, онъ встаетъ и молится и тогда уже приступаетъ къ посѣву. Бросая первую горсть, проситъ благословенія на просящаго и только со второй горсти проситъ благословенія для себя. Что молитва и забота о томъ, чтобъ прежде всего родился хлѣбъ для просящаго, не есть фраза - приведу слѣдующій случай съ учителемъ школы изслѣдуемыхъ общинъ. Обремененный большою семьей, вздумалъ онъ обойти дворы съ просьбой помочь ему хлѣбомъ, но не въ видѣ подаянія, а, по существующему обычаю, съ четвертью ведра съ виномъ для угощенія міра, при чемъ каждому домохозяину подносится стаканъ вина. Всѣ давали радушно по цѣлой мѣрѣ разнаго хлѣба. Одна изба, по наружному виду, была уже очень бѣдна; онъ не рѣшился просить ея хозяина и прошелъ мимо.

Не успѣлъ онъ отойти на десять шаговъ, какъ хозяинъ этой избы обиженнымъ голосомъ кричалъ ему вслѣдъ: «Что ко мнѣ не зашелъ?»

Учитель объяснилъ причину.

— На избу нечего смотрѣть; для добрыхъ людей Богъ уродилъ.

Учитель вошелъ въ избу и былъ щедро награжденъ бѣднякомъ.

Это обычай общій у мордвы всѣхъ изслѣдованныхъ общинъ. Наибольшее вниманіе мы могли остановить на с. Кулясовѣ, какъ волостномъ центрѣ. Съ этого селенія мы начнемъ наши замѣтки.

Рѣки, родники, овраги и вообще урочища въ Кулясовѣ носятъ мордовскія названія. Кромѣ Коське-Латко (сухой оврагъ), имѣющаго мірское значеніе, мнѣ пришлось быть у оврага подъ именемъ Озномо-Латко (молянный оврагъ). Онъ имѣетъ историческое значеніе и считается священнымъ; сюда сходились всѣ для жертвоприношеній и религіозныхъ обрядовъ въ языческія времена. Теперь въ быту мордвы ничего языческаго не осталось, за исклю-

---

[1]) См. «Отеч. Зап.» 1880 г., январь: «Наши общины». В. Т.

ченіемъ нѣкоторыхъ обычаевъ которые слѣдуетъ отнести къ суевѣрію. Читателю, интересующемуся развитіемъ общиннаго начала у мордвы, не маловажно, я думаю, знать вообще о нѣкоторыхъ признакахъ степени развитія этого племени въ изслѣдуемомъ нами краѣ. Вотъ что покуда мнѣ сдѣлалось извѣстно: наканунѣ Новаго года по пяти человѣкъ ходятъ на перекрестки дорогъ, съ цѣлью погадать объ урожаѣ предстоящаго года. Для этого они, въ полночь, на этомъ перекресткѣ ложатся внизъ лицомъ, одинъ изъ товарищей обводитъ ихъ чертой и караулитъ, какъ бы что ни случилось; они прислушиваются внимательно къ землѣ, а какъ только начинаютъ пѣть пѣтухи, то гадальщики встаютъ и разсказываютъ про слышанное ими; если одному послышалось, что рубятъ лѣсъ, другому—что ѣдутъ обозы или молотятъ, то считаютъ эти признаки предвѣщающими урожай; а если послышались вопли, то слѣдуетъ ждать плохаго года. Подъ головы новорожденнымъ, до крещенія ихъ, кладутъ острія, для острастки вѣдуновъ—злыхъ духовъ. Дѣлаютъ поминки по старшимъ въ родѣ старикамъ съ особою обрядностью. Остающагося старшимъ въ родѣ наряжаютъ въ платье умершаго, сажаютъ его въ кресло, приготовленное зятемъ умершаго; въ этомъ креслѣ выносятъ старика, представляющаго покойника, на улицу. Здѣсь онъ всѣмъ даетъ наставленія разнаго рода: что не слѣдуетъ ссориться, не слѣдуетъ въ кабакъ часто ходить, и т. п. Послѣ этого его увозятъ на кладбище и тамъ уже поминаютъ покойника разными яствами и пойломъ, какъ они выражаются. Лѣтъ 25 тому назадъ съ кладбища возвращались съ пѣснями, а теперь только съ веселыми лицами.

На Петровъ день бабы устраиваютъ обыкновенно такъ называемый «молянъ», въ оврагѣ «Ознамо-Латко», у родниковъ. Сюда привозится отъ каждаго конца села въ кувшинахъ брага, предварительно приготовленная на общій счетъ мордовскими мастерицами; здѣсь, когда всѣ соберутся, молятся объ урожаѣ и распиваютъ за мірскою трапезой мірскую брагу, которая у нихъ такъ и называется.

Теперь, когда случится постороннему, почище одѣтому, лицу зайти въ избу и посидѣть немного, то онъ непремѣнно услышитъ, какъ мордовки одна за другой будутъ со вздохами произносить: О, Восподи! (Господи); этимъ онѣ хотятъ доказать свою религіозность и обрусѣлость, хотя по русски вовсе говорить не умѣютъ и національный костюмъ свой не мѣняютъ. Изъ всѣхъ обрядовъ наиболѣе любопытными по своей оригинальности представляются проводы невѣсты дѣвушками села. Обыкновенно всѣ взрослыя дѣвушки въ селеніи окружаютъ кибитку, въ которой должны отвезти

невѣсту въ церковь; когда она садится, то дѣвушки хоромъ начинаютъ поносить ее всевозможными небылицами объ ея порочности, что̀ дѣлается безъ всякаго стыда, съ серьезнымъ выраженіемъ лицъ, называя все своими именами. Этотъ обычай самими дѣвушками называется корить невѣсту, а посторонніе называютъ это лаемъ на невѣсту. Обыкновенно, окружающіе потѣшаются изобрѣтательностью небылицъ и отъ души хохочутъ. По пріѣздѣ изъ церкви, тотъ же хоръ дѣвушекъ встрѣчаетъ невѣсту у дома, тѣмъ же привѣтомъ. Но тутъ уже молодая выходитъ изъ терпѣнья, проситъ, чтобъ онѣ перестали лаяться, что ихъ ждетъ та же участь, и въ заключеніе обѣщаетъ ихъ подарить. Тогда только всѣ перестаютъ ее корить и она раздаетъ каждой по колечку.

Этотъ обычай кажется страннымъ, при необыкновенной стыдливости женщинъ-мордовокъ; онѣ никогда не ходятъ въ баню съ мужчинами, что очень обыкновенно въ окружающихъ русскихъ селеніяхъ; у мордовокъ, напримѣръ, признается большимъ стыдомъ показаться свекру съ отрытой головой или босою ногой, а если какъ нибудь случится подобная бѣда, то провинившаяся сноха должна сама соткать и подарить своему свекру портки въ знакъ наказанія. Признакомъ стыдливости нельзя не признать и то, что молодые первую зиму ночуютъ въ конюшнѣ съ лошадьми.

Считаю не безъинтереснымъ привести примѣръ артельной мордовской семьи Тюркиныхъ, чтобы показать какъ распредѣляется въ ней работа женщинъ и какъ выражается ихъ участіе въ домохозяйствѣ. Семья эта состоитъ изъ слѣдующихъ рабочихъ членовъ: двухъ братьевъ-стариковъ съ женами, у которыхъ четыре сына и четыре снохи, и одна незамужняя дѣвушка 13-ти лѣтъ. Семья эта живетъ въ двухъ избахъ, изъ коихъ одна предназначена для той половины членовъ этой семьи, которая обязана ходить за общимъ скотомъ; обыкновенно, между членами установлена очередь: каждая половина ходитъ за скотомъ погодно; въ старой избѣ обязана уже жить цѣлый годъ та половина семьи, которая обязана завѣдывать скотоводствомъ. Другая же половина членовъ семьи, живущая въ другой избѣ, обязана заниматься исключительно приготовленіемъ пищи для всѣхъ, такъ что ихъ изба служитъ общею столовою.

Въ семьѣ обыкновенно встаютъ первыми старшія женщины и будятъ своихъ снохъ, которыя обязаны помогать имъ въ лежащихъ на каждой, по обычаю, работахъ; свекровь обыкновенно возится у печки со стряпней разнаго рода, одна сноха ходитъ за дровами, а на другой, младшей, лежитъ обыкновенно обязанность таскать воду; свободное, отъ приготовленія пищи и другихъ работъ, время посвя-

щается всѣми женщинами на приготовленіе одежды и уборку хлѣбовъ, сообразно времени года; такъ, съ 1-го января по 1-е апрѣля всѣ прядутъ; съ 1-го апрѣля по 15-е апрѣля занимаются бѣленіемъ пряжи; съ 15-го апрѣля по 1-е іюня ткутъ холсты; съ 1-го іюня по 10-е іюля занимаются шитьемъ; съ 10-го іюля по 10-е августа жнутъ въ полѣ хлѣбъ; съ 10-го августа по 25-е августа вяжутъ въ снопы скошенный мужиками овесъ; съ 25-го августа по 1-е сентября выбираютъ коноплю; съ 1-го по 5-е сентября молотятъ коноплю; съ 5-го по 20-е сентября роютъ картофель; съ 20-го сентября по 1-е ноября занимаются пряжею шерсти; съ 1-го по 10-е ноября ткутъ; съ 10-го ноября по 6-е декабря мнутъ и толкутъ кудель до 4-хъ часовъ вечера, а послѣ того, до 11-ти часовъ вечера, вяжутъ чулки и вареги; съ 6-го декабря по 1-е января занимаются пряжей посконною и другою.

Снохи должны ткать для себя и своей свекрови; считается вообще большимъ стыдомъ для снохи, когда ей напомнятъ объ ея обязанностяхъ, которыя ей должны быть извѣстны въ силу обычая.

Въ сапогахъ можетъ ходить только молодая, что̀ и служитъ примѣтою ея новобрачности; особый же головной уборъ, подъ названіемъ панга (сорока), носимый обыкновенно замужними женщинами, надѣвается ею тогда, когда она въ первый разъ сдѣлается беременною.

Трудолюбіе—идеалъ мордовской женщины; это видно изъ слѣдующей пѣсни, которая поется во время работъ; вотъ она въ переводѣ:

Родилась Дмитріева Акулина удалая,
Выросла боярыня удалая,
Тридцать лѣтъ жила,
Тридцать рубахъ сдѣлала,
Тридцать шушпановъ сдѣлала (верхнее женское одѣяніе),
Сколько шушпановъ, столько и запоновъ сдѣлала.
Слышалъ про это Кулясъ-Михайлинъ Семка (извѣстный волокита)
И ее въ жены спрашивалъ; я — говорила она — замужъ не пойду.

Въ случаѣ же провинности членовъ семьи, виновный проситъ прощенія рыбой у обиженнаго, т. е. вытягивается передъ нимъ на полу на подобіе рыбы и лежитъ на животѣ.

«Онъ простилъ меня,—говоритъ виновный:—я рыбой у него просилъ». Это сильная степень извѣстнаго у русскихъ паданія на колѣни.

«Сикунякъ када калъ» (кланяйся рыбой), говорятъ виновнику.

Не знаю, чему приписать—бѣдности-ли, общинному-ли началу—еще слѣдующее небезъинтересное явленіе въ быту мордвы: отецъ и мать поступившаго въ солдаты сына особенно внимательны къ женѣ его; обыкновенно, сами посылаютъ ее поиграть съ молодыми парнями, и на всякаго волокиту смотрятъ какъ на быка въ стадѣ.

«Были бы телята», говорятъ они, въ случаѣ приращенія семейства, утѣшая такимъ образомъ и себя и молодую сноху.

Всѣ мордовскія общины, не смотря на то, что кустарный промыселъ составляетъ отличительную черту всего населенія этого племени, имѣютъ по нѣскольку стадъ разнаго скота и придаютъ скотоводству немаловажное значеніе въ своемъ хозяйствѣ.

Заговоривъ о скотоводствѣ, мнѣ приходитъ на память процессъ выдѣлыванія извѣстнаго рода продукта, попадающаго иногда на рынки подъ названіемъ мордовскаго масла.

Еще недавно такъ много было говорено о чухонскомъ и другихъ финляндскихъ маслахъ, по поводу молочной выставки въ Петербургѣ. Но о мордовскомъ маслѣ, кажется, не было рѣчи. Между тѣмъ, мордовское племя составляетъ довольно значительную этнографическую группу, распространенную не только въ Саратовской, но и въ губерніяхъ, прилегающихъ къ ней: Тамбовской, Симбирской, Пензенской. Мнѣ извѣстно, что въ Саратовской губерніи числится болѣе 94,000 душъ мордвы, а въ Симбирской болѣе 141,000. Вотъ почему небезъинтересно, я думаю, для читателя знать какъ выдѣлывается масло у этого племени. Я не встрѣтилъ особыхъ затрудненій, чтобъ изучить это дѣло, а потому надѣюсь быть понятнымъ для читателя. Каждая хозяйка ежедневно отдѣляетъ въ особый горшокъ по одной или по двѣ ложки сметаны — больше отдѣлять она не можетъ, потому что большаго количества скота содержать нельзя, за неимѣніемъ приволья и луговъ, а у кого есть двѣ коровы, то одна нерѣдко яловѣетъ, а также и потому, что зимой коровы обыкновенно стоятъ на одной соломѣ, которая, впрочемъ, тоже дается съ необыкновеннымъ расчетомъ, изъ опасенія, что и ея не хватитъ; въ это время обыкновенно коровы молока не даютъ, что и послужило, по всей вѣроятности, основаніемъ народному изреченію: у коровы молоко на языкѣ. Такъ какъ хорошій хозяинъ старается новый хлѣбъ имѣть въ запасѣ и молотитъ старый хлѣбъ, то и коровѣ на языкъ попадаетъ старая солома. Вообще забота мордвы зимой о скотѣ состоитъ лишь въ томъ, чтобы онъ былъ только живъ и хотя съ трудомъ таскалъ бы свои ноги, а это, вѣроятно, дало поводъ нашимъ ученымъ сельскимъ хозяевамъ подшучивать надъ крестьянскимъ скотомъ, считая его происходящимъ отъ тасканской породы.

Мордовка-хозяйка, собирая, такимъ образомъ, по одной или по двѣ ложки сметаны, можетъ наполнить горшокъ или корчагу только въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ; за все это время собранная сметана изображаетъ массу, въ составъ которой входятъ не однѣ жир-

ныя частицы молока—въ нее успѣваетъ войти масса микроскопическихъ предметовъ, которые могутъ быть опредѣлены лишь естествоиспытателемъ, представляя и для него, можетъ быть, не безъинтересное явленіе въ этомъ новомъ собраніи изъ царства плесени.

Къ случаю долженъ замѣтить, что горшокъ со сметаною покрывается дощечками, которыя раздаются домохозяевамъ какъ мѣра противу пожаровъ. На этихъ дощечкахъ, иногда металлическихъ и блестящихъ, изображены (какъ можетъ только изображать маляръ-самоучка) ведро, метла, топоръ и т. п. предметы, могущіе принести пользу при сопротивленіи сельскому пожару. Такія дощечки должны висѣть или быть прикрѣпленными на видномъ мѣстѣ, снаружи на стѣнѣ избы, выходящей на улицу, такъ чтобы постоянно служить напоминаніемъ хозяину о снарядѣ, который ожидается отъ него на пожарѣ и можетъ быть начальствомъ потребованъ. Но эти простодушные мордва, какъ оказалось, не разбирали, что̀ было намалевано на дощечкахъ; да къ тому же, какъ объяснилось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, какъ только загорятся соломенныя ихъ крыши, то они сами бѣгутъ безъ памяти, не имѣя возможности вывести скотину, и что тогда имъ не до ведра или чего нибудь другаго, нарисованнаго па дощечкахъ.

На замѣчаніе же мое—почему они не разселятся порѣже дворами? «Хуже будетъ, тогда скорѣе сожгутъ, теперь все шабра хоть пожалѣютъ, кучей лучше»,—утверждали они.

Изъ этой массы плесени со сметаной обыкновеннымъ образомъ и выбивается продуктъ, извѣстный на крестьянскихъ рынкахъ подъ именемъ мордовскаго масла.

Медленный, но настойчивый способъ его добыванія послужилъ, какъ намъ разсказываетъ волостной старшина, прекраснымъ аргументомъ для него при взысканіи податей. Увѣщевая нерадивыхъ плательщиковъ, онъ приводилъ въ примѣръ хорошую хозяйку, которая каждый день, въ теченіе цѣлаго года, по одной ложкѣ откладывала сметаны, чтобы на масляницу ѣсть блины съ масломъ. «Такъ и ты,—говорилъ старшина неплательщику,—еслибъ по трёшнику (1 коп.) да по семишнику (2 к.) откладывалъ каждый день, то и накопилъ бы цѣлыя годовыя подати».

Преинтересный случай разсказали мнѣ мужики по поводу того, что одинокій потому уже не хозяинъ, что онъ не можетъ водить достаточно скота, безъ котораго не имѣетъ смысла никакое домохозяйство крестьянина-землевладѣльца.

Какъ-то подгулявшій мужичокъ расходился на сходкѣ и мѣшалъ говорить о дѣлахъ.

— Ты овцы не стоишь,—кто-то ему замѣтилъ,—а ходишь на сходъ только мѣшать.

— Какъ, овцы не стою!—расходился пуще прежняго обиженный мужикъ.

— Такъ и не стоишь; у насъ овца стоитъ молодца!—доказывалъ ему недовольный его присутствіемъ.

Споръ завязался не на шутку; дѣло, пожалуй, дошло бы до драки, еслибъ недовольный членъ схода не разъяснилъ своей поговорки болѣе вразумительнымъ образомъ. Дѣло происходило зимой.

— У тебя,—спросилъ онъ обиженнаго,—валенки съ овцы?

— Съ овцы,—отвѣчалъ послѣдній.

— Онучи съ овцы?

— Съ овцы.

— Штаны съ овцы?

— Съ овцы.

— Чапанъ на нихъ съ овцы?

— Съ овцы.

— Варежки съ овцы?

— Съ овцы.

— Сними съ себя все это, куда ты годишься?!

Обиженный не нашелъ, что отвѣтить, и успокоился.

Нападки крестьянъ такъ сильны были со всѣхъ сторонъ на раздѣлы и на одинокихъ, что я хотѣлъ было вступиться за нихъ.

— Что вы все на одинокихъ нападаете,—обратился я къ моимъ собесѣдникамъ,—отъ глупыхъ семьяныхъ тоже, я думаю, толку мало.

— Оно хоть въ иныхъ семьяхъ и розно,—отвѣчалъ на это одинъ,— но по согласію въ одномъ союзѣ живутъ.

— Что говорить,—сказалъ другой улыбаясь,—и суму надо носить съ умомъ, а безъ ума и суму потеряешь.

Откуда же это многіе наблюдатели берутъ или доказываютъ, или соглашаются съ другими, что община поддерживаетъ раздѣлы? Ни одному мужику изъ тѣхъ сотенъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ, никому и въ голову не приходила подобная мысль. Кажется, отдѣляющіе и отдѣляющіеся должны бы знать ближе причины совершающихся съ ними явленій.

Въ подобныхъ случаяхъ господа наблюдатели разныхъ видовъ должны бы указать на что либо фактическое, а одни ихъ личныя умозаключенія, исходящія какъ бы отъ мѣстныхъ лицъ, близко стоящихъ къ народу, но, вѣроятно, никогда не говорящихъ съ нимъ, только сбиваютъ съ толку всякаго безпристрастнаго читателя, а пристрастному даютъ оружіе въ руки, которое не всегда легко вырвать.

Семейные раздѣлы нашихъ земледѣльцевъ представляются дѣломъ первой важности въ экономическомъ строѣ, какъ общинномъ, такъ и участковомъ. Такъ смотрятъ на это дѣло сами крестьяне. Въ быту ихъ, если всмотрѣться поглубже, все проникается мыслью о томъ, дѣлятся-ли такіе или остаются въ семьѣ, а такіе-то подѣлились—раззорились, а эти любехонько живутъ себѣ и убрались вò-время, и все такое. Приписывать семейные раздѣлы общинному быту—это просто клеветать на бѣдную общину, которая есть открытый гонитель раздѣловъ, какъ у мордвовъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Мордва необыкновенно оригинальны въ своемъ пользованіи банями, которыя устраиваются у нихъ на артельномъ началѣ. Стоитъ только банѣ гдѣ нибудь задымиться, чтобы въ нее начали стекаться всѣ имѣющіе охоту попариться. Хозяева бани именуются толитчиками, а всякій званый и непрошенный—страннимъ; послѣднему всегда уступается лучшее мѣсто, всѣ радостно встрѣчаютъ страннаго, состоящаго толитчикомъ въ какой нибудь изъ другихъ бань въ селеніи. Они не брезгаютъ и татариномъ, если ему по пути вздумается попариться. У мордвы нерѣдко въ одной банѣ вы встрѣтите восемь человѣкъ; вотъ почему у нихъ въ банѣ устраивается не полокъ, а нары по двумъ стѣнамъ и корыта съ холодною водой. Горячая вода вовсе не употребляется; въ ихъ баняхъ не моются, а только парятся. Есть такіе любители, которые парятся не иначе какъ въ рукавицахъ, чтобы не обжечь руки, а валяться въ снѣгу, по выходѣ изъ бани, дѣло обыкновенное. Мордва не особенно гоняются за тѣмъ, чтобы толитчикъ участвовалъ непремѣнно въ равной части по устройству бани; бывали случаи, что являлись съ заявленіемъ объ участіи тогда, когда баня уже была готова.

— Ну, что-же, поставь ¼ ведра водки и будешь толитчикъ,— отвѣчали хозяева готовой бани своему шабру. У русскихъ шабрами считаются хозяева только двухъ рядомъ стоящихъ избъ, а у мордвы шаберскимъ дѣломъ, какъ они же выражаются, связаны хозяева не только двухъ—трехъ рядомъ стоящихъ избъ, но и тѣхъ, которыя расположены по другую сторону улицы лицомъ къ лицу.

Солнце начинало садиться, когда я возвращался съ сельскимъ писаремъ изъ Кулясова въ Аряшъ. Не успѣли мы выѣхать за околицу, какъ намъ стали попадаться на встрѣчу мордва, возвращавшіеся съ дѣлежа земли. Стада тоже подвигались по направленію къ селу. Около табуна лошадей скакалъ безъ сѣдла и безъ уздечки немолодой татаринъ въ бѣлой войлочной шапкѣ и съ крикомъ хлысталъ бичомъ по лошадямъ, думавшимъ уклониться въ сторону отъ табуна.

Мнѣ представилось, что гонятъ косякъ, куда нибудь на ярмарку.

— Это Гоняй,—замѣтилъ мнѣ сопровождавшій мірскія книги и податныя тетради—ихъ составитель. Онъ назвалъ этого Гоняя такимъ тономъ, какъ будто онъ былъ мнѣ извѣстенъ такъ же, какъ и ему.

— Это нашъ конный пастухъ,—добавилъ онъ, видя мое равнодушіе. Я не могъ не выразить удивленія, что кулясцы не нашли нужнымъ дать кусокъ хлѣба своему однообщественнику, а наняли чужаго.

— Мордва какъ-то татаръ больше одобряютъ,—объяснялъ ихъ писарь.—Съ ними, говорятъ, мы спокойны, ихъ воры больше почитаютъ.— Въ самомъ дѣлѣ, Гоняя всякъ знаетъ, онъ одинъ 25 замковъ сломалъ. Изъ дальнѣйшей бесѣды нашей было ясно видно, что мордва цѣлою общиной завѣдомо нанимаютъ извѣстныхъ конокрадовъ: таковъ вынужденный исходъ борьбы съ раззорительнымъ конокрадствомъ. Одно имя Гоняя оберегаетъ ихъ табунъ, онъ самъ только надарживается здѣсь, больше все ребятишки караулятъ, чтобы куда въ лѣсъ какая лошадь не забрела, а ужъ украсть ее некому.

— Гоняй не такъ откровененъ,—замѣтилъ писарь,—разсказываетъ только про старые свои грѣхи, а больно баловалъ; говоритъ, двадцати трехъ лѣтъ въ острогѣ сидѣлъ; въ одну ночь съ товарищемъ двадцать пять замковъ въ мужицкихъ анбарахъ сломалъ, да все захваченное на четырехъ парныхъ подводахъ изъ краденыхъ лошадей спровадили; попался же онъ случайно.

А вотъ прошлогодній мірской пастухъ Седкай, тотъ держалъ себя съ моимъ собесѣдникомъ на пріятельской ногѣ, ничего не скрывалъ отъ него.

— Ты что, Седкай, подати заплатилъ, что-ли?—спрашиваетъ онъ его какъ-то среди лѣта.

— Ты чай не дуракъ, знаешь когда нашъ покосъ.

Осенняя пора считается у конокрадовъ самою благопріятною.

— Ты когда, Седкай, мнѣ долгъ (20 к.) заплатишь?—обратился къ нему все тотъ же товарищъ по службѣ.

— Погоди, Сивуху приведу.

Какъ-то разъ этотъ Седкай привелъ продавать лошадь къ богатому мужику и просилъ настоящую цѣну. Лошадь мужику понравилась и за цѣной онъ не стоялъ.

— Вотъ бѣда,—обратился онъ къ продавцу,—лошадь у тебя краденая. Седкай увѣрилъ его, что не краденая, и давалъ росписку въ томъ, что она ему принадлежитъ. Мужикъ соблазнился и, когда все было закончено, Седкай ему только замѣтилъ:

— Ну, краденая-то она не краденая, а въ ту сторону ты, смотри, не ѣзди.

Этотъ старый мірской пастухъ, по словамъ писаря, теперь на высидкѣ. Его приставили въ послѣднее время свои же караулить краденыхъ лошадей, а онъ какъ-то случайно попался и приговоренъ къ тюремному заключенію на годъ. Вообще, временное заключеніе куда бы то ни было, въ тюрьму или въ арестантскія роты, называется просто высидкой.

Кому неизвѣстны случаи мірской, такъ сказать, открытой расправы съ конокрадами, кончающейся обыкновенно убійствомъ ихъ? Мнѣ лично извѣстно много случаевъ подобныхъ расправъ, но за то не безъизвѣстны также случаи необыкновенной дерзости конокрадовъ. Какой-то татаринъ тащитъ шкуру павшей лошади; на голосъ хозяина, увидавшаго это, похититель замѣтилъ: если жалко тебѣ мертвой, такъ живую отдашь. Другой хозяинъ упрекалъ конокрада въ томъ, что онъ взялъ у него обѣ лошади, а не одну.

— Зачѣмъ рядомъ стояли, — отвѣтилъ конокрадъ, — поневолѣ уведешь.

— Что намъ не воровать, — говорятъ обыкновенно конокрады, — осень воруй да воруй, поймаютъ — зиму въ острогѣ прокормятъ, а въ весну опять на работу ступай.

Старый нашъ предводитель дворянства Д. И*** мнѣ разсказывалъ, какъ онъ призвалъ извѣстнаго конокрада, по случаю пропавшей у него лошади, и велѣлъ ему разыскать ее во что бы то ни стало.

— Прости, атай, — сказалъ ему конокрадъ, — какъ узнали негодяи, что твоя — больно испужались, зарѣзали и съѣли.

Я счелъ нужнымъ остановиться здѣсь надъ конокрадствомъ потому собственно, что это зло направлено на сколько противъ частной собственности крестьянъ, на столько же и противъ общины, которая вынуждена бываетъ очень часто нести податное бремя раззоренныхъ своихъ членовъ по милости все тѣхъ же конокрадовъ.

Изъ Кулясова мы направились въ сосѣднюю деревню Мамадышъ. Избѣгая разныхъ казенныхъ подраздѣленій и придерживаясь лишь чисто народныхъ — экономическихъ, въ с. Мамадышѣ числилось въ 1877 году одинокихъ домохозяйствъ 66, въ томъ числѣ бездушныхъ 13, однодушныхъ 12, двудушныхъ 41, семьяныхъ 97; въ томъ числѣ трехдушныхъ 41, четырехдушныхъ 22, пятидушныхъ 18, шестидушныхъ 8, семидушныхъ 4, восьмидушныхъ 3 и девятидушныхъ 1.

Бездомовыхъ: бездушныхъ 1, однодушныхъ 7 и двудушныхъ 7.

Одинокіе (66) платятъ 94 души, что составитъ на деньги 1,052 р.

$80^1/_2$ к. Семьяные (97) платятъ всего 411 душъ, что составитъ на деньги 4,603 р. 20 к.

Всѣхъ повинностей приходится 5,891 р. 20 к.; изъ нихъ общественнаго сбора 1,191 р. 53 к. и на содержаніе волостнаго правленія 315 р.

Всѣхъ повинностей приходится на душу 11 р. 20 к.; изъ нихъ общественнаго сбора 2 р. $26^1/_2$ к. и на содержаніе волостнаго правленія 60 к.

Болѣе затруднительны сборы съ домохозяевъ, владѣющихъ отъ одной до трехъ душъ. Хлѣбопашествомъ преимущественно занимаются семьяные и сильно-семьяные, а души сдаютъ маломощные и одинокіе; на заработки же ходятъ маломощные и часть одинокихъ. Занимаются ремесломъ: дѣлаютъ телѣги, оси, сани, колеса, оглобли и бороны; такимъ ремесломъ занимаются, кромѣ бездушныхъ, всѣ разряды, а преимущественно семьяные и сильно-семьяные.

Снискиваютъ пропитаніе бездушные милостынею, маломощные и одинокіе—хлѣбопашествомъ, ремесломъ и посторонними заработками; семьяные и сильно-семьяные—хлѣбопашествомъ и ремесломъ.

Нищенствующихъ и платящихъ подать—нѣтъ.

Изъ хлѣба выбиваются и принуждаютъ покупать его маломощные и одинокіе.

Первые начинаютъ съ декабря или января мѣсяца, а вторые съ апрѣля; семьянымъ и сильно-семьянымъ хлѣба хватаетъ; изъ этихъ двухъ разрядовъ нѣкоторые понемногу продаютъ.

Доходныя статьи—половинная часть съ двухъ мельницъ и мѣсто, отведенное подъ питейное заведеніе, за которыя получается аренды 547 рублей; зачета по приговору въ подати не было, а употреблялись на мірскія надобности. Раскладка распредѣляется по окладнымъ душамъ.

Бездомовыхъ, неплатящихъ подати—14 домохозяевъ, а неплатящихъ и неимѣющихъ домовъ—1. Продаютъ души до 35-ти домохозяевъ; изъ нихъ 14 домохозяевъ продаютъ положительно весь надѣлъ по причинѣ незанятія хлѣбопашествомъ,—а остальные по нѣскольку душъ, по случаю неимѣнія средствъ къ платежу. Цѣна душѣ съ лѣсомъ 9 и 10 р., а безъ лѣса 8 и 7 р. Земля продается всегда вмѣстѣ съ лугами и лѣсомъ.

Землю дѣлятъ ежегодно, т. е. дѣлаютъ жеребьевку паямъ.

Земля раздѣлена на 15 картъ, которыя называются мірскими паями. Каждый такой пай въ свою очередь раздѣленъ на 38 полудесятинъ, называемыхъ простыми паями. На каждый такой пай

опредѣлено поступить 14-ти душамъ. Въ картѣ или мірскомъ паю 19 десятинъ. Всѣхъ паевъ 38.

На мірской пай приходится 38 паевъ простыхъ или 526 душъ. Всѣ карты или паи, по своему качеству, распредѣляются на три разряда: на лучшія, среднія и худшія. Для каждаго качества особая шапка для жеребьевъ. Въ каждую шапку кладется 38 жеребьевъ. Земли достается какъ въ яровомъ, такъ и въ озимомъ, по $2^1/_2$ осьминника на душу.

Для удобренія земли—отдѣльнаго участка не отведено, а предоставлено каждому домохозяину право удобрить по осьминнику.

Поѣздка въ Мамадышъ открыла намъ интереснаго старца, который помнитъ изъ разсказовъ дѣда, что мамадышцы дѣйствительно поселились первоначально съ кулясовцами и жили однимъ поселеніемъ, а впослѣдствіи отдѣлились и образовали отдѣльную общину. Въ эти мѣста они пришли болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, когда покловялись еще быку, обыкновенному мірскому быку, котораго по прошествіи трехъ лѣтъ рѣзали и съѣдали. «Вотъ какіе мы были,—говорилъ старикъ,—своего же бога ѣли». Религіозный обычай рѣзать быка и съѣдать его міромъ и въ настоящее время еще сохранился, но только не во всѣхъ мордовскихъ общинахъ, а лишь въ одной—изъ тѣхъ, которыя вошли въ группу настоящаго изслѣдованія—въ деревнѣ Нижней Дубровкѣ.

Въ Нижней Дубровкѣ числилось въ 1877 году одинокихъ домохозяйствъ 80, въ томъ числѣ: бездушныхъ 6, однодушныхъ 12, полуторадушныхъ 5, двудушныхъ 55, двухъ съ половиной-душныхъ 2.

Семьяныхъ 85, въ томъ числѣ: трехдушныхъ 40, трехъ съ половиной-душныхъ 7, четырехдушныхъ 23, четырехъ съ половиной-душныхъ 4, пятидушныхъ 6, пяти съ половиною-душныхъ 1, шестидушныхъ 2 и семидушныхъ 2.

Бездомовыхъ: бездушныхъ 1, однодушныхъ 3, полуторадушныхъ 1, двухдушныхъ 3 и трехдушныхъ 1.

Одинокіе (80) платятъ всего $134^1/_2$ души, что составитъ на деньги 1,229 р. 33 к. Семьяные (85) платятъ всего 316 душъ, что составитъ на деньги 2,888 р. 24 к.

Въ Нижней Дубровкѣ ревизскихъ душъ числится 463. Дворовыхъ 165.

Всѣхъ повинностей приходится на общество 4,240 р. 96 к.; изъ нихъ общественнаго сбора 635 р. 68 к. Всѣхъ повинностей приходится на душу 9 р. 14 к.; изъ нихъ общественнаго сбора 1 р. 37 к.

Болѣе затруднительны сборы съ домохозяевъ, владѣющихъ отъ одной до трехъ душъ.

Хлѣбопашествомъ преимущественно занимаются семьяные и сильно-семьяные, а души сдаютъ маломощные и одинокіе; на заработки же ходятъ маломощные и часть одинокихъ.

Занимаются ремесломъ: дѣлаютъ колеса. Такимъ ремесломъ занимаются, кромѣ бездушныхъ, всѣ разряды, а преимущественно семьяные и сильно-семьяные.

Снискиваютъ себѣ пропитаніе бездушные милостынею; маломощные и одинокіе – хлѣбопашествомъ и ремесломъ и посторонними заработками; семьяные и сильно семьяные – хлѣбопашествомъ и ремесломъ. Нищенствующихъ и платящихъ подати—нѣтъ. Изъ хлѣба выбиваются и принуждены покупать его маломощные и одинокіе; первые начинаютъ покупать съ февраля, а вторые съ марта мѣсяцевъ; семьянымъ хлѣба хватаетъ, и изъ этихъ двухъ разрядовъ нѣкоторые понемногу продаютъ. Доходныя статьи—три мельницы и мѣсто, отведенное подъ питейное заведеніе, за которыя получается аренды 175 р., которые зачитываются въ подати.

Раскладка распредѣляется по окладнымъ душамъ.

Бездомовыхъ, но платящихъ подати—8 домохозяевъ, а не платящихъ и не имѣющихъ дома—1.

Продаютъ души до восьми домохозяевъ; они продаютъ положительно весь надѣлъ по причинѣ незанятія хлѣбопашествомъ и проживанія ихъ за Волгою.

Цѣна душѣ безъ лѣса 6 р.; земля продается всегда съ лугами.

Дѣлятъ землю ежегодно; собственно бываетъ жеребьевка, т.е. домохозяева безъ измѣненія межъ мѣняются между собой загонами.

Земля раздѣлена на паи. Всѣ паи, по качеству своему, распредѣляются на три категоріи: лучшую, среднюю и дурную, поэтому—три шапки.

Земли приходится въ двухъ поляхъ по одному осьминнику, а въ одномъ $^1/_2$ осьминника на душу.

Жеребьевъ бываетъ столько же, сколько и паевъ, и кладутъ ихъ въ одну шапку. Всѣхъ паевъ 39, въ каждомъ паю 12 душъ.

Для удобренія—отдѣльно отведеннаго участка нѣтъ, а предоставлено право каждому удобрять по одному осьминнику въ полѣ.

Въ годъ одинъ разъ, въ Петровъ день (29-го іюня), устраивается въ этой деревнѣ такъ называемый молянъ, въ полѣ, подъ извѣстнымъ священнымъ дубомъ.

Къ этому дню приготовляется на мірскія деньги быкъ и брага. Молитвами и жертвоприношеніемъ распоряжаются старикъ лѣтъ семидесяти Дмитрій Матѳѣевъ и старуха Татьяна Осипова.

Въ этотъ день на молянъ собирается все селеніе, отъ мала до велика. Брагу пьютъ сколько вздумается, а быкъ разрѣзывается на мелкія равныя части и раздается всѣмъ домохозяевамъ по душамъ, т. е. по числу окладныхъ душъ. Мнѣ показалось это выдумкой разсказщика, но меня тутъ же вывели изъ сомнѣнія. «Мордва мало говядины видитъ,—объяснялъ мнѣ старикъ,—на двоихъ одного быка мало, нельзя не дѣлить, уголовство выйдетъ»,—доказывалъ онъ. На замѣчаніе же мое, отчего они не ѣдятъ постоянно мяснаго, мордвинъ отвѣчалъ: «Если мы станемъ говядину ѣсть, то во всей Россіи ни одного хвостика не останется». Таково экономическое значеніе постовъ не только у мордвы, но и у всѣхъ нашихъ крестьянъ.

Мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ какъ мордва, на масляницу, на базарѣ покупали рыбу съ такимъ ужаснымъ запахомъ, что къ возу трудно было подойти.

На замѣчаніе мое, какъ это можно такую рыбу покупать—кто-то отвѣтилъ простодушно: абы шти мутны были.

Старикъ разсказывалъ также, что поклонялись ихъ предки и соснѣ, а за попа у нихъ былъ какой-то бурнашъ. Могила этого бурнаша и теперь извѣстна; многіе изъ мордвы чтутъ эту могилу, въ особенности больные ходятъ на нее молиться о здоровьѣ, впрочемъ—тайкомъ. Мѣста, занимаемыя теперь мордвою, были непроходимыми болотами и лѣсами. Они поселились здѣсь просто какъ новопольцы, земскихъ (такъ называли волостныхъ писарей) тогда не было, кругомъ были дичь и глушь.

— Старые люди баяли,—продолжалъ онъ,—что кулясцы съ мамадышцами все ссорились, а о чемъ ссорились, не знаю, разумъ что-ли разный былъ,—разсуждалъ нашъ разсказщикъ. Такое несогласіе,—думалъ онъ,—привело къ тому, что мамадышцы отдѣлились отъ кулясцевъ и поселились въ разныхъ мѣстахъ. Кулясцы перешли за рѣчку и сѣли ниже, а мамадышцы поднялись на гору и сѣли выше, всего на полторы версты другъ отъ друга. Мельницы у нихъ и до сихъ поръ общія, хотя и лежатъ среди земли кулясцевъ.

Въ то время, когда мы объѣзжали яровыя поля, по нимъ живописно среди зелени раскинуты были на широкомъ пространствѣ, посемейно, подобно гусямъ, бѣлыя группы мордовокъ (мордовки зиму и лѣто ходятъ въ бѣломъ) съ дѣтьми по своимъ паямъ.

Природа, по общимъ законамъ въ области растеній, не разбираетъ кто кого одолѣетъ: посѣянный-ли человѣкомъ овесъ—лебеду или наоборотъ. Оказалось, что на этотъ разъ въ мордовскихъ поляхъ трава

одолѣла все посѣянное. Но знающая эти законы и послушная имъ мордва набросилась вырывать съ корнемъ эти травы, какъ бы помня хорошо уроки той же природы, что все посѣянное можетъ только тогда получить развитіе, когда оно одинаково свободно какъ во внѣшней атмосферѣ, такъ и въ своемъ основаніи—своемъ корнѣ.

В. Г. Трирроговъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XXIV [1]).

Литература наша, въ послѣднее время, стала нерѣдко касаться духовенства. Много является повѣстей и легкихъ разсказовъ, а есть статьи и съ явными претензіями на серьезность. Но, къ сожалѣнію, все, что пишется о духовенствѣ, пишется односторонне, безъ знанія дѣла, а иногда и съ явнымъ желаніемъ унизить духовенство въ глазахъ читающаго міра.

Въ одномъ уважаемомъ и распространенномъ журналѣ о духовенствѣ однажды писалось такъ: „духовенство наше неразвито, тупо, глупо и даже безнравственно. Оно не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества. Оно, своимъ умственнымъ развитіемъ, стоитъ гораздо ниже даже средняго уровня современнаго общества. Дѣти духовенства, видя грязное, отупѣлое и безнравственное состояніе отцовъ, не хотятъ быть въ этой тинѣ и вылазятъ изъ нея во что бы то ни стало, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ“, и пр., и пр.

А такъ какъ извѣстно, что многіе изъ такъ называемыхъ высшихъ слоевъ общества гораздо лучше знаютъ какихъ нибудь зулусовъ, чѣмъ своего русскаго мужичка, и лучше знаютъ Парижъ, Неаполь и Ниццу, чѣмъ Москву, Новгородъ и Казань, то, читая такіе отзывы о своемъ русскомъ духовенствѣ, невольно

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV (три главы), стр. 554—562. Томъ XXV, стр. 457--492 (четыре главы); 609—636 (одна глава). Томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ). Томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка).

подумают: „да что это за народ такой—это наше православное духовенство? Зачѣмъ терпятъ его? Почему не замѣнятъ его людьми умными, развитыми, свѣжими, чистыми отъ всякой плесени и грязи, нравственными, съ благороднымъ направленіемъ? людьми, имѣющими сильное вліяніе на все общество, пользующимися всеобщею любовію, людьми изъ другой, чистой сферы, изъ свѣтскаго общества? Стоитъ ли возиться съ этою изгарью, когда въ запасѣ цѣлые десятки милліоновъ силъ свѣжихъ, могущихъ и желающихъ, по первому знаку, замѣнить это отупѣлое племя? Что это за отупѣлое племя, которое, живя среди просвѣщеннаго, чистаго, благороднаго, высоконравственнаго общества, при всѣхъ усиліяхъ общества къ облагороженію его, коснѣетъ въ своемъ невѣжествѣ и никакія мѣры не дѣйствуютъ на него?"

Явленіе это было бы и грустно и даже непонятно, еслибъ духовенство было дѣйствительно такимъ, какой даетъ о немъ отзывъ наша литература. Читая такіе отзывы о духовенствѣ, я думалъ, что духовная наша литература скажетъ свое правдивое слово. Въ особенности я надѣялся, что она отвѣтитъ на тотъ отзывъ о духовенствѣ одного изъ уважаемыхъ и наиболѣе распространенныхъ журналовъ, изъ котораго я сейчасъ сдѣлалъ выписку; но ни въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ отвѣта не было. А человѣку, встрѣчающему часто такіе отзывы о духовенствѣ въ свѣтской литературѣ и не встрѣчающему опроверженій со стороны литературы духовной, естественно должно придти убѣжденіе, что все, что пишется о духовенствѣ въ свѣтской литературѣ, есть неоспоримая и неотразимая истина. А отсюда неизбѣжны презрѣніе къ духовенству и холодность къ великому дѣлу его служенія.

Правда, въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ" весьма почтенномъ изданіи А. И. Поповицкаго, очень часто помѣщаются небольшія статейки въ защиту духовенства; но изъ нихъ все-таки нельзя составить полнаго понятія ни о жизни духовенства въ самомъ себѣ, ни объ отношеніяхъ его къ обществу и ни объ отношеніяхъ самого общества къ духовенству.

На статью, изъ которой я дѣлаю небольшую выдержку, я долго ждалъ, какъ я уже сказалъ, отвѣта отъ духовной литературы; не дождался и, наконецъ, забылъ о ней самъ. Но недавно, случайно, она попалась мнѣ опять и мнѣ вздумалось отвѣтить

на нее. При этомъ я нахожу не лишнимъ сказать, что я живу не въ столицѣ, гдѣ иногда пишутся идеальные проекты для деревень людьми, не бывшими дальше какого нибудь Парголова или Кушелевки и совершенно не знающими быта и жизни народа. Я и не фельетонистъ, зачастую описывающій деревенскую жизнь, самъ не бывши нигдѣ, во весь свой вѣкъ, дальше какой нибудь Коломяги. Я родился въ деревнѣ, выросъ въ деревнѣ, и живу въ деревнѣ священникомъ болѣе 30-ти лѣтъ. Кромѣ того, будучи сельскимъ священникомъ самъ, я имѣю особенные случаи всматриваться въ жизнь моихъ собратій, другихъ священниковъ. Имѣю нерѣдкія, и частныя и офиціальныя, сношенія съ людьми свѣтскими всѣхъ сословій; имѣю честь быть знакомымъ лично со многими лицами такъ называемаго лучшаго общества нашего многолюднаго города; бывалъ въ городахъ и кромѣ своего. Могу сказать, поэтому, что людей я видывалъ, и потому смотрю на жизнь, какъ мнѣ кажется, такъ, какова она есть, безъ всякихъ предубѣжденій, и, слѣдовательно, могу сказать правдивое слово. Защищать духовенство я совсѣмъ не имѣю надобности.

Хроникеръ того же журнала, изъ котораго я привелъ выписку, говоритъ: „наше духовенство не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества“. Но при этомъ онъ не потрудился сказать: кого разумѣетъ онъ подъ словомъ: „общество“ и „какія его требованія“, что сказать, однакожъ, было бы необходимо. Вѣдь наша матушка Россія велика и общество—ея населеніе—слишкомъ разнообразно и по званію, и по состоянію, и по образованію, и по характеру, и по образу жизни, и даже по роду и племени. Какую массу вы встрѣтите тутъ разнообразнѣйшихъ вкусовъ и характеровъ, талантовъ и бездарности, труда и лѣности, простоты и чванства, прямодушія и подлости, разума и нелѣпости, мотовства и скряжничества, доброты и злости, горя и радости, довольства и нищеты, прогресса и отсталости, добродѣтели и порока, благородства и цинизма!... Чему тутъ прикажете подражать и чьимъ вкусамъ прикажете „удовлетворять“? Вѣдь все это присуще „современному обществу“! По нашему мнѣнію, дѣло было бы осмысленнѣе, если бы было сказано, что духовенство не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго извѣстнаго класса людей, положимъ—дворянъ, вмѣсто того, чтобы говорить огуломъ: „общество“. Дворяне-де и по образованію, и по нрав-

ственности, и по вліянію на остальныхъ членовъ общества, и пр., и пр., выше всѣхъ другихъ сословій. Оно всѣми другими сословіями уважаемо и любимо; берите примѣръ съ него и старайтесь удовлетворять его требованіямъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?... Много лицъ изъ дворянъ, предъ которыми, за ихъ благородство души, умъ, государственную и общественную дѣятельность, невольно съ благоговѣніемъ преклоняешь свою голову; но еще болѣе и такихъ, которые не стоютъ не только подражанія, но и никакого уваженія, по ихъ необразованности и непорядочности жизни. Значитъ, что дворяне, всѣмъ своимъ сословіемъ, не могутъ служить идеаломъ совершенства и быть образцомъ для духовенства. Слѣдовательно, духовенству и не слѣдуетъ стараться удовлетворять требованіямъ современнаго сословія дворянъ. При томъ дворяне—не „общество", —они только небольшая крупица въ нашемъ обширномъ государствѣ; за ними еще много милліоновъ лицъ другихъ сословій. При томъ, никто и никогда не требовалъ и не потребуетъ, чтобы духовенство удовлетворяло требованіямъ только дворянъ.

Если дворяне не могутъ быть идеаломъ для духовенства, то, можетъ быть—чиновники? Опуская многое-многое изъ ихъ быта, мы спросили бы г. хроникера: случалось-ли ему, какъ говорится, ходить по судамъ? Имѣлъ-ли онъ дѣла въ департаментахъ, окружныхъ судахъ, полицейскихъ управленіяхъ, консисторіяхъ?... Если онъ не имѣлъ къ нимъ лично соприкосновеній и близко не знаетъ ихъ, то мы скажемъ ему: отъ такихъ идеаловъ да сохранитъ Господь и вашихъ и нашихъ!

Можетъ быть—купцы? Но если взять газеты хоть только за послѣдніе три года, то и не перечесть однихъ только злостныхъ банкротствъ, не говоря уже о другихъ добродѣтеляхъ.

Идеалъ, стало быть, и здѣсь плохой и подражать имъ—дѣло неподходящее.

Можетъ быть, хроникеръ представитъ намъ интеллигенцію своего круга — литераторовъ, журналистовъ, фельетонистовъ и прочій мыслящій и пишущій людъ? Но на это мы скажемъ ему: если только десятая доля того вѣрна, что̀ они другъ о другѣ пишутъ и печатаютъ во всеобщее свѣдѣніе, то согласитесь, что хорошъ-же этотъ кругъ и есть съ чего брать образецъ!

Послѣ этого укажите мнѣ на сословіе, которое бы, всѣмъ

своимъ составомъ, удовлетворяло всѣмъ требованіямъ всего остальнаго общества,—во всѣхъ концахъ Россіи. Укажите, что такое-то сословіе дошло до такого состоянія, что усовершенствованій болѣе уже не требуетъ. Указать этого нельзя. Укажите хоть на одно лицо въ свѣтѣ, изъ временъ минувшихъ и настоящаго, которымъ были бы довольны всѣ. Не укажете и этого. Укажите, наконецъ, на два лица, которыя были бы довольны другъ другомъ во всемъ. Конечно, не укажете и этого. Если все это невозможно, то какъ же возможно то, чтобы нѣсколько десятковъ тысячъ личностей, разнообразныхъ и по образованію, и по характеру, и по образу жизни, удовлетворяли требованіямъ милліоновъ людей, еще болѣе разнородныхъ и разнообразнѣйшихъ между собою и съ безчисленно разнообразнѣйшими ихъ требованіями!

Между тѣмъ, среди духовенства, лицъ высокообразованныхъ и высоконравственныхъ, по относительному количеству, несравненно больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Возьмите петербургское духовенство и сравните съ остальными гражданами столицы—низшій классъ оставьте даже въ покоѣ—и вы увидите, что перевѣсъ на сторонѣ духовенства. Возьмите въ любой губерніи духовенство, дворянъ, чиновниковъ и купцовъ и сравните, опять, конечно, по относительному ихъ количеству. Въ каждой губерніи вы непремѣнно найдете человѣкъ 700 священниковъ и псаломщиковъ съ полнымъ образованіемъ средняго учебнаго заведенія, есть съ образованіемъ академическимъ, и изъ всего количества 40% окончившихъ полный курсъ среднихъ и высшихъ заведеній есть непремѣнно. Переберите, потомъ, всѣхъ служащихъ чиновниковъ во всѣхъ переполненныхъ ими присутственныхъ мѣстахъ и вы увидите много-ли тамъ окончившихъ полный курсъ гимназій. А на служащихъ и не служащихъ дворянъ и купцовъ придется, просто, рукой махнуть. Журналовъ и ученыхъ изслѣдованій у насъ, опять, разумѣется, сравнительно съ количествомъ лицъ, несравненно больше. Ученыя произведенія наши не уступятъ любому произведенію свѣтскому. О нравственномъ же содержаніи всей духовной литературы и говорить нечего. У насъ нѣтъ ни ругательствъ, ни перебранокъ, ни безнравственныхъ романовъ и повѣстей, ни унижающихъ человѣческое достоинство фельетоновъ и ничего даже подобнаго. Точно также, не въ упрекъ, а въ видахъ исторической правды, мы можемъ спросить: кѣмъ населены

Сибирь, Сахалинъ? кто ихъ каторжники? кѣмъ переполнены тюремные замки? чьи ведутся процессы въ мировыхъ учрежденіяхъ, окружныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ? Участвовалъ ли хоть одинъ, не только что священникъ, но даже хоть послѣдній пономарь. въ государственныхъ преступленіяхъ?... Этого никогда не было, и можемъ ручаться головой за все православное духовенство Россіи, что никогда этого и не будетъ. Я нимало не говорю, что духовенство свято. Въ консисторіяхъ нашихъ часто производятся дѣла о безпорядочной жизни кого либо изъ причта. Но въ чемъ эта безпорядочность? Духовенство судится, почти исключительно, за нетрезвую жизнь. И это опять не потому, чтобы духовенство безобразничало по купечески, или какъ, въ былое время, провинціалы-дворяне,—нѣтъ, у насъ преслѣдуется и то малое, на что въ другихъ сословіяхъ не обращается и вниманія. При томъ, если вникнуть въ нашу сельскую жизнь и всю ея обстановку, то нужно еще удивляться, что пьянства такъ мало. Изъ того, что будетъ мною сказано ниже, я надѣюсь, что читатель ясно увидитъ, что сельскому духовному лицу нуженъ твердый-твердый характеръ, чтобъ не сдѣлаться пьяницей. Поэтому духовенство должно бы было пользоваться бо̀льшимъ уваженіемъ и бо̀льшими симпатіями общества, нежели какъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Послѣ этого самъ собою слѣдуетъ вопросъ: почему же общество недовольно духовенствомъ, безпрестанно печатно позоритъ его и требуетъ, чтобы оно „удовлетворяло всѣмъ требованіямъ его“, не требуя этого отъ другихъ сословій?

Дѣло просто: общество раздѣляется на извѣстныя группы: дворянъ, военныхъ, чиновниковъ, купцовъ, крестьянъ и пр. Каждая группа поставлена въ извѣстныя, опредѣленныя рамы; того, что усвоила себѣ извѣстная группа, она уже не потребуетъ отъ другой; напримѣръ, никто не потребуетъ, чтобы дворянинъ самъ лично пахалъ, сѣялъ и проч.; отъ мужика никто не потребуетъ учености, чтобъ онъ ходилъ во фракѣ, лайковыхъ перчаткахъ и под. Группы эти такъ опредѣлились, что всѣ онѣ живутъ собственною, самостоятельною жизнію, съ собственными достоинствами и недостатками, не прикасаясь одна къ другой. Духовенство составляетъ тоже отдѣльную группу, но она стоитъ въ серединѣ этихъ разнороднѣйшихъ группъ. Не принадлежа ни къ одной, она, въ то же время, составляетъ со всѣми ими одно. Миссія духовенства:

соединить разнороднѣйшія части общества въ одно цѣлое, вселить общее другъ къ другу довѣріе, любовь, и быть руководителемъ въ любви къ Богу и ближнимъ. Поэтому оно ко всѣмъ группамъ должно соприкасаться въ одинаковой степени и на всѣ имѣть сильное вліяніе. Такъ—по идеѣ. Но на дѣлѣ—въ самой жизни—дѣлается наоборотъ: оно само находится подъ вліяніемъ общества. Всѣ его жизненныя силы, даже послѣдній кусокъ хлѣба, находятся въ рукахъ общества и общество производитъ на него такое сильное давленіе, что̀ вліяніе на него духовенства остается едва замѣтнымъ. Вслѣдствіе такого неестественнаго положенія дѣла, каждый членъ общества считаетъ духовенство зависимымъ отъ него, а себя—въ правѣ не только желать, но даже требовать отъ духовенства всего, что̀ присуще его характеру и направленію. Духовенство или, точнѣе, священника разрываютъ на части во всѣ стороны: всякій требуетъ своего, нимало не обращая вниманія на то, кто онъ и чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ. Поэтому всѣ разнороднѣйшіе члены общества возлагаютъ на него такую массу обязанностей и требованія эти до того разнообразны и часто несовмѣстимы одни съ другими, и до того иногда нелѣпы и дики, что выполнить ихъ нѣтъ никакой возможности. Эта масса требованій, эта несовмѣстимость ихъ однихъ съ другими и эта нелѣпость и дикость ихъ—и бываютъ причиною такихъ безцеремонныхъ и безпощадныхъ порицаній, какимъ подвергается духовенство. Духовенство если и имѣетъ слабое вліяніе на общество, то оно проявляется только въ низшихъ слояхъ общества; но тамъ, что̀ считаетъ себя хоть чѣмъ нибудь выше мужика, и это слабое крайне сомнительно. Но за то тутъ претензій и требованій отъ священника несравненно больше, и требованія эти, бо̀льшею частію, одно другаго нелѣпѣе.

Для ясности сказаннаго мною укажу на жизнь священника, у котораго большинство прихожанъ крестьяне, но гдѣ, тутъ же въ приходѣ, есть и дворяне, и одни изъ нихъ—вообще какъ господа сельскіе помѣщики; другіе—дворяне, что нибудь читающіе; третьи—между которыми есть барыни старыя и барыни молодыя; есть люди ученые, чиновники, купцы, раскольники; гдѣ есть земская школа, врачъ и сельскія власти и, какъ типунъ на языкѣ, свой пьяный причтъ. Посмотрите на ихъ требованія отъ священника! Послѣ этого взгляните на жизнь священника за предѣлами его прихода: у

него есть общее—государственное правительство, при которомъ, между прочимъ, какъ метеоры, блуждаютъ еще неопредѣлившіеся различные статистическіе комитеты; у него есть непосредственный начальникъ—епископъ, есть консисторія. Взгляните и на ихъ требованія!!...

Я выставляю немногихъ, съ кѣмъ соприкасается священникъ, но посмотрите на массу и на разнообразіе требованій.

XXV.

Крестьяне лѣтомъ, бо̀льшею частію, работаютъ и въ праздники. Но имъ желательно и въ церкви помолиться, и работы не опустить. Поэтому они желаютъ, чтобы обѣдни служились рано. Они любятъ священника, когда тотъ живетъ точно такъ же, какъ живутъ они сами,—чтобъ у священника былъ такой же простой домъ, какъ и у мужика; если мужикъ можетъ придти къ нему во всякое время; если священникъ не прогнѣвается, когда тотъ затопчетъ и загрязнитъ у него полы; часъ—два потолкуетъ съ нимъ объ урожаѣ, скотинкѣ, недоимкахъ, рекрутчинѣ, и вмѣстѣ съ нимъ выпьетъ; если священникъ самъ потомъ пойдетъ къ нему на крестины, свадьбу, поминки, и вмѣстѣ съ нимъ напьется тамъ пьянъ; надѣнетъ мужицкій кафтанъ и поѣдетъ вмѣстѣ пахать, косить, въ лѣсъ, и т. п. Про такихъ священниковъ, обыкновенно, крестьяне говорятъ: „нашъ попъ—душа! Онъ настоящій нашъ братъ—мужикъ: работаетъ съ нами вмѣстѣ, даромъ что попъ; къ нему иди запросто за всякое время; онъ и самъ выпьетъ и тебѣ поднесетъ". Такіе отзывы мнѣ не разъ приходилось слышать отъ крестьянъ о своихъ батюшкахъ. Значитъ: чтобы удовлетворять „требованіямъ современнаго общества"—крестьянъ, священникъ долженъ быть мужикомъ.

Но представьте, что въ этомъ же приходѣ живетъ баринъ, да, на бѣду, еще изъ „крупныхъ". Отъ священника онъ требуетъ совсѣмъ уже не того, что̀ требуетъ мужикъ: до девяти часовъ баринъ, обыкновенно, выспаться не успѣваетъ; поэтому онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выразитъ непремѣнно сожалѣніе, что обѣдни служатся рано. Для него священникъ долженъ быть всегда чисто одѣтъ, а тѣмъ болѣе его семейные. Онъ желалъ бы, чтобъ

у священника былъ хорошій домъ, съ хорошею меблировкой; чтобъ у священника была всегда приличная закуска и сервировка; чтобъ съ мужикомъ онъ не только не имѣлъ короткихъ сношеній, но чтобъ и близко не подпускалъ къ себѣ этого, пропитаннаго дегтемъ и овчиной, хамскаго отродья; чтобы всѣ манеры въ обращеніи были самыя изысканныя, барскія, и сохрани Богъ, если отъ попа хоть чуточку пахнетъ мужицкимъ духомъ, словомъ: чтобъ у священника все было по барски,—чтобъ для его барскаго достоинства не было унизительно, когда онъ осчастливитъ священника своимъ посѣщеніемъ,—зайдетъ къ нему, послѣ обѣдни, на стаканъ чаю и рюмку водки. Стало быть: чтобы удовлетворять „требованіямъ современнаго общества“ — дворянъ, священникъ **должен быть бариномъ**.

Если баринъ что нибудь читаетъ—хоть мѣстную газетку, или изъ столичныхъ газетъ [1]), то не всегда высказываетъ мысли свои положительно, безапелляціонно, но иногда соглашается съ мнѣніями и другихъ. Вести бесѣду съ такимъ господиномъ еще сносно. Но всѣ разговоры съ гг. помѣщиками, обыкновенно, ведутся на одну тему: о лѣности мужиковъ, о стѣснительномъ состояніи помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, о потворствѣ крестьянамъ мировыхъ судей и, къ концу концовъ, разговоръ сойдетъ непремѣнно на карты и собакъ. Карты и собаки для множества помѣщиковъ составляютъ и теперь еще душу ихъ жизни, и снискать уваженіе и расположеніе къ себѣ у такихъ господъ можно только картами и собаками. Однажды мнѣ пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ господами помѣщиками, ѣхавшими на охоту. Я сидѣлъ на диванѣ въ углу и на меня, конечно, никто не об-

---

[1]) Мнѣ лично коротко знакомы: одинъ землевладѣлецъ, имѣющій до 5,000 дес. и до 250,000 р. въ банкахъ, выписываетъ только мѣстную газетку; другой, имѣющій 1,000 дес. и до 200,000 руб. въ банкахъ, выписываетъ одинъ московскій журналъ, и всегда за прошлый годъ—подешевле; третій, съ 30,000 р. годоваго дохода, не выписываетъ и не читаетъ ровно ничего; одинъ, занимавшій видное мѣсто по выборамъ, выписываетъ мѣстный листокъ; другой—занимаетъ теперь это видное мѣсто и выписываетъ мѣстный листокъ и каррикатурный листокъ изъ столицы. И это—изъ «крупныхъ». А о мелочи и говорить нечего. Значитъ, то, что я говорю, не есть намѣренный, ложный отзывъ о сельскихъ помѣщикахъ. **Сельскій Священникъ.**

ратилъ вниманія. Но въ разговорахъ ихъ я услышалъ, однажды, слово „попъ“. Это меня заинтересовало и мнѣ вздумалось, отъ скуки, пошутить надъ ними и пощупать много-ли у нихъ мозговъ. Я подсѣлъ къ нимъ поближе. Господа толковали о собакахъ. Я вмѣшался въ ихъ разговоръ и постарался высказать имъ все свое собаковѣдѣніе: я сталъ говорить имъ, что сетеръ имѣетъ такія-то хорошія качества, а понтеръ такія-то; что напрасно они въ эти мѣста взяли сетеровъ, а что гораздо лучше было бы взять понтеровъ, и проч. И знаете ли? Я не могъ досыта налюбоваться съ какою жадностью они слушали меня и какъ впивались въ каждое мое слово! Въ какихъ нибудь 20—30 минутъ мы сдѣлались искренними друзьями. При искреннихъ рукопожатіяхъ на прощаньѣ, я заслужилъ отъ всѣхъ аттестацію умнаго и образованнаго священника, какихъ имъ не приводилось еще встрѣчать въ жизни. А изъ этого и выходитъ, что священникъ, чтобы „удовлетворять требованіямъ современнаго общества“ — его собесѣдниковъ-дворянъ, изъ пастыря церкви долженъ сдѣлаться псаремъ.

Старая барыня будетъ чтить своего приходскаго батюшку-священника выше святителя, если онъ зайдетъ иногда къ ней выпить чашечку кофейку съ цикоріемъ, поиграетъ съ ней въ гранъ-пасьянсъ, посудитъ о легкости нравовъ нынѣшнихъ молодыхъ людей и будетъ имѣть терпѣніе слушать ея обыденныя сплетни. Стало быть: священникъ долженъ быть салопницей.

Молодая барыня будетъ занимать васъ разговоромъ о новомъ романѣ, который она только что прочла или читаетъ; объ оперѣ и театрѣ, гдѣ вы никогда не бываете; о несостоявшемся бракѣ лицъ, которыхъ вы не знаете; въ сотый разъ выслушаете о необыкновенныхъ талантахъ ея птенцовъ, и т. под. Правда, бываютъ разговоры иногда о церковныхъ службахъ и о священникахъ, но какого рода? „Ахъ,—воскликнетъ иная барыня,—какой NN. славный и образованный священникъ! Какъ онъ хорошо служитъ, настоящій архіерей! И какъ онъ скоро служитъ! Да и къ чему морить народъ? Я всегда ѣзжу къ нему“. Или: „Какой NN. славный священникъ! Онъ даже вовсе не похожъ на священника—настоящій свѣтскій! Съ нимъ всегда пріятно провести время“. Но если и вы, при этомъ, скажете, для потѣхи, какое направленіе дано, по послѣднему журналу, шиньону—вздернутъ-ли онъ на макушку, или откинутъ назадъ; какія въ модѣ нынѣ шляпки,

дипломаты, ротонды и проч., то вы, во мнѣніи барыни, ужъ непремѣнно будете и достойнѣйшимъ, и современнымъ, и образованнымъ священникомъ. А изъ этого и слѣдуетъ: чтобы „удовлетворять требованіямъ современнаго общества"—барынь, священникъ долженъ быть модисткой.

Лицъ, служащихъ въ какомъ нибудь присутственномъ мѣстѣ, вы расположете къ себѣ только тогда, когда вы выразите ваше сочувствіе, что окладъ жалованья слишкомъ недостаточенъ по ихъ трудамъ; когда вы знакомы хоть сколько нибудь съ дѣлами ихъ службы; знаете немного общія чиновническія интриги и городскія новости; вѣрите, вмѣстѣ съ ними, всякимъ слухамъ; зайдете вечеркомъ къ этимъ „вѣчнымъ труженникамъ" выпить чаю съ коньячкомъ, а, пожалуй, тутъ же и попѣть. Значитъ: священникъ долженъ быть чиновникомъ.

Встрѣчаешься иногда съ человѣкомъ довольно много читающимъ. „Ахъ, вы читали?"—спрашиваетъ онъ.—Нѣтъ, не читалъ еще.— „Прочитайте непремѣнно!" Или слышишь: „какой NN. умный священникъ! Какъ онъ много читаетъ!" Значитъ: хоть бы для того, чтобъ не клеймили дуракомъ, священникъ долженъ много читать.

Есть семейства, для которыхъ карты составляютъ жизнь. Если священникъ не играетъ, то онъ никогда не будетъ пользоваться расположеніемъ этого семейства. Правда, въ глаза ему, изъ приличія, полебезятъ; но за то переберутъ его по косточкѣ, лишь только онъ переступитъ порогъ ихъ дома. Напротивъ, всѣ милости изливаются на того, кто способенъ жертвовать своею честью и совѣстью и бываетъ неразлучнымъ ихъ партнеромъ. Стало быть: священникъ долженъ быть картежникомъ.

Купцы—статья иная: они религіознѣе многихъ другихъ сословій, но, при этомъ, набожность ихъ до того перепутана съ барышничествомъ, что, вѣроятно, большинство изъ нихъ и сами не опредѣлятъ себѣ кто они—плуты, или люди благочестивые. Употребляя всѣ способы и пользуясь всякимъ случаемъ къ наживѣ, они любятъ читать книги религіознаго содержанія. Не особенно заботясь о чистотѣ своей нравственности, они строго соблюдаютъ посты—по крайней мѣрѣ въ глазахъ другихъ. Вздувши кого нибудь при подрядѣ или продажѣ, на сколько хватило мочи,—они ставятъ въ церкви рублевыя свѣчи. Иной воротило

пустить по міру цѣлые десятки чужихъ сиротъ, но за то потомъ сольетъ большой колоколъ, или построитъ высокую колокольню. Отъ священника они требуютъ солидности, точности въ церковной службѣ, строгаго соблюденія постовъ, словомъ—святости. Но дѣйствительно купца расположете къ себѣ только тогда, когда вы знаете хорошо биржевыя колебанія различныхъ акцій и облигацій; досконально знаете всѣ торговые обороты по его операціи; кольнете, хоть слегка, его соперника и скажете, что у него дѣла идутъ не особенно бойко. Если же вы скажете, что такого-то купца или барина можно легко, по ихъ выраженію, объегорить на-чистую, то онъ готовъ вложить въ васъ всю свою душу. А слѣдовательно: священникъ **долженъ быть торгашомъ**.

Люди высокопоставленные, или считающіе себя высокопоставленными и богатыми, приглашаютъ, иногда, къ себѣ священника, особенно послѣ домашнихъ требоисправленій, на закуску и даже на обѣдъ. Но немного, вѣроятно, и городское духовенство помнитъ въ своей жизни случаевъ, чтобы высокопоставленное лицо зашло къ священнику въ домъ, такъ себѣ, попросту—изъ расположенія къ нему, хотя между городскими священниками и протоіереями есть люди, безспорно, достойные полнаго уваженія. Изъ этого естественное заключеніе, что на насъ смотрятъ свысока, считаютъ насъ ничтожествомъ, бывать у насъ считаютъ для себя унизительнымъ, а эти закуски и обѣды, которыми удостоиваютъ насъ, есть не болѣе, какъ подачки—изъ приличія, и онѣ, по моему мнѣнію, только унижаютъ насъ въ глазахъ общества. А слѣдовательно: священникъ **долженъ считать себя недостойнымъ и нестоющимъ расположенія и даже уваженія лица, считающаго себя высокопоставленнымъ**.

Раскольники требуютъ, чтобы священникъ велъ жизнь совершенно уединенную. Чтобы табаку онъ не только не курилъ самъ, но и не имѣлъ бы съ табачниками никакого общенія и не бывалъ бы въ ихъ обществѣ, дабы не вдыхать въ себя этого зелья; чтобы церковныя службы отправлялась „истово"—неторопясь, точно,—и пѣлось и читалось безъ пропусковъ все—по уставу; чтобы священникъ читалъ книги исключительно духовнаго содержанія и древнія, „мірской" же книги не бралъ бы и въ руки; чтобы одежда, пища, образъ жизни и пр., и пр., все было „по древнему благочестію". Какъ бы ни были нелѣпы требованія раскольниковъ,

но не обращать вниманія на ихъ требованія нельзя: раскольники живутъ среди народа; здѣсь ихъ и дѣти, и братья, и весь ихъ родъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, люди состоятельные и потому имѣющіе большое вліяніе на бѣдняковъ. Высасывая послѣдніе соки изъ бѣднѣйшихъ и выставляя себя единственными блюстителями „древняго благочестія", они наблюдаютъ за каждымъ шагомъ священника и, потому, малѣйшее отступленіе, по ихъ понятію, отъ „древняго благочестія" выставляется на показъ народу и ставится въ укоръ и священнику и самому православію. А изъ этого и слѣдуетъ, что священникъ долженъ строго держаться „древняго благочестія", церковную службу отправлять продолжительно, неторопясь,—все пѣть и вычитывать по уставу церкви.

При извѣстныхъ болѣзняхъ докторъ требуетъ, чтобы больной ѣлъ въ постъ скоромную пищу; больной не рѣшается и докторъ требуетъ подтвержденія своему опредѣленію отъ священника. Многіе православные желали бы, на сколько возможно, чаще бывать при богослуженіяхъ; но они не могутъ выносить продолжительности службы, а потому просятъ священника „служить поскорѣе". Въ сельскихъ церквахъ, зимою, холодъ и сырость страшные. Не только бѣдные и плохо одѣтые крестьяне, но даже мы, хорошо одѣтые, не можемъ выносить продолжительной службы. У меня, напримѣръ, не проходитъ ни одного Великаго поста, чтобы во время говѣнья не простудилось и не перехворало нѣсколько человѣкъ. Даже мой собственный сынъ, въ 1879 году, сдѣлался жертвою простуды и померъ послѣ говѣнья. Слѣдовательно: священникъ долженъ служить скоро и быть нарушителемъ устава церкви.

Въ тѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ земскіе врачи живутъ не между крестьянами, а въ городахъ, крестьяне не видятъ ихъ никогда и потому, въ совершенной своей безпомощности, безпрестанно обращаются за совѣтами къ своему батюшкѣ-священнику. Поэтому: священнику необходимо, на сколько это возможно, изучать медицину и имѣть маленькую аптечку, чтобъ оказывать нуждающимся хоть какую нибудь помощь.

Земцы, чтобы не выказаться передъ обществомъ ничего не дѣлающими для народа, ассигнуютъ небольшія суммы на народныя школы. Училищные совѣты разрѣшаютъ открытіе школъ; болѣе

дѣятельные члены совѣта по разу въ годъ бываютъ и въ самыхъ школахъ своего уѣзда; по разу года въ три бываютъ въ нихъ и инспекторы народныхъ училищъ; но ни одной школы никогда и нигдѣ не открывалось и не существовало безъ непосредственнаго и дѣятельнаго участія мѣстнаго священника. Священнику приходится убѣдить крестьянъ изъявить желаніе открыть школу; онъ долженъ найти помѣщеніе, пріискать средства на отопленіе, прислугу, учебныя пособія и содержаніе учителя; убѣдить отцовъ и матерей отпускать дѣтей своихъ въ школы, убѣдить самыхъ дѣтей—ходить въ нихъ; самъ долженъ учить и наблюдать за преподаваніемъ другихъ, словомъ: онъ долженъ быть попечителемъ и учителемъ народной школы.

Между крестьянами, какъ и между другими сословіями, очень нерѣдки семейныя непріятности: то сынъ нагрубитъ своей матери, то отецъ выгонитъ изъ дому своего сына, то пьяница-мужъ искалѣчитъ свою жену... Гдѣ искать защиты и помощи несчастнымъ?! Единственное лицо — это мѣстный священникъ. Онъ непремѣнно долженъ быть умиротворителемъ семейныхъ непріятностей.

Въ народѣ усиливаются пьянство, безнравственность, азартныя игры, воровство; мѣстныя же власти всегда пьяны прежде другихъ. Единственное лицо—это приходскій священникъ, который есть и долженъ быть наставникомъ и блюстителемъ народной нравственности.

Иногда, въ приходѣ получается такое начальственное распоряженіе, что крестьяне считаютъ его притѣснительнымъ и обременительнымъ для себя; мѣстнымъ же своимъ властямъ они не всегда довѣряютъ и, потому, недоумѣваютъ, что̀ имъ дѣлать—исполнять его, или нѣтъ. И они идутъ къ своему батюшкѣ-священнику за безпристрастнымъ и справедливымъ словомъ. Стало быть: священникъ долженъ быть руководителемъ въ дѣлахъ общественныхъ.

Крестьяне крайне небрежны въ обращеніи съ огнемъ и не предпринимаютъ никакихъ предосторожностей противу пожаровъ. Сельскія власти, изъ тѣхъ же крестьянъ, рожденныя и воспитанныя среди беззаботливаго, въ этомъ отношеніи, народа, относятся къ этому дѣлу такъ же небрежно, какъ и ихъ подчиненные. Поэтому, единственное лицо въ приходѣ, которое можетъ что

нибудь сдѣлать полезное,—это приходскій священникъ. И дѣйствительно, многіе священники приказываютъ, чтобъ при каждомъ домѣ были постоянно на-готовѣ кадки съ водой, осматриваютъ пожарные инструменты, велятъ чинить старые и покупать новые, и по нѣскольку разъ въ теченіе лѣта осматриваютъ всѣ дома по деревнямъ и всѣ пожарные сараи.

Во время падежа скота опять только одинъ священникъ можетъ повліять, чтобы были предпринимаемы необходимыя предосторожности и исполнялись предписанныя врачомъ мѣры.

Въ настоящее время, въ нашей губерніи устроилось нѣсколько ссудосберегательныхъ кассъ по селеніямъ; но въ каждомъ такомъ учрежденіи главнымъ дѣятелемъ—опять непремѣнно священникъ. Поэтому: священникъ есть блюститель благосостоянія народа.

Сколько въ народѣ различныхъ, такъ называемыхъ колдуновъ, знахарей, ворожей, лекарей и лекарокъ; сколько различныхъ суевѣрій, вредныхъ для религіи, нравственности, благосостоянія и здоровья!... На священникѣ лежитъ обязанность истреблять суевѣрія народа и быть охранителемъ народнаго благополучія.

Крестьянинъ днемъ, особенно лѣтомъ, занятъ работою и приглашать священника къ больному днемъ ему нѣтъ времени; поэтому онъ ѣдетъ за нимъ, бо̀льшею частію, ночью, не обращая вниманія ни на какую погоду. А то, что̀ выше мужика по какому бы то ни было отношенію, допекаетъ священника, хотя и не тѣмъ, но еще больше. Тамъ не пошлютъ за вами въ полночь, но за то продержатъ васъ, ни зачто, ни прочто, 3—4 часа, и вытянутъ всю душу всевозможными привередничаньями: привезутъ васъ къ себѣ въ домъ, напримѣръ—крестить, а тамъ окажется, что то кумъ еще не пришелъ, то кума не пріѣхала, а вы сидите и ждите, хотя у васъ дорога, можетъ быть, каждая минута; но на это никто и не подумаетъ обратить вниманія; пять разъ опустятъ термометръ въ купель; пять разъ выразятъ опасенія, чтобы вы не утопили ребенка, чтобъ не упали на него свѣчи, не помяли вы грудки, реберъ, не привить бы болѣзней отъ прежде крещенныхъ младенцевъ въ этой купели и.... безъ конца. И священникъ долженъ попусту тратить дорогое время, сидѣть и слушать всякую глупость.

Вы простудились, вамъ нужно только вылежаться и вспотѣть. Но вы не можете употреблять никакихъ потогонныхъ средствъ, потому что вы хорошо знаете, что за вами могутъ пріѣхать изъ дальней деревни и вы должны рисковать тогда простудиться уже на-смерть.... Поэтому священникъ, во всякое время дня и ночи и во всякую погоду, долженъ быть готовымъ для требоисправленій, не смотря на собственную болѣзнь.

Требоисправленія по приходу, по видимому, есть одна изъ самыхъ легкихъ обязанностей — работа чисто-механическая; но на самомъ дѣлѣ, ни одна должность въ свѣтѣ, кромѣ развѣ докторской, не донимаетъ, такъ сказать, человѣка, какъ требоисправленія, и именно чѣмъ?—своею безвременностью. Во всякой должности есть опредѣленный часъ труда и опредѣленный часъ отдыха. У священника этого опредѣленнаго часа нѣтъ. Иногда 5—10 разъ оторвутъ васъ, пока вы напишете какихъ нибудь полулиста; 20—30 разъ оторвутъ, пока вы прочтете какую нибудь книгу. Вы не знаете покою ни днемъ, ни ночью, ни въ какое время года и ни въ какую погоду. При безпрестанныхъ перерывахъ мысль совершенно теряется для всякой умственной работы и вы доходите, наконецъ, до апатіи ко всякому умственному труду.

Всѣ лица, состоящія на государственной службѣ, пользуются каникулами—мѣсячными и двухмѣсячными отпусками; но священнику такихъ каникулъ не полагается,—онъ долженъ быть на мѣстѣ его службы неотлучно весь свой вѣкъ.

Чиновникъ можетъ числиться больнымъ четыре мѣсяца и получать полное свое жалованье; священникъ же, съ перваго дня его болѣзни, долженъ отдать половину своего содержанія исправляющему его должность. Стало быть: священнику и хворать не полагается.

Такимъ образомъ, священникъ, отъ начала своей жизни до гробовой доски, есть полный рабъ общества; но общество не довольствуется этимъ: оно требуетъ, вдобавокъ ко всему, еще и совершенствъ чисто ангельскихъ. Общество знать не хочетъ, что священникъ есть такой же человѣкъ, вышедшій изъ того же общества и живущій среди общества, гдѣ на каждомъ шагу онъ видитъ не только обыкновенныя слабости, но и самые грубые пороки; что священникъ имѣетъ тѣ же жизненныя потреб-

ности и, слѣдовательно, тѣ же слабости, и потому всякій мало-мальо предосудительный поступокъ караетъ безпощадно. За священникомъ наблюдаютъ каждый его шагъ: что онъ ѣстъ, что пьетъ, сколько времени и даже на чемъ онъ спитъ, чѣмъ занимается, какъ живетъ съ семействомъ, кто у него прислуга—словомъ, въ его жизнь входятъ до мельчайшихъ подробностей. И все это служитъ темою къ самымъ безпощаднымъ пересудамъ. То, что дѣлаютъ всѣ, общество никакъ не хочетъ допустить, чтобъ это дѣлалъ и священникъ. Напримѣръ, очень многіе изъ православныхъ ѣдятъ въ постные дни скоромное; но попробуй ѣсть, хоть съ ними же только, священникъ,—и, Боже мой, сколько пойдетъ пересудовъ! Какъ будто не тотъ же церковный законъ лежитъ на каждомъ православномъ, какъ и на священникѣ. Нѣтъ, убѣждены всѣ: мнѣ можно, а попу нельзя. Или, мнѣ не очень давно пришлось быть въ обществѣ дворянъ, гдѣ былъ одинъ изъ предводителей дворянства. Предводитель началъ говорить объ одномъ господинѣ: „о! у него отличный выѣздъ, въ домѣ прекрасная мебель, красавица экономка, ну, вообще, онъ живетъ, какъ порядочный человѣкъ!“ И это говоритъ предводитель дворянства — блюститель народной нравственности! Объ экономкѣ онъ говоритъ публично, нимало не стѣсняясь, хладнокровно, какъ будто онъ говоритъ, что у этого господина есть цилиндръ-шляпа или енотовая шуба. Держать у себя красавицу онъ считаетъ дѣломъ не только обыкновеннымъ, но и необходимымъ, чтобъ считаться порядочнымъ человѣкомъ. Но впади въ несчастіе священникъ—овдовѣй и, Боже мой, сколько вдругъ посыпется на него со всѣхъ сторонъ всевозможныхъ сплетенъ!... Живи онъ хоть ангеломъ, но отъ гадостей и сплетенъ не уйти. Но если онъ еще къ тому найметъ кухарку, къ своему горю, не совсѣмъ урода и не старую, то, просто, отъ сплетенъ зарывайся живымъ въ землю.

Но что всего страннѣе, чего понять даже нельзя,—такъ это то, что отъ священника требуютъ и святости и, пожалуй, порока въ одно и то же время. Приходитъ, напримѣръ, священникъ, въ постъ, въ православный домъ и ему предлагаютъ закуску или обѣдъ вмѣстѣ съ собой и говорятъ: „Батюшка! просимъ покорно! Мы надѣемся, что вы старыхъ предразсудковъ не держитесь, чтобъ не кушать нынѣ мяса. Вы человѣкъ образованный, васъ нельзя срав-

нять съ другими". Если священникъ садится и ѣстъ, то ясно можетъ замѣтить удовольствіе и радушіе на всѣхъ лицахъ,— священникъ дѣлается душою общества. И тутъ же начинають разсказывать: „вотъ у насъ въ Петербургѣ были крестины постомъ; батюшка церкви N. обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и такъ-то кушалъ, что любо, и забылъ, что постъ". И это говорятъ самымъ саркастическимъ тономъ, со всевозможными вымышленными прикрасами. И священникъ церкви N. дѣлается предметомъ общаго разговора и самыхъ безпощадныхъ пересудовъ, хотя все это говорится, конечно, въ самыхъ приличныхъ формахъ. „А въ прошломъ году,—говоритъ хозяинъ,—къ намъ въ деревню пріѣхалъ архіерей; поваръ нашъ сварилъ сперва двѣ курицы, потомъ въ бульонъ пустилъ рыбки и владыка, ничего, кушалъ. Ужъ, конечно, онъ видѣлъ, что это не рыбій супъ, а ѣлъ, потому что онъ умный человѣкъ, безъ старыхъ предразсудковъ. Да и къ чему?" Тутъ пойдутъ перемывать всѣ косточки архіереевъ! Священника приглашаютъ играть въ карты. Если онъ сядетъ, то, видимо, бываютъ всѣ довольны. Но тутъ же переберутъ по суставчику какого нибудь священника-игрока, съ которымъ они до этого времени играли, конечно, съ такимъ же удовольствіемъ. И все въ этомъ родѣ—въ жизни священника. Намъ кажется, что общество само не установило положительнаго, опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ ему нужно отъ священника. А изъ этого слѣдуетъ, что священникъ долженъ быть въ высшей степени строгъ къ себѣ, ни на минуту не забывать, что онъ священникъ, и не увлекаться добродушіемъ каждаго.

Вотъ требованія прихожанъ отъ своего священника! Но онъ имѣетъ сношенія не съ одними своими прихожанами,—съ неменьшими требованіями къ нему относятся и изъ-за предѣловъ его прихода.

XXVI.

Всевозможные статистическіе комитеты за свѣдѣніями всѣхъ возможныхъ родовъ непремѣнно обращаются къ священнику. Такъ, губернскій статистическій комитетъ каждогодно требуетъ свѣдѣній о числѣ родившихся вообще, о родившихся по временамъ года, о числѣ незаконнорожденныхъ, двойней, тройней, уродовъ; о брачущихся холостыхъ съ дѣвицами, холостыхъ со вдовами и пр.; умершихъ по возрастамъ и временамъ года.

Другіе комитеты требуютъ свѣдѣній этнографическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ,—о направленіи господствующихъ вѣтровъ, средней температуры зимы и лѣта, времени вскрытія рѣкъ, количества выпадающей влаги и пр. Священникъ долженъ, стало быть, имѣть и барометры, и термометры, и дождемѣры, и пр.; наблюдать, вести журналы и сообщать свѣдѣнія.

Нерѣдко случается, что изъ столицы командируютъ какого нибудь господина для собранія свѣдѣній по извѣстной отрасли науки. Самому ему потрудиться лѣнь, да и немного подѣлаетъ онъ, не зная края, въ который отправленъ онъ; поэтому онъ благоразумно и разсудитъ, что для него гораздо легче собрать нужныя ему свѣдѣнія чрезъ мѣстныхъ поповъ. Но и съ попами связываться ему, великому барину, низко. Тогда онъ, не церемонясь много, высылаетъ свою программу въ консисторію и проситъ, чтобы духовенство доставило нужныя ему свѣдѣнія. Консисторія, обыкновенно, безъ разсужденій: Приказали:.... и дѣлу конецъ. Есть у васъ время, или нѣтъ,—кому до этого дѣло,—собирай свѣдѣнія и посылай, потому что тѣ, которые Приказали, сами лично никогда этого не писали и умѣютъ только приказывать.

А „Вольное Экономическое общество“ что̀ дѣлаетъ!... Я боюсь даже утомить читателя только перечнемъ однимъ тѣхъ свѣдѣній, какія оно требуетъ,—такая ихъ масса. Отъ священника оно требуетъ:

«Количество ревизскихъ душъ—мірскихъ или окладныхъ, наличныхъ по послѣднему семейному списку; число рабочихъ 50—60-ти лѣтъ; въ какомъ году кто отдѣлился; сколько имѣетъ усадебной земли, сколько имѣетъ земли казенной или надѣльной, наслѣдственной или четвертной, купленной самимъ хозяиномъ, артелью, общиной; сколько земли нанимаетъ пахатной, луговой, огородной; сколько за какую платитъ; сколько удобряетъ земли и по скольку

вывозитъ навозу на полевую землю; сколько продаетъ земли, т. е. отдаетъ въ наймы; сѣетъ-ли ленъ, коноплю, табакъ и пр., сколько засѣваетъ этими растеніями и по скольку пудовъ на десятину высѣваетъ; сколько пудовъ получилъ въ прошломъ году хлѣба и какого съ десятины; сколько четвертей и какого хлѣба продалъ и на какую сумму; сколько скота: рабочихъ лошадей и воловъ, сколько молодыхъ и гулевыхъ, рогатаго скота, лошадей и коровъ, сколько овецъ и свиней, сколько держитъ скота на чужой землѣ и по какой цѣнѣ платитъ за каждую штуку; сколько померло скота отъ чумы; украдено лошадей въ 5 лѣтъ; сколько грамотныхъ и учащихся; какимъ промысломъ занимаются—отхожимъ или кустарнымъ, сколько среднимъ числомъ заработывается въ годъ; сколько человѣкъ было изъ семьи въ заработкахъ—въ своей деревнѣ, на сторонѣ, сколько времени пробыли въ заработкахъ; сколько членовъ семьи кабалилось и на какіе сроки; сколько членовъ семьи нищенствовало; сколько платится на душу повинностей: выкупнаго платежа или оброчнаго за землю сбора, подушнаго или государственнаго земскаго сбора, земскихъ сборовъ, волостныхъ сборовъ, сельскихъ сборовъ: за пастьбу скота, сторожамъ, на школу, пожарные инструменты и под. всего сколько со двора; сколько недоимокъ; до какого времени хватило своего хлѣба на продовольствіе въ прошломъ году» и проч., и проч., и проч.

Не правда-ли, что масса свѣдѣній страшная! Прошу, при этомъ, имѣть въ виду, что эти свѣдѣнія требуются по каждому дому отдѣльно. А у меня, напримѣръ, въ приходѣ до 600 домовъ. Гдѣ собрать всѣ эти свѣдѣнія? Нужно разъ по пяти сходить: въ волостное правленіе, къ волостнымъ и сельскимъ писарямъ, старостамъ, сборщикамъ податей, объѣхать всѣ деревни и обойти всѣ дома. А тутъ: то того не застанешь дома, то другаго, то третьяго; въ иной деревнѣ и домѣ побываешь 4—5 разъ и даже болѣе. Сколько тутъ нужно употребить труда, сколько написать листовъ цифръ и сколько потратить, можетъ быть, самаго дорогаго времени! Какъ ни мечись, а въ одинъ мѣсяцъ этой работы не сдѣлаешь.

Предполагается, напримѣръ, въ губерніи издать „Сборникъ матеріаловъ для описанія губерніи“, въ который должны войти историческіе очерки городовъ, селъ, деревень, мѣстностей, отдѣльные историческіе эпизоды, біографіи замѣчательныхъ лицъ, документы, мемуары; описанія этнографическія: описанія народностей, разселенія, бытъ, нравы, обычаи, одежда, занятія, вѣрованія, и пр., и пр., географія, статистика, описанія, библіографія и пр. За всѣми свѣдѣніями обращаются—къ священникамъ.

Устраивается, напримѣръ, мѣстный городской музеумъ—священникамъ опять разсылаются циркуляры съ подробными наказами.

Есть извѣстное правило: „не дѣлай ничего самъ, что могутъ

сдѣлать за тебя другіе". Гг. статистики и держатся крѣпко этого правила: вали на поповъ — сдѣлаютъ; не то — опять въ консисторію. А консисторіи есть такое учрежденіе, гдѣ, во многихъ изъ нихъ, квіетизмъ развитъ до крайнихъ предѣловъ. По второму требованію консисторія предпишетъ „строжайше" и сдѣлаетъ выговоръ „за обремененіе" епархіальнаго начальства излишнею перепиской. Слѣдовательно: священникъ долженъ бросать всѣ свои и служебныя и домашнія дѣла и заниматься статистикой, этнографіей, исторіей, археологіей, и проч., и проч.

Все это, однакоже, мелочи; но есть дѣла и покрупнѣе этихъ. Въ дѣлахъ, напримѣръ, государственныхъ первой важности—въ дѣлахъ, гдѣ правительство мощную свою силу сознаетъ какъ-бы несостоятельною и нуждается въ пособіи другой силы,—оно обращается къ содѣйствію священниковъ. Нѣкогда, напримѣръ, оспа свирѣпствовала ужасно и была страшнымъ бичомъ для народа; народу гибло множество. Оспопрививаніе и теперь многими считается дѣломъ богопротивнымъ и печатію антихриста, а въ то время—и совсѣмъ дѣломъ даже страшнымъ. Священникамъ были выданы поученія и наставленія, которыя они должны были читать въ церквахъ и на базарахъ. Читалъ-ли мой батюшка въ церкви—я этого не помню, но помню хорошо, какъ онъ читалъ ихъ на своемъ сельскомъ базарѣ. Взберется, бывало, батюшка къ какому нибудь мужичку на телѣгу, да и начнетъ махать бумагой во всѣ стороны: „Эй, православные, эй, православные,—кричитъ, бывало,—идите сюда, слушайте, что я читать буду!" На первый разъ къ нему сдвинулся чуть не весь базаръ; во второй разъ подошло ужъ очень мало, а на третій и четвертый—ни одной души. И батюшка пересталъ читать. „Воспа—насланье Божье,—говорили мужики батюшкѣ,—объ ней нечего вычитывать; а вотъ кабы ты вычиталъ, чтобъ господа у насъ дней не отымали, такъ за это мы тебѣ спасибо бы сказали".

Манифестъ объявленіи крымской войны читался священниками въ церквахъ. Самая война—была война жестокая: народу погибло множество, много легло тамъ и отцовъ, и братьевъ, и мужей, и дѣтей; новые рекрутскіе наборы были часты, налоги тяжелы; враги были сильны и многочисленны; лучшіе наши военачальники пали, флотъ уничтоженъ, войска наши гасли десятками тысячъ,—народъ пріунылъ. Возбудить надежду на Бога,

поднять сильно упадшій духъ народа и усилить ненависть къ врагу—поручено было священникамъ. И они читали воззванія къ народу въ церквахъ, молились вмѣстѣ съ народомъ и употребляли всѣ способы возбудить нравственныя силы народа къ перенесенію тяготы, вызванной войною.

Настала великая реформа—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—манифестъ 19-го февраля 1861 года читался въ церквахъ священниками.

Заворошились славяне, потянулись въ Сербію наши голые добровольцы, понадобились всевозможныя пособія и имъ и тѣмъ, кого они защищать ушли опять,—къ священникамъ, и они собирали пособія.

Объявляется новая турецкая война,—манифестъ о ней опять читался въ церквахъ священниками. Война и эта затянулась,—народъ упалъ духомъ. Поддержать вѣру въ промыселъ Божій, укрѣпить надежду на Его милосердіе,—съ полною любовію къ царю и отечеству священники молились вмѣстѣ съ народомъ.

Явилась нужда въ добровольномъ флотѣ; потребовались пособія воинамъ,—священники и здѣсь были въ числѣ первыхъ жертвователей отъ себя лично и сборщиками жертвованій по приходамъ.

Въ послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія пришло къ убѣжденію, что „успѣхи народной школы, по самой задачѣ ея, состоящей въ утвержденіи религіозныхъ и нравственныхъ понятій среди народа, естественно обусловливаются степенью участія, какое въ веденіи ея принимаетъ наше православное духовенство“. „Нѣтъ сомнѣнія,—говорится въ министерскомъ распоряженіи,—что сословіе сіе, призываемое на поприще народнаго образованія и долгомъ пастырства, и волею Монарха, и историческимъ значеніемъ православной церкви въ судьбахъ отечественнаго просвѣщенія, обязаннаго ей высокими заслугами, можетъ, по своему умственному развитію и по близости къ народу, при должномъ на него вліяніи, оказать въ семъ отношеніи большія заслуги“. А если и волею Монарха, и распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія религіозно-нравственное воспитаніе народа ввѣряется священникамъ, и они доказали уже пользу, приносимую ихъ трудами, и вновь призываются къ этому тяже-

лому труду, то, стало быть, государство возлагаетъ на нихъ большія надежды и увѣрено, что они могутъ принести большія заслуги государству.

Св. синодъ запретилъ преподаваніе закона Божія свѣтскими лицами въ учебныхъ заведеніяхъ и ввѣрилъ преподаваніе его исключительно только священникамъ.

Наконецъ, въ срединѣ 1879 года „распространились лживые слухи и толки о предстоящемъ, будто-бы, общемъ передѣлѣ земель". Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, гдѣ онъ объясняетъ, что „ни теперь, ни въ послѣдующее время, никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ". Дѣло это, кажется, чисто гражданское. Отъ дѣлежа имѣній уклонился и самъ Господь (Лук. XII, 14). Для этого есть и губернаторы, и полиція, и всѣ власти; но, однакоже, правительство нашло необходимо-нужнымъ подкрѣпить это объявленіе авторитетомъ церкви и, конечно, при участіи священниковъ. Объявленіе министра читалось въ церквахъ священниками. А это все значитъ, что представители и служители церкви, предъ правительствомъ и народомъ, имѣютъ великое значеніе въ дѣлахъ государственныхъ первой важности.

XXVII.

Не легко, какъ намъ кажется, священнику выполнить и тѣ „требованія общества", какія нами указаны; но все это ничто предъ тѣми обязанностями его, какія лежатъ на немъ—собственно какъ на священникѣ.

Кто такой священникъ, по ученію слова Божія, и какія его обязанности не по „требованію современнаго общества", а по требованію того же слова Божія?

Священниками мы дѣлаемся совсѣмъ не такъ, какъ чиновникъ изъ писца дѣлается столоначальникомъ. Между тѣми и другими большая разница, какъ въ отношеніи ихъ обязанностей, такъ и въ самомъ опредѣленіи на должность. Тамъ дѣло просто: начальникъ черкнулъ два слова, и сталъ писецъ столоначальникомъ, и сдѣлался Ваничка—Иваномъ Иванычемъ. У него только

немного повыпрямится горбъ, да на вершокъ поднимется подбородокъ; прежде онъ писалъ, а теперь сталъ подписывать,— вотъ и вся перемѣна. У насъ это не такъ; у насъ дѣло это совсѣмъ не шуточное. У насъ дѣло это совершается не въ кабинетѣ и не за карточнымъ столомъ, а во св. храмѣ. При поставленіи во священника совершается особенный обрядъ и особое таинство рукоположенія. Готовящійся къ рукоположенію наканунѣ еще, съ вечера, исповѣдуется и читаетъ молитвы, положенныя предъ св. причащеніемъ. Утромъ читаетъ молитвы опять и готовится къ св. причащенію. Самъ епископъ, имѣющій рукоположить его, и вечеромъ и утромъ читаетъ молитвы и готовится къ св. причащенію. Утромъ, бо̀льшею частію въ праздникъ, епископъ торжественно совершаетъ литургію. Въ срединѣ богослуженія рукополагаемаго торжественно, чрезъ царскія врата, вводятъ въ Святая Святыхъ — въ св. алтарь. Здѣсь, послѣ извѣстныхъ обрядовъ, совершается таинство рукоположенія: рукополагаемый становится предъ престоломъ на колѣна, епископъ возлагаетъ на него руки и призываетъ на него благодать Св. Духа, которая освятила бы рукополагаемаго и дала ему силу и помощь къ достойному прохожденію великаго его служенія. Самъ епископъ молится о ниспосланіи благодати и громогласно призываетъ къ молитвѣ всѣхъ присутствующихъ во храмѣ.

Послѣ этого, рукоположенный, по слову Божію, есть: ангелъ Бога Вседержителя; ангелъ церквей; свѣтъ міра; сынъ земли; пастырь стада Христова; споспѣшникъ Божій; архитекторъ зданія Божія; другъ жениха Христа; земледѣлатель; жатель; воинъ; стражъ дому Господню.

Отъ него требуется, поэтому, чтобы самъ онъ былъ: непороченъ, не дерзокъ, не гнѣвливъ, не пьяница, не бійца, не корыстолюбецъ, цѣломудренъ, честенъ, страннолюбивъ, любящій добро, справедливъ, благочестивъ, воздерженъ, чадо имущь въ послушаніи, свой домъ добрѣ правящь, силенъ наставлять въ здравомъ ученіи и противящихся обличать, державсяя правды, вѣры, мира и любви, словомъ—онъ долженъ вести себя такъ, чтобы другіе, видя его добрыя дѣла, прославляли Отца, иже есть на небесахъ.

Ему вручается часть стада Христова и говорится: проповѣдуй слово, пастой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Стража дахъ тя

дому... да слышиши слово отъ устъ Моихъ и возвѣстиши имъ отъ Мене. Когда реку грѣшнику: смертію умреши, ты же не возвѣстиши ему, ниже увѣщаеши, да обратится отъ пути своего лукаваго и живъ будетъ: грѣшникъ убо погибнетъ во грѣсѣ своемъ, крове же его отъ руки твоея взыщу. Будь внимателенъ къ себѣ самому и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ тебя блюстителемъ пасти церковь Господа Бога, которую Онъ пріобрѣлъ своею кровію.

Священникъ долженъ, поэтому, хорошо знать всѣхъ живущихъ въ его приходѣ—лично: домохозяевъ, ихъ семейства, прислугу, жильцовъ; долженъ со всѣми бесѣдовать, испытывать ихъ въ знаніи догматовъ вѣры и правилъ христіанской нравственности; долженъ знать и испытывать всѣхъ, живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, относящихся къ его приходу; всѣхъ научать и наблюдать потомъ за каждымъ, точно-ли онъ блюдетъ догматы вѣры и исполняетъ правила христіанской нравственности. Заразившихся ересью, расколомъ, вольнодумствомъ, нерадивыхъ, холодныхъ и порочныхъ долженъ научить, обличить, умолить, потому что каждая душа дана ему на сохраненіе и онъ отвѣтитъ за каждую душу своею собственною душою.

Чтобы прихожане его имѣли возможность выполнить законъ Божій, священникъ долженъ убѣждать ихъ принимать св. таинства: крещеніе, мѵропомазаніе и пр., чрезъ которыя благодать Божія возрождаетъ и укрѣпляетъ къ жизни святой и непорочной, къ жизни вѣчной.

Чтобы Господь даровалъ силу къ достойному прохожденію этого труднаго служенія, укрѣпилъ его и пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестивой жизни и простилъ прегрѣшенія, священникъ долженъ непрестанно молиться и одинъ, и вмѣстѣ съ пасомыми имъ.

И такъ: вся жизнь священника, вся дѣятельность, всѣ помышленія, вся душа его — должны быть всецѣло посвящены религіозно-нравственному состоянію его прихожанъ.

Но приложите пастырскія обязанности священника къ нравственному состоянію „современнаго общества". При явной недобросовѣстности и безпорядочности кого либо изъ прихожанъ, не легко дѣлать внушенія и простому мужику; однако же, все-таки возможно. Но попробуй священникъ дѣлать внушенія лицу высоко-

поставленному!.. Мыслимое-ли дѣло, чтобы кто нибудь допустилъ, чтобы священникъ дѣлалъ ему внушенія, хотя бы тотъ, кому необходимы эти внушенія, былъ отъявленный негодяй?! Допуститъ-ли это лицо даже самое степенное и понимающее пастырскія обязанности священника?! А между тѣмъ предъ Богомъ равны всѣ, и пастырскія обязанности простираются на всѣхъ одинаково: „грѣшникъ погибнетъ, крове же его отъ руки твоея взыщу"...

По слову Господню, священникъ долженъ увѣщевать сперва наединѣ; если согрѣшающій не послушаетъ, то взять съ собой двоихъ или троихъ и увѣщевать его при нихъ. Ну, и попробуй священникъ придти съ троими къ кому бы то ни было: одинъ, просто, прогонитъ и отомститъ потомъ; а другой, безъ церемоніи, отопретъ тебя къ мировому, а приведенныхъ тобою поставитъ свидѣтелями противъ тебя же въ взведенной на него клеветѣ. Все это какъ-бы шутка; но на самомъ дѣлѣ—все это такъ. Поэтому я, какъ священникъ, говорю, что крайне бываетъ иногда грустно и тяжело, когда видишь безобразія въ приходѣ... Особенно бываетъ всегда грустно при погребеніяхъ. Совершаешь обрядъ и думаешь: гдѣ же душа твоя, усопшій?!. Не я ли виновенъ въ твоей погибели, если ты отверженъ Господомъ? Не я ли виновенъ, что я тебя не научилъ, не умолилъ, не обличилъ?!..

Епископство—учрежденіе божественное. Епископъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они были примѣромъ и руководителями для прихожанъ своихъ въ жизни христіанской; заботились о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ и о благолѣпіи храмовъ Божіихъ; часто и благоговѣйно совершали богослуженіе; неупустительно удовлетворяли духовнымъ нуждамъ прихожанъ въ требоисправленіяхъ; поучали народъ закону Божію; читали, какъ современныя религіозно-нравственныя сочиненія и журналы, такъ и древнія сочиненія, въ особенности тѣ, которыя служатъ основаніемъ сектаторамъ въ ихъ толкахъ; вели возможно-частыя бесѣды и съ своими православными прихожанами и съ сектаторами, излагали бесѣды свои на бумагѣ и представляли ихъ на разсмотрѣніе установленной цензуры.

Консисторія—это учрежденіе не божественное, но имѣетъ власти надъ пастырями Христовой церкви, если не по праву, то въ дѣйствительности, болѣе епископской. Есть консисторіи, которыя,

при прикосновеніи къ нимъ кого бы то ни было,—духовнаго или свѣтскаго лица,—смотрятъ не только на важность дѣла, но и на то, на сколько это лицо состоятельно. Епископу въ нѣсколько разъ болѣе дѣла, чѣмъ всему ареопагу консисторіи и, между тѣмъ, ни въ одной епархіи, какія намъ извѣстны, не было примѣра, чтобы онъ выражалъ обремененіе дѣлами: при Божіей помощи, онъ трудится безропотно. Въ иныхъ же консисторіяхъ не проходитъ и дня, чтобы не было наложено нѣсколько штрафовъ и не было сдѣлано нѣсколько выговоровъ только „за обремененіе епархіальнаго начальства перепискою". Эти консисторіи съ духовенствомъ поступаютъ по отечески—по „Домострою": онѣ „не бьютъ ни по уху, ни по лицу, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колятъ, ни желѣзомъ, ни деревомъ не бьютъ, а толко, сoймя рубашка, вѣжливенько плетью съ наказаніемъ",—онѣ штрафуютъ за каждую бездѣлицу, и штрафуютъ рублей по 20—25-ти. Это опять, знаете, по „Домострою": „и разумно, и болно, и страшно, и здорово".

Высшая духовная власть употребляетъ всѣ усилія, чтобы хотя сколько нибудь улучшить матеріальный бытъ духовенства. Между прочимъ, она сдѣлала распоряженіе, чтобы епархіальная власть употребила всѣ силы на то, чтобы духовенство имѣло церковныя квартиры. Духовенство стало продавать въ церкви свои дома, разумѣется, по оцѣнкѣ постороннихъ лицъ. Но въ одной изъ извѣстныхъ намъ консисторій дѣло это шло такъ: церковь, напримѣръ, не имѣетъ никакой нужды въ ремонтировкѣ и имѣетъ въ банкахъ капиталъ на столько достаточный, что послѣ уплаты за дома у нея остался бы еще достаточный капиталъ. Чтобы совсѣмъ уже не обременять церкви, духовенство разлагало платежъ лѣтъ на десять. И консисторія отказывала. Другая церковь—совсѣмъ бѣдная: у нея не было наличнаго капитала—требовала сама ремонтировки и при покупкѣ должна была сдѣлать долги, по крайней мѣрѣ въ 8%,—и консисторія разрѣшала. Вотъ тутъ и узнай ея механику!...

При ремонтировкахъ церквей, постройкахъ и починкахъ квартиръ причтовъ, отъ благочиннаго и мѣстнаго священника требуется смѣта, надзоръ за производствомъ работъ и точная отчетность. Стало быть: священникъ долженъ быть и инженеромъ,

и техникомъ, и знать работы: каменныя, плотничныя, столярныя, малярныя, и пр., и пр.

При межеваніи церковной земли или смежной съ нею, благочинный или ближайшій священникъ должны быть депутатами. Слѣдовательно: онъ долженъ быть и землемѣромъ.

Очень нерѣдко поручается священникамъ дѣлать дознанія или производить слѣдствія. Консисторіи, при этомъ, гг. слѣдователямъ спуску не даютъ и караютъ ихъ штрафами за самый малый недосмотръ или недоразумѣніе. Стало быть: священникъ долженъ основательно изучить слѣдственную часть, чтобъ не остаться виновнымъ изъ-за чужаго дѣла, и вообще изучать законы.

Теперь покорнѣйше прошу: всѣ „требованія современнаго общества“ и всѣ обязанности, лежащія на священникѣ,—соединить вмѣстѣ и отнести ихъ къ одному лицу, хотя перечень мой далеко и далеко еще не полонъ. Общество требуетъ отъ священника слишкомъ многаго и мы думаемъ, что нѣтъ въ свѣтѣ лица, отъ котораго требовалось бы такъ много, и такъ разнообразны были бы эти требованія.

Что̀ же даетъ священнику само общество?

Нанимая прислугу, мы даемъ ей помѣщеніе, столъ, жалованье, требуемъ отъ нея только извѣстнаго, опредѣленнаго рода службы и даемъ ей всѣ средства выполнять этотъ родъ службы. Какія же средства къ выполненію всего даетъ священнику общество?

Я изложу мою собственную біографію,—и она будетъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ДВОРЯНИНА-ПОМѢЩИКА,

БЫВШАГО ВЪ ДОЛЖН. ПРЕДВОДИТЕЛЯ, СУДЬИ И ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ПАЛАТЫ.

I.

Одинъ изъ губернаторовъ въ старину.

П*** былъ въ Пензѣ губернаторомъ 28 лѣтъ и воспиталъ цѣлое поколѣніе чиновниковъ, которые считали его чуть не Богомъ - не честности, конечно, но власти и силы. Этимъ онъ обязанъ былъ умѣнію держать себя необыкновенно высоко, такъ что одному изъ исправниковъ, пріѣхавшему изъ уѣзда, встрѣтившему его гдѣ-то въ домѣ и сказавшему ему:

— Я имѣлъ удовольствіе быть у вашего превосходительства,—онъ строго замѣтилъ:

— Не удовольствіе, а честь!

Чтò дѣлалось въ Пензенской губерніи во время его губернаторства—это разсказать трудно, пожалуй, даже невѣроятно. Ежели исправникъ платилъ исправно подать, наложенную на него, совѣтнику губернскаго правленія А....... (фактотуму губернатора), онъ могъ дѣлать, чтó хотѣлъ—въ полномъ значеніи этого слова. Сколько бы на него ни жаловались, это рѣшительно не повело бы ни къ чему, развѣ только къ вящшему посрамленію жалующагося. Довольно вамъ сказать, что чиновникомъ особыхъ порученій, по народной молвѣ, былъ у него умершій, то-есть господинъ, спасенный отъ какого-то уголовнаго преслѣдованія тѣмъ, что показанъ умершимъ, и вслѣдствіе этого процвѣтавшій подъ сѣнью П*** для производства слѣдствій, трѣбовавшихъ особой деликатности или особаго умѣнія и ловкости. На такія же слѣдствія, съ которыми особенно церемониться не было надобности, былъ посылаемъ совѣтникъ губернскаго правле-

нія NN., который не затруднялся разсказывать даже и того, сколько онъ съ кого взялъ, разумѣется, когда это было въ интимной бесѣдѣ.

Однажды въ Саранскѣ убили сидѣльца суконной лавки; NN. засадилъ въ острогъ цѣлые десятки татаръ, не только Пензенской, но даже Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, и выпускалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они вносили за себя выкупъ, кто 1,000, а кто и 2,000 рублей, сообразно состоянію.

Это правда, что татары эти, ежели не участвовали въ убійствѣ сидѣльца и ограбленіи его лавки, то во многихъ другихъ случаяхъ—и убійствъ, и грабежей—были не неповинны. По словамъ NN., въ одномъ изъ большихъ татарскихъ селеній Темниковскаго уѣзда, онъ нашелъ большой сарай, наполненный всевозможными вещами, начиная съ шелковыхъ матерій и кончая сукнами, сахаромъ и чаемъ,—включительно. Все это было произведеніе кражъ и грабежей, и хранилось до перваго раздѣла, бывавшаго одинъ или два раза въ годъ.

Что̀ дѣлалось въ то время (1830—1840 гг.), теперь этому трудно повѣрить [1]). Становые пристава, исправники, были просто на жалованьѣ у воровъ, особенно конокрадовъ. Поэтому я былъ совершенно правъ, говоря въ одной изъ статей моихъ: «Конокрадство въ Россіи», что для уничтоженія или уменьшенія конокрадства надо прежде всего уничтожить коммисаровъ, учрежденныхъ собственно для уничтоженія конокрадства, также точно какъ надо или уничтожить, или значительно уменьшить лѣсныхъ чиновниковъ, созданныхъ для сбереженія лѣсовъ, ежели дѣйствительно хотѣли сберечь эти лѣса. Можно-ли, напримѣръ, повѣрить, что одинъ становой приставъ (пристава тогда производили слѣдствія), разыскивая украденныхъ лошадей, началъ ихъ искать въ сундукѣ у попа и нашелъ—не лошадей, конечно, но 800 рублей, которые и конфисковалъ, разумѣется, въ свою пользу.

---

[1]) Мы не называемъ нашего героя по фамиліи, хотя онъ, осужденный сенатомъ и удаленный отъ должности, давно уже умеръ; но дѣло не въ имени, а въ возможности такого явленія, какое представлялъ изъ себя пензенскій властитель; возможность эта обусловливалась, полвѣка и даже сорокъ, всего тридцать лѣтъ тому назадъ, между прочимъ, полною безгласностью....

Земская, судебная, крестьянская и другія благодѣтельныя реформы нынѣшняго царствованія сдѣлали невозможнымъ повтореніе многаго изъ того, что̀ иногда происходило въ тогдашней русской губернской администраціи, въ особенности вдали отъ столицы, центра высшей власти....

Скорбная повѣсть о минувшемъ, о пережитомъ и выстраданномъ—полезна и необходима не для одной лишь исторіи внутренняго быта нашего отечества, но и для того, чтобъ еще болѣе оцѣнить всю благость преобразованій новѣйшаго времени, которыя совершенно измѣнили весь строй русской жизни.

Чтобъ возвратиться къ П***, устроившему чиновничье управленіе губерніи на свой ладъ, надо сказать, что тамъ шло все какъ по маслу, то-есть все было шито и крыто, такъ что въ Петербургѣ знали только то, что губернатору хотѣлось, чтобъ знали. И за то тѣмъ, которые не подчинялись этому порядку безусловно, плохо было.

Чего ни дѣлалъ онъ, чтобъ уничтожить Тучкова (старшаго брата бывшаго московскаго генералъ-губернатора), бывшаго уѣзднымъ предводителемъ, и ежели меня не стеръ тогда, то единственно потому, что у Пашковыхъ въ Москвѣ ему обо мнѣ говорилъ московскій почтъ-директоръ Булгаковъ, бывшій пріятель моего тестя. П*** боялся, чтобъ чрезъ меня не дошло до Петербурга что нибудь изъ его продѣлокъ. Онъ, однако, досталъ меня потомъ, какъ читатели это увидятъ впослѣдствіи, когда страхъ этотъ миновался. Я былъ судьею, какъ сказано выше, и очень часто правилъ должность предводителя, потому что настоящій предводитель, Андрей Андреевичъ Н....въ, былъ страшный трусишка, и всякій разъ, когда полученная имъ откуда нибудь бумага требовала или затруднительнаго или энергическаго отвѣта или дѣйствія, какъ по должности предводителя, такъ и по предсѣдательству въ опекѣ, онъ всегда сказывался больнымъ и сдавалъ должность мнѣ.

Получивши однажды письмо, прямо отъ министра, съ просьбою увѣдомленія объ урожаѣ (надо думать, что свѣдѣніямъ отъ губернаторовъ перестали уже вѣрить), онъ, конечно, тотчасъ сказался больнымъ и сдалъ должность мнѣ. Надо вамъ сказать, что урожай въ томъ году (въ 1841-мъ, кажется) былъ баснословный. Напримѣръ, у меня съ одной сороковой десятины намолочено было 42 четверти (въ 9 мѣръ) ячменя. Чтобъ отвѣчать министру en connaissance de cause, я написалъ четыре письма къ болѣе смышленнымъ помѣщикамъ въ разныхъ углахъ уѣзда и поѣхалъ къ себѣ въ деревню за такими же свѣдѣніями. Когда отвѣты отъ этихъ господъ были получены, я прибавилъ собственныя свѣдѣнія, вывелъ изъ нихъ среднюю цифру и донесъ министру. Это правда, что цифра вышла довольно большая, что-то кругомъ по 20-ти или 25-ти четвертей овса съ десятины. Не прошло четырехъ или пяти дней послѣ отравленія письма моего къ министру, я получилъ отъ чиновника особыхъ порученій (мертваго) NN..... письмо, въ которомъ, по порученію губернатора, онъ меня спрашивалъ, что̀ я думаю отвѣчать министру. Я отвѣчалъ, что послалъ министру требуемое свѣдѣніе, и приложилъ копію съ моего отношенія къ нему. Губернаторъ взбѣсился, какъ я осмѣлился отвѣчать министру, не спросившись у него, что̀ надо отвѣчать. Разска-

зывали, но я не отвѣчаю за справедливость этого, что П*** хотѣлось отвѣчать, что въ губерніи неурожай, а вслѣдствіе этого и просить пособія. А что это пособіе или все. или по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть, осталось бы у него въ карманѣ—это несомнѣнно. Что я говорю это не наобумъ, — это я могу подтвердить тѣмъ, что, напримѣръ, деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія были имъ выбраны до того, что помѣщики, заложившіе свои имѣнія въ приказъ, по нѣскольку лѣтъ не получали ссуды за неимѣніемъ денегъ. Что денегъ не было, этому было можно охотно повѣрить, но гдѣ онѣ были—это вопросъ другой, отвѣтъ на который хорошо знали только П*** да нѣкто NN—въ, непремѣнный членъ приказа. Ловкій господинъ былъ этотъ П***. Онъ былъ любитель музыки и у него былъ доморощенный оркестръ изъ своихъ крѣпостныхъ людей; оркестръ, надо сказать, очень хорошій и большой, — человѣкъ въ тридцать, ежели не больше. Капельмейстеровъ выписывалъ онъ прямо изъ-за границы. Такъ выписанъ имъ былъ извѣстный Іоганисъ, впослѣдствіи капельмейстеръ московскаго театра, даже женившійся впослѣдствіи на сестрѣ П***. Оркестръ этотъ, какъ говорили, ничего ему не стоилъ, потому что жалованья музыкантамъ не производилось; они должны были питаться отъ чиновниковъ, знающихъ губернаторскую власть и понимающихъ, что не надо было возбуждать ее противъ себя. По всѣмъ вѣроятіямъ, это лучше всего знали исправники и становые, какъ прямо подчиненные губернаторской власти; надо думать, что знали и предводители дворянства, потому что самъ-то я узналъ объ этомъ—когда пріѣхалъ однажды въ Пензу по должности предводителя. Вотъ этотъ случай.

Судился въ уголовной палатѣ какой-то дворянинъ. Уголовная палата предоставила поступокъ его сужденію предводителей и депутатовъ, почему они и вызваны были всѣ въ Пензу. Мой старикъ Н....въ, по обыкновенію, заболѣлъ, и я долженъ былъ отправиться за него. Это было зимой. Помню, что въ Пензу я пріѣхалъ часовъ около пяти по полудни; начало смеркаться. Не успѣлъ еще я разобраться съ чемоданомъ, ко мнѣ въ номеръ ввалилась цѣлая толпа людей, объявившихъ мнѣ, что они губернаторскіе музыканты. Конечно, чрезвычайно удивленный этимъ неожиданнымъ визитомъ, такъ какъ я самъ не играю ни на какомъ инструментѣ, хоть и страстно люблю музыку, чего они, конечно, знать не могли, такъ какъ я въ Пензѣ былъ пришлецъ, и очень недавній, я спросилъ ихъ, чего имъ нужно? Они отвѣчали: «Поздравляемъ съ пріѣздомъ». Я замѣтилъ имъ, что я вовсе не такое важное лицо, чтобъ требовалось поздравлять меня съ пріѣздомъ, и думалъ этимъ отдѣлаться.

Тогда одинъ изъ нихъ объявилъ мнѣ, что они содержанія отъ губернатора, кромѣ квартиры, никакого не получаютъ и должны содержать сами себя, почему и просили пожертвовать имъ что нибудь. Я далъ имъ три рубля серебромъ, чѣмъ онѣ, какъ замѣтно, остались недовольны, привыкнувъ, вѣроятно, получать болѣе крупныя приношенія.

Въ доказательство того, что П*** не церемонился съ чужими деньгами, только бы они попали ему въ карманъ, я могу разсказать два случая: одинъ, который я видѣлъ самъ,—другой, который слышалъ.

Былъ я однажды въ Пензѣ, не помню по какому случаю. Конечно, какъ служащій, я обязанъ былъ явиться къ губернатору, почему, облекшись въ мундиръ, поѣхалъ къ нему. Губернаторскій домъ въ Пензѣ состоитъ изъ трехъ этажей,—въ нижнемъ помѣщалась канцелярія, въ среднемъ этажѣ были парадныя комнаты; наверху — жилыя и губернаторскій кабинетъ. Въ него велъ особый ходъ прямо изъ прихожей, по большой лѣстницѣ. Когда пріѣзжалъ кто нибудь для свиданія съ губернаторомъ, всѣхъ провожали въ залъ, и тамъ должны были они дожидаться до тѣхъ поръ, пока губернаторъ или самъ сойдетъ внизъ, или потребуетъ къ себѣ наверхъ. Войдя въ залъ, я увидѣлъ тамъ только одного молодаго человѣка въ черномъ фракѣ. Мы разговорились, и онъ мнѣ сказалъ, что онъ сынъ откупщика въ Чембарскомъ уѣздѣ, кажется, Ненюковъ по фамиліи; на вопросъ мой — зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ губернатору? онъ отвѣчалъ, что губернаторъ вытребовалъ его, вѣроятно, потому, что они не доплатили ему оброка. Тутъ онъ мнѣ повѣдалъ, что всѣ откупщики въ губерніи (12) платятъ губернатору по двѣ тысячи рублей въ годъ каждый, что тысячу рублей они внесли, а остальную тысячу рублей позамѣшкались внести, потому что денегъ въ сборѣ мало, и что онъ хочетъ просить отсрочки, ежели вызванъ для этого. Черезъ нѣсколько времени его позвали въ кабинетъ, наверхъ. Не прошло четверти часа, какъ онъ сбѣжалъ ко мнѣ внизъ, въ залъ, съ криками: «Это не губернаторъ, а . . . .!» при чемъ волосы у него были растрепаны, платье все въ безпорядкѣ, рубашка выбилась изъ жилета; онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ разсказалъ мнѣ, что когда на требованіе денегъ онъ отвѣчалъ П***, что денегъ въ сборѣ нѣтъ, и просилъ его подождать,—произошла сцена, которую хотя Ненюковъ и передалъ мнѣ подробно, но я ее здѣсь опускаю . . .

. . . . Я едва его успокоилъ, ...

. . . .

Возвратилъ-ли онъ—не знаю; знаю только, что, лѣтъ черезъ десять послѣ того, ѣхавши изъ Москвы въ Петербургъ, я имѣлъ сосѣдомъ въ почтовой каретѣ (желѣзной дороги еще не было) одного господина. Узнавши его фамилію, я вспомнилъ, что той же самой фамиліи былъ и чембарскій откупщикъ, и разсказалъ ему видѣнный мною случай. Оказалось, что онъ и есть то самое лицо, съ которымъ я тогда встрѣтился у П***; ни я не узналъ его, ни онъ меня. Я спросилъ его, все-ли такъ было, какъ я ему разсказалъ, и онъ подтвердилъ, что все было точно такъ, какъ я разсказываю теперь.

Другой случай:

Видно, до Петербурга дошли, наконецъ, слухи о томъ, что́ творится въ Пензенской губерніи, и туда назначена была ревизія въ лицѣ сенатора Сафонова. Сафоновъ пріѣхалъ туда вечеромъ нежданно, и когда стемнѣло, вышелъ изъ гостинницы, сѣлъ на извощика и велѣлъ себя везти на набережную.

— На какую набережную?—спросилъ извощикъ.

— Какъ на какую!—отвѣчалъ Сафоновъ.—Развѣ у васъ ихъ много? Вѣдь одна только и есть!

— Да никакой нѣтъ!—воскликнулъ извощикъ.

Оказалось, что, на бумагѣ, набережная строилась уже два года. и что на нее истрачено было нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а ее и не начинали. Повторяю опять, я разсказываю здѣсь слышанное, но за справедливость этого разсказа не ручаюсь. Знаю только положительно, что вслѣдствіе сафоновской ревизіи П*** былъ удаленъ отъ должности и распубликованъ сенатомъ по всей Россіи.

II.

Я состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ губернаторѣ Иванѣ Васильевичѣ Капнистѣ. Онъ, какъ извѣстно, попалъ въ губернаторы изъ полтавскихъ губернскихъ предводителей. вслѣдствіе принятаго тогда министерствомъ направленія дѣлать губернаторовъ изъ предводителей, такъ точно какъ потомъ возникло другое направленіе—дѣлать губернаторовъ изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ.

Я былъ близокъ къ губернатору, который меня жаловалъ, и былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, какъ вдругъ, въ декабрѣ 18.. года, получаю изъ Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи. коллективное письмо отъ дворянъ того уѣзда, которымъ они приглашаютъ меня быть предводителемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ трид-

цать пять, чину я былъ не высокаго, кажется, коллежскій ассесоръ, и такое приглашеніе, конечно, льстило моему самолюбію. Такъ какъ, по закону, служащіе по опредѣленію отъ правительства не иначе могли быть избираемы, какъ съ разрѣшенія своего начальства, то я, конечно, долженъ былъ обратиться къ Капнисту съ просьбою выдать мнѣ формулярный списокъ и дозволеніе баллотироваться. Капнистъ, когда я показалъ ему письмо, сказалъ, что, хотя ему и жаль со мною разстаться, но такъ какъ онъ самъ вышелъ этимъ путемъ, то и не желаетъ мнѣ препятствовать; выдалъ все, что мнѣ было нужно, и я поѣхалъ.

Пріѣхавши въ Пензу, я узналъ, что уѣздъ раздѣлился на двѣ половины. Одна желала меня, другая желала Н. П.—ва. Онъ былъ уроженецъ Саранскаго уѣзда, человѣкъ богатый, имѣлъ въ уѣздѣ большое родство и связи.

Узнавши все это и зная, что мнѣ съ нимъ бороться трудно, я, хоть и не былъ знакомъ съ нимъ, отправился къ нему. Онъ стоялъ въ той же гостинницѣ, гдѣ и я. Взошедши, я рекомендовался, разсказалъ ему зачѣмъ и почему я пріѣхалъ, и спросилъ его: правда-ли, что и онъ хочетъ баллотироваться въ предводители?

— Правда!—отвѣчалъ онъ.—Меня просятъ, но ежели я и буду выбранъ, то остаться на службѣ не могу. Какой я предводитель?! сами разсудите. Я служилъ въ военной службѣ; въ отставкѣ занимался псовою охотой и ничѣмъ больше; грамоту знаю плохо; ну, гдѣ же мнѣ предводительствовать? Впрочемъ, я не откажусь, ежели меня выберутъ, потому что не хочу показать виду, что пренебрегаю выборомъ дворянства. Но будьте увѣрены, что на службѣ не останусь. Прослужу мѣсяца два, много три, и выйду въ отставку. Ежели вы останетесь кандидатомъ, располагайте такъ, какъ будто бы вы были настоящимъ предводителемъ.

— Послушайте, Николай Петровичъ!—продолжалъ я,—вы знаете, что я служу въ Москвѣ; что я любимъ губернаторомъ, что служба улыбается мнѣ; что я живу въ Москвѣ домомъ, семьею; что ежели я буду предводителемъ, мнѣ надо выйти въ отставку, перевезти изъ Москвы все свое имущество; собственный домъ въ Москвѣ, въ которомъ я живу, долженъ отдать въ наймы; однимъ словомъ, переселиться совсѣмъ въ деревню, въ ожиданіи того, какъ вы уступите мнѣ свое мѣсто.

— Дѣйствуйте такъ,—продолжалъ Н. П.,—какъ будто бы были выбраны вы, а не я. Даю вамъ мое честное слово, что я на службѣ не останусь и выйду въ отставку много-много черезъ три мѣсяца.

Такому торжественному заявленію, конечно, странно было бы не

повѣрить. Но какъ человѣкъ, наученный опытомъ жизни, я все-таки, кажется, въ тотъ же вечеръ, въ домѣ И. Н. Горскаго (высланнаго изъ Петербурга, если не ошибаюсь, вслѣдствіе событія 14-го декабря 1825 года), позвавши быть свидѣтелями двухъ моихъ самыхъ близкихъ пріятелей: А. Д. Желтухина и Д. Е. Чарыкова, заставилъ Н. П. повторить свое обѣщаніе, что̀ онъ и сдѣлалъ, и тѣмъ, конечно, вполнѣ меня обнадежилъ. Тогда я вышелъ въ отставку, перевезъ изъ Москвы въ деревню все свое имущество и началъ ждать. Жду еще до сихъ поръ. Н. П. отслужилъ одинъ срокъ (три года), отслужилъ и другой, и, наконецъ, умеръ. Честнаго слова онъ не сдержалъ и доказалъ мнѣ еще разъ, что обѣщанія есть слова, а слова—звукъ пустой, какъ говоритъ, кажется, Гамлетъ. Послѣ того я видалъ Н. П. не одинъ разъ, но онъ даже не заикнулся о продѣланномъ со мною пассажѣ.

Говорятъ, что онъ поступалъ такъ вслѣдствіе наущенія губернатора, которому сильно не хотѣлось, чтобъ я былъ предводителемъ.

— Довольно мнѣ одного Тучкова,—говорилъ онъ еще до этого,—чтобъ брать себѣ на шею еще другого (говоря про меня),—нѣтъ, спасибо, довольно и одного.

Почему внушалъ я ему такой страхъ—не знаю.

Въ Пензѣ былъ такъ называемый казенный садъ, то-есть школа садоводства, и я вздумалъ отдать туда въ ученье одного двороваго мальчика. Потому, бывши въ Пензѣ, поѣхалъ туда, чтобъ узнать, на какихъ условіяхъ туда принимаютъ. Меня проводили къ главному садовнику, директору заведенія, нѣмцу (фамиліи не помню, кажется, Макзигъ). Поговоривши съ нимъ съ полчаса и обошедши съ нимъ теплицы и оранжереи, я сталъ прощаться. Тогда онъ спросилъ мою фамилію. Я сказалъ. Онъ вдругъ отступилъ отъ меня на два шага и уставилъ на меня глаза.

— Какъ, неужели вы Селивановъ? Тотъ, который былъ въ Саранскѣ уѣзднымъ судьей?

— Тотъ самый.

— Господи, да что же въ васъ страшнаго? Я ожидалъ видѣть въ Селивановѣ какого нибудь отчаяннаго господина, готоваго на всѣ дерзости, и.....

— Почему ожидали?—спросилъ я.

— А потому, что Александръ Алексѣевичъ (П***), получивши отъ васъ при мнѣ какую-то бумагу, сказалъ: «вотъ этого господина надобно остерегаться!» А вы знаете Александра Алексѣевича, боится-ли онъ чего нибудь? У него въ Петербургѣ такая сильная поддержка, что ему опасаться чего бы то ни было и кого бы то ни было—

нечего. Графъ А. Ѳ. Орловъ ему близокъ; графъ Закревскій пріятель.....

Эти похвальбы я слышалъ и отъ самого П***, а потому и повѣрилъ моему нѣмцу, что онъ не выдумалъ того, что̀ мнѣ говорилъ. Послѣ этого понятно, почему П*** не хотѣлъ, чтобъ я былъ предводителемъ.

III.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Вслѣдствіе нездоровья моей жены, я долженъ былъ ѣхать за границу для купанья въ маѣ. Такъ какъ это было уже не въ первый разъ, то мы пристроили себѣ мѣстечко въ Діэппѣ, гдѣ у насъ завелось ужъ и пріятельство, и готовая квартира у капитана таможенной стражи M. Galois, съ которымъ мы были въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, такъ что жена моя и я ѣхали туда какъ домой или какъ къ самымъ близкимъ роднымъ. Получивши паспортъ въ Петербургѣ, мы поѣхали въ почтовой каретѣ на Варшаву. Дорогой мы замѣтили, что крылья телеграфа (теперешнихъ телеграфовъ еще не было) машутъ безпрестанно, и на станціяхъ намъ говорили, что вотъ уже третій день, какъ телеграфъ не перестаетъ работать ни на минуту, ни днемъ, ни ночью. Такъ доѣхали мы до Ковно. Это было въ концѣ февраля; ледъ шелъ по Нѣману, и таможня не дозволяла переправы. Въ одной изъ гостинницъ Ковно насъ, путешественниковъ, собралось человѣкъ тридцать; всякому хотѣлось ѣхать далѣе, чтобъ не жить въ скукѣ въ жидовскомъ городѣ. Наконецъ, рѣшились мы всѣ гуртомъ отправиться къ губернатору и просить его содѣйствія въ томъ, чтобы насъ перепустили черезъ Нѣманъ, такъ какъ перевощики брались насъ перевезти. Поѣхали. Мнѣ предложили быть ораторомъ, и я, изложивъ его превосходительству наше непріятное положеніе, просилъ его помочь намъ. Его превосходительство оказался самымъ простымъ и любезнымъ человѣкомъ; онъ намъ сказалъ, что готовъ все для насъ сдѣлать, но что онъ не имѣетъ права приказать таможнѣ пропустить насъ. Я просилъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать попытку къ этому, и онъ, жалуясь, что у него нѣтъ даже споснаго правителя канцеляріи, который могъ бы написать порядочно бумагу по русски, изъявилъ полную готовность написать въ таможню отношеніе съ просьбою насъ не задерживать. Я взялся быть его письмоводителемъ на этотъ разъ и написалъ отношеніе, которое губернаторъ подписалъ съ удовольствіемъ. Взявши бумагу, я отправился въ таможню, но

начальникъ таможни мнѣ объявилъ, что, при всемъ желаніи исполнить волю его превосходительства, онъ не можетъ этого сдѣлать, и въ заключеніе отдѣлался вопросомъ:

— А кто, господа, будетъ отвѣчать, если кто нибудь изъ васъ утонетъ? Я или губернаторъ?

Такъ мы и воротились ни съ чѣмъ.

На наше счастье, ночью пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ англійскаго посольства, который ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ дожидаться, и его переправили. Это мы узнали утромъ и потому гуртомъ приступили къ начальнику таможни. Дѣлать ему было нечего, и онъ позволилъ; тѣмъ не менѣе, переговоры продолжались цѣлое утро, такъ что я съ женою и однимъ норвежцемъ съ женою, хоть и нѣмкою, но русскою подданною, изъ Архангельска, въ рыбачьей лодкѣ, пустились черезъ Нѣманъ между шедшими льдинами. На серединѣ рѣки намъ попалась тоже рыбачья лодка, съ сидѣвшими на ней, должно быть, французами, изъ которыхъ одинъ при встрѣчѣ съ нами вскочилъ съ своего мѣста и громко закричалъ:

— La republique en France! Lamartine, Arago—à la tête du gouvernement....

Что говорилъ онъ дальше, я не слыхалъ. Тутъ только стало намъ понятно, почему телеграфъ работалъ такъ усердно три дня. Въ Варшавѣ мы пробыли два дня, но объ этомъ тамъ никто не заикнулся ни слова.

— «Мы боимся говорить»,—сказала мнѣ только одна полька на желѣзной дорогѣ, когда мы ѣхали изъ Варшавы въ Бреславль. Съ этой минуты до самаго Парижа мы ѣхали среди какой-то горячки. Въ Бреславлѣ взбунтовались студенты противъ своего начальства; въ Дрезденѣ на мосту произошла даже схватка, такъ что хозяинъ гостинницы, въ которой мы стояли, напяливъ на себя на̀-скоро мундиръ національной гвардіи и схвативъ ружье, побѣжалъ къ мосту. Кончилось, кажется; однако, ничѣмъ, потому что на другое утро движеніе черезъ мостъ было возстановлено. Затѣмъ, въ Брауншвейгѣ, въ Ганноверѣ, вездѣ народъ требовалъ перемѣны министерства и бурлилъ; въ Брюсселѣ, какъ разсказывали, случилась уже та умная штука, которую выкинулъ Леопольдъ, когда толпы народа, возбуждаемыя агентами изъ Франціи, собрались ко дворцу и начали кричать: «vive la republique!»

Король вышелъ на балконъ и объявилъ народу, что не самъ онъ искалъ престола, что его просили быть королемъ, и что ежели они находятъ, что онъ имъ не нуженъ, то онъ уложитъ свои чемоданы и уѣдетъ тотчасъ. Народъ, конечно, этого не ожидалъ и такъ какъ

его всѣ любили за его простоту и привѣтливость, въ отвѣтъ послѣдовалъ громъ рукоплесканій и восторженное: «vive le roi!»

Въ Парижъ мы въѣхали вечеромъ; улицы были освѣщены не фонарями только, но плошками; зажженныя свѣчи горѣли во всѣхъ окнахъ, изрѣдка раздавались выстрѣлы—не боя, но радости. Разсказывать о событіяхъ 1848 года я не стану—они слишкомъ извѣстны, да это и не входитъ въ цѣль моего разсказа. Довольно того, что я видѣлъ 17-е апрѣля. Былъ на дворѣ національнаго собранія, когда народъ вломился туда 15-го мая; шелъ съ толпою вмѣстѣ, когда онъ повалилъ въ «Hotel de Ville», распѣвая «марсельезу», провозглашать новое правительство; видѣлъ въ окнѣ Барбеса и Бланка, и, наконецъ, былъ въ Парижѣ 27-го іюня, когда онъ только что былъ открытъ послѣ іюньскихъ дней; видѣлъ еще кровь на улицѣ и трупы, еще валявшіеся въ складахъ дровъ, и проч., и проч., о чемъ здѣсь говорить не мѣсто.

Я воротился въ Россію въ декабрѣ 1848 года, потому что крестьяне отказались заплатить оброкъ по случаю совершеннаго неурожая и мнѣ жить было нечѣмъ.

IV.

Въ январѣ 1849 года происходили губернскіе выборы въ Пензѣ. Тамъ возобновилось ко мнѣ прошеніе дворянъ о томъ, чтобы я баллотировался въ уѣздные предводители. Кандидатами были мой родственникъ Желтухинъ и я. Желтухина въ Пензѣ не было, его баллотировали заочно. Я себѣ, конечно, не могъ класть шара, а Желтухину положилъ бѣлый. Такимъ образомъ онъ былъ старше меня однимъ шаромъ—слѣдовательно, выбранъ былъ онъ, а я у него кандидатомъ. Я очень хорошо зналъ, что Желтухинъ откажется, потому что онъ уже переселился въ Петербургъ и, сдѣлавшись интимнымъ секретаремъ князя П. П. Гагарина, могъ надѣяться добиться чего нибудь лучше, нежели уѣзднаго предводительства. Онъ и добился бы, еслибъ смерть не унесла его, едва-ли ни на тридцать пятомъ году жизни. Интимность его съ княземъ Гагаринымъ была такова, что когда князь, по случаю болѣзни Желтухина, приходилъ его навѣстить, то, въ случаѣ надобности, чтобъ кто нибудь не вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Желтухинъ, князь караулилъ у двери. Другой разъ жена Желтухина просила меня поговорить «Алешѣ», чтобъ онъ не позволялъ себѣ съ кн. Гагаринымъ такого обращенія, какое онъ позволяетъ себѣ иногда.

— Представьте себѣ,—говорила она,—что вчера, когда князь жаловался ему на одно рѣшеніе государственнаго совѣта, противное его мнѣнію и которое онъ не могъ отстоять, Алеша сказалъ ему: «Вы к....къ, князь, и больше ничего!» Вѣдь нельзя же такъ обходиться съ княземъ. Не надо забывать, что онъ все-таки членъ государственнаго совѣта.

Послѣ выборовъ я уѣхалъ въ Москву и воротился только лѣтомъ. Какимъ образомъ сдѣлалось, что предводителемъ былъ опять Н. П. —ва, я не умѣю вамъ сказать. Кажется, что выборы Желтухина и меня были кассированы губернаторомъ. Почему и какъ—не знаю, да и не старался узнавать, такъ какъ меня это больше не интересовало: я имѣлъ въ виду другую службу.

Лѣтомъ, должно быть въ іюнѣ, былъ я въ Саранскѣ; нужно было, кажется, написать кому-то довѣренность. Одѣтъ я былъ по лѣтнему, въ какое-то гороховаго цвѣта пальто, сшитое въ Діэппѣ, а другаго платья съ собой не взялъ, такъ какъ въ Саранскъ я ѣздилъ однодневно, то-есть поутру выѣдешь,—къ вечеру дома.

Пришедши въ судъ, я узналъ, что пріѣхалъ губернаторъ на ревизію.... Ну, и Богъ съ нимъ! только бы не встрѣчаться. Пошатался по базару, зашелъ въ одну, въ другую лавку, и часу въ первомъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Вижу—сидитъ квартальный. Что это значитъ? подумалъ я. Спрашиваю: зачѣмъ, батюшка, пожаловали?

— Да къ вамъ, И. В.

— А что?

— Да его превосходительство губернаторъ къ себѣ требуютъ.

— Кого требуютъ?

— Да васъ, И. В.

— Это зачѣмъ?

— Ужъ не знаю, право. Какъ пріѣхалъ, тотчасъ спросилъ: «нѣтъ-ли кого въ городѣ помѣщиковъ?» Мы видѣли, что вы пріѣхали, и сказали ему, что вы здѣсь. Позвалъ меня и велѣлъ сказать вамъ, чтобъ вы пожаловали къ нему.

Нечего было дѣлать, надо идти. Такъ какъ другаго платья поприличнѣе у меня не было, какъ выше сказано, то и пришлось идти въ гороховомъ пальто. Пошелъ. П*** стоялъ въ домѣ богатаго купца, семейство котораго выгнали во флигель. Онъ принялъ меня, какъ знакомаго, однако, отвелъ въ особую комнату, затворилъ дверь и началъ:

— Вы меня знаете и, вѣроятно, можете засвидѣтельствовать, что я не злой человѣкъ. Скорѣе всякое добро готовъ сдѣлать; но гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи обязанностей службы—я строго исполни-

телемъ—вы это тоже знаете. Какъ ни будетъ мнѣ это грустно, я обязанность свою выполню въ точности.

Озадачилъ онъ меня этимъ вступленіемъ. Спрашиваю:

— Объясните пожалуйста, ваше превосходительство, что̀ значатъ ваши слова; я ихъ не понимаю.

— Поймете, когда придетъ время. Только будьте осторожны. Только потому, что расположенъ къ вамъ, я хотѣлъ васъ предупредить. Повторяю вамъ, будьте осторожны.

Я хотѣлъ еще разъ спросить, что̀ значатъ эти предостереженія и къ чему они, но онъ мнѣ поклонился, видимо желая избѣгнуть объясненій, и я вышелъ изъ комнаты, не понимая къ чему вели его предостереженія. Сказать откровенно, я не сталъ долго думать объ этомъ предостереженіи. Не прошло двухъ недѣль, однако, ко мнѣ въ деревню вдругъ наѣхали неожиданные гости: бывшій совѣтникъ губернскаго правленія, а потомъ чиновникъ министерства, NN., и съ нимъ исправникъ Шабровъ, въ мундирѣ. NN. мнѣ сказалъ, что, проѣзжая мимо въ Симбирскую губернію, онъ по знакомству заѣхалъ ко мнѣ. Это было передъ обѣдомъ. Я радъ былъ гостямъ, угостилъ ихъ обѣдомъ, и они, пробывши часа три, уѣхали. И это посѣщеніе осталось для меня необъясненнымъ. Все, что я могъ замѣтить, такъ это только то, что исправникъ все бѣгалъ въ конюшню (онъ былъ охотникъ до лошадей), оставляя меня съ NN. одного. Зная, что за господинъ нашъ исправникъ, я и этому не придалъ никакого значенія. NN. мнѣ ничего не сказалъ особеннаго, и я удовлетворился его словами, что онъ объѣзжаетъ, по распоряженію министерства, хлѣбные магазины. Я велѣлъ принести хлѣбныя книги, хранившіяся у одного изъ крестьянъ, смотрителя магазина. NN. сдѣлалъ въ книгѣ надпись, что осматривалъ магазинъ, и тѣмъ все кончилось.

Это было, ежели не ошибаюсь, въ августѣ; на зиму же я съ семьей уѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ тестя.

Въ мартѣ, какъ-то въ воскресенье, мнѣ сказали, что у меня былъ нѣкто Щ... и очень жалѣлъ, что не засталъ меня дома, такъ какъ ему очень, очень нужно меня видѣть. Такъ какъ Щ... никогда не бывалъ у меня прежде и домами мы знакомы не были, то я понялъ, что, вѣроятно, есть что нибудь необыкновенное, о чемъ онъ хочетъ сообщить мнѣ, и потому отправился на другой день, около девяти часовъ утра, къ нему. Щ... меня встрѣтилъ извѣстіемъ, что въ Петербургѣ обо мнѣ говорятъ, и совѣтовалъ, если у меня есть что нибудь запрещенное: книги, рукописи,—все это поскорѣе спрятать или уничтожить. Я отвѣчалъ, что у меня запрещеннаго нѣтъ ничего и

что вообще я никогда ни въ чемъ замѣшанъ не былъ, что даже у меня нѣтъ такихъ знакомствъ, которыя могли бы навлечь на меня какую нибудь невзгоду.

— Предупреждаю васъ,—продолжалъ онъ,—примите ваши мѣры. Вчера изъ Питера было получено письмо, въ которомъ просятъ известить васъ, чтобъ вы были осторожны.

Такъ какъ мнѣ сторожиться не было основанія и я не чувствовалъ за собою ни малѣйшей вины въ чемъ бы то ни было, то я выслушалъ его предостереженіе совершенно равнодушно и, поблагодаривъ его за участіе, отправился въ гражданскую палату, гдѣ писалась купчая на покупаемый мною въ Москвѣ домъ.

Въ палатѣ я пробылъ часу до втораго. Возвращаясь домой пѣшкомъ, я вдругъ увидалъ ѣхавшаго на извощикѣ повара моего тестя, Василія. Увидя меня, онъ остановился, слѣзъ съ дрожекъ и подошелъ ко мнѣ.

— Что ты, Василій? - спросилъ я его.—Куда это ты ѣдешь?

— В. Ф. (моя жена) послала меня къ вамъ сказать, что у насъ въ домѣ полиція и ожидаетъ васъ.

— Меня! зачѣмъ?

— Я не знаю-съ.

— Какая же полиція?

— Полиціймейстеръ, частный приставъ и квартальный.

Это меня озадачило. Чего имъ нужно,—думалъ я, торопясь домой.

Войдя въ переулокъ, гдѣ стоялъ домъ моего тестя, я увидалъ десятка два полицейскихъ солдатъ, стоявшихъ вдоль переулка и у воротъ. У крыльца встрѣтилъ меня квартальный; въ передней частный приставъ; въ гостиной сидѣлъ полиціймейстеръ С—й и жандармскій офицеръ. Увидя меня, полиціймейстеръ, человѣкъ знакомый, подалъ мнѣ руку и, обращаясь къ жандармскому офицеру, сказалъ:

— Теперь роль моя кончена. Сдаю вамъ г-на Селиванова! - и вышелъ, а съ нимъ удалилась и вся полиція.

Я спросилъ жандармскаго офицера, что̀ все это значитъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что ему ничего не извѣстно, но что я долженъ ѣхать съ нимъ въ Петровскія казармы. Бѣдная жена моя плакала, дѣти тоже. У меня сердце разрывалось, смотря на ихъ слезы, но я былъ покоенъ, потому что считалъ это какимъ нибудь недоразумѣніемъ, и спросилъ:

— Отъ кого бы я могъ узнать въ чемъ меня обвиняютъ?

— Въ казармахъ вы, вѣроятно, увидите нашего генерала; можетъ быть, отъ него и узнаете что нибудь!—отвѣчалъ мнѣ капитанъ.

— А долго-ли я буду въ казармахъ?

— Вѣроятно, не долго. Вамъ надо будетъ ѣхать въ Петербургъ.

— Можетъ ли мужъ мой взять съ собою денегъ?—спросила, рыдая, моя жена.

— Деньги потрудитесь отдать мнѣ,—отвѣчалъ капитанъ,—я буду выдавать ихъ вашему супругу, если онѣ ему понадобятся, чего я, впрочемъ, не думаю.

— А могу ли я проводить моего мужа?

— До казармъ можете, но въ казармы впустить васъ нельзя.

Тотчасъ велѣли запречь парныя сани, въ которыя помѣстились жена моя, я и капитанъ—и поѣхали.

Подъѣхавши къ воротамъ казармъ, жена моя бросилась мнѣ на шею и отправилась домой, а я съ капитаномъ вошелъ въ казармы.

Онъ меня проводилъ въ одну изъ офицерскихъ комнатъ, гдѣ я пробылъ часа два совершенно одинъ. Въ этотъ промежутокъ времени вошелъ ко мнѣ генералъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ открытымъ и благороднымъ лицомъ, и объявилъ мнѣ, что я долженъ сейчасъ ѣхать въ Петербургъ. Когда я спросилъ его, за что я арестованъ, онъ отвѣчалъ, что сказать мнѣ этого не имѣетъ права, но чтобъ я не тревожился, и прибавилъ, что дѣло мое въ такихъ честныхъ рукахъ, что ежели я не виноватъ ни въ чемъ, то мнѣ бояться нечего. Къ этому онъ сказалъ еще, что со мной поѣдетъ капитанъ.

Дѣйствительно, черезъ полчаса, капитанъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ; кибитка тройкой стояла у подъѣзда; жандармскій солдатъ помѣстился на облучокъ вмѣстѣ съ ямщикомъ, и мы поѣхали.

Грустныя мысли меня одолѣвали. Тщетно я задавалъ себѣ вопросъ, что̀ могло быть причиной этой невольной поѣздки, и рѣшительно не находилъ на него отвѣта. Меня занимала не собственная участь,—я былъ увѣренъ, что все это кончится вздоромъ, и былъ покоенъ, - но меня мучила мысль, что̀ дѣлается съ моею бѣдною женой.

Съ капитаномъ, русскимъ нѣмцемъ по рожденію, мы сошлись съ первой станціи. Я совершенно позабылъ, куда и для чего ѣду, и, къ чести капитана, надо сказать, онъ ничѣмъ не давалъ мнѣ этого чувствовать Это былъ добрый малый, живущій на свѣтѣ не мудрствуя лукаво, и точно также способный сдѣлать самый благородный поступокъ и самую большую гадость, не понимая и не будучи въ состояніи себѣ объяснить, что̀ въ первомъ есть возвышеннаго, а во второмъ—гадкаго. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ глупъ,—о, нѣтъ! онъ былъ далеко не глупъ,—онъ только не взялъ на себя труда вдуматься въ жизнь, а жилъ онъ, потому что жилось и потому что ему не пришло ни разу въ голову опредѣлить, что̀ такое жизнь, и принималъ ее такъ, какъ она приходила къ нему сама. Легко мо-

жетъ быть, что еслибъ ему когда пришла мысль оглянуться на жизнь и стараться заглянуть въ будущее, онъ отогналъ бы отъ себя эту мысль, какъ мысль праздную, пустую, на которой не стоило останавливаться.

Такъ или иначе, только мы съ нимъ были на самой безцеремонной, пріятельской ногѣ; онъ повѣрялъ мнѣ свои маленькія служебныя горести и не затруднялся обѣдать и пить чай на мой счетъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго. Посторонній человѣкъ, увидавши насъ, подумалъ бы, что мы два пріятеля, ѣдущіе отъ скуки вмѣстѣ и никакъ не повѣрилъ бы, что я арестантъ, а онъ мой тюремщикъ.

Между разговорами онъ объявилъ, что дорогой насъ долженъ догнать генералъ ихъ, тотъ самый, котораго я видѣлъ въ Петровскихъ казармахъ.

Короткость наша дошла до того, что на одной изъ станцій онъ вздумалъ хорошенько выспаться, а потому и просилъ меня покараулить, чтобъ генералъ не наѣхалъ и не засталъ его спящимъ. Пока я исправлялъ должность Аргуса, на несчастье капитана, генералъ подъѣхалъ неожиданно. Первое слово, которое онъ сказалъ вошедши въ комнату, былъ вопросъ: «гдѣ капитанъ?» Я, конечно, немного смѣшался и отвѣчалъ, что капитанъ въ другой комнатѣ.

— Знаю!—сказалъ, смѣясь, генералъ.—Амурами занимается. Ну. какъ вы ѣдете? Здоровы?

— Слава Богу, ваше превосходительство.

Съ генераломъ ѣхалъ А. А. Тучковъ.

Съ этого времени мы ѣхали уже вмѣстѣ. Мы вмѣстѣ, вчетверомъ, обѣдали, пили чай, и въ самомъ скоромъ времени такъ сошлись, какъ будто бы составляли одно семейство. Въ Торжкѣ, гдѣ мы заказали обѣдъ съ котлетами Пожарскаго, я просилъ позволенія поставить бутылку шампанскаго для того, чтобъ поблагодарить господъ за то, что съ нами обходятся по человѣчески, но генералъ не то, чтобъ запретилъ, но отсовѣтовалъ мнѣ дѣлать это. Генералъ этотъ былъ такая благородная и высоко-честная личность, что я не могу вспомнить о немъ безъ сердечнаго умиленія. На какой-то станціи сближеніе наше дошло до того, что мы стали читать на-память стихи (генералъ былъ охотникъ до нихъ и много зналъ наизусть), и я прочиталъ ему на-память дополненіе Воейкова къ «Сумасшедшему дому» о Гречѣ и Булгаринѣ, которое генералъ не зналъ. Дополненіе, какъ извѣстно, не совсѣмъ невиннаго содержанія и, ужъ конечно, не совсѣмъ было прилично для моего настоящаго положенія [1]).

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 586—603; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 584—592.

Кажется, въ Новгородѣ, генералъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ очень серьезно:

— Скажите пожалуйста, за что я васъ везу?

— Не знаю, ваше превосходительство, я васъ хотѣлъ спросить объ этомъ?

— Въ Саранскѣ я очень подробно разспрашивалъ о васъ у людей всѣхъ сословій. Всѣ отозвались самымъ лучшимъ образомъ. Не имѣли ли вы какихъ нибудь столкновеній съ властями?

— Никакихъ, ваше превосходительство!

— Странно!—сказалъ генералъ въ полголоса.—Знаете ли что: ежели справедливо то, что̀ о васъ писано, то васъ повѣсить мало... Вижу,—прибавилъ онъ,—что третье отдѣленіе поторопилось или даже просто введено въ заблужденіе.

Послѣ этого разговора, сидя въ повозкѣ съ капитаномъ, я рѣшился спросить его, не знаетъ-ли онъ въ чемъ меня обвиняютъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ,—знаю только, что, когда я ѣхалъ къ вамъ въ деревню, гдѣ я забралъ всѣ ваши бумаги, мнѣ исправникъ говорилъ, чтобъ я взялъ съ собой оружіе и зарядилъ пистолеты, потому что вы такой человѣкъ, что въ состояніи отстрѣливаться. Видя васъ такимъ, какимъ вы есть, удивляюсь откуда ему пришла въ голову такая нелѣпость.

— Такъ вы все у меня тамъ забрали?—спросилъ я.

— Все, что только могъ.

— Не замѣтили ли вы тамъ на стѣнѣ одного портрета!—спросилъ я съ нѣкоторою дрожью, зная, что этотъ портретъ можетъ мнѣ надѣлать хлопотъ, такъ какъ это былъ портретъ Г—а, съ шуточною какою-тою надписью, который онъ подарилъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа.

— «Нѣтъ, не замѣтилъ»,—отвѣчалъ онъ. Хоть у меня и отлегло послѣ этого отвѣта отъ сердца, тѣмъ не менѣе я все-таки не былъ еще совершенно спокоенъ, такъ какъ въ числѣ бумагъ ему могъ попасться одинъ (красный) билетъ для входа на банкетъ, гдѣ говорилъ Пьеръ Леру и другіе. Я рѣшился спросить и объ этомъ. Слава Богу! онъ не замѣтилъ и его. Я сталъ спокойнѣе.

Кажется, на станціи «Средняя Рогатка» генералъ снова отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вижу ясно, что васъ оклеветали. Не опасайтесь ничего; люди, съ которыми вы будете имѣть дѣло, честные люди. Я ужъ написалъ въ Петербургъ о томъ, какъ смотрю на ваше дѣло. Помѣщеніе въ Петербургѣ вамъ будетъ тоже хорошее; я написалъ, чтобъ вамъ приготовили столовую графини Бенкендорфъ.

Это былъ нашъ послѣдній разговоръ. Еще разъ увидалъ я его,

когда мы завернули у Цѣпнаго моста во дворъ дома третьяго отдѣленія и меня ввели въ большую комнату, кажется, въ пять оконъ, въ которой, кромѣ буфетнаго шкафа краснаго дерева и нѣсколькихъ ломберныхъ столовъ и стульевъ, ничего не было. Ввелъ меня въ комнату самъ генералъ. Тутъ мы простились, и онъ мнѣ снова повторилъ, что я не долженъ бояться, что дѣло мое «у Михаила Максимовича Попова и что это не только человѣкъ высокой честности, но даже святой человѣкъ». Справедливость этого подтвердилась на опытѣ, какъ читатель увидитъ впослѣдствіи. Это было уже вечеромъ, при огнѣ. Въ углу стояла кровать, покрытая чистымъ бѣльемъ и бѣлымъ шерстянымъ одѣяломъ. Жандармскій унтеръ-офицеръ принесъ дровъ, затопилъ комнату и спросилъ, не желаю ли я чего? Я попросилъ чаю. Мнѣ принесли очень скоро. Унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ носить мнѣ все, что я спрошу, чай утромъ, обѣдъ и проч.

Послѣ чаю я, уставши послѣ дороги, сталъ ложиться спать. Когда я улегся, въ комнату вошли два жандарма и расположились у дверей. Долго не могъ я заснуть, главное—отъ того, что жандармы, вѣроятно, въ просонкахъ, стучали своими карабинами. Всю ночь они стояли на ногахъ, не присаживаясь ни разу. Это повторялось всякую ночь во время содержанія моего въ третьемъ отдѣленіи, и ни разу я не замѣтилъ, чтобы они присаживались хоть на минуту. Кстати сказать, что черезъ двѣ—три ночи я такъ привыкъ къ ихъ присутствію, что даже не слыхалъ стука ихъ карабиновъ.

На слѣдующее утро пришелъ ко мнѣ Л. В. Дубельтъ и началъ разговоръ разспросами:

— Хорошо ли вамъ? Тепло ли? Что̀ курите, табакъ или сигары? Не имѣете ли какихъ нибудь особыхъ привычекъ? и проч.

Я отвѣчалъ, конечно, что мнѣ очень хорошо, что въ комнатѣ такъ тепло, какъ только можно желать; что я не курю вовсе, и что никакихъ особыхъ привычекъ не имѣю. Черезъ полчаса явился ко мнѣ дежурный штабъ-офицеръ съ тѣми же самыми вопросами и сказалъ, что ежели я буду имѣть въ чемъ нибудь надобность, чтобъ обратился къ унтеръ-офицеру, и что онъ мнѣ все доставитъ, что можно. Я попросилъ книгъ и бумаги съ чернилами и перомъ. Онъ обѣщалъ мнѣ и то и другое, и сказалъ, чтобъ письма мои, если буду писать ихъ, я передавалъ незапечатанными; письма же ко мнѣ будутъ мнѣ доставляться тоже распечатанными.

Конечно, возражать на это было нечего, — это только было справедливо въ отношеніи къ арестанту, подозрѣваемому въ какомъ-то странномъ преступленіи. Дежурный офицеръ пожелалъ узнать, какого рода книги я желаю. Я составилъ списокъ, помнится, журналовъ:

«Отечественныя Записки», «Телеграфъ» (старыхъ годовъ, онъ прекратился въ 1834 году) и еще другіе, которыхъ теперь не помню.

Часа черезъ два мнѣ принесли и бумаги, и чернилъ, а для чтенія нѣсколько книжекъ «Финскаго Вѣстника». Нечего было дѣлать, надо было довольствоваться литературой... г. Дершау.

Это происходило на масляницѣ, кажется, въ четвергъ. Три дня меня не безпокоили ничѣмъ. Я обжился съ своимъ положеніемъ. Утромъ въ девять часовъ унтеръ-офицеръ приносилъ мнѣ чай со сливками и хлѣбомъ; около двухъ съ половиною часовъ или трехъ, заходилъ спросить, что̀ я желаю къ обѣду, и я назначалъ самъ, что̀ мнѣ принести. Спросилъ, не желаю ли водки, на что я отвѣчалъ, что водки не пью. Все это приносилось, какъ я узналъ, изъ сосѣдняго трактира. Такъ какъ комната была очень большая, аршинъ въ 25 длины, то я могъ ходить безъ стѣсненія, сколько душѣ угодно. Ежели-бъ не тревога о моей женѣ, положеніе мое было бы не дурно. Страха у меня не было, потому что совѣсть была чиста. Явно, что меня подозрѣвали въ какомъ-то политическомъ преступленіи, а такого у меня никогда, въ теченіе всей моей жизни, за душою не было.

Въ понедѣльникъ на первой недѣли поста, часовъ около одиннадцати, меня потребовали къ Дубельту; это было не далеко отъ моей тюрьмы. Я засталъ его за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, въ большой комнатѣ, выходившей окнами на Фонтанку. Онъ пригласилъ меня сѣсть на зеленый мягкій стулъ, стоявшій противъ него, черезъ столъ. На столѣ противъ него лежало мое письмо къ К. Д. Кавелину, во многихъ мѣстахъ подчеркнутое краснымъ карандашомъ. Явно было, что письмо это и составляло или его хотѣли сдѣлать обвинительнымъ актомъ. Я вспомнилъ, что это письмо я началъ писать при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Какъ сказано выше, я воротился изъ Парижа въ Россію прежде нежели ожидалъ, потому что крестьяне отказались платить оброкъ вслѣдствіе неурожая. Пріѣхавши въ Москву, я получилъ отъ управляющаго письмо о томъ, что духовыя, только за годъ передъ этимъ сложенныя и стоившія довольно дорого, печи не даютъ вовсе никакого тепла, что стѣны дома промерзли, и проч., и проч. Везти семейство въ такой домъ было бы, конечно, безумствомъ. Я оставилъ семейство въ Москвѣ и поѣхалъ одинъ. Такъ какъ, по случаю отъѣзда нашего на продолжительное время за границу, всѣ люди были распущены и собрать ихъ скоро было невозможно, то я, чтобъ вести свое маленькое домашнее хозяйство, предложилъ восьмидесятилѣтней старухѣ, бывшей горничной прабабушки моей жены (А. М. Нестеровой), заняться этимъ. Съ нею я проводилъ вечера, заставляя ея разсказывать про старосвѣтскіе обычаи. Такъ какъ мы передъ отъѣздомъ

отпустили крестьянъ на вѣчный оброкъ, лишая себя даже права увеличить его какъ бы ни увеличилось народонаселеніе, и условіе объ этомъ оброкѣ, съ отдачею всей земли въ пользованіе (1,200 десятинъ на 250 душъ), было заключено на бумагѣ совершенно свободно и черезъ избранныхъ, черезъ баллотировку шарами, и установлено было со взаимнаго согласія, то мы и продали весь нашъ хлѣбный запасъ, думая, что ежели и будемъ когда пріѣзжать въ деревню, то лучше будетъ жить на покупномъ, нежели оставлять какое нибудь хозяйство. Слѣдственно, хлѣба не было у насъ вовсе, а между тѣмъ голодъ, вслѣдствіе совершеннаго неурожая, давалъ себя чувствовать. Я видѣлъ всю нужду крестьянъ, а помочь имъ было нечѣмъ. Денегъ тоже у меня не было, потому что, надѣясь на полученіе къ Рождеству оброка, мы поиздержались въ Парижѣ. Конечно, вслѣдствіе условія объ отпускѣ крестьянъ на оброкъ, не мое дѣло было заботиться объ ихъ прокормленіи, но тѣмъ не менѣе нравственная обязанность о помощи была чрезвычайно тяжела, и подъ вліяніемъ-то этого чувства я и началъ писать К. Д. **Кавелину** письмо, о которомъ сказано выше. Въ письмѣ этомъ я говорилъ вообще, какъ тяжело положеніе помѣщика, обязаннаго заботиться о положеніи своихъ крестьянъ; какъ велика нравственная обязанность, на немъ лежащая; что во сто кратъ быть лучше чиновникомъ и служить пятнадцать часовъ въ сутки, нежели быть помѣщикомъ и чувствовать на себѣ тяжесть нравственной отвѣтственности, когда ея удовлетворить нечѣмъ. Письмо это валялось у меня долго на столѣ неконченное, и такъ какъ въ концѣ февраля жена моя пріѣхала въ деревню, и жалобы мои и дурное расположеніе духа прошли, я скомкалъ это письмо и бросилъ въ корзину. Изъ корзины въ деревнѣ Пензенской губерніи, какъ видите, оно попало на столъ начальника штаба корпуса жандармовъ и грозило сдѣлаться обвинительнымъ противъ меня актомъ.

Такъ какъ въ письмѣ этомъ, кромѣ того, что̀ сказано выше, ничего не было, надо было ухитриться найти въ немъ что-то подозрительное. Л. В. Дубельтъ былъ знатокъ своего дѣла; онъ началъ съ того, что спросилъ меня, показывая мнѣ письмо—я ли писалъ его?

Конечно, я отвѣчалъ, что писалъ я, и когда взглянулъ на письмо, то увидѣлъ, что на полѣ было написано: «дѣло о Кавелинѣ, сильно замѣченномъ въ либерализмѣ, производится въ третьей экспедиціи».

К. Д. Кавелинъ, бывшій профессоръ Московскаго, а потомъ Петербургскаго университета, не могъ, конечно, нравиться Дубельту.

— Къ кому писано было это письмо?—дальше спросилъ онъ, какъ будто не зная, хотя замѣтка на полѣ ясно показывала, что ему очень хорошо было извѣстно, къ кому оно было написано.

— Къ К. Д. Кавелину,—отвѣчалъ я.

— Какія отношенія существуютъ между вами?

— Никакихъ, кромѣ простаго знакомства.

— Почему вы находите, что положеніе помѣщика дурно?

— Потому что нравственная отвѣтственность слишкомъ велика.

— Эти вздоры вамъ натолкованы м.......ми, подобными Бакунину, Г—ну и другимъ.

Сопоставленіе рядомъ Г. съ Бакунинымъ меня взорвало. Г. могъ заблуждаться, но сравнительно былъ все-таки честный человѣкъ; Бакунинъ же, во время пребыванія своего въ Парижѣ, показалъ себя явно безчестнымъ человѣкомъ, который хочетъ не только жить на чужой счетъ, но даже втянуть другаго въ бѣду, только бы самому пользоваться отъ него, какъ онъ это дѣлалъ съ В. П. Боткинымъ, человѣкомъ богатымъ, котораго онъ увѣрялъ, что русское правительство смотритъ на него очень подозрительно, и что онъ будетъ сосланъ въ Сибирь, какъ только воротится въ Россію. Бѣдный Боткинъ былъ въ отчаяніи. Сколько я ни увѣрялъ его, что ему бояться нечего, потому что онъ не только не написалъ чего либо противнаго правительству, но даже и въ помышленіи этого не имѣлъ, — онъ все твердилъ: «Ахъ, Боже мой! что мнѣ дѣлать? Да какъ же это?» и проч... Можетъ быть, при моемъ положеніи это было и неосторожно, но я позволилъ себѣ замѣтить Дубельту, что Г—цена съ Бакунинымъ ставить на одну доску нельзя.

Мой Дубельтъ вспыхнулъ, какъ порохъ; губы его затряслись, на нихъ показалась даже пѣна.

— Г.!—закричалъ онъ съ неистовствомъ.—У меня три тысячи десятинъ жалованнаго лѣса, и я не знаю такого гадкаго дерева, на которомъ бы я его не повѣсилъ! Довольно, ступайте! Завтра вы получите письменные вопросы.

Съ этимъ я былъ отпущенъ.

На другой день, во вторникъ, ко мнѣ пришелъ какой-то молодой человѣкъ и принесъ написанные вопросы. Прежде всего онъ далъ подписать подписку, что я буду писать одну правду; что скрывать что нибудь излишне, потому что уже все извѣстно, и при этомъ (навѣрно не помню, на словахъ или на письмѣ) объявилъ, чтобъ я обдумалъ хорошенько мои показанія.

Вопросы касались того, какъ гляжу я на крѣпостное состояніе вообще? какъ смотрю на отношенія помѣщика къ крестьянамъ? и многое въ этомъ родѣ. Я отвѣчалъ письменно, что крѣпостное состояніе считаю большимъ зломъ, а на вопросъ объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ написалъ, что отношенія мои къ крестьянамъ лучше всего можно видѣть изъ того, что въ продолженіе десяти лѣтъ, которыя я прожилъ въ деревнѣ, ни одно слабительное

не было дано безъ того, чтобъ я не былъ у мужика въ избѣ; что я самъ всѣмъ пускалъ кровь, въ случаѣ надобности; самъ присутствовалъ при родахъ женщинъ, когда они были трудны и помощь деревенской бабки оказывалась безсильною, такъ какъ вся помощь заключалась въ приказанiи дуть въ пустую бутылку и подкуривать бараньемъ рогомъ; самъ перевязывалъ раны, какiя бы гноеватыя онѣ ни были, и проч. Отвѣтъ этотъ, думаю, мнѣ повредилъ больше, нежели что нибудь, какъ это читатель увидитъ впослѣдствiи. Въ среду и, помнится, въ четвергъ, вопросы продолжались, и все въ этомъ родѣ. Наконецъ, кажется, уже въ субботу, явился ко мнѣ уже не тотъ молодой человѣкъ, который ходилъ прежде, но уже человѣкъ немолодой, маленькаго роста, съ необыкновенно мягкими, простыми и чрезвычайно добродушными манерами и рѣчью. Онъ принесъ мнѣ нѣсколько вопросовъ; первый былъ: «Какая форма правленiя самая лучшая?» Я отвѣчалъ: монархическая.

Второй вопросъ былъ: «Почему монархiю вы считаете лучшею формою и прилична-ли она для Россiи?» Я отвѣчалъ: Монархiя лучшая форма, потому что монархъ, ничѣмъ не стѣсняемый, можетъ изливать свои благодѣянiя свободно на народъ; въ Россiи же она приличнѣе, нежели какая либо другая, потому что монархи наши постоянно благодѣтельствовали народу, и, слѣдственно, не любить ихъ и не быть имъ преданными—нельзя.

Дальнѣйшiе затѣмъ отвѣты мои не понравились моему допросчику и онъ тутъ же бросилъ ихъ въ топившуюся печь. Твердо увѣренъ, что, уничтоживши мои послѣднiе отвѣты, онъ меня спасъ. И читатель не удивится, если узнаетъ, какъ узналъ я послѣ, что человѣкъ этотъ былъ тайный совѣтникъ Михаилъ Максимовичъ Поповъ, тотъ самый, про котораго говорилъ генералъ Купинскiй, что онъ святой «человѣкъ». Поступокъ его со мною доказываетъ сколько честности и, пожалуй, даже самоотверженiя было въ этомъ человѣкѣ, если онъ рѣшился уничтожить вопросы, вѣроятно, составленные самимъ Дубельтомъ. Послѣ этихъ вопросовъ слѣдовалъ еще одинъ: «какую цѣль вы имѣли, разсказывая въ одной недоконченной повѣсти, что одинъ молодой человѣкъ, богатый и съ высокимъ образованiемъ, пошелъ въ становые пристава для того, чтобъ издаваемые правительствомъ законы передавать массамъ въ превратномъ видѣ?»

— Помилуйте!—воскликнулъ я невольно;—въ повѣсти говорилъ я совершенно противное. Тамъ сказано, что молодой человѣкъ пошелъ въ становые, чтобъ всѣ правительственныя распоряженiя передавать массамъ въ той чистотѣ, въ какой они исходятъ, для того, чтобъ уничтожить въ массахъ ту боязнь и недовѣрiе, которыя возникли къ чиновничеству, вообще прикрывающему свои самовольные поступки

именемъ закона и старающемуся показать народу, что они дѣйствуютъ по приказанію свыше, и тѣмъ возмущаютъ массы противъ власти.

— Пожалуйста, не спорьте!—сказалъ мнѣ маленькій человѣкъ тихо.—Напишите лучше, что вы раскаиваетесь и жалѣете, что написали это.

— Какъ же я сознаюсь, что написалъ это, когда я написалъ совершенно противное?

— Ахъ, Боже мой!—перебилъ онъ.—Послушайтесь меня. Леонтій Васильевичъ разсердится, если вы напишете не то, что я вамъ говорю.

Видя всемогущество Дубельта, я разсудилъ, что спорить съ такимъ господиномъ, какъ онъ, опасно. Я послѣдовалъ совѣту Попова, конечно, скрѣпя сердце, и написалъ такъ, какъ онъ говорилъ.

Нѣсколько дней ко мнѣ не приходилъ никто. Въ половинѣ второй недѣли поста, поутру часовъ въ десять, пришелъ ко мнѣ Дубельтъ и сказалъ, чтобъ я одѣлся (я ходилъ въ халатѣ все время пока былъ въ отдѣленіи), потому что въ двѣнадцать часовъ я долженъ буду явиться къ графу А. Ѳ. Орлову, который объявитъ мнѣ рѣшеніе моей участи. Дубельтъ былъ страшно взволнованъ и сердитъ; пѣна была у него на губахъ.

— «Алексѣй Ѳедоровичъ замѣтилъ,—сказалъ онъ,—что вы меня за носъ водитъ. За васъ да выслушать такое замѣчаніе!»... Глаза Дубельта пылали. Кажется, онъ готовъ былъ проглотить меня, однако не сказалъ больше ни слова.

— «Будьте же готовы; въ двѣнадцать часовъ я приду за вами».

Я одѣлся во фракъ и ждалъ; онъ дѣйствительно пришелъ безъ десяти минутъ въ двѣнадцать, и мы отправились по большой лѣстницѣ внизъ.

Мы вошли въ очень большую комнату, съ окнами на Фонтанку. Въ концѣ ея и противоположно той двери, въ которую мы вошли, стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и около него два человѣка; одинъ—очень высокаго роста, съ лысиной или, лучше, высокимъ лбомъ, къ которому причесаны были виски, явно завитые компасами. Онъ былъ въ мундирѣ и держался прямо. Это былъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ.

Такъ какъ я зналъ, что это онъ, то и обратилъ на него особенное вниманіе, потому что мнѣ тотчасъ пришло въ голову то, что̀ говоритъ о немъ Луи Бланъ въ своей «Histoire de dix ans». Я остановился у двери и поклонился.

Графъ подозвалъ меня тотчасъ къ себѣ.

— Вы 3-е отдѣленіе за носъ водите!—сказалъ онъ.

Тутъ только я повѣрилъ справедливости словъ Дубельта,—прежде

виноватъ, я ему не вѣрилъ. Голосъ, которымъ мнѣ сказалъ это графъ Орловъ, не имѣлъ однако ничего враждебнаго; лицо у него было доброе и кроткое; я рѣшительно увѣровалъ, что разсказъ Луи Блана есть вздоръ и клевета: не такъ смотрѣлъ графъ Орловъ, чтобъ быть злодѣемъ; по наружности это былъ простой и добрый человѣкъ и по природѣ своей не способенъ на зло.

— Ваши мерзкія сочиненія были доложены,—продолжалъ онъ.—васъ должно отослать въ Вятку, куда вы и поѣдете.

— Супруга г-на Селиванова здѣсь!—сказалъ Дубельтъ.

— Такъ пусть онъ ѣдетъ съ своею супругой. Жандарма посылать съ нимъ не надо.

— Ваше сіятельство!—сказалъ я, обнадеженный тою незлобивостію, съ какою Орловъ обращался со мною,—передъ тѣмъ, какъ меня арестовали, я купилъ въ Москвѣ домъ и далъ задатку нѣсколько тысячъ рублей. Въ этомъ домѣ должно заключаться все мое состояніе. Домъ этотъ торговый. Ежели меня посылаютъ въ Вятку надолго или навсегда, я лучше откажусь отъ покупки этого дома и потеряю задатокъ, нежели куплю его, потому что безъ личнаго присмотра онъ давать дохода не можетъ.

— Вы пробудете въ Вяткѣ, ужъ конечно, не болѣе десяти мѣсяцевъ,—отвѣчалъ графъ, затѣмъ поклонился; аудіенція кончилась.

Когда я обратился, чтобъ идти, мнѣ пришло въ голову, что надо мнѣ заѣхать проститься съ отцомъ. Я воротился назадъ и сказалъ графу:

— Въ Рязанской губерніи живетъ старикъ мой отецъ. Могу-ли я заѣхать къ нему, чтобъ проститься.

— Можете! Леонтій Васильевичъ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Дубельту,—дайте подорожную г. Селиванову до Москвы и напишите графу Закревскому, чтобъ онъ выдалъ ему подорожную въ Вятку черезъ Рязань.

Я поклонился и вышелъ. Дубельтъ вышелъ со мною вмѣстѣ. На верху, на лѣстницѣ, ждала меня моя жена. Это ангельское созданіе бросилось ко мнѣ на шею, обливаясь слезами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежели обошлись со мною такъ хорошо, то бóльшею частію, независимо отъ донесенія генерала Куцинскаго, обязанъ я ей. Она пріѣхала въ Петербургъ вслѣдъ за мною; не смотря на свой робкій и застѣнчивый характеръ, не задумалась броситься къ Дубельту. Тамъ она встрѣтила, кажется, его родственника (Ѳ. Ѳ. К—а), который принялъ въ ней участіе. Этотъ благородный, въ высшемъ значеніи этого слова, человѣкъ былъ тѣмъ благодѣтелемъ, который, вѣроятно, просмотрѣвъ мое дѣло, нашелъ, что все взведенное на меня есть явная и безсовѣстная клевета, и ходатайствовалъ за меня у Ду-

бельта; а ходатайствовать у Дубельта за кого нибудь, при его, можно сказать (кажется, не ошибаясь), свирѣпости, была вещь не легкая, пожалуй, даже опасная. К—ъ научилъ мою жену, куда и какъ она должна придти, чтобъ просить Дубельта, что̀ говорить, и проч.... однимъ словомъ, онъ былъ тѣмъ Провидѣніемъ моей жены и моимъ, какими въ тяжелыя историческія минуты являются на помощь страждующимъ ангелы-утѣшители, чтобы спасать людей отъ карающей десницы, въ лицѣ такихъ людей, какъ Дубельтъ, основывающихъ на несчастіи другихъ свое возвышеніе.

Я ничего не сказалъ о томъ господинѣ, который былъ вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ въ той залѣ, гдѣ мнѣ объявлено было рѣшеніе. То былъ полякъ, кажется, Сихтинскій.......

Когда Дубельтъ мнѣ объявилъ, что я свободенъ и могу ѣхать, и я хотѣлъ уходить, забравши свой чемоданъ, мнѣ сказали, что я долженъ зайти въ канцелярію для полученія подорожной и прогоновъ. Я зашелъ туда и мнѣ выдали подорожную до Москвы и прогоны до Вятки. Было уже темно, часовъ около пяти, когда мы съ женою вышли изъ 3-го отдѣленія. Я предложилъ женѣ заѣхать къ Куцинскому, чтобъ поблагодарить его за участіе, мнѣ оказанное дорогою, такъ какъ я былъ увѣренъ, что со мной поступили сравнительно легко, и, если можно, спросить его: за что меня забрали и держали подъ арестомъ, такъ какъ изъ вопросовъ, мнѣ задаваемыхъ, я не могъ понять въ чемъ я былъ обвиняемъ. Мы пріѣхали къ Куцинскому въ то время, когда онъ обѣдалъ. Когда ему доложили о моемъ пріѣздѣ, онъ выскочилъ изъ-за стола, бросился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что?! что?!

— Въ Вятку!—сказалъ я.

— Ну, слава Богу!—отвѣчалъ онъ, обнимая меня, при чемъ я чувствовалъ, что нѣсколько слезинокъ упало мнѣ на лицо. Онъ, жандармскій генералъ, плакалъ, что человѣка, ему почти незнакомаго, послали только въ Вятку.

— Ну, слава Богу!—твердилъ онъ.—Благодарите Бога, что кончилось такъ счастливо. Былъ разговоръ отправить васъ въ Пермь, а, можетъ быть, что нибудь и хуже.

— Но скажите, в. п—во, въ чемъ меня обвиняютъ?—спросилъ я,—чтобъ по крайней мѣрѣ я зналъ свою вину и могъ остеречься отъ нея въ будущемъ.

— Не могу вамъ сказать этого, скажу только, что васъ обвиняли въ страшномъ преступленіи. Вѣроятно, вы это узнаете въ Вяткѣ отъ губернатора, когда будетъ туда прислана бумага.

Какъ только умѣлъ, я сталъ благодарить его, и разговоръ нашъ

кончился тѣмъ, что мы всѣ трое расплакались, какъ дѣти, при чемъ Куцинскій все твердилъ:

— Ну, слава Богу, слава Богу, что такъ счастливо кончилось!

Совершенно неожиданно для меня, Закревскій встрѣтилъ меня не такъ, какъ я могъ ожидать. Онъ съ заботливостью разспросилъ меня, куда я назначенъ. Тотчасъ велѣлъ мнѣ выдать подорожную черезъ Рязань, пожелалъ узнать сколько времени мнѣ надо пробыть въ Москвѣ для устройства моихъ дѣлъ, и когда я попросилъ три дня для совершенія купчей, онъ прибавилъ мнѣ еще четвертый, «на всякій случай», какъ онъ выразился,—однимъ словомъ, обошелся со мною по человѣчески. Уже впослѣдствіи, когда я воротился изъ Вятки, почтмейстеръ города Саранска Петровъ, имѣвшій привычку поздравлять съ пріѣздомъ всѣхъ проѣзжающихъ черезъ Саранскъ, если они были въ чинѣ генерала, гражданскаго или военнаго, разсказывалъ мнѣ, что когда Куцинскій пріѣхалъ въ Саранскъ, и онъ побѣжалъ къ нему въ гостинницу, чтобъ, по обыкновенію, поздравить его съ пріѣздомъ, лакей не пустилъ его тотчасъ, и онъ черезъ дверь слышалъ, какъ Куцинскій съ крикомъ требовалъ отъ исправника письменнаго донесенія его губернатору обо мнѣ, и исправникъ, выскочившій отъ него какъ угорѣлый, съ пламенѣющимъ лицомъ и дрожью во всемъ тѣлѣ, отвѣчалъ робко, что доносъ присланъ ему изъ Пензы совсѣмъ готовый и онъ только подписалъ его и отправилъ къ губернатору.

Значитъ, я П*** былъ обязанъ своею невольною поѣздкой въ Петербургъ, арестомъ въ 3-мъ отдѣленіи и ссылкою въ Вятку. Онъ сдержалъ свое слово; онъ не затруднился прибѣгнуть къ клеветѣ, чтобъ удалить меня отъ предводительства, и, чтобъ клевета имѣла видъ правдоподобности, онъ замѣшалъ меня въ семейное дѣло Тучкова съ О—ымъ и Сатинымъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю прибавить, что тотъ-же самый П***, доносъ котораго подвергалъ меня преслѣдованію за такое дѣяніе, за которое, по выраженію жандармскаго генерала — меня повѣсить мало, далъ мнѣ не задолго передъ этимъ такой аттестатъ. какой можно дать только человѣку самой безукоризненной нравственности, и что онъ всячески уговаривалъ меня остаться на службѣ. когда я подалъ въ отставку. Вотъ аттестатъ П***:

«Титулярный совѣтникъ Илья Васильевъ сынъ Селивановъ былъ избранъ дворянствомъ Саранскаго уѣзда въ должность судьи тамошняго уѣзднаго суда 2-го января 1840 года, службу свою въ сей должности продолжалъ съ отличнымъ усердіемъ, ревностью и совершеннымъ безпристрастіемъ, и, оправдывая тѣмъ довѣренность дворянства, обращалъ на себя особенное вниманіе начальства. Какъ теперь г. Селивановъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, должность

уѣзднаго судьи оставляетъ, то я считаю обязанностію о всемъ вышеписанномъ симъ свидѣтельствовать. Дано за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати. П***».

А вотъ и другой аттестатъ, данный мнѣ П***мъ уже въ качествѣ предсѣдателя губернскаго правленія:

«Данъ сей изъ Пензенскаго губернскаго правленія служившему уѣзднымъ судьею И. В. Селиванову въ томъ, что онъ, во все время служенія своего въ настоящей должности, по день увольненія отъ службы, исполнялъ свою обязанность съ отличною дѣятельностію и усердіемъ, соединеннымъ съ примѣрною нравственностію, что симъ Пензенское губернское правленіе и свидѣтельствуетъ. Гражданскій губернаторъ П***, вице-губернаторъ О—въ, совѣтникъ А—въ».

Что гнусный доносъ, по которому меня «повѣсить было мало», былъ недостойною клеветой—это лучше всего доказывалось тѣмъ, что третье отдѣленіе не нашло въ моей жизни никакого преступнаго дѣянія, а обвиняло меня въ превратномъ образѣ мыслей, выраженныхъ въ литературныхъ сочиненіяхъ и частной перепискѣ. Литературное сочиненіе была повѣсть, о которой меня заставили признаться, чтобъ не разсердить Леонтія Васильевича, что она написана съ преступною цѣлью, тогда какъ, напротивъ, она была написана съ цѣлью самою честною и благородною;—а частная переписка было письмо къ К. Д. Кавелину, въ которомъ я, жалуясь на положеніе помѣщика при крѣпостномъ трудѣ, когда голодающимъ крестьянамъ своимъ, при уничтоженіи запашки и при неуплатѣ ими оброка, помочь нечѣмъ,—говорилъ, что несравненно лучше быть чиновникомъ и служить 10 часовъ въ сутки, нежели быть помѣщикомъ.

Можетъ быть, многіе скажутъ: зачѣмъ же сознавался въ томъ, чего написано не было въ моей повѣсти—и упрекнутъ меня въ недостаткѣ характера. Пусть эти господа поставятъ себя на мое мѣсто и вспомнятъ какой страхъ внушало тогда третье отдѣленіе; пусть вспомнятъ, что жандармскій генералъ, выказавшій столько участія къ моей судьбѣ, говорилъ, что Михаилъ Максимовичъ Поповъ, у котораго будетъ мое дѣло—святой человѣкъ, и что этотъ Поповъ совѣтовалъ мнѣ не разсердить Леонтія Васильевича, отъ котораго безусловно зависѣла моя участь; пусть вспомнятъ ходившіе тогда слухи, что Дубельтъ выдумываетъ заговоры, чтобъ пугать постоянно правительство и этимъ доказывать свою необходимость....

Изъ всего сказаннаго ясно, что Дубельту надо было найти кого нибудь виноватымъ, чтобъ не сознаться въ своей неосмотрительности—затѣявши дѣло, въ которомъ ничего не оказалось, а между тѣмъ стоившее государству нѣсколько тысячъ на разъѣзды генерала и капитана жандармскихъ и привозъ всѣхъ въ Петербургъ и обратно.

Теперь ясно, что доносъ былъ изобрѣтенъ П***мъ, какъ средство. чтобъ не допустить меня къ занятію мѣста предводителя. Это доказывается словами его, сказанными, кажется, Макзигу: «довольно съ меня одного Тучкова» (Инсарскаго уѣзда предводитель): онъ боялся, чтобъ я не сдѣлалъ извѣстными всѣ его продѣлки.

Въ январѣ 1859 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о ревизіи въ Пензенской губерніи и назначенъ былъ для этого сенаторъ Сафоновъ. Продолжалась она до сентября того года. Отчетъ сенатора-ревизора былъ внесенъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Въ продолженіе 1859-го и въ началѣ 1860-го годовъ послѣдовали отъ сенатора отдѣльные рапорты въ 1-й департаментъ правительствоннаго сената—и одно дѣло, по вопросу о преданіи членовъ губернскаго правленія суду, доходило до государственнаго совѣта. Послѣдствіемъ этой ревизіи было то, что П***въ былъ удаленъ отъ должности и распубликованъ.

И. В. Селивановъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

VIII [1]).

Столкновеніе Пушкина съ кн. Н. Г. Репнинымъ.—Размолвка и примиреніе съ гр. В. А. Соллогубомъ.—Программа журнала.—«Современникъ», изд. 1836 г.—Кончина матери.—Предчувствіе.—д'Антесъ.—Пасквили.—Вызовъ.—На балѣ.—д'Аршіакъ.—Взятіе вызова обратно.—Помолвка д'Антеса съ К. Н. Гончаровой.—Письмо къ Гекерену.

1836 г.

Наступилъ 1836 годъ, въ теченіе котораго тайная злоба враговъ Пушкина изъ высшаго класса общества, подъ покровительствомъ и при дѣятельномъ участіи гр. Б—а и кн. Б—ой, достигла своей ужасной цѣли: характеръ Пушкина совершенно измѣнился и ревность, не дававшая ему ни минуты покоя, приняла еще бо́льшіе размѣры. Отъ природы недовѣрчивый, Пушкинъ сдѣлался подозрителенъ и болѣзненно раздражителенъ; въ каждомъ словѣ, сказанномъ ему неумышленно, онъ доискивался двусмысленности, дерзкаго намека, колкости; малѣйшая свѣтская любезность, оказанная кѣмъ-либо его женѣ, казалась ему волокитствомъ, искательствомъ; явное къ ней равнодушіе—оскорбительнымъ презрѣніемъ.

Самое начало 1836 года было ознаменовано въ жизни Пушкина двумя столкновеніями съ лицами изъ высшаго круга. О первомъ мы можемъ судить по находящимся въ нашихъ рукахъ документальнымъ даннымъ; о второмъ—по разсказу самого лица, которое совершенно неумышленно навлекло на себя гнѣвъ Пушкина.

Въ исходѣ января, до Пушкина, чрезъ нѣкоего Боголюбова, дошли слухи, будто князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, находясь въ домѣ у Сергѣя Семеновича Уварова [2]), неблагосклонно отзы-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXV, стр. 371—388; 671—690; т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 129—148; т. XXVIII, стр. 69—104.

[2]) Уваровъ крайне враждебно относился тогда къ Пушкину, за его стихотвореніе, напечатанное въ сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 г.: «На выздоровленіе Лукулла». П. Е.

вался о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ. Не взявъ на себя труда провѣрить этотъ слухъ, Александръ Сергѣевичъ, въ пылу негодованія, написалъ князю Репнину слѣдующее:

5 Fevrier 1836.

Mon Prince. C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner Votre Excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respêct et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi et cela comme venant de vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vous; mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le réprésentant de notre ancienne et véritable Noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette demarche. Je suis avec respect de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

(Переводъ). Князь! Съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ обратиться къ вашему сіятельству; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности.

Однако-же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительные обо мнѣ отзывы, будто бы произнесенные вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, что вы поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

Черезъ четыре дня Пушкинъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

9-го февраля.

Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! Письмо ваше отъ 5-го февраля, вчерась только мною полученное, крайне меня удивило, ибо оно доказываетъ, что вы повѣрили разсказамъ на мой счетъ, не

смотря на ту расположенность ко мнѣ, которой вы меня въ се письмѣ почтили.

Г-на Боголюбова я только иногда встрѣчаю у С. С. Уварова никакихъ съ нимъ особенныхъ сношеній не имѣю, слѣдственно н чего на счетъ вашъ ни ему, ни при немъ кому либо не говорил вамъ-же самому, милостивый государь, скажу, что я искренно ж лаю, дабы вы геніальный талантъ вашъ употребляли на пользу славу отечества и не въ оскорбленіе частныхъ людей.

Простите мнѣ сію правду безъ лести; она послужитъ вѣрнѣйши доказательствомъ тѣхъ чувствъ искренняго и отличнѣйшаго почтені съ коимъ имѣю честь быть (безъ подписи) [1]).

Спокойный, благоразумный тонъ письма князя Н. Г. Репни охладилъ запальчивость Пушкина, что́ видно изъ его отвѣта:

11-го февраля 1836.

Милостивый государь, князь Николай Григорьевичъ! Принош вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства косатель сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно спр ведливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ мину огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращенна ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есм милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Ал ксандръ Пушкинъ [2]).

Почти одновременно съ эпизодомъ объясненій поэта съ князе Репнинымъ, произошло столкновеніе Пушкина съ графомъ В. А. Со логубомъ. Неточность хронологическихъ указаній въ данномъ случ крайне затруднительна для біографа. По словамъ П. В. Анненков съ 26-го февраля по конецъ мая 1836 года Пушкинъ былъ кома дированъ въ Москву для занятій въ Московскомъ Главномъ архив

---

[1]) Подлинникъ (черновой отпускъ) писанъ на чистой половинѣ листа пе ваго письма Пушкина, сначала, по видимому, карандашомъ, по которо послѣ обведено чернилами.

[2]) Подлинники этихъ трехъ писемъ сообщены редакціи Павломъ Дмитр вичемъ Хрущовымъ (Харьковской губерніи и уѣзда, с. Каршаево). сообщенію дочери кн. Репнина переписка была первоначально напечата въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г., № 10. П. Е.

между тѣмъ, въ примѣчаніи къ его письмамъ 1836 г., напечатаннымъ въ «Вѣстникѣ Европы» (мартъ 1878 г., стр. 33), сказано, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга «въ концѣ апрѣля»—первое его письмо къ женѣ изъ Москвы писано 4-го мая [1]). Между тѣмъ, изъ другихъ писемъ Александра Сергѣевича видно, что съ 26-го февраля по конецъ марта онъ первый разъ былъ командированъ въ Москву; въ первыхъ числахъ апрѣля сопровождалъ въ Святогорскій монастырь тѣло умершей матери своей, Надежды Осиповны, и изъ Псковской губерніи въ первыхъ числахъ мая снова былъ въ Москвѣ. Очевидно. что размолвка Пушкина съ графомъ В. А. Соллогубомъ относится къ первымъ числамъ февраля 1836 года. Вотъ что разсказываетъ о ней графъ Соллогубъ.

«Я рѣшился на время оставить Петербургъ и просилъ какой нибудь командировки по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ числился по департаменту духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ Ф. Ф. Вигель. Командировку мнѣ дали: я былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной коммисіи, отправляемой въ Ржевъ, Тверской губерніи, по случаю совершеннаго тамъ раскольниками святотатства. Предсѣдателемъ коммисіи былъ назначенъ только что вернувшійся тогда изъ Іерусалима Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ.—Слѣдствіе продолжалось долго и было ведено исправно. Оно ознаменовалось разными любопытными эпизодами... Самымъ-же замѣчательнымъ для меня было полученное отъ Андрея Карамзина [2]) письмо, въ

[1]) Вообще хронологическія указанія въ «изслѣдованіяхъ» г. Анненкова и его изданіи сочиненій Пушкина крайне небрежны и запутаны. Не останавливаясь на томъ, что, говоря о произведеніяхъ Пушкина, П. В. Анненковъ перескакиваетъ къ стихотвореніямъ, раздѣленнымъ между собою цѣлыми десятилѣтіями, онъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ Пушкина «вычиталъ» разныя указанія, напр. окончаніе «Мѣднаго Всадника» 31-го октября и 31-го ноября 1833 г. (т. I, стр. 373, и т. III, стр. 552); 1-я сцена въ «Русалкѣ» 12 и 27 апрѣля (т. I, стр. 362, и т. IV, стр. 465); «Клеветникамъ Россіи» 5 и 2 августа (т. I, стр. 318, и т. III, стр. 19); «Разставаніе» 5 и 8 октября (т. I, стр. 307, и т. II, стр. 539): посвященіе «Полтавы» 27-го и 29-го октября (т. I, стр. 212, и т. III, стр. 517); «Критонъ» 14 іюня въ Арзерумѣ, а взятіе Арзерума 27 іюня (т. I, стр. 217 и 222); письмо Толстому 1822 и 1823 г. (т. I, стр. 186; и т. VII, стр. 185): «Три ключа» 27 іюля и 18 іюня 1827 г. (т. I, стр. 175, и т. II, стр. 440): «Когда за городомъ» 14 марта и 14 августа 1836 г. (т. I, стр. 422, и т. VII, стр. 38) и многія другія. Странно поэтому, что г. Анненковъ обидѣлся (печатно) на замѣчаніе г. Бартенева, что «бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія», тогда какъ выписанныя нами неточности далеко не исчерпываютъ всѣхъ противорѣчій, внесенныхъ г. Анненковымъ въ его изданіе. П. Е.

[2]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 193—216 Онъ былъ убитъ 16-го мая 1854 года, при рекогносцировкѣ у Слатина.

которомъ онъ меня спрашивалъ: зачѣмъ-же я не отвѣчаю на вызовъ А. С. Пушкина? Карамзинъ поручился ему за меня, какъ за своего дерптскаго товарища, что я отъ поединка не откажусь.

«Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ; смотрѣлъ на него какъ на полу-бога.... и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видѣлся вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ-то обидѣлся, о чемъ-то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я переѣхалъ жить въ Тверь.... Съ Карамзинымъ я списался и узналъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Натальею Николаевною Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ: «давно-ли она замужемъ?» Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню: что я, будто, оттого говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было), и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины, по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ и сказалъ С. А. Соболевскому: «немножко длинно, молодо; а впрочемъ хорошо!» Въ то же время онъ написалъ мнѣ по французски письмо слѣдующаго содержанія: «М. Г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать у васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца нынѣшняго мѣсяца», и проч. Оригиналъ этого письма долго у

меня хранился, но потомъ кѣмъ-то у меня взятъ, едва-ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего, я сталъ готовиться къ поединку: купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться—и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца [1]). Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но разспрашивалъ про дорогу, на что одинъ мой тогдашній пріятель (нынѣ государственный сановникъ), навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери дорога хорошая. Вѣроятно, гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ; вѣроятно, онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины «во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы». Наконецъ, отъ того же пріятеля узналъ я, что въ Петербургѣ явился (?) новый французъ-роялистъ Дантесъ, сильно уже надоѣдавшій Пушкину [2]). Съ другой стороны, онъ, по особому щегольству его привычекъ, (?!) не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла имъ затѣяннаго. Весной, я получилъ отъ моего министра, графа Блудова, предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій.

---

[1]) Не сомнѣваясь въ правдивости разсказа графа Соллогуба, позволимъ себѣ, однако, замѣтить хронологическую неточность. Почтенный разскащикъ не выясняетъ—въ началѣ 1836, или въ декабрѣ 1835 онъ былъ на балу и говорилъ съ Н. Н. Пушкиной? Если въ январѣ 1836 года, то когда же могъ быть посланъ вызовъ Пушкина, ждавшаго отвѣта?

[2]) Въ выноскѣ, графъ Соллогубъ говоритъ, что Дантесъ прибылъ въ Россію около 1833 года (въ брошюрѣ Амосова, изд. 1863 года, стр. 5, показанъ 1834 годъ). Зачѣмъ-же тогда сказано явился и прибавлено «сильно надоѣдавшій Пушкину»? Нелѣпая молва объ ухаживаніи Дантеса за Пушкиной разнеслась въ большомъ свѣтѣ послѣ двухъ или трехъ баловъ на Минеральныхъ водахъ, лѣтомъ 1836 года (брошюра Амосова, стр. 8), и лишь съ этого времени въ сердце Пушкина заронилась первая искра его ненависти къ барону Гекерену и д'Антесу; безыменныя письма довершили остальное. Съ другой стороны, въ брошюрѣ Амосова слишкомъ короткимъ кажется промежутокъ времени, въ который успѣла созрѣть до ея ужасныхъ размѣровъ ненависть Пушкина. Самая-же разительная хронологическая несообразность — женитьба д'Антеса на Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой—зимой 1835 года (Амосовъ, стр. 11). Но свадьбы бываютъ лишь до 14-го ноября и снова разрѣшаются съ 7-го января слѣдующаго года. Въ какомъ же именно мѣсяцѣ: въ ноябрѣ 1836 или въ январѣ 1837 года была свадьба д'Антеса?

Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся, и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ я разъѣхался. Первой моей мыслію было, что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотчасъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ, и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостиную и приказалъ разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный, и началъ чистить необыкновенно-длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ? Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери; что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться, и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

«Затѣмъ разговоръ нѣсколько оживился и мы начали говорить о начатомъ имъ изданіи «Современника».—«Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ,—сказалъ Пушкинъ.—Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо». Тутъ онъ разсмѣялся и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Воиновичъ явился, въ свою очередь, заспанный, съ взъерошенными волосами, и, глядя на мирный ликъ его, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ-бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Воиновичъ тотчасъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ, впрочемъ, себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я, съ своей стороны, объявилъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ-то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ, мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился; написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ и тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно ласковъ и дружелюбенъ.

Этому прошло 30 лѣтъ [1]): многое, конечно, я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ, впослѣдствіи, моихъ сношеній съ Пушкинымъ, и, кромѣ того, выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ и условіямъ.

«Моя исторія съ Пушкинымъ (заключаетъ графъ В. А. Соллогубъ разсказываемый имъ эпизодъ) можетъ быть немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Она служитъ прологомъ къ кровавой драмѣ его кончины; она объясняетъ, какъ разливались въ немъ чувства тревоги, томленія, досады и безсилія противъ удушливой свѣтской сферы, которой онъ подчинялся. И тутъ, какъ и послѣ, жена его была только невиннымъ предлогомъ, а не причиной его взрывочнаго возмущенія противъ судьбы. И не смотря на то, онъ дорожилъ своимъ великосвѣтскимъ положеніемъ. «Il n'y a qu'une seule bonne société,—говаривалъ онъ мнѣ потомъ,—c'est la bonne» [2]). Письмо же мое Пушкинъ, кажется, изорвалъ, такъ какъ оно никогда не дошло по своему адресу. Тотчасъ же послѣ нашего объясненія я уѣхалъ въ Витебскъ».

По поводу «Современника», о которомъ Пушкинъ говорилъ съ графомъ Соллогубомъ, замѣтимъ, что его изданіемъ нашъ великій поэтъ осуществилъ свою давнюю, завѣтную мечту—быть редакторомъ періодическаго литературнаго обозрѣнія, замѣняющаго альманахи, исчезновенію которыхъ, дѣйствительно, не мало содѣйствовало появленіе «Современника» [3]). Первый томъ журнала, вышедшій въ апрѣлѣ 1836 года, возбудилъ много толковъ въ читающей публикѣ: большинство, подъ обаяніемъ имени издателя, восхищалось безусловно каждою статьею; меньшинство, состоявшее, однако, изъ людей образованныхъ, знакомыхъ съ иностранными révues, отзывалось о «Современ-

---

[1]) Воспоминанія писаны въ 1866 году.

[2]) «Только одно общество и хорошо: хорошее общество».

[3]) Кстати выписываемъ изъ газеты «День» 1862 г., № 2, программу журнала, набросанную Пушкинымъ еще около 1832 года: «Что есть журналъ европейской.—Что есть журналъ русской.—Нынѣшніе русскіе журналы.—Каковъ можетъ быть русской журналъ.—Часть политическая.—Внѣшняя политика.—Происшествія.—Политическая полемика.—Предварительное изъявленіе мнѣній правительства.—Внутреннія происшествія; Указы.—О мѣрахъ правительства.—3. матеріалы отъ правительства.—Корреспонденція.—Литература.—Внѣшняя литература.—Лучшія статьи изъ журналовъ.—Критика иностранныхъ книгъ.—Внутренняя: Историческіе матеріалы.—Текучая литература.—Feuilleton.—Théatre.—Библіографія.—Объявленія.—Пособіе: повелѣніе министровъ.—Журналъ мой предлагаю правительству, какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.—Офиціальность». П. Е.

никѣ» далеко не сочувственно. Расчетъ геніальнаго поэта, не обладавшаго талантами смѣтливаго издателя, оказался ошибоченъ: вмѣсто чаемыхъ выгодъ, онъ въ первый (и послѣдній) годъ изданія понесъ значительные убытки.

Такъ какъ первые четыре тома «Современника», изданные Пушкинымъ въ 1836 г., нынѣ составляютъ библіографическую рѣдкость, то мы полагаемъ нелишнимъ ознакомить читателей съ ихъ содержаніемъ.

«Современникъ». Литературный журналъ. издаваемый Александромъ Пушкинымъ. Первый томъ. С.-Петербургъ, въ Гуттенбергової типографіи. 1836 г. 320 стр. въ 8 д. л. (Разрѣшеніе цензора А. Крылова дано 31-го марта 1836).

Содержаніе: 1) Пиръ Петра Великаго (стр. 1—3). 2) Императрица Марія (стр. 4—13). 3) Ночной смотръ. (Подпись) Жуковскій (стр. 14—16). 4) Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года (стр. 17—84). 5) Собраніе сочиненій Георгія Кониcскаго, архіепископа бѣлорусскаго, изданное протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб. 1835 г. (стр. 85—110). 6) Скупой рыцарь. Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи The cavetous Knight (стр. 111—130). 7) О рифмѣ. (Подпись) Баронъ Розенъ (стр. 131—154). 8) Долина Ажитугай. За Кубанью 3-го іюля 1834 г. (Подпись) Султанъ Казы-Гирей (стр. 155—169) 9. Коляска. Повѣсть. (Подпись) Н. Гоголь (стр. 170—190). 10) Изъ А. Шенье: «Покровъ, упитанный язвительною кровью» (стр. 171). 11) О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году (стр. 192—225). 12) Роза и Кипарисъ. Графинѣ М. А. Потоцкой. (Подпись) К. Вяземскій (стр. 226). 13) Утро дѣловаго человѣка. Петербургскія сцены (стр. 226—241). 14) Разборъ Парижскаго математическаго ежегодника на 1836 годъ Annuaire du Bureau des longuitudes présenté au Roi) (стр.242—257). (Подпись) Князь Козловскій. 15) Парижъ. Хроника русскаго (стр. 258—295). 16) Новыя книги (стр. 296—319).

— Второй томъ (317 стр. въ 8 д. л. Разрѣшеніе того-же цензора отъ 30-го іюня 1836 года).

Содержаніе: 1) Россійская Академія (стр. 1—13). 2) Французская Академія (стр. 14—52). 3) Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ (стр. 53—132). 4) Персидскій анекдотъ (стр. 133—139). (Подпись) Султанъ Казы-Гирей. 5) Предисловіе къ «Битвѣ при Тиверіадѣ (стр. 140—154). Отрывки изъ «Битвы при Тиверіадѣ» (стр. 155—179). 6) Миѳологія вотяковъ и черемисъ (стр. 180—188). (Подпись) А. Еличеевъ. 7) Урожай. Стихотвореніе. (Подпись) А. Кольцовъ (стр. 189—193). 8) Іоаннъ III и Аристотель. Отрывокъ изъ трагедіи: «Дочь Іоанна III». (Подпись) Баронъ Розенъ (стр. 194—205). 9) О враждѣ къ просвѣщенію, замѣченной въ новѣйшей литературѣ. (Подпись) С. Ѳ. (стр. 206—217). 10) Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи, составленное В. Г. Спб. 1833 года. (Подпись) В. Золотницкій (стр. 218—228). 11) Драматическая сказка объ Иванѣ-Царевичѣ, Жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ. Отрывокъ. (Подпись) Н. Языковъ (стр. 229—246). 12) Наполеонъ и Юлій-Цесарь. — (Précis des guerres de Jules-Cesar par l'Empereur Napoléon ecrit à l'île S-te Hélène sous la dictée de l'Empereur par M. Marchand, suivi de plusieus

fragments inédits et authentiques. Paris. 1836. (Подпись) В. (стр. 247—266). 13) Новая поэма Э. Кине. (Napoléon, poème par Edgar Quinet. Paris. 1836). (Подпись) В (стр. 267—284). 14) Ревизоръ. Комедія Н. Гоголя. 1836 г. (Подпись) В. (стр. 285—309). 15) Увѣдомленіе И. И. Дмитріева. Москва 21-го апрѣля 1836 года. Москва (стр. 310). 16) Отъ редакціи (стр. 311—312). 17) Новыя русскія книги (стр. 312—317).

Третій томъ (332 стр. въ 8 д. л. Разрѣшеніе цензора отъ .... сентября 1836 года).

Содержаніе: 1) Стихотворенія (I—XV), присланныя изъ Германіи. (Подпись) Ѳ. Т. (стр. 1—22). 2) О надеждѣ. (Подпись) Князь Козловскій (стр. 23—47). 3) Какъ пишутся у насъ романы. (Подпись) С. Ѳ. (стр. 48—51). 4) Челобитная (стихотвореніе). (Подпись) Денисъ Давыдовъ (стр. 52—53). 5) Ночь, повѣсть (стр. 54—90). 6) «Kennst Du das Land» (стихотвореніе). (Подпись) К. В. (стр. 91—93). 7). Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной,—читанное 18-го января 1836 года въ Императорской россійской академіи (стр. 94—106). 8) Отвѣтъ: «Не говори, красавица for ever» (стр. 107—108). 9) Объ Исторіи Пугачевскаго бунта. Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года. (Подпись) А. П. (стр. 109—134). 10) Эпиграммы и проч. (стр. 135—137). 11) О партизанской войнѣ. (Подпись) Денисъ Давыдовъ (стр. 138—151). 12) Родословіе моего героя (Езерскій) (стр. 152—157). 13) Вольтеръ. Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses (стр. 158—169). 14) Ѳракійскія элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова. 1836 года (стр. 170—186). 15) Анекдоты (стр. 187—191). 16) Полководецъ (стихотвореніе) (стр. 192—194). 17) Подражаніе испанскимъ сегедильямъ (стр. 195—196). 18) Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. 1811 годъ (по поводу романа: «Рославлевъ»). (Подпись) Съ французскаго (стр. 197—203). 19) Сапожникъ (стихотвореніе) (стр. 204). 20) Джонъ Теннеръ (Подпись) The Reviewer (стр. 205—256). 21) 3-го іюля 1836 года (стихотвореніе). (Подпись) Семенъ Стромиловъ (стр. 257—259). 22) Прогулка по Москвѣ. (Подпись) Пѣшеходъ (стр. 260—265). 23) Государственная внѣшняя торговля въ 1835 году. (sic) Въ разныхъ ея видахъ (стр. 166—306). 24) Новыя книги: Объ обязанностяхъ человѣка, Сильвіо Пеллико. Словарь о святыхъ. Новый романъ (замѣтка) (стр. 307—320). 25) Письмо къ издателю. (Подпись) А. Б. (стр. 321—329). 26) Отъ редакціи (стр. 330—332).

Томъ четвертый (307 стр. въ 8-ю д. л. Разрѣшеніе цензора отъ 11-го ноября 1836 года).

Содержаніе: 1) Занятіе Дрездена, 1813 года 10-го марта. Изъ дневника партизана Дениса Давыдова (стр. 5—31). 2) Стихотворенія, присланныя изъ Германіи (XVI—XXIII) (стр. 32—41). 3) Капитанская дочка. (Подпись) 19-го октября 1836 года. Издатель (стр. 42—215). 4) Къ князю П. А. Вяземскому (стихотвореніе). (Подпись) С. Баратынскій (стр. 216—218). 5) Вечеръ въ Царскомъ Селѣ (стр. 219—231). 6) Молитва объ Ольгѣ Прекрасной (стр. 231—233). 7) Парижъ. Хроника русскаго (стр. 234—266). 8) Прогулка за Балканомъ. Отрывокъ изъ невѣроподобнаго разсказа чичероне дель К... О... (стр. 267—289). 9) Предназначеніе. Уралъ и Кавказъ. Подражаніе Саади стихотвореніе). (Подпись) Л. Якубовичъ (стр. 290—294). 10) Объясненіе (о

стихотворенія «Полководецъ»). (Подпись) А. Пушкинъ (стр. 295—298). 11) Отъ редакціи (объ изданіи князя Вяземскаго: «Старина и Новизна») (стр. 297—300). 12) Новыя книги (стр. 301—307).

По странной причудѣ судьбы, появленіе каждаго изъ четырехъ томовъ «Современника» совпадало съ самыми непріятными и печальными событіями въ жизни его издателя. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ—когда Пушкинъ хоронилъ мать; второй—когда въ большомъ свѣтѣ разнеслась первая молва объ ухаживаніи д'Антеса-Гекерена за Натальею Николаевною; третій—во время разрыва Пушкина со своимъ обидчикомъ; четвертый—когда ядовитые пасквили и безыменныя письма—произведенія донынѣ неизвѣстныхъ великосвѣтскихъ негодяевъ [1])—окончательно нарушили покой незабвеннаго поэта и успѣшно натолкнули его на то пространство въ двадцать шаговъ длиною, гдѣ его ожидала пуля противника.

Смерть матери произвела на Пушкина глубокое впечатлѣніе. Мысль о смерти, въ послѣдніе годы такъ часто посѣщавшая поэта, съ этого времени неотвязчивѣе стала его преслѣдовать. Бесѣдуя съ сестрою Ольгою Сергѣевной, пріѣхавшею изъ Варшавы по случаю кончины матери, Пушкинъ съ какимъ-то тайнымъ наслажденіемъ говорилъ о смерти, о тайнахъ жизни загробной, высказывая при этомъ предчувствіе о близости своего послѣдняго часа:

— Si vous saviez, ma chère soeur,—говорилъ онъ сестрѣ,—combien l'existence m'est a charge! J'espère qu'elle ne durera pas longtemps.... et je vous dirai mieux: je le sens [2]).

Помимо мрачныхъ предчувствій, тяготившихъ Пушкина, его вѣрованіе въ примѣты оправдалось въ его послѣднемъ письмѣ къ женѣ, изъ Москвы (18-го мая 1836 г.).—«Твои петербургскія новости ужасны,—говоритъ онъ.—То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію—а не смертной казни»... [3]).

---

[1]) Указывали на кн. П. В. Долгорукаго, кн. И. С. Гагарина и гр. N. N. (покойнаго). Первые двое съ негодованіемъ отреклись печатно отъ всякаго участія въ гнусномъ дѣлѣ. Указанія на послѣдняго не проникали въ печать по его положенію. П. Б.

[2]) «Если бы ты знала, милая сестра, какъ мое существованіе мнѣ тягостно; надѣюсь, оно не будетъ продолжительно... скажу тебѣ лучше: я это чувствую! «Разговоръ Пушкина съ Ольгою Сергѣевною сообщенъ редакціи «Русской Старины» Л. Н. Павлищевымъ (19-го января 1872 года).

[3]) Событіе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, надѣлало въ Петербургѣ много шуму, весною 1836 года. Кажется, Апрѣлевъ обольстилъ сестру Павлова; братъ требовалъ удовлетворенія или брака: обольститель уклонился отъ того и дру-

23-го мая, Пушкинъ съ своимъ семействомъ переѣхалъ на дачу, на Каменный островъ. Здѣсь образъ его жизни былъ все тотъ-же, труженическій; отдыхомъ ему были уединенныя прогулки. Нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ это время, проникнуты чувствомъ религіозной, тихой меланхоліи. Въ одинъ изъ осеннихъ уже дней (14-го августа) [1]) Пушкинъ посѣтилъ Новодеревенское кладбище и здѣсь его осѣнило вдохновеніе, подъ наитіемъ котораго онъ написалъ: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу»...

Сколько искренности, теплоты въ заключительныхъ строфахъ:

....Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ;
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ—
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя!....

Въ городъ Пушкины возвратились въ началѣ октября. 19-го числа бывшіе питомцы лицея, согласно принятому обыкновенію, праздновали день его основанія. Пушкинъ приготовлялъ къ этому дню обычное стихотвореніе, но не успѣлъ его окончить. Явясь на праздникъ, онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ піесу, не вполнѣ доконченную; развернулъ листъ бумаги... все смолкло... онъ началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

И вдругъ слезы покатились изъ его глазъ; голосъ пересѣкся. Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на

гаго и посватался на какой-то дѣвицѣ хорошей фамиліи. Въ день свадьбы братъ подстерегъ его у подъѣзда (или на церковной паперти) и закололь кинжаломъ. Убійца былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ. Ходили слухи, будто, при обрядѣ лишенія дворянскаго достоинства, палачъ тяжко ранилъ преступника, ломая шпагу надъ его головой. И вотъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ женѣ—за восемь мѣсяцевъ до кончины—Пушкинъ пишетъ именно о дуэли и убійствѣ.

[1]) У г. Анненкова, какъ мы указали выше, это стихотвореніе показано написаннымъ и 14-го марта, и 14-го августа (т. I, стр. 422, и VII стр. 38). П. Е.

диванъ. Другой товарищъ прочиталъ за Пушкина его послѣднюю «Лицейскую годовщину».

Приступаемъ къ обзору событій послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ жизни Пушкина, руководствуясь исключительно разсказами лицъ къ нему близкихъ.

Лѣтомъ 1836 года, послѣ одного или двухъ баловъ на Минеральныхъ водахъ [1]), гдѣ были Пушкина и д'Антесъ, по городу разнеслись слухи объ ухаживаніи его за Натальей Николаевною. Когда толки дошли до Александра Сергѣевича, онъ пересталъ принимать д'Антеса и взаимныя ихъ отношенія стали холодны и натянуты. Графъ В. А. Соллогубъ, по возвращеніи, осенью, изъ своей командировки въ Витебскъ, сблизился съ Пушкинымъ. Тогда отношенія его къ д'Антесу были весьма недружелюбныя. «Однажды, на вечерѣ у кн. Вяземскаго (разсказываетъ гр. Соллогубъ), онъ вдругъ сказалъ, что д'Антесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Д'Антесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V. «Посмотрите на эти черты,—воскликнулъ тотчасъ д'Антесъ,—похожи-ли онѣ на г. Пушкина?» Размѣнъ невѣжливостей остался однако-же безъ послѣдствій. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму и вдругъ зальется звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказывая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно было бы еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ».

Не принимая д'Антеса у себя въ домѣ, Пушкинъ и жена его встрѣчались однако-же съ нимъ и съ барономъ Гекереномъ въ домахъ общихъ знакомыхъ изъ круга столичной знати. Избѣгая разговоровъ съ д'Антесомъ, Наталья Николаевна говорила съ его нареченнымъ отцомъ, барономъ Гекереномъ, выбиравшимъ (какъ впослѣдствіи оказалось) предметомъ для своихъ разговоровъ съ молодою дамою своего д'Антеса; при чемъ онъ намекалъ ей на его чувства къ ней, на его страданія вслѣдствіе отказа отъ дому, и т. п. О положеніи семейныхъ дѣлъ Пушкина и его отношеніяхъ къ Гекерену и д'Антесу, въ ноябрѣ 1836 года, даетъ самое точное понятіе слѣдующій разсказъ графа Соллогуба:

— «Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября 1836 года [2]) она велѣла

---

[1]) Зданіе Минеральныхъ водъ (сгорѣвшее лѣтомъ 1876 года) въ то время было любимымъ мѣстомъ собраній избраннаго столичнаго общества. Въ 1847 году И. И. Излеръ превратилъ его въ гульбище, впослѣдствіи не пользовавшееся особенно лестною репутаціей.

[2]) Никакъ не ранѣе 4-го числа, одновременно съ полученіемъ Пушкинымъ безыменныхъ писемъ.

однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: «Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано, кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: Александру Сергѣевичу Пушкину. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ: что, слѣдовательно, уничтожать его я не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:

— «Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня-же отъ Елисаветы Михайловны Хитрово [1]): это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безыменнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитрово». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами».

Вотъ этотъ ругательный дипломъ, написанный безвѣстнымъ негодяемъ, который былъ присланъ Пушкину. Приводимъ настоящій документъ единственно потому, что значеніе его въ жизни великаго поэта роковое: онъ былъ толчкомъ къ катастрофѣ, которою прервалась драгоцѣнная для всей Россіи жизнь великаго поэта.

«Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus réunis au Grand-Chapitre, sous la présidence du vénérable Grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Nar.....n, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkin coadjuteur du Grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.

«Le secrétaire perpétuel C-te B...k.»

---

[1]) Елисавета Михайловна Хитрово, рожденная княжна Кутузова-Смоленская (скончалась въ маѣ 1839 г.), по первому мужу—графиня Тизенгаузенъ. Письма къ ней ея родителя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 и 1872 гг.). Когда петербургское общество, по поводу распри Пушкина съ Гекеренами, распалось на два лагеря, Елисавета Михайловна приняла сторону Пушкина и была его постоянною защитницею.—Есть указаніе, что къ ней (а не къ Олениной) относится стихотвореніе Пушкина «М. хвастунъ безстыдный» и пр. и что на нее же написана неизданная эпиграмма: «Лиза въ городѣ жила» и пр. (Срав. «Р. Архивъ» 1874 г., № 2, ст. 445, о Лизѣ гол.). П. Е.

Было прислано и второе анонимное письмо—дословное повтореніе предыдущаго. Оба письма имѣли одинаковый адресъ, написанный другою рукою, нежели былъ написанъ текстъ пасквилей: «Александру Сергѣевичу Пушкину».

«Въ сочиненіи гнуснаго пасквиля Пушкинъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ [1]). Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику д'Антесу, усыновленному, какъ извѣстно, Гекереномъ. Я продолжалъ затѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только—не дознался-ли онъ, кто сочинялъ подметныя письма? Точно такія же письма были получены всѣми членами Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. «S'il vous faut un troisième, ou un second,—сказалъ я ему,—disposez de moi» [2]). Эти слова сильно тронули Пушкина и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни.

«Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: «дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ свидѣтельство свѣтскаго человѣка (опять-таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія въ случаѣ надобности». Все это было говорено по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я, между тѣмъ, оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь:
Лишь Сенковскаго толкнешь....

---

[1]) Вѣроятно, княгиню Б—ю, о которой мы сказали выше. П. Е.

[2]) Если вамъ нуженъ третій или второй (секундантъ), располагайте мною! Непереводимый каламбуръ.

«Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Булгарина наступишь!

«Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій письма, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина; онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку [1]). Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ д'Антесъ-Гекеренъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ; запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ д'Антесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому д'Антесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ, молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись, но разошлись, не будучи знакомы. Д'Антеса я взялъ въ сторону, и спросилъ его, что̀ онъ за человѣкъ? «Я человѣкъ честный,—отвѣчалъ онъ—и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ какая лежала на мнѣ отвѣтственность предъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной,—я за Пушкина не боялся. Ни у одного русскаго на него бы рука не поднялась; но французу русской славы жалѣть было нечего.

«На другой день погода была страшная: снѣгъ, метель. Я по-

---

[1]) Виконтъ д'Аршіакъ пользовался особеннымъ расположеніемъ нашего высшаго круга, за свой умъ, любезность и вполнѣ свѣтское образованіе. Вскорѣ послѣ дуэли Пушкина онъ самъ погибъ отъ нечаяннаго выстрѣла на охотѣ.

ѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка—и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ; что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина д'Антесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерена, въ которой онъ просилъ, чтобы поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. д'Антесъ женится на его невѣсткѣ (свояченицѣ) К. Н. Гончаровой.

«Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ, и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отсрочки, причину ухаживанія д'Антеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина; одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безыменнаго негодяя, Пушкинъ обратился къ д'Антесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Натальей Николаевной, былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Ктò зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, чтò онъ въ то время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими, безпрерывными оскорбленіями. Я твердо убѣжденъ, что если бы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ [1]), онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ.

— «Вотъ положеніе дѣла,—сказалъ д'Аршіакъ.—Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ д'Антесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что д'Антесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ

[1]) С. А. Соболевскій уѣхалъ за границу въ августѣ 1836 года.

если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. д'Антесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что д'Антесъ женится и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе».

«Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узналъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я же имѣлъ порученіе вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого д'Антеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ д'Антесъ не участвовалъ, все предоставивъ своему секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ, по французски, къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію, я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21-го ноября въ 8 часовъ утра, на Парголовской дорогѣ, на десять шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. д'Антесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться», и т. д.

«Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21-го ноября, потому что 20-го было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавою сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея д'Антесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите». Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ везти на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечатывалъ, но, узнавъ мой почеркъ и очень встревоженный, выглядѣлъ (?!!) условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ, въ общемъ смыслѣ, слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. д'Антесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ

дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».—«Этого достаточно!» сказалъ д'Аршіакъ; отвѣта д'Антесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда д'Антесъ обратился ко мнѣ съ словами:

—«Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору; я надѣюсь, что мы будемъ видаться какъ братья».

«Поздравивъ съ своей стороны д'Антеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.

— «Съ моей стороны,—продолжалъ я,—я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ (?) какъ со знакомымъ»...

—«Напрасно!—воскликнулъ запальчиво Пушкинъ.—Никогда этого не будетъ! Между домомъ Пушкина и домомъ д'Антеса ничего общаго быть не можетъ»...

«Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.

—«Впрочемъ,—добавилъ онъ,—я призналъ и готовъ признать, что г. д'Антесъ дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ».

—«Больше мнѣ и не нужно!»—подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

«Вечеромъ, на балѣ С. В. Салтыкова, свадьба была объявлена; но Пушкинъ д'Антесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.

—«У него, кажется, грудь болитъ,—говорилъ онъ,—того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка [1]), у меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее»!

—«А вы проиграйте мнѣ всѣ ваши сочиненія».

—«Хорошо!» (онъ былъ въ это время какъ-то желчно-веселъ).

—«Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней [2]),—вы были болѣе секундантомъ д'Антеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ

---

[1]) Какимъ образомъ графъ Соллогубъ могъ быть на балу съ тросточкою?
[2]) Слѣдовательно, въ послѣднихъ числахъ ноября 1836 года.

заперъ дверь и сказалъ: «я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерену. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте».

«Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что̀ могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно и такъ какъ это была суббота (пріемный день князя Одоевскаго), то поѣхалъ къ князю Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что̀ слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней [1]) онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что онъ дѣло уладилъ и письмо послано не будетъ. Пушкинъ, точно, не отсылалъ письма, но берегъ его у себя на всякій случай».

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Опять таже неясная фраза: «черезъ нѣсколько дней». Предположимъ, что—черезъ недѣлю послѣ послѣдняго визита графа—выйдетъ, что это было въ первыхъ числахъ декабря 1836 года.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИСАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[род. 1788, ум. 1864 г.].

II [1]).

По поводу первой серіи разсказовъ, извлеченныхъ изъ этихъ Записокъ и помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 635—650, редакція долгомъ считаетъ оговорить, что они напечатаны ею безъ предварительнаго согласія сыновей покойной Елисаветы Николаевны. Это объясняется тѣмъ, что мы не знали мѣста ихъ жительства, да и не были вполнѣ увѣрены что тетрадки, изъ которыхъ сдѣланы нами выдержки, никѣмъ не подписанныя, дѣйствительно принадлежатъ этой достопамятной личности. Только по выходѣ мартовской книги въ свѣтъ мы имѣли удовольствіе познакомиться съ д. с. с. Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Львовымъ, бывшимъ конференцъ-секретаремъ Императорской академіи художествъ, талантливымъ архитекторомъ и художникомъ-пейзажистомъ, который подтвердилъ, что разсказы эти дѣйствительно принадлежатъ покойной его матери, что ея рукописныя тетрадки, совершенно помимо воли его и его брата и безъ ихъ вѣдома, вмѣстѣ съ библіотекой покойной ихъ сестры Р*, проданы однимъ лицомъ книжнымъ торговцамъ, и что затѣмъ на дальнѣйшее извлеченіе изъ нихъ историческихъ разсказовъ и анекдотовъ, которые Ѳедоръ Ѳедоровичъ весьма обязательно просмотрѣлъ въ корректурѣ,— онъ препятствія съ своей стороны не имѣетъ. Ред.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 635—650.

Императоръ Петръ I и кн. Яковъ Долгорукій.

Въ царствованіе Государя Петра, князь Долгорукій, будучи сенаторомъ, пріѣзжаетъ въ сенатъ, гдѣ было экстраординарное собраніе въ день праздничный, и ему показываютъ подписанный указъ Государемъ Императоромъ для наложенія особаго налога на соль, потому что Царю деньги были нужны. Князь Долгорукій, живо представя себѣ какъ будутъ роптать на указъ, не могъ воздержать перваго чувства, по любви его безпредѣльной къ Государю, взялъ указъ, разорвалъ его, сѣлъ въ свою повозку и поѣхалъ къ обѣднѣ. Пріѣзжаетъ Государь въ сенатъ и первую вещь видитъ разорванный свой указъ; чрезвычайно разсердившись, приказалъ послать въ церковь за Долгорукимъ; обѣдня еще не отошла и онъ царскимъ посланнымъ отвѣчалъ: «Воздадите Кесарю Кесареви и Богу Богови». Отвѣтъ сей еще болѣе разгнѣвалъ Царя и, увидя чрезъ нѣсколько минутъ, что Долгорукій подъѣзжаетъ къ сенату, царь Петръ съ обнаженною шпагой выбѣжалъ къ нему на встрѣчу. Князь упалъ предъ нимъ на колѣни и раскрылъ свою грудь.

— «Рази, Государь,—сказалъ онъ ему,—вотъ грудь моя! но выслушай меня прежде: тебѣ нужны деньги для продовольствія твоей арміи и для этого ты хотѣлъ наложить налогъ, что родило бы ропотъ на тебя; моя душа этого не вытерпѣла; и безъ налога продовольствіе арміи будетъ; у Шереметева сто тысячъ четвертей муки, у меня столько же, сотоварищи наши отдадутъ тебѣ чтò могутъ и больше тебѣ ничего не нужно».

Государь поднялъ Долгорукаго, разцѣловалъ его и неоднократно просилъ у него прощеніе.

Өедоръ Соймоновъ.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Биронъ былъ всемогущъ и всѣ его боялись. Өедоръ Ивановичъ Соймоновъ былъ тогда уже александровскій кавалеръ; ему приходятъ сказать въ одно утро: «не ѣзди въ сенатъ, потому что тамъ читать будутъ дѣло Бирона и ты пойдешь противъ».

— Поѣду,—отвѣчалъ Өедоръ Ивановичъ,—и буду говорить противъ: дѣло беззаконное.

— Тебя сошлютъ въ Сибирь.

— И тамъ люди живутъ,—отвѣчалъ Соймоновъ.

Поѣхалъ въ сенатъ, говорилъ противъ Бирона и отъ этого четыре раза былъ ударенъ кнутомъ на площади, лишенъ всего и сосланъ въ Сибирь. Императрица Елисавета Петровна, вошедъ на престолъ, поспѣшила Ѳедора Ивановича воротить и отдала ему всѣ почести и всю свою довѣренность.

Волковъ.

Во время царствованія Императрицы Екатерины, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (что нынѣ министерство) служилъ одинъ Волковъ (не помню какъ его звали), человѣкъ съ отличными способностями, съ пылкимъ умомъ и знаніемъ, но, будучи оставленъ здѣсь въ Петербургѣ одинъ на своей волѣ, какъ молодой человѣкъ, познакомился съ людьми дурными, сталъ пить, играть въ карты и, наконецъ, такъ запутался въ дѣлахъ своихъ и долгахъ, не зная чѣмъ жить и какъ ихъ уплатить, рѣшился на самое безчестное дѣло—выкрасть нужныя депеши и бѣжать въ чужіе края.

Графъ Панинъ, его начальникъ, узнавъ объ этомъ, пріѣзжаетъ и разсказываетъ это приключеніе. Императрица немедленно приказала послать въ догоню за Волковымъ и привести его прямо къ ней, что тотчасъ и сдѣлали. Волкова привели къ Императрицѣ въ кабинетъ.

— «Зачѣмъ ты не хотѣлъ еще продолжать служить со мною?»— спросила его Царица милостиво.

Удивленный Волковъ упалъ передъ нею на колѣни и весь въ слезахъ разсказалъ, какъ онъ былъ завлеченъ дурнымъ обществомъ и что не нашелъ онъ другаго средства освободиться отъ долговъ, какъ бѣжать въ чужіе края. Императрица обернулась къ графу Панину и сказала:

— «Заплатите всѣ его долги, а ты, Волковъ, продолжай служить какъ ты служилъ; во мнѣ всегда найдешь человѣка, готоваго тебѣ помочь».

Волковъ, пораженный милосердіемъ Императрицы, обливалъ слезами руку, которую она ему протянула, и остался навсегда вѣрнымъ слугою Царицы и отечества.

Примѣчаніе. Въ этомъ разсказѣ Е. Н. Львова спутала время и имена: дѣло идетъ о Дмитріѣ Васильевичѣ Волковѣ (1718—1785), и о случаѣ, бывшемъ съ нимъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; начальникомъ его былъ не Панинъ, а гр. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. См. о Волковѣ,— этомъ знаменитомъ составителѣ манифеста о вольности дворянства (1762 г.), весьма интересныя свѣдѣнія и матеріалы, сообщенные его правнукой С. А. Рудаковой, въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, стр. 163—174; томъ XI, стр. 479—496; изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 372, 575, 744. Ред.

Императрица Екатерина II.

Однажды Государыня Екатерина, будучи въ Царскомъ Селѣ, почувствовала себя нехорошо; пріѣхалъ Рожерсонъ, ея любимый докторъ, и нашелъ необходимымъ ей пустить кровь, что и сдѣлано было тотчасъ.

Въ это самое время докладываютъ Государынѣ, что пріѣхалъ изъ Петербурга графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, узнать о ея здоровьѣ.

Императрица приказала его принять.

Лишь только графъ Безбородко вошелъ, Императрица Екатерина смѣясь ему сказала:

— «Теперь все пойдетъ лучше: послѣднюю кровь нѣмецкую выпустила».

Императрица Екатерина, играя иногда въ карты съ графомъ Безбородко, Панинымъ и другими, поручала кому либо изъ нихъ сыскать ей человѣка на «такое-ли» или на «другое-ли мѣсто» и прибавляла:

— «Когда сыщешь, скажи мнѣ».

Проходило нѣсколько дней и графъ Безбородко пріѣзжалъ увѣдомить Императрицу, что человѣка онъ сыскалъ.

— «Пусть онъ ко мнѣ пріѣдетъ,—отвѣчала Императрица,—сегодня въ пять часовъ».

Въ назначенный часъ тотъ пріѣзжалъ, рѣшительно не зная зачѣмъ требовала его Царица, которая оставляла играть въ вистъ, подходила съ нимъ къ окошку и, въ отдаленности отъ всѣхъ стоючи, разговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ часъ или два, потомъ милостиво прощалась съ нимъ, садилась опять за карточный столъ, и иногда скажетъ:

— «Нѣтъ, Александръ Андреевичъ, твой товаръ не хорошъ; онъ вовсе на это мѣсто не годится; но можно его употребить, напримѣръ, въ банкъ».

И такъ Государыня была проницательна, что, казалось, она создала этого человѣка на это мѣсто; такъ узнавала она людей, поговоривши съ ними нѣсколько времени.

Вы знаете, что въ сочельникъ, канунъ Рождества Христова, простолюдины не ѣдятъ «до звѣзды», въ память той звѣзды, которую увидѣли волхвы на востокѣ, какъ родился Спаситель. Въ то время

уже многіе завидывали уму и положенію Суворова при дворѣ Императрицы Екатерины, которая была къ нему очень милостива и желала непремѣнно къ празднику пожаловать ему святаго Андрея Первозваннаго знаки, но завистники Суворова отклонить умѣли Царицу и она его симъ орденомъ не украсила, а Суворовъ уже увѣдомленъ былъ объ этомъ, и, какъ будто въ вознагражденіе, пригласила Суворова къ ней въ самий сочельникъ кушать. Сѣли за столъ; графъ ничего не кушалъ и салфетки не снималъ; Государыня, примѣтя это, спросила причину.

— «Звѣзды не вижу, ваше величество»,—отвѣчалъ Суворовъ.

Императрица усмѣхнулась, встала изъ-за стола, взяла свою Андреевскую звѣзду и положила Суворову на тарелку, сказавъ:

— «Ну, теперь кушать будешь, графъ».

Имѣя привычку очень рано вставать, Императрица Екатерина часто сама разводила огонь въ своемъ камелькѣ, не желая обезпокоить никого изъ ея прислужниковъ; у лампадки своей зажигала свѣчи и садилась работать въ тишинѣ; теперь еще мы восхищаемся читая, что она въ эти часы своею рукой оставила намъ написанное. Однажды, проснувшись, увидя, что лампадка ея погасла, она тихонько отворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату; часовой, стоявшій у дверей, не ожидая видѣть Царицу, а можетъ быть, и вздремнувъ на часахъ, отдалъ ей честь ружьемъ, но лишь ударилъ имъ объ полъ, ружье выстрѣлило и пуля ударилась въ потолокъ. Кажется, какъ бы въ эту минуту въ тишинѣ ночной не испугаться, услыша выстрѣлъ? Но Государыня не потеряла нисколько присутствія духа, твердо сказала только часовому:

— «Зачѣмъ у тебя ружье было не въ порядкѣ?»

Вотъ что разсказывалъ мнѣ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, котораго отецъ такъ близокъ былъ къ Императрицѣ Екатеринѣ: однажды въ большой праздникъ, за столомъ, одинъ изъ пажей, служа Императрицѣ, наступилъ на ея кружева и разорвалъ. Императрица сдѣлала маленькое движеніе въ досадѣ; пажъ такъ испугался, что тарелку супа пролилъ на ея платье. Она засмѣялась и сказала:

— «Vous m'avez puni de ma vivacité».

Хемницеръ, сочинитель первыхъ нашихъ басень русскихъ, которыя онъ поднесъ маменькѣ моей [1]), когда она еще была не заму-

[1]) Марьѣ Алексѣевнѣ Львовой, рожденной Дьяковой.

жемъ, былъ самый близкій знакомый и пріятель всему кругу моихъ родителей; его всѣ любили, почитали какъ добрѣйшаго человѣка; кротости былъ необыкновенной, но такъ разсѣянъ, что часто друзья его клали ему въ карманъ салфетку на мѣсто платка носоваго., останавливали его какъ вора, укравшаго ложку серебряную, и много подобныхъ дѣлали надъ нимъ шутокъ; онъ все съ великимъ терпѣніемъ выносилъ и кроткою улыбкой наказывалъ тѣхъ, которые поднимали его на-смѣхъ; вѣчно былъ въ кругу богатыхъ и значущихъ людей и вѣчно нуждался въ жизни; служилъ въ Смирнѣ консуломъ и уважаемъ былъ всѣми и, наконецъ, скончался въ крайней нуждѣ [1])

Н. А. Львовъ сдѣлалъ ему памятникъ съ этою надписью:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Государь Павелъ, будучи въ Москвѣ во время коронаціи, сказалъ однажды при Н. А. Львовѣ:

— «Какъ желалъ бы я имѣть хорошій планъ Москвы».

Черезъ нѣсколько времени Львовъ ему его подноситъ, гравированный отлично, со всѣми подробностями, кругленькій, въ ладонь величиной. Государь былъ въ восхищеніи; обнялъ своего «кума», вышелъ изъ кабинета и сказалъ тутъ стоящимъ:

— «Отгадайте, что̀ мнѣ Львовъ положилъ на ладонь?—Москву».

— «Что мудренаго, ваше величество,—сказалъ Н. А. Львовъ,—когда у васъ Россія подъ рукой!»

[Записано въ Январѣ 1855 г.].

Каскадъ въ Гатчинѣ.

Николай Александровичъ Львовъ, рожденный съ необыкновенными дарованіями, имѣлъ еще ко всему этому даръ употребить всякую ничтожную вещь въ пользу и въ украшеніе; поэтому вы можете судить, какъ онъ примѣчалъ все; однажды, гуляя съ Обольяниновымъ по Гатчинѣ, онъ замѣтилъ ключъ, изъ котораго вытекалъ ручеекъ самый прекрасный.

— Изъ этого,—сказалъ онъ Обольянинову,—можно сдѣлать прелесть, такъ природа тутъ хороша.

— А что,—отвѣчалъ Обольяниновъ,—берешься, Николай Александровичъ, сдѣлать что нибудь прекрасное?

---

[1]) О Хемницерѣ см. обширные и весьма интересные матеріалы къ его біографіи, а также его басни съ подлинныхъ автографовъ напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1872 г., изд. второе, томъ V, стр. 215, 585, 601.

— Берусь,—сказалъ Н. А. Львовъ.

— И такъ,—отвѣчалъ Обольяниновъ,—сдѣлаемъ сюрпризъ Императору Павлу Петровичу. Я буду его въ прогулкахъ отвлекать отъ этого мѣста, пока ты работать станешь.

На другой день, Н. А. Львовъ, нарисовавъ планъ, принялся тотчасъ за работу; онъ представилъ, что быстрый ручей разрушилъ древній храмъ, котораго остатки, колонны и капители, разметаны были по мѣстамъ, а иные, въ половину разрушенные, еще существовали. Кончилъ, наконецъ, Н. А. Львовъ работу, привозитъ Обольянинова ее посмотрѣть; онъ въ восхищеніи его цѣлуетъ, благодаритъ.

— Ѣду сейчасъ за Государемъ,—сказалъ онъ,—и привезу его сюда, а ты, Николай Александровичъ, спрячься за эти кусты, я тебя вызову.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ это былъ часъ прогулки Государя, онъ черезъ нѣсколько времени верхомъ со свитою своею пріѣзжаетъ, сходитъ съ лошади, въ восхищеніи хвалитъ все. Обольяниновъ къ нему подходитъ, говоритъ что-то на ухо; Государь его обнимаетъ, еще благодаритъ, садится на лошадь и уѣзжаетъ, а Львовъ такъ и остался за кустомъ, и никогда не имѣлъ духа обличить Обольянинова передъ Государемъ.

Пріоратъ въ Гатчинѣ.

Вы вѣрно видали строеніе въ Гатчинѣ, на лѣвой рукѣ отсюда не доѣзжая до дворца, который направо; скажу вамъ, что его построилъ Н. А. Львовъ, двоюродный братъ Ѳедора Петровича Львова, и вотъ какимъ образомъ. Государь Павелъ Петровичъ жилъ всегда въ Гатчинѣ при Императрицѣ Екатеринѣ и все лѣто проживалъ тамъ, когда и воцарился. Онъ любилъ очень Н. А. Львова, который часто находился при немъ, звалъ его «кумомъ», хотя никого изъ насъ онъ не крестилъ; разговаривая съ нимъ о томъ, чтò Н. А. Львовъ замѣтилъ въ чужихъ краяхъ, узналъ, что онъ многія постройки сдѣлалъ у себя въ деревнѣ (въ Никольскомъ, что теперь принадлежитъ Леониду Леонидовичу Львову († 1875 г.) изъ земли, составленной съ малою частью известки и песку.

— «Я хочу,—сказалъ Государь,—чтобы ты мнѣ построилъ здѣсь, въ Гатчинѣ, уголъ избы, съ фундаментомъ и крышкою».

Н. А. Львовъ тогда же выписалъ двухъ нашихъ мужиковъ, Емельяна и Андрея, въ Гатчину; стали они работать въ саду, куда и Государь Павелъ, и Великій Князь Александръ Павловичъ съ

прекрасною его супругою Елисаветою Алексѣевною приходили всякій день смотрѣть ихъ успѣхи; когда часть стѣны уже была выведена, Елисавета Алексѣевна однажды пришла и острымъ концомъ своего парасоля стала стѣну сверлить; но видя, что едва со всею силою могла сдѣлать въ стѣнѣ маленькую ямочку, обернулась къ Н. А. Львову, сказала ему:

— «Je ne m'attendais pas, m-r Lvoff, que votre mur en terre puisse être aussi dûr».

Пришелъ Государь Павелъ и увидя, что уже съ самаго фундамента земляная стѣна и крыша соломенная (которая особеннымъ манеромъ крылась), все готово, приказалъ принести двое золотыхъ часовъ съ цѣпочками и самъ ихъ подарилъ Емельяну и Андрею. Но этимъ Государь не удовольствовался; онъ былъ человѣкъ очень умный, но вспыльчиваго нрава и имѣлъ какъ будто что-то странное.... Что особенно не нравилось въ немъ,—это слѣпое его подражаніе пруссакамъ и желаніе все русское переладить на ихъ ладъ; конечно, много хорошаго въ чужихъ краяхъ, но, уже по большому пространству Россіи, не все и годится намъ. Однако, землебитное строеніе заняло Государя Павла; онъ тотчасъ повелѣлъ изъ каждой нашей губерніи отправить къ намъ въ Никольское по два мужика обучаться оному, что весною и было исполнено; слишкомъ сто человѣкъ явились и съ того начали, что стали строить себѣ казарму, въ которой потомъ и жили. Государь, увидѣвъ оконченный уголъ въ саду гатчинскомъ, сказалъ Н. А. Львову, чтобы онъ выбралъ въ Гатчинѣ, гдѣ хочетъ, мѣсто и построилъ бы ему Пріоратъ. Н. А. Львовъ отличный былъ, въ тогдашнее время, архитекторъ; онъ нарисовалъ планъ Пріората, который былъ Государемъ утвержденъ; но не смотря на повелѣніе его дать мѣсто Львову для построенія Пріората, Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, который тогда былъ первое лицо при Государѣ, за разными причинами въ отводѣ мѣста Н. А. Львову отказывалъ; наконецъ, эта комедія Львову надоѣла; онъ поручилъ Обольянинову выбрать самому мѣсто. Какое же мѣсто выбралъ онъ? Вообразите—болото, въ которомъ собака вязла. Н. А. Львовъ, видя, что все это неудовольствіе на него происходило отъ зависти, сказалъ Обольянинову:

— Я и тутъ построю Пріоратъ, только онъ Государю стоить будетъ болѣе ста тысячъ рублей, потому что я долженъ осушить это болото.

— Ну, дѣлай какъ хочешь,—отвѣчалъ Обольяниновъ, и Н. А. Львовъ приступилъ къ работѣ. Хотѣли, по зависти, чтобы она не удалась, и тѣмъ перемѣнить мысли Государевы на счетъ Львова, а

вышло иначе; такъ Богу угодно всегда завистливыхъ людей наказать. Землю, что вырывали изъ болота, все возили на одно мѣсто и отъ этого сдѣлался пригорокъ среди прекраснаго озера, на которомъ Пріоратъ, съ башнею своею, вышиною двухъ саженъ слишкомъ, сдѣланною изъ землянаго кирпича, красовался всѣмъ на удивленіе. Это похоже было на то, что случилось съ французскимъ сочинителемъ Beaumarchais; онъ сочинилъ прекрасную комедію: «Le mariage de Figaro»; его стали гнать ужасно и притѣснять разнымъ образомъ: онъ и написалъ другую: «Le barbier de Seville», и она имѣла такой успѣхъ, что всѣ тогда же сказали: «On a poursuivi Beaumarchais et il s'est sauvé sur un piédestal». Такъ случилось и съ А. Н. Львовымъ: онъ самъ выбиралъ скромныя мѣста для постройки Пріората, а судьба поставила его на возвышенномъ мѣстѣ; гдѣ прежде не было ни одного деревца, но посаженныя Н. А. Львовымъ съ большимъ тщаніемъ деревья всѣ принялись прекрасно и украсили бывшее болото и даже теперь можно бы было и срубить нѣкоторыя, чтобы видъ болѣе открыть. Вотъ уже теперь 57 лѣтъ что Пріоратъ стоитъ неповрежденнымъ; года три тому назадъ, когда были маневры близъ Гатчино, А. Ѳ. Львову была въ Прюратѣ отведена квартира и онъ не могъ надивиться какъ хорошъ былъ въ немъ воздухъ, и даже живопись, исполненная по сырой штукатуркѣ, что называется по италіански al fresco, по сію пору еще въ хорошемъ видѣ. Н. А. Львовъ недолго радовался всему этому, потому что онъ скончался въ 1807 (1803 ?) году и имѣлъ еще огорченіе заслужить негодованіе Государя Павла, котораго увѣрили, что руками тѣхъ мужиковъ, что присланы были учиться землебитному строенію, онъ будто украшалъ свое село Никольское. Онъ, точно, вынужденъ былъ строить, чтобы ихъ учить, но какъ не подумали, что одной земли для этого было мало, что для строенія нуженъ лѣсъ, желѣзо, стекла и пр.; что всѣ эти издержки разстраивали Н. А. Львова, а не богатили и, наконецъ, время доказало, что всѣ строенія были не нужны для украшенія Никольскаго, потому что впослѣдствіи моя мать принуждена была всѣ ихъ срыть; слишкомъ дорого ей было ненужныя строенія поддерживать въ порядкѣ.

Императоръ Павелъ приказалъ однажды Н. А. Львову нарисовать ему проектъ Аннинскаго ордена; чрезъ нѣсколько часовъ приказаніе это было исполнено и Львовъ принесъ Государю нѣсколько проектовъ; онъ выбралъ тотъ, который и теперь носится, и чтобъ доказать Н. А. Львову его къ нему расположеніе, приказалъ ему на другой день явиться во дворецъ и самъ надѣлъ орденъ св. Анны на

шею Львову, который принялъ его стоя на колѣняхъ передъ Царемъ. Вы можете себѣ вообразить какъ дорого поцѣнилъ Н. А. Львовъ такую милость.

Николай Александровичъ Львовъ, какъ я вамъ сказывала уже. жилъ по лѣтамъ во время царствованія Государя Павла и въ Гатчинѣ, и въ Павловскѣ, гдѣ ему всегда отведена была квартира во дворцѣ. Однажды въ Гатчинѣ онъ просыпается, встаетъ и, вмѣстѣ съ моею матерью, идетъ въ столовую кофе кушать, какъ видитъ, что ничего нѣтъ готоваго; у него былъ камердинеръ, вѣрный и добрый человѣкъ, но ужасно глупъ.

— Степанъ,—спросилъ Н. А. Львовъ,—что же нашъ кофе?

— Нельзя-съ,—отвѣчаетъ онъ.

— Какъ нельзя?—спрашиваетъ Н. А.

— Нельзя-съ, часовые у дверей, не пускаютъ выйти!

Н. А. Львовъ подошелъ къ дверямъ, ведущимъ въ корридоръ, гдѣ жили многіе подъ разными номерами, и, точно, видитъ часовыхъ, которые въ дверяхъ сложили ружья свои крестомъ. Не понимая, за что̀ бы онъ былъ посаженъ подъ арестъ, Н. А. Львовъ голову себѣ ломалъ и никакъ не могъ придумать, что̀ могло случиться ночью; за ужиномъ еще Государь былъ такъ къ нему милостивъ, такъ шутилъ съ нимъ! Онъ ходилъ по комнатѣ, не могъ быть покоенъ, потому что зналъ и видѣлъ многіе примѣры, что у кого поставлены были часовые, того черезъ нѣсколько часовъ ссылали съ фельдъегеремъ въ Сибирь. По великой милости Божіей, это недоумѣніе недолго продолжалось. Н. А. Львовъ слышитъ хохотъ въ корридорѣ, подходитъ къ дверямъ и видитъ Обольянинова, который со смѣхомъ его спрашиваетъ:

— «Что, Николай Александровичъ, испугался? а я ошибкою приказалъ поставить часовыхъ къ № 5-му, когда Государь приказалъ поставить ихъ къ № 3-му».

Д. Н. Дятловъ, дальній родственникъ Державина, былъ адъютантомъ при Государѣ Павлѣ Петровичѣ и часто свидѣтелемъ былъ горячности и вспыльчивости государевой. Какъ-то случилось, что сряду при немъ были дежурные офицеры, носящіе птичьи фамиліи: Соколовъ, Журавлевъ и пр.; наконецъ, явился Дятловъ.

— «Это что еще за птица,—въ гнѣвѣ сказалъ Государь,—не хочешь-ли ты за Неву?»

— Нѣтъ. ваше величество,—отвѣчалъ поспѣшно Дмитрій Николаевичъ.

Государь расхохотался, обнялъ Дятлова и сказалъ:

— «Хорошо отвѣчалъ».

За Неву значило—въ крѣпость.

Однажды графъ Кутайсовъ (который изъ плѣнныхъ турокъ попалъ въ фавориты Государя Павла Петровича, сдѣлался большимъ бариномъ, имѣлъ всѣ ордена и, наконецъ, получилъ графское достоинство) шелъ по корридору Зимняго дворца съ Суворовымъ, который, увидя истопника, остановился и сталъ кланяться ему въ поясъ.

— «Что вы дѣлаете, князь,—сказалъ Суворову Кутайсовъ,—это истопникъ».

— Помилуй Богъ,—сказалъ Суворовъ,—ты графъ, а я князь; при милости царской не узнаешь, что̀ этотъ будетъ за вельможа, то надобно его задобрить впередъ.

Державинъ.

Неблагонамѣренные люди умѣли такъ нерасположить Государя Александра Павловича къ дядѣ моему Гавріилу Романовичу Державину, что онъ рѣшился подать въ отставку, когда его удалили отъ генералъ-прокурорства. Государь, увидя его, проситъ Державина остаться въ государственномъ совѣтѣ и сенатѣ.

— «Нѣтъ, ваше величество, — отвѣчалъ Державинъ, — позвольте мнѣ совсѣмъ идти прочь, тѣмъ болѣе, что въ сенатѣ вы меня не увидите, а въ совѣтѣ не услышите».

Гавріилъ Романовичъ Державинъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что готовъ былъ умереть за правду и не разъ доказывалъ это въ живыхъ спорахъ, которые онъ имѣлъ и съ Императрицею Екатериною, и съ Государемъ Павло̀мъ. Однажды, въ царствованіе этой Государыни, его упросили не ѣхать въ сенатъ и сказаться больнымъ, потому что боялись правды его; долго Державинъ не могъ на это согласиться, наконецъ желчь его расходилась; онъ точно не былъ въ состояніи ѣхать, легъ на диванъ въ своемъ кабинетѣ и, въ тоскѣ не зная что̀ дѣла̀ть, не будучи въ состояніи ничѣмъ заняться, велѣлъ позвать къ себѣ Прасковью Михайловну Бакунину [1]) (послѣ замужемъ за Ниловымъ), которая въ дѣвушкахъ у него жила, и просилъ ее, чтобъ успокоить его тоску, почитать ему вслухъ что нибудь изъ его сочиненій. Она взяла первую оду, что̀ попалась ей въ руки,—«Вельможа» и стала читать, но какъ выговорила стихи:

Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить....

---

[1]) Тетка Е. Н. Львовой.

Державинъ вдругъ вскочилъ съ дивана, схватилъ себя за послѣдніе свои волосы, закричавъ:

— «Чтò написалъ я и чтò дѣлаю сегодня! подлецъ!»

Не выдержалъ больше, одѣлся и, къ удивленію всего сената, явился; не знаю навѣрно какъ говорилъ онъ, но поручиться можно, что душою не покривилъ.

[Записано 19-го ноября 1854 г.].

Я вспомнила, чтò мой дядя Гавріилъ Романовичъ Державинъ написалъ про стихи Ѳ. П. Львова; однажды придя въ кабинетъ его и найдя на столѣ у него раскрытую книжку, въ которой онъ писалъ и поправлялъ свои стихи, Державинъ взялъ перо и написалъ слѣдующее:

Пиши, о Львовъ, пиши
Ты чувствія твоей души,—
И не пиши ты ничего инаго,
Поэтъ ты будешь вѣка золотаго!

Можно себѣ представить, какъ такая похвала славнаго нашего поэта порадовала Ѳ. П. Львова; онъ такъ зналъ, любилъ и почиталъ Державина и всѣ эти чувства онъ такъ прекрасно излилъ въ одѣ на смерть Державина; осьмая строфа особенно мнѣ нравится:

«Нѣтъ мѣста скорби въ дверяхъ гроба,
Гдѣ прахъ Державина сокрытъ!
Здѣсь обезсиленная злоба,
Тамъ громоносный правды щитъ,
Тутъ лира подъ вѣнцомъ лавровымъ,
А тутъ къ отечеству любовь!»

Строфу эту я велѣла выгравировать на памятникѣ, который поставила дядѣ Державину.

А какъ утѣшительна послѣдняя строфа:

«О лира! стонешь ты невольно!
Грусть рветъ тебя изъ рукъ моихъ!
Я знаю, что гдѣ сердцу больно,
Тамъ свѣтъ ума темнѣетъ вмигъ.
Но знай, что западъ возвѣщаетъ
Въ блистательной зарѣ востокъ».

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, у котораго Ѳ. П. Львовъ служилъ, былъ одинъ изъ трехъ сыновей Петра Александровича Румянцева, который заключилъ славный Кайнарджійскій миръ, по которому всѣ татары крымскіе, буджакскіе и кубанскіе объявлены были независимыми отъ Порты и русскимъ кораблямъ было предоставлено свободное плаваніе по Черному морю и Архипелагу. Петръ Александровичъ былъ необыкновеннаго ума человѣкъ и не удивлялся, что ни одинъ сынъ не родился въ него.

— «Женили меня,—говаривалъ онъ, имѣя выговоръ малороссійскій,—на Голицыной и что мудренаго, что всѣ сыновья мои вышли дураки»(?!). И точно, всѣ трое ничего не значили (?) и умерли въ неизвѣстности; Николай Петровичъ не службою достигъ до званія государственнаго человѣка, а потому, что былъ сынъ гр. Румянцева, воспитывался въ Парижѣ и былъ, можно сказать, начитанная пустая голова (?!). Былъ онъ министромъ коммерціи и тогда-то Ѳ. П. Львовъ у него служилъ и всѣ говорили въ Петербургѣ, «что Львовъ вытаскиваетъ изъ грязи Румянцева», и даже была сдѣлана каррикатура, въ которой былъ представленъ Румянцевъ, сидящій въ тачкѣ, и Львовъ его изъ лужи вывозитъ съ трудомъ. И отъ этой молвы, которая, можетъ быть, и доходила до Румянцева, иногда онъ, чтобъ доказать, что «не Львовъ», а «онъ» все дѣлаетъ, часто Ѳ. П. Львова приводилъ въ большое замѣшательство. Однажды онъ ему докладывалъ, когда камердинеръ графа вошелъ и сказалъ: «графъ Сергѣй Петровичъ».

— «Какъ это несносно,—отвѣчалъ Николай Петровичъ,—люди незанятые всегда мѣшаютъ дѣло дѣлать»,—и Сергѣй Петровичъ входилъ.

— «Какъ я радъ тебя видѣть, другъ мой,—говорилъ графъ,—садись пожалуйста, только позволь продолжать Ѳедору Петровичу докончить докладную записку»—и тутъ же просилъ Ѳ. П. Львова начать читать. Лишь только тотъ прочиталъ нѣсколько строкъ, графъ его останавливалъ.

— «Что такое? Помилуй, Ѳедоръ Петровичъ, ты умный человѣкъ, а на тебя иногда находитъ столбнякъ; что это ты тутъ написалъ? Совсѣмъ не то, что надобно и что я хотѣлъ».

И тутъ же начиналъ, очень краснорѣчиво, но безъ всякаго толка, говорить совершенную нелѣпицу. Ѳ. П. Львовъ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ ему въ глаза, никакъ не понимая, чего онъ хочетъ, и лишь только въ оправданіе скажетъ слово, графъ останавливаетъ его, повторяя: «на него находитъ иногда столбнякъ». Сергѣй Петровичъ, думая, что онъ, можетъ быть, тутъ лишній, откланивался брату и лишь только онъ выходилъ въ другую комнату, смѣючись Николай Петровичъ говорилъ Ѳ. П. Львову:

— «Оставь все по старому въ бумагѣ, все прекрасно, я хотѣлъ только доказать брату, а онъ и другимъ скажетъ, что не все же ты работаешь за меня».

Сперанскій.

Вспомнила я, что̀ случилось съ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ необыкновеннаго ума человѣкъ, вышелъ въ значительные люди будучи сынъ священника, но учился отлично и, наконецъ, былъ государственный секретарь въ совѣтѣ; его тамъ всѣ почитали (хотя многіе и завидывали ему), что̀, бывало, никто изъ министровъ не смѣлъ садиться прежде, нежели Сперанскій пріѣдетъ въ совѣтъ, и, замѣтьте, онъ, такъ сказать, не зналъ дороги ни въ Царское Село, ни въ Петергофъ, а всегда работалъ дома и никого почти къ себѣ не принималъ; живя почти на чужестранную ногу, нажилъ себѣ много злодѣевъ, которые, въ то время какъ онъ работалъ, неутомимо искали случая его сгубить. Разными способами графъ Армфельдъ, вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ Балашовымъ, искали возможность познакомиться короче со Сперанскимъ, зазывали его къ себѣ, и онъ все отказывался тѣмъ, что занятъ; наконецъ, назначили вечеръ у Армфельда и послѣ неотступныхъ просьбъ Сперанскій, наконецъ, пріѣхалъ выпить у него чашку чая. Никого не было у Армфельда, какъ онъ и Балашовъ; разговаривали о дѣлахъ, объ управленіи и, наконецъ, Балашовъ и Армфельдъ, видя какой вѣсъ имѣлъ во всемъ Сперанскій, предложили ему составить изъ нихъ трехъ тріумвиратъ и тѣмъ уменьшить власть Государя Александра Павловича, на котораго подымалась въ это время въ 1811—1812 гг., вся Европа по желанію Наполеона. Сперанскій долго опровергалъ ихъ безразсудное предложеніе; ничто и никакія его убѣжденія не могли заставить ихъ перемѣнить ихъ образъ мыслей; наконецъ, Сперанскій сказалъ имъ:

— «Такъ вы не знаете Государя, какъ я его знаю, и для этого совѣтую вамъ болѣе и не думать о томъ, что никогда состояться не можетъ»,—взялъ шляпу и уѣхалъ домой. На другой день онъ долженъ былъ докладывать Государю; онъ поѣхалъ во дворецъ и когда доложилъ всѣ бумаги, будучи принятъ, какъ обыкновенно, очень милостиво Государемъ, въ ту минуту, какъ укладывалъ бумаги въ портфель, Государь ему сказалъ:

— «Михаилъ Михайловичъ, мнѣ должно съ тобой разстаться».

Пораженный этими словами, Сперанскій, однако, не потерялся и съ твердостью и чистою совѣстью спросилъ:

— Что я сдѣлалъ, ваше величество, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость?

— «Сказать тебѣ не могу и не хочу; прощай»,—сказалъ Государь.

Сперанскій упалъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— «Удалите меня, ваше величество, накажите, но скажите за что; я съ колѣнъ не сойду».

Видя такую рѣшительность, Государь вдругъ сказалъ ему:

— «Я тебя такъ любилъ, ты пользовался всею моею довѣренностью; могъ-ли я ожидать что ты, Сперанскій, пойдешь противъ меня и предложишь Армфельду и Балашову учредить между вами тріумвиратъ?»

Съ бѣшенствомъ почти Сперанскій вскочилъ съ колѣней.

— Боже мой,—вскричалъ онъ,—злодѣи, не они-ли мнѣ это предлагали устроить!?

— «Зачѣмъ ты тотчасъ не пріѣхалъ передать мнѣ все это?»—строго сказалъ Государь.

Сперанскій упалъ на колѣни и съ горькою покорностью сказалъ:

— «Въ этомъ я виноватъ, Государь»,—и болѣе ни слова не прибавилъ въ свое оправданіе.

Когда онъ воротился домой, Балашовъ печаталъ весь его кабинетъ и тройка стояла у крыльца; едва Сперанскій имѣлъ время проститься съ дочерью, какъ увезли его въ Нижній Новгородъ, гдѣ народъ разбивалъ камнями стекла въ его домѣ, думая, что онъ продавалъ Россію Наполеону и для чего будто Государь и сослалъ его. Сперанскій перенесъ это испытаніе съ великою твердостью, и когда я съ Θедоромъ Петровичемъ (Львовымъ) нѣсколько лѣтъ спустя пріѣхала къ нему въ его новгородскую деревню, мы его нашли гораздо здоровѣе и веселѣе, чѣмъ былъ въ Петербургѣ, и тутъ-то онъ намъ разсказалъ, что послѣ того вечера, что онъ пилъ чай у Армфельда, послѣдній, съ согласія Балашова, поѣхалъ къ Государю и все разсказалъ, что Сперанскій слышалъ отъ Государя.

— «Я не могъ себя оправдать въ глазахъ Государя,—говорилъ намъ Сперанскій,—и если я потолстѣлъ, такъ это отъ того, что совѣсть моя была чиста и передъ людьми, и передъ Богомъ. Я зналъ, что правда верхъ возьметъ, и что это остервенѣніе народа противъ меня исчезнетъ».

И точно, Балашовъ и Армфельдъ вскорѣ умерли въ мучительныхъ болѣзняхъ, а Сперанскій, котораго Государь совершенно и обвинить не могъ и зналъ какъ онъ всегда говорилъ правду ему, послалъ его губернаторомъ, и въ указѣ было написано: «что онъ туда посылается для того, чтобы онъ очистился», и черезъ нѣсколько мѣ-

сяцевъ, въ которые Сперанскій успѣлъ много хорошаго сдѣлать въ Пензѣ, а затѣмъ въ Сибири, онъ былъ возвращенъ съ бо́льшею почестью въ Петербургъ. За свои необыкновенные труды щедро награжденъ онъ былъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, и, наконецъ, получилъ графское достоинство, но болѣе графовъ Сперанскихъ уже не существуетъ; дочь его вышла замужъ за Фролова-Багрѣева; у нея былъ одинъ сынъ, которому Сперанскій хотѣлъ просить Государя передать и имя и графство его, но сынъ этотъ умеръ и имя исчезло.

Во время жестокой войны 1812 года, Ѳ. П. Львовъ часто видался съ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, который былъ извѣстенъ и своимъ умомъ, и своими познаніями(?); часто бесѣдуя съ нимъ о войнѣ и о приближеніи непріятеля къ Москвѣ, князь раскладывалъ планъ Россіи на полъ, и вмѣстѣ съ Ѳ. П. Львовымъ, съ циркулемъ въ рукахъ, измѣряли пространство и расчитывали въ какое время наша артиллерія могла дойти въ такое или такое мѣсто. Ѳ. П. Львовъ, сообразивъ число верстъ, сказалъ князю:

— Рѣшительно, она можетъ быть тамъ въ пять дней.

— «Нѣтъ, — отвѣчалъ князь, — теперь дожди, а тутъ все косогоры, ей прежде десяти дней туда не поспѣть».

Такъ онъ зналъ хорошо всю Россію; любя ее какъ истинно преданный сынъ, первый предложилъ Государю Александру Павловичу сдать Москву Наполеону, что и сдѣлано было впослѣдствіи и увѣнчалось успѣхомъ въ 1812 году.

Генералъ Бетанкуръ, будучи главнымъ начальникомъ института путей сообщенія, жилъ въ прекрасномъ казенномъ домѣ, что принадлежалъ прежде князю Юсупову. Кабинетъ Бетанкура былъ во дворѣ и онъ однажды крайне удивился, увидя, что передъ молодымъ каменотесцемъ, который тесалъ гранитные камни у него на дворѣ, упали въ ноги крестьянинъ и крестьянка, покрытые пылью и какъ пришедшіе изъ дальнаго пути, а молодой каменотесецъ, въ удивленіи, своимъ передникомъ обтиралъ слезы, что катились изъ глазъ его. Удивленный этою сценой, Бетанкуръ послалъ узнать, что̀ это такое, и ему донесли, что молодой каменотесецъ, купивъ себѣ квитанцію, которую думалъ отдать когда потребуютъ его въ солдаты, узналъ, что жребій палъ на его женатаго брата, и тотчасъ написалъ въ деревню, что онъ за него отдаетъ свою квитанцію и самъ пойдетъ въ солдаты, если очередь будетъ за нимъ; братъ съ женою рѣшились за 1,200 верстъ придти къ нему въ Петербургъ—въ ноги поклониться, и это была самая та минута, въ которую ихъ увидѣлъ Бетанкуръ. У него уже была карета готова ѣхать съ докладомъ къ Государю

Александру Павловичу и, доложивъ ему всѣ бумаги, что онъ привезъ, сказалъ:

— «Votre Majesté, j'ai une grâce à Vous demander».

— Dites la,—répondit l'Empereur.

— «Donnez moi deux mille roubles pour acheter une quitance de soldat», — и разсказалъ Государю все то, что зналъ и видѣлъ про Кузьмина, — такъ назывался каменотесецъ. Государь подошелъ къ своему бюро, вынулъ деньги, сказалъ Бетанкуру:

— «Des exemples pareils ne sont pas rares, Dieu merci, en Russie et ils n'étonnent que vous autres étrangers; je suis heureux de vous donner le moyen de recompenser ce brave homme».

Бетанкуръ съ крайнимъ чувствомъ поблагодарилъ Государя; мало того, что двѣ тысячи отдалъ Кузьмину на покупку квитанціи, но еще приказалъ сдѣлать его портретъ и внизу на мѣсто виньетки представилъ ту минуту, какъ братъ съ женой кланяются ему въ ноги, а онъ слезы свои отираетъ фартукомъ. Гравюрка эта такъ удалась, что Бетанкуръ приказалъ ее продавать въ пользу Кузьмина и онъ очень порядочную сумму въ теченіе нѣсколько времени за нее получилъ.

Бетанкуръ.

Нижегородская ярмарка нѣсколько уже десятковъ лѣтъ находилась всегда въ селѣ Лысковѣ, припадлежащемъ князю Грузинскому; дошло до свѣдѣнія Государя Александра Павловича, что въ этомъ мѣстѣ дѣлались дурныя дѣла: князь принималъ у себя всѣхъ людей безпаспортныхъ, позволялъ имъ грабить и бунтовать, такъ что многіе купцы возвращались съ трудомъ съ ярмарки, продавши товаръ. Нижній стоитъ на двухъ рѣкахъ, на Волгѣ и на Окѣ; онѣ разливаются на большое пространство, но передъ самымъ городомъ черезъ Оку оставалось большое мѣсто, которое водой не понимало. Государь и далъ приказаніе генералу путей сообщенія Бетанкуру ѣхать туда осмотрѣть мѣсто и если найдетъ, что оно годно, то перевести ярмарку туда изъ села Лыскова. Бетанкуръ пріѣхалъ и, найдя, что мѣсто удобно, и узнавъ, что земля принадлежитъ многимъ помѣщикамъ, созвалъ ихъ по именному повелѣнію и предложилъ имъ купить ихъ земли за дорогую цѣну или обмѣниться на другую. Помѣщики ни за что не согласились продать ее или обмѣнить, и тогда Бетанкуръ сказалъ имъ, что законъ даже приказываетъ взять земли, если это можетъ быть полезно цѣлому государству, но не дѣлаетъ этого, а отъ мая мѣсяца до сентября даетъ имъ время хорошенько обдумать о его предложеніи и что въ сентябрѣ онъ пріѣдетъ за отвѣтомъ. Наступилъ сентябрь: Бетанкуръ возвра-

шается въ Нижній и, узнавъ, что помѣщики все еще не соглашаются ни на что, пригласилъ ихъ на другой день къ себѣ и просилъ доставить всѣ планы и крѣпости, какіе они имѣли на свои земли. Всѣ явились на другой день; Бетанкуръ, отобравъ отъ нихъ всѣ бумаги, опять сталъ уговаривать на обмѣнъ, представляя имъ большія выгоды и что они должны бы были даже и такъ землею пожертвовать для общественной пользы, и видя, что они никакъ ни на что не соглашаются, взялъ всѣ бумаги и бросилъ въ камелекъ, который сильно горѣлъ у него въ гостиной; тутъ помѣщики увидѣли, какъ они глупо поступили, что не соглашались на первыя предложенія генерала Бетанкура; стали просить его, чтобы онъ своимъ ходатайствомъ испросилъ у Государя имъ прощеніе, и были чрезмѣрно довольны, что Царь приказалъ отдать имъ все то, что было назначено для нихъ. Бетанкуръ на такое дѣйствіе имѣлъ разрѣшеніе Царя и онъ зналъ, кому онъ поручалъ это дѣло. Генералъ Бетанкуръ былъ отличнѣйшій человѣкъ, уменъ и ученъ до чрезвычайности, добръ и благороденъ; ему Государь и поручилъ сдѣлать планы для всей ярмарки, что теперь уже и исполнено давно и иногда до 300,000 человѣкъ съѣзжается въ Нижній; всѣмъ устроено помѣщеніе, у каждаго купца лавка, и такъ какъ могло бы быть при такомъ стеченіи народа и воздухъ тяжелъ и нездоровый на ярмаркѣ, то Бетанкуръ, будучи славный инженерный офицеръ, сдѣлалъ, что подъ улицами на ярмаркѣ протекаетъ въ каналахъ вода, которая уноситъ всю нечистоту, а для того, чтобы въ этихъ подземныхъ галлереяхъ было свѣтло, вверху сдѣланы большія окошки, которыя выходятъ на улицу. Одно, что мнѣ не нравится въ этой ярмаркѣ, что лавки расположены безъ вкуса; на одной почти линіи вы видите галантерейную лавку и тутъ же недалеко канаты и деготь продаютъ. Когда Государь пріѣхалъ осмотрѣть эту ярмарку, онъ былъ очень доволенъ, и видъ изъ Кремля безподобный; стѣна ужасной толщины окружаетъ Кремль; разстояніе отъ одной башни до другой, кажется, 80 саженъ.

Государь сказалъ:

— «Желалъ бы я построить залу, которая бы соединяла башни, и тогда бы я всѣхъ нижегородцевъ пригласилъ къ себѣ на балъ».

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Александръ Семеновичъ Шишковъ—знаменитый государственный секретарь въ 1812 году, славный манифестами и приказами, отъ Высочайшаго имени имъ составленными, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта и министръ народнаго просвѣщенія, — былъ человѣкъ весьма достойный. Извѣстно, между прочимъ, что Шишковъ

нѣсколько лѣтъ постоянно сопровождалъ Государя Александра Павловича, когда онъ ѣздилъ по Россіи.

Однажды Государь какъ бы въ похвалу себѣ замѣтилъ, что онъ, Государь, скоро ѣздитъ.

— «По моему, — отвѣчалъ Шишковъ, — это и не хорошо, Ваше Величество».

Монферанъ — гр. Головинъ.

При Государѣ Александрѣ Павловичѣ, Монферанъ представилъ новый планъ Исакіевскому собору, который былъ начатъ строиться, еще при Государынѣ Екатеринѣ, изъ мрамора, въ то же самое время, какъ и нынѣ существующій Константиновскій дворецъ. Когда и то и другое строеніе были болѣе половины кончены, Императрицѣ они не понравились и она приказала ихъ оставить. Вступилъ на престолъ Государь Павелъ и тотчасъ повелѣлъ приступить къ окончанію сихъ зданій, и церковь была докончена кирпичомъ; въ то время нашли—не знаютъ кѣмъ написанные—стихи:

Сей храмъ, двумъ царствамъ столь приличный,
Основа—мраморъ, верхъ—кирпичный.

Воцарился Государь Александръ Павловичъ и Монферанъ увѣрилъ его, что онъ сообразилъ новый планъ собора съ построенною уже церковью, и что во все время строенія по новому плану можно будетъ продолжать служеніе въ освященной уже церкви, что̀ очень понравилось Государю; но я сама была свидѣтельницей, что во время обѣдни въ самый алтарь упалъ камень, и счастливо, что онъ никого не убилъ, и тогда Государь приказалъ прекратить службу. Приступили къ работѣ, и вспоминаю я еще одно событіе, которое хотя и отвлекаетъ меня отъ того, что̀ я хотѣла сказать про куполъ Исакіевской церкви, но не могу воздержаться, чтобъ не разсказать какъ часто люди, изъ одного желанія сдѣлать себѣ выгоду, забываютъ, что каждому изъ насъ должно думать, и Христосъ приказалъ—о пользѣ и другихъ, особливо если эта польза соединяется съ пользою отечества.

Казанскій соборъ построенъ по плану Воронихина, бывшаго крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строганова, изъ камня, найденнаго въ Россіи; Государь Александръ Павловичъ приказалъ и для Исакіевскаго собора поискать въ такомъ же родѣ камень. Графъ Яковъ Ѳедоровичъ Стейнбокъ (который былъ женатъ на родной моей теткѣ) нашелъ у себя чудесный карьеръ (carière) свѣтло-палеваго цвѣта, и камень имѣлъ еще и то достоинство, что легко могъ обдѣлываться, когда его вынимали изъ земли, и твердѣлъ необыкновенно на воздухѣ. Генералъ Бетанкуръ, которому поручено было строеніе Исакіевскаго

собора, испробовавъ всѣми манерами твердость этого камня и удостовѣрившись, что онъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ, доложилъ объ этомъ Государю. Приказано было графу Стейнбоку, при первой возможности, весною камень этотъ доставить въ Петербургъ. Бетанкуръ скончался; строительная коммисія перешла къ графу Головину, котораго убѣдили недоброжелатели къ истинной пользѣ Россіи и увѣрили, что камень этотъ не годится, что церковь будетъ лучше изъ бѣлаго мрамора, который привезутъ изъ чужихъ краевъ, и пр., и пр.

Кончилось, что графъ Головинъ отказалъ принять камень Стейнбока, который былъ уже частью привезенъ на корабляхъ. Ѳ. П. Львова графъ упросилъ поѣхать къ Головину и сказать сколько этотъ отказъ въ принятіи камня раззоряетъ его; онъ и выгрузить его не знаетъ куда; графъ отвѣчалъ:

— «Que voulez vous faire, M-r Lvoff, cette pierre ne vaut rien».

— Et pourquoi donc, M-r le Comte,—répondit Lvoff,—le général Bétancourt lui a fait subir toutes les épreuves possibles et en a été parfaitement content?

— «Oui,—dit le comte,—toutes les épreuves, hormis celle de l'eau bouillante!»

— Mais il faut espérer,—dit Lvoff,—que Petersbourg ne sera pas brûlé par une pluie de feu comme Sodom et Gomore!

Malgré toutes ces objections, Steinbock a dû reprendre sa pierre et perdit une assez grande somme dans cette affaire.

И что всего было досаднѣе—это то, что, вмѣсто бѣлаго мрамора, привезли тотъ самый, изъ котораго и выстроенъ храмъ, и онъ, скорѣе сѣрый, чѣмъ бѣлый, стоилъ дорогихъ денегъ, которыя остались въ чужихъ краяхъ, тогда какъ камень, купленный у Стейнбока, стоилъ бы въ десять разъ дешевле и деньги бы всѣ остались въ Россіи.

Когда разрушать стали Исакіевскую церковь, то, какъ по обыкновенію—никакой Государь всѣмъ угодить не можетъ, то и въ царствованіе Александра Павловича многіе были недовольны. и при сломкѣ церкви нашли слѣдующіе стихи:

Сей храмъ—трехъ царствъ изображенье:
Гранитъ, кирпичъ и разрушенье.

«РОДОСЛОВНАЯ»

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 735, помѣщена замѣтка П. А. Ефремова, по поводу стихотворенія Пушкина «Моя родословная». Позволяю себѣ пополнить эту замѣтку сообщеніемъ, что подлинникъ этого стихотворенія, долго считавшійся утраченнымъ, къ счастію почитателей геніальнаго его автора, отыскань и, чтобъ обезпечить его сохранность, онъ принесенъ мною въ даръ библіотекѣ университета св. Владиміра. Объ этомъ, впрочемъ, кромѣ «Университетскихъ Извѣстій», было сообщено и въ одной изъ кіевскихъ корреспонденцій «Новороссійскаго Телеграфа», а именно въ № 1378.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что университетскій экземпляръ не тотъ автографъ, который видѣлъ г. Ефремовъ въ магазинѣ Черкесова, а другой (вѣроятно, позднѣйшій). Въ этомъ убѣждаетъ, кромѣ варіантовъ, несходство самаго заглавія и отсутствіе помѣты «16-го октабря 1830 года. Болдино».

Не излишнимъ считаю сдѣлать подробное описаніе самой рукописи, безъ всякаго сомнѣнія, написанной рукою Пушкина. Стихотвореніе написано на двухъ листахъ, вложенныхъ одинъ въ другой, сѣрой, грубой и необрѣзной бумаги, на которой противъ свѣта видны водные знаки: на одномъ полулистѣ А. Г., а на другомъ—1830 г. Первая страница занята однимъ заглавіемъ [1]):

Моя Родословная
или
Русской мѣщанинъ
вольное подражаніе
Лорду Байрону.

Страницы 3—6 и половина 7-й заняты строфами, подъ которыми подпись: А. Пушкинъ (литеры А и П связаны: «АПушкинъ»). Описываемый мною экземпляръ не можетъ быть признанъ черновымъ, ибо въ немъ всего только три помарки. а именно:

Послѣ стиха 17-го былъ сейчасъ же написанъ стихъ 20-й и перечеркнутъ (ясно, что это описка, а не поправка).—Стихъ 19-й былъ написанъ:

«Не пѣлъ съ придворными дьячками»,

---

1) Всѣ цитаты я привожу, придерживаясь точно оригинала. И. С.

а потомъ исправленъ:

«Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками».

Эта поправка, которая была и въ другомъ подлинникѣ, видѣнномъ г. Ефремовымъ, ясно показываетъ, что Пушкинъ долго колебался въ выборѣ между этими двумя редакціями стиха.—Наконецъ, стихъ 79-й былъ начатъ словомъ «Чесма», которое зачеркнуто.

Автографъ написанъ небрежною, разгонистою скорописью. Оставляя въ сторонѣ орѳографическія особенности рукописи, я, впрочемъ, рекомендую читателю обратить вниманіе на знаки препинанія послѣдняго стиха, который я привожу ниже, въ варіантахъ. Отличаясь отъ знаковъ препинанія въ изданіи «Русской Старины», они не безразличны при декламаціи этого стихотворенія.

Существованіе варіантовъ въ рукописи университетской, при сравненіи ея съ рукописью, изданною въ этомъ журналѣ, не можетъ, конечно, возбудить сомнѣнія о подлинности той или другой. Эти варіанты доказываютъ только разновременность ихъ редакцій, изъ коихъ ни одна не можетъ быть признана окончательною, такъ какъ при жизни автора стихотвореніе не было напечатано. Можетъ быть, современемъ найдутся и другіе подобные автографы, а редакціонныя отличія, по всей вѣроятности, найдутся въ каждомъ. Слово Чесма. которымъ былъ начатъ 79-й стихъ, ясно свидѣтельствуетъ, что у поэта была мысль о передѣлкѣ этого стиха. Въ виду этого, мнѣ кажется, что варіанты, встрѣчающіеся въ автографическихъ рукописяхъ, имѣютъ важное значеніе, а потому я и привожу ихъ съ самою тщательною точностію, подчеркивая слова, несходныя съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ».

Стихъ 14 И слава Богу не одинъ,—
— 43 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
— 58 Я святокъ грамотъ схоронилъ,
— 59 И крови спѣсь угомонилъ [1]).
— 65 Видокъ Фиглярииъ сидя дома,
— 81 Рѣшилъ Фиглярииъ вдохновенный
— 83 Что-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
— 84 Онъ?.... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

Судя по этимъ варіантамъ, особенно въ стихахъ 14, 43 и 58-мъ, мнѣ кажется, редакцію университетской рукописи должно признать позднѣйшею, какъ болѣе совершенную или, лучше сказать, усовершенствованную.

Въ заключеніе настоящей замѣтки привожу все стихотвореніе Пушкина буквально по его автографу, нынѣ подаренному мною библіотекѣ кіевскаго университета св. Владиміра.

---

1) «И» въ этомъ стихѣ—очевидная описка.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

или

РУССКОЙ МѢЩАНИНЪ

вольное подражаніе
Лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ
Писаки Рускіе, толпой,
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой.
Я не лейб-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не Академикъ, не профессоръ,
Я просто—руской мѣщанинъ.

***

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатност,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ, —
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я Мѣщанинъ! Я мѣщанин!

***

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ Князья не прыгалъ изъ Хохловъ.
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ.
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ,
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократом
Я слава богу мѣщанинъ.

***

Мой предокъ Радша, службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный
Иванъ IV пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ.
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій Мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярост бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей Народъ,
Мы къ оной руку прилагали,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили.
Но я..... Я темный мѣщанинъ

***

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ,
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой Пращуръ не поладилъ,
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой.
Не любитъ споровъ Властелинъ,
Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

***

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся,
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра,
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ Карантинъ.
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И яродился — Мѣщанинъ.

***

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
и не якшаясь съ новой знатью,
и крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ
Я Пушкинъ, просто, не мусинъ,
Я Самъ большой, не Царедворецъ,
Я грамоте, я мѣщанинъ.

***

PS.

Видокъ Фиглярянъ сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганибалъ
Былъ Купленъ за бутылку рома,
и въ руки Шкиперу попалъ.

Сей шкиперъ былъ—Тотъ Шкиперъ Славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля:
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно Купленный арапъ
возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ—а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала,
и палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фиглярипъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.—
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

АПушкинъ.

Примѣчаніе. При напечатаніи этого стихотворенія съ подлинника руки Пушкина, мною соблюдены всѣ его погрѣшности противъ правописанія. Прописныя буквы, знаки препинанія, стихи, начатые строчною буквой — все точно такъ, какъ въ подлинной рукописи.

Сообщ. **И. Г. Савенко.**

От**ъ** редакціи. Весьма признательные И. Г. Савенко за настоящее сообщеніе, долгомъ считаемъ напомнить, что именно П. А. Ефремову, уважаемому знатоку исторіи отечественной литературы и редактору имѣющаго выйти въ свѣтъ новаго изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, русская литература, между прочимъ, обязана первымъ сообщеніемъ подлинника «Родословной» Пушкина, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1879 г., томъ XXVI; безъ сообщенія П. А. Ефремова, быть можетъ, кіевскій университетъ и не получилъ бы подарка, сдѣланнаго его библіотекѣ владѣльцемъ драгоцѣннаго автографа

Замѣтки и поправки.

Въ алфавитномъ указателѣ къ «Русской Старинѣ» 1879 г. ошибочно указанъ годъ рожденія Гоголя—1809 г. Изъ метрическаго свидѣтельства о его рожденіи, напечатаннаго В. П. Гаевскимъ въ «Современникѣ» 1852 г., томъ XXXV, отд. VI, стр. 141—148, видно, что Гоголь родился 20-го марта 1810 года. **А. Н. Гусевъ.**

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г. замѣчены слѣдующія погрѣшности и опечатки:

Въ XXVII т, въ статьѣ Я. М. Невѣрова о Грановскомъ вкралось нѣсколько описокъ въ правописаніи фамилій:

Извѣстный латинистъ Zumpt—названъ Zumpft (стр. 744).

Вмѣсто Гриза слѣдуетъ читать Гриса (стр. 746).

Вмѣсто Гервига слѣдуетъ читать Гервега (стр. 749). Тамъ же: Liter. Bilder aus dem Russlande—читай: L. B. aus Russland. Опять M-me Гервигъ вмѣсто Гервегъ.

На стр. 752 читаемъ Беерь вмѣсто Беръ.

Въ XXVIII т., въ статьѣ Ад. П. Берже «Присоедин. Грузіи къ Россіи»:

Стр. 5	строка	18 сн.	напеч.:	праздненство;	слѣдуетъ:	празднество.
» 8	»	11 св.	»	шести	»	шерсти.
» 10	»	19 сн.	»	свои	»	своимъ.
» 28	»	12 св.	»	Каіехосро	»	Кайхосро.
» 29	»	18 сн.	»	портоваго пути	»	торговаго пути.
» 34	»	7 сн.	»	№ 922	»	№ 959.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го МАЯ ВЫШЛА V-я (МАЙСКАЯ) КНИЖКА ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА"

Содержаніе: 1) Законодательство. 2) Научныя основы обученія по Бену. IV. (Руководящія начала обученія). Барона Н. А. Корфа. 3) Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. (Окончаніе). Я. М. Михайловскаго. 4) Испорченныя дѣти и нѣмецкіе спасительные дома. П. С. А. Мшанецкаго. 5) Библіографія. (Разборъ 3-хъ книгъ, посвященныхъ 19-му февраля 1880 г.) А. П. Пятковскаго. 6) Съѣздъ народныхъ учителей С.-Петербургской губерніи (Третье и послѣднее засѣданіе). 7) Педагогическая хроника (значеніе сельско-хозяйственныхъ училищъ для экономическаго благосостоянія Россіи. Проектъ вольно-экономическаго общества и замѣчанія на него. Заботы земства о развитіи сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго образованія. Сельско-хозяйственное образованіе во Франціи. 8) Разныя извѣстія. (Пожертвованія разныхъ общественныхъ управленій на пользу образованія по случаю 25-ти-лѣтія царствованія Государя Императора). А. П.

Подписка принимается: Спб., Васильевскій островъ, 6-я линія, д. № 25. Годовая цѣна **четыре руб. пятьдесятъ коп.** съ пересылкою. По той же цѣнѣ высылаются полные экземпляры журнала 1878—1879 гг., въ которыхъ помѣщены статьи: гг. **Водовозова, Гербача, Гуревича, Зимницкаго, Иверсена, Каптерева, Карновича, бар. Корфа, В. Миропольскаго, Михайловскаго, Д. Семенова, Аѳ. Соколова, Ремезова, Тихомирова, Фесенко** и мн. др. ЖУРНАЛЪ ОДОБРЕНЪ ЗА ВСѢ ГОДЫ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Редакторы-издатели: **В. ЕВТУШЕВСКІЙ. А. ПЯТКОВСКІЙ.**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

КНЯЗЬ В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. (Съ портретомъ Одоевскаго). А. П. Пятковскаго. Ц. 75 к. Вѣс. 1 ф. Книгопродавцы обращаются. Поварской пер., № д. 5.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О подпискѣ на (II-ой) 1880 годъ на
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ
„РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ"
УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ,

издаваемый книгопродавцемъ **ЭМИЛЕМЪ ГАРТЬЕ**, въ С.-Петербургѣ.

«Россійская Библіографія» будетъ выходить въ 1880 году **два раза въ мѣсяцъ**, по прежней программѣ, которая, какъ показалъ опытъ 1879 года, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли журнала. Нумера «Россійской Библіографіи» будутъ содержать въ себѣ:

Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяцъ): а) Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи на всѣхъ языкахъ, музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ, фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объема, мѣста изданія, имени издателя и цѣны. б) Списки важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. в) Списки книгъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія ученыхъ комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. г) Списокъ театральныхъ пьесъ, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія драматической цензуры.

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяцъ).

Хроника (два раза въ мѣсяцъ). Статьи, посвященныя вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—Новости по книжному дѣлу.—Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочиненія.—Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ.—Біографіи и некрологи.—Корреспонденція.—Библіографическій листокъ, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ). Объявленія Гг. издателей, авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ, и т. п. Предложенія и требованія личныхъ услугъ.

Годовой каталогъ (безплатное приложеніе).

Въ концѣ года Гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый «Алфавитный и предметный ключъ», дающій возможность легко и скоро найти всѣ свѣдѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ:

На годъ съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р.—(съ годовымъ каталогомъ).
На 6 м. » » 2 р., » » 2 р. 50 к. (безъ годов. каталога)
На 3 м. » » 1 р., » » 1 р. 25 к. (безъ годов. каталога).
Цѣна отдѣльныхъ нумеровъ 25 к.; съ пересылкою 30 к.

Книжный складъ «РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ» (Эмиль Гартье)

Невскій пр., 27 (у Казанскаго моста), въ С.-Петербургѣ.

1) Принимаетъ **подписку** на всѣ журналы и газеты русскіе и иностранные, по цѣнамъ «Ежегодника періодическихъ изданій въ Россіи», т. е. по цѣнамъ редакцій. 2) Высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособія и пр., какъ русскія, такъ и заграничныя изданія. 3) Принимаетъ на складъ провинціальныя изданія и пр.

Постоянные покупатели получаютъ безплатно **«Ежемѣсячные каталоги»** новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ Книжнаго Склада **«Россійской Библіографіи»** (для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р. с.).

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора **Іоанна Антоновича**; митрополита Ростовскаго **Арсенія Мацѣевича** (въ темницѣ); **Иннокентія**—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; **Иринея Нестеровича**—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. **Пушкина**—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); **Н. В. Гоголя**—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; **Н. А. Некрасова**; статсъ-секретаря **С. М. Жуковскаго** (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича **Водянскаго**; персидскаго принца **Хосров-Мирзы**.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ **Петра Великаго**, **А. С. Пушкина** и **Н. В. Гоголя**.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. **Б. И. Куракина**;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. **П. И. Панина**, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчанія на Записки Манштейна);—Воспоминанія **А. И. Веригина**, **И. Л. Варунъ-Секрета**, **Л. И. Рикордъ**, **М. С. Валевскаго** и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога **И. А. Толышева** (1838—1878 гг.);—Очерки и разсказы **Э. И. Стогова**.—Дневникъ **А. И. Храповицкаго**—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки **П. А. Каратыгина**: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена **фонъ-Энзе** (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ **Я. И. Ростовцевымъ**—воспоминанія **А. Д. Галахова** (1850—1858 гг.);—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Воспоминанія **М. И. Венюкова** о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки **Н. В. Берга**.—Историческія изслѣдованія: **Д. И. Иловайскаго**;—**В. И. Семевскаго**;—**Н. Мизко**;—г. **Тальберга**;—**Д. Д. Лисенко**;—г. **Подвысоцкаго**;—проф. **В. С. Иконникова**: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ **Іоаннъ Антоновичъ**—по вновь открытымъ матеріаламъ;—**Н. М. Востокова**: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. **Иннокентія** къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. **Н. С. Голицынъ**: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. **Н. А. Поповъ**: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. **А. И. Барятинскій**—изъ Записокъ **М. Я. Ольшевскаго**;—**А. С. Пушкинъ**—очеркъ жизни и письма.—Предсмертная поѣздка **М. Ю. Лермонтова** въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа **Иринея** въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и разсказы изъ жизни.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ собранія **Богуславскаго** и

Письма, замѣтки, документы, разсказы, анекдоты и прочіе матеріа всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портрета.

8 руб. съ пересылкою и **11 руб.** въ хорошемъ переплетѣ.

противъ, прямо заявляютъ, что историкъ не долженъ дробить русскую исторію на отдѣльныя части, но соединить ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи. Историки-дѣлители въ основаніе періодовъ полагали какое либо господствующее, внѣшнее или внутреннее, явленіе въ исторіи народа и государства. Противники видятъ въ такомъ выдѣленіи отдѣльныхъ явленій—своего рода односторонность и настаиваютъ на постепенности развитія историческихъ началъ и ихъ взаимодѣйствіи. Въ первомъ случаѣ господствуетъ система, въ послѣднемъ—органическій взглядъ на общій ходъ исторіи.

Совершенно иное положеніе заняли въ этомъ вопросѣ славянофилы. К. С. Аксаковъ, въ своей статьѣ по поводу исторіи Соловьева, за основаніе дѣленія принимаетъ столицы, при чемъ замѣчаетъ, что русская столица вовсе не то, что столицы въ другихъ государствахъ; въ русской столицѣ нѣтъ ничего деспотическаго и централизующаго (!). Русская столица есть городъ, переживающій извѣстную эпоху народной жизни. Первая столица, Кіевъ—это эпоха общинной жизни. Княжества представляютъ собою отдѣльныя общины, тѣсно-связанныя языкомъ, вѣрою и княжескимъ родомъ. Борьба князей ведется за Кіевъ, какъ старшій городъ. Второй періодъ — владимірскій. Здѣсь выступаетъ уже господство силы, общинный духъ слабѣетъ и является борьба за преобладаніе отдѣльныхъ частей. Въ третьемъ періодѣ—московскомъ—въ лицѣ Москвы снова соединяются разрозненныя, враждующія общины. Москва провозглашаетъ единство Руси и одну общину. Примѣръ орды и Византіи—возвышаетъ власть, но она идетъ рука объ руку съ народомъ. Земскіе соборы замѣняютъ отдѣльныя вѣча. Наконецъ, петербургскій періодъ представляетъ разрывъ государства съ землею; но земля остается вѣрною; измѣняетъ только государство (разумѣется—реформа Петра В.). Отъ сихъ поръ идетъ раздвоеніе: народъ и Москва идутъ своимъ путемъ, потому и національное возрожденіе выходитъ изъ Москвы. Такая характеристика господствующихъ явленій составляетъ прямую противоположность мнѣніямъ последователей родовой теоріи, принимавшихъ извѣстныя ступени развитія—въ господствѣ родоваго быта, возникновеніи вотчинныхъ понятій и, наконецъ, утвержденіи государственнаго порядка, въ московскій періодъ исторіи. Нечего говорить уже, что писатели этой школы иначе смотрятъ и на такъ называемый петербургскій періодъ и реформу Петра В. Они видятъ въ немъ естественный результатъ предыдущаго историческаго развитія. Какъ оппозиція этому направленію (Аксаковъ упрекалъ Соловьева даже въ томъ, что его исторія есть собственно продолженіе «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина), славянофильская теорія представляетъ много крайностей и увлеченій; сами славянофилы иначе относились прежде и къ обще-европейской образованности, и къ реформѣ Петра В., а весьма близкій къ нимъ Погодинъ до послѣдняго времени не уступалъ послѣдней. Н. И. Костомаровъ, весьма сочувственно относившійся къ нѣкоторымъ основнымъ воззрѣніямъ славянофиловъ на древній бытъ, дѣлитъ русскую исторію на два уклада: удѣльно-вѣчевой и единодержавный, при чемъ XIV и XV вв. считаетъ временемъ переходнымъ отъ одного уклада къ другому. Но въ послѣднее время была сдѣлана попытка наложить событія въ системѣ (пока мы можемъ сказать приблизительно), предложенной славянофилами, хотя, конечно, этимъ не опредѣляется строгое слѣдованіе всѣмъ ихъ мнѣніямъ, высказаннымъ по поводу самаго дѣленія. Мы разумѣемъ трудъ Д. И. Иловайскаго и, до извѣстной степени, недавно появившееся сочиненіе г. Е. Голубинскаго: «Исторія русской церкви», о которомъ скажемъ вскорѣ, а теперь обратимся къ труду г. Иловайскаго. Недостатокъ этнографическаго обозрѣнія въ I-й части «Исторіи Россіи», о которомъ мы упоминали въ нашей прежней замѣткѣ, пополняется теперь, во II-й части, весьма обстоятельными очерками инородцевъ въ ихъ бытѣ и отношеніяхъ къ южной и сѣверной Россіи. Впрочемъ, мы думаемъ, что описаніе быта инородцевъ, имѣвшихъ отношеніе къ южной Руси, а равно очерки кіевской, галицкой и нѣкоторыхъ другихъ земель въ періодъ господства Кіева, могли бы быть вполнѣ сосредоточены въ I-й части: тогда яснѣе и опредѣленнѣе обозначилась бы физіономія южной и сѣверной Руси и границы обоихъ періодовъ.

В. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ одиннадцатый. ІЮЛЬ. **1880 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Александра Сергѣевича Пушкина** въ гробу. Съ рисунка ученик[а] Брюллова художника Мокрицкаго, исполненнаго съ натуры, перерисовалъ на дерево К. О. Брожъ. Гравировалъ во Франціи, въ Ниццѣ, граверъ Его Императорскаго Величес[тва] Академикъ Л. А. Сѣряковъ. II. **Снимки съ двухъ** черновыхъ **писемъ А. С. Пу[шкина]** къ Гекерену.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90

1880.

178.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-г

...зо-
...1880 г., 578 [1]).
...асть названнаго труда заключаетъ
... XI—XXII главы, въ которыхъ опи-
Кіевъ, Поросье и Полѣсье; Волынь
...ичъ; Черниговъ и Переяславль, По-
...кая степь; Смоленскъ и Полоцкъ,
...; Ливонскій орденъ; финскій сѣверъ
...вгородъ В.; Андрей Боголюбскій,
...лодъ Большое Гнѣздо и его сыновья;
Суздальская, Рязань и Камская Бол-
...строй и гражданственность древней
(вообще); монголо-татары, Золотая
Александръ Невскій и Русь сѣверо-
...ная; Даніилъ, Миндовгъ и Русь юго-
...ая. Лучшими очерками, кромѣ на-
...ихъ выше, безспорно слѣдуетъ при-
главы XIX и XX (строй и граж-
...енность древней Руси и о монголо-
...хъ и Золотой ордѣ), отличающіяся
...ствомъ бытовыхъ подробностей и
...ою. Въ особыхъ примѣчаніяхъ, по
...у первой части, указывается лите-
... вопросовъ и устанавливается точка
на спорные или сомнительные изъ
...какъ, напримѣръ, о названіи Угор-
...одъ Кіевомъ, о г. Торческѣ, о язы-
...ой Руси; о банномъ строеніи (ав-
...лоняется теперь въ пользу мнѣнія,
...о были не крестильни, а публичныя
..., устроенныя по образцу византій-
..., какъ думаетъ и г. Голубинскій, въ
...мъ новомъ трудѣ: «Ист. русск. церкви»,
о каменныхъ бабахъ, о двинскихъ кам-
..., и т. п. Авторъ поддерживаетъ до-
...рность извѣстій, сообщаемыхъ Та-
...вымъ (стр. 523) на основаніи дан-
..., не дошедшихъ до насъ, и придаетъ
...ой образованности этого періода болѣе
...ій смыслъ, чѣмъ принято обыкно-
... Мы приведемъ эти мѣста, такъ
далѣе намъ придется встрѣтиться съ
...шенно противоположнымъ воззрѣ-
...на нее: «Дошедшія до насъ произве-
русской словесности до-татарской
—говоритъ авторъ,—большею частію
...ваютъ въ сочинителяхъ значи-
начитанность, т. е. не только
... съ книгами св. писанія, но и
...урою греческою вообще. Это
конечно, пріобрѣталось при
...енно размножавшихся сла-

...ѣтки о ... трудѣ си.
...нинъ ... XXVIII,
...в.

ванскихъ переводовъ. Обиліе рукописей, сохранившихся до нашего времени при всѣхъ разрушительныхъ переворотахъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ ихъ количествѣ, которое обращалось на Руси, объ усердномъ ихъ переписываніи и о любви къ чтенію... Хотя грамотность еще не была широко распространена, однако дѣло книжнаго просвѣщенія, по всѣмъ признакамъ, шло успѣшно... Училища, заводимыя обыкновенно при соборныхъ церквахъ, особенно процвѣтали въ стольныхъ княжескихъ городахъ подъ непосредственнымъ попеченіемъ епископовъ... въ нѣкоторыхъ школахъ обучали и греческому языку, что было не трудно при существованіи многихъ грековъ въ составѣ русскаго духовенства... Несомнѣнно, что, кромѣ болгарскихъ переводовъ, русскіе въ тѣ времена имѣли и собственные переводы разныхъ произведеній византійской литературы». Авторъ ссылается при этомъ на покровительство нѣкоторыхъ князей устройству библіотекъ и училищъ. свѣдѣнія сообщаемыя Татищевымъ.

«...Тѣсныя связи съ Византіей вліяли непосредственно на усвоеніе книжнаго просвѣщенія, искусствъ и промышленности греческой... Далѣе, Русь воспринимала въ себя зачатки и западно-европейской гражданственности при посредствѣ торговыхъ, военныхъ и другихъ связей съ Венгріей, Польшей, Германіей и Скандинавіей» (335—336, 346—347).

Таково общее направленіе разсмотрѣннаго нами тома. О достоинствахъ обработки этого труда мы уже говорили при обозрѣніи первой части его.

Доклады и приговоры состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра В., издан. Импер. академіею наукъ подъ ред. **Н. В. Калачова** т. I. **Годъ 1711.** Спб. 1880. 476. Ц. 2 р.

Мы уже имѣемъ прекрасное описаніе документовъ и дѣлъ архива св. синода (2 т.) и полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія (4 т.) за царствованіе Петра В. Появленіе новыхъ матеріаловъ, относящихся къ другому высшему правительственному учрежденію—сенату, составляетъ весьма важный вкладъ, какъ для исторіи времени Петра В., такъ и для исторіи учрежденія, игравшаго столь видную роль въ царствованіе преобразователя.

Матеріалами для настоящаго изданія по-

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ

1799—1831.

(Окончаніе).

Глава III [1]).

Желалъ-ли грузинскій народъ русскаго подданства?

Выдающееся положеніе лицъ, стоящихъ во главѣ народа, ихъ ...тная дѣятельность, руководящая внѣшними отношеніями и на-...ляющая видимый строй народной жизни, не ускользаютъ отъ внима-... изслѣдователя историческихъ явленій и лицамъ этимъ невольно ...дается рѣшающее значеніе въ общемъ движеніи исторической ...зни народа. Всякое историческое явленіе легко объясняется ...лирными планами, плодотворною дѣятельностью однихъ, ошибками, ...дѣйствіемъ, личнымъ интересомъ другихъ замѣтныхъ представи-...лей или руководителей народа, но такое легкое объясненіе не мо-...тъ быть ни точно, ни вполнѣ вѣрно. Руководящія лица, высшее ...ководящее сословіе составляетъ только поверхностный, сравни-...льно ничтожный видимый слой того моря, которое называется ...родомъ. Причины существованія этого моря очевидно совсѣмъ не ...ѣ, отъ которыхъ волнуется его поверхность, представляя доступную нашему наблюденію картину опускающихся, поднимающихся, спи-бающихся волнъ.

Правда, въ рукахъ руководящаго сословія и видимаго его представительства въ народной жизни—администраціи—сосредоточивается значительная часть интеллигентныхъ и матеріальныхъ силъ народа, но вслѣдствіе безконечнаго разнообразія интересовъ всѣхъ руководящихъ лицъ и самаго ихъ положенія внѣ массы, на ея поверхности—

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 1—34; 159—178.

этимъ лицамъ весьма трудно участвовать въ созиданіи народныхъ силъ и чрезвычайно легко содѣйствовать быстрому их разложенію. Какъ бы ни была могущественна и искусственна администрація, она не въ состояніи захватить въ свое распоряженіе всего народа, проникнуть во всѣ отправленія народной жизни, которыя всегда будутъ совершаться по извѣстнымъ экономическимъ законамъ, бо́льшею частію неимѣющимъ ничего общаго съ идеалами, дѣятельностью и ошибками руководящихъ лицъ. Дѣйствующія силы, которыхъ эти историческіе и экономическіе законы служатъ конечнымъ выраженіемъ, не имѣютъ ничего особаго, сверхъестественнаго, и проявляются постоянно, такъ сказать—ежедневно, въ текущей жизни народа; но результаты ихъ дѣйствія, подобно результатамъ дѣйствія физическихъ силъ, производящихъ геологическія явленія на поверхности земной, обозначаются только въ продолжительный періодъ времени, и потому, ускользая отъ непосредственнаго наблюденія, даютъ каждому изслѣдователю лишь возможность дѣлать болѣе или менѣе основательныя гипотезы о постепенности ихъ прошедшаго дѣйствія и вѣроятныхъ отъ того послѣдствіяхъ.

На этомъ основаніи вопросъ: желалъ-ли весь грузинскій народъ присоединенія къ Россіи или нѣтъ—рѣшить прямо, непосредственно, нѣтъ возможности, такъ какъ этотъ народъ прежде всего не имѣлъ соотвѣтствующаго органа, посредствомъ котораго онъ могъ бы прямо выразить свое желаніе или нежеланіе; а потомъ народъ этотъ состоялъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ князья, дворяне, черный народъ, грузины, армяне, полудикія горныя племена—осетины, пшавы, хевсуры и пр. У всѣхъ этихъ элементовъ народа понятія объ общемъ благѣ и общемъ интересѣ взаимно противорѣчили и никогда не могли выразиться одною общею формулой, однимъ единодушнымъ желаніемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всѣ они составляли одно государство подъ управленіемъ одной и той же династіи, и всѣ выработанные предшествовавшими историческими событіями порядки или, вѣрнѣе, безпорядки для всѣхъ одинаково отражались въ видѣ полнаго безправія и отсутствія внутренней и внѣшней личной и имущественной безопасности,—то мы имѣетъ основаніе, обсуждая экономическое и общественное положеніе грузинскаго народа, сдѣлать вѣроятный выводъ о томъ, чего онъ долженъ былъ желать, чтобы его тяжкая, невыносимая участь могла измѣниться къ лучшему.

Не имѣя въ виду представить полную картину разстройства грузинскаго царства, приведемъ нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, которыхъ будетъ совершенно достаточно, чтобы судить о томъ, что̀ такое была Грузія въ періодъ присоединенія ея къ Россіи.

Коваленскій, котораго интересъ заставлялъ скрывать истинное разстройство грузинскаго царства, въ своей запискѣ о Грузіи (1) пишетъ: «Внутреннее благоустройство, порядокъ правосудія, просвѣщеніе народа, распространеніе его обогащенія обезпеченіемъ собственности и личной безопасности каждаго, внушеніе духа бодрости и согласія единодушнаго, учрежденіе войскъ въ возможномъ порядкѣ и устройствѣ, и, наконецъ, утвержденіе прочныхъ связей съ сосѣдями...: все таковое, при всѣхъ моихъ на сіи предметы внушеніяхъ, по сіе время начала не имѣло».

Иначе, конечно, и быть не могло. Въ предыдущей главѣ мы видѣли все безсиліе царя, при его деспотической власти, сдѣлать что нибудь для благосостоянія своего народа. Отъ царевичей царь не пользовался никакимъ уваженіемъ, какъ признается съ полною откровенностію самъ царевичъ Александръ. «Всѣ народы Грузіи,—пишетъ онъ генералу Лазареву (2),—остерегаются васъ, а то кто бы служилъ ему» (царю Георгію XII)? А что дѣлали сами царевичи, ближайшіе помощники и исполнители царскихъ распоряженій, и какъ отражалась на благосостояніи народа ихъ дѣятельность—можемъ заключить изъ слѣдующаго:

Всѣхъ царицъ, царевичей, царевенъ, ихъ дѣтей — къ 1800 году состояло 73 человѣка, а исключая отсюда семейство Дадіани (7 человѣкъ), которое кормилось на счетъ Мингреліи, оказывается, что шестьдесятъ шесть человѣкъ имѣли право и потребность раззорять несчастную Грузію, въ которой числилось только 35,000 семействъ. Разумѣется, членамъ царской семьи было очень тѣсно: они постоянно сталкивались, отнимали другъ у друга имѣнія, доходы, людей, и безпрерывно грызлись, взаимно ненавидѣли и мстили другъ другу; лгали и жаловались сначала царю, пока онъ существовалъ, а впослѣдствіи русскимъ властямъ. Разобрать и удовлетворить ихъ не было никакой возможности, такъ какъ бараты взаимно уничтожали всѣ права: всѣ были правы и всѣ неправы. Всѣ имѣнія были въ спорѣ и всѣ одинаково раззорялись своими хозяевами. Удивляться надо одному, какъ, за всѣми насиліями и поборами, подрывавшими платежныя силы населенія, оставалось еще что нибудь и доходы Грузіи при присоединеніи ея къ Россіи, за 1801 годъ, могли составлять сумму въ 60,287 р. 45 к. (3).

«Акты Археографической Коммисіи» даютъ намъ нѣсколько данныхъ для опредѣленія того, что стоили Грузіи законное, такъ сказать, штатное содержаніе 17-ти царицъ, царевичей и царевенъ. Изъ счета, представленнаго самою царицей Даріей, супругой царя Ираклія II,

мы видимъ, что собственно на прокормленіе ея персоны и двора отпускалось такое содержаніе (4):

Въ день: муки 4 коды; мяса 24 литры.

Въ постный день: рыбы тешекъ 8 паръ; балыковъ 3 пары; икры 4 литры; постныхъ овощныхъ припасовъ и орѣховъ 6 литръ; соли по 1 литрѣ; луку 1 литра (9 фунтовъ).

Въ ночь свѣчъ сальныхъ 6 фунтовъ.

Вина, соотвѣтственно сей провизіи, отпускалось сапальнями. Дрова доставлялись изъ окружныхъ деревень.

Для лошадей и катеровъ отпускалось ячменя въ день 17 литръ, а мякина доставлялась изъ окружныхъ деревень по раскладкѣ.

Какъ видно изъ этого списка количества и качества питательныхъ продуктовъ, отпускавшихся на содержаніе вдовствующей царицы и ея штата,—грузинскій дворъ не блисталъ роскошью въ гастрономическомъ отношеніи. Но, впрочемъ, сама царица Дарія была не прочь и покушать лучше, по крайней мѣрѣ при конвоированіи ея въ Россію баронъ Умянцовъ чуть не съ ужасомъ доноситъ кн. Циціанову (5), что у него выходитъ въ день на продовольствіе царицы и ея свиты: «около 3-хъ фунтовъ сахару; болѣе 20-ти тунгъ вина; 3 барана, до 15-ти курей, отъ 100 до 120-ти чурековъ».

Все это даетъ весьма характерныя указанія, до какой бѣдности доведена была Грузія, если подобное. буквально нищенское, содержаніе могло удовлетворять старшихъ членовъ царской семьи, каковымъ должно считать царицу Дарію, главную виновницу беззаконій въ царствованіе мужа ея Ираклія II и всѣхъ внутреннихъ смутъ послѣ его смерти. Съ другой стороны, судя по вышеприведеннымъ цифрамъ, очевидно, что для подобнаго нищенскаго продовольствія особъ царской семьи, при общемъ числѣ ихъ 66 человѣкъ, поборы одними продовольственными продуктами, не считая денежныхъ сборовъ,—составляли невыносимую тяжесть для раззореннаго грузинскаго населенія, состоявшаго всего изъ 35.000 семействъ, особливо если къ этому прибавить самый способъ взиманія посредствомъ насилія по баратамъ, которые всѣмъ выдавали и которымъ никто не велъ счета.

«Ни одинъ изъ чиновниковъ грузинскихъ, долговременно находившихся у царей при дѣлахъ,—доноситъ генералъ Кноррингъ государю (6),—не преподалъ мнѣ вѣрнаго свѣдѣнія о названіяхъ, числѣ селеній, націй народовъ, въ нихъ обитающихъ, и принадлежностяхъ ихъ казнѣ, церквамъ, къ удѣламъ членовъ царственнаго грузинскаго дома и помѣщикамъ, тѣмъ меньше о числѣ дымовъ или семействъ, сколько нибудь близкаго къ истинѣ».

«Теперь на каждый лоскутъ карталинскихъ и кахетинскихъ зе-

меяь,—доноситъ Коваленскій Кноррингу (7),—являются нѣсколько претендателей, относящіе наслѣдное свое право къ самой древности, хотя многіе изъ нихъ, черезъ нѣсколько уже перерожденій, не токмо ими не пользовались, но и помыслить о томъ не смѣли, сколько по опасности, извнѣ угрожавшей, столько по самовластію царей, присвоявшихъ всѣ такія пустопорожнія земли въ свою собственность».

«Всѣ подушные и поземельные сборы въ Грузіи,—доноситъ ген. Кноррингъ (8),—почти не имѣли основательнаго постановленія и требовались по единому произволенію царя, который, пользуясь правомъ отнимать избытки у кого хотѣлъ изъ подданныхъ,—не помышлялъ повинности гражданъ уравнивать по способамъ ихъ промышленности».

Можно представить себѣ, какъ невыносимо было положеніе платящихъ сословій при такомъ абсолютномъ незнаніи самого грузинскаго правительства—кто платитъ, что̀ платитъ и за что платитъ. Оно увеличивалось еще наслѣдственностью должностей, безъ жалованья, съ правомъ кормиться отъ мѣста, безъ всякаго контроля такой случайной администраціи изъ старцевъ, малолѣтнихъ и ихъ опекуновъ,—администраціи, которая отъ всѣхъ царственныхъ особъ получала бараты и сбивалась съ толку, по чьей волѣ она дѣйствуетъ; за то князья были довольны и не хотѣли перемѣнъ.

«Наше пропитаніе только въ томъ и состоитъ, что по должности мы получаемъ доходъ,—пишутъ кахетинскіе князья въ прошеніи Коваленскому (9) по поводу введенія администраціи по выбору, а не по наслѣдству,—и буде сего лишимся, то намъ ничего не остается какъ только погибнуть и умереть, такъ какъ мы содержать себя не можемъ».

«Легко понять,—доноситъ кн. Цыціановъ государю (10),—сколь отяготительно для поселянъ управленіе моуравовъ, которые, сверхъ положенной имъ по грузинскимъ древнимъ обычаямъ $^1/_{10}$ части доходовъ, обременяютъ крестьянъ, по злоупотребленію, вошедшему также въ обычай,—разными незаконными повинностями и поборами».

Понятно, что, при существовавшемъ невообразимомъ хаосѣ въ опредѣленіи, назначеніи и самой системѣ взиманія налоговъ,—единственнымъ регуляторомъ хотя какой нибудь правомѣрности платежей со стороны народа служило только нравственное достоинство назначавшихъ и собиравшихъ налоги властей, т. е. царевичей, царевенъ, царицъ и ихъ родственниковъ и благопріятелей князей моуравовъ по наслѣдству. Но это достоинство, какъ оно выражается въ ихъ собственныхъ письмахъ, было едва-ли не ниже административныхъ порядковъ и системы налоговъ, придуманной для благоденствія грузинскаго народа.—Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Царица Дарія жаловалась ген. Кноррингу, что она лишилась имѣнія и средствъ къ пропитанію. Спросили царевича Давида. Онъ отвѣтилъ (11), что царица Дарія имѣетъ съ двухъ красиленъ 4,000 руб.; двѣ деревни для продовольствія хлѣбомъ; одну для продовольствія рисомъ и мясомъ; виноградный садъ, приносящій 600 ведеръ вина; на Авлабарѣ имѣетъ шамхорельцевъ для доставки дровъ и грузинъ для полученія куръ, молока и яицъ. А что отнятыя Георгіемъ у царевича Парнаоза имѣнія будутъ возвращены, когда онъ возвратится изъ побѣга и присягнетъ на вѣрность императору.

Вотъ, между прочимъ, что̀ отвѣчала ему на это вдовствующая царица Дарія (12): «Ты самъ хорошо знаешь, что еще при твоемъ дѣдѣ доходы съ Цхинвальской и Горійской красиленъ ты и твои братья отымали у меня, да и въ прошломъ году горійскій доходъ ты самъ истратилъ, а въ Цхинвалѣ поставилъ своего человѣка и забралъ себѣ,—вѣдь ты знаешь, что засимъ ко мнѣ ничего не поступаетъ оттуда. Какъ же ты оправдаешь себя такою ложью?....Ты свое письмо испестрилъ названіями затѣмъ, чтобы обмануть незнающаго; если бы даже всѣ были обмануты, — Богъ не обманется, повѣрь мнѣ. Болѣе всего дивлюсь, что ты не бережешь себя отъ столькихъ лжей. Еще писалъ: «если Парнаозъ явится и присягнетъ на вѣрность государю, то получитъ обратно всѣ тѣ вотчины, которыя отецъ твой отобралъ у него на законномъ основаніи». Твой отецъ ничего законнаго не творилъ. Какимъ закономъ предписывается клятвопреступничество и отнятіе хлѣба у брата? Вы должны и то объявить Парнаозу: какъ вы вѣрите въ клятву и какъ поклялись—такъ-ли долженъ поклясться онъ, или иначе?»

Вопросъ этотъ, конечно, у мѣста; но онъ относится не къ одному царевичу Давиду, а ко всѣмъ членамъ царской семьи. Лазаревъ въ конфиденціальномъ письмѣ къ ген. Кноррингу (13) пишетъ: «Они присягу, клятву ни во что не ставятъ, а сохраненіе закона въ одномъ полагаютъ, что по постамъ, середамъ и пятницамъ не ѣсть мяса; но раззорить, похитить имѣнія, обокрасть и отнять жизнь у человѣка для своего интереса за ничто поставляя, рады изъ-за рубля присягать. Вотъ каковы они отъ перваго до послѣдняго».

«Извѣстился я,—доноситъ ген. Лазаревъ (14),—что братья покойнаго царя Георгія XII дѣлаютъ разныя притѣсненія всѣмъ карталинскимъ князьямъ. Ихъ неистовство дошло до того, что третьяго дня вытащили жену князя Туманова и оную заковали, равно и сестру сердаря Орбеліани, и таковыя неистовства дѣлаютъ весьма часто и раззоряютъ деревни».

А главный виновникъ этихъ неистовствъ, царевичъ Парнаозъ, въ

свое оправданіе пишетъ ген. Кноррингу (15): «Милостивый государь! Слышалъ я, что вамъ донесено, будто бы я раззорялъ Грузію и притѣснялъ народъ. Я по христіанской совѣсти увѣряю, что сверхъ отнятыхъ у меня имѣній, сколько царь Георгій и царевичъ Давидъ у моихъ крестьянъ—грузинъ, армянъ и татаръ—побрали насиліемъ, я противу того и пятой части не получилъ съ Карталиніи».

«Развѣ вы не знаете,—откровенно сознается въ свою очередь ген. Лазареву царевичъ Давидъ (16),—исторіи о томъ, какъ грузины во время владычества османовъ и персовъ погубили другъ друга; все, что по сіе время представляетъ слѣды опустошенія въ Карталиніи, все это произведено взаимнымъ злодѣйствомъ и корыстолюбіемъ».

«Есаулы, посланные якобы царевичемъ Давидомъ,—доноситъ подполковникъ Симоновичъ ген. Лазареву (17),—пріѣхавъ въ деревни, близь Сурама расположенныя, начавъ дѣлать наглости, столь встревожили тамошнихъ обывателей, что тѣ приняли намѣреніе къ побѣгу, но капитаномъ съ ротою, тамъ квартирующимъ, отъ того удержаны. Нынѣ прибывъ вторично и не могши по требованіямъ ихъ получить вина, начали насильственнымъ образомъ у жителей сурамскихъ ружья, котлы и одежду отнимать, и выгребать весь имѣющійся у нихъ хлѣбъ».

Въ числѣ вопросовъ, представленныхъ ген. Лазаревымъ на разрѣшеніе генерала Кнорринга при его пріѣздѣ въ Тифлисъ, стоитъ слѣдующій:

«Какъ многіе чиновники имѣютъ мѣста, единственно для собственнаго пропитанія имъ служащія, и берутъ со ввѣренныхъ имъ частей деньги и вещи безъ всякаго человѣчества, отъ чего всѣ жители Грузіи весьма претерпѣваютъ, то, дабы жители, а равно чиновники, никакихъ нуждъ не претерпѣвали, то какъ поступать въ семъ случаѣ?» Отвѣтъ былъ такой: чиновникамъ пользоваться содержаніемъ по прежнему, но не допускать злоупотребленій.

Ген. Лазаревъ съ ужасомъ разсказываетъ, какъ царевичъ Давидъ требовалъ взыскать съ князя Соломона Тарханова долгъ въ 600 р., котораго тотъ никогда не дѣлалъ.

Поставленный на очную ставку съ Тархановымъ, царевичъ Давидъ не только отказался отъ взысканія долга, но началъ увѣрять ген. Лазарева, что никогда объ этомъ долгѣ не говорилъ (18). «Теперь вы можете посудить,—пишетъ ген. Лазаревъ ген. Кноррингу,—каковы всѣ грузины, если таковъ тотъ, кто показалъ себя достойнымъ царствовать».

Какимъ довѣріемъ и уваженіемъ пользовались у народа члены

царской семьи, прекрасно характеризуется царевичемъ Парнаозомъ въ письмѣ къ кн. Ивану Эристову (19): «клянусь благодатію брата нашего католикоса,—пишетъ Парнаозъ,—и твоею жизнію, что поистинѣ всѣ мои люди голые, и если хоть не отдѣлаюсь отъ заимодавцевъ, на базарѣ уже мнѣ никто не повѣритъ, да и зачѣмъ повѣрять, когда я не могу отдать въ залогъ, чтобы взять что либо, а даромъ, и ты знаешь, никто ничего мнѣ не отпуститъ».

Неудивительно, что, при такомъ низкомъ нравственномъ уровнѣ правителей, обхожденіе ихъ съ простымъ народомъ было самое варварское, какъ можно судить изъ приказа, даннаго Георгіемъ XII кн. Амилахвари, и приказанія ген. Кнорринга Верховнаго грузинскаго правительства уголовной экспедиціи (20)—предписать полицейскимъ властямъ, «дабы оныя обязали подписками помѣщиковъ, чтобы сіи своихъ крестьянъ безчеловѣчными побоями не увѣчили».

Не смотря однако на всѣ бѣдствія и раззореніе, Грузія въ то время, какъ и теперь, была страною богато надѣленною естественными богатствами, эксплоатація которыхъ могла бы съ избыткомъ прокормить и доставить довольство населенію, въ десятки разъ большему, чѣмъ несчастные остатки нѣкогда сильнаго грузинскаго народа!

«Вездѣ,—доноситъ ген. Кноррингъ государю послѣ своего путешествія въ Грузію (21),—представлялась мнѣ земля отъ природы обогащенная, но селенія—отъ рукъ хищниковъ внѣшнихъ и отъ внутреннихъ крамолъ раззоренныя и опустошенныя».

«Земля здѣшняя сама по себѣ плодородная могла бы быть при хорошемъ хозяйствѣ и устройствѣ,—пишетъ ген. Лазаревъ (22),—но что теперь въ оной не такъ достаточно, то причины тому суть: народъ отягощенъ поборами, какъ отъ царствующихъ, такъ и отъ князей и дворянъ своихъ. Ибо каждый, кто бы онъ ни былъ, пріѣзжая въ деревню, все беретъ безденежно, отчего поселянинъ не имѣетъ никакой охоты обработывать,—буде же что привезетъ въ городъ, то у него берется такимъ же образомъ на чье нибудь имя».

Нельзя думать, чтобы народъ не видѣлъ ясно полную возможность улучшить свой бытъ культурою богатой природы, и могъ бы не понимать, какъ это ему ежеминутно доказывалось, что главною причиною его нищеты служатъ притѣсненія и неправды царевичей, царицъ и ихъ клевретовъ, притѣсненія невыносимыя и дѣлавшія немыслимымъ всякое улучшеніе народнаго быта. А потому, естественно, вся эта темная, угнетенная, страждующая масса простаго народа искренно желала прекращенія подобнаго порядка вещей, не придавая никакого значенія будущей формѣ своихъ отношеній къ верховной власти. Будетъ-ли въ Грузіи самостоятельный, независимый царь.

или этотъ царь сдѣлается вассаломъ, поступитъ въ рабство къ шаху, султану, императору—все это для народа обѣщало лучшее положеніе, лучшіе порядки, если только многочисленные царицы, царевичи, царевны и поставленные ими моуравы и нацвалы — лишатся права наслѣдственно высасывать послѣдніе соки народнаго благосостоянія.

Какъ велико было это народное благосостояніе Грузіи въ періодъ присоединенія ея къ Россіи, можно себѣ ясно представить, подведя, на основаніи вышеизложеннаго, общіе итоги условій политико-экономической жизни грузинскаго народа. Мы видимъ, что счету деревень, числа и національности ихъ жителей навѣрно никто не зналъ. Налоги же на нихъ налагались по произволу царя и высшаго сословія, безъ всякаго соображенія, и размѣръ ихъ опредѣлялся лишь размѣромъ наличнаго имущества тѣхъ поселянъ, которые не бѣжали въ лѣса, а состояли на лицо, такъ какъ всякій дворянинъ и его человѣкъ, являясь въ деревню, брали у крестьянина все, что онъ имѣлъ. Право поземельной собственности, даже у высшаго класса, вовсе не существовало: всякое имѣніе, всякая деревня могли быть взяты и отданы другому по барату, или просто отняты и разграблены всякимъ царевичемъ и княземъ, которому не давали того, что̀ онъ требовалъ по собственному своему произволу. Всякій грабилъ сколько имѣлъ силъ, и все-таки по своему счету, какъ признается царевичъ Парнаозъ, не добывалъ грабежомъ и пятой части того, что отнимали у него старшіе. Такіе порядки, однако, не мѣшали уплатѣ, со стороны ограбляемыхъ, налоговъ, которые взимались при томъ наслѣдственными, т. е. несмѣняемыми, моуравами. Моуравы кормились отъ поборовъ и безъ нихъ должны были лишиться жизни, стало быть, вынуждены были къ злоупотребленіямъ силою своего положенія. Жаловаться было некому: трепеща за личность и собственность свою, невинный и преступникъ одинаково укрывались отъ гнѣва сильнаго чрезъ постыдныя коварства и подаянія (23). Эти подаянія и постыдныя коварства расточались передъ особами, нравственное достоинство которыхъ имѣло отрицательную величину, а глубокое невѣжество «было такъ велико, что бо̀льшая часть онаго (дворянства) не знаютъ своего природнаго языка по правиламъ» (24).

Внѣшняя защита Грузіи принадлежала войску, которое, по описанію генерала Лазарева, было въ такомъ состояніи (25):

«Изъ князей, которые составляютъ конницу, есть хорошіе наѣздники и довольно храбрые; но пѣхота, составленная изъ мужиковъ, исключая тушинцевъ, хевсуръ и пшавовъ, никуда не годится. Но

всѣ сіи войска такъ застращены, что безъ подкрѣпленія съ самымъ слабымъ непріятелемъ дѣла имѣть не могутъ».

Очевидно, подобное войско обезпечивало Грузію отъ сосѣднихъ хищниковъ на столько, на сколько лично у каждаго грузина хватало силъ и оружія для собственной обороны. Для самого же царя такое войско было не только безполезно, но положительно вредно, такъ какъ, при абсолютной негодности противъ внѣшнихъ враговъ, оно могло лишь служить всякому недовольному для противодѣйствія власти царя.

Но если не могло быть внѣшней безопасности; если личность и имущество не могли быть ограждены; если администрація представляла особый видъ хаотическаго грабежа и полнаго безправія, то—какъ бы ни былъ способенъ, энергиченъ, трудолюбивъ грузинскій народъ,—личный трудъ каждаго, составляющій основу экономической жизни государства, становился непроизводительнымъ. Стало быть, трудиться, производить, создавать матеріальныя цѣнности—было не раціонально, а это непосредственно служило къ уничтоженію внутреннихъ силъ государства и дѣлало политическое существованіе послѣдняго невозможнымъ. Изъ ничего, человѣческою мудростью и энергіею, нельзя создать что либо. Если платежныя силы народа истреблены, то неизбѣжно наступаетъ финансовое разстройство и, какъ неотразимое послѣдствіе сего—политическое безсиліе государства и внутреннія въ немъ смуты. Нѣтъ такой мудрой администраціи, которая могла бы управлять сложною государственною машиною, не имѣя достаточно доходовъ на ея содержаніе. Одними бюрократическими махинаціями нельзя создать матеріальныя средства, необходимыя для существованія администраціи, если этихъ средствъ нѣтъ у народа. Грузинское правительство и администрація истребили благосостояніе народа, и затѣмъ должны были неизбѣжно погибнуть.

Конечно, грузинскій народъ весьма смутно понималъ причины разстройства государственнаго организма: онъ только чувствовалъ свои невыносимо-тяжкія страданія и долженъ былъ искать случая и средствъ покончить съ ними, и разумѣется, не во имя отвлеченныхъ идей, а просто во имя возможнаго улучшенія своего матеріальнаго быта. Но гдѣ же и въ чемъ могъ онъ видѣть желаемое улучшеніе? Перемѣна царя Георгія XII на царевича Давида или царевича Юлона, безъ сомнѣнія, не могла обѣщать ничего кромѣ новаго раззоренія и новыхъ страданій. Признаніе царевича Александра и его могущественнаго покровителя—шаха персидскаго—слишкомъ напоминало весьма недавнее нашествіе Ага-Мамед-хана, почти поголовное избіеніе грузинъ и полное раззореніе страны, отъ котораго даже

Тифлисъ еще не успѣлъ оправиться. Порта Оттоманская не придавала никакого значенія закавказскимъ государствамъ и ограничивалась болѣе нравственною, чѣмъ матеріальною поддержкою мусульманскихъ владѣльцевъ, въ ущербъ христіанамъ. Иного Турція не могла дѣлать и въ будущемъ,—а грузины свято хранили свою религію, дорожили своими обычаями и не прибѣгали къ ренегатству для облеченія своего невыносимаго положенія. И грузины были правы: только одна христіанская религія, при общемъ разложеніи внутренняго государственнаго строя, не допустила ихъ до обращенія въ азіатскую орду, въ безчеловѣчныхъ варваровъ, въ родѣ окрестныхъ сосѣдей, потерявшихъ всякое сознаніе человѣческихъ правъ и человѣческаго достоинства. Поэтому совершенно естественно, что, при сознаніи необходимости внѣшней помощи для водворенія внутренняго порядка, при мысли объ иностранномъ покровительствѣ, для всѣхъ благомыслящихъ грузинъ, какъ и для представителя грузинскаго народа Георгія XII—далекая, могущественная и единовѣрная Россія оказалась единственнымъ государствомъ, помощь котораго могла спасти Грузію отъ одолѣвавшихъ ее внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но все-таки это общее сознаніе, со стороны забитаго, раззореннаго народа, не могло выразиться открытымъ требованіемъ русскаго покровительства или русскаго подданства. При глубокомъ невѣжествѣ и постоянной боязни кары, даже безъ всякаго съ его стороны новода,—грузинскій простой народъ не смѣлъ выражать своихъ желаній, да едва-ли и съумѣлъ бы ихъ формулировать. Но онъ давно привыкъ ждать помощи отъ христіанской Россіи,—граница которой была недалеко и хорошо извѣстна, такъ какъ за эту границу постоянно выселялись изъ Грузіи всѣ бѣглецы, спасавшіеся отъ мести и раззоренія царями, царевичами, князьями и внѣшними врагами. Однако, если народъ грузинскій и привыкъ ждать избавителей изъ Россіи, то какъ достигнуть этого, какъ ускорить желанное событіе — онъ не могъ выразить въ опредѣленной формѣ и не съумѣлъ бы добиться до практическаго предложенія, которое могъ сдѣлать только одинъ грузинскій царь, невольно подчинившійся общему, инстинктивному желанію своего народа. Только по той радости, съ какою были приняты грузинами первыя русскія войска, первые русскіе дѣятели, первое русское правленіе въ Грузіи, и по тому искреннему содѣйствію большинства народа, какое оказано первымъ шагамъ русскаго владычества, мы можемъ заключить объ искреннемъ желаніи грузинскаго народа поступить подъ власть Россіи.

Мы описывали въ первой главѣ блистательную встрѣчу и общее ликованіе тифлисскихъ жителей даже на базарѣ, гдѣ, по словамъ

Коваленскаго, каждая лавка въ ряду имѣла свою маленькую бесѣду, а въ совокупности составляли весьма пріятное зрѣлище (26).

Вотъ какъ описываетъ генералъ Лазаревъ пріемъ въ Тифлисѣ детапемента Гулякова (27):

«Народъ, на лицахъ коего являлись успокоеніе, радованіе и восхищеніе, препровождалъ съ радостными восклицаніями защитниковъ своихъ въ городъ, гдѣ старцы, вышедшіе во срѣтеніе у домовъ своихъ, поднимали къ небу дрожащія свои руки, благодаря Всевышняго за ниспосланіе имъ защиты; возвышали всевысочайшее имя монарха до небесъ похвалами, и веселыя объятія простирали къ нашимъ мушкатерамъ, какъ чадолюбивые отцы къ дѣтямъ своимъ».

«Здѣшній гостинный дворъ былъ уже не мѣстомъ торжища, но восхитительнѣйшею картиною шума празднующихъ, кликовъ веселящихся, при каковомъ случаѣ участвовали какъ вся царская фамилія, такъ и всѣ знаменитѣйшіе царства чины отъ стараго до малаго».

«По объявленіи царевичамъ и народу высочайшаго соизволенія, чтобы все осталось по прежнему, а преемникъ покойному царю избираемъ не былъ, — доноситъ ген. Кноррингъ государю (28), — народомъ сіе принято безъ малѣйшаго ропота, да и всѣ царевичи оказали на то готовность свою тѣмъ охотнѣе, что въ противномъ случаѣ должны бы возродиться междуусобія между братьями и дѣтьми покойнаго царя».

Душетскій капитанъ-исправникъ, по поводу поступленія имѣній царевича Вахтанга въ распоряженіе русскаго правительства, доноситъ (29): «народъ вездѣ встрѣчаетъ насъ съ восхищеніемъ и съ чистѣйшею благодарностью государю императору, по причинѣ выше мѣръ терпимаго доселѣ ига».

Донося государю о неистовствѣ царевичей, братьевъ умершаго Георгія XII, генералъ Кноррингъ описываетъ, какъ принято было въ Тифлисѣ объявленіе объ упраздненіи царства. По прочтеніи высочайшей грамоты, всѣ тифлисскіе жители пришли въ домъ генерала Лазарева и подписали благодарную грамоту. «Благодарность и радость были изображены на всѣхъ лицахъ и желаніе подписывать было такъ сильно, что многіе князья уже вечеромъ приходили и просили распечатать пакетъ съ грамотою, чтобы совершить рукоприкладство; а моуравъ Андрониковъ, будучи болѣнъ, прислалъ съ довѣреннымъ свою печать, дабы оную приложить» (30). Бывшіе послы въ Петербургѣ, князья Палавандовъ и Аваловъ, писали генералу

Кноррингу особое письмо, удостовѣряя, что они лично видѣли сильное желаніе народа быть въ русскомъ подданствѣ.

«Сколь обрадованы подвергнуться русскому подданству князья, дворяне, купцы въ Тифлисѣ и вообще въ провинціи жительствующій народъ, изрещи не могу»,—пишетъ генералу Кноррингу патріархъ армянскій (31).

«Городъ раздѣленъ на нѣсколько частей, каждая на десятки; опредѣлены десятскіе и частные, кои обязаны наблюдать чистоту и порядокъ, и сіе,—доноситъ ген. Лазаревъ ген. Кноррингу (32),—дѣлается съ такимъ удовольствіемъ отъ обывателей, что я никогда ожидать не могъ по грубому азіатскому нраву.

«Теперь,—продолжаетъ ген. Лазаревъ,—долгомъ считаю донести всю радость, кою здѣсь произвелъ высочайшій манифестъ: я, живучи здѣсь полтора года, еще не видалъ такого совершеннаго удовольствія, какое здѣсь существуетъ со дня прибытія Золотарева; всѣ какъ снова переродились и ожили, можно сказать, что сердятся, когда ихъ назовутъ грузинами, а говорятъ, что они русскіе».

«При объявленіи манифеста армянамъ, такъ какъ здѣшніе (тифлисскіе) обыватели по большой части армяне и ремесленники и торгующіе, а грузинъ самая малая часть, весьма примѣтна была радость на всѣхъ лицахъ, исключая патріарха, который, по простотѣ своей, не могъ скрыть своего неудовольствія, на лицѣ изображеннаго» (патріархъ былъ весьма преданъ царствовавшей династіи).

«Я еще въ первый разъ видѣлъ такое стеченіе народа, какъ сей день было, и такіе знаки радости,—свидѣтельствуетъ генералъ Лазаревъ.—Также получилъ отъ маіора князя Саакадзе и капитана Гарцевича рапорты изъ Душета и Гори, что точно такая же радость и въ тѣхъ мѣстахъ изъявлена, какъ здѣсь. Рапорты ихъ представлю, когда соберу со всей Грузіи, и твердо увѣренъ, что вездѣ будетъ такая же радость, какъ и въ означенныхъ трехъ мѣстахъ».

Въ письмѣ 2-го марта генералъ Лазаревъ сообщаетъ генералу Кноррингу (33), «что посланные съ манифестами офицеры возвратились и привезли пріятную вѣсть, что вездѣ оные были приняты съ большою радостью, исключая Тамбака, гдѣ одни магометане не изъявили никакой радости. Князья, исключая тѣхъ, кои имѣли нѣкоторое вліяніе въ правленіи и потому способы къ грабительству и обогащенію, одни тѣ кажутся повѣся носъ ходятъ; прочіе же всѣ довольны».

Отправивъ въ Россію нѣкоторую часть царевичей, генералъ Лазаревъ доноситъ (34): «Наконецъ нѣкоторая часть раззоренія Грузіи

пріяла начало ея облегченія; народъ и преданные столь рады ихъ отъѣзду, что я вамъ и описать не могу, и нѣкоторые почти громко кричатъ, что большая государева милость была бы и послѣднихъ всѣхъ взять».

«Купечество, городскіе жители и многіе поселяне,—пишетъ ген. Лазаревъ ген. Кнеррингу (35), — въ весьма большомъ восторгѣ, что государь въ свои подданные ихъ принялъ, и многіе купцы мнѣ объявили, что они въ три мѣсяца то получили барыша, что прежде отъ баратовъ въ годъ не получали; также и поселяне, кои имѣютъ моуравовъ приверженныхъ къ намъ, то и тѣ уже чувствуютъ милость государя.... Но гдѣ моуравы не такъ усердствуютъ и даютъ еще волю продолжать прежнее иго, то тѣ еще много не такъ довольны».

Во время наступившихъ смутъ, когда царевичи задумали возстановить простой народъ противъ русскаго правительства, они не встрѣтили въ немъ никакого желанія поддерживать прежніе порядки.

«Лезгинскіе набѣги,—пишетъ Мусинъ-Пушкинъ (36),—бо́льшею частію по внушенію царскаго дома происходятъ не въ томъ намѣреніи, чтобы раззорить Грузію, но болѣе для того, чтобы убѣдить простой народъ, что защита россійская для нихъ недостаточна».

Генералъ-маіоръ Леонтьевъ доноситъ генералу Лазареву (37): «Всѣ манавскіе князья всякій день ѣздятъ на гору, ожидаютъ царевича Александра съ большимъ войскомъ и заставляютъ жителей идти съ ними. Манавскіе же жители никакъ на сіе не преклонны и хотятъ вмѣстѣ съ русскими защищаться».

«Простой народъ,—пишетъ Мусинъ-Пушкинъ о возстаніи въ Кахетіи,—никакъ въ заговорѣ участвовать не хотѣлъ, съ присланными письменными объявленіями увѣрялъ въ вѣрности своей и просилъ единственно о защитѣ отъ мятежниковъ».

Андрей Курдашвили, посланный для возмущенія Кахетіи (38), показываетъ, что, явившись въ первую деревню Калаури, онъ прочиталъ въ публичномъ собраніи данныя ему письма, что́ «всей черни той деревни весьма показалось противно и, отдавая письма, ему объявили, что на бунтъ и возмущеніе никогда не покусятся. Почему въ другихъ деревняхъ писемъ этихъ онъ не рѣшался и показывать». Это показаніе подтверждается рапортомъ подполковника Соленіуса (39), который, преслѣдуя бѣжавшихъ князей, проходилъ мимо деревень, «жители коихъ приходили и объявляли ему, что, принявъ присягу императору россійскому, они нарушить оную не согласятся не смотря ни на какія угрозы князей».

Генералъ Лазаревъ доноситъ по этому же предмету ген. Кнор-

рингу (40), что «какъ ни старались князья привлечь народъ къ своей сторонѣ, народъ остался на своихъ мѣстахъ и ни по какимъ уговорамъ къ партіи ихъ не присталъ, а при случаѣ имъ не повиновался, хотя князья современемъ будутъ дѣлать жителямъ отмщеніе».

«Нельзя не донести,—пишетъ Карнѣевъ изъ Телава Коваленскому (41),—что черный народъ мы нашли весь преданный государю и, по прибытіи въ Телавъ 29-го и 30-го іюля, мужики цѣлыми деревнями приходили къ генералъ-маіору Гулякову испрашивать наставленій, какъ имъ поступать въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ».

«Я не осмѣлюсь утверждать,—доноситъ ген. Кноррингъ государю (42),—чтобы всѣ высшаго состоянія люди взирали на присоединеніе Грузіи и прежде и теперь равнодушно. Половина дворянства грузинскаго желаетъ имѣть царя, дабы удержать наслѣдственныя достоинства и сопряженные съ ними доходы. Но всѣ прочіе, основательнѣе размышляющіе, вѣдая внутреннее и внѣшнее состояніе отечества; зная сколь нетвердо состояніе въ такомъ правленіи, въ коемъ нѣтъ ни твердыхъ основаній, ни способовъ къ содержанію устройства,—разсуждаютъ, что лучше уступить часть своихъ преимуществъ и быть подъ сѣнью незыблемаго правительства, нежели, находясь въ ежеминутномъ страхѣ, ожидать потери жизни и собственности отъ внутреннихъ волненій или отъ хищныхъ сосѣдей,—и совокупно съ прочими состояніями грузинскаго народа желаютъ быть въ подданствѣ Россіи».

«Князья, которые имѣютъ свои деревни и живутъ одними доходами, не имѣя въ виду никакихъ грабительствъ,—доноситъ ген. Лазаревъ ген. Кноррингу (43),—остаются, по видимому, приверженными къ новой (русской) власти, а тѣ, которые всегда имѣли въ предметѣ своемъ одно непомѣрное грабительство ихъ единоземцевъ и тѣмъ наживались,—держатся стороны царевичей. Но всѣ они важнаго сдѣлать не могутъ, кромѣ привода сюда ничего незначущихъ сосѣдственныхъ войскъ».

Какъ видно изъ сдѣланныхъ выписокъ, народъ оставался сколько могъ въ сторонѣ отъ поддержки замысловъ упраздненной династіи и твердо держался своего желанія быть подъ властью русскаго правительства. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что во время перваго пріѣзда генерала Кнорринга въ Грузію, по повелѣнію государя императора, для убѣжденія въ искренности желанія русскаго подданства, народъ грузинскій встрѣчалъ генерала Кнорринга толпами отъ границы до самаго Тифлиса, расчитывая, что генералъ Кноррингъ прибылъ, чтобы объявить рѣшеніе о присоединеніи Грузіи къ

Россіи, и въ радости изливалъ моленія о здравіи и благоденствіи государя,—но узнавъ, что это рѣшеніе откладывается, ввергался въ крайнее уныніе и печаль.

Въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Тифлисъ генералъ Кнорригъ доноситъ государю (44): «Удовольствіе народа тѣмъ сильнѣе, тѣмъ искреннѣе, что теперь совершенно опровергласъ молва, разсѣянная царевичами и ихъ соучастниками, якобы Грузія останется при прежнемъ образѣ бѣдственнаго правленія своего».

Сдѣланныхъ выписокъ, думаемъ, достаточно, чтобы придти къ выводу о желаніи грузинскаго народа,—исключая царской семьи и ихъ сообщниковъ, приверженныхъ собственно къ наслѣдственнымъ должностямъ, а не къ царствовавшей династіи,—поступить въ подданство Россіи, а лучшее фактическое подтвержденіе этого желанія мы найдемъ въ ничтожности военныхъ силъ, занимавшихъ Грузію и ограждавшихъ ее отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Какъ видно изъ «Актовъ Археографической Коммисіи», отрядъ изъ 100 человѣкъ солдатъ, при пушкѣ, въ то время считался большою силою. Войска наши были разбросаны частями въ 70, 60, 50 и менѣе человѣкъ, въ добавокъ при томъ условіи, что сколько ни приказывай нашему солдату, чтобъ имѣлъ осторожность, но онъ на квартирѣ такъ стоитъ, какъ у мужика въ Россіи (45).— При всемъ превосходствѣ дисциплины и вооруженія побѣдоносныхъ россійскихъ войскъ, вполнѣ очевидно, что избіеніе всѣхъ отрядовъ было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого раздробленія силъ въ непріятельской землѣ—при враждебномъ отношеніи населенія. Изъ письма царевича Парнаоза къ Отіа и Ивану Зандукелли (46) можно убѣдиться, что желаніе захватить врасплохъ и истребить мелкіе русскіе отряды являлось у враговъ Россіи, и если наши отряды стояли крѣпко и дѣйствительно охраняли порядокъ и безопасность Грузіи, то они могли это сдѣлать только при содѣйствіи и сочувствіи большинства—если не всего населенія страны.

Правда, вслѣдъ за радостію присоединенія къ Россіи, появилось множество поводовъ къ огорченію. Прежде всего, съ обнародованіемъ, 16-го февраля 1801 года (47), перваго манифеста императора Павла о принятіи царства грузинскаго въ россійское подданство, въ Грузіи ничего не измѣнилось, такъ какъ всѣ царевичи, царицы, царевны и весь административный порядокъ остались нетронутыми и, стало быть, тяжкое положеніе народа осталось безъ улучшенія. Первый робкій шагъ къ серьезнымъ перемѣнамъ сдѣланъ только въ іюнѣ 1801 года, когда по предписанію ген. Кнорринга (48) учреждено Грузинское правительство, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Лазарева,

изъ членовъ: Заала Баратова, Ивана Чолокаева, Игнатія Туманова, Сулхана Туманова и единственно для участія въ дѣлахъ города Тифлиса, кн. Дарчи Бебутова. Но это «правительство» очевидно не могло сдѣлать что нибудь, такъ какъ оно и учреждено было только на время, въ ожиданіи рѣшенія императора Александра I-го о дальнѣйшей судьбѣ Грузіи.—Одновременно съ этимъ, Коваленскій трудился надъ составленіемъ своего знаменитаго проекта Верховно-Грузинскаго правительства, которое и утверждено государемъ въ Москвѣ, 12-го сентября 1801 года (49). Первый правитель Грузіи Коваленскій и его дѣятельность, направленная къ ограбленію русской казны и раззоренію всей страны, попавшей въ его руки,—намъ извѣстны изъ первой главы. Если внѣшняя безопасность безусловно была достигнута дѣятельностію ген. Лазарева и вообще всего военнаго начальства, то внутренній порядокъ, т. е. систематическое ограбленіе Грузіи, продолжался по прежнему, но вдобавокъ—въ формѣ новыхъ злоупотребленій, чуждыхъ нравамъ, обычаямъ и понятіямъ грузинскаго народа, а потому особенно для него непріятныхъ и особенно тягостныхъ. Результатомъ этого было сначала охлажденіе вѣрноподданническаго восторга, а потомъ ропотъ и открытое враждебное настроеніе противъ Россіи и всего русскаго. Прибавляя къ этому заботливыя усилія грузинской царской семьи и ея сообщниковъ возбудить всѣми средствами враждебныя чувства къ Россіи и русскому владычеству, нечего удивляться тому быстрому переходу отъ всеобщей радости, какая была во время присоединенія Грузіи въ 1801 году, къ всеобщему колебанію умовъ противъ россійскаго правленія, которое засталъ кн. Иціановъ уже въ 1803 году (50). Иныхъ послѣдствій, конечно, и быть не могло, если, удостоенный полнаго довѣрія государя, правитель Грузіи, вмѣсто честнаго исполненія своего долга, вмѣсто самоотверженной службы Россіи, задумалъ пользоваться своимъ высокимъ государственнымъ положеніемъ и данною ему властью для своего личнаго обогащенія и устройства своихъ родственниковъ и клевретовъ, посредствомъ которыхъ устроилъ крѣпкую, сплошную сѣть изъ своихъ агентовъ во всѣхъ административныхъ инстанціяхъ, и съ помощью такихъ душеприкащиковъ ловилъ все, что можно было извлечь изъ грузинскаго народа—и деньгами, и продуктами, и работой. Коваленскій и К° захватывалъ безразлично все попадавшееся подъ руку: и земли, и казенныя деньги, и всякія послуги жителей, и ячмень, и сѣно для поставки войскамъ—понятно не подъ собственною фирмою, а черезъ своихъ душеприкащиковъ, и даже выдумалъ построить казенную суконную фабрику изъ кирпича стараго дворца грузинскихъ царей—разумѣется, безъ

согласія владѣльца (51). Коваленскій не стѣснялся обирать даже и побѣдоносныя россійскія войска, вступивъ въ сдѣлку съ избраннымъ имъ губернскимъ казначеемъ Иваномъ Бегтабековымъ, для искусственнаго пониженія курса червонцевъ, затрудненіемъ размѣна ихъ на серебро (52), и, стало быть, при управленіи Грузіей, правитель показалъ финансовыя познанія, какія рѣдко кто имѣлъ на Руси въ то время.

Генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, по слабости, простотѣ, незнанію края и отдаленности своего мѣстопребыванія, вѣроятно, не виноватъ или, правильнѣе, не былъ соучастникомъ въ злоупотребленіяхъ Коваленскаго и К°, но, своимъ довѣріемъ къ нему, своими разрѣшеніями и даже испрошеніемъ высочайшихъ повелѣній, узаконялъ всѣ плутни и спекуляціи Коваленскаго и тѣмъ, самъ того не вѣдая, болѣе всѣхъ мелкихъ воровъ и воришекъ содѣйствовалъ неудовольствію грузинскаго народа и потерѣ его сочувствія и любви къ Россіи. Поэтому совершенно справедливо въ рескриптѣ, данномъ князю Ціціанову, имя генерала Кнорринга поставлено рядомъ съ именемъ Коваленскаго и обоихъ ихъ повелѣно смѣнить за злоупотребленія. Но какъ легко было покончить съ первыми русскими государственными дѣятелями въ Грузіи, такъ трудно было истребить заведенные ими порядки и удалить изъ администраціи массу чиновниковъ-эксплоататоровъ, аклиматизованныхъ Коваленскимъ въ Грузіи. Начала, положенныя имъ при учрежденіи Верховнаго грузинскаго правительства, крѣпко присосались къ почвѣ и удержались, хотя князь Ціціановъ принялъ весьма раціональную мѣру, именно испросилъ высочайшее разрѣшеніе на дарованіе льготъ лицамъ, пріѣзжающимъ изъ Россіи въ Грузію, съ цѣлію привлечь сюда лучшихъ представителей русской администраціи. Что позволяли себѣ русскіе чиновники въ Грузіи, можно судить по слѣдующей выпискѣ о незаконныхъ дѣйствіяхъ ананурскаго капитанъ-исправника уже въ 1804 году (53), т. е. тогда, когда было больше порядка въ администраціи и лучшій выборъ администраторовъ. «Прибывъ въ Жамури, поймалъ осетинцевъ, и наливши въ корыто, въ коемъ кормятъ собакъ, молоко, послѣ сыра оставшееся, и побивъ кошекъ, поклавъ въ нее жъ, да также положилъ туда калъ человѣческій и тѣмъ ихъ накормилъ». Такъ какъ этотъ документъ есть доносъ еще не провѣренный, то, конечно, можно предполагать въ немъ преувеличеніе; но, съ другой стороны, не имѣя факта, трудно придумать такую пытку для осетинъ, и это указываетъ на пренебреженіе, съ какимъ относились первые русскіе администраторы къ народу, и безтолковый произволъ ихъ, которому, по привычкѣ къ безправію, народъ считалъ необходимымъ покоряться.

Не будемъ увлекаться богатствомъ матеріала, изображающаго дѣя-

тельность русской бюрократіи для собственнаго ея продовольствія въ ущербъ всѣмъ интересамъ Россіи: это вопросъ слишкомъ обширный, крайне интересный, но безполезный, такъ какъ историческое изложеніе бывшихъ безпорядковъ въ администраціи не можетъ освѣтить настоящаго, не можетъ исправить и будущаго. Для насъ важенъ только фактъ ея участія въ проявленіи разныхъ попытокъ грузинскаго народа, враждебныхъ русскому правительству, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ добровольнымъ присоединеніемъ Грузіи по иниціативѣ ея послѣдняго царя и по желанію всего народа. Для примиренія этихъ діаметрально противоположныхъ проявленій воли одного и того же народа, мы имѣемъ самыя точныя данныя, доказываемыя документами, что оба эти факта проявились не одновременно, а одинъ за другимъ. Деморализація всѣхъ административныхъ органовъ грузинскаго царства заставляла народъ желать чего нибудь лучшаго. Это лучшее представлялось и царю и народу въ видѣ покровительства могущественной православной Россіи—и всѣ желали этого покровительства сильно и искренно. Присоединеніе совершилось: всѣ были довольны, хотя, по свидѣтельству Мусина-Пушкина (54), «тѣ изъ князей здѣшнихъ, которые, при присоединеніи Грузіи къ Россіи, самое величайшее имѣли участіе и въ случаѣ неудачи, какъ говорятъ, несли голову на плаху—остались не токмо не награжденными, но даже лишились тѣхъ отличій и доходовъ, которые по мѣстамъ своимъ имѣли тогда. А многіе изъ противниковъ россійскихъ награждены или отличіемъ, или жалованьемъ». Но, не смотря на высокогуманныя намѣренія императоровъ Павла I и Александра I, выраженныя категорически въ изданныхъ ими манифестахъ,—изъ Россіи присланы были сюда такіе исполнители высочайшей воли, какъ Коваленскій и К°, которые не устранили, а усилили злоупотребленія, отъ которыхъ такъ тяжко страдалъ народъ грузинскій. Стало быть, улучшенія въ его бытѣ не произошло и обманутое ожиданіе лучшаго превратилось въ недоброжелательство, негодованіе, безсильную злобу и т. под. побужденія, изъ которыхъ слагаются бунты и возмущенія противъ верховной власти. Если все это не привело къ отпаденію Грузіи,—то и этому мы видимъ очевидныя причины, фактически доказанныя документами, именно: присутствіе въ администраціи генерала Лазарева, князя Циціанова и многихъ другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ честныхъ слугъ своей родины, которые противодѣйствовали злоупотребленіямъ, преслѣдовали ихъ сколько имѣли силъ и, конечно, находили помощь между лучшими представителями грузинскаго народа.

Мы видѣли, что съ первыхъ дней генералъ Лазаревъ доноситъ генералу Кноррингу о злоупотребленіяхъ Коваленскаго и К°, которые

торопились грабить народъ, и Лазаревъ тогда еще боялся, чтобы не огорчили народъ. Мы видѣли, что Лазаревъ смѣло говорить объ этомъ Георгію XII и царевичу Давиду и заявлялъ о томъ же во всѣхъ своихъ административныхъ актахъ. Изъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ генерала Кнорринга мы видимъ, что они, бо́льшею частью, основывались почти на дословной перепискѣ мнѣній и предположеній генерала Лазарева и такимъ образомъ послѣдній, хотя и не занималъ такого высокаго офиціальнаго положенія какъ Коваленскій, но едва-ли не болѣе его имѣлъ вліянія на направленіе дѣлъ въ Грузіи. Съ увеличеніемъ числа войскъ значеніе генерала Лазарева увеличивалось и всѣ соображенія и предположенія о настоящемъ и будущемъ Грузіи принимались отъ него, а не отъ Коваленскаго, который довольствовался только исполнительною властью, предоставлявшею ему широкій просторъ для эксплоатаціи страны. Съ назначеніемъ князя Циціанова, Коваленскій былъ удаленъ отъ власти, но по непонятнымъ причинамъ оставался дѣйствующимъ лицомъ по части злоупотребленій и князь Циціановъ не могъ помѣшать этому, а только жаловался такъ государю (55): «тамъ, гдѣ три года вина ненаказанною остается, какъ Коваленскаго, тамъ одинъ человѣкъ, ищущій истребить мздоимство и исполненный усердіемъ къ службѣ отечества и къ защитѣ неимущихъ для насыщенія мздоимцевъ богатства,—не можетъ приносить пользы службѣ».

Мы найдемъ также доказательства, что, не смотря на безчинства чиновниковъ, благомыслящая часть грузинскаго народа не смѣшивала ихъ произвола съ волею русскаго правительства, но ясно сознавала, что дѣятельность ихъ была злоупотребленіемъ довѣрія къ нимъ. Въ «Актахъ Археографической Коммисіи» мы имѣемъ документы, въ которыхъ разныя общества просятъ высылки къ нимъ, вмѣсто туземныхъ начальниковъ, русскихъ чиновниковъ (56), хотя въ то же самое время поступаютъ такія жалобы (57): Милости, обѣщанныя манифестомъ, не выполнены вами. Безопасность намъ обѣщана: но въ чемъ она видна? Села и деревни терзаются лезгинами, а вы ни о чемъ не заботитесь; велѣно возвысить честь церквей и епископовъ, а вы отобрали отъ нихъ всѣ вотчины и крестьянъ; велѣно прибавить почести князьямъ, а между тѣмъ мы, которые были почтены отъ нашихъ владѣтелей и чрезъ то кормились, лишены и этой чести; права тѣхъ изъ насъ, которые управляли деревнями за великіе подвиги и пролитіе крови,—нарушены; крестьянамъ государь обѣщалъ не требовать съ нихъ въ теченіе 12-ти лѣтъ податей; также велѣлъ остатки отъ жалованья правителя обращать на возстановленіе нашего разрушеннаго города (Телава)—но и это не сбылось.

Не будемъ вдаваться въ объясненія, что въ то время администрація внутри Россіи, у себя дома, не имѣла лучшихъ исполнителей, чѣмъ тѣ, какіе были высланы въ Грузію. Этотъ вѣрный историческій фактъ нисколько, однако, не ослабляетъ злоупотребленій, сдѣланныхъ чиновниками за Кавказомъ, а эти злоупотребленія приходится считать главною причиною того возбужденія грузинскаго народа, которое выразилось недоброжелательствомъ къ русскому правительству среди самаго тихаго и спокойнаго народа, который цѣлые вѣка ждалъ единенія съ Россіей и примкнулъ къ ней съ искреннимъ желаніемъ составить неотъемлемую часть русскаго государства.

Тифлисъ. **Ад. П. Берже.**

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ III ГЛАВѢ.

1. Акты Археографической Коммисіи. Томъ I. Документъ подъ № 34.
2. Ib., письмо царевича Александра къ ген. Лазареву, отъ 2-го декабря 1800 г., подъ № 313.
3. Ib., документъ подъ № 583.
4. Ib., документъ подъ № 170.
5. Томъ II. Рапортъ барона Умянцова кн. Циціанову, отъ 31-го октября 1803 г., подъ № 170.
6. Томъ I. Всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 25-го мая 1802 г., подъ № 578.
7. Ib., рапортъ Коваленскаго ген. Кноррингу, отъ 29-го сентября 1802 г., подъ № 602.
8. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 5-го іюля 1802 г., подъ № 173.
9. Ib., документъ подъ № 495, стр. 388.
10. Томъ II. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 17-го ноября 1803 г., подъ № 57.
11. Томъ I. Письмо царевича Давида къ ген. Лазареву, отъ 20-го января 1801 г., подъ № 361.
12. Ib., письмо царицы Даріи къ царевичу Давиду, отъ 24-го января 1801 г., подъ № 164.
13. Ib., отъ 11-го марта 1802 г., подъ № 454.
14. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 20-го января 1801 г., подъ № 205.
15. Ib., письмо царевича Парнаоза къ ген. Кноррингу, отъ 3-го октября 1800 г., подъ № 81.
16. Ib., письмо царевича Давида къ ген. Лазареву, отъ 20-го августа 1802 г., № 380.
17. Ib., письмо ген. Лазарева къ царевичу Давиду, отъ 12-го марта 1802 г., подъ № 376.
18. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 11-го марта 1802 г., подъ № 454.
19. Томъ II. Отъ 20-го декабря 1802 г., подъ № 205.
20. Томъ I. Предложеніе ген. Кнорринга Верховнаго Грузинскаго правительства уголовной экспедиціи, отъ 21-го сентября 1802 г., подъ № 600.
21. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 25-го мая 1802 г., подъ № 578.
22. Ib., Замѣчанія ген. Лазарева о Грузіи, подъ № 129.
23. Томъ II. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова, отъ 13-го февраля 1804 г., подъ № 65.
24. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ его же, отъ 27-го іюня 1803 г., подъ № 366.
25. Томъ I. Замѣчанія ген. Лазарева о Грузіи, подъ № 129.

26. Ib., письмо Коваленскаго къ ген. Кноррингу, отъ 14-го декабря 1799 г. подъ № 8.
27. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 25-го сентября 1800 г. подъ № 78.
28. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 5-го января 1801 г. подъ № 146.
29. Ib., рапортъ душетскаго капитанъ-исправника Переяславцева Коваленскому, отъ 12-го августа 1802 г., подъ № 300.
30. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 1-го февраля 1801 г., подъ № 407.
31. Ib., письмо патріарха Іосифа Аргутинскаго къ ген. Кноррингу, отъ 20-го февраля 1801 г., подъ № 530.
32. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 21-го февраля 1801 г., подъ № 413.
33. Ib., письмо ген. Лазарева къ ген. Кноррингу, отъ 2-го марта 1801 г. подъ № 417.
34. Ib., то же, отъ 12-го марта 1801 г., подъ № 423.
35. Ib, то же, отъ 24-го марта 1801 г., подъ № 429.
36. Ib., письмо гр. Мусина-Пушкина къ ген. Кноррингу, отъ 20-го августа 1802 г., подъ № 502.
37. Ib., рапортъ ген. Леонтьева ген. Лазареву, отъ 28-го іюля 1802 г. подъ № 477.
38. Ib, допросъ Андрею Курдашвили, 29 го іюля 1802 г., подъ № 482.
39. Ib, рапортъ подполк. Соленіуса ген. Лазареву, отъ 31-го іюля 1802 г. подъ № 484.
40. Ib., рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 11-го августа 1802 г., подъ № 493.
41. Ib., рапортъ надворнаго совѣтника Карнѣева Коваленскому, отъ 31-го іюля 1802 г., подъ № 495, стр. 392.
42. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 28-го іюля 1801 г. подъ № 543.
43. Ib, рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 21-го января 1802 г. подъ № 233.
44. Ib., всеподданнѣйшій рапортъ ген. Кнорринга, отъ 12-го апрѣля 1802 г. подъ № 560.
45. Ib., письмо маіора Алексѣева къ ген. Лазареву, отъ 3-го августа 1801 г., подъ № 438.
46. Томъ II. Отъ 21-го сентября 1804 г., подъ № 234.
47. Томъ I. Рапортъ ген. Лазарева ген. Кноррингу, отъ 18-го февраля 1801 г., подъ № 528.
48. Ib., предписаніе ген. Кнорринга ген. Лазареву, отъ 2-го іюня 1801 г. подъ № 539.
49. Ib., документъ подъ № 550.
50. Томъ II. Представленіе кн. Цицiанова гр. Кочубею, отъ 27-го февраля 1803 г., подъ № 27.
51. Ib., Секретная записка Соколова, подъ № 8.
52. Ib., то же.
53. Ib., документъ подъ № 599.
54. Томъ I. Письмо гр. Мусина-Пушкина къ Трощинскому, отъ 20-го августа 1802 г., подъ № 502.
55. Томъ II. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Цицiанова, отъ 23-го ноября 1805 г., подъ № 99.
56. Томъ I. Рапортъ Коваленскаго ген. Кноррингу, отъ 26-го марта 1802 г., подъ № 778; рапортъ подполк. Симоновича ген. Лазареву, отъ 2-го августа 1802 г., подъ 596, и рапортъ Коваленскаго ген. Кноррингу, отъ 26-го сентября 1802 г., подъ № 332.
57. Ib., прошеніе дворянства Кахетіи ген.-м. кн. Орбеліани, отъ 21-го іюля 1802 г., подъ № 495, стр. 388.

Ад. П. Берже.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18 февраля 1877 г.

Глава XI-я [1]).

О полевомъ или агрономическомъ хозяйствѣ нашемъ.

Матушка моя еще задолго до смерти бабушки сдѣлалась, какъ объяснено въ предыдущей главѣ, полною хозяйкою въ домѣ по женской части. Но съ батюшкою этого не было. Конечно, домъ, въ которомъ мы жили, составлялъ его неотъемлемую собственность; конечно, онъ былъ настоящимъ временнымъ владѣльцемъ той части церковной земли, которая доставалась на долю его какъ священника, а дѣдушка былъ только заштатнымъ священникомъ, передавшимъ домъ въ полную собственность своего преемника и не имѣвшимъ никакихъ правъ ни на одинъ, такъ сказать, клочокъ земли; не смотря на все это, настоящимъ хозяиномъ, почти автократическимъ распорядителемъ по дому въ агрономическомъ отношеніи былъ дѣдушка. Объяснить это нетрудно. Дѣдушка имѣлъ характеръ твердый, можно сказать—непреклонный; отъ своихъ убѣжденій и привычекъ онъ не любилъ, даже едва-ли могъ отступать. Но въ Шеянкахъ и Тумѣ онъ болѣе 30-ти лѣтъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ дому; только лишь по отдѣлу женскаго хозяйства ограничивали власть его. Поставить его въ другое, зависимое положеніе въ этомъ отношеніи, даже освободить его, изъ уваженія къ лѣтамъ, отъ всѣхъ работъ, какъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XVII, стр. 1—38; 545—572 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218.

мнѣ и теперь кажется, было немыслимо; для него жизнь была бы наказаніемъ. Да и по правдѣ сказать, лучшаго, болѣе дѣятельнаго и опытнаго хозяина въ деревенскомъ значеніи слова трудно было найти. Когда и какъ производить тѣ или другія работы онъ зналъ, на основаніи своей опытности, какъ нельзя лучше и былъ въ этомъ отношеніи оракуломъ всего села. „Не пора-ли начинать пахать или сѣять?“ спрашивалъ въ какой либо семьѣ молодой ея членъ.—„Куда ты суешься?—отвѣчалъ ему старикъ отецъ,—отецъ Мартынъ еще не начиналъ“. А если отецъ Мартынъ сталъ сѣять или пахать, то это для всего села было какъ бы приказомъ начинать тѣ же работы. Такое мнѣніе о дѣдушкѣ поддерживалось въ односельчанахъ тѣмъ, что онъ по опыту умѣлъ нерѣдко угадывать дурную или хорошую погоду на слѣдующій день. Лучшимъ барометромъ служила ему его поясница, которую онъ надорвалъ усиленными работами въ молодости; боль въ ней ему предсказывала ненастье. Затѣмъ, закатъ и восходъ солнца, бо́льшая или ме́ньшая краснота облаковъ при утренней и вечерней зарѣ, различное положеніе мѣсяца и многіе другіе, такъ сказать, метеорологическіе признаки давали ему возможность слыть иногда пророкомъ, хотя нельзя не сказать, что иногда онъ и ошибался. Не знаю еще, почему-то онъ особенно любилъ узнавать наступленіе дурной или хорошей погоды по нѣкоторымъ птицамъ, напримѣръ, сорокѣ, воронѣ и ласточкѣ. Если сорока прилетитъ на гумно и защебечетъ какимъ-то особымъ образомъ. то дѣдушка бывалъ въ восторгѣ: „ну, слава Богу, завтра вѣдро будетъ“. Но карканье воронъ и быстрый полетъ ласточекъ близь земли предвѣщали ненастье. И потому сорока была любимицею дѣдушки, а воронъ и ласточекъ онъ терпѣть не могъ. Потомъ, онъ не просто умѣлъ только производить ту или другую работу, а былъ мастеромъ, такъ сказать—артистомъ, въ каждой, и гордился этимъ. Искуснѣе его скласть одонья, чище выкосить лугъ, равномѣрнѣе разбросать зерна ржи или овса и пр. для посѣва на нивѣ, лучше и безопаснѣе высушить овинъ и пр. не многіе могли. Дѣятельности онъ былъ неутомимой; оставаться празднымъ онъ никакъ не могъ. Если была какая либо работа, онъ выбиралъ самую тяжелую ея часть, или старался быть образцомъ для всѣхъ; когда нужно было косить, онъ шелъ впереди и, смотря по обстоятельствамъ, не пропускалъ случая осмѣять или отбранить тѣхъ изъ своихъ товарищей,

которые отъ него отставали; во время молотьбы удары его цѣпомъ отличались силою; если онъ шелъ впереди, то покрикивалъ: „Что вы на меня напираете!“ Если шелъ сзади, то говаривалъ: „Ну, побѣжали! смотри-ка, сколько еще не обмолоченныхъ колосьевъ въ снопѣ!“ Такъ какъ просушиванiе сноповъ на овинѣ зависитъ отъ умѣнья ихъ поставить другъ около друга, то онъ рѣдко кому либо позволялъ дѣлать эту работу. Въ другое время она была не очень трудна; но когда, обмолотивши овинъ утромъ, тотчасъ же насаживали другой, то было тамъ очень жарко и даже душно. Дѣдушка тутъ-то бывало никому не позволитъ заняться этою работой. „Пожалуй, поторопится, да скверно насадитъ,—приговаривалъ онъ, лѣзя съ кряхтѣньемъ на овинъ;—ужъ лучше, чтобы грѣха не было, самъ сдѣлаю“. И бывало, утомленный отъ жару, остановитъ работу на время и, выглядывая весь въ поту въ окно, говаривалъ: „Фу, какая жара тутъ! баня баней“, и потомъ, немного освѣжившись, опять принимался за дѣло. Случалось, что онъ сдѣлается нѣсколько нездоровъ, но между тѣмъ въ это время есть спѣшная работа. Станутъ его уговаривать не ходить на нее. „Ну, вотъ еще что̀ вздумали? Я вѣдь ничего,—это такъ немного что̀-то, поразомнусь, поразойдусь, пройдетъ; да вы тамъ безъ меня плохо сдѣлаете“. И идетъ непремѣнно, согнувшись и покрякивая. Начинаетъ работать какъ обыкновенно,—боль иногда усиливается, трудно стало терпѣть; старикъ охнетъ, остановится, иногда присядетъ, приляжетъ даже, и потомъ опять поднимется и возьмется за грабли, вилы, цѣпъ и т. п. Если въ полѣ, особенно зимою, не было никакихъ работъ, то онъ въ избѣ или грабли дѣлаетъ и поправляетъ, или цѣпы починиваетъ, или веревку и завертку свиваетъ, или лошадиную сбрую пересматриваетъ и починиваетъ. Нѣтъ этой работы, пойдетъ или поѣдетъ въ лѣсъ; тамъ у него дубокъ на примѣтѣ, хорошiй для падубки—такъ называлась короткая часть цѣпа,—тамъ береза тоже на примѣтѣ годная для оглобель, или лучины; тотъ и другую надобно срубить. На дворѣ онъ и сани, и телѣгу пересмотритъ и поправитъ. Въ самые праздники пойдетъ по полю, чтобы видѣть нѣтъ ли гдѣ потравы, хороши ли всходы зелени, скоро ли поспѣетъ рожь, овесъ, не пора ли начать сѣнокосъ, и пр. А во время жатвы пройдетъ по нивамъ, тутъ подниметъ и положитъ снопъ, свалившiйся съ крестца, тамъ переложитъ вновь покачнувшiйся или развалившiйся крестецъ.

Въ полѣ у него ведется, бывало, точный счетъ всему; онъ зналъ сколько на какомъ лугу копенъ сѣна, сколько крестцовъ на нивѣ, сколько даже нажато всѣхъ сноповъ овса или ржи. Понапрасну у него ничего не пропадало; если на какомъ либо обнивнѣ можно было накосить не больше полпуда или пуда сырой травы, онъ все-таки ее скоситъ и, сложивши кругомъ косаря, перенесетъ въ другое мѣсто, гдѣ поболѣе сѣна.

Теперь легко понять, могъ ли мой дѣдушка занять второстепенную роль въ томъ хозяйствѣ, которымъ онъ распоряжался нѣсколько десятковъ лѣтъ? могъ ли онъ оставаться безъ дѣла и сидѣть, по его выраженію, сложа руки? а взявшись за дѣло, кого бы онъ нашелъ достойнымъ того, чтобы ему подчиниться и отъ него зависѣть? Нѣтъ, ему надобно было или быть полнымъ командиромъ, автократическимъ распорядителемъ, или уже ничего не дѣлать; послѣднее для него немыслимо было, оставалось взять все въ свою команду. Къ этому способствовало то обстоятельство, что батюшка, развлекаемый благочинническою должностію и необходимостію во всякое время принимать чиновниковъ и дворянъ, не могъ постоянно распоряжаться полевыми работами и слѣдить за ними.

Но дѣдушка, удержавъ за собою власть распоряжаться агрономическимъ хозяйствомъ, подавая собою примѣръ дѣятельности и искусства во всѣхъ работахъ, приходилъ въ негодованіе, если замѣчалъ недостатокъ усердія, неисправность, противорѣчіе въ работахъ и, сообразно съ своимъ характеромъ, не любилъ, по пословицѣ—въ кулакъ шептать, а выражалъ свое неудовольствіе на кого бы то ни было безъ всякихъ околичностей.

На работу нужно было выходить всѣмъ, кто только былъ хоть сколько нибудь способенъ къ ней. Отсутствіе и даже опаздываніе въ этомъ случаѣ не оставалось безъ суроваго выговора, особенно когда надобно было почему либо спѣшить окончаніемъ работы. Тутъ бывало доставалось и батюшкѣ. Если онъ по какой либо причинѣ не являлся, то дѣдушка не выдерживалъ себя: „Что же онъ нейдетъ сюда, поди-ка скажи ему,—посылалъ онъ кого либо,—пусть поторопится, время не терпитъ“. Въ экстренныхъ случаяхъ доставалось даже и гостямъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ у меня особенно остался въ памяти. Трава на гумнѣ была скошена до Ильина дня, но, по причинѣ постояннаго

почти ненастья, не могла быть убрана въ копны. Между тѣмъ въ самый Ильинъ и на слѣдующій день наступила прекрасная ведреная погода. Въ праздничный день дѣдушка никого не тревожилъ, но на утро его началъ настаивать на то, чтобъ заняться уборкою сѣна. Гостей было у насъ довольно, но, правду сказать, самые близкіе родные—сыновья или зятья дѣдушкины. Начали старика уговаривать дать еще денекъ попраздновать,—не сталъ слушать, ушелъ и съ помощію работника и прочей прислуги разбилъ траву для просушки. Между тѣмъ родственникъ нашъ мѣщанинъ Сазановъ пригласилъ къ себѣ батюшку съ гостями; туда же и я отправился; это было уже послѣ обѣда. Сидѣли мы тамъ и поговаривали; но вдругъ входитъ дѣдушка въ той самой одеждѣ, въ которой онъ работалъ на гумнѣ, т. е. въ одной рубахѣ и подштанникахъ, босикомъ. „Полно вамъ тутъ сидѣть,—сказалъ онъ рѣшительно,—тучи поднимаются; если не сгребемъ до дождя сѣна, то оно все испортится". Стали было отговаривать и отговариваться, тѣмъ болѣе, что опасеніе дождя не совсѣмъ было справедливо; но дѣдушкѣ хотѣлось непремѣнно убрать все сѣно, чего онъ не могъ сдѣлать съ одною прислугою и моими сестрами; онъ вновь потребовалъ рѣшительно, чтобы всѣ мы шли; „да и вамъ тутъ нечего сидѣть,—прибавилъ, обращаясь къ гостямъ, своимъ сыновьямъ, зятьямъ, дочерямъ и пр.,—пойдемте всѣ, а послѣ уже попируемъ". Дѣлать было нечего, всѣ встали, простились съ хозяиномъ, который только что началъ потчивать чаемъ, воротились домой, скинули праздничную одежду и взялись за грабли. Сѣно было все сложено въ копны, и уже вечеромъ мы принялись пить чай у себя дома.

Терпѣть не могъ дѣдушка дурной работы. Бѣда бывало, если онъ замѣтитъ, что кто нибудь, сгребая сѣно, пропуститъ клочокъ его, или во время молотьбы окажется снопъ плохо вымолоченнымъ, или на нивѣ крестецъ плохо сложеннымъ, или колосья останутся несжатыми и пр. Терпѣть также не могъ, если работали медленно, неповоротливо; по его словамъ, надобно было, чтобы всякое дѣло кипѣло въ рукахъ. „Эй, ты, что тамъ зазѣвался, или зазѣвалась?—закричитъ онъ на мѣшковатаго или лѣниваго работника—поворачивайся живѣе". Но если во время уборки сѣна появлялись облака, грозившія дождемъ, то уже была настоящая бѣда; тутъ, въ полномъ смыслѣ, не было никому отдыха.

„Эй, родимые, не замочите сѣна,—покрикивалъ дѣдушка,—живѣе, живѣе, уже вотъ напрыскиваетъ дождикъ!"—Да гдѣ же еще дождикъ?—кто нибудь скажетъ,—его и въ поминѣ пока нѣтъ; туча, Богъ знаетъ еще гдѣ, да и вѣтеръ несетъ ее не сюда.—„Ну, еще разговорился,—сердито закричитъ дѣдушка.—Развѣ ждать, пока дождь польется, какъ изъ ведра? Хватай пока теперь, а тогда уже будетъ поздно". Но въ одномъ только случаѣ дѣдушка терялъ свое командирское достоинство: онъ ужасно боялся грому. По старинѣ, онъ вѣровалъ и исповѣдывалъ, что громъ происходитъ отъ Иліи пророка, разъѣжающаго по облакамъ на огненной колесницѣ и преслѣдующаго калеными стрѣлами нечистую силу. Когда батюшка былъ еще въ семинаріи, въ философскомъ или богословскомъ классѣ, то дѣдушка, отвозя его въ Рязань и остановившись въ деревнѣ Кельцахъ для обѣда, послѣ него пошелъ впередъ, а батюшкѣ велѣлъ подмазать телѣгу, запречь лошадь и догонять его. Батюшка немного позамѣшкалъ, а между тѣмъ стала подниматься грозовая туча; зная трусливость своего отца предъ громомъ, онъ, выѣхавши изъ деревни, спѣшилъ какъ можно скорѣе догнать его. Издали еще увидѣлъ, что дѣдушка поспѣшно идетъ; подъѣхавши къ нему, батюшка спросилъ: „что вы, батюшка, такъ торопитесь?"—Что? развѣ не видишь тучи, не слышишь, какъ Илья пророкъ гремитъ?—Батюшка мой, какъ семинаристъ, кое-что зналъ о настоящей причинѣ грома и молніи, да еще, кажется, хотѣлъ пошутить. „Э! полноте, батюшка, какой тамъ Илья пророкъ? Да если бы и такъ было, то что̀ его бояться? По мнѣ, такъ онъ хоть разстучись, мнѣ что за дѣло?—Садитесь-ка". Дѣдушка дѣйствительно сбирался уже взобраться на телѣгу; но, услышавъ богохульныя, по его мнѣнію, слова, испугался, отбѣжалъ отъ телѣги въ сторону и какъ батюшка ни уговаривалъ, ни за что старикъ не сѣлъ съ нимъ, пока туча не прошла. Когда бывало начнемъ объ этомъ событіи разговаривать, то дѣдушка съ улыбкою говаривалъ: „Я такъ и думалъ, что Илья пророкъ убьетъ тебя, Ванюша, непремѣнно". Этотъ-то страхъ грома оставался у дѣдушки до конца его жизни. И вотъ, если, бывало, на лугахъ при уборкѣ сѣна поднимется грозовая туча, ну, тутъ уже дѣдушка терялъ свою бодрость, трусилъ, даже иногда прекращалъ работу ранѣе, нежели какъ слѣдовало.

Еще была другая слабость въ дѣдушкѣ, или, лучше, предраз-

судокъ. Я уже сказалъ, что онъ зналъ, сколько сноповъ нажиналось всякаго хлѣба; ему и всѣмъ намъ извѣстно было сколько сноповъ усаживалось за разъ на овинъ; значитъ, почти навѣрнякъ можно было уже знать сколько будетъ овиновъ ржи или овса. Но дѣдушка уменьшалъ если не на половину, то по крайней мѣрѣ на двѣ пятыхъ части. Бывало, скажетъ: „ну, слава Богу, у насъ нынѣ нажато всего 4,500 сноповъ ржи". На овинъ сажалось за разъ не болѣе 350. Поэтому, тотчасъ расчитавши, прибавимъ: „значитъ, всего у насъ будетъ 13 овиновъ".—„Что ты, что ты? Экъ махнулъ, — остановитъ дѣдушка,—13 овиновъ? хоть-бы десятокъ дай Богъ, а то, пожалуй, выйдетъ овинцовъ восемь".—„Да какже, дѣдушка,—возразишь ему,—вѣдь на овинъ вы сажаете не болѣе 350 сноповъ, а всѣхъ ихъ нынѣ 4,500, такъ сами сосчитайте—вѣдь выходитъ 13 овиновъ". — „Ну, вотъ еще,—нынѣ снопы малые, сотъ по пяти уйдетъ на овинъ". Точно такимъ же образомъ сметаетъ, бывало, стогъ, — ну ясно, что въ немъ возовъ семь или восемь. Дѣдушка, обойдетъ его, полюбуется имъ, и потомъ, перекрестясь, промолвитъ:„ ну, слава Богу, возиковъ пятокъ авось выйдетъ". Или, бывало, начнетъ молотить; съ перваго овина получитъ четверти двѣ, даже съ прибавкомъ. Въ слѣдующіе овины рожь молотилась такая же, число сноповъ было то же, ворохъ намолоченныхъ зеренъ нисколько не менѣе, чѣмъ и прежде. Но дѣдушка, смотря на него, скажетъ: „а что? четверти полторы, или мѣръ десятокъ будетъ?"—Дѣдушка зналъ хорошо во всѣхъ случаяхъ сколько чего получится, онъ и самъ мнимымъ своимъ предсказаніямъ не вѣрилъ, но высказывалъ ихъ потому, что, по его философіи, сказавши правду, можно было все дѣло сглазить, испортить. И когда, бывало, послѣ окажется именно столько и овиновъ ржи, и возовъ сѣна, и мѣръ зеренъ, сколько слѣдовало ожидать, и скажемъ дѣдушкѣ: „ну вотъ, вы говорили, что не выйдетъ этого количества, а уменьшали его чуть не вдвое; вѣдь вотъ, вышло".—„Ну, такъ чтожъ,—отвѣтитъ старикъ,—развѣ это худо? И слава Богу, что вышло". На слѣдующій годъ опять повторялось то же самое.

Противорѣчіе себѣ въ предыдущихъ случаяхъ дѣдушка еще выслушивалъ спокойно; ему даже иногда и нравилось оно; самъ онъ, по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ указать на ожидаемыя выгоды, но ему пріятно было, что кто нибудь основательно дока-

зываетъ ему, чего слѣдуетъ ожидать. За то въ другихъ случаяхъ терпѣть не могъ, если кто либо противорѣчилъ его распоряженіямъ, или дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, или выражалъ свое недовольство ими. Тутъ доставалось всякому. Я, будучи хорошимъ работникомъ, былъ вмѣстѣ и любимцемъ его. Но нерѣдко за свою охоту поспорить съ нимъ получалъ отъ него славныя выбранки. Особенно помню одинъ случай во время утренней молотьбы, когда въ ней не участвовали ни батюшка, ни матушка. Не знаю, за что-то мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе дѣдушка; я тогда уже былъ въ философіи; по свойственной семинаристамъ спѣси, я обидѣлся этимъ и, будучи съ малолѣтства смѣлъ на языкъ, началъ спорить съ дѣдушкою, и когда онъ не обращалъ вниманія на мои слова, то я вообразилъ себѣ, что дѣдушка сознается въ своей ошибкѣ. Мнѣ захотѣлось одержать уже полную надъ нимъ побѣду и отучить его отъ того, чтобы меня бранить. И вотъ я началъ болтать разныя глупости. Старикъ долго слушалъ, наконецъ, не вытерпѣвши, закричалъ: „да ты что̀ разкудахтался? Видишь какая фря! Ему и слова сказать нельзя. Смотри у меня: я или самъ отучу тебя отъ этого, а то скажу Ванюшѣ, такъ онъ научитъ тебя, какъ уважать старика-дѣда“. Тутъ я увидѣлъ, что зашелъ далеко, струсилъ, не только замолчалъ, но готовъ былъ хоть сквозь землю провалиться, тѣмъ болѣе. что нашъ крупный разговоръ слышали не только на нашемъ, но и на сосѣднихъ токахъ. А потомъ я зналъ, что и батюшка потачки мнѣ не дастъ,—какъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

При такомъ полновластномъ распорядителѣ агрономическихъ и другихъ работъ, каковъ мой дѣдушка, нельзя было никому изъ насъ не принимать въ нихъ дѣятельнаго участія; онъ, бывало, найдетъ для всякаго дѣло, только очень уже маленькія дѣти оставались дома съ бабушкою или матушкою. Но и безъ дѣдушки намъ бы не пришлось быть свободными отъ работъ; въ то время развѣ у рѣдкаго сельскаго священника дѣти не работали на поляхъ, лугахъ и пр. Даже и малыя дѣти—изъ подражанія ли старшимъ, или изъ желанія заслужить одобреніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть, что̀ это тамъ, гдѣ нибудь на гумнѣ или въ полѣ, дѣлается,—просятся туда же и стараются тоже что нибудь дѣлать. Первое занятіе, похожее на работу, въ нашемъ семействѣ было стаскиваніе сноповъ въ кучи за жнецами, или

переносъ ихъ на гумнѣ отъ одоньевъ къ овину. Въ этой работѣ участвовали дѣти даже 6—7-ми лѣтъ. Куда тебѣ еще идти?—скажетъ кто нибудь, обращаясь къ маленькому брату или сестрѣ моимъ.—„А тебѣ что?—отвѣтитъ дѣдушка,—пусть идетъ; хоть десять сноповъ перетащитъ въ день,—все-таки за нихъ не нужно будетъ браться кому либо другому; ступайте, ступайте всѣ". Другая работа, за которую принимались въ 10—11 лѣтъ, это уборка сѣна. Обыкновенныя грабли для дѣтей такого возраста еще тяжеловаты; бывало, и просятъ дѣдушку сдѣлать маленькія грабельки; дѣдушка сдѣлаетъ, и новый гребецъ или гребельщица, положивъ ихъ на плечо, идетъ вмѣстѣ съ большими на поле или на гумно, и тамъ начинаетъ ими дѣйствовать, конечно, неловко, но вскорѣ выучивается; на слѣдующій же годъ ему, можетъ быть, и хотѣлось бы поиграть, но ужъ ему велятъ идти съ другими на лугъ. Особенно же всякому желательно было побывать при молотьбѣ. Для нея вставали поутру чрезвычайно рано, такъ что, когда, обмолотивши овинъ, молотильщики придутъ завтракать, маленькія дѣти только что встаютъ. Тутъ они слушаютъ разсказы о смѣшныхъ и несмѣшныхъ случаяхъ, которые происходили во время этой молотьбы; воображенiе и любопытство разыгрываются. И вотъ, бывало, вечеромъ сестры или братъ принимаются меня упрашивать: „Разбуди завтра, братецъ, меня, пожалуйста, къ овину; если не буду вставать, то стащи насильно меня съ постели, хоть на рукахъ донеси; а тамъ проснусь уже". Но и маленькимъ, явившимся на токъ, находилось дѣло; спецiальностiю ихъ было переворачивать снопы съ одной стороны на другую и разрѣзывать серпомъ связки ихъ, когда надобно было о т б и в а т ь ихъ въ солому. Такимъ образомъ, сначала дѣло шло какъ будто по охотѣ, а потомъ ужъ хотя бы и хотѣлось дома посидѣть или на улицѣ побѣгать, уже невольно посылали на поле или на гумно, чтобы участвовать въ работахъ.

Ни на одну работу не выходило изъ нашей семьи столько народу, какъ на уборку сѣна; въ послѣднiе два — три года семинарской моей жизни насъ, гребцовъ свое-семейныхъ, бывало 10—12 человѣкъ (дѣдушка, батюшка и матушка, я съ тремя—четырьмя сестрами, работникъ и трое купленныхъ женской прислуги). Весело было работать въ такомъ многолюдствѣ. Придемъ на лугъ разбивать ряды травы; глазами, какъ говорится,

не окинешь его; принимается каждый за свой рядъ, — разбилъ ряда три—четыре, обернешься назадъ и видишь начало луга далеко уже назади себя; то же самое происходило, когда растаскивали сѣно изъ копенъ для новой сушки; копна за копною такъ и исчезаютъ. Особенно же любо было посмотрѣть на насъ, когда грозилъ дождь и намъ нужно было грести сѣно въ копны. Прибѣжимъ живо на лугъ; одни принимаются загребать сѣно въ кучи, другіе большими беремями хватаютъ его и складываютъ въ копны, третьи обдѣлываютъ, очищаютъ копны, четвертые—помоложе—подгребаютъ остающіеся клочки сѣна; глядишь—копна растетъ за копною, и весь лугъ убранъ; а тутъ, по сосѣдству, какихъ нибудь два—три работника не успѣли еще поставить двухъ—трехъ копенъ; мы перебираемся на другой лугъ, успѣваемъ и тамъ все убрать до дождя; а у тѣхъ онъ намочилъ болѣе половины перваго луга.

Но и не безъ непріятностей обходилась эта работа. Дѣдушка любилъ все дѣлать въ отличномъ видѣ. Кажется, что сѣно уже сухо,—но дѣдушкѣ этого мало; оно, по его выраженію, должно звономъ звѣнѣть, и вотъ его надобно вновь переворачивать, вмѣсто того, чтобы сгребать въ копны; или, собравши въ копны, оставлять для новой просушки къ слѣдующему дню; тогда какъ теперь бы можно везти его на сушило, или метать въ стогъ. Далѣе, гресть сѣно граблями, конечно, не трудно, даже не Богъ знаетъ какой трудъ беремями сносить просушенную траву въ копны, но на лугахъ тѣмъ, кто побольше и посильнѣе, доставались и трудныя работы, именно переноска копенъ со всего луга къ стогу на такъ называемыхъ носилкахъ, т. е. двухъ жердяхъ, подкладываемыхъ подъ копну; тутъ двоимъ приходилось перетащить на себѣ иногда саженъ за 30—60, даже болѣе, копенъ 30—40. Это уже трудъ. Другой былъ нелегче, именно подавать сѣно вилами на стогъ. Сначала, пока еще стогъ не достигъ половины, работа не очень трудна, но въ другую половину, особенно къ вершинѣ стога, бросать сѣно вилами уже было не шутка; тутъ, по деревенскому выраженію, заходило ребро за ребро. Иногда случалось еще кое-что хуже. И наше гумно, и луга были довольно низменны. Поэтому, послѣ сильныхъ дождей они по мѣстамъ покрывались водою, чрезъ что многіе ряды скошенной травы или лежали на мокрыхъ мѣстахъ, или были

даже на плыву. Наступалъ хорошій день; надобно было спѣшить просушкою сѣна; но на мѣстѣ, гдѣ лежать ряды, стоитъ еще вода; оставалось ихъ выносить на болѣе высокія мѣста. Вотъ тутъ-то, бывало, измочишься весь, а ноги испачкаешь въ болотной тинѣ, потому что часто луга были и по болотамъ. Несешь большое беремя, или копну, думаешь ступить на кочку, срываешься съ нея, или не попадаешь на нее, и вотъ чуть не всею ногою уходишь въ тину; и все это ничего: поднимется на лугу насмѣшливый хохотъ надъ неловкимъ шагомъ; вылѣзешь и самъ тоже помираешь со смѣху, хотя почти весь уже забрызганъ не водою только, а и грязью.

Другая непріятность состояла въ томъ, что въ случаѣ спѣшной работы мы уже не ходили домой обѣдать; къ намъ приносили что нибудь на лугъ пообѣдать или, лучше, закусить. Устанешь отъ жару и работы, хотѣлось бы получше поѣсть и отдохнуть; а тутъ спѣши ѣсть то, что̀ можно было принести, ѣшь при томъ сѣвши на землю или на кочку;—иногда вставай поскорѣе, да опять за грабли или вилы; а если и позволятъ прилечь, то расположись на лугу; и ничего, бывало—заляжешь, и даже заснешь. За то уже, возвратясь вечеромъ домой, славно поужинаешь.

По причинѣ недостатка въ своихъ лугахъ, батюшка нанималъ ихъ или у крестьянъ, или въ селѣ Биреневѣ у тамошняго духовенства. Сюда уже надобно было отправляться на нѣсколько дней и ночей. На мужицкихъ лугахъ я не бывалъ, но въ Биреневѣ безъ меня никогда почти не обходилось. Тутъ уже рѣшительно цѣлый день съ утра до вечера не сходишь съ луга, и только для ночлега, при томъ уже ночью, прихаживали мы къ дьякону, нашему родственнику и, закусивши что либо, ложились спать, съ тѣмъ, чтобы опять на слѣдующій день приняться вновь за работу.

Вторую изъ работъ, на которыя выходило очень много лицъ изъ нашего семейства, была молотьба. Въ Мещорѣ она происходитъ почти тотчасъ же какъ свезутъ съ поля рожь и почти всегда оканчивается къ половинѣ или къ концу сентября, а тамъ, гдѣ мало хлѣба или хозяева очень дѣятельны, даже къ концу августа. Обмолачиваемый хлѣбъ первоначально просушивается на овинѣ. Къ молотьбѣ будятъ обыкновенно очень рано, часу во 2—3-мъ по полуночи. Не выспавшись, выйдешь, бывало, за заднія

ворота; трава на гумнѣ иногда уже отъ утреннихъ морозовъ покрывалась инеемъ; босикомъ, почти безъ всякой верхней одежды, пробѣжишь по гумну и прямо влѣзешь въ такъ называемый подовинникъ, гдѣ еще горѣли дрова или, какъ говаривали, теплилась теплянка. Разумѣется, присядешь къ ней, чтобы пообогрѣть ноги, и отъ дѣдушки, который всегда самъ сушилъ овинъ, почти всегда услышишь упрекъ: „Чтó это долго вы тамъ возились? давно пора молотить; того и смотри, заря займется“,—хотя на самомъ дѣлѣ остается до начала ея часа два—три. Собрались наконецъ; снопы скинули съ овина и уклали во всю длину тока въ два ряда, которые въ совокупности назывались посадомъ, а каждый рядъ отдѣльно—веревкою, и заключалъ въ себѣ до 70-ти и болѣе сноповъ. Тогда молотильщики раздѣлялись на двѣ партіи, и каждая начинала молотить свою веревку, одна отъ овина, а другая съ конца тока. Надобно было вымолотить снопы всей веревки за разъ, не останавливаясь; для этого, на худой конецъ, каждый молотильщикъ долженъ былъ сдѣлать цѣпомъ 300—400 очень сильныхъ ударовъ по снопамъ. Очевидно, что, прошедши всю веревку, утомишься до-нéльзя, и потому не только тотчасъ присядешь, но даже и приляжешь на тепловатыхъ еще снопахъ. При этомъ можно было и хорошо простудиться. Священникъ села Починокъ, Егорьевскаго уѣзда, Бажановъ, однажды прошедши всю веревку, легъ, но на траву луга, окаймлявшаго токъ; трава была покрыта холодною росою; священнику въ жару это понравилось, но, полежавши довольно долго, онъ почувствовалъ ломоту въ тѣлѣ и, вмѣсто того, чтобы вновь приняться молотить и вспотѣть, онъ пошелъ домой, захворалъ и чрезъ нѣсколько дней умеръ въ горячечномъ бреду. Послѣ отдыху, который у насъ продолжался недолго и во время котораго снопы переворачивали необмолоченною еще стороною наверхъ, опять принимались за молотьбу; опять нужно было пройти всю веревку. Послѣ раздѣлялись на 3—4 уже партіи, человѣка по 2—3 въ каждой, и отбивали солому, т. е. каждый снопъ, сдвинувъ съ посада, еще ударяли десятка $1^1/_2$—2 цѣпами, и, ими же переворотивъ солому, укладывали ее въ продолговатую полосу. Затѣмъ сносили ее мужчины двурогатыми вилами въ омёты или въ сараи. И подметя всѣ зерна съ боковъ, выстилали изъ оставшихся сноповъ новый посадъ и по окончаніи молотьбы его принимались расчищать

т. е. счищать колосья съ зеренъ; эта работа была уже легкая. По окончаніи ея, зерна вмѣстѣ съ мякиною собирались въ кучу конической фигуры, называвшуюся ворохомъ. Тогда одинъ или двое начинали вѣять сѣмена, т. е. бросать лопатою вверхъ, при чемъ вѣтеръ мякину относилъ въ сторону, а сѣмена ложились особо отъ нея; иные уходили домой, а остальные насаживали вновь овинъ. Дѣдушка влѣзалъ въ него, ему кто либо длиннымъ шестомъ, называвшимся подавальницею, подавалъ снопы, а прочіе ихъ подносили отъ одонья, съ котораго кто либо скидывалъ внизъ. Если вѣтеръ былъ хорошъ, то въ это время успѣвали уже перевѣять ворохъ; тогда мѣряли зерна, иногда переносили ихъ на себѣ въ мѣшкахъ въ амбаръ, а то насыпали въ телѣгу и общими силами, рѣдко на лошади, привозили ее къ амбару и тамъ ссыпали. Это было концомъ. Къ этому времени уже почти всегда бывалъ готовъ завтракъ; утомленные работники входили, усаживались за столъ и начинали подкрѣплять себя. Въ скоромные дни матушка въ этомъ случаѣ любила насъ потчивать вмѣсто завтрака знаменитою русскою пищею—блинами. Ѣдали ихъ горячими, съ пылу, сначала съ кислымъ молокомъ, потомъ со сметаною, и наконецъ съ масломъ. Такое угощеніе заставляло насъ забывать утренніе труды. Послѣ завтрака ложились отдыхать, если еще роса не успѣла сойти; въ противномъ случаѣ, или послѣ того какъ она высыхала, нужно было отправляться на луга или на поле; а весьма нерѣдко приходилось послѣ обѣда обмолачивать другой овинъ; вотъ тутъ-то, бывало, уже вся наша семья выходила на токъ,—малыя дѣти, чтобы поглазѣть и поиграть, а прочіе, чтобы принять то или другое участіе въ работѣ. Въ такіе-то дни, по правдѣ сказать, утомлялись чуть не до изнеможенія.

У сестеръ моихъ была трудная полевая работа, въ которой я уже не участвовалъ. Во всей Мещорѣ почему-то мужчины не жнутъ ни ржи, ни овса; они считаютъ, такъ сказать, унизительнымъ для своего достоинства брать серпъ въ руки: это, по ихъ мнѣнію, бабье дѣло. Сестры мои, принадлежа къ женской половинѣ рода человѣческаго, наравнѣ съ другими жали и рожь и овесъ. Къ счастію ихъ, для жнитва у насъ собирали такъ называемыя помочи. Для объясненія этого слова надобно сказать, что духовенству, преимущественно священнику, прихожане помо-

гали въ работахъ. При императорѣ Павлѣ подобное пособіе обратилось въ обязательный трудъ, при чемъ многія духовныя особы чуть было навсегда не разстроили своихъ мирныхъ отношеній къ прихожанамъ. Они, вытребовавши мужчинъ или женщинъ, точно такъ, какъ ихъ требуетъ помѣщикъ, плохо ихъ кормили, а нѣкоторые даже не давали ни хлѣба, ни квасу; рабочіе должны были все съ собою приносить. Поэтому, когда, съ воцареніемъ императора Александра I-го, этотъ обязательный трудъ былъ отмѣненъ, то во многихъ мѣстахъ прихожане вполнѣ стали отказываться отъ всякаго издѣльнаго пособія. Но дѣдушка и многіе другіе священники въ Мещорѣ, своимъ привѣтливымъ обращеніемъ съ рабочими, своими угощеніями, умѣли поддержать старинный обычай, и къ нимъ послѣ смерти императора Павла крестьяне и крестьянки ходили помогать въ полевыхъ и другихъ работахъ. Такія-то, такъ сказать, сборища и назывались **помочами**.

Духовныя лица собирали помочи для производства своихъ работъ въ различныхъ случаяхъ, напримѣръ, для сѣнокоса, пашни, уборки сѣна, даже молотьбы, но между ними едва-ли не самыми замѣчательными были помочи для жнитва. Чтобы ограничить свои хлопоты возможно-короткимъ срокомъ, для жнитва приглашали не только по 10—20, но даже по 40—60 жней. Для этого въ тѣхъ приходахъ, гдѣ мой батюшка священствовалъ, надобно было ему самому ѣхать, какъ можно ранѣе утромъ, а если деревня находилась неблизко отъ села, то онъ уѣзжалъ съ вечера и въ ней ночевалъ. Въ деревняхъ въ лѣтніе дни рано встаютъ, поэтому созывателю помочи нужно было обойти всѣ дворы до восхода солнечнаго или немного спустя послѣ него; иначе домохозяева и работницы могли бы уйти куда либо изъ деревни вонъ. Женщинамъ и дѣвицамъ очень нравилось ходить къ попу на помочь, потому что тамъ кормили хорошо, работа не изнурительна и главное—можно было выпить рюмочку другую винца и повеселиться. Отъ этого и происходили даже ссоры между бабами; „нѣтъ, лѣтось ты была у попа, нынѣ моя очередь",—кричитъ одна сноха другой, или сестра—сестрѣ. Но рѣдкій изъ стариковъ-хозяевъ не находилъ какихъ либо затрудненій отпустить одну работницу изъ своего семейства. Это, впрочемъ, дѣлалось вовсе не изъ желанія отказать попу, а такъ, по заведенному порядку; надобно же немножко намъ, говорятъ, поломаться предъ своимъ отцомъ

духовнымъ. Переговоривши со всѣми хозяевами, надобно еще было дожидаться, пока жнеи выйдутъ на сборное мѣсто, а иногда вновь приходилось постучаться въ бо̀льшей части дворовъ, чтобы вызвать обѣщанную работницу. Наконецъ, помочь собралась и двинулась скорымъ маршемъ въ село, а священникъ на лошади старался предупредить ее и поскорѣе доѣхать домой. Отъ продолжительныхъ сборовъ помочь даже изъ близкой деревни рѣдко приходила ранѣе девятаго часу; а въ дмитровскомъ погостѣ появлялась иногда даже въ 11-мъ часу. По приходѣ, тотчасъ всѣхъ усаживали за сытный завтракъ, при чемъ подносили по рюмкѣ водки, чтобы придать поболѣе бодрости. Послѣ завтрака непремѣнно съ пѣснями отправлялись на нивы и начинали жать. Чтобы на обѣдъ не слишкомъ много тратилось времени, отвозили всѣ кушанья на поле, и тамъ въ нѣсколько кружковъ разсаживали жней на нивахъ. Кромѣ снѣдомаго, надобно было поднести и водочки,—рюмо̀чки уже по двѣ. Послѣ обѣда рѣдко и развѣ немного отдыхали, а то прямо съ пѣснями, подъ куражомъ, принимались за жнитво. Чтобы дѣло спорилось, нужно было или самому священнику тутъ постоянно стоять, или попросить какихъ либо старухъ, которыя бы покрикивали на зѣвающихъ по сторонамъ. Взрослыя мои сестры и купленныя дѣвки всегда были тутъ же жнеями и подавали собою примѣръ усердія; а малыя дѣти въ это-то особенно время назначались для стаскиванія сноповъ въ разныя кучи. Смотря по различнымъ обстоятельствамъ, работы оканчивались не одинаково—и попозже, и пораньше заката солнечнаго. Потомъ работницы возвращались съ пѣснями въ домъ священника и садились за ужинъ. Если въ этотъ день были такъ называемыя пожинки, т. е. сжинался весь ржаной или яровой хлѣбъ, то связывался огромнѣйшій снопъ, который и несли впереди всѣхъ, какъ какой либо трофей. За ужиномъ уже, не говоря о кушаньяхъ, обращали особое вниманіе на угощеніе водкою. За завтракомъ и обѣдомъ опасались еще, какъ бы иная, подгульнувъ, не залегла спать. Но за ужиномъ эта опасность не была страшною. Да и сами жнеи менѣе ужъ церемонились. Не только всѣ дамы, но и барышни, т. е. не только бабы, но и дѣвки, брали рюмку въ руки; очень немногія къ концу ужина не были на-веселѣ. При пожинкахъ послѣднимъ кушаньемъ непремѣнно должна была быть яичница въ скоромный день, а въ постный

слѣдовало дать каждой жнеѣ по яйцу или по два. Вставши изъ-за стола, не только укормленныя, но и подгулявшія, и дамы и барышни принимались пѣть пѣсни, и даже приплясывать. Такъ какъ изба была тѣсна для этого, то выходили на дворъ или на улицу, становились въ кружокъ и начиналось настоящее разгулье. Если работали хорошо, то рюмочка не одинъ разъ обходила весь кругъ. Не смотря на ворчанье старухъ, на ихъ крикъ: „полно вамъ бѣситься, пора домой, вѣдь завтра рано надобно вставать“, и пр., разгулявшаяся молодежь продолжала пѣть, пить и плясать. Иногда это продолжалось болѣе часа. Потомъ двигались въ путь, но не всегда скорымъ маршемъ, останавливались по селу, устанавливались вновь въ кружокъ и опять за пляску, а пѣсни и безъ того не прерывались. За ними тянулась сельская молодежь и подзадоривала ихъ; иногда же, если ночь была темна, но тиха, то провожали ихъ съ зажженными свѣчами. Случалось, что вся помочь возвращалась въ деревню не только за полночь, но даже чуть не утромъ; и чудна русская натура! тотчасъ же почти принималась за работы, которыя продолжались цѣлый день, но уже безъ водки, даже безъ сытной пищи. У попа, по крайней мѣрѣ, была и говядина, иногда и студень, и каша съ масломъ, и даже яичница. Какъ же молодицамъ не рваться къ нему на помочь? Какъ не принарядиться въ такой день въ самый лучшій сарафанъ, не надѣть лучшаго платка? Во время помочи мужчинамъ священническихъ домовъ работы было немного, развѣ только приходилось отвезти обѣдъ на поле, укладывать снопы въ крестцы, или возить ихъ на гумно, но послѣднее очень рѣдко случалось; обыкновенно снопамъ давали просохнуть или, какъ говаривали, выстояться на нивахъ, чтобы прямо ихъ уже класть въ одонья и скирды на гумнахъ. Но женская половина, какъ сказано уже, уставала дò-нельзя; впрочемъ, матушка моя оставалась всегда дома, чтобы приготовлять обѣды и ужины, и, слѣдовательно, утомлялась едва-ли не болѣе своихъ жавшихъ дочерей.

Большія помочи, кромѣ жнитва, собираемы были еще для вывоза навоза на нивы. Тутъ почти каждый работникъ являлся съ телѣгой, лошадью и трезубцовыми навозными вилами. Разумѣется, и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, и водка, и пѣсни шли своимъ чередомъ; только пѣсни во время этой работы не такъ

чисто и голосисто были распѣваемы, какъ при жнитвѣ; въ послѣднемъ бывали только однѣ женщины, находились постоянно въ одномъ мѣстѣ, а при возкѣ навоза пріѣзжали и мужчины, да и работницы не могли ѣздить не только всѣ вмѣстѣ, но и большими отрядами. Даже послѣ ужина мало плясали; вѣдь каждой надобно было на дворѣ сѣсть въ свою телѣгу, въ которой неудобно выдѣлывать деревенскія па. Впрочемъ, въ Тумѣ батюшка почему-то не всегда собиралъ этого рода помочи; навозъ вывозился бо̀льшею частію своими домашними лошадьми и рабочими. Такъ какъ работа эта происходила почти всегда въ Петровъ постъ, то мнѣ мало приходилось съ нею знакомиться; только два раза по какимъ-то препятствіямъ она отложена была до того времени, какъ я пришелъ изъ Рязани на каникулы. Надобно правду сказать, что тяжелѣе и, особенно, грязнѣе этой работы немного бываетъ. Навозъ въ теченіе года улегся плотно; чтобы отрывать вилами небольшую часть его, нужно употреблять очень большое усиліе; послѣ подними оторванное довольно высоко, чтобы положить на телѣгу, а иногда и издали бросишь Не надобно забывать тѣхъ благовоній, которыя въ этомъ случаѣ, такъ сказать, льются и въ носъ и въ ротъ, то пачканье, отъ котораго нѣтъ возможности уберечься. Я былъ не спѣсивъ въ сельскихъ работахъ, дѣлалъ все, что ни заставляли дѣлать, но съ навозомъ не очень охотно возился.

Луговъ въ Тумѣ было очень немного у духовенства; поэтому трава скашивалась бо̀льшею частію работникомъ и дѣдушкою; частенько приглашали проживавшаго въ Тумѣ въ своей избушкѣ стараго солдата, необыкновеннаго силача Ивана Симанова (такое было ему прозвище), и еще кого нибудь; помочи изъ крестьянъ рѣдко собирали, можетъ быть, и потому, что на угощеніе мужиковъ-косцовъ нужно было истратить слишкомъ много водки. Въ дмитровскомъ погостѣ, гдѣ, по причинѣ множества луговъ, приглашались косцы, на каждаго изъ нихъ круглымъ числомъ выходило не менѣе полуштофа. При томъ, дѣдушка не любилъ деревенскихъ косцовъ, потому что они и вообще, и въ особенности подгульнувши, не очень чисто косили. Меня почему-то къ этой работѣ никогда не принуждали; поэтому у меня, по обыкновенному выраженію, и косы въ рукахъ не бывало, чѣмъ я очень былъ доволенъ, потому что работа эта, особенно въ жаркій день

и при низкой, рѣдкой, на корнѣ еще высушенной травѣ, называемой **ковылемъ**,—необыкновенно утомительна.

Но отъ пашни я не всегда бывалъ свободенъ. Помочи для нея тоже рѣдко собирали, да и то человѣка 3—4; все дѣло оканчивалось на своихъ лошадяхъ; пахарями были работникъ, дѣдушка и которая либо изъ купленныхъ дѣвокъ. Но при посѣвѣ дѣдушка занятъ былъ разсѣваніемъ зеренъ; этой работы онъ никому ни за что не поручалъ; а дѣвкамъ иногда въ это время нужно было чѣмъ либо другимъ заняться. Вотъ тутъ-то и моей милости приходилось браться за рукоятки сохи и вмѣстѣ съ лошадью проводить болѣе или менѣе прямыя борозды по нивамъ. Работа эта. впрочемъ, трудна только когда нужно пахать или новое непаханное еще мѣсто, или землю, затвердѣвшую отъ продолжительныхъ сильныхъ жаровъ. При мягкой же, разсыпающейся почвѣ и на хорошо пріученной лошади, только похаживай за сохою, попридерживай ее ровнѣе, да перекладывай такъ называемую палицу съ одной стороны на другую по окончаніи каждой борозды. Усталость главнымъ образомъ происходила отъ того, что приходилось довольно скоро ступать по разрыхленной землѣ, гдѣ ноги погружались довольно глубоко и при сыроватой землѣ покрывались порядочнымъ слоемъ грязи; пахали обыкновенно босикомъ. Въ очень же сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, была другая непріятность: часть поднимаемой сохою земли обращалась тотчасъ въ пыль и покрывала пахаря почти буквально съ ногъ до головы густымъ своимъ слоемъ, такъ что, по возвращеніи домой, нужно было и бѣлье перемѣнить, да и лицо вымыть почище.

И другія сельскія работы развѣ только немногія миновали нашихъ рукъ. Приходилось и борону волочить, и ленъ **полоть**. т. е. вырывать выроставшую вмѣстѣ съ нимъ траву, — и вырывать его съ корнемъ изъ земли, когда онъ поспѣвалъ, и **колотить** его, т. е. выбивать его сѣмена. Сестры же должны были разстилать его по лугу, потомъ **мять** и **трепать** его; послѣднія двѣ работы и трудны и чрезвычайно непріятны, потому что тутъ летаетъ множество пыли и волоконъ, которыя покрываютъ собою работницу, лѣзутъ ей и въ ротъ, и въ носъ, и въ уши. Приходилось также и хмѣль щипать, и гряды въ огородѣ копать, и пр., и пр., молоденькихъ гусенятъ караулить, чтобы ихъ не утащила ворона, и даже бывать въ дѣтствѣ, хотя и рѣдко.

свинопасомъ. Въ Тумѣ почему-то свиней не отдавали для надзора пастуху. И такъ какъ это животное любитъ ходить туда, куда его не просятъ, и опустошать засѣянныя хлѣбомъ нивы, то небольшихъ дѣтей 10—12-ти лѣтъ посылали караулить этихъ животныхъ. Надобно правду сказать, что это занятіе, хоть и очень легкое, мнѣ не нравилось; но мнѣ, кажется, только раза два—три пришлось быть свинопасомъ.

Если въ лѣтнее время какой либо день былъ свободенъ отъ всякой работы, или шелъ дождикъ и между тѣмъ появились грибы и ягоды, то мы отправлялись въ лѣсъ за ними. Около Тумы, какъ и около Палищъ, росло много разнообразнаго грибья: рыжики, грузди, подосиновики, бѣлые, масляники, болотовики, березовики, сыроѣжки и пр., и изъ ягодъ: малина, брусника, пьяника, черника и земляника. Ходили мы и за грибами и за ягодами бо̀льшею частію босикомъ, не опасаясь наколоть ногу ни какой либо сучокъ, хотя и не обходилось безъ того. Только для собиранія малины нужно было быть обутымъ, потому что она росла въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ужъ слишкомъ много было валежнику и почти невозможно не наколоть на что нибудь босой ноги. За грибами приходилось отправляться недалеко, за версту или версты за двѣ, за три; только разъ или два въ годъ ѣзжали въ лѣсъ между деревнею Правотаровымъ и селомъ Фроломъ за черными грибами, масляниками и болотовиками, которые тамъ росли въ огромномъ множествѣ; бывало, часа въ 2—3 набирали цѣлую телѣгу и отправлялись назадъ. Но и въ ближайшихъ лѣсахъ, не смотря на множество народу, отыскивавшаго грибы, набирали ихъ довольно; иногда, бывало, несешь на плечѣ огромный, наполненный до верху ими кулекъ, да еще въ полѣ халата, а сестры въ передникахъ, по порядочной ношѣ. По приходѣ домой тотчасъ начиналась чистка грибовъ; одни отлагались на зиму въ мочку или сушку, а изъ другихъ спѣшили приготовить какое либо кушанье. Всѣмъ намъ особенно нравились жареные грибы, подправленные сметаною, хотя они и были однимъ изъ лучшихъ слабительныхъ. За малиною приходилось ходить верстъ за 5—10; для этого уже надобно было употребить цѣлый почти день; уходили изъ дома утромъ ранѣе восхода солнечнаго, возвращались обыкновенно къ вечеру, очень утомленные и увы! иногда вовсе безъ малины, потому что ее успѣвали обобрать другіе уже. Прочія же ягоды росли въ бли-

жайшихъ лѣсахъ. Однажды при сборѣ черники со мною чуть было не случилась большая бѣда. На кочкѣ, покрытой черничникомъ, пріютилась змѣя. Замѣтивъ множество ягодъ, я присѣлъ къ кочкѣ, усердно собиралъ ихъ въ свою набирку, и неожиданно коснулся пальцами до змѣи. Къ моему счастію, вѣроятно, она спала и, испугавшись моего неожиданнаго прикосновенія, поскорѣе уползла отъ меня; въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы дорого поплатиться за чернику. По правдѣ сказать, тогда я очень перепугался, но все-таки не перестадъ совершенно добровольно ходить за ягодами, потому что лѣтъ съ 14—15-ти меня за ними не посылали; но за то мои сестры, надѣясь на мою мужскую силу, всегда уговаривали съ ними ходить и защищать ихъ отъ деревенскихъ парней и дѣвокъ, которые—если не дѣломъ, то словами—любили затронуть поповенъ.

Изъ этой главы г. читатель можетъ видѣть, что мы, тогдашнія дѣти духовенства, получали не очень нѣжное воспитаніе и не сидѣли дома сложа руки, поджавъ ноги, бѣлоручками; что мнѣ и моимъ сестрамъ—дѣтямъ священника въ богатомъ селѣ, даже протоіерея и благочиннаго—въ рабочую пору нужно было трудиться почти столько же, какъ и крестьянскимъ дѣтямъ. Не хвалясь, могу сказать про себя, что я любилъ работать и изъ желанія сдѣлать пріятное моимъ родителямъ, заслужить отъ нихъ спасибо, а также и избѣгнуть выговора, и изъ нежеланія отстать отъ другихъ и быть ниже ихъ въ этомъ даже отношеніи, а также и по какому-то безотчетному увлеченію и соревнованію. Потомъ, занимаясь сельскими работами нѣсколько лѣтъ, я пріобрѣлъ хорошую опытность и искусство въ нихъ. Не умѣлъ я только на стогахъ стоять и возы сѣна навивать; однажды даже заслужилъ крайнее негодованіе моего дѣдушки. Онъ меня поставилъ на стогъ, нужно было торопиться сметать его; сѣно было мелкое—ковыль; тутъ и искусный человѣкъ съ трудомъ управился бы, и потому неудивительно, что когда уже надобно было завершивать стогъ, вдругъ съ одной стороны отвалилась часть его въ нѣсколько копенъ. Дѣдушка, бывшій и безъ того не въ духѣ отъ угрожавшаго дождя, пришелъ въ крайнее негодованіе и какъ я ни оправдывался тѣмъ, что я напередъ заявлялъ о моемъ неискусствѣ въ этомъ дѣлѣ, но меня не слушали, а только ругали; за то ужъ послѣ никогда не ставили на стогъ. Но въ бо́льшей части дру-

гихъ работъ я отличался ловкостію. Особенно же мастеръ я былъ молотить, класть крестцы, гресть сѣно и убирать его въ копны, метать вилами сѣно на стогъ или на сушило, а также поднимать подавальницею снопы на одонье и на овинъ, и болѣе всего—накладывать снопы на телѣгу возами. Лѣтъ съ 16-ти я, при порядочной физической силѣ, справлялся съ послѣднею работою одинъ, и укладывалъ и стягивалъ возъ. Но и тутъ не обходилось безъ бѣдъ; однажды какъ-то наклавши возъ ржи, я шелъ сзади его, не обративъ вниманія на то, что дорога сдѣлалась неровна отъ бывшихъ недавно сильныхъ дождей; лошадь еще менѣе занята была этимъ и вдругъ, когда колеса одной стороны въѣхали на порядочный бугоръ, а съ другой стороны попали въ рытвину, возъ мой полетѣлъ на бокъ. Конфузъ былъ величайшій; мѣсто паденія было на дорогѣ, да еще на горкѣ; его видѣли со всего поля; тутъ еще подошелъ батюшка, побранилъ за ротозѣйничество; стали перекладывать возъ, а между тѣмъ мимоходящіе и мимоѣдущіе, кивающе главами, со смѣхомъ приговаривали: „вѣрно, возъ немножко позахмѣлѣлъ, что на бокъ повалился“. Батюшка сурово отвѣчалъ: „да вотъ молодецъ-то мой такъ ухитрился“; я же, разумѣется, какъ говорится, не зналъ куда дѣваться отъ насмѣшекъ. При другомъ случаѣ я чуть было не сдѣлался—не ближайшею, а отдаленною причиною смерти маленькаго своего брата Николая. Я любилъ съ собою брать маленькихъ братьевъ, во время возки сноповъ, на телѣгу, чтобы покатать ихъ, и, наложивши возъ, стянувши его веревкою крѣпко, такъ, чтобы верхній рядъ сноповъ поднимался съ обѣихъ сторонъ, я между ими усаживалъ ихъ, что имъ доставляло величайшее удовольствіе. У насъ было двѣ лошади, но работникъ, бывшій въ это время, не умѣлъ накладывать на телѣгу возы сноповъ. Поэтому и велѣно было мнѣ дѣлать это, провожать лошадь до тѣхъ поръ, пока не встрѣчусь съ работникомъ, возвращавшимся съ гумна на другой, свободной лошади; мы съ нимъ мѣнялись телѣгами; я ѣхалъ накладывать снопы на вновь пріѣхавшую телѣгу, а онъ провожалъ на гумно наложенный возъ, на которомъ, разумѣется, оставались посаженные братья. Работникъ, свалившы возъ на токъ, возвращался съ ними въ поле на встрѣчу мнѣ. Однажды онъ не замѣтилъ, что положенная въ телѣгу веревка, которою стягивался возъ, попала свободнымъ концомъ въ колесо, на которое она начала навиваться, и перехватила собою брата,

свалила его на дно телѣги и стала прижимать къ нему. Мальчикъ закричалъ, работникъ растерялся; лошадь, бѣжавшая до того времени быстро, не останавливалась. Если бы тутъ, совершенно случайно, не шелъ батюшка и не остановилъ лошади, то брату пришлось бы умереть.

Такому работнику, какъ я, особенно когда мнѣ перешло за 16 лѣтъ, надобно было поспѣшать домой послѣ роспуска на каникулы. По окончаніи перваго года въ реторикѣ, я по дорогѣ зашелъ къ подлиповскому моему дядюшкѣ Степану Никитичу и прожилъ у него до Ильина дня, т. е. всего дня 3—4. Но когда я въ самый праздникъ пріѣхалъ домой, то былъ встрѣченъ очень непривѣтливо батюшкою и дѣдушкою. „Гдѣ это ты зажился? Развѣ не знаешь, что у насъ въ это время бываетъ много работъ“? и пр., и пр. Послѣ уже я не дѣлалъ подобныхъ промаховъ. Родители мои и дѣдушка ожидали меня къ каникуламъ какъ надежнаго работника. Но сестрамъ мое прибытіе нравилось тѣмъ, что я, будучи порядочнымъ забавникомъ, умѣлъ своими шутками развеселять ихъ во время даже трудныхъ работъ. Нравился я своими усердіемъ и искусствомъ въ сельскихъ работахъ батюшкѣ и матушкѣ, любили и хвалили они меня за это; но дѣдушка былъ почти въ восторгѣ отъ меня, кромѣ тѣхъ, разумѣется, случаевъ, когда я досаждалъ ему своими спорами или балагурствомъ. Къ концу вакацій, во второй половинѣ августа, старался онъ бывало чуть не каждый день молотить по два овина. „Надобно при немъ, — указывая на меня,—побольше обмолотить, — говаривалъ онъ,—а то безъ него я буду какъ безъ своей правой руки“. Нерѣдко случалось, что на этомъ основаніи я и въ Рязань уѣзжалъ уже числа 5—6-го сентября. „Вѣдь тамъ вы въ это время не учитесь,— говаривалъ дѣдушка,—а шатаетесь по городу, такъ лучше побудь у насъ, да помолоти“. У старика даже однажды высказалось желаніе поскорѣе попристроить меня къ мѣсту. Въ Тумѣ умеръ дьяконъ Иванъ Пименовъ. Дѣдушка и ну предлагать батюшкѣ и матушкѣ опредѣлить меня на это мѣсто, исключивъ изъ семинаріи. „Чтò это вы, батюшка, вздумали,—отвѣчали ему мои родители,—вѣдь онъ учится хорошо, безъ нужды кончитъ курсъ; зачѣмъ же у него отнимать счастье?“—„Ну вотъ еще,—возразилъ дѣдушка.—Вѣдь дьяконское мѣсто въ Тумѣ развѣ плохо? лучше многихъ поповскихъ. А между тѣмъ жили бы вы оба вмѣстѣ, при

одномъ хозяйствѣ; у васъ было бы на поляхъ двѣ доли: поповская и дьяконская; я бы сталъ всѣмъ завѣдывать. Сколько бы у насъ было хлѣба! Эхъ, Ванюша и невѣстка, послушайтесь меня; право, славно заживемъ". Но старика не послушались, и потомъ, къ большему его сожалѣнію, меня послали въ академію.

Исполняя то тѣ, то другія работы, и не увидишь, бывало, какъ пройдутъ всѣ шесть недѣль каникулъ. По правдѣ сказать, частенько приходилось возвращаться съ поля или гумна усталымъ; случалось, что иногда отъ утомленія едва доплетешься до двора, кое-какъ поужинаешь и поскорѣе заляжешь спать. Въ послѣдніе годы семинарской жизни появлялась боль въ поясницѣ не отъ геморроя, съ которымъ я тогда еще знакомъ не былъ, а оттого, что, погорячившись и не сообразясь съ силами, поднимешь слишкомъ большую тяжесть, или черезчуръ усердно молотишь, бросаешь вилами сѣно на стогъ, и пр. По окончаніи каникулъ лицо дѣлалось загорѣлымъ, принимало немножко суровый цвѣтъ, на рукахъ были слѣды многихъ мозолей. И между тѣмъ едва-ли это не самое лучшее время было для моего здоровья. Конечно, бывало устанешь, но за то какъ славно пообѣдаешь и поужинаешь. Какъ сладко заснешь и проспишь цѣлую ночь, не проснувшись, даже не поворотившись съ одного бока на другой! Разбудятъ, бывало, съ трудомъ и, проснувшись, не вѣришь, чтобы уже вся ночь прошла, что уже пора вставать; такъ и кажется, что вотъ какъ будто недавно еще легъ на постель; и между тѣмъ встаешь съ освѣжившимися силами, съ свѣтлою головою, съ здоровымъ желудкомъ. Пріѣдешь въ Рязань—товарищи удивляются свѣжести и полнотѣ лица. „Экъ ты отъѣлся и отгулялся какъ дома!—скажетъ иной шутникъ.—Вѣрно мать кормила все блинами, да лепешками". А сколько еще испытывалось душевнаго удовольствія! Тамъ скажетъ батюшка: „ну, спасибо тебѣ, Митя; ты нынѣ потрудился; безъ тебя бы намъ не управиться". О матушкѣ нечего и говорить; если не словами, то глазами она рѣдкій день не благодарила меня за труды. А тутъ самъ суровый дѣдушка, взыскательный до-нельзя, вѣчно недовольный, скажетъ: „Эхъ, славный ты молодецъ, Митя! Поживи-ка еще у насъ; безъ тебя какъ безъ рукъ останешься". Потомъ, какое удовольствіе чувствуешь, какъ какая нибудь трудная, требовавшая продолжительнаго труда работа окончена; когда, напримѣръ, увидишь, что всѣ снопы пере-

везены на гумно, уложены въ одонья? Какъ пріятно было, когда послѣ обмолоченнаго овина входишь въ амбаръ съ мѣшкомъ, мѣры въ 3—4 ржи или овса, и видишь, что закрома, которые недѣли за двѣ были пусты, теперь уже наполнены, и скоро понадобится перейти въ другой амбаръ? Чувствуешь съ маленькою гордостью, что и я тутъ участвовалъ, что и моя, по русской пословицѣ, денежка не щербата, что и я не даромъ хлѣбъ ѣлъ въ каникулы. Эхъ, право, славное было время! Никогда я не бывалъ такъ веселъ, доволенъ и здоровъ, какъ тогда. Ужъ дѣйствительно, не правду-ли говорилъ дѣдушка, рекомендуя меня сдѣлать тумскимъ дьякономъ, что житье бы у насъ пошло прекрасное?

Батюшка, услыхавши, что я назначаюсь въ академію, пріѣхалъ самъ за мною въ Рязань. Когда мы съ нимъ возвратились домой, уже ночью, то старикъ-дѣдушка, не смотря на свой сонъ, всталъ и пришелъ къ намъ. Благословивъ и поцѣловавъ меня, онъ съ особою интонаціею спросилъ батюшку: „ну, все ли—слава Богу?“ Батюшка съ особенною улыбкою, которой значенія я сначала не понялъ, сказалъ: „все—слава Богу, батюшка“.—„Ну,—перекрестясь, прибавилъ дѣдушка,—такъ слава Богу, а то я уже думалъ, что парень-то отъ насъ нынѣ уѣдетъ въ Питеръ“. Тутъ батюшка мой шутя сказалъ: „Да вы сами, батюшка, спросите его“.—„А что,—съ какимъ-то безпокойствомъ возразилъ старикъ.—Развѣ все покончено?“—Покончено,—отвѣчалъ батюшка. „Такъ зачѣмъже ты ѣздилъ, вѣдь я тебѣ говорилъ: не пускай его“, продолжалъ дѣдушка. Дѣло состояло въ томъ, что старикъ не очень ясно понималъ различіе между академіями духовною и медицинскою; главное дѣло, та и другая были въ Петербургѣ, и попавшіе въ нихъ переставали уже быть сельскими жителями. Ему жалко было лишиться во мнѣ такого знатнаго работника, какимъ онъ считалъ меня. „Эхъ, жалко! вѣдь не только слѣдующую, да и нынѣшнюю вакацію ужъ онъ не работникъ“. Впрочемъ, и батюшкѣ и матушкѣ моимъ желательнѣе было бы видѣть меня не въ петербургской, а въ московской академіи, потому что Сергіевъ-посадъ былъ недалеко отъ Тумы, и я могъ пріѣхать домой на каникулы; да и кто нибудь изъ домашнихъ заглянулъ бы, пожалуй, въ академію. А Петербургъ тогда и Богъ знаетъ какъ далеко былъ, чуть не за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 гг. [1]).

1828 г.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 26-го августа [2]).

(Переводъ). Въ послѣдніе дни здѣсь ничего новаго не произошло; отсюда отправлены всѣ больные и всѣ обозы, а также начали очищать Енибазаръ. Непріятель держится спокойно; но, по извѣстіямъ болгарскихъ перебѣжчиковъ, онъ послалъ 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ибрагима и Омеръ-паши, чтобы сдѣлать нападеніе на Праводы. Деллингсгаузенъ будетъ имѣть возможность поддержать Мадатова, въ случаѣ надобности. Добываніе фуража день ото дня становится труднѣе.

Мы надѣемся, что В. В. изволили уже благополучно прибыть въ Коварну и что мы вскорѣ можемъ имѣть уже отъ васъ повелѣнія. Отъ Воронцова мы еще не имѣемъ извѣстій,—кромѣ какъ о его прибытіи; отъ Рота—тоже.

Я не послалъ Вилліе къ Варнѣ, потому что Перовскій еще 13-го числа писалъ мнѣ, что Меншиковъ хочетъ переѣхать на корабль, и потому что письмо В. В—ва получено мною только 22-го. Какъ только послѣдніе больные будутъ отосланы изъ Енибазара, я думаю послать Вилліе для осмотра ихъ транспортовъ, потому что первона-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 95—110; 511—526; 765—780.

[2]) Отвѣтъ на письма 20-го и 21-го чиселъ.

чальныя размѣщенія, равно какъ и самое передвиженіе подобныхъ транспортовъ, будутъ, конечно, всегда очень далеки отъ того, что̀ было бы желательно; но надо, по крайней мѣрѣ, постараться увидѣть ихъ; а такой человѣкъ, какъ Вилліе, найдетъ еще тѣ или другія средства, хотя бы ихъ больше и не было видно.

Вчера я получилъ бумаги отъ Его Выс—ва Вел. Князя, касающіяся резервныхъ баталіоновъ и госпиталей, находящихся въ Исакчи и Бабадагѣ. Приказано устроить окна, печи и пр. во всѣхъ госпиталяхъ; но требуемая генераломъ Тучковымъ сумма въ 20,000 рублей найдена чрезмѣрною. Приказано было тоже, для сѣнокоса, нанять Некрасовцевъ, а если они не захотятъ, то рабочихъ изъ Бессарабіи и Молдавіи; но, къ несчастію, для этого упущено время; теперь надѣются употребить на это болгаръ, высланныхъ отсюда въ Бабадагъ, и резервные баталіоны, на сколько то будетъ возможно.

Имѣю честь представить В. И. В—ву письмо отъ графа Ланжерона, который, кажется, очень встревоженъ извѣстіями, полученными Гейсмаромъ[1]) черезъ лазутчиковъ, а особенно письмами Милоша[2]). Первымъ я не придаю никакого вѣса; письма же Милоша содержатъ лишь исчисленіе албанскихъ и босняцкихъ силъ и кажутся мнѣ, скорѣе, предупредительнымъ сообщеніемъ. Онъ говоритъ, что въ началѣ іюня около 15,000 албанцевъ собрано было въ окрестностяхъ Битголія (въ Монастырѣ). Такъ какъ ихъ предводитель, Омеръ-Вріоне, вмѣсто того, чтобы идти къ Виддину, прибылъ сюда, то бо̀льшая часть ихъ, должно быть, разошлась, потому что албанцы безплатно не служатъ; а Омеръ-Вріоне изъ всей этой значительной силы привелъ сюда лишь 500—600 человѣкъ. Кромѣ того, Милошъ говоритъ, что боснійскому пашѣ снова удалось собрать нѣсколько войскъ, число которыхъ очень можетъ увеличиться до 15,000, и что они снова намѣреваются занять лагерь на Дринѣ; но это можетъ служить признакомъ вторженія въ Сербію, а не движенія къ Дунаю. Впрочемъ, фельдмаршалъ далъ графу Ланжерону разрѣшеніе, въ случаѣ крайней необходимости, притянуть къ себѣ головныя дивизіи корпуса Щербатова.

Я еще не окончилъ этого письма, какъ фельдъегеря Либертъ и Блиновъ привезли мнѣ письма В. И. В—ва, отъ 20-го и 21-го августа. Такъ какъ, вслѣдствіе болѣзни Адлерберга, В. В. не имѣете никого для военной корреспонденціи, то я думаю, что дѣлаю хорошо, посылая мои

---

[1]) Ген. Гейсмаръ охранялъ западную Валахію и наблюдалъ за Виддиномъ и Калафатомъ.

[2]) Князь сербскій.

отвѣтъ съ адъютантомъ Чевкинымъ; это офицеръ весьма надежный и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно знающій все, что здѣсь происходитъ. Можетъ быть, Вашему Величеству благоугодно будетъ удержать его при себѣ до моего пріѣзда, который, судя по времени, необходимому для очищенія Енибазара и для предстоящихъ передвиженій, не можетъ осуществиться ранѣе первыхъ чиселъ будущаго мѣсяца. Предлагаемыя подробности въ исполненіи В. В—во усмотрите изъ прилагаемой здѣсь краткой записки.

Я долженъ былъ передать фельдмаршалу неудовольствіе В. В—ва. Онъ былъ совершенно подавленъ этимъ. Признаюсь вамъ, Государь, что начальникъ, конечно, долженъ всегда за все отвѣчать, но если фельдмаршалъ иногда и выказывалъ мало энергіи въ небольшихъ дѣлахъ, здѣсь происходившихъ, то это лишь во избѣжаніе излишняго кровопролитія,—въ чемъ онъ полагалъ согласоваться съ духомъ вашихъ повелѣній. Если его манера держать себя, его выраженія, часто нескромныя, нерѣдко подаютъ поводъ къ критикѣ, то это не препятствуетъ тому, что вся армія, которою онъ начальствуетъ, его уважаетъ, а солдаты его любятъ и довѣряютъ ему. Надо еще сказать, что онъ былъ первымъ изъ тѣхъ немногихъ генераловъ, которые не ставили турокъ выше того, чего они на самомъ дѣлѣ стоятъ, и что онъ, по этому поводу, наговорилъ вещей, можетъ быть, слишкомъ жесткихъ, прочимъ начальникамъ и особенно обоимъ корпуснымъ командирамъ. Нечаянный захватъ редута (14-го числа) произошелъ вслѣдствіе безпечности генераловъ Засса и Вреде и непостижимой идеи храбраго Ефимьева назначить на утро осмотръ ружей. Въ медленности обратнаго овладѣнія имъ слѣдуетъ главнымъ образомъ обвинять Рудзевича, который не только донесъ о взятіи редута только черезъ часъ, и даже болѣе, послѣ того, какъ онъ былъ взятъ, но, кромѣ того, съ непостижимою медленностію исполнялъ подтвердительныя приказанія фельдмаршала, относительно введенія въ дѣло бо́льшаго числа артиллеріи.

Эски-Стамбулъ оставленъ былъ по настояніямъ принца Евгенія. Это, конечно, не извиненіе, но надо сказать, что по отсылкѣ Пензенскаго полка, для очищенія военной дороги, и по расположеніи 7-го корпуса между Морачемъ и Эски-Стамбуломъ, резервъ праваго крыла, во время дѣла 14-го числа, состоялъ всего изъ четырехъ баталіоновъ.

Не думаю, чтобы можно было кого нибудь обвинять въ несчастіяхъ, приключившихся съ нашими продовольственными транспортами; это дѣйствіе климата обнаруживалось во всѣхъ нашихъ кампаніяхъ въ Турціи и Персіи и я надѣюсь, что около середины сентя-

бря мы будемъ еще имѣть довольно значительные транспорты. Въ краткой запискѣ моей В. В—во усмотрите мнѣніе, что когда гвардія приблизится къ Варнѣ, то, для окончательнаго обложенія сей крѣпости, достаточно будетъ если блокадный корпусъ подкрѣпимъ тремя полками 10-й дивизіи, и что тогда можно будетъ, до прибытія 6-й дивизіи, отрядить одну бригаду пѣхоты къ Роту,—что̀ я считаю въ высшей степени необходимымъ.

Позднимъ часомъ, когда я только что окончилъ мое письмо, фельдмаршалъ показалъ мнѣ письмо, написанное В. В—ву. Здоровье его дѣйствительно очень пострадало, но, по моему мнѣнію, не на столько, чтобы не могло быть возстановленнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторилъ мнѣ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы исполнить приказанія В. В—ва, возвративъ армію на Енибазарскую позицію и защищая эту позицію тѣми войсками, которыя тамъ остаются.

Я поручилъ Чевкину дать отчетъ В. В—ву относительно прочихъ подробностей, касающихся службы. Буду весьма счастливъ, когда получу возможность устно повторить увѣренія въ искренней вѣрности и полной преданности, съ коими имѣю счастіе пребыть...

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

На кораблѣ «Парижъ». 27-го августа [1]).

(Переводъ). Письмо ваше отъ 21-го числа получилъ я, любезный другъ, вчера въ Коварнѣ; прибывъ сюда, получилъ письмо отъ 19-го, а тотчасъ же вслѣдъ за симъ прибылъ Суворовъ, съ письмомъ отъ 23-го числа. Слѣдовательно, мнѣ извѣстно все. Вчера вечеромъ я поручилъ просить васъ прибыть сюда; теперь же очень сожалѣю объ этомъ и немедленно посылаю Суворова обратно, чтобы сказать вамъ: 1) что здѣсь все идетъ хорошо; 2) что 2-я гвардейская дивизія пришла, а 1-я приходитъ завтра; 3) что нѣтъ надобности присылать сюда войска; что здѣшній резервъ я составлю изъ гвардіи, и что мы даже надѣемся переправить черезъ лиманъ столько войскъ, сколько понадобится для отрѣзанія сообщеній; 4) приказываю вамъ сказать фельдмаршалу, что я хочу, чтобы онъ оставался при 3-мъ и 7-мъ корпусахъ и чтобы онъ, во что бы то ни стало, удерживался на Енибазарской позиціи, если вы уже тамъ находитесь; если же нѣтъ, то, коли возможно,—на позиціи у Шумлы; 5) разрѣшаю вамъ оставаться при

---

[1]) Отвѣтъ на письма 19-го, 21-го и 23-го августа.

фельдмаршалѣ, пока вы будете считать это необходимымъ, особенно же, если вы замѣтите дурной духъ (des mauvaises dispositions morales) въ корпусныхъ командирахъ; 6) если вы съ арміею въ Енибазарѣ, то позаботьтесь о томъ, чтобы спасти Мадатова и удержать за собою Праводы, и предупредите своевременно Рота, дабы онъ зналъ, что̀ ему можно дѣлать; 7) если турки за вами послѣдуютъ, атакуйте и разбейте ихъ; однимъ словомъ, постарайтесь возвысить духъ войскъ какимъ нибудь хорошимъ дѣломъ; 8) по мнѣнію здѣшнихъ начальниковъ, если мы отрѣжемъ дорогу въ Бургасъ, то Варна должна пасть черезъ 8, много—черезъ 10 дней; и такъ, вотъ срокъ, который надо выдержать подъ Шумлою; 9) вчера Башиловъ увѣрялъ меня, что можетъ повезти на цѣлый мѣсяцъ провіанту; 10) я уже отдалъ приказаніе Щербатову, чтобы исполнялъ, что̀ вы ему предпишете, для подкрѣпленія Ланжерона (дай Богъ, чтобы въ этомъ не было надобности!) и, тогда, чтобы продолжалъ свое движеніе. Я приказалъ продолжать движеніе резервнымъ баталіонамъ, которые, не знаю почему, были остановлены; такъ, напримѣръ, резервный баталіонъ 13-й дивизіи уже три недѣли какъ стоитъ на мѣстѣ, въ Бабадагѣ. Вотъ все, что на̀-скоро могу сказать вамъ. Вечеромъ поговорю съ вами побольше, если будетъ нужно. До свиданія, можетъ быть. Вашъ навсегда N.

A bord du «Paris», le 27 Août 1828.

C'est hier, à Kovarna, que j'ai reçu votre lettre du 21, mon cher ami; en arrivant içi, j'ai trouvé celle du 19, et un moment après est arrivé Souworof avec celle du 23. Je suis donc au fait de tout. Hier soir je vous ai fait prier de venir ici; maintenant je le regrette beaucoup, et je renvois immédiatement Souworof pour vous dire: 1) que tout va bien ici; 2) que la 2 division de la garde est arrivée et que la 1-re arrivera demain; 3) qu'il n'est pas besoin d'envoyer des trouppes ici et que je ferai de la garde la résérve pour ici, et que nous éspérons même faire passer le liman à ce qu'il faudra de trouppes, pour couper communication; 4) je vous ordonne de dire au Maréchal que je veux qu'il reste près des 3 et 7 corps; qu'il tienne, coute qui coute, la position de Enibazar, si vous y êtes déja; si non, s'il est possible—celle de Шумла; 5) je vous permets de rester près du Maréchal tant que vous le croirez indispensable, et surtout si vous voyez de mauvaises dispositions morales dans les chefs de corps; 6) si vous êtes à Enibazar avec l'armée, pensez à sauver Madatof et à garder Pravody, et prevenez à temps Roth, pour qu'il sache ce qu'il peut faire; 7) si les Turcs vous suivaient, tombez dessus et battez les: en un mot: tâchez de remonter le moral de la trouppe par quelque bonne affaire; 8) d'après l'opinion des chefs d'ici, si nous coupons le chemin de Bourgas, Varna doit tomber dans 8, au plus 10 jours; voilà donc le terme de ce qu'il faut tenir devant Schoumla; 9) hier Bachilof m'a assuré pouvoir faire marcher pour un mois de vivres; 10) j'avais déjà donné l'ordre à Scherbatof de faire ce que vous lui prescrirez

pour soutenir Langeron (Dieu veuille qu'il n'y en aye pas besoin) et alors, de continuer son mouvement.—J'ai fait marcher les bat. de résérve que, je ne sais pourquoi, l'on avait arreté; p. e. celui de la 13-me division est depuis 3 semaines sur place, à Babadag. Voila tout ce que je puis vous dire en toute hâte. Ce soir je vous en dirai plus, si c'est necéssaire. A revoir peut-être, et tout à vous pour la vie. N.

Корабль «Парижъ». 27-го августа, вечеромъ.

(Переводъ). Послѣ того, что я писалъ вамъ сегодня утромъ, любезный другъ, я былъ на берегу. Послѣ совѣщанія съ Воронцовымъ и видѣвъ, хотя издалека, то, что сдѣлано и что еще остается сдѣлать, я могу отвѣчать вамъ, что нѣтъ никакой надобности въ присылкѣ сюда подкрѣпленій изъ арміи. Надо только прислать 20-й егерскій полкъ, для присоединенія къ отряду Акинфіева, по ту сторону лимана, и выслать сюда батарейную батарею 10-й бригады.

Я полагаю, что послѣ завтра намъ можно будетъ, съ гвардейскими моряками и 4-ю гвардейскою бригадою, сдѣлать дессантъ пониже Галаты, между тѣмъ, какъ отрядъ Акинфіева будетъ наступать съ другой стороны, опираясь на лиманъ; 3-я гвардейская бригада будетъ служить резервомъ для войскъ, находящихся на этой сторонѣ; 1-я же дивизія, въ полномъ составѣ, останется у Франки. Удерживайтесь непремѣнно, по крайней мѣрѣ, въ Енибазарѣ, и отвѣчаю вамъ, что менѣе чѣмъ въ десять дней Варна, при помощи Божіей, будетъ наша. Просто необычайно, что здѣсь уже успѣли сдѣлать; и Меншиковъ, и Перовскій, и вообще всѣ покрыли себя славою, пускай другіе намотаютъ это себѣ на усъ!!! (Avis aux autres). Надо также, чтобы Мадатовъ и Деллингсгаузенъ хорошенько держались на ввѣренныхъ имъ постахъ. Кажется мнѣ также, что надо подумать и о томъ,—въ случаѣ, если вы оставите Шумлу,—чтобы прикрыть Мадатова отъ нападенія, которое могло бы обрушиться на него со стороны Маковщины. Мой курьеръ, только что вернувшійся отъ Щербатова, которому я писалъ самъ и отъ своего лица, вслѣдствіе письма Ланжерона, передъ отъѣздомъ въ Одессу, привезъ мнѣ рапортъ его, при семъ прилагаемый. Очень радъ, что я былъ того же мнѣнія, какъ и вы. Предупреждаю васъ, что я обогналъ осадныя батареи, идущія изъ Кіева; онѣ въ превосходномъ состояніи; но только, если бы я ихъ не остановилъ, онѣ имѣли приказаніе, равно какъ и цѣлый инженерный паркъ, идти въ Шумлу!!!! Я приказалъ имъ остановиться въ Бабадагѣ, откуда уже онѣ будутъ направлены туда, гдѣ встрѣтится надобность. Неблагоразумно было бы двинуть ихъ къ Си-

листріи, пока Щербатовъ, рѣшительнымъ образомъ, не займетъ Гирсова. Госпитали, которые я видѣлъ, довольно хороши; касательно Кистенджи и Коварны я принялъ мѣры, чтобы выздоровѣвшіе доставлялись сюда, по возможности, моремъ. Въ Кистенджи я видѣлъ гвардейскую кавалерію: она въ блистательномъ видѣ. Вообще, любезный другъ, много мы надѣлали глупостей подъ Шумлою, но крѣпитесь! и да не повторяются болѣе подобныя глупости, ни тамъ, ни у Енибазара; я же, съ своей стороны, постараюсь какъ можно менѣе дѣлать ихъ здѣсь. Кстати: прикажите привести сюда осадную батарею и инженерный паркъ, если есть еще время на это. Нѣтъ-ли возможности послать вамъ, черезъ наши мѣста, извѣстное количество овса, котораго много въ Коварнѣ? отвѣчайте мнѣ на это, и я тотчасъ же прикажу принять соотвѣтствующія мѣры. Здоровье Меншикова хорошо на сколько возможно, и доктора увѣряютъ меня, что онъ внѣ опасности. Дай-то Богъ! Думаю, что Воронцовъ хорошо исполнитъ свое дѣло. Чтобы устранить всякое столкновеніе между Михаиломъ и имъ, я самъ здѣсь начальствую; а вы начальствуйте тамъ, будьте тверды (tenez tête) относительно вашего стараго фельдмаршала, а если васъ не будутъ слушаться, употребляйте мое имя.

28-го числа. Забылъ сказать вамъ, что около Кистенджи я встрѣтилъ верблюдовъ; я только что приказалъ нагрузить ихъ, въ Коварнѣ, овсомъ, и отошлю ихъ къ вамъ. Они будутъ для васъ весьма полезны пока вы будете оставаться тамъ, гдѣ теперь,—прохаживаясь между вами и здѣшнимъ расположеніемъ, куда все легко доставляется намъ моремъ. Не забудьте, что у васъ есть конгревовы ракеты; испробуйте ихъ при первомъ случаѣ.

A bord de «Paris», le 27 soir 1828.

Depuis que je vous ai écris ce matin, mon cher ami, j'ai été à terre, et après nous être concerté avec Voronzof et avoir vu, quoique de loin, ce qui a été fait et ce qui reste à faire, je puis vous répondre qu'il n'y a aucun besoin de secours pour ici à tirer de l'armée. La seule chose à faire, c'est d'envoyer le 20 de chasseurs joindre le détachement d'Akinfief de l'autre côté du liman et d'envoyer ici la batterie de position de la 10-me brigade.

Je suppose qu'après demain nous pourrons faire une descente avec les marins de la garde et la 4-me brigade de la garde audessous de Galata, tandis que le détachement d'Akinfief poussera de l'autre côté, en s'appuyant au liman; la 3-me brigade de la garde servira de reserve aux trouppes de ce côté ci, et la 1-me division entière restera à Franky. Tenez absolument au moins Enibazar, et je vous réponds que dans moins de dix jour, avec l'aide de Dieu, Varna sera à nous. C'est miraculeux, ce que l'on a pu faire ici; et Меншиковъ, et Pérofsky, et tout le monde s'est couvert de gloire ici—avis aux autres!!!—Il faut aussi que Madatof et Dellingshausen gardent bien leur

poste. Il faut—il me parait—que l'on pense, au cas que vous quittiez, Schoumla, à couvrir Madatof de ce qui pourrait lui tomber de Маковщина.—Mon courrier arrive dans ce moment de retour de Щербатовъ, à qui j'avais ecrit moi même, et de moi même, à suite d'une lettre de Langeron, avant de partir pour Odéssa, m'apporte le rapport ci-joint de lui; je suis enchanté d'avoir été du même avis que vous.—Je vous previens que j'ai déj assé les batteries de siège qui viennent de Kief; elles sont superbes; mais si je ne les avais arrété—elles avaient ordre, ainsi qu'un parc du génie, d'aller à Шумла!!!—Je leur ai donné ordre de s'arréter à Babadag, et que de là elles seraient dirigées où la necessité l'ordonnerait. Il n'est pas prudent de les faire marcher sur Silistrie avant que Щербатовъ ne soit decidément à Гирсовъ.—Les hôpitaux que j'ai vu sont assez bien; j'ai pris pour Kistenjé et Kowarna la mesure de faire arriver ici par eau, tant que possible, les guéris. J'ai vu à Kistenjé la cavallerie de la garde qui est magnifique.—Enfin, mon cher ami, nous avons fait beaucoup de sottises à Шумла, mais tenez ferme, et qu'on n'en fasse plus là ou à Enibazar; et moi je tâcherai d'en faire le moins possible ici.—A propos: faites venir ici la batterie de siège et le parc du génie, s'il en est encore temps.—Ne serait ce pas possible de vous faire envoyer par ici une certaine quantité d'avoine dont on a beaucoup à Kowarna?—répondez moi la dessus, et je ferai de suite prendre les mesures pour cela.—Меншиковъ va aussi bien que possible et les medecins m'assurent qu'il est hors de danger. Dieu le veuille. Je crois que Voronzof fera bien. Pour éviter toute collision entre Michel et lui, c'est moi qui commande ici; et vous—commandez la-bas, et tenez tête à votre vieux Marechal et employez mon nom quand on ne vous obéit pas.

Le 28. J'ai oublié de vous dire que j'ai rencontré près de Kisténji les chameaux; je viens d'ordonner de les charger, à Kowarna, d'avoine et vous les enverrai. Ils vous seront de la plus grande utilité tant que vous resterez la où vous êtes, en faisant la navette entre vous et ici, ou tout nous arrive facilement par eau.—N'oubliez pas que vous avez des Congrèves et faites en l'essai à la première occasion.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 29-го августа [1]).

(Переводъ). Я имѣлъ счастіе получить, въ эту ночь, черезъ Суворова, письмо ваше, отъ 27-го числа. Письмо это, Государь, весьма меня осчастливило, сообщивъ мнѣ, что мы дѣйствовали согласно вашимъ намѣреніямъ, удерживая, на сколько возможно было, позицію подъ Шумлою, вопреки всѣмъ доводамъ, какъ относительно опасности этой позиціи, такъ и относительно невозможности добыванія фуража, который и точно былъ очень скуденъ.

Первоначальный страхъ, который, впрочемъ, никогда не проникалъ въ самыя войска, видимо разсѣялся послѣ вчерашняго дѣла, которое

[1]) Отвѣтъ на письма 27-го и 28-го августа.

доказало ничтожество турецкихъ атакъ, какъ только ихъ встрѣчаютъ въ должномъ порядкѣ. Третьяго дня, одинъ болгарскій перебѣжчикъ сообщилъ полковнику Липранди извѣстіе, что Гуссейнъ-паша приготовляется въ слѣдующую ночь снова предпринять неожиданную атаку противъ праваго и лѣваго крыла нашихъ. Не смотря на принимаемыя каждою ночью предосторожности, корпусные командиры были еще предупреждены, чтобы были на-сторожѣ. Дѣйствительно, около 3 ч. 20 м. утра, когда еще было совсѣмъ темно, человѣкъ 30 турецкихъ всадниковъ бросилось на нашихъ казаковъ, стоявшихъ передъ редутомъ № 5-й (на Зеленой горѣ), но были отбиты; тотчасъ же послѣ этого, четыре полка регулярной пѣхоты (около 3,000 ч.) безъ выстрѣла бросились на батарею № 27, построенную послѣ отъѣзда В. И. В—ва, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ прежде редутъ Каменскаго. Укрѣпленіе это было обороняемо 300 человѣкъ Алексопольскаго полка, при 4-хъ пушкахъ и 50-ти конгревовыхъ ракетахъ, подъ общимъ начальствомъ Троицкаго полка маіора Семичева. Турки были приняты сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью, не смотря на то, что Некрасовцы (которымъ, 14-го числа, хитрость ихъ, къ несчастію, удалась) кричали, чтобы мы не стрѣляли «по своимъ». Часть нападающихъ, покровительствуемая темнотою, достигла рва, но значительная глубина онаго и храбрость нашихъ солдатъ сдѣлали атаку эту безплодною. Турки оставили тутъ много убитыхъ. Тѣмъ временемъ, ближайшія наши укрѣпленія открыли картечный и гранатный огонь, чтобы оказать поддержку атакованному редуту, который, между тѣмъ, для лучшаго направленія своихъ выстрѣловъ, освѣтилъ себя десяткомъ выпущенныхъ конгревовыхъ ракетъ; изъ нихъ одна, пронизавъ во всю длину одну изъ турецкихъ колоннъ, привела ее въ величайшій безпорядокъ. Въ скоромъ времени, усиленный огонь этотъ заставилъ турецкую пѣхоту обратиться въ бѣгство, прежде даже, чѣмъ баталіонъ Полтавскаго полка, находившійся въ ближайшемъ резервѣ, могъ подоспѣть къ атакованному редуту. Почти одновременно съ этимъ, замѣчено было, что ружейный огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ направленъ былъ на возвращающіяся войска, и въ тотъ же моментъ другіе четыре полка турецкой пѣхоты двинулись на редутъ № 12, построенный на мѣстѣ, назначенномъ В. В—омъ и значительно усиленный стараніями генерала Черемисинова. Они тоже были встрѣчены сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и картечью отряда полковника Дометти, у котораго въ означенномъ редутѣ было 600 человѣкъ 17-го егерскаго полка и 8 орудій. Храбрѣйшіе изъ турокъ все-таки дошли до самаго рва и нѣсколько разъ возобновляли атаки, но были постоянно отражаемы съ большимъ урономъ;

оставивъ во рву и около него до 50-ти убитыхъ, они въ безпорядкѣ бѣжали къ своимъ укрѣпленіямъ. Поле передъ обоими редутами, до самыхъ турецкихъ укрѣпленій, было покрыто убитыми и ранеными и потерю непріятеля считаютъ въ 5—6,000 человѣкъ. Въ продолженіе всего этого времени онъ не сдѣлалъ ни одного пушечнаго выстрѣла, такъ что весь нашъ уронъ состоялъ изъ 4-хъ убитыхъ и 11-ти раненыхъ. Когда стало разсвѣтать, то намъ видно еще было, какъ бѣгущіе возвращались въ свой укрѣпленный лагерь и въ городъ, съ валовъ котораго ихъ встрѣчали ружейными выстрѣлами. Затѣмъ ужъ только, непріятель, оставивъ своихъ иррегулярныхъ стрѣлковъ передъ редутами, открылъ весьма частый артиллерійскій огонь, не причинившій намъ ни малѣйшаго вреда.

На разсвѣтѣ же пришло извѣстіе, что сильныя колонны непріятельской конницы тѣснятъ нашихъ казаковъ, стоящихъ противъ с. Косаплы. Фельдмаршалъ приказалъ принцу Евгенію поддержать казаковъ одною бригадою 19-й дивизіи съ ея артиллеріею и гусарами и двинуть обѣ бригады 16-й дивизіи, для того, чтобы онѣ служили резервомъ. Непріятель, стараясь избѣжать огня нашихъ батарейныхъ орудій, постоянно обходилъ наше лѣвое крыло, но генералъ Ридигеръ, быстро приблизившись къ противнику, открылъ противъ него усиленный огонь изъ легкихъ батарей, что̀ сейчасъ же привело турокъ въ величайшее разстройство. Тогда гусары бросились ихъ преслѣдовать, но быстрота турецкихъ лошадей и близость лѣса спасли ихъ Казаки же преслѣдовали бѣглецовъ, спасавшихся кружнымъ путемъ въ свой укрѣпленный лагерь, гдѣ у нихъ находился резервъ. Мнѣ говорили, что гусары, при этомъ случаѣ, показали себя съ очень хорошей стороны, и что полкъ фельдмаршала обнаруживалъ сильнѣйшее желаніе быть пущеннымъ въ дѣло. Если бы нѣсколько придержали атаку и постарались охватить лѣвый флангъ противника, то, можетъ быть, удалось бы отрѣзать часть его; но я думаю, что никогда не слѣдуетъ препятствовать—особенно въ кавалеріи—слишкомъ большой быстротѣ при атакѣ, если таковая производится въ порядкѣ, а тутъ такъ и было. Непріятельская конница, предводимая адріанопольскимъ гашою, была силою въ 2 — 3,000 человѣкъ. Немногіе плѣнные (ихъ всего съ десятокъ, которыхъ захватили во рву редута; остальные же всѣ умерли отъ ранъ) сообщили намъ вышесказанныя подробности о силахъ турецкихъ войскъ; они ничего не знаютъ относительно прибытія визиря, о чемъ имъ говорятъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; они думаютъ, что Гуссейнъ-паша присутствовалъ при атакѣ редутовъ, и подтверждаютъ что Омеръ-

Вріоне и тульчинскій паша Ибрагимъ двинулись черезъ Снядовъ на Камчикъ, для дѣйствій противъ Мадатова, въ Праводахъ.

Вчерашнее дѣло, имѣющее мало значенія для войны, произвело очень хорошее вліяніе на духъ войскъ; кромѣ того, солдатъ подбодрила и небольшая добыча, снятая ими съ убитыхъ турокъ. Вообще же это дѣло возвратило хорошее расположеніе духа и офицерамъ и генераламъ, и заставило замолчать восхвалителей турокъ. Фельдмаршалъ, въ рапортѣ своемъ, сообщитъ вамъ о доблестныхъ поступкахъ двухъ артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ. Вообще, войска наши сражались съ обычною имъ отвагою, и баталіоны, двинутые впередъ на поддержаніе редутовъ, шли въ дѣло весело. Во время самаго боя, одинъ офицеръ привезъ мнѣ письмо отъ Воронцова, сообщающее приказаніе—ваше прибыть въ лагерь подъ Варною. Но, между тѣмъ, движеніе къ Енибазару назначено было на ночь съ 29-го на 30-е; поэтому я былъ увѣренъ, что В. В—во простите меня, если я не оставлю арміи въ такую минуту, когда легко можетъ завязаться сильное дѣло; однако я принялъ мѣры для того, чтобы отправиться какъ можно скорѣе изъ Енибазара въ лагерь подъ Варною. Фельдмаршалъ крайне доволенъ тѣмъ, что можетъ остаться здѣсь со всею своею свитою. Мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для того, чтобы пріискать еще сколько нибудь фуража, дабы имѣть возможность продержаться здѣсь хотя кое-какъ еще дней съ десять; развѣ только какое нибудь отступательное движеніе или пораженіе Мадатова принудятъ насъ приблизиться къ этому важному пункту(?),—чего, мнѣ кажется, нельзя опасаться, такъ какъ Деллингсгаузенъ достаточно близокъ, чтобы поддержать его, а Воронцовъ пишетъ намъ, что и Акинфіевъ поддержитъ его, въ случаѣ надобности. Отъ Рота ничего мы не имѣемъ; а равно не имѣемъ свѣжихъ извѣстій и отъ Ланжерона. Если мы остаемся здѣсь, то я уже ничего не опасаюсь за эту страну (княжества), кромѣ лишь Малой Валахіи, которую никогда не сочту обезпеченною прежде, нежели обстоятельства допустятъ возстаніе сербовъ.

Я дописалъ до этого мѣста, когда фельдъегерь Князевъ привезъ мнѣ письма В. В—ва, отъ 27-го и 28-го. Сдѣлаю все возможное, чтобы показать себя достойнымъ довѣрія В. И. В—ва и чтобы хорошо исполнять приказанія ваши. Надѣюсь, что Господь Богъ подастъ мнѣ силы на это. Что касается здѣшней позиціи, то мы полагаемъ срыть редуты, возведенные на правомъ берегу ручья Шумлы, занявъ господствующія высоты лѣваго берега всею 19-ою дивизіею. Всѣ редуты центра и праваго крыла будутъ охраняемы 3-мъ корпусомъ, а высоты между Соважей и Буланыкомъ останутся занятыми резер-

вомъ. Я не думаю, чтобы теперь было удобное время для предпринятія небольшихъ экспедицій, но, конечно, надо стараться пользоваться каждою ошибкою противника. Слѣдуетъ беречь наши силы для серьезныхъ ударовъ, которые должны быть нанесены послѣ паденія Варны. В. В—во изволили усмотрѣть, что конгревовы ракеты были въ первый разъ употреблены въ дѣло; но у насъ ихъ только 70—80 штукъ большаго калибра; остальныя же мелки и мало-дѣйствительны; ихъ имѣется до 700.

Присылка верблюдовъ съ овсомъ будетъ намъ въ высшей степени полезна, потому что овса у насъ совсѣмъ нѣтъ и лошади окончательно теряютъ силы. Абакумовъ немедленно приметъ мѣры для отправки транспортовъ на Варну, и моремъ и сухимъ путемъ, если В. В—ву благоугодно будетъ приказать принять нужныя мѣры для выгрузки оныхъ и для снаряженія необходимаго имъ прикрытія, до раіона расположенія войскъ Деллингсгаузена. Это чрезвычайно облегчило бы перевозку транспортовъ, на два этапа сократило бы ихъ переходъ, и усилило бы средства для того, чтобы собрать, какъ здѣсь, такъ и въ Козлуджи, нѣкоторые запасы.

Ни отъ Мадатова, ни отъ Деллингсгаузена мы еще никакихъ извѣстій не имѣемъ; послѣдній пошелъ на помощь къ первому, но нигдѣ не слышно было канонады. Очень можетъ быть, что эта кавалерія направилась въ сторону Варны,—хотя она будетъ плохимъ рессурсомъ въ осажденномъ городѣ. Какъ только мы получимъ извѣстія о томъ, что̀ дѣлается въ Праводахъ, то 20-й егерскій полкъ и № 1-го рота 10-й бригады направлены будутъ на соединеніе съ Акинфіевымъ, и я полагаю, что по его прибытіи намъ можно будетъ опять взять Кременчугскій полкъ.

Такъ какъ при В. В—вѣ нѣтъ адъютантовъ, то я еще сегодня хотѣлъ Суворова отослать, но у него случился припадокъ лихорадки; поэтому, адъютантъ фельдмаршала Ховенъ повезетъ депеши и можетъ привезти намъ приказанія В. В—ва.

Благоволите, Государь, принять.....

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль «Парижъ», 29-го августа, утромъ [1]).

(Переводъ). Любезный другъ, Чевкинъ пріѣхалъ вчера, въ $11\frac{1}{2}$ ч. вечера, и сообщилъ, на словахъ, все, что мнѣ нужно было знать. Отвѣчаю на̀-скоро относительно самыхъ важныхъ предметовъ. Мы знаемъ, что вчера Мадатовъ былъ атакованъ и что Деллингсгаузенъ двинулся

[1]) Отвѣтъ на письмо отъ 26-го числа.

къ нему на подкрѣпленіе; уповаю на Бога, что они въ состояніи будутъ удержаться; но пока не будетъ въ этомъ увѣренности, мы не можемъ здѣсь предпринять проектированнаго дессанта и движенія къ мысу Галата и на Бургасскую дорогу. Если въ Праводахъ все пройдетъ благополучно, то сегодня вечеромъ 4-я гвардейская бригада переѣдетъ моремъ въ Галату, между тѣмъ, какъ Акинфіевъ, съ 4-мя баталіонами, 6-ю эскадронами и 10-ю орудіями, двинувшись внизъ по лиману, соединится съ гвардейскою бригадою и довершитъ, такимъ образомъ, обложеніе крѣпости. Осадныя работы идутъ отлично; огонь фронта, избраннаго для атаки, окончательно потушенъ, и непріятель отвѣчаетъ намъ только однѣми бомбами. Сапа доведена на разстояніе менѣе 30-ти саженъ отъ вала, и черезъ два дня уже, можетъ быть, начнутъ пробивать брешь, значительно подготовленную отличнымъ огнемъ батарей. Теперь держитесь въ Енибазарѣ до послѣдней крайности; въ особенности заботьтесь о вашемъ лѣвомъ крылѣ и о томъ, чтобы спасти Праводы, удерживать которыя необходимо. Немедленно отправьте, на соединеніе съ Ротомъ, гусарскую дивизію, съ одною изъ принадлежащихъ ей двухъ батарей, и одну бригаду пѣхоты изъ 7-го корпуса: это дастъ намъ возможность сказать принцу Евгенію, что такъ какъ 7-й корпусъ очень ослабленъ, то я приказалъ, чтобы онъ соединился съ 3-мъ, подъ общимъ начальствомъ Рудзевича, и что я желаю, чтобы принцъ Евгеній отправился сначала въ Коварну, а что оттуда я, впослѣдствіи, призову его къ себѣ. Сдѣлайте это какъ можно скорѣе. Не лучше ли будетъ, выславъ сюда изъ его дивизіи только 20-й егерскій полкъ, оставить 2-ю бригаду въ Праводахъ, такъ какъ она уже съ ними ознакомилась, а 8-ю дивизію оставить при главныхъ силахъ арміи?

Скажите фельдмаршалу, что письмо его меня огорчило; что такъ какъ онъ чувствуетъ стыдъ того, что произошло, то я объ этомъ болѣе говорить не стану; что касательно состоянія его здоровья я не полагалъ, что оно таково, чтобы заставить его покинуть начальство передъ окончаніемъ кампаніи, и что я желалъ бы, чтобъ онъ сохранилъ свой постъ, по крайней мѣрѣ, до конца оной. Гвардію я нашелъ въ удивительномъ состояніи, равно какъ и духъ ея. Воронцовъ весьма хорошо исполняетъ временную свою должность, храбрыя же войска его, въ особенности 13-й и 14-й егерскіе полки, воодушевлены героизмомъ; есть солдаты, которые были три раза ранены во время осады, и опять съ радостію возвращаются въ траншеи! Скажите Виллiе, чтобы онъ изъ Базарджика переѣхалъ въ Коварну, а затѣмъ прибылъ сюда, гдѣ я оставлю его при себѣ. Оставляю при себѣ Чевкина, который будетъ мнѣ очень полезенъ; а вы, любезный другъ,

извѣщайте меня о всемъ, что у васъ происходитъ. Пошлите хорошаго офицера для осмотра и поспѣшнаго укрѣпленія поста у Дѣвненской мельницы. Здѣсь, мы расположены слѣдующимъ образомъ: 3-я бригада въ резервѣ осадныхъ войскъ, у подошвы высотъ Франки; 1-я дивизія стоитъ наверху, и я тамъ ее вижу. Два эскадрона гвардейскихъ казаковъ стоятъ въ 8-ми верстахъ, по сю сторону отъ Козлуджи, откуда они содержатъ связь съ Деллингсгаузеномъ и Акинфіевымъ.—Извѣстите меня скорѣе, не надо ли вамъ овса, котораго отсюда легко послать вамъ, сколько вы захотите, съ тѣмъ, однако, чтобы вы прислали за нимъ повозки или вьючныхъ животныхъ. Такъ какъ я не знаю, скоро ли мнѣ удастся писать вамъ, то посылаю это письмо съ Фредериксомъ, который можетъ устно передать вамъ все, что мнѣ понадобилось бы вамъ сказать послѣ того, какъ побываю на берегу и побесѣдую съ Воронцовымъ. Предупреждаю васъ, что въ Коварнѣ уже 5,600 человѣкъ больныхъ и раненыхъ, и что вопреки тому, что ихъ можно увозить моремъ, около 1,000 человѣкъ все-таки живутъ въ палаткахъ; поэтому, подумайте какъ бы пріютить прочихъ. Не опасаетесь ли вы за Базарджикъ? Прощайте, любезный другъ; посылайте мнѣ аккуратно, каждый день, извѣстія о васъ. Вашъ навсегда N.

Мое почтеніе фельдмаршалу.

A bord du «Paris», le 29-me ma'in 1828.

Tchefkine est arrivé hier à onze heures et demi du soir, mon cher ami, et m'a tout rapporté de bouche ce qu'il m'importait d'apprendre. Je vous reponds à la hâte, au plus urgent. Nous savons Madatof attaqué dans la journée d'hier et que Dellingshausen a marché pour le soutenir; j'espère en Dieu, qu'ils pourront garder leur poste; mais avant que nous n'en avons la certitude, nous ne pouvons pas entreprendre ici la déscente projétée et le mouvement sur le cap Galata et la route de Bourgas. Si tout est bien fini à Pravody, ce soir la 4-me brigade de la garde passe par mer à Galata; tandis qu'Akinfief, avec 4 bat., 6 escadr. et 10 pièces, descend le liman et vient se joindre à la brigade de la garde et completter ainsi l'investissement de la place. Les ouvrages de siège vont à merveille; l'on a éteint tout le feu du front d'attaque et l'ennemi ne repond plus que par des bombes. La sappe est à moins de 30 toises du rempart, et peut être dans deux jours battera-t-on la brèche, considérablement preparée par l'excellent feu des batteries.—Maintenant tenez à outrance à Enibazar et pensez surtout à votre gauche et à sauver Pravody, qu'il est indispensable de garder.—Faites de suite partir, pour joindre Rott, la division de hussards avec une des deux batteries à elle, et une brigade d'infanterie, tirée du 7-me corps: ceçi nous donnera la possibilité de faire dire au P. Eugène que le 7-me corps étant fort affaibli, j'avais ordonné qu'il fut réuni, sous les ordres de Roudzévitche, avec le 3-me, et que je désire que

le P. Eugène aille d'abord à Kowarna et de là. ensuite, je le ferai revenir près de moi. Faites cela le plustôt possible.—Ne serait-il pas mieux, en ne renvoyant ici de sa division que le 20 de chasseurs. de laisser la 2 brigade à Pravody, puisqu'elle y est déja faite, et garder la 8-me division près du gros de l'armée?

Vous direz au Maréchal que j'ai reçu sa lettre avec peine; que puisqu'il sentait la honte de ce qui s'est passé je n'en parlerai plus; que, quant à l'état de sa santé, je pensais qu'elle n'était pas telle à le forcer de quitter le commandement avant la fin de la campagne, et que je désirais qu'il garde son poste au moins jusqu'à ce qu'elle fut finie.—J'ai trouvé la garde admirable et son esprit l'est tout autant.—Voronzof se prend fort bien à son poste momentané, et l'esprit de ses braves trouppes—et surtout des 13 et 14 chasseurs—est héroïque; il y a des hommes trois fois blessés durant le siège, qui retournent avec impatience à la tranchée!—Dites à Vylly de passer de Bazardjik à Kowarna et de venir ensuite me joindre ici, ou je le garderai près de moi.—Je garde Чевкинъ qui me sera fort utile; et vous, mon cher, tenez moi au courant de ce qui se passe chez vous.—Envoyez un bon officier, pour voir et fortifier à la hâte le poste du moulin de Dewno.—Nous sommes placés ici: la 3 brigade en resérve des trouppes de siège, audessous des hauteurs de Franky; la 1 division campée au haut, et c'est là que je la vois.—Deux escadrons de cosaques de la garde sont à 8 verstes de ce côté de Kosloudji, d'où ils communiquent avec Dellingshausen et Akinfief.—Informez moi au plustôt si vous n'avez pas besoin d'avoine qu'il est aisé de vous envoyer d'ici en telle quantité que vous voulez,—pourvu que vous envoyez des voitures ou des bêtes pour la chercher.—Comme je ne sais pas si je pourrais vous écrire tantôt, je vous envois cette lèttre par Frederichs qui pourra, de bouche, ajouter ce que je pourrais avoir besoin de vous dire en arrivant à terre et après avoir causé avec Woronzof.—Je vous préviens qu'il y a déja 5,600 malades et blessés à Kowarna, et que malgré que l'on peut en faire porter par eau, il y en a près de mille qui sont sous la tente; ainsi, pensez comment faire pour abriter les autres.—Ne craignez vous rien pour Bazardjik?—Adieu mon cher ami; envoyez moi régulièrement tous les jours de vos nouvelles. Tout à vous pour la vie N.

Mes respects au Maréchal.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 30 августа.

(Переводъ). Вчера, въ ночь, мы наконецъ получили извѣстія отъ ген. Рота. Изъ рапорта фельдмаршала, В. И. В. усмотрите, что захватъ бумагъ, которыя везъ маіоръ Шатовъ, не имѣетъ крайней важности, кромѣ лишь частнаго письма ген. Рота Киселеву, въ коемъ онъ выражаетъ свои опасенія на тотъ случай, если бы непріятель изъ Шумлы двинулся противъ него; но и это письмо утратило свое значеніе, разъ что мы будемъ стоять передъ Шумлою. Ген. Ротъ тоже жалуется на безпорядки по продовольственной части. Такъ какъ она по-

ручена гр. Палену и такъ какъ онъ писалъ, что все будетъ устроено, то надо надѣяться, что она уже устроилась; но фельдмаршалъ собирается сейчасъ же запросить гр. Палена, почему это могло произойти, и написать ему, чтобы онъ водворилъ должный порядокъ.

Гр. Ланжеронъ намѣренъ двинуться противъ непріятеля, угрожающаго Краіову, подкрѣпивъ отрядъ Гейсмара, отступившій къ этому городу, Бугскою бригадою. Я увѣренъ, что хорошо соображенная атака не останется безъ успѣха.

Дѣло 16-го числа, передъ Силистріею, было, по видимому, очень хорошо, и я весьма радъ, что уланы показали себя тамъ съ хорошей стороны.

Сегодня мы получили рапортъ и отъ Мадатова, что онъ отбилъ соединенную атаку нѣсколькихъ пашей и преслѣдовалъ ихъ, вмѣстѣ съ Деллингсгаузеномъ, до Козлуджи. Онъ полагаетъ, что потери ихъ значительны; наши же весьма малы.

Извѣстія съ флота, особенно же о доблестной экспедиціи капитана Крицкаго въ Инадіи, доставили намъ великое удовольствіе и, конечно, произведутъ хорошее впечатлѣніе.

Мы не имѣемъ никакого извѣстія о движеніи визиря и я еще полагаю оное мало вѣроятнымъ.

Здѣсь все было спокойно, кромѣ развѣ того, что турки производили безплодную пальбу изъ своихъ укрѣпленій противъ нашихъ.

Такъ какъ Балкашинъ, въ качествѣ моряка, не приноситъ намъ здѣсь ни малѣйшей пользы, то я счелъ нужнымъ послать его къ В. В—ву, потому что Суворовъ еще болѣнъ.

Его Высочество Цесаревичъ написалъ мнѣ отвѣтъ на письмо, касающееся Реада старшаго, отправившагося въ Петербургъ вслѣдствіе ошибки, причины которой я еще не могъ открыть.

Согласно съ симъ, назначеніе его адъютантомъ я включилъ въ приказъ, представленный на утвержденіе В. И. В—ва.

В. В—во получите также рапортъ относительно кончины генерала Альбрехта. ВеликійКнязь предлагаетъ на его мѣсто Курнатовскаго.

Благоволите, Государь, принять.....

P S. 31-го августа [1]). Письмо мое было готово и отдано Балкашину, который долженъ былъ отправиться на разсвѣтѣ. Ночью прибылъ Фредериксъ и привезъ мнѣ письмо В. И. В—ва, отъ 29-го числа. Такъ какъ мы не оставили позиціи передъ Шумлою, то отправка бригады къ Роту и многія другія распоряженія послужатъ для меня лишь указаніями на предстоящіе случаи, которыхъ, я надѣюсь, не

[1]) Отвѣтъ на письмо отъ 29-го августа.

будетъ. Такъ какъ въ настоящемъ нашемъ положеніи мы очень удалены отъ Мадатова (потому что прямая дорога черезъ Маковщину весьма затруднительна для артиллеріи и, въ особенности, потому что намъ невозможно поддерживатъ его съ лѣваго фланга, не оставляя тамъ постоянно сильнаго отряда), то я полагаю, что онъ былъ бы достаточно поддержанъ расположеніемъ промежуточнаго отряда между портомъ Галата и проходомъ у лимана, для чего я, согласно распоряженіямъ В. И. В—ва, полагалъ бы назначить Акинфіева. Насъ, здѣсь, это весьма усилило бы и облегчило бы намъ возможность расположиться поудобнѣе. Касательно сего предмета и касательно нашего положенія, имѣю честь представить небольшую записку, въ которой прошу В. В. оставить намъ 20-й егерскій, по крайней мѣрѣ, до возвращенія Деллингсгаузена, тѣмъ болѣе, что льщу себя надеждою, что, при помощи Божіей, полку этому уже немногое останется сдѣлать подъ Варною.

Вслѣдствіе нынѣшняго нашего положенія, придется, какъ я полагаю, отложить также, на нѣкоторое время, и то, что В. В—во пишете мнѣ на счетъ принца Евгенія—хотя мнѣ кажется, что онъ самъ былъ бы доволенъ отдѣлаться, при удобномъ случаѣ, отъ своего командованія.

Мы пошлемъ въ Дѣвно капитана польскихъ инженеровъ Шульца, чтобы отдать Вашему И. В—ву отчетъ о произведенныхъ имъ рекогносцировкахъ.

У насъ больные все прибываютъ; но, особенно, лошади слабѣютъ ужасающимъ образомъ; поэтому, присылка овса была бы дѣломъ величайшей важности; но такъ какъ Фредериксъ говоритъ мнѣ, что транспортамъ, идущимъ изъ Коварны въ Варну, предстоитъ весьма дурная дорога, то только тѣ повозки, которыя возвращаются уже отсюда, будутъ въ состояніи привезти намъ овесъ; и это должно продлиться еще нѣсколько времени, потому что повозки, уѣхавшія теперь, еще отвозятъ больныхъ въ Базарджикъ.

Надѣюсь имѣть возможность отослать къ В. В—ву Фредерикса завтра или послѣ завтра; но умоляю васъ, Государь, разрѣшить мнѣ отправлять курьеровъ лишь три раза въ недѣлю и, разумѣется, при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи и извѣстіи,—потому что у насъ, на малыхъ этапахъ, мало средствъ для конвоированія; а курьеры, отправляясь каждый день, окончательно замучили бы и это небольшое количество казачьихъ лошадей.—Генералъ Киселевъ сообщилъ мнѣ докладную записку относительно перехваченныхъ бумагъ генерала Рота, которую при семъ имѣю честь представить В. И. В—ву.

Очень прискорбно, что число больныхъ въ Коварнѣ такъ велико, и я почти не вижу средствъ противъ этого. Надо будетъ еще помѣстить больныхъ въ Базарджикѣ, потому что я не полагалъ бы удобнымъ опять устраивать госпиталь въ Енибазарѣ. Всѣ госпитали на военной дорогѣ переполнены, а находящіеся въ княжествахъ надо приберегать на зиму.

Я передалъ фельдмаршалу приказаніе В. В—ва и онъ готовъ исполнять все, что вы приказываете, съ возможнымъ усердіемъ. Онъ повергаетъ себя къ стопамъ В. В—ва.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Корабль «Парижъ», на Варнскомъ рейдѣ, 30-го августа.
(Письмо писано рукою К. В. Чевкина).

(Переводъ). Будучи очень занятъ, я не могу писать сегодня самъ и пользуюсь для сего Чевкинымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ васъ, потому что, со времени его прибытія, т. е. уже около 48 часовъ, ничего отъ васъ не получалъ.

Дѣло князя Мадатова, кончившееся благопріятно для насъ, еще болѣе улучшаетъ положеніе дѣлъ нашихъ подъ Варною, которое, вообще, очень удовлетворительно. Генералъ Головинъ, съ 4-ю гвардейскою бригадою, 1-мъ баталіономъ полка Веллингтона, 1-мъ баталіономъ Могилевскаго полка, 19-мъ егерскимъ полкомъ, 4-мя донскими орудіями и 2-мъ Бугскимъ уланскимъ полкомъ, совершаетъ свое движеніе на южный берегъ лимана, и завтра мы надѣемся увидѣть ихъ на высотахъ Галаты; они будутъ поддержаны дессантомъ съ флота, который долженъ сдѣлать диверсію и устроить на южномъ берегу постоянный пунктъ дебаркаціи, подобный тому, какой мы имѣемъ на сѣверной сторонѣ. Осадныя работы также подвигаются успѣшно: 60 туровъ уже поставлено въ вѣнцѣ гласиса, и мы ожидаемъ только прибытія нашихъ войскъ на мысъ Галату, чтобы взорвать контръ-эскарпъ и усугубить усилія нашей атаки.

Я видѣлъ сегодня полки Преображенскій и Московскій, которыхъ выправка и порядокъ—какъ и во всей гвардіи—дѣйствительно изумительны. Павловскій и Измайловскій полки уже употреблены въ дѣло, какъ резервъ въ нашихъ редутахъ; первый изъ нихъ сегодня, т. е. въ день своего полковаго праздника, былъ въ первый разъ въ огнѣ и потерялъ убитымъ одного человѣка. Гвардейскіе саперы продолжаютъ служить съ обычными имъ усердіемъ и храбростію. 4-й

піонерный баталіонъ измѣнился совершенно въ свою пользу; теперь онъ можетъ соперничать съ нашими лучшими баталіонами этого рода оружія.

Вообще, здѣсь наши дѣла идутъ очень хорошо; дай Богъ, чтобы поскорѣе и у васъ было то же самое. Впрочемъ, я увѣренъ, что всѣ будутъ стараться дѣйствовать какъ можно лучше; поручаю вамъ объявить это отъ моего имени.

Я временно остаюсь на кораблѣ, откуда представляется возможность лучше наблюдать за общимъ ходомъ дѣйствій.

Я только что получилъ, черезъ Одессу, рапортъ ген. Паскевича, отъ 8-го августа: онъ, не смотря на всѣ препятствія, перешелъ черезъ горный хребетъ, гдѣ артиллерію и обозъ приходилось втаскивать на веревкахъ; онъ дошелъ почти до Ахалцыха, разбилъ и прогналъ непріятеля, хотѣвшаго противиться его наступленію, убилъ у него болѣе 200 человѣкъ, отнялъ знамя, и теперь готовится начать свои дѣйствія противъ крѣпости.

Приписка рукою Государя: Ради Бога, любезный другъ, не оставляйте меня и въ теченіе сутокъ безъ извѣстій о васъ; для меня слишкомъ важно знать, что̀ дѣлается на вашей сторонѣ. Мое почтеніе фельдмаршалу. Постарайтесь, чтобы я имѣлъ случай изъявлять благодарность и у васъ, какъ постоянно дѣлаю здѣсь. Весь вашъ N.

Ce 30 Août 1828. A bord du «Paris», dans la rade de Varna.

(Писано рукою Чевкина).

Etant fort occupé, je ne puis aujourd'hui vous écrire moi même et me sers à cet effet de l'entremise de Tchefkine. J'attends avec impatience de vos nouvelles, car depuis son arrivée, c. à d. depuis près de 48 heures, je n'ai rien eu de vous.

L'affaire du Prince Madatoff qui a tourné en notre faveur améliore encore l'état de nos affaires sous Varna, qui est tout-à-fait satisfaisant. La 4-me brigade des gardes avec le general Golovin, le 1-r bat. Vellington, le 1-r Mohilef et le 19 chasseurs, avec 4 pièces du Don et le 2 Lancier de Boug, effectue son mouvement sur la rive meridionale du Liman, et demain nous éspérons la voir sur les hauteurs de Galata; elle sera secondée par une descente des trouppes de la flotte, qui doit faire diversion et établir sur la côte au midi de la place un point stable de débarquement, comme nous en avons un au nord.—Les travaux du siège avancent aussi avec succès: 60 gabions sont déja placés au couronnement du glacis et nous n'attendons que l'arrivée de nos trouppes au cap Galata pour faire sauter la contre-escarpe et doubler les efforts de notre attaque.

J'ai vu aujourd'hui les régiments de Préobragensky et de Moscou, dont la tenue et l'ordre, comme ceux de toute la garde, sont vraiment admirables.

Les regiments de Paul et d'Ismailoffsky sont déja employés comme réserve dans nos redoutes; le premier a été aujourd'hui, jour de la fête du régiment. pour la première fois sous le feu et a eu un homme de tué. Les sapeurs de a garde continuent à servir avec leur zêle et leur bravoure accoutumés. Le 4-e bataillon de Pionniers a changé complettement à son avantage; il peut rivaliser maintenant avec nos meilleurs bataillons de cette arme.

Généralement, nos affaires d'ici vont fort bien;—Dieu donne qu'il en soit bientôt de même de votre côté; au reste, je suis persuadé que tout le monde tachera d'agir de son mieux, et je vous charge de le dire en mon nom.

Je reste provisoirement à bord de la flotte, d'où je suis à même de mieux observer l'ensemble des opérations.

Je viens de recevoir par Odessa un rapport du G-l Paskévitsch, du 8 d'Août: il a franchi malgré tout obstacle une chaîne de montagnes ou l'on a été obligé de hisser avec des cordes l'artillerie et le train; il s'est avancé jusqu'à Akhaltzike, a battu et chassé l'ennemi qui a voulu s'opposer à sa marche, il lui a tué plus de 200 hommes, lui a enlevé un drapeau et va commencer ses opérations contre la forteresse.

Приписка рукою Государя. De grâce, cher ami, ne me laissez pas 24 heures sans nouvelles de chez vous; c'est trop important pour moi de savoir ce qui se fait de votre côté.—Mes respects au Maréchal, et faites que j'aye lieu de remercier de votre côté comme je l'ai constamment ici. Tout à vous N.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ 1828 ГОДА

И СОБЫТІЯ, ЗА НИМЪ СЛѢДОВАВШІЯ.

Записки Принца Виртембергскаго [1]).

Въ сраженіи при Куртепэ, 18-го (30-го) сентября 1828 г., я не могъ оставить безъ прикрытія въ лѣсу колонну, которой было назначено идти противъ непріятеля; поэтому съ лѣвой стороны ей долженъ былъ предшествовать отрядъ, высылая застрѣльщиковъ, и тѣмъ предохранить ее отъ обхода. Этою мѣрою я хотѣлъ воспользоваться, чтобы осмотрѣть въ то же время одинъ постъ, находившійся ближе къ непріятелю и чрезвычайно удобный для постановки орудій.

Затѣмъ, по дорогѣ вправо, по которой долженъ былъ двинуться Днѣпровскій баталіонъ [2]), я намѣревался послать орудія по направленію къ бургасской дорогѣ.

Такимъ образомъ я на-скоро набросалъ приблизительно слѣдующій планъ нападенія:

«Два баталіона Азовскаго полка идутъ влѣво отъ дороги въ Праводы въ лѣсъ и занимаютъ высоту, пригодную для батареи. Если это удастся, то генералъ Сумароковъ послѣдуетъ туда съ 20-ю орудіями. Азовскій полкъ между тѣмъ выставляетъ для безопасности цѣлую линію стрѣлковъ и рабочіе изъ нихъ расчищаютъ кустарникъ на столько, сколько нужно для постановки пушекъ.

«Второй баталіонъ Днѣпровскаго полка идетъ въ томъ же направленіи, вмѣстѣ съ гвардейскими казаками и восемью орудіями, приближаясь справа какъ можно болѣе къ турецкому лагерю.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 79—94; 527—544; 781—800.

[2]) Сильная пальба, доносившаяся съ этой стороны, доказывала, что баталіонъ находился вблизи непріятеля.

«Полки Украинскій и Одесскій и 20-й егерскій полкъ съ десятью пушками идутъ сомкнутою колонною по праводской дорогѣ къ турецкому лагерю въ ту самую минуту, когда генералъ Сумароковъ откроетъ пальбу. Кавалерія, подъ начальствомъ генерала Ностица, остается до тѣхъ поръ, покуда пѣхотная колонна не отойдетъ на столько, чтобы кавалеристы могли рысью нагнать ее у самаго непріятельскаго лагеря».

Этотъ планъ показался мнѣ въ то время вовсе не дуренъ; теперь же я смѣюсь надъ нимъ, такъ какъ онъ былъ неисполнимъ на дѣлѣ и никто, начиная отъ моего начальника штаба, не понималъ его. Какъ могли оріентироваться въ лѣсу всѣ эти отряды и въ особенности орудія!?—а безъ нихъ главная колонна не могла идти на приступъ!

Такимъ образомъ, всѣ мои распоряженія остались невыполненными или были выполнены такъ некстати, что мнѣ оставалось лишь сожалѣть, что я о нихъ говорилъ.

Прежде всего я приказалъ подкатить къ самому краю занимаемой нами высоты тѣ тяжелыя десять орудій, которыя должны были сопровождать главную колонну, и хотя это было на довольно большомъ разстояніи отъ турецкаго лагеря, однако, мы стрѣляли по немъ не совсѣмъ напрасно, о чемъ я могъ заключить по тому дѣйствію, какое производили пули, попадавшія къ намъ. Главною нашею цѣлью при этомъ было дать знать генералу Бистрому о нашемъ присутствіи и пригласить его принять участіе въ дѣлѣ.

— Гдѣ генералъ Сухозанетъ?—воскликнулъ я.

— Онъ внѣ опасности,—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ адъютантовъ, прибавивъ, что «генералъ сказался больнымъ и захворалъ, по его словамъ, вслѣдствіе слишкомъ быстрой ѣзды въ главную квартиру».

— Хорошо,—подумалъ я,—въ такомъ случаѣ колонну поведетъ Деллингсгаузенъ.

Вслѣдъ за тѣмъ ко мнѣ подошелъ генералъ Дурново, сказавъ: «Вы обѣщали сегодня утромъ поручить мнѣ при приступѣ начальство надъ авангардомъ».

— Другъ мой,—возразилъ я улыбаясь,—это не согласуется съ военными понятіями: при приступѣ не бываетъ авангарда, но бываетъ только голова (tête). Но здѣсь вы, во всякомъ случаѣ, поведете мой авангардъ, поэтому ступайте впередъ съ Азовскимъ полкомъ вашей бригады, но не горячитесь слишкомъ, а точно исполняйте мои инструкціи!

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ.

Дурново и Молоствовъ были задушевные друзья. Оба они начали службу въ главномъ штабѣ, но Дурново, какъ адъютантъ князя Вол-

конскаго и затѣмъ флигель-адъютантъ его величества, составилъ себѣ карьеру нѣсколько быстрѣе. Ему было теперь 35 лѣтъ и въ началѣ похода онъ командовалъ 1-ю бригадою 19-й дивизіи, съ которою и отличился. Одинъ полкъ этой дивизіи былъ случайно отдѣленъ и начальство надъ нимъ ввѣрено генералу Деллингсгаузену. Вслѣдствіе этого, императоръ рѣшилъ, что Дурново слѣдовало съ нимъ помѣняться и принять командованіе второю бригадой. Генералъ былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и съ этихъ поръ только и (искалъ случая) совершенно не щадить собственной жизни. Я подозрѣваю, что этотъ добрый, любезный и способный человѣкъ былъ очень оскорбленъ и что подъ маскою гнѣва на мнимое пренебреженіе скрывалась у него искренняя печаль. Я отвѣчалъ часто на его жалобы словами извѣстнаго инки съ острова Кубы, который, будучи осужденъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ на истязаніе каленымъ желѣзомъ, говорилъ ему въ утѣшеніе на его жалобные вопли: «А развѣ я лежу на розахъ?»

— Конечно, нѣтъ!—воскликнулъ Дурново, какъ ужаленный,—съ вами поступаютъ отвратительно, гнусно; это можетъ возмутить всякаго!—Знаете-ли, что это-то именно и приводитъ меня въ отчаяніе?—Поэтому умремъ вмѣстѣ!

— Слуга покорный!—вскричалъ я,—что̀-бы сказали на это жена и дѣти?—Вы, любезный другъ, представляете для меня настоящую психологическую задачу! Вы доказываете мнѣ, что человѣкъ въ высшей степени умный можетъ быть въ то же время глупцомъ!

Дѣйствительно, въ тотъ день, по крайней мѣрѣ, Дурново былъ какъ помѣшанъ.

Въ ту самую минуту, какъ я давалъ ему мое порученіе, онъ кинулся мнѣ на шею, воскликнувъ: «Георгій или смерть!»

— Другъ мой,—отвѣчалъ я,—вы любите меня, я знаю! Поэтому изъ любви ко мнѣ не портите мнѣ дѣла! Вы знаете, что̀ вамъ слѣдуетъ сдѣлать и чего я требую отъ васъ.

Но тутъ случилось еще одно непріятное обстоятельство. Генерала Дурново долженъ былъ сопровождать тотъ самый Азовскій полкъ, который, по моему мнѣнію—совершенно безвинно, пользовался теперь столь дурною славою и горѣлъ желаніемъ возстановить свою честь. Бывшій полковой командиръ былъ смѣненъ, и мѣсто его заступилъ подполковникъ Ротмистръ (Rottmistr), отчаянный смѣльчакъ. Онъ каждый день говорилъ на любимую тему Дурново, проповѣдуя солдатамъ, что «они должны всѣ погибнуть, чтобы возстановить свою честь!»

И такъ, къ моему предпріятію примѣшивались еще нѣкоторыя побочныя обстоятельства, грозя ему неудачею.

Мнѣ могутъ сдѣлать снова упрекъ: почему я послалъ именно ге-

нерала Дурново съ Азовскимъ полкомъ на такой постъ, гдѣ прежде всего требовалась осторожность?

Въ этомъ, пожалуй, была моя единственная вина. Однако, слѣдуетъ взять во вниманіе, что мнѣ представлялся весьма малый выборъ, а Дурново былъ къ тому человѣкъ умный, и Азовскій полкъ не имѣлъ другаго назначенія. Кромѣ того, назначивъ командиромъ его какого нибудь другаго офицера, пришлось бы оторвать его отъ ввѣренной ему уже части, наконецъ, этотъ полкъ былъ слабѣе всѣхъ прочихъ, а для взятія турецкаго лагеря приступомъ я нуждался въ главныхъ силахъ корпуса.

Словомъ, Дурново двинулся съ своимъ полкомъ и я напутствовалъ его самыми искренними пожеланіями.

Въ то же время я получилъ извѣстіе, что въ одной лощинѣ, далеко за нашимъ лѣвымъ крыломъ, была открыта довольно значительная масса турецкой пѣхоты. Къ этому пункту былъ посланъ генералъ Симанскій съ 20-мъ егерскимъ полкомъ и этимъ не только вниманіе мое было раздвоено, но и мои наступательныя силы еще болѣе ослаблены.

Со времени отправленія генерала Дурново прошло не болѣе получаса, и я разговаривалъ съ Кушелевымъ, намѣреваясь послать его къ императору съ донесеніемъ о принятыхъ мною мѣрахъ, какъ вдругъ слѣва изъ лѣса донеслись до насъ отдѣльные выстрѣлы, затѣмъ послышалась жаркая перестрѣлка и цѣлые залпы изъ ружей и, наконецъ, большое количество турокъ возвратилось бѣгомъ въ лагерь. За ними устремился Азовскій полкъ (т. е. 600 человѣкъ), проникъ даже въ ихъ укрѣпленія, но нѣсколько минутъ спустя наши солдаты снова выбѣжали оттуда, и тѣснимые, какъ было видно, цѣлыми толпами непріятелей, углубились въ лѣсъ. Продолжавшіеся выстрѣлы давали знать о томъ, что бой не прекращался. Въ то же время мы ясно видѣли, какъ турецкая колонна, въ 5,000 человѣкъ приблизительно, двинулась отъ праваго крыла непріятельскаго лагеря, влѣво отъ насъ, съ тѣмъ, чтобы обойти этотъ полкъ съ тыла; вскорѣ столбъ пыли, поднявшейся у опушки лѣса, куда вступили турки, указалъ намъ то направленіе, въ которомъ они двинулись.

Всплеснувъ руками, я сказалъ Кушелеву: «Вотъ вамъ послѣдствія нашего безумнаго предпріятія, начатаго безъ принятія необходимыхъ мѣръ предосторожности; отъ этого именно я и предостерегалъ еще вчера!»

Между тѣмъ, прибылъ адъютантъ Дурново съ извѣстіемъ, что его генералъ завладѣлъ турецкимъ лагеремъ и проситъ подкрѣпленія. Ему указали на результатъ этого дѣла; вскорѣ прибылъ второй

адъютантъ и рыдая объявилъ, что Дурново и всѣ штабъ-офицеры полка убиты, а небольшая кучка солдатъ, оставшихся еще въ живыхъ, защищается въ лѣсу противъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ.

О взятіи приступомъ лагеря въ эту минуту не могло быть и рѣчи; должно было поспѣшить спасти остатки Азовскаго полка, такъ какъ въ моемъ распоряженіи находилась еще бригада генерала Деллингсгаузена и второй баталіонъ Днѣпровскаго полка, который я удержалъ при видѣ происходившей катастрофы.

Въ то же время вернулся генералъ Симанскій, объявивъ, что турецкая колонна, которую ему было приказано прогнать, удалилась въ направленіи къ непріятельскому лагерю и что теперь можно отозвать 20-й егерскій полкъ съ его наблюдательнаго пункта. Отдавъ объ этомъ приказаніе, я велѣлъ одному баталіону Украинскаго полка пройти по дорогѣ въ Праводы на столько, чтобы служить Азовскому полку прикрытіемъ, но отнюдь не заходить слишкомъ далеко. И тутъ меня преслѣдовалъ злой геній: баталіонъ этотъ, вступивъ въ лѣсу въ рукопашный бой съ турками и обративъ ихъ въ бѣгство, поддался овладѣвшему имъ увлеченію и вмѣстѣ съ остатками Азовскаго полка погнался за убѣгавшими турками. «Поспѣшите туда,— закричалъ я генералу Симанскому,—примите командованіе надъ этими безумцами, но я не въ состояніи дать вамъ никакихъ инструкцій, такъ какъ мнѣ кажется, что я самъ нахожусь въ домѣ умалишенныхъ».

Не спрашивайте меня, почему я не воспользовался мудрымъ совѣтомъ Дибича и не сдержалъ непріятеля съ помощью артиллеріи, такъ какъ у меня погибли уже въ лѣсу четыре баталіона, пошедшіе именно съ этою цѣлью; не требуйте также отъ меня отчета, для чего были посланы всѣ предыдущіе отряды, такъ какъ имъ было дано самое точное приказаніе не нападать; но за то меня весьма основательно можно спросить: почему я не спѣшилъ туда, гдѣ былъ теперь безпорядокъ?

Только съ того пункта, на которомъ я стоялъ, открывался такой видъ, что я могъ слѣдить за всѣмъ происходившемъ и что каждое мое распоряженіе имѣло свою цѣль; немного далѣе все тонуло для меня въ непроницаемомъ мракѣ. Поэтому я долженъ былъ оставаться на высотѣ до тѣхъ поръ, покуда надѣялся еще дѣлать какія нибудь распоряженія, а затѣмъ, когда я увидѣлъ, что всѣ мои усилія безплодны и что я окончательно увлеченъ въ предпріятіе хотя безумное, но теперь совершенно неизбѣжное, я исполнилъ то, что мнѣ повелѣвалъ долгъ солдата—и ринулся въ бой.

Первый Украинскій баталіонъ, не взирая на опасность, устремился

по дорогѣ и проникъ въ лагерь, не смотря на цѣлый градъ картечи, посыпавшейся на него; онъ былъ отброшенъ подобно Азовскому полку, но затѣмъ, подкрѣпленный первымъ Днѣпровскимъ баталіономъ и остатками Азовскаго полка, прибывшими на мѣсто ранѣе, снова бросился въ бой. Генералъ Симанскій, прибывшій въ это время, былъ убитъ, и на атакующихъ бросилась цѣлая масса турецкой конницы, но они стояли твердо.

Между тѣмъ я послалъ генерала Ностица съ уланами и 20-мъ егерскимъ полкомъ въ кустарники влѣво и онъ вступилъ тамъ въ бой съ большою турецкою колонной, которая, какъ извѣстно, вышла изъ лагеря въ числѣ 5,000 человѣкъ. Одинъ только Одесскій полкъ остался при артиллеріи, а вторые баталіоны Днѣпровскаго и Украинскаго полковъ соединились съ первыми баталіонами въ ту минуту, когда они въ третій разъ проникли въ турецкія укрѣпленія.

Укрѣпленіе это не представляло само по себѣ никакихъ препятствій; наши войска сражались передъ нимъ и на немъ, среди турецкихъ хижинъ, крытыхъ соломою, обозначавшихъ лагерь,—сражались безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, противъ безчисленныхъ непріятелей, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ, осыпая картечью изъ небольшихъ редутовъ, возвышавшихся всего въ двухъ стахъ шагахъ отъ мѣста сраженія. Одинъ изъ этихъ редутовъ былъ даже взятъ нами, но мы не могли удержать его за собою. Ужасенъ былъ бой, продолжавшійся на этомъ пунктѣ цѣлый часъ, и много было пролито тутъ съ нашей стороны крови, такъ какъ всѣ преимущества были на сторонѣ турокъ; но русскія войска добросовѣстно исполнили приказаніе своего государя и были въ непріятельскомъ лагерѣ не смотря на всѣ трудности, сопряженныя съ этимъ предпріятіемъ. Дѣло оставалось только за исполненіемъ даннаго намъ обѣщанія, т. е. въ прибытіи подкрѣпленія со стороны генерала Бистрома.

Графъ Дибичъ находился самъ подъ Галата-Бурну и дѣлалъ распоряженія. Онъ послалъ генерала Головина съ двумя баталіонами лейбъ-гренадеръ противъ того круглаго турецкаго укрѣпленія на самой видной высотѣ, которое находилось отъ насъ влѣво, а отъ него вправо.

Пунктъ для нападенія былъ выбранъ удачно, такъ какъ если бы мы могли на немъ укрѣпиться и поставить орудіе, то съ турецкою арміей было бы покончено. Поэтому, если бы я имѣлъ случай рекогносцировать съ той стороны турецкій лагерь, то я прежде всего замѣтилъ бы, что на такой сильный постъ, защищаемый 15,000 турокъ и окруженный со всѣхъ сторонъ лощинами и кустарникомъ, нельзя нападать съ двумя баталіонами.

Лейбъ-гренадеры дѣйствовали храбро и оставили на мѣстѣ 500 человѣкъ, но Дибичъ утѣшился, увидѣвъ нашу битву въ непріятельскомъ лагерѣ. Онъ бросилъ фуражку вверхъ, воскликнувъ: ура! и оставилъ меня на произволъ судьбы. Впрочемъ, по моему мнѣнію, онъ за это менѣе всего заслуживаетъ упрека, такъ какъ тутъ приходилось прикрывать лагерь, орудія и блокаду, а генералъ Бистромъ имѣлъ на это всего 9 баталіоновъ подъ рукою и, вдобавокъ, изъ числа ихъ одинъ баталіонъ только что былъ уничтоженъ. Никто не желалъ пойти по его слѣдамъ, а тѣмъ менѣе я, такъ что, увидѣвъ, что Бистромъ не трогается съ мѣста, а Ностицъ, подобно мнѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и каждую минуту можетъ погибнуть, оставивъ насъ безъ прикрытія съ фланга и съ тыла, я приказалъ всѣмъ войскамъ отступить на прежнюю позицію.

Турки также были удовлетворены на этотъ день и не послали намъ вслѣдъ не только погони, но даже ни одного выстрѣла, боясь какъ бы мы не разсердились на это и не возвратились назадъ.

Такъ совершилось пораженіе или, лучше сказать, побѣда при Куртепэ, ибо de facto побѣдителемъ остался одинъ только Дибичъ въ борьбѣ со мною—его соперникомъ, которому онъ принесъ въ жертву 1,900 храбрыхъ солдатъ, двухъ превосходныхъ генераловъ и множество прекрасныхъ офицеровъ.

Судя по исходу сраженія и по всему, что выяснилось во время его, можно было предсказать, что предпріятіе, планъ коего былъ составленъ 17-го (29-го) числа, удастся безо всякихъ потерь.

Но за это я не столько обвиняю императора, какъ за одну вину, обнаружившуюся лишь впослѣдствіи.

Можно подумать, не замѣшанъ-ли и тутъ Дибичъ? Нѣтъ, онъ былъ не причастенъ во всемъ томъ, что могло повести меня къ побѣдѣ; а я побѣдилъ бы непремѣнно, если бы императоръ не отпустилъ маркиза.

Шутки въ сторону! Ни разу еще во время моей военной карьеры я не упрекалъ себя столько, что не прибѣгнулъ къ хвастовству, которое, по всей вѣроятности, привело бы меня къ цѣли.

Какъ бы то ни было, съ военной точки зрѣнія, слѣдовало отступить на ночь къ Гадчи-Гассанъ-Лару, ибо, какъ я уже ранѣе говорилъ, турки весьма легко могли предупредить насъ, раззорить всѣ наши запасы, нашъ багажъ и палатки, поставивъ насъ въ самое отчаянное положеніе. Изъ Гадчи-Гассанъ-Лара было гораздо легче предпринять новое нападеніе, если бы я получилъ подкрѣпленіе, чѣмъ вблизи отъ непріятеля, отъ котораго тутъ нельзя было скрыть ни одного флангового движенія. Наконецъ, мы терпѣли недостатокъ въ

водѣ и подводы съ хлѣбомъ, которыхъ ожидали давно, прибыли, наконецъ, во время сраженія и были отосланы обратно въ Гадчи-Гассанъ-Ларъ, такъ что войска уже второй день должны были довольствоваться половинною порціею.

Все это вѣрно, но не менѣе справедливо и то, что когда я позаботился развести въ окрестности и въ особенности на Миссисипларской высотѣ большіе бивуачные огни и затѣмъ послалъ въ турецкій лагерь парламентера, велѣвъ сказать туркамъ: «Вы боролись сегодня съ авангардомъ, завтра же будетъ здѣсь вся армія. Вы окружены, поэтому сдавайтесь!» — то они отступили-бы, вѣроятно, ночью къ Бургасу.

Впослѣдствіи мы узнали, что они дѣйствительно имѣли это намѣреніе и только извѣстіе о нашемъ отступленіи удержало ихъ отъ этого предпріятія.

Послушаемъ, однако, что̀ главнымъ образомъ помѣшало своевременному исполненію этого храбраго замысла! Помѣхою этому оказалось мое настроеніе духа, вызванное новымъ стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ.

Когда сраженіе окончилось, мы пересчитали наши уменьшившіеся баталіоны и мимо насъ потянулись сотни тяжело-раненыхъ, испуская стоны отъ боли; вдругъ, на рословъ боевомъ конѣ, появился генералъ Сухозанетъ, и, казалось, онъ разслышалъ только слова генерала Нагеля, сказавшаго: «Видно, что сраженіе окончено».

— Прошу ваше высочество,—сказалъ Сухозанетъ, обратившись ко мнѣ,—арестовать начальника вашего главнаго штаба: онъ забывается передъ старшимъ генераломъ!

— А мнѣ кажется,—холодно возразилъ я,—что вы здѣсь не имѣете голоса, такъ какъ вы сказались больнымъ.

Слово за слово я разгорячился и, перебивъ его, сказалъ:

— Знаете-ли кого я считаю больнымъ во время битвы? Того, который не можетъ двинуть ни однимъ членомъ и не въ состояніи тронуться съ мѣста, гдѣ застигла его болѣзнь. Но тотъ, кто, подобно вамъ, болѣетъ лишь въ то время какъ свищутъ пули и выздоравливаетъ послѣ послѣдняго выстрѣла, тотъ не можетъ претендовать на мое уваженіе.

Тогда генералъ Сухозанетъ сталъ говорить со мною чрезвычайно дерзко, вызвавъ этимъ всеобщее неудовольствіе до такой степени, что въ средѣ стоявшаго близь насъ эскадрона гвардейскихъ уланъ, относившихся къ нему особенно недружелюбно, раздались оскорбительныя и рѣзкія для него замѣчанія. Наконецъ, я совершенно вышелъ изъ терпѣнія, напомнилъ ему о томъ, сколько крови было уже

пролито безъ пользы подъ Браиловымъ, припомнилъ также, что́ я говорилъ не далѣе какъ сегодня утромъ, и, наконецъ, приказалъ ему удалиться за фронтъ (что въ русской службѣ равносильно аресту). Хотя я былъ взбѣшенъ до крайности, но все же, по мнѣнію присутствующихъ, по чувству долга и справедливости и по правиламъ дисциплины, поступилъ вполнѣ благоразумно.

Если бы я зналъ содержаніе инструкціи, данной Сухозанету, то я, конечно, понялъ бы, что все его поведеніе скорѣе обусловливалось расчетомъ, нежели трусостью, и что онъ хотѣлъ выждать моей смерти и затѣмъ принять командованіе вмѣсто меня; такимъ образомъ все дѣло сводилось на личности. Это убѣжденіе заставило бы меня отнестись къ нему снисходительно изъ одного опасенія, что меня заподозрятъ въ личномъ мщеніи. Теперь же я видѣлъ въ немъ не болѣе какъ труса и это одно имѣло вліяніе на мое рѣшеніе.

Сухозанетъ былъ хитеръ и уменъ и самый ловкій интриганъ; всѣ ненавидѣли его, быть можетъ, не столько за нѣкоторые небольшіе пороки [1]), какъ за то вліяніе, которое онъ умѣлъ пріобрѣсти и которымъ, какъ говорили, пользовался во вредъ другимъ. Онъ былъ свякомъ военнаго министра, графа Чернышева (Tscherníscheff), и генерала Бенкендорфа, любимца императора, и былъ извѣстенъ Государю и великому князю Михаилу съ самой выгодной стороны. И этотъ человѣкъ былъ теперь у меня въ рукахъ. Отъ меня зависѣло сдѣлать его моимъ смертельнымъ врагомъ или послушнымъ орудіемъ!

Нельзя сказать, чтобы я не былъ знакомъ съ интригою или пренебрегалъ ея послѣдствіями, но сильное, быть можетъ даже, не вполнѣ нравственное чувство, присущее мнѣ, всегда удерживало меня отъ нея. И такъ, я самъ отлично понималъ то, что Молоствовъ говорилъ впослѣдствіи, предостерегая меня:

— «Змѣя жалитъ, когда на нее наступишь». Я зналъ вдобавокъ, что «ея ядомъ можно воспользоваться противъ врага». Но все это были правила придворной политики, важность которыхъ я испытываю теперь, когда сижу за своими мемуарами, но о которыхъ я, конечно, и не думалъ 18-го (30-го) сентября 1828 года.

Я только что сказалъ, что генералъ Сухозанетъ долженъ былъ служить мнѣ орудіемъ.

Легко понять, что я могъ бы теперь безъ труда погубить графа Дибича, лишь бы только пріобрѣсти себѣ союзниковъ. Въ арміи его совершенно не уважали, всѣ болѣе высокопоставленныя лица, кото-

---

[1]) Страсть къ игрѣ и безнравственность, что́ между русскими встрѣчается вердко. Авторъ.

рыхъ онъ оклеветалъ или которымъ измѣнилъ, ненавидѣли его, а частные люди презирали. Императоръ ошибся въ немъ, слѣдовательно, нужно было только вывести его величество изъ заблужденія и это, безъ сомнѣнія, было бы теперь легче всего.

Мнѣ слѣдовало сказать Государю: «Все дѣлается такъ для того, чтобы вы, ваше величество, не возвратились изъ этого похода со славою: онъ долженъ кончиться неудачею для того, чтобы графъ Дибичъ на слѣдующій годъ могъ командовать арміей. Если ваше величество сами этого не знаете, то спросите все войско или, напримѣръ, генерала Сухозанета; я же всепокорнѣйше прошу дать мнѣ отставку».

Генерала Сухозанета мнѣ слѣдовало встрѣтить самымъ любезнымъ образомъ и не браня сказать ему съ глаза на глазъ: «Неудивительно, ваше превосходительство, что вы получили рѣзь въ желудкѣ послѣ вчерашней ѣзды, и если находятся люди, которые, не любя васъ, сомнѣваются въ этомъ, то позвольте мнѣ публично оправдать васъ. Вы получите Александра Невскаго, но я требую за это съ вашей стороны одной услуги, за которую впослѣдствіи съумѣю отплатить еще лучше: передайте императору все, что вы здѣсь видѣли и слышали».

Третье лицо должно было въ то же время увѣдомить его превосходительство, что вышеупомянутое представленіе будетъ сдѣлано императору не ранѣе какъ по прошествіи восьми дней, когда я узнаю о послѣдствіяхъ даннаго ему порученія.

Наконецъ, я долженъ бы какъ можно болѣе шумѣть о своихъ подвигахъ, затѣмъ сказаться больнымъ, удалиться въ лагерь подъ Варною, вздремнуть тамъ и попросить Государя посѣтить меня передъ кончиною.

Если бы я былъ способенъ сдѣлать все это, то навѣрно мнѣ было бы также легко завладѣть сердцемъ монарха, какъ Иродіадѣ получить голову Іоанна Крестителя, и, въ сущности, этимъ недобросовѣстнымъ поступкомъ я оказалъ бы Государю услугу.

Но въ книгѣ судебъ было написано иначе. Всѣ были того мнѣнія, что я самый плохой въ мірѣ дипломатъ; за то честь моя, какъ человѣка и солдата, осталась незапятнанною.

Высказавъ такимъ образомъ свое мнѣніе генералу Сухозанету и этимъ навсегда испортивъ свои отношенія къ нему и его покровителямъ, я принялся за начальника императорскаго главнаго штаба.

Я совершенно просто извѣстилъ Государя о всемъ случившемся; никого не обвиняя, я съ одушевленіемъ отозвался о храбрости и преданности войскъ и сожалѣлъ о напрасныхъ жертвахъ, горюя въ особенности о потерѣ моего друга Дурново; затѣмъ, я обѣщалъ его ве-

личеству бóльшій успѣхъ, если ко мнѣ отнесутся съ бóльшимъ довѣріемъ и дадутъ обѣщанное мнѣ подкрѣпленіе. Къ этому предложенію я присоединилъ новый планъ нападенія, требуя также войскъ изъ-подъ Шумлы.

Графу Дибичу я написалъ въ особомъ письмѣ:

«Послѣ дѣла жалобы безполезны и тотъ, кто не хочетъ слушать, долженъ чувствовать; поэтому я умалчиваю о всемъ случившемся и скажу только о поведеніи генерала Сухозанета, которое во всѣхъ отношеніяхъ было недостойно солдата. Относительно же личнаго оскорбленія, нанесеннаго мнѣ этимъ генераломъ, взявъ во вниманіе тѣ причины, въ силу которыхъ онъ посланъ ко мнѣ, я убѣдительно прошу г. начальника императорскаго главнаго штаба не давать этому дѣлу никакихъ послѣдствій, чтобы генералъ Сухозанетъ не попалъ подъ судъ».

Въ самомъ письмѣ, коего копія у меня не сохранилась, я ссылался на словесныя донесенія полковника Молоствова, котораго я послалъ къ императору.

Я позволю себѣ маленькое отступленіе отъ своего разсказа и приведу черновую письма, которое я сгоряча [1]) написалъ графу Дибичу, но по зрѣломъ обсужденіи оставилъ неотосланнымъ.

«Monsieur le comte!—писалъ я,—voilà donc les suites d'un manque de confiance dans les rapports d'un ancien général de Sa Majesté! Vous venez d'acheter une fâcheuse conviction par la perte de trois mille braves [2]) et de deux des plus vaillants généraux. Votre Excellence me parlait dans sa lettre de 12 à 15,000 Turcs. Je vous en avait annoncé 40,000. Vous me disiez: il faut préparer l'attaque, les hauteurs favorisant l'emplacement de l'artillerie! Je connais l'emploi des armes; mais je savais aussi, que le terrain ne permettait ni l'usage du canon, ni l'approche reglée des troupes au milieu du bois. C'est que je me trouvais alors sur les lieux, et Vous à bord du «Paris».

«Je Vous observais, qu'il me fallait deux jours de temps pour reconnaître, et un nombre suffisant de troupes pour combattre. Mon plan était là, il garantissait le succès; vous aviez le choix entre la victoire et le malheur.

«Malgré cela, nous autres, nous avons été au camp turc. Il ne dépendait que de vous de venir nous y trouver, ainsi que vous en aviez l'ordre, et comme vous me l'aviez promis [3]).

---

[1]) Я только что передъ этимъ узналъ отъ генерала Нагеля содержаніе инструкціи, данной генералу Сухозанету.

[2]) Такъ великъ былъ, по моему мнѣнію, уронъ.

[3]) Въ его письмѣ говорилось: «Надѣюсь увидѣть ваше высочество сегодня же». Авторъ.

«Au contraire! Vous m'avez abandonné!

«Cependant, le général Souchozanet cachait dans sa poche un ordre, signé de votre main, qui lui indiquait de prendre le commandement après ma mort. Le choix était bon. Ce général s'était rétiré dans le bois durant l'affaire, et est venu me rejoindre après le combat, en reconnaissant que son attente avait été vaine. Je lui pardonne, depuis que je connais le motif de sa conduite, et je regrette sincèrement de lui avoir d'abord imputé la lâcheté.

«Vous voyez donc que je suis au fait. Mais quoiqu'il en soit, j'aime à oublier, je dédaigne la vengeance. Cependant prenez y garde! Le poids du général et du parent contrebalance le major-général. L'Empereur est surtout honnête homme. On pourrait trahir sa confiance, mais jamais son coeur».

(Переводъ). «Ваше сіятельство! вотъ послѣдствія недовѣрія къ донесеніямъ генерала, состарившагося на службѣ его величества! Вы убѣдились наконецъ въ печальной истинѣ, потерявъ три тысячи храбрыхъ солдатъ и двухъ самыхъ храбрыхъ генераловъ. Ваше сіятельство говорили въ своемъ письмѣ о 12-ти или 15,000 турокъ, я же насчитывалъ ихъ до 40,000. Вы говорили мнѣ: слѣдуетъ готовиться къ нападенію, такъ какъ высоты благопріятствуютъ постановкѣ орудій! Я знакомъ съ употребленіемъ оружія, но я зналъ также, что условія мѣстности не дозволяютъ употребить въ дѣло пушки и не допускаютъ правильнаго движенія войскъ къ лѣсу. Наше разногласіе было слѣдствіемъ того, что я находился на мѣстѣ дѣйствій, а вы были на кораблѣ «Парижъ».

«Я говорилъ вамъ, что мнѣ нужно два дня, чтобы произвести рекогносцировку, и достаточное количество войскъ, чтобы сражаться. Вы видѣли мой планъ, гарантировавшій успѣхъ; вамъ оставался выборъ между побѣдою и пораженіемъ.

«Не смотря на все, мы были въ турецкомъ лагерѣ. Отъ васъ зависѣло присоединиться къ намъ, какъ вамъ было приказано и какъ вы сами обѣщали мнѣ.

«Напротивъ того! Вы оставили меня на произволъ судьбы!

«Въ то же время, въ карманѣ генерала Сухозанета лежалъ приказъ, подписанный вами, въ которомъ ему предписывалось принять командованіе въ случаѣ моей смерти. Выборъ былъ недуренъ. Этотъ генералъ просидѣлъ въ лѣсу все время сраженія и присоединился ко мнѣ когда битва была окончена, увидѣвъ, что ожиданіе его было тщетно. Я извиняю его, узнавъ причину его поведенія, и искренно сожалѣю, что счелъ его сначала за труса.

«И такъ, вы видите, что мнѣ извѣстно все. Но какъ бы то ни

было, я люблю забывать и презираю мщеніе. Однако, берегитесь! Вѣсъ генерала и родственника можетъ перевѣсить вліяніе начальника главнаго штаба (le major-général). Императоръ прежде всего честный человѣкъ. Можно обмануть его довѣріе, но не его сердце».

Если бы я отправилъ это письмо, то, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, оно могло бы повредить Дибичу, но, какъ извѣстно, я высказался въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ, жалуясь на исполнителя, я, какъ увидимъ, оставилъ къ покоѣ главнаго руководителя этого дѣла.

Отдавая Молоствову письмо, написанное мною Дибичу, я сказалъ ему: «Передайте письмо это лично! Вотъ все мое мщеніе, но я полагаю, что когда одного бьютъ, то другому этимъ навѣтки даютъ. Впрочемъ, вы можете высказать ему все напрямикъ».

Прибывъ на судно, Молоствовъ принялъ, вѣроятно, весьма угрюмый видъ, такъ какъ императоръ тотчасъ спросилъ его: «Вы побиты?»

— Нѣтъ, ваше величество, но мы истекаемъ кровью. Вотъ донесеніе принца. Трудно было ему писать его, такъ какъ онъ слегка раненъ въ руку.

— Принцъ крови въ перестрѣлкѣ! Достойно уваженія!—пробормоталъ Дибичъ.

Императоръ читалъ мое донесеніе со слезами на глазахъ; дойдя до конца, онъ громко зарыдалъ, затѣмъ, перечитавъ депешу, передалъ ее самъ присутствующимъ (кажется, тутъ были Дибичъ и Бенкендорфъ). Наконецъ, императоръ приказалъ Молоствову разсказать въ подробности о случившемся и съ жадностью слушалъ его. «Болѣе ничего не имѣете сказать?»—воскликнулъ онъ вдругъ.

Обстоятельство было щекотливое. Молоствовъ смутился, не рѣшаясь высказаться, но видъ разстроеннаго монарха поколебалъ рѣшимость нашего свѣтскаго человѣка. Онъ передалъ мое письмо начальнику главнаго штаба. «Что онъ сдѣлалъ?»—спросилъ императоръ съ неудовольствіемъ.

— Кто, ваше величество?

— Сухозанетъ!

Тогда Молоствовъ, по моей инструкціи, высказалъ все откровенно и главнымъ образомъ досталось при этомъ, конечно, Дибичу, хотя Молоствовъ говорилъ только о дѣйствіяхъ Сухозанета.

— Я зналъ Сухозанета за человѣка дерзкаго, но не за труса,— замѣтилъ императоръ [1]).

---

[1]) Вечеромъ 14-го (26-го) декабря 1825 г. Сухозанетъ позволилъ себѣ забыться въ присутствіи императора, который рѣзко остановилъ его. Успокоивая государя, я сказалъ ему: «Человѣкъ этотъ доказалъ вамъ сегодня свою преданность». Авторъ.

Но о главномъ Молоствовъ умолчалъ; поэтому, когда императоръ отпустилъ его, то Дибичъ стоялъ по прежнему твердо на ногахъ.

Въ главной императорской квартирѣ, за столомъ у фельдмаршала, Молоствовъ снова заговорилъ объ этомъ дѣлѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ и къ нему присоединились всѣ остальные, такъ что для Дибича и Сухозанета, казалось, пробилъ часъ страшнаго суда. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ молчалъ только одинъ худощавый человѣкъ невысокаго роста, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица и умнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась, однако, порядочная доля злобы. Это былъ генералъ Жомини. Онъ отвелъ Молоствова въ сторону.

— Ваша горячность не нравится мнѣ,—сказалъ онъ,—вы оскорбляете, но не уничтожаете человѣка. Развѣ вы не знаете, что во всемъ русскомъ государствѣ есть одинъ только человѣкъ, который вступается за Дибича, и если вашъ принцъ не можетъ сладить съ нимъ, то какъ можетъ повредить ему мнѣніе всѣхъ присутствующихъ здѣсь? [1]).

Ожидая возвращенія моего посланнаго, я остановился въ Гадчи-Гассанъ-Ларѣ. Турки не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій, но вокругъ меня цѣлый день раздавались стоны и въ теченіе сутокъ умерло болѣе ста тяжело-раненыхъ. Вечеромъ я снова потребовалъ музыкантовъ Украинскаго полка; они играли, но не пѣли. Комаровскій весьма обязательно ходилъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ въ качествѣ посланнаго; наконецъ, онъ не могъ долѣе сдержать своихъ слезъ. «Двѣ трети изъ нихъ покоятся въ турецкомъ лагерѣ»,—сказалъ онъ. «И такъ,—подумалъ я,—моя пѣсенка была ихъ лебединою пѣснью!»

Молоствовъ вернулся наконецъ, и на этотъ разъ съ болѣе веселымъ лицомъ, такъ какъ онъ былъ въ восторгѣ отъ доброты императора и отъ того участія, которое мнѣ оказывали въ главной квартирѣ.

Вотъ что говорилось въ офиціальномъ отвѣтѣ начальника главнаго штаба:

«Его величество искренно сожалѣетъ о результатахъ послѣдняго сраженія и о связанныхъ съ нимъ потеряхъ, и всемилостивѣйше изъявляетъ свое полнѣйшее одобреніе по поводу всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ вашимъ королевскимъ высочествомъ, и благодаритъ ввѣренныя вамъ войска за храбрость и самоотверженіе.

«Его величество желаетъ теперь же предупредить всѣ дальнѣйшія неудачи, усиливъ отрядъ генерала Бистрома, и поэтому предписываетъ вашему высочеству отослать въ Пейнарджи полки Азовскій,

---

[1]) Выраженія Жомини были еще рѣзче и лаконичнѣе, но я не могу иначе передать ихъ смыслъ. Авторъ.

Днѣпровскій и 20-й егерскій полкъ съ 12-ю орудіями и уланами Бугскаго полка.

«Если бы оставшихся у васъ затѣмъ 4-хъ баталіоновъ и 10-ти эскадроновъ не было достаточно для удержанія за собою Гадчи-Гассанъ-Лара, то ваше высочество можете подойти къ броду Гебеди, выставить главную массу вашихъ войскъ при Османчи и затѣмъ постараться устрашить непріятеля кавалерійскими разъѣздами» [1]).

Относительно моихъ наступательныхъ плановъ графъ Дибичъ высказался вообще, что нельзя еще рѣшить въ этомъ отношеніи ничего окончательно, но что покуда 3-я бригада 19-й дивизіи и затѣмъ 18-я дивизія получатъ приказаніе подвинуться ко мнѣ.

Если бы Дибичъ, вмѣсто этихъ безсмысленныхъ распоряженій, тотчасъ отправилъ фельдмаршала къ Енибазару съ 8-ю и 9-ю дивизіями, какъ это было сдѣлано двѣ недѣли спустя, и вмѣсто того, чтобы ослаблять меня, прислалъ бы мнѣ 7-ю и 18-ю дивизіи, отрядъ Мадатова и 3-ю бригаду 19-й дивизіи и, наконецъ, подкрѣпилъ бы генерала Бистрома первою гвардейскою бригадою, то первый могъ бы съ 12-ю, а я съ 38-ю баталіонами напасть на Омеръ-Вріоне не позже какъ 5-го октября (новаго стиля) и дать ему рѣшительное сраженіе. Невозможно исчислить всѣхъ послѣдствій подобнаго образа дѣйствій, но, по всей вѣроятности, при умѣренныхъ требованіяхъ императора и отсутствіи всякихъ вспомогательныхъ средствъ со стороны Порты, онъ привелъ бы къ миру.

Между тѣмъ, какъ турки спокойно стояли въ своемъ лагерѣ, а я стоялъ при Османчи, не имѣя возможности найти уважительную причину ни того ни другаго факта, осадныя работы подъ Варною подвигались благополучно. Брешь была взята приступомъ и даже часть Измайловскаго полка проникла въ городъ, но не могла въ немъ удержаться. Осадная армія потерпѣла при этомъ совершенно незначительную потерю, но турецкому коменданту предпріятіе это внушило уваженіе. Онъ сдался на капитуляцію 11-го октября (новаго стиля) и мнѣ было сообщено объ этомъ въ тотъ же день. Хотя я не получилъ до сихъ поръ ни малѣйшаго подкрѣпленія и даже 3-я бригада 19-й дивизіи подвинулась въ Пейнарджи (недалеко отъ Варны) къ генералу Деллингсгаузену, однако, не смотря на это, я надѣялся извлечь возможную выгоду изъ ожидаемаго отступленія Омеръ-Вріоне. Поэтому я приказалъ Деллингсгаузену двинуться немедленно въ ближайшемъ направленіи къ Камчику и соединиться по пути со мною.

---

[1]) Такъ какъ я не имѣю копіи и съ этой бумаги, то я ограничился добросовѣстною передачей данныхъ мнѣ порученій, на сколько они сохранились въ моей памяти. Авторъ.

Адъютантъ, посланный мною, долженъ былъ въ то же время сообщить въ главной квартирѣ о принятомъ мною рѣшеніи. Графъ Дибичъ тотчасъ отмѣнилъ его и удержалъ генерала Деллингсгаузена.

Омеръ-Вріоне, какъ я предвидѣлъ, началъ свое отступленіе въ ночь съ 11-го на 12-е октября (новаго стиля) и моя кавалерія, подъ начальствомъ генераловъ Ностица и Ефремова, нагнала его арьергардъ въ лѣсахъ на берегу Камчика, гдѣ произошло небольшое сраженіе, при чемъ оба генерала были ранены. Это событіе было также послѣдствіемъ излишней поспѣшности, которая не послужила къ нашему вреду только благодаря чисто рыцарской храбрости гвардейской кавалеріи.

Ностицъ былъ извѣстный адъютантъ принца Людовика Фердинанда; подобно своему однофамильцу, не покидавшему Блюхера при Линьи, и онъ не оставлялъ при Заальфельдѣ своего военачальника въ минуту крайней опасности, и принялъ умирающаго принца на свои руки. Воспитанный въ его школѣ, Ностицъ былъ также честенъ и безумно отваженъ, какъ принцъ, и, не смотря на свои лѣта, былъ еще способенъ на всякое безразсудное увлеченіе. Я долженъ сознаться, что я искренно уважалъ его и опроверженіемъ того, будто, по распространенному въ Германіи мнѣнію, русскіе ненавидятъ всѣхъ достойныхъ иностранцевъ служила та горячая привязанность, какую питалъ къ «старому батькѣ» (такъ называли его солдаты) всякій драгунъ или уланъ его бригады, не говоря уже объ офицерахъ, такъ какъ всѣ они были честные люди, умѣвшіе понимать и цѣнить въ человѣкѣ благородство.

И ты, старый, достойный Ефремовъ, образецъ казака и храбраго, прекраснѣйшаго въ мірѣ человѣка, когда я подумаю о тебѣ и о многихъ другихъ столь же преданныхъ людяхъ, и о томъ, какъ въ Германіи осуждаютъ русскихъ, наказывая этимъ лишь нѣсколькихъ истинно виновныхъ, тогда я охотно назвалъ бы моихъ собственныхъ земляковъ клеветниками или глупцами, между тѣмъ какъ сердце мое преисполняется любовью именно къ этимъ русскимъ людямъ! Но что значитъ нѣмецъ, французъ, русскій, англичанинъ, даже китаецъ? Любовь моя къ отечеству не простирается такъ далеко, я прежде всего уважаю въ человѣкѣ благородство и поэтому воскликну еще разъ вмѣстѣ съ моимъ старымъ другомъ Багговутомъ: «Всѣ честные люди имѣютъ одно отечество, а объ негодяяхъ не стоитъ и говорить!»

Ностицъ и Ефремовъ были однако славные смѣльчаки, такъ какъ они бросились съ двумя эскадронами казаковъ въ средину 3,000-го отряда турокъ и навѣрно угодили бы къ храбрецамъ Багговута, если бы ихъ не выручили драгуны, между которыми первымъ былъ храбрый поручикъ, братъ Молоствова.

Наконецъ, ночью прибылъ Деллингсгаузенъ и вслѣдъ за нимъ генералы Головинъ (новый командиръ 19-й дивизіи) и Чичеринъ, начальникъ гвардейской кавалеріи, съ двумя полками конныхъ егерей. Теперь подъ моимъ начальствомъ находилось 14 баталіоновъ, 27 эскадроновъ и 50 орудій, но непріятель улизнулъ отъ насъ.

3-го (15-го) октября мы окончательно отбросили его за Камчикъ Турки потеряли въ этомъ сраженіи отъ 1,000 до 1,200 человѣкъ, а съ нашей стороны егерскій полкъ, увлекшись погонею, потерялъ также 150 человѣкъ; остальное войско потерпѣло незначительный уронъ.

Между тѣмъ Молоствовъ снова пріѣхалъ изъ главной квартиры совершенно разстроенный. Въ особенности онъ негодовалъ на генерала Бенкендорфа, который сообщилъ ему о побѣдѣ, только что одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи, замѣтивъ, что съ такимъ сильнымъ корпусомъ, какимъ я располагалъ, можно бы завоевать всю Турцію. Между тѣмъ, побѣда нашего добраго Гейсмара имѣла такія же послѣдствія, какъ и мое проигранное сраженіе. Мы поговоримъ объ этомъ впослѣдствіи, но я замѣчу теперь одно, что Гейсмаръ дѣйствовалъ тамъ по своему личному усмотрѣнію, въ открытомъ полѣ; мнѣ же приходилось сражаться въ лѣсу и исполнять приказанія Дибича. Этотъ послѣдній снова сталъ возвышать голосъ и сказалъ Молоствову, что «генералы, не умѣющіе сдерживать свои войска, никуда не годятся и что если бы онъ командовалъ арміей, то разстрѣливалъ бы всякаго подчиненнаго, который сражался бы не въ общей массѣ». Молоствовъ замѣтилъ на это, что лѣса и пропасти совсѣмъ не то, что́ листъ гладкой бумаги; но что́ можно было возражать будущему полководцу, который этими словами невольно высказалъ свои тайныя намѣренія? Самъ императоръ наградилъ его Андреевскимъ орденомъ, замѣтивъ при этомъ, что «онъ, вѣроятно, воспользуется въ будущемъ опытомъ этой войны».

Моя побѣда при Камчикѣ, главную честь которой я предоставилъ моему другу Деллингсгаузену, отличившемуся тамъ со своею бригадою, заключила военныя дѣйствія этого года и произвела даже нѣкоторый эффектъ, подавъ поводъ къ газетной статьѣ. Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ отъ императора приглашеніе сопровождать его въ Петербургъ, куда онъ уже отправился.

Такъ окончилась для меня эта кампанія, не доставившая мнѣ ни удовольствія, ни почестей, но въ нравственномъ и физическомъ отношеніи бывшая для меня истинною пыткою. Въ Измаилѣ я заболѣлъ, но вскорѣ оправился и продолжалъ свой путь до Злобина, близь Рогачева. Тутъ экипажъ мой былъ неожиданно остановленъ фельдъегеремъ, прибывшимъ отъ императора. Онъ передалъ мнѣ пакетъ

отъ тетки моей, вдовствующей государыни; распечатавъ его, я нашелъ въ немъ письмо отъ императрицы и портретъ моей жены, который она мнѣ пересылала.

Экипажъ остановился и я видѣлъ какъ фельдъегерь подошелъ съ другой стороны къ моему спутнику Молоствову. Не обративъ на это вниманія, я сталъ читать письмо, въ которомъ моя тетка говорила о своей болѣзни, отъ которой надѣялась вскорѣ оправиться. Встревоженный, я обернулся къ Молоствову, желая подробнѣе разспросить фельдъегеря, но его сумрачный видъ и письмо съ черною печатью отъ императора, переданное мнѣ Молоствовымъ, убѣдило меня, что все то, что я предугадывалъ и чего боялся, уже свершилось. Я потерялъ свою благодѣтельницу! Содержаніе письма было слѣдующее:

«Любезный Евгеній, берусь за перо по случаю самаго грустнаго, самаго ужаснаго обстоятельства. Той, которая до послѣдней минуты любила тебя какъ сына, уже не стало! Событіе это поразило насъ тѣмъ болѣе, что оно случилось такъ неожиданно. Я узналъ о ея болѣзни 14-го (26-го) числа, но не думалъ, что она лежитъ въ постелѣ; чрезъ нѣсколько дней ей стало лучше. Однако, третьяго дня болѣзнь усилилась и въ предупрежденіе удара ей пришлось пустить кровь. Съ той минуты состояніе ея все болѣе и болѣе ухудшалось, такъ что вчера, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, она испустила духъ.

«Суди о нашихъ чувствахъ по твоему собственному горю!

«Если ты пріѣдешь не позже восьми дней, то успѣешь еще отдать ей послѣдній долгъ, раздѣливъ съ нами это печальное и страшное утѣшеніе.

«Излишне было бы повторять тебѣ, что наша дружба останется непоколебимою!

«Ты долженъ это знать: насъ соединяютъ на вѣки слишкомъ дорогія узы, слишкомъ дорогое воспоминаніе! Твой на вѣки Николай» [1]).

Безъ сомнѣнія, если слѣдовало судить по моему собственному настроенію, то императоръ долженъ былъ быть въ отчаяніи. Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ.

Я оставилъ больнаго Молоствова съ моимъ экипажемъ въ Рогачевѣ, сѣлъ со Шперомъ на почтовую телѣгу и черезъ пять дней былъ у подножія катафалка, на которомъ покоилась моя преемная мать (Pflege-Mutter). Поднявшись на его ступени, я поцѣловалъ у нея руку и съ благодарностью замѣтилъ печаль всѣхъ присутствующихъ, среди которыхъ былъ и генералъ Чернышовъ; затѣмъ я уда-

---

[1]) О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ императрицы Маріи Θеодоровны см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII (ноябрь), стр. 441—456.

лился въ свою комнату, гдѣ снова слегъ и не выходилъ почти до самаго моего отъѣзда изъ Петербурга.

Императоръ посѣтилъ меня два раза. Его слова согласовались приблизительно съ тѣмъ, что Дибичъ передалъ мнѣ по его порученію. Объ извиненіяхъ, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Онъ сказалъ мнѣ: «Если тутъ кто виноватъ, то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію; но бѣда учитъ разуму!» . . . . Государь перебилъ меня и продолжалъ: «Твои солдаты сражались какъ львы, и ты, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ сдѣлать честный и храбрый солдатъ. Повѣрь мнѣ, я никогда не забуду этого! Мѣрило твоимъ заслугамъ находится тутъ!» (онъ указалъ на свое сердце и я кинулся ему на шею). Затѣмъ Государь сталъ увѣрять меня, что «самое лучшее, что мы могли теперь сдѣлать, было выждать, покуда услуги наши снова понадобятся. Политика и современныя обстоятельства требуютъ покуда однѣхъ оборонительныхъ мѣръ!» (Быть можетъ, онъ и былъ въ то время твердо убѣжденъ въ этомъ, но я отлично зналъ, что Дибичъ другаго мнѣнія и рѣшитъ иначе. Есть средство побѣдить самый твердый, самый упорный характеръ монарха и Дибичъ въ совершенствѣ обладалъ этимъ умѣньемъ; самый яростный противникъ его долженъ сознаться, что онъ одинъ способствовалъ энергической развязкѣ этой драмы, хотя при этомъ и дѣйствовалъ изъ чисто личныхъ, своекорыстныхъ видовъ).

—Я знаю,—заключилъ императоръ,—что ты стремишься домой. Здоровье твое настоятельно требуетъ отдыха. Поѣзжай съ Богомъ!

Государыня сказала мнѣ при прощаньи: «Евгеній! мы были бы неблагодарные люди, если бы когда нибудь забыли вашу привязанность къ намъ въ минуты бѣдствія» (я говорю о 14-мъ декабря).

. . . .

—Истинные друзья узнаются всегда позднѣе,—прибавила императрица Александра.

11-го декабря (новаго стиля) я былъ въ Карлсруэ и, заключивъ въ свои объятія жену, мать и дѣтей, забылъ на долгое время всѣ пережитыя невзгоды.

Передъ походомъ я намѣревался выйти изъ русской службы, но хотя теперь я имѣлъ полное основаніе жаловаться, однако мнѣ не хватило духа считаться съ императоромъ у могилы его матери.

Впрочемъ, новыя огорченія преслѣдовали меня и въ тишинѣ моего сельскаго уединенія. Такъ, напримѣръ, до меня дошли слухи о тѣхъ смѣшныхъ разсказахъ, которые ходили въ Берлинѣ по поводу всего турецкаго похода, и о моемъ возвращеніи изъ арміи. Въ этихъ слу-

хахъ я подозрѣвалъ (быть можетъ, и напрасно) вліяніе Дибича. По всей вѣроятности, поводомъ къ этому послужила появившаяся въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нескладная реляція о кровопролитномъ дѣлѣ 18-го (30-го) сентября, такъ какъ въ Берлинѣ говорили объ этомъ событіи какъ о незначительномъ побочномъ дѣлѣ и вся вина этого предпріятія, неудавшагося мнѣ, о которомъ сообщали такимъ коварнымъ образомъ, была приписана генералу Дурново (?).

Мой другъ Валентини, раздосадованный такими слухами и имѣя въ рукахъ журналъ седьмаго корпуса [1]) и записки нашего волонтера-легитимиста, поспѣшилъ открыть глаза берлинской публикѣ, втайнѣ распустивъ по городу полученный отъ меня журналъ. Это бы еще ничего, но я подозрѣваю, что онъ приправилъ его своими собственными дополненіями. По крайней мѣрѣ, это было замѣтно въ его позднѣйшемъ сочиненіи о турецкой войнѣ, что вызвало съ моей стороны замѣчаніе: «для Эрнеста этого слишкомъ мало, а ради шутки слишкомъ много». Вообще въ этой книгѣ все касавшееся послѣдней войны было передано чрезвычайно ошибочно, не исключая и буквальныхъ выдержекъ изъ донесеній Нагеля, вслѣдствіе того, что для другихъ статей Валентини, конечно, могъ пользоваться однѣми ложными реляціями.

Поэтому императоръ, пробѣгая это сочиненіе, воскликнулъ: «Ah, ici je reconnais le stile d'Eugène»! и изъ любопытства дочиталъ, вѣроятно, книгу до конца и, должно быть, не особенно порадовался ея содержанію. По крайней мѣрѣ Дибичъ остался имъ очень недоволенъ и наполнилъ возраженіями цѣлый фоліантъ, въ которомъ онъ сильно нападалъ на меня; эта оскорбительная и въ то же время глупая книга была показана мнѣ моимъ бывшимъ адъютантомъ Вахтеномъ (Wachten), занимавшимъ временно послѣ Дибича должность начальника штаба. До появленія этихъ обличительныхъ статей Дибичъ, конечно, могъ пускать въ ходъ въ Берлинѣ всякіе слухи, но все, что я только что разсказалъ, также какъ и изданіе книги Валентини (появившейся въ 1830 году), принадлежитъ позднѣйшему времени. Я говорю объ этомъ здѣсь для того, чтобы выяснить какъ возникло мало по малу то нерасположеніе, которое императоръ незаслуженно высказалъ мнѣ, но надобно замѣтить, что оное не имѣло никакого вліянія на то, что случилось со мною въ 1829 году, о чемъ теперь будетъ рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ этомъ донесеніи генерала Нагеля, по его офиціальному характеру, истина говорилась только между строкъ и вообще онъ былъ составленъ какъ донесеніе высшему начальству. Примѣч. автора.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XXVIII [1]).

По окончаніи семинарскаго курса, правленіе семинаріи опредѣлило послать меня въ академію; но врачебная управа нашла, что я, по слабости здоровья, продолжать дальнѣйшія науки не могу, почему преосвященный и далъ мнѣ священническое мѣсто въ селѣ N.

Женившись на сиротѣ, мнѣ, послѣ рукоположенія, нужно было отправиться въ приходъ, отстоящій отъ города верстъ на 150. Вдова, матушка-теща, могла дать мнѣ деньгами въ приданое за дочерью только тридцать руб. Но они, почти всѣ, разсорились по консисторіи, по протодіаконамъ, иподіаконамъ, пѣвчимъ и подобному люду, при посвященіи. Епархіальная власть не обезпечила, да и не могла обезпечить своего новаго іерея ни прогонами до прихода, ни квартирою тамъ, ни отопленіемъ, ни хлѣбомъ, ни прислугой,—она не дала ему ровно ничего. Ему дали приходъ, посвятили и сказали: ступай и живи, какъ знаешь, но только съ непремѣнною обязанностію возвышать религіозно-нравственное состояніе своихъ прихожанъ,—посланіе было апостольское: „Ни сапогъ, ни жезла, ни пиры въ путь"... Изъ полученныхъ мною отъ матушки денегъ у меня осталось всего три рубля.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV (три главы), стр. 554—562. Томъ XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава). Томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ). Томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы).

Съ этими тремя рублями мы должны были добраться до прихода и существовать тамъ первое время. Съ недѣлю мы ходили съ матушкой по постоялымъ дворамъ и искали попутчиковъ-мужиковъ. Наконецъ, мы нашли цѣлый обозъ мужиковъ, привозившихъ сѣно. На нѣсколькихъ дровняхъ мы уложили свое имущество, а на однихъ мы съ женой пристроились сами. Мнѣ было тогда 21 годъ, а женѣ 16. Жена моя, какъ ребенокъ, не видѣвшій деревни и не знавшій быта сельскаго священника, не понимала ничего и отъѣзжала безъ особеннаго горя; но за то матушка не могла скрыть горя, раздиравшаго ея душу.

Первая деревня, куда мы заѣхали отогрѣться и покормить лошадей, была деревня мордовская. Мы выбрали получше избу и заѣхали. Но оказалось, что изба устроена была, какъ называется у нихъ, „по черному", и въ это время топилась. Избы, которыя топятся „по черному", строятся не у однихъ мордвовъ, но и у многихъ русскихъ, въ захолустьяхъ. Избы эти устраиваются: изъ глины сбивается огромная печь, но безъ дымовой трубы, а потому весь дымъ, при топкѣ, идетъ въ избу. Не смотря на то, что дверь на это время отворяютъ, изба наполняется дымомъ до того, что чистаго мѣстечка остается всего четверти на двѣ отъ полу. Въ это время ни стоять, ни сидѣть и ни прилечь негдѣ,— нѣтъ дыму только у самаго полу, но такъ какъ дверь отворяетси, то прилечь нельзя и тамъ отъ холоду изъ отворенной двери. Отъ ежедневной копоти, съ потолка, палатей и полокъ висятъ сосульки, какъ сталактиты. Падающія капли копоти образуютъ внизу всюду сталактиты. Побывать въ такой избѣ и не выпачкаться дô-нельзя нѣтъ никакой возможности. Половъ и лавокъ крестьяне эти не моютъ никогда и только разъ 5—10 въ годъ подчищаютъ скребками; самые даже столы грязны до невозможности. Сквозь густой дымъ людей едва видно, но между тѣмъ ребятишки лежатъ себѣ на палатяхъ, свѣсивъ головы, и—ничего. Тутъ же подъ столомъ лежало нѣсколько собакъ, а въ углу теленокъ и свинья съ поросятами. Мы измучились, передрогли еще болѣе, чѣмъ въ дорогѣ, одежду всю перепачкали и не чаяли выбраться. Такъ тащились мы три дня; такихъ остановокъ у насъ было нѣсколько и мы пришли въ совершенное изнеможеніе. Наконецъ, пріѣзжаемъ въ приходъ, въ свое село. О немъ я и не имѣлъ понятія. Куда же мы въѣдемъ?—спрашиваю.—Въѣзжая

квартира есть здѣсь?—Нѣтъ.—Постоялые дворы?—Нѣтъ.—Гдѣ живетъ діаконъ? Мнѣ указали лачугу.—Дьячокъ, пономарь? Мнѣ указали лачуги еще хуже. Поѣдемъ въ церковную сторожку! Пріѣзжаемъ и видимъ: небольшая каменная церковь облиняла, ограда развалилась; церковная сторожка—это маленькая, гнилая, покосившаяся, полураскрытая избенка. Мы вошли: полъ земляной, два полуаршинныхъ оконца покрылись слизью, стѣны мокрыя, углы загнили и заросли плесенью. Что мы,—думаю,—будемъ тутъ дѣлать?! Сейчасъ разнеслась молва, что пріѣхалъ молодой попъ, и сбѣжался народъ. Все, что было лучшаго, намъ внесли въ сторожку, другое внесли въ сѣни, а гардеробъ, комодъ, диванъ и стулья разставили по оградѣ. Къ намъ налѣзло зѣвакъ,—и бабъ, и ребятишекъ, со всевозможною своею атмосферою,—сколько, что ни стоять, ни сидѣть и ни дышать не было возможности. Это были настоящіе дикари: одна молодая баба дотронется къ женѣ до шеи, другая пощупаетъ косу, третья чуть не уткнется носомъ въ лицо и выпялитъ свои буркалы, и тутъ же, вслухъ, передаютъ одна другой свои замѣчанія: „ахъ, а ты глянь-ко, какая у ней коса-то, съ мою руку!“—„А какая бѣлая-то! Она, мотри, набѣлена“.... Пришелъ мой причтъ. Первымъ дѣломъ дьячокъ выгналъ всѣхъ, потомъ стали судить какъ и гдѣ намъ пристроиться. Посудили, порядили и порѣшили,—что въ сторожкѣ зиму не проживешь; что нужно искать избу у мужиковъ, но что во всемъ селѣ у мужиковъ свободныхъ избъ нѣтъ; что если есть у нѣкоторыхъ по двѣ избы, черезъ сѣни, то эти семейства многолюдны и обѣ избы заняты; что нужно просить стариковъ, чтобы они согнали какую нибудь подобную семью въ одну избу, а другую, на время, дали намъ. Такъ мы и покончили. Подошла ночь, у насъ запасной свѣчи не было, а въ селѣ лавочки не существовало. Сторожъ зажегъ, по обыкновенію, лучину и сѣлъ у „свѣтца“ ковырять лапти. Въ избенкѣ набралось столько дыму, что и взглянуть было невозможно. Народъ натаскалъ на полъ снѣгу и натопталъ грязи, по крайней мѣрѣ, на полвершка; стѣны были мокры, лавки узенькія,—и спать намъ совсѣмъ было негдѣ. Старикъ нашъ нашелъ гдѣ-то двѣ скамейки и мы пристроились, а старикъ, какъ котъ, забрался на печку. Утромъ я послалъ за старостой и попросилъ его, чтобъ онъ отвелъ намъ уголокъ, гдѣ нибудь у мужика. Нужно было позаботиться и объ обѣдѣ;

но оказалось, что во всемъ селѣ, кромѣ чернаго хлѣба, котораго мы съ женой, къ слову сказать, не ѣли никогда и не ѣдимъ до сихъ поръ,—кислой капусты и гречневыхъ крупъ, нельзя было достать ничего. Прошелъ день, прошелъ и другой, а квартиры намъ нѣтъ да и нѣтъ. Я послалъ опять за старостой, но тотъ сказалъ моему старику: „скажи ему, что у меня съ похмѣлья его голова болитъ; коль хочетъ, такъ, нетрошь, самъ придетъ". Посланный мой тутъ же пояснилъ мнѣ, что староста обидѣлся, что я не угостилъ его винцомъ, что ко мнѣ онъ не пойдетъ и квартиры отводить мнѣ не будетъ. Я пошелъ къ нему. Долго онъ ломался надо мной! Я едва не плакалъ, едва не кланялся ему въ ноги; а онъ себѣ сидитъ, какъ пень, какъ и не слышитъ меня, и только: „ты міръ почитай, ты еще молодъ, не знашь, какъ въ міру жить; у насъ были попы до тебя, да міръ не ломали. Поживешь зиму въ сторожкѣ, а лѣтомъ свой домъ поставишь, а то у старой попадьи купишь". Насилу онъ согласился собрать сходъ и пособить мнѣ—дать квартиру. Но все-таки и послѣ этого я ходилъ къ нему, изо дня въ день, цѣлыхъ двѣ недѣли.

Каждую недѣлю, по субботамъ, въ селѣ нашемъ былъ базаръ. Въ первую же субботу, съ ранняго утра до поздняго вечера, у насъ была сутолока невыносимая: то тотъ, то другой придетъ отогрѣться, а то ввалитъ и цѣлая толпа, просто—позѣвать. Намъ наносили снѣгу, намяли грязи, сторожку настудили,—смерть, да и только! Утромъ пріѣхалъ народъ къ обѣднѣ,—и опять сутолока еще больше. Вдобавокъ къ этому, трое—четверо крестинъ; кумовья, кумы, ребятишки: говоръ, суетня, пискъ, визгъ,—ложись и умирай! И мы жили такъ двѣ недѣли. Жена моя не выдержала и захворала. На первый разъ ей нужно бы только: сухая и свѣтлая комната, покой, три—четыре ложки хорошаго супу и самая ничтожная медицинская помощь; а у насъ: сырость, гниль, холодъ, тѣснота, безпрестанно народъ, безпрестанно хлопаютъ дверью, больную обдаютъ вѣтромъ со двора; ей нѣтъ уголка—негдѣ ни прилечь, ни присѣсть; негдѣ и нѣтъ человѣка, который бы приготовилъ ей хоть что нибудь поѣсть; во всей окрестности не было ни доктора, ни фельдшера, посылать же въ уѣздный городъ, за 40 верстъ, за кѣмъ нибудь изъ нихъ—у меня не

было ни копѣйки денегъ. Положеніе наше было страшное. Мы не знали, какъ вырваться оттуда.

Двѣ недѣли, изо дня въ день, я ходилъ къ старостѣ, чуть ни каждый день сталъ ходить ко мнѣ и онъ, но уже не одинъ, а съ тремя—четырьмя міроѣдами. Придутъ ко мнѣ мои гости, разсядутся, я пою ихъ чаемъ, а они: „ты насъ уважай; ты знай только насъ; мы тебѣ все дадимъ. Будешь уважать насъ, и мы тебя во всемъ уважимъ; не будешь—такъ лучше уходи теперь же. Ты своей спины не жалѣй. Поклонишься міру, самому слюбится"…. Послѣ множества просьбъ, поклоновъ и болѣзненныхъ униженій съ одной стороны; наставленій и ломанья—съ другой, чрезъ двѣ недѣли старики прислали за мной десятника звать меня на сходъ просить міръ о квартирѣ. Долго-долго мнѣ пришлось тутъ толковать съ ними и просить, почти каждаго поодиночкѣ, чтобы дали мнѣ какую нибудь особую избенку. Наконецъ, всѣ согласились дать. Послѣ меня начались перекоры и ссоры между ими самими. Ссоры и крику и тутъ было немало; но дѣло уладилось и здѣсь, и мнѣ велѣно было перебираться къ одному мужику.

У этого крестьянина было двѣ избы,—одна въ улицу, другая во дворъ, съ общими сѣнями и подъ одной соломеною крышей. Въ семьѣ были: старикъ, старуха, три сына женатыхъ и съ дюжину ребятишекъ всѣхъ родовъ и сортовъ. Намъ отвели переднюю. Вся семья перебралась въ заднюю, но старикъ и старуха остались съ нами. Изба эта лучше сторожки была немногимъ, но за то сухая. Въ ней кругомъ были лавки, а вверху палати; топилась „по бѣлому"; полъ дырявый и грязный-прегрязный, съ двумя оконцами въ улицу и однимъ во дворъ. Я спрашиваю: „Моете ли вы когда нибудь полъ?"

— Какъ же, моемъ каждый годъ, къ Пасхѣ!

— Нельзя ли, дѣдушка, вынуть лавки и палати? Мы поставили бы стулья и диванъ.

— Когда вы вынесете изъ избы въ гробу меня, тогда выносите хоть все; а теперь, пока я живъ, не трошь.

Мы поставили все въ сѣни и подъ навѣсъ, а въ избу взяли только самое необходимое. Вечеромъ нужно было поставить самоваръ. У хозяевъ углей не было и я послалъ въ церковную сторожку. Но сторожъ заворчалъ на моего посланнаго: „Двѣ недѣли

попъ жегъ церковные угли, а теперь и съ фатеры будетъ жечь? На, да скажи ему, что больше не дамъ". Къ чаю пришелъ къ намъ дьячокъ, сильно выпившій, подошелъ подъ благословеніе и прямо дрюпнулся—сѣлъ на постель. „Зачѣмъ,—говорю,—ты, Григорьичъ, сѣлъ тамъ, развѣ тебѣ нѣтъ мѣста на лавкѣ?"

— А почему же и не здѣсь? Почему же и не посидѣть на батюшкиной постелькѣ? Вишь, она какая мягкая! Вы, батюшка, нами не брезгуйте. Мы хоть и пономари, да такіе же люди. А современемъ и сами пригодимся: пойдете по приходу собирать хлѣбцемъ, я лошадки дамъ. Мужикамъ нечего кланяться за всякимъ дѣломъ. Они—музланы, народъ необразованный. Да вотъ, къ примѣру, и матушка, какъ пойдетъ собирать шерстью, такъ съ ней и пойдетъ моя Ѳедосѣевна. А одна-то она кого знаетъ?

— Зачѣмъ ты, Григорьичъ, выпилъ?

— Вы, батюшка, еще не обглядѣлись. Поживите, такъ хоть съ годокъ къ примѣру, такъ будете пить больше моего. Приходъ нашъ бѣдный, а главное—черный; рукъ приложить не къ чему; весь вѣкъ бьешься, изо дня въ день, изъ-за куска хлѣба, съ ума сходишь, тоска заѣдаетъ. Ну, и выпьешь у добраго человѣка рюмочку, какъ будто все горе и забудешь. Ну и вы, къ примѣру, чашечку чайку налейте.

Вечеромъ, послѣ чаю, мы сидѣли вдвоемъ въ переднемъ углу, а старикъ со старухой—противъ печки, въ другомъ. Жена вязала кружево, а я, какъ и въ сторожкѣ, сидѣлъ безъ всякаго дѣла: говорить съ женой—все переговорено; со стариками—не о чемъ; дѣлать нечего, читать нечего, писать не о чемъ, да и не на чемъ. Что же дѣлать? Да ничего,—сидѣть, да и только. Я думаю, что кто испыталъ въ жизни такое состояніе, тотъ согласится со мною, что самый тяжелый трудъ переносить легче, чѣмъ продолжительное состояніе совершенной бездѣятельности. Тамъ можно изнемочь, а здѣсь—сойти съ ума, тѣмъ болѣе, что я привыкъ читать.

Старики улеглись спать рано, но намъ спать еще не хотѣлось и мы сидѣли долго. Старуха легла на печкѣ, а старикъ на палатяхъ, надъ нашею постелью. Когда они захрапѣли, намъ съ женой стало какъ-то отраднѣе: мы почувствовали, что намъ и тепло, и сухо, и свободно,—какъ камень какой-то свалился съ души нашей. Старики рано легли, рано и выспались. Часа за

три до свѣта они поднялись, стали топить печку и готовить завтракъ. Со стариками поднялась и вся семья,—и пошло шмыганье мимо насъ и хлопанье дверью. Къ намъ налѣзло ребятишекъ, поднялся визгъ, напустили холоду, крикъ, смѣхъ, слезы, и то тотъ подойдетъ, посмотритъ на насъ, то другой; нужно было вставать и намъ, но вставать было нельзя, потому что полна изба была набита народомъ. Я едва могъ упросить, чтобы всѣ вышли, хоть на нѣсколько минутъ, пока мы одѣваемся. Просьбы моей никто не могъ понять, потому что одѣваться и раздѣваться при всѣхъ никто не считалъ стыдомъ, точно также, какъ никто не считалъ тамъ за стыдъ идти всѣмъ, кому попало, вмѣстѣ въ баню. Неприлично быть одѣтымъ днемъ—стыдно; но идти всѣмъ, и своимъ и чужимъ, вмѣстѣ въ баню—дѣло обыкновенное.

Утромъ за мной пріѣхали изъ деревни звать къ больной, верстъ за 18. Это была первая моя поѣздка въ жизни. Больная была мать крестьянина, старушка лѣтъ 80-ти. Послѣ причастія, пока я одѣвался, она вынула изъ подголовья тряпочку, завязанную цѣлымъ десяткомъ узелковъ, и морщинистыми и дрожащими руками стала развязывать ее. По тому вниманію, съ какимъ она держала тряпочку и развязывала узелки, видно было, что тутъ хранилось все ея сокровище, все ея благосостояніе. Я видѣлъ, что она хочетъ заплатить мнѣ за мой трудъ, но мнѣ тяжело было разлучить ее съ ея сокровищемъ и я пошелъ-было изъ избы; но старушка уцѣпилась за меня и завопила: „батюшка, батюшка! Куда ты, кормилецъ? Вотъ возьми за труды себѣ“. Я остановился и сталъ ждать, пока она возилась съ узелками. Оказалось, что въ узелкѣ было всего два гроша, ихъ-то—свое единственное сокровище—она отдала мнѣ. Я взялъ ихъ, но мнѣ совѣстно было самого себя, мнѣ казалось, что я сдѣлалъ преступленіе. Съ этого момента я положилъ себѣ не брать больше никогда и ничего за такія требоисправленія, и я держу свое обѣщаніе до сихъ поръ. Такъ памятны мнѣ эти два гроша! Лошаденочка была плохенькая, санишки плохенькія, я проѣздилъ цѣлый день и перемерзъ до-смерти.

Чрезъ три недѣли послѣ нашего пріѣзда, мы раздѣлили братскую кружку; мнѣ досталось два рубля. Тутъ мы съ женой ожили: мы купили чайку, сахарку, корытце, кадочку, немного рису и четыре калача. Дѣла наши, значитъ, поправились. При-

шелъ рождественскій праздникъ, въ церкви я сказалъ поученіе и, конечно, безъ книги и тетрадки. Послѣ обѣдни къ намъ заѣхалъ управляющій имѣніемъ Ж., съ женой, отставной солдатъ Агафоновъ, женатый на бывшей экономкѣ барина. Агафоновъ ходилъ уже не въ сермягѣ, а по барски, въ сюртукахъ. И онъ и жена его, первымъ дѣломъ, стали выговаривать намъ, что мы горды,—что не были у нихъ до сихъ поръ и что мы заставили ихъ самихъ отыскивать насъ.

Въ одной изъ главъ моихъ Записокъ[1]) я говорилъ: „помѣщикъ Ж. въ имѣніи своемъ не жилъ, онъ пріѣзжалъ туда только разъ въ годъ на нѣкоторое время. Къ его пріѣзду управляющій составлялъ списокъ подросшимъ дѣвкамъ и вручалъ ему, при первомъ своемъ представленіи". Этотъ-то управляющій и былъ теперь нашимъ гостемъ.

Писарь, изъ сельскихъ грамотѣевъ, староста и человѣкъ 10 стариковъ тоже пришли ко мнѣ поздравить съ праздникомъ. Писарь также сдѣлалъ внушеніе моей женѣ, что она не была ни разу у его жены; а староста и старики прямо потребовали водки. При этомъ всѣ мои гости, одинъ передъ другимъ наперерывъ, стали указывать на свою силу и мою отъ нихъ зависимость. Пришлось всѣхъ усадить, всѣхъ выслушивать, всѣхъ угощать и угощать изъ своихъ рукъ. А Агафоновъ выводилъ изъ терпѣнія своею наглостью.

Агафоновъ и писарь похвалили меня за проповѣдь, а старики потребовали настоятельно, чтобъ я такихъ поученій не говорилъ. „Наши прежніе попы читали намъ отъ Божьяго писанія, по большой книгѣ; а что̀ говоришь ты—кто тебя знаетъ. Этакъ-то и всякій говорить умѣетъ, какъ ты говорилъ. А ты намъ читай".

— Да развѣ вы не поняли, что̀ говорилъ я? Я вамъ и говорилъ-то отъ Божьяго писанія, только что—не по книгѣ.

— Этакъ-то ты и теперь говоришь; такъ въ церкви не говорятъ, тамъ только читаютъ. Ты читай по книгѣ, мы и будемъ знать, что ты читаешь божественное; а то что̀? Говоритъ, не знай что, да глядитъ на людей.

— Изъ церковной книги вы ничего не поймете!

— Это все равно. Мы будемъ знать, что батюшка говоритъ намъ Божье писаніе.

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 77.

Пришлось уступить; послѣ, возьмешь, бывало, съ клироса какую нибудь книгу, положишь на аналой, да и говоришь, что знаешь. И ничего, роптать перестали.

Тотчасъ послѣ обѣда я со всѣмъ причтомъ поѣхалъ съ крестомъ къ бывшему нашему гостю, управляющему Агафонову. За нами притащились дьяконица, дьячиха и пономарица. Хозяева, при первой же встрѣчѣ, задали мнѣ выговоръ, почему не пріѣхала молодая матушка, моя жена. Мнѣ выговаривали, какъ бы отъ радушія, но собственно грозили, что гордостью своей я наживу только зло и не заслужу ихъ милостей. Тутъ мы пропировали долго, до полуночи. Уѣхалъ бы,—лошадь чужая, дьячкова, а онъ не ѣдетъ, да и хозяева не пускаютъ. Къ полуночи перепились всѣ,—и гости и хозяева. Сколько нужно было мнѣ нравственной силы, чтобы высидѣть въ такомъ обществѣ столько времени, удержаться и не выпить ни одной капли! Это была настоящая пытка. Тутъ употреблялось въ дѣло все: и ласки, и просьбы, и обниманья, и цѣлованья, и угрозы, и брань—словомъ, все, что можетъ дѣлать человѣкъ, когда во что бы то ни стало хочетъ заставить другаго исполнить его волю. Меня—только что не били. Но я поставилъ на своемъ, и выдержалъ. На прощаньи Агафоновъ далъ намъ, на всю честную братію, 40 к. мѣдью ($11^1/_2$). На другой день къ утрени не пришелъ изъ причта никто. Я хотѣлъ-было отслужить хоть часы; но и къ часамъ не пришелъ никто.

Послѣ чаю я пошелъ по селу съ крестомъ славить. Идти въ одномъ тепломъ кафтанѣ было холодно, а шуба моя была хотя и очень теплая, но страшно тяжелая. О теплыхъ же рясахъ, въ то время, никто изъ сельскихъ священниковъ и не думалъ,—ихъ не было тогда ни у кого. Впрочемъ, это есть одна изъ самыхъ неудобнѣйшихъ одеждъ, а встарину болѣе заботились объ удобствахъ. Я пошелъ въ шубѣ. Пришлось, изъ двора во дворъ, лазать по сугробамъ, мѣстами по колѣно. Я измаялся, шубу измочилъ, но къ вечеру все-таки прошелъ все село. Ходить было трудно, невыносимо; но не въ примѣръ тяжелѣе того была та нравственная пытка, которую терпишь при этомъ. Приходишь въ домъ, помолишься, пропоешь, дашь приложиться ко кресту и стоишь. Мужикъ-хозяинъ не торопясь полѣзетъ въ карманъ, не торопясь вынетъ оттуда кожанный мѣшечекъ, без-

смысленно посмотритъ на него, не торопясь начнетъ разсматривать и развязывать кожанный ремешокъ, засунетъ въ мѣшокъ руку, начнетъ перебирать тамъ деньги и, наконецъ, не торопясь вынетъ и подастъ грошъ. Чтó чувствуется въ то время, когда мужикъ возится съ своимъ мѣшкомъ, а ты стоишь, смотришь и ждешь,—такъ это непередаваемо. Чтобы понять это, нужно имѣть порядочное образованіе и то безвыходное и безнадежное состояніе, въ которое поставлены мы. Но до такого состоянія не дай Богъ дойти никому!... Въ этотъ день я набралъ около полутора рубля мѣдью (43 к.). Домой пришелъ я поздно вечеромъ, совершенно обезсилѣвшій, голодный, изломанный, мокрый, и почти безъ памяти бросился на постель. Жена давно ждала меня съ чаемъ, и упросила поскорѣе выпить стаканъ. Я выпилъ и, дѣйствительно, освѣжился. Старуха выбила шубу и развѣсила сушить. Отдохнувши немного, я рѣшился не ходить по деревнямъ, а ихъ у меня было девять. Думаю: моя шуба стòитъ дороже того, чтò я могу собрать,—не пойду! Но, потомъ: да чѣмъ же мы съ женой будемъ существовать? Вѣдь у насъ нѣтъ ни угла, ни хлѣба, ни соли, ни чашки, ни горшка—ровно ничего. А вѣдь все это надобно покупать, а на какія средства покупать? Люди мы брошенные совершенно на произволъ судьбы.... Надобно идти! Но, можетъ быть, какъ нибудь безъ всего этого можно будетъ пока обойтись? Чаю и хлѣба на недѣлю хватитъ; а тамъ, можетъ быть, случится какой нибудь доходъ — побольше крестинъ, похороны.... Ну, а если не будетъ ничего, тогда что? Можетъ случиться и это. Надобно идти. Но у меня теперь деньги есть, полутора рубля; чрезъ недѣлю достанется изъ кружки рубля два и—какъ нибудь обойдусь. Однако гораздо будетъ лучше, если я къ этимъ деньгамъ прибавлю еще. Тогда мы купимъ мучки, жена сама испечетъ, хлѣбъ будетъ и чище и вкуснѣе; купимъ сито и еще что нибудь.... Лучше идти. Но въ то время, какъ я колебался, старуха, какъ нарочно, разбила нашу полоскательную чашку. И я тотчасъ порѣшилъ идти, и обойти весь приходъ,—всѣ деревни.

Утромъ я пошелъ къ своему нареченному благодѣтелю, Григорьичу, просить его съѣздить со мной въ деревню. На рождественскій праздникъ всѣ члены причтовъ ходятъ славить Христа порознь одинъ отъ другаго. Въ деревнѣ я пошелъ по одной сто-

ронѣ, а Григорьичъ по другой. Когда же мы въ одномъ домѣ встрѣтились съ нимъ, то онъ былъ уже сильно выпивши.

— А вы, батюшка, небойсь нигдѣ и не присѣли и кусочка не пропустили?

— Нѣтъ.

— Такъ, ей Богу, нельзя. Вотъ я, по милости добрыхъ людей, и выпилъ и закусилъ. А такъ нельзя. Вы оставите свою молодую матушку сиротой. Пойдемте къ цѣловальнику, Ивану Ѳедотычу. Предобрѣющій человѣкъ.

Я, конечно, не пошелъ, но за то не нашелъ потомъ и своего Григорьича — онъ гдѣ-то пьяный совсѣмъ запропастился. Одинъ добрый мужичокъ довезъ меня до дому. Въ теченіе недѣли я обошелъ весь приходъ и собралъ одиннадцать съ чѣмъ-то рублей ассигн. (3 р. 15 к. сер.).

Наканунѣ новаго года ко мнѣ пришелъ сельскій староста и сказалъ, что старики велѣли мнѣ созвать ихъ къ себѣ, послѣ обѣдни, на новоселье.

— Зачѣмъ? Я живу въ чужой избѣ, а не въ своемъ домѣ.

— Да вѣдь эту избу-то міръ же тебѣ далъ, за это и надо міръ угостить. Ты человѣкъ молодой и старыхъ порядковъ не рушь. Новоселье не тобой заведено, не тобой оно и рушится. А противъ міру идти неслѣдъ. Коль міръ велитъ созывать, и зови.

— Ну, созову, что̀ же міръ будетъ у меня дѣлать?

— Какъ что̀? Ты угости всѣхъ водочкой, и они тебѣ кто мучки, кто пшенца, кто баранинки, а кто и овечку. Ты сдѣлай имъ только честь, а они наградятъ тебя на столько, что самъ будешь сказывать спасибо. Я тебѣ и прежъ говорилъ, скажу и теперь: спины своей не жалѣй,—слюбится.

— Сколько же человѣкъ придетъ?

— Человѣкъ тридцать придетъ, а можетъ—больше.

— Да у меня тутъ тридцати и встать негдѣ!

— Ничаво. Пока однимъ подносишь, другіе подождутъ на дворѣ. А зови безпремѣнно.

— Ну, зови. Сколько же имъ нужно вина?

— Ведерко нужно.

Ведерко!—думаю. Это значитъ пропоить все, что я собралъ въ недѣлю!

— На ведро-то у меня и денегъ нѣтъ.

— У попа денегъ нѣтъ! У кого же и деньги-то, коль не у попа! Ужъ не у мужика же! Нѣтъ, ты зови.

— Ну, зови.

Проводивши старосту, я задумался: что эта попойка будетъ значить? Я принялъ на себя обязанности пастыря Христова стада. Я долженъ быть руководителемъ ко спасенію прихожанъ моихъ. Мнѣ, пастырю, сказано: „когда реку грѣшнику: смертію умреши, ты же не возвѣстиши ему, ниже увѣщаеши да обратится отъ пути своего лукаваго и живъ будетъ: грѣшникъ убо погибнетъ во грѣсѣ своемъ, крове же его отъ руки твоея взыщу". Мнѣ, пастырю, сказано: „проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли!" И что же? Я завтра, дѣйствительно, буду кланяться, настаивать, умолять чадъ Божіихъ, души коихъ вручены моему попеченію; но въ чемъ умолять, Боже мой!... Не въ томъ, чтобы бросили пьянство и не прогнѣвляли Господа своимъ безобразіемъ, а въ томъ, чтобы пьянствовали и еще болѣе прогнѣвляли Господа. Я, пастырь, долженъ буду просить, чтобы врученные мнѣ христіане водку пили, пили у меня въ домѣ, изъ собственныхъ моихъ рукъ, купленную на послѣднія мои средства!... Нѣтъ, это невозможно! Мнѣ сказано: горе мнѣ, аще не благовѣствую. Какъ же я могу преподать имъ потомъ правила нравственности, какъ могу увѣщевать ихъ бросить пьянство, когда я завтра самъ же повлеку ихъ къ пьянству и безнравственности? Какъ скажу я Господу: се азъ и дѣти, когда я самъ добровольно отпадаю и влеку къ отпаденію тѣхъ, для коихъ я долженъ быть руководителемъ ко спасенію?! Мнѣ, пастырю, сказано: „образъ буди вѣрнымъ". Какой же я завтра подамъ образъ? Къ пьянству?... Но, Боже мой! Что же это такое?! И изъ-за чего все это? Изъ-за чего я гублю и себя и другихъ?... Изъ-за того, чтобъ мнѣ не сгнить заживо въ сторожкѣ и не умереть съ голоду... Но вѣдь это и глупо и несправедливо! Неужели мнѣ пришла, въ самомъ дѣлѣ, такая нужда, что я умираю съ голоду, и неужели Господь не пропитаетъ меня, если я останусь честнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ его рабомъ, и исполню свято долгъ мой? Слово Божіе говоритъ: „не можете искуситися паче, еже можете понести", т. е. Господь не посылаетъ искушеній выше нашихъ силъ. Стало быть, я нужду свою перенести могу. А если могу, то къ чему навлекать грѣхъ и на себя и на другихъ? Нужду терплю

я страшную, это правда; но сколько есть людей на свѣтѣ, которые терпятъ много больше, чѣмъ я! Чѣмъ лучше ихъ я, почему же и мнѣ не терпѣть этой нужды! И неглупо ли, изъ-за куска хлѣба, жертвовать спасеніемъ и своимъ, и многихъ, — цѣлыхъ тысячъ! Я, пастырь, буду просить своихъ пасомыхъ пить вино... Вѣдь этимъ я разомъ и на всю жизнь отнимаю у себя право внушать имъ правила христіанской нравственности! Какъ скажу я имъ: не пей, когда буду поить самъ?! Да, я терплю крайнюю нужду... Но кто виноватъ въ этомъ?... Кто виновенъ въ томъ, что я буду склонять ко грѣху тѣхъ, кого долженъ отклонять отъ грѣха? Конечно, я самъ. Кто навязывалъ мнѣ эту нужду? Я принялъ ее добровольно, какъ добровольно принялъ на себя и тѣ страшныя обязанности, которыя лежатъ на мнѣ, какъ на священникѣ. Нѣтъ, не буду поить! Но... какъ же я выйду изъ моего крайняго положенія,—не могу же я весь вѣкъ таскаться по крестьянскимъ избамъ. И теперь хорошо, но что я буду дѣлать, когда мы съ женой пообносимся, когда пойдутъ у насъ дѣти? Во что бы то ни было, надобно пріобрѣтать свою избенку, хоть такую же, какъ у дьячка. Какова бы она ни была, но все же намъ въ своей будетъ лучше, чѣмъ жить среди мужицкой семьи. А этого можно достигнуть только благосклонностью прихожанъ, и благоволеніе ихъ можно снискать только потворствомъ всѣмъ ихъ слабостямъ, или наглостью—драть за всѣ требы и съ богатаго и съ бѣднаго. Какой же буду тогда пастырь?! О, еслибъ я зналъ впередъ, что̀ меня ожидаетъ въ жизни,—я никогда не принялъ бы на себя этой страшной обязанности пастыря, безъ средствъ выполнить ее!... Почему я не вникъ въ жизнь священника? зачѣмъ я не разспросилъ священниковъ: какъ и чѣмъ они существуютъ и возможно ли , при ихъ обстановкѣ, выполненіе пастырскихъ обязанностей? Теперь я вижу, что крайняя моя бѣдность и нужда вынуждаютъ меня пренебречь самыми существенными моими обязанностями,—изъ-за куска хлѣба я долженъ сдѣлаться не пастыремъ, а какимъ-то арендаторомъ.

Я дошелъ до отчаянія. Поить — думаю—или не поить?.... Поить—значитъ поступить противъ долга и совѣсти; не поить—значитъ всѣхъ озлобить: вѣдь я велѣлъ уже придти. Велѣть придти и потомъ отказать — это нечестно и значитъ обидѣть. Что тогда будетъ съ нами, если мужики разсердятся и откажутъ

мнѣ въ квартирѣ? Идти опять въ сторожку? Они и теперь смотрятъ на меня, какъ на работника и нищаго, а тогда будетъ еще хуже.... Надобно угостить. Да и погрѣшу ли я противъ долга и совѣсти? Меня поставили пастыремъ; но, при этомъ, не дали мнѣ ровно никакихъ средствъ къ моему существованію. Правда, мнѣ указали на добровольныя пожертвованія, но какъ они пріобрѣтаются? Почти исключительно цѣною пастырскаго служенія? Хорошо, такъ и быть, теперь я поднесу всѣмъ крестьянамъ, которые придутъ ко мнѣ, по стакану, по два,—только чтобы расположить ихъ къ себѣ, только ради, такъ сказать, дружбы. Но это, конечно, будетъ и первый и послѣдній разъ въ жизни. Теперь я получу ихъ довѣріе, любовь; а при любви они дадутъ мнѣ все необходимое, а водки просить постыдятся. Я разъясню имъ потомъ, какъ тяжело мнѣ было поить ихъ виномъ. Они это поймутъ,—человѣкъ не скотина. Лѣтомъ, можетъ быть, Господь пошлетъ преосвященнаго въ нашъ приходъ. Онъ разъяснитъ значеніе пастыря и подкрѣпитъ въ прихожанахъ моихъ уваженіе и довѣріе ко мнѣ. Буду надѣяться на Господа Бога и архипастыря!...

На новый годъ, послѣ обѣдни, у меня было много требъ въ церкви; я долго не выходилъ, перемерзъ и усталъ; но мужики давно уже стояли у моей квартиры и ждали меня. Подхожу, они всѣ скинули шапки и закричали: „съ праздникомъ поздравляемъ тебя, батюшка, съ новымъ годомъ! Да ужъ и съ новосельемъ-то надо поздравить!“ Я поблагодарилъ; мнѣ хотѣлось бы сперва отдохнуть, отогрѣться, выпить стаканъ чаю, и не пригласилъ къ себѣ никого; но они сами всѣ повалили за мной въ избу. Изба моя набилась полнехонька; одни разсѣлись по лавкамъ, другіе на нашу постель, а остальные стали среди избы плотною массою. Такая же куча стояла на дворѣ и въ сѣняхъ. Я далъ старостѣ денегъ, тотъ послалъ десятника за водкой и велѣлъ принести отъ себя хлѣба и огурцовъ на закуску. Принесли водку, я подалъ стаканъ и предложилъ пить. „Нѣтъ,—закричали всѣ въ одинъ голосъ,—мы пришли къ тебѣ въ гости, такъ ты самъ насъ и угощай. Ты прежде выпить долженъ самъ, а тамъ подавай изъ своихъ рукъ и намъ. Тогда мы и будемъ знать, что насъ угощалъ молодой батюшка. Мы тебѣ дали домъ, вотъ живи, а ты и

за это не хочешь уважить міръ. Нѣтъ, міръ уважай. Выпей сперва самъ, и самъ подноси намъ. Съ міромъ жить надо такъ".

— Я водки не пью и пить не буду.

— Не пьешь, такъ хоть пригубь (хоть къ губамъ приложи стаканъ). Не уважишь міръ, и міръ тебя не уважитъ: сейчасъ опять ступай въ свою сторожку; а на селѣ и за деньги тебя никто не пуститъ,—міръ не велитъ.

Послѣ долгихъ споровъ, я долженъ былъ глотокъ водки выпить, чтобы, этою жертвою моей совѣсти и здоровья, вымолить у этихъ простодушныхъ пьяницъ какое нибудь пособіе въ моемъ безвыходномъ положеніи. Потомъ почерпнулъ стаканъ и подалъ старостѣ. Онъ: „ты, батюшка, міру угождай; мы тебѣ всего дадимъ, что тебѣ надо. Вотъ попъ Андрей такой казны увезъ отъ насъ, что Боже мой!"

— А ты считалъ его казну?

— Считать—не считалъ, а у него денегъ было много.

— Да почему же у него домишко-то былъ нищенскій?

— Въ такомъ-то теплѣй.

И староста пустился въ разсужденія. Толкуетъ, размахиваетъ руками, а я стою передъ нимъ со стаканомъ. Раза три я сказалъ ему, что я стоять передъ нимъ не буду, что коль хочетъ пить, то чтобъ пилъ, а онъ, знай - себѣ, толкуетъ. Наконецъ, натѣшившись надо мной, выпилъ. Подношу другому, тотъ: „ты, батюшка, иди ко мнѣ завсегда. У меня своя дранка; много не дамъ, а на кашу крупокъ завсегда дамъ". Насилу дождался я пока и этотъ взялъ отъ меня стаканъ. Такъ я обошелъ всѣхъ и по крайней мѣрѣ четверть изъ нихъ дѣлали мнѣ наставленія и обѣщанія, прежде чѣмъ принимали отъ меня водку. Я одурѣлъ совсѣмъ. Когда выпили всѣ,—поднялся крикъ, говоръ, споръ, заговорили разомъ всѣ. Наконецъ, староста закричалъ: „молчать!" „Батюшка! Бери бумаги, пиши, кто что дастъ тебѣ, а я буду спрашивать. Я тебѣ дамъ овцу". Я сталъ писать. Одинъ обѣщалъ дать осенью ярку,—осенью, когда ягнята народятся и выростутъ; другой пару гусей,—когда гусыни нанесутъ яицъ, выведутъ гусенятъ и они выростутъ; а тамъ: кто пудъ крупъ, кто тушку баранины, и т. п. Какъ только переписались всѣ, староста велѣлъ поднести еще по рюмкѣ всѣмъ, а ему двѣ; велѣлъ

выходить всѣмъ, и прислать тѣхъ, которые ждали во дворѣ. Съ этими была почти такая же исторія. Голодный, измученный и физически и нравственно, я совсѣмъ отупѣлъ. У меня разгорѣлась голова, разболѣлась грудь, заломили ноги. Я почти безъ чувствъ бросился на постель и заплакалъ, когда ушелъ отъ меня послѣдній мужикъ.

На другой день ко мнѣ пришли четыре мужика. Одинъ принесъ тушку баранины, другой пару колотыхъ гусей, и двое по пуду муки. „Вотъ тебѣ, батюшка, за вчерашнюю хлѣбъ-соль! Да ужъ и опохмѣли. Вчера ты только раздразнилъ; ну, староста и купилъ міру, на наши же мірскія, ведерко, а тутъ N.N. попался съ чужой рожью,—и его обмыли ведеркомъ. Теперь вотъ голова-то и болитъ". Я послалъ за водкой и поднесъ по три рюмки, безъ всякихъ уже колебаній. Тѣхъ волненій, какія мучили меня третьягодня, не было и въ поминѣ. Теперь мнѣ не нравился только самый процессъ потчиванья, но и то не особенно,—мнѣ только не хотѣлось наливать и подносить. Но угостить находилъ необходимо-нужнымъ, какъ благопріятелей.

Послѣ нихъ пришелъ еще одинъ и тоже что-то принесъ. Этотъ былъ застѣнчивѣе, и водки не просилъ. Этому я поднесъ уже самъ. Онъ понравился мнѣ своею скромностью, и я убѣдилъ его выпить другую рюмку. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный мужикъ, тотъ самый, который попался вчера съ краденою рожью, и принесъ мнѣ курицу. Я зналъ, что онъ укралъ рожь, поднесъ ему водки, но не сказалъ ему въ назиданіе ни о воровствѣ и ни о пьянствѣ. Поить и молчать я находилъ уже нужнымъ. Нравственный переломъ, значитъ, уже совершился!...

На третій день я позвалъ причтъ и церковнаго старосту въ церковь повѣрить сумму. Староста отнялъ печати, отперъ замки, выдвинулъ ящикъ съ главною кассой и мгновенно пересыпалъ туда мѣсячную выручку.

— Чтò ты дѣлаешь?—говорю я ему.—Намъ нужно повѣрить валовую сумму и мѣсячную выручку,—нужно знать сколько выручено отъ продажи свѣчъ и сколько собрано по кружкамъ.

— Вотъ считай, она вся тутъ.

— Но мы не можемъ узнать сколько какой суммы.

— Считай, тутъ вся она.

— Сколько продано свѣчъ? покажи свѣчи.

Свѣчъ оказалось больше, чѣмъ было ихъ при моемъ первомъ осмотрѣ.

— Откуда взялись лишнія свѣчи?

— Я купилъ.

— Почему ты не спросился меня?

— Зачѣмъ? Чай, не ты будешь продавать ихъ. Я продаю, я и покупаю. На то я и староста.

Дьяконъ: „батюшка! мы озябли. Староста! Дай-ко намъ на полуштофчикъ, погрѣться“.

Староста тотчасъ всунулъ ему полтинникъ. Дьяконъ схватилъ его и съ дьячками пошелъ изъ церкви.

— Что вы дѣлаете, о. дьяконъ? Не уходите и отдайте назадъ полтинникъ старостѣ.

— Пишите, батюшка, книги какъ знаете, мы подпишемъ все, спорить съ вами не будемъ.—Махнулъ рукой и съ дьячками ушелъ изъ церкви.

— Ты меня хочешь учитывать?

— Учитывать.

— Ты, можетъ, еще не родился, а я уже былъ старостой. Не тебѣ меня учитывать. Я старостой 18 лѣтъ. Меня старостой поставилъ міръ, міру я и отчетъ дамъ, а не тебѣ. Мы хозяева, а ты чтò? Былъ, да и пошелъ. При мнѣ, въ 18 лѣтъ, васъ перебывало у насъ до тебя шестеро, а я все одинъ. Пòди и жалуйся на меня куда знашь, вотъ что!

Спорить было не изъ-зачего. Мы заперли деньги и пошли. На другой день пріѣхалъ благочинный для отобранія годичнаго отчета. Я пересказалъ все ему.

— Нѣтъ, у васъ староста хорошій старикъ, я его давно знаю; и причтъ хорошъ; немного только всѣ они выпиваютъ, ну, да кто не пьетъ!

Мы свели по книгамъ итоги, сосчитали сколько нужно благочинному получить отъ нашей церкви казенныхъ денегъ и внесли въ вѣдомости. Благочинный вышелъ на дворъ и позвалъ старосту. Какимъ-то тамъ словцомъ перекинулись они, и благочинный сію

минуту возвратился. Минутъ чрезъ 20 пришелъ староста и подалъ благочинному пачку бумажекъ. Благочинный отвернулся къ окну, пересчиталъ, положилъ въ карманъ и сказалъ старостѣ: „Хорошо! Ступай домой!“ Чрезъ полчаса благочинный уѣхалъ. Я позвалъ старосту и спросилъ его, сколько онъ далъ благочинному всѣхъ денегъ?

— Это ужъ наше дѣло!

— Не ваше, а мое! Пойдемъ въ церковь, пересчитаемъ что̀ тамъ осталось.

Дьяконъ въ церковь не пошелъ, отговариваясь тѣмъ, что деньги считаны вчера, что не каждый же день считать ихъ, а дьячки куда-то запропастились совсѣмъ. Я пошелъ одинъ. Оказалось, что денегъ недоставало много, но благочинному ли отдалъ ихъ староста, или взялъ себѣ—Господь ихъ вѣдаетъ.

Въ первую же обѣдню, по пріѣздѣ моемъ въ приходъ, во время пѣнія „херувимской“, открылось много „порченныхъ“, „кликушъ“. Какъ только запѣли „херувимскую“, я слышу: „и! и! а! а!“ И то тамъ хлопнется на полъ женщина, то въ другомъ мѣстѣ,—мѣстахъ въ десяти. Народъ засуетился, зашумѣлъ. Послѣ обѣдни, когда я вышелъ съ крестомъ, я велѣлъ подойти ко мнѣ всѣмъ „кликушамъ“. Всѣ онѣ стояли до сихъ поръ смирно, но какъ только я велѣлъ подойти,—и пошли ломаться и визжать. Ведутъ какую нибудь человѣкъ пять, а она-то мечется, падаетъ. плачетъ, визжитъ! Я приказываю бросить, не держать,—не слушаютъ: „она убьется,—отвѣчаютъ мнѣ,—упадетъ, а полъ-то вѣдь каменный!“—Не убьется, оставьте,—говорю. Отойдутъ. Баба помотается-помотается во всѣ стороны, да и подойдетъ одна. Такъ всѣ и подошли. Я строго сталъ говорить имъ, чтобы онѣ впередъ кричать и безчинничать въ храмѣ Божіемъ не смѣли, и наговорилъ имъ цѣлыя кучи всякихъ страховъ: что я и въ острогъ посажу и въ Сибирь сошлю, словомъ—столько, что не могъ сдѣлать и сотой доли того, что̀ наговорилъ я имъ. Потомъ велѣлъ имъ разъ по пяти перекреститься и далъ приложиться ко кресту. Велѣлъ народу разступиться на двѣ стороны и всѣмъ кликушамъ, на глазахъ всѣхъ, идти домой. Я имѣлъ въ виду настращать и пристыдить. Въ слѣдующій праздникъ закричали двѣ—три только.

Я потолковалъ и съ ними. Такимъ образомъ, къ Пасхѣ у меня перестали кричать совсѣмъ.

На Пасху, когда я ходилъ служить по дворамъ молебны, причтъ мой заранѣе сказывалъ мнѣ въ которомъ домѣ были „порченныя". Во время молебна всѣ „порченныя" стояли смирно; но какъ только обернешься съ евангеліемъ къ народу, онѣ и начнутъ хлибать и биться. Я тотчасъ обернусь опять къ иконамъ и читаю,—уймутся и „порченныя". Я пересталъ оборачиваться съ евангеліемъ совсѣмъ,—и бабы молчатъ. Послѣ молебна я спрашиваю: „ты, я слышалъ,—порченная, что же ты не кричала?"—„Меня схватываетъ только, когда читаютъ евангеліе".—„Вотъ ты и врешь,—говорю.—Евангеліе-то я читалъ, да ты не поняла, потому что я не оборачивался къ вамъ". Задашь ей ругань, да и семейнымъ накажешь, чтобы не ухаживали за ней, когда она примется кричать и биться. Прихожу разъ въ одинъ домъ, а баба бьется на постелѣ и кричитъ: „я самъ поповичъ, самъ поповичъ! Меня N. въ стаканѣ пива поднесъ; я съ пивцомъ вошелъ, я съ пивцомъ вошелъ, теперь на сердцѣ верхомъ сижу"... Родная ея мать и свекровь стоятъ надъ ней и навзрыдъ плачутъ. Я подошелъ къ ней, стукнулъ о полъ палкой и крикнулъ: „молчи! Развѣ ты не видишь, что въ домъ принесли св. иконы, я пришелъ?" Баба мгновенно примолкла. „Вставай! Я молодой попъ, ты меня не знаешь и если хоть чуть пикнешь, то"... Баба встала, утерла слезы и я поставилъ ее возлѣ себя. Евангеліе читалъ я, положивши его на ея голову,—молчитъ. Послѣ молебна я сдѣлалъ ей внушеніе и съ тѣхъ поръ порчи какъ не бывало.

Прихожу въ одинъ домъ,—тамъ квартировало семейство цыганъ. Во время чтенія евангелія, молодая сноха начала кричать и биться. Вся семья бросилась держать ее. Насилу я могъ заставить оставить ее и не держать. Баба и тутъ помоталась-помоталась во всѣ стороны, но не упала. Послѣ я, наединѣ, спрашиваю старика: по любви она выходила за твоего сына?—„Да признаться, не совсѣмъ. Вотъ этакъ, дорогой, схватитъ ее, упадетъ съ повозки и начнетъ биться. Ужъ чѣмъ мы ни лечили ее, нѣтъ, не даетъ Господь лучше".—„Ну, ты вотъ что сдѣлай,—говорю ему: если она упадетъ когда съ повозки, то вы не обращайте вниманія и ступайте себѣ, куда ѣдете. Пусть ее останется одна въ полѣ. Она полежитъ-полежитъ, да и придетъ къ вамъ".

— А какъ умереть въ полѣ?

— Не бойся, не умреть.

Чрезъ годъ я увидѣлъ цыгана опять. „Ну, что,—спрашиваю,—сноха?“

— Благодаримъ покорно, отецъ духовный! Мы разъ ѣхали въ село N.; ее схватило, хлопнулась она съ повозки и начала биться; а мы такъ и поѣхали, и не взглянули на нее. Боялись мы больно, чтобъ она не умерла; но, ничего, къ вечеру пришла къ намъ и съ тѣхъ поръ не схватываетъ,—прошло все. Теперь мы видимъ, что она просто озаровала.

Я не объясняю причинъ явленія „порченныхъ“; не говорю и того, хорошо ли я поступалъ съ ними, или нѣтъ. Я излагаю только факты и могу сказать, что къ концу года въ приходѣ моемъ не осталось ни одной „порченной“. Теперь же о „порченныхъ“ нѣтъ и помину. За то я тогда прослылъ самъ колдуномъ, да такимъ, что̀ сильнѣе всѣхъ.

Пришло Крещенье; нужно было идти опять по приходу со св. водой и на этотъ разъ всѣмъ уже причтомъ вмѣстѣ. Мы пошли. Нужно было обойти все село въ одинъ день; но не прошли мы и 30 дворовъ, какъ причо̀тъ мой перепился и сталъ отставать отъ меня одинъ по одному, такъ что къ половинѣ села я остался одинъ и одинъ окончилъ село. На другой день мы поѣхали въ одну изъ деревень. Причо̀тъ мой опять перепился и опять бросилъ меня одного. Думаю: когда же всѣ они пьютъ? Вѣдь мы нигдѣ не присаживаемся? Въ слѣдующей деревнѣ я сталъ настаивать, чтобъ никто не отставалъ отъ меня ни на шагъ,—приходилъ и уходилъ вмѣстѣ со мной. Никто, дѣйствительно, не отставалъ, но какими-то судьбами опять перепились всѣ до того, что въ службѣ пошло безобразіе и я по неволѣ долженъ былъ велѣть оставить меня одного, а имъ улечься спать. Въ слѣдующій день я положительно настоялъ, чтобы всѣ ходили кучкой и ни шагу отъ меня ни взадъ, ни впередъ. Выходя изъ одного дома, я отворилъ дверь и переступилъ одной ногой порогъ; но мнѣ показалось, что причо̀тъ мой выходитъ не торопясь. Я оглянулся и говорю: „пойдемте, братцы!“ Дьячокъ Григорьичъ съ улыбочкой подмигнулъ мнѣ и говоритъ: „ужъ выпилъ—не досмотрѣли!“ Мнѣ самому смѣшно стало. „Какъ это ты ухитрился?“

— Вы стоите впереди, и не видите, что̀ мы дѣлаемъ назади. Я подмигнулъ хозяину, онъ налилъ стаканъ, да и поставилъ возлѣ меня на лавку. Послѣ молебна, какъ только вы прошли мимо меня къ двери, я залпомъ и хватилъ. Что же дѣлать-то? Вы нигдѣ не присаживаетесь, и сами не пьете, и намъ не даете; приходится обманывать.

Такимъ образомъ причо̀тъ мой ходилъ со мной полупьянымъ. На бѣду нашу поднялась страшная мятель. Вьюга—свѣту Божьяго не видно,—и ты лѣзешь по колѣно по сугробамъ. Снѣгъ засыпается за сапоги, по поясъ въ снѣгу шуба; поднимешь ее къ верху—вѣтеръ и снѣгъ бьютъ тебѣ въ грудь и за шею; опустишь—путаешься, мочишься, и падаешь. Идти нѣтъ силъ, но ты все-таки бьешься и идешь, потому что это есть средство къ твоему существованію. Пьяные мои сослуживцы: одинъ карабкается въ сугробѣ тамъ; другой на четвереньках черезъ гору сугроба перелазитъ тамъ; третій совсѣмъ потерялъ направленіе и претъ назадъ,—и горе и смѣхъ! Входишь въ избу,—изба темная, мокрая, жаркая, полна народу, ягнятъ и телятъ; духота и атмосфера — что нѣтъ никакой возможности выдержать и пяти минутъ. Входишь,—тебя разомъ обдаетъ жаромъ и разомъ растаиваетъ на тебѣ весь снѣгъ и размокаетъ платье. Весь въ поту и мокромъ платьѣ, выходишь снова на морозъ, и все опять мгновенно мерзнетъ на тебѣ и лѣпитъ новаго снѣгу. Въ слѣдующемъ домѣ опять мгновенно дѣлаешься мокрымъ.

А каково наше служеніе? Входишь въ избу, начинаешь пѣть а штукъ 20 ягнятъ и примутся орать изо всей мочи! Со двора услышатъ овцы-матери, подбѣгутъ къ двери,—да и примутся драть глотки, еще пуще дѣтушекъ! Что̀ тутъ бываетъ!... И тогда и нынѣ я часто прислушиваюсь къ своимъ словамъ и голосу и не могу разслышать никогда ни слова и ни даже звука. Должно быть, очень хорошъ нашъ концертъ, если послушать насъ со стороны. Мы между собой не сбиваемся только потому, что слишкомъ хорошо заученъ размѣръ каждой нотки. Кончимъ пѣть, оборотимся къ хозяевамъ, и ждемъ пока мужикъ возится съ своимъ мѣшкомъ. Мы уже молчимъ, смотримъ на мѣшокъ и ждемъ подачки, а ягнята валяютъ, овцы дерутъ!—Голова трещитъ!... Долго мужикъ возится съ своею кисой, и—вытащитъ 3—4 гроша.

Оставить эту ходьбу священникъ уже не можетъ, потому что въ этомъ доходѣ участвуетъ весь причтъ, а онъ этого не допуститъ. Дорогою шуба замерзнетъ на тебѣ лубкомъ, самъ ты по поясъ мокрый, застывшій, продрогшій, изломанный и измученный, съ страшною головною болью, возвращаешься домой—и каждый разъ боишься, что вотъ-вотъ схватишь горячку. Дома тотчасъ перемѣнишь бѣлье и разъ 500 пробѣжишь по комнатѣ, чтобы размять свои окоченѣлые члены. Самъ я водки не пью и мнѣ противно смотрѣть на пьяный причтъ; но осуждать его строго за пьянство нельзя: такое состояніе, какое переносимъ мы, человѣкъ можетъ переносить только въ полусознательномъ состояніи. И изъ-за чего все это? Послѣ 10-тидневнаго мученія и опасности получить горячку, мнѣ досталось изъ кружки 12 р. мѣдью (3 р. 43 к. сер.).

Прошла крещенская ходьба и для меня настала совершеннѣйшая бездѣятельность. Сходишь, по временамъ, окрестишь, схоронишь,— и только. Почиталъ бы хоть что нибудь, ну, хоть какого нибудь Бову королевича, хоть что нибудь,—нѣтъ ничего ровно. Въ церкви нѣтъ ни единой книжки. Съѣздилъ бы въ городъ, накупилъ бы книгъ, выписалъ бы какой нибудь журналъ, но денегъ едва достаетъ на дневное пропитаніе. Все, что получается, идетъ на продовольствіе и на домашнее обзаведеніе. Принялся бы учить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, пѣть; но у меня въ квартирѣ и безъ того повернуться негдѣ, въ церковной сторожкѣ еще тѣснѣе и сырѣе, нѣтъ подходящаго дома и у крестьянъ. И пошло мое время такъ: встанешь утромъ, попьешь чаю, да и начнешь шагать по своей саженной комнатѣ. Устанешь, посидишь немного, полежишь,—да и опять ходишь. Надоѣстъ,—выйдешь на улицу, поглазѣешь на занесенныя снѣгомъ мужицкія избы, поклонишься проѣзжающему мимо тебя мужику, иногда спросишь его куда онъ ѣдетъ,—за соломой, или въ сосѣднюю деревню,—и опять въ избу. И такъ протянется до обѣда. Послѣ обѣда сидишь себѣ, сложа руки, и ждешь—не дождешься вечера. Вечеромъ, напьешься чаю и сидишь противъ жены, которая, въ это время, что нибудь вяжетъ. Цѣлый вечеръ ни звука, ни дѣла, ни движенія!... Видимо и тупѣешь и дурѣешь. Сидишь и думаешь: къ чему и зачѣмъ насъ учили? Учили, да еще какъ

учили-то! И психологіи, и философіи, и физикѣ, и химіи, и минералогіи и, Богъ вѣсть, чему ни учили. И къ чему все это, когда сельскому священнику и нѣтъ и не будетъ никогда возможности приложить всего этого къ дѣлу?! Къ моему большему горю, въ семинаріи я развилъ въ себѣ потребность читать. Здѣсь же, кромѣ требника и какой нибудь церковной минеи, не было ровно ничего. Сколько разъ приходило мнѣ на умъ тогда: зачѣмъ и для чего лицу, которое должно быть послано въ сельскіе священники, даютъ такое образованіе? Вѣдь всякій необразованный пономарь живетъ несравненно счастливѣе образованнаго священника. Если образованный священникъ нуженъ для прихода, то зачѣмъ же губить самого-то священника? А всякій мало-мало образованный священникъ долженъ гибнуть почти неизбѣжно. Отчего у насъ и выходитъ теперь, что большинство духовенства живетъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Не отупѣть, не огрубѣть, не оставить своихъ чисто-пастырскихъ обязанностей и не сдѣлаться пьяницей—почти нѣтъ возможности. Представьте: молодой человѣкъ сидитъ въ крестьянской избенкѣ, среди крестьянской семьи и, противъ собственнаго желанія, ничего не дѣлаетъ. Но сама природа требуетъ дѣятельности, требуетъ высказать кому нибудь свои чувства и послушать другаго. Съ кѣмъ же онъ можетъ поговорить и кого послушать? Общество его—мужики, и больше никого. Предмѣстники его священники были такіе же горемыки, и не оставили ему въ церкви ни одной книги. Сосѣди-священники живутъ въ 15—20-ти верстахъ, да и у нихъ едва-ли есть что нибудь, потому что и они такіе же бѣдняки. И вотъ молодой священникъ тоскуетъ отъ одиночества, нужды и бездѣлья. Но вотъ его зовутъ къ богатому, умному и почтенному мужику на крестины. Идти ему или нѣтъ? Не идти. Но это значитъ: 1) обидѣть честнаго, трудолюбиваго и всѣми уважаемаго человѣка, въ нравственномъ отношеніи стоящаго выше многихъ дворянъ и нимало невиноватаго въ томъ, что онъ не проходилъ семинарскаго курса и не слушалъ тамъ премудростей какого нибудь доктора Пакасовскаго („Русская Старина“ 1879 года, т. XXVI, стр. 454); 2) обидѣть—и, значитъ, лишиться милостей и его и подобныхъ ему. А это кое-чего стоитъ. Будутъ крестьяне дѣлить луга,—тебѣ не дадутъ; будутъ дѣлить лѣсъ,—тебѣ не дадутъ; церковь

требуетъ ремонтировки,—крестьяне отговариваются неурожаемъ и т. д., словомъ: если священникъ имѣетъ противъ себя вліятельныхъ крестьянъ, то доходу у него не будетъ и половины; бросятъ и церковь. Значитъ: на крестины нужно идти. Тамъ будетъ много и другихъ крестьянъ. О чемъ тамъ говорятъ? Объ урожаѣ, рекрутчинѣ и подобныхъ предметахъ, положимъ, самыхъ невинныхъ. Но вотъ бѣда: на первомъ планѣ непремѣнно водка. Вотъ гдѣ погибель наша!... Послѣ мужикъ этотъ придетъ къ вамъ. Вы не можете уже не посадить его у себя и не угостить, а съ этимъ вмѣстѣ и не выпить сами. Все это, мало по малу, обращается въ привычку и такимъ образомъ священникъ, самый благонамѣренный, честный и умный, грубѣетъ, мужичится и дѣлается, незамѣтно для себя самого, пьяницей. Будь у молодаго священника тотчасъ по поступленіи его въ приходъ, отдѣльное и удобное помѣщеніе, и не находись онъ въ такой безусловной и невыносимо-тяжелой зависимости отъ каждаго міроѣда въ средствахъ къ своему существованію,—я увѣренъ, это дознано мною собственнымъ опытомъ, что онъ останется тѣмъ, чѣмъ ему быть должно,— и не падетъ. Теперь же состояніе священниковъ зависитъ отъ ихъ личнаго характера: съ твердымъ характеромъ беретъ за требы то, что ему дадутъ; но за то и онъ и дѣти его терпятъ страшную нужду; или тѣснитъ прихожанъ своихъ, на сколько возможно. Люди же съ характеромъ слабымъ..... спиваются.

По субботамъ у насъ, какъ говорилъ я, были базары. Это дало мнѣ возможность познакомиться съ ближайшими священниками, потому что всѣ, пріѣзжавшіе на базаръ, заходили ко мнѣ. Первымъ зашелъ ко мнѣ нѣкто о. Василій Тихомировъ. Послѣ долговременнаго отсутствія, не болѣе какъ съ мѣсяцъ, онъ возвратился въ свой приходъ, и пріѣхалъ къ намъ на базаръ. Съ нимъ была такая исторія: за нетрезвую жизнь онъ былъ назначенъ къ посылкѣ въ П. монастырь, на два мѣсяца, на исправленіе. Чтобы быть принятымъ въ монастырь, для этого нужно получить указъ изъ консисторіи. Отправился Василій въ консисторію. Мѣсяца два онъ терся около консисторскихъ дверей и—прожилъ лошадь, прожилъ упряжь, прожилъ рясу и насилу-насилу получилъ указъ, чтобъ отправиться въ монастырь. Проживши тамъ опредѣленный срокъ, онъ проситъ у настоятеля

аттестаціи, но настоятель говоритъ ему: „ступай къ преосвященному и проси мѣсто, а аттестатъ я завтра же вышлю преосвященному по почтѣ“. Явился Василій къ преосвященному, но тотъ говоритъ ему: „Я не имѣю аттестаціи отъ настоятеля, а потому и мѣста дать тебѣ не могу“. Живетъ Василій недѣлю, живетъ другую, живетъ и третью, — а аттестата нѣтъ да и нѣтъ. Идетъ Василій опять въ П. къ настоятелю; собрался совѣтъ и порѣшилъ, что Василію хорошій аттестатъ написать можно; но только нужно подмазать, чтобы рука легче ходила,—нужно выпить. Купилъ Василій водки,—выпили; братія и говоритъ: „Кланяйся, Василій, настоятелю въ ноги, чтобъ онъ расхвалилъ тебя“. Поклонился Василій настоятелю, а тотъ на волосы-то и наступилъ. Василій и такъ и сякъ, а встать-то нельзя. Онъ схватилъ настоятеля за ноги, да и бацъ о-земь. Братія бросилась на Василія, до полусмерти измяла его, да и вытолкала за обитель. Послѣ этого настоятель прислалъ аттестацію самую дурную. И послали несчастнаго Василія въ другой монастырь, уже безсрочно,—до исправленія. Здѣсь настоятелемъ былъ ректоръ семинаріи Спиридонъ, человѣкъ очень добрый и строго преслѣдовавшій пьянство. При немъ братіи пришлось пускаться на фокусы. Нальетъ, бывало, братъ въ штофъ воды, закроетъ пробкой, да и заставитъ чѣмъ нибудь въ уголкѣ, въ шкафчикѣ. На полъ же, возлѣ печки, положитъ три—четыре полѣнца дровъ, поставитъ ведерко съ водой, горшечекъ и кувшинъ въ водкой. Все это прикроется кружочками. Входитъ настоятель въ келью, и прямо къ шкафу. „Э! пьяница, пьяница! Водка, водка!“ Понюхаетъ, попробуетъ—вода. На тѣ же посудины, что на полу, и не обратитъ вниманія. Изъ этого монастыря Василій выбрался скоро, благодаря ходатайству помѣщика, покойнаго Чекмарева. Изъ монастыря Василій пошелъ домой, продалъ тамъ другую лошадь и выручилъ на нее указъ на должность.

Въ это время съ Василіемъ было въ монастырѣ много дьяконовъ, дьячковъ и пономарей, человѣкъ до 100, на исправленіи въ поведеніи за нетрезвую жизнь. Незадолго предъ тѣмъ, архіерейскимъ домомъ пріобрѣтена была дача для преосвященныхъ. Пріобрѣтены были только фруктовый садъ и лѣсъ. Исправляемымъ и было велѣно днемъ работать на дачѣ, а ночевать въ мона-

стырѣ. Оказалось, что одни изъ исправляемыхъ были хорошими плотниками, другіе здоровыми землекопами. Въ нѣсколько мѣсяцевъ они нарыли прудовъ, надѣлали водопроводовъ, рыбныхъ садковъ, гротовъ, искусственныхъ родниковъ, бесѣдокъ, цвѣтниковъ, и пр., и пр., и дача стала на славу. Исправляемые днемъ обыкновенно въ саду — работали, а по ночамъ въ монастырѣ — безобразничали.

Однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ дьяконъ и говоритъ: „N. N. собирается женить сына. Онъ богатый, но скряга страшная. Нынѣ осенью я собиралъ хлѣбомъ, онъ вынесъ мнѣ всего только полрѣшетца; на праздникъ никогда и закусить не попроситъ, и рюмочки водочки не поднесетъ. Я пригрозилъ ему. Съ него надобно взять побольше, чѣмъ съ другихъ; теперь только и прижать его, чтобы онъ помнилъ“.

— Сколько даютъ у васъ за свадьбы?

— Бѣдный даетъ рубль, а богатый три; а съ N.N. возьмемъ шесть.

— Такъ не годится. Мы положимъ со всѣхъ поровну, въ родѣ таксы, среднее число—2 рубля. Это вотъ почему: бѣдный не даетъ и не дастъ никогда ничего,—за это мы ему рубль прибавимъ. Богатый даетъ и дастъ всегда,—за это мы ему рубль убавимъ. А накладывать на N.N. противъ другихъ 3 рубля—это безсовѣстно, я этого не сдѣлаю.

— Такъ вы хотите я съ N.N. взять только 2 рубля? Я не пойду и вѣнчать, не пойдутъ и дьячки.

— Какъ знаете.

Дня чрезъ два приходятъ ко мнѣ дьяконъ, дьячокъ и пономарь и говорятъ, что N.N. за свадьбу даетъ уже 4 рубля, но что они просятъ 6, и чтобы я не уступалъ ни копѣйки. „Вы одни,— говорятъ они,—и изо всего дохода берете половину: чтò намъ троимъ, то вы берете одни. Васъ всего двое, а насъ съ женами и дѣтьми—18 человѣкъ. Вы—нашъ отецъ, должны заботиться и о насъ и о нашихъ дѣтяхъ. N.N. десять ведеръ вина купитъ непремѣнно,—пропьетъ въ десять разъ больше того, чѣмъ мы просимъ. Кто заботится о насъ? Никто, хоть сдохни съ голоду. Стало быть: что можемъ сорвать, то и наше. Вотъ и Z. хочетъ тоже сына женить. Съ него ужъ больше 1 рубля не возьмешь.

Изъ этого рубля полтинникъ возьмете вы, а полтинникъ на насъ—18 человѣкъ. Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а мы готовы кланяться вамъ въ ноги, пожалѣйте насъ, не уступайте“.

— Но, братцы, притѣснять, при требоисправленіяхъ въ особенности,—дѣло не христіанское.

— Это мы знаемъ сами очень хорошо. А смотрѣть на разутыхъ, раздѣтыхъ дѣтей—дѣло христіанское? У меня, вы слышали, небойсь, два парнишка въ училищѣ. Вы посмотрѣли бы, въ чемъ они ходятъ! Они и домой на Рождество не пріѣзжали потому, что не въ чемъ пріѣхать. Кто опредѣлялъ—по скольку брать за требы? Мы думаемъ, что 6 рублей мало, а мужикъ думаетъ, что и 1 рубля много. Спроси мы 50 копѣекъ и онъ скажетъ: возьмите 20. Нѣтъ, батюшка, не уступайте.

Въ это время вошелъ N.N. и, ни слова не говоря, упалъ на колѣна и сталъ умолять взять 4 рубля за свадьбу. Насилу я уговорилъ его встать. Долго причтъ мой торговался съ мужикомъ. Мнѣ насилу удалось, наконецъ, уговорить ихъ, чтобы одни убавили рубль, а другой прибавилъ рубль. Такимъ образомъ дѣло уладилось на 5-ти рубляхъ.

Тяжело мнѣ было, когда я проводилъ всѣхъ. Кто же я теперь? думалось мнѣ. То я мужиковъ поилъ, а теперь вынудилъ дать мнѣ, можетъ быть, непосильную плату за совершеніе таинства!... Я чувствовалъ себя какъ бы преступникомъ.

Въ слѣдующее воскресенье я говорилъ поученіе. Я говорилъ, но уже чувствовалъ, что у меня нѣтъ той искренности, той сердечной теплоты, какая была вначалѣ.... Я говорилъ, но мнѣ чудилось, что мнѣ какъ будто кто-то подсказывалъ: „А помнишь, какъ ты поилъ самъ мужиковъ? А помнишь, какъ мужикъ на колѣнахъ умаливалъ тебя, чтобы ты не тѣснилъ его?“ Я говорилъ, но чувствовалъ себя какимъ-то падшимъ....

По принятому обычаю, каждую субботу мы дѣлили братскую кружку и каждый разъ мнѣ доставалось около рубля—иногда немного больше, иногда немного меньше. Тутъ мнѣ досталось много больше, когда мы взяли съ N.N. 5 рублей. Какъ только раздѣлимъ кружку, то и отправляемся—я или жена—на базаръ дѣлать закупки: возьмешь чайку, сахарку по малой толикѣ, купишь чашечку,

горшечекъ и еще что нибудь въ этомъ родѣ, и такимъ образомъ мы заводились своимъ хозяйствомъ. Когда мы взяли съ N.N. 5 рублей и мнѣ досталось изъ кружки больше обыкновеннаго, то я былъ такъ радъ возможности купить себѣ что нибудь въ домъ лишнее, что и забылъ о томъ, съ какимъ гнетомъ совѣсти доходъ этотъ добытъ мною.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ДВОРЯНИНА-ПОМѢЩИКА,

БЫВШАГО ВЪ ДОЛЖН. ПРЕДВОДИТЕЛЯ, СУДЬИ И ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ПАЛАТЫ.

V [1].

Когда я ѣхалъ въ Вятку, былъ уже конецъ апрѣля. На первой станціи отъ Нижняго я нашелъ молодаго офицера, который сказалъ мнѣ, что уже три дня живетъ на станціи за неимѣніемъ лошадей. Такъ какъ смотритель не отказалъ мнѣ въ лошадяхъ, то это показалось мнѣ страннымъ; я спросилъ смотрителя, что̀ это значитъ, и онъ объяснилъ мнѣ, что офицеръ ѣдетъ изъ Польши въ Вятку съ казенною подорожной, что сидитъ здѣсь, потому что у него нѣтъ ни гроша денегъ и, слѣдственно, платить прогоны нечѣмъ.

Такъ какъ я ѣхалъ одинъ съ лакеемъ въ большихъ домашнихъ троечныхъ саняхъ, то я и предложилъ офицерику ѣхать со мною, съ тѣмъ, чтобы онъ платилъ прогоны на одну лошадь, которые онъ мнѣ отдастъ по пріѣздѣ. Онъ съ радостію согласился, разсказавши, что онъ переведенъ на службу въ Вятку за грубость, высказанную полковнику въ припадкѣ ревности, такъ какъ они ухаживали оба за одною и тою же дѣвицей. Все это впослѣдствіи оказалось ложью. Къ вечеру одного дня доѣхали мы до послѣдней станціи къ Кузмодемьянску. На станціи мнѣ сказали, что дорога зимникомъ, т. е. Волгой, прекратилась и что надо ѣхать лѣтникомъ, по горамъ, на которыхъ снѣгъ уже начиналъ сходить, и должно сдѣлать около тридцати верстъ, тогда какъ Волгой не болѣе двадцати верстъ. При этомъ мнѣ сказали, что на станціи есть ямщикъ, только что пріѣхавшій изъ Кузмодемьянска, и, слѣдственно, лучше, нежели кто нибудь, могущій сообщить какова ѣзда. Я просилъ прислать этого ямщика.

— Ты, другъ, какъ пріѣхалъ?—спросилъ я.

— Зимникомъ, по льду, значитъ!—отвѣчалъ онъ.

— Каково ѣхать?

— Да такъ, ничего....

— Какъ ты думаешь: могу я завтра ѣхать рѣкой до Кузмодемьянска?

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 289—316.

— Коли встанемъ пораньше, такъ, кажись, можно. Теперь маленько морозитъ, къ утру-то подстынетъ гораздо. Думается, что доѣхать можно.

— Ты самъ-то когда поѣдешь домой?

— Да завтра поутру, пораньше: ночью-то пускаться тоже не охота.

— Такъ не возьмешься ли проводить меня завтра поутру.

— А для-ча не взяться, только пораньше надо.

На другой день мы встали рано, задолго до свѣта, и отправились. Онъ ѣхалъ порожнякомъ впереди, а я на тройкѣ лихихъ сѣрыхъ коней — позади. Мы спустились на ледъ, сейчасъ подлѣ станціи, и хорошею рысью покатили по льду. Когда стало свѣтать, мы отъѣхали уже семь—восемь верстъ. Вдругъ моя тройка, на полной рыси, вмѣстѣ съ санями провалилась подъ ледъ. Я успѣлъ соскочить въ одну сторону, офицерикъ въ другую, лакей тоже, а ямщикъ, видя, что несчастная коренная, какъ и вся, впрочемъ, тройка, бьется во льду и обламываетъ его около себя и можетъ затянуться въ хомутѣ, съ крикомъ: «ножа, ради Бога, ножа!»—который я ему подалъ, такъ какъ въ дорогѣ всегда имѣлъ складной ножъ—пошелъ по спинѣ коренной перерѣзать ремень, стягивающій хомутъ, а потомъ принялся перерѣзывать постромки, такъ какъ отпречь ихъ не было возможности по огромной полыньѣ, которую лошади уже около себя обломали. Къ счастію, нѣсколько крестьянъ ѣхало черезъ рѣку, переѣзжая ее поперегъ. Я бросился къ нимъ съ просьбою о помощи; они согласились, конечно, за извѣстную плату. Съ общаго совѣта рѣшено было, что вытащить лошадей нельзя иначе, какъ затянувши ихъ мертвою петлею, то-есть, надо было лишить ихъ возможности биться, то-есть,—обламывать ледъ. Сдѣлали двѣ мертвыхъ петли, набросили ихъ на шеи несчастныхъ и народомъ потянули. Когда вытащили первую и сняли петлю, она, бѣдная, едва отдохнула; кровь лила у нея изъ ноздрей и рта; она долго лежала, вдыхая въ себя воздухъ, пока не очнулась совершенно. Ямщикъ далъ мнѣ ее подержать, а самъ пошелъ такимъ же образомъ вытаскивать другихъ. Я хотѣлъ отвести лошадь отъ мѣста происшествія, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, лошадь моя провалилась опять, и ее, бѣдную, надо было въ другой разъ подвергать опытамъ искусственнаго удушенія, чтобъ спасти отъ окончательной гибели. Между тѣмъ, было уже около восьми часовъ утра, солнце начинало пригрѣвать сильно, мы были на самой серединѣ Волги и я не могъ не спросить себя невольно: самъ-то я на чемъ стою? какая тоненькая полоска льда отдѣляетъ меня отъ холодной бани, а можетъ быть, и смерти. Вся эта процедура только къ восьми часамъ кончилась; лошадей вытащили, какъ сказано выше, мертвою петлею; сани вытащили веревками; бѣдныхъ лошадей запрягли кой-какъ снова, и

я воротился на станцію, чтобы сушить все мое имущество, на что понадобился цѣлый день.

Пріѣхавши въ Вятку, я явился къ губернатору. Это былъ высокій, съ просѣдью человѣкъ, серьезный, мало разговорчивый, очень красивый, должно быть, въ молодости; ему было лѣтъ около пятидесяти; звали его Акимъ Ивановичъ Середа. Это была такая благородная, такой высокой честности личность, какія встрѣчаются не часто; труженикъ своей должности, онъ сдѣлался жертвою своего усердія къ службѣ; часто, когда люди шли къ заутрени (въ Вяткѣ вообще люди очень богомольны, и священники, какъ исключеніе изъ общаго правила, заслуживали полнаго уваженія, какъ по своей образованности, такъ и умѣнью держать себя), въ его кабинетѣ видѣли огонь,—онъ еще не ложился. Всецѣло поглощенный занятіями по должности, онъ мало обращалъ вниманія на свое семейство.

Дѣти его, мальчики восьми—девяти лѣтъ, бѣгали по улицѣ и сидѣли у воротъ съ кучерами; жена.... она умерла теперь, а о мертвыхъ, вы знаете: De mortuis aut bene, aut nihil.... Довольно, если я скажу, что онъ былъ несчастливъ въ своей семейной жизни... И онъ это зналъ.

При первомъ же свиданіи, я спросилъ, за что я былъ присланъ въ Вятку.

— Я не знаю,—отвѣчалъ онъ, —я еще не получилъ объ васъ бумагъ изъ Петербурга.... Вѣроятно, неосторожно поговорили.... Когда получу бумаги, я вамъ сообщу....

И онъ сдержалъ слово. Разговоръ нашъ былъ въ началѣ Страстной недѣли; на Святой, на третій, кажется, день, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ и привезъ показать бумагу 3-го отдѣленія, полученную изъ Петербурга.

Въ бумагѣ было сказано: «За превратный образъ мыслей, выраженный въ литературныхъ сочиненіяхъ и частной перепискѣ».

Теперь, стоя одною ногой въ гробу (мнѣ шестьдесятъ девять лѣтъ), я могу смѣло и открыто сказать: въ статьѣ моей и письмѣ не было даже и тѣни чего нибудь противузаконнаго и противуправительственнаго,—я былъ обвиненъ и наказанъ по проискамъ П***—ва.

Середа назначилъ меня чиновникомъ особыхъ порученій и производителемъ дѣлъ статистическаго комитета; далъ производить нѣсколько слѣдствій, требующихъ особаго довѣрія. Кажется, я первый употребилъ при слѣдствіи рисунки мѣстностей. На основаніи этого рисунка обвиняемый былъ оправданъ. Показаніе свидѣтеля, что онъ видѣлъ, какъ обвиняемый воровалъ серебро изъ шкатулки, рисункомъ было опровергнуто: свидѣтель не могъ видѣть того мѣста, гдѣ стояла шкатулка.

Десять мѣсяцевъ, что̀ я пробылъ въ Вяткѣ, я не переставалъ видѣть со стороны Середы доказательства расположенія и довѣрія.

Онъ заслужилъ уваженіе мое вполнѣ и безусловно, и я до конца жизни не перестану сохранять въ душѣ память о немъ, какъ одно изъ свѣтлыхъ воспоминаній моей долгой жизни. Когда получилъ разрѣшеніе оставить Вятку, «освобожденный отъ надзора и отъ всякихъ ограниченій», какъ сказано было въ бумагѣ, я просилъ его дать мнѣ свой портретъ (въ Вяткѣ снимали тогда дагеротипы); онъ горько улыбнулся и сказалъ:

— Извольте, если вы этого желаете. Но при этомъ не могу не разсказать вамъ слѣдующаго случая: когда я объѣзжалъ губернію, въ одномъ изъ уѣздовъ, исправникъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать. Я поѣхалъ. Входя, въ передней я замѣтилъ за конникомъ портретъ бывшаго губернатора; мой же висѣлъ въ гостиной надъ диваномъ. Послѣ того судите сами, съ какимъ чувствомъ долженъ я давать кому нибудь свой портретъ.

— Вѣдь я не исправникъ, Акимъ Ивановичъ!—вотъ все, что я могъ сказать ему.

Честная, благородная личность! Онъ погубилъ себя занятіями. Онъ досиживался до того, что переставалъ видѣть передъ собою. Однажды, говоря со мною у себя въ кабинетѣ, онъ попросилъ меня пересѣсть на другое мѣсто:

— Пересядьте, пожалуйста, на эту сторону, вѣдь я васъ не вижу.

Миръ праху твоему, благородный человѣкъ! Будучи губернаторомъ въ губерніи ссыльныхъ, ты много могъ бы надѣлать зла; ссыльные были въ твоихъ рукахъ вполнѣ и безусловно.... но ты не употребилъ во зло своей власти... Ты былъ Провидѣніемъ несчастныхъ, совершенно предоставленныхъ твоей волѣ, и покаралъ только одного—и покаралъ справедливо.

Вотъ этотъ случай:

Въ Парижѣ одинъ юноша либеральничалъ какъ только можно, такъ что былъ замѣченъ нашимъ правительствомъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ дѣлалъ разныя мерзости, такъ что срамилъ имя русскаго. Какъ только онъ отправился въ Россію, его на границѣ заграбастили и отвезли въ 3-е отдѣленіе. Вѣроятно, ему готовилось мѣсто злачно; онъ это предвидѣлъ и пожелалъ сдѣлать доносъ. Онъ открылъ, что одна барыня (если не ошибаюсь, З—ая) везетъ съ собою въ Россію доску для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій. Доносъ этотъ оказался справедливымъ; барыню съ доской задержали на границѣ, а его сослали въ Вятку на житье, безъ всякаго другаго наказанія. Но и въ Вяткѣ онъ не унялся; связавшись съ какою-то булочницей, онъ, чтобъ усилить ея практику, нашелъ необходимымъ уменьшить практику другихъ булочниковъ, а особенно одного нѣмца, булочная котораго считалась лучшею въ городѣ и потому торговавшая отлично. Не задумываясь долго надъ средствами, онъ съ вечера забирался на дворъ дома, гдѣ была булочная нѣмца, прятался тамъ, и ночью, когда всѣ улягутся, негодяй въ квашню, которая стояла въ сѣняхъ и изъ

которой рано утромъ надо было печь хлѣбы, бросалъ известку, мѣлъ, и проч. Но этого ему показалось мало; онъ началъ испражняться въ квашню, такъ что хлѣбы, на другое утро разнесенные по всему городу, воняли нестерпимо. Объ этомъ я даже производилъ слѣдствіе, и хотя были улики, но доказательствъ не было, и дѣло кончилось ничѣмъ. Жалѣю, что не помню его фамилію. По поводу пріѣхавшаго дагеротиписта всѣ въ городѣ бросились снимать свои портреты; въ числѣ ихъ была и губернаторша. Почему-то многіе изъ снятыхъ съ нея дагеротиповъ ей не понравились, и она ихъ не взяла. N.N. скупилъ ихъ, повѣсилъ въ своей спальнѣ и всѣмъ приходящимъ къ нему сталъ хвастать, что онъ съ губернаторшей находится въ интимныхъ отношеніяхъ и что всѣ эти портреты она подарила ему въ знакъ памяти. Это дошло до Акима Ивановича, и какъ онъ ни былъ терпѣливъ и кротокъ,—это его взорвало, онъ отослалъ его въ Глазовъ, уѣздный городъ Вятской губерніи. Сосланный былъ красивый и отъ природы способный молодой человѣкъ, но употребившій свои способности на одно злое.

Чтобы дополнить характеристику пензенскаго губернатора П***ва, нелишнимъ считаю разсказать еще одинъ случай, въ которомъ я, хоть и косвенно, игралъ нѣкоторую роль.

VI.

Въ имѣніи моей жены, жалованномъ ея бабкѣ императоромъ Павломъ, за пожалованіемъ двухсотъ душъ съ 20-ти десятинною пропорціей на душу, оставалось нѣсколько душъ казенныхъ, съ 200 десятинами земли.—Потому что землемѣру при отводѣ жалованной земли ничего не дали, а оставшіеся въ казнѣ крестьяне поднесли ему нѣсколько овчинъ, онъ прирѣзалъ оставшуюся въ казнѣ землю такъ, что крестьянамъ моей жены, при всемъ желаніи распространить усадьбу деревни и разселиться пошире, во избѣжаніе пожаровъ, сдѣлать этого было никакъ нельзя, потому что всѣ зады деревни принадлежали казнѣ, а наша земля была уже за ихъ землею, такъ что всякій теленокъ, всякая курица, вышедшая съ гуменъ, была уже на чужой землѣ. Такое неудобство надо было устранить во чтобы то ни стало. Какъ только я пріѣхалъ въ деревню, послѣ женитьбы, я тотчасъ увидалъ, что оставаться при такихъ условіяхъ не только стѣснительно, но даже совершенно невозможно, и потому тотчасъ подалъ прошеніе въ палату государственныхъ имуществъ о томъ, чтобы оставшуюся въ казнѣ землю обмѣнить на нашу; брался три крестьянскихъ двора, оставшіеся въ казнѣ, перевезти на свой счетъ и давалъ лишней земли и строеваго лѣса—слишкомъ на 10 тысячъ руб.

Тремъ управляющимъ палаты подавалъ я такого рода прошенія,

отвѣта на нихъ не было; наконецъ, услыхавши, что пріѣхалъ четвертый, изъ молодыхъ, я, пріѣхавши какъ-то въ Пензу, пошелъ къ нему съ этою же просьбой. Это было, помнится, въ субботу поутру. Не знаю какъ это случилось, только мы сошлись съ нимъ съ перваго разу. Оказалось, что у насъ много общихъ петербургскихъ знакомыхъ, и я просидѣлъ у него, можетъ быть, часа четыре въ непрерывныхъ и интересныхъ разговорахъ. Оказалось, что онъ былъ очень образованный человѣкъ, привѣтливый, любезный—и когда пришло время раскланиваться, онъ познакомилъ меня съ своею женой и упросилъ остаться обѣдать. Конецъ концовъ былъ тотъ, что я пробылъ у него часовъ до 11-ти вечера и воротился домой чрезвычайно довольный своимъ днемъ и полонъ надежды, что дѣло мое, для котораго я пришелъ къ О., въ дѣльныхъ рукахъ.

Зная обыкновеніе пензенцевъ поздравлять П*** всякое воскресенье съ праздникомъ, я до обѣдни, т. е. прежде 10 часовъ, отправился къ нему. Тамъ я нашелъ всю губернскую чиновническую и дворянскую аристократію. Увидавши меня, П*** бросилъ всѣхъ и направился прямо ко мнѣ. Заведя меня въ амбразуру окна — онъ прямо, безъ предисловія, спросилъ меня: пріятно ли я провелъ вчерашній день?

Это меня очень удивило, какъ то, что онъ зналъ, что я пріѣхалъ, такъ и то—какъ я провелъ вчерашній день.

— Да, очень пріятно,—отвѣчалъ я.—Управляющій палатою государственныхъ имуществъ человѣкъ чрезвычайно пріятный.

— Не правда-ли? А тѣмъ не менѣе мы съ нимъ не въ ладахъ. И изъ чего—я и самъ не знаю. Вы знаете мои связи, я бы могъ раздавить его какъ муху; но вы знаете способенъ-ли я на это. Мнѣ стоитъ только написать въ Петербургъ—и его здѣсь и духу не останется. Но я не хочу этого. Я желаю жить со всѣми въ мирѣ. Неужели онъ, все-таки не глупый человѣкъ, этого не понимаетъ?

Долго онъ говорилъ въ этомъ родѣ, такъ что мнѣ стало ясно, что онъ желаетъ моего посредства для того, чтобъ примирить ихъ. Я сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ, в. п., передать о вашемъ желаніи прекратить всѣ возникшія между вами недоразумѣнія.

— Хорошо, но пожалуйста не говорите, что я васъ объ этомъ просилъ. Сдѣлайте такъ, какъ будто это вышло отъ васъ самихъ. Нынче у меня музыкальный вечеръ и я надѣюсь, что вы доставите мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя.

На этомъ наша конференція кончилась. Я отправился домой, и въ ожиданіи обѣда легъ на диванъ съ книгою въ рукахъ.

Слышу—ко мнѣ кто-то идетъ и стучитъ костылемъ. Ошибиться было нельзя,—шелъ мой новый знакомый, хромой управляющій палатою государственныхъ имуществъ. Онъ пріѣхалъ отдать мнѣ визитъ.

— Какъ я радъ, что васъ вижу!—сказалъ я ему.—Я только что собирался къ вамъ, чтобъ переговорить съ вами по порученію П***.

— Чего ему отъ меня нужно?

— Онъ сказалъ мнѣ, что очень жалѣетъ о возникшихъ между вами недоразумѣніяхъ, и выразилъ самое большое желаніе, чтобъ непріятности между вами были прекращены.

— И вѣрно хвасталъ своимъ значеніемъ въ Петербургѣ? Скажите ему отъ меня, что непріятности, между нами бывшія, прекратятся только тогда, когда онъ прогонитъ всѣхъ подлецовъ и мошенниковъ, которые около него. Я знаю твердо, что еслибъ мы помирились нынче, эти господа завтра же постарались бы раздуть новыя неудовольствія.

— Что же мнѣ отвѣчать ему, ежели онъ спроситъ объ успѣхѣ даннаго мнѣ порученія?—спросилъ я.

— Можете передать мой отвѣтъ вамъ: что до тѣхъ поръ, пока окружающіе его мерзавцы не будутъ прогнаны, мира между нами существовать не можетъ.

— И это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

Вечеромъ, часовъ около 8-ми, я отправился къ губернатору. Домъ былъ освѣщенъ a-giorno. Залы и гостиная были полны. Когда я вошелъ изъ передней въ залъ, я увидѣлъ, что П*** стоялъ въ группѣ изъ четырехъ или пяти человѣкъ чиновныхъ лицъ. Лишь только онъ меня увидалъ, онъ тотчасъ покинулъ своихъ собесѣдниковъ, кажется даже, оборвалъ на половинѣ фразы, и черезъ всю залу направился ко мнѣ. Не давъ мнѣ хорошенько поклониться, онъ снова, какъ утромъ, увлекъ меня въ амбразуру окна, и нетерпѣливо спросилъ:

— Ну, что, видѣли вы О.? Что онъ отвѣчалъ?

Я повторилъ ему отвѣтъ О. слово въ слово.

— А! онъ хочетъ ссоры. Такъ пусть будетъ по его. Пусть онъ узнаетъ каково со мною ссориться.

Съ этимъ словомъ онъ отошелъ отъ меня и не подходилъ болѣе въ цѣлый вечеръ.

Вотъ что разсказалъ мнѣ О., когда я сталъ разспрашивать о причинѣ возникшей между ними ссоры.

Во время холеры, бывшей въ Пензѣ за годъ передъ этимъ, образованъ былъ холерный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ многихъ лицъ и въ томъ числѣ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Производителемъ дѣлъ этого комитета былъ правитель губернаторской канцеляріи М*....., у котораго въ кабинетѣ при канцеляріи и хранились всѣ бумаги комитета.—Озабочиваясь учрежденіемъ холерныхъ больницъ въ государственныхъ имѣніяхъ. О. отправился по губерніи и при одномъ переѣздѣ по от-

вратительнымъ проселочнымъ дорогамъ имѣлъ несчастіе опрокинуться вмѣстѣ съ каретой и переломить себѣ ногу. Вынужденный остановиться въ ближайшемъ селеніи, онъ вытребовалъ къ себѣ врача, служащаго при мѣстной уѣздной холерной больницѣ, и, какъ членъ губернскаго комитета, далъ ему предписаніе состоять при немъ. Узнавши объ этомъ, П*** приказалъ послать предписаніе врачу немедленно оставить О. съ переломленною ногой и отправиться въ уѣздный городъ, чтобъ быть неотлучно при больницѣ. Получивши предписаніе комитета, совершенно противорѣчившее предписанію его непосредственнаго начальника, такъ какъ медикъ состоялъ на службѣ по министерству государственныхъ имуществъ, О. подтвердилъ ему оставаться при немъ, а самъ написалъ въ Пензу и просилъ не отзывать доктора, а въ больницу командировать уѣзднаго врача. Вмѣсто отвѣта, П*** подтвердилъ доктору предписаніе немедленно отправиться въ больницу. Это взорвало О. Онъ, полубольной, отправился въ Пензу и съ костылемъ, по случаю переломленной ноги, пріѣхалъ къ М*..... и потребовалъ отъ него журналовъ засѣданій холернаго губернскаго комитета, чтобъ видѣть, вѣроятно, съ общаго ли согласія членовъ послѣдовало предписаніе медику бросить его больнаго и уѣхать въ уѣздный городъ, гдѣ былъ уѣздный медикъ и, слѣдовательно, больница не оставалась безъ надзора.

М*..... съ наглостію отвѣчалъ ему, что губернаторъ не приказалъ показывать ему журналы засѣданій комитета, бывшихъ въ его отсутствіе.

О. былъ хохолъ; южная кровь его вспыхнула.

— Мнѣ не показывать! Да развѣ я не такой же членъ комитета какъ и самъ П***? Сейчасъ подайте мнѣ журналы—иначе...

И онъ поднялъ свой костыль.

М*...., всегда такой важный въ присутствіи людей, признающихъ власть его (а значилъ онъ много), понялъ, что О. не изъ такихъ, и потому изъ канцеляріи, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, бросился въ третій этажъ, гдѣ находился губернаторскій кабинетъ, и тамъ, все еще не считая себя достаточно защищеннымъ нравственнымъ могуществомъ губернаторскаго имени, спрятался П*** за спину, когда О. вбѣжалъ въ кабинетъ съ поднятымъ костылемъ и, подбѣжавъ къ П***, за его спиной надавалъ М*..... костылемъ нѣсколько затычинъ, отъ которыхъ губернаторская спина его не спасла. Конечно, послѣ этого «пассажа» О. пріобрѣлъ въ П*** непримиримаго врага; полетѣли бумаги въ Петербургъ—отъ П*** въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ О. въ министерство государственныхъ имуществъ. Кончилось все-таки тѣмъ, что О. былъ причисленъ къ министерству.

И. В. Селивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

ГЕРАСИМА ПЕТРОВИЧА ПАВСКАГО.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

въ переводѣ Герасима Петровича Павскаго.

Переводъ «Слова о полку Игоревѣ» Г. П. Павскаго сохранился не весь: начало (первые 17 строфъ, по раздѣленію Павскаго) нужно считать утраченнымъ. Чтобы читатели могли имѣть этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ древней русской литературы въ полномъ составѣ и чтобы, съ другой стороны, они могли лучше судить о достоинствѣ самаго перевода Павскаго, сравнивъ этотъ переводъ съ предшествовавшимъ ему переводомъ, напечатаннымъ одновременно съ первымъ изданіемъ подлиннаго текста Слова, мы приводимъ недостающее въ переводѣ Павскаго начало изъ упомянутаго перваго перевода, по изданію Академіи наукъ («Записки Академіи», т. V, кн. I).

«Коль прилично намъ, братцы, представить древнимъ слогомъ жалостную повѣсть о сраженіи Игоря Святославича! Мы составимъ оную изъ самыхъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Бояновыхъ. Ибо Боянъ стихотворецъ, когда хотѣлъ воспѣть кому похвалу, то мысль его летала тогда по древамъ, онъ бѣгалъ какъ сѣрый волкъ по землѣ и поднимался яко орелъ подъ облаками. Мы помнимъ, что въ древности, когда хотѣли какое сраженіе описать, то изображали оное пусканіемъ десяти соколовъ на стадо лебедей; и тотъ, который изъ нихъ скорѣе долеталъ, тотъ прежде и запѣвалъ въ честь или стараго Ярослава, или храбраго Мстислава, который убилъ Редедю предъ полками касожскими, или въ честь краснаго Романа Святославича. Боянъ же, братцы, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ, но своими стихотворческими перстами по живымъ струнамъ ударялъ, а они уже сами славу князей возвѣщали.

«Начнемъ нашу повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который, возвышаемъ твердостью ума, разжигаемъ мужествомъ сердца и исполненъ духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю половецкую за землю русскую. Въ то время воззрѣвъ Игорь съ своимъ воинствомъ на свѣтлое солнце, увидѣлъ его въ затмѣніи. Тогда сказалъ онъ дружинѣ своей: «Братіе и дружина! лучше быть убитымъ, нежели быть плѣннымъ. «Сядемъ, братцы, на борзыхъ своихъ коней и поѣдемъ на синій Донъ». Ему

пришло на мысль желаніе, не смотря на солнечное затмѣніе, извѣдать счастія на Дону. «Я хочу,—сказалъ онъ,—преломить копье съ вами, россіане, конецъ поля половецкаго; я хочу или голову мою положить, или испить шеломомъ воды изъ Дону. О, Бояне, соловей старыхъ лѣтъ! Когда бы ты могъ воспѣть подвиги воевъ сихъ, скача соловьемъ мысленно по́ древу, летая умомъ подъ облаки, сравняя славу древнюю съ симъ временемъ, стремясь въ путь Трояновъ чрезъ поля на горы, славя Игоря, внука Ольгова. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, галки стадомъ летятъ къ Дону великому: вотъ бы пѣть тебѣ, Бояне, внуче Велесовъ! Ржутъ кони за Сулою; гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стяги (знамена) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. Буй-туръ Всеволодъ вѣщаетъ ему: «Ты одинъ мнѣ братъ, о Игорю! ты одинъ мнѣ ясный свѣтъ; и мы оба Святославичи. Ты сѣдлай, брате, своихъ борзыхъ коней; а мои для тебя готовы еще прежде у Курска осѣдланы; а мои куряне въ цѣль стрѣлять довольно свѣдомы; подъ звукомъ трубъ они повиты; подъ шлемами взлелѣяны; по конецъ копья вскормлены; всѣ яруги (опасныя мѣста) знаемы; у нихъ луки напряжены; тулы (колчаны) отворены; сабли изострены; они

. . . .

скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
ища себѣ чести, а князю славы.

18. Тогда ступилъ Игорь князь въ золотыя стремена
и поѣхалъ по чистому полю.

19. Солнце тьмою заступало ему путь,
ночь, стоная ему грозою, будила птицъ,
по дорогамъ звѣрный вой;
Дивъ кричитъ на деревѣ,
подаетъ вѣсть землѣ незнаемой,
Волгѣ и Поморью, и Посулью, и Сурожу,
и Корсуню, и тебѣ, Тмутороканскій болванъ.

20. А половцы неготовыми дорогами
побѣжали къ Дону великому.
Скрыпятъ въ полночь телѣги,
словно распуганные лебеди.

21. Игорь ведетъ воиновъ къ Дону.
Уже бѣды его ждутъ птицы,
равно и волки по оврагамъ сторожатъ грозу,
орлы клектомъ зовутъ звѣрей на кости,
лисицы брешутъ на червленые щиты.

22. О, Русская земля, ты уже за Шеломенемъ!

23. Мрачная ночь тянется долго,
заря задержала свѣтъ,
на поляхъ лежитъ туманъ,
умолкло пѣніе соловья,
крикъ галокъ пробудился.

24. Руссы загородили великія поля червлеными щитами,
ища себѣ чести, а князю славы.

25. Въ пятокъ рано потоптали они
поганые половецкіе полки.

Стрѣлами разсыпались по полю,
помчали половецкихъ красныхъ дѣвицъ,
и съ ними золото и ткани, и дорогіе бархаты.
26. Ортмами и плащами, и кожухами
начали мостить мосты
по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ,
и разными нарядами половецкими.
27. Червленое знамя, бѣлая хоругвь,
червленая чолка, серебренное древко
храброму Святославичу.
28. Дремлетъ въ полѣ храброе гнѣздо Олегово,
залетѣвъ далеко.
Не было оно рождено на обиду
ни соколу, ни кречету,
ни тебѣ, черный воронъ,
поганый половчанинъ!
29. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
Кончакъ правитъ ему слѣдъ къ Дону великому.

---

30. На другой день весьма рано
кровавая заря предвѣщаетъ разсвѣтъ;
идутъ съ моря черныя тучи,
хотятъ прикрыть четыре солнца.
Изъ нихъ мелькаютъ синія молніи.
31. Быть грому великому,
идти дождю стрѣлами съ великаго Дона!
Тутъ-то поломаются копья,
тутъ-то потрещатъ сабли
о шлемы половецкіе,
на рѣкѣ Каялѣ
у Дона великаго!
32. о, Русская земля! ты уже не съ (за) Шеломенемъ!
33. Вотъ вѣтры, внуки Стрибога,
вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрые полки Игоревы,
34. Стонетъ земля,
рѣки текутъ мутно,
поля осыпаетъ пыль,
шумятъ знамена.
Половцы идутъ отъ Дона,
и отъ моря и ото всѣхъ сторонъ;
русскіе полки отступили.
35. Бѣсовы дѣти крикомъ преградили поля,
а храбрые Руссы преградили червлеными щитами.
36. Ярый-туръ Всеволодъ!
ты стоишь на брани,
прыщешь на войско стрѣлами,
гремишь о шлемы харалужными мечами.

37. Куда скочитъ туръ,
своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая,
тамъ лежатъ поганыя половецкія головы.
Расщепаны шлемы оварскіе
твоими калеными саблями,
ярый-туръ, Всеволодъ.
38. Какія раны дороги, братія,
забывшему почести и жизнь,
и городъ Черниговъ, отеческій золотый престолъ,
и своей милой супруги, прекрасной Глѣбовны,
ласки и кроткій нравъ.

---

39. Были вѣка Траяновы,
минули лѣта Ярославовы;
были полки Олега,
Олега Святославича.
40. Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ раздоры,
и сѣялъ стрѣлы по землѣ.
41. Онъ ступалъ въ золотыя стремена
въ городѣ Тмуторокани,
и этотъ звукъ слышалъ
древній великій Ярославовъ сынъ Всеволодъ [1]).
42. А Владиміръ всякое утро
уши закладалъ въ Черниговѣ.
43. Бориса Вячеславича [2]) слава привела на судъ,
и положила на шелковое зеленое покрывало
за обиду Олега,
храбраго молодаго князя.
44. Съ той же Каялы Святополкъ
послѣ сѣчи взялъ отца своего [3])
среди венгерскихъ иноходцевъ
ко святой Софіи, въ Кіевъ.
45. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ
сѣялись и росли междуусобія.
46. Гибла жизнь Даждь-божья внука,
въ княжескихъ раздорахъ
сокращаемъ былъ вѣкъ человѣковъ.
47. Тогда рѣдко по Русской землѣ
гайкали оратаи,
и часто каркали вòроны,
дѣля по себѣ трупы.
И галки свою рѣчь говорили,
думая летѣть на кормъ.

---

[1]) См. Карамз. Ист., II, стр. 86 и примѣч. 135. Прим. Павскаго.
[2]) См. Карамз. II, стр. 87. Онъ убитъ. Прим. Павскаго.
[3]) По велѣ—по волѣ, ср. валка, война. См. «Акты Зап. Россіи», стр. 2. Примѣч. Павскаго. Изяславъ убитъ въ 1078 г.

48. То было въ тѣ битвы и въ тѣ походы;
а такой битвы не слыхивано.
49. Съ ранняго утра до вечера,
съ вечера до свѣта,
летятъ стрѣлы каленыя,
гремятъ сабли о шлемы,
трещатъ харалужныя копья
въ полѣ незнаемомъ,
среди земли Половецкой.
50. Земля, почернѣвъ подъ копытами,
костями была засѣяна
и кровью полита.
51. Съ большою натугою вошли въ Русскую землю! [1])

---

52. Что это шумитъ,
что это звенитъ
за долго рано предъ зарею?
Игорь полки заворачиваетъ;
жаль ему стало милаго брата Всеволода.
53. Бились день, бились другой,
на третій день къ полудню
пали знамена Игоревы.
54. Тутъ разлучились братья
на берегу быстрой Каялы.
55. Тутъ кроваваго вина не достало;
тутъ кончили пиръ храбрые Руссы,
упоили сватовъ,
и сами легли за Русскую землю.
56. Поникла трава отъ жалости,
и дерево отъ печали преклонилось къ землѣ.
57. Уже, братія, не веселая настала година,
уже пустыня схоронила силу.
58. Явилась напасть
въ силахъ Даждь-божья внука.
Вступивъ дѣвою на землю Траянову,
всплеснула лебедиными крыльями;
плескаясь на синемъ морѣ у Дону,
пробудила тяжкія времена.
59. Не стало у князей битвъ съ погаными;
но братъ брату говоритъ:
это мое, да и то мое же;
и начали князья о маломъ говорить:

---

[1]) Сначала было написано, потомъ зачеркнуто: «Горесть взошла отъ нихъ для усской земли».

оно велико!
и сами между собою начали ковать раздоры
60. А поганые со всѣхъ сторонъ
стали приходить съ побѣдами
на землю Русскую.
61. О! далеко залетѣлъ соколъ,
отбивая птицъ къ морю!
62. Храбраго полку Игорева уже не воскресить.
63. За нимъ скликнулись Карна и Жля,
скакали по Русской землѣ,
нося жаръ въ пламенномъ рогѣ.
64. Русскія жены плачутъ приговаривая:
Уже намъ своихъ милыхъ
ни мыслію не взмыслить,
ни думою не вздумать,
ни глазами не увидѣть,
а до золота и серебра и не дотронуться.
65. Застоналъ, братія, Кіевъ отъ скорби,
и Черниговъ отъ напасти;
разлилась тоска по Русской землѣ;
тяжкая печаль потекла
по Русской землѣ.
66. Князья сами между собою ковали раздоры,
а поганые сами, съ побѣдами
кидаясь на Русскую землю,
брали дань по бѣлкѣ съ двора.
67. Храбрые сіи два Святославича,
Игорь и Всеволодъ,
разбудили зло,
которое усыпилъ отецъ ихъ Святославъ,
грозный, великій князь Кіевскій.
68. Онъ былъ гроза,
приводилъ въ трепетъ своими сильными полками
и харалужными мечами.
69. Вступилъ въ землю Половецкую,
притопталъ холмы и овраги,
изсушилъ потоки и болота;
и поганаго Кобяка изъ Лукоморья,
отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ,
исторгъ, какъ вихрь;
и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ,
во гридницѣ Святослава.
70. Тутъ Нѣмцы и Венеціане,
тутъ Греки и Моравцы
воспѣваютъ славу Святослава,
укоряютъ князя Игоря,
который погрузилъ богатство
на дно Половецкой рѣки Каялы;
насыпали туда Русскаго золота.

71. Князь Игорь пересѣлъ тамъ изъ золотаго сѣдла
въ сѣдло Кощеево.
Городскія стѣны уныли,
и поникло веселіе.

---

72. Святославъ видѣлъ печальный сонъ:
«въ Кіевѣ на горахъ сію ночь съ вечера
«вы одѣвали меня, говорилъ онъ,
«чернымъ покрываломъ на тесовой кровати.
73. «Черпали мнѣ синее вино,
«смѣшанное съ горечью.
«Сыпали мнѣ пустыми тулами,
«изъ торбъ (ранцевъ) поганыхъ
«крупный жемчугъ за пазуху.
74. «И шутили надо мною, что доски безъ матицы
«въ моемъ златоверхомъ теремѣ.
75. «Всю ночь съ вечера
«каркали Бусовы вороны;
«они были у Плѣсенска на болони въ дебри Касановой,
«и я не гналъ ихъ къ синему морю».
76. И отвѣчали бояре князю:
«горесть овладѣла умомъ твоимъ, князь,
потому что два сокола слетѣли
съ отеческаго золотаго престола,
отъ искать городъ Тмутораканъ,
либо пить шлемомъ изъ Дона.
77. Уже опѣшили соколамъ крылья
саблями поганыхъ,
и самихъ опутали желѣзными путами.
78 Темно стало на третій день:
Затмились два солнца,
погасли оба багровые столпа;
и съ ними молодые два мѣсяца,
Олегъ и Святославъ
облеклись мракомъ.
79. (На рѣкѣ Каялѣ
тьма закрыла свѣтъ.
80. Половцы разсыпались по Русской землѣ,
какъ барсово гнѣздо).
Погрузивъ своихъ въ морѣ,
81. великую дерзость они подали Хану!
82. Уже на хвалу понеслась хула,
уже на волю просилась неволя,
уже ринулся дивъ на землю.
83. Вотъ Готскія красныя дѣвицы
поютъ на берегу синяго моря.
Побрякивая Русскимъ золотомъ,

поютъ время Бусово,
величаютъ месть Шарокана.
84. А мы, друзья, уже лишены веселія.
85. Тогда великій Святославъ
выронилъ золотое слово,
смѣшанное со слезами, и сказалъ:
О! племянники мои, Игорь и Всеволодъ
рано вы начали
мечами губить Половецкую землю,
а себѣ искать славы.
86. Не съ честію вы побѣждали,
ибо не къ чести пролили кровь поганыхъ.
87. Ваши храбрыя сердца
изъ жесткаго харалуга скованы
и отвагою закалены.
88. Это-ли вы сдѣлали
моей серебристой сѣдинѣ!
89. Я уже не вижу владычества
сильнаго и богатаго
брата моего Ярослава
съ многочисленнымъ войскомъ,
съ Черниговскими былями,
съ Могутами, и съ Татранами,
и съ Шелбарами, и съ Топчаками,
и съ Ревугами, и съ Олберами.
90. Они безъ щитовъ съ засапожниками
крикомъ полки побѣждаютъ,
гремя прадѣднею славою.
91. Но вы сказали: одни будемъ мужаться,
переднюю славу восхитимъ одни,
и послѣдующую одни же раздѣлимъ.
92. Диво-ли, братія, помолодѣть старому?
Когда соколъ бываетъ на лету,
тогда онъ высоко взбиваетъ птицъ,
не даетъ гнѣзда своего въ обиду.
93. Но это бѣдствіе князей не помога мнѣ;
нынѣшніе годы въ ничто обратились.
94. Вотъ въ Римахъ (Роменѣ) кричатъ
подъ саблями Половецкими,
и Владиміръ подъ ударами.
Печаль и тоска сыну Глѣбову.

---

95. Великій князь Всеволодъ,
не перелетѣть тебѣ, какъ мысль, издалека,
чтобъ охранить отеческій золотой престолъ.
96. Ты можешь Волгу раскропить веслами,
и Донъ вылить шлемами.
Если бы ты былъ, чага была бы по ногатѣ,
кощей по рѣзани.

97. Ты на сушѣ можешь стрѣлять живыми шереширами,
удалыми сынами Глѣба.
98. Отважный Рурикъ, и Давидъ,
не отъ вашихъ-ли позлащенныхъ шлемовъ
плавали въ крови?
99. Не ваша-ли храбрая дружина
рыкаетъ, какъ туры,
раненые калеными саблями,
на незнаемомъ полѣ?
100. Вступите, государи, въ золотыя стремена
за обиду нынѣшнѣго времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря,
отважнаго Святославича.
101. Галицкій Осмомыслъ Ярославъ,
высоко сидишь ты на своемъ
изъ золота кованномъ престолѣ.
102. Ты подперъ Венгерскія горы
своими желѣзными полками,
заграждая королю путь,
затворяя ворота Дуная,
кидая бремена чрезъ облака,
рядя и судя на Дунаѣ.
103. Грозы твои носятся по землямъ.
Ты отворяешь ворота Кіева,
стрѣляешь съ отеческаго золотаго престола
далѣе земель Салтанскихъ.
104. Устрѣли, государь, Кончака,
поганаго кощея,
за землю Русскую,
за раны Игоря,
отважнаго Святославича.
105. И ты отважный Романъ и Мстиславъ
храбрая мысль носитъ вашъ умъ на подвиги.
Въ отвагѣ своей вы высоко летаете на дѣло,
какъ соколъ плавающій въ воздухѣ,
смѣло надѣясь одолѣть птицу.
106. У васъ есть желѣзные нагрудники
подъ шлемами Латинскими.
Отъ нихъ трещала земля
и многія Хановскія страны.
107. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы
повергли свои копья,
и подклонили свои головы
подъ тѣ харалужные мечи.
108. Но уже, князь Игорь, померкъ свѣтъ солнца,
и дерево не отъ добра сронило листье.
По Роси и по Сулѣ дѣлятъ города,
а храбраго полка Игорева не воскресить.

109. Донъ вопіетъ у тебя, князь,
и зоветъ князей на побѣду.
110. Храбрые князья Ольговичи
подоспѣли на битву.
111. Ингварь и Всеволодъ
и всѣ три Мстиславича,
не худаго гнѣзда шесто крылатые птенцы,
вы не жребіемъ побѣдъ
достали себѣ власть.
112. Къ чему у васъ золотые шлемы
и Лядскія копья и щиты?
Загородите ворота Полю
своими острыми стрѣлами
за землю Русскую,
за раны Игоря,
отважнаго Святославича.

---

113. Уже Сула не серебренными течетъ струями
къ городу Переяславлю;
114. и Двина грязно течетъ
у оныхъ грозныхъ Полочанъ
подъ крикомъ поганыхъ.
115. Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвучалъ своими острыми мечами
о шлемы Литовскіе.
116. Убилъ славу дѣда своего Всеслава,
и самъ подъ червлеными щитами
легъ на кровавую траву,
убитый Литовскими мечами.
117. Самъ избралъ ее въ кровать себѣ, сказавъ:
«дружину твою, князь,
птицы пріодѣли крыльями,
и звѣри облизали кровь».
118. Не было тутъ брата Брячислава,
ни другаго брата Всеволода.
119. Одинъ выронилъ жемчужную душу
изъ храбраго тѣла,
чрезъ золотое ожерелье.
120. Уныли голоса,
поникло веселіе.
121. Трубятъ трубы Городенскія.
122. Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы,
опустите знамена свои,
вложите въ ножны свои поврежденные мечи;
вы уже отстали отъ славы дѣда.
123. Вы своими раздорами
начали наводить поганыхъ
на землю Русскую,
на жизнь Всеслава.

124. Сколько было насилія отъ земли Половецкой!
125. Въ седьмомъ вѣкѣ Траяновомъ
Всеславъ бросалъ жеребей
о любой себѣ дѣвицѣ.
126. Опершись клюками о коней,
онъ скочилъ въ городъ Кіевъ,
и коснулся древкомъ
золотаго престола Кіевскаго.
127. Оттуда скочилъ лютымъ звѣремъ въ полночь
Изъ Бѣлагорода подъ нависшею синею мглою,
и поутру возовыми стрикусами
отворилъ ворота Новагорода,
разшибъ славу Ярослава.
128. Скочилъ волкомъ съ Дудутокъ до Немиги.
На Немигѣ стелютъ головы, какъ снопы,
молотятъ харалужными цѣпами,
на току кладутъ жизнь,
вѣютъ душу изъ тѣла.
129. Кровавые берега Немиги
не добромъ были усѣяны,
усѣяны костями Русскихъ сыновъ.
130. Всеславъ князь правилъ людьми,
дѣлилъ князьямъ города,
а самъ ночью волкомъ рыскалъ.
131. Изъ Кіева въ Тмуторокань добѣгалъ до пѣтуховъ.
Великому Хорсу волкомъ перебѣжалъ дорогу.
Въ Полотскѣ ему звонили къ заутрени,
рано у святой Софіи въ колокола,
а онъ въ Кіевѣ еще слышалъ звонъ.
132. Хотя и умная душа въ иномъ тѣлѣ,
но часто отъ бѣдъ страдаетъ.
133. Такому вѣщій Боянъ и прежде
умно пѣвалъ припѣвъ:
«ни хитрому, ни отважному,
«ни бойкой птицѣ
«суда Божія не миновать».

---

134. О! стонать должна Русская земля,
воспоминая прежніе годы
и прежнихъ князей.
135. Древняго онаго Владиміра
нельзя было приковать къ Кіевскимъ горамъ.
136. А нынѣ одни знамена сдѣлались Рюриковы
другія Давидовы,
но роги нося, машутъ имъ хвостами,
на Дунаѣ свистятъ копья.

---

137. Слышенъ голосъ Ярославны:
незнакомою кукушкою она утромъ кукуетъ:
Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жесткомъ его тѣлѣ.
138. Ярославна утромъ плачетъ
въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая:
о вѣтеръ, вѣтеръ великій,
къ чему, господинъ, такъ сильно вѣешь?
къ чему носишь Хановскія стрѣлы
на своихъ легкихъ крыльяхъ
на воиновъ моего друга?
139. Мало-ли тебѣ было горъ подъ облаками, гдѣ бы ты вѣялъ,
нося корабли по синему морю?
къ чему, господинъ, развѣялъ ты
мое веселіе по ковылю?
140. Ярославна утромъ плачетъ
въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая:
о, Днѣпръ пресловутый,
ты пробилъ каменныя горы
сквозь Половецкую землю.
141. Ты носилъ Святославовы насады
къ полку Кобякову.
Принеси, господинъ, ко мнѣ моего милаго,
чтобъ я не слала ему слезъ на море утромъ.
142. Ярославна утромъ плачетъ
въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая:
о свѣтлое, и пресвѣтлое солнце,
для всѣхъ ты тепло и красно.
143 Къ чему, господинъ, ты пустило горячіе лучи свои
на воиновъ моего друга?
Въ безводномъ полѣ жаромъ
засушило имъ луки,
тугою заткнуло имъ тулы?

---

144. Прыснуло море въ полночь,
пошли смерчи въ туманѣ.
145. Игорю князю Богъ указываетъ путь
изъ земли Половецкой
на землю Русскую,
къ золотому отеческому престолу.
146. Погасла вечерняя заря.
Игорь спитъ. Игорь не спитъ,
Игорь мысленно измѣряетъ поля
отъ великаго Дону до малаго Донца.
147. Конь готовъ въ полночь.
Овлуръ свистнулъ за рѣкою,
подаетъ знакъ князю.

148. Князя Игоря не стало.
Закричала, зашумѣла, застучала земля.
Встревожились Половецкіе шатры.
149. А Игорь князь скочилъ горностаемъ въ тростникъ,
бѣлымъ гоголемъ на воду;
бросился на борзаго коня,
и соскочивъ съ него босымъ волкомъ
побѣжалъ къ лугу Донца,
и полетѣлъ соколомъ подъ туманами,
избивая гусей и лебедей
къ завтроку, обѣду и ужину.
150. Когда Игорь летѣлъ соколомъ,
тогда Влуръ бѣжалъ волкомъ,
труся собою холодную росу;
потому что надорвали своихъ борзыхъ коней.
151. Донецъ сказалъ: князь Игорь,
не мало тебѣ величія,
а Кончаку нерадости
и Русской землѣ веселія.
152. Игорь сказалъ: Донецъ,
не мало тебѣ величія,
что ты лелѣялъ князя на волнахъ,
сталъ ему зеленую траву
на своихъ серебристыхъ берегахъ;
153. одѣвалъ его теплыми туманами
подъ тѣнію зеленаго дерева,
стерегъ его гоголемъ на водѣ,
чайками на струяхъ,
чернетьми на воздухѣ.
154. Не такова, сказалъ онъ, рѣка Стугна,
которая имѣя худую струю,
но поглощая чужіе ручьи,
раздираетъ на кустахъ струги.
155. Юному князю Ростиславу
Днѣпръ закрылъ темные берега свои.
156. Плачетъ мать Ростиславова
по юномъ князѣ Ростиславѣ.
Цвѣты уныли отъ жалости
и дерева отъ печали преклонились къ землѣ.
157. Не сороки стрекочутъ;
вслѣдъ за Игоремъ
ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ.
158. Тогда вороны не каркали,
галки молчали,
сороки не стрекотали,
а только скакали по вѣтвямъ.
159. Дятлы тиканьемъ
указываютъ къ рѣкѣ дорогу;
соловьи веселыми пѣснями
предвѣщаютъ разсвѣтъ.

160. Говоритъ Гзакъ Кончаку:
естьли соколъ улетитъ къ гнѣзду,
то мы соколенка устрѣлимъ
своими позолоченными стрѣлами.
161. Сказалъ Кончакъ Гзѣ:
естьли соколъ улетитъ къ гнѣзду,
то мы соколенка опутаемъ
красною дѣвицею.
162. И сказалъ Гзакъ Кончаку:
когда его опутаемъ красною дѣвицею,
тогда у насъ не будетъ ни соколенка,
ни красной дѣвицы.
163. Тогда почнутъ бить нашихъ птицъ
въ полѣ половецкомъ.

---

164. Говорилъ Боянъ и насмѣшливыя выходки на
Святославова пѣснотворца, воспѣвавшаго старыя
времена Ярослава и Олега, любимца Коганова
«Тяжело тебѣ головѣ быть не на плечахъ,
«худо тебѣ тѣлу безъ головы».
165. И Русской землѣ безъ Игоря.
Солнце свѣтитъ на небѣ,
Игорь князь въ Русской землѣ.
166. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
вьются голоса черезъ море до Кіева.
167. Игорь ѣдетъ по Боричеву,
къ святой Богородицѣ Пирогощей.
168. Радуются области,
веселятся города,
воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ,
а потомъ молодымъ.
169. И намъ-ли не пѣть во славу Игоря Святославича,
яраго тура Всеволода,
Владиміра Игоревича?
170. Будьте здоровы, князья и дружина,
поражая полки поганыхъ за Христіанъ.
Слава князьямъ и дружинѣ!
Аминь.

Примѣчаніе. Напечатано съ подлинной рукописи Герасима Петровича Павскаго, сохранившейся въ его бумагахъ, нынѣ принадлежащихъ Г. А. Орлову, внуку Павскаго.

1799—1837.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ.

6-е іюня 1880 г.

1880.

6-е іюня 1880 г. — день открытія памятника Пушкину въ Москвѣ — пребудетъ изъ вѣка въ вѣкъ, доколѣ живетъ Русскій народъ, незабвеннымъ. Этотъ день яркими чертами отмѣченъ нынѣ въ исторіи просвѣщенія нашего Отечества, въ исторіи развитія русскаго народа.

Генію русской поэзіи, русской мысли, писателю имѣющему не только въ Россіи, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ высокое значеніе, воздана наконецъ, подобающая ему честь и притомъ въ Москвѣ, въ самомъ сердцѣ Россіи! Новый и высоко-отрадный фактъ нынѣшняго царствованія!

Однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого событія будетъ несомнѣнно то, что изслѣдованія жизни и произведеній творческаго генія Пушкина усилятся, и явятся новыя, въ семъ отношеніи, труды; каждая черта этой плодотворной жизни—будетъ сохранена и найдетъ свое мѣсто въ подробнѣйшей и обстоятельной біографіи нашего поэта, а каждое произведеніе его музы явится съ исторіей своего появленія въ свѣтъ и съ опредѣленіемъ его значенія. Таковаго труда наша отечественная литература, говоря въ строгомъ смыслѣ, еще не имѣетъ, но матеріаловъ для сего обнародовано довольно много, еще того болѣе несомнѣнно явится впредь, въ виду усиленія отнынѣ вниманія и безпредѣльнаго, горячаго сочувствія Русскаго Общества къ памяти своего великаго поэта.

«Русская Старина» съ своей стороны внесла уже значительную лепту въ общую сокровищницу матеріаловъ для воспроизведенія предъ читателями нравственнаго облика Пушкина. Довольно длинный списокъ того, что нами представлено, въ этомъ отношеніи, помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1879 г. (апрѣль), на стр. 773—775. «Русская Старина» съ того же времени представила новый рядъ—частію вновь открытыя, частію въ болѣе исправномъ видѣ напечатанные на ея страницахъ матеріалы къ описанію жизни и обозрѣнію художественной дѣятельности Пушкина.

Таковы статьи и сообщенія о Пушкинѣ: въ «Русской Старинѣ» 1879 г. томъ XXIV (апрѣль), стр. 773—778; томъ XXV (іюнь), стр. 371—388; (августъ), стр. 671—690; томъ XXVI (октябрь), стр. 291—328; (ноябрь), стр. 505—522; 729—737. Изд. 1880 г. томъ XXVII (январь), стр. 129—143.

191—193; (мартъ), стр. 671—675; томъ XXVIII (май), стр. 69—104 и (іюнь), стр. 317—336.

Въ настоящей, іюльской, книгѣ «Русская Старина» представляетъ на своихъ страницахъ: I. Окончаніе біографіи Пушкина. II. Сообщеніе В. В. Никольскаго объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. С. С. Уварову. III. Посланіе Пушкина къ Орлову (по подлиннику) и письмо Пушкина; IV. Письма поэта къ Н. И. Гнѣдичу; V. Воспоминанія Александры Михайловны Каратыгиной объ А. С. Пушкинѣ; VI. «Воспоминанія о встрѣчахъ съ Пушкинымъ» Н. Б. Потоцкаго; VII. Рѣчь профессора О. Θ. Миллера, — сказанная имъ на «Пушкинскомъ» праздникѣ 6-го іюня 1880 г. въ С.-Петербургѣ, — и VIII. Отзывъ о новомъ изданіи собранія сочиненій Пушкина.

Къ этой же книгѣ приложенъ геліографическій снимокъ съ обрывковъ письма Александра Сергѣевича Пушкина къ отцу его убійцы. Письмо это, какъ объяснено въ настоящей книгѣ, имѣло нѣсколько редакцій... Другое письмо, писанное имъ въ иную и едвали ни самую счастливую эпоху его жизни, приложено, въ снимкѣ, къ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1879 г. то письмо къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ, полное страсти, жизни и остроумія.

Въ заключеніе напомнимъ, что, въ виду открытія памятника нашему поэту, редакція «Русской Старины» еще въ прошломъ году разослала своимъ читателямъ превосходно исполненные геліографическіе снимки съ наилучшихъ портретовъ Пушкина: Александръ Пушкинъ въ юности (при апрѣльской книгѣ «Русской Старины» 1879 г.), снимокъ съ гравюры Е. Гейтмана и портретъ Пушкина 1827 года—съ гравюры Н. И. Уткина — (при іюльской книгѣ «Русской Старины» 1879 г.). Затѣмъ, какъ ни много сообщено уже на страницахъ нашего изданія данныхъ къ жизнеописанію Пушкина и оцѣнкѣ его поэтическаго творчества, но и эта жизнь, и его дѣятельность, — драгоцѣнныя для всей Россіи, — всегда будутъ вызывать наше живѣйшее вниманіе и «Русская Старина», по прежнему, съ особенною любовью будетъ обращаться къ безсмертной личности Александра Сергѣевича Пушкина.

Въ виду этого, мы обращаемся ко всѣмъ его почитателямъ иначе сказать ко всѣмъ нашимъ грамотнымъ соотечественникамъ съ убѣдительною просьбою, дабы всѣ, у кого имѣются, рукописи Пушкина (подлинники): письма, стихи, отрывки— хотя-бы и когда-либо напечатанные—присылали-бы въ редакцію «Русской Старины» для провѣрки съ напечатаннымъ текстомъ. Многое и въ особенности въ прежнихъ журналахъ, а также въ собраніяхъ сочиненій Пушкина печаталось довольно небрежно, съ умышленными и неумышленными искаженіями и требуетъ тщательнаго пересмотра: каждое слово Пушкина драгоцѣнно. Все доставленное въ редакцію будетъ свято сбережено и своевременно возвращено.

Ред.

6-е іюня 1880 г.

Рѣчь, сказанная профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ.

Поминки Пушкина въ Петербургѣ, конечно, только слабая тѣнь того, что̀ происходитъ теперь въ Москвѣ. Тамъ, въ бѣлокаменной, собрались наши лучшія силы—на поклонъ воздвигаемому въ ней памятнику. И мы не станемъ завидовать Москвѣ:—мы знаемъ, что Пушкинъ, не даромъ сказалъ о родномъ своемъ городѣ:

Москва!... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Но мы знаемъ также, что Пушкинъ воспѣлъ и нашъ Петербургъ, что онъ «любилъ твореніе Петра», какъ любилъ и глубоко понималъ самого творца—того «славнаго шкипера», который «всеобъемлющею душою былъ на тронѣ вѣчнымъ работникомъ. Мы не станемъ на поминкахъ Пушкина возобновлять старую тяжбу и «порфироносной вдовы» съ «новою царицей», какъ и старый, но все еще не порѣшенный вопросъ о «древней и новой Россіи». Замѣтимъ только, что хотя дѣтство поэта и протекло въ Москвѣ, его коснулись тогда всего болѣе впечатлѣнія той Москвы, которая умѣла и послѣ двѣнадцатаго года, не хуже нашего Петербурга. жадно внимать вѣщаніямъ каждаго «французика изъ Бордо». Москва заложила фундаментъ того, какъ выразился Пушкинъ, «проклятаго воспитанія», которое искупалось для него вліяніемъ его няни. Но это вліяніе окончательно восторжествовало надъ поэтомъ уже тогда, когда онъ очутился съ глаза на глазъ со своею «дряхлою голубкой» въ селѣ Михайловскомъ. Да, не отъ Москвы, а отъ деревни окончательно повѣяло на Пушкина русскимъ духомъ; отчасти знакомый еще и съ дѣтства съ деревнею, только вполнѣ напитавшись ея воздухомъ, онъ расспозналъ нако-

нецъ и старую историческую Москву подъ густымъ наслоеніемъ Москвы Грибоѣдовской [1]).

Еще на двадцатомъ году жизни Пушкинъ сложилъ свою поэтическую притчу о той картинѣ, по которой такъ безцеремонно прошлась чужая кисть, но съ которой наконецъ спали всѣ наносныя краски. Притча эта заключала въ себѣ не тотъ только смыслъ, который ей придавалъ поэтъ, намекая на свое нравственное «возрожденіе». Она какъ бы пророчески указывала на общее перерожденье поэта, окончательно совершившееся въ Михайловскомъ. Съ него тогда спали всѣ тѣ чужія краски, въ которыхъ сказывался отпечатокъ различныхъ вліяній, испытанныхъ нами вплоть до самаго байронизма. Какъ бы сокращенно переживъ все то, что пережила наша литература (начиная съ классицизма), Пушкинъ сбросилъ наконецъ съ себя даже иго современнаго «властителя думъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ у него «разверзлись зѣницы», чтобы разглядѣть и въ нашемъ народномъ образѣ, сквозь всякія наносныя черты, его подлинный, еще не изглаженный складъ. Простота и непритязательность, отсутствіе всякаго щегольства собою, всего того, что называется позою и на что даже не имѣется русскаго слова,—вотъ тѣ черты нашего народнаго склада, которыя такъ вѣрно отразились въ нашемъ народномъ эпосѣ, которыхъ такъ долго не доставало нашей книжной поэзіи и которыя разомъ наконецъ сказались у Пушкина, чтобы послужить основою цѣлой и во вѣки уже незыблемой литературной школѣ простоты и жизненной правды. Тотъ, кто выдавался за русскаго Байрона, однимъ геніальнымъ стихомъ поражаетъ вдругъ въ самое сердце весь байронизмъ, уличая его въ той нравственной фальши, которой сознанье далось наконецъ, это правда, но такъ трудно далось самому Байрону, именно съ этой-то самообличительной стороны всего менѣе понятому.

«Ты для себя лишь хочешь воли»

---

[1]) Такимъ образомъ изгнанническое пребываніе въ Михайловскомъ, какъ оно ни было тяжело для Пушкина (особенно по тогдашнимъ къ нему отношеніямъ отца), принесло ему ту пользу, которая, конечно, не предвидѣлась въ самомъ умыслѣ изгнанія. Такое же «нѣтъ худа безъ добра» случилось на нашей памяти съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ собирателей народныхъ былинъ (г. Рыбниковымъ): административная его высылка въ Олонецкую губернію неожиданно раскрыла передъ нимъ, а затѣмъ и передъ русскимъ обществомъ, цѣлый кладъ народнаго творчества, а это открытіе дало могучій толчекъ и нашей наукѣ народности, и нашему народному самосознанію вообще. **О. М.**

Сказалъ Пушкинъ устами стараго цыгана своему тезкѣ Алеко, и стихъ этотъ, такъ чутко оцѣненный Бѣлинскимъ, сразу порываетъ всякую личную связь между героемъ «Цыганъ» и Пушкинымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую связь между Пушкинымъ и великимъ западнымъ поэтомъ всевластной личности. Въ «Онѣгинѣ» герой является совершенно уже отрѣшеннымъ отъ самого поэта и байронизмъ Евгенія есть только тотъ байронизмъ, который сказывался тогда на свой манеръ въ нашемъ постоянно безпочвенномъ обществѣ. Разъ на всегда Пушкинъ отрѣшился отъ чуждой нашему народному духу замашки себялюбиво носиться съ самимъ собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ поэтически закрѣпилъ за нами способность сочувствовать широкимъ сердцемъ всему живому, понимать и возсоздавать жизнь любой страны и любаго народа—въ силу той нашей общительности, которая не только въ насъ удѣлѣла на зло наноснымъ чертамъ того, что̀ принято называть китаизмомъ, но и сохранила способность порою переходить изъ достоинства въ недостатокъ.

Глубоко нравственная по самому отпечатку этой шири, любви и правды и по своей художественной простотѣ и трезвости, поэзія Пушкина, казалось бы, вовсе не вызываетъ спора, должно или не должно искусство приносить пользу. Споръ этотъ возникъ въ нашей критикѣ подъ вліяніемъ опять таки чужихъ вѣяній, хотя имъ, повидимому, уже и не должно бы у насъ быть мѣста—при полной самостоятельности, достинутой Пушкинымъ въ творчествѣ. Жалкое непониманье поэта тою особаго рода «чернью», которая встрѣчается и въ самомъ благовоспитанномъ обществѣ, довела его до раздраженныхъ стиховъ о полной независимости поэта отъ злобы дня,—и это-то подало поводъ видѣть у Пушкина исповѣданіе такъ называемаго искусства для искусства, за что̀ одни особенно превозносили поэта, другіе же отлучали его отъ сонма живыхъ людей. Но Пушкинъ именно въ эпоху своего возрожденія въ животворящей купели народности и выставилъ поэта борцомъ за истину, заповѣдуя ему устами самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

А подъ самый конецъ своей кратковѣчной жизни онъ призналъ именно такое служеніе человѣчеству въ своей собственной поэзіи, и и это-то сознаніе внушило ему стихи, чуждые всякаго напускнаго смиренія. При формѣ, связанной еще и съ классическими воспоми-

наніями, Пушкинъ вполнѣ тутъ самостоятеленъ въ содержаніи, такъ искренне и такъ просто цѣня себя по своей связи съ великимъ цѣлымъ, и такъ нераздѣльно сознавая въ себѣ и поэта и человѣка. Это стихотвореніе могло бы намъ послужить основой для самостоятельной теоріи искусства и положить конецъ тому вопіющему разладу теоріи съ жизнью, который такъ громко сказывается не только у тѣхъ, кто проповѣдуетъ свободу теоріи, но и у тѣхъ, кто стоитъ за ея подчиненіе жизни. На Пушкинской почвѣ это опять вполнѣ праздный споръ, потому что почва эта зиждется на той народной цѣлостности духа, которая такъ ярко выразилась въ нашемъ древнемъ языкѣ употребленіемъ одного слова лѣпота — въ смыслѣ и красоты, и добра, и истины. Мнѣ остается только привести подразумѣваемые мною стихи Пушкина. Не даромъ и надпись на томъ памятникѣ, который воздвигнутъ ему теперь въ Москвѣ, взята именно отсюда:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза! будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупцa.

Да пребудетъ же съ нами этотъ завѣтъ нашего великаго поэта всегда и вездѣ — на поприщѣ творчества и художественнаго, и научнаго, и, наконецъ, прямо жизненнаго. Будемъ отзывчивы, стойки и непоклонливы!

Ор. Ѳ. Миллеръ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

IX. [1]

Разсказу гр. Соллогуба сопоставляемъ теперь воспоминанія К. К. [Д]анзаса, о томъ же самомъ періодѣ времени, т. е. отъ 4-го ноября [д]о первыхъ чиселъ декабря 1836 года. Безыменныя письма, по его [с]ловамъ, Пушкинъ получилъ вслѣдъ за отказомъ д'Антесу отъ сво[е]го дома...

«Вслѣдъ за этимъ Пушкинъ получилъ нѣсколько анонимныхъ за[п]исокъ на французскомъ языкѣ; всѣ онѣ слово-въ-слово были [о]динаковаго содержанія, дерзкаго, неблагопристойнаго. Авторомъ [э]тихъ записокъ Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерена-отца и [д]аже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Приводимъ подлинное [п]исьмо Пушкина:

21 Novembre 1836.

Monsieur le comte! Je suis en droit et je me crois obligé de faire [p]art à votre excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le [m]atin du 4 novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, [o]utrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du pa[p]ier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je re[c]onnu dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme [d]e la haute société d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que [s]ept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la [m]ême lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. [L]a plûpart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une in[f]amie, ne me les envoyèrent pas.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 773—778. Т. XXV, [ст]р. 371—388; 671—690. Т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, [ст]р. 129—148; т. XXVII, стр. 69—104; 317—336.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le pretexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vient chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un delai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiak (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvérnement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme. et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respêct et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être M-r le comte, votre très humble et très obéissant serviteur. A. Pouchkin.

(Переводъ). Графъ! Считаю, что я въ правѣ и даже обязанъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября я получилъ три экземпляра безыменнаго письма оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. Я сталъ розыскивать. Узналъ, что семь, или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Бо́льшая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность не переслали его ко мнѣ.

Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе жены моей безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса.

Не мнѣ было допустить, чтобы, въ данномъ случаѣ, имя жены моей было связано съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Гекеренъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса прося у меня двухъ-недѣльной отсрочки.

Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени, д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Гекерена, о чемъ считаю долгомъ увѣдомить правительство и общество.

Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и жениной чести, а потому не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что̀ утверждаю.

Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и проч.

X.

«Надо думать (говоритъ Данзасъ), что отказъ д'Антесу отъ дома не прекратилъ гнусной интриги. Оскорбительные слухи и записки [1]) продолжали раздражать Пушкина и вынудили его, наконецъ, покончить съ тѣмъ, кто былъ видимымъ поводомъ всего этого. Онъ послалъ д'Антесу вызовъ черезъ офицера генеральнаго штаба Клементья Осиповича Россета [2]). Д'Антесъ, принявъ вызовъ Пушкина, просилъ на двѣ недѣли отсрочки.

«Между тѣмъ вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Гекерену—отцу [3]). Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ д'Антесъ дѣлалъ это съ благородной цѣлью, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.

«Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи.

«Вслѣдствіе-ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но д'Антесъ на другой или въ тотъ-же день (когда-же именно?) сдѣлалъ предложеніе и зимой въ 1836 году была его свадьба съ дѣвицей Гончаровой [4]).

---

[1]) Когда Пушкинъ отказалъ д'Антесу отъ дома, д'Антесъ нѣсколько разъ писалъ его женѣ (по словамъ Данзаса); Наталья Николаевна всѣ эти письма показывала мужу.

[2]) Сначала Пушкинъ просилъ быть своимъ секундантомъ секретаря англійскаго посольства Мегниса, но тотъ отказался, ссылаясь на общественное свое положеніе.

[3]) Совершенное противорѣчіе тому, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ графу Бенкендорфу.

[4]) Зимою 1836 года свадьбы не могло быть: у насъ не вѣнчаютъ съ первой половины ноября до первыхъ чиселъ января слѣдующаго года.

«Во весь промежутокъ этого времени, не смотря на оскорбительные слухи и дерзкія анонимныя записки, Пушкинъ, сколько извѣстно, не измѣнилъ съ женою самыхъ нѣжныхъ, дружескихъ отношеній, сохранилъ къ ней прежнее довѣріе и не обвинялъ ее ни в чемъ. Онъ очень любилъ и уважалъ свою жену и возведенная на нее гнусная клевета глубоко огорчила его: онъ возненавидѣлъ д'Антеса и, не смотря на женитьбу его на Гончаровой, не хотѣлъ съ нимъ помириться. На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ заранѣе нѣкоторыми лицами примиренія его съ д'Антесомъ [1]). Примиреніе это однако-же не состоялось и когда, послѣ обѣда, баронъ Геккеренъ-отецъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя, Пушкинъ отвѣчалъ сухо, что, не взирая на родство, онъ не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. д'Антесомъ.

«Со свояченицей своей во все это время Пушкинъ былъ милъ и любезенъ по прежнему и даже весело подшучивалъ надъ нею, по случаю свадьбы ея съ д'Антесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравилъ К. Н. Гончарову, какъ невѣсту(?) д'Антеса; при этомъ Пушкинъ сказалъ шутя Данзасу: «ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera: russe, française ou hollandaise?» (Теперь моя свояченица не знаетъ, какой она будетъ націи: русской, французской, или голландской?)».

Послѣдующія событія, о которыхъ разсказывалъ К. К. Данзасъ, относятся, по времени, къ январю 1837 года—и потому возвращаемся къ воспоминаніямъ графа Соллогуба.

«Въ началѣ декабря (говоритъ онъ) я былъ командированъ въ Харьковъ къ графу Г. А. Строганову, и выѣхалъ, совершенно успокоенный, въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д' Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мисти-

---

[1]) Въ разсказѣ А. Н. Амосова, записывавшаго указанія Данзаса, нѣтъ хронологической послѣдовательности. Обѣдъ происходилъ въ половинѣ января 1837 г., а на слѣдующей страницѣ разскащикъ говоритъ о К. Н. Гончаровой, какъ о невѣстѣ.

фикацій. Тутъ находится тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ [1]. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, д'Антесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ(?) и теперь, по кончинѣ жены, весьма нѣжный отецъ (трогательно!). Онъ пожертвовалъ собой(?), чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменною непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у графа Воронцова, женатый уже, д'Антесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна-ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женою. «Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme» [2]. Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерену есть намеки на этотъ каламбуръ. Письмо, впрочемъ, было то же самое,

---

[1]) Австрійскимъ посланникомъ былъ графъ Фикельмонъ, а супруга его покровительница д'Антеса. Изобрѣтеніе подметныхъ писемъ могло имѣть здѣсь свое начало.

[2]) «Мозольной операторъ увереждаетъ, что ваша мозоль лучше мозоли моей жены». Игра словъ cor (мозоль) и corps (тѣло).

Есть другой разсказъ по поводу пошлости, сказанной д'Антесомъ, переполнившей чашу терпѣнія Пушкина:

Однажды Пушкинъ, гуляя въ саду вдовы Карамзиной, увидѣлъ д'Антеса въ концѣ аллеи на колѣняхъ предъ его женою, цѣлующимъ ея руки. Пушкинъ поспѣшилъ къ нимъ; тогда Наталья Николаевна встрѣтила мужа словами: «Тебѣ нечего удивляться изліянію радости г. д'Антеса—онъ просилъ руки моей сестры и я согласилась на ихъ бракъ!» ...Бракъ этотъ состоялся. Затѣмъ, по открытіи зимняго сезона, открылись и залы Карамзиной. Въ толпѣ, молодые люди поздравляли новобрачнаго д'Антеса, изъявляя преувеличенныя похвалы о красотѣ молодой, по сравненію съ ея сестрою, т. е. Натальею Николаевною Пушкиной, которая была прекрасна лицомъ. Д'Антесъ при этомъ позволилъ себѣ сказать: «Je suis maintenant à même de dire, que tout le corps de M-me Pouchkine ne vaut pas le cor du pied de ma femme!». Пушкинъ, проходя, слышалъ эти слова.

Сообщаемое было мнѣ передано, много лѣтъ тому назадъ, а именно въ концѣ сороковыхъ годовъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Карніолинъ-Пинскимъ, бывшимъ впослѣдствіи, первымъ, по времени, первоприсутствующимъ кассаціоннаго уголовнаго департамента сената. Карніолинъ-Пинскій былъ всю жизнь большой пріятель съ сенаторомъ Данзасомъ, однимъ изъ секундантовъ Пушкина. Весьма можетъ быть, что и свѣдѣнія эти получилъ онъ отъ Данзаса, хотя положительно этого теперь не припомню.

Сообщ. Д. П. Родіоновъ.

которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца—многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если я не ошибаюсь, длиннѣе, и какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе».

О времени, предшествовавшемъ отсылкѣ этого письма, К. К. Данзасъ разсказываетъ слѣдующее:

«Сухое и почти презрительное обращеніе, въ послѣднее время, Пушкина съ барономъ Гекереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина, и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ д'Антесомъ, чего онъ даже едва-ли и желалъ, но относя негодованіе перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ тѣмъ не менѣе продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это дастъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощью другихъ, подобно ему враговъ Пушкина, а иногда и недогадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ д'Антесомъ; заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ д'Антесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два: одно, еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Гекерену на словахъ то, что мы сказали уже выше, т. е. что онъ не желаетъ возобновлять съ д'Антесомъ никакихъ отношеній. Не смотря на этотъ отвѣтъ, д'Антесъ пріѣзжалъ къ Пушкину со свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который д' Антесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ д'Антеса. Это письмо Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ госпожѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо д'Антесу; но встрѣтясь у нея съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ ко нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ д'Антеса, но даже о имени его онъ слышать не хочетъ.

«Вѣрный принятому имъ намѣренію—постоянно раздражать Пушкина, Гекеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его.

«Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина, и онъ бросилъ письмо въ лицо Гекерену со словами: «Tu la recevra, gredin!» (примешь, шуллера!).

«Послѣ этой исторіи, Гекеренъ рѣшительно ополчился противъ Пушкина и въ петербургскомъ обществѣ образовалось двѣ партіи: одна за Пушкина, другая за д'Антеса и Гекерена.—Партіи эти дѣйствуя враждебно другъ противъ друга, одинаково преслѣдовали поэта, не давая ему покоя [1]).

На сторонѣ барона Гекерена и д'Антеса былъ, между прочими, и покойный графъ Бенкендорфъ, не любившій Пушкина. «Однимъ только этимъ нерасположеніемъ (говоритъ Данзасъ) и можно объяснить что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатерингофъ, будто-бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой, около комендантской дачи...

«Партизаны враждующихъ сторонъ раздѣлялись весьма страннымъ образомъ, напримѣръ: одна часть офицеровъ кавалергардскаго полка, товарищей д'Антеса, была за него, другая за Пушкина; князь Бѣлосельскій былъ за Пушкина, а княгиня, жена его, противъ Пушкина, за д'Антеса, вѣроятно, по случаю родства своего съ графомъ Бенкендорфомъ. Замѣчательно, что почти всѣ тѣ изъ великосвѣтскихъ дамъ, которыя были на сторонѣ Гекерена и д'Антеса, не отличались блистательною репутаціей и не могли служить примѣромъ нравственности; въ число ихъ Данзасъ не вмѣшиваетъ, однако, княгиню Бѣлосельскую.

«Борьба этихъ партій заключалась въ томъ, что въ то время какъ друзья Пушкина и все общество, бывшее на его сторонѣ, старались всячески опровергать и отклонять отъ него всѣ распускаемые врагами поэта оскорбительные для него слухи, отводить его отъ встрѣчъ съ Гекереномъ и д'Антесомъ—противная сторона, наоборотъ, усиливалась ихъ сводить вмѣстѣ, для чего нарочно устраивали балы, вечера, гдѣ жена Пушкина вдругъ неожиданно встрѣчала д'Антеса.

«Зная, какъ всѣ эти обстоятельства были непріятны для мужа, Наталья Николаевна предлагала ему уѣхать съ нею, на время, куда нибудь изъ Петербурга; но Пушкинъ, потерявъ всякое терпѣніе, рѣ-

---

[1]) Старушка, няня дѣтей Пушкина, разсказывала впослѣдствіи, что въ декабрѣ 1836 г. и въ началѣ января 1837 года Александръ Сергѣевичъ былъ словно самъ не свой: онъ, или по цѣлымъ днямъ разъѣзжалъ по городу, или, запершись въ кабинетѣ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ. При звонкѣ въ прихожей, выбѣгалъ туда и кричалъ прислугѣ: «если письмо по городской почтѣ—не принимать», а самъ, вырвавъ письмо изъ рукъ слуги, бросался опять въ кабинетъ и тамъ что-то громко кричалъ по французски. «Тогда, бывало, къ нему и съ дѣтьми не подходи (заключала няня), раскричится и вонъ выгонитъ».

шился кончить это иначе. Онъ написалъ барону Гекерену, въ вес ма сильныхъ выраженіяхъ, извѣстное письмо, которое и было окон тельною причиной роковой дуэли поэта».

Письмо это, написанное еще 21-го ноября 1836 года, въ чернов набросkѣ хранилось у Пушкина «на черный день». Первоначальн его редакція была дѣйствительно «еще оскорбительнѣе», какъ за чаетъ графъ Соллогубъ. Два черновыя подлинныя письма Пушки находящіяся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», да возможность сличить первоначальное изложеніе съ тѣмъ, которое Пу кинъ оставилъ окончательно въ письмѣ, посланномъ къ Гекерену.

Нѣсколько клочьевъ синей золотообрѣзной почтовой бумаги большаго ф мата, съ набросками письма на русскомъ и французскомъ языкахъ, черни и карандашомъ. Имена Гекерена, д'Антеса; слова: ma femme, lettre, n (жена, письмо, имя) попадаются на прерванныхъ строчкахъ, часто пере кнутыхъ. Очевидно, это самые первоначальные наброски, хаотическій бе рядокъ еще не сложившійся въ энергичную рѣчь [1]).

(Письмо, къ которому не достаетъ многихъ лоскутовъ. Скобками означ вставки и зачеркнутыя мѣста, а точками—недостающіе куски):

Monsieur le Baron

Avant tout permettez-moi de fa . . . .
de ce qui vient de se pa . . . , ...
La conduite de M-r v. . . . .
connue et ne pouvait . . . .
(comme elle était restrein. . . . .
convenances, et que d'ail . . . . point . . . . .
ma femme méritait ma confiance et y . . . .
pect, je me contentais du rôle d'observa . . . .
à intervenir lorsque je le jugerai à p . . . .
savoir bien qu'une belle figure, une p. . . . .
malheureuse, une persévérance de deux. . . . .
. . . . toujours par produire un . . . .
. . . . d'une jeune personne et qu'alors le . . . . . .
. . . . moins qu'il ne fut un sot, deviendrait . . . . .
. . . . rellement le confident de sa femme et le . . . . . .
. . . . e sa conduite. (Je vous avouerai que je n'étais. . . .
. . . . s inquiétude). Un incident, que dans tout . . . . .
m'eut été très desagréable, vint . . . .

---

[1]) Черновые подлинники, изорванные въ клочки самимъ Пушкинымъ, н дены въ его кабинетѣ. Они весьма обязательно подарены въ 1870 г. редак «Русской Старины» А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, которымъ, въ очередь, получены отъ одного изъ лицъ разбиравшихъ послѣ смерти Пу его бумаги. При настоящей книгѣ «Русской Старины» приложены геліог ческіе снимки съ лоскутковъ этого роковаго письма, первыхъ двухъ его р цій. Кромѣ того сохранилось еще 10 лоскутковъ письма Пушкина, но мелкихъ, что ихъ нельзя подобрать.

des-
venu

par la lettre

dont je garde

ici. Je veux

vous même

m'engager

éanter puis

t son
i par
i par
onne
u) ni
us é-
ısage
peine
suffi-
la fi-
rable

лать)

приличія, и что (впрочемъ), ... отнюдь . .

 Baron

шилс
ма сі
тельн
П
набр
его petter moi de fa
чает
нахо fu
возм
кинъ
Е.
мата,
и ка
(жен
кнут
рядо ces
С
вста
ces

de c
let ma confiance &
conn
(com du rôle d'observa
conv
ma
pect,
à in le jugerai à
savo
mall
. . les figures, une
. .
. .
. . naire de deux
. .
. .
m'et produire
—
ден puissance et qu'alors la
«Py
очеі
lent au sot, deviendroit

хъ нельзя подобрать.

. . . . sement me tirer d'affaire. Je reçus des
. . . . ymes (en attendant). Je vu que le moment etait venu
. . . . etai. Vous savez le reste. Je fis jouer à. . . . .
. . . . si grotesque et si pitoyable . . . .
. . . . de tout de plattitude, ne . . . .
. . . . et que l'emotiou que peut- . . . .
. . . . pour cette grande et sublime . . . .
. . . . s'éteignit (dans) le dégout le plus calme et . . . . .
. . . . (le) mérite. (Je suis obligé) Vous me permettrez d'obser- . . . .
. . . . . (v)ous, Monsieur le Baron, quel (a été votre rôle) à . . . .
. . . . toute cette affairo (n'es) Vous le representant d' . . . .
. . . . . . ronnée vous avez été (paternellent) le maquereau . . . .
. . . . de votre (bâtard) ou soi disant bâtard; toute la conduite . . . .
de ce jeune homme a été dirigée par vous. . . . .
c'est vous qui lui dictiez les pauvretés . . . .
débiter et les niaiseries qu'il s'est m . . . .
semblable à une obsène vieille vous al . . . .
ma femme dans tous les coins pour lui pa . . . .
fils, et lorsque malade de vérole il etoit re . . . .
. . . .
. . . .
fils une conférance, ou . . . .
un coup quel'on croyoit. . . . .
nyme fut composée par . . . .
je reçus trois exemplai(res) . . . .
l'on avoit distribuée. . . . .
eté fabriquée avec si peu de précaution, ...
prémier coup d'oeil (je fus sur les trâc . . . .
teur). Je ne m'en inquiétois plus, j'eto(is) . . . .
trouver mon (mes) drôle. Effecti(vement), c' . . . .
jours de récherches, je savois positi(vement), c' . . . .
. . . . non, et quelque soit son
. . . . pas assez vengé, ni par
. . . . t M-r votre fils, ni par
. . . . (e)ut l'air d'une bonne
. . . . m'embarasse fort peu) ni
. . . . par la lettre que j'ai l'honneur de vous é-
. . . . dont je garde la copie pour mon usage
. . . . ir. Je veux que vous vous donniez le peine
. . . . vous même les raisons qui seroient suffi-
. . . . m'engager à ne pas vous cracher à la fi-
. . . . (an)éantir jusqu'à la trâce de cette misérable

(Переводъ). Господинъ баронъ. Прежде всего позвольте мнѣ сд(ѣлать)
. . . . того что пр(оизошло) . . . .
Поведеніе вашего (сына) . . . .
извѣстно и не могло. . . . .
какъ оно было сдержано. . . . .
приличій, и что (впрочемъ). . . . . отвюдь . .

моя жена заслуживала моего довѣрія и (уваженія) . . . .
я довольствовался ролью наблю(дателя) . . . .
вмѣшаться когда признаю къ (стати) . . . .
хорошо зналъ, что красивое лицо, (страсть). . . . .
несчастную, постоянство въ теченіе двухъ . . . .
. . . . всегда производятъ . . . .
. . . молодой особы и что тогда (мужъ) . . . .
. . если только онъ не дуракъ, сдѣлается (естественно) повѣреннымъ своей жены и—ея поведеніе (признаюсь вамъ я былъ...—опасеній. Случай, который (во всякое другое время) былъ бы мнѣ очень непріятенъ (къ счастію) выпуталъ меня изъ затрудненія). Я получилъ (безыменныя) письма. Я увидѣлъ, что минута наступила . . . .
. . . . состоянія. Вы знаете остальное. Я заставилъ играть (вашего) . . . . шутовскую и жалкую, ...
. . . . такой пошлостью, не . . . .
. . . . и что волненіе, которое (можетъ быть). . . . .
. . . . къ этой великой и возвышенной . . . .
. . . . угасло (въ) отвращеніи самомъ спокойномъ и . . . .
. . . заслуженномъ . . . .
. . . Вы, господинъ баронъ, какая была ваша роль . . . во . . . . . . всемъ этомъ дѣлѣ. Вы, представитель (коронованной особы), вы были сводникомъ вашего (ублюдка), такъ называющагося ублюдка; все поведеніе этого молодаго человѣка было направляемо . . . . . . Вы диктовали ему жалкія пошлости . . . . глупыя краснобайства, которыя онъ . .
. . . . Подобно какой нибудь старухѣ-безстыдницѣ вы . . . . (искали) мою жену, по всѣмъ угламъ, чтобы (говорить) ей) . . . . . (о вашемъ) сынѣ, и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, былъ . . . .
. . . . сыномъ, разговоръ, или . . . .
ударъ, который, какъ полагали . . . .
(безыменное письмо) было сочинено . . . .
я получилъ три экземпляра. . . . .
были розданы . . . .
смастерили съ такими ничтожными предосторожностями . . . .
съ перваго взгляда я напалъ на слѣдъ (сочинителя). Я болѣе не безпокоился, я (былъ) . . . .
отыскать моего (моихъ) шутника (овъ). Дѣйствительно . . . .
. . . дней розысковъ, я зналъ (положительно) . . . .
. . . .
нѣтъ, и каково бы ни было. . . . .
и вашего сына не достаточно отмщенъ ни . . . . ни . . . . .
видомъ добраго . . . .
(нимало меня не затрудняетъ) ни письмомъ, которое имѣю честь вамъ (писать) . . . . копію съ котораго храню у себя наслучай надобности . . .
Я хочу, чтобы вы взяли на себя трудъ . . . .
вы сами причины, которыхъ будетъ (достаточно) чтобы заставить меня не плюнуть вамъ въ (лицо). . . . .
уничтожить самый слѣдъ этого подлаго . . . .

Mons:

Avant tou[illegible]ure le resume
[illegible]etoit agi vieu[illegible] conduite de M.
[v]otre fils on 'étoit ne pouvoit m'être
indifferente; mai[s] [illegible]teinte dans les
bornes des conv[illegible]ces je savois
combien ma [illegible]fiance et mon
[illegible] t, j [illegible]dant

[illegible] ce nom[illegible] Je viendroit tout
mari, à moins[illegible] [illegible]ue et le maître

[illegible] vous vous
[illegible]

nce... eus des lettres anonymes, j
vis ... & j'en profitai pour
faire à Mr votre fils un rôle
si ... able, que ma femme, étant
de ... peut s'empêcher de ...
et ... être avait-elle repenti
pour passion, s'éteignit
dans ... et le mieux mérité.

Mr le Baron, quel a été votre
rôle cette affaire? Vous le repr...
-sentiez, vous avez été le m...

...

les ... de votre fils, et lorsque
maître ~~...~~ chez lui de remèdes, vous
dis ..., qu'il se mourrait d'a...

Nous voyons que … attendez, ce

n'est pas tout : que l'affaire

… compliquait … anonyme.

Vous vous doutez … intéressant.

Le 2 de novembre votre fils ~~…~~

~~…~~ à la suite d'une … ~~… Il vous dit~~

~~… …~~

… ~~la tête~~

… coup des lettres.

~~… …~~

… attribué)

… avec

… ~~…~~ …

inquiétés plus. … vous pourr…

…

... vous avez été vaincu ...
tous

... au but de ma lettre : ...
... ce qui m'a empêché ...
... honorer aux yeux de ...
... vous le d...

...

... misérable affaire dont il
... un excellent chapitre dans
...

... Monsieur le Baron

Monsieur le Baron, Avant tout permettez moi de faire le résumé de tout ce vient de se passer. La conduite se M-r votre fils m'était entièrement con- et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans bonnes des convenances et que d'ailleurs je savais combien ma femme mé- ait ma confiance et mon . . . . . t, sauf . . . .
. . . . sur . . . .
ri, à moins qu'il ne fut un sot, deviendrait tout naturellement le confident sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'etais pas s inquiètude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désa- éable, vint, fort heureusement, me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. vis que le moment été venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que, peut être, ait elle ressenti pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le goût le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le baron, quel a été votre rôle à vous dans toute tte affaire? Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez éte le (ma- tereau) . . . .
us avez guétté (ma femme) . . . .
s coins pour lui parler de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était tenu chez lui (par) des remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se ourrait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils. — Ce 'est pas tout.

(Vous voyez que j'en suis long; mais attendez ce n'est pas tout: je vous isais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous ous doutez bien qu'elles vous intéressent).

Le 2 de Novembre vous eûtes cru M-r votre fils à la suite d'une . . . .
. . . . [coup de plaisir. Il vous dit . . . .
5 que ma femme cré] . . . . lettre anonyme . . . . . (elle en perdait a tête) . . . . frapper un coup décisif . . . .
. . . composée par vous et . . . . . . plaires (de la lettre ano(nyme)
. 'on avait distribué) . . . t été fabriquée avec . . . .
. . . . sur . . . .
nquiètais plus. Effectivement, avant trois jours de recherches, je savais à quoi n'en tenir. Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets; Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au bût de ma lettre: (Peut être désirez-vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la votre) . . . .

Je suis bon, ingénu, ...
mais mon coeur est sensible . . . . Un duel ne me suffit plus . . . .
. . . . et quelque soit son . . . .
. . . . assez vengé ni par la . . . .
. . . . lettre . . . .
qu'à la trace de cette misérable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron, Votre très humble et trés obéissant serviteur A. Pouchkine.

(Переводъ). Господинъ баронъ! Прежде всего позвольте мнѣ вкратцѣ изложить все происшедшее. Поведеніе вашего сына было мнѣ вполнѣ извѣстно и я не могъ относиться къ нему безучастно; но такъ какъ оно сдерживалось границами приличій и къ тому же я зналъ на сколько жена моя заслуживала моего довѣрія и моего . . . . кромѣ . . . . на . . . .
мужъ, если только онъ не дуракъ, становится, весьма естественно, повѣреннымъ своей жены и руководителемъ ея поступковъ. Признаюсь вамъ, что я тревожился. Случай, который во всякое другое время былъ бы мнѣ очень непріятенъ, весьма счастливо выпуталъ меня изъ затрудненія: я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что минута наступила и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно: я заставилъ вашего сына играть такую шутовскую и жалкую роль, что жена моя, удивленная этою бездною пошлости, не могла удержаться отъ смѣха и волненіе, съ которымъ она, можетъ быть, относилась къ этой великой и возвышенной страсти, угасло въ отвращеніи самомъ спокойномъ и какъ нельзя болѣе заслуженномъ.

Но вы, господинъ баронъ, какая же была ваша роль во всемъ этомъ дѣлѣ? Вы, представитель вѣнчанной головы, вы были (сводникомъ вашего) . . . . вы подстерегали . . . . углахъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ, а когда онъ, больной любострастною болѣзнью, лечился у себя дома, вы говорили—подлый вы человѣкъ!—что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: отдайте мнѣ моего сына.—Это еще не все.

(Вы видите, я распространяюсь; но погодите, это еще не все: я говорилъ вамъ, что дѣло усложнилось. Возвратимся къ безыменнымъ письмамъ. Вы конечно догадываетесь, что онѣ васъ интересуютъ).

2-го ноября вы полагали что сынъ вашъ, вслѣдствіе . . . . . (много) удовольствія. Онъ сказалъ вамъ . . . что моя жена . . . . . безыменное письмо . . (у нея отъ того голова шла кругомъ) . . . . нанести рѣшительный ударъ . . . . сочиненное вами и (три экземпляра (безыменнаго письма). . . . роздали . . . . . . смастерили съ . . . . . . на . . . . безпокоился болѣе. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней въ розыскахъ, какъ я узналъ въ чемъ дѣло. Если дипломатія ничто иное, какъ искусство знать о томъ, что дѣлается у другихъ, и разрушать ихъ замыслы, то вы отдадите мнѣ справедливость, сознаваясь, что сами потерпѣли пораженіе на всѣхъ пунктахъ.

Теперь я дошелъ до цѣли моего письма: (можетъ быть, вы желаете знать, что препятствовало мнѣ до сихъ поръ опозорить васъ въ глазахъ нашего двора и вашего....

Я добръ, простодушенъ , ... но сердце мое чувствит . . Дуэли мнѣ болѣе недостаточно. . . . . и каковъ бы ни былъ ея (исходъ) . . . . достаточно отмщенъ на. . . . . письмо . . . . самый слѣдъ этого гнуснаго дѣла, изъ котораго мнѣ легко будетъ написать главу въ моей исторіи рогоносцевъ.

Имѣю честь быть, г. баронъ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

(Окончательная редакція: письмо въ томъ видѣ, въ какомъ о было послано къ Гекерену).

Monsieur le Baron! Permettez moi de faire le résumé de ce q vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était connue depı longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rı d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. I accident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vi fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes.

Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous sav le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ı femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire, et q l'emotion, que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passic s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous ı permetterez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous da toute cette affaire n'a pas été des plus convenable. Vous, le représe tant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquere de votre bâtard, un soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroi d'ailleurs) a été probablement dirigée par vous: c'est vous, probabl ment, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseri qu'il s'est mêlé d'ecrire. Semblable à une obscène vielle vous alli guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de votre fils; lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vo disiez qu'il se mourrait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rende moi mon fils».

Vous sentez bien, qu'après tout cela je ne pouvais souffrir qu y eût des rélations entre ma famille et la votre. C'était à cette co dition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affai et à ne pas vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la votı comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que n femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permett que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose enco lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débi des calembourgs de corps de garde, tout en jouant le devouément la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un ch napan. Je suis donc obligé, M-r le Baron, de faire finir tout ce maneg si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je réculerai pas. J'ai l'honneur d'être etc. A. Pouchkin.

(Переводъ). Баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случ лось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно и я не могъ отнситься къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣм чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный

всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть столь жалкую роль, что жена моя, удивленная такою пошлостью, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала при видѣ этой возвышенной страсти, угасло въ презрѣніи самомъ спокойномъ и вполнѣ заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были, отечески, сводникомъ вашего ублюдка или величающаго себя такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой безстыдницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, сидѣлъ дома за лекарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына».

Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ право и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ ни что иное, какъ мерзавецъ и шалопай. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти уловки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. А. Пушкинъ.

«Говорятъ, что, получивъ это письмо, Гекеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Гекерену, чтобы сынъ его, д'Антесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ.

Отвѣтъ Гекерена Пушкину былъ слѣдующій:

Monsieur! Ne connaissant ni votre écriture, ni votre signature, j'ai recours à M-r le vicomte d'Archiac, qui vous remettera la présente pour constater que la lettre à laquelle je réponds, vient de vous. Le contenu est tellement hors de toutes les bornes du possible, que je refuse de répondre à tous les détails de cet épitre. Vous paraissez oublier, Monsieur, que c'est vous qui vous êtes dédit de la provocation, que vous aviez fait adresser au Baron Georges de Heckern et qui avait été acceptée par lui. La preuve de ce que j'avance ici existe, écrite de votre main et est restée entre les mains des seconds. Il ne me reste qu'à vous prévenir que M-r le vicomte d'Archiac se rend chez vous pour convenir avec vous du lieu où vous vous rencontrerez avec le baron

Georges de Heckern et à vous prévenir que cette rencontre ne souffre aucun delai.

Je saurai plus tard, Monsieur, vous faire apprécier le respêct dû au caractère dont je suis revêtu et qu'aucune demarche de votre part ne saurait atteindre. Je suis, Monsieur, votre très humble serviteur. B. de Heckern.—Lu et aprouvé par moi, le Baron Georges de Heckern.

(Переводъ). Милостивый государь! Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ г. виконту д'Аршіаку, который вручитъ вамъ это письмо въ подтвержденіе, что письмо, мною полученное, прислано вами. Содержаніе его до такой степени внѣ всякихъ границъ возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на всѣ подробности этого посланія. Повидимому, вы позабыли, милостивый государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Жоржу Гекерену и имъ принятому. Тому существуетъ доказательство, вами писанное и находящееся въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ, на которомъ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Гекереномъ и предупредить васъ, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства.

Впослѣдствіи, милостивый государь, я съумѣю заставить васъ уважать званіе, которымъ я облеченъ и которое не можетъ оскорбить никакая со стороны вашей выходка. Остаюсь, милостивый государь, вашъ покорный слуга Б. де-Гекеренъ.—Читано и одобрено мною—баронъ Жоржъ де-Гекеренъ.

Во вторникъ (26-го января) и въ среду (27-го) Пушкинымъ были получены отъ д'Аршіака три записки касательно условій дуэли. Эти документы, равно какъ и отвѣтъ Пушкина, заслуживаютъ вниманія:

Mardi 26 Janvier (7 Fevrier) 1837.

Le soussigné informe Monsieur de Pouchkin, qu'il attendra chez lui jusqu'à 11 heures du soir de ce jour et après cette heure au bal de la comtesse Razoumovsky, la personne qui sera chargée de traiter l'affaire, qui doit se terminer demain. En attendant il offre à M-r Pouchkin l'assurance de sa considération la plus distinguée. Vicomte d'Archiac.

Вторникъ 26-го января (7-го февраля) 1837.

(Переводъ). Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя на дому до 11-ти часовъ вечера нынѣшняго числа, а послѣ этого часа на балу у графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено переговорить о дѣлѣ, которое должно быть окончено завтра. Въ ожиданіи, онъ свидѣтельствуетъ г. Пушкину отличное свое уваженіе. Виконтъ д'Аршіакъ.

St Petersbourg. Merczedi 9 h. du matin.
27 Janvier (8 Fevrier) 1837.

Monsieur! J'insiste encore ce matin sur la demande que j'ai eu l'honneur de vous faire hier au soir.

Il est indispensable que j'abouche avec le témoin que vous aurez chosi, et cela dans le plus bref delai.

Jusqu'à midi je resterai dans mon appartement; j'espère avant cette heure recevoir la personne que vous voudrez bien m'envoyer.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération la plus distinguée.
Vicomte d'Archiac.

С.-Петербургъ. Среда, 9 часовъ утра.
27-го января (8-го февраля) 1837.

(Переводъ). Милостивый государь! Я сегодня утромъ, настоятельно прошу дать отвѣтъ на запросъ, который имѣлъ честь сдѣлать вамъ вчера вечеромъ.

Мнѣ необходимо переговорить съ выбраннымъ вами секундантомъ въ возможно кратчайшій срокъ.

До полудня я буду дома; надѣюсь ранѣе этого часа принять особу, которую вамъ угодно будетъ прислать ко мнѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи.
Виконтъ д'Аршіакъ.

XI

День 27-го января 1837 г.

Не смотря на бурю, кипѣвшую въ душѣ Пушкина, канунъ и самый день своей дуэли онъ провелъ такъ наружно, спокойно, что никто изъ его домашнихъ и короткихъ знакомыхъ не догадывался о предстоящемъ несчастіи. Утромъ 26-го числа, казенный курьеръ, привезъ Александру Сергѣевичу письмо съ черною печатью, бывшее какъ бы роковымъ предзнаменованіемъ: это былъ пригласительный билетъ на погребеніе сына Н. И. Греча, студента Николая Николаевича Греча, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ отъ скоротечной чахотки. Затѣмъ, Пушкинъ посѣтилъ И. А. Крылова; написалъ письмо А. О. Ишимовой [1]) о ея переводѣ для «Современника». Записки д'Аршіака заставили Пушкина написать ему слѣдующій отвѣтъ:

---

[1]) Снимокъ съ этого послѣдняго письма Пушкина былъ приложенъ къ первому посмертному собранію его сочиненій.

Entre 9 ½ et 10 h. du matin. 27 Janvier.

Monsieur le vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famil'e; je me refuse donc à tout pour-parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern, qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tont-a-fait à ses ordres. D'aprés nos habitudes à nous autres Russes cela suffit... Je vous prie de croire, M-r le vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place. Veulliez accepter l'assurance de ma parfaite considération A. Pouchkin.

Между 9½ и 10 час. утра 27-го января.

(Переводъ). Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшивать въ мои дѣла праздныхъ людей Петербурга; по этому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Гекеренъ вызываетъ меня, онъ же и обиженный, то, если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобы ѣхать на мѣсто дуэли. Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. Пушкинъ.

Виконтъ д'Аршіакъ—«въ дуэляхъ классикъ и педантъ»—долгомъ счелъ возразить Пушкину:

St. Pétersbourg 27 Janvier (8 Fevrier) 1837.

Monsieur! Ayant attaqué l'honneur du baron Georges de Heckern, vous lui devez réparation. C'est à vous à produire votre témoin. Il ne peut être question de vous en fournir. Prêt de son côté à se rendre sur le terrain le Baron Georges de Heckern vous presse de vous mettre en régle. Tout retard serait considéré par lui comme un réfus de la satisfaction qui lui est due et en ébruitant cette affaire l'empêcher de se terminer.

L'entrevue entre les témoins, indispensable avant la rencontre, deviendrait, si vous le refusiez, une des conditions du Baron Georges de Heckern; vous m'avez dit hier et écrit aujourd'hui que vous les acceptiez toutes.

Recevez, Monsieur, l'assurance de me parfaite consideration. Vicomte d'Archiac.

С.-Петербургъ 27-го января (8-го февраля) 1837.

(Переводъ). Милостивый государь! Оскорбивъ честь барона Жоржа Гекерена, вы должны дать ему удовлетвореніе. Ваше дѣло добыть себѣ секунданта.—О пріисканіи его вамъ не можетъ быть и рѣчи. Готовый, съ своей стороны, явиться на мѣсто поединка, баронъ Жоржъ де-Гекеренъ проситъ васъ поспѣшить устроить все въ порядкѣ. Всякое замедленіе будетъ имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи, а огласка этого дѣла помѣшаетъ его окончанію.

Свиданіе секундантовъ, необходимое до встрѣчи, было бы въ случаѣ вашего отказа однимъ изъ условій барона Жоржа де Гекерена; вы же сказали мнѣ вчера и написали сегодня, что вы принимаете всѣ его условія

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Виконтъ д'Аршіакъ.

По полученіи этого письма, Пушкинъ отправился къ К. О. Россетъ на Пантелеймонскую улицу, но не засталъ его дома. Рѣшаясь пригласить къ себѣ въ секунданты Константина Карловича Данзаса Пушкинъ поѣхалъ къ нему и на Пантелеймонской же встрѣтилъ его. Остановивъ Данзаса, онъ сказалъ:

— Данзасъ, я ѣхалъ къ тебѣ, садись со мной въ сани и поѣдемъ во французское посольство [1]), гдѣ ты будешь свидѣтелемъ одного разговора....

Во время пути (разсказываетъ К. К. Данзасъ) Пушкинъ говорилъ, какъ будто ничего не бывало, совершенно о посторонниxъ вещахъ. Такимъ образомъ доѣхали они до дома французскаго посольства, гдѣ жилъ д'Аршіакъ.

Послѣ обыкновеннаго привѣтствія съ хозяиномъ, Пушкинъ сказалъ громко, обращаясь къ Данзасу: «Je vais vous mettre maintenant au fait de tout [2]) и началъ разсказывать ему все, что происходило между нимъ, д'Антесомъ и Гекереномъ. При этомъ прочиталъ вслухъ списанную имъ самимъ копію съ письма своего къ Гекерену отцу и отдалъ ее Данзасу. Пушкинъ окончилъ объясненіе свое словами:

— Maintenant, la seule chose que j'ai à vous dire, c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Heckeren, père ou fils, je leur cracherai à la figure [3]).

Тутъ онъ указалъ на Данзаса и прибавилъ: «voilà mon témoin!», потомъ спросилъ его: «consentez-vous?» [4]).

---

[1]) Оно помѣщалось на Большой Милліонной.

[2]) Теперь я разскажу вамъ все, въ чемъ дѣло.

[3]) Теперь скажу вамъ только одно, именно: если дѣло сегодня же не будетъ кончено, то въ первый разъ какъ я только встрѣчу Гекереновъ, отца или сына, я имъ плюну въ лицо!

[4]) Вотъ мой секундантъ!—Согласны ли вы?

Послѣ утвердительнаго отвѣта Данзаса, Пушкинъ уѣхалъ, предоставивъ Данзасу, какъ своему секунданту, условиться съ д'Аршіакомъ о дуэли.

Вотъ эти условія:

Драться Пушкинъ съ д'Антесомъ долженъ былъ въ тотъ же день, 27-го января, въ пятомъ часу по полудни. Мѣсто поединка было назначено секундантами за Черной рѣчкой, возлѣ комендантской дачи. Оружіемъ выбраны пистолеты. Стрѣляться соперники должны были на разстояніи двадцати шаговъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ сдѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру; никому не было дано преимущества перваго выстрѣла; каждый долженъ былъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ, когда будетъ ему угодно; но, въ случаѣ промаха съ обѣихъ сторонъ, дѣло должно было начаться снова, на тѣхъ-же условіяхъ. Личныхъ объясненій между противниками никакихъ допущено не было; въ случаѣ-же надобности, за нихъ должны были объясниться секунданты.

По желанію д'Аршіака условія поединка были сдѣланы на бумагѣ.

Съ этой роковою бумагой Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли, Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекереномъ-отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерену, а не д'Антесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекеренъ, по офиціальному своему положенію, драться не можетъ.

Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его [1]).

Было около четырехъ часовъ по полудни.

Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Пушкинъ вышелъ съ Данзасомъ изъ кондитерской, сѣли въ сани и отправились по направ-

---

[1]) Въ 1877 году въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Пушкинѣ», была напечатана импровизація какого-то господина (такого же знакомца поэта, какъ Хлестаковъ), который говоритъ, что онъ пріѣхалъ къ Александру Сергѣевичу предъ его отъѣздомъ на дуэль: въ передней на ларѣ лежалъ ящикъ съ пистолетами, а Пушкинъ плакалъ, торопясь ѣхать и т. д. Нелѣпость и пошлость очевидныя.

ленію къ Троицкому (?) мосту. Пушкинъ по наружности былъ покоенъ.... На Дворцовой набережной они встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее; надежда въ немъ блеснула: встрѣча эта могла поправить все (?). Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону.

День былъ ясный. Петербургское великосвѣтское общество каталось на горахъ и въ то время нѣкоторые уже оттуда возвращались. Много знакомыхъ Пушкину и Данзасу встрѣчались, раскланивались съ ними, но никто не догадывался куда они ѣхали; а между тѣмъ исторія Пушкина съ Гекеренами была хорошо извѣстна всему этому обществу.

На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя: не въ крѣпость-ли ты везешь меня?—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Данзасъ,—черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».

На Каменноостровскомъ проспектѣ они встрѣтили въ саняхъ двухъ знакомыхъ офицеровъ Коннаго полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкинъ и Данзасъ ѣхали на горы, Голицынъ закричалъ имъ: «что вы такъ поздно ѣдете, всѣ уже оттуда разъѣзжаются!»

Данзасъ не знаетъ, по какой дорогѣ ѣхали д'Антесъ съ д'Аршіакомъ; но къ Комендантской дачѣ они съ ними подъѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто; они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ Комендантской дачи: болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извощиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, секунданты утоптали ногами снѣгъ, на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ.

Не смотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать.

Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ и по видимому былъ столько-же покоенъ, какъ и во время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его: находитъ-ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто? Пушкинъ отвѣчалъ:

— Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite! [1]).

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими

---

[1]) Мнѣ совершенно все равно, только постарайтесь сдѣлать это скорѣе.

шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

— Eh bien? Est-ce fini? [1]).

Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ махнувъ шляпой, они начали сходиться.

Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время д'Антесъ, не дойдя до барьера одного шага [2]) выстрѣлилъ и Пушкинъ, падая, сказалъ:

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée [3]).

Секунданты бросились къ нему и когда д'Антесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:

— Attendez, je me sens assez de force, pour tirer mon coup [4]).

Д'Антесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою.... При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, а потому Данзасъ подалъ ему другой. Приподнявшись нѣсколько и оперщись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ: д'Антесъ упалъ.... На вопросъ Пушкина у д'Антеса: куда онъ раненъ? д'Антесъ отвѣчалъ:

— Je crois que j'ai la balle dans la poitrine! [5]).

— Браво!—вскрикнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолетъ въ сторону.

Но д'Антесъ ошибся: онъ стоялъ бокомъ и пуля, только контузивъ грудь, попала въ руку.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля, раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась [6]).

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извощиковъ и съ помощію ихъ разобрали находившійся тамъ заборъ, изъ тонкихъ жердей, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, подлѣ

---

[1]) Ну, что же? кончено ли?

[2]) Слѣдовательно, д'Антесъ стрѣлялъ въ одиннадцати шагахъ.

[3]) Кажется у меня раздроблено бедро!

[4]) Погодите, я еще чувствую въ себѣ на столько силы, чтобы сдѣлать свой выстрѣлъ.

[5]) Кажется, пуля засѣла мнѣ въ грудь!

[6]) Пушкинъ два раза терялъ сознаніе, но послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья пришелъ въ себя и болѣе уже не лишался чувствъ (Письмо д'Аршіака князю П. А. Вяземскому отъ 1-го февраля; черезъ пять дней ему писалъ и Данзасъ. Оба письма напечатаны въ брошюрѣ Амосова (стр. 61—67).

саней, вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ; раненый д'Антесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними.

У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ-отцомъ [1]). Д'Антесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другаго, сдѣланнаго ему въ это же время д'Антесомъ, предложенія: скрыть участіе его въ дуэли.

Не сказавъ, что карета была барона Гекерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и сѣвъ съ нимъ рядомъ поѣхалъ въ городъ. Во время дороги Пушкинъ держался довольно твердо; но, чувствуя по временамъ сильную боль, онъ началъ подозрѣвать опасность своей раны. Онъ вспомнилъ про дуэль общаго знакомаго ихъ офицера Московскаго полка Щербачева, стрѣлявшагося съ Дороховымъ, на которой Щербачевъ былъ смертельно раненъ въ животъ. Жалуясь на боль. Пушкинъ сказалъ Данзасу: «я боюсь, не раненъ ли я такъ, какъ Щербачевъ». Онъ напомнилъ также Данзасу и о своей прежней дуэли въ Кишеневѣ съ Зубовымъ. Во время дороги, Пушкинъ, въ особенности, безпокоился о томъ, чтобы по пріѣздѣ домой не испугать жены и давалъ наставленія Данзасу, какъ поступить, чтобы этого не случилось.

---

[1]) Въ сороковыхъ еще годахъ была выставлена съ краю дороги, противъ мѣста, гдѣ упалъ раненый Пушкинъ, дощечка съ надписью, насаженная на шестикъ. Въ шестидесятыхъ годахъ мы уже на томъ мѣстѣ не находили ни шестика, ни дощечки. Дощечка была выкрашена черною краскою и на ней написано бѣлыми буквами: «27-го января 1837 года противъ сего мѣста упалъ смертельно раненый на поединкѣ А. С. Пушкинъ». Дощечка эта находилась съ лѣвой стороны давно оставленной дороги въ дер. Коломяги, лѣвѣе существующей, по которой ходятъ теперь дилижансы. Своротъ на старую дорогу тотчасъ же подлѣ огорода, проѣхавъ по дальнему мосту черезъ Черную рѣчку и миновавъ строенія, выходящія на рѣчку съ лѣвой стороны. Экипажи, въ которыхъ пріѣхалъ поэтъ съ секундантомъ и противникъ, только заѣхали за поворотъ и остановились за деревьями. Мѣсто поединка, судя по надписи, было недалеко отъ дороги къ фермѣ комендантской. Деревья въ этомъ мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ дороги довольно большія. Сколько намъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ живописецъ Адріанъ Волковъ, задумавшій писать картину дуэли Пушкина, обратился къ Данзасу съ просьбою указать ему, гдѣ она происходила. Данзасъ возилъ его на мѣсто поединка и Волковъ сдѣлалъ эскизъ масляными красками. У кого этотъ эскизъ находится мы не знаемъ навѣрное, но предполагаемъ, что у Третьякова. Обстановка картины была написана съ натуры. («Новое Время» 1880 г. № 1528).

Въ «Голосѣ», 5-го іюня 1880 г., была помѣщена подробная замѣтка о мѣстѣ поединка Пушкина, сообщенная *Я. А. Исаковымъ* съ планомъ этого мѣста. — Вообще все что явилось въ газетахъ въ текущемъ году по поводу Пушкина заслуживаетъ подробнаго отдѣльнаго обозрѣнія.

Пушкинъ жилъ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, въ нижнемъ этажѣ дома княгини Волконской. У подъѣзда Пушкинъ просилъ Данзаса выйти впередъ, послать людей вынести его изъ кареты, и если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна....

Дальнѣйшія подробности о двухъ послѣднихъ суткахъ жизни Пушкина извѣстны всѣмъ и каждому изъ разсказовъ Данзаса и писемъ Жуковскаго, Даля, Спасскаго и князя П. А. Вяземскаго (это послѣднее было впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIV, (сентябрь) стр. 92—96).

Старанія восьми врачей и хирурговъ [1]) не могли спасти жизни Пушкина—и въ пятницу 29-го января, въ три четверти третьяго часа пополудни онъ скончался. Предсказаніе нѣмки-ворожеи сбылось—Пушкинъ погибъ отъ руки «бѣлаго человѣка»: д'Антесъ былъ бѣлокуръ и носилъ бѣлый мундиръ офицера Кавалергардскаго полка.

Къ вечеру тѣло Пушкина, одѣтое въ его старый, поношенный сюртукъ, лежало на столѣ и надъ нимъ звучалъ унылый, однообразный голосъ псаломщика. Въ это время съ него было сняты два портрета: одинъ покойнымъ Бруни [2]) а другой, ученикомъ К. П. Брюллова Мокрицкимъ [3]). По послѣднему рисунку и двумъ современнымъ гравюрамъ старательно исполненъ для «Русской Старины» рисунокъ на деревѣ художникомъ К. О. Брожемъ. Рисунокъ этотъ гравированъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Рисунокъ Мокрицкаго былъ предъ г. Сѣряковымъ при исполненіи имъ гравюры для «Русской Старины». Гравюра предназначена была еще къ майской книгѣ «Русской Старины»: тяжкій недугъ талантливаго художника причина медленности въ выполненіи этого, особенно интереснаго, художественнаго приложенія къ нашему изданію. Вмѣсто подписи приводимъ слова Жуковскаго, вылившіеся изъ глубины его прекрасной души, въ письмѣ къ С. Л. Пушкину, отцу поэта:

....«Но, что выражалось на лицѣ его, я сказать словами не умѣю.

---

[1]) Арендтъ, Буяльскій, Даль, Задлеръ, Саломонъ, Спасскій, Шольцъ, Шерингъ—девятымъ былъ докторъ, имени котораго Данзасъ не помнитъ.

[2]) Оригиналъ, писанный Бруни, былъ препровожденъ къ Сергѣю Львовичу Пушкину. Литографія съ него принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ. Замѣтимъ, что портреты Пушкина, изданные послѣ его смерти, неохотно одобрялись цензурою; самые разговоры о его дуэли велись чуть ни шопотомъ, вслѣдствіе боязни навлечь гнѣвъ графа Бенкендорфа.

[3]) Мокрицкій со своимъ рисункомъ пріѣхалъ къ Брюллову, у котораго тогда былъ въ гостяхъ П. А. Каратыгинъ. Ему Мокрицкій подарилъ свой рисунокъ, сообщенный въ 1878 году П. А. Каратыгинымъ редакціи «Русской Старины». Оригиналъ исполненъ карандашомъ на листѣ почтовой бумаги большаго формата.

Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое: нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: чтò видишь, другъ? И чтò-бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти».

Жуковскій также послалъ гр. Ростопчиной книжку, приготовленную погибшимъ поэтомъ для своихъ новыхъ стиховъ, и самъ началъ эту книжку стихами:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ.—Голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза;
Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, нò сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что видишь»?

XII.

Гибель великаго поэта послужила первымъ шагомъ къ гибели и для его юнаго преемника, обѣщавшаго Россіи, можетъ быть, втораго. Пушкина.

Вскорѣ послѣ его кончины, именно въ первыхъ числахъ февраля 1837 года, въ высшемъ и въ среднемъ кругахъ стало расходиться во множествѣ списковъ стихотвореніе на смерть великаго поэта... Оно было написано молодымъ гусарскимъ офицеромъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ. Просимъ вновь прочитать эти прекрасныя, всѣмъ извѣстныя на Руси «поминки»:

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

29-го января 1837 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1880 Г.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!.. къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья:
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль, сперва, такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ....
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

* * *

И онъ погибъ,—и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милой,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой!
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душной
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
Онъ—съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновой,
Увитый лаврами, надѣли на него...
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело!
Отравлены его послѣднія мгновенья

Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ
И умеръ онъ, съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!

***

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

***

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата...
Есть грозный судія—онъ ждетъ;
Онъ недоступенъ звону злата;
И онъ мысли и дѣла знаетъ напередъ...
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь;
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихотвореніе Лермонтова, особенно его окончаніе, возмутило именитыхъ покровительницъ и покровителей д'Антеса. Въ лицѣ юнаго поэта, наша знать видѣла живой портретъ самого Пушкина... Доносомъ не замедлили и слѣдующіе документы свидѣтельствуютъ объ энергическихъ мѣрахъ, принятыхъ заботами гр. Бенкендорфа къ укрощенію Лермонтова [1]):

1837 г. № 43. Дѣло о стихахъ корнета Лермонтова на смерть Пушкина и о распространеніи ихъ чиновникомъ 12-го класса Раевскимъ.

«Командующій отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Бистромъ, въ дополненіе записки отъ сего числа за № 78, имѣетъ честь препроводить при семъ къ его сіятельству графу Александру Христофоровичу стихи, писанные корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка Лермонтовымъ, полученные сего числа отъ генералъ-адъютанта Клейнмихеля. № 79.—22-го февраля 1837 г. (Его сіятельству ·фу А. Х. Бенкендорфу).

·мѣты карандашомъ: «П. Ѳ-чъ Вейм. все препр. къ Клейнм.».

---

[1]) выписаны изъ подлиннаго дѣла.

— «Показать Ал. Ил. не найдетъ ли?»

Бумаги отправлены 24-го февраля 1837 г. къ начальнику штаба Петру Өедоровичу Веймарну, при отношеніи отъ графа Бенкендорфа вмѣстѣ съ бумагами чиновника 12-го класса Раевскаго.

Отношеніе военнаго министра графа Чернышева г. шефу жандармовъ и командующему Императорскою главною квартирою (отъ 25-го февраля 1837 г. за № 100).

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнета Лермонтова, за сочиненіе извѣстныхъ вашему сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а губернскаго секретаря Раевскаго, за распространеніе сихъ стиховъ, и въ особенности за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіе одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую губернію, для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго гражданскаго губернатора.

«О таковомъ высочайшемъ повелѣніи увѣдомляя васъ, милостивый государь, имѣю честь присовокупить, что должное по оному распоряженіе сдѣлано [1]).

Помѣта графа Бенкендорфа: «убрать».

Мать Раевскаго, титулярная совѣтница Дарья Раевская, 11-го марта 1837 года, изъ губернскаго города Саратова просила графа Бенкендорфа повергнуть ея прошеніе государю о прощеніи ея сына, «который за распространеніе предосудительныхъ стиховъ, написанныхъ корнетомъ Лермонтовымъ на смерть Пушкина», назначенъ къ отправкѣ въ Олонецкую губернію. Прошеніе передано 2-го апрѣля 1837 года статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову.

---

[1]) М. Ю. Лермонтову посвящена въ «Русской Старинѣ» цѣлая литература. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ этого изданія о немъ было напечатано свыше тридцати статей, изъ которыхъ особенное вниманіе читателей обращаемъ на слѣдующія: Неизданныя стихотворенія, отрывки и письма (2-е изд., 1872 г. Томъ V стр. 284—296). Посланіе Лермонтова (изд. 1873 г. Т. VII, стр. 402). Замѣтки о фамиліи и о предкахъ поэта (изд. 1873 г. Т. VII, стр. 549). Валерикъ—по подлинной рукописи (изд. 1874 г. Т. X, стр. 172—185). Неизданное стихотвореніе 1831 г. (изд. 1875 г. Т. XII, стр. 812—814). Маскарадъ—по неизданной рукописи (изд 1875 г. Т. XIII, стр. 1—56). Наброски стихотвореній и письмо 1831—1841 (стр. 57—60). Воспоминаніе о Лермонтовѣ (стр. 60).—О портретахъ Лермонтова (стр. 66—69). Кромѣ того, при XIII томѣ «Русской Старины», изданія 1875 года, былъ приложенъ хромолитографированный въ Парижѣ, отпечатанный красками, портретъ Лермонтова—по сходству единственный изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ.

Одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ рукописнаго стихотворенія Лермонтова, подавшаго поводъ къ высылкѣ его автора на Кавказъ, по рукамъ ходили во множествѣ списковъ стихи, совершенно въ другомъ родѣ. Авторомъ ихъ былъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, который отнесся къ смерти Пушина съ точки зрѣнія—религіозной [1]...

Несравненно удачнѣе было стихотвореніе также на смерть Пушкина даровитаго поэта Губера, вошедшее въ собраніе его стихотвореній и переводовъ.

Наконецъ, много времени спустя, кончину Пушкина воспѣлъ «сынъ народа»: онъ не осыпалъ упреками знатныхъ виновниковъ смерти великаго поэта, не восхвалялъ высокаго покровителя Пушкина, напомнившаго ему о примиреніи съ небомъ... Онъ оплакалъ обожаемаго имъ русскаго пѣвца, въ своей «думѣ», которая неразлучна съ воспоминаніями о Пушкинѣ. Эта дума—одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній Кольцова.... Ходили также въ рукописяхъ и стихотворенія осуждавшія жену поэта......

Въ первые дни послѣ гибели Пушкина отечественная печать какъ бы онѣмѣла: до того былъ силёнъ гнётъ надъ печатью своенравнаго опекуна надъ великимъ поэтомъ—графа А. Х. Бенкендоффа. Цензура трепетала предъ шефомъ жандармовъ, страшась вызвать его неудовольствіе—за поблажку въ пропускѣ въ печать—словъ сочувствія къ Пушкину. Въ одной лишь газетѣ: «Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду»,—Андрей Александровичъ Краевскій,—редакторъ этихъ прибавленій, помѣстилъ нѣсколько теплыхъ, глубоко прочувственныхъ словъ. Вотъ онѣ въ томъ самомъ видѣ, такимъ же шрифтомъ и въ такой же рамкѣ напечатанныя, какъ явились на послѣдней страницѣ «Литературныхъ прибавленій» (1837 г. № 5):

> **Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! къ этой мысли нельзя привыкнуть!**
>
> **29-го января 2 ч. 45 м. по полудни.**

Эти немногія строки вызвали весьма характерный эпизодъ.

[1]) Стихи его сообщены редакціи изъ Москвы, въ 1877 году, г. П. Семеновымъ, но до того они уже были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ». Впрочемъ, есть указанія, что они написаны не Авраамомъ Сергѣевичемъ, а его братомъ Александромъ, помѣщавшимъ много весьма посредственныхъ хотвореній въ тогдашнихъ альманахахъ.

А. А. Краевскій, на другой же день по выходѣ нумера газеты, былъ приглашенъ «для объясненій» къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа князю М. А. Дундукову-Корсакову, который былъ предсѣд. ценс. комитета. Необходимо замѣтить, что г. Краевскій состоялъ тогда на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, именно помощникомъ редактора журнала министерства и членомъ археограф. коммисіи, будучи, такимъ образомъ, вдвойнѣ зависимымъ отъ министерства: цензура, какъ извѣстно, была въ вѣденіи того же министерства.

— «Я долженъ вамъ передать, сказалъ попечитель г. Краевскому,—что министръ (Сергѣй Семеновичъ Уваровъ) крайне, крайне недоволенъ вами! Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія! «Солнце поэзіи!!» помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался.... въ срединѣ своего великаго поприща!» Какое это такое поприще? Сергѣй Семеновичъ именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ?! Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить великое поприще! Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ таковыхъ публикацій».

А. А. Краевскову — ничего не осталось, чтобъ успокоить «Попечителя», какъ сослаться на то, что Пушкину было, по высочайшей волѣ, поручено составленіе исторіи царствованія Петра Великаго и вотъ едва были собраны имъ матеріалы, едва готовъ онъ былъ писать исторію,—съ поприща этого труда смерть похитила исторіографа и поэта.

Князь М. А. Дундуковъ-Корсаковъ былъ впрочемъ добрый человѣкъ и, безъ всякаго сомнѣнія, передавая нелѣпо-гнусное замѣчаніе Уварова, оставшагося смертельнымъ врагомъ Пушкина и послѣ его роковой смерти,—едва ли въ душѣ раздѣлялъ мнѣніе о немъ Уварова.

Впрочемъ на А. А. Краевскаго за его поклоненіе генію Пушкина было «обращено вниманіе» гр. Уваровымъ еще ранѣе, и вотъ по какому поводу: 4-го января 1837 г. вышелъ первый нумеръ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду», подъ редакціей г. Краевскаго. Новому литературному органу, на зубокъ, Пушкинъ далъ одно изъ прелестнѣйшихъ своихъ стихотвореній: «Аквилонъ». (Собр. соч. Пушкина, изд. 1880 г. томъ I, стр. 454).

Когда г. Краевскій, по выпускѣ перваго нумера своей газеты, представилъ его Уварову, своему начальнику;—тотъ принялъ его

крайне сухо, и по выходѣ изъ кабинета г. Краевскаго, сказалъ бывшему при этомъ кн. М. А. Дундукову-Корсакову:

— «Развѣ г. Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми, столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ».

Къ сказанному должно добавить, что общественное мнѣніе—прямо указывало въ 1837-мъ году на С. С. Уварова какъ на злѣйшаго врага Пушкина........ Было бы крайне желательно, дабы лица близко знавшіе Уварова и владѣющіе матеріалами къ біографіи этого, во всякомъ случаѣ, достопамятнаго человѣка, выяснили-бы отношенія его къ Пушкину.

Съ 1837 года по 1856 годъ, съ котораго у насъ появилась обширная біо-и библіографическая лѣтопись о Пушкинѣ, мы насчитали лишь слѣдующія статьи, относящіяся къ біографіи великаго поэта:

1) Ѳ. Глинка. Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина. М. 1837. 2) Два письма Пушкина («Современникъ» 1838 г. Томъ IX, № 1) 3). А. С. Пушкинъ, біографическій очеркъ («Современникъ» 1838 г. Томъ X, № 2). 4) Воспоминанія о Пушкинѣ А. Грена («Современникъ» 1838 г. Т. XI, № 3). 5) Воспоминаніе о П. (Галатея Раича. 1840 г.). 6) С. Л. Пушкинъ: объ отрывкѣ изъ дневника Пушкина («Современникъ». Томъ XV, № 3, 1840 г.). 7) Рудыковскій: встрѣча съ П. «Русскій Вѣстникъ» 1841 г. Часть I. 8) Портретная и біографическая галлерея. Спб. 1841 г. 9) Замѣтка на статью въ ней. С. Л. Пушкина («Отечественныя Записки» 1841 г. № 4). 10) Уваженіе П. къ стихамъ Батюшкова («Москвитянинъ» 1841 г. книга 3). 11) Для біографіи П. («Москвитянинъ» 1842 г. кн. 3). 12) Альбомныя памяти соч. Иванчина-Писарева (тамъ же). 13) Макаровъ о дѣтствѣ П. («Современникъ» 1843 г., № 3). 14) Рядъ превосходныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843—1846 гг. 15) Рядъ статей Бурачка въ «Маякѣ» 1844 г. 16) Воспоминанія г-жи Фуксъ («Казанск. Губ. Вѣд.» 1844 г. № 2). 17) Баронъ Розенъ: ссылка на мертвыхъ («Сынъ Отечества» 1847 г. іюль). 18) Выдержки изъ дневника о Пушкинѣ В. П. Горчакова («Москвитянинъ» 1850 г. кн. 2). 19) Воспоминанія А. С. Стурдзы («Москвитянинъ» 1851 г. кн. 21). 20) Сельцо Захарово. Н. Берга («Москвитянинъ» 1851 г. кн. 9). 21) «Сюрпризъ» альманахъ кн. Оболенскаго—(воспоминаніе о П.) Спб. 1851. 22) Для біографіи П. («Москвитянинъ» 1852 г., кн. 24). 23) Родъ и дѣтство П. П. Бартенева («Отечественныя Записки» 1853 г., № 11). 24) Л. С. Пушкинъ біографич. извѣстія о П. («Москвитянинъ» 1853 г., № 10). 25) Статьи В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1853 г., №№ 2 и 5, и 1854 г. №№ 1—9). 26) Статья К. Зеленецкаго («Москвитянинъ» 1854 г., № 9). 27) Статьи П. И. Бартенева («Московскія Вѣдомости» 1854 г., № 71, и 1855 г., №№ 142—145). 28) Замѣтка къ нимъ В. Журавлева («Московскія Вѣдомости» 1855 г. № 143). 29) Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. П. В. Анненкова. Сочиненія Пушкина. Томъ I. изд. 1855 года.

СТИХОТВОРЕНІЕ И ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА.

[Сообщилъ П. А. Ефремовъ].

По отпечатаніи и по выходѣ въ свѣтъ I-го тома послѣдняго изда-ія сочиненій А. С. Пушкина, мнѣ привелось увидѣть у И. Ѳ. Зо-ютарева два подлинныхъ автографа Пушкина. Одинъ изъ нихъ аключаетъ извѣстное посланіе къ А. Ѳ. Орлову, до сихъ поръ ечатавшееся со списковъ, какъ нынѣ оказывается, искажен-ыхъ переписчиками, и относимое не къ тому году, въ которомъ ыло написано (1818 вмѣсто 1819 г.). Другой автографъ—письмо ъ А. И. Тургеневу, которое хотя и было напечатано съ той е самой рукописи И. Ѳ. Золотарева въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. № 4), но съ необъяснимою ничѣмъ небрежностью. Именно, е говоря уже о томъ, что въ текстѣ письма вмѣсто «демократа» Іушкинъ называетъ себя у г. Бартенева подражателемъ «Демо-рита», допущена непонятная небрежность въ отношеніи стиховъ исьма: Пушкинъ приводитъ четыре строфы изъ своего «Напо-еона» и именно тѣ, которыя не пропускались цензурою въ преж-ихъ изданіяхъ и внесены вполнѣ только въ послѣднее, но не съ одлинной рукописи, а по списку. Издатель же «Русскаго Архива» апечаталъ только четыре строки и сдѣлалъ выноску: «и такъ алѣе, какъ въ печатномъ, до словъ цѣпи». Оказывается, однако, то въ печатномъ было вовсе не такъ, и рукопись исправляетъ ѣсколько неточностей, такъ что съ возстановленіемъ Пушкинскаго екста указанныя строфы пріобрѣтаютъ болѣе стройности, особенно лагодаря указанію «настоящаго» заключительнаго стиха первой риводимой строфы. Вотъ эти драгоцѣнные автографы:

Къ Орлову.

О, ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О, ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ—
Онъ очень милъ, о томъ ни слова;
Онъ врагъ коварства и невѣждъ.
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ;
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный, обѣщанья
Ему не стоютъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана и усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ!
Надъ озеромъ въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ
И буду ждать. Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани грозный вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей!
Питомецъ пламенной Беллоны
У трона вѣрный гражданинъ!
Орловъ! я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ!

Іюль. 1819.

Письмо къ А. И. Тургеневу.

1-го декабря [1823].

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ «Сынѣ От(ечества)» поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость.
Простите-жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе.... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. Она нехороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы;

Когда надеждой озаренной
От рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ —
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ на-дняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа:

(Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя).

Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды....
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. К(арамзиныхъ). Но, что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, Анти-Польская небесная княгиня Голицына? Возможно-ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принц. Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда-ли, что онъ переводитъ «Гяура»? А я надосугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что въ послѣднемъ письмѣ мы позволили себѣ сдѣлать поправку, основанную на другой бывшей у насъ подлинной рукописи стихотворенія о сѣятелѣ. Вѣроятно, при скорости писанія Пушкинъ пропустилъ въ письмѣ къ Тургеневу девятый стихъ этого стихотворенія, возстановленный нами. Съ вставкою его, какъ и слѣдовало, изъ шести послѣднихъ стиховъ три имѣютъ одну риѳму, и три — другую, безъ него же это единство нарушалось.

П. А. Ефремовъ.

Письмо А. С. Пушкина къ Павлу Борисовичу Мансурову

[1819 г.].

На силу упросилъ я Всеволожскаго [1]), чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкесъ! Здоровъ-ли ты, моя радость; веселъ-ли ты моя прелесть—помнишь-ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу)— —мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ ½ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ—и плачетъ о Кр... [2]) — — — — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему подымаются на нее телескопы — — — но увы...., ты не видишь ее, она не видитъ тебя — Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава Богу, здорово — Актрисы также— . . . . такъ и должно. . . . .
Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однакожъ его вызывалъ за его дурную комедію [3]), а ее за посредственную игру—Tolstoy [4]) боленъ . . . .
Зеленая Лампа [5]) нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь ли ты мой собратъ—напишишь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ

---

[1]) Никита Всеволодовичъ.

[2]) Крыловой, актрисѣ, отличавшейся, сколько извѣстно, болѣе наружностью, чѣмъ искусствомъ. Точки на строкахъ находятся въ самомъ подлинномъ письмѣ. Черточками — — — — — — — — — — — — — означаемъ слова пропущенныя нами какъ вовсе непригодныя для печати.

[3]) «Пустодомы», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, игранная въ первый разъ 10-го декабря 1819 года.

[4]) Яковъ Николаевичъ.

[5]) Извѣстное дружеское общество, къ которому принадлежали и упоминаемыя въ письмѣ лица. Эти послѣднія жили близъ Большаго театра, въ домѣ, кажется, до сихъ поръ уцѣлѣвшемъ (бывшемъ въ недавнее время Галахова).

Я. Г.

поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, лапочка. Пушкинъ.

27-го oct. 1819.

Примѣчаніе. Помѣщаемое здѣсь письмо А. С. Пушкина, принадлежащее къ первому періоду его петербургской жизни, передано мнѣ въ подлинномъ автографѣ Борисомъ Павловичемъ Мансуровымъ. Отецъ его Павелъ Борисовичъ, къ которому оно адресовано, состоялъ въ то время адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ; въ 1812—1814 годахъ онъ былъ ординарцемъ Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конноегерскій полкъ. Въ 1825 году онъ женился и вышелъ въ отставку, позднѣе служилъ одно время въ министерствѣ финансовъ. Достигнувъ глубокой старости, онъ въ настоящее время доживаетъ свой вѣкъ въ деревнѣ.

Сообщ. академикъ Я. К. Гротъ.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ

1820—1830 гг.

Письма Пушкина къ Гнѣдичу, по своей безъискусственной простотѣ и откровенности, представляютъ собою одинъ изъ особенно интересныхъ матеріаловъ для біографіи нашего великаго поэта, а между тѣмъ они почти неизвѣстны біографамъ, потому что являлись разбросанными отрывочно по многимъ изданіямъ и въ разные годы. Между прочимъ шесть изъ нихъ были напечатаны въ журналѣ «Современное Обозрѣніе», въ 1868г., изданіи, прекратившемся на полугодіи и имѣвшемъ очень мало подписчиковъ, такъ что вышедшихъ книжекъ уже давно не встрѣчается въ продажѣ. Поэтому мы сочли не лишнимъ воспроизвести эту переписку, вновь провѣривъ текстъ съ подлинниками, хранящимися у насъ и у П. Я. Дашкова. Переписка начинается коротенькою запиской, писанной передъ самой высылкою Пушкина изъ Петербурга на югъ Россіи, то есть въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1820 г., когда только хлопотамъ П. Я. Чаадаева и заступничеству Н. М. Карамзина Пушкинъ былъ обязанъ, что его не постигло болѣе суровое наказаніе.

П. А. Ефремовъ.

I.

(Безъ означенія мѣста и года).

Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. Пушкинъ.

II.

(Изъ Каменки 1820).

Вотъ уже восемь мѣсяцовъ, какъ я веду странническую жизнь (1), почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго (2). Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь

умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. — Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ. Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическомъ покровительствѣ, я не получилъ (3), но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №—ра Сына (4) доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи (5), котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ и вдохновенныя строфы:

«Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ» и проч.

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. (6), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, нещастной! (что между прочимъ очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этаго нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизкихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста — критика его для меня ужасно какъ тяжка (7). Допрощикъ умнѣе (8), а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ (9). Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для приятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою (10); кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или почти готова (11). Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4-го декабря 1820 г.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ-ли онъ съ Ея В? (12). Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа,—журнала его не видалъ, писемъ также (13).

Мой адресъ: въ Кишиневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

III.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,

Съ Орловымъ (14) спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, которой воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ (15),
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой;—та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца,—гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее—дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно.—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю дру-

зей.—Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи—Что дѣлаетъ Н. М.? (Карамзинъ) здоровы ли онъ, жена и дѣти?—Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale. Пушкинъ.

1821 марта 24 Кишиневъ.

IV.

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale. Пушкинъ.

Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки. Вотъ этотъ черновой оригиналъ:

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было-бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали-бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего Русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ я духа.... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ Кавказскаго плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца....»

V.

(Изъ Кишинева 1822 г.).

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника (16), то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1) Увѣрены-ли вы, что Цензура, поневолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришедствію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное (17), но мнѣ никакъ не льзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Якову Толстому (18) и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка (19), да NB Цензура.

Tout bien vu, не кончить-ли дѣла предисловіемъ. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

> Je n'ai pas mérité
> Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. — А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось-ли мое предсказаніе.

Вы, коего Геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ, о Баратынскомъ также—но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura. Пушкинъ.

13-го мая, Кишиневъ. (1822).

Своего портрета у меня нѣтъ—да на кой чортъ имѣть его.

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это—

> Въ чужбинѣ свято наблюдаю
> Родной обычай старины:
> На волю птичку отпускаю
> На свѣтломъ праздникѣ весны

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За чемъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ С. О.? (20)

VI.

(Изъ Кишинева, 1822 г.).

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго плѣнника. Ваши замѣчанія на счетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Гетовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцелуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ — дурно, очень дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргизъ-Кайсацкій стишокъ слѣдующими: Какой угодно

поцелуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени—конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу, но мало-ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Нельзя-ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя-ли его разшевелить? Нельзя-ли потревожить и Слѣнина, если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана». Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго узника; это не чета Пери (21) и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ

мнѣ о поэмѣ «Родригъ» Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве (22) Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ—а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ Молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то съ нимъ (23) дѣлается—судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать. А. Пушкинъ.

27-го іюня.

VII.

(Изъ Кишинева, 1822 г.).

Пріѣхали плѣнники (24)—и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего (25); признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился;—напримѣръ, еслибъ она перемѣнила стихъ простите, вольныя станицы, то мнѣ было-бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцѣлуй прелесть; ей дней ей-ей неблагозвучнѣе ночей; упоительныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы, дождь и градъ; на долы (26). Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю справедливо-ли (27). Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайной! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасите ради Христа; удержите его, покрайнѣй мѣрѣ до моего пріѣзда, — а я вынырну и явлюсь къ вамъ. — Катенинъ ко мнѣ писалъ, не знаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. А. Пушкинъ.

27-го сентября, Кишиневъ.

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слёнина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе—то я не согласенъ.

VIII.

(Изъ деревни, 1825 г.).

Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова (28). Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.—Пѣсни

Греческія прелесть и tour de force (29). Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать? Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины?...

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвигъ въ нашемъ Отечествѣ (чортъ возьми это Отечество!). Но отдохнувъ послѣ Илліады, что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1.—Много у меня начато; ничего неокончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февраля, день объявленія греческаго
бунта Александромъ Ипсиланти.

IX.

(Въ Петербургѣ. 1830 г.).

Я радуюсь, я щастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени (30). Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Илліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде.

Весь вашъ Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ П. А. ЕФРЕМОВА.

1. Пушкинъ былъ сосланъ на югъ Россіи въ началѣ мая 1820 г., въ половинѣ мая былъ уже въ Екатеринославлѣ, въ концѣ (съ разрѣшенія Инзова) поѣхалъ съ Н. Н. Раевскимъ и его семействомъ на Кавказъ, оттуда (въ августѣ) въ Крымъ и наконецъ (въ сентябрѣ) проводилъ Раевскихъ до села Каменки, подъ Кіевомъ, гдѣ жили ихъ родственники Давыдовы. Потомъ Пушкинъ отправился уже въ Кишиневъ и отсюда опять ѣздилъ въ Каменку и Кіевъ, въ концѣ 1820 и въ началѣ 1821 г.

2. Въ Каменкѣ жила мать героя 1812 г., Н. Н. Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова. Изъ дѣтей ея (Александръ и Василій Львовичи) старшій былъ женатъ на гр. Грамонъ (Аглая).

3. «Русланъ и Людмила», вышедшая съ 1820 г.

4. «Сынъ Отечества».

5. Отрывки напечатаны въ «Сынѣ Отечества», а отдѣльно переводъ не былъ изданъ.

6. А. Ѳ. Воейковъ. Статьи его напечатаны въ № 34—37 «Сына Отечества» 1820 г. Ни г. Анненковъ, ни г. Геннади, не указали Воейкова, тогда какъ на это указано въ самомъ «Сынѣ Отечества» (№ 43, стр. 114).

7. Послѣдній стихъ эпиграммы, приписываемой И. А. Крылову и напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38.

8. Послѣ критики Воейкова въ № 38 «Сына Отечества» напечатано «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», въ которомъ N. N. предлагаетъ Воейкову вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторъ вопросовъ, былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ.

9. «Замѣчанія» на письмо Зыкова напечатаны въ № 41 «Сынѣ Отечества», съ подписью К. Григорій Б—въ. Село Хмарино. Но этимъ полемика не кончилась и въ № 42 были напечатаны новыя «Замѣчанія» въ защиту Воейкова, съ подписью П. К—въ (самъ же Воейковъ), Павловскъ; а въ № 43 помѣщенъ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе Г. К—ва», съ подписью М. К—въ.

10. Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Оленинымъ, рисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

11. «Кавказскій Плѣнникъ».

12. В. А. Жуковскій въ то время состоялъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ. За границу онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ въ началѣ 1821 г.

13. Лицейскій товарищъ Пушкина В. К. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 г., участвовалъ вмѣстѣ съ К. Ө. Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель». Замѣчательно, что и въ этомъ журналѣ поэма «Русланъ и Людмила» не была одобрена за ея «безнравственность».

14. Михаилъ Өедоровичъ, командовавшій тогда дивизіей въ Кишиневѣ, братъ извѣстнаго Алексѣя Өедоровича.

15. Гнѣдичъ началъ было продолжать переводъ «Иліады» Кострова александрійскими стихами съ риөмами, но вскорѣ оставилъ и принялся за переводъ гекзаметрами (безъ риөмъ).

16. Второе изданіе—относится только къ «Руслану и Людмилѣ», а не къ «Кавказскому Плѣннику».

17. Вѣроятно, была переписка о томъ, чтобъ ко второму изданію «Руслана» было приложено предисловіе, на что Гнѣдичъ, по видимому, не соглашался. Въ 1828 году вышло это 2-е изданіе съ обширнымъ предисловіемъ.

18. Отправляясь въ ссылку, Пушкинъ взялъ у Н. В. Всеволожскаго 1,000 р. и за это отдалъ ему для изданія приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право изданія и общій ихъ знакомый Я. Н. Толстой велъ съ Пушкинымъ переговоры. Вѣроятно, дѣло остановилось, какъ только Пушкинъ узналъ, что печатать его стихотворенія предполагается за границею. Изъ слѣдующаго письма видно, какъ это его встревожило.

19. По всей вѣроятности—«Бахчисарайскій Фонтанъ».

20. Это стихотвореніе напечатано было въ «Литературныхъ Листкахъ» Ө. Булгарина 1823 г. № 2, съ замѣною словъ въ 4-мъ стихѣ: при свѣтломъ; въ 6-мъ: за что и въ послѣднемъ: я могъ свободу даровать. Въ слѣдующихъ изданіяхъ вмѣсто: отпускаю — выпускаю. Булгаринъ прибавилъ къ стихотворенію свое примѣчаніе, въ которомъ примѣнилъ его «къ выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ».

21. Жуковскій перевелъ изъ Томаса Мура «Пери и Ангелъ». Стихи эти были напечатаны въ «Сынѣ Отечествѣ», 1821 г., № 20.

22. Пушкинъ въ это время былъ сердитъ на Дмитріева за его нелестный отзывъ о «Русланѣ и Людмилѣ».

23. Съ В. К. Кюхельбекеромъ, о которомъ Пушкинъ вспомнилъ написавъ слово «Молдаванно», потому что оно напоминало ему его же эпиграмму, съ выраженіемъ «Кюхельбекерно».

24. Гнѣдичъ одновременно напечаталъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Шильонскаго Узника». Не только эти двѣ поэмы, но даже «Орлеанская Дѣвственница» Жуковскаго съ трудомъ проходили черезъ тогдашнюю цензуру. Вотъ что писалъ Жуковскій: «Что узникъ? любезный Гандишь! Ты теперь сдѣлался тюремщикомъ. Къ тебѣ пріѣхалъ, говорятъ, съ Кавказа другой прекраснѣйшій узникъ, которому дай ко мнѣ прогуляться, хотя на поруку, а моего продай... И Іоанна попала въ узники и къ такому тюремщику, что уже не видать ей свободы. Мы, кажется, не въ Европѣ, а у.....».

25. Т. е. «Кавказскаго Плѣнника».

26. Всѣ эти опечатки исправлены были въ изд. 1828 г., но въ письмѣ къ кн. Вяземскому, Пушкинъ указалъ еще нѣсколько ошибокъ, оставшихся потомъ не исправленными (Р. Архивъ 1874 г., №1). Цензурою было измѣнено между прочимъ:

«Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала».

Вмѣсто:

«Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала».

Кромѣ того были исключены восемь стиховъ изъ 1-й части поэмы, оставшіеся не внесенными и въ слѣдующія изданія, кромѣ вышедшаго въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ. Именно, послѣ стиховъ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
«Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ».

27. Къ этому изданію былъ приложенъ портретъ молодаго Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою издателей, въ которой, между прочимъ, сказано: «они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ». Превосходный снимокъ, геліографическій, съ этого портрета приложенъ при апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1879 г.

28. Первая глава «Онѣгина вышла въ Петербургѣ», въ началѣ 1825 г. Цензурное разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 24-го декабря 1824 г. Шишковъ былъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

29. Пушкинъ говоритъ о вышедшей тогда книгѣ: «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ, съ подлинникомъ. Изд. и перев. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ» (С.-Пб., 1825 г.).

30. Замѣтка о выходѣ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича была помѣщена Пушкинымъ въ № 2 «Литературной Газеты» 1830 г.

П. А. Ефремовъ.

ЖОБАРЪ И ПУШКИНЪ

1836 г.

М. А. Веневитиновъ предоставилъ въ мое литературное распоряженіе цѣлую пачку документовъ по дѣлу профессора Жобара. Съ благодарностью пользуясь даннымъ мнѣ правомъ, спѣшу сообщить изъ этого дѣла нѣсколько документовъ, открывающихъ еще одну печальную страницу въ исторіи послѣднихъ дней Пушкина, когда испытанія и потрясенія падали на измученную душу поэта даже съ такихъ сторонъ, откуда не только нельзя было ихъ ожидать, но и существованія которыхъ невозможно было подозрѣвать. Одинъ изъ такихъ «камней на голову» упалъ изъ рукъ Жобара.

Имя Жобара едва-ли кому изъ читателей извѣстно, а между тѣмъ ему суждено было прибавить не малую каплю горечи къ той чашѣ страданій, которую испивалъ поэтъ, и можетъ быть, косвенно, безъ знанія и намѣренія, повліять и на самый трагическій исходъ его жизни. Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности. Не будемъ передавать всей его исторіи, которая со временемъ представитъ любопытный эпизодъ для характеристики администраціи 1830-хъ годовъ въ области просвѣщенія и правосудія, частію потому, что она не вся и не вполнѣ намъ извѣстна, частію потому, что и въ этихъ отрывкахъ она представляется безконечно длинною и чрезвычайно сложною. Ограничимся только краткимъ перечнемъ главнѣйшихъ фактовъ его біографіи, пользуясь послужнымъ спискомъ, который онъ самъ издалъ въ 1854 году, въ Вѣнѣ, подъ громкимъ заглавіемъ: Extrait de mes mémoires sur la Russie. Альфонсъ Жобаръ (Jobard) родился въ 1793 году во Франціи, воспитывался сначала въ Лангрѣ (Langres), потомъ въ митавской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, въ 1817 году, сдѣлался учителемъ французскаго языка въ рижской гимназіи. Затѣмъ, въ 1820 году, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Смольный институтъ, состоявшій подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ которой, за свою службу, удостоился получить золотую табакерку. Здѣсь же познакомился онъ съ Магницкимъ, который, въ 1822 году, назначилъ его въ казанскій университетъ профессоромъ словесности греческой, латинской и французской, съ удвоеннымъ окладомъ жалованья. Из-

вѣстно, что такое былъ казанскій университетъ подъ управленіемъ Магницкаго. Въ это-то гнѣздо произвола, интригъ, ссоръ, зависти и вражды попалъ Жобаръ. Трудно было найти человѣка, болѣе способнаго еще сильнѣе разжечь страсти и усилить волненія. Жобаръ принадлежалъ къ числу людей, страдающихъ, если можно такъ выразиться, нравственнымъ дальтонизмомъ. Такіе люди не только не замѣчаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ въ нравственномъ мірѣ, но иногда всѣ явленія его видятъ только въ одномъ какомъ нибудь цвѣтѣ. Они бываютъ сухи душой, черствы сердцемъ. Это однако же не исключаетъ въ нихъ возможности самой пылкой, горячей страсти. Только эта страсть, направленная не на предметы чувства, а на отвлеченныя теоретическія идеи, создаетъ изъ нихъ фанатиковъ. Люди для нихъ не существуютъ: это только символы преслѣдующей ихъ идеи. Они не знаютъ ни прощенія, ни пощады, ни снисхожденія. Они не способны ни понять другаго человѣка, объяснивъ себѣ его побужденія, ни принять во вниманіе его интересы, когда съ нимъ сталкиваются, ни, тѣмъ болѣе, подумать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ для другихъ людей. Для нихъ нѣтъ ни оцѣнки, ни выбора средствъ: всякое средство хорошо, коль скоро оно логически ведетъ къ цѣли. Не будучи ни сколько лицемѣрами, напротивъ искренніе въ своемъ убѣжденіи (правомъ или неправомъ—этого они не разбираютъ), они безсознательно слѣдуютъ езуитскому принципу. Безпощадные, какъ логики, упрямые, какъ теоретики, эти люди не имѣютъ никакихъ интересовъ внѣ своей идеи и бываютъ готовы выдержать за нее самую упорную борьбу, вытерпѣть всевозможныя страданія. За то въ защитѣ своей идеи они обнаруживаютъ изумительную силу ума, самую изворотливую діалектику, несокрушимую послѣдовательность, неистощимую изобрѣтательность. Для Жобара, такою властвующею идеею, была идея формальной справедливости. Онъ не зналъ, что справедливость есть только внѣшнее выраженіе другаго, болѣе широкаго и внутренняго требованія человѣческой природы—нравственной правды. Жобаръ зналъ только законъ, и притомъ законъ писанный, и, внѣ его, не признавалъ ничего. Еще въ 1854 году онъ не переставалъ требовать отъ русскаго правительства 200,000 фр. жалованья за тѣ годы, когда онъ не только не читалъ лекцій въ университетѣ, но даже и не жилъ въ Казани, основываясь на томъ, что онъ не былъ формально уволенъ въ отставку и слѣдовательно имѣлъ право и на званіе дѣйствительнаго профессора и на соединенное съ этимъ званіемъ жалованье. Не удивительно, что жизнь такого человѣка полна противорѣчій. Многіе его поступки носятъ безспорно отпечатокъ высокой честности, но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ дѣйствія до того низкія и недо-

стойныя, что затрудняемся приписать ихъ одному и тому же лицу. Строгій въ жизни или, лучше сказать, совершенно ей чуждый (tout moine que vous êtes—писалъ къ нему Магницкій), и обладая въ тоже время избыткомъ здоровья и физической силы, Жобаръ доходилъ до неистовства въ защитѣ своей идеи (votre grande santé, qui vous échauffant vous fait agir avec une violence—Магницкій въ томъ же письмѣ). Директоръ университета, Никольскій, такъ описываетъ одну изъ совѣтскихъ сценъ: «лицо Жобара, и въ спокойномъ положеніи, всегда красное, горѣло; глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ, какъ у оратора въ народномъ собраніи». «У меня самого», наивно (или коварно?) прибавляетъ Никольскій, «трепетало сердце при этомъ страшномъ зрѣлищѣ» [1]). Принятый сначала съ величайшимъ почетомъ, какъ лицо, близкое къ попечителю, Жобаръ скоро разошелся и съ товарищами по университету и, даже, съ своимъ покровителемъ. Послѣ ревизіи астраханской гимназіи, гдѣ Жобаръ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія, началась его ожесточенная и безконечная борьба, сначала съ Магницкимъ, а потомъ, послѣдовательно, со всѣми министрами народнаго просвѣщенія: кн. Ливеномъ, Уваровымъ. Мы не знаемъ, какія особенныя причины предубѣждали Уварова противъ Жобара, но именно Уварова послѣдній считалъ своимъ величайшимъ врагомъ. Еще Магницкій пустилъ въ ходъ мысль о «разстройствѣ идей» Жобара; этою мыслію воспользовался и Уваровъ, когда Жобаръ 2-го мая 1835 года успѣлъ, гдѣ-то на улицѣ Петербурга, подать императору Николаю Павловичу слѣдующую записку:

Sire,

Daignez m'entendre.

Jobard.

Но, Жобаръ добился освидѣтельствованія въ московскомъ губернскомъ правленіи, присутствіе котораго, 20-го іюля 1835 года, нашло его «совершенно въ здравомъ состояніи разсудка». Послѣ этого, ожесточеніе Жобара не знало предѣловъ. Къ Пасхѣ 1836 года, онъ послалъ Уварову и распространилъ въ публикѣ письмо подъ заглавіемъ: «Mon oeuf de Pâques», въ которомъ пытался доказать, что ученые труды Уварова, какъ-то: изслѣдованіе объ элевзинскихъ таинствахъ и др., принадлежали не ему, а профессору Грефе. Не трудно видѣть, какъ долженъ былъ отравлять жизнь министру такой ожесточенный и неотвязчивый врагъ.

---

[1]) Е. М. Θеоктистовъ: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи I. Магницкій. О Жобарѣ стр. 109—123.

Въ самый разгаръ этого ожесточенія появилась извѣстная ода Пушкина: «На выздоровленіе Лукулла», направленная, какъ того не отрицаетъ и самъ Пушкинъ, на Уварова. Опять-таки мы не знаемъ, чѣмъ было вызвано появленіе и напечатаніе этой оды; во всякомъ случаѣ она имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія для поэта, такъ какъ окончательно возстановила противъ него Уварова, который давно уже питалъ къ нему явное нерасположеніе. Эта ода навлекла на Пушкина тотъ серьезный и холодный выговоръ, который онъ долженъ былъ съ покорностью принять отъ князя Репнина [1]). Наконецъ, какъ можно заключать изъ нижеслѣдующаго письма Пушкина, она вызвала даже неудовольствіе Государя. Среди тревогъ своей жизни, Пушкинъ, конечно, желалъ, чтобы эта вспышка была какъ можно скорѣе забыта. Но тутъ-то его злымъ геніемъ и явился Жобаръ. Въ своемъ неразборчивомъ бѣшенствѣ онъ ухватился за оду Пушкина, какъ за средство, чтобы еще разъ уколоть своего врага. Онъ перевелъ эту оду на французскій языкъ и послалъ къ Уварову (раньше или позже Пасхальнаго яйца трудно понять, но, по всей вѣроятности раньше), испрашивая его разрѣшеніе напечатать въ Бельгіи свой переводъ «съ объяснительными примѣчаніями». Излишне прибавлять, на сколько этотъ случай содѣйствовалъ улучшенію отношеній между Уваровымъ и Пушкинымъ. Послѣ этого объясненія, приводимъ самые документы:

I.

EPITRE A M-r OUVAROFF

Ministre de l'instruction publique, Président de l'académie des sciences, auteur de commentaires savants sur les classiques anciens, traducteur de la querelle des Slaves etc. etc.

Protecteur des beaux arts, grand Mécène du Nord,
Ma muse, en ton honneur, vient de faire un effort:
In tenui labor, at tenuis non gloria; du sage
Je chante les hauts faits: accepte cet hommage,
Grand Ministre, et bientôt l'Europe et ses savants
Sauront apprécier tes vertus, tes talents.

Oui, Monsieur, à la lecture de la poésie ci-jointe dont Pouchkine votre poète de prédilection vient d'enrichir la littérature russe, l'enthousiasme s'est emparé de mon âme, et quoique, j'aie depuis longtemps perdu l'usage de mesurer mes discours, je n'ai pu m'empêcher de mettre

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 года, томъ XXVIII (іюнь), стр. 318—321.

en vers français cette ode admirable, que lui a sans doute inspirée la protection spéciale dont Votre Excellence daigne honorer les fils d'Apollon.

Désirant attirer aussi sur ma muse inconnue un regard favorable du Mécène du Nord, je prends la liberté de déposer au pied de l'Hélicon, sa demeure inaccessible [1]), la traduction française du dernier chant du Pindare russe, de cet enfant chéri des muses.

Votre Excellence ayant daigné naguère Elle même mettre en vers français la querelle des Slaves [2]) j'ose espérer qu'Elle voudra bien agréer cet hommage de la part du plus respectueux, du plus dévoué de ses subordonnés.

Etant bien résolu de faire connaitre à l'Europe cette pièce extraordinaire, je me propose de l'adresser à mon frère, lithographe, imprimeur, libraire et redacteur de l'Jndustriel à Bruxelles, avec tous les commentaires que peut réclamer l'intelligence du text: mais avant de faire cette démarche, j'ai cru devoir soumettre ma traduction au jugement de Votre Excellence et lui demander son autorisation à ce sujet. J'ose espérer que Votre Excellence saura apprécier la pureté de mes intentions, daignera m'honorer d'une réponse favorable, et accordera peut-être même une audience au plus sincère admirateur de ses vertus et de ses talents au plus respectueux, au plus dévoué de ses subordonnés A. Jobard, Professeur ordinaire actuel de litterature grecque, latine et française près l'université de Kasan, de la 7-ième classe et chevalier de l'ordre de St Vladimir de la 4-ième classe.

Moscou, le 13 Janvier 1836.

II.

ODE.

Sur la guérison de Luculle, imité d'Horace par A. P.

I.

Tu te mourais, jeune richard,
Et malgrè les secours de l'art,
La mort au teint pâle et livide
Sur la trame de tes beaux jours
Etendait une main avide
Et, sourde aux cris de tes entours,
Sur toi d'un bras impitoyable
Brandissait sa faulx redoutable.

---

[1]) Жобаръ неоднократно добивался свиданія съ Уваровымъ, но его просьбы объ этомъ оставались со стороны Уварова безъ всякаго отвѣта.

[2]) Вѣроятно «Клеветникамъ Россіи». Объ этомъ переводѣ гр. Уварова ничего неизвѣстно.

II.

Atterrés et sans espérance,
Les fils d'Hippocrate, en silence
De l'art consultant les secrets,
T'ouvraient les secours de la vie,
De la mort bravaient les décrets.
Tes amis, tes serfs, ta patrie
Pour toi de leurs pleurs, de leurs voeux
Sans cesse importunaient les cieux.

III.

Déjà ton héritier, ainsi qu'un vil corbeau,
Qui dévore sa proie enlevée au tombeau,
Livide et frémissant d'une soif criminelle,
Convoitait en son coeur ta dépouille mortelle;
Et son seing odieux, empreint sur tes lambris,
Trahissait de l'honneur sa haine et son mépris.
Délirant dans les feux d'une cruelle attente,
Il comptait tes trésors d'une main palpitante.

IV.

«Desormais», pensait-il en son étroit cerveau,
«Je n'irais plus, des grands flattant les vils caprices,
«De leurs enfants criards balancer le berceau;
«D'autres, plus vils encore, m'offriront leurs services.
«Me voilà donc enfin haut et puissant seigneur,
«Et n'ai plus maintenant que faire de l'honneur:
«Pourtant je cesserai d'escroquer ma pouponne
«Et ne volerai plus le bois de la couronne».

V.

Tu revis: tes amis, accourant pleins de joie,
Te pressent dans leurs bras, et les vasseaux heureux
S'embrassent d'allegresse et rendent grâce aux cieux;
A un transport des plus vifs ton Esculape en proie
Triomphe de ta mort, s'applaudit de son art;
Le fossoyeur, déçu, baisse un triste regard:
Celui, qui convoitait ton immense héritage,
Chassé par les valets,—a la honte en partage.

VI.

Enfin la vie, ainsi que tous ses charmes
Te sont rendus; c'est un don précieux;
Sache en jouir, mets fin à nos alarmes,
De tes amis écoute aussi les voeux:
Elle s'écoule aride, infructueuse;
Rends la fertile, et sans autre examen,
Prends une épouse et belle et vertueuse;
Le ciel, crois—moi, bénira ton h y m e n.

[Переводъ] Посланіе къ г-ну Уварову, министру народнаго просвѣщенія, президенту академіи наукъ, автору ученыхъ примѣчаній къ древнимъ классикамъ, переводчику оды: Клеветникамъ Россіи и пр. и пр.

Покровитель искусствъ, великій сѣверный Меценатъ,
Въ честь тебя вдохновляется моя муза:
In tenui labor, at tenuis non gloria: мудреца
Пою великіе подвиги: прими этотъ знакъ почтенія,
Великій министръ, и скоро Европа и ея ученые
Научатся цѣнить твои добродѣтели, твои таланты.

Да, м г., восторгъ овладѣлъ душой моей, когда я прочиталъ прилагаемое стихотвореніе, которымъ вашъ любимецъ Пушкинъ только что обогатилъ русскую словесность, и хотя я ужъ давно отвыкъ влагать въ стѣсненные размѣры свою рѣчь, тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться и переложилъ во французскіе стихи эту удивительную оду, внушенную, безъ сомнѣнія, тѣмъ особымъ покровительствомъ, какимъ ваше превосходительство удостоиваете чтить сыновъ Аполлона.

Желая привлечь и на мою невѣдомую музу благосклонный взоръ сѣвернаго мецената, я осмѣливаюсь почтительно сложить у подошвы Геликона, его недоступной обители, французскій переводъ послѣдней пѣсни русскаго Пиндара, этого баловня музъ.

Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство, который недавно сами удостоили перевести на французскій языкъ: «Клеветникамъ Россіи», соблаговолите принять это приношеніе почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ вашихъ подчиненныхъ.

Твердо рѣшившись познакомить Европу съ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ, я предполагаю переслать въ Брюссель моему брату, литографу, типографу, издателю и редактору «Индюстріеля», этотъ переводъ съ примѣчаніями, какихъ можетъ потребовать уразумѣніе текста; но прежде, чѣмъ это сдѣлать, я счелъ долгомъ подвергнуть мой переводъ сужденію вашего превосходительства и испросить на это вашего разрѣшенія.

Позволяю себѣ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните чистоту моихъ намѣреній, соблаговолите почтить меня благопріятнымъ отвѣтомъ, а, можетъ быть, удостоите и личнаго свиданія почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ подчиненныхъ.

А. Жобаръ,

дѣйствительный ординарный профессоръ греческой, латинской и французской словесности въ Казанскомъ университетѣ, чиновникъ 7-го класса и кавалеръ ордена св. Владиміра 4-й степени.

Москва. 13-го января 1836 года.

III.

На выздоровленіе Лукулла [1]).

(Подражаніе латинскому).

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужь смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что̀ сулили
Имъ тайныя судьбы.
А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.
Онъ мнилъ: «Теперь ужь у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»
Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ приказчикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

---

[1]) Эта ода была впервые напечатана во 2-й сент. книжкѣ «Москов. наблюдателя» 1835 г. и затѣмъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. № 12 откуда мы ее и перепечатываемъ. В. Н.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ.
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену-красавицу -и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

А. Пушкинъ.

Посылая свое письмо къ Уварову, Жобаръ, въ тоже время сообщилъ копію съ него и Пушкину. Письмо Жобара къ Пушкину не сохранилось, но вотъ отвѣтъ на него А. С. Пушкина:

IV.

Письмо А. С. Пушкина къ А. Жобару.

«Monsieur, J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater, que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

«La bienveillance, que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique, vous semblez disposè à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires, dites vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis faché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production, qui sans cela tombera dans l'oubli, qu'elle mérite. J'ose espérer, que vous ne me refuserez pas la grâce, que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

«J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très-humble et très-obeissant serviteur, A. Pouchkine».

24 Mars, 1836.
St. Petersbourg.

[Переводъ]. М. Г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, М. Г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Честь имѣю быть вашимъ, милостивый государь, нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

24-го марта 1836 года
С.-Петербургъ.

Разумѣется, письмо Пушкина могло остановить печатаніе [1]) оды, но оно уже было безсильно устранить дѣйствіе, произведенное Жобаромъ на Уварова, да къ тому же и года не прошло послѣ этой переписки, какъ для Пушкина стали безразличны и открытые враги, и услужливые друзья въ родѣ Жобара.

Сообщ. В. В. Никольскій.

---

[1]) Жобаръ дѣйствительно не напечаталъ своего перевода, да едва ли и имѣлъ серьезное намѣреніе это сдѣлать. Иначе онъ могъ бы поднести Уварову печатный экземпляръ. Для него было достаточно уязвить врага хотя бы пустою угрозою. В. Н. По настоянію Уварова—Жобаръ былъ высланъ изъ Россіи немедленно, что онъ и обозначалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ. Таковую карточку «высланнаго изъ Россіи» Жобаръ оставилъ у кн. П. А. Вяземскаго. П. В.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ А. С. ПУШКИНЫМЪ.

(Изъ Воспоминаній Александры Михайловны Каратыгиной).

I.

Въ 1879 году, на страницахъ «Русской Старины» [1]) была напечатана эпиграмма, написанная на меня Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ лѣта нашей съ нимъ юности. Стихотвореніямъ подобнаго рода знаменитый нашъ поэтъ не только не придавалъ никакого значенія, но всего чаще, по минованіи его безотчетной досады на лицъ, не только совершенно безвинно но и по дѣломъ имъ уязвленныхъ, спѣшилъ залечить уколъ своей сатиры какимъ нибудь любезнымъ мадригаломъ, или хвалебнымъ диѳирамбомъ.... То же самое было и со стихами, которыми поэтъ, ни за что, ни про что, ядовито посмѣялся надо мною въ роли «Эсѳири»: его «Посланіе къ П. А. Катенину»:

«Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ».....

должно было изгладить злую эпиграмму изъ памяти лицъ, которымъ Пушкинъ читалъ ее; меня самое она болѣе смѣшила, нежели огорчала; и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я не обратила бы особеннаго вниманія на эту эпиграмму, явившуюся въ печати, еслибы это появленіе не было нарушеніемъ слова, даннаго мною Пушкину— никогда не вспоминать о ней. На эту строгость въ исполненіи даннаго слова мнѣ могутъ возразить напоминаніемъ о давности време-

---

[1]) «Русская Старина», изданіе 1879 года, томъ XXV: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», стр. 380.

ни... Но Пушкинъ—внѣ законовъ давности: безсмертный въ памяти всей Россіи, онъ долженъ оставаться чистъ и безукуризненъ въ глазахъ потомства! Стихи, которыхъ онъ, впослѣдствіи, самъ стыдился, не должны входить въ собраніе его сочиненій, какъ бы мы ни дорожили его памятью.... Скажу болѣе: самое уваженіе къ памяти Пушкина требуетъ умолчанія о тѣхъ изъ его мелкихъ стихотвореній, которымъ онъ самъ не придавалъ никакой цѣны [1]).

Какъ бы то ни было, но эпиграмма на мой третій дебютъ въ роли «Эсѳири» (3-го января 1819 года) напечатана въ весьма распространенномъ, уважаемомъ публикою изданіи; перепечатана во всѣхъ нашихъ газетахъ. Эта огласка вызываетъ меня припомнить давно минувшее время и на страницахъ той же уважаемой «Русской Старины» передать небольшой разсказъ о моемъ знакомствѣ съ незабвеннымъ А. С. Пушкинымъ.

Готовясь къ дебюту подъ руководствомъ князя Шаховскаго (о которомъ такъ много любопытныхъ разсказовъ въ «Запискахъ» моего покойнаго деверя П. А. Каратыгина, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»), я иногда встрѣчала Пушкина у него въ домѣ. Князь съ похвалою отзывался о дарованіи этого юноши, не особенно красиваго собою, рѣзваго, вертляваго; почти мальчика.... «Сашу Пушкина» онъ рекомендовалъ своимъ гостямъ покуда только—какъ сына Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; лишь черезъ пять лѣтъ, для этого «Саши» наступила пора обратной рекомендаціи и о родителяхъ его говорили: «они отецъ и мать Пушкина»; ихъ озарилъ отблескъ славы геніальнаго сына. Знакомцы князя Шаховскаго: А. С. Грибоѣдовъ, П. А. Катенинъ, А. А. Жандръ ласкали талантливаго юношу, но покуда относились къ нему, какъ старшіе къ младшему: онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и какъ бы гордился ихъ пріязнью. Понятно, что въ ихъ кругу, Пушкинъ не занималъ перваго мѣста и почти не имѣлъ голоса. Изрѣдка, къ слову о театрѣ и литературѣ, будущій геній смѣшилъ ихъ остроумною шуткой, экспромтомъ или справедливымъ замѣчаніемъ, обличавшимъ его тонкій эстетичесій вкусъ и далеко не юношескую наблюдательность.

Встрѣчаясь у князя Шаховскаго мы взаимно не обращали другъ на друга особеннаго вниманія; а между тѣмъ семейство Пушкиныхъ, жившее тогда въ домѣ рядомъ съ графинею Екатериною Марковною

---

[1]) Писано Александрою Михайловною Каратыгиною въ концѣ 1879 г. не задолго до ея кончины. Ред.

Ивеличъ (на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста) было точно также близко знакомо съ нею, какъ и мы съ матушкою. Пушкины и графиня Ивеличъ на Страстной недѣли говѣли вмѣстѣ съ нами въ церкви театральнаго училища (на Офицерской улицѣ, близъ Большаго театра). Помню какъ графиня Екатерина Марковна разсказывала мнѣ, что Саша Пушкинъ, видя меня глубоко ростроганною за всенощною Великой Пятницы, при выносѣ святой плащаницы, просилъ сестру свою, Ольгу Сергѣевну, напомнить мнѣ, что ему очень больно видѣть мою горесть, тѣмъ болѣе, что Спаситель воскресъ; о чемъ же мнѣ плакать? Этой шуткой онъ, видимо, хотѣлъ обратить на себя мое вниманіе; самъ же, конечно, не могъ быть равнодушіенъ къ шестнадцати-лѣтней дѣвочкѣ.

— Vous aviez seize ans, lorsque je vous ai vue, говорилъ онъ мнѣ впослѣдствіи—pourquoi ne me l'avez vous pas dit.

— Et alors? смѣялась я ему.

— C'est que j'adore ce bel âge! [1])

Въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ жестоко нападаетъ на альбомы провинціальныхъ барышень и великосвѣтскихъ барынь:

...«Разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей»...

но, въ то время, альбомъ былъ такой же неизбѣжной принадлежностью каждой барышни, какъ во времена нашихъ бабушекъ—опахала. Я завела себѣ хорошенькій альбомъ еще въ бытность мою въ пансіонѣ. Бережливости ради, я обложила его сафьянный переплетъ листомъ чистой бумаги. Впослѣдствіи эту обертку и я сама и мои подруги испестрили разными росчерками, «пробами пера», карикатурными рожицами.... Разъ, бывши въ гостяхъ у графини Ивеличъ, Пушкинъ увидалъ мой альбомъ и принялся его разсматривать; потомъ началъ приставать къ графинѣ, чтобы она, тайкомъ отъ меня, одолжила ему этотъ альбомъ на нѣсколько времени, обѣщая написать въ него стихи и что нибудь нарисовать.... Графиня уступила его просьбамъ. Пушкинъ сдержалъ свое обѣщаніе: исписалъ нѣсколько страницъ очень милыми стихами, и что-то нарисовалъ.... Груст-

[1]) — Вамъ было шестнадцать лѣтъ, когда я васъ видѣлъ; зачѣмъ вы мнѣ не сказали, что вамъ шестнадцать лѣтъ?

Что же изъ этого?

— То́, что я обожаю этотъ прелестный возрастъ!

но мнѣ каяться въ моемъ вандализмѣ: впослѣдствіи я затеряла этотъ альбомъ, не придавая ни стихамъ, ни рисункамъ Пушкина никакого значенія!!! Такъ, увы, въ большинствѣ случаевъ относятся современники геніальныхъ писателей къ ихъ автографамъ: не дорожатъ ими, не сберегаютъ ихъ; тогда какъ потомство вполнѣ справедливо считаетъ безцѣннымъ малѣйшій лоскутъ бумаги, къ которому прикасалась рука творца «Руслана», «Онѣгина», «Кавказскаго плѣнника»... Но, стихами и рисунками въ моемъ альбомѣ Пушкинъ не ограничился. Онъ имѣлъ терпѣніе скопировать всѣ росчерки и наброски перомъ на бумажной обложкѣ переплета: подлинную взялъ себѣ, а копіею подмѣнилъ ее и такъ искуссно, что мы съ графинею долгое время не замѣчали этого «подлога»....—«Зачѣмъ вы это сдѣлали?»—спрашивали мы его.

— «Старую обложку я оставилъ себѣ на память!» смѣялся милый шалунъ.

Наконецъ онъ познакомился съ нами и сталъ довольно часто посѣщать насъ. Мы съ матушкой отъ души его полюбили. Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ «Саша Пушкинъ», бывая у насъ смѣшилъ своею рѣзвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубки гарусу въ моемъ вышиваньи; разбросаетъ карты въ гранъ-пасіансѣ, раскладываемомъ матушкою.... «Да уймешься ли ты, стрекоза!» крикнетъ бывало моя Евгенія Ивановна—«перестань, наконецъ!» Саша минуты на двѣ пріутихнетъ, а тамъ опять начинаетъ проказничать. Какъ-то, матушка, пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: «остричь ему когти»—такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку», сказала она мнѣ взявъ ножницы—«а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижаютъ и до слезъ разсмѣшилъ насъ.... Однимъ словомъ, это былъ сущій ребенокъ, но истинно благовоспитанный—enfant de bonne maison.

Въ 1818 году, послѣ жестокой горячки, ему обрили голову и онъ носилъ парикъ. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физіономіи и не особенно ее красило. Какъ-то, въ Большомъ театрѣ, онъ вошелъ къ намъ въ ложу. Мы усадили его, въ полной увѣренности, что здѣсь нашъ проказникъ будетъ сидѣть смирно.... Ничуть не бывало! Въ самой патетической сценѣ, Пушкинъ, жалуясь на жару, снялъ съ себя парикъ и началъ имъ обмахиваться

какъ вѣеромъ.... Это разсмѣшило сидѣвшихъ въ сосѣднихъ ложахъ, обратило на насъ вниманіе и находившихся въ креслахъ. Мы стали унимать шалуна, онъ же со стула соскользнулъ на полъ и сѣлъ у насъ въ ногахъ, прячась за барьеръ; наконецъ, кое-какъ надвинулъ парикъ на голову, какъ шапку: нельзя было безъ смѣха глядѣть на него! Такъ онъ и просидѣлъ на полу во все продолженіе спектакля, отпуская шутки на счетъ піэсы и игры актеровъ. Можно ли было сердиться на этого забавника?

Но за что Пушкинъ могъ разсердиться на меня, чтобы, послѣ нашихъ добрыхъ отношеній, бросить въ меня пасквилемъ? Нѣтъ дѣйствія безъ причины и въ данномъ случаѣ, какъ я узнала впослѣдствіи, причиною озлобленія Пушкина была нелѣпая сплетня, выдуманная на мой счетъ какимъ-то «доброжелателемъ». Говоря о Пушкинѣ у князя Шаховскаго, Грибоѣдовъ назвалъ поэта «мартышкой» (un sapajou). Пушкину перевели будто бы это прозвище было дано ему—мною! Плохо же онъ зналъ меня, если могъ повѣрить, чтобы я позволила себѣ такъ дерзко отозваться о немъ, особенно о его наружности; но, какъ быть! Раздраженный, раздосадованный, не взявъ труда доискаться правды, поэтъ осмѣялъ меня (въ 1819 г.) въ своемъ пасквилѣ [1]). Катенинъ и Грибоѣдовъ пеняли ему, настаивали на томъ, чтобы онъ извинился передо мною;—укоряя его, они говорили, что выходка его тѣмъ стыднѣе, что ее могутъ приписать угодливости поэта «Клитемнестрѣ» (такъ называли они К. С. Семенову). Пушкинъ сознался въ своей опрометчивости, ругалъ себя и намѣревался ѣхать ко мнѣ съ повинной.... Но тутъ послѣдовала его высылка изъ Петербурга и въ теченіе семи или восьми лѣтъ, мы съ нимъ не видались. Далѣе я разскажу о нашей встрѣчѣ послѣ этой долгой разлуки; теперь же, къ слову, припомню о Катеринѣ Семеновнѣ Семеновой.

Никогда, во все продолженіе одновременной моей службы съ Семеновою, я не унижала себя завистью, и, еще того менѣе—со-

---

[1]) Напомнимъ эту эпиграмму, изъ «Русской Старины» перешедшую уже въ I-й томъ «Собранія сочиненій А. С. Пушкина», изд. 1880 г. стр. 228 и 541:

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

перничествомъ съ нею. Одаренная громаднымъ талантомъ, но равномѣрно ему и себялюбивая, Семенова желала главенствовать на сценѣ.. Желаніе неисполнимое! Превосходная трагическая актриса, она была невозможна въ высокой комедіи и современной драмѣ (la haute comédie et le drame moderne), т. е. именно въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ я заслуживала, лестное для меня, одобреніе публики.. Каждому свое! Неподражаемая Федра, Клитемнестра, Гекуба, Медея — Семенова не могла назваться безукоризненною въ роляхъ Моины, Химены, Ксеніи, Антигоны, Ифигеніи. П. А. Каратыгинъ, въ своихъ «Запискахъ» разсказываетъ, какъ однажды, Катерина Семеновна Семенова и Софья Васильевна Самойлова играли наивныхъ дѣвочекъ въ комедіи И. А. Крылова «Урокъ дочкамъ» [1]); въ другой разъ, по той же шаловливости, Семеновой вздумалось играть роль субретки Саши въ «Воздушныхъ замкахъ» Н. И. Хмѣльницкаго... Оно, дѣйствительно, было очень смѣшно; но съ тѣмъ вмѣстѣ это было глумленіе самой актрисы надъ собственнымъ талантомъ и надъ сценическимъ искусствомъ... Ни за какія блага въ мірѣ я не позволила бы себѣ, въ бытность мою на сценѣ, играть роль въ какомъ-нибудь водевилѣ!

Впослѣдствіи времени, когда Катерина Семеновна, тогда уже княгиня Гагарина, пріѣзжала въ Петербургъ изъ Москвы, по поводу несчастнаго семейнаго процесса ея дочери, она часто бывала у насъ, обѣдывала и проводила вечера. Мы вспоминали съ нею былое, ея безпричинную вражду, неосновательное подозрѣніе меня въ невозможномъ соперничествѣ и отъ души смѣялись... До самой кончины княгини Гагариной, мы были съ нею въ самыхъ добрыхъ и пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда она скончалась, мы съ мужемъ провожали ея прахъ на Митрофаніевское кладбище и присутствовали при отпѣваніи. Немногія лица изъ театральнаго міра отдали послѣдній долгъ знаменитой артисткѣ [2]). При этихъ проводахъ, я вспомнила погребеніе Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго (въ октябрѣ 1822 года): тогда представителями драматической труппы точно также были: В. А. Каратыгинъ и я — тогда еще Колосова-младшая.

---

[1]) См. Записки П. А. Каратыгина, «Русская Старина» изд. 1879 года, томъ XXIV, стр. 430—431.

[2]) См. «Русская Старина» 1875 года, томъ XII, стр. 726—728.

II.

Пушкина, послѣ его отъѣзда на югъ Россіи и возвращенія изъ ссылки, я увидѣла въ 1827 году, когда я была уже замужемъ за Василіемъ Андреевичемъ. Это было на Маломъ театрѣ, (онъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій). Въ тотъ вечеръ играли комедію Мариво: «Обманъ въ пользу любви» (Les fausses confidences), въ переводѣ П. А. Катенина. Онъ привелъ ко мнѣ въ уборную «кающагося грѣшника», какъ называлъ себя Пушкинъ. «Размалеванныя брови»... напомнила я ему смѣясь.—«Полноте, Бога ради», перебилъ онъ меня, конфузясь и цѣлуя мою руку—«кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Позвольте мнѣ взять съ васъ честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моемъ мальчишествѣ!?»...

Слово было дано; мы вполнѣ примирились... За «Сашу Пушкина» передо мною извинился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—слава и гордость родной словесности!

Съ мужемъ моимъ онъ сблизился въ домѣ у покойнаго князя Владиміра Өедоровича Одоевскаго, гдѣ собирались: графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, Веневитиновъ, графъ В. А. Соллогубъ и мн. др. Впослѣдствіи времени, уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ при И. А. Крыловѣ читалъ у насъ своего «Бориса Годунова». Онъ очень желалъ, чтобы мы, съ мужемъ, прочитали на театрѣ сцену у фонтана, Димитрія съ Мариною. Не смотря однако же на наши многочисленныя, личныя просьбы, графъ А. Х. Бенкендорфъ, съ обычною своею любезностью и извиненіями, отказалъ намъ въ своемъ согласіи: личность самозванца была тогда запрещеннымъ плодомъ на сценѣ. Послѣ того Пушкинъ подарилъ моему мужу, для его бенефиса, своего «Скупаго рыцаря»... Но и эта пьеса не была играна при жизни автора, по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ. Однимъ словомъ, дружественныя наши отношенія къ Пушкину продолжались по самый день его несчастной кончины. Въ самую ея минуту, я дожидалась, въ саняхъ у подъѣзда квартиры Александра Сергѣевича, извѣстія о его положеніи: мужъ мой, выйдя ко мнѣ съ графомъ Віельгорскимъ и княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, сообщилъ мнѣ тогда роковую вѣсть, что Пушкина не стало!

По присланному намъ приглашенію отъ Наталіи Николаевны

Пушкиной, мы съ мужемъ присутствовали при отпѣваніи великаго поэта въ Конюшенной церкви; мы оплакивали его, какъ родного... Да и могло ли быть иначе!

Къ сожалѣнію, какъ говорятъ французы: le sinistre trébuche quelquefois sur le ridicule, (печальное иногда спотыкается о смѣшное). Я стояла, близъ гроба, въ группѣ дамъ, между которыми находилась добрая, искренно мною уважаемая Елизавета Михайловна Хитрово. Заливаясь слезами, выражая свое сожалѣніе о кончинѣ Пушкина, она шепнула мнѣ сквозь слезы, кивнувъ головою на стоявшихъ у гроба оффиціантовъ, во фракахъ, съ пучками разноцвѣтныхъ лентъ на плечахъ:

— Voyez, je vous prie, ces gens: sont-ils insensibles [1])?... Хоть бы слезинку проронили!»... Потомъ она тронула одного изъ нихъ за локоть—«что же ты милый, не плачешь? Развѣ тебѣ не жаль твоего барина?»

Оффиціантъ обернулся и отвѣчалъ невозмутимо:

— Никакъ нѣтъ-съ... мы, значитъ, отъ гробовщика, по наряду!

— Плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода!

Шепнулъ намъ С. А. Соболевскій.

— И можно ли требовать слезъ отъ наемника? продолжалъ онъ, обращаясь къ Елизаветѣ Михайловнѣ. «Да и вы сами, быть можетъ, умѣрите ваши сѣтованія, если я вамъ напомню, что покойный отзывался о васъ не совсѣмъ-то благосклонно...

— Что же такое? спросила Елизавета Михайловна.

— Но вы не разсердитесь? Оно, конечно, здѣсь и не мѣсто и не время поминать лихомъ нашего Пушкина, однако же, зачѣмъ скрываться. Какъ-то подъ веселый часъ, Александръ Сергѣевичъ написалъ такого рода стишки:

«Лиза въ городѣ жила,
Съ дочкой Доринькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой го...... [2]).

[1]) Посмотрите, пожалуйста, на этихъ людей: какая безчувственность!

[2]) Принадлежность Пушкину этой эпиграммы, указана въ «Русской Старинѣ» 1880 г. (іюнь), стр. 330, въ примѣч. П. А. Ефремова. Вотъ окончаніе эпиграммы:

Нынче Лиза en gala
У австрійскаго посла—
Не по прежнему мила,
Не по прежнему . . .

Ред.

Окончанія не припомню; знаю только, что въ этихъ стихахъ, прочитанныхъ Соболевскимъ, Пушкинъ довольно зло посмѣялся надъ Елисаветой Михайловной, въ особенности надъ ея слабостью рядиться не по лѣтамъ. При всей своей незлобивости и любви къ Пушкину, она видимо разсердилась и во все продолженіе церковной службы была угрюма и молчалива.

Эта выходка Соболевскаго, неумѣстная и неприличная (тѣмъ болѣе со стороны человѣка, имѣвшаго притязаніе быть другомъ Пушкина) раздосадовала и меня. Не ручаюсь за подлинность стиховъ читанныхъ Соболевскимъ: не были ли они его собственнымъ произведеніемъ, выданнымъ за сочиненіе Пушкина? По окончаніи богослуженія, я замѣтила Сергѣю Александровичу, что эти стихи онъ могъ бы прочитать при иной обстановкѣ:

— «Совершенно съ вами согласенъ—отвѣчалъ онъ—но мнѣ надоѣли стенаніе и причитыванія Елизаветы Михайловны; вы видѣли, что послѣ стиховъ, она ихъ прекратила!

Весьма сожалѣю, что съ воспоминаніемъ о прощаніи съ останками Пушкина у меня сопряженъ этотъ эпизодъ со стихами его, или Соболевскаго... Не имѣю причинъ злословить памяти ни того ни другаго; тѣмъ не менѣе—фактъ на лицо.

Къ слову о Пушкинѣ, припомню о его отцѣ, Сергѣѣ Львовичѣ. Въ одну изъ моихъ съ нимъ встрѣчъ, онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ участіи въ любительскихъ спектакляхъ въ Москвѣ. Онъ отличался во французскихъ піэсахъ, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (по его словамъ) былъ его несчастнымъ соперникомъ—въ русскихъ. Онъ игралъ въ «Димитріи Донскомъ» и въ «Мизантропѣ» своего перевода. Шутливые свои разсказы онъ заключилъ анекдотомъ:

— Когда хоронили жену Кокошкина (рожденную Архарову) и выносили ея гробъ мимо его кабинета, куда отнесли лишившагося чувствъ Ѳедора Ѳедоровича—дверь вдругъ отворилась и на порогѣ явился онъ самъ, съ поднятыми на лобъ золотыми очками, съ распущеннымъ галстухомъ и съ носовымъ платкомъ въ приподнятой рукѣ:

— Возьми меня съ собою! продекламировалъ онъ мрачнымъ голосомъ въ слѣдъ за уносимымъ гробомъ;

— C'était la scène la plus réussie de toutes, celles que je lui ai vu représenter [1])! Заключилъ свой разсказъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ.

---

[1]) Изъ всѣхъ сценъ, имъ разыгранныхъ, эта была самая удачная!

Когда я потомъ разсказывала это Александру Сергѣевичу, онъ замѣтилъ смѣясь:

— Rivalité de métier! (Соперничество по ремеслу).

Вотъ все, что сохранилось въ моей памяти о Пушкинѣ, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ его безсмертному имени.

А. М. Каратыгина, рожденная Колосова.

1879 г. Спб

Примѣчаніе. Напомнимъ «посланіе» А. С. Пушкина, которымъ онъ искупилъ грѣхъ своей эпиграммы на А. М. Колосову; вотъ это посланіе—

Павлу Александровичу Катенину.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

А. Пушкинъ.

5-го апрѣля 1821 г.

(Изд. 1880 г., т. I, стр. 361).

ВСТРѢЧИ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ СЕРГѢЕВИЧЕМЪ ПУШКИНЫМЪ

въ 1824 и 1829 гг.

Воспоминанія Н. Б. Потокскаго [1]).

I.

Въ 1824 году, Александръ Сергѣевичъ, вынужденно оставивъ и проѣзжая чрезъ Малороссію въ свое родовое помѣстье Михайловское мимо деревни извѣстнаго въ то время писателя, Аркадія Гавриловича Родзянки, заѣхалъ къ нему. Когда къ дому быстро подкатила почтовая тележка, съ нея спрыгнулъ незнакомецъ, странно костюмированный; узнавъ же отъ встрѣтившаго слуги, что Родзянка дома, поспѣшно прошелъ залу въ кабинетъ хозяина. На незнакомцѣ былъ красный молдаванскій плащъ, такого же цвѣта широчайшіе шаровары, на ногахъ желтыя мечты (туфли), а на головѣ турецкая фессъ съ длинною кистью; длинные волоса касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ, какія носятъ степные пастухи. Въ это время зала и весь домъ, съ ранняго утра, были наполнены гостями, съѣхавшимися на семейный праздникъ гостепріимнаго помѣщика. Спустя не болѣе получаса, хозяинъ провелъ своего гостя подъ руку черезъ залу до самой телеги, ожидавшей у подъѣзда. Когда же возвратился въ покои и началъ здороваться съ собравшимися посѣтителями, то они, забывъ привѣтствовать хозяина съ его домашнимъ праздникомъ, начали разспрашивать о пріѣзжавшемъ человѣкѣ; когда же узнали, что то былъ А. С. Пушкинъ—зала моментально опустѣла и все общество выбѣжало за ворота; но тамъ только увидѣли большой столбъ пыли отъ быстро удалявшейся телеги.

---

[1]) Въ настоящей статьѣ есть нѣкоторыя разнорѣчія съ показаніями біографовъ Пушкина, тѣмъ не менѣе, въ виду интереса какой вызываетъ къ себѣ все, что относится до Пушкина, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто разсказу Н. Б. Потокскаго.

Ред.

Во весь этотъ день у Родзянки только и было разговоровъ о А. С. Пушкинѣ: молодые кавалеры, дамы, дѣвицы—упрекали хозяина за то, почему онъ не удержалъ у себя на цѣлый день такого интереснаго гостя, и до того жалѣли, что многіе чуть не плакали; предъ именемъ Пушкина виновникъ домашняго праздника совсѣмъ стушевался.

II.

Въ 1829 году, въ началѣ лѣта, ровно черезъ пять лѣтъ, освободясь отъ опеки своихъ родичей, я съ большими надеждами поспѣшалъ на Кавказъ. Въ Екатериноградской станицѣ, на рѣчкѣ Малкѣ, неожиданно встрѣтилъ я А. С. Пушкина и, тутъ же познакомившись съ нимъ, напомнилъ ему о первой встрѣчѣ съ нимъ у А. Г. Родзянки, и разсказалъ, какъ взволновалась тогда вся собравшаяся у него публика, и упрекала за то, что не удержалъ его у себя подолѣе.

Пушкинъ смѣялся и говорилъ: «Вѣрно не я интересовалъ ихъ, а мой костюмъ; не могъ я остаться у Аркадія, давъ слово, при отъѣздѣ изъ Одессы, нигдѣ не останавливаться въ дорогѣ, а при томъ со мной ѣхалъ дядька» [1]). Въ Екатериноградѣ оканчивалась въ то время почтовая дорога. Здѣсь сосредоточивалось все, слѣдующее изъ Россіи въ Тифлисъ и другія мѣста, а также въ армію, оперировавшую въ Малой Азіи; казенные и частные транспорты, почты со всѣхъ мѣстъ Россіи—до того были велики, что отправлялись отсюда въ одно время на пятнадцати и болѣе телегахъ, по наряду отъ казаковъ, за прогоны, до кр. Владикавказа, отстоящаго до 105 верстъ; такимъ же образомъ отправлялись и всѣ проѣзжавшіе по собственному желанію, кто верхомъ, кто на телегѣ. Пришлось въ вышепомянутой станицѣ ожидать отправленія оказіи [2]) нѣсколько дней. Александръ Сергѣевичъ очень скучалъ и, прогуливаясь со мною по станицѣ, любовался прелестными видами горъ, убѣленныхъ снѣгомъ; но когда начали съѣзжаться сюда гвардейскіе офицеры, слѣдовавшіе въ армію, гражданскіе чиновники, купцы и прочіе путешественники, а также прибыло нѣсколько замѣчательныхъ личностей [3]), все оживилось; затѣвались разныя развлеченія, и, конечно, душою многочисленнаго общества былъ А. С. Пушкинъ. Все потомъ начало принимать

[1]) Намекая этимъ на сидѣвшаго рядомъ съ ямщикомъ, на козлахъ, какого-то полицейскаго чина.

[2]) Такъ назывались въ то время огромные обозы, отправляемые далѣе, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ пушекъ, подъ начальствомъ офицера.

[3]) Прибыли изъ Сибири, въ сопровожденіи жандармовъ, нѣсколько человѣкъ декабристовъ, назначенныхъ въ армію рядовыми, боюсь ошибиться кто именно изъ нихъ, такъ какъ фамиліи не упомню. Всѣ были въ солдатскихъ шинеляхъ, фуражкахъ, и глядѣли молодцами. Н. П.

воинственный видъ, въ ожиданіи скораго отправленія. А. С. Пушкинъ изъ первыхъ одѣлся въ черкесскій костюмъ, вооружился шашкой, кинжаломъ, пистолетомъ; подражая ему, многіе изъ мирныхъ людей накупили у казаковъ кавказскихъ нарядовъ и оружія. Наконецъ, наступило раннее утро, и, подъ звуки барабана, все зашевелилось и колонна выступила длинною вереницей; а въ виду того, чтобы пѣхоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки безъ приваловъ дѣло не обходилось. Палящее солнце днемъ, тихая ѣзда, все это очень намъ надоѣдало. Александръ Сергѣевичъ затѣвалъ скачки, другіе, тоже подражая ему, далеко удалялись за цѣпь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшимъ транспортомъ офицеромъ, предупреждавшимъ объ опасности быть захваченнымъ или подстрѣленнымъ хищниками. Тогда Пушкинъ, подъѣзжая къ офицеру, бралъ подъ козырекъ и произносилъ: «слушаемъ, отецъ-командиръ!». Переходы въ длинные лѣтніе дни верстъ 20 и болѣе тоже очень надоѣдали; въ каждомъ укрѣпленіи располагались на ночлегъ, и такимъ образомъ только на четвертый день разстояніе 105 верстъ было пройдено и мы достигли до кр. Владикавказа. На ночлегахъ начиналось чаепитіе, ужины, веселые разговоры, пѣсни, иногда продолжавшіеся до разсвѣта. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ расписывать двери и стѣны мѣломъ и углемъ въ отводившихся для ночлега казенныхъ домикахъ. Его рисунки и стихи очень забавляли публику — но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали неудовольствіе и ворчаніе старыхъ инвалидовъ-сторожей, которые, замѣтивъ гдѣ нибудь нарисованную каррикатуру или написанное, немедленно стирали все тряпкой; когда же ихъ останавливали, говоря: «братцы, не троньте, вѣдь это писалъ Пушкинъ»—то разъ одинъ изъ старыхъ ветерановъ отвѣтилъ: «Пушкинъ или Кукушкинъ—все равно, но зачѣмъ же казенныя стѣны пачкать, комендантъ за это съ нашего брата строго взыскиваетъ». Александръ Сергѣевичъ, услыхавъ такую рѣчь старика-инвалида и подойдя къ нему, просилъ не сердиться, потрепалъ его по плечу и далъ на водку серебряную монету. Въ кр. Владикавказѣ остановка на цѣлыя сутки. Всѣ проѣзжавшіе являлись коменданту, старому кавказскому служакѣ генералу Скворцову. Многихъ онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать, въ томъ числѣ и Александра Сергѣевича Пушкина.

Во время сытнаго обѣда и добраго кахетинскаго вина, Александръ Сергѣевичъ внимательно слушалъ разсказы почтеннаго хозяина объ эпизодахъ изъ своей кавказской боевой жизни, отъ души смѣялся, подшучивалъ и дѣлалъ ему разные вопросы, при которыхъ старикъ задумывался. «Такъ по вашему, генералъ, Александръ Македонскій проходилъ Дарьяльскимъ ущельемъ въ Индію?» Когда же пиръ окончился и всѣ разошлись по квартирамъ, А. С. Пушкинъ, взявъ кусокъ мѣлу, исписалъ всю дверь стихами, начало коихъ приблизительно было слѣдующее:

Не черкесъ, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ —
Генералъ Скворцовъ [1])
Угостилъ молодцовъ —
Славно! и т. д.

Теперь же, я долженъ возвратиться немного назадъ, ко вчерашнему, только что оконченному, путешествію отъ Екатериноградской станицы сюда—во Владикавказъ. Когда наша кавалькада продолжала медленнымъ шагомъ подвигаться впередъ, я старался всегда примкнуть какъ можно ближе къ Пушкину, дабы слушать его интересныя рѣчи. Разъ, онъ выразилъ какъ-то очень рѣзко свое неудовольствіе на наше черепашье путешествіе. Тутъ я не выдержалъ и отвѣтилъ: Александръ Сергѣевичъ! будьте терпѣливы, мы дождемся, что ваше пророчество сбудется! — и, указавъ рукой, поднятой вверхъ, на чудную картину снѣговыхъ горъ, громко продекламировалъ его стихи изъ «Кавказскаго Плѣнника»:

...И гдѣ гнѣздились вы, —
Пройдетъ тамъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы!

Александръ Сергѣевичъ, крикнувъ браво! браво! быстро оборотился ко мнѣ, схватилъ руку и крѣпко сжалъ въ своей, и, немного помолчавъ, спросилъ: «откуда это вы знаете?» Тогда я разсказалъ ему, что всѣ его произведенія почти наизусть знаю съ самыхъ юныхъ лѣтъ. «А ну-те, ну-те, что нибудь скажите»,—отвѣтилъ онъ. Я началъ съ поэмы «Цыгане», и скоро всю наизусть прочелъ до конца, потомъ первую главу «Евгенія Онѣгина», и наконецъ началъ «Кавказскаго Плѣнника»; но Александръ Сергѣевичъ остановилъ меня, сказавъ: «Вы устали; да, у васъ прекрасная память; скажите, когда вы все это успѣли заучить?»—А вотъ какъ,—отвѣтилъ я.—Еще будучи школьникомъ, часто просиживая ночи, переписывалъ всѣ появлявшіяся въ свѣтъ прелестныя произведенія ваши, потому что они тогда дорого стоили, напримѣръ, каждая выходившая глава «Евгенія Онѣгина» была въ продажѣ пять рублей, а другія сочиненія и дороже; потомъ, прочитавъ разъ—другой, зналъ уже наизусть. Вотъ видите, Александръ Сергѣевичъ, что въ то время, когда вы проѣзжали Малороссію и заѣхали къ Аркадію Родзянкѣ, общество, собравшееся у него, было заинтересовано не вашимъ костюмомъ, а собственно вами. И, подобно мнѣ, у насъ молодые люди, а въ особенности дамы и дѣвицы, заучиваютъ ваши произведенія и восхищаются ими.—Съ тѣхъ поръ до самаго Тифлиса, Александръ Сергѣевичъ особенно былъ ко мнѣ внимателенъ и называлъ «юнымъ дорожнымъ товарищемъ». Тогда мнѣ не было еще 20-ти лѣтъ.

На другой день мы оставили Владикавказъ и всѣ, слѣдовавшіе на-легкѣ,

[1]) У него была бѣлая голова, подобно горѣ Казбеку, убѣленному снѣгомъ и тутъ же ясно видимому. Н. П.

и спѣшившіе въ армію, были отправлены верхомъ на лошадяхъ, а вещи на вьюкахъ, подъ конвоемъ полусотни казаковъ; транспорты же, тяжелыя почты, и проч.—съ ротой пѣхоты и артиллеріею. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы вступили въ ущелье, а пройдя первую станицу Ларсъ, вошли въ грозную тѣснину Дарьяльскую; всѣ восхищались нависшими надъ головою скалами и ревомъ Терека. За укрѣпленіемъ Дарьяльскимъ и мостомъ, перекинутымъ чрезъ Терекъ, тѣснина начинаетъ расширяться; потомъ, проѣзжая сел. Казбекъ, остановились здѣсь для перемѣны лошадей, а пока разбрелись по деревушкѣ и любовались на чудный отсюда видъ на гору Казбекъ и древнюю церковь, монастырь на скатѣ одного изъ отроговъ цѣпи горъ; въ самомъ селеніи Казбекъ находится также замѣчательная по архитектурѣ небольшая церковь; здѣсь первое грузинское селеніе. Обходя церковь, мы увидѣли сидящаго на камнѣ, на самомъ обрывѣ надъ рѣкой, молодаго горца красивой наружности, съ русыми волосами на головѣ и голубыми глазами, чисто одѣтаго въ черкеску. Пушкинъ первый подошелъ къ нему и сдѣлалъ вопросъ по русски: чья эта деревня? Тотъ отвѣтилъ чистымъ русскимъ языкомъ: моя—и гордо окинулъ всѣхъ насъ своими прекрасными глазами; разговаривая съ нимъ, мы узнали, что этотъ молодой человѣкъ былъ владѣлецъ вышепомянутаго селенія, князь Михаилъ Казбекъ. На вопросъ Александра Сергѣевича: почему онъ не ѣдетъ въ армію, гдѣ получилъ бы скоро чинъ,—князь Казбекъ отвѣтилъ ему: «Знаете, господинъ, умреть и прапорщикъ, и генералъ одинаково,—не лучше-ли сидѣть дома и любоваться этою картиной»,—указывая рукой на горы. «Да, ваша правда, князь!—добавилъ Александръ Сергѣевичъ.—Еслибъ эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поѣхалъ». Впослѣдствіи кн. Казбекъ вступилъ въ службу и дослужился до генерала. Нерѣдко я напоминалъ ему о нашей первой встрѣчѣ. Лошади ждали насъ и мы отправились далѣе къ станціи Коби. По дорогѣ часто попадались толпы оборванныхъ плѣнныхъ турокъ, разработывавшихъ нашъ путь и обращавшихся къ проѣзжавшимъ за подачками денегъ или табаку. Около заката солнца прибыли въ Коби. Постовый начальникъ, казачій офицеръ, не совѣтовалъ рисковать переѣзжать ночью чрезъ снѣжныя горы Крестовую и Гутъ, а остаться до утра. Вся публика тотчасъ согласилась съ умною рѣчью, такъ какъ всѣ порядочно устали отъ долгой верховой ѣзды на неудобныхъ сѣдлахъ, а главное—проголодались; даже и очень торопившіеся въ армію наши гвардейцы, и тѣ предпочли остаться ночевать въ Коби. Въ ожиданіи приготовленія чая и ужина, наше общество разбрелюсь по окрестностямъ поста любоваться окружавшими его скалами. Не далѣе какъ въ двухъ верстахъ, находится довольно большой аулъ, у самаго ущелья, изъ котораго беретъ свое начало р. Терекъ. Александру Сергѣевичу пришла мысль отправиться въ этотъ аулъ и осмотрѣть его; все общество, конечно, согласилось и насъ человѣкъ 20 отправились въ путь, пригласивъ

съ собою какого-то оборваннаго туземца вмѣсто переводчика, такъ какъ онъ оказался довольно знающимъ по русски. Александръ Сергѣевичъ набросилъ на плечи плащъ и на голову надѣлъ красную турецкую фессъ, захвативъ не дорогѣ толстую суковатую палку, и такъ выступая впереди публики, открылъ шествіе. У самаго аула толпа мальчишекъ встрѣтила насъ и робко начала отступать, но тутъ появилось множество горцевъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ съ малютками на рукахъ. Началось осматриваніе внутренности саклей, которыя охотно отворялись, но конечно, ничего не, было въ нихъ привлекательнаго; разумѣется, при этомъ дарились мелкія серебряныя деньги, принимаемыя съ видимымъ удовольствіемъ; наконецъ, мы обошли весь аулъ и, собравшись вмѣстѣ, располагали вернуться на постъ къ чаю. Густая толпа все-таки насъ не оставляла. Осетины, обыватели аула, разспрашивали нашего переводчика о красномъ человѣкѣ; тотъ отвѣчалъ имъ, что это «большой господинъ». Александръ Сергѣевичъ, желая знать о чемъ переводчикъ съ горцами бесѣдуетъ, вышелъ впередъ и приказалъ переводчику сказать имъ, что «красный—не человѣкъ, а шайтанъ (чортъ); что его поймали еще маленькимъ въ горахъ русскіе; между ними онъ привыкъ, выросъ и теперь живетъ подобно имъ». И когда тотъ передалъ имъ все это, толпа начала понемногу отступать, видимо испуганная; въ это время, Александръ Сергѣевичъ поднялъ руки вверхъ, состроилъ сатирическую гримасу и бросился въ толпу. Поднялся страшный шумъ, визгъ, пискъ дѣтей — горцы бросились вразсыпную, но, отбѣжавъ, начали издали бросать въ насъ камнями, а потомъ и приближаться все ближе, такъ что камни засвистѣли надъ нашими головами. Эта шутка Александра Сергѣевича могла кончиться для насъ очень печально, если бы постовый начальникъ не поспѣшилъ къ намъ съ казаками; къ счастію, онъ увидалъ густую толпу горцевъ, окружившую насъ съ шумомъ и гамомъ, и подумалъ о чемъ-то недобромъ. Извѣстно, на сколько суевѣрный, дикій горецъ вѣритъ въ существованіе злыхъ духовъ въ Кавказскихъ горахъ. И такъ, мы отретировались благополучно.

На другой день, рано утромъ, поднялись на самый верхъ Крестовой горы. Пушкинъ первымъ прискакалъ къ памятнику, сооруженному въ 1817 г. въ честь А. П. Ермолова,—начальникомъ горскихъ народовъ, полковникомъ Канановымъ, — какъ гласила надпись на каменномъ крестѣ. Вся покатость и вершина этой горы была покрыта снѣгомъ, и не доѣзжая Чортовой долины, переѣхали Ледяной мостъ. Александръ Сергѣевичъ гарцовалъ на добромъ конѣ, и плащъ его живописно рисовался на бѣломъ фонѣ долины. Благополучно совершивъ послѣдній перевалъ чрезъ Гуть-гору и перемѣнивъ лошадей на Кайшаурскомъ посту, спустились по очень крутой квишетской дорогѣ въ долину р. Арагвы. Здѣсь насъ встрѣтило жаркое лѣто юга. Вообще восхитительные виды горъ, скаты которыхъ покрыты роскошною раститель-

ностію, приводили всѣхъ въ неописанный восторгъ. Здѣсь мы встрѣтили адъютанта главнокомандующаго гр. Паскевича, барона Фелькерзама, спѣшившаго въ Петербургъ съ донесеніемъ Государю Императору и трофеями, о славной побѣдѣ надъ турками. Александръ Сергѣевичъ крикнулъ ура!—ему вторили другіе спутники,—и потомъ началъ совѣтовать гвардейскимъ офицерамъ спѣшить въ армію: «война можетъ скоро кончиться и вы, господа, можете остаться ни при чемъ, на бобахъ, и такъ—маршъ скорѣе въ Тифлисъ!» крикнулъ еще ура! и поскакалъ впередъ. Въ горахъ, къ несчастію, я схватилъ простуду; молодой организмъ не выдержалъ и, не доѣзжая Тифлиса станціи за двѣ, я не въ состояніи былъ держаться верхомъ. Александръ Сергѣевичъ позаботился о тележкѣ, уложили меня на сѣнѣ, и такъ доставили полуживаго въ Тифлисъ. Онъ былъ неотлучно подлѣ меня въ дорогѣ и придумывалъ разныя средства къ облегченію моихъ страданій. Въ Тифлисѣ всѣ наши спутники размѣстились въ единственной въ то время небольшой гостинницѣ иностранца Матаси, и на другой день уѣхали въ армію; меня, больнаго, помѣстили въ крошечной комнаткѣ одного, и тотчасъ же послали искать доктора. Къ счастію моему, отыскали доктора Ивана Карловича Деппера. Объ этомъ незабвенномъ человѣкѣ разскажу послѣ.

III.

Когда, чрезъ нѣсколько дней, я пришелъ въ сознаніе, докторъ, часто навѣщая меня, передавалъ о томъ, какъ Александръ Сергѣевичъ нерѣдко приходилъ въ мою комнату и дѣлалъ вопросъ: «что, докторъ, будетъ-ли живъ мой юный спутникъ?»—Всякій разъ просилъ его постараться поднять меня на ноги; когда же за перегородкой поднимался шумный разговоръ между путешественниками, Александръ Сергѣевичъ всегда удерживалъ ихъ, напоминая, что близко отчаянно-больной, нашъ юный дорожный товарищъ. Эта сердечная доброта его меня трогала до слезъ и волновала ужасно; тогда докторъ предупреждалъ меня, что болѣзнь можетъ возобновиться и будетъ худо. Въ Тифлисѣ, Александръ Сергѣевичъ, пробывъ нѣсколько дней, уѣхалъ въ армію, находившуюся подъ Эрзерумомъ. Спустя недѣли двѣ послѣ его отъѣзда, я началъ быстро поправляться и получилъ позволеніе доктора выходить на прогулки; первое мое посѣщеніе было П. С. Санковскому, тогдашнему издателю и редактору интересныхъ въ то время «Тифлисскихъ вѣдомостей»,—давнему знакомому А. С. Пушкина [1]). Я имѣлъ къ нему письмо отъ сестеръ его, жившихъ въ Малороссіи въ небольшой своей деревушкѣ.

[1]) Объ этомъ замѣчательно талантливомъ человѣкѣ, прежде времени скончавшемся чрезъ любимую женщину, которой желалъ угодить, разскажу послѣ.

Н. П.

Павелъ Степановичъ просилъ навѣщать его чаще, и такимъ образомъ, спустя недѣли три послѣ отъѣзда А. С. Пушкина въ армію, когда я сидѣлъ у П. С. Санковскаго за вечернимъ чайнымъ столомъ, разговоръ, какъ всегда, и на сей разъ коснулся Александра Сергѣевича. П. С. Санковскій заговорилъ: «Меня безпокоитъ неизвѣстность, что̀ теперь тамъ дѣлаетъ Александръ Сергѣевичъ и здоровъ-ли онъ?» Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и къ намъ въ комнату неожиданно влетѣлъ Пушкинъ и бросился въ объятія Санковскому. На Пушкинѣ былъ широкій бѣлой матеріи турецкій плащъ, а на головѣ красная фессъ. На вопросы Павла Степановича—что такъ скоро вернулся изъ арміи? Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— «Ужасно мнѣ надоѣло вѣчное хожденіе на помочахъ этихъ опекуновъ дядекъ; мнѣ крайне было жаль разстаться съ моими друзьями, но я вынужденъ былъ покинуть ихъ. Паскевичъ надоѣлъ мнѣ своими любезностями; я хотѣлъ воспѣть (?) геройскіе подвиги нашихъ молодцовъ кавказцовъ; это славная часть нашей родной эпопеи, но онъ не понялъ меня и старался выпроводить изъ арміи. Вотъ я и поспѣшилъ къ тебѣ, мой другъ Павелъ Степановичъ». Затѣмъ обратясь ко мнѣ, взялъ за руку и проговорилъ: «Очень радъ васъ видѣть, юный товарищъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Когда ворочусь въ Россію, вышлю вамъ всѣ мои бездѣлушки досѣлѣ напечатанныя»,—и просилъ дать мой адресъ.

Оставивъ затѣмъ и хозяина и гостя вдвоемъ, я удалился къ себѣ. Потомъ, на другой и на третій день, я еще встрѣчался съ Пушкинымъ и Санковскимъ и вмѣстѣ дѣлалъ прогулки по городу; между прочимъ, посѣтили еще свѣжую тогда могилу Грибоѣдова, предъ коей Александръ Сергѣевичъ преклонилъ колѣна и долго стоялъ наклонивъ голову, а когда поднялся, на глазахъ были замѣтны слезы. На четвертый день пребыванія своего въ Тифлисѣ, Пушкинъ уѣхалъ въ Россію, оставивъ Санковскому на память своего боеваго коня, а мнѣ повторилъ обѣщаніе выслать свои сочиненія въ замѣнъ моихъ рукописныхъ, при томъ добавилъ: «Когда будете въ арміи, то прошу передать мои поклоны друзьямъ моимъ: Вальховскому, Раевскому и другимъ» [2]). Это порученіе меня очень обрадовало, болѣе потому, что я могъ узнать подробности неудовольствія между главнокомандущимъ гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ и А. С. Пушкинымъ.

---

[2]) В. Д. Вальховскій, товарищъ Александра Сергѣевича по Царскосельскому лицею, тогда полковникъ генеральнаго штаба и оберъ-квартирмейстеръ арміи; Н. Н. Раевскій — генералъ-маіоръ, начальникъ кавалеріи; къ нему я имѣлъ письмо отъ отца, жившаго въ Полтавѣ, извѣстнаго героя 1812 года.

IV.

Совершенно оправившись отъ тяжкаго недуга, я поспѣшилъ въ армію съ письмами къ главнокомандующему отъ его отца, дяди, брата и проч. Разумѣется, я стремился туда съ большими надеждами. По прибытіи въ станъ арміи, изъ первыхъ посѣтилъ Владиміра Дмитріевича Вальховскаго, человѣка мнѣ очень близкаго. Отъ него я узналъ нѣкоторыя подробности о ссорѣ Паскевича съ Пушкинымъ. Мнѣ передавали, что когда Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ армію, Паскевичъ принялъ его очень радушно и даже велѣлъ поставить ему палатку возлѣ своей ставки.

Разумѣется, Александра Сергѣевича болѣе влекла къ себѣ задушевная бесѣда съ товарищемъ по лицею Вальховскимъ и друзьями Раевскимъ и Муравьевымъ(?). У нихъ-то онъ проводилъ все свободное время, и рѣдко посѣщалъ свою палатку. До того онъ рыскалъ по лагерю, что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать Пушкина къ обѣду не находили его. При всякой же перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ, прямо подъ выстрѣлы. Паскевичъ неоднократно предупреждалъ Александра Сергѣевича, что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точь-въ-точь какъ будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣніе Александра Сергѣевича Пушкина—стоять сложа руки и бездѣйствовать. Онъ, какъ будто нарочно, дразнилъ главнокомандующаго и, не слушая его совѣтовъ, при первой возможности, скрывался отъ него, и являлся гдѣ нибудь впереди въ самой свалкѣ сраженія. Послѣ всего этого, вышла открытая ссора—между И. Ѳ. Паскевичемъ и А. С. Пушкинымъ. Наконецъ, главнокомандующій, видя, что Александръ Сергѣевичъ явно удаляется отъ него, призвалъ его къ себѣ въ палатку (во время доклада бумагъ Вальховскимъ), и рѣзко объявилъ:

— «Господинъ Пушкинъ! мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой».

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій передалъ мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ порывисто поклонился Паскевичу и выбѣжалъ изъ палатки, немедленно собрался въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, и въ тотъ же день уѣхалъ. Вальховскій передавалъ мнѣ подъ секретомъ еще то, что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нерѣдкое свиданіе Александра Сергѣевича съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ, что нѣкоторыя личности шпіонили за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется, съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться.

Такъ окончилась прогулка Александра Сергѣевича въ азіатскую нашу армію. Потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ я отъ Александра Сергѣевича всѣ его печатныя въ то время стихотворенія, съ надписью: «На память юному дорожному товарищу». Эти сочиненія Александра Сергѣевича я долго хранилъ какъ святыню, но они, при одномъ несчастномъ случаѣ, погибли безслѣдно въ дорогѣ, со всѣмъ моимъ имуществомъ.

Въ 1837 году, я находился на службѣ въ Варшавѣ и по порученію начальства прибылъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ дошла до меня странная вѣсть о кончинѣ Александра Сергѣевича наканунѣ моего пріѣзда въ столицу. Забывъ и отдыхъ послѣ ужасной курьерской ѣзды, и переодѣванье, я бросился на извощичьи дрожки, и поскакалъ въ квартиру Пушкина. Войдя въ залу, я увидѣлъ лежащій въ гробѣ бездыханный трупъ незабвеннаго поэта. Дьяконъ, въ полумракѣ, бормоталъ псалтырь; много какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ личностей, одѣтыхъ въ черные костюмы, то входили, то выходили съ мрачными и печальными лицами. У меня слезы полились ручьемъ; не помню, сколько времени стоялъ я на колѣнахъ у гроба и молился, но когда вышелъ изъ дому—тоска и грусть о невозвратной потерѣ до того легли на душу своею тяжестію, что выразить этого словами невозможно.

Нынѣ, при преклонныхъ лѣтахъ, я счастливъ, что дожилъ до того времени, когда вся Россія чествуетъ память великаго своего поэта сооруженіемъ ему памятника въ Москвѣ — его колыбели.

Н. В. Потокской.

26 мая 1880 г.

«СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ А. С. ПУШКИНА»

вышедшее въ 1880 году.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1880 г. въ 8-ю д. Изданіе книгопродавца Я. А. Исакова:

Томъ первый. IV+584 стр. Стихотворенія 1811—1824 годовъ.—Русланъ и Людмила.—Кавказскій Плѣнникъ.—Братья Разбойники.—Бахчисарайскій Фонтанъ.—Цыганы.

Томъ шестой. Исторія Пугачевскаго бунта.—Историческіе матеріалы.—490+V стр. и одинъ планъ.

Между современными статьями и замѣтками, вызванными открытіемъ памятника Пушкину, несомнѣнно славнѣйшимъ, лучшимъ памятникомъ великому поэту является новое собраніе его собственныхъ твореній. Вышло пока два тома, но они являются прекраснымъ залогомъ того, что все это изданіе будетъ значительно превосходить предыдущія и явится наконецъ достойнымъ геніальнѣйшаго поэта нашего отечества. Высказываемъ это предположеніе тѣмъ съ бо̀льшею увѣренностью, что первый томъ—вышедшій уже въ свѣтъ—безъ малѣйшаго сомнѣнія, самый трудный для редактора. Разобраться въ массѣ мелкихъ (по объему) стихотвореній, составляющихъ однако въ большинствѣ драгоцѣннѣйшіе перлы поэзіи Пушкина; сличить каждое изъ нихъ со всѣми редакціями, въ какихъ они являлись еще

при жизни поэта въ различныхъ журналахъ и альманахахъ; подыскать и сообразить всевозможныя указанія, до нихъ относящіяся— разсѣянныя въ письмахъ, замѣткахъ, статьяхъ, матеріалахъ и прочихъ сообщеніяхъ, составляющихъ обширную литературу, до Пушкина относящуюся; позачинить тѣ прорѣхи, какія образовало тамъ и сямъ въ стихотвореніяхъ Пушкина усердіе цензуры, отъ временъ приснопамятныхъ Красовскаго и Бирукова до временъ позднѣйшихъ, при чемъ для починки этихъ прорѣхъ обратиться либо къ рукописнымъ сборникамъ и опять-таки къ сличенію текста, разновременно появлявшагося въ печати, либо къ письмамъ Пушкина, тамъ и сямъ разсѣяннымъ въ печати и зачастую хранящимъ въ себѣ текстъ эпиграммъ, посланій и прочихъ произведеній пера поэта, наконецъ исправить погрѣшности, допущенныя по небрежности, невниманію и легкомыслію прежнихъ издателей сочиненій Пушкина, начиная съ «альманашниковъ» и «журналистовъ», на которыхъ такъ часто доводилось сердиться самому еще Пушкину за искаженіе его произведеній, и кончая тѣми редакторами, которые занимались изданіями «собраній сочиненій Пушкина», предшествовавшихъ нынѣшнему — вотъ та, по истинѣ, египетская работа, которую съ энергіей, добросовѣстностью и неутомимымъ трудолюбіемъ исполнилъ П. А. Ефремовъ. До чего кропотливъ и великъ такой трудъ можно судить изъ того, что на редакцію и наблюденіе за печатаніемъ одного лишь перваго тома понадобилось два года, не считая предварительной работы до начала печатанія, конечно, тоже не легкой и продолжительной. Само собою разумѣется, что послѣдующіе томы, заключающіе бо̀льшія по объему лирическія, а также драматическія сочиненія и прозу Пушкина, потребуютъ уже менѣе труда и времени.

Дабы яснѣе опредѣлить значеніе того труда, какой предпринятъ при редакціи нынѣ вышедшихъ томовъ, и дабы выяснить отношеніе новаго «собранія сочиненій А. С. Пушкина» къ предшествовавшимъ ему — приводимъ вполнѣ предисловіе П. А. Ефремова къ первому тому:

«Въ этомъ изданіи мы старались собрать все, до сихъ поръ напечатанное у насъ съ именемъ Пушкина, и тщательно провѣрить текстъ каждаго произведенія въ стихахъ и прозѣ, освободивъ его съ одной стороны отъ постороннихъ прибавокъ и ошибокъ, а съ другой пополнивъ тѣмъ, что было исключено или измѣнено помимо воли автора или даже имъ самимъ, но по какимъ нибудь особымъ, временнымъ причинамъ, теперь уже не существующимъ.

«Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоцѣннымъ рукописямъ поэта, которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова, и потому должны были ограничиться только хранящимися у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ; а при скудости такихъ рукописей, обратились къ первоначальнымъ изданіямъ и производили свѣрку со всѣми.

«Въ основу текста для настоящаго изданія мы принимали тотъ, который установленъ былъ самимъ поэтомъ при послѣднемъ, при его жизни и подъ его присмотромъ, напечатаніи каждаго разсматриваемаго нами произведенія. Для тѣхъ же произведеній, которыя явились или по смерти автора или при его жизни, но не подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, мы руководствовались указаніями печатныхъ статей о Пушкинѣ, изъ которыхъ особенно должны упомянуть о статьяхъ В. П. Гаевскаго, съ необыкновенною тщательностью и полнотою разработавшаго и выяснившаго текстъ такъ называемыхъ «лицейскихъ» произведеній поэта.

«Кромѣ того однимъ изъ наиболѣе существенныхъ основаній для правильности принимаемаго нами текста служили письма самого поэта къ знакомымъ и роднымъ, а также и письма къ нему разныхъ лицъ.

«Все, откинутое Пушкинымъ изъ его произведеній, въ видахъ приданія имъ художественной отдѣлки, цѣльности и единства, мы отнесли въ «лицейскихъ» стихотвореніяхъ къ примѣчаніямъ, а при произведеніяхъ болѣе зрѣлой эпохи его таланта помѣщали въ текстѣ книги, но особо, вслѣдъ за каждымъ такимъ произведеніемъ, потому что во многихъ случаяхъ откинутыя мѣста, нарушая единство стихотворенія или статьи, сами по себѣ представляли отдѣльные прекрасные очерки, которые жаль было терять въ примѣчаніяхъ, какъ напримѣръ прелестный конецъ стихотворенія «Воспоминаніе» (1828 г.).

«Затѣмъ мы съ особенною тщательностью прослѣдили, по перепискѣ Пушкина и по статьямъ о немъ, что именно было исключено помимо его воли, или что исключалъ онъ самъ, но или по цензурнымъ соображеніямъ того времени, или по личнымъ и общественнымъ своимъ отношеніямъ какъ напримѣръ стихи, гдѣ онъ не хотѣлъ, чтобы узнала себя особа, къ которой они относятся («Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и др.). Всѣ такія исключенія введены нами въ текстъ, и въ каждомъ случаѣ оговорены въ примѣчаніяхъ.

«Порядокъ распредѣленія стиховъ и прозы принятъ нами единственно возможный для каждаго изданія, претендующаго быть хорошимъ, именно хронологическій по обоимъ отдѣламъ, не исключая изъ общаго рода: поэмъ, повѣстей, драматическихъ произведеній, сказокъ и пр., какъ это сдѣлано предыдущими изданіями. Самъ Пушкинъ только въ первомъ изданіи, сдѣланномъ въ 1826 г. и при томъ не имъ самимъ, подчинился школьному распредѣленію стихотвореній по родамъ поэзіи, но и при этомъ вездѣ, гдѣ помнилъ, выставилъ годы. Изданіе 1829—1835 гг., сдѣланное самимъ поэтомъ, совсѣмъ устранило это дѣленіе и приняло строго-хронологическій порядокъ, въ который были введены и

драматическія сцены и сказки. Правда, Пушкинъ издалъ отдѣльно два тома поэмъ, Бориса Годунова и Евгенія Онѣгина, но это потому, что дѣло еще не шло о полномъ собраніи сочиненій. Хронологическій порядокъ былъ снова откинутъ посмертнымъ изданіемъ 1838—1841 гг., выходившимъ подъ главнымъ наблюденіемъ Жуковскаго, но самъ же Жуковскій убѣдился впослѣдствіи въ несостоятельности своего взгляда и послѣднее изданіе собственныхъ сочиненій сдѣлалъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ, введя въ общій рядъ и многочисленныя поэмы свои и драмы.

«Г. Анненковъ возстановилъ хронологическій порядокъ, но только отчасти. Подъ вліяніемъ сказанной классификаціи, онъ выдѣлилъ нѣсколько паралельныхъ отдѣловъ, при чемъ, конечно, явился личный произволъ, напримѣръ, стихотвореніе «Женихъ» отошло въ особый отдѣлъ, а «Андрей Шенье» оставлено въ общемъ ряду и т. п. Кромѣ того, достаточно вѣрно распредѣливъ стихотворенія по годамъ, г. Анненковъ въ самыхъ годахъ уже не наблюдалъ никакой хронологіи, такъ что стихотвореніе, написанное въ началѣ года, печаталось въ концѣ его, и, слѣдовательно, соприкасалось не съ предыдущимъ, а съ слѣдующимъ, чѣмъ послѣдовательная связь произведеній значительно нарушалась. Причиной этому было то, что старое дѣленіе по родамъ поэзіи, откинутое въ общемъ, сбережено было издателемъ въ каждомъ отдѣльномъ годѣ, гдѣ стихотворенія группировались имъ именно по родамъ, съ подборомъ антологическихъ особо, посланій особо и т. д. Мы, напротивъ, старались и въ каждомъ годѣ опредѣлять время, въ которое написана каждая пьеса. Для этого намъ служили указаніемъ, какъ выше сказано, переписка и статьи о Пушкинѣ; а если точныхъ данныхъ не встрѣчалось, то мы размѣщали стихи по времени ихъ напечатанія, напримѣръ, пьесу, помѣщенную въ первыхъ нумерахъ какого нибудь журнала извѣстнаго года, мы печатали прежде помѣщенной въ слѣдующихъ за тѣмъ нумерахъ, на что въ изданіи г. Анненкова не было обращено вниманія, и пьеса, напечатанная, напримѣръ, въ № 6, ставилась прежде напечатанной въ № 1, того же года.

«Всѣ числовыя и другія помѣты Пушкина подъ стихами и статьями, находящіяся въ рукописяхъ или при первоначальномъ напечатаніи, мы съ точностью воспроизвели въ нашемъ изданіи. За тѣмъ обозначали въ скобкахъ тѣ помѣты времени, на которыя находили «точныя» и «опредѣленныя» указанія въ перепискѣ или статьяхъ о поэтѣ.

«Черновые наброски и отрывки, извлеченные г. Анненковымъ изъ рукописей Пушкина и сгруппированные послѣдними изданіями въ одинъ отдѣлъ, сдѣлавшійся поэтому неудобочитаемымъ, мы старались, по соображеніямъ и указаніямъ, размѣстить въ концѣ тѣхъ годовъ, съ стихотвореніями которыхъ имѣютъ соотношеніе сказанные наброски и отрывки, иногда даже превосходящіе своимъ достоинствомъ четверостишія, обыкновенно печатаемыя въ текстѣ сочиненій Пушкина.

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда сохранился первоначальный текстъ стихотворенія, впослѣдствіи совершенно переработаннаго и измѣненнаго, мы помѣщали въ книгѣ послѣдній, исправленный, а прежній относили въ примѣчанія, чтобы читатель имѣлъ передъ собой стихотвореніе именно въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ ему дать самъ поэтъ, а потомъ бы уже знакомился съ его внутреннею, авторскою работою. Къ примѣчаніямъ же отнесены нами и всѣ «сомнительныя» произведенія, явившіяся въ печати съ име-

немъ Пушкина, но не имѣющія за собою доказательствъ.

Къ одному изъ слѣдующихъ томовъ мы прилагаемъ два снимка съ портретовъ Пушкина. Подлинникъ перваго, гдѣ поэтъ изображенъ въ юношескихъ лѣтахъ, былъ приложенъ къ первому изданію «Кавказскаго Плѣнника» въ гравюрѣ Е. Гейтмана, по рисунку, какъ утверждаютъ, знаменитаго К. П. Брюллова. Второй портретъ, рисованный О. Кипренскимъ и гравированный Н. И. Уткинымъ, былъ приложенъ къ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» на 1828 г. и затѣмъ ко второму изданію «Руслана и Людмилы». Онъ считается лицейскими товарищами Пушкина и людьми, близко его знавшими, самымъ схожимъ изъ всѣхъ существующихъ изображеній нашего великаго поэта[1]).

Библіографическія примѣчанія, сопровождающія первый томъ новаго собранія сочиненій Пушкина, занимаютъ 70 страницъ мелкой печати. Здѣсь читатели найдутъ весьма обстоятельныя указанія на время и мѣсто появленія каждаго стихотворенія, въ какомъ видѣ оно являлось, какъ перепечатывалось, какіе были пропуски, ошибки, искаженія, откуда взяты исправленія и дополненія, какіе были поводы къ возникновенію того или другаго произведенія, и проч. и проч. Много знанія и труда надо было положить въ дѣло составителю этихъ примѣчаній; но только вполнѣ благоговѣйною любовью къ памяти великаго отечественнаго поэта—можно объяснить себѣ то вниманіе, съ какимъ отнесся П. А. Ефремовъ къ каждому стихотворенію, къ каждой строкѣ, къ каждому слову, вышедшему изъ-подъ пера Пушкина; до чего это доходитъ—читатели увидятъ просматривая помянутыя примѣчанія, въ которыхъ составитель ихъ нерѣдко оговариваетъ мельчайшій недосмотръ своихъ предшественниковъ, напримѣръ, невѣрно поставленную запятую, искажавшую однако смыслъ произведенія поэта.

Настоящее собраніе сочиненій Пушкина,—если г. Исаковъ издастъ и остальные томы [2]), безъ всякаго сомнѣнія будетъ имѣть право назваться если не полнымъ — такъ какъ изъ подлинныхъ рукописей Пушкина—лишь, къ сожалѣнію, не многія были въ распоряженіи П. А. Ефремова, то, во всякомъ случаѣ, въ ряду всѣхъ

[1]) Портреты Пушкина, о которыхъ здѣсь говорится, читатели «Русской Старины» уже имѣютъ при книгахъ этого журнала изд. 1879 года (книга IV, апрѣль, и VII, іюль 1879 г.) въ наиточнѣйшихъ геліографическихъ снимкахъ, превосходно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

[2]) Кстати замѣтимъ, г. Исаковъ выпустивъ нынѣ два тома (I-й и VI-й) сочиненій Пушкина, продаетъ ихъ не иначе какъ принимая подписку на все

прочихъ, наиполнѣйшимъ изданіемъ сочиненій Пушкина. Такъ мы вправѣ предполагать по вышедшимъ двумъ томамъ. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ произведенія нашего поэта за время съ 1811-го до 1824-го года включительно. И дѣйствительно—всѣ стихотворенія, какія вышли изъ подъ пера Пушкина въ этотъ періодъ времени и какія несомнѣнно ему принадлежатъ—всѣ помѣщены въ этомъ томѣ; если же нѣкоторыя, и притомъ, къ счастію, весьма немногія,—оказалось рѣшительно невозможнымъ помѣстить цѣликомъ, то изъ нихъ приведены отдѣльныя строфы или отрывки. Таковы: Сказки (I, 205), Вольность, Эпическіе отрывки (I, 436), двѣ эпиграммы на гр. Аракчеева (I, 316) и, наконецъ, двѣ эпиграммы на кн. А. Н. Голицына (I, 42).

Извѣстно, что еще при жизни поэта, а того болѣе послѣ его смерти, даже до нашихъ дней, довольно много стихотвореній, эпиграммъ и разныхъ мелкихъ, преимущественно сатирическихъ произведеній гуляетъ по рукописнымъ сборникамъ, и попадаетъ въ печать, какъ въ Россіи, такъ въ особенности заграницей въ печатные сборники съ именемъ Пушкина. Довольно указать напр. на «дополнительный томъ стихотвореній Пушкина», изданный въ 1861-мъ году въ Берлинѣ и затѣмъ нѣсколько разъ перепечатывавшійся тамъ же и въ Лейпцигѣ: чего и чего тамъ нѣтъ такого, въ чемъ ни мало не повиненъ Пушкинъ!

Такія, облыжно приписанныя ему произведенія, конечно, не помѣщены въ нынѣ вышедшій томъ его стихотвореній (1811—1824 гг.). Въ «Ефремовскомъ» изданіи сочиненій Пушкина не нашли себѣ мѣста мнимо Пушкинскія произведенія:

1) Князь Голицынъ мудрость вѣсилъ....
2) На воцареніе Александра Павловича.
3) Къ памятнику его же.
4) Въ Россіи нѣтъ закона....
5) На постройку Исакіевскаго храма.
6) «Ужель нашъ архіерей»....
7) Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой: «Благословенная жена»....
8) «Князь Шаликовъ газетчикъ нашъ печальный»...
9) Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову: «Хоть участье не поможетъ»...

изданіе, т. е. на всѣ шесть томовъ, причемъ взимаетъ единовременно десять рублей. Въ виду всевозможныхъ случайностей, устранить которыя впрочемъ ...висить отъ г. Исакова, ему слѣдовало-бы теперь же и вполнѣ точно объявить ...кіе сроки явятся въ свѣтъ остальные томы.

10) Нѣсколько произведеній Илличевскаго и барона Дельвига, до сихъ поръ ошибочно приписываемыхъ Пушкину.
11) Михаилу Александровичу Дмитріеву: «Сошлися книжники»....
12) В. А. Жуковскому:—эпиграма: «Изъ савана облекся онъ въ ливрею»...
13) «Накажи святой угодникъ»....
14) Разговоръ Орловой съ архимандритомъ Фотіемъ.
15) Разговоръ Орлова съ Истоминой.
16) «Ты хочешь знать моя драгая...».
17) Нѣсколько эпиграммъ принадлежащихъ Сергѣю Александровичу Соболевскому, между прочимъ: на Ѳ. Н. Глинку, Ф. Ф. Вигеля и друг., также ошибочно приписываемыя Пушкину..... и т. п.

Тѣмъ не менѣе, все, что явилось въ печати съ именемъ Пушкина въ предѣлахъ Россіи—все было подвергнуто редакторомъ новаго изданія внимательнѣйшему изслѣдованію: о каждомъ таковомъ стихотвореніи (1811—1824 гг.) дано обстоятельное объясненіе и коль скоро принадлежность его перу Пушкина оказалась несомнѣнною, то оно и внесено въ надлежащее мѣсто изданія. При этомъ каждый читатель легко усмотритъ, что многое явилось нынѣ, въ разсматриваемомъ томѣ,—либо значительно полнѣе, исправнѣе, противъ того, какъ печаталось доселѣ, либо напечатано даже впервые въ Россіи. Такъ, напримѣръ, вошли въ собраніе сочиненій Пушкина — впервые или въ болѣе полномъ видѣ—нижеслѣдующія его произведенія:

А. Ѳ. Орлову [О ты, который сочеталъ] (I, 203).
Посланія Петру Яковлевичу Чаадаеву (I, 205, 320 и 364).
Двѣ эпиграммы на Н. М. Карамзина (I, 212).
Н. В. Всеволожскому (I, 538 [1]).
Еврейкѣ (I, 369).
«Лемносскій богъ тебя сковалъ.....» (I, 370).
Наполеонъ (I, 371).
Жалоба [Вашъ дѣдъ портной].... Сѣверину (I, 413).
Изыде сѣятель сѣяти семена своя..... (I, 441).
Отрывокъ [Недвижный стражъ дремалъ]... (I, 442).
«Сказали разъ царю»... (I, 445).
«Тимковскій царствовалъ».... (I, 451).
На М. В—ва [Полумилордъ, полукупецъ]. (I, 452).
Первое посланіе цензору (I, 465).
Второе посланіе цензору (I, 468) и нѣкоторыя другія стихотворенія.

---

[1]) Вперые напечатано вполнѣ П. А. Ефремовымъ въ «Русской Старинѣ» 1880 г. январь, томъ XXVII, стр. 191—193.

Въ заключеніе, привѣтствуя вышедшіе два тома «собранія сочиненій Пушкина», пожелаемъ возможно скорѣйшаго выхода въ свѣтъ остальныхъ четырехъ томовъ и порадуемся, что цензорскія ножницы впервые, вполнѣ къ чести нашего времени, не прикоснулись къ собранію сочиненій величайшаго и любимѣйшаго поэта Россіи [1].

Павловскъ.
1880 г.

Ред.

Экспромтъ

М. А. Л.

Поэзія не есть искусство,
Но отпечатокъ всей души;
Какъ хочешь напиши,
Но чтобы говорило чувство!...

А. Писаревъ.

Любезная сестра!

Своимъ умомъ я не богатъ,
Но съ вами и чужимъ готовъ я подѣлиться;
А если опытъ мнѣ счастливѣе случится,
Увидите, что я, усерднѣйшій вамъ братъ
И лучшимъ всѣмъ дѣлиться съ вами радъ.

N. Гнѣдичъ.

Іюля 26-го
1821 г.

Сообщ. подлинники П. Главацкій.

---

[1] Изъ всего перваго тома по отпечатаніи его исключено лишь «подражаніе Баркову» и ничтожное четверостишіе Пестелю. То и другое исключенія сдѣланы самимъ г. Ефремовымъ, пришедшимъ къ заключенію, что первое несомнѣнно принадлежитъ Полежаеву, а не Пушкину, а послѣднее весьма сомнительно, чтобы принадлежало Пушкину. Ред.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ФРЕЙГАНГЪ. [1])

1809—1880.

24-го марта 1880 года скончался въ Гатчинѣ, на 71-мъ году жизни, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, про которыхъ дѣйствительно можно сказать, что они прожили не даромъ, потому что постоянно жили для другихъ, а не для себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые оказываются болѣе русскими, чѣмъ цѣлое множество кровныхъ русскихъ. И это опять зависѣло отъ того полнѣйшаго отсутствія эгоизма, которымъ отличался покойный. Его благородная душа, возмущаемая національнымъ эгоизмомъ нѣмцевъ, ставила его на сторону всѣхъ приносимыхъ въ жертву этому эгоизму, какъ бы ни назывались они: славянами той или другой отрасли, латышами, эстами, или, наконецъ, русскими Россійской имперіи, которые, въ свою очередь, все еще оказываются подчасъ не вышедшими изъ-подъ нѣмецкой опеки и муштры.

Дѣдъ покойнаго Андрея Васильевича, Иванъ Ѳедоровичъ былъ извѣстнымъ въ свое время лейбъ-медикомъ императора Павла Петровича. Старшимъ изъ его сыновей былъ Василій Ивановичъ, получившій первоначальное воспитаніе въ извѣстномъ училищѣ при здѣшней лютеранской церкви св. Петра и завершившій его за границею въ Геттингенскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью доктора философіи. Тамъ онъ сблизился съ А. И. Тургеневымъ, и черезъ него же впослѣдствіи познакомился съ его братьями и друзья-

---

[1]) Читано въ торжественномъ собраніи Славянскаго благотворительнаго общества 11-го мая 1880 г. Писавшій долгомъ считаетъ выразить свою искреннюю благодарность за доставленные ему матеріалы: вдовѣ и братьямъ покойнаго Андрея Васильевича и бывшимъ его сослуживцамъ И. И. Петрову и Ѳ. Ѳ. Веселаго. Ор. М.

ми—между прочимъ съ поэтомъ Жуковскимъ. По возвращеніи въ Россію, Василій Ивановичъ посвятилъ себя государственной службѣ—по дипломатической части. Состоя при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ, онъ въ 1808 г. женился на дочери одного изъ членовъ нашего посольства—Кудрявскаго. При русскомъ происхожденіи (онъ былъ родомъ изъ Малороссіи), Кудрявскій почти совершенно утратилъ свою національность и даже исповѣдывалъ католицизмъ. Дочь его, вышедшая за Василія Ивановича Фрейганга, также была католичка, но безъ малѣйшаго фанатизма, и не чуждая воспоминаній о кровнорусскомъ началѣ своего рода, конечно, переходившихъ отъ нея и къ дѣтямъ. Въ 1809 г. іюля 21-го родился у нихъ, въ городѣ Опавѣ (Троппау), первый сынъ Андрей, крещенный по лютеранскому обряду [1]. Года черезъ два ребенокъ заброшенъ былъ служебною судьбою отца на противоположный конецъ свѣта—въ Тифлисъ, откуда отецъ его ѣздилъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Персію. Въ 1813 г. Василій Ивановичъ вернулся съ семействомъ въ Петербургъ, а въ 1814 г. назначенъ былъ старшимъ секретаремъ нашего посольства при нидерландскомъ дворѣ. Главою посольства нашего былъ чисто-нѣмецкій человѣкъ, чудовищный стратегъ генералъ Пфуль, хорошо извѣстный всей читающей русской публикѣ по хроникѣ гр. Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ». Вотъ въ какой обстановкѣ протекли отроческіе годы Андрея Васильевича. Но отецъ его, при своемъ нерусскомъ происхожденіи и воспитаніи, при родѣ службы, заставлявшей его жить бо̀льшею частію за границею, при укоренившейся привычкѣ говорить въ семействѣ по нѣмецки или по французски, считалъ однако же своимъ отечествомъ Россію, былъ преданъ ея интересамъ и гордился ея политическимъ могуществомъ. Этого мало. Замѣчательный умъ и образованіе вмѣстѣ съ характеромъ, заключавшимъ въ себѣ всѣ тѣ благородныя черты, которыя еще болѣе развились въ характерѣ сына,—привели его, дипломата къ сознанію того, что именно дипломаты-то бо̀льшею частію и не сознаютъ—права личности въ каждой національности. Это сознаніе особенно развилось у него въ то время, когда, послѣ перехода на службу изъ Голландіи въ Саксонію (гдѣ онъ много лѣтъ былъ русскимъ генеральнымъ консуломъ), Василій Ивановичъ попалъ наконецъ въ одну изъ составныхъ частей того искусственнаго политическаго конгло-

[1]) Кромѣ Андрея Васильевича, у Василія Ивановича было еще нѣсколько сыновей и дочерей. Двѣ сестры Андрея Васильевича, выданныя замужъ за границею, постоянно проживаютъ тамъ, и недавно посланныя имъ туда статьи о покойномъ Андреѣ Васильевичѣ должны были быть переведены на французскій языкъ. Ор. М.

мерата, который называется Австріей. Въ бытность свою русскимъ генеральнымъ консуломъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства (съ 1834 по 1849 г., т. е. по годъ своей смерти), онъ подалъ—куда, можетъ быть, и не слѣдовало, за невозможностью расчитывать тогда на успѣхъ,—записку о значеніи славянскихъ народовъ въ разношерстномъ составѣ державы, породившей Меттерниха и меттерниховщину. Въ одномъ собственноручномъ набросгѣ, сохранившемся въ бумагахъ Андрея Васильевича, разсказывается о знакомствѣ его родителей съ австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Саксоніи, Адамомъ Мюллеромъ и его семействомъ. «Я съ перваго раза не взлюбилъ этотъ домъ,—вспоминаетъ Андрей Васильевичъ (ему было тогда, по собственному показанію, всего 12 лѣтъ),—возненавидѣвъ Австрію въ лицѣ его обывателей и вымѣщая на нихъ мою злобу на это государство. Долетавшія до меня слова: Священный союзъ, Францъ, Меттернихъ, Генцъ, Ахенъ, Троппау, Лаубахъ, Верона, Греція—превращали меня, по мѣрѣ моего развитія, изъ инстинктивнаго непріятеля въ сознательнаго врага всего австрійскаго. Тому способствовало еще,—продолжаетъ онъ,—посѣщеніе нашего дома славянами, напримѣръ, молодымъ и неизвѣстнымъ еще тогда Палацкимъ, Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ и др.». Такимъ образомъ, Андрей Васильевичъ еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ уже сталъ на справедливую точку зрѣнія по отношенію къ непризнаннымъ политикою народностямъ, къ числу которыхъ приходилось ему потомъ, не смотря на политическое величіе Россіи, относить и русскихъ—не только непризнанныхъ, но часто не признающихъ самихъ себя. Но у Андрея Васильевича среди заграничной его обстановки были особаго рода наставники изъ чисто русскихъ людей. Въ семействѣ ихъ жила русская няня, и она имѣла на Андрея Васильевича въ Голландіи то же вліяніе, какимъ былъ обязанъ своей нянѣ великій Пушкинъ въ самой матушкѣ Москвѣ, остававшейся офранцуженною и во время и послѣ нашествія галловъ. Но Андрею Васильевичу, кромѣ няни, Богъ послалъ еще въ друзья дѣтства русскаго солдата, служившаго у вовсе уже не русскаго представителя Россіи въ Голландіи—чудака Пфуля. Солдатъ этотъ, надо думать, какъ и бо̀льшая часть нашихъ солдатъ, сохранялъ тѣ характерныя черты русскаго крестьянина, которыя до сихъ поръ не оцѣнены по достоинству ни русскими консерваторами, прямо идущими отъ русскихъ крѣпостниковъ, ни русскими либералами и радикалами, печалующимися о мужикѣ не безъ оттѣнка культурнаго презрѣнія къ нему. Какъ няня, такъ и солдатъ, на счастье Андрея Васильевича заброшенные въ Голландію, были причиною, что онъ съ дѣтства уже познакомился не только

съ политическимъ величіемъ Россіи, сложившимся отчасти на нѣмецкій маноръ, но и просто съ Русью въ тѣхъ ея природныхъ задаткахъ, которые такъ тепло и такъ искренно отмѣчены поэтомъ-славянолюбцемъ въ извѣстномъ его обращеніи къ родинѣ:

Не пойметъ и не примѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтò сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Андрей Васильевичъ съ дѣтства примѣтилъ и понялъ эту простую и какъ будто бы неказистую красоту, и ея путеводный обликъ перешелъ съ нимъ и въ стѣны Лейпцигскаго университета, куда поступилъ онъ вслѣдствіе того, что мѣстомъ службы отца его стала Саксонія. Тутъ сблизился онъ съ пріѣхавшимъ туда же штудировать отставнымъ русскимъ офицеромъ А. П. Есиповымъ, который, по приглашенію родителей молодаго Фрейганга, сталъ давать ему уроки русскаго языка. Въ обмѣнѣ мыслей, происходившемъ при этомъ между ученикомъ и учителемъ, должно было сказываться не мало чуднаго. Есиповъ на чисто-русскомъ языкѣ передавалъ Фрейгангу ту наивную вѣру въ европейскую цивилизацію, какъ панацею отъ всякихъ золъ, которую многіе русскіе люди выносятъ еще и теперь изъ неудовлетворительности россійскихъ порядковъ (не разглядывая въ нихъ прививокъ чисто-нѣмецкихъ), а Фрейгангъ, на своей, неизбѣжной въ то время, смѣси русскихъ простонародныхъ выраженій солдата и няни съ оборотами нѣмецкими и французскими, давалъ ему горячій отпоръ своею юношескою вѣрой въ Россію, еще имъ невиданную, но непремѣнно такую, какъ она ему представлялась, если не теперь, то въ будущемъ, — въ Россію, какою она должна быть для заграничныхъ ея соплеменниковъ, въ Россію, неофиціальными и недипломатическими представителями которой состояли при немъ эти простые русскіе люди, такъ крѣпко ему полюбившіеся. Благодаря учителю, кое въ чемъ, разумѣется, въ свою учередь позаимствовавшемуся у ученика, молодой Фрейгангъ пріобрѣлъ наконецъ основательное знаніе русскаго языка (на чистоту его выговора, вѣроятно, давно повліяли солдатъ и няня), ставшаго однимъ изъ множества тѣхъ, которые онъ зналъ (нѣмецкій, французскій, голландскій, англійскій, датскій, шведскій, испанскій, наконецъ латинскій, которому стали учить его весьма рано по настоянію Пфуля, чтò впослѣдствіи вполнѣ одобрили Жуковскій и А. И. Тургеневъ, прочившіе молодаго Фрейганга въ ученые). Знаніе столькихъ языковъ, пріобрѣтенное въ разное время, открыло ему доступъ къ самымъ различнымъ

литературамъ, и впослѣдствіи дало ему возможность слѣдить за всею европейскою журналистикой. Нашъ славянолюбецъ изъ нѣмцевъ былъ, стало быть, такимъ же широко образованнымъ человѣкомъ, какъ и тѣ русскіе славянофилы, которые такъ озадачивали иностранцевъ многосторонностью своихъ свѣдѣній, своею полнѣйшею освоенностью въ Европѣ и, наконецъ, просвѣщенно-радушнымъ своимъ отношеніемъ къ нашимъ европейскимъ гостямъ. Въ Лейпцигскомъ университетѣ Андрей Васильевичъ пробылъ 1826 и 1827 гг., т. е. 17-й и 18-й годы своей жизни. Затѣмъ, въ 1828 г., въ его судьбѣ произошла внезапная перемѣна—къ его полному удовольствію, уже потому, что съ перемѣною этою связывалось перемѣщеніе въ Россію. Въ сентябрѣ онъ беретъ увольненіе изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которую, по обычаю той поры, былъ записанъ еще 15-ти лѣтъ отъ роду, и записывается унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, а вскорѣ затѣмъ поступаетъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Дѣло въ томъ, что военная служба въ Россіи давно уже имѣлась для него въ виду; мѣшало только плохое знаніе русскаго языка. устраненное при помощи Есипова. Юноша, вѣроятно, идеализировалъ военную службу, какъ это случается со многими въ молодости въ силу той, такъ сказать, героической струнки, которая существуетъ въ природѣ человѣка. Но кто знаетъ, не повліялъ ли тутъ отчасти и другъ-солдатъ, а также, быть можетъ, и тѣ поѣздки на поля недавнихъ битвъ (между прочимъ — Ватерлооской), которыя еще въ отрочествѣ совершены были Фрейгангомъ вмѣстѣ съ отцомъ и подъ вліяніемъ его разсказовъ. Въ училищѣ, разумѣется, молодаго мечтателя ожидало неизбѣжное разочарованіе: ружейные пріемы и маршировка въ усиленной дозѣ въ связи съ дисциплиною, также доведенною до своего рода искусства ради искусства, должны были вскорѣ представиться очень далекими отъ чего либо героическаго. За то широкую душу Фрейганга вознаграждало товарищество (въ числѣ однокашенниковъ нашлись прекраснѣйшія натуры), и онъ такимъ образомъ вынесъ изъ юнкерской школы вовсе не дурныя воспоминанія. О самой дисциплинѣ въ училищѣ Андрей Васильевичъ отзывался впослѣдствіи вполнѣ добродушно: «Всѣ мы, юнкера школы,—говорилъ онъ,—принадлежали къ такъ называемымъ хорошимъ семействамъ, но никому изъ насъ не приходило въ голову обижаться или серьезно тяготиться тѣмъ, что должно было держать себя на вытяжку передъ офицерами и отвѣчать: «слушаю; здравія желаю; никакъ нѣтъ, ваше благородіе». Мы хорошо понимали, что это служебная комедія». Юнкерская служба Фрейганга продолжалась уже второй годъ, какъ вдругъ среди знакомыхъ, куда онъ ходилъ

по праздникамъ, стали поговаривать о предполагаемомъ снаряженіи военнаго судна въ кругосвѣтное плаваніе, о заманчивости посѣщенія разныхъ странъ, и т. п. Впечатлительный молодой человѣкъ живо вспоминаетъ слышанные имъ еще за границей разсказы о знаменитомъ путешествіи Крузенштерна и вотъ западаетъ ему въ душу мысль совершить, во что бы ни стало, кругосвѣтное плаваніе, а такъ какъ достичь того можно было только съ поступленіемъ во флотъ, то Фрейгангъ и рѣшается на это. Переходъ совершился безъ особеннаго затрудненія, при содѣйствіи даже самого главы морскаго министерства, кн. А. С. Меншикова, давно и хорошо знавшаго отца Фрейганга. Къ осени 1830 г. состоялся переводъ молодаго юнкера въ гвардейскій экипажъ. Зима 1830—1831 гг. прошла у него въ занятіяхъ морскими науками, а весною 1831 г. началось у насъ вооруженіе военнаго транспорта «Америка», назначеннаго для отвоза груза въ Камчатку и колоніи Россійско-Американской компаніи подъ командою капитанъ-лейтенанта Хромченко, человѣка сроднившагося съ моремъ и его особенностями. Фрейгангъ былъ назначенъ на это судно. Плаваніе продолжалось два года (съ августа 1831); заходили въ Копенгагенъ, Портсмутъ, Ріо-Жанейро, Сидней; опредѣлили положеніе нѣкоторыхъ группъ острововъ Великаго океана, встрѣчавшихся на пути; въ половинѣ августа 1832 г. прибыли въ Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ; затѣмъ посѣтили Ново-Архангельскъ, Санъ-Франциско, снова Ріо-Жанейро и Копенгагенъ, и осенью 1833 г. возвратились въ Кронштадтъ. Такимъ образомъ, про Фрейганга на 25-мъ году его жизни уже смѣло можно было сказать, что онъ, какъ Одиссей, «многихъ людей и страны посѣтилъ и обычаи видѣлъ». Но кругосвѣтное плаваніе послужило при томъ и къ ближайшему ознакомленію бывшаго лейпцигскаго студента съ русскимъ народомъ—въ лицѣ тѣхъ матросовъ, которые являлись его представителями, собравшимися какъ бы нарочно изъ самыхъ различныхъ мѣстностей. Изъ офицеровъ Фрейгангъ особенно сблизился съ Александромъ Антоновичемъ Халезовымъ—въ своемъ родѣ также типическимъ русскимъ человѣкомъ, впослѣдствіи воспроизведеннымъ И. А. Гончаровымъ въ фрегатѣ «Паллада» подъ именемъ дѣда.

Фрейгангъ, между тѣмъ, былъ произведенъ въ мичманы. По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія, онъ вплоть до 1840 г. почти каждое лѣто участвовалъ въ морскихъ кампаніяхъ на разныхъ судахъ. Между прочимъ, ему пришлось пробраться [1]) изъ Архангельска по Бѣлому морю и Сѣверному океану до Нордкапа. Замѣчательно,

---

[1]) На шкунѣ «Метеоръ» при лейтенантѣ Рудаковѣ. Ор. М.

что изъ всѣхъ участниковъ этой экспедиціи черезъ нѣсколько лѣтъ остались въ живыхъ только онъ да одинъ матросъ. Но и Фрейгангъ по возвращеніи бо́льшую часть зимы провелъ въ госпиталѣ, а оправившись поѣхалъ къ отцу подъ теплое небо Венеціи. Весь 1837 г. былъ имъ проведенъ въ отпуску,—и вотъ тутъ-то онъ и ознакомился особенно коротко со славянами Австріи, довершивъ это знакомство впослѣдствіи—при новомъ продолжительномъ отпускѣ въ 1843 г. [1]). Между тѣмъ, еще въ 1841 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ дежурному генералу главнаго морскаго штаба адмиралу Колзакову. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, за исключеніемъ своего отпуска въ 1843 г., онъ находился въ плаваніи при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, при чемъ опять посѣтилъ страну, въ которой протекли его дѣтскіе года — Голландію, а затѣмъ берега Англіи, Франціи, Испаніи, Португаліи и Италіи. Въ этотъ же періодъ времени снова увидѣлъ онъ Архангельскъ и познакомился съ противоположною оконечностью Россіи — Астраханью, а также совершилъ плаваніе по рѣчной системѣ отъ Петербурга до Вытегры. Это окончательно познакомило его съ русскимъ людомъ уже прямо на русской, такъ широко раскинувшейся землѣ.

Послѣ 1846 г. неутомимая дѣятельность А. В. Фрейганга принимаетъ другой, болѣе кабинетный характеръ. Но тутъ-то и пришлось ему примѣнить къ дѣлу свои разностороннія свѣдѣнія. Еще въ 1842 г. началось, по почину извѣстнаго нашего гидрографа Н. Ф. Ренике, изданіе «Записокъ гидрографическаго департамента», въ программу которыхъ входили и историческія изслѣдованія по исторіи нашего флота. Сотрудниками этого изданія стали многіе изъ особенно образованныхъ и талантливыхъ флотскихъ офицеровъ. Къ нимъ примкнулъ и Фрейгангъ, прикомандированный въ 1848 г. къ морскому ученому комитету. Въ томъ же году помѣстилъ онъ въ упомянутомъ изданіи статью: «Морская коллегія въ Венеціи». Съ 1848 г. началось при морскомъ ученомъ комитетѣ изданіе «Морскаго Сборника». Фрейгангъ сейчасъ же поступилъ въ составъ главныхъ силъ редакціи. Въ августѣ 1853 г. Андрей Васильевичъ вступилъ въ бракъ и въ слѣдующемъ, 1854 г., обрадованъ былъ рожденіемъ первой дочери, когда особыя, всѣмъ памятныя событія вызвали его снова на поприще морской практической дѣятельности. Ему поручено было командованіе отрядомъ канонирскихъ лодокъ и онъ участвовалъ въ отраженіи англійскихъ пароходовъ отъ г. Або. Событія тяжкой поры

---

[1]) Андрей Васильевичъ ѣздилъ за границу и послѣ смерти отца, для устройства дѣлъ, а именно въ 1851 г.. Ор. М.

европейской коалиціи противъ Россіи должны были и вообще затронуть Фрейганга заживое. Знакомый съ Европой не по однѣмъ книжкамъ, посвященный еще отцомъ въ неприглядныя тайны ея отношеній къ славянству, Андрей Васильевичъ не могъ не понять въ настоящемъ смыслѣ тогдашній фазисъ вопроса такъ называемаго восточнаго, т. е. славяно-греческаго. Онъ, конечно, не могъ попасть въ разрядъ тѣхъ, подчасъ сѣдовласыхъ, до сихъ поръ еще возможныхъ у насъ, дѣтей, которыя способны совершенно искренно думать, будто Европа относится къ намъ враждебно только потому, что мы еще не обзавелись всѣми ея благоустроенными порядками, а чуть это совершится, она сейчасъ же намъ и откроетъ свои объятія. При всей своей непрактичности въ личныхъ и домашнихъ дѣлахъ, происходившей просто отъ того, что онъ объ нихъ мало думалъ, Фрейгангъ слишкомъ много не только читалъ, но и видѣлъ въ политической области, чтобы быть способнымъ къ такой точкѣ зрѣнія, съ которой не замѣчались столь многими совсѣмъ уже не враждебныя, а прямо охранительныя отношенія Европы къ Турціи, не смотря на ея доморощенные порядки, только фиктивно какъ будто бы подновляемые по рецептамъ европейской цивилизаціи. Онъ, разумѣется, какъ истинный другъ Россіи, былъ далекъ и отъ патріотическаго самоослѣпленія. Но если Россія представлялась тогда ему, какъ и самому Хомякову, «полною всякихъ мерзостей», то это не мѣшало Фрейгангу, подобно поэту-славянофилу, считать тогдашнюю нашу брань святою, а терновый вѣнецъ русскаго народа ставить выше вѣнца побѣднаго (употребляя выраженіе другаго поэта, за которое у насъ на него такъ напали). Тяжкая година народнаго испытанія предоставляла широкое поприще для той способности жертвовать и возбуждать къ пожертвованіямъ, которая въ такой сильной степени была развита у Фрейганга. Въ своихъ недавнихъ воспоминаніяхъ объ немъ одинъ изъ бывшихъ его сослуживцевъ, Ѳ. Ѳ. Веселаго, указалъ на то, что когда задумана была, между прочимъ, лотерея въ пользу семействъ павшихъ севастопольцевъ, то Фрейгангъ пожертвовалъ для нея всѣ золотыя и серебряныя вещи, оказавшіяся въ его семействѣ, за исключеніемъ только грудныхъ крестиковъ да обручальныхъ колецъ (отдана была и послѣдняя чайная ложка). Когда, послѣ заключенія Парижскаго мира, началась, какъ бы въ видѣ вознагражденія оскорбленному народному чувству, наша внутренняя переработка, Фрейгангъ, разумѣется, сочувствовалъ ей всею душой, но былъ далекъ отъ того, чтобъ предполагать особенное сочувствіе тому и въ Европѣ, а скорѣе былъ долженъ предвидѣть съ ея стороны впереди только новаго рода махинаціи—не въ нашу же пользу.

Начало болѣе льготнаго времени для нашей печати было и временемъ усиленныхъ работъ Андрея Васильевича по «Морскому Сборнику». Съ 1855 по 1860 г. онъ считался помощникомъ редактора; помѣщать же статьи въ этомъ журналѣ онъ продолжалъ до самаго начала тяжкой своей болѣзни въ 1874 г. Бо́льшая часть статей его заключалась въ отзывахъ объ иностранныхъ сочиненіяхъ по морскому дѣлу (въ широкомъ смыслѣ слова). «Но не будучи,—по словамъ очень близкаго къ нему лица (И. И. Петрова),—черствымъ, сухимъ книжникомъ, онъ старался во взякомъ отзывѣ и замѣткѣ коснуться той или другой подходящей черты въ нашемъ флотѣ, военномъ или коммерческомъ, и вызвать читателя на размышленіе». Наибольшая часть статей подписывалась начальными буквами имени, отчества и фамиліи, иногда же Р. Ч., или Р. Ч—ъ (т. е. русскій человѣкъ). Изъ статей этихъ могъ-бы составиться, говорятъ, не одинъ большой томъ, и издать его положительно слѣдовало бы, такъ какъ Фрейгангъ, по свидѣтельству людей близкихъ къ дѣлу, былъ замѣчательный знатокъ морской литературы, какъ самой древней, такъ и новѣйшей [1]). Кромѣ «Морскаго Сборника», онъ помѣщалъ различныя не менѣе живыя замѣтки въ морскихъ и другихъ газетахъ, не говоря уже объ обычной манерѣ его сообщать различнымъ редакціямъ свѣдѣнія и замѣтки просто какъ матеріалъ. Такія данныя сообщались имъ въ кратковѣчныя, къ несчастью, изданія И. С. Аксакова, также въ «Московскія Вѣдомости», «Голосъ», «Русскую Старину» и т. д. Эта манера покойнаго находилась въ прямой связи съ существенною чертою его характера—дѣлать дѣло, не выставляя себя самого. Широкое развитіе русскаго судоходства было постоянно одною изъ задушевныхъ патріотическихъ заботъ Фрейганга. Отсюда его неутомимыя хлопоты въ пользу всякаго общества для содѣйствія этому дѣлу. Онъ, по выраженію И. И. Петрова, положительно «няньчился» съ извѣстнымъ дѣятелемъ по этой части, опальнымъ у остзейскихъ нѣмцевъ г. Вольдемаромъ, помогая ему всевозможными путями и средствами; а по свидѣтельству Ѳ. Ѳ. Веселаго, Фрейгангъ первый поднялъ у насъ въ печати вопросъ о рѣчной полиціи, и дѣло окончилось ея учрежденіемъ; давно его занимала мысль и объ устройствѣ у насъ морскихъ спасательныхъ станцій не на казенныя деньги, а на средства частныхъ лицъ, и мысль эта также увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію этой мысли была открытая Фрейгангомъ, между близкими знакомыми, подписка; эта самая подписка, хотя сначала и шедшая медленно, послужила основаніемъ того капитала,

---

[1]) «Кронштадтскій Вѣстникъ» 28-го марта 1880 г. Ор. М.

который въ теченіе 8-ми лѣтъ дошелъ до внушительной цифры 300,000 рублей [1]). Фрейгангъ любилъ вообще утверждать и доказывать, что можно копѣйками собирать очень много (съ этимъ практическимъ способомъ онъ, по его собственному свидѣтельству, ознакомился за границей). На томъ же началѣ ни для кого не обременительныхъ вкладовъ основалось, какъ извѣстно, такъ называемое Балтійское братство, вызывавшее особенное сочувствіе Фрейганга. Оставаясь еще лютераниномъ, онъ всѣми мѣрами распространялъ мысль о поддержаніи православныхъ храмовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, понимая и своимъ здравымъ смысломъ и своимъ справедливымъ сердцемъ, что самая внѣшность ихъ тамъ носила на себѣ отпечатокъ скорѣе угнетенной, чѣмъ господствующей церкви. Самъ онъ пожертвовалъ между прочимъ на церковныя ризы сохранявшіяся въ ихъ семьѣ еще со временъ пребыванія отца его въ Персіи дорогія персидскія парчевыя ткани, частію выпросивъ ихъ и у своихъ братьевъ. Заботясь о поддержаніи православныхъ храмовъ въ Остзейщинѣ, Фрейгангъ въ то же время былъ, какъ извѣстно, и рьянымъ защитникомъ латышей и эстовъ, которыхъ сколько нибудь выдающіеся представители посѣщали его и писали ему, и все это невольно прощалось Фрейгангу необрусѣвшею частью его родства и знакомства ради того добродушія, съ какимъ все это дѣлалось у него какъ будто бы совершенно невольно.

Не менѣе странными должны были казаться, но также прощались ему, въ видѣ не менѣе чистосердечной филантропической причуды, его постоянныя сношенія со славянами разныхъ странъ, въ томъ числѣ и съ русскими въ Угорщинѣ и Галиціи, а равно и съ русскими въ нашемъ западномъ краѣ, также не всегда и во всемъ поставленными благопріятно. Фрейгангъ въ этомъ смыслѣ былъ членомъ Славянскаго общества уже задолго до его учрежденія въ 1867 г., когда онъ, само собой разумѣется, вошелъ въ составъ учредителей. Какъ на причуду, конечно, смотрѣли на общеславянскія заботы Фрейганга и многіе русскіе люди — особенно изъ официальныхъ сферъ. Фрейгангъ очень хорошо понималъ, что этимъ не снищешь ни широкой популярности у нашей публики, ни успѣховъ на поприщѣ такъ называемой карьеры; но онъ не могъ, такъ сказать, не носиться съ вѣчными своими славянами, а между тѣмъ пожалованный ему въ 1867 г. черногорскимъ княземъ орденъ Даніила былъ имъ, конечно,

---

[1]) См. въ № 48-мъ «Кронштадтскаго Вѣстника» рѣчь Ѳ. Ѳ. Веселаго, произнесенную 25-го апрѣля въ общемъ собраніи членовъ Общества подаянія помощи при кораблекрушеніяхъ. **Ор. М.**

такъ же мало замѣченъ, какъ и то, что изъ русскихъ орденовъ имѣлась у него, дошедшаго въ 1874 г. до чина вице-адмирала, не болѣе какъ Анна 2-й степени съ мечами, полученная еще за военное дѣло въ 1854 г. Постоянно онъ то и дѣлалъ что обращался къ знакомымъ и полузнакомымъ со всякими сборными книжками, располагая къ пожертвованію замѣчаніемъ, что незачѣмъ непремѣнно давать рубли, что крупныя суммы выходятъ въ итогѣ и изъ копѣекъ, и мало думалъ о томъ, что въ собственномъ его карманѣ было довольно пусто и что семью свою онъ оставитъ не только безъ родоваго, но и безъ благопріобрѣтеннаго.

Между тѣмъ, здоровье Фрейганга все болѣе и болѣе приходило въ разстройство. Только на время поддержало его лѣченіе за границей въ 1868 г. Въ послѣдніе годы ему пришлось, по совѣту врачей, переселиться, по увольненіи отъ службы, на постоянное житье въ Гатчину. Это уединило его отъ многихъ людей, очень близкихъ къ нему по характеру дѣятельности. Тѣмъ тяжелѣе было ему выносить и разочарованія сербской войны, и долгій промежутокъ между нею и нашимъ объявленіемъ войны Турціи, и наши нежданныя, далеко не кратковременныя неудачи, и пытку Берлинскаго конгресса послѣ побѣдной нашей стоянки у воротъ Цареграда, и начавшееся у насъ затѣмъ закидыванье грязью славянскаго дѣла и его друзей, и нашу чудовищную въ своей изобрѣтательности смуту, и нашу общественную лѣнь и спячку. Но кто хорошо зналъ Фрейганга, тотъ, и не видя его въ послѣднюю пору, навѣрное можетъ сказать, что онъ, не смотря ни на что, не былъ въ состояніи утратить вѣру въ русскій народъ, а тѣмъ менѣе говорить, подобно многимъ—неглупымъ и недурнымъ, но малодушнымъ людямъ: «по дѣломъ ему!»

За шесть лѣтъ до смерти Фрейгангъ исполнилъ свое давнишнее желаніе слиться съ русскимъ народомъ въ вѣроисповѣданіи. Дѣти его крещены были по православному; его жена, одной фамиліи съ нимъ, стала православною еще раньше его; наконецъ и онъ, вскорѣ послѣ увольненія отъ службы, 21-го мая 1874 г. былъ присоединенъ къ православной церкви. Отъ этого давно задуманнаго шага и удерживало его собственно простодушное опасеніе, какъ бы шагъ этотъ не былъ понятъ въ смыслѣ какого нибудь заискиванья во власть имѣющихъ. Съ выходомъ же въ отставку это опасеніе вполнѣ устранялось. Родные, вѣроятно, простили Фрейгангу этотъ шагъ такъ же точно, какъ прощали ему его сборы на православные храмы въ эсто-латышскомъ краѣ и его постоянныя хлопоты о всякаго рода славянахъ. Въ отвѣтъ же на пожиманіе плечами различныхъ умниковъ, Фрейгангъ могъ бы сказать, что ежели въ списокъ ихъ обычныхъ поня-

тій завѣдомо входитъ свобода совѣсти, то вѣдь она заключаетъ въ себѣ право выбора вѣры, т. е. и перемѣны ея.

Нравственныя лишенія, съ которыми не могло не соединяться для Фрейганга проживаніе его и зимою въ удобно посѣщаемой только лѣтомъ Гатчинѣ, были въ состояніи лишь на время отсрочить роковую развязку его тѣлесныхъ недуговъ. Они подъ конецъ сказались у него сильнѣйшими страданіями. Фрейгангъ при этомъ сохранялъ до послѣднихъ минутъ полнѣйшую свѣжесть ума и участіе ко всему живому. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ сдѣлалъ онъ самъ нѣкоторыя распоряженія о своихъ похоронахъ, позаботившись при этомъ, чтобы сдѣлать заказы и тѣмъ доставить извѣстный доходъ болѣе въ томъ нуждающимся. Въ предсмертныхъ своихъ бесѣдахъ онъ заявлялъ, что, не помня своихъ лютыхъ враговъ (и у него они, вѣроятно, все же были), онъ не можетъ простить врагамъ своего отечества. Собственно они и возмущали его во всю его жизнь и мысль о нихъ не давала ему покоя и у дверей гроба.......

Этого рода злопамятность, конечно, не помѣшаетъ признать вѣрнымъ то выраженіе объ Андреѣ Васильевичѣ Фрейгангѣ, которое еще при жизни его употреблялось В. И. Ламанскимъ: «святой человѣкъ!»

Да, оно возможно, это выраженіе; оно, право, возможно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ возможно и выраженіе: святая Русь! И онъ, этотъ много любившій человѣкъ, всего болѣе любилъ ее—за ту же душевную ея ширь, за тѣ свойства ея многотерпѣливаго и не озлобленнаго народа, ради которыхъ, усматривая въ нихъ глубокій и чистый духовный родникъ, поэтъ пророчески говорилъ:

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, свободы, тишины.

Ор. Ѳ. Миллеръ.

11-го мая 1880 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Князь А. И. Барятинскій.

По поводу моей замѣтки «Къ исторіи покоренія Кавказа», помѣщенной въ «Русской Старинѣ», изд. 1880 г., томъ XXVIII, (май), стр. 156—158, я получилъ отъ А. Л. Зиссермана письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что я совершенно справедливо упрекнулъ нѣкоторыя газеты за ихъ отзывы послѣ смерти князя А. И. Барятинскаго, но ошибаюсь, если полагаю, что одинъ только Д. И. Романовскій сказалъ сочувственное слово о покойномъ. Г. Зиссерманъ, препроводивъ ко мнѣ номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 28-го февраля 1879 года, проситъ меня дополнить упомянутую мою замѣтку въ такомъ смыслѣ: «что кромѣ Д. И. Романовскаго нашелся и другой человѣкъ, отозвавшійся о покойномъ генералъ-фельдмаршалѣ, на сколько умѣлъ, достойнымъ образомъ».

Очень сожалѣю, что не зналъ ранѣе о существованіи статьи г. Зиссермана, такъ правдиво и искусно обрисовавшей покойнаго князя А. И. Барятинскаго; въ особенности не могу не выписать изъ этой статьи слѣдующихъ словъ моего почтеннаго сослуживца по Кавказу:

— «Съ княземъ А. И. Барятинскимъ угасъ исчезающій уже теперь типъ истаго русскаго барина—въ лучшемъ значеніи этого слова; рыцарски великодушный, деликатный, любезный, щедрый, съ замѣчательнымъ природнымъ умомъ и проницательностью, умѣніемъ узнавать людей и давать имъ соотвѣтствующія назначенія, умѣніемъ награждать и привлекать ихъ къ дѣлу; нерѣдко полный самыхъ увлекательныхъ фантазій, всегда готовый спѣшить ихъ исполненіемъ, нетеряющійся при неудачахъ; въ полномъ смыслѣ—знатный русскій баринъ, но безъ малѣйшей жестокости, безчеловѣчности, отличавшихъ нерѣдко нашихъ вельможъ старыхъ временъ; напротивъ—мягкій, снисходительный; во всемъ и вездѣ, отъ наружности и манеръ до служебныхъ и частныхъ отношеній, аристократъ самой чистой крови»....

Характеристика вполнѣ правдивая и достойная памяти покойнаго генералъ-фельдмаршала.

М. Я. Ольшевскій.

Архіепископъ Ириней Нестеровичъ

въ 1831 г.

Въ «Русской Старинѣ» была помѣщена одна довольно своеобразная резолюція извѣстнаго иркутскаго архіепископа Иринея Нестеровича (изд. 1872 года, т. V, стр. 477—478). Въ дополненіе къ этому памятнику административной дѣятельности иркутскаго іерарха, представляемъ принадлежащую ему инструкцію, которую онъ далъ командированному имъ, въ іюлѣ 1831 года, въ улусы бурятъ аларскаго, балаганскаго и идинскаго вѣдомствъ, въ качествѣ миссіонера, ученику высшаго отдѣленія Иркутской духовной семинаріи Егору Добросердову (нынѣ—преосвященный астраханскій и енотаевскій Герасимъ).

«Секретно.

«Ученику богословія Егору Добросердову.

«Отправляя тебя вѣропроповѣдникомъ къ бурятамъ кудинскимъ, тункинскимъ, китайскимъ, аларскимъ, балаганскимъ, идинскимъ, манзурскимъ и косостенскимъ, съ коими познакомятъ тебя приходскіе священники, нахожу нужнымъ сказать тебѣ съ спутникомъ твоимъ [1]) въ наставленіе слѣдующее:

«Первое. Отнюдь нигдѣ не именовать себя проповѣдникомъ, а въ видѣ простаго посѣтителя, или гостя, предлагать бесѣду свою посѣщаемымъ тобою бурятамъ, и въ особенности ихъ тайшамъ, шуленгамъ и старшинамъ объ обращеніи ко Христу на основаніи Его же словесъ: «Покайтесь и вѣруйте во Евангеліе» (Марк. гл. I, ст. 15). Если ты понимаешь смыслъ оныхъ словъ во всемъ ихъ пространствѣ, то нѣтъ тебѣ нужды ни въ пространномъ моемъ наставленіи, ни въ излишней съ твоей стороны заботливости—«како или что возглаголешь?» (Лук. гл. XXI, ст. 13).

«Второе. Токмо покажи при семъ случаѣ чистую христіанскую любовь, всю вѣру и пламенное усердіе къ спасенію сихъ, въ невѣдѣніи живущихъ племенъ; исполни на дѣлѣ и во всѣхъ поступкахъ своихъ то святое ученіе, которое другимъ проповѣдывать и внушать взялся. Ты достигнешь предположенной цѣли обращенія сихъ племенъ къ вѣрѣ во Христа не иначе какъ кротостью, любовію, терпѣніемъ и вообще примѣрно-добрыми поступками.

«Третье. Докажи своимъ безкорыстіемъ наипаче, что вѣра христіанская и законъ ея есть совершеннѣйшій и превосходнѣйшій. Святость твоя да будетъ доказательствомъ святости христіанства.

«Четвертое. Предлагать крещеніе должно уже по довольномъ наученіи и утвержденіи въ вѣрѣ; безъ чего крещеніе—людямъ, не понимающимъ силы христіанскаго ученія,—преподаваемое есть прямое злоупотребленіе одного изъ величайшихъ таинствъ христіанства.

«Пятое. Никакихъ непристойныхъ и до званія проповѣдническаго не касающихся разглашеній не чинить, особливо въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входить и никакой власти не ослаблять ни явными, ни тайными внушеніями.

«Шестое. Старайся, при обращеніи ихъ въ христіанскую вѣру, употреблять больше духовныя, нежели мірскія побужденія, такъ чтобы сіи послѣднія служили нѣкоторымъ возмездіемъ, а не приманкою.

[1]) Спутникомъ Добросердова былъ священникъ Николай Комаровскій.

«Седьмое. Внуши имъ ту довѣренность ко мнѣ, что они могутъ относиться ко мнѣ съ требованіемъ совѣта не только въ дѣлахъ, касающихся вѣры христіанской, но и внѣшнихъ обстоятельствъ своихъ, какого бы роду они ни были. Я готовъ, по Евангелію, душу свою положить за нихъ, если только они будутъ овцами стада Христова.

«Восьмое. Какой будетъ успѣхъ посольства твоего, о томъ, равно и объ издержкахъ, долженъ ты дать мнѣ по возвращеніи своемъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ журнала занятій твоихъ и замѣчательныхъ событій во время путешествія твоего.

«Девятое. Наконецъ, Господь Богъ да благословитъ входы и исходы твои, во славу возлюбленныхъ Его церкви предпріемлемые. Сіе благословеніе Божіе призываетъ на тебя Ириней, архіепископъ иркутскій, нерчинскій и якутскій. 20-го іюля 1831-го года. Иркутскъ».

Сообщ. **Ив. Д. Павловскій.**

Архимандритъ Гавріилъ Воскресенскій

1795—1868 гг.

I.

Въ обзорѣ «Русской Старины» за X-й годъ ея изданія со стороны редакціи между прочимъ сказано, что она «возраженіями, примѣчаніями, дополненіями и поправками дорожитъ точно такъ же, какъ и статьями, ихъ вызвавшими» (стр. 740). Имѣя это въ виду, я и рѣшился написать поправку къ замѣткѣ

Отрицая—какъ положительно «невѣрное»—сказаніе о кончинѣ архиман-

И. Д. Павловскаго объ архимандритѣ Гавріилѣ («Русская Старина» 1879 г. томъ XXVI, стр. 714).

дрита Гавріила, передаваемое о. Морошкинымъ («Русск. Стар.» 1876 г., т. XVII, стр. 302), г. Павловскій, вслѣдъ за о. Кузнецкимъ («Духовный Вѣстникъ» 1862 г., т. III, прибавл. 9),—заставляетъ архимандрита Гавріила умирать за 19 лѣтъ ранѣе его дѣйствительной смерти и не тамъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ отдалъ свою душу Богу. Не на пути къ Байкалу въ званіи миссіонера и не въ 1849 году скончался блистательно начавшій, не менѣе блистательно продолжавшій, но смиренно кончившій свое учено-служебное поприще архим. Гавріилъ, а скончался онъ дѣйствительно тамъ, гдѣ указываетъ о. Морошкинъ, именно: въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ, Владимірской епархіи, гдѣ кончина его послѣдовала 10-го мая 1868 года. (См. «Владимірскія епарх. вѣдом.» 1868 г. № 11; «Извѣстія по Казанской епархіи» 1868 г. № 16; «Православ. Обозр.» 1868 г. іюньск. кн., замѣт., стр. 63 и 64; «Истор. Моск. духовн. акад.», стр. 385). Странно, какъ о. Кузнецкій, выбывшій изъ Казани въ 1852 г. («Прав. Собес.» 1868 г. декабрск. кн., стр. 334), въ одинъ годъ съ архим. Гавріиломъ, отнесъ годъ кончины послѣдняго къ 1849 году, указавъ даже и мѣсто его кончины—на пути къ Байкалу, когда архимандритъ Гавріилъ, вслѣдствіе представленія архіепископа казанскаго Григорія Постникова, по распоряженію святѣйшаго синода, былъ удаленъ изъ Казани въ томъ же 1852 году!

Мѣстомъ ссылки для архимандрита Гавріила былъ назначенъ Усть-Киренскій монастырь, иркутской епархіи, гдѣ онъ и искупалъ грѣхи свои до времени, пока не скончался преосвященный Григорій. Когда же, по смерти пре-

освященнаго Григорія, во главѣ русской церкви сталъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ, инспектируемый во время своего ученія въ Петербургской духовной академіи архимандритомъ Гавріиломъ, архимандритъ Гавріилъ рѣшился просить у святѣйшаго синода, какъ милости,—дозволить ему остатокъ дней провести въ какомъ либо монастырѣ внутренней Россіи. Въ 1861 году послѣдовало соизволеніе святѣйшаго синода на переходъ архимандрита Гавріила изъ Киренскаго въ Юрьевъ-Польскій Архангельскій монастырь, владимірской епархіи, откуда потомъ, въ 1867 году, онъ переведенъ былъ уже въ послѣднее мѣсто его убѣжища—въ монастырь Муромскій Спасскій.

«Владимірскія епархіальныя вѣдомости», по поводу кончины архимандрита Гавріила, говорятъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее: «По окончаніи въ 1820 г. курса въ Московской академіи, покойный блистательно началъ свое служебное поприще въ званіи баккалавра философскихъ наукъ при академіи, и вотъ въ настоящемъ (1868) году, чрезъ 47 лѣтъ, онъ окончилъ это поприще въ званіи смиреннаго настоятеля небогатаго III-е класнаго монастыря, испытавши множество превратностей судьбы, не одинъ разъ съ торжествомъ восходя на каѳедры богословія и философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и смиренно нисходя съ нихъ до тихихъ занятій въ простой народной школѣ, какъ недавно мы видѣли его въ г. Юрьевѣ, гдѣ онъ съ обывательскими дѣтьми занимался съ обычнымъ для него всегдашнимъ одушевленіемъ». По словамъ «Современнаго Листка», святѣйшій синодъ «за открытіе архимандритомъ Гавріиломъ, въ бытность его въ Юрьевомъ монастырѣ школы, для мальчиковъ и постоянное произношеніе въ церкви проповѣдей, имѣющихъ благотворное вліяніе на слушателей», возобновилъ ему магистерскій окладъ.

Умѣстнымъ считаю здѣсь передать, по возможности точный, перечень служебныхъ степеней архимандрита Гавріила. Архимандритъ Гавріилъ (въ мірѣ Василій Николаевичъ Воскресенскій) родился въ 1795 году. Въ 1816 году онъ поступилъ изъ Виѳанской семинаріи въ составъ II-го курса Московской духовной академіи. Предъ окончаніемъ Воскресенскимъ въ 1820 году курса, академію Московскую ревизовалъ архіепископъ тверской Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) въ соприсутствіи мѣстнаго митрополита Серафима. Испытанія студентовъ начались съ экспромтовъ; студентамъ старшаго курса Филаретъ приказалъ въ теченіе сутокъ написать экспромтъ на слѣдующую тему: изъяснить изреченіе апостола Павла, заключающееся въ 18-мъ стихѣ 3-й главы 2-го посланія къ Коринѳянамъ, и «отличнымъ», лучшимъ изъ всѣхъ, оказался предъ судомъ Филарета экспромтъ Воскресенскаго («Истор. Моск. духовн. акад.», стр. 180 и 181), который, вмѣстѣ съ словомъ его же, Воскресенскаго, на день тезоименитства императрицы Елисаветы Алексѣевны, и былъ въ томъ же 1820 году напечатанъ отъ академіи въ сборникѣ трудовъ студентовъ II-го курса, въ типографіи Селивановскаго. Но въ курсовомъ спискѣ студентовъ, не смотря на это отличіе, Воскресенскій поставленъ вторымъ магистромъ, впрочемъ оставленъ вмѣстѣ съ первенцемъ Азбукинымъ при академіи баккалавромъ философскихъ наукъ. Каѳедру философіи Воскресенскій занималъ при академіи съ сентября 1820 по сентябрь 1822 года, когда, вмѣстѣ съ постриженіемъ въ монашество съ именемъ Гавріила, былъ переведенъ на классъ богословскій по чтенію священнаго писанія и герменевтики, каковую каѳедру и занималъ до назначенія отъ 18-го октября (26-го ноября) 1824 года въ инспекторы въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ 31-го мая 1825 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита («Истор. Спб. духовн. акад.», стр. 339); оттуда 2-го сентября 1825 г.

былъ переведенъ ректоромъ въ Орловскую семинарiю; въ 1827 г. тѣмъ же званiемъ—въ Могилевскую, а чрезъ два года онъ является уже въ Казани, но не въ званiи ректора семинарiи, а простымъ настоятелемъ Зилантова монастыря. Мнѣ неизвѣстна причина такого обиднаго передвиженiя, но тогдашнiй архiепископъ казанскiй Филаретъ Амфитеатровъ (впослѣдствiи митрополитъ кiевскiй) въ письмѣ къ епископу вятскому Кириллу Богословскому-Платонову, отъ 31-го марта 1830 года, писалъ о Гаврiилѣ: «съ великимъ сожалѣнiемъ разстался я съ зилантовскимъ архимандритомъ Петромъ—да и ему очень не хотѣлось въ Хохландiю (былъ переведенъ въ Черниговъ—см. о немъ въ «Страннике» за 1874 г., январск. кн., стр. 25 и 26). Гаврiилъ, на его мѣсто присланный, извѣстный вамъ (Гаврiилъ учился въ академiи въ ректуру того и другаго: при первомъ поступилъ въ академiю, при второмъ кончилъ курсъ,—см. «Истор. Московск. духовн. акад.», стр. 378 и 379), хорошо переноситъ школу. Видно, надобно его прошколить. Дарованiя имѣетъ, но еще не устоялся. Впрочемъ, кажется, въ немъ есть надежды» (Письма Филарета къ Кириллу. Изд. въ Казани, 1876 г., стр. 42). Передвиженiе архимандрита Гаврiила въ Казань послѣдовало тогда, когда ея архiепископъ Филаретъ всецѣло занятъ былъ миссiонерствомъ по возвращенiю въ церковь отпадшихъ въ 1827 году крещенныхъ татаръ, по утвержденiю въ христiанствѣ нетвердыхъ въ вѣрѣ крещенныхъ чувашъ, черемисъ и вотяковъ, и по просвѣщенiю христiанствомъ язычниковъ и магометанъ. Труды Филарета на этомъ поприщѣ имѣли добрый успѣхъ, въ которыхъ принималъ участiе и архимандритъ Гаврiилъ. Такъ, при его участiи приведено въ христiанскую вѣру въ 1830 году идолопоклонниковъ 2,268 и въ 1831 году—910 человѣкъ (см. «Владимiр. епарх. вѣд.» 1868 г. № 11, стр. 565; см. Сбоева «Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религiозномъ отношенiи». Москва, 1865 г., стр. 59).

Не безнадежный относительно архимандрита Гаврiила, преосвященный Филаретъ впослѣдствiи допустилъ его и до семинарiи (Казанской), въ которой онъ съ 1835 и по 1841 годъ читалъ богословскiе предметы, а затѣмъ былъ назначенъ ректоромъ въ новооткрытую семинарiю Симбирскую, откуда, по возвращенiи въ Казань въ 1843 году, онъ снова занялъ каѳедры богословiя и философiи при Казанскомъ университетѣ, занимаемыя имъ и прежде съ 1836 года, и должность законоучителя при открывшейся 2-й Казанской гимназiи.

Учено-просвѣтительная дѣятельность архимандрита Гаврiила въ Казани продолжалась до 1852 года, до времени, пока на него—все еще «неустоявшагося»—не наложилъ своей мощной руки членъ синода преосвященный Григорiй, «упрятавшiй» его въ Киренскiй монастырь (остальная судьба извѣстна). Причиной сего была невполнѣ благовидная жизнь архимандрита, которую онъ, впрочемъ, не старался и маскировать, какъ обычно то другимъ, и грубоцинничные отвѣты его на замѣчанiя владыки по поводу этой неблаговидности. Но не смотря на эту невполнѣ благовидную жизнь, архимандритъ Гаврiилъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ Казани: ученые любили его какъ честнаго труженика-товарища, учащаяся молодежь—за правдивые, полные жизни уроки, среднiй и низшiй классъ общества—за ласковое и привѣтливое со всѣми обхожденiе, всѣ же вообще—за его проповѣдническое краснорѣчiе, которымъ онъ, такъ сказать, щеголялъ предъ всѣми современными ему духовными витiями въ Казани. Мы видимъ архимандрита Гаврiила съ его живымъ устнымъ словомъ и на церковной каѳедрѣ, и на общественной трибунѣ во всѣхъ

выдающихся случаяхъ казанской жизни его времени, каковы, напримѣръ: открытіе: памятника Г. Р. Державину,—2-й гимназіи,—общественнаго банка, —дома призрѣнія увѣчныхъ гражданъ. День же 2-го октября, въ торжествѣ котораго сливалась изъ года въ годъ вся Казань, былъ, такъ сказать, преимущественнымъ днемъ архимандрита Гавріила, когда онъ предъ всей Казанью выступалъ единственнымъ проповѣдникомъ и славнаго прошлаго и современнаго положенія «темно-свѣтлаго» града Казани.

Любовь къ архимандриту Гавріилу Казань ощутительнымъ образомъ выразила въ томъ, что при разлукѣ съ нимъ едва-ли не каждое семейство на память о немъ постаралось пріобрѣсть его литографированный портретъ, на которомъ архимандритъ Гавріилъ изображенъ въ мантіи, митрѣ и съ настоятельскимъ посохомъ въ рукѣ, и съ факсимиле: «Дружба изобразила черты лица его».

Въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ пребыванія своего въ Казани, архимандритъ Гавріилъ такъ успѣлъ изучить казанскія древности и ея исторію, какъ не всякій изъ прирожденныхъ казанцевъ; и вотъ почему архимандрита Гавріила въ его зилантовскихъ келіяхъ не обходилъ ни одинъ изъ заѣзжихъ историковъ-археологовъ и любопытныхъ туристовъ, и всякій находилъ въ немъ руководителя въ изысканіяхъ казанской старины и сказателя ея послѣдующихъ судебъ.

Изъ трудовъ архимандрита Гавріила, кромѣ указанныхъ въ «Русской Старинѣ», т. XXVI, стр. 714, извѣстны еще: 1) Основанія опытной психологіи (см. «Прав. Обозр.» 1868 г., іюньск. кн., замѣт., стр. 63); 2) Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія. Казань, 1844 г.; 3) Плаваніе къ казанскому памятнику и Зилантову монастырю. Казань, 1847 г.; 4) поучительныя слова въ 2-хъ частяхъ. Казань, 1850 г.; 5) рѣчь при открытіи памятника Г. Р. Державину. Казань, 1847 г.; 6) рѣчь къ гражданамъ при открытіи общественнаго банка и дома призрѣнія увѣчныхъ гражданъ. Казань, 1848 г., и другія проповѣдныя брошюры словъ и рѣчей, не вошедшихъ въ собраніе его «поучительныхъ словъ». На всѣхъ печатныхъ трудахъ архимандрита Гавріила на заглавныхъ листахъ значится, послѣ названія книги, слѣдующее: «....архимандрита Гавріила (напр., поучительныя слова), богословскихъ и философскихъ наукъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ преподавателя, казанскаго Успенскаго Зилантова второклассааго монастыря настоятеля и ордена св. Анны второй степени кавалера».

По всѣмъ этимъ даннымъ объ архимандритѣ Гавріилѣ, намъ представляется желательнымъ видѣть, по возможности, его полную біографію, или, по крайней мѣрѣ, правдивыя воспоминанія о немъ отъ лицъ или сослуживших ему въ университетѣ и семинаріи, или же отъ кого либо изъ его многочисленныхъ университетскихъ слушателей.

Аполлонъ Можаровскій.

II.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 714, приведена поправка Ив. Д. Павловскаго на статью священника Я. Л. Морошкина о мѣстѣ и времени кончины отца архимандрита Гавріила (въ мірѣ В. И. Воскресенскаго), бывшаго профессора Казанскаго университета и автора приведенныхъ въ выноскѣ сочиненій. Составитель ея Ив. Д. Павловскій былъ введенъ въ ошибку сообщеніемъ о. Н. Кузнецова, помѣщеннымъ въ «Духовномъ Вѣстникѣ» изд. 1862 г. Правда на сторонѣ о. Морошкина: о. архимандритъ Гавріилъ, съ которымъ я былъ лично знакомъ когда онъ послѣднее время проживалъ въ городѣ Муромѣ, подъ конецъ жизни былъ назначенъ настоятелемъ Муромскаго Спасскаго монастыря и въ ономъ скончался въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, во время всенощнаго бдѣнія 10-го мая, наканунѣ чествованія св. Кирилла и Меѳодія. Въ подтвержденіе же мною сказаннаго, указываю на его могилу въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ и на письмо ко мнѣ отъ теперешняго настоятеля монастыря о. архимандрита Антонія, въ подлинникѣ мною препровожденное нынѣ въ редакцію «Русской Старины».

Муромъ. **В. Ц. Герцыкъ.**

14-е декабря 1825 года.

Въ дополненіе къ моей замѣткѣ объ артиллерійскомъ огнѣ въ этотъ день [1]), отмѣчу, что число убитыхъ и раненыхъ 14-го декабря 1825 года, какъ мнѣ, такъ и товарищамъ артиллеристамъ, не было извѣстно; надобно полагать, что это извѣстно было только начальству тѣхъ полковъ, чины которыхъ были участниками бунта.

По возвращеніи моемъ изъ лабораторіи, мнѣ только сдѣлалось извѣстнымъ, что трупы убитыхъ на площади были сложены кучей за заборомъ строившейся тогда Исакіевской церкви; что въ числѣ убитыхъ были частные невинные зрители изъ народа, скопившагося вблизи и на самой Галерной улицѣ; говорили также, что одна картечная пуля попала въ окно бель-этажа угловаго дома и врѣзалась въ стѣну надъ диваномъ.

Стрѣльба нашего дивизіона производилась поорудійно и первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ по командѣ самого Императора: первая! Къ намъ въ дивизіонъ, пока онъ стоялъ на мѣстѣ, попала одна пуля ружейная отъ выстрѣла бунтовщиковъ и врѣзалась въ лафетъ одного изъ орудій.

Такъ какъ всѣ войска, дѣйствовавшія противъ мятежниковъ, къ утру 15-го декабря были на своихъ мѣстахъ въ казармахъ, то, вѣроятно, сдѣлано было распоряженіе втихомолку перевезти всѣ трупы на кладбище.

Н. И. Вахтинъ.

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 г., томъ XXVIII, (май) стр. 134,

Объявленіе корнета Атуева

въ 1850 г.

[Къ Запискамъ Богуславскаго].

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г. (январь) помѣщено юмористическое объявленіе въ Запискахъ Богуславскаго, стр. 184, взятое изъ № 55 «Московскихъ Вѣдомостей» 1850 года, о предложеніи услугъ мнимаго мензелинскаго помѣщика, отставнаго корнета Атуева въ дрессированіи собакъ и проч. Объявленіе это, въ свое время, т. е. тридцать лѣтъ тому назадъ, возбудило живѣйшій интересъ и произвело сильное впечатлѣніе на многихъ лицъ, изъ жившихъ въ то время въ Мензелинскѣ, но, конечно, никто изъ читателей Записокъ Богуславскаго въ настоящее время не можетъ представить себѣ что за «исторію» вызвало курьезное, и, на теперешній взглядъ, совершенно невинное объявленіе корнета Атуева.

Пріѣздъ мой на службу въ Мензелинскій уѣздъ въ 1857 году далъ мнѣ возможность довольно подробно тогда же ознакомиться съ ходомъ дѣла, возникшаго вслѣдъ за появленіемъ въ газетѣ этого объявленія. Статейка принадлежала перу бывшаго мензелинскаго помѣщика, обладателя тысячи душъ, Сергѣя Александровича Пальчикова, который, какъ говоритъ пословица, «для краснаго словца не жалѣлъ и роднаго отца», вздумалъ пошутить надъ пріятелями, но между тѣмъ изъ этой шутки загорѣлся сыръ-боръ: появленіе этой статейки въ столичной газетѣ произвело большой переполохъ не только въ уѣздномъ мензелинскомъ міркѣ—но и въ высшихъ петербургскихъ сферахъ; тѣмъ кому вѣдать надлежало печать не поздоровилось, такъ какъ покойный императоръ Николай Павловичъ обратилъ на эту статью особенное свое вниманіе, и тогда же, по высочайшей волѣ, было наряжено слѣдствіе о розысканіи писавшаго статейку.—Автора, однако, офиціально не доискались, а открыто было только то, что статейка была переписана какимъ-то мальчикомъ и отдана была ему переписать неизвѣстнымъ бариномъ за три копѣйки серебромъ; но слухи, носившіеся въ Мензелинскѣ, заподозрили Пальчикова, однакоже, повторяю, офиціально его не коснулись, но за то окружный начальникъ Павелъ Ивановичъ Товарищевъ и его помощникъ Александръ Ивановичъ Шмотинъ сильно пострадали: они были удалены отъ должностей, долго состояли подъ слѣдствіемъ, а затѣмъ подъ судомъ; не могу опредѣлить, по запамятованію, чѣмъ рѣшено ихъ дѣло, но только могу сказать утвердительно одно, что лица эти, давно сошедшія въ могилу, оставались безъ службы до дня ихъ смерти. Итакъ, вотъ послѣдствіе юмористической статейки-объявленія, проскочившей въ офиціальной газетѣ сквозь цензурныя колодки и надѣлавшей шума такого, что онъ достигъ до покойнаго императора Николая Павловича. Въ настоящее время—время гласности—на эту статейку, конечно, не обратили бы ни малѣйшаго вниманія; вотъ почему «Русская Старина» вполнѣ основательно сдѣлала, воспроизведя ее въ Запискахъ Богуславскаго, коимъ она и списана, какъ напоминающая характеристическій случай недавняго прошлаго.

Александръ Игнатовичъ.

Г. Оренбургъ.

В. И. Даль и П. В. Нащокинъ.

Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что В. И. Даль былъ самымъ отчаяннымъ спиритомъ. Состоя управляющимъ удѣльною конторою въ Нижнемъ Новгородѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ этого столѣтія, онъ собралъ около себя кружокъ спиритовъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе образованныхъ, лицъ города и дѣлалъ вмѣстѣ съ ними спиритическіе опыты чуть-ли не всякій вечеръ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду. По выходѣ въ отставку, между 1858 и 1860 годами, онъ пріѣзжалъ по какому-то дѣлу въ Оренбургъ и во все время пребыванія тамъ (около недѣли) ходилъ ежедневно къ жившему тогда въ этомъ городѣ извѣстному оріенталисту Вас. Вас. Григорьеву—и разсказалъ ему, между прочимъ, наиболѣе любопытные опыты свои съ нижегородскими спиритами. Вотъ что̀ уцѣлѣло въ памяти Василія Васильевича изъ этихъ разсказовъ.

Даль и его пріятели-спириты въ Нижнемъ Новгородѣ увлеклись своими опытами до того, что учредили родъ «канцеляріи», которая вела протоколы всѣмъ засѣданіямъ и дѣлала всякаго рода справки, когда это было нужно.

Опыты производились при посредствѣ одной маленькой дѣвочки мѣщанскаго происхожденія, очень плохо образованной и неразвитой. Обыкновенно раздавались стуки въ столѣ, около котораго спириты сидѣли. По условной азбукѣ начинали разговоръ со стучавшею силой. Спрашивали прежде всего: «кто ты?» Стучавшій отвѣчалъ, положимъ: «Я духъ такого-то пензенскаго помѣщика, жившаго тогда-то, въ такой-то мѣстности, умершаго тогда-то, имѣвшаго такихъ и такихъ родственниковъ».

«Канцелярія» составляла этому точный протоколъ и наводила справку, былъ-ли дѣйствительно такой помѣщикъ въ извѣстной мѣстности Пензенской губерніи, съ тою обстановкой, которую духъ сообщилъ. Бо̀льшею частію отвѣтовъ не получалось. Но получаемые изрѣдка отвѣты бывали всегда впопадъ, т. е. дѣйствительно оказывалось, что названный стучавшею силой человѣкъ жилъ въ тѣхъ условіяхъ, какія передавались при опытахъ якобы его «духомъ».

Однажды—стучавшій на вопросъ: «кто онъ?»—отвѣтилъ, что «онъ духъ маркоминскаго князя Маробода, который въ царствованіе императора Тиверія воспитывался въ Римѣ и потомъ, воротясь въ отечество, устроилъ пышный дворъ, на подобіе римскаго, и покорилъ разныя сосѣднія племена германскаго происхожденія, на сѣверъ и востокъ отъ теперешней Чехіи. Затѣмъ царствовалъ подъ именемъ

царя свевскаго, имѣя резиденціей городъ, названный въ честь его Марбудумъ. Въ 19-мъ году по Р. Х. князь готскій Катвальдъ напалъ на Маробода, овладѣлъ его резиденціей и заставилъ его бѣжать къ римлянамъ. Императоръ Тиверій назначилъ ему мѣстопребываніемъ городъ Равенну, гдѣ Марободъ прожилъ еще 18 лѣтъ».

Никто изъ участвовавшихъ въ опытахъ нижегородцевъ, равно и самъ Даль, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Марободѣ. Еще менѣе могла знать о немъ и о подробностяхъ его жизни безграмотная мѣщанская дѣвочка, служившая медіумомъ. «Канцелярія» не могла тутъ сдѣлать никакихъ обычныхъ справокъ, т. е. написать письма въ такую или другую губернію или область. Навели справки въ исторіи: оказалось все, что говорилъ духъ Маробода, вѣрнымъ.

Какъ-то разъ стучавшая сила—на вопросъ: «кто стучитъ?»—дала отвѣтъ: «духъ Жуковскаго». Даль сказалъ ему: «Если ты дѣйствительно духъ Жуковскаго, разскажи что нибудь такое, что знаютъ двое: я и *Жуковскій*!»

— «Хорошо,—отвѣчалъ духъ:—въ проѣздъ Государя Наслѣдника (нынѣ благополучно царствующаго Императора), черезъ Оренбургъ въ 1837 году, мы съ тобою встрѣтились въ первый разъ. Ты, еще молодой и горячій мечтатель, принесъ мнѣ тетрадь стиховъ и спрашивалъ моего мнѣнія: годятся-ли они на что нибудь и есть-ли въ тебѣ настоящій поэтическій талантъ? Я, пробѣжавъ тетрадку, сказалъ тебѣ, что поэтомъ тебѣ не быть, брось лучше всего стихи и примись за прозу!»

Этотъ случай въ самомъ дѣлѣ былъ съ Далемъ. Выслушавъ горькое для него замѣчаніе Жуковскаго, онъ ушелъ домой какъ ошеломленный - и никому объ этомъ не разсказывалъ.

Было еще такое происшествіе при спиритическихъ опытахъ нижегородцевъ: отъ стучавшей силы потребовали *существеннаго доказательства* того, что она есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто, въ самомъ дѣлѣ — сила, чей-то духъ, а не какіе либо неопредѣленные, ничего незначущіе звуки. Сила отвѣтила: «откройте ящикъ въ столѣ, посмотрите, что̀ тамъ лежитъ, и опять закройте». Открыли ящикъ: въ немъ ничего не было — и снова закрыли. «Откройте ящикъ теперь!» сказалъ стучавшій духъ. Открыли: въ ящикѣ явились янтарныя четки. По розыску послѣ въ домѣ, гдѣ производились опыты, оказалось, что эти четки принадлежали дамѣ, жившей нѣсколькими этажами выше, у которой онѣ въ тотъ день вдругъ пропали.

«Словарь» *Даля*, по разсказамъ В. В. *Григорьева*, обязанъ былъ до нѣкоторой степени своимъ происхожденіемъ постукивающимъ

духамъ: авторъ Словаря вездѣ производилъ спиритическіе опыты, гдѣ-бы ни находился. Однажды, при поѣздкѣ въ башкирскія степи изъ Оренбурга, онъ спросилъ у стучавшаго духа: «сколько ему осталось жить?»—Восемь лѣтъ, — отвѣчалъ духъ. Вѣря въ непреложность отвѣта, Даль сейчасъ же сообразилъ, можетъ-ли онъ въ такое непродолжительное время привести въ исполненіе всѣ задачи, которыя себѣ задалъ. Оказалось невозможнымъ. Даль выбралъ самое важное: Словарь—и привелъ его къ окончанію.

Ко всему разсказанному можно прибавить слышанное мною о спиритическихъ опытахъ довольно-извѣстнаго Москвѣ Павла Воиновича Нащокина, производившихся у него въ домѣ, въ эпоху общаго «верченія столовъ», лѣтъ 25 тому назадъ.

Зайдя къ нему однажды лѣтомъ въ 1854 году, когда онъ жилъ на Плющихѣ, въ домѣ Малинина, въ Москвѣ, и лежалъ больной въ постели, я услышалъ отъ него слѣдующее:

— «У меня собиралось (говорилъ мнѣ Нащокинъ) большое общество чуть не всякій день, въ теченіе зимы 1853 и начала 1854 гг. Мы бесѣдовали съ духами посредствомъ столиковъ и тарелокъ, съ укрѣпленными въ нихъ карандашами. Вначалѣ писалось какъ-то неясно, буквами, разбросанными по всему листу безъ всякаго порядка, то очень крупными, то мелкими. Надо было имѣть особую привычку, чтобы читать написанное. Не всѣ могли это дѣлать. Но потомъ стало писаться строками, ясно и разборчиво для всякаго. Мы исписали горы бумаги. На вопросъ: «кто пишетъ?» было обыкновенно отвѣчаемо: «духъ такого-то»—бо̀льшею частію нашихъ умершихъ знакомыхъ, извѣстныхъ въ обществѣ. Довольно часто писали Пушкинъ, Брюлловъ и другіе близкіе мнѣ литераторы и артисты.

«Однажды, на Страстной недѣлѣ Великаго поста (1854 г.), мы спросили у Пушкина: «не можетъ-ли онъ намъ явиться, мелькнуть хоть тѣнью?» Онъ отвѣчалъ: «могу; соберитесь также завтра, въ четвергъ и я приду!»

«Мы повѣстили всѣхъ своихъ знакомыхъ. Можете себѣ представить, что̀ это было за сборище! Небольшая наша зала захлебнулась гостями. И въ другихъ комнатахъ сидѣли и стояли знакомыя намъ и полузнакомыя лица—и ждали Пушкина! Всѣ были блѣдны. Ничего однако не случилось. Никто не пришелъ. Опротивѣло мнѣ это праздное препровожденіе времени. Когда гости разъѣхались, я услышалъ звонъ колокола, призывавшаго къ заутрени, одѣлся и пошелъ въ церковь. Улица была пуста. Только двигался мнѣ навстрѣчу по тротуару какой-то мужичокъ въ нагольномъ полушубкѣ, по видимому—

пьяненькій, и сильно толкнулъ меня въ плечо. Я остановился и посмотрѣлъ на него. Онъ также остановился и посмотрѣлъ. Что-то очень знакомое было въ чертахъ его лица. Потомъ мы пошли каждый въ свою сторону.

«Отстоявъ заутреню и слезно помолясь передъ плащаницей, я далъ себѣ слово, по возвращеніи домой, сжечь все написанное духами и прекратить дальнѣйшія грѣховодныя сборища. Пришелъ и сказалъ объ этомъ женѣ, присовокупивъ, что это—непреложная моя воля; что она можетъ вертѣть столы и разговаривать съ духами въ другихъ домахъ, гдѣ угодно, но у себя я не позволю. Жена отвѣчала мнѣ, что охотно покоряется моему рѣшенію и сама считаетъ такое препровожденіе времени празднымъ и нехристіанскимъ, только проситъ и умоляетъ меня положить предѣлъ бесѣдамъ съ духами не сегодня, въ пятницу, а завтра, въ субботу—и затѣмъ вмѣстѣ идти къ заутрени въ Свѣтлое воскресенье, помолиться и пригласить священника отслужить на дому у насъ молебенъ и затѣмъ сжечь всѣ бумаги. А въ пятницу все-таки собраться и пописать въ послѣдній разъ, такъ какъ гости уже приглашены и разстроить этотъ вечеръ трудно: пришлось бы писать сотню писемъ и записокъ. Я согласился, сказавъ только, чтобы это былъ дѣйствительно послѣдній разъ.

«Собрались вечеромъ и стали писать. Первый спрошенный духъ «кто пишетъ?» отвѣчалъ: «Пушкинъ!»—Отчего же ты вчера не пришелъ?—спросили мы его. «Вы были очень напуганы,—сказалъ духъ Пушкина,—но я толкнулъ Нащокина на тротуарѣ, когда онъ шелъ къ заутрени, и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза: вольно же ему было меня не узнать!»

Въ субботу на Страстной произошло сожженіе всего написаннаго. Нащокинъ увѣрялъ меня, что сдѣлалъ это честно: не оставилъ ни единаго листка. Сжегъ даже стихи, написанные духомъ Пушкина, и рисунокъ италіанскаго бандита на скалѣ, набросанный духомъ Брюллова..... потомъ служили въ домѣ молебенъ.

«Когда я просилъ Брюллова начертить мнѣ портретъ Сатаны (добавилъ Нащокинъ въ заключеніе разсказа), явились на бумагѣ слова: «великъ, великъ, великъ»—крупно, во весь листъ. И точно, батюшка, великъ! Я васъ увѣряю, что еслибъ я захотѣлъ, они бы натаскали мнѣ сюда мѣшки солитеровъ, вотъ сюда, къ кровати (и онъ показалъ рукою на полъ). Я бѣдный, очень бѣдный человѣкъ, но я не возьму грѣха на душу съ ними знаться, ничего мнѣ отъ нихъ не нужно!»

Н. В. Бергъ.

М. П. Бестужевъ-Рюминъ

† 1826 г.

Помѣщаю на страницахъ «Русской Старины» доставленные мнѣ изъ Нижняго-Новгорода Григоріемъ Александровичемъ Гладковымъ автографъ Михаила Павловича Бестужева-Рюмина.

Въ письмѣ, при которомъ приложенъ былъ этотъ автографъ (французскіе стихи), Григорій Александровичъ Гладковъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

— «Пробабка моя, бывшая въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Голицинымъ, имѣла отъ перваго мужа своего Грушевскаго двухъ дочерей,—Марью Васильевну, вышедшую за мужъ за одного изъ сподвижниковъ Суворова, бригадира Николая Петровича Поливанова, а другую—Екатерину Васильевну, вышедшую за мужъ за Павла Бестужева-Рюмина; отъ перваго брака родилась мать моя Софья Николаевна, отъ втораго дядя мой Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ. Дѣти росли и воспитывались вмѣстѣ, сближеніе это повело къ дѣтской любви и вотъ на страницахъ альбома маленькой «Sophie» появилось первое наивное признаніе! Впослѣдствіи судьба разлучила влюбленныхъ дѣтей; каждый изъ нихъ пошелъ своею дорогою; но воспоминаніе о погибшемъ юношѣ сохранялось матерью моей во всю ея долгую жизнь. За годъ до своей кончины она отдала мнѣ этотъ листокъ, писанный весь рукою Михаила Павловича и подписанный только начальными буквами.

Вотъ эти стихи:

Toujours un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge.
Aujourd'hui dans l'erreur d'un songe
Au rang des rois j'étais monté;
J'aimais j'osais vous le dire.
Les Dieux à mon reveil ne m'ont pas tout oté,—
Je n'ai perdu que mon [1]) Empire.

Votre cousin M. de B. R.

Сообщ. **Н. Н. Селифонтовъ.**

---

[1]) **Въ оригиналѣ описка,—написано не «mon», а «m'on».**

Могила историка Татищева

1750 г.

[Переводъ съ англійскаго]. С. И. Романовъ въ замѣткѣ о могилѣ историка Татищева, напечатанной въ «Русской Стари» изд. 1879 г. томъ XXVI, (ноябрь), стр. 540—543, приводитъ слѣдующія буквы и слова, находящіяся на крестѣ на памятникѣ этого историка:

Царь	Славы
Іисусъ	Христосъ
Ни	Ка
К.	Т.
М.	Л.
Р.	
	Б.
Г.	Г.
(Г)? В.	А.

При этомъ г. Романовъ пишетъ: «что означаютъ эти одино-ныя буквы по обѣимъ сторонамъ креста, ни я, ни священникъ могли рѣшить; списаны же онѣ здѣсь совершенно точно».

Беру смѣлость съ своей стороны замѣтить, что я нашелъ объясненіе почти всѣхъ приведенныхъ буквъ, просматривая «Списокъ рускимъ памятникамъ Петра Кеппена (Москва, 1822 г.) стр. 1 и 107.

Ни—ка (вѣроятно):	побѣдитель.
К (копіе)	Т (трость).
М (мѣсто)	Л (лобное).
Р (рай)	Б (бысть).

Буквы ГГ необъяснены въ книгѣ Кеппена, можетъ быть онѣ означаютъ: «Гробъ Господень». В—должно читаться, я думаю, Г (глава), А—(Адамова). Я часто находилъ тѣже самыя бук... чая ГГ и ГА, на многихъ русскихъ старинныхъ крест... собою разумѣется, что онѣ не имѣютъ никакого отношенія к... Татищеву.

Н. Morgan, подписчикъ «Русской Стари

ужили документы, занимающіе значи-
льный отдѣлъ въ числѣ сенатскихъ про-
водствъ, хранящихся во второмъ отдѣ-
ніи московскаго архива министерства
стиціи. Доклады и приговоры сената за
е царствованіе Петра В. занимаютъ
всь 429 книгъ, въ числѣ которыхъ 36
игъ относятся собственно къ сенату и
книгъ къ учрежденіямъ, состоявшимъ
и немъ; далѣе идутъ книги по дѣламъ
бинета, коллегіямъ, разнымъ канцеля-
ямъ, коммисіямъ, приказамъ, экспеди-
ямъ, по академіи наукъ и главному ма-
страту, по губерніямъ (88 книгъ), по
дѣльнымъ предметамъ; о валахскомъ
сподарѣ Кантемірѣ; о посылкѣ въ Ке-
гсбергъ подъячихъ для изученія нѣмец-
го языка; вѣдомости и донесенія совѣт-
ка Фика о шведскихъ штатахъ; о расхо-
хъ князя Меншикова; дѣла розыскныя; о
реписяхъ, подушныхъ и другихъ сбо-
хъ; о конфискованныхъ вещахъ барона
афирова и т. п.

На редакторѣ лежалъ трудъ извлеченія
ь расположенія въ хронологическомъ по-
дкѣ. Такимъ образомъ даже за первый
ъ дѣятельности Сената извлечено 590
меровъ, а за каждый изъ послѣдующихъ
довъ предстоитъ извлечь ихъ еще болѣе.
нятно поэтому, какой цѣнный сводъ
нныхъ будетъ въ распоряженіи нашихъ
слѣдователей по одной изъ важнѣйшихъ
хъ отечественной исторіи. Данныя эти
нимаютъ главнѣйшія стороны дѣятель-
сти правительства по внутреннему управ-
нію. Кромѣ того, означенные матеріалы
ключаютъ въ себѣ также не мало свѣ-
ній о главнѣйшихъ дѣятеляхъ царство-
нія Петра В., важныхъ въ біографиче-
омъ отношеніи. Изданіе снабжено тремя
азателями—личныхъ именъ, мѣстныхъ
званій и предметнымъ. Желательно, ко-
ечно, чтобы новое предпріятіе Академіи
укъ, столь важное для историко-юриди-
скихъ изслѣдованій, не заставило себя
лго ждать съ дальнѣйшими томами и
ло бы доведено до конца. Въ против-
мъ случаѣ, лучше было бы выбрать бо-
е цѣнныя извѣстія за все царствованіе
напечатать ихъ въ опредѣленномъ ко-
честве томовъ. В. И.

Исторія пѣхоты. Соч. Рюстова.
реводъ съ нѣмецкаго А. К. Пузырев-
аго.—Спб. 2 тома. 1876.

«Исторія пѣхоты» принадлежитъ перу од-
ого изъ наиболѣе плодовитыхъ современ-
ныхъ нѣмецкихъ писателей, полковника
швейцарской службы Рюстова [1]). Русскій
переводъ изданъ подъ общею редакціею
профессора ген.-маіора Станкевича, и
составляетъ XV и XVI томы «Военной
Библіотеки». Г. Рюстовъ доводитъ свои
изслѣдованія только до эпохи Восточной
войны, а потому русскій переводчикъ, ге-
неральнаго штаба шт.-кап. (нынѣ полков-
никъ) А. К. Пузыревскій, дополнилъ
его очеркомъ постепеннаго развитія так-
тики европейской пѣхоты отъ Крымской
войны до событій 1870—1871 годовъ вклю-
чительно.

Независимо отъ указанной дополнитель-
ной главы, русскій переводчикъ снабдилъ
еще свой трудъ многими примѣчаніями, и
вообще переводъ изданъ съ большою тща-
тельностью. Къ сочиненію приложены 136
небольшихъ пояснительныхъ чертежей и
цѣна его самая умѣренная—2 рубля за
два тома, какъ и вообще всѣхъ изданій
Военной Библіотеки, столь полезныхъ
для распространенія знаній военнаго дѣла
въ обществѣ нашихъ офицеровъ.

При составленіи «Исторіи пѣхоты», Рюс-
товъ руководствовался слѣдующимъ взгля-
домъ, строго проведеннымъ черезъ все со-
чиненіе, что «оружію придаетъ цѣну только
человѣкъ имъ управляющій, и что никогда
пѣхота не достигала величія посредствомъ
односторонняго усовершенствованія какой
нибудь одной военной способности». Этотъ,
вполнѣ справедливый, основной взглядъ
автора придаетъ его сочиненію особенное
значеніе, независимо отъ замѣчательной
увлекательности изложенія и богатства дѣ-
лаемыхъ въ немъ выводовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что «Исторія
пѣхоты» раздѣляется на пять книгъ. Пер-
выя три книги посвящены исторіи пѣхоты
древнихъ временъ, среднихъ вѣковъ и
XVI-го столѣтія, четвертая—XVII-го сто-
лѣтія, наконецъ пятая—XVIII-го и XIX-го
столѣтій.

---

[1]) Не успѣетъ еще кончиться какая либо кампанія, полковникъ Рюстовъ выступаетъ уже съ сочиненіемъ по этому предмету; такимъ же вниманіемъ съ его стороны удостоилась недавнія событія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ печати появилось уже начало труда его: «Война въ Турціи—Событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и 1876 гг.

1-го февраля 1877 г. Н. К. Ш.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(Первыя четыре книги напечатаны **вторымъ** *изданіемъ).*

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированным каждой книгѣ, портретами русскихъ достопамятныхъ дѣяте **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Пе тербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ спектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник **Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной к торы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстн бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецком сту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Пе бургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую По ческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изсл ванія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльных хахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XI вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ д памятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, ныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Оче и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусств матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ чественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографі мѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской истор ской литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдо Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго вре VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатир скія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки ски изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журна

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами,
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами,
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет.

Издатель-редакторъ **М. И. Семев**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ одиннадцатый. АВГУСТЪ. **1880 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Александра Сергѣевича Пушкина** въ гробу. Рисунокъ художника Мокрицкаго, ученика Брюллова, исполненъ на деревѣ К. О. Брожемъ. Гравировалъ во Франціи, въ Ниццѣ, граверъ Его Императорскаго Величества Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—II. Портретъ **Станислава Романовича Лепарскаго**, коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, съ акварели Н. А. Бестужева—рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—III. **Два плана** къ статьѣ о переходѣ русскихъ чрезъ Балканы.—IV. Указатель личныхъ именъ въ XXVIII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1880 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, №
1880.

Живописная Россія. Изданіе М. О. Вольфа. Томъ I, выпуски 1-й и 2-й (104 стр. въ листъ).

Первые два выпуска этого громаднаго, монументальнаго изданія удовлетворительны въ отношеніи художественномъ и интересны въ литературномъ. Они заключаютъ въ себѣ три очерка мѣстностей и населенія сѣвернаго края Европейской Россіи (губерній Архангельской и Вологодской съ Бѣлымъ моремъ, Новою Землею и Сѣвернымъ океаномъ. Очеркъ I-й и II-й (Первобытный лѣсъ и Лѣсные жители) принадлежатъ опытному, наблюдательному перу С. В. Максимова. Третій очеркъ (Мезенская тундра)—составленъ В. И. Немировичемъ-Данченко. Отъ первой до послѣдней страницы читатель найдетъ въ этихъ разсказахъ много поучительнаго, любопытнаго и новаго; хорошо исполненные политипажи, дополняя впечатлѣніе, много способствуютъ упроченію прочитаннаго въ памяти. Нельзя несочувственно отнестись къ изданію г. Вольфа, должно пожелать ему успѣхъ, но, при всемъ томъ, нельзя и не выразить сомнѣнія, чтобы наше общество съумѣло поддержать это вполнѣ полезное и монументальное изданіе. За границей подобныя изданія расходятся во многихъ тысячахъ экземпляровъ (напримѣръ, во Франціи: Patria), расходятся на родинѣ и въ чужихъ краяхъ. При громадномъ числѣ подписчиковъ и покупателей, такого рода книги издаются тамъ по дешевой цѣнѣ, не смотря на которую приносятъ книгопродавцамъ громадные доходы... То-ли мы видимъ у насъ? Предложеніе соразмѣрно-ли спросу? Возрастаетъ-ли у насъ въ Россіи грамотность въ такой мѣрѣ, чтобы издатели [illegible]ено-популярныхъ сборниковъ, подобныхъ «Живописной Россіи», не испытывали опасеній за успѣшное окончаніе своихъ предпріятій? Въ большинствѣ случаевъ, равнодушіе публики служитъ безмолвнымъ, но самымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ на всѣ эти вопросы. «Настоящее изданіе» (говоритъ издатель «Живописной Россіи») имѣетъ цѣлію представить Россію на всемъ ея пространствѣ, со всѣми богатствами и красотами ея природы, со всѣми задатками ея силы и могущества. Показать Русь въ этомъ видѣ—есть дѣло патріотизма, дѣло дорогое для каждаго русскаго. [illegible]ціативу этого патріотическаго дѣла мы

на нашъ зовъ не откликнется все [illegible]
общество, всѣ истинно русскія серд[illegible]
палатахъ и въ хатахъ, въ город[illegible]
деревняхъ, всѣ, кому дорога сла[illegible]
шей родины, то предпріятіе наше [illegible]
за слабосиліемъ одного человѣка, [illegible]
стичь той степени полноты и художест[illegible]
ности выполненія, которыя мы предна[illegible]
тали себѣ заранѣе».—Воззваніе г. Во[illegible]
очень громко и до нѣкоторой степени с[illegible]
ведливо, но—къ кому оно обращено? [illegible]
всей Россіи, къ «русскимъ сердцамъ, въ [illegible]
тахъ и деревняхъ»; но русскимъ серд[illegible]
въ хатахъ, хотя и согрѣтымъ самою [illegible]
менною любовью къ отечеству, непон[illegible]
иностранныя слова: «патріотизмъ», «[illegible]
тива» и т. п. Этотъ промахъ, конечно,—[illegible]
лочь и замѣчаніе наше можетъ показ[illegible]
придиркою, но съ русскимъ человѣкомъ с[illegible]
дуетъ говорить по русски, безъ «[illegible]
иностранныхъ словъ, которыя при [illegible]
весьма легко замѣнить равносильными [illegible]
скими. Для поддержки изданія «Живо[illegible]
ной Россіи» одного патріотизма (т. [illegible]
любви къ отечеству) недостаточно; пр[illegible]
этой любви, врожденной русскому чело[illegible]
ку, нужна любовь къ грамотности, необ[illegible]
димо стремленіе къ изученію родины, [illegible]
наукѣ отечествовѣдѣнія. Между тѣмъ, [illegible]
наука еще не введена даже въ у[illegible]
ныя программы гимназій и училищъ, [illegible]
которыхъ любознательное юношество [illegible]
тощаетъ свое терпѣніе болѣе надъ [illegible]
выми языками, надъ исторіей Вави[illegible]
Финикіи и Карѳагена, нежели надъ изу[illegible]
ніемъ родины... Внутренняя Африка [illegible]
комѣе грамотнымъ русскимъ людямъ [illegible]
нежели Мезенская тундра или Печор[illegible]
край. Мы спѣшимъ сдѣлаться европ[illegible]
цами, забывая, что всего прежде на[illegible]
слѣдуетъ быть русскими. Между тѣ[illegible]
матеріалы для отечествовѣдѣнія разр[illegible]
тываются у насъ съ неослабною дѣят[illegible]
ностью; труды Императорскаго Геогра[illegible]
ческаго общества составляютъ неисто[illegible]
мый рудникъ естественно-историческ[illegible]
и этнографическихъ свѣдѣній о Ро[illegible]
Разработка этихъ матеріаловъ и [illegible]
деніе ихъ въ систему составляютъ [illegible]
ную задачу «Живописной Россіи»—[illegible]
этомъ, по нашему мнѣнію, самая глав[illegible]
цѣль этого изданія, редакторомъ кот[illegible]
раго видимъ П. П. Семенова, г. вице-
предсѣдателя Русскаго Географическаго о-
щества. Ученая дѣятельность [illegible]

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ

ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО, ЗИМОЮ 1877 ГОДА.

(Военно-историческій очеркъ).

Обиліе матеріаловъ, появившихся въ печати, относительно нашей послѣдней войны даетъ намъ возможность представить довольно полный очеркъ одного изъ важнѣйшихъ эпизодовъ минувшей кампаніи. Въ числѣ этихъ матеріаловъ мы прежде всего должны указать оффиціальныя реляціи, которыя послужатъ намъ основною руководящею нитью при изложеніи событій. Къ сожалѣнію, этотъ источникъ не даетъ многихъ подробностей относительно исполненія операцій. Въ данномъ случаѣ указанный недостатокъ можетъ быть пополненъ записками очевидцевъ и участниковъ, помѣщенными въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, и еще неизданныхъ рукописяхъ.

Весьма также полезными оказываются для насъ документы, обнародованные нашими противниками и лицами, участвовавшими въ дѣйствіяхъ турецкихъ войскъ. Сюда слѣдуетъ отнести, напримѣръ, «Процессъ Сулеймана-паши», «Разсказъ очевидца изъ арміи Мехмеда-Али», «Война въ Болгаріи» сочиненіе Бекера паши и проч.

Наконецъ, мы воспользуемся нашимъ личнымъ опытомъ, впечатлѣніями и наблюденіями, какъ участника въ минувшей кампаніи.

Конечно, при всемъ обиліи матеріаловъ, не всѣ стороны дѣла могутъ быть въ настоящее время достаточно полно выяснены: сюда относятся, напримѣръ, нѣкоторые мотивы и основанія общихъ операціонныхъ и хозяйственныхъ соображеній, основанныхъ на не вполнѣ извѣстныхъ намъ фактахъ, донесеніяхъ и предписаніяхъ и т. п., хранящихся въ разныхъ архивахъ.

Что касается программы нашего очерка, то, упомянувъ въ общихъ чертахъ о планѣ забалканскаго похода, мы подробно изложимъ занятіе отрядомъ генерала Гурко Великихъ Балкановъ, затѣмъ опишемъ жизнь и службу въ горахъ нашихъ войскъ и, наконецъ, самый переходъ черезъ Балканы.

А. Пузыревскій.

I.

Занятіе Великихъ Балкановъ.

Въ началѣ сентября 1877 года наша дѣйствующая армія занимала въ Болгаріи весьма важныя стратегическія позиціи на восточномъ фронтѣ (армія Наслѣдника Цесаревича), на Балканахъ (Шипка) и подъ Плевной, обезпечивавшія возможность самыхъ рѣшительныхъ операцій; но числительная слабость войскъ заставила ограничиться исключительно оборонительными дѣйствіями.

Армія Османа-паши, сковавшая наши операціи, послѣ ряда отбитыхъ ею атакъ, продолжала сохранять не только свое грозное положеніе, но и извѣстную свободу дѣйствій, а также связь съ общими государственными источниками.

Блокада нами этой арміи была фиктивна, такъ какъ сообщенія Османа съ Софіей оставались свободными, и направленная туда наша кавалерія не могла нанести рѣшительныхъ ударовъ противнику и перерѣзать его комуникаціонную линію. До тѣхъ поръ, пока софійскій путь находился въ рукахъ Османа-паши, послѣдній могъ, съ одной стороны, дѣятельно усиливаться и энергически противодѣйствовать намъ, а съ другой стороны — отступить по произволу, въ видахъ-ли общаго сосредоточенія силъ турокъ или съ цѣлью занять новую неприступную позицію. — Послѣ этого понятно, что быстро мобилизованныя въ іюлѣ и августѣ многочисленныя подкрѣпленія наши направлены были, главнымъ образомъ, къ Плевнѣ.

По счастью, турецкіе военачальники, частью вслѣдствіе взаимнаго соперничества, частью по бездарности и неспособности, отсутствію иниціативы въ обширныхъ предпріятіяхъ, дозволили намъ спокойно исправить промахи первой половины кампаніи и сосредоточить достаточныя силы для захвата Османа-паши съ его ар-

міей и укрѣпленнымъ лагеремъ. Кровавый бой подъ Горнымъ Дубнякомъ (12-го октября 1877 года), бомбардированіе Телиша (16-го октября того-же года), были уже началомъ конца славной плевнинской эпопеи. Послѣ этихъ боевъ и успѣшныхъ дѣйствій кавалеріи западнаго отряда блокада Плевны была окончательно замкнута и обширная территорія, богатый источникъ для продовольствія войскъ, къ западу отъ рѣки Вида досталась въ руки нашихъ войскъ. Съ этого времени, по видимому, паденіе Плевны составляло только вопросъ времени. Казалось, что нашимъ войскамъ, облагавшимъ армію Османа-паши, оставалось только твердо упрочиться на занятыхъ позиціяхъ, въ ожиданіи истощенія боевыхъ и продовольственныхъ средствъ турокъ, и уничтожить всякую попытку плевнинскаго гарнизона къ прорыву. На самомъ же дѣлѣ блокада еще не была вполнѣ обезпечена.

Турецкое правительство не могло допустить плѣненія лучшей и доблестнѣйшей изъ своихъ армій и помышляло объ освобожденіи Османа-паши, путемъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Въ концѣ октября, по рѣшенію верховнаго военнаго совѣта, Сулейманъ-паша былъ назначенъ главнокомандующимъ дунайскою арміею, съ подчиненіемъ ему западно-дунайской и балканской армій.

„Объединеніе власти въ вашихъ рукахъ, — телеграфировалъ Мустафа-паша Осману,—дѣлается съ тою цѣлью, чтобы можно было вполнѣ воспользоваться силами обѣихъ дунайскихъ и балканской армій, освободить съ ихъ помощью плевнинскую армію, не допустить перехода русскихъ черезъ Балканы, а въ случаѣ, если это не удастся, задержать движеніе противника впередъ“ [1]).

Непосредственнымъ начальникомъ новой арміи, долженствовавшей двинуться на освобожденіе Османа-паши, назначенъ былъ Мехмедъ-Али-паша. Средства, которыя отдавались въ его руки для этой цѣли, были незначительны и разбросаны.

Онѣ состояли изъ войскъ, находившихся на комуникаціонномъ пути Османа: Плевна-Софія и изъ нѣкоторыхъ частей, разбро-

---

[1]) Депеша Мустафы-паши отъ 2С-го октября 1877 г. «Процессъ Сулеймана-паши».

санныхъ въ старой Сербіи и Босніи. Все, что тутъ было свободнаго, слѣдовало сосредоточить около Софіи-Орханіэ, прочно организовать, устроить и затѣмъ двинуться къ Плевнѣ.

По мнѣнію Мехмеда-Али, для осуществленія задуманнаго плана ему необходимо было 60 хорошихъ баталіоновъ, 10 батарей и нѣсколько полковъ кавалеріи[1]). Такого числа войскъ пока не было въ его распоряженіи; но если бы турецкому генералу предоставлено было спокойно устроиваться, то, при замѣчательно ловкой и быстрой организаторской дѣятельности, обнаруженной турками въ нынѣшнюю войну, ему, вѣроятно, и удалось бы сформировать армію почтенной численности.

Съ своей стороны, Сулейманъ-паша полагалъ, что сильный отрядъ долженъ немедленно двинуться впередъ, оттѣснить противника и дойти, по крайней мѣрѣ, до Радомірца, откуда онъ войдетъ въ сношеніе съ Османомъ-пашой и передастъ ему приказаніе отступать изъ Плевны. Отрядъ этотъ долженъ состоять изъ тридцати или сорока баталіоновъ и дѣйствовать быстро, опираясь на резервъ въ Орханіэ изъ пятнадцати баталіоновъ [2]).

Изъ этого видно, что блокада Плевны не была еще достаточно обезпечена. Если бы находившіяся тамъ наши войска оставались въ пассивномъ выжиданіи сдачи Османа-паши, то, въ концѣ концовъ, могли бы попасть подъ совокупные удары, какъ плевненской, такъ и деблокирующей армій. Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо было воспрепятствовать организаціи новой арміи, предупредить ея наступательныя дѣйствія и постараться разбить ее по частямъ и такимъ образомъ предоставить Османа-пашу исключительно своимъ собственнымъ средствамъ.

Проэктъ этой операціи былъ составленъ генералъ-адъютантомъ Гурко. Планъ его заключался въ томъ, чтобы собрать сколько можно свободныхъ войскъ, двинуться по софійскому шоссе къ Балканамъ, разбить находившуюся въ періодѣ организаціи армію Мехмеда-Али, перейти Балканы, а затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Въ случаѣ успѣха первоначальныхъ опера-

---

[1]) «Оборона этропольскихъ Балкановъ турецкими войсками подъ начальствомъ Мехмеда-Али». Разсказъ очевидца. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 9-й.

[2]) Депеша Сулеймана, отъ 2-го ноября 1877 г., каймакаму сераскеріата «Процессъ Сулеймана».

цій, генералъ Гурко предполагалъ развить въ широкихъ предѣлахъ свои дѣйствія и занять южный раіонъ горъ съ Софійскимъ округомъ, а затѣмъ даже двинуться долиной Гіопса въ тылъ турецкой шипкинской арміи и атаковать ее одновременно съ генералъ-адъютантомъ Радецкимъ. Далѣе въ проэктѣ исчислялся minimum тѣхъ силъ, съ которыми генералъ Гурко брался исполнить предложенную имъ операцію. Наконецъ, точно указывались мѣры по обезпеченію отряда продовольственными и боевыми припасами. А именно: ко дню выступленія онъ полагалъ собрать пятидневный запасъ сухарей на людяхъ и шестидневный въ обозѣ, итого на 11 дней. Такъ какъ, при изобиліи скота въ странѣ, вполнѣ оказывалось возможнымъ увеличить для людей ежедневную мясную порцію, то дачу сухарей предполагалось сократить на половину и такимъ образомъ въ этомъ отношеніи отрядъ былъ обезпеченъ на 22 дня. Кромѣ того, наша кавалерія въ то время захватила значительные продовольственные турецкіе транспорты, а страна около рѣки Искера и на западъ была мало раззорена, вслѣдствіе чего оказывалось возможнымъ сосредоточить обширные запасы у д. Радомірцъ, куда и направлены были заблаговременно команды хлѣбопековъ. Что касается патроновъ, то, кромѣ имѣвшихся на людяхъ, предполагалось выдать на руки еще столько, сколько каждый могъ помѣстить, всего, примѣрно, по 105 патроновъ.— За отрядомъ должны были слѣдовать летучіе парки съ полнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ. Снаряженный такимъ образомъ отрядъ предполагалось двинуть къ Балканамъ, оставляя при немъ обозъ такъ долго, какъ только это окажется возможнымъ [1]). Проэктъ этотъ былъ представленъ главнокомандующему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу и Государю Императору. По разсмотрѣніи проэкта въ военномъ совѣтѣ у главнокомандующаго и Его Величества онъ былъ одобренъ, при чемъ составъ отряда даже былъ нѣсколько увеличенъ противу предположеннаго генералъ-адъютантомъ Гурко. Весьма важнымъ было и то обстоятельство, что Его Высочество обѣщалъ предложить сербамъ тоже открыть наступательныя операціи, какъ только наши войска займутъ Софію.

---

[1]) «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877 и 1878 г. въ Европейской Турціи» А. Пузыревскаго.

Составъ отряда, назначеннаго для предполагавшихся операцій, былъ слѣдующій:

1-я и 2-я гвардейская пѣхот. дивизіи . .	32 батал.		
Гвардейская стрѣлковая бригада. . . .	4 —		
Л.-гв. 1-я и 2-я артиллерійскія бригады .	» —	— —	96 оруд.
6 полковъ гв. кавалеріи	» —	24 эскадр.	» —
Четыре гв. конныя батареи (2, 3, 5 и 6-я).	» —	» —	24 —
Л.-гв. саперный баталіонъ	1 —	» —	» —
2-я бригада 3-й пѣхот. дивизіи	6 —	» —	» —
Три батареи 3-й артиллерійской бригады.	» —	» —	24 —
Сводная драгунская бригада съ конной батареей	» —	8 —	6 —
Сводная кавказская казачья бригада съ конной батареей	» —	12 —	6 —
Сводная донская казачья бригада съ конной батареей	» —	6 —	6 —
19-я донская конная батарея.	» —	» —	6 —
1-я конно-горная батарея	» —	» —	6 —
Всего . . .	43 батал.	50 эскадр.	174 оруд.

Принимая, круглымъ числомъ, баталіонъ въ 700 человѣкъ, а эскадронъ и сотню въ 100 человѣкъ, получимъ боевую силу отряда въ 30,000 штыковъ, 5,000 сабель, при 174 пѣшихъ и конныхъ орудіяхъ.

Тотчасъ по утвержденіи плана отрядъ сталъ дѣятельно изготовляться къ походу, и въ первыхъ числахъ ноября генералъ-адъютантъ Гурко двинулся къ Балканамъ.

Движеніе производилось безпрепятственно по превосходнѣйшему софійскому шоссе и при благопріятной погодѣ. Въ д. Яблоницѣ отрядъ былъ пріостановленъ и организованъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Есть основаніе думать, что остановка эта была дѣлана по распоряженію полеваго штаба. Впрочемъ, 2—3 дня отдыха послужили въ пользу отряду, какъ въ виду предстоявшихъ тягостей, такъ и для развѣдокъ о противникѣ. Какъ оказалось турки занимали сильнѣйшія позиціи у Ханъ-Правца и впереди гор. Этрополя. На основаніи рекогносцировокъ, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба и строевыми, былъ составленъ превосходнѣйшій планъ для овладѣнія непріятельскими позиціями. Послѣ тяжкой борьбы съ природою въ теченіи нѣсколькихъ дней, отрядъ графа Шувалова занялъ Правецкую позицію турокъ

11-го ноября, а отрядъ генерала Дандевиля — гор. Этрополь 12-го ноября. Тутъ впервые нашимъ войскамъ пришлось ознакомиться съ трудностями горной войны. Нужно было подымать въ заоблачныя высоты тяжелыя 9-ти фунтовыя орудія съ ихъ неуклюжими зарядными ящиками; при чемъ для обхода непріятельскихъ позицій приходилось двигаться по неразработаннымъ дорогамъ или тропинкамъ, порой совершенно терявшимся въ горныхъ кручахъ и лѣсныхъ трущобахъ. Тягчайшія усилія выпали на долю отряда генерала Дандевиля и особенно обходной колонны генерала Рауха, въ отрядѣ графа Шувалова. Но труды войскъ и искуство стратегическихъ соображеній были вознаграждены полнымъ успѣхомъ операцій и ничтожностью потерь въ бояхъ. Достаточно замѣтить, что предгорія Великихъ Балкановъ и вышеупомянутыя позиціи, усиленныя редутами, блиндированными батареями и т. п., достались намъ съ потерею около 80-ти человѣкъ убитыми и ранеными.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ силъ, какими располагали турки для противодѣйствія нашему отряду.

Послѣ паденія Горнаго Дубняка и Телиша, дѣйствовавшій на комуникаціонной линіи Османа-паши и снабжавшій его всѣмъ необходимымъ Шефкетъ-паша, извѣстный своими злодѣйствами надъ болгарами, въ паникѣ бѣжалъ передъ нашими кавалерійскими разъѣздами и ретировался къ Орханіэ.

Вскорѣ послѣ того онъ былъ смѣненъ и передалъ командованіе Шакиру-пашѣ (нынѣ посланнику Оттоманской Порты при С.-Петербургскомъ дворѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Константинополѣ стали помышлять о сформированіи въ Софіи арміи для освожденія Плевны. Исполненіе этой неблагодарной задачи было возложено на Мехмеда-Али-пашу. Генералъ этотъ, нѣмецъ по происхожденію, еще 9-ти лѣтнимъ мальчикомъ поселился со своимъ отцомъ въ Турціи. Обладая хорошими природными дарованіями, онъ получилъ серьезное образованіе и тщательно изучилъ военныя науки, что и выдвинуло его на высокій постъ „главнокомандующаго“ особой арміи. Мехмедъ-Али отличался мягкимъ характеромъ, любилъ пожуировать и обладалъ не дурнымъ поэтическимъ даромъ, подражая въ своихъ нѣмецкихъ стихахъ внѣшнимъ формамъ гейневской поэзіи. Какъ военный человѣкъ онъ не отличался

ясностью взгляда, а также рѣшительностью и непреклонностью характера [1]).

Мехмедъ-Али долженъ былъ собрать изъ войскъ, находившихся въ Босніи и Старой Сербіи, съ присоединеніемъ къ нимъ отряда Шакира, до 60-ти баталіоновъ, 10-ти батарей и нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ и попытаться освободить Плевну. Для дѣйствій турецкой арміи предстояло два пути: одинъ на Берковацъ и Врацу, другой на Орханіэ и далѣе по шоссе. Первый путь, по изученіи его лично самимъ Мехмедомъ-Али, оказался неудобнымъ, потому, во первыхъ, что горный хребетъ между Берковацемъ и Врацей представляетъ слишкомъ значительныя затрудненія для перевозки тяжелаго военнаго матеріала и обозовъ, а, во вторыхъ, въ случаѣ операцій въ этомъ направленіи, линія сообщеній турецкой арміи съ мѣстами складовъ была бы весьма растянута и подверглась бы значительной опасности при энергическомъ наступленіи русскихъ къ Орханіэ [2]). По этому Мехмедъ-Али, отказавшись отъ наступленія изъ Берковаца, обратилъ все вниманіе свое на горную дорогу изъ Софіи въ Орханіэ. Нельзя не признать совершенной справедливости заключеній Мехмеда-Али. Если принять въ соображеніе относительное положеніе обѣихъ сторонъ, числительное и нравственное превосходство нашихъ войскъ и неустройство турецкой арміи, то станетъ очевиднымъ, что наступательный маневръ на Берковацъ долженъ былъ привести турокъ къ быстрой и рѣшительной катастрофѣ.

Теперь обратимся къ тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, которыми обладалъ Мехмедъ-Али.

По прибытіи къ проходу Баба-Конакъ, турецкій главнокомандующій нашелъ его укрѣпленнымъ семью редутами, изъ которыхъ правофланговый „Гюльдизъ-табія“ командовалъ надъ всею окружающею мѣстностью. Редутъ этотъ у насъ называли Шандарникомъ, по имени высоты, на которой онъ былъ расположенъ.

Вслѣдствіе скалистости почвы, рвовъ не было, а брустверъ сло-

---

[1]) Нѣкоторыя черты характеристики Мехмеда-Али сдѣланы нами по разсказамъ, слышаннымъ въ Константинополѣ, гдѣ Мехмедъ-Али не отказывался отъ дружескихъ бесѣдъ и развлеченій съ нѣкоторыми изъ нашихъ офицеровъ.

[2]) «Оборона Этропольскихъ Балкановъ», разсказъ очевидца.

женъ изъ дернинъ; въ редутѣ находилось (7-го ноября) два дальнобойныхъ и два горныхъ орудія.

Изъ числа слѣдующихъ укрѣпленій, редуты №№ 2 и 4-й (считая отъ Гюльдизъ-табіи), вооружены были каждый двумя полевыми орудіями; въ редутѣ № 6-й было 6, а въ редутѣ № 7-й— 5 орудій.

Что касается распредѣленія турецкихъ войскъ, то къ 7-му ноября, они были расположены слѣдующимъ образомъ: 7 баталіоновъ занимали вышеуказанную укрѣпленную позицію, 4 баталіона у Этрополя, 3 баталіона съ 3-я орудіями къ с. отъ д. Лежана близь Правца, 6 баталіоновъ съ горною батареею у д. Лежана; столько же западнѣе д. Скривены; въ резервѣ у Врачеша—6 баталіоновъ съ 2 батареями; 5 баталіоновъ у Златицы, 2 баталіона между Златицей и Ташкисеномъ. Къ 13-му ноября прибыло еще 3 баталіона и 1 батарея изъ Босніи. Такимъ образомъ у Мехмеда собралось 42 баталіона пѣхоты, при 46-ти орудіяхъ, 5 эскадроновъ регулярной кавалеріи и около 500 черкесовъ. Часть этихъ войскъ, какъ уже извѣстно, была разбита нами въ дѣлахъ у Правца и Этрополя и отброшена къ Балканамъ и Орханіэ. Вслѣдствіе этого, а также опасаясь нашего наступленія отъ Этрополя, Мехмедъ-Али рѣшился сосредоточить свои разбросанныя войска и ограничиться обороной Арабаконакской позиціи. Въ этомъ смыслѣ и отдана была имъ 12-го ноября диспозиція на 13-е, извлеченіе изъ которой было передано немедленно константинопольскому военному совѣту. Послѣдній не согласился съ планомъ Мехмеда-Али и требовалъ удержанія всей орханійской позиціи, посылки подкрѣпленій Шакиру, стоявшему впереди Врачеша, и составленія плана для освобожденія Плевны!

Очевидно, въ Константинополѣ не имѣли сколько нибудь удовлетворительнаго представленія о взаимномъ положеніи обѣихъ сторонъ и, тѣмъ не менѣе, брали на себя смѣлость руководить дѣйствіями на театрѣ войны, окончательно сбивая съ толку нерѣшительнаго Мехмеда-Али. Вслѣдствіе полученныхъ приказаній, турецкій начальникъ сдѣлалъ измѣненія въ отданной имъ диспозиціи. При этомъ 13-го ноября турецкія силы группировались такимъ образомъ, что 13 баталіоновъ, 2 батареи, 1 эскадронъ и 500 черкесовъ расположены были, подъ начальствомъ Шакира, впереди

Врачеша, а 15 баталіоновъ, съ указаннымъ выше числомъ орудій, занимали Арабаконакскую позицію, за правымъ флангомъ которой находились, у Гюльдизъ-табіи, 4 баталіона отброшенныхъ нами изъ Этрополя; прочія войска расположены были въ разныхъ пунктахъ, небольшими частями. Указавши распоряженія турокъ и распредѣленіе ихъ войскъ, безъ чего невозможно было бы составить себѣ опредѣленнаго представленія о послѣдующихъ событіяхъ, перейдемъ къ изложенію дѣйствій нашихъ войскъ.

Успѣхъ предшествующихъ столкновеній съ турками давалъ возможность надѣяться, что занятіе Великихъ Балкановъ не потребуетъ чрезвычайныхъ усилій и во всякомъ случаѣ будетъ исполнено безостановочно. Что такой взглядъ существовалъ въ нашемъ штабѣ, на это указываютъ нѣкоторыя распоряженія, сдѣланныя по занятіи Этрополя,—въ нихъ уже упоминается о переходѣ черезъ Балканы, для чего и отданы были нѣкоторыя предварительныя приказанія. Но дальнѣйшія событія показали, что позиція турокъ сильнѣе, чѣмъ объ этотъ говорили имѣвшіяся тогда свѣдѣнія и что отряду предстояла еще гигантская борьба для занятія горъ и тяжкая мѣсячная стоянка на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, при всѣхъ невзгодахъ зимняго суроваго времени. Кромѣ того наступательныя затѣи турокъ, о чемъ въ нашемъ полевомъ штабѣ имѣлись свѣдѣнія, повліяли на характеръ общихъ распоряженій и отразились на дѣйствіяхъ нашего отряда, предпріимчивость и смѣлость которыхъ возбуждала нѣкоторыя опасенія. Взглянемъ теперь на ту преграду, которую приходилось преодолѣть нашему отряду.

Этропольскіе Балканы, находившіеся на прямомъ пути нашего наступленія, достигаютъ высоты, на данномъ участкѣ, до 6 т. фут. (Баба-Гора) и постепенно понижаются въ западномъ направленіи къ Софійскому шоссе, гдѣ имѣютъ высоту менѣе 3,000 фут., затѣмъ далѣе снова возвышаются по направленію къ Умургачу.

Сѣверныя покатости горъ отложе южныхъ и сплошь покрыты лѣсомъ, высшія же точки часто совершенно обнажены отъ древесной растительности (Баба-Гора, Умургачъ). Изъ всѣхъ путей, ведущихъ черезъ горы, только одинъ можетъ быть названъ удобнымъ, а именно: Софійское шоссе, запертое сильными укрѣпленіями у Араба-Конака. Въ прежнее время, до проведенія упомя-

нутаго шоссе пресловутымъ Мидхадомъ-пашей, и до развитія города Орханіэ, главный путь отходилъ отъ Этрополя, но во время войны, какъ этотъ путь, такъ и другія дорожки и тропы были совершенно почти заброшены. Такимъ образомъ при подъемахъ въ горы и дѣйствіяхъ тамъ нашъ отрядъ могъ пользоваться лишь вьючными тропами (на Стриглу, Буново, Мирково). Къ западу отъ Этрополя слѣдуетъ упомянуть еще крайне неудобный путь на Златицу.

Достаточно взглянуть на карту и припомнить расположеніе нашихъ войскъ послѣ занятія Правца и Этрополя, чтобы рѣшит-вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи слѣдовало дѣйствовать нашему отряду. Софійское шоссе у Араба-конака заграждено было сильными укрѣпленіями, а впереди, между Врачешемъ и Орханіэ находился значительный отрядъ Шакира. Съ другой стороны отрядъ генерала Дандевиля, занявши г. Этрополь, тѣмъ самымъ уже до нѣкоторой степени угрожалъ Шакиру, и при движеніи впередъ выходилъ къ флангу турецкой позиціи. Дѣйствительно въ этомъ направленіи и поведены были послѣдующія наши наступательныя дѣйствія; но прежде изложенія ихъ необходимо указать распредѣленіе нашихъ войскъ.

Какъ выше упомянуто, 11-го ноября наши войска овладѣли Правецкой позиціей. Что же касается Этрополя, то турки въ это время еще тамъ держались. Желая содѣйствовать генералу Дандевилю въ овладѣніи этимъ городомъ, генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ произвести 12-го ноября обширную рекогносцировку турецкихъ позицій со стороны Правца, и на основаніи этой рекогносцировки отдалъ общую диспозицію для атаки Этрополя на 13-е ноября. Между тѣмъ, какъ сказано выше, генералъ Дандевиль 12-го ноября овладѣлъ Этрополемъ и потому предположенная атака не состоялась. Для веденія ея назначено было всего 24 баталіона, 48 пѣшихъ орудій, 11 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія Эти войска сосредоточились около Этрополя, согласно отданной диспозиціи. Посмотримъ, куда направлены были прочія части отряда. Желая дѣйствовать наступательно противъ Этрополя, начальникъ отряда постарался обезпечить себя отъ возможнаго движенія турокъ со стороны Орханіэ. Съ этою цѣлью особый отрядъ, въ составѣ 8-ми баталіоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ

орудій, 8 эскадроновъ и сотенъ и 4-хъ конныхъ орудій [1]), подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса, занялъ бывшую турецкую позицію у Правца, и долженъ былъ выслать всю кавалерію съ конной артиллеріей къ сторонѣ Орханіэ для производства рекогносцировки. Затѣмъ въ общемъ резервѣ на позиціи у д. Осиково, оставленъ былъ отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера изъ 8-ми баталіоновъ пѣхоты, 54-хъ орудій и 1 эскадрона [2]).

Наконецъ часть кавказской казачьей бригады оставалась въ Големѣ-Болгарскомъ-Изворѣ [3]). Изъ этого распредѣленія силъ можно видѣть, что насколько наступленіе къ Этрополю было обезпечено достаточной численностью войскъ, настолько же распредѣленіе отрядовъ способствовало отраженію всякой наступательной попытки со стороны турокъ.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Дандевиль, овладѣвши Этрополемъ 12-го ноября, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня занялъ находящіяся къ западу отъ города два ущелья. Въ правомъ бродили еще турки, разогнанные шрапнелью изъ 2-хъ орудій. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Дандевиль выслалъ по дивизіону Екатеринославскихъ драгунъ, при 16-й конной батареѣ, по обѣимъ ущельямъ, для преслѣдованія турокъ. Оба дивизіона при дальнѣйшимъ слѣдованіи соединились подъ командой генералъ-маіора Краснова. Успѣхъ преслѣдованія былъ полный. Драгуны сперва настигли хвостъ обоза, въ конномъ строю атаковали его прикрытіе и разогнали турокъ; а при послѣдующемъ движеніи въ горахъ частью спѣшивались и ходили въ штыки. При этомъ для замаскированія слабости силъ, въ разныхъ мѣстахъ были поставлены трубачи, которымъ приказано было играть наступной маршъ,

---

[1]) Гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. Московскій полкъ, 2 батареи л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, 3 эскадрона л.-гв. гусарскаго Его Величества полка, 5 сотенъ Кавказской казачьей бригады и 2 взвода л.-гв. 6-й Донской батареи.

[2]) Полки л.-гв. Егерскій и Павловскій, 5 батарей л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, 1 батарея л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, эскадронъ л.-гв. уланскаго полка и 5-я батарея гв. конной артиллеріи.

[3]) Диспозиція на 13-е ноября помѣщена въ «Воспоминаніяхъ офицера генеральнаго штаба».

а въ крикѣ „ура“ принимали участіе даже коноводы. Трофеями нашими были: 3 стальныхъ орудія, 2 зарядныхъ ящика, 200 ружей, 300 подводъ съ разнымъ матеріаломъ и провіантомъ и т. п. [1]).

Генералъ Дандевиль, получивъ объ этомъ донесеніе, а также просьбу прислать пѣхоту для охраненія обоза, далъ соотвѣтствующія приказанія.

Вслѣдствіе этого выдвинулись впередъ 3 баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Генералъ-маіоръ Красновъ, оставивъ 1 баталіонъ при отбитомъ обозѣ, съ остальными двумя поднялся, до разсвѣта 14-го ноября, въ горы и достигъ редута Гюльдизъ-табіи, на Шандарникѣ. Атака редута признана была рискованной, вслѣдствіе чего баталіоны спустились обратно внизъ [2]).

Между тѣмъ генералъ-адъютантъ Гурко, прибывъ въ Этрополь еще 13-го ноября, приступилъ къ составленію плана перехода черезъ Балканы. Согласно первоначальнымъ предположеніямъ выдвинутъ былъ впередъ, для занятія Вратешскаго (Греата) перевала, авангардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля. На долю его выпало выдержать первый ожесточенный бой на высотахъ Великихъ Балкановъ. Авангардъ выступилъ изъ Этрополя 15-го ноября и въ этотъ день прошолъ по горной, неудобной дорогѣ около 6-ти верстъ, достигнувъ такъ называемаго „драгунскаго бивака“, откуда идутъ два подъема на перевалъ—лѣвый, болѣе удобный, по которому драгуны преслѣдовали турокъ, и правый по старой, заброшенной дорогѣ [3]).

Запасъ патроновъ состоялъ изъ 96 штукъ на каждаго человѣка; снаряды—тѣ, что при орудіяхъ въ передкахъ и зарядныхъ ящикахъ; продовольствія на три дня.

Впослѣдствіи предполагалось все подвозить изъ Этрополя, гдѣ оставались войсковые обозы. Доставка должна была производиться на вьючныхъ лошадяхъ, т. е. полковыхъ обозныхъ, снаряженныхъ отличными болгарскими вьючными сѣдлами; для подъема орудій

---

[1]) Реляція генерала Дандевиля и полковника Ребиндера. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 2.

[2]) Реляція генерала Дандевиля. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 2.

[3]) Ibidem.

присланы были буйволы, а болгары вызвались тащить тяжести и содѣйствовать движенію орудій. Ранцевъ, этихъ неудобныхъ, тяжелыхъ мирныхъ снарядовъ, не было; необходимыя же вещи люди несли въ мягкихъ холщевыхъ мѣшкахъ, которые солдатъ навѣшивалъ по своему произволу, какъ ему удобнѣе. Отъ ранца былъ оставленъ только жестяной котелокъ—этотъ неизмѣнный спутникъ походной жизни солдата, который замѣнялъ ему всѣ кухонныя и чайныя принадлежности [1]).

16-го ноября, въ $4^1|_2$ часа утра, авангардъ двинулся въ горы, въ двухъ колоннахъ, по обоимъ вышеупомянутымъ путямъ. По увѣренію проводниковъ, перевалъ турками не былъ занятъ, но о томъ, что редутъ Гюльдизъ-табія оборонялся противникомъ, въ штабѣ отряда было извѣстно.

Составъ колоннъ былъ слѣдующій: а) правая, подъ начальствомъ генералъ - маіора Дандевиля, 2 баталіона Великолуцкаго полка, 2 орудія 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады; 1 эскадронъ драгунъ и команда саперъ; б) лѣвая, подъ начальствомъ полковника Зубатова, 2 баталіона Псковскаго полка, 4 орудія 16-й конной батареи и 1 эскадронъ драгунъ.

Въ резервѣ, на „драгунскомъ бивакѣ", оставлены были третьи баталіоны обоихъ пѣхотныхъ полковъ, два эскадрона драгунъ и два орудія 16-й конной батареи.

Мы обратимся къ дѣйствіямъ правой колонны.

Наканунѣ выпалъ мокрый, тающій снѣгъ и сдѣлалъ дорогу грязною; къ утру заморозило, но потомъ солнце нѣсколько подправило торчавшія кочки. Обогнавъ правую колонну, генералъ Дандевиль пришелъ къ заключенію, что обѣ колонны дойдутъ до перевала только въ сумерки и будутъ тамъ ночевать въ виду турецкихъ укрѣпленій; поэтому лично приказалъ обоимъ резервнымъ баталіонамъ присоединиться къ своимъ полкамъ, а 2-ю стрѣлковую роту Великолуцкаго полка, съ маіоромъ Беатеромъ, однимъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ, выдвинулъ впередъ для занятія перевала еще засвѣтло [2]). Между тѣмъ подъемъ отряда сопро-

---

[1]) «Воспоминанія объ Этропольскихъ Балканахъ». Изъ походныхъ записокъ армейца В. «Сборникъ военныхъ разсказовъ» т. 3.

[2]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября 1877 года.

вождался величайшими трудностями. Орудія выступили, безъ ящиковъ и лошадей, запряженныя буйволами; часть пѣхоты сопровождала артиллерію, а другая была выдвинута для разработки дороги подъ руководствомъ саперъ. Драгунскій разъѣздъ шелъ впереди. Отъ бивака дорога круто поднималась вверхъ по косогору и обозначалась сначала колеями. Буйволы, таща орудія, съ трудомъ цѣплялись за таявшую почву и часто падали. Истощаясь въ этой борьбѣ, они едва подвигали свой тяжелый грузъ, не смотря на то, что въ каждое орудіе было впряжено ихъ по 4 пары. Около шести часовъ утра, по указанію проводника, дорога съ колеями была брошена и движеніе уже происходило по едва замѣтной тропѣ съ чрезвычайно крутымъ подъемомъ. Тогда начались постоянныя остановки, и буйволы, скользя и падая, могли подвигать орудія только съ помощью людей. Далѣе тропа, подымаясь все вверхъ, входила въ лѣсъ; здѣсь стали встрѣчаться подъемы выше 20% [1]. Справа дорога ограничивалась крутыми скатами Греата, а слѣва обрывами въ глубокое ущелье; по обѣимъ сторонамъ пути высился дѣвственный гигантскій лѣсъ изъ бука и дуба, а самая тропа загромождена была глыбами камней, отъ 2-хъ до 4-хъ фут. толщины, завалена нарочно срубленными непріятелемъ деревьями, и при этомъ дѣлала частые и крутые повороты между деревьями [2]. При такихъ условіяхъ буйволы оказались вскорѣ безполезными: длинная вереница ихъ вытягивалась по зигзагамъ дороги и такимъ образомъ совершенно не могла двигать тяжести.

Потребовались необычайныя усилія людей, а саперы высылались заранѣе впередъ для отысканія мѣстъ сколько нибудь удобныхъ для разработки. Наконецъ рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству: отдѣлить орудія отъ передковъ, затѣмъ, оставивъ по одной парѣ буйволовъ въ каждомъ изъ нихъ, остальныхъ выпречь и двигать далѣе грузъ съ помощью, какъ остав-

---

[1]) Рапортъ штабсъ-капитана Адасовскаго отъ 19-го ноября. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 2.

[2]) Ibidem. См. также «Воспоминанія объ Этропольскихъ Балканахъ». Дорога эта хорошо извѣстна и автору настоящаго очерка.

ленныхъ паръ, такъ и преимущественно, людей [1]). Было около двухъ часовъ по полудни. Солдаты и болгары, сильно проголодавшись, грызли сухари, размачивая ихъ въ снѣгу. Отрядъ находился на самомъ трудномъ и неудобномъ мѣстѣ подъема, огибающемъ лѣсистый гребень Греаты, верстахъ въ двухъ отъ перевала.

Вдругъ, совершенно неожиданно, впереди и правѣе раздался выстрѣлъ, другой, потомъ—залпъ, и загрохотала перестрѣлка. Турки атаковали маіора Беатера [2]).

Около 10-ти часовъ утра Мехмедъ-Али-паша сталъ получать свѣдѣнія о наступленіи значительныхъ силъ русскихъ по долинѣ Сухой-рѣки, затѣмъ о послѣдовавшемъ столкновеніи обѣихъ сторонъ и т. п. Главнокомандующій, со своимъ штабомъ, прибылъ къ угрожаемому пункту. Достигнувъ около часу по полудни [3]) редута Гюльдизъ-табіи, онъ услышалъ въ сѣверо-восточномъ направленіи перестрѣлку. Въ самомъ редутѣ и около него было расположено три баталіона, изъ которыхъ Мехмедъ-Али выслалъ одинъ на подкрѣпленіе Ибрагима-паши, атаковавшаго русскихъ своими войсками, оборонявшими, нѣсколько дней тому назадъ, Этрополь. Маіоръ Беатеръ, двигаясь со 2-й стрѣлковой ротой впереди отряда, подходя къ Греатѣ, былъ атакованъ, такимъ образомъ, значительно превосходными силами турокъ, о чемъ немедленно послалъ донесеніе начальнику колонны. Генералъ Дандевиль, остановивъ орудія, выслалъ къ мѣсту перестрѣлки двѣ роты 2-го баталіона Великолуцкаго полка, которыя, не смотря на усталость, двинулись бѣгомъ.

Оживленная пальба стала приближаться къ орудіямъ съ фронта и вслѣдъ затѣмъ турки начали охватывать нашихъ справа,—осыпая пулями лѣсъ, въ которомъ находилась артиллерія. По мѣрѣ приближенія ротъ 1-го баталіона Великолуцкаго полка, генералъ Дандевиль высылалъ ихъ вправо, куда направленъ былъ и спѣшенный драгунскій эскадронъ. Маіоръ Беатеръ доносилъ.

---

[1]) Рапортъ штабсъ-капитана Адасовскаго.

[2]) «Воспоминанія объ Этропольскихъ Балканахъ» и рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября 1877 года.

[3]) На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, гораздо позже, такъ какъ дѣло завязалось въ третьемъ часу.

что онъ потѣсненъ, но все-таки держится стойко [1]). Такимъ образомъ всѣ силы отряда, кромѣ подходившаго изъ резерва 3-го баталіона, были въ расходѣ; при орудіяхъ осталось лишь небольшое прикрытіе. Штабсъ-капитанъ Адасовскій приказалъ зарядить орудія картечью и навести ихъ на противника, стремившагося окружить нашъ отрядъ. Командиръ взвода подпоручикъ Ермаковъ, ободряя прислугу, объявилъ людямъ, что, если потребуется, они должны погибнуть при орудіяхъ, взорвавъ предварительно передки съ зарядными ящиками [2]).

Между тѣмъ у противника, около 3-хъ часовъ по полудни, подошли къ Гюльдизъ-табіи прибывшіе изъ Босніи 2 баталіона редифовъ. Баталіоны эти были выдвинуты впередъ, какъ для поддержки сражавшихся, такъ и для того, чтобы разрѣзать наши колонны, наступавшія по двумъ путямъ.

Мехмедъ-Али, давши необходимыя наставленія начальникамъ, самъ проводилъ оба баталіона и по пути, „съ помощью фухтелей", присоединилъ залегшій полубаталіонъ арабовъ. Редифы съ крикомъ „аллахъ" двинулись по указанному направленію и завязали перестрѣлку съ нашими войсками, но вскорѣ должны были прекратить огонь, такъ какъ людямъ, вооруженнымъ снайдеровскими ружьями, выданы были патроны для ружей Генри-Мартини.

Тогда приказано было имъ атаковать русскихъ въ штыки [3]). У насъ происходило слѣдующее. Третій баталіонъ Великолуцкаго полка, которому было послано приказаніе спѣшить, находился еще въ 4-хъ верстахъ, а между тѣмъ турки стали уже заходить въ тылъ колоннѣ и ранили на перевязочномъ пунктѣ драгунскихъ лошадей. Тогда генералъ Дандевиль приказалъ передвинуться всей цѣпи вправо, а маіору Беатеру зайти лѣвымъ плечемъ и атаковать съ праваго фланга турокъ, которые, растягиваясь влѣво, должны были себя ослабить на правомъ флангѣ [4]). Долго тянулись нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія; далеко впереди послышалось турецкое „алла-ла-ла"; у всѣхъ дрогнуло

---

[1]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября 1877 года.

[2]) Рапортъ штабсъ-капитана Адасовскаго отъ 19-го ноября 1877 года.

[3]) «Оборона Этропольскихъ Балкановъ».

[4]) Рапортъ генерала Дандевиля отъ 22-го ноября.

сердце, но вскорѣ раздалось наше „ура“, и раскатилось по лѣсу, несясь вправо по гребню [1]). Маіоръ Беатеръ атаковалъ турокъ въ штыки, причемъ противникъ отчаянно дрался въ рукопашную на скалистой грядѣ перевала. Великолутцы, выбивъ его оттуда, гнали по направленію къ редуту Гюльдизъ-табіи; третій баталіонъ, двигавшійся бѣгомъ, подоспѣлъ только для преслѣдованія [2]). Дѣло окончилось около 4-хъ часовъ по полудни.

Турки оставили до 200 тѣлъ и побросали множество патроновъ и лопатъ. Наши потери состояли изъ 1-го офицера убитаго, 1-го раненаго, и 145 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ. Наши убитые были изувѣчены турками [3]). По окончаніи дѣла пѣхота быстро возвратилась назадъ и живо втащила одно изъ орудій на площадку, съ которой можно было обстрѣливать отступавшихъ турокъ. Противникъ отвѣчалъ изъ двухъ орудій, а съ наступленіемъ сумерекъ прекратилъ огонь. Во время этой перестрѣлки услышана была кононада въ лѣвой колоннѣ, гдѣ 2 орудія 16-й конной батареи успѣли тоже открыть огонь. Объ этомъ артиллерійскомъ боѣ „очевидецъ“ говоритъ: „русская артиллерія съ самаго начала опредѣлила дистанцію довольно вѣрно; снаряды разрывались передъ самымъ брустверомъ или надъ его гребнемъ, однако внутрь укрѣпленія не достигали“.

Съ наступленіемъ темноты 2-й баталіонъ былъ оставленъ ночевать на перевалѣ вмѣстѣ съ драгунами; 2-е орудіе еще не подоспѣло и осталось назади. Между тѣмъ генералъ адъютантъ Гурко, услышавъ пальбу и получивъ донесеніе генерала Дандевиля о завязавшемся дѣлѣ, тотчасъ выслалъ на подкрѣпленіе правой колонны 2 баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, которые и прибыли ночью по назначенію.

Съ турецкой стороны ночью выставлены были цѣпи для принятія на себя отступившихъ и разбредшихся людей, а также съ цѣлью устройства стрѣлковыхъ ровиковъ, для связи 1-го и 2-го ре-

---

[1]) «Воспоминанія объ Этропольскихъ Балканахъ».

[2]) Рапортъ генерала Дандевиля 22-го ноября 1877 года.

[3]) Авторъ настоящаго очерка видѣлъ въ тотъ же вечеръ, на мѣстѣ свалки, одного нижняго чина съ обрѣзанными ушами, а другаго съ глубоко прорѣзанной шеей.

дутовъ. 8 баталіоновъ смѣнили у Гюльдизъ-табія войска, бывшія въ дѣлѣ, а послѣднія отправлены въ резервъ, который за ночь былъ усиленъ еще четырьмя баталіонами, прибывшими изъ Босніи и тремя—съ Араба-Конака. Шакиру-пашѣ, находившемуся у Врачеша, приказано было сжечь имѣвшіеся тамъ громадные запасы и отступить къ главнымъ силамъ у Баба-Конака, но объ этомъ скажемъ впослѣдствіи.

Къ разсвѣту 17-го ноября, 2-ое наше орудіе было подвезено къ первому и тогда турки открыли по нимъ ожесточенный огонь, обстрѣливая въ то же время измайловцевъ; однако они принуждены были очистить батарею и отойти въ редутъ. Послѣ того наши орудія были передвинуты на перевалъ, гдѣ и окопались. Такъ совершилось первое занятіе перевала и нашъ отрядъ крѣпко зацѣпился за хребетъ Великихъ Балкановъ.

Мы остановились на этомъ дѣлѣ довольно подробно, какъ вслѣдствіе стратегической его важности въ смыслѣ утвержденія нашего на Балканахъ и вліянія на операціи у Орханіэ, что читатель вскорѣ увидитъ,—такъ и изъ уваженія къ доблести, проявленной нашими войсками въ борьбѣ съ превосходнымъ противникомъ и вообще при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Со стороны турокъ участвовало до 7-ми баталіоновъ, а съ нашей стороны дралось два неполныхъ баталіона (одна рота великолутцевъ была на Златицкомъ перевалѣ). Кромѣ того турки занимали выгодную командующую позицію въ то время, какъ нашъ отрядъ растянулся снизу вверхъ, таща тяжелыя 9-ти фунтовыя орудія. Съ другой стороны непонятно, какимъ образомъ турки, видя изолированное наступленіе нашихъ слабыхъ колоннъ, не сдѣлали серьезной попытки разбить ихъ по частямъ и сбросить съ горъ, пользуясь выгодами своего положенія и сосредоточенности силъ. Разъясненіе этого обстоятельства мы находимъ въ разсказѣ „очевидца": „электрическій апаратъ для телеграфной линіи, устроенной между Гюльдизъ-табіею и лагеремъ резерва у Большой Камарлы, уже нѣсколько недѣль тому назадъ былъ испорченъ и не могъ дѣйствовать; вслѣдствіе этого, всѣ сношенія съ отрядами должны были производиться посредствомъ ординарцевъ. Такимъ образомъ, когда Мехмедъ-Али, около часу по полудни, узналъ о наступленіи русскихъ черезъ Этрополь, онъ

послалъ въ лагерь Ибрагима-пашу, поручивъ ему взять оттуда десять баталіоновъ и двѣ батареи и ударить во флангъ и въ тылъ русскимъ войскамъ, наступавшимъ долиною Сухой-рѣки. По зрѣломъ обсужденіи, онъ сообразилъ, однако, что Ибрагимъ-паша раньше наступленія темноты не можетъ достигнуть до непріятеля; вслѣдствіе этого, черезъ полчаса послѣ вышеупомянутаго распоряженія, рѣшились его отмѣнить; Ибрагиму приказано остаться въ лагерѣ и принять начальство надъ нимъ" [1]). Объясненіе столько же правдоподобное, сколько характеристичное для нашихъ бывшихъ противниковъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ лѣвой колонны.

А. Пузыревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) «Военный Сборникъ» 1878 г. № 9-й.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Изъ воспоминаній Ефима Ивановича Топчіева.

1815—1820.

Въ половинѣ октября 1815 года, меня отправили въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ соученикомъ моимъ по Харьковской гимназіи Василіемъ Тихоцкимъ. Москву мы застали еще мало обстроившеюся послѣ гибельнаго для нея 1812 года. Много каменныхъ домовъ и другихъ строеній стояло обгорѣлыхъ, полуразрушенныхъ; чрезъ многіе дворы ѣздили—какъ бы по улицамъ; колокольни были, бо́льшею частью, съ однимъ колоколомъ. Отдохнувъ въ Петербургѣ не болѣе сутокъ, явились въ канцелярію 2-го кадетскаго корпуса и были приняты, по нашимъ документамъ, въ Дворянскій полкъ.

Начальникомъ 2-го кадетскаго корпуса и находившихся при немъ Дворянскаго полка и Дворянскаго кавалерійскаго эскадрона считался генералъ-адъютантъ Курута, но его дѣйствительная служба была при лицѣ великаго князя Константина Павловича, въ Варшавѣ. За его отсутствіемъ завѣдывалъ Маркевичъ, кажется, генералъ-маіоръ, начальникъ собственно 2-го кадетскаго корпуса. Въ Дворянскомъ полку было два полныхъ баталіона, по четыре роты въ каждомъ: 1 я гренадерская, 1, 2 и 3-я мушкатерская—въ первомъ баталіонѣ, и 2-я гренадерская, 4, 5 и 6-я—во второмъ. Полковаго командира не было при моемъ опредѣленіи. Командовали баталіонами полковники: первымъ—Гольтеєръ, а вторымъ—Энгельгардтъ. Младшими штабъ-офицерами были подполковники Брайко и Вилькинъ 1-й. Въ концѣ 1816 или въ началѣ 1817 г. Гольтеєръ и Энгельгардтъ произведены въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ—первый командиромъ Дворянскаго полка, а второй какой-то гренадерской бригады. Брайко и Вилькинъ произведены въ полковники и назначены командирами тѣхъ баталіоновъ, въ которыхъ до того были младшими штабъ-офицерами. На мѣсто ихъ поступили произведенные изъ капитановъ въ подполковники: командиръ 2-й гренадерской роты Жизневскій—въ первый баталіонъ и 6-й мушкатерской Бородинъ—во второй. Дворянскимъ кавалерійскимъ эскадрономъ командовалъ полковникъ Линденеръ.

Въ 1815 году къ этому эскадрону было прикомандировано болѣе двухсотъ юнкеровъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ, для изученія кавалерійскаго строя; на многихъ изъ нихъ были медали (за кампанію 1812 года и 1814 г.—за взятіе Парижа) и георгіевскіе кресты. Ихъ выслали на годъ, но многіе пробыли два года и далеко не всѣ произведены офицерами въ кавалерійскіе полки. Бѣднѣйшіе, или недостаточнаго состоянія, выпущены въ пѣхотные полки; неспособные къ военной службѣ—14-мъ классомъ, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, а нѣкоторые (немногіе) въ гарнизонъ унтеръ-офицерами, за дурное поведеніе. Въ Дворянскій полкъ и Дворянскій кавалерійскій эскадронъ принимали дворянъ не моложе шестнадцати лѣтъ, до какихъ же лѣтъ—не было ограниченія. Собственно кадеты 2-го корпуса были въ составѣ одного баталіона въ четыре роты, одной гренадерской и трехъ мушкатерскихъ; кто командовалъ баталіономъ кадетъ во фронтѣ—не припомню. Опредѣляющіеся въ Дворянскій полкъ зачислялись обыкновенно въ мушкатерскія роты; переводъ въ гренадерскія роты и производство въ унтеръ-офицеры и фельдфебеля вели къ выпуску, т. е. производству въ офицеры въ слѣдующій выпускъ. Для поступающаго въ Дворянскій полкъ было довольно одного года, чтобы быть переведеннымъ въ гренадерскую роту. При мнѣ выпуски были ежегодные, обыкновенно весной, но пятисотъ человѣкъ въ каждый, исключая 1818 года, потому что въ предшествовавшемъ, 1817 году, было два выпуска, весною пятьсотъ и осенью триста. Послѣ кампаніи 1812, 1813 и 1814-го гг. полки весьма нуждались въ офицерахъ, слѣдствіемъ чего, полагаю, въ Дворянскомъ полку и Дворянскомъ кавалерійскомъ эскадронѣ не былъ ограниченъ пріемъ молодыхъ дворянъ комплектомъ, при томъ принимали безъ экзамена и дальнѣйшаго разбора о дворянствѣ, основываясь на выданныхъ документахъ въ губерніяхъ. Губернаторы имѣли предписаніе заохочивать недорослей изъ дворянъ опредѣляться въ Дворянскій полкъ и Дворянскій кавалерійскій эскадронъ и всѣмъ недостаточнымъ выдавать прогоны на счетъ казны—до Петербурга.

Родившись 1-го апрѣля 1801 года, въ ноябрѣ 1815 года я имѣлъ 14 лѣтъ, а по моимъ документамъ значилось 16. До самаго опредѣленія въ Дворянскій полкъ я не зналъ, что въ немъ ничему не учатъ, кромѣ фронтовой службѣ. Тѣснота помѣщенія въ Дворянскомъ полку, дурное содержаніе и вмѣстѣ охота продолжать прерванное ученіе—заставили меня хлопотать о переводѣ во 2-й кадетскій корпусъ. Но переводъ мой не состоялся, по неимѣнію вакансіи, а болѣе потому, что мнѣ прибавили два года лишнихъ: въ высшіе классы не принимали, а для среднихъ, по документамъ, я перестарѣлъ. Брата я засталъ унтеръ-офицеромъ въ 4-й мушкатерской ротѣ,

куда и я назначенъ. Этою ротой командовалъ штабсъ-капитанъ Мансуровъ, большаго росту, дебелый, мѣшковатый, который, что бы ни надѣлъ на себя—все ему было не къ лицу.

Въ 1813, 1814 и 1815 годахъ недоросли прибывали большими партіями съ нѣкоторыхъ губерній, преимущественно съ Рязанской, Курской и Смоленской; въ числѣ этихъ недорослей были перезрѣлые, едва грамотные, дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ, не служащихъ, вошедшихъ въ разрядъ однодворцевъ. Я засталъ такую тѣсноту помѣщенія въ Дворянскомъ полку, что на двухъ вмѣстѣ сдвинутыхъ кроватяхъ спали пять воспитанниковъ. Если кому, бывало, прійдется встать ночью по надобности, то находилъ, возвратясь назадъ, что спящіе товарищи заняли собой оставленное мѣсто и нѣтъ возможности разбудить ихъ, чтобы заставить раздвинуться. Одно средство—лечь сверху, на промежутокъ между двумя, и тяжестью тѣла мало по малу выдавить свое прежнее мѣстечко на кровати. Перевороться на другой бокъ было дѣло несбыточное: на какой бокъ легъ засыпая—съ того и встанешь проснувшись поутру. Полы въ комнатахъ не мылись, а вытирались кирпичомъ и послѣ того высыпались пескомъ, что лежало на обязанности воспитанниковъ, какъ равно чистить себѣ платье, обувь, ружье и всю свою аммуницію. Чесотка, цынга, зобъ, простуда—были господствующія болѣзни, особливо послѣдняя, отъ которой много воспитанниковъ Дворянскаго полка переселилось на Смоленское поле—мѣсто погребенія той части Петербурга, гдѣ находился 2-й кадетскій корпусъ. Какъ было не простудиться даже неизнѣженному, крѣпкаго тѣлосложенія, взрослому воспитаннику? Второй баталіонъ помѣщался въ деревянныхъ казармахъ, нештукатуренныхъ, складенныхъ на мхѣ; рота—въ отдѣльной казармѣ; печи топили одинъ разъ въ сутки даже въ самые жестокіе морозы, обыкновенно за часъ до свѣта, отчего ночью было холоднѣе, нежели днемъ. Одѣяла изъ солдатскаго шинельнаго сукна,—не на каждаго воспитанника, а одно на кровать,—не могли согрѣть ночью въ холодныхъ казармахъ, при томъ экономно отапливаемыхъ. Шинелей не было и не позволяли имѣть собственныхъ. Отхожія мѣста устроены отдѣльно, въ которыя ходили чрезъ открытый дворъ. Считаю излишнимъ объяснять въ чемъ ходили въ отхожія мѣста ночью полусонные воспитанники, у которыхъ даже одѣяла были не на каждаго, а мундиръ и принадлежности къ нему лежали на столѣ, складенные въ требуемомъ порядкѣ, симетріею, по распоряженію начальства, за чѣмъ строго наблюдалъ старшій въ каморѣ унтеръ-офицеръ и дежурный по ротѣ—и это въ Петербургѣ, гдѣ зимой бываетъ до тридцати градусовъ мороза! Обѣдали и ужинали въ общей залѣ съ кадетами, въ которую нужно было пройти улицею болѣе ста саженъ, и, потомъ, холодными корридорами поротно, строемъ,

рота за ротой. Какая бы ни была погода—дождь, мятель, сильный морозъ, хочешь ли, не хочешь ѣсть—иди непремѣнно; а сядешь за столъ—зимою холодно, во всякое время года голодно, крайне невкусно и нечисто изготовлено, особливо ужинъ. За то госпиталь Дворянскаго полка былъ наполненъ больными воспитанниками до-нельзя, Смоленское поле—умершими, а Маркевичъ, за свое короткое управленіе, скопилъ милліонъ рублей—благоразумною экономіей....

Форма Дворянскаго полка—армейскихъ мушкатерскихъ полковъ, только съ тою разницей, что вмѣсто тесаковъ—полусабли, а на киверахъ гербъ общій для всѣхъ кадетскихъ корпусовъ: двуглавый орелъ, отъ котораго къ верху и по обѣимъ сторонамъ исходятъ лучи, вытѣсненный на тонкомъ мѣдномъ листѣ. Штабъ и оберъ-офицеры носили гвардейскіе эполеты, считаясь наравнѣ съ молодою гвардіей. Воспитанникамъ Дворянскаго полка давали мундиръ, штаны и краги на одинъ годъ и бѣлые парусинные штиблеты—на лѣто; двѣ пары сапогъ толстой кожи, сшитыхъ безъ мѣрки, что называется—на живую нитку, вмѣсто которыхъ бóльшая часть воспитанниковъ носили собственные, на заказъ сшитые. Рубахи, подштанники, съ длинными пришивными бумажными чулками, и простыни перемѣнялись сперва одинъ разъ въ недѣлю, а уже впослѣдствіи два раза (по воскресеньямъ и средамъ).

Отъ тѣсноты помѣщенія и другихъ причинъ, въ 1815 году завелась чесотка у всѣхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, въ бóльшей или меньшей степени у одного противу другаго. Очистили особое помѣщеніе въ казармахъ, подъ названіемъ карантина, куда помѣщали однихъ тѣхъ, у которыхъ чесотка распространилась по всему тѣлу, а у кого она была только на однѣхъ кистяхъ рукъ, тѣ оставались въ своихъ ротахъ и только ходили въ особый отдѣлъ карантина мыть руки въ щелокѣ и принимать внутрь сѣрный порошокъ. У нѣкоторыхъ чесотка доходила даже до злокачественныхъ ранъ; такихъ отправляли въ госпиталь. Зараза продолжалась до 1817 года. Она начала ослабѣвать—когда стали чаще мѣнять бѣлье, мыть полы, когда помѣщеніе въ казармахъ пришло въ то нормальное положеніе, что кровать была уже на одного воспитанника; а также тогда, когда число воспитанниковъ Дворянскаго полка уменьшилось выпусками въ офицеры, необыкновенною смертностью и гораздо меньшею прибылью вновь опредѣляющихся, по распространившимся слухамъ о дурномъ содержаніи воспитанниковъ: случилось, что одинъ воспитанникъ, Мячиковъ, застрѣлился съ отчаянія, что оставленъ отъ выпуску, по малому росту, и долженъ пробыть еще одинъ годъ, въ томъ мѣстѣ, которое сдѣлалось ему уже невыносимымъ,—застрѣлился изъ казеннаго ружья. Зарядъ попалъ въ кисть руки, которую

хотя и отрѣзали, но, упорствуя умереть, Мячиковъ ночью сорвалъ перевязку и изошелъ кровью. Такъ говорилъ главный докторъ корпуснаго госпиталя; но лейбъ-медикъ Виллiе, главный докторъ всѣхъ военныхъ госпиталей, нашелъ другую причину смерти Мячикова: что рука отрѣзана поздно, на другой день прострѣленія, когда уже поразилъ рану антоновъ огонь, при томъ была небрежно, дурно перевязана.... Объ этомъ происшествіи многіе воспитанники писали своимъ роднымъ, а тѣ, разнесли по своимъ сосѣдямъ и такимъ образомъ узнала почти вся Россія. Кто довелъ до свѣдѣнія Вилліе—неизвѣстно; но кромѣ госпиталя онъ осматривалъ, по высочайшему повелѣнію, помѣщеніе въ казармахъ Дворянскаго полка, постели, бѣлье на воспитанникахъ. Вслѣдствіе его доклада императору Александру Павловичу, у насъ многое улучшилось противу прежняго, какъ я сказалъ выше, и даже самая пища, но послѣднее улучшеніе—не надолго. Больныхъ воспитанниковъ перевели въ военно-сухопутный госпиталь, гдѣ пользовали и содержали гораздо лучше; при Дворянскомъ полку оставлено было лишь небольшое отдѣленіе лазарета, кроватей двадцать, для пріема больныхъ и леченія неважныхъ, скоропроходящихъ болѣзней.

Опредѣлившись въ ноябрѣ 1815 г., съ апрѣля 1816 г. я уже участвовалъ во всѣхъ ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ ученьяхъ. Въ томъ же 1816 году братъ выпущенъ офицеромъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ то время въ Полтавской губерніи. Годъ прошелъ для меня едва замѣтно—тяжелый для новичка слабаго здоровья по климату, непривычкѣ къ строгой военной дисциплинѣ, тѣснотѣ помѣщенія—вообще по дурному содержанію въ то время въ Дворянскомъ полку. Кормили насъ - нельзя сказать, что недостаточно. Супу или щей давали вдоволь—сколько бы кто ни потребовалъ себѣ; но о нихъ можно по справедливости выразиться пословицею: «за вкусъ не берусь, а подавались горячи». За щами, супомъ, слѣдовала говядина (вареная)—около четверти фунта на человѣка—обрѣзная, жесткая, разжевать которую требовались добрые зубы, а переварить—исправный желудокъ. Второе блюдо было подъ названіемъ соуса.... съ пребыванія моего въ Дворянскомъ полку я не могу ѣсть ничего приправленнаго соусами, какъ бы ни былъ голоденъ. Послѣднее блюдо было—кусокъ пирога, или по четыре пышки, по одному кольцу, левашнику (что нибудь одно),—сносное блюдо, но которое не могло утолить голодъ воспитанника послѣ четырехъ—пятичасоваго ученья на плацу, по безвкусію другихъ кушаньевъ. Но это обѣдъ, а ужинъ состоялъ изъ тѣхъ же пустыхъ щей, или супу, и пирога съ гречневою кашей, получившаго названіе «пирога съ навозомъ»,—ужинъ, отъ котораго даже крайне-голодный

въ этомъ дѣлѣ, или только потому единственно, что нужно же было снять вину съ главнаго начальства (которое всегда право) и свалить ее на подчиненныхъ (которые въ отношеніи къ своему начальству и безъ вины всегда виноваты); но и Жизневскій былъ вынужденъ перейти въ одинъ изъ армейскихъ полковъ.

Съ объявленіемъ выпуска въ офицеры формировали новую гренадерскую роту, изъ мушкатерскихъ ротъ того же баталіона. Чтобы попасть въ гренадеры, была необходима рекомендація ротнаго начальника о хорошемъ поведеніи и знаніи фронтовой службы—сколько требуется отъ нижняго чина, и особо выдержать экзаменъ, которымъ требовалось бѣгло читать по русски, писать подъ диктовку безъ ошибокъ, первыя четыре правила арифметики съ дробями и рекрутскую школу. И этотъ легкій экзаменъ былъ камнемъ преткновенія для нѣкоторыхъ; такъ что они засиживались въ мушкатерскихъ ротахъ года по три и по неспособности къ военной службѣ увольнялись съ четырнадцатымъ классомъ. По сформированіи гренадерской роты, изъ нея ротные начальники выбирали для своихъ ротъ фельдъфебеля и унтеръ-офицеровъ; затѣмъ всѣ назначенные къ выпуску уже увольнялись отъ всѣхъ своихъ обязанностей въ Дворянскомъ полку. До отправленія по полкамъ, имъ отводили особое помѣщеніе въ казармахъ и сажали въ залѣ за особый столъ; подавали тѣ же кушанья, но чище изготовленныя и изъ лучшихъ припасовъ. Въ февралѣ 1817 года я произведенъ въ гренадеры. Гренадерскою ротой втораго баталіона командовалъ капитанъ Щепинъ, небольшаго роста, болѣзненный человѣкъ, за всѣмъ тѣмъ энергическій, хладнокровный, настойчивый. Не смотря на то, что гренадеры уже прошли солдатскую школу еще въ мушкатерскихъ ротахъ, Щепинъ мучилъ насъ постоянно длиннымъ ученьемъ; до начала баталіоннаго ученья наша рота уходила съ учебнаго поля послѣднею, нерѣдко часомъ—двумя позже другихъ ротъ. Каждый ружейный пріемъ, каждое казавшееся ему не отлично сдѣланное построеніе, онъ повторялъ по нѣскольку разъ сряду, пока, бывало, не добьется до своего—какъ ему хотѣлось, настаивая терпѣливо, съ постоянною улыбочкой на устахъ и говоря при этомъ: «не знаю, кто скорѣе устанетъ—вы ли, господа, исполняя мою команду, или я, командуя вамъ!» Онъ мучилъ себя и насъ долгимъ ученьемъ, конечно, изъ желанія отличиться предъ другими ротными начальниками; но мнѣ, а можетъ быть, и другимъ метода его ученья пригодилась или принесла большую пользу впослѣдствіи, когда я командовалъ ротой. На бывшихъ смотрахъ въ первой половинѣ іюня, 2-я гренадерская рота признана первою въ Дворянскомъ полку во всемъ до фронта относящемся. Сначала мы не полюбили Щепина; но скоро примирились съ нимъ, за его вѣжливое

обращеніе, справедливость къ намъ. Въ 1817 году смотрѣлъ Дворянскій полкъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ и остался очень доволенъ его ученьемъ, а вскорѣ за нимъ—Государь Императоръ. На этомъ послѣднемъ смотру присутствовалъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, пріѣзжавшій гостить въ Петербургъ. Оба смотра были на дворѣ 1-го корпуса; въ послѣднемъ участвовали кадеты 1-го и 2-го корпусовъ, составляя съ Дворянскимъ полкомъ одну бригаду, въ четыре баталіона. Во все время смотра прусскій король, бывшій верхомъ, не отъѣзжалъ отъ нашего полка, котораго стройный видъ и ученье ему очень нравились. На третій день послѣ смотра объявленъ выпускъ въ офицеры изъ Дворянскаго полка (второй въ 1817 году) 300 человѣкъ. Всѣхъ гренадеръ (двухъ ротъ), унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, готовившихся къ выпуску, было болѣе 500, почему многіе должны были остаться еще на годъ въ Дворянскомъ полку, или до слѣдующаго выпуска, въ числѣ которыхъ и я, обракованный по малому росту и дѣтскому тѣлосложенію,—что было справедливо по моимъ настоящимъ лѣтамъ. При сформированіи новой гренадерской роты, я произведенъ въ унтеръ-офицеры, въ 5-ю мушкатерскую роту, которою командовалъ капитанъ Вилькъ оригиналъ своего рода. Его кадеты не уважали и не боялись, прозвали козломъ. Отчасти онъ и походилъ на козла, когда, бывало, вздумаетъ принять на себя военный видъ предъ фронтомъ своей роты, натопырится, отдавая приказаніе своему подчиненному, удостоивая его отвѣтомъ своимъ; но, быть можетъ, эта кличка дана ему и по другой причинѣ, болѣе или менѣе основательной. Въ концѣ января мѣсяца 1819 года объявленъ выпускъ въ офицеры изъ Дворянскаго полка 500 воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ, наконецъ, вышелъ и я, пробывъ въ немъ три съ половиною года. Въ мартѣ повели насъ въ Зимній дворецъ въ кадетской формѣ, помѣстили въ Георгіевской залѣ. Осмотрѣвъ насъ, государь императоръ поздравилъ всѣхъ прапорщиками. Въ то время мосты были разведены; насъ посадили на какое-то судно и высадили противу дворца. То же судно перевезло насъ обратно на Петербургскую сторону. Переѣзжая Неву, въ первый разъ я видѣлъ пароходъ на ходу, въ то время едва-ли не единственный во всей Россіи.

Обмундировавъ въ офицерскую форму, насъ снова водили въ Зимній дворецъ. Въ оба раза незабвенной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ былъ веселъ, нѣсколько разъ прошелся по рядамъ воспитанниковъ, и такъ былъ милостивъ, что разговаривалъ со многими. Въ послѣдній осмотръ сказалъ намъ: «Прошу васъ, господа, служить хорошо, усердно заниматься своимъ дѣломъ! Я дорожу офицерами—воспитанниками корпусовъ, и если кто изъ васъ будетъ нуждаться впослѣдствіи, то пишите ко мнѣ откровенно, въ собствен-

ныя руки»... Крайняя нужда предстояла впереди многимъ; но, по пословицѣ: «До Бога—высоко, а до царя—далеко», кто бы изъ насъ осмѣлился писать и чѣмъ бы отозвалось тогда прапорщику со стороны его мѣстнаго начальства, если бы милостивый монархъ и исполнилъ просьбу просителя?! О производствѣ моемъ въ прапорщики. съ назначеніемъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, состоялся высочайшій приказъ 15-го апрѣля 1819 года.

Какой прапорщикъ не былъ въ восхищеніи отъ своихъ, въ первый разъ надѣтыхъ эполетъ! Но я только одинъ разъ прошелся по Петербургу въ офицерской формѣ—«себя показать и на людей посмотрѣть», какъ слѣдуетъ, не боясь попасться на глаза корпусному начальству въ неблагопріятную минуту; насъ такъ торопили отправленіемъ въ полки, что никому не позволили пробыть въ Петербургѣ и одного лишняго дня. Я вынесъ о Петербургѣ немногое, почти одно то, что успѣлъ увидать находясь воспитанникомъ въ Дворянскомъ полку, рѣдко и на короткое время вырываясь изъ затвора. Я засталъ Исакіевскую площадь перерѣзанною каналомъ и при немъ бульваръ. Этотъ каналъ засыпанъ, кажется, въ 1817 году, а деревья съ бульвара (липы, около четверти аршина толщиною въ діаметрѣ) перенесены къ самому адмиралтейству. Видѣлъ корабль «Лейпцигъ», выстроенный на петербургской верфи, о 110-ти пушкахъ, который зимовалъ неоснащенный ниже Исакіевскаго моста, на правой сторонѣ рѣки Невы,—гигантъ въ сравненіи съ другими мною видѣнными судами.

Выйти офицеромъ изъ Дворянскаго полка считалось величайшимъ благомъ, о которомъ воспитанники бредили во снѣ и наяву; свое въ немъ пребываніе считали—если не адскою жизнью, то чистилищемъ,—выдуманною попами для католиковъ инстанціей для перехода въ рай освободившихся изъ тѣла душъ. Но чистилище продолжалось и по выпускѣ въ офицеры для многихъ, у которыхъ не было средствъ экипироваться лучше той экипировки, какую давали при выпускѣ воспитаннику Дворянскаго полка въ мое время: шинель жиденькаго, почти солдатскаго сукна, немного лучшаго—мундиръ и панталоны. кованые мѣдные эполеты, нитяные вытишкеты, шарфъ и темлякъ, двѣ рубахи и двѣ пары сапогъ,—что годилось надѣвать только во время непогоды, на домашнія (ротныя) ученья, сообразно тому, какъ одѣвались въ полкахъ офицеры. Подъ опасеніемъ дурной отмѣтки по кондуиту и даже быть исключеннымъ изъ службы за неряшество, по прибытіи въ полкъ предстояла необходимость шить новою мундирную пару изъ лучшаго сукна, купить или выписать шарфъ, вытишкеты, эполеты и темлякъ—по крайней мѣрѣ мишурные, киверъ и шпагу—одной формы съ прочими офицерами своего полка. Безъ сюртука тоже нельзя обойтись офицеру и теплой шинели (на ватѣ) для

зимы. Нужна кое-какая столовая посуда, постелишка, прибавить рубахъ, нельзя обойтись безъ полотенецъ, носовыхъ платковъ; требовали, чтобы деньщикъ былъ одѣтъ по установленной формѣ, чисто, опрятно... На все это требовалось денегъ больше годоваго прапорщичьяго жалованья, котораго въ то время онъ получалъ 450 руб. ассигнаціями. Нужно еще добавить необходимые домашніе расходы на столъ, на наемъ подводы или платежъ прогоновъ за наряжаемую подводу при передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто ротъ, командировкахъ и требованіяхъ явиться въ штабъ-квартиру полка, баталіона. При передвиженіяхъ офицеру можно и должно идти пѣшкомъ, но не въ послѣднихъ случаяхъ, и не нести же деньщику на плечахъ офицерскаго и своего багажа. При выпускѣ выдаютъ прогоны до мѣста расположенія полка, каждому на двѣ лошади, а обыкновенно ѣдутъ вдвоемъ на телѣгѣ, платя каждый за одну лошадь, пока могутъ ѣхать вмѣстѣ. Изъ этихъ прогоновъ должны кормиться во время пути и давать ямщикамъ на водку, почему пріѣзжаютъ на мѣсто своего назначенія почти безъ денегъ. Нужно бывало ожидать или прослужить мѣсяца три—четыре, чтобы получить жалованье за треть года,—прапорщику 150 руб. асс. Хорошо, если полковой командиръ человѣкъ денежный, дастъ въ счетъ жалованья нужныя деньги на экипировку, не налегаетъ на новопроизведеннаго офицера, чтобы скорѣе одѣлся—какъ требуетъ начальство; хорошо, если ротный командиръ пригласитъ его ходить къ себѣ обѣдать, или квартира отведена у достаточныхъ обывателей. Крайность заставляла не одного прапорщика довольствоваться столомъ поселянина—что̀ тотъ готовитъ для себя, вымаливать себѣ даровую подводу... Многіе бѣдняки долго, по нѣсколько лѣтъ, не могли выйти изъ долгу—или по займу у своего полковаго командира, или выпрашивая свое жалованье у полковаго казначея впередъ за треть года, чтобы расчитаться только съ одними крайне докучливыми кредиторами. «На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ»—никому болѣе не приходится такъ кстати, какъ пѣхотному субалтернъ-офицеру, который содержитъ себя однимъ жалованьемъ. А сколько такихъ бѣдняковъ въ нашей арміи было въ мое время, да и теперь есть, не смотря на значительную прибавку жалованья, но на самомъ дѣлѣ ничтожную въ сравненіи съ издержками, когда жизнь сдѣлалась такъ дорога—несравненно дороже противу прежняго, лѣтъ за сорокъ назадъ тому! Этого-ли ожидалъ для себя прапорщикъ, восхищенный своимъ выпускомъ изъ Дворянскаго полка, скакавшій на почтовой тройкѣ день и ночь, не жалѣя послѣднихъ денегъ ямщикамъ на водку, чтобы скорѣе явиться къ своему посту! Зачѣмъ требовать отъ него наряднѣе, изысканнѣе той униформы, которая ему выдана изъ казны, въ которой онъ представлялся государю императору—по крайней мѣрѣ до того

времени, пока износится или прапорщикъ-бѣднякъ придетъ въ состояніе сдѣлать новую, изысканнѣе выданной изъ казны, безъ стѣсненія для своего кармана? Увидя офицера, чисто, но неизысканно одѣтаго, хотя бы то только что отпечатаннаго, который не въ состояніи одѣться богаче, бригадный, дивизіонный начальникъ дѣлаетъ выговоръ полковому командиру: «Стыдно, непростительно, сударь, допускать офицеровъ такъ дурно одѣваться!» Слѣдствіемъ этого прапорщикъ вынужденъ носить униформу одного достоинства съ полковникомъ, когда между получаемымъ отъ казны содержаніемъ того и другаго—огромная разница, а полковой командиръ раздавать свои деньги нуждающимся офицерамъ своего полка, для форменной одежды, въ счетъ ихъ будущаго жалованья—нерѣдко за годъ впередъ, не смотря на то, что должники могутъ умереть прежде года, или выбыть изъ полка другимъ какимъ либо случаемъ.

Не помню сколько именно мать моя выслала мнѣ денегъ, но не столько, чтобы я могъ обмундироваться вполнѣ,—завестись всѣмъ необходимымъ для офицера. На высланныя деньги я справилъ себѣ одну парадную форму, мундиръ, штаны, сапоги, эполеты, вытишкеты, шарфъ и темлякъ мишурные, бѣлыя лосинныя перчатки. Ни я, писавшій, что назначенъ къ выпуску, не зналъ, что̀ именно необходимо для меня купить въ Петербургѣ, ни мать моя не могла знать—сколько выслать денегъ на полную экипировку. Въ назначенный день для отправленія по полкамъ, насъ отвезли на «ванькахъ» въ инспекторскій департаментъ, гдѣ выдали намъ прогонныя деньги, разсадили на приготовленныя, ожидавшія насъ почтовыя телѣги и выпроводили изъ Петербурга, подъ присмотромъ офицера, который ѣхалъ съ нами до первой станціи—Софіи; тамъ отдалъ въ руки каждаго подорожную и раскланялся съ нами,—выждавъ, однакожъ, пока всѣ отправились далѣе: мѣра весьма благодѣтельная со стороны правительственныхъ лицъ, иначе не одинъ изъ насъ остался бы въ Петербургѣ и промотался-бы до того, что не на что бы было доѣхать до полка.

Ефимъ Топчіевъ.

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ, имѣющій тѣмъ больший интересъ что о «Дворянскомъ полку», за время перваго періода его существованія до сихъ поръ въ печати почти не было свѣдѣній, приведенъ нами изъ второй части рукописи Ефима Ивановича Топчіева: «Мои воспоминанія». Рукопись эта въ четырехъ частяхъ и объемлетъ дѣтство воспитаніе въ Харьковской гимназіи, бытъ помѣщиковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, службу автора и проч. (1800—1862). Наиболѣе интересный разсказъ именно тотъ, какой приведенъ нами выше. Ефимъ Ивановичъ Топчіевъ род. въ 1800, умеръ въ 1869 г. Рукопись его «Воспоминаній» доставлена намъ его сыномъ Николаемъ Ефимовичемъ Топчіевымъ въ декабрѣ 1874 года. Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИНСТИТУТѢ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ

1843—1848 гг.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 547 и послѣдующія, напечатаны Записки Богуславскаго, въ которыхъ, между прочимъ, разсказывается объ одномъ грустномъ происшествіи въ Институтѣ путей сообщенія, случившемся въ 1843 г. и погубившемъ пятерыхъ, почти ни въ чемъ неповинныхъ, молодыхъ людей.

Я, какъ бывшій воспитанникъ института и очевидецъ того, о чемъ разсказываетъ Богуславскій, могу засвидѣтельствовать, что не все, имъ разсказанное, вѣрно; даже имена жертвъ этой возмутительной драмы, о которой я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ содраганія,—переданы не точно. Тѣмъ не менѣе, чтеніе интересныхъ Записокъ Богуславскаго оживило въ моей памяти всѣ подробности наказанія, которому, даже въ тогдашнее суровое, время несчастные молодые люди (младшему изъ нихъ было 19 лѣтъ, и всѣмъ имъ оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ до производства въ офицеры), не могли подлежать, еслибъ они, вмѣсто того чтобы слушать лекціи ученыхъ профессоровъ института, не были считаемы заурядъ, такъ сказать, нижними чинами, подлежащими за малѣйшій проступокъ общимъ съ ними суровымъ наказаніямъ.

Полагаю, что воспоминаніе о томъ, какъ велось дѣло воспитанія въ 1840-хъ годахъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга будетъ интересно и въ настоящее время, а потому считаю возможнымъ передать читателямъ «Русской Старины» всѣ подробности эпизода, разсказаннаго Богуславскимъ.

Но прежде я долженъ разсказать, чѣмъ былъ самый институтъ въ 1843 году.

Высшее учебное заведеніе это, имѣвшее своею задачею приготовленіе къ служебной дѣятельности инженеровъ гражданскихъ, хотя облеченныхъ въ военную форму и имѣвшихъ военные чины, носило, еще за долго до того времени, характеръ чисто военно-учебный. Тоже дѣленіе воспитанниковъ на роты, отдѣленія и капральства съ ихъ аристократіей изъ кадетъ, въ видѣ фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и проч., которое существовало во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ того времени, процвѣтало и у насъ. Мало того: во время пробитія вечерней зари выдѣлывались такія кунстштюки, которые привели бы въ умиленіе самаго завзятаго дѣятеля аракчеевскихъ временъ. Это было тѣмъ страннѣе, что въ числѣ воспитанниковъ института были молодые люди, считавшіе себѣ не одинъ годъ на третій десятокъ, часто окончившіе курсъ въ университетѣ и уже побывавшіе на гражданской службѣ. Они бóльшею частью поступали въ III-й классъ (называвшійся классомъ портупей-прапорщиковъ), только на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы, сдавъ экзаменъ на первый офицерскій чинъ и прослушавъ за тѣмъ курсъ инженерныхъ наукъ въ офицерскихъ классахъ, продолжать службу въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, не имѣвшую никогда ничего общаго съ военными экзерциціями.

Но несмотря на этотъ строгій фронтовой характеръ, институтъ имѣлъ особенности, рѣзко отличавшія его отъ другихъ военно-учебныхъ заведеній того времени. Праздничныхъ дней у насъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ какой либо другой школѣ; кромѣ того, мы не увольнялись на ночлегъ и обязаны были проводить ночи въ институтѣ, хотя бы подъ рядъ было нѣсколько праздниковъ. Въ кадетскихъ лагерныхъ сборахъ мы участія не принимали: самые лучшіе изъ воспитанниковъ, какъ въ фронтовомъ, такъ и учебномъ отношеніи, увольнялись на каникулы, прочіе-же или оставались постоянно въ институтѣ, или имѣли четыре свободные дня въ недѣлю и уходили на это время къ роднымъ или знакомымъ въ Петербургѣ, посвящая остальные три дня фронтовымъ занятіямъ, а не выдержавшіе переводнаго экзамена приготовлялись, сверхъ того, къ осенней переэкзаменовкѣ. Переходившіе въ старшій изъ кадетскихъ курсовъ (III-й) проводили каникулярное время въ окрестностяхъ Петербурга и занимались, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, практическими занятіями по геодезіи.

Но чѣмъ въ особенности гордились воспитанники института въ то приснопамятное время казарменныхъ порядковъ, такъ это—совершеннымъ отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, которыя не допускались

ни въ какомъ случаѣ по завѣту основателя института герцога Виртембергскаго. Тогда какъ въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени за самые маловажные проступки и за незнаніе уроковъ производилась регулярно по субботамъ порка, а въ дворянскомъ полку (нынѣ одно изъ высшихъ военныхъ училищъ, именно Константиновское), бывали примѣры, что за простую ошибку при фронтовомъ ученьи выносили изъ манежа на простыняхъ почти до полу-смерти засѣченныхъ юношей,—у насъ высшей степенью наказанія было заключеніе въ карцерѣ на хлѣбѣ и на водѣ, выставка во время обѣда къ штрафному столу, и какъ мѣра, влекущая въ большинствѣ случаевъ къ исключенію изъ института, облеченіе виновнаго въ сѣрую куртку. Какъ бы не были озлоблены противъ воспитанника наши фронтовые воспитатели (ротные командиры и дежурные офицеры, набиравшіеся изъ полковъ гренадерскаго корпуса и причисленные къ строительному отряду [1]), они не смѣли тронуть

[1]) Строительный отрядъ вѣдомства путей сообщенія состоялъ изъ офицеровъ, не сдавшихъ удовлетворительнаго экзамена на одинъ изъ трехъ нижнихъ офицерскихъ чиновъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Равномѣрно къ строительному отряду причислялись военные чины, переходившіе въ вѣдомство путей сообщенія изъ другихъ частей. Всѣ ротные командиры и дежурные офицеры, за исключеніемъ 2-хъ изъ воспитанниковъ института, равно какъ полиціймейстеръ, казначей, экономъ и адъютантъ принадлежали къ лицамъ этой послѣдней категоріи. Въ отрядѣ этомъ, не имѣвшемъ хорошей репутаціи, хотя въ составѣ онаго находилось довольно много достойныхъ людей, (конечно изъ тѣхъ, которые обучались въ институтѣ) съ успѣхомъ занимавшихся преподаваніемъ низшей математики и даже извѣстныхъ по производству инженерныхъ работъ,—производство было самое тугое и не шло далѣе полковничьяго чина. Чтобы перейти въ инженеры, необходимо было представить проэктъ какого нибудь сложнаго сооруженія съ подробными вычисленіями, который показывалъ бы знаніе аспирантомъ инженернаго дѣла. Этимъ правиломъ, которое влекло за собой множество злоупотребленій, пользовались многія изъ лицъ, имѣвшихъ хорошія связи, а главное—денежныя средства для уплаты солиднаго куша составителю проэкта. Въ мое время въ Петербургѣ былъ одинъ инженерный штабъ-офицеръ, нажившій этимъ путемъ огромный пяти-этажный домъ. В. Н. Лермонтовъ, первоначально служившій въ гвардіи и затѣмъ въ чинѣ полковника строительнаго отряда командовавшій ротой (или, какъ въ старое время называлось, бригадой) воспитанниковъ института, перешелъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, представивъ великолѣпный проэктъ чуть-ли не какого-то необыкновеннаго моста. Вслѣдъ за этимъ былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, при моемъ поступленіи, занималъ должность помощника директора по строительной и хозяйственной части, и скорѣе его слѣдовало назвать настоящимъ директоромъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ директоръ de jure Г. Л. Готманъ въ эту часть вовсе не входилъ. **А. В.**

пальцемъ самаго меньшаго изъ воспитанниковъ, дозволяя себѣ лишь ругнуть ихъ, но и въ этомъ случаѣ довольно часто встрѣчали отпоръ. За мелкіе проступки наказывали обыкновенно лишеніемъ обѣда, такъ какъ голодовка почиталась также исправительной мѣрой, но мы не особенно обращали на это вниманіе, а старшій курсъ, за исключеніемъ карцера, освобождался отъ всѣхъ унизительныхъ взысканій.

Сверхъ того, тотъ-же III-й курсъ, состоявшій изъ выпускныхъ воспитанниковъ, пользовался еще одной привилегіей, имѣвшей большое вліяніе на начало той грустной исторіи, которая подала мнѣ поводъ написать настоящій разсказъ: въ классное время они освобождались отъ надзора ротныхъ офицеровъ, подчиняясь лишь номинальному наблюденію дежурныхъ репетиторовъ, молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ и остававшихся при немъ въ качествѣ помощниковъ преподавателей. Прибавлю ко всему предыдущему, что воспитанники этого курса держались особнякомъ и не любили безъ крайней необходимости входить въ какія либо сношенія съ воспитанниками младшихъ классовъ.

Я поступилъ въ институтъ въ августѣ 1842 года. Въ это время вѣдомство путей сообщенія находилось подъ управленіемъ умнаго и ученаго генерала А. П. Девятина въ ожиданіи назначенія новаго главноуправляющаго вмѣсто умершаго, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, графа К. Ф. Толля.

Не прошло и недѣли послѣ моего поступленія, какъ намъ объявили, что главнымъ нашимъ начальникомъ сдѣланъ графъ П. А. Клейнмихель. Онъ скоро пріѣхалъ къ намъ въ сопровожденіи блестящей и многочисленной свиты, быстро обѣжалъ, не смотря на свою хромоту, огромное зданіе института, намъ—новичкамъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу плохой маршировки и уѣхалъ, оставивъ безъ всякихъ перемѣнъ весь внутренній бытъ института. Правда, что ему и некогда было съ нами возиться: не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи шли громкіе толки о страшномъ казнокрадствѣ въ нашемъ вѣдомствѣ, и новый главноуправляющій взялся все измѣнить, все исправить и виновныхъ покарать.

Одинъ за другимъ посыпались приказы, одинъ другаго грознѣе и лаконичнѣе, въ стилѣ напоминавшіе Петра I-го. Десятками полетѣли подъ судъ прежніе грѣховодники и уступали мѣста свои другимъ, которые, въ концѣ концовъ, продолжали дѣйствовать въ д[illegible] своихъ предшественниковъ, измѣняя лишь способы наживы.

Но вся эта буря, до поры до времени, не касалась нашего [illegible]наго заведенія, да и большинство изъ насъ было еще въ сто[illegible]

юномъ возрастѣ, что не могло и понимать значенія того, что около насъ происходило. Даже о надѣлавшей въ свое время много шума въ Петербургѣ исторіи командира одного изъ военно-рабочихъ баталіоновъ маіора Джанѣева—узнали мы гораздо позднѣе. Новый главноуправляющій заставилъ этого господина отдать солдатамъ значительную часть нажитаго имъ, не совсѣмъ праведнымъ путемъ, состоянія и предалъ суду, по конфирмаціи котораго Джанѣевъ лишенъ былъ чиновъ и исключенъ изъ службы. Всѣ прежніе грѣшники трепетали предъ энергическимъ и неумолимымъ начальникомъ, но наши маленькіе интересы ограничивались лишь пылкимъ желаніемъ отдѣлаться отъ надоѣдавшаго намъ генерала Л—ва, который на кадетскомъ арго носилъ названіе лимона, и разрѣшеніемъ вопроса о томъ, не смилуется-ли новый главнокомандующій и не разрѣшитъ-ли отпуски съ ночлегомъ.

Но мѣсяцы проходили одинъ за другимъ, и въ нашей кадетской жизни не произошло никакихъ перемѣнъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ намъ, младшимъ воспитанникамъ; что касается до нашей аристократіи III-го курса, то званіе портупей-прапорщика было уничтожено, темляковъ на тесаки никто не получилъ, за исключеніемъ однихъ фельдфебелей, но всѣ присвоенныя, долгимъ обычаемъ, этому курсу привиллегіи остались при немъ.

Директоромъ института былъ въ то время весьма ученый инженеръ генералъ-лейтенантъ А. Д. Готманъ, который, по видимому, о ввѣренномъ ему заведеніи заботился весьма мало, и даже жилъ не въ немъ, а на частной квартирѣ, гдѣ-то на Большой Садовой. Онъ пріѣзжалъ въ институтъ не болѣе одного раза въ недѣлю, въ хозяйственную часть, предоставленную исключительно Л—ву, вовсе не входилъ, и если обращалъ какое вниманіе, то на учебныя занятія, и то преимущественно въ офицерскихъ классахъ, гдѣ онъ даже что-то преподавалъ. Знали мы его поэтому весьма мало.

За то общей любовью воспитанниковъ пользовался инспекторъ классовъ, или, какъ у насъ оффиціально называли, помощникъ директора по учебной части, генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Севастьяновъ. Какъ теперь помню его добрую фигуру съ золотыми очками на носу и съ видомъ корчившаго грознаго начальника, который впрочемъ никого не обманывалъ. Какъ бы ни былъ шаловливъ или даже просто никуда не годенъ воспитанникъ,—добрый «Савоха» (такъ звали мы его на своемъ жаргонѣ) находилъ для каждаго какое нибудь извиняющее обстоятельство и легко прощалъ виновнаго. Добродушіе его всѣмъ было извѣстно, и очень многіе имъ злоупотреб-

ляли, но Севастьяновъ оставался все тѣмъ же и не измѣнялъ своей системы. Какъ на примѣръ его добродушнаго отношенія къ воспитанникамъ укажу на одинъ довольно смѣшной случай.

Въ числѣ нашихъ ротныхъ командировъ былъ нѣкто маіоръ К*, нѣмецъ родомъ и самъ изъ бывшихъ воспитанниковъ института, но выпущенный въ строительный отрядъ. Сверхъ своей спеціальности по званію ротнаго командира, онъ занимался преподаваніемъ въ низшихъ классахъ черченія, рисованія и начальныхъ правилъ архитектуры. Это былъ человѣкъ не злой, но крайне ограниченный и страшный педантъ по исполненію своихъ обязанностей. Педантизмъ этотъ иногда доходилъ у него до сознательной жестокости, а потому мы его не долюбливали и потихоньку надъ нимъ подсмѣивались. Воспитанниковъ онъ раздѣлялъ на два разряда: тѣмъ, физіономіи которыхъ ему нравились, а таковыми были, преимущественно, преуспѣвавшіе въ фронтовомъ ученьи, онъ иногда извинялъ отступленіе отъ общепринятаго порядка, но за то былъ неумолимъ къ тѣмъ, которые своей внѣшностью или по какимъ другимъ причинамъ не заслуживали его расположенія. Однажды во время класса черченія, онъ за что-то разгнѣвался на воспитанника Ч—ча, малоросса родомъ и лѣтъ 17-ти отъ роду, и, вспыливъ, назвалъ его, между прочимъ, «дуракомъ», присовокупивъ къ тому, что и «удивляться тутъ нечего, такъ какъ Ч—чъ хохолъ, а всѣ хохлы—дураки». Обиженный воспитанникъ возразилъ на это, что между всѣми народами есть и умные, и глупые люди, и что между хохлами существуютъ умники, тогда какъ между нѣмцами не рѣдко встрѣчаются дураки,—чему есть и примѣры. При существовавшихъ у насъ порядкахъ, К* не могъ прибѣгнуть ни къ поркѣ, ни къ ручной расправѣ, а потому понявъ, не смотря на свою ограниченность, въ чей огородъ летятъ камни, побѣжалъ жаловаться Севастьянову, которому въ классное время воспитанники подчинялись безъ всякаго участія Лермонтова. К*, умолчавъ конечно о причинѣ необыкновенной смѣлости Ч—ча, объяснилъ Севастьянову, что воспитанникъ сказалъ ему дерзость. Севастьяновъ послалъ за виновнымъ и грозно потребовалъ у него объясненія. На бѣду К*, въ кабинетѣ Севастьянова собралось нѣсколько профессоровъ, преимущественно малороссіянъ, и въ числѣ ихъ знаменитый Остроградскій, читавшій у насъ механику. Въ томъ же кабинетѣ, за особымъ столомъ, занимался помощникъ Севастьянова капитанъ М—ко, также малороссъ, человѣкъ умный и хитрый, которому Севастьяновъ, по примѣру почти всѣхъ добродушныхъ людей, невольно подчинялся. Ч—чъ сразу смекнулъ, что обстоятельства сложились для него осо-

бенно благопріятно, и все происшествіе разсказалъ, какъ оно было. Тогда Севастьяновъ, посмотрѣвъ чрезъ очки на своего помощника, самымъ серьезнымъ образомъ сказалъ ему:

— «М—ко, М—ко! неужели и ты дуракъ»?

Дружный взрывъ хохота послѣдовалъ за этимъ воззваніемъ, и пристыженному К* ничего болѣе не оставалось, какъ убѣжать изъ кабинета, а Ч—чъ отдѣлался легкимъ выговоромъ.

При такихъ порядкахъ засталъ насъ 1843 годъ. Послѣ экзаменовъ, выпуска въ строительный отрядъ, предназначенный къ уничтоженію,—уже не было, и всѣмъ, не выдержавшимъ испытанія, объявлено, что они еще на одинъ годъ остаются при институтѣ. Это было единственнымъ нововведеніемъ, во всемъ же прочемъ никакихъ перемѣнъ не послѣдовало. По окончаніи каникулъ, продолженныхъ по случаю перестроекъ до половины сентября, мы принялись за свои обычныя занятія, но вскорѣ узнали, что въ III курсѣ что-то случилось и что нѣсколько воспитанниковъ арестовано сначала при институтѣ, а потомъ переведены въ арестантское отдѣленіе при главномъ управленіи.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ числѣ выпускныхъ кадетъ, оставшихся въ классѣ на другой годъ, находился нѣкто X*, молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ отъ роду и громаднаго роста. До товарищей его дошелъ слухъ, что онъ предается гнусному пороку, составлявшему въ то время довольно обычное явленіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того, этотъ-же X* обвинялся въ наушничествѣ, которое, какъ извѣстно, товарищами не прощается. Они потребовали отъ обвиняемаго объясненій, и найдя ихъ неудовлетворительными, рѣшились расправиться съ X* по своему. Пользуясь замедленіемъ не явившагося на дежурство репетитора, воспитанники III курса приготовились высѣчь X* ременными подтяжками, которыя мы всѣ носили. Тотъ, разумѣется, сталъ сопротивляться и, защищаясь, схватилъ табуретъ: шумъ вышелъ невообразимый и обратилъ на себя вниманіе дежурнаго въ IV кадетскомъ курсѣ ротнаго офицера 1-й роты капитана Львовича-Кострицы, который и явился въ III курсъ для водворенія порядка. Воспитанники этого курса, видя въ вмѣшательствѣ Кострицы нарушеніе своихъ привилегій, отвѣтили ему свистомъ, а нѣкоторые даже пригрозили вышвырнуть его въ окошко. Взбѣшенный Кострица вышелъ изъ класса, и побѣжалъ жаловаться генералу Лермонтову, мѣтившему попасть на мѣсто директора Готмана. Этотъ послѣдній, узнавъ о происшествіи, не нашелъ его однако настолько важнымъ, чтобы докладывать гроз-

ному главноуправляющему, и, поручивъ Л—ву розыскать наиболѣе виновныхъ, приказалъ, въ то же время, лишить всѣхъ воспитанниковъ III-го курса праздничнаго отпуска. Не того хотѣлось Л—ву, и онъ устроилъ дѣло такъ, что графъ Клейнмихель все-таки узналъ о происшествіи и притомъ въ преувеличенномъ видѣ. Между тѣмъ у нашихъ выпускныхъ аристократовъ духа товарищества не доставало, и не желая подвергаться наложенному на нихъ директоромъ взысканію, они потребовали отъ зачинщиковъ исторіи съ Кострицей, чтобы тѣ себя назвали. Такъ какъ подобныя дѣла оканчивались обыкновенно карцеромъ, то пятеро, подъ гнетомъ своихъ товарищей, на это согласились и, явившись къ Л—ву, объяснили, что несправедливо наказывать весь классъ за вину нѣкоторыхъ изъ нихъ. Л—въ немедленно подвергъ виновныхъ аресту въ темномъ карцерѣ и дѣло казалось затушеннымъ, но всплыло на верхъ благодаря интригамъ Л—ва, окончившимся весьма печально для него-же самого.

Графъ Клейнмихель, по возвращеніи своемъ изъ поѣздки во внутреннія губерніи, узнавъ о происшествіи, придалъ ему или, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что придаетъ дѣлу гораздо болѣе значенія, чѣмъ оно имѣло въ глазахъ институтскаго начальства. Судя по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ суроваго главноуправляющаго, надо полагать, что онъ воспользовался даннымъ случаемъ, какъ средствомъ, для того чтобы отнять отъ института всякое, даже малѣйшее сходство съ иностранными учебными заведеніями одинаковаго рода и поставить его въ уровень съ обыкновенными кадетскими корпусами. Арестованные воспитанники, послужившіе козлами отпущенія, немедленно переведены во дворецъ главноуправляющаго, и между нами ходили слухи, что они ежедневно подвергаются допросамъ, и что обращеніе съ ними возмутительное... можетъ быть слухи эти были и несправедливы, но имѣли свое основаніе въ суровомъ духѣ того времени. Простая шалость молодыхъ людей, готовящихся облечься въ эполеты, была доложена государю Николаю Павловичу, какъ проявленіе духа строптивости воспитанниковъ, какъ доказательство отсутствія всякой дисциплины въ заведеніи, проникнутомъ, вслѣдствіе неимѣнія тѣхъ суровыхъ воспитательныхъ мѣръ, какія практиковались въ другихъ училищахъ, самыми опасными и зловредными идеями.

Результатомъ такого доклада была смѣна директора и помощника его Л—ва, который, такимъ образомъ, самъ попался въ разставленныя имъ-же сѣти. Первый, по крайней мѣрѣ, остался членомъ совѣта главнаго управленія, а второй—вовсе уволенъ отъ службы. Виновные воспитанники (Гросскопфъ, извѣстный намъ подъ име-

немъ Грошева, Македонскій, Быковскій, Пяткинъ и, кажется, Крашевскій) должны были подвергнуться тяжкой и унизительной карѣ, въ особенности первые трое, изъ которыхъ Быковскій, человѣкъ бѣдный и не имѣвшій въ Петербургѣ родныхъ, принялъ на себя вину, какъ тогда разсказывали, изъ одного простаго удальства. Наказаніе послѣднихъ двухъ, въ особенности Пяткина, сына одного заслуженнаго генерала, было нѣсколько смягчено. Въ институтъ назначенъ новый директоръ.

Въ гвардейскомъ Волынскомъ полку служилъ, не задолго предъ тѣмъ, въ званіи батальоннаго командира полковникъ Э*, обрусѣвшій нѣмецъ, не получившій никакого образованія и ничѣмъ особенно не отличавшійся, кромѣ педантичнаго знанія фронтовой службы и необыкновенной, даже въ то суровое время, жестокостью къ людямъ. Порка — была для него наслажденіемъ, и онъ такъ этимъ прославился, что, при производствѣ его въ генералы, полка дать ему въ командованіе не рѣшились, а послали на Кавказъ усмирять какой-то разбушевавшійся линейный батальонъ. Надо было, по существовавшему тогда воззрѣнію, поступить строго и жестоко, и Э* выполнилъ свою задачу. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ завѣдывать командой юнкеровъ гренадерскаго корпуса. Должно быть, оказался онъ на столько мягкимъ, что даже и тѣ не выдержали суроваго съ ними обращенія.... вышла какая-то исторія и Э* былъ удаленъ и числился по гренадерскому корпусу безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій.

Такого-то человѣка предназначилъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель въ наши начальники. Какъ теперь помню день, когда импровизированный директоръ явился принимать ввѣренное ему высшее спеціальное учебное заведеніе. Въ нашей, тогда грязненькой и имѣвшей довольно мизерный видъ, конференцъ-залѣ собрались всѣ служащіе и преподаватели института, которыхъ долженъ былъ представить новому директору Г. М. Севастьяновъ, старше его по чину и облеченный въ полную форму съ лентой чрезъ плечо. Между представлявшимися особенно были замѣтны Остроградскій и Буняковскій въ своихъ академическихъ мундирахъ. Быстрыми шагами бѣгали по залѣ, звеня шпорами, молодые репетиторы и офицеры офицерскихъ классовъ, между скромными мундирами которыхъ виднѣлись кое-гдѣ казацкія съ эполетами куртки, обладатели коихъ, прежде чѣмъ отправиться на тихій Донъ, оканчивали изученіе инженернаго искуства въ стѣнахъ института. Насъ воспитанниковъ, роту противъ роты, поставили въ двѣ длинныя шеренги, съ ротными коман-

дирами во главѣ. Новый нашъ начальникъ произвелъ на насъ самое непріятное впечатлѣніе по своему наружному виду: это былъ маленькій, сутуловатый человѣкъ, лѣтъ 50 отъ роду, съ рыжими усами и бакенбардами и такого-же цвѣта остаткомъ волосъ на головѣ. Красное лицо и мутные глаза со множествомъ морщинъ вокругъ нихъ выказывали какую то старческую—не то дряблость, не то усталость. Одѣтъ онъ былъ въ общую генеральскую форму того времени, на бортѣ мундира болтались два какіе-то неважные крестика, а туго обтягивавшая жидкія и неуклюжія ноги лосина скрывалась въ огромныхъ ботфортахъ. Поздоровавшись обычнымъ порядкомъ, онъ рѣзкой фистулой началъ свою къ намъ рѣчь. Объявивъ первоначально, что государю угодно было назначить его директоромъ института для искорененія гнѣздившагося въ немъ духа своеволія и неуваженія къ начальству, онъ потребовалъ отъ насъ безпрекословнаго къ себѣ повиновенія, называлъ себя нашимъ отцомъ, а насъ—своими дѣтьми (чѣмъ мы особенно польщены не были) и безпрестанно повторялъ: «я строгъ, но справедливъ». Обойдя институтъ, онъ замѣтилъ важныя отступленія отъ казарменнаго порядка и съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ устройство ретирадъ, составлявшихъ предметъ особенно нѣжной заботливости во все время его директорства. Добрый нашъ Севастьяновъ ходилъ нахмуренный и недовольный, хотя Э*, ничего въ наукахъ несмыслившій, въ учебную часть не вмѣшивался; прочее начальство о чемъ-то перешептывалось, а введеніе новыхъ порядковъ проявилось прежде всего въ грубомъ съ нами обращеніи, особенно послѣ того, какъ новый директоръ раскричался на кого-то изъ воспитанниковъ при фронтовомъ ученьи, пригрозивъ при томъ розгами. Увы! Введеніе этого новаго для насъ фактора просвѣщенія было уже близко! Не прошло трехъ, или четырехъ дней послѣ знаменательнаго для насъ событія освобожденія отъ «лимона», освобожденія, которымъ мы, первое время, были не недовольны,—какъ почуяли что-то недоброе, хотя намъ ничего и не говорили. Помню, что въ одно скверное осеннее петербургское утро намъ объявили, что классовъ не будетъ, а велѣно было идти въ цейхгаузъ и надѣть тесаки и кивера, но не успѣли мы выполнить это приказаніе, какъ оно было уже отмѣнено. Послѣ узнали мы, что гр. Клейнмихелемъ мы, почти дѣти, представлены были государю такими буянами, которымъ во время приготовлявшейся казни опасно было оставлять наше игрушечное и никуда негодное оружіе. Разсказывали даже, что въ тотъ грустный день швейцарская института была наполнена вооруженными солдатами.

Въ длинной, но узкой и низкой рекреаціонной залѣ выстроили насъ въ три шеренги, между промежутками которыхъ стояли наши ротные офицеры въ полной парадной формѣ съ киверами на головѣ. Какъ разъ въ срединѣ зала и напротивъ меня стоялъ блѣдный и недвижный капитанъ Кострица, невольный виновникъ готовящейся ужасной сцены. Когда всѣ мы были выровнены и повѣрена правильность расположенія нашихъ носковъ, среди глубокой тишины послышалась команда: «смирно, глаза на лѣво!» и въ залъ вошелъ, въ полной формѣ генерала путей сообщенія, въ лентѣ и орденахъ, товарищъ главноуправляющаго Г. Л. Рокасовскій, который, по волѣ гр. Клейнмихеля, долженъ былъ играть въ этой исторіи роль верховнаго палача. За нимъ, весь сіяя отъ удовольствія, слѣдовалъ, сѣменя жидкими ножками, нашъ директоръ, а за этимъ послѣднимъ шелъ, опустя голову, нахмуренный Севастьяновъ. За тѣмъ выступали адъютантъ института подпоручикъ Стояновъ и старшій врачъ Рейнботъ. Все это было облечено въ мундиры... очевидно готовившейся грустной сценѣ намѣренно придавался особенно торжественный характеръ.

Явно не подготовленный къ той жалкой, хотя и начальнической роли, которую долженъ былъ по неволѣ разыгрывать, Рокасовскій дрожащимъ отъ волненія голосомъ повелъ рѣчь о томъ, что нашъ поступокъ (въ которомъ четыре пятыхъ воспитанниковъ института не принимали ни малѣйшаго участія, и, по крайней мѣрѣ, двѣ трети два-ли много и слышали) составляетъ важное нарушеніе воинской дисциплины, а потому повелѣно строго наказать виновныхъ, вслѣдствіе чего исполненіе таковаго повелѣнія возложено, по порученію главноуправляющаго, на него, Рокасовскаго, почему онъ и приказываетъ ввести присужденныхъ къ наказанію, и за тѣмъ велѣлъ адъютанту приступить къ чтенію приказа.

Несчастные молодые люди въ кадетскихъ курткахъ, блѣдные и дрожащіе вошли въ залъ, какъ уголовные преступники подъ конвоемъ солдатъ изъ служительской команды института и стали посреди зала рядомъ, но бокомъ къ намъ; началось чтеніе приказа[1]): въ немъ шалость воспитанниковъ III курса называлась чуть не государственнымъ преступленіемъ; по особому повелѣнію всѣ пятеро, признанные

[1]) Послѣ, находясь уже на службѣ при одномъ изъ окружныхъ правленій, напрасно искалъ этого приказа: говорятъ, что онъ напечатанъ былъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, которые велѣно было впослѣдствіи уничтожить.

наиболѣе виновными, разжаловывались въ рядовые съ назначеніемъ въ Кавказскій корпусъ безъ выслуги въ теченіи шести лѣтъ, въ продолженіи которыхъ имъ воспрещалась всякая отлучка отъ мѣста служенія подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ; обращаться съ ними приказано особенно строго и заставлять ихъ нести наиболѣе тяжелую службу, и, кромѣ того, троихъ изъ нихъ (Гросскопфа, Македонскаго и Быковскаго)—наказать розгами при всемъ собраніи воспитанниковъ института, которыхъ за проявленіе между ними духа неповиновенія не отпускать никуда изъ институтскихъ стѣнъ впредь до особаго распоряженія главноуправляющаго, допустивъ свиданія съ родственниками лишь въ воскресные дни.

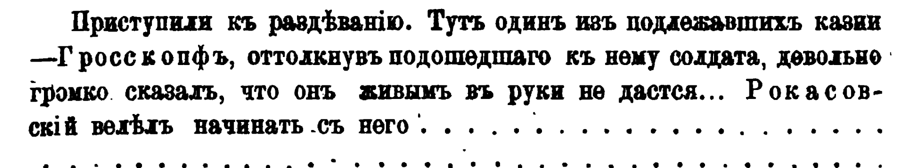
Кажется, что этотъ поголовный арестъ ни въ чемъ неповинныхъ 250 человѣкъ былъ устроенъ съ цѣлью не допускать распространенія въ городѣ слишкомъ подробныхъ слуховъ о жестокости наказанія, а за воспитанниками, при свиданіи ихъ съ родными, легко было наблюдать.

Едва прочтенъ былъ приказъ, и въ нашихъ молодыхъ грудяхъ тревожно забилось сердце, какъ въ залъ внесены были солдатскія шинели, а вслѣдъ за тѣмъ и скамейки съ толстыми пучками розогъ... Возмутительная сцена эта до того врѣзалась въ мою память, что и чрезъ сорокъ почти лѣтъ помню всѣ мельчайшія ея подробности. Началась церемонія разжаловыванія: всѣ 250 человѣкъ, какъ одинъ заплакали на взрыдъ, и залъ огласился всхлипываніями. Оставался равнодушнымъ лишь одинъ туповатый З*, отличавшійся капральскими наклонностями, и вполнѣ довольный званіемъ фельдфебеля, въ которое былъ облеченъ [1]). Несчастнымъ дали постоять въ новой ихъ формѣ нѣсколько минутъ, и за тѣмъ Рокасовскій приказалъ приступить къ выполненію послѣдняго акта наказанія, прибавивъ, какъ-бы въ утѣшеніе намъ, что сѣчь будутъ не какъ воспитанниковъ института, а какъ рядовыхъ.

Къ приговореннымъ къ истязанію подошли солдаты, назначенные для экзекуціи, а около скамейки сталъ врачъ, который долженъ былъ держать наказываемаго за пульсъ.—Э*, почуявъ нѣчто для себя отрадное, засуетился и впился глазами въ лица несчастныхъ.... мнѣ и теперь видится это звѣрское выраженіе.

---

[1]) Чрезъ 19 послѣ того лѣтъ этого самого З* я встрѣтилъ въ чинѣ поручика одного изъ армейскихъ полковъ.

Приступили къ раздѣванію. Тутъ одинъ изъ подлежавшихъ казни —Гросскопфъ, оттолкнувъ подошедшаго къ нему солдата, довольно громко сказалъ, что онъ живымъ въ руки не дастся... Рокасовскій велѣлъ начинать съ него . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Въ первый разъ со дня основанія института путей сообщенія совершалось въ рекреаціонномъ залѣ его воспитанниковъ позорное наказаніе. Долго старался несчастный не кричать, но наконецъ не выдержалъ и раздались ужасные стоны. Съ однимъ изъ воспитанниковъ, Пѣшковымъ, сдѣлалось дурно и его за-мертво отнесли въ лазаретъ, Севастьяновъ потихоньку подошелъ къ Кострицѣ и сказалъ ему въ пол-голоса: «любуйтесь капитанъ—это ваше дѣло!» Э* съ видимымъ удовольствіемъ наблюдалъ за фазами наказанія, распоряжался перемѣной розогъ, роздыхами, подаваніемъ воды и неохотно исполнялъ требованіе тревожившагося доктора.... Гросскопфа, полуживаго, сняли со скамейки, но чрезъ нѣсколько минутъ молодая и здоровая натура взяла верхъ: онъ всталъ на ноги для того, чтобы присуствовать при наказаніи своихъ товарищей...

Второй наказуемый—Македонскій крѣпился еще долѣе Гросскопфа, но когда Э*, хотя и въ пол-голоса, но достаточно громко для того, чтобы мы могли слышать, велѣлъ ударить его по..., то раздался такой мучительный крикъ, который и досихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ... Остальнаго описывать нечего; я и такъ долго утомилъ читателя описаніемъ этой гнусной сцены.

Скамейки убрали, подтерли съ полу кровь, несчастныхъ увели [1]), и Рокасовскій, сказавъ намъ какую-то небольшую угрожающую рѣчь, уѣхалъ изъ института. Былъ слухъ, что онъ во всю свою жизнь не могъ безъ содраганія вспомнить объ этой незавидной роли, которую его, сенатора и заслуженнаго генерала, Клейнмихель заставилъ играть. Послѣ его отъѣзда Э* долго насъ за что-то бранилъ, хотя мы ни въ чемъ не были виноваты, и велѣлъ занять фронтовымъ ученьемъ.

Около двухъ мѣсяцевъ послѣ того насъ держали въ институтѣ взаперти. Свиданія съ родственниками, подъ наблюденіемъ дежурныхъ офицеровъ, происходили однажды въ недѣлю въ томъ же рекреаціон-

---

[1]) Говорили, что одинъ изъ нихъ умеръ во время слѣдованія къ своему назначенію; правда-ли это—не знаю.

номъ залѣ, гдѣ производилась экзекуція; переписка, хотя и не была воспрещена, но на нее смотрѣли косо. Насъ все-таки въ чемъ то подозрѣвали, и по ночамъ, съ подобранными ключами, осматривали наши классные ящики.

Наказавъ, такимъ образомъ, и правыхъ и виноватыхъ, нашъ грозный главноуправляющій наконецъ смиловался: пріѣхавъ однажды во время обѣда, объявилъ онъ намъ прощеніе, разрѣшилъ отпуски и даже съ ночлегомъ, а вскорѣ послѣ того директоръ сообщилъ о помилованіи пятерыхъ несчастливцевъ: они произведены были въ юнкера, а одинъ, кажется, и совсѣмъ освобожденъ отъ службы. Дальнѣйшая ихъ судьба мнѣ неизвѣстна.

Помню, что въ первый разъ, когда послѣ двухмѣсячнаго заключенія я провелъ воскресенье въ кругу друзей моего отца, жившихъ довольно открыто—то былъ осажденъ вопросами, относившимися до описаннаго эпизода. Вѣроятно, немногіе изъ насъ послушались внушеній институтскаго начальства не слишкомъ много распространяться о томъ, чему мы были свидѣтелями, и разсказали все какъ было...мы тогда еще не знали, что мать одного изъ наказанныхъ, видѣвшая въ сынѣ единственную подпору своей бѣдности и старости, умерла съ горя, и что другая, идя по Невскому проспекту, во всеуслышаніе называла Клейнмихеля извергомъ и живодёромъ. Говорили тогда, что въ Михайловскомъ театрѣ публика, возмущенная тѣмъ, что у насъ произошло, устроила шумную демонстрацію, и взбѣшенный Клейнмихель принужденъ былъ оставить театръ.

А между тѣмъ у насъ въ институтѣ шла усердная ломка всего стараго порядка: добраго Севастьянова болѣе уже не было; онъ сдѣланъ членомъ совѣта главнаго управленія и оставилъ заведеніе, сохранившее о немъ благодарную память.—Всѣ прежде существовавшіе у насъ обычаи, въ силу коихъ воспитанники имѣли возможность при наложеніи на нихъ несправедливаго взысканія объясняться съ начальствомъ, окрещены названіемъ китайскихъ; вмѣсто этого мы ежедневно выслушивали проповѣди Э*, твердившаго, что «старшій всегда правъ», что «фронтъ святое дѣло», «что фронтъ, что церковь—все равно» и т. п. Тѣлесное наказаніе, производимое постоянно подъ личнымъ наблюденіемъ директора, сдѣлалось явленіемъ до того обыкновеннымъ, что стали сѣчь за каждую малость, такъ, напр., одинъ воспитанникъ У*, сдѣлавшій впослѣдствіи себѣ извѣстность своими учеными трудами, былъ высѣченъ за то, что принесъ изъ дома игрушечный воздушный шаръ, который пускалъ въ классѣ.

Въ институтъ стали поступать дѣти, едва достигшіе десяти-лѣт-

няго возраста: курсъ ученія измѣненъ, и, такъ сказать, весь сконцентрированъ въ высшихъ классахъ, такъ что молодой человѣкъ, выходя хотя бы изъ предпослѣдняго класса и поступая на службу, не зналъ почти ничего, относившагося къ его спеціальности и, нося званіе инженера, способенъ былъ развѣ только на то, чтобы выкрасить крышу [1]). Лучшіе изъ профессоровъ удалились, такъ какъ деньги на ихъ жалованье понадобились для улучшенія внѣшности института, который, по наружности, сталъ въ скоромъ времени однимъ изъ самыхъ щеголеватыхъ военно-учебныхъ заведеній Петербурга: между прочимъ я помню, что по распоряженію Э*, обращено особое вниманіе на ретирады,—въ институтскомъ лазаретѣ писсуары отдѣланы были подъ малахитъ.

Если, не смотря на это внѣшнее щегольство и на введеніе Аракчеевскихъ порядковъ, институтъ продолжалъ выпускать и во время Клейнмихельскаго господства дѣльныхъ и искусныхъ инженеровъ, изъ числа которыхъ я могу указать на Ѳ. И. Энрольда и П. З. Клевецкаго, то этимъ онъ былъ обязанъ не преобразованіямъ того времени, а духу, вложенному въ заведеніе такими личностями, какъ Бетанкуръ, Базенъ, Потье, Севастьяновъ и др., въ сравненіи съ которыми новые дѣятели того времени казались блѣдными посредственностями.

Въ 1848 году я разстался съ институтомъ, а въ началѣ 1852 г. прекратилась и моя служба по вѣдомству путей сообщенія. Съ тѣхъ поръ, проживая въ захолустьѣ и занимая скромное общественное положеніе, я могъ знать о томъ, что дѣлается въ прежнихъ мѣстахъ моего воспитанія и службы лишь по доходившимъ слухамъ и по рѣдкимъ газетнымъ извѣстіямъ, такъ какъ всякія мои сношенія съ этимъ вѣдомствомъ—прекратились. Въ началѣ 1850-хъ годовъ Э*, переведенный, неизвѣстно за какія ученыя заслуги, въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, оставилъ свой постъ и былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія (??). Чѣмъ онъ могъ быть тамъ полезенъ—судить не мнѣ. Въ 1855-мъ году онъ гдѣ-то умеръ за границей. Вскорѣ послѣ того и Гр. Клейнмихель перестал занимать должность главноуправляющаго.... Г. Богуславскій называетъ его государственнымъ дѣятелемъ, умнымъ, дѣльнымъ и энергичнымъ. Пусть будетъ такъ:

---

[1]) Въ это-же время уничтожено въ институтѣ преподаваніе дѣйствительно совершенно не нужныхъ для гражданскихъ инженеровъ военныхъ наукъ. Оставлена одна фортификація, и введено изученіе нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Отмѣчаю это обстоятельство, какъ полезное нововведеніе.

но кажется и въ моемъ скромномъ положеніи позволительно думать, что бюрократизмъ, доведенный въ его время въ вѣдомствѣ путей сообщенія до абсурда, постройка цѣлой сѣти шоссейныхъ сообщеній среди болотистаго, пустыннаго и бѣднаго Полѣсья, пренебреженіе къ устройству сколько нибудь сносныхъ дорогъ на югѣ и востокѣ Россіи, неудачная попытка расчистки Днѣпровскихъ пороговъ, поглотившая милліоны казенныхъ денегъ, громадная стоимость постройки Николаевской желѣзной дороги, раззорительные для государства контракты—все это такія дѣйствія, которыя не могутъ быть поставлены ему въ заслугу.

А. К. Б—къ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XXIX [1]).

Пришелъ великій постъ. Всѣ семь недѣль я служилъ изо-дня-въ день и могу только сказать, что я каждый день промерзалъ до костей и мозговъ. Церковь каменная, холодная, сырая, въ окна и двери дуетъ вѣтеръ,—а ты стоишь и застываешь до окочененія,—такъ и слышишь, какъ бьется у тебя въ груди и стынетъ! Приходишь изъ церкви,—руки и ноги ломятъ, голова горитъ, болитъ и самъ весь, какъ изломанный. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, въ три раза — утреню, часы или обѣдню, и вечерню,—приходилось стоять часовъ по 6 въ день. Съ четверга начинали исповѣдываться и эти остальные дни недѣли приходилось стоять на морозѣ и сквозномъ вѣтру часовъ по 14. Тутъ приходилось стоять съ ранняго утра до поздней ночи неподвижно, и лишь только сбѣгаешь бывало домой закусить на нѣсколько минутъ. Стоя столько времени неподвижно, до того застываешь, что насилу, потомъ, сдвинешься съ мѣста. На 1-й и 2-й недѣляхъ исповѣдывалось человѣкъ 700 — 800; къ концу поста дошло до 100. Руки и ноги стынутъ, и вся кровь приливаетъ къ головѣ. Голова до того начинаетъ горѣть и болѣть, что силъ нѣтъ выносить. Единственное средство, которое, обыкновенно, употреблялъ я и употребляю теперь при этомъ, — это, какъ можно чаще, прикладывать къ головѣ снѣгъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV (три главы), стр. 554—562; томъ XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава). Томъ XXVI. стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78 455—494 (четырнадцать главъ). Томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава).

Очень нерѣдко случается, что ты стоишь въ церкви и мерзнешь, а тебя уже дожидаются ѣхать въ деревню къ больному, и иногда въ страшную бурю. Это уже окончательно убиваетъ и душу и тѣло. О томъ, чтобы напиться чаю, закусить, отогрѣться, отдохнуть,—нечего и думать. Случается иногда и такъ: вечеромъ, только что ты успокоился, отогрѣлся и думаешь поотдохнуть ночьку,—а тутъ: „батюшка, хозяйку причащать“! Да такъ до свѣту и проѣздишь. „Что ты, говоришь ему, не пріѣзжалъ днемъ? Я вѣдь только, было, легъ отдохнуть“! — „Знамо, мы не дадимъ отдохнуть; ужъ ваше дѣло такое“. Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ.

Да, сельскаго священника всѣ умѣютъ только осуждать и печатно позорить; людей, сочувствующихъ ему,—очень, очень мало; но нелишне было бы, хоть иногда, вникнуть въ жизнь его и безпристрастно. Хоть бы общественнымъ сочувствіемъ подкрѣпился, иногда, упадшій духъ!..

Постомъ вознагражденіе за труды бываетъ только нравственное,—удовольствіе, что прихожане говѣютъ. Большинство женщинъ за испювѣдь, обыкновенно, не платятъ ничего; малолѣтки— уже непремѣнно ничего; мужчины платятъ всѣ, и, въ прежнее время, пятакъ ($1^1/_2$ к.), а нынѣ 2 или 3 к. с. Въ первый великій постъ я, за ежедневные семинедѣльные труды, какъ значится въ сохранившейся до сихъ поръ приходной моей тетрадкѣ, получилъ 9 р. 18 к. мѣдью (2 р. $62^1/_2$ к. сереб.).

Пришла Пасха. Причтъ мой торопился, суетился, метался во всѣ стороны и къ дѣлу и безъ дѣла. И по движеніямъ и по лицамъ ясно было видно, что онъ несказанно радъ такъ долго ожидаемому празднику. Нѣтъ сомнѣнія, что радость эту возбуждало не христіанское чувство о воскресшемъ Спасителѣ міра, а то, что теперь открывалась возможность съ лихвою вознаградить себя за всѣ лишенія,—и голодъ и холодъ,—понесенныя имъ великимъ постомъ.

Въ селахъ на св. Пасху служатъ молебны во всѣхъ домахъ прихожанъ; при этомъ носятся нѣсколько иконъ, большею частію пять; мужики, носящіе иконы, называются богоносцами. При крѣпостномъ правѣ иконы крестьяне носили „по обѣщанію“,— чтобъ Господь избавилъ, или за то, что избавилъ, отъ какого нибудь несчастія и болѣзни; а теперь, — когда стало возможно брать невѣстъ, гдѣ угодно, — иконы носятъ, преимущественно, холостые парни, и высматриваютъ невѣстъ.

Я зналъ и прежде, что при пасхальномъ хожденіи, кромѣ поющихъ, за иконами ходитъ много и припѣвающихъ; но не зналъ, сколько будетъ этихъ припѣвающихъ теперь, и какъ они будутъ вести себя; потому, не увидѣвши всего собственными глазами, не хотѣлъ нарушать порядка, освященнаго вѣками, и не сдѣлалъ никакого распоряженія. Въ первый же домъ мы явились: попъ, дьяконъ, дьячекъ, пономарь, пятеро богоносцевъ, церковный сторожъ, дьяконица, дьячиха, пономарица, просвирня, четыре юнца—дѣтей дьякона и дьячка и шесть старухъ-богомолокъ, итого 25 человѣкъ, а сзади цѣлый обозъ телегъ. Крестьяне встрѣчаютъ священника съ хлѣбомъ - солью, у воротъ; хлѣбъ этотъ, во время молебна, лежитъ на столѣ, потомъ онъ отдается причту. Для этого и идетъ телега; на нее же кладутся и яйца, съ которыми христосуются члены семействъ съ причтомъ. А такъ какъ собираютъ и хлѣбомъ и яйцами и бабьѐ,—дьяконица, дьячиха и пр. то и онѣ тащатъ одну, или двѣ телеги. Такимъ образомъ на каждый домъ крестьянина дѣлается цѣлое нашествіе.

Въ первый еще домъ всѣ явились уже навеселѣ и чувствовалась только суетня и тѣснота; но дворовъ черезъ 15—20, перепились всѣ и далѣе ходить не было уже никакой возможности. Богоносцы шли впереди меня и, по очереди, успѣвали выпить до меня; а хвостъ мой, на просторѣ, имѣлъ возможность пить, сколько угодно, такимъ образомъ скоро перепились всѣ до единаго, кромѣ ребятишекъ и старухъ. Войдя въ домъ я начиналъ пѣть, за мной вваливала вся толпа, но вваливала не затѣмъ, чтобы молиться, а всякій, на перерывъ одинъ передъ другимъ, старался поскорѣе съ хозяиномъ и хозяйкой похристосоваться, схватить яйцо, грошъ и маленькій, нарочито для этого случая испеченный, хлѣбецъ. Ввалитъ толпа, — и пойдетъ шумъ, гамъ, возня, ссора!.. Бѣда, если кто схватитъ что нибудь не по чину,—пономарица, прежде дьяконицы, просвирня, прежде пономарицы, дьячковъ мальчишка, прежде дьяконова! Всякій старался только о томъ, чтобы поскорѣе схватить что нибудь и не остаться безъ подачки, и больше не думалъ ни о чемъ; о благоговѣйномъ же служеніи тутъ не могло быть и рѣчи, даже между членами причта, а хвостъ,—такъ, просто, потѣха! Выноситъ напр. хозяйка хлѣбецъ, нужно бы, по чину, взять дьяконицѣ, а дьячиха, откуда ни возмись, да и схватитъ,—ну, и пошло писать! Тутъ помянутся всѣ прародители, да и съ

дѣтками!.. Не скоро, вѣроятно, хозяева приходили въ себя, когда мы отваливали! Наконецъ я увидѣлъ, что одинъ членъ причта тычась носомъ самъ, ведетъ подъ руку свою благовѣрную супружницу, тоже крѣпко клюнувшую. Я велѣлъ тотчасъ отнести иконы въ церковь, а самъ ушелъ домой. Причтъ мой былъ несказанно радъ, что я далъ отдохнуть ему и выспаться.

По утру я призвалъ къ себѣ причтъ и сказалъ, чтобы ни жены, ни мальчишки, ни старушонки,—ни кто не ходилъ съ нами. Причтъ мой почелъ это и оскорбленіемъ, и раззореніемъ, и неслыханнымъ нововведеніемъ и началъ, было, горячо возражать мнѣ; но я рѣшительно сказалъ всѣмъ, что если они не сдѣлаютъ такъ, какъ я велю имъ, то я не пойду совсѣмъ и лишу ихъ послѣдняго дохода. Согласились; все бабье осталось дома, при насъ сталъ ходить только церковный староста для продажи свѣчъ; богоносцамъ же я пригрозилъ, что прогоню всѣхъ ту же минуту, какъ только замѣчу въ выпивкѣ. И мы стали ходить безъ всякаго гаму. Но вѣковая нужда укрѣпила и вѣковыя привычки: дьяконица не вытерпѣла и начала шмыгать по дворамъ, дворовъ на десять отъ насъ позади; за ней вышла другая, третья, ребятишки—и пошли, изъ двора во дворъ, цѣлымъ таборомъ. Утромъ нужно было ѣхать въ деревню и я объявилъ причту, что если чья нибудь жена ихъ явится туда, то я сію же минуту уѣду изъ деревни. Не пріѣхала, дѣйствительно, ни одна; но за то причтъ мой отмстилъ мнѣ самымъ жестокимъ образомъ: дворѣ въ десятомъ всѣ трое были пьянехоньки. Я одинъ прошелъ три деревеньки, отстоящія одна отъ другой верстъ на 5. Распутица была страшная: нельзя было ѣхать ни въ телегѣ, ни въ саняхъ, ни даже верхомъ, и я долженъ былъ идти пѣшкомъ, проваливаясь въ мокрый снѣгъ и воду на каждомъ шагу; приходилось дѣлать огромные обходы, или переползать чрезъ овраги и рѣчки по сугробамъ и льдинамъ, подъ которыми вода клокотала. Такіе переходы, конечно, прямо угрожали жизни, но... нужда опасности не знаетъ.

На слѣдующее утро я объявилъ причту, что я тогда только поѣду въ деревни, если всѣ они дадутъ мнѣ честное слово, что они пить водки не будутъ ни одной капли. Слушая мои увѣщанія, дьячекъ задумался, улыбнулся и говоритъ: „я, пожалуй, не сталъ бы пить, да, право, батюшка, стыдно. Станутъ подносить.

а я и скажу: „я не пью“. И самому-то странно выговорить этакое слово,—„не пью“, да и мужиковъ-то удивишь и никто не повѣритъ. Вѣдь, хоть разбожись, не повѣрятъ. Григорьичъ не пьетъ!... Не то, что мужикъ, а я и самъ-то не повѣрю себѣ, если я выговорю этакое слово“. Послѣ долгихъ колебаній и просьбъ, я все-таки получилъ обѣщаніе не пить, и дѣйствительно никто не выпилъ ни капли. Я радовался отъ всей души.

Заручившись обѣщаніемъ дьякона не пить, я поручилъ ему получать плату за молебны. Это много ускорило нашу ходьбу. Мужикъ, обыкновенно, дѣлаетъ не торопясь все,—съ охотой ли онъ дѣлаетъ что нибудь или нехотя, — это все равно. Поэтому, пока онъ возится съ своимъ мѣшкомъ, я успѣвалъ отслужить въ слѣдующемъ дворѣ весь молебенъ, такъ что дьяконъ приходилъ только къ самому концу. При расплатахъ у дьякона, очень нерѣдко, бывалъ съ мужичкомъ и торгъ. Нѣсколько разъ я, подъ какимъ нибудь предлогомъ, нарочито останавливался послушать эту забавную и вмѣстѣ грустную сдѣлку. Такія сдѣлки бывали чуть ни въ каждомъ домѣ. Мужикъ непремѣнно дастъ три—четыре коп., діаконъ: „что ты, Ѳедоръ Иванычъ, побойся Бога: за пасхальный молебенъ 3 коп! Все ужъ надо гривенничекъ“!

— Э! о. дьяконъ, гривенничекъ! Больно много, жиренъ будешь!

— Ужъ такъ съ твоего гривенника и разжирѣешь! Не бойсь, не разжирѣю! Прибавь, не скупись, прибавь!

Мужикъ вынимаетъ еще 5 коп.

— На, вытянулъ!

— Нѣтъ, ужъ, не жалѣй, прибавь, тебѣ Богъ вѣку прибавитъ. Дотягивай до гривенника-то.

— Такъ вотъ, за то, что я тебѣ прибавлю, и вѣку Богъ прибавитъ! Будетъ, больно жаденъ.

— А я тебѣ говорю, что прибавитъ. Не за гривенникъ, а за доброту твою Богъ вѣку прибавитъ. Добраго человѣка и Богъ любитъ.

— А ты, видно, не хочешь, чтобы тебѣ Богъ вѣку-то прибавилъ, выжимаешь гривенникъ-то? Будетъ восемь коп., чего тебѣ еще?

— Да, вѣдь, во семь-то кабы мнѣ всѣ; а то вѣдь насъ четверо, изъ нихъ мнѣ только 2 коп. Пасха-то одна въ году-то, гривенникъ-то можно дать.

— Пасха! Чай не одна Пасха! А праздникъ рожество, крещенье? Только и знай, что плати.

— Ну, доживи сперва, тогда и говори.

— Будетъ, будетъ, ты вѣдь цыганъ!

Однажды мужикъ вынулъ изъ кармана мѣшокъ, запустилъ туда руку и сталъ перебирать гроши. Дьячекъ мой, Григорьичъ, наклонилъ на сторону голову, глядитъ на мѣшокъ и пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ, пресерьезно, протянулъ: „Истощайте, истощайте до основанія его" (псал. 136, 7)! Я не могъ удержаться отъ смѣху.

Такъ, почти, всегда бываетъ у насъ при молебнахъ. Видишь, иногда, что мужичекъ молится съ полнымъ усердіемъ, радуешься, смотря на него и вдругъ это чувство умиленія обрѣжутъ торгомъ. Брать же то, что даютъ,—ходьба не будетъ стоить сапогъ. Городское духовенство дѣлаетъ тоже самое. Только разница въ томъ: у насъ торгъ оканчиваютъ гривенникомъ, а тамъ съ гривенника начинаютъ. Единственные люди, въ этомъ отношеніи, неунижающіе своего достоинства,—это священники при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, получающіе жалованье. Они одни составляютъ исключеніе.

XXX.

Въ селѣ нашемъ было два священническихъ домика,—одинъ, оставшійся послѣ предмѣстника моего, о. Андрея, о которомъ говорилъ мнѣ староста, что онъ много вывезъ казны; другой, оставшійся послѣ священника, умершаго года три тому назадъ. Первый былъ на 2½ саженяхъ, состоящій изъ одной комнаты, съ кухнею черезъ сѣни, подъ общею соломенною крышею, съ амбарчикомъ и плетневою огородкою; второй на 4 сажен., тоже съ соломенною крышею, но безъ всякой огородки и пристроекъ. Въ первомъ квартировалъ сапожникъ; во второмъ жила хозяйка—вдова, съ двумя малолѣтними дѣтьми, питаясь шитвомъ, подаяніемъ и получая пособіе отъ „попечительства о бѣдномъ духовенствѣ" по три рубля въ годъ на ребенка.

Съ недѣлю спустя послѣ Пасхи приходитъ ко мнѣ староста и говоритъ: „Батюшка! Тебѣ, чай, надоѣло жить въ мужицкой избѣ, да и „міру" тяжело держать тебя. Хоть бы другія деревни

помогли, а то,—нѣтъ, все мы, да мы. Ты знаешь: „міръ“ платитъ за тебя по рублю (ассигн.) въ мѣсяцъ, да ослабоняетъ хозяина отъ подводъ. Это міру не подъ силу. Покупай свой“!

— Денегъ нѣтъ, братецъ, покупать не на что.

— У васъ все денегъ нѣтъ. А какъ „міръ“ откажетъ отъ квартиры, такъ и деньги найдешь. Хошь мы купимъ тебѣ у старой попадьи за шаль (за ничто)? Она живетъ на мірской землѣ. Сноси, да и только! Давай намъ землю! Хочетъ-не хочетъ, отдастъ. Бери!

— Да на тебѣ иль креста-то нѣтъ, что ты хочешь сироту выгонять? Куда же она-то пойдетъ?

— Куда знаетъ; мы для тебя же.

— А я обижать и выгонять не буду.

— Ну, покупай Андреевъ.

— Хорошо, я напишу ему.

Чрезъ нѣсколько дней ко мнѣ привалилъ весь уже „міръ“ и потребовалъ отъ меня, уже настоятельно, чтобы я покупалъ свой домъ. Идя ко мнѣ „міръ“ зашелъ ко вдовѣ и чуть уже не выгналъ ее изъ ея дому. Я сказалъ „міру“, что притѣснять сироту и безбожно и безсовѣстно; отказался покупать ея домъ, списался съ о. Андреемъ; онъ уступилъ мнѣ въ долгъ за 200 руб. ассиг. и, черезъ двѣ недѣли, мы жили съ женой уже „въ своемъ“ домѣ. Очутившись на свободѣ, въ сухомъ и свѣтломъ домикѣ, мы съ женой почитали себя людьми, счастливѣйшими въ мірѣ. Послѣ пятимѣсячныхъ страданій намъ не вѣрилось, что мы можемъ жить теперь свободно. На что, бывало, ни взглянешь,—все казалось намъ и уютнымъ, и удобнымъ, и сподручнымъ,—удовольствію не было предѣла!

Послѣ Пасхи весь мой причтъ, собственными своими горбами, принялся за пашню. Тутъ ужъ причтъ мой отличить отъ мужика нельзя было ничѣмъ: такая же плохенькая лошаденка, такой же кафтанишко, сапожнишки и пр.; единственное отличіе,—что изъ-подъ шляпенокъ выбивались прядями долгіе волосы. Вздумалось посѣять десятинки четыре пшенички и мнѣ. Но опытъ показалъ мнѣ, что священнику заниматься хлѣбопашествомъ совсѣмъ неудобно: во первыхъ, въ семинаріи мы много потратили и силы, и времени на изученіе сельскаго хозяйства: мы учили и о различныхъ удобреніяхъ, сѣвооборотахъ, земледѣльческихъ ору-

діяхъ всѣхъ родовъ,—чего-то мы не учили! Но на дѣлѣ все это оказалось пустымъ и неприложимымъ.... Кромѣ плохой церковной земли и обыкновенной крестьянской сохи, мы не имѣли и не могли имѣть ничего. Вся наша семинарская премудрость, какъ была въ головѣ, такъ тамъ и осталась. Во вторыхъ, хлѣбопашество отвлекаетъ священника отъ существенныхъ его обязанностей: священникъ долженъ быть неотлучно дома, чтобы быть готовымъ явиться, для исполненія прямыхъ его обязанностей, по первому требованію. Съ хлѣбопашествомъ же это невозможно. Тутъ неизбѣжны опущенія или по должности, или по хозяйству. Въ жнитво у меня было человѣкъ 15 рабочихъ поденныхъ, я былъ въ полѣ. за мной и пріѣхали изъ деревни верстахъ въ 13-ти. Я проѣздилъ болѣе 4-хъ часовъ, безъ меня поденщики мои не работали почти ничего. Стало быть я и заплатилъ, попусту, за 60 рабочихъ часовъ. Не ѣхать, тоже не возможно: больной могъ умереть. Поэтому, съ перваго года,—съ перваго опыта,—я не занимаюсь хлѣбопашествомъ весь свой вѣкъ. Кромѣ того, чтобы извлечь изъ земли капиталъ, для этого нужно сперва капиталъ вложить въ землю. А этого-то у насъ и не достаетъ.

Не успѣлъ причтъ мой окончить пашни, какъ пріѣхалъ благочинный, съ повѣсткою, что на другой день пріѣдетъ къ намъ преосвященный и что впереди его ѣдутъ пѣвчіе. Благочинный осмотрѣлъ церковь, документы; все, что нашелъ нужнымъ, велѣлъ исправить и уѣхалъ. И поднялась у насъ суматоха!—Причтъ мой принялся, первымъ дѣломъ, отпариваться, отмываться и убирать все въ церкви. Я съ женой—закупать водки, мяса, куръ для пѣвчихъ; послали въ городъ купить, для пріема преосвященнаго, получше чайку, вина, рыбы, икры и т. д. Вездѣ и все убрали, вычистили, у воротъ и на дворѣ посыпали пескомъ, — и ждемъ. Видимъ, вдругъ, мчатся къ церкви четыре тройки съ народомъ неопредѣленнаго рода и вида. Весь этотъ таборъ помахалъ, покричалъ и направился къ моему дому. Это были пѣвчіе хора его преосвященства съ протодіакономъ и иподіаконами во главѣ. Вся компанія ввалила ко мнѣ, и кто въ чемъ.... Одинъ въ кафтанѣ на распашку и въ измятой шляпенкѣ: другой—въ сюртукѣ и въ одномъ бѣльѣ; третій въ халатѣ, бѣлѣ, безъ фуражки и съ сапогами подъ мышкой, которые онъ натянулъ уже въ комнатѣ, словомъ: пестрота—на подборъ. Я уже

по опыту зналъ, какъ принимать этихъ господъ: неговоря лишняго слова, я разостлалъ среди двора кошмы, поставилъ на средину четвертную, нѣсколько стакановъ, закуску и гости мои принялись кто за что! Мальчугановъ я позвалъ въ комнату, жена напоила ихъ чаемъ и накормила. Сельскаго старосту, между тѣмъ, я заранѣе намуштровалъ, чтобы лошади были заложены тотчасъ и всѣми силами торопилъ гостей моихъ ѣхать. Староста, мужичина грубый, дѣло свое сдѣлалъ, дѣйствительно, хорошо: гостей моихъ онъ донялъ такъ, что они были у меня менѣе часу. Прощаясь, я далъ протодіакону 2 руб., иподіаконамъ по 1 руб., регенту 3 руб. и маленькимъ пѣвчимъ 50 коп. на орѣхи.

Утромъ мы съ сельскимъ старостою выслали на дорогу двоихъ верховыхъ, потолковѣе, чтобы извѣстить насъ о пріѣздѣ преосвященнаго, дабы заранѣе начать благовѣсть. При этомъ я крѣпко-накрѣпко наказалъ, чтобы гонцы спросили кучера, кто это ѣдетъ, потому что я зналъ, что часто бывало: завидитъ сторожъ съ колокольни экипажъ, да и начнетъ отжаривать „во вся"; а тамъ, послѣ, и окажется, что жарили-то для какой нибудь мирно проѣзжавшей барыни.

Прискакали вѣстовые,—начался благовѣсть; завиднѣлась карета,—зазвонили во всѣ.

Преосвященный ѣздилъ необыкновенно шибко, такъ что благочинный съ исправникомъ, ѣхавшіе впереди, едва могли прискакать минуты за двѣ.

Послѣ обычной встрѣчи, преосвященный велѣлъ подать себѣ въ алтарѣ стулъ, позвалъ причтъ и сталъ экзаменовать; сопровождавшій же его о. протоіерей сталъ пересматривать церковные документы.

— Скажи-ко мнѣ, дьяконъ, сказалъ преосвященный: что это такое въ десятой заповѣди: „Не пожелай.... ни села его, ни раба его"? Что такое: ни села?

— А... а... а... Чтобы мы не желали села.

— Что называется селомъ?

— А... гдѣ, вотъ есть церковь,—это село; а гдѣ нѣтъ,—это деревня.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! Ну-ко ты, дьячекъ!

Этотъ отвѣчаетъ безъ запинки:

— Если, къ примѣру, живутъ русскіе, то село; а коль хохлы,—такъ слобода.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! Пономарь!

Пономарь мой былъ законникъ.

— Это, ваше преосвященство, при Моисеевомъ законѣ звали селомъ; а въ Новомъ Завѣтѣ,—при Іисусѣ Христѣ,—вѣсью: „Вниде Іисусъ въ нѣкую вѣсь, жена же нѣкая“...

— Ха, ха, ха! Моисеевъ законъ, жена нѣкая... И ты дуракъ! Всѣ вы дураки!

Преосвященный обращается ко мнѣ:

— Отчего они у тебя всѣ дураки?

Надобно замѣтить, что преосвященный говорилъ при отворенныхъ дверяхъ, на всю церковь; всѣ на насъ смотрѣли и слышали все до словечка.

— Еслибъ, ваше преосвященство, не изволили къ намъ нынѣ пріѣхать, то мы нынѣ всѣ пахали бы. Всѣ они бьются, изо-дня въ день, изъ-за куска хлѣба. О книгѣ-то некогда и подумать.

— Дураки, дураки! Ну, пашутъ... Ложатся же отдыхать? Отъ нечего дѣлать, чѣмъ такъ валяться,—и взялъ хоть катихизисъ. Дураки! Ну, а ты самъ-то не забылъ еще, не излѣнился?

— Кажется, что еще не забылъ. Но здѣсь можно забыть все скоро.

Преосвященный помоталъ головой: дураки, дураки!

Преосвященный вышелъ на амвонъ и спрашиваетъ:

— Каковъ у васъ причтъ? Хорошъ-ли, довольны-ли вы имъ?

— Всѣ духовники хороши, ваше просвещенство, мы всѣми довольны,—грянулъ весь народъ.

— Пьянствуютъ они у васъ?

— Нѣтъ, ваше просвещенство, и въ ротъ не берутъ!

— Не хороши, такъ я сейчасъ всѣхъ вонъ выгоню, говорите правду!

— Хороши, ваше просвещенство, хороши!

— Они всѣ дураки!

— Нѣтъ, ваше просвещенство, хороши! Лучше и не нады-ть!

— А молодой священникъ хорошъ, довольны вы имъ?

— Хорошъ, ваше просвещенство, довольны!

Преосвященный обращается ко мнѣ: живи, смотри, не ссорься. А то знаешь?!

При этомъ онъ погрозился мнѣ пальцемъ.

Преосвященный пошелъ изъ церкви, народъ бросился прини-

мать благословéніе. Я съ отцемъ протоіереемъ пошелъ позади. Отецъ протоіерей и говоритъ: „У васъ въ метрикахъ есть помарки. Слѣдовало бы занести это въ журналъ, но“... Въ это: „но“, я сунулъ ему въ руку 3 р. „Но... по вашей молодости, я не внесу, а то, непремѣнно, оштрафуютъ“. Тотчасъ подвернулся и архіерейскій служка: „поздравляю васъ, батюшка, съ благополучнымъ пріѣздомъ владыки“! Я сунулъ и ему полтинникъ.

На крыльцѣ я попросилъ преосвященнаго къ себѣ въ домъ отдохнуть и откушать стаканъ чаю.

— Гдѣ ты живешь, далеко отсюда?

Я указалъ.

— Это маленькая избенка-то? Да у тебя тамъ и повернуться-то негдѣ!

Въ это мгновеніе, откуда ни возмись пріятель мой Агафоновъ: „Ваше преосвященство! Осчастливьте вашимъ посѣщеніемъ домъ моего довѣрителя, помѣщика Ж. Мы съ женой готовились, и она ждетъ васъ. Я отпишу довѣрителю моему въ Москву, что вы осчастливили домъ его своимъ посѣщеніемъ.

— Здѣсь, въ селѣ?

— Нѣтъ, но недалеко, ваше преосвященство, всего версты три-четыре, только.

— По дорогѣ намъ?

— Хотя немного и не по дорогѣ, но я прикажу заложить своихъ лошадей, такъ что времени, ваше преосвященство, не потеряете.

— У васъ здѣсь свои лошади?

— Да, свои.

— Въ такомъ случаѣ отецъ протоіерей поѣдетъ на вашихъ лошадяхъ, а вы укажите намъ дорогу, поѣдемте со мной.

И такъ: благочинный съ исправникомъ испросили благословеніе ѣхать въ слѣдующее село, отецъ протоіерей сѣлъ въ Агафоновскій экипажъ, Агафоновъ полѣзъ въ карету, а я, повѣся голову, пошелъ домой...

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Агафоновъ ликующимъ. Онъ нашелъ, что преосвященный очень умный и образованный человѣкъ; что онъ просилъ Агафонова бывать у него всегда, когда только бываетъ тотъ въ городѣ; что онъ, Агафоновъ, вызвался позаботиться объ оштукатуркѣ церкви, о поновленіи иконостаса

и о поправкѣ ограды; что преосвященный благословилъ его быть попечителемъ, а мнѣ приказалъ убѣдить прихожанъ къ сбору необходимой суммы.

— Это дѣло нужно, батюшка, дѣлать скорѣе. Довѣритель мой Ж. скоро пріѣдетъ, мѣсяца на полутора, сюда. Я долженъ ѣхать въ городъ для закупокъ къ его пріѣзду; буду, конечно, у преосвященнаго; что я скажу ему, если мы не устроимъ этого дѣла? Вся вина падетъ тогда на васъ.

— Вы вызвались быть попечителемъ,—ну и пекитесь; а я-то что сдѣлаю?

— Мое дѣло нанять рабочихъ и смотрѣть за работой; а убѣждать прихожанъ, собирать деньги,—это дѣло священника.

Немного мы поспорили, а все-таки порѣшили созвать, чрезъ недѣлю, всѣхъ прихожанъ.

Дня черезъ три—четыре я купилъ себѣ коня за 80 р. асс. 40 р. я заплатилъ, а другіе 40 мнѣ повѣрили на 5 мѣсяцевъ. Съ лошадью я обзавелся и упряжью и тележкой.

XXXI.

Имѣя свою лошадь, мнѣ вздумалось повидѣться съ другомъ моимъ по семинаріи, Егоромъ Өеодоровичемъ Б. Онъ былъ отъ меня въ 18-ти верстахъ. Мнѣ давно хотѣлось повидѣться съ нимъ, но никакъ неудавалось сдѣлать этого. Егоръ Өеодоровичъ былъ славный, добрый, кроткій, умный товарищъ и одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи.

Вхожу на дворъ и вижу: мой добрѣйшій Егоръ Өеодоровичъ въ одной сорочкѣ, разувшись, засучивши выше колѣна брюки, мнетъ ногами кучу мокраго навозу. Молодая и красавица жена его лопатою подгребаетъ ему навозъ и носитъ воду.

— Что это ты, сосѣдъ, дѣлаешь, закричалъ я ему?

— Видишь, дружище: насъ въ семинаріи обучали всякимъ премудростямъ, но не учили, какъ дѣлать кизики. Вотъ я съ женой теперь и практикуюсь.

Егоръ Өеодоровичъ сейчасъ обмылся, умылся и одѣлся; я въ это время, убралъ лошадь и мы вошли въ избу. Квартира его была простая мужицкая изба.

— Неужто тебѣ,—спрашиваю я,—не на что купить дровъ и даже не на что нанять рабочихъ дѣлать кизикъ?

— Хоть убей,—ни гроша. Вотъ тебѣ, братецъ, и ученье! Сидѣли-сидѣли въ семинаріи лѣтъ по 10—12, да и высидѣли. Тамъ намъ все толковали: пастырь, пастырь,—а выходитъ, что слово это нужно прикладывать къ намъ въ русскомъ переводѣ. Что я теперь? Я живу хуже всякаго пастуха. Тебѣ вотъ хорошо,—ты слышь, купилъ свои палаты, дровъ у васъ много, дастъ всякій. Пожилъ бы ты вотъ тутъ! Я уже почти рѣшилъ примѣнять къ жизни ариѳметическое правило: „Чѣмъ больше, тѣмъ меньше; чѣмъ меньше, тѣмъ больше", т. е. чѣмъ больше будетъ у меня совѣсти,—тѣмъ меньше буду имѣть доходу; чѣмъ меньше совѣсти,—тѣмъ больше доходу. Я почти рѣшился драть за каждую требу; но какъ-то не совладѣю съ собой,—стыдно, жалко! А когда пойдутъ дѣти, тогда что дѣлать-то? Теперь вотъ хотѣлось бы почитать что нибудь, но нѣтъ ни единой книжки во всемъ околодкѣ. Вѣдь у меня въ приходѣ восемь помѣщиковъ и два купца-хлѣботорговца. Собакъ они надаютъ сколько угодно, и какихъ угодно, пожалуй и водкой напоятъ; но книги,—не взыщите. Хотѣлось бы и пописать что нибудь, чтобъ не разучиться писать; а тутъ говорятъ: „ступай-ко, надѣлай сперва на зиму кизиковъ!"

— Ничего, хорошъ приходъ и у меня,—я только что не дѣлаю кизиковъ.

Егоръ Ѳеодоровичъ захохоталъ звонкимъ, но болѣзненнымъ смѣхомъ:

— Хорошъ, плохой! Мы, пастыри, раздѣляемъ свою паству на хорошую и плохую; но въ какомъ смыслѣ,—въ нравственномъ ли, какъ бы слѣдовало? Никто и никогда дѣлить ихъ такъ и не думалъ. Много даетъ доходу,—значитъ хорошъ приходъ; мало,—значитъ плохъ. А будь всѣ прихожане, хоть поголовно, Стеньки Разины,—все равно. При оцѣнкѣ прихода, никто не беретъ во вниманіе нравственное его состояніе. А отъ чего это? Отъ того, что намъ даются приходы безъ всякого обезпеченія насъ въ нашемъ существованіи. Пріѣзжаешь, вотъ какъ я сюда, и видишь, что стараться-то приходится не о томъ, чтобы утвердить въ народѣ св. вѣру; а о томъ, чтобы самому не подохнуть съ голоду и незамерзнуть зимой безъ кизиковъ; думаешь не о народной нравствен-

ности, а о томъ, чтобы отъ нужды, сраму и горя самому не сдѣлаться пьяницей.

Я ночевалъ у Егора Θеодоровича, и мы проговорили съ нимъ всю ночь. Онъ изъявилъ желаніе проводить меня до с. Ек. и вмѣстѣ заѣхать познакомиться съ о. Θаворскимъ, извѣстнымъ въ тѣхъ мѣстахъ хозяиномъ, чтобы поучиться у него житейской мудрости.

Домъ о. Θаворскаго не отличался барскою роскошью, но онъ не уступалъ хорошему купеческому деревенскому дому: тутъ были и амбары и амбарчики, и конюшни и конюшенки, и курятники, и гусятники, и подвалы, и—всякая всячина, словомъ: домъ его былъ полная чаша. Самого хозяина мы нашли на гумнѣ. Хозяинъ подалъ намъ руку, но не сошелъ съ мѣста и зорко слѣдилъ за рабочими. На гумнѣ молотили на двѣ кучи. Въ одной —человѣкъ 10 мужиковъ, въ другой столько-же парней и дѣвокъ. Мы постояли, посмотрѣли и спрашиваемъ: для чего молодые работаютъ отдѣльно отъ старыхъ?

— Это, други мои милые, женихи и невѣсты. У меня, кто задумаетъ жениться, говори заранѣе и день отпаши мнѣ, день откоси, день жни и день молоти. Безъ этого я и вѣнчать не стану. Деньгами что съ нихъ возмешь, пять—шесть рублей только? А жить надо. Невѣсты: день сгребай сѣно, день жни и день молоти. Это ужъ ты тамъ какъ знаешь, а работать иди. Порядокъ этотъ для всѣхъ у меня. А чтобы я видѣлъ, что они работаютъ, а не жируютъ,—вотъ я отдѣльно ихъ и ставлю отъ наемныхъ.

О. Θаворскій послалъ одну дѣвку за сынишкомъ, лѣтъ 12-ти, велѣлъ ему стоять и смотрѣть за рабочими, а насъ позвалъ къ себѣ въ домъ. Принялъ онъ насъ очень радушно и сейчасъ весь столъ былъ заставленъ и винами, и наливками, и закуской.

— Какъ вы, други мои милые, устроились, обзавелись-ли вы своимъ гнѣздышкомъ?

— Плохо, говорю я. Я-то купилъ себѣ въ долгъ избенку, да такую, что преосвященный даже и не пошелъ въ нее; а вотъ Егоръ Θедоровичъ до сихъ поръ живетъ въ крестьянской избѣ. Вчера я, знаете ли, за какимъ дѣломъ засталъ его? Они, вдвоемъ съ матушкой сами мяли навозъ для кизиковъ.

— Какъ? Сами дѣлаютъ кизики? Да вы, видно, оба съ своей матушкой съ ума сошли? Сами дѣлаете кизики!...

— Денегъ нѣтъ, нанять не на что.

— Ты мнѣ скажи: кого же ты хочешь удивить этимъ? Ну послушай: придетъ къ тебѣ прихожанинъ звать крестить, хоронить—звать въ церковь,—а ты весь въ навозѣ? Ты этимъ, другъ мой милый, теряешь всякое уваженіе не только къ себѣ, но и къ своему сану.

— Да денегъ нѣтъ, говорю я вамъ!

— Ты трудишься,—крестишь, хоронишь,—это дѣло твое. За это возьми плату. Найми мять кизикъ мужика,—это дѣло его. За это заплати ему ты. Ты думаешь, что кто нибудь оцѣнитъ твое безкорыстіе? Ничуть! Никто и ничего дѣлать даромъ тебѣ не будетъ. Зачѣмъ же ты для всѣхъ будешь дѣлать даромъ? Вѣдь никто же не пошелъ къ тебѣ безъ платы дѣлать кизикъ? Кого, вообще, у насъ уважаютъ, чьего голоса слушаютъ? Бѣдняковъ, безкорыстныхъ? Нѣтъ! Есть состояніе,—ну и почетъ, и вліяніе; нѣтъ состоянія,—нѣтъ и вліянія. Ну, вотъ вы, я вижу, оба люди безкорыстные; и можете похвалиться, что васъ слушаются мужики, уважаютъ васъ? Да, я думаю, мужики-то на васъ и глядѣть-то не хотятъ. Посмотрите-ко у меня! Я и представить не могу себѣ чтобы мужикъ не послушалъ меня въ чемъ нибудь. Я тружусь и день и ночь;—мужикъ это видитъ. Зовутъ меня, напр., крестить, хоронить,—мужикъ видитъ, что онъ отрываетъ меня отъ дѣла,—за это и плати мнѣ. Позову его къ себѣ на работу я,—заплачу ему и я. Постомъ исповѣдуются: я тружусь, служу тебѣ недѣлю, стою и исповѣдую,—5 к. На пасху: я хожу по поясъ въ водѣ и грязи, служу—20 к. На всякую требу у насъ положена такса, торгу не бываетъ. Вы сдѣлать этого не можете, на васъ будутъ роптать, потому что вашихъ трудовъ никто оцѣнить не можетъ. Придетъ мужикъ къ вамъ, видитъ, что вы читаете,—ну и значитъ, что вы не дѣлаете ничего,—онъ не пойметъ, что отрываетъ васъ отъ дѣла; а стало быть и трудъ вашъ ничтоженъ и платить вамъ не зачто. А если еще вы будете надѣяться на его доброту и брать только то, что дастъ онъ вамъ самъ, то вы и будете весь свой вѣкъ мять кизики. Безпрестаннымъ трудомъ и достаточною оплатою за требоисправленія, я нажилъ себѣ настолько достаточное состояніе, что я не завишу ни отъ кого, никто мной не помыкаетъ, никто не посмѣетъ въ глаза мнѣ смѣяться надо-мной, а напротивъ я повелѣваю приходомъ. Я выписываю, неугодно-ли взгля-

нуть, много книгъ, содержу двоихъ сыновей въ семинаріи и одного въ университетѣ. А вы, съ своей простотой, и сами будете весь вѣкъ нищими, если, еще къ тому, не сопьетесь; и приходъ уважать васъ не будетъ, и дѣтей не воспитаете. Значитъ: вы погубите и себя и дѣтей.

— Что вы дѣлаете, если вы съ рабочими въ полѣ, и за вами пріѣдутъ звать васъ къ больному?

— Что? Сейчасъ поѣду. Но вѣдь я работу знаю. Я и назначу сколько они безъ меня должны сдѣлать, и назначу безобидно, по всей правдѣ. И рабочіе знаютъ, что меня не обманешь. Сдѣлали,—хорошо; не сдѣлали, пробаклушничали,—невзыщи,—вычетъ.

— Но что же мнѣ-то дѣлать теперь? На зиму нужно заготовлять отопленіе, а у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ. Приходится по неволѣ работать самому.

— Найми. Я тебѣ дамъ денегъ, а самъ не срами ни себя, ни насъ всѣхъ. Купи себѣ хоть небольшой домишко. Я безъ процентовъ дамъ тебѣ денегъ, чтобъ ты и не кланялся мужику, да и самъ немного поободрился. Но только непремѣнно установи таксу за всякую требу, объяви объ этомъ всѣмъ, и трудись, какъ я. Какъ только ты выйдешь изъ зависимости отъ своихъ псарей-дворянъ и мужиковъ, то посмотри, что всѣ они совсѣмъ не такъ будутъ смотрѣть на тебя. Вы, конечно, смотрите на меня, какъ на торгаша, какъ на кулака; а я понимаю себя не такъ: я думаю, что я понимаю свои пастырскія обязанности не хуже вашего. Зачѣмъ я хочу дать тебѣ денегъ и купить тебѣ домъ? Затѣмъ, что я вижу, что ты слабаго характера и можешь погибнуть. Отъ нужды и горя много погибло хорошихъ людей изъ нашего брата. Вотъ я и хочу поддержать тебя на первое время. Понялъ? Впрочемъ завтра мы потолкуемъ съ тобой. Завтра я самъ пріѣду къ тебѣ и устрою тебя.

Часа четыре мы пробыли у о. Ѳаворскаго и уѣхали, напутствуемые благожеланіями.

XXXII.

Въ слѣдующее воскресенье собрались изо всѣхъ деревень прихожане, явились и вызванные Агафоновымъ изъ уѣзднаго нашего города подрядчики и начались толки о поправкѣ иконостаса и ограды и о штукатуркѣ церкви. Долго спорили и толковали и, наконецъ, порѣшили церковь оштукатурить, но съ разсрочкою уплаты денегъ на два года; прочую же работу отложили до урожайныхъ годовъ. Написали приговоръ. Всѣ прихожане попечителемъ назначили меня, а Агафоновскіе крестьяне—его.

Агафонову нужно было ѣхать въ губернскій городъ за покупками къ пріѣзду барина. Онъ ужасно былъ радъ случаю съѣздить въ городъ, чтобы побывать почетнымъ гостемъ у преосвященнаго и выказать передъ нимъ свое усердіе къ благолѣпію храма Господня, и мы поѣхали съ нимъ подавать прошеніе преосвященному о разрѣшеніи на починку церкви.

Приходимъ въ архіерейскій домъ. Въ передней онъ сунулъ что-то лакею и попросилъ его доложить преосвященному. Чрезъ минуту лакей попросилъ его въ гостиную, а я остался въ лакейской.

Съ часъ Агафоновъ пробылъ у преосвященнаго. Въ это время прошелъ къ преосвященному, мимо меня, одинъ извѣстный мнѣ купецъ; пріѣхала всѣмъ извѣстная мироносица Е. А. Н. [1]) Прошелъ одинъ бульварный левъ, тоже всѣмъ извѣстный фатъ И. С. Г. Наконецъ вышелъ и преосвященный, провожая Агафонова, и сталъ въ дверяхъ изъ залы въ переднюю. Я поклонился ему въ ноги и принялъ благословеніе. Преосвященный сказалъ мнѣ, что починка церкви имъ разрѣшена, что онъ „просилъ Александра Алексѣевича (Агафонова) принять на себя трудъ наблюденія за работами“ и приказалъ мнѣ не вмѣшиваться въ это дѣло и не мѣшать ему. Я поклонился въ ноги опять и преосвященный ушелъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ изъ города пріѣхалъ въ имѣніе

---

[1]) Мироносицами у насъ зовутъ, обыкновенно, старыхъ дѣвъ и вдовъ—барынь, трущихъ своими подолами архіерейскіе пороги. **Сельск. Свящ.**

свое и г. Жел., у котораго солдатъ Агафоновъ былъ управляющимъ. Я отправился къ нему съ визитомъ. Вхожу, лакей загораживаетъ мнѣ дорогу въ залъ, говоря, что баринъ изволятъ завтракать, и предлогаетъ мнѣ подождать въ передней. Я настоятельно потребовалъ, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ и прошелъ въ залъ, когда тотъ ушелъ къ барину. Лакей возвратился и сказалъ мнѣ, что баринъ изволили приказать мнѣ подождать. Я сидѣлъ болѣе получаса. Наконецъ, отворяется дверь и ко мнѣ входитъ господинъ немолодыхъ уже лѣтъ, красноносый, почти безволосый, въ халатѣ съ разстегнутой грудью, въ туфляхъ на босую ногу и длиннѣйшимъ чубукомъ въ зубахъ.

— А, молодой священникъ! Молодъ, молодъ! Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать два.

— Молодъ, молодъ! Напрасно такихъ молодыхъ ставятъ въ попы. Въ приходахъ, по деревнямъ, имъ много соблазну... Знаете? Не знаю, какъ мы будемъ жить съ вами, съ прежними попами я все ссорился. Помилуйте! За свадьбы они брали по рублю! Да развѣ это можно? Гдѣ мужику взять рубль? мужикъ рубля не выработаетъ и въ недѣлю, а вы вѣнчаете въ какихъ нибудь десять минутъ и за десять минутъ работы берете по рублю. Нѣтъ, вы такъ не дѣлайте, а то я и съ вами буду ссориться. А архіерей, говорятъ, нынѣ у васъ строгій!..

— Нѣтъ, не строгій, а очень умный, и на пустыя жалобы не обращаетъ даже вниманія. Вы какъ бы хотѣли,—чтобъ поскольку мы брали за свадьбу?

— Да самое большее, что 50 к.

— Чтобъ намъ съ вами не ссориться, такъ я думаю, что много и этого. Вѣдь, по вашимъ словамъ, мужикъ рубля не заработываетъ и въ недѣлю, нашей же работы всего 10 минутъ. Стало быть намъ позволительно брать только 1 или 1½ коп. за 10 минутъ дѣла!

— Ха, ха, ха! Я васъ понялъ. Я и прежде слышалъ объ васъ. Берите по рублю, что съ вами дѣлать! Вы, батюшка, имѣете привычку спать послѣ завтрака?

— Нѣтъ, я не сплю и послѣ обѣда.

— А я такъ, грѣшный человѣкъ, люблю часокъ - другой соснуть.

Я всталъ и раскланялся. Отъ барина я пошелъ къ управляющему его, Агафонову, попросить дровъ.

— Эхъ, батюшка, до дровъ ли вашихъ намъ теперь! Вотъ проводимъ барина, мѣсяца черезъ полтора, тогда и присылайте, я вамъ хворосту воза два дамъ. Да, чай, въ приходѣ-то не мы одни, что вы такъ ужъ непремѣнно къ намъ!

Отъ Агафонова я поѣхалъ къ другому помѣщику, Чек—ву, пріѣхавшему изъ Петербурга въ деревню поохотиться, также какъ и Жел—нъ за деревенскою дичью... Чек—въ вышелъ ко мнѣ раскрахмаленный, раздушенный,—настоящая парижская модная картинка. Съ нимъ я былъ уже знакомъ,—до этого я ему уже дѣлалъ визитъ. Къ себѣ его я, конечно, и не ждалъ, потому что это было бы изъ порядка вонъ, чтобы баринъ отплатилъ визитъ попу. Чек—въ восторгался красотами природы, деревенскою тишиною, чистотою воздуха, ароматомъ южныхъ полей, лугами, лѣсами, простотою нравовъ и находилъ, что я въ тысячи разъ счастливѣе его, живущаго весь свой вѣкъ въ столичной толкотнѣ, гдѣ театры, клубы, вечера рѣшительно не даютъ ему покою ни днемъ, ни ночью. Баринъ былъ необыкновенно любезенъ, предупредителенъ; но какъ только я заикнулся о дровахъ, то по лицу его мгновенно пробѣжала дымка; однако, онъ совладѣлъ съ собою и, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, наговорилъ мнѣ цѣлыя горы любезностей; онъ сказалъ мнѣ, что онъ тотчасъ дастъ приказаніе управляющему, дать мнѣ дровъ столько, сколько мнѣ будетъ нужно на весь годъ; что изъ 2,000 дес. лѣсу, дать на двѣ печи, ему не значитъ ровно ничего; что, напротивъ, сдѣлать мнѣ эту ничтожную помощь для него будетъ истиннымъ удовольствіемъ. При этомъ онъ просилъ меня обращаться къ нему за всѣмъ, чѣмъ только онъ можетъ служить мнѣ.

На другой день, я увидѣлся съ управляющимъ его и передалъ ему обѣщаніе его барина. Тотъ, съ улыбкой, помоталъ головой: „вѣрьте вы ему! У него и отецъ былъ такой же: наговоритъ, наобѣщаетъ съ три короба, а на дѣлѣ сущій цыганъ. Ужъ если бы хотѣлъ дать вамъ, такъ онъ вчера же и сказалъ бы мнѣ, а то ни слова. Вотъ я спрошу его“.

Недѣли черезъ двѣ управляющій, послѣ обѣдни, зашелъ ко мнѣ.

— Говорилъ я, батюшка, барину о вашихъ дровахъ; а онъ

отвернулся отъ меня, засвисталъ и пошелъ, не сказавши ни слова. Я говорилъ вамъ, что онъ цыганъ сущій. Вотъ какъ уѣдетъ, такъ я пришлю, сколько вамъ угодно. У насъ не то, чтобъ рубить, а бурей поломаетъ каждый годъ столько, что не только вашъ флигелекъ, все село отопишь.

— Служитъ гдѣ нибудь онъ?

— Нѣтъ, въ отставкѣ прапорщикомъ. Хочетъ, говоритъ, опять поступить на службу, да куда ужъ ему! Не то теперь у него въ головѣ. Имѣнье-то давно ужъ заложилъ.

Осенью, дѣйствительно, управляющій Чек—ва прислалъ мнѣ дровъ на цѣлый годъ.

XXXIII.

Предмѣстники мои священники, всегда послѣ обѣдни, давали просфоры или сами, или высылали съ дьякономъ: Агафонову, управляющему Чек—ва, цѣловальнику и писарю. Я, считая, что въ храмѣ Божіемъ всѣ равны, не сталъ дѣлать преимущества никому и просфоръ ни давать самъ и ни высылать не сталъ.

Однажды, лѣтомъ приходитъ ко мнѣ сельскій писарь и говоритъ: „вчера, батюшка, мужики дѣлили луга. Вамъ отвели они? Своихъ луговъ у васъ нѣтъ; нужно было просить, а вы просили?"

— Нѣтъ, не просилъ, и не знаю отвели ли.

— Нѣтъ, не отвели, да хоть и просили бы, такъ они не отвели бы.

— Почему?

— Вотъ почему: до васъ у насъ священниковъ было много, и всѣ они были много постарше васъ;—много постарше, а почетныхъ людей уважали и отличку отъ другихъ имъ дѣлали завсегда. Бывало, какъ отойдетъ обѣдня, то дьяконъ и подноситъ на блюдѣ просфору писарю. Гдѣ бы онъ ни сталъ, нарочно, иногда, станешь въ углу у двери,—вездѣ отыщетъ. А въ большіе праздники дьяконъ станетъ возлѣ священника на амвонѣ съ просфорой на тарелкѣ, и ждетъ писаря. Подойдетъ писарь, а ему самъ священникъ на блюдѣ и подастъ просфору. И видитъ всякій, что писарь не простой мужикъ, что и попъ отъ всего міру отличаетъ его. А вы нынѣ писаря сравняли съ простымъ мужикомъ. Вотъ вамъ и сѣнцо!

— Такъ это ты сдѣлалъ, что мнѣ не отвели луговъ?

— Я.

— И тебѣ не стыдно такъ говорить?

— Нѣтъ, не стыдно. Мнѣ стыднѣе, когда вы прировняли меня къ простому мужику. У васъ нѣтъ еще ни усовъ, ни бороды, а меня и старики уважали. Надо мной теперь смѣется весь міръ. Ужъ легче бы было, кабы этаку срамоту переносить отъ старика.

— Такъ ты вышелъ негодный человѣкъ, и съ такими людьми я не хочу и говорить. Съ Богомъ!

Вечеромъ я позвалъ къ себѣ четверыхъ вліятельныхъ мужиковъ, напоилъ чаемъ, поднесъ водочки и попросилъ травы. Чрезъ недѣлю крестьяне стали дѣлить другую половину луговъ и мнѣ отвели вдвое больше, чѣмъ давали моимъ предмѣстникамъ.

Жел—нъ сначала, по пріѣздѣ въ деревню, ѣздилъ къ обѣднѣ каждый праздникъ. На долгія дроги посадитъ съ собою дѣвокъ шесть, пріѣдетъ къ обѣднѣ и станетъ со всей своей свитой предъ амвономъ. Однажды онъ и присылаетъ ко мнѣ въ алтарь своего Агафонова съ приказаніемъ, чтобы я подалъ ему просфору. „Передайте, говорю, вашему барину: когда онъ будетъ ѣздить молиться Богу безъ дѣвокъ, тогда я подамъ ему просфору“. Съ этого времени Жел—нъ не былъ въ церкви ни разу, такъ и уѣхалъ, и я больше не видѣлъ его.

При первомъ свиданіи Агафоновъ грозилъ мнѣ чуть ни Сибирью. „Барину, говорилъ онъ, стоитъ только доѣхать до архіерея, ну и смотрите, что вамъ будетъ“. Я вполовину не вѣрилъ, но вполовину и вѣрилъ, что Жел—нъ дѣйствительно можетъ сдѣлать мнѣ зла много. Съ моимъ батюшкой, однажды, былъ такой случай: помѣщикъ Н. Б. имѣлъ обыкновеніе назначать невѣстъ женихамъ, по собственному его усмотрѣнію, ни мало необращая вниманія на желаніе или нежеланіе котораго нибудь изъ нихъ. При этомъ онъ всегда дѣлалъ такъ: дѣвушку изъ состоятельнаго дома онъ непремѣнно назначалъ бѣдняку, а иногда и прямо нищему,—какому нибудь бездомовому пастуху, „для уравненія состоянія“, какъ говаривалъ онъ. „Какую нибудь лошаденку, телущенку и пару овецъ мужикъ для дочери все уже дастъ. Иначе онъ въ вѣкъ не наживетъ ничего“, разсуждалъ баринъ. Красиваго парня женилъ тоже, непремѣнно, на уродѣ, или кра-

савицу выдавалъ, на оборотъ, за урода. „Это непремѣнно такъ надо, говаривалъ онъ, для улучшенія племя. Какія выдутъ дѣти, когда женится уродъ на уродѣ"! Предъ свадьбой онъ, бываю, на восьмушкѣ листа пишетъ батюшкѣ: „священнику N. N. Прошу повѣнчать N. N. съ Z. Z. Имѣю честь быть Н. Б." Является, однажды, такая пара въ церковь. Батюшка мой спрашиваетъ жениха и потомъ невѣсту: „по собственному ли своему согласію вступаютъ они въ бракъ". Невѣста заплакала, зарыдала и рѣшительно заявила, что она или утопится, или удавится, если ее повѣнчаютъ съ этимъ женихомъ. Батюшка мой вѣнчать не сталъ. Невѣсту, прямо изъ церкви, повезли на барскій дворъ, и страшно изсѣкли! Чрезъ нѣсколько дней эту пару привозятъ опять. Невѣста опять зарыдала и опять сказала, что „пусть засѣкутъ ее до смерти, но она не пойдетъ за этого жениха". Повезли опять на барскій дворъ и сѣкли тамъ уже до того, что ее полумертвою стащили съ мѣста. Спустя нѣкоторое время староста привозитъ ихъ въ церковь въ третій разъ, и говоритъ, что невѣста вѣнчаться теперь согласна. Батюшка спросилъ ее и она проговорила: „иду, батюшка, вѣнчайте"! Батюшка повѣнчалъ. Спустя мѣсяца два-три преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) сдаетъ такую резолюцію: „по жалобѣ любителя церкви, помѣщика Н. Б., священника N. N. послать въ каѳедральный соборъ на двѣ недѣли на усмотрѣніе". За что, про что? Господь его вѣдаетъ. Поѣхать въ городъ, выправить въ консисторіи, выражаясь по консисторски, указъ на службу въ соборѣ, двѣ недѣли служить тамъ, дать каѳедральному протоіерею за хорошую аттестацію, потомъ опять указъ на мѣсто,—недѣлю терѣться на крыльцѣ консисторіи до службы въ соборѣ, двѣ недѣли служить, да недѣли полторы-двѣ биться въ консисторіи изъ указа опять на мѣсто,—батюшкѣ и стоило двухъ коровъ. Изъ трехъ своихъ коровъ онъ продалъ двухъ, и этого ему едва достало на всѣ расходы. Я былъ въ то время въ среднемъ отдѣленіи семинаріи. Тяжело намъ было перенести это и раззореніе и оскорбленіе! И изъ-за чего?.. „По жалобѣ"! Конечно могъ сдѣлать это и со мной Жел—нъ, потому что, въ то время, у насъ былъ „судъ скорый", хотя и неособенно „милостивый".

Лѣтомъ мы поѣхали съ женой повидѣться съ моими родите-

лями и съ матушкой жены моей. У батюшки моего въ семинаріи содержалось еще два сына, моихъ меньшихъ брата, и потому онъ терпѣлъ крайнюю нужду. Видѣть отца и мать нуждающимися въ самомъ необходимомъ, и не имѣть возможности помочь имъ,—переносить это нелегко!.. Отъ моихъ родителей мы поѣхали къ матушкѣ жены моей.

Въ городѣ однажды я встрѣтился съ другомъ моимъ, по семинаріи товарищемъ, нѣкіимъ Иваномъ Сокольскимъ. Въ семинаріи онъ былъ юноша видный, необыкновенно веселаго характера и острякъ. Теперь же онъ былъ худъ, блѣденъ, мнѣ показался, даже, закоптѣвшимъ, ряса плохенькая, а шляпенка и совсѣмъ не была никуда годна; на все окружавшее онъ смотрѣлъ, какъ будто, безучастно и скорѣе похожъ былъ на сумасшедшаго, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка!

— Какъ, братъ Ваня, твои дѣла, спрашиваю я?

— Ничего, братецъ, торгуемъ.

— Чѣмъ?

— Собственнымъ товаромъ. Теперь пріѣхалъ сюда записаться въ гильдію.

— Въ самомъ дѣлѣ: какъ ты поживаешь?

— Говорятъ тебѣ: торгую! Да, братъ, вотъ въ этакій попадись приходъ, такъ, поневолѣ, сдѣлается купцомъ всякій. У меня мордва за всѣ требы платятъ лаптями: отслужишь, на Пасху, молебенъ,—пару лаптей, а богатый и двѣ пары; свадьба,—полтинникъ и 10 паръ лаптей. Послѣ Пасхи мнѣ досталось огромныхъ два воза лаптей. Ну, теперь понялъ, что мы купцы?

— Куда вы ихъ дѣваете?

— Отвозимъ въ Кузнецкъ на базаръ.

— Насколько же ты ихъ продалъ?

— Рублей на 20 асс. пасхальныхъ, да руб. на 2 за другія требы.

— Почемъ вы продаете ихъ?

— Хорошіе коп. по 3 сер., по хуже—2 коп. Теперь пріѣхалъ сюда поискать получше мѣстечко. Пошелъ вчера въ консисторію, а тамъ: давай три цѣлковыхъ, такъ покажемъ праздныя мѣста. Просилъ—просилъ, нѣтъ, Іуды, не уступаютъ. Повелъ троихъ анаѳемовъ въ трактиръ, пропоилъ 2 р.; показали мѣста четыре, да все дрянь,—не стоитъ ломаться. Есть, говорятъ, и хо-

рошія, да меньше пятишницы показать ихъ нельзя. 5 р. отдай. а дастъ ли его преосвященный,—это на небѣ писано. Вотъ я и хожу по городу, да смотрю, не найду ли гдѣ пятишницы.

Дня черезъ три я опять встрѣтился съ И. Сокольскимъ. Ну, что, спрашиваю, нашелъ мѣсто, подалъ прошеніе?

— Вчера подалъ въ N, тоже дрянь, да ужъ, небойсь, все не хуже моего. Нынѣ прошеніе сошло, да просятъ цѣлковый показать резолюцію.

Я сказалъ ему, гдѣ я живу, и попросилъ его заходить ко мнѣ, пока я живу въ городѣ. На другой день онъ, дѣйствительно зашелъ.

— Какъ твои дѣла, спрашиваю?

— „Справку". На прошеніи резолюція: „представить справку". За эту справку и просятъ теперь пять цѣлковыхъ. Я говорю: давайте я самъ напишу ее; а столоначальникъ: дѣло тутъ, святой отецъ, не въ письмѣ, а въ деньгахъ. Дашь 5 руб. и пиши, коль есть охота писать; не дашь, такъ недѣли три и походишь.

— Написать о тебѣ справку нужно всего 10 минутъ?

— Написать мой формулярный списокъ,—и все тутъ.

— Да вѣдь твой формуляръ въ трехъ словахъ?

— Приказные такъ и говорятъ, что дѣло не въ письмѣ. Деньги-то опять отдашь, а еще неизвѣстно, дастъ или нѣтъ архіерей мѣсто-то! А сколько будетъ мытарства, если и дастъ-то! Чего будетъ стоить, чтобы показали резолюцію на справкѣ! А тамъ указъ: написать, подписать столоначальнику, члену, секретарю, регистратору, чтобъ ввелъ въ исходящую и поставилъ №, сторожамъ,—каждому все дай. А тамъ привалятъ на квартиру человѣкъ 15, поздравлять... И, Господи, тиранства и конца нѣтъ! Придется продать тестеву-то лошадь. Да ужъ такъ бы и быть, куда ни шло, лишь бы не пропало все даромъ!

Больше я съ о. Сокольскимъ не видѣлся. Въ день отъѣзда изъ города, мнѣ попался на улицѣ другой знакомый мнѣ священникъ. По одному особенному случаю, онъ получилъ мѣсто возлѣ самаго города, въ верстахъ 10—12-ти. Приходъ довольно достаточный, но не изъ богатыхъ. Священникъ этотъ былъ очень неглупый, но до самозабвенія увлекающійся всѣмъ, выдающимся изъ ряда вонъ и потому крайне не расчетливый въ экономическомъ отношеніи. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ, что онъ

знакомъ со множествомъ дворянъ города, со всѣми членами консисторіи и съ секретаремъ. Онъ разсказывалъ, что на святкахъ, масляной и два раза послѣ Пасхи, у него были два члена консисторіи, секретарь и столоначальникъ. Въ первый разъ, говоритъ, они пріѣхали ко мнѣ нечаянно и у меня не было ничего, только и могъ угостить я ихъ хорошей стерлядью; была одна бутылка рому въ 1 р. 50 к., да секретарь сказалъ, что онъ пьетъ только бѣлый въ 4 р. Но за то потомъ каждый разъ, какъ пріѣдутъ, сами привезутъ съ собой всего: и рому въ 4 р., и винъ разныхъ, и закуски и... всякой всячины! конечно, все это въ мой счетъ. А вотъ, какъ были въ послѣдній разъ, столоначальникъ и говоритъ мнѣ: мы отъ скуки на дорогу взяли орѣшковъ 2 фунтика, такъ припишите ужъ и ихъ къ счету. Ну, разумѣется, изъ этихъ пустяковъ и говорить не стоитъ. Дорого только берутъ съ нихъ извощики. Въ послѣдній разъ я заплатилъ только за одинъ конецъ, да и прогналъ ихъ; и отвезти отъ себя нанялъ уже у себя въ селѣ.

— А тебя просили они къ себѣ?

— Ты вздумаешь! Теперь пріѣхалъ взять въ консисторіи новую приходо-расходную книгу для церкви.

— Ужъ, разумѣется, тебѣ, по дружбѣ, выдадутъ безъ взятокъ?

— Нѣтъ, еслибъ не былъ знакомъ, то всякому далъ бы поменьше,—по немногу; а теперь, знакомому-то, мало-то дать и стыдно. Рублей 25 это дѣло стоило мнѣ.

— Съ такой дружбой тебя можно поздравить. У тебя, кажется, въ приходѣ пропасть дворянъ?

— Больше 20 домовъ. По зимамъ всѣ они живутъ въ городѣ, а лѣтомъ у насъ по садамъ. Кромѣ того, у насъ много теперь дачниковъ изъ города. Каждый праздникъ, послѣ обѣдни, ужъ непремѣнно, человѣкъ 5—6 зайдетъ ко мнѣ и съ женами и съ дѣтишками напиться чаю и закусить.

— А тебя просятъ они къ себѣ?

— Недавно у Мац—на была имянинница жена, приглашали служить молебенъ, и я обѣдалъ тамъ.

— Стало быть, всѣ эти господа ходятъ къ тебѣ не изъ расположенія къ тебѣ, а только отдохнуть, послѣ обѣдни, да и подкрѣпиться? Можно поздравить тебя и съ дворянской дружбой!

— А недавно, такъ вице-губернаторъ Н—ковъ прислалъ раз-

сыльнаго сказать мнѣ, что онъ, на завтра, пріѣдетъ къ обѣдни, чтобъ я подождалъ его служить. У меня, на бѣду, ничего не было для закуски. Сейчасъ, въ ночь, въ городъ!.. Утромъ подождалъ съ часъ служить. Къ 10 часамъ пріѣхалъ онъ и съ женой, и съ дочерью. Послѣ обѣдни прямо ко мнѣ. Пока я въ церкви исправлялъ другія требы,—жена напоила ихъ чаемъ. Я пришелъ,—подалъ закуску. Предобрые люди! Дочь у нихъ уже невѣста, все разговаривала съ моей женой. Онъ и выпивалъ и закусывалъ безъ церемоніи. Славные, препростые люди!

— А тебя они просили къ себѣ?

— Ты выдумаешь!

— Значитъ тебя можно поздравить съ дружбой даже вице-губернатора!

Священникъ этотъ недавно померъ въ крайней бѣдности, оставивши огромные долги (конечно по состоянію священниковъ). Семейство его теперь въ самомъ жалкомъ состояніи,—это хуже всякихъ нищихъ. Когда жена его обратилась къ дворянамъ-прихожанамъ за помощью для погребенія, то никто не далъ ей ровно ничего; одни наобѣщали, а другіе, такъ или прямо отказали или запретили прислугѣ говорить, что они дома. Единственное лицо, которое оказало ей самую человѣколюбивую, христіанскую помощь,—такъ это преосвященный. Онъ такъ много помогъ ей, какъ не помогъ бы, по всей вѣроятности, ни одинъ преосвященный.

XXXIV.

На возвратномъ пути изъ города домой, намъ пришлось проѣзжать въ одномъ мѣстѣ, поздно вечеромъ, черезъ лѣсъ. Мѣсто это на границахъ двухъ уѣздовъ. Лѣсу была небольшая куртина, но лѣсъ крупный. Въѣзжаемъ мы въ лѣсъ, и вдругъ изъ кустовъ выскакиваютъ четыре человѣка съ дубинами и копьями.

— „Стой!“ закричали всѣ разомъ,—и одинъ бросился держать лошадей, а другой ухватился за кучера. Мы испугались до безпамятства.

— Вино есть у васъ? Кто вы?

— Я священникъ, говорю я, вина у меня нѣтъ.

— Попы пьютъ больше нашего. Слѣзай!

Жена моя, не помня себя, уцѣпилась за меня. Они начали хозяйничать: все перешвыряли, перемяли, искололи „щупами“, перепортили нашу одежду,—все, что было при насъ, и сказали: „вина нѣтъ, ступайте“!

Оказалось, что это были **кордонные**, какъ ихъ звали тогда. Это значило, что въ слѣдующемъ уѣздѣ былъ другой винный откупъ, а это были стражники, чтобы изъ того откупа, гдѣ вино дешевле, не перевозили въ другой.

Вспоминая этотъ случай, всегда говорю я: дай Господи многая лѣта батюшкѣ Государю, уничтожившему этотъ откупленный разбой!

Въ сентябрѣ мы опять получили отъ благочиннаго повѣстку явиться всѣмъ причтомъ, съ церковными документами, въ д. Ивановку, въ имѣніе Е. А. И. для представленія его преосвященству. Оказалось, что туда собрано было изъ шестнадцати селъ все духовенство. Насъ собралось тамъ 18 священниковъ, 16 діаконовъ и 38 причетниковъ,—цѣлый полкъ. Мы собрались за два дня до пріѣзда преосвященнаго. Преосвященный пріѣхалъ къ И—ой, какъ хорошій знакомый, отдохнуть на недѣльку отъ дѣлъ. Сюда же съѣхалось много помѣщиковъ, а еще болѣе барынь, изъ ближайшихъ селеній. Тутъ же былъ и пріятель мой Агафоновъ. Въ первый день по пріѣздѣ, преосвященный не принималъ насъ и потому мы потолпились у барскихъ воротъ недолго. На другой день, намъ было велѣно явиться въ 10 часовъ. Мы, конечно, явились; но на этотъ разъ пришлось потолпиться у воротъ подольше. Въ 12 часовъ уже преосвященный, идя съ хозяйкой дома и гостями изъ саду мимо насъ, велѣлъ явиться намъ въ 10 часовъ на завтра. Мы, разумѣется, стояли безъ шляпъ, но никто изъ сопровождавшихъ архіерея не снялъ фуражки и не кивнулъ намъ. Являемся на завтра: ввалили семьдесятъ человѣкъ и грянули, разомъ, въ ноги преосвященному. Мы заняли собой больше половины зала. Преосвященный, въ великолѣпной сѣрой атласной рясѣ и голубой камилавкѣ, сидѣлъ на диванѣ, хозяйка и гости—вдоль стѣнъ. При нашемъ входѣ не привсталъ никто и никто не кивнулъ намъ головой, какъ будто пришло, просто, стадо барановъ. Мы всѣ, обыкновеннымъ заве-

деннымъ порядкомъ, стали принимать благословеніе по одиночкѣ: подойдешь, поклонишься въ ноги, примешь благословеніе, опять поклонишься въ ноги и отойдешь. Преосвященный, сидя, по одиночкѣ благословилъ насъ и потомъ спрашиваетъ благочиннаго: кто изъ нихъ у тебя пьяница?

— У меня пьяницъ нѣтъ, ваше преосвященство!

Сидѣвшая тутъ барыня-мироносица, старуха К—ва:

— „Нѣтъ, ваше преосвященство! благочинный покрываетъ ихъ. Нашъ священникъ N. N. совсѣмъ спился! Вмѣсто того, чтобы созывать мужиковъ въ церковь, по воскресеньямъ, онъ созываетъ къ себѣ на помочь, и поитъ ихъ виномъ. Мнѣ не надо его, возьмите его отъ меня, куда хотите! Не надо мнѣ его, не надо, не надо"!.. И замахала руками.

— Я ваше преосвященство, дѣйствительно, прошлое воскресенье помочь собиралъ, но обѣдня у меня была. Я человѣкъ бѣдный; нанять работать мнѣ не на что, я и попросилъ добрыхъ людей. Я...

— Молчать! Отъ этого мѣста я тебя отрѣшаю. Ищи другой приходъ! пьяница! Какъ же ты, благочинный, говоришь, что у тебя нѣтъ пьяницъ? Ты съ ними вмѣстѣ пьянствуешь!

— Дѣйствительно, справедливо изволите сказать, ваше преосвященство, благочинный съ ними вмѣстѣ пьянствуетъ.

— Я ни водки, и даже никакого вина не пью совсѣмъ, ваше преосвященство.

— Молчать! Чтожъ ты думаешь, что я больше повѣрю тебѣ?

Егоръ Ѳеодоровичъ шепчетъ мнѣ: „коль не вѣритъ никому, такъ ужъ и сдѣлалъ бы К—ву благочиннихой надъ нами". N. N. подошелъ къ преосвященному, сталъ на колѣни: „ваше преосвященство! Помилуйте! У меня тутъ домъ"...

— Молчать, дуракъ! Вонъ пошелъ!

— Ваше преосвященство, (не вставая во все время съ колѣнъ), я человѣкъ бѣдный, у меня два сына въ семинаріи, я раззорюсь совсѣмъ, долженъ буду исключить дѣтей, они погибнутъ...

— Благочинный, отведи его прочь! Вы, господа, довольны своимъ причтомъ? Говорите. Если нѣтъ, такъ...

Всѣ, въ томъ числѣ и мой Агафоновъ, привстали: „довольны, ваше преосвященство, очень довольны"!

N. N. „Ваше преосвященство"!.. Но К—ва: „завтра же велю твой домъ снести съ моей земли! По бревешку велю раскидать. Прео-

священнѣйшій владыка отказать уже изволили тебѣ отъ нашего прихода; ты теперь уже не нашъ. Завтра же, чтобъ и духу твоего не было въ моемъ селѣ".

— Ваше преосвященство, помилуйте!

— Пошелъ вонъ! Священникъ села Р. К—ій! Сюда!

К—ій подошелъ къ столу, поклонился въ ноги и сталъ.

— Скажи: какія обязанности священника?

— Научать народъ вѣрѣ...

К—ва: „ну, ужъ нашъ попъ научитъ! Самъ мужиковъ поитъ виномъ по праздникамъ".

Тутъ его преосвященство перебралъ насъ всѣхъ, кромѣ, впрочемъ, меня, Егора Ѳеодоровича и благочиннаго. Сколько „дураковъ" мы получили тутъ отъ щедротъ его преосвященства, что не перечтешь и по пальцамъ! Что ни слово, то: „ну, дуракъ, дуракъ, дуракъ! И по рожѣ-то видно, что дуракъ"! Каждый подойдетъ къ столу, поклонится въ ноги, 5—10 получитъ „дураковъ", поклонится въ ноги за милостивое слово опять и отойдетъ. Начальникъ же нашъ, благочинный, получалъ по нѣскольку „дураковъ", послѣ каждаго, на загладочку: „дуракъ, дуракъ! И благочинный дуракъ, что даетъ тебѣ (въ формулярѣ) отмѣтку хорошую,—дуракъ и онъ". И это послѣ каждаго спрошеннаго. Такимъ образомъ если мы, 70 человѣкъ, получили по 7 „дураковъ", то нашъ о. благочинный удостоился получить ихъ семдесять разъ седмерицею.

Послѣ испытанія въ знаніяхъ догматовъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности, преосвященный сталъ заставлять, опять всѣхъ поодиночкѣ, пѣть по октоиху. И опять: поклонъ, дуракъ, поклонъ и—вонъ. Тутъ ужъ непремѣнно на каждую нотку сѣло по „дураку"!

— „Удивительно, какъ они всѣ глупѣютъ на должностяхъ! Вѣдь дуракъ на дуракѣ! Ступайте"!

Священникъ N. N. опять хотѣлъ, было, просить преосвященнаго, но онъ велѣлъ благочинному вывести его. Священникъ этотъ былъ крайне бѣдный и совершенно трезвый. Но чѣмъ-то, къ его горю, не угодилъ этой мироносицѣ,—и пропалъ. Переводъ въ другой приходъ раззорилъ его въ конецъ. Дома его барыня хотя и не раскидала, но онъ, все равно, проданъ за ничто.

Когда мы вышли, то къ намъ вышелъ помѣщикъ Влады-

кинъ. Онъ, смѣясь, похлопалъ по плечу своего священника и говоритъ: „а я, N. N. хотѣлъ, было, сказать владыкѣ и про тебя, что ты много пьешь“.

— Ну, хорошо: меня архіерей вывелъ бы;—съ кѣмъ же ты-то сталъ бы пить-то тогда?

— Ха, ха, ха! Заѣзжай ко мнѣ. Я сейчасъ ѣду домой.

Преосвященный нашъ, вообще, безпорядковъ не терпѣлъ. Каѳедральный соборъ нашъ имѣетъ высокое входное крыльцо, и такой же, въ самомъ храмѣ, высокій амвонъ. Однажды, осенью, была изморозь и все покрылось ледяной корой. Въ одинъ изъ такихъ дней, преосвященный долженъ былъ служить литургію въ соборѣ. Ледъ, на входномъ крыльцѣ, хотя и былъ счищенъ, но падающій постоянно дождь мерзъ и покрывалъ все новымъ слоемъ льда. Сторожа, не знаю почему,—можетъ быть потому, что поздно спохватились и поздно уже было бѣжать къ себѣ за пескомъ, а можетъ быть, просто, почитая, что все равно, чѣмъ ни посыпь,—но только и посыпь ступеньки золой. Преосвященный вошелъ въ соборъ и тотчасъ же поставилъ ключаря на амвонѣ, предъ иконой Спасителя, въ виду всего народа, на колѣна.

Въ другой разъ, преосвященный награждалъ одного священника набедренникомъ. Во время накладыванія, у набедренника и оторвись лента. Преосвященный: „ключарь! Это что! Пошелъ на колѣни“!

И ключарь пошелъ опять на знакомое мѣстечко...

Ключарь былъ,—по лѣтамъ, старше преосвященнаго, изъ окончившихъ курсъ академіи, протоіерей и членъ консисторіи.

Я могъ бы представить десятки подобныхъ случаевъ, и — много-много покрупнѣе этихъ; но думаю, что для характеристики того времени довольно и этого немногаго. Вообще же этотъ періодъ епархіальнаго управленія есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, въ этомъ родѣ, въ нашемъ краѣ; но внести на страницы исторіи событія того времени, предоставлю моему потомству. Безслѣднымъ же для исторіи этотъ періодъ остаться не долженъ.

XXXV

Въ концѣ сентября я, по обыкновенію всего сельскаго духовенства, пошелъ по приходу собирать хлѣбомъ. Церковный сторожъ заложилъ мнѣ лошадь, растянулъ по всей телегѣ пологъ, положилъ нѣсколько мѣшковъ, и мы отправились. Вхожу въ первый дворъ, встрѣчаю хозяина и говорю: „не уродилъ ли Богъ хлѣбца какого и на мою долю“? Мужикъ скинулъ шапку, нехотя поглядѣлъ на меня; поглядѣвъ себѣ подъ ноги, надѣлъ шапку, сдѣлалъ шага два къ амбару, опять взглянулъ на меня и, нехотя, проговорилъ:

— Ты чѣмъ побираесся?

— Все равно, что есть.

— Можа ржи, ай овса?

— Все равно, что есть.

— То-то!

Я поблагодарилъ его и ушелъ. Безъ меня онъ вынесъ мнѣ полумѣрокъ ржи. Иду въ слѣдующій домъ. Вся семья сидитъ за столомъ. Я спрашиваю:

— Не уродилось ли хлѣбца какого нибудь и на мою долю?

Мужикъ положилъ ложку, рукавомъ утерся, почесалъ у себя за воротомъ, и спросилъ: ты рожью побираесся, ай еще чѣмъ?

— Что дашь, за то и спасибо; мнѣ все равно.

— А посудина своя, ай въ нашу?

— Я своей не ношу.

— Поди, хозяйка, дай ему!

Та пошла впереди меня, въ амбарѣ зачерпнула ковшъ ржи и вынесла. Въ третьемъ домѣ мужикъ заранѣе насыпалъ мѣру пшеницы, вынесъ за ворота и ждалъ меня. Мнѣ пришлось только благодарить его. Въ четвертомъ домѣ мужикъ что-то рубилъ. Я подошелъ и спросилъ: не уродилъ ли Богъ какого хлѣбца и на мою долю? Мужикъ поклонился. „Тебѣ хлѣбца? Новинки“? И опять сталъ рубить. Онъ рубитъ, а я стою. Отрубилъ, посмотрѣлъ на топоръ, поворочалъ его, воткнулъ въ отрубокъ и опять спросилъ: „тебѣ новинки штоль? Ты побираесся?“

— Побираюсь.

— Чево же тебѣ: ржи, аль еще чево?

— Все равно, чего нибудь, только, коль ужъ дашь, такъ поскорѣе, не мори.

— Да молоченнаго-то нѣтъ. Въ другò время приди, какъ помолотимся.

Иду дальше, спрашиваю.

— Хлѣбушка-то мало у самаго-то. Тѣмъ всѣмъ, и дьякону и помонарю и дьячку отказалъ. У самаго семья, чай знаешь, малъ-мала меньше, а вѣдь все всѣмъ надо хлѣба. А работникъ-то я вотъ весь тутъ. А осенью пастухъ упустилъ табунъ, последнее-то потравилъ. Теперь вотъ тутъ и живи, какъ знаешь.

— Коль у тебя самого мало, такъ и не нужно.

— Ну, ненужно! Не дать нельзя. Это я тѣмъ отказалъ, у тѣхъ шеи-то, какъ у быковъ, толсты; а тебѣ надо дать,—не дать нельзя, только на большомъ не взыщи. Одинъ дастъ немного, другой немного,—вотъ и прокормишься. Міръ—великъ человѣкъ. И въ писаніи сказано: съ міру по ниткѣ, голому рубашка. Курочка по немножку клюетъ, да сыта живетъ. Не дать нельзя. Много не дадимъ, а немного все ужъ дадимъ.

Я, обыкновенно, благодарилъ, и уходилъ прежде, чѣмъ мужикъ успѣвалъ выносить; но видѣлъ, что онъ вынесъ полрѣшетца.

Въ слѣдующемъ дворѣ мужикъ позвалъ меня въ амбаръ. „Вотъ, батюшка, смотри, сколько у меня всего хлѣбца-то“! Смотрю: въ углу насыпано всего мѣры три ржи и 5—6 мѣшковъ,—и только.

— Ну, Господь съ тобой, зачѣмъ же я буду брать у тебя послѣднее. Я не зналъ, что у тебя нѣтъ, а то я не зашелъ бы къ тебѣ.

— Нѣтъ, кормилецъ, не дать нельзя. Не взыщи, что мало, а не дать нельзя. Твоимъ лоткомъ я ужъ не разживусь. Господь даетъ на всѣхъ; вы наши молитвенники.

И вынесъ мнѣ въ рѣшетцѣ ржи. Одна старуха вынесла мнѣ фунта два „для матушки“ гороху; другая—фунта два, тоже „матушкѣ“ крупъ.

Съ пятаго двора со мной стали ходить, откуда-то взявшіеся, двое нищихъ. Придешь въ домъ, я спрошу себѣ, а они затянутъ: „Гос-по-ди Ису-се Хрис-те“... Мужикъ пойдетъ въ амбаръ, зацѣпитъ лотокъ ржи, перекрестится и всыпетъ въ суму; потомъ

вздохнетъ и начнетъ въ свое рѣшето насыпать мнѣ. Сколько я ни просилъ своихъ спутницъ идти или впереди меня, или назади, но они: „всѣ, кормилецъ, именемъ Христовымъ живемъ: подадутъ и намъ, подадутъ и тебѣ. Мы твоего не возьмемъ". Я нарочито постою, подожду, чтобы они прошли впередъ, а они увидятъ, что остановился, и сами остановятся. Вѣроятно ходить со мной имъ было выгоднѣе. А въ одной деревнѣ ко мнѣ пристала цыганка. Изъ двора во дворъ, нога-въ ногу, такъ-таки и прошла со мной всю деревню. Я оборочусь къ ней: да отстань ты, сдѣлай милость, или иди впереди!

— Эхъ, отецъ духовный! Всѣ на мірской шеѣ сидимъ! Наши отцы и дѣды не работали, и намъ не велѣли; да и ваши, тоже! Православные прокормятъ всѣхъ. Для цыганки мужичекъ въ амбаръ не пойдетъ; дастъ кусочекъ, да и только; а съ вами-то я и пшенца ребенку выпрошу, и мучки на лапшицу.

Такъ-таки и не отстала.

Входишь, иногда, въ домъ зажиточнаго крестьянина: спросишь, по обыкновенію; онъ, не торопясь, спроситъ чѣмъ я побираюсь, пойдетъ въ избу за ключемъ, минутъ пять пропадаетъ тамъ, подойдетъ къ бочкѣ напиться, слазитъ на навѣсъ за сѣномъ и отнесетъ въ конюшню и потомъ пойдетъ въ дальній за деревню амбаръ. Онъ ушелъ, а ты стоишь и томишься отъ грусти и досады и не знаешь, куда дѣваться. Стоишь иногда 15—20 минутъ,—сердце ноетъ, ждешь—не дождешся конца этой тоски, теряется всякое терпѣніе и, наконецъ, видишь, что тебѣ несутъ полрѣшетца ржицы... Увидишь это и отъ досады, кажется, провалился бы. Нехотя поклонишься, и пойдешь въ слѣдующій дворъ. Но здѣсь, иногда, мужичекъ, несравненно бѣднѣйшій, давно уже припасъ тебѣ большое лукошко или мѣру пшеницы и ждетъ тебя. Предъ этимъ крестьяниномъ, на оборотъ, становится какъ-то уже не ловко, стыдно и ты не находишь словъ благодарить его; 5—6 разъ скажешь ему спасибо и 5—6 разъ поклонишься ему.

Таковъ былъ мой сборъ хлѣбомъ на первый годъ моего священства, таковъ онъ и до сего дне, 1880-го года, у каждаго сельскаго священника.

Надобно быть сельскимъ священникомъ, надобно испытать, чтобы понять то невыносимо-тяжелое, то убивающее душу состояніе, ту тоску, ту горечь, то униженіе, то леденящее кровь

и жгущее сердце отчаяніе, ту одуряющую злобу, какія испытываетъ собирающій хлѣбомъ священникъ! Человѣкъ, не испытавшій этого на себѣ, понять этого не можетъ. Даже я,—видѣвшій сборы хлѣбомъ моего отца, дѣда и другихъ,—не понималъ этого вполнѣ. И понялъ ихъ вотъ только тутъ,—когда пришлось собирать самому. Много разъ я видѣлъ глубокіе вздохи моего родителя, какъ только зайдетъ рѣчь о сборахъ. „Охъ ужъ эти сборы“, говаривалъ, бывало, мой батюшка и при этомъ тяжело всей грудью, вздохнетъ, покойный; но я не понималъ этихъ вздоховъ. Теперь эти вздохи я понялъ. Теперь я понялъ какихъ нравственныхъ жертвъ стоило ему наше воспитаніе!..

Всякому нищему его нищенство должно быть несравненно сноснѣе, чѣмъ намъ наше нищенство,—сборы хлѣбомъ, потому что между нами и нищими, и въ умственномъ и въ нравственномъ состояніяхъ, лежитъ цѣлая пропасть. Я давно священникомъ, уже состарѣлся, давно бы пора, кажется, съ нищенствомъ свыкнуться; но, однакоже, за всѣмъ тѣмъ,—не дней, а нѣсколько мѣсяцевъ нужно бываетъ всегда, чтобы изгладить то гнетущее чувство, которое ложится тяжелымъ камнемъ на мою душу послѣ сбора.

Но если эти средства къ нашему существованію невыносимы намъ,—намъ, видѣвшимъ примѣры въ отцахъ и дѣдахъ нашихъ и во всемъ родѣ нашемъ, и свыкшимся съ насмѣшками, униженіемъ и нуждой отъ колыбели; то какъ стали бы переносить это все тѣ, которые поступили бы въ нашу среду изъ свѣтскихъ сословій,—я не могу даже и представить.

Люди, не испытавшіе на себѣ нашего состоянія, люди свѣтскіе, вполнѣ не поймутъ насъ,—это неопровержимо. И если они и знаютъ наше состояніе, то знаютъ одну только небольшую его частицу. Но и эта небольшая его частица настолько, вѣроятно, красива, что изъ свѣтскихъ сословій въ духовное званіе нейдетъ никто. При всѣхъ льготахъ и преимуществахъ, данныхъ ученикамъ гимназій предъ учениками семинаріи,—въ духовныя академіи нейдетъ никто изъ гимназистовъ. Мало того, даже изъ собственной-то среды нашей всѣ лучшія молодыя силы бѣгутъ отъ насъ. Свѣтскія учебныя заведенія переполнены и безпрестанно открываются новыя; наши же пустѣютъ и закрываются. Лучшія наши силы идутъ въ гимназіи и университеты,—въ семи-

харіи же идутъ худшія, или тѣ, у которыхъ уже рѣшительно нѣтъ средствъ пробить себѣ дорогу. Это не случайность!..

Иногда, послѣ таскания по дворамъ на рождество, крещенье и пасху, и послѣ сбора хлѣбомъ, ходишь, какъ безумный: чувствуешь себя совершенно, и нравственно и физически, убитымъ, какимъ-то уничтоженнымъ; а тутъ—одинъ кричитъ: нашъ попъ глупъ, совсѣмъ читаетъ мало; баринъ глубокомысленно подтверждаетъ, что попъ дѣйствительно глупъ, что не можетъ даже различить крымки отъ новой породы и что отъ него, вообще, пахнетъ мужикомъ; барыня восклицаетъ, что попъ необразованъ, что онъ не имѣетъ понятія о дамскихъ уборахъ; статистики и вообще сборщики „свѣдѣній" изъ столицъ или губернскаго города печатно доносятъ, что духовенство отстало, не интересуется наукой и не дѣлаетъ наблюденій; консисторія неустанно, по обыкновенію, дѣлаетъ выговоры за недоставленіе статистическихъ и другихъ свѣдѣній. Смѣхъ и горе разбираетъ, смотря на всѣ такія требованія, и думаешь: эхъ, други наши милы! Посадилъ бы васъ, хоть только на полгодика туда, гдѣ мы, такъ изъ васъ не осталось бы вполовину и того, что мы теперь! Мы увѣрены, что только упругая, до крайности выносливая натура, выросшая въ преданіяхъ многихъ поколѣній, можетъ выносить ту нужду и тѣ униженія, какія выносимъ мы!

XXXVI.

Если такъ непригляднa жизнь сельскаго священника, то какова же должна быть жизнь псаломщика, т. е. молодаго человѣка, окончившаго курсъ въ семинаріи и поступившаго въ псаломщики, или попросту, въ пономари?! Прихожане священника, отчасти, уважаютъ, а отчасти и боятся, а поэтому, хоть на первый разъ, какую нибудь квартиру ему все-таки дадутъ; псаломщику же нигдѣ и никто квартиры не дастъ. Будь онъ хоть магистръ академіи, а для прихожанъ онъ есть, все-таки, тотъ же пономарь.

Одинъ изъ преосвященныхъ имѣлъ обыкновеніе, при обозрѣніи епархіи, брать съ собой одного изъ иподіаконовъ и сажалъ его съ собой въ карету. Иподіаконъ этотъ, теперь уже давно

священникъ, былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ семинаріи, молодецъ собой, скромный, очень умный и солидный мужчина. Въ одну изъ поѣздокъ по епархіи, преосвященный заѣхалъ въ деревню къ своему хорошему знакомому, предводителю дворянства. Сюда же пріѣхалъ, какъ благочинный, и тоже, какъ хорошій знакомый хозяину, и я. У предводителя жилъ въ это время, какъ на дачѣ, его знакомый, одинъ изъ мельчайшихъ чиновниковъ съ женой и дѣвицей свояченой. Мы всѣ— хозяинъ, преосвященный, приказный, его жена, свояченица и я,— сидѣли въ залѣ и гостиной, а иподіаконъ въ передней; мы сѣли обѣдать, а его попросили въ особый флигель; вечеромъ мы пили чай въ гостиной, а ему подали въ переднюю. Иподіаконъ обидѣлся, ушелъ въ архіерейскую карету и два дня, пока былъ тутъ преосвященный, не выходилъ оттуда, продовольствуясь своимъ дорожнымъ запасомъ. Такъ смотрятъ не на псаломщика, но даже на иподіакона, представители дворянства! Чего же ждать хорошаго отъ мужика? Въ приходѣ псаломщику не дадутъ ровно никакого пособія, на него даже и не обратятъ вниманія. И этотъ несчастный юноша долженъ будетъ пріютиться въ мужицкой семьѣ и жить съ нею въ одной избѣ. Онъ, холостой и одинокій, долженъ будетъ жить въ семьѣ, гдѣ, можетъ быть, и даже навѣрное, пьяница мужикъ, дурнаго поведенія его жена, а еще хуже того, остальные члены семьи. А почему я говорю: „навѣрное“, — такъ это мнѣ хорошо извѣстно, что скромные и трудолюбивые крестьяне не любятъ, чтобъ въ ихъ домахъ жили посторонніе люди. Въ той же избѣ будутъ, неизбѣжно, телята, ягнята, свиньи, по колѣно солома и грязь и невыразимо тяжелый воздухъ; ему негдѣ ни сѣсть, ни прилечь: ни книжки, чтобъ отвести душу, ни человѣка, чтобы промолвить словечко! Остальные члены причта, если они только есть, можетъ быть будутъ, и что всего вѣроятнѣе, нетрезвой жизни, или поглощенные житейскими и самыми мелочными заботами о средствахъ къ своему существованію. А при такой обстановкѣ достаточно, кажется, какого нибудь только полугода, чтобъ сгибнуть на вѣкъ. Счастье его, если священникъ самъ будетъ человѣкъ хорошій; а если нѣтъ?! Если священникъ будетъ таскать его съ собой всюду и вредно вліять на него своимъ примѣромъ,—тогда что?.. Молодой человѣкъ пропалъ невозвратно. Жениться онъ не можетъ,—у него нѣтъ средствъ къ жизни; завести свой домиш-

ко не можетъ, какъ по неимѣнію къ тому средствъ, такъ и потому, что въ приходѣ онъ человѣкъ временный, только и думающій о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой тины. Читать и пѣть громко, на всю церковь, безъ отдыху два-три часа, зимою на сквозномъ вѣтру и морозѣ,—нужна грудь крѣпкая, и именно пономарская, физически развитая и не надорванная школьными занятіями. Грудь же „ученаго псаломщика“ для такой работы уже не годится. Мнѣ лично извѣстны два псаломщика въ губернскихъ городахъ, которые читаютъ и поютъ безостановочно въ утреню и обѣдню изъ всѣхъ своихъ силъ, надрываютъ свою грудь и, послѣ каждой службы, чувствуютъ совершенное изнуреніе силъ; службы же въ постъ не выдерживаютъ совсѣмъ ни тотъ, ни другой и болѣютъ подолгу. И по причинѣ болѣзни нанимаютъ отъ себя кого случится. Сельскаго же псаломщика средства таковы, что онъ, придя изъ церкви зимой въ свою вонючую кануру, не можетъ отогрѣть своихъ передрогшихъ внутренностей и стаканомъ чаю.

Вслѣдствіе такого положенія псаломщиковъ и вышло то, что какъ только получилось распоряженіе, чтобы ученики, окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, поступали въ псаломщики и были тамъ до тридцатилѣтняго возраста, то многіе священники тотчасъ взяли дѣтей своихъ изъ семинарій и помѣстили ихъ въ свѣтскія заведенія. Священники эти горькимъ опытомъ дознали, что дѣтямъ ихъ лучше идти въ солдаты, чѣмъ въ пономари и не пустили ихъ. Священниковъ этихъ нельзя никакъ обвинять въ маловѣріи или безразличномъ отношеніи къ интересамъ вѣры; нѣтъ, они, можетъ быть, болѣе даже религіозны, чѣмъ тѣ, у коихъ дѣти и теперь обучаются въ семинаріяхъ. На явленіе это нельзя не обратить вниманія: сельскіе священники, для которыхъ невыносимо таскаться по дворамъ и вымаливать себѣ и дѣтямъ пропитаніе,—дѣтей своихъ помѣстили въ гимназіи; благочинные,—преимущественно—въ гимназіи; городскіе священники,—безъ исключенія почти—въ гимназіи; ректоръ С-ской семинаріи—сынъ въ гимназіи; кладезь духовнаго просвѣщенія, с. п. б. академія, — сынъ о. ректора обучился въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Все это что нибудь да значитъ... Нѣтъ сомнѣнія, что отъ свѣтскаго званія они не ожидаютъ для дѣтей своихъ непремѣнно хоро-

шаго; нѣтъ, они предпочитаютъ чужое, неизвѣстное — своему. слишкомъ хорошо извѣстному и—тяжелому.

Въ самомъ дѣлѣ: самая обыкновенная у насъ кухарка, ничего несмыслящая деревенская баба, получаетъ 3—4 р. въ мѣсяцъ жалованья, имѣетъ при этомъ помѣщеніе, столъ, чай. кофе и праздничные подарки; послѣдній самый мужикъ-работникъ получаетъ 50—60 р. въ лѣто, и опять имѣетъ помѣщеніе, столъ и водочныя подачки. Псаломщикъ же пономарь получаетъ 2 р. въ мѣсяцъ жалованья [1]), и пущенъ на произволъ судьбы: жить, гдѣ примутъ и ѣсть, что соберетъ по міру... Слово это выговаривается легко; но попробуй выполнить его! Возьми суму и иди... Пономарю подаютъ часто лотками, запрягать лошади, иногда, нѣтъ и надобности, и не стоитъ, и онъ, дѣйствительно, возметъ мѣшокъ и идетъ. Подали лотокъ—два, всыпалъ, взвалилъ на плечо и дальше. То, однакожъ, что подаютъ лотками,—еще сносно; но невыносимо униженіе: ходить съ мѣшкомъ на плечѣ, просить и стоять передъ каждымъ мужикомъ и бабой, и получить лотокъ. При этомъ дѣло очень обыкновенное, что часто и въ лоткѣ-то тказываютъ. И опять необходимо замѣтить, что пономарю подается хлѣбъ самый худшій, и часто, просто, ухвостье. Я не говорю, что всѣ приходы, именно, таковы; напротивъ, есть приходы. гдѣ 1/4 дворовъ подастъ и по мѣрѣ, но большинство все-таки таково, и, значитъ, походи да покланяйся. Тутъ, батюшка вы мой, всякіе стоики и всякіе Муціи повѣсятъ голову и не поможетъ вамъ никакой классицизмъ, какъ бы вы въ семинаріи не долбили его!

Я предполагаю, что многіе изъ моихъ читателей осудятъ меня за рѣзкость выраженій и заподозрятъ меня въ желаніи отвратить отъ поступленія въ духовное званіе. Отвращать отъ духовнаго званія я совсѣмъ не имѣю намѣренія. Я самъ священникъ и всей душой люблю свое званіе, и именно потому, что въ немъ есть стороны, незамѣнимыя въ мірѣ: частая молитва и служеніе литургіи. Это, и именно только это, поддерживаетъ упадшій духъ и надежду на милость Божію. Я выставляю на видъ только матеріальныя средства къ содержанію и отношеніе духовенства къ обще-

[1]) Изъ этихъ 2 р. удерживается 2 к. въ пенсіонный капиталъ, но пенсія псаломщикамъ не полагается. **Сельскій Священникъ.**

ству. Осудятъ за рѣзкость выраженій? Но я не сказалъ еще и сотой доли того, что есть на самомъ дѣлѣ и ничего нѣтъ легче, какъ осуждать и судить... Но думаю при этомъ, что осудитъ меня только тотъ, кто не имѣетъ и понятія ни о холодѣ, ни о голодѣ и тѣмъ менѣе объ униженіяхъ. Мы попросили бы такихъ господъ прежде испытать то, что терпимъ мы, тогда уже и осуждать...

Но вѣдь есть же священники, которые живутъ не только безбѣдно, но имѣютъ и достаточные капиталы въ банкахъ? Есть. Я представлю три-четыре примѣра образцика лицъ, очень коротко мнѣ лично извѣстныхъ, по нимъ можно будетъ судить и объ остальныхъ.

Покойный о. протоіерей города К. былъ миссіонеромъ. Для собесѣдованія съ раскольниками онъ разъѣзжалъ всегда лѣтомъ, въ рабочую пору. Однажды, пріѣзжаетъ онъ съ исправникомъ въ одно большое раскольничье село и созываетъ всѣхъ крестьянъ для собесѣдованій. Взъѣзжій домъ, гдѣ они остановились, состоялъ изъ двухъ избъ, раздѣленныхъ общими сѣнями. Въ передней помѣстился исправникъ, а въ задней о. протоіерей. Каждаго мужика и каждую бабу призываетъ къ себѣ исправникъ и начинаетъ пороть. Натѣшившись досыта, онъ посылаетъ къ о. протоіерею на увѣщанія. О. протоіерей: „тебя, кажется, другъ мой, оскорбили? Жаль мнѣ тебя, другъ мой, жаль! Ты подпишись, что желаешь быть православнымъ, а тамъ, Господь съ тобой, живи, какъ знаешь, а начальство оскорблять тебя не будетъ. А за то, что я защищу тебя, дай мнѣ рублишко". Такъ, и другой, и третій, и сотый, и восьмисотый... Раскольники не спорили ни изъ-за подписокъ, ни изъ-за рублишекъ. Послѣ исправникъ, своимъ порядкомъ, взялъ по 3 р. съ рыла. И гг. миссіонеры отправились дальше.

Мѣстный священникъ доноситъ потомъ, что его раскольники и не думали быть православными,—что они живутъ такъ, какъ жили прежде.

Пріѣзжаетъ къ священнику о. протоіерей: „я въ трое сутокъ успѣлъ внушить раскольникамъ объ ихъ заблужденіяхъ; а ты, отецъ, живешь здѣсь весь свой вѣкъ и не умѣешь вести дѣла. Я донесу преосвященному, что ты вреденъ здѣсь, чтобъ онъ перевелъ тебя въ худшій приходъ".

И несчастный священникъ даетъ о. миссіонеру цѣлые десятки рублей, чтобы только, по доносу его, не сдѣлаться нищимъ.

Черезъ годъ о. протоіерей пріѣзжаетъ снова съ исправникомъ и обращается съ крестьянами, не какъ уже съ раскольниками, а какъ съ православными, отпадшими въ расколъ, и передрали и ободрали ихъ несчастныхъ еще безсовѣстнѣе.

Случился, однакожъ, одинъ казусъ и съ о. протоіереемъ,— и секретарь его преосвященства слупилъ съ него 4,000 р. По смерти о. протоіерея осталось, говорили тогда, до 80 т.

О. протоіерей города N былъ тоже миссіонеромъ и спуску ни раскольникамъ и ни священникамъ не давалъ. Человѣкъ вдовый и одинокій, живетъ онъ не только черно̀, но и грязно. Это своего рода Плюшкинъ. Ѣстъ, непремѣнно, каждый день только рѣдьку и панихидные бублики. Сохрани Богъ, если дьячекъ обдѣлитъ его хоть полбулочкой, — заѣстъ! Онъ имѣетъ въ банкѣ до 56 т., только въ одномъ, но предполагаютъ, что есть деньги и еще гдѣ нибудь.

Третій о. протоіерей, членъ консисторіи и миссіонеръ. Онъ хотя былъ и съ академическимъ образованіемъ, но съ сектантами не могъ сказать и десяти словъ. За то онъ хорошо зналъ статьи закона, по которой сектанты обязаны были, по требованію полиціи, являться въ консисторію на увѣщанія. Явятся и молокане, и поповцы, и безпоповцы, и хлысты и всякій подобный людъ и усядутся на улицѣ, около консисторіи, по стѣнкамъ, по ступенькамъ уличнаго крыльца, на дворѣ консисторіи, въ передней,— и сидятъ день, два, недѣлю, другую, третью,—сидятъ, а на увѣщанія въ консисторію не зовутъ. Сидятъ, и имъ, какъ страдальцамъ за вѣру, приношенія отъ ихъ единовѣрцевъ со всѣхъ сторонъ. Въ толпѣ этой можно было видѣть и просто мужиковъ, и бабъ, и лицъ съ весьма приличною наружностью. На эту толпу неподвижно сидящаго народа, изо-дня въ день, нельзя было не обратить вниманія всякому,—всякому бросались они въ глаза невольно. Спросите любаго изъ толпы этой, что это за народъ, кто они, и вамъ отвѣтятъ: „Страдаемъ за вѣру. Сидимъ вотъ здѣсь уже недѣлю, а въ полѣ, чай, выбило вѣтромъ послѣдній хлѣбишко!“ Сидятъ, наконецъ, выдутъ изъ терпѣнія, пойдутъ къ о. миссіонеру, поклонятся, и онъ отпуститъ ихъ.

Иногда дѣло это дѣлалось проще: всѣ увѣщаемые посылались на берегъ Волги на поденщину. И полягутся у стѣнокъ заборовъ, посядутся по тумбочкамъ взвоза (почему-то ихъ часто можно было видѣть тамъ, гдѣ семинарская больница),—и сидятъ цѣлый день. Одновѣрцы принесутъ имъ поденную плату, вечеромъ отнесутъ ее о. миссіонеру, а на утро опять полягутся у заборовъ. Всякому проходящему объясняли они, что они: „стра-да-ютъ за вѣ-ру.“ Нѣкоторые просили милостыню, протягивали руки и вопили: „стра-даль-цамъ за вѣ-ру Хрис-то-ву по-дай-те!“

Этотъ же о. протоіерей былъ и экзаменаторомъ дьячковъ, предъ посвященіемъ въ стихарь. Въ дьячки и пономари поступали ученики, большею частію, по лѣности, неспособности и за дурное поведеніе исключенные изъ училищъ. Ихъ назначали въ приходъ; въ теченіе года они должны были выучиться хорошо читать по славянски, пѣть на гласы и по нотамъ и выучить краткій катихизисъ. Носить стихарь они не имѣли права; для этого они чрезъ годъ должны были явиться къ преосвященному и подать прошеніе о посвященіи ихъ въ стихарь. Преосвященный, обыкновенно, на прошеніи надписывалъ: „Къ экзаменатору“. Получившій хорошую отмѣтку экзаменатора посвящался въ стихарь; получившій же неудовлетворительную посылался въ приходъ на годъ снова. Какъ понудительная мѣра къ изученію требуемыхъ предметовъ, не посвященнымъ въ стихарь не дозволялось жениться. Иной въ приходѣ только и знаетъ, что шляется по кабакамъ, да по крестинамъ, рожа расползется, какъ у быка; другой изо-дня въ день гнетъ спину надъ сохой, да съ цѣпомъ, и ни тому, ни другому катихизисъ во весь годъ не придетъ и въ голову. И ѣздятъ такіе къ преосвященному лѣтъ пять-шесть, и ѣздить бы имъ весь вѣкъ, еслибъ не жалѣлъ ихъ о. экзаменаторъ! Не ѣздить же нельзя, и указъ давался только на одинъ годъ, да и не дозволялось жениться. Пріѣзжаетъ однажды, изъ-за Волги, пономарь с. Большой Глушицы, верстъ изъ-за 400, Өедоръ Иргизовъ, приходитъ къ экзаменатору, тотъ спросилъ что-то, и говоритъ: „плохо, плохо! поучи и явись черезъ годъ“. Иргизовъ вынимаетъ серебряный рубль и кладетъ на столъ. О. экзаменаторъ, не глядя, взялъ его, тутъ же подсунулъ подъ салфетку и пошелъ въ другую комнату, бормоча: „Еще, еще надо поучить, еще плохо!“ Ушелъ, давая возможность Иргизову вынуть изъ кошелька еще рублишко. Ирги-

зовъ на пальчикахъ подбѣжалъ къ столу и вытащилъ изъ-подъ салфетки свой рубль. Входитъ экзаменаторъ. Иргизовъ: „ваше высокопреподобіе! Сдѣлайте милость!“ И кладетъ на столъ рубль. Экзаменаторъ опять, не глядя, взялъ, положилъ подъ салфетку и пошелъ: „еще надо поучить, плохо, плохо!“ Иргизовъ стянулъ рубль опять. Входитъ о. экзаменаторъ, онъ кладетъ его опять: „Ну, давай дѣло! Жаль тебя, далеко ѣздить-то тебѣ.“ И далъ хорошую отмѣтку.

Такъ наживали деньги люди должностные.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе будетъ).

СТАНИСЛАВЪ РОМАНОВИЧЪ ЛЕПАРСКІЙ,

комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ

съ 1826 по 1837 годъ [1])

24-го іюля 1826 года бывшій командиръ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, генералъ-маіоръ Лепарскій получилъ въ городѣ Курскѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣ сдачи полка новому командиру, письмо отъ начальника главнаго штаба барона Дибича, слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Станиславъ Романовичъ. Государь императоръ, полагаясь въ полной мѣрѣ на правоту вашего превосходительства, строгія правила чести и преданность вашу престолу, намѣренъ ввѣрить вамъ, весьма важный, особенно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, постъ коменданта въ Нерчинскѣ, ибо государственные преступники, требующіе особеннаго, строгаго и благоразумнаго надзора, большею частію будутъ находиться на работахъ въ тамошнихъ рудникахъ,— мѣсто, представляющее вамъ случай обратить на себя особенное вниманіе государя императора и оправдать высочайшую довѣренность. При такомъ назначеніи на сіе мѣсто его величество соизволилъ опредѣлить вамъ жалованья по 8,000 р. и столовыя деньги по 2,000 р. въ годъ, и сверхъ того, вы можете надѣяться, что его величество уважитъ просьбу вашу о всемъ томъ, что признаетъ нужнымъ къ успокоенію вашему при семъ назначеніи»

«По сему его величеству угодно знать: согласно-ли ваше превосходительство принять сіе мѣсто? о чемъ прошу покорно, увѣдомить меня, съ симъ же фельдъегеремъ для доклада его величеству».

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Иванъ Дибичъ.

«Въ полковомъ штабѣ гренадерскаго, короля Прусскаго, полка. № 1253».

«17-го іюля 1826 г. Его превосходительству С. Р. Лепарскому»

---

[1]) Статья эта предшествуетъ собранію интересныхъ матеріаловъ, относящихся до Лепарскаго; они будутъ напечатаны въ «Руской Старинѣ». Ред.

На это письмо генералъ Лепарскій въ тотъ же день и съ тѣмъ же фельдъегеремъ послалъ отвѣтъ, слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Иванъ Ивановичъ. Въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 17-го іюля сего года за № 1253, сего числа ко мнѣ послѣдовавшемъ съ фельдъегеремъ, имѣю честь донести:

«Въ твердомъ находясь намѣреніи продолжать службу государю императору до смерти моей, или пока силы мои дозволятъ, я, повергаясь къ стопамъ его императорскаго величества, всеподданнѣйше поручаю себя высочайшему распоряженію, пріемля мѣсто коменданта въ Нерчинскѣ».

«Сколь я не считаю себя счастливымъ, видя обращенное на себя вниманіе государя императора, но страшусь только того, дозволятъ-ли малыя мои способности и пожилыя лѣта исполнить порученную обязанность съ такимъ успѣхомъ, какъ я желать долженъ».

«При семъ, основываясь на отзывѣ вашего превосходительства, обѣщающемъ высочайшее уваженіе къ просьбѣ моей, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить ваше превосходительство представить на благоусмотрѣніе августѣйшаго императора о крайнемъ стѣсненіи домашнихъ моихъ обстоятельствъ, требующихъ для уплаты моихъ долговъ и устроенія дѣлъ, по случаю удаленія моего изъ здѣшняго края, исходатайствовать у его величества отпуска, кромѣ путевыхъ издержекъ, двадцати пяти тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы таковая сумма ежегодно пополнялась третью частью изъ назначенныхъ мнѣ жалованья и столовыхъ денегъ».

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. Станиславъ Лепарскій».
Іюля 24-го 1826 года. г. Курскъ.

Такимъ образомъ состоялось назначеніе генерала Лепарскаго комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ, куда были сосланы лица, осужденныя по мятежу 14 декабря 1825 года и которымъ присвоено обычаемъ названіе декабристовъ.

Оцѣнка личности генерала Лепарскаго мѣтко и правильно выражена въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Муравьевой, отъ 7-го декабря 1828 года (неизвѣстно кѣмъ это письмо послано, вѣроятно: Екатериной Ѳедоровной Муравьевой).

«Si le général Leparsky se rappele encore de moi, presente lui mes respects et l'hommage de l'estime, que tout le public lui accorde de savoir dans une place aussi delicate et penible allier la rigueur de ses devoirs avec le cri de l'humanité».

Е. Ѳ. Муравьева отвѣчала:

«Le general te fait dire, qu'il est très sensible au souvenir, que tu lui temoigne dans ma lettre et qu'il t'aurait remercié lui-même,

s'il ne craignait de reveiller en toi des souvenirs penibles, par une lettre dattée de Juma».

Въ 1876-мъ году, 4-го апрѣля, умеръ родной племянникъ Нерчинскаго коменданта отставной генералъ-лейтенантъ Осипъ Адамовичъ Лепарскій, который 12 лѣтъ пробылъ въ Сибири, состоя плацъ-маіоромъ при своемъ дядѣ. Изъ оставшихся послѣ него семейныхъ бумагъ извлечены послѣдующія свѣдѣнія.

I.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій родомъ полякъ, изъ дворянъ Кіевской губерніи. Родился онъ въ 1754 году, въ Свирскомъ (?) уѣздѣ. Воспитывался онъ въ Полоцкой іезуитской школѣ и былъ для своего времени человѣкомъ вполнѣ образованнымъ, зналъ латынь и свободно выражался и писалъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ военную службу онъ поступилъ въ 1775 году, рядовымъ, по вольному найму, въ Каргопольскій карабинерный полкъ. 22-го сентября 1779 года онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ первый офицерскій чинъ. Большую часть военной службы онъ проходилъ въ Сѣверскомъ конно-егерьскомъ полку и участвовалъ, вмѣстѣ съ полкомъ, во всѣхъ военныхъ походахъ. Кромѣ обязанностей фронтоваго офицера, имъ исполнялись и особаго рода порученія; такъ, въ молодыхъ еще годахъ, ему было поручено вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что имя его съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ во всей арміи; въ 1808 году онъ исполнялъ должность (въ чинѣ подполковника) Ясскаго коменданта, гдѣ находилась въ то время главная квартира дѣйствующей арміи. Въ 1800 году онъ былъ назначенъ, также въ подполковническомъ чинѣ, командиромъ Сѣверскаго конно-егерьскаго полка, которымъ и прокомандовалъ до производства въ генералы 19-го марта 1826 года.

26-го ноября 1802 года маіору Лепарскому пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4-го класса, при высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ сказано, что военный орденъ ему жалуется, по постановленію думы, за мужество, оказанное при взятіи приступомъ города Измаила.

Командуя шестьнадцать лѣтъ Сѣверскимъ полкомъ, Лепарскій имѣлъ счастіе пользоваться особеннымъ благосклоннымъ вниманіемъ великаго князя Николая Павловича. Его высочество, состоя шефомъ Сѣверскаго полка, удостоивалъ его командира частною собственноручною перепиской и личными свиданіями, такъ какъ во время

смотровъ и инспекцій великій князь останавливался въ квартирѣ Лепарскаго. Изъ содержанія этой переписки видно, что великій князь, интересуясь не только фронтовою и служебною сторонами своего полка, но и всѣми подробностями и мелочами его внутренняго быта, имѣлъ полную возможность оцѣнить высокія качества чести, правоты и долга, которыми руководствовался въ своей жизни Станиславъ Романовичъ, и что, кромѣ того, Николай Павловичъ постоянно и неизмѣнно удостоивалъ его уваженіемъ и довѣріемъ. Сдѣлавшись императоромъ, государь Николай Павловичъ въ трудное и тяжелое начало своего царствованія, когда имъ глубоко чувствовалась потребность въ людяхъ, соединяющихъ непоколебимую преданность съ честнымъ пониманіемъ его цѣлей и намѣреній, вспомнилъ своего прежняго товарища по оружію и, назначивъ Лепарскаго комендантомъ Нерчинска, безъ сомнѣнія не могъ сдѣлать лучшаго выбора.

Прослуживъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ кавалерійскимъ солдатомъ, протянувъ тугую боевую лямку терпѣливо, Станиславъ Романовичъ пріобрѣлъ на старости лѣтъ видъ хмурый и угрюмый. Строгій и малосообщительный съ своими подчиненными, даже нѣсколько придирчивый ворчунъ въ требованіяхъ служебнаго дѣла, крайне ревнивый и взыскательный къ обязанностямъ чести офицеровъ, Станиставъ Романовичъ, при упорномъ непоколебимомъ исполненіи своего долга, могъ, въ тоже время, служить и образцомъ кротости, доброты и человѣколюбія. Въ продолженіи шестьнадцатилѣтняго командованія полкомъ ни одинъ рядовой его полка не былъ оштрафованъ или наказанъ „по суду", ни одинъ офицеръ не подвергся взысканію или непріятностямъ по службѣ. По выходѣ его изъ полка, всѣ офицеры, по подпискѣ, поднесли ему золотой кубокъ, на принятіе котораго послѣдовало соизволеніе государя. И Станиславъ Романовичъ до послѣдняго дня своей жизни не переставалъ интересоваться кавалерійскою службою; въ Сибири онъ велъ переписку съ своими бывшими полковыми сослуживцами, которые ему сообщали малѣйшія подробности изъ происшествій полковой жизни.

Въ должности коменданта Нерчинскихъ рудниковъ Лепарскій не былъ забытъ наградами и милостями государя. 14-го апрѣля 1829 года ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени; 22-го августа 1831 года—орденъ св. Владиміра 2-й степени; 15-го января 1832 года—аренда на 12 лѣтъ казенной мызы въ Курляндской губерніи—Фридрихлустъ и Фелдгофъ (которая впослѣдствіи переведена была на деньги, въ размѣрѣ 1,680 р. въ годъ); 1-го января 1833 года чинъ генералъ-лейтенанта.

30-го мая 1837 года, въ 1-мъ часу пополудни, Станислава Романовича поразилъ ударъ и ровно черезъ двадцать сутокъ, т. е. 17-го іюня, онъ въ томъ же самомъ часу тихо скончался на рукахъ своего племянника Осипа Адамовича. Станислава Романовича похоронили по православному обряду (онъ былъ католикъ) въ оградѣ церкви Св. Петра и Павла въ Петровскомъ соборѣ. Надъ его могилой поставленъ памятникъ: чугунный крестъ съ якоремъ.

Станиславъ Романовичъ прожилъ 84 года, въ томъ числѣ 62 въ военной службѣ и 56 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. Семьи у него не было и наслѣдства онъ не оставилъ.

II.

Назначеніе Лепарскаго комендантомъ Нерчинска было обставлено слѣдующими условіями: 1) плацъ-маіору, двумъ плацъ-адъютантамъ и лекарю приказано производить четвертное жалованье, и, сверхъ того, при опредѣленіи дать имъ слѣдующіе чины и выдать не въ зачетъ третное жалованье по четвертному окладу. 2) Послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы производить въ чины: плацъ-маіора до генералъ-маіорскаго, а плацъ-адъютантовъ до маіорскаго чина. 3) Тремъ писарямъ канцеляріи изъ кантонистовъ производить жалованье двойное по окладамъ писарей, одному—старшаго, а двумъ — младшаго и по положенію провіантъ и амуницію. 4) Назначеніе всѣхъ лицъ предоставить непосредственно усмотрѣнію коменданта, и для этого ему было выдано открытое предписаніе за подписью дежурнаго генерала главнаго штаба, причемъ лицъ, выбранныхъ комендантомъ и согласившихся на этотъ выборъ, мѣстное начальство обязывалось отправить въ то же время къ новому назначенію, не ожидая отданія въ приказѣ и донося только отъ себя своему начальству. Согласно этимъ правиламъ Станиславъ Романовичъ прежде всего пригласилъ на должность плацъ-маіора своего роднаго племянника Осипа Адамовича Лепарскаго, служившаго въ то время, въ чинѣ капитана, въ Сѣверскомъ полку. Въ пригласительномъ письмѣ къ племяннику, изъ Москвы, 25-го сентября 1826 года, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Бывъ назначеннымъ комендантомъ въ Нерчинскъ, соблюдаю по привязаяности моей къ тебѣ долгъ родства, дѣлаю тебѣ предложеніе принять тамъ мѣсто плацъ-маіора; ни мало не совѣтуя послѣдовать оному или нѣтъ, ибо ты въ такихъ лѣтахъ, что уже можешь располагать собою весьма зрѣло. Согласіе твое въ томъ мнѣ сдѣлаетъ удовольствіе, а противное тому не обратитъ къ тебѣ моего негодованія и не уменьшитъ моей привязанности». Перечисливъ затѣмъ всѣ вы-

годы новаго назначенія, онъ продолжаетъ: «Это выгоды; теперь обязанности: надо жить въ отдаленныхъ краяхъ безъ общества и находить только удовольствіе въ исполненіи долга службы. Непоколебимость вѣрности къ монарху и исполненіе правилъ по моей инструкціи, строгой и человѣколюбивой».

Передъ отправленіемъ къ новому назначенію, Станиславъ Романовичъ представился государю въ Москвѣ. Государь во время разговора одѣвался и ауденція продолжалась около часа. Станиславъ Романовичъ вышелъ очень взволнованнымъ и растроганнымъ, но въ чемъ заключались указанія, данныя ему Государемъ, неизвѣстно, потому что старикъ объ этомъ никому ничего не сообщалъ.

Государственные преступники по мятежу 14-го декабря 1825 года первоначально содержались, какъ извѣстно, въ Читинскомъ острогѣ; съ устройствомъ же для нихъ особой казармы они были переведены въ Петровскій заводъ въ 1830 году. Петровскій заводъ былъ избранъ центромъ комендантскаго управленія и сборнымъ пунктомъ для «декабристовъ» благодаря его климатическимъ условіямъ, потому что онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ горами и лѣсами, и густотѣ его населенія, что давало возможность правильно вести хозяйство для содержанія значительнаго числа людей. Всѣхъ жилыхъ домовъ въ Петровскомъ заводѣ было 368, изъ нихъ казенныхъ 14 и обывательскихъ 354. Жителей душъ обоего пола 2,035, въ томъ числѣ разнаго рода ссыльныхъ 483. При комендантѣ состояли одинъ плацъ-маіоръ, два плацъ-адъютанта, лекарь и 216 нижнихъ чиновъ и въ этомъ числѣ 3 писаря, 2 фельдшера и 12 казаковъ при 14-ти казачьихъ строевыхъ лошадяхъ. Всѣхъ государственныхъ преступниковъ съ 1826-го по 1838-й годъ въ разное время было прислано 87; изъ нихъ въ теченіи этого времени одинъ былъ отправленъ съ фельдъегеремъ обратно назадъ, 55 водворены на поселеніи, одинъ умеръ и затѣмъ въ 1838 году состояло на лицо 30. Въ числѣ ссыльныхъ было 10 женатыхъ, которыхъ въ мѣсто ссылки сопровождали ихъ семейства, а именно: кн. Трубецкой, Никита Муравьевъ, кн. Волконскій, Юшневскій, Нарышкинъ, фонъ-Визинъ, Давыдовъ, Анненковъ, Ивашевъ и баронъ А. Е. Розенъ. На постройку казармы и другихъ казенныхъ домовъ въ Петровскомъ заводѣ было ассигновано по смѣтѣ 47,251 руб. 18¼ коп., но изъ этихъ денегъ израсходовано только 33,689 руб. 83 коп. и такимъ образомъ противъ смѣты сдѣлано сбереженіе 13,561 руб. 35 коп. На содержаніе государственныхъ преступниковъ, на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ казармы съ 1827-го по 1838-й годъ было издержано казною 70,082 р. 51 к., слѣдовательно на каждый годъ среднимъ числомъ приходилось 6,371 р. 14 коп. Счетъ деньгамъ велся въ то время на ассигнаціи.

Съ переселеніемъ декабристовъ въ Петровскій заводъ комендантомъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) 17-го сентября 1830 г. за № 740 дана была строгая инструкція къ всегдашнему исполненію дежурному по карауламъ офицеру. 2) 4-го октября того же года за № 783 дана была инструкція относительно топки печей и предохранительныхъ мѣръ отъ пожаровъ. 3) 15-го октября 1831 года за № 718 дополнительная инструкція дежурнымъ по карауламъ офицерамъ, въ нѣкоторой степени ослабляющая строгость первоначальной. 4) 22-го іюля 1832 года указанъ порядокъ и сроки свиданій женатыхъ преступниковъ съ ихъ семействами. 5) въ спискѣ 21-го марта 1837 года указанъ очередной порядокъ исполненія государственными преступниками работъ и 6) въ спискѣ 26-го сентября 1836 года показано распредѣленіе государственныхъ преступниковъ въ казармѣ по отдѣленіямъ.

Этими данными и документами исчерпывается сторона офиціальныхъ отношеній коменданта къ декабристамъ.

III.

Здѣсь приходится упомянуть о тяжелой обязанности, выпавшей на долю Станислава Романовича при самомъ началѣ его дѣятельности на новомъ поприщѣ. Въ маѣ 1828 года нѣсколько человѣкъ изъ ссыльно-каторжныхъ, вознамѣрились, подъ предводительствомъ Сухинова, произвести, съ цѣлію набѣга открытое возстаніе въ Зарентуйскомъ рудникѣ, Нерчинскаго округа. Планъ Сухинова, какъ это слѣдствіемъ открылось, заключался въ томъ, чтобы захватить солдатскія ружья, порохъ, казну, овладѣть тюрьмами, рудниками и заводами и, присоединивъ къ себѣ каторжныхъ, ссыльныхъ рабочихъ и мѣстныхъ жителей, пробраться въ Читинскій заводъ и освободить тамъ государственныхъ преступниковъ. Заговоръ этотъ былъ открытъ чрезъ одного изъ участвовавшихъ въ немъ, и всѣ остальные соучастники заговора были преданы военно-уголовному суду. Высочайшимъ, за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, указомъ 13-го августа 1828 года, послѣдовавшимъ на имя коменданта, повелѣно было генералу Лепарскому исполнить по этому дѣлу приговоръ военнаго суда, по силѣ учрежденія § 7 о дѣйствующей арміи. Хотя Лепарскій въ значительной степени смягчилъ строгость приговора коммисіи военаго суда, тѣмъ не менѣе изъ числа обвиняемыхъ шестеро были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ (Иванъ Сухиновъ, Павелъ Голиковъ, Василій Бочаровъ, Федоръ Мартюковъ, Тимофей Непомнящій и Василій Михайловъ),—13 къ наказанію плетьми и трое оправданы (Веніаминъ Соловьевъ, Александръ Мозалевскій и

Константинъ Птицынъ). За два дня до исполненія приговора Сухиновъ повѣсился въ своей каморѣ.

Приговоръ суда былъ исполненъ 3-го декабря 1828 года.

Обращаясь затѣмъ къ характеру личныхъ отношеній Лепарскаго къ декабристамъ, слѣдуетъ, прежде всего, обратить вниманіе на заведенную имъ систему внутренняго хозяйства. Декабристы, принадлежа по рожденію и по воспитанію къ образованному классу общества, не могли, разумѣется, довольствоваться тѣми скудными средствами, которыя казна по положенію отпускаетъ на содержаніе ссыльно-каторжныхъ, а потому имъ пришлось оплачивать свое существованіе своими собственными средствами. Съ этою цѣлію они устроили артель на выборномъ началѣ. Содержаніе артели обходилось въ годъ 17,5 тысячъ рублей или, среднимъ числомъ, 250 руб. на человѣка. Артель управлялась выборными экономомъ, казначеемъ и библіотекаремъ. Она имѣла въ своемъ распоряженіи общую столовую, огородъ, садъ и аптеку. Больные пользовались безвозмездными услугами своего товарища Христіана Богдановича Вольфа, бывшаго штабъ-лекаря первой арміи. Для выходящаго изъ тюрьмы на поселеніе въ кассѣ артели всегда находилась сумма, необходимая для первоначальнаго обзаведенія и устройства.

Организовать такого рода артель было дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Декабристы по образованію и образу мыслей составляли однородную и тѣсно сплоченную группу людей, поставленныхъ въ одинаковое положеніе, но по родственнымъ связямъ, прошлому общественному положенію и по богатству они не подходили подъ одинъ уровень. Нѣкоторые изъ нихъ, весьма впрочемъ немногіе, получали цѣлые капиталы отъ своихъ родныхъ, другіе—болѣе или менѣе умѣренное вспомоществованіе, а 32 человѣка, т. е. почти половина всего общества, ровно ничего отъ родныхъ изъ Россіи не получали. Положеніе послѣднихъ было затруднительно въ особенности потому, что они никакъ не могли избавить себя отъ матеріальной поддержки своихъ товарищей, ибо, проживая постоянно въ запертой казармѣ, они конечно не могли личнымъ трудомъ себя одѣвать и себя прокармливать. Поэтому надо было Станиславу Романовичу обнаружить много такта и деликатности для того, чтобы удачно осуществить артельный порядокъ хозяйства, не оскорбляя бѣдныхъ и не навязывая богатымъ необходимость благодѣтельствовать своимъ товарищамъ. Для разрѣшенія этого щекотливаго вопроса Лепарскій предложилъ на обсужденіе общества два способа выхода изъ затрудненія: 1) или войти ему съ представленіемъ по начальству объ ассигнованіи суммы вспомоществованія изъ казны на содержаніе бѣдныхъ и неимущихъ,

2) или же содержать артель на общую складчину, ассигнуя для этой цѣли опредѣленный процентъ отъ всѣхъ поступающихъ денежныхъ получекъ, и дѣлая раскладку общей суммы, необходимой на содержаніе артели, между ея членами по ихъ личному усмотрѣнію. Первый изъ этихъ способовъ, по мнѣнію Лепарскаго, имѣлъ то важное неудобство, что разрѣшая представленное имъ затрудненіе далеко неудовлетворительно, онъ могъ вызвать стѣснительныя мѣры для богатыхъ и, преимущественно, для семейныхъ. Выборъ же втораго способа, при указанной постановкѣ вопроса, разрѣшалъ задачу вполнѣ удовлетворительно, ибо богатые, внося въ общую кассу извѣстную и весьма умѣренную сумму изъ своихъ достатковъ на содержаніе неимущихъ товарищей, не дѣлали, строго говоря, имъ никакого одолженія, а единственно, изъ чувства самосохраненія, платили за тѣ привиллегіи, которыми они пользовались не по буквѣ закона, а по духу терпимости и снисхожденія.

Съ 1827-го по 1838-й годъ декабристами было получено отъ своихъ родныхъ 354,758 руб. 95 коп., а ихъ женами—778,135 руб. 97 коп., всего—1.132,894 руб. 92 коп., кромѣ огромной массы посылокъ книгами и вещами. Изъ рапорта Лепарскаго генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, отъ 23-го марта 1833 года за № 306, видно, что относительно храненія и расходованія этихъ суммъ велась строгая отчетность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комендантскаго управленія и при участіи въ контролѣ лицъ, кому эти деньги присылались; что о всѣхъ распоряженіяхъ коменданта относительно устройства и внутренней жизни артели было доведено до свѣдѣнія высшаго правительства (равно какъ и вѣдомость о денежныхъ суммахъ была приложена къ тому рапорту), и со стороны высшаго начальства непослѣдовало никакихъ стѣснительныхъ для жизни декабристовъ и ихъ семействъ распоряженій. Наконецъ и мѣстное главное начальство края не оставляло этого дѣла безъ своего вмѣшательства, такъ что Лепарскому приходилось отписываться отъ разныхъ щекотливыхъ, по своему содержанію, запросовъ, напримѣръ, ему нужно было удостовѣрить мѣстнаго генералъ-губернатора, что декабристы не дѣлаютъ никакихъ займовъ между жителями заводскаго населенія и оплачиваютъ свои расходы наличными средствами.

Устраивая хозяйственный бытъ декабристовъ, первоначально въ Читинскомъ острогѣ, а потомъ въ Петровскомъ заводѣ, Лепарскій всѣми возможными способами старался облегчать участь изгнанниковъ, испрашивая для нихъ льготы и разнаго рода смягченія. При самомъ вступленіи въ отправленіе своей должности онъ вошелъ съ представленіемъ о томъ, не дозволено-ли будетъ больнымъ изъ ссыльно-каторжныхъ

снимать до ихъ выздоровленія кандалы, дабы этимъ содѣйствовать успѣху ихъ леченія. На это послѣдовало высочайшее соизволеніе. при чемъ Государь предоставилъ коменданту право распространить эту льготу и на тѣхъ здоровыхъ государственныхъ преступниковъ. которые своимъ добрымъ поведеніемъ заслуживаютъ одобреніе и право на облегченіе ихъ участи. Основываясь на такомъ указаніи, Лепарскій приказалъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ одновременно расковать, не дѣлая между ними никакихъ исключеній. Мѣру эту онъ привелъ въ исполненіе съ нѣкоторою торжественностію, въ первое же воскресенье послѣ полученія офиціальной бумаги. Въ новой лентѣ со звѣздой онъ явился къ обѣдни въ тюремную церковь и собравъ, послѣ молебна, всѣхъ государственныхъ преступниковъ въ общее зало, передалъ имъ на словахъ милость государя и приказалъ немедленно со всѣхъ снять желѣзные кандалы. По инструкціи всѣхъ государственныхъ преступниковъ предписано было употреблять въ рудничныя работы. Лепарскій по этому предмету также вошелъ съ представленіемъ, объясняя въ немъ, что онъ не признаетъ возможнымъ строго придерживаться указанія на этотъ счетъ инструкціи. такъ какъ многіе изъ государственныхъ преступниковъ по слабости здоровья, или отъ пожилыхъ лѣтъ, или же, наконецъ, и вслѣдствіи полученныхъ ими въ сраженіяхъ ранъ не въ состояніи переносить тягость каторжныхъ работъ. Ему отвѣтили, что онъ можетъ въ этомъ дѣлѣ поступать по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ de facto декабристы освободились отъ работъ, но чтобы соблюсти обрядность. устроили въ Петровскомъ заводѣ нѣсколько мельницъ въ саду казармы, куда по очередному списку преступники, въ сопровожденіи конвойныхъ, отправлялись на работу, хотя эту работу производили тѣ же конвойные, а ихъ спутники занимались садоводствомъ, огородничествомъ, или же просто прогулкой.

Что же касается до личныхъ отношеній Станислава Романовича къ декабристамъ, то нельзя не отдать справедливости глубокой и сердечной заботливости и попечительности старика къ своимъ несчастнымъ подчиненнымъ, и въ этой именно заботливости заключается начало симпатіи, которая, установившись однажды прочно между ними, не прекращалась до самой смерти старика. Строгій, угрюмый, несообщительный педантъ-служака, казалось бы, долженъ былъ внушать скорѣе страхъ, нежели любовь, но на самомъ дѣлѣ теплая о немъ память, какъ о великодушномъ и честномъ человѣкѣ, живетъ и до сего времени въ Сибири. Правда, онъ былъ строгъ и придирчивъ къ малѣйшимъ мелочамъ внѣшняго порядка, къ исполненію установленныхъ формальностей и обрядовъ, но, взамѣнъ того, онъ не

стѣснялъ свободы внутренней жизни, и въ своихъ формахъ былъ вѣжливъ, деликатенъ и мягокъ. Педантизмъ его характера рельефно обрисовывается въ его отношеніи къ племяннику, Осипу Адамовичу, который постоянно при немъ находился, какъ въ полку, такъ и въ Сибири. Дядя горячо любилъ племянника, какъ родного сына, и, разумѣется, пользовался обратною взаимностію. Но за всѣ упущенія, неисправности и безпорядки, происходившіе въ заводѣ, Осипъ Адамовичъ являлся единственнымъ отвѣтчикомъ и получалъ отъ строгаго начальника выговоры, распеканціи и проч. Нѣсколько разъ племянникъ расходился съ дядей, но всегда послѣдній дѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Замѣчательная черта: дядя и племянникъ, будучи оба родомъ поляки, никогда между собою не говорили по польски. Во всю свою жизнь Станиславъ Романовичъ ни одной строки не написалъ, ни одного слова не сказалъ на польскомъ языкѣ, и только передъ смертію, за нѣсколько часовъ до того, когда онъ лишился языка, онъ заговорилъ съ племянникомъ ласково и тепло на своемъ родномъ языкѣ. Въ казарму декабристовъ Станиславъ Романовичъ являлся рѣдко и всегда во всеоружіи власти и комендантскаго достоинства. Различныя просьбы отъ декабристовъ онъ выслушивалъ угрюмо и строго, и для всѣхъ у него былъ всегда одинъ отвѣтъ: «не могу». Но этотъ отказъ никого впрочемъ не смущалъ, потому что парламентеромъ ихъ всегда являлся Осипъ Адамовичъ, добрякъ въ самомъ широкомъ значеніи. Адвокатура племянника передъ дядюшкой почти постоянно увѣнчивалась, послѣ обычнаго ворчанья, полнымъ успѣхомъ. Когда Осипъ Адамовичъ отправлялся производить инспекторскіе смотры военнымъ командамъ на заводахъ, или на ревизію присутственныхъ мѣстъ въ раіонѣ комендантскаго управленія, Станиславъ Романовичъ составлялъ ему на бумагѣ подробную инструкцію, что ему слѣдуетъ дѣлать: въ которомъ часу вставать, какъ одѣваться, что кому сказать и проч., однимъ словомъ полную нотацію какъ десятилѣтнему мальчику. Декабристскихъ дамъ Станиславъ Романовичъ принималъ не иначе, какъ стоя, и съ угрюмостію стараго солдата; но отправляясь самъ къ нимъ съ визитомъ, онъ держалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, былъ любезенъ и доступенъ ко всевозможнымъ просьбамъ и желаніямъ. Однимъ словомъ,—старикъ былъ двойственная личность. Съ формальной, такъ сказать, офиціальной стороны,—это былъ угрюмый, неприступный генералъ, привыкшій командовать и требовать безпрекословнаго повиновенія; въ обыденной жизни—внимательный, образованный и снисходительный старикъ, способный горячо сочувствовать горю и понимать больное сердце. Эта двойственность имѣла благотворное вліяніе на судьбу декабристовъ. Съ одной стороны стро-

гость установленныхъ порядковъ, угрюмый видъ военной тюрьмы невольно сдерживали страсти и уединяли этотъ отдѣльный міръ отъ остальнаго свѣта, а эти условія въ свою очередь избавляли отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь посторонних начальствующихъ лицъ; съ другой—матеріальный и нравственный бытъ декабристовъ былъ упроченъ съ сохраненіемъ интересовъ для ихъ дорогихъ и имъ присущихъ по воспоминанію, образованію и родственнымъ связямъ. Отъ этого декабристы не позабыли Россіи, и не утратили вѣры въ ея будущность, а пережившіе ссылку, явились лучшими исполнителями великихъ реформъ Царя-Освободителя.

По инструкціи Станиславу Романовичу дана была неограниченная власть надъ заключенными, но въ продолженіи 11-ти лѣтъ только одинъ случай заставилъ его прибѣгнуть къ мѣрѣ наказанія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, человѣкъ вспыльчиваго и горячаго темперамента, поссорился однажды съ Судговымъ и, подъ вліяніемъ минутной вспышки, схватилъ ножъ. Комендантъ приказалъ подвергнуть виновнаго одиночному заключенію. Вадковскій не угомонился и написалъ Лепарскому дерзкое письмо, въ которомъ онъ его укорялъ въ несправедливости и въ притѣсненіяхъ. На это старикъ положилъ слѣдующую характерную розолюцію:

— «Объявить Ф. Ф. отъ меня на его письмо: прошу ко мнѣ не писать никакихъ ремонстрацій и рефлексій; я не для того оставилъ каждому чернила и бумагу. Тотъ, кто по малому понятію, не слѣдуетъ благоразумію, кротости и терпѣнію прочихъ товарищей, долженъ быть мною укрощаемъ, тѣмъ болѣе, что сіе служитъ къ пользѣ его, и избавляетъ отъ худыхъ послѣдствій какъ его самаго, такъ и приставленныхъ при немъ (т. е. товарищей) отъ искушеній, подвергающихъ ихъ неизбѣжному несчастію. Пусть называетъ Федоръ Ѳедоровичъ, и кто хочетъ, это несправедливостію, или еще и хуже; я этимъ не обижаюсь и не нахожу причины въ чемъ либо упрекать свою совѣсть, а тѣмъ болѣе въ пригнѣтеніи человѣчества. Имѣю даже право при семъ сказать о себѣ: хотя называютъ поступокъ мой несправедливымъ, но я и въ сей крайности, т. е. въ удерживаніи отъ шалостей, поступаю мѣрами самыми нѣжными, ибо, имѣя болѣе власти, употребляю только то, что начертано какъ обязанность въ моей инструкціи, чтобы всѣхъ поступившихъ подъ мой присмотръ преступниковъ вообще держать запертыми замками».

Эта резолюція была плацъ-маіоромъ объявлена Вадковскому при слѣдующей запискѣ: «комендантъ спрашиваетъ у васъ: будете-ли вы впередъ избѣгать всякихъ ссоръ съ Судговымъ и по поводу прежней ссоры не заводить новой, какъ съ нимъ, такъ съ прочими. Если даете въ томъ слово, то останетесь подъ арестомъ въ

казармѣ на прежнемъ основанiи, и особой часовой отъ дверей вашихъ будетъ снятъ.» Вадковскiй, разумѣется, далъ требуемое слово, и тѣмъ эпизодъ этотъ, послѣ двухчасовой бури, окончился.

Деликатность Лепарскаго видна также и въ слѣдующей резолюцiи, данной имъ на просьбу Миткова позволить ему, на томъ основанiи, что онъ уже поступилъ въ разрядъ переселенцовъ, навѣщать во всякое время своихъ семейныхъ товарищей:

«Всѣ лица, назначенныя на переселенiе, воспользуются правилами, предназначенными поселенцамъ, по сдачѣ ихъ гражданскому начальству, а до того времени зависятъ отъ правилъ, о нихъ предписанныхъ. Поэтому, сколько-бы я не желалъ сдѣлать удовлетворенiя по запискѣ Михаила Фотiевича (Миткова), но не могу измѣнять порядка существующаго, въ чемъ особенно препятствуетъ мысль, что буде я предоставлю одному ходить къ госпожамъ, безъ объявленiя отъ нихъ желанiя имѣть гостя въ своемъ домѣ, тогда могутъ и остальные этимъ воспользоваться, чѣмъ не только обезпокоятся госпожи, но отягощены будутъ лишнею службою солдаты, ходящiе въ конвой, и я долженъ буду увеличить караулъ; къ тому же, кромѣ того, я не буду знать кто на лицо въ казематѣ. или кто куда ушелъ. По всему изъясненному я прошу Михаила Фотiевича,—если онъ въ тѣ дни, когда его здоровье позволитъ, пожелаетъ быть въ домѣ своихъ товарищей женатыхъ, потребовалъ бы, дабы госпожа во всякое время дня, присылала бы ко мнѣ человѣка своего сказать мнѣ словесно. Касательно же того примѣра, что другiе этимъ пользуются, то мнѣ сiе неизвѣстно, кромѣ экономовъ, А. Н. Муравьева и Вольфа, подающихъ помощь больнымъ, да Басаргина, употребляющаго козье молоко въ домѣ г-жи Ивашевой».

Попечительность Станислава Романовича о декабристахъ—это заботливость любящаго отца къ своимъ дѣтямъ. Какимъ онъ былъ полковымъ командиромъ въ отношенiи къ своимъ подчиненнымъ офицерамъ и солдатамъ, такимъ онъ остался до конца своихъ дней къ заключеннымъ, ввѣреннымъ его надзору: строгимъ, заботливымъ и сердечно-деликатнымъ. Свойство его характера императоръ Николай Павловичъ имѣлъ возможность близко узнать, когда еще былъ великимъ княземъ. Состоя шефомъ Сѣверскаго полка. Николай Павловичъ во время своихъ посѣщенiй полка останавливался въ квартирѣ его командира. Станиславъ Романовичъ умѣлъ съ большимъ тактомъ соединить почтительную подчиненность своему высокому гостю, вмѣстѣ съ заботливою о немъ попечительностiю, которая вызывалась юношескимъ въ то время возрастомъ великаго князя. Въ собственноручныхъ письмахъ къ Станиславу Романовичу великiй князь относился всегда къ нему съ милостивымъ благоволенiемъ и съ уваженiемъ.

Вступивъ на престолъ, императоръ Николай Павловичъ выбралъ для

Лепарскаго именно тотъ постъ, гдѣ свойства его личнаго характера могли имѣть полезное примѣненіе для осужденныхъ, которыхъ царь каралъ по требованію закона, но въ сердцѣ своемъ великодушно прощалъ. Своимъ поведеніемъ и образомъ дѣйствій Лепарскій безусловно оправдалъ этотъ выборъ. Переписка его съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Броневскимъ, многочисленныя письма многихъ изъ декабристовъ къ Осипу Адамовичу свидѣтельствуютъ и о глубокой любви декабристовъ къ коменданту и о нѣжной заботливости послѣдняго о своихъ дѣтяхъ, которая не ограничивалась предѣлами комендантскаго управленія, но слѣдовала за узниками и въ то время, когда они отправлялись на поселенія, оставляя тюрьму, которую Лепарскій заставилъ ихъ полюбить. Генералъ-губернаторъ Броневскій имѣлъ справедливое основаніе писать къ Станиславу Романовичу:

«Семейка вашихъ узниковъ поубавилась и остальнымъ срокъ не весьма отдаленъ; спустивъ съ рукъ послѣднихъ, вы вплетете себѣ въ вѣнокъ достохвальной вашей службы пальму, которая выражать будетъ заслугу и добродѣтель и на этомъ поприщѣ, ибо и эти головы, наполненныя разнымъ винегретомъ идей и разнородностію характеровъ, постоянно какъ дѣти лобызаютъ благодѣтельную руку вашу и въ одно слово не могутъ нахвалиться прошедшею зависимостію, основанною на строгой справедливости и человѣколюбіи».

(13-го августа 1836 года, г. Иркутскъ).

IV.

Очерченная крупными штрихами многолѣтняя и праведная жизнь Станислава Романовича Лепарскаго не богата внѣшнимъ блескомъ и событіями, но кажется достойна вниманія по своему внутреннему содержанію. Въ арміи, въ теченіи почти пятидесятилѣтней службы, Станиславъ Романовичъ пользовался репутаціею отличнаго боеваго и фронтоваго офицера. Командуемый имъ полкъ Сѣверскій конно-егерскій стоялъ на самомъ лучшемъ счету и августѣйшій шефъ полка великій князь Николай Павловичъ не только имъ гордился, но всегда его ставилъ въ примѣръ гвардейскимъ полкамъ. Въ преклонныхъ уже годахъ Станиславъ Романовичъ получилъ назначеніе опекуна надъ сосланными въ каторжную работу по мятяжу 14-го декабря 1825 года. Безъ блеска и безъ шума, но стойко и по солдатски просто онъ простоялъ 12 лѣтъ на своемъ тяжкомъ и крайне трудномъ посту и угасъ тихо и спокойно, окруженный семьей горячо его любившихъ изгнанниковъ, въ самомъ далекомъ и темномъ углу Сибири. Задачу свою онъ исполнилъ благородно.

Въ продолженіи своей долголѣтней жизни Станиславъ Романовичъ не отличился особенными заслугами на боевомъ поприщѣ или

на поприщѣ государственной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ по себѣ глубокую память. Всѣ пережившіе его декабристы и потомки ихъ въ одинъ голосъ отзываются о немъ съ чувствомъ глубокой признательности. Сила этой симпатіи опирается на честный его характеръ, въ самомъ широкомъ, идеальномъ значеніи этого выраженія. Наружными пріемами своего обращенія онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, даже съ виду казался букой; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ развитымъ тактомъ сердца: умѣлъ примирять суровыя требованія долга съ деликатностію благородной и образованной души. Въ Сѣверскомъ полку всѣ офицеры составляли вокругъ своего командира одну семью, крѣпко сплоченную правилами чести и военнаго достоинства, и въ которой никогда небыло дрязгъ, скандаловъ или „исторій"; въ Сибири заключенные узники, какъ холостые, такъ и женатые, сгрупировались около Станислава Романовича однородною семьей, потому что несчастные изгнанники нашли въ немъ не суроваго и грубаго начальника, а истиннаго покровителя, съ душою заботливою, доброю и ласковою.

Станиславъ Романовичъ не имѣлъ своей семьи и единственнымъ близкимъ къ нему человѣкомъ приходился его родной племянникъ Осипъ Адамовичъ. Племянникъ въ значительной степени наслѣдовалъ качества своего дяди и въ теченіи своей долголѣтней службы (онъ умеръ 4-го апрѣля 1876-го года), занимая посты коменданта въ Нерчинскѣ, Смоленскѣ и Шлюссельбургѣ, всѣми былъ всегда любимъ и уважаемъ за доброту, ласку и привѣтливость. Отношенія между дядей и племянникомъ были всегда искренніе и дружескія. Станиславъ Романовичъ сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ и душеприкащикомъ. Хотя по его формулярному списку и значилось, что ему принадлежитъ въ городѣ Кіевѣ домъ съ садомъ и маленькое, въ томъ краѣ, имѣніе, но на самомъ дѣлѣ, послѣ его смерти, кромѣ долговъ ничего не осталось. Домъ въ Кіевѣ и другое движимое имущество было имъ продано для уплаты долга за сдачу полка, такъ какъ оказался недочетъ въ нѣкоторыхъ казенныхъ суммахъ. Этотъ недочетъ образовался, какъ видно изъ подлинныхъ документовъ, по слѣдующему случаю: въ 1815 году командиръ 1-й конно-егерской дивизіи генералъ Хруцевъ предписалъ командирамъ полковъ этихъ дивизій, чтобы они по случаю невысылки комисіею Кіевскаго комисаріатскаго депо фуража на продовольствіе лошадей, изворачивались, какъ умѣютъ, на счетъ полковыхъ суммъ, впредь до расчета съ депо. Въ силу такого приказанія Лепарскій употребилъ на изготовленіе фуража, заимообразно, 21,740 руб., о чемъ тогда же донесъ по начальству, но денегъ въ возвратъ израсходованныхъ не получилъ. Переписка по этому дѣлу тянулась безъ всякого результата до 1826-го года, и Лепарскій

при сдачѣ полка новому командиру долженъ былъ пополнить недочетъ въ полковыхъ суммахъ изъ собственныхъ средствъ. Онъ продалъ свой домъ въ Кіевѣ и пріобрѣлъ на эти деньги чистую квитанцію о сдачѣ полка.

Лепарскій велъ жизнь очень умѣренную, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ, родныхъ у него небыло, знакомыхъ также весьма не много, а между тѣмъ онъ умеръ въ совершенной бѣдности, оставивъ послѣ себя одни только долги. Казалось бы, что, получая въ Сибири содержаніе не менѣе генералъ-губернаторскаго, кромѣ того довольно значительную аренду, да прокомандовавъ въ доброе старое время 16 лѣтъ кавалерійскимъ полкомъ, Лепарскій могъ бы весьма легко и удобно, при своей умѣренной жизни, сколотить копѣйку, а между тѣмъ имъ было прожито даже свое родовое имущество и сдѣланы значительные, по тогдашнему времени и по его состоянію, долги. Странность эта объясняется крайнею добротою и снисходительностію характера старика, который не могъ устоять, чтобы не расходовать всѣ свои сбереженія на дѣло благотворительности и на помощь ближнему. Ни одинъ солдатъ изъ его полка не выходилъ въ отставку не обезпеченнымъ для дальнѣйшаго своего существованія.

Служилъ онъ очень туго и только на пятидесятомъ году офицерской службы достигъ генеральскаго чина, между тѣмъ какъ будучи лично извѣстенъ и притомъ съ самой отличной стороны великому князю, а впослѣдствіи императору Николаю Павловичу, пользуясь кромѣ того, чуть не дружескимъ расположеніемъ приближенныхъ къ государю лицъ, и наконецъ занимая такой значительный, по тогдашнему времени, постъ коменданта надъ декабристами, онъ, разумѣется, могъ-бы, при маленькомъ стараніи, легко себя награждать, но Станиславъ Романовичъ никогда не льстилъ, не любилъ просить и заискивать и никогда на судьбу не жаловался. Въ теченіи семидесятилѣтней службы онъ только два раза обращался къ государю съ личною просьбою: 1) передъ назначеніемъ въ Нерчинскъ, объ уплатѣ его долговъ (заимообразно) на сумму 20,000 руб. ассиг. и 2) за день до смерти онъ дрожащею рукою написалъ всеподданнѣйшее прошеніе объ уплатѣ остальныхъ долговъ на 14,000 руб. ассиг. Просьбы его были уважены.

Въ Сибирь Станиславъ Романовичъ отправился не ради земныхъ благъ, до которыхъ онъ не былъ охотникъ, не ради служебной карьеры, потому что приближался уже къ концу седьмаго десятка своей жизни, но для того чтобы, доказавъ непоколебимую преданность своему возлюбленному государю, довершить долголѣтнюю трудовую и честную жизнь высокимъ подвигомъ добра.

М. Н. Кучаевъ.

1876 г. С.-Петербургъ.

СТАНИСЛАВЪ РОМАНОВИЧЪ ЛЕПАРСКІЙ.

род. 1754, ум. 1837 г.

…кварели Н. А. Бестужева. Гравировалъ Акад. Сѣряковъ.

ЗАПИСКИ ДВОРЯНИНА-ПОМѢЩИКА,

БЫВШАГО ВЪ ДОЛЖН. ПРЕДВОДИТЕЛЯ, СУДЬИ И ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ПАЛАТЫ. [1])

Двое изъ генералъ-губернаторовъ въ старину.

I.

Вѣроятно въ Москвѣ не забыли еще графа Закревскаго, нагонявшаго такой страхъ на москвичей, что никто не смѣлъ пикнуть даже и тогда, когда онъ ввязывался въ такія обстоятельства семейной жизни, до которыхъ ему не было никакого дѣла, и на которыя законъ вовсе не давалъ ему никакого права.

Повѣритъ ли кто нибудь теперь изъ новенькихъ, что онъ интересовался иногда даже тѣмъ: сколько отецъ даетъ денегъ дочери на булавки. А что это не выдумано и было дѣйствительно такъ, могу указать на каретника Ильина, отъ котораго я слышалъ объ этомъ разсказъ, какъ отъ человѣка, на самомъ себѣ испытавшемъ теорію Закревскаго, что законъ писанъ не про него, и что ему все позволено.

У этого Ильина была дочь, дѣвушка чрезвычайно красивая собою. Однажды Закревскій увидѣлъ ее гдѣ-то на публичномъ балу, узналъ кто она и, Богъ знаетъ по какой связи мыслей, спросилъ ее: много-ли даетъ ей отецъ денегъ на булавки? Она отвѣчала, что «ничего не даетъ, но что ей покупаютъ все, что ей нужно». Тогда Закревскій подозвалъ отца и спросилъ:

— Почему ты не даешь дочери денегъ на ея расходы?

Отецъ отвѣчалъ, что у дочери есть мать, которая знаетъ нужды дочери и покупаетъ ей все, что нужно.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г. томъ XXVIII (іюнь), стр. 289—316; (іюль) стр. 477—484.

— Вздоръ! отвѣчалъ Закревскій, давай ей двадцать пять рублей въ мѣсяцъ,—слышишь?

Ильинъ поклонился, молча, такъ какъ зналъ, что спорить съ Закревскимъ и доказывать ему, что это не его дѣло,—опасно, не бывали примѣры, что онъ изъ пустяковъ затѣетъ такую исторію и надѣлаетъ такихъ хлопотъ, что весь вѣкъ будешь каяться. Основана эта боязнь была болѣе всего на томъ, что Закревскій во все продолженіе своего деспотическаго управленія въ Москвѣ, хоть не прямыми словами, но разными очень прозрачными намеками давалъ всѣмъ чувствовать, что у него есть открытый бланкъ и что онъ можетъ дѣлать все, что признаетъ нужнымъ. Только послѣ удаленія его изъ Москвы, узнали, что у него никакого бланка не было и что онъ не имѣлъ власти болѣе той, какая предоставлена всякому генералъ-губернатору. Ильинъ, выслушавъ приказаніе генералъ-губернатора, счелъ это за шутку и конечно не измѣнилъ своихъ отношеній къ дочери.

Случилось такъ, что черезъ нѣсколько времени, Закревскій снова увидалъ дѣвушку Ильину и спросилъ ее: даетъ ли ей отецъ деньги, какъ онъ приказалъ. Она отвѣчала, что нѣтъ. Тогда Закревскій подозвалъ отца и уже строгимъ голосомъ спросилъ, почему онъ не исполнилъ его приказанія и не даетъ дочери денегъ, какъ онъ велѣлъ?

Ильинъ, испуганный, отвѣчалъ, что онъ принялъ слова его за шутку.

— А кто тебѣ сказалъ, что я буду съ тобой шутить? отвѣчалъ Закревскій грозно,-выполнить мое приказаніе! Слышишь?

Онъ при этомъ сдѣлалъ рукою движеніе, означавшее, что можно уѣхать далеко въ случаѣ ослушанія.

— Нечего дѣлать! сталъ давать! прибавилъ Ильинъ, разсказывая мнѣ это. Ну его совсѣмъ! Пожалуй сошлетъ, какъ сослалъ Эйхеля.

Ну вотъ объ этомъ-то Закревскомъ я и хочу вамъ разсказать кое-что въ отношеніи ко мнѣ. Я былъ тогда предсѣдателемъ уголовной палаты и по тогдашнему судоустройству былъ подчиненъ ему въ предѣлахъ моей обязанности, такъ какъ приговоры уголовной палаты шли къ нему на утвержденіе, да и служебная аттестація зависѣла отъ него же. Онъ меня сильно не долюбливалъ вслѣдствіе того, что товарищъ мой, то есть товарищъ предсѣдателя, (если не ошибаюсь, сынъ аптекаря въ Харьковѣ), почему-то очень близкій къ Якову Ивановичу Ростовцеву, (впослѣдствіи графъ), у Закревскаго исполнявшій, изъ любви къ искуству, должность соглядатая въ гостиныхъ, (тогда какъ въ купечествѣ исполнялъ эту должность, тоже изъ любви къ искуству, нѣкто Некрасовъ, бывшій секретарь думы;

и чрезвычайно желавшій спихнуть меня съ мѣста, чтобъ самому возсѣсть на него, постоянно наговаривалъ на меня Закревскому.

Закревскому вслѣдствіе этого конечно очень бы желательно было какъ нибудь проглотить меня, но, къ его несчастію, я былъ предсѣдателемъ по выбору дворянства, и безъ согласія губернскаго предводителя онъ не могъ меня столкнуть съ мѣста. Губернскій же предводитель П. П. Воейковъ былъ мнѣ хорошій или даже пріятельски знакомый человѣкъ. А внѣ службы жизнь моя не представляла достаточно матеріала для такого обвиненія, за которое можно было бы [illegible] съ мѣста предсѣдателя палаты лицо замѣтное даже и въ столицѣ. Тѣмъ не менѣе онъ учредилъ надо мной полицейскій надзоръ, отъ котораго, по разсказамъ, не изъяты были всѣ лица, сбиравшіяся въ «зеленой комнатѣ» англійскаго клуба. Эта зеленая комнатка, могущая вмѣстить въ себѣ не болѣе четырнадцати, пятнадцати человѣкъ, была какимъ-то пугаломъ, даже и не для одного Закревскаго. Въ ней сбирались лишь однѣ извѣстныя хорошо другъ другу лица, и говорили тамъ на распашку, зная. что никто сору изъ избы не вынесетъ.

Всѣхъ, кто считался своимъ въ этой комнатѣ, Закревскій разумѣлъ чуть не якобинцами; они даже были записаны у него всѣ въ особой зеленой или синей, (хорошо не помню), книжечкѣ, и вслѣдствіе этого были всѣ подъ надзоромъ полиціи.

Вѣроятно подъ такимъ надзоромъ было очень много. Разсказывали, что даже бывшій впослѣдствіи Московскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантъ П. А. Тучковъ былъ тоже подъ надзоромъ, отъ котораго освободилъ его чуть ли не онъ самъ, Тучковъ, когда былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ.

О томъ, что я подъ надзоромъ, я узналъ случайно и тоже самымъ курьезнымъ образомъ.

Я жилъ въ своемъ домѣ въ Пречистенской части и состоялъ тогда, кажется, чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ гражданскомъ губернаторѣ И. В. Капнистѣ. Въ одинъ прекрасный день приходитъ ко мнѣ нашъ квартальный надзиратель и самымъ таинственнымъ образомъ проситъ меня поговорить съ нимъ наединѣ. Квартальный нашъ, (жаль, что не помню его фамиліи), былъ добрый, простой старичекъ, изъ вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, довольствовавшійся малымъ и державшій себя чрезвычайно просто, такъ что даже чай ходилъ пить въ трактиръ, разумѣется безденежно, чтобъ не тратиться дома на покупку чая и сахара. Онъ чуть не шепотомъ передалъ мнѣ, что частный приставъ уѣхалъ въ отпускъ, что онъ правитъ его должность и что въ числѣ другихъ бумагъ, онъ нашелъ

требованіе Закревскаго ежемѣсячно доносить ему о моемъ образѣ жизни, знакомствахъ и проч. Такъ какъ срокъ этому донесенію наступалъ, а онъ не знаетъ, какъ къ этому даже и приступиться, и й грамотѣ-то плохо знаетъ, то и просилъ меня помочь ему написать это донесеніе. Конечно, я не заставилъ себя просить другой разъ и написалъ ему, въ числѣ посѣщающихъ меня знакомыхъ, чуть ли не самыя значительныя фамиліи въ Москвѣ и самый похвальный о себѣ отзывъ. Старикъ мой былъ радехонекъ, что я избавилъ его отъ тяжкой обузы и ушелъ отъ меня съ благодарностью.

Насказывавшій на меня товарищъ мой, В., кончилъ очень дурно. Онъ сошелъ съ ума на томъ, что онъ министръ юстиціи и что къ нему на дняхъ пріѣдетъ изъ Петербурга царскій вагонъ, чтобъ отвезти гео туда для вступленія въ должность. Затѣмъ онъ скоро умеръ.

Съ его смертію гоненія Закревскаго нѣкоторымъ образомъ прекратились. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ англійскомъ клубѣ подошелъ ко мнѣ М. Н. Лонгиновъ, (впослѣдствіи Орловскій губернаторъ, а затѣмъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати), бывшій у Закревскаго чѣмъ-то въ родѣ чиновника особыхъ порученій, и сталъ мнѣ говорить, что ему очень жаль, что я нахожусь съ графомъ, (въ Москвѣ всѣ такъ называли Закревскаго; когда говорили: графъ! всѣ уже знали, кто это такой), въ такихъ двусмысленныхъ отношеніяхъ и что онъ, Лонгиновъ, принимая во мнѣ участіе, какъ въ хорошемъ знакомомъ, очень бы хотѣлъ какъ нибудь насъ помирить. Я ему отвѣчалъ, что я не знаю за что графъ на меня сердится, и что конечно я не прочь объясниться съ графомъ для того, чтобъ доказать ему, что я противъ него ничего не имѣю и ни въ чемъ противъ него не виноватъ. Черезъ нѣсколько дней Лонгиновъ передалъ мнѣ, что Закревскій ждетъ меня къ себѣ въ такой-то день, въ десять часовъ вечера. Я облекся въ форменный фракъ и поѣхалъ. Онъ вышелъ ко мнѣ скоро и началъ съ того, что объявилъ, что онъ меня прощаетъ. Въ чемъ? За что? Я началъ говорить, что я желалъ бы знать, чѣмъ я могъ заслужить его неудовольствіе и прочее въ этомъ родѣ, но онъ перебилъ меня словами:

— Я уже сказалъ вамъ, что я васъ прощаю; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Этимъ окончилась наша аудіенція, изъ которой я не узналъ ни того, въ чемъ онъ считалъ меня виноватымъ передъ собою, ни того, въ чемъ онъ меня такъ великодушно простилъ.

Въ другой разъ напалъ онъ на меня за то, что я явился къ нему не въ мундирѣ, а въ мундирномъ фракѣ, хотя передъ этимъ я бывалъ

у него десятки разъ во фракѣ для объясненій по службѣ, и онъ никогда не замѣчалъ, что я одѣтъ не такъ, какъ надо.

Дѣло было вотъ какъ:

Я воротился изъ за-границы (1850 г.), и передъ тѣмъ, какъ идти въ палату на службу, явился къ нему. Я былъ одѣтъ въ форменный фракъ, и кажется никакого уклоненія отъ формы въ родѣ пестраго галстука и цвѣтнаго жилета въ костюмѣ моемъ не было. Въ пріемной я встрѣтилъ чиновника его канцеляріи Ѳ. Ѳ. Г—а и, помню, спросилъ его еще:

— Хорошо ли я сдѣлалъ, что пріѣхалъ не въ мундирѣ?

На это Г—ъ отвѣчалъ, что графъ на эти мелочи никогда не обращаетъ вниманія.

— Мы всѣ ходимъ къ нему въ партикулярныхъ сюртукахъ, прибавилъ онъ, — и онъ никогда еще не замѣтилъ никому изъ насъ о неприличіи нашей одежды.

Успокоенный этимъ, я продолжалъ бесѣдовать съ бывшими тутъ господами, не ожидая грозы, на меня готовящейся. Надо думать, что В., пользуясь моимъ отсутствіемъ, успѣлъ на меня порядочно насплетничать, такъ какъ Закревскій, выйдя изъ кабинета, прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ: чего мнѣ нужно?

Я отвѣчалъ, что, воротившись изъ отпуска за-границу, я счелъ обязанностью явиться къ нему.

— А! Такъ являться пріѣхали! – вскричалъ онъ,—почему же вы не въ мундирѣ? Кажется вы не молодой человѣкъ, чтобъ не знать, какъ надо являться къ начальству. Впрочемъ вы здѣсь не останетесь.

Оскорбленный этой выходкой, я поѣхалъ тотчасъ къ губернскому предводителю, разсказалъ ему, какъ было дѣло и объявилъ, что я намѣренъ тотчасъ подать прошеніе объ отставкѣ. У Воейкова я встрѣтилъ губерн. прокурора, (теперешній сенаторъ Д. А. Ровинскій), и они вдвоемъ принялись меня уговаривать не обращать на это вниманія и оставаться на службѣ.

Подобное, столь лестное для меня вниманіе съ ихъ стороны, подтвержденное словами почтеннаго Ѳ. П. Корнилова, (теперешняго члена государственнаго совѣта), бывшаго тогда правителемъ канцеляріи Закревскаго, «что старикъ самъ не знаетъ иногда, что говоритъ», заставили меня перемѣнить мое намѣреніе и остаться на службѣ. Впрочемъ не я одинъ терпѣлъ отъ него,—терпѣли и другіе, по своему общественному положенію и выше меня поставленные.

Вотъ два такихъ случая.

Въ Москву былъ назначенъ новый губернаторъ Н. П. Синельниковъ. Это была честная, благородная личность, искренно желаю-

щая добра, но желающая идти къ этому добру прямо, безъ изворотовъ и потому, а можетъ быть и вслѣдствіе своей военной привычки, нѣсколько рѣзкій для невоенныхъ. Я былъ тогда совѣтникомъ губернскаго правленія и сидѣлъ вмѣстѣ съ товарищами въ присутствіи, когда Синельниковъ, только что назначенный, вошелъ къ намъ въ первый разъ.

Высокій, красивый, статный по военному, онъ намъ поклонился тѣмъ военнымъ поклономъ, какимъ не умѣютъ кланяться статскіе и который въ переводѣ внушительно означаетъ: я вамъ дѣлаю вѣжливость; смотрите, помните же это. Поклонъ этотъ былъ сухъ и холоденъ и совершенно въ согласіи съ тою рѣчью, съ которою онъ къ намъ обратился. Она была строго форменная; рѣчь учителя, пришедшаго экзаменовать учениковъ. Черезъ минуту онъ потребовалъ секретарей.

У каждаго изъ насъ, (насъ совѣтниковъ было пятеро, кромѣ вицъ-губернатора), состояло по секретарю. Онъ повелъ съ ними рѣчь строго и въ концѣ своей короткой рѣчи прибавилъ, что онъ съумѣетъ отбить ту лапу, которая будетъ черезъ чуръ длинна. Затѣмъ онъ вышелъ, простившись съ нами простымъ наклоненіемъ головы. Такое обращеніе, можетъ быть очень приличное и обыкновенное между военными, насъ, привыкшихъ къ мягкости столичнаго обращенія, особливо послѣдняго губернатора И. В. Капниста, покоробило. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили, что послѣ подобной выходки, доказывающей, что секретарей нашихъ подозрѣваютъ во взяткахъ, тогда какъ секретари наши не только не смѣли, но и не могли безъ насъ сдѣлать ни шагу, намъ на службѣ оставаться нельзя. Не смотря на виляньe хвостомъ вице-губернатора, мы рѣшили въ тотъ же день вечеромъ ѣхать къ Синельникову, и если онъ не захочетъ извиниться передъ нами или взять назадъ слова свои, подать прошенія объ отставкѣ, которую мы тутъ же и написали.

Въ семь или восемь часовъ мы собрались въ канцеляріи губернатора и послали вице-губернатора къ нему съ изъявленіемъ нашего желанія его видѣть. Синельниковъ насъ принялъ тотчасъ въ своемъ кабинетѣ, и такъ какъ товарищи предоставили мнѣ говорить за нихъ, то я и началъ съ того, что объявилъ Синельникову, что мы считаемъ себя оскорбленными и желаемъ, чтобъ онъ или извинился передъ нами и объяснилъ на чемъ основанъ его намекъ на взятки, такъ какъ секретари безъ насъ не смѣютъ, да и не могутъ ничего сдѣлать, хоть бы и хотѣли. Если же онъ не захочетъ сдѣлать ни того, ни другаго, то мы просимъ увольненія отъ службы, такъ какъ продолжать служить съ позорнымъ имeнемъ взяточника, всякій изъ насъ считаетъ для себя унизительнымъ. Рѣчь эта, законченная тѣмъ, что

всѣ пять человѣкъ, какъ бы по командѣ, вынули изъ кармановъ прошенія, произвела извѣстный эффектъ. Синельникову замѣтно стало какъ-то не ловко; онъ просилъ насъ успокоиться, сѣсть и объясниться хорошенько. Объясненія эти кончились тѣмъ, что онъ сознался, что ему дурно наговорило о губернскомъ правленіи одно очень высоко-поставленное лицо; онъ проситъ извиненія, ежели сказалъ намъ что-нибудь лишнее, и проч. На требованіе наше указать на случай, въ которомъ это высоко-поставленное лицо могло насъ заподозрить во взяткахъ, онъ наконецъ сознался, что слухъ о взяткахъ возникъ по дѣлу объ освидѣтельствованіи одного сумасшедшаго.

— А, это дѣло у меня, в. п., вскричалъ я. Это въ моемъ отдѣленіи. Будьте такъ добры, потрудитесь назвать фамилію сумасшедшаго; я буду имѣть честь представить вамъ не далѣе, какъ завтра, подлинное дѣло и вы изволите увидать, что сумасшедшими признаетъ сенатъ, а не губернское правленіе, и что губернское правленіе тутъ не при чемъ.

Увидя, что онъ промахнулся, Синельниковъ сознался, что онъ поторопился, попросилъ у насъ извиненія, оставилъ насъ пить чай и кончилось тѣмъ, что мы просидѣли у него цѣлый вечеръ и разстались друзьями.

На другой день я велѣлъ секретарю пріискать дѣло, на которое намекалъ Синельниковъ, и повезъ его къ нему.

Когда я сказалъ ему, что привезъ показать то дѣло о сумасшедшемъ, о которомъ былъ разговоръ вчера, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Не безпокойтесь; я и смотрѣть дѣла не стану, потому что вамъ вполнѣ вѣрю. Теперь я вижу, что я былъ обманутъ и страшно сожалѣю, что согласился перейти въ такую губернію, гдѣ есть генералъ-губернаторъ, хоть-бы это была даже и столица. Все дурное, что я слышалъ о губернскомъ правленіи, слышалъ я отъ Закревскаго. Страшно сожалѣю, что повѣрилъ ему и позволилъ себѣ сказать вамъ то, что говорилъ.

Съ тѣхъ поръ отношенія наши съ Синельниковымъ, и мои въ особенности сдѣлались такъ хороши, какъ только можно желать. Онъ довѣрялъ мнѣ вполнѣ и безусловно, и даже совѣтовался въ тѣхъ случаяхъ, когда я, какъ москвичъ и, слѣдственно, знающій всю суть города, могъ объяснить ему то, что, по новости, ему было неизвѣстно или казалось не понятнымъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ:

Готовились къ коронаціи. Въ Москвѣ и на Ходынскомъ полѣ строили, красили, разбивали палатки,—однимъ словомъ происходила

суета, нераздѣльная съ великимъ событіемъ. Въ одно прекрасное утро я получилъ изъ канцеляріи губернатора приглашеніе явиться къ его превосходительству. Такъ какъ это бывало часто, то это меня не удивило. Синельниковъ помѣщался во флигелѣ губернаторскаго дома, такъ какъ большой домъ тоже реставрировался для коронаціи. Едва я успѣлъ взойти, онъ тотчасъ спросилъ меня: держу ли я лошадей. Я отвѣчалъ, что держу.

— А почемъ вы покупаете сѣно?

— Послѣдній разъ, кажется на прошедшей недѣли, я купилъ сѣно по 18-ти коп. за пудъ, отвѣчалъ я.

— Представьте себѣ, на жандармскій дивизіонъ справочныя цѣны были показаны въ 32 коп. и Закревскій утвердилъ эту цѣну! Сюда на коронацію должна придти кавалерія; надо будетъ прокормить нѣсколько десятковъ тысячъ лошадей, слѣдственно заготовить болѣе трехъ сотъ тысячъ пудовъ сѣна. Купить его по 32 коп. за пудъ, тогда какъ цѣна ему 18, значитъ украсть у казны по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ рублей! Это было бы безсовѣство.—Не знаете ли вы, гдѣ-бы могли быть большіе запасы сѣна, которое можно было бы купить?

— Большіе запасы сѣна есть въ удѣльномъ вѣдомствѣ, отвѣчалъ я. Въ городѣ Бронницахъ есть большой конный заводъ; къ нему приписаны огромные заливные луга по Москвѣ рѣкѣ. На этихъ лугахъ всегда стоитъ огромное количество стоговъ, которые надо считать не десятками, а сотнями, и я хорошо знаю, что сѣна остается въ запасѣ на нѣсколько лѣтъ. Но продадутъ ли это сѣно— я не знаю. Не знаю навѣрное даже и того, какому вѣдомству принадлежатъ эти луга, кажется, что удѣльному.

Синельниковъ записалъ то, что я ему сказалъ.

— Еще много сѣна привозится на баркахъ изъ села Дѣднова, принадлежавшаго прежде Измайлову, а теперь графу Д. А. Толстому, продолжалъ я. И тамъ тоже огромнѣйшіе луга по Окѣ—въ нѣсколько тысячъ десятинъ, и всегда огромные запасы сѣна въ стогахъ.

Синельниковъ записалъ и это, а потомъ, подумавъ, сказалъ:

— А ежели возложить на исправниковъ заготовку сѣна? Какъ вы думаете?

— Не смѣю ничего совѣтывать в. п., но думаю, что исправники, всякій въ своей мѣстности, должны хорошо знать, гдѣ можно достать сѣно. По нѣсколькимъ уѣздамъ Московской губерніи протекаетъ Ока, по другимъ—Клязьма, по третьимъ—Москва рѣка, около всѣхъ этихъ рѣкъ есть заливные луга, другіе же уѣзды покрыты лѣсами, среди которыхъ сѣнокосы:—слѣдственно всюду должны быть

болѣе или менѣе значительные запасы. Исправникамъ все это должно быть хорошо извѣстно.

На этомъ разговоръ о сѣнѣ кончился, и я бы не зналъ ничего о его послѣдствіяхъ, еслибъ, пріѣхавши недѣли черезъ двѣ къ Синельникову, не встрѣтилъ на лѣстницѣ одного исправника, который, увидя меня, поклонился мнѣ ниже пояса и сказалъ:

— Ну, спасибо вамъ, наказали вы насъ хорошо!

— Наказалъ! чѣмъ? спросилъ я.

— Да какже! По вашему же совѣту Николай Петровичъ (Синельниковъ) возложилъ на насъ поставку сѣна. Я своихъ приплатилъ пять тысячъ рублей, чтобъ выставить то количество, какое онъ на меня навалилъ.

— Ну ничего,—подумалъ я,—пять тысячъ только малая толика того, что ты воруешь ежегодно или въ видѣ взятокъ, или въ видѣ поборовъ.

Что дальше произошло, я не знаю. Закревскій тоже въ свою очередь не любилъ Синельникова, какъ не любитъ неправда все честное и прямое. И это онъ ему доказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вотъ одинъ изъ такихъ:

Въ Москву пріѣхалъ Персидскій посланникъ съ сыномъ и большою свитою. Онъ ѣхалъ въ Петербургъ. На вице-губернатора возложено было нанять ему помѣщеніе, и онъ нанялъ его въ гостинницѣ «Дрезденъ» на Тверской, противъ дома генералъ-губернатора. Мы получили предписаніе вмѣстѣ съ губернаторомъ ѣхать къ посланнику привѣтствовать его и поздравить съ пріѣздомъ. Для этого мы собрались у губернатора и вмѣстѣ съ нимъ отправились. Посланникъ принялъ насъ, окруженный своею свитою, осыпанный бриллiантами, крупнѣйшіе изъ которыхъ, какъ мнѣ показалось, были на поясѣ въ видѣ огромнѣйшей звѣзды,—независимо отъ той бриллiантовой звѣзды льва и солнца, которая надѣта была на груди, и другой, такой же почти величины, висѣвшей на шеѣ. При немъ былъ переводчикъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, помнится, Черняевъ. Онъ перевелъ привѣтствіе Синельникова, и, сколько помню, посолъ отвѣчалъ что-то въ родѣ этого:

— «Вижу, что и самое небо раздѣляетъ мою радость, что мнѣ удалось увидѣть Россію и Москву. Погода во все время дороги стояла грустная и дождливая; лишь только я въѣхалъ въ Москву, солнце возсіяло и свѣтитъ такъ ярко и весело, что и у меня стало свѣтло и весело на душѣ, особливо при мысли, что я скоро увижу государя императора—вашего августѣйшаго повелителя».

Затѣмъ намъ подали кофе, вареньевъ, конфектъ, сушенныхъ въ

сахарѣ плодовъ, и мы, посидѣвши безмолвно съ четверть часа, вышли съ низкими поклонами. Но этимъ не кончилось. Черезъ нѣсколько дней отъ губернатора опять повѣстка, явиться къ нему, чтобы ѣхать вмѣстѣ къ Персидскому посланнику для изъявленія соболѣзнованія по случаю понесенной имъ утраты.

Оказалось, что сынъ его, молодой человѣкъ, лѣтъ шестнадцати, умеръ отъ угара въ своей комнатѣ. Не имѣя понятія и даже никогда не видя прежде нашихъ русскихъ печей, онъ, съ какимъ-то своимъ товарищемъ, вздумалъ вечеромъ топить свою комнату, по примѣру того, какъ дѣлалъ это истопникъ у нихъ въ номерѣ, по утру. Они достали дровъ, затопили печь и по незнанію, закрыли ее раньше, нежели слѣдовало. По утру, когда вошли къ нимъ, оказалось, что сынъ посланника уже умеръ, а другаго, его товарища, вытащили замертво; онъ остался однако живъ. Когда мы, имѣя впереди себя Синельникова, вошли къ посланнику, мы нашли, что онъ сидитъ на полу на пяткахъ, въ какомъ-то халатѣ, если память мнѣ не измѣняетъ, верблюжьяго цвѣта и что то бормочетъ, качаясь. Передъ нимъ на полу стояло что-то, не помню что, можетъ быть налой съ книгой и около него свѣчи. Надо думать, что онъ молился. Синельниковъ сказалъ нѣсколько словъ, приличныхъ случаю,—переводчикъ перевелъ; посланникъ заплакалъ и тоже отвѣчалъ что-то по персидски: должно думать одну фразу, но довольно длинную. Переводчикъ перевелъ ее очень коротко.

— Посланникъ благодаритъ васъ! Сказалъ онъ. Мы постояли нѣсколько минутъ и вышли.

За два эти посѣщенія, сдѣланныя посланнику Синельниковымъ вмѣстѣ съ совѣтниками губернскаго правленія,—зеленую персидскую ленту получилъ не Синельниковъ, а вице-губернаторъ, который кажется и не ѣздилъ съ нами вовсе. Это была выходка Закревскаго, чтобъ чѣмъ нибудь досадить Синельникову.

Другой разъ, когда послѣ коронаціи награждены были почти всѣ служащіе, и Синельниковъ представилъ старшаго совѣтника къ ордену св. Анны, а остальныхъ къ Станиславу второй степени, мы всѣ получили по Станиславчику третьей степени, что конечно показалось намъ обидно. Этимъ оправдалась малороссійская пословица: «Когда паны дерутся, у хлопцевъ чубы летятъ». Ужъ конечно и это было сдѣлано въ пику не намъ, а Синельникову .... Онъ такъ это и понялъ.

Къ довершенію характеристики Закревскаго надо прибавить, что онъ весьма плохо зналъ русскую грамоту. Онъ писалъ, какъ пишутъ ученики II-го класса гимназіи,—не лучше. Не знавши, или по край-

ней мѣрѣ плохо знавши русскую грамату и ни одного иностраннаго языка, Закревскій могъ быть министромъ, дежурнымъ генераломъ и генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Не лучшее ли это доказательство необыкновенной способности русскаго человѣка. Мнѣ говорили за вѣрное, что до поступленія въ Московскіе генералъ-губернаторы, онъ даже свою фамилію писалъ Закрефскій, то есть, употреблялъ *ф* вмѣсто *в*. Можетъ это и выдумка, но что онъ былъ человѣкъ необыкновенно смышленный и, пожалуй, даже человѣкъ весьма недюженный—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія...

Нельзя отрицать и того, что онъ былъ человѣкъ съ характеромъ, и если гдѣ не доставало у него характера, такъ это только въ отношеніи къ своему семейству.

Слабость его въ подобныхъ случаяхъ была удивительная, пожалуй даже непостижимая въ человѣкѣ съ его характеромъ.

. . . .

Удивительна была также его близорукость въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на весь его умъ или разсудочность. Когда уже послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, Закревскій не хотѣлъ вѣрить, что онъ не будетъ отмѣненъ, — и вслѣдствіе этого ставилъ другихъ въ весьма фальшивое и даже чрезвычайно непріятное положеніе. Разсказывалъ мнѣ вышеупомянутый Воейковъ, Московскій губернскій предводитель дворянства, что когда дворянство сѣверо-западныхъ губерній изъявило желаніе освободить крестьянъ и, какъ слышно было, въ Петербургѣ ждали, чтобъ это самое сдѣлали и въ Москвѣ, въ ожиданіи, что Москва увлечетъ примѣромъ своимъ всю остальную Россію, Воейковъ пріѣхалъ къ Закревскому и сталъ просить разрѣшенія созвать дворянство Московской губерніи для того, чтобъ предложить имъ сдѣлать тоже, что сдѣлали въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, въ увѣренности, что дворяне Московской губерніи, за немногими исключеніями, не захотятъ остаться позади другихъ, Закревскій не только не дозволилъ созвать дворянъ, но даже запретилъ объ этомъ говорить, утверждая, что «въ Петербургѣ одумаются и все останется постарому».

. . . .

II.

Бывши въ продолженіи семи лѣтъ предсѣдателемъ Московской уголовной палаты, я по одной изъ тѣхъ случайностей, которыя объяснить довольно трудно, хотя и можно о нихъ догадываться, на дворянскихъ выборахъ 1862 года былъ замѣненъ другимъ. Не могу не сознаться, что прослуживши 7 лѣтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, оставивши для службы всѣ свои дѣла, я былъ, чтобъ сказать повѣжливѣе, шокированъ этимъ недовѣріемъ дворянства и такъ какъ мнѣ не оставалось болѣе ничего дѣлать,—а безъ службы я страшно скучалъ, то и обратился къ бывшему тогда въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ Павлу Алексѣевичу Тучкову съ просьбою взять меня къ себѣ. Отказу—какъ я и могъ надѣяться—не послѣдовало, и я былъ опредѣленъ въ число состоящихъ при генералъ-губернаторѣ чиновниковъ.

Позволю себѣ теперь нѣкоторое отступленіе, чтобъ сказать нѣсколько словъ о П. А. Тучковѣ, который, какъ мнѣ кажется, не оцѣненъ еще какъ бы онъ этого заслуживалъ, какъ государственный дѣятель,—это былъ человѣкъ, какъ говорится, изъ ряду вонъ и вполнѣ заслуживаетъ біографіи честной и добросовѣстной. Душевно сожалѣю, что не знаю достаточно всѣхъ подробностей его жизни, чтобъ объяснить себѣ какимъ образомъ сталъ онъ такимъ, какимъ былъ;—но ежели я не знаю его прошедшаго до того времени, какъ онъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ, то достаточно знаю его тогдашнее настоящее, чтобъ въ немногихъ словахъ опредѣлить его человѣческое и общественное значеніе.

Когда его назначили въ Москву всѣ говорили, что онъ обязанъ этимъ графу С. Г. Строгонову, указавшему на него...... Душевно желаю вѣрить этому, потому что если это справедливо, то дѣлаетъ величайшую честь гр. Строгонову. Говоря слѣдственно о Тучковѣ, я нахожусь въ необходимости сказать кое-что и о графѣ Сергіи Григорьевичѣ, съ которымъ я тоже имѣлъ честь находиться, по службѣ, въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ. Какъ ни затруднительно говорить что нибудь о живомъ и еще такъ высокопоставленномъ человѣкѣ, я молчать все таки не стану, потому что предпочитаю лучше быть заподозрѣннымъ въ лести, нежели умолчать о томъ, о чемъ честный человѣкъ умалчивать не можетъ или не долженъ. Тѣ, которые меня знаютъ, увѣрены, что я, по своей природѣ, неспособенъ къ лести,—а тѣ, которые не знаютъ, могутъ думать обо мнѣ, что угодно; въ угоду имъ я молчать не буду.

Я потому вѣрю, что графъ Строгоновъ указалъ на Тучкова, что послѣдній былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ продолжателемъ перваго. Кто знаетъ высокія качества графа С. Г. Строгонова тотъ не удивится этому; благородная личность его достойна того, чтобъ онъ въ Тучковѣ нашелъ такого же благороднаго и достойнаго себя продолжателя. При всей скупости на слова, графъ Строгоновъ иногда высказывалъ свои мысли: оказывалось, что эти мысли приводилъ въ исполненіе Тучковъ. Мнѣ извѣстно, что графъ Строгоновъ, пробывшій генералъ-губернаторомъ только нѣсколько мѣсяцевъ, для составленія очень занимавшаго его проекта новаго городскаго управленія, оставилъ Тучкову списокъ лицъ, которыхъ онъ намѣревался сдѣлать членами коммиссіи для составленія этого проекта; я имѣлъ честь попасть въ этотъ списокъ, не смотря на то, что по должности моей предсѣдателя уголовной палаты, не имѣющей къ этому дѣлу ни малѣйшаго отношенія, не имѣлъ ни малѣйшаго права надѣяться на эту честь.

Широкій взглядъ графа Строгонова, не смотря на короткое время его управленія Москвою, не оставилъ почти ничего, на что онъ не обратилъ бы вниманія и не взглянулъ тѣмъ человѣчески, вполнѣ разумнымъ взглядомъ, какой ему присущъ. Никогда не забуду тѣхъ минутъ высокаго наслажденія, какія я испытывалъ въ тѣхъ бесѣдахъ, какія я, по обязанностямъ службы, могъ имѣть съ нимъ, какъ съ генералъ-губернаторомъ, такъ какъ онъ утверждалъ тогда приговоры уголовной палаты. Не смотря на его кажущуюся холодность, сколько теплоты было въ этомъ человѣкѣ; сколько гуманности въ оцѣнкѣ преступнаго факта, хотя теплота эта и гуманность высказывались холодно-равнодушнымъ голосомъ, съ наружнымъ безстрастіемъ. Но если таковъ былъ графъ Строгоновъ въ наружномъ проявленіи своемъ, то Тучковъ составлялъ рѣзкую съ нимъ противоположность. На сколько графъ Строгоновъ былъ бережливъ на слова, замкнутъ такъ, что иногда надо было угадывать его мысль, на столько Тучковъ былъ словоохотенъ, когда онъ оставался или наединѣ съ кѣмъ нибудь, кому онъ довѣрялъ, или въ присутствіи малаго числа людей, съ которыми онъ не стѣснялъ себя.

Это одна изъ тѣхъ особенностей, на которой, говоря о Тучковѣ, нельзя не остановиться.

Прослуживъ цѣлую жизнь свою и дослужившись до полнаго генерала, бывши начальникомъ Богъ знаетъ сколькихъ полковъ, дивизій, штабовъ, канцелярій и пр. и пр., слѣдственно бывши почти цѣлую жизнь въ соприкосновеніи и столкновеніи съ людьми всевозможныхъ сферъ, онъ сохранилъ до конца жизни чрезвычайно стран-

ную въ его положеніи способность: быть застѣнчивымъ. Не было ничего смѣшнѣе—его, генералъ-губернатора, въ дни репрезантацій, когда онъ обязанъ былъ, какъ говорятъ французы: faire les honneurs de sa maison et de sa position. Какъ человѣкъ свѣтскій, какъ дипломатъ, какъ генералъ-губернаторъ наконецъ, онъ совершенно терялся, когда надо было принимать большое общество, сказать каждому что нибудь любезное и сказать это такъ и настолько, чтобъ это не превышало мѣру личнаго и общественнаго значенія каждаго. На большихъ генералъ-губернаторскихъ выходахъ, Тучковъ терялся такъ, что не зналъ, что говорить, а ежели говорилъ, но такіе невинные вздоры, какіе, при такихъ случаяхъ, говорить генералъ-губернатору не слѣдовало бы. Зная свою неспособность къ этимъ репрезантаціямъ, онъ старался большею частію отдѣлаться однимъ общимъ поклономъ, общею фразою и тѣ, которые имѣли случай видѣть его только на этихъ большихъ выходахъ, имѣли полное право называть его человѣкомъ недальнимъ: онъ иначе и не могъ имъ представиться.

Но ежели онъ былъ таковъ въ большомъ обществѣ, за то одинъ на одинъ или въ маломъ, а, главное, въ интимномъ обществѣ, онъ давалъ себѣ волю и становился такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Тутъ онъ былъ скорѣе словоохотенъ, нежели молчаливъ, и, Боже мой! сколько ума, сколько знанія, сколько начитанности высказывалъ онъ тутъ. Наблюдательность, любовь къ ближнему, необыкновенная деликатность ощущеній, желаніе общественной пользы и это все согрѣтое необыкновеннымъ и непритворнымъ чувствомъ, искреннею симпатичностію ко всему благородному, честному и разумному—вотъ какія сокровища открывалъ въ немъ тотъ, кто имѣлъ счастіе быть къ нему близкимъ, заслужить его довѣренность. Этого человѣка невозможно было не уважать; его нельзя было не любить; подлѣ него всякому было какъ-то привольно и тепло; всякій отдыхалъ послѣ разговора съ нимъ и какъ смѣшны и обидны казались послѣ того разговоры и сужденья въ гостиныхъ, въ которыхъ называли его человѣкомъ недальнимъ. Никогда не позируя, никогда ни чѣмъ не выставляясь, скромный, онъ послѣ деспотизма Закревскаго, вмѣшивавшагося во все, даже въ семейныя дѣла,—конечно долженъ былъ, какъ генералъ-губернаторъ, показаться безцвѣтнымъ, неважнымъ, потому что нигдѣ не давалъ замѣтить своего генералъ-губернаторства, своего *я*, такъ сильно кстати и некстати гремѣвшаго въ устахъ Закревскаго.

Позволяю себѣ разсказать два случая, которые вѣрнѣе всего могутъ обрисовать графа С. Г. Строгонова и П. А. Тучкова. Оба эти разсказа нагляднѣе всего могутъ показать несправедливость тѣхъ

составившихся о нихъ мнѣній, которыя мнѣ такъ часто случалось слышать и стараться опровергнуть: холодность одного и умъ другаго.

Вотъ эти случаи:

Въ уголовную палату поступило дѣло о богохульствѣ двухъ мальчишекъ-раскольниковъ въ кабакѣ Богородскаго уѣзда. Дѣло было такъ; въ кабакъ пришло 4 молодыхъ крестьянина: два православныхъ, и два раскольника, изъ которыхъ старшему было не болѣе 17-ти или 18-ти лѣтъ. Тутъ они порядочно выпили и пьяные поссорились. Въ припадкѣ гнѣва, порожденнаго хмѣлью, одинъ изъ раскольниковъ сказалъ:

— Мы съ вами и пить-то вмѣстѣ не хотимъ! Ваша вѣра поганая.

Православный отвѣчалъ ему:

— Перестань Васька ругаться! Святой Вакула тебя накажетъ за это.

— Убирайся къ чорту и съ своимъ Вакулой! закричалъ раскольникъ въ запальчивости.

Этотъ разговоръ былъ заявленъ, раздутъ до богохульства, вѣроятно подъ вліяніемъ мѣстнаго священника; доведенъ до свѣдѣнія консисторіи и составилъ предметъ дѣла, результатъ котораго доводилъ преступника до страшнаго наказанія.

Нисшая ступень суда, т. е. уѣздный судъ, вѣрный своей обязанности судить, а не миловать, при уложеніи 1842 года не позволявшемъ того, что дозволено уложеніемъ 1857 года и уставами 1864 года, приговорилъ двухъ несчастныхъ мальчиковъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь, По буквѣ, рѣшеніе было правильно,—но было ли правильно по смыслу, предоставляю разсудить вамъ самимъ. За два слова, сказанныя въ пьянствѣ и раскольниками, явно называющими свою вѣру истинною и всякую другую заблужденіемъ, сослать двухъ молодыхъ людей, въ лучшей порѣ жизни, въ Сибирь, показалось мнѣ ужаснымъ. И замѣтьте: не за смыслъ словъ, которыя они сказали,—смыслъ этотъ громко, публично, во всеуслышаніе повторялся всѣми раскольниками, потому что думать такъ дозволялось имъ закономъ, (ежели дозволялось имъ быть легально раскольниками и хоть не публично, но исполнять обряды своего ученія), но за необдуманность одного мгновенія, за недостатокъ сдержанности, требовать которую отъ простаго крестьянина было бы почти безумствомъ. Обсудивши дѣло по совѣсти, я сообщилъ мои мысли моимъ товарищамъ по палатѣ, и къ чести ихъ долженъ сказать, что благородные люди эти, безъ малѣйшаго затрудненія согласились со мной, что наказывать лишеніемъ правъ и ссылкой за два слова, сказанныя въ пьяномъ видѣ, было бы возмутительной неспра-

ведливостію. Мы признали возможнымъ и должнымъ наказать ихъ какимъ нибудь исправительнымъ наказаніемъ, но для этого нужно было чтобъ генералъ-губернаторъ, утверждавшій приговоры палаты, былъ на это согласенъ, ибо въ случаѣ неутвержденія — дѣло переходило въ сенатъ, въ которомъ выказалась бы незаконность рѣшенія по буквѣ, а сенату, страдавшему формалистикой, послѣ указанія, сдѣланнаго генералъ-губернаторомъ, конечно ничего больше не оставалось бы дѣлать, какъ отмѣнить приговоръ палаты и присудить ихъ къ ссылкѣ. Зная направленіе графа и его неуклонное уваженіе къ законности, чему онъ такъ много далъ доказательствъ, бывши сенаторомъ, и не зная его еще близко а, слѣдственно, не имѣя возможности убѣдиться, на сколько подъ его наружною холодностью таилось сердечной доброты и чувства гуманности,—я тѣмъ не менѣе взялъ на себя тяжелую обязанность предложить ему это. Не могу не сознаться, что сердце мое сильно билось, когда я подъѣзжалъ къ подъѣзду генералъ-губернаторскаго дома. Но мысль, что отъ этого зависитъ судьба цѣлой жизни двухъ несчастныхъ (и ихъ семействъ), уже нѣсколько мѣсяцевъ томившихся, при медленности тогдашняго судопроизводства, въ острогѣ, меня поддерживала. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ и онъ знакомъ пригласилъ меня сѣсть по другую сторону письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ самъ, языкъ у меня путался и рѣчь обрывалась: кое-какъ съ трудомъ, высказалъ я ему мысль свою. Онъ сначала отвѣчалъ отказомъ, но когда я, одушевившись, представилъ ему всю тягость послѣдствій и на цѣлую жизнь за два необдуманныя слова, сказанныя не въ нормальномъ состояніи, наружная леденая кора его растопилась. Что съ нимъ вѣроятно бывало очень рѣдко, онъ вскочилъ съ своего мѣста и съ костылемъ своимъ принялся чуть не бѣгать по комнатѣ, бросая время отъ времени перерывистыя фразы въ родѣ этихъ:

— Да развѣ можно допустить ругательство надъ вѣрою? Что изъ этого будетъ? Вы подумали-ли? и проч. въ этомъ родѣ.

Видно было, что въ немъ происходила сильная борьба человѣка съ генералъ-губернаторомъ; что законность, за которую онъ ратовалъ всю свою жизнь, теперь боролась съ сердечною, всегда такъ упорно скрываемою гуманностію и теплотою сердца, и ему не хотѣлось показать этого. Походивши такъ минутъ съ десять, забрасывая меня вопросами въ родѣ тѣхъ, которые приведены выше, и не дожидаясь отъ меня отвѣтовъ, онъ наконецъ остановился противъ меня, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и вдругъ спросилъ:

— Что же думаете вы сдѣлать?

Я отвѣчалъ ему, что мы пріищемъ какую нибудь статью закона,

на основаніи которой подвергнемъ мальчишекъ аресту или тюрьмѣ на мѣсяцъ или на два.

— А потомъ? спросилъ онъ тревожно.

— Потомъ, ежели вашему сіятельству угодно будетъ утвердить приговоръ палаты, дѣло будетъ кончено....

— И оно никуда не пойдетъ дальше?

— Никуда; рѣшенія палаты, утвержденныя генералъ-губернаторомъ и не опротестованныя прокуроромъ, считаются окончательными. За просвѣщенный же и гуманный взглядъ прокурора, что онъ протестовать не будетъ,—я отвѣчаю.

Долго стоялъ онъ, смотря мнѣ въ глаза, наконецъ тихо, какъ бы противъ воли, сказалъ мнѣ въ полголоса:

— Дѣлайте какъ хотите! И показалъ рукою, что разговоръ нашъ кончился. Двое мальчиковъ были спасены; семейства ихъ остались неразоренными; правда и милость восторжествовали. Я выскочилъ изъ кабинета, самъ не понимая, какъ могъ одержать такую неожиданную побѣду.

Не далѣе какъ на другой день приговоръ былъ посланъ къ генералъ-губернатору, а на третій имъ утвержденъ: мальчики были спасены.

Понимая какую борьбу выдержалъ графъ Сергій Григорьевичъ съ самимъ собою и какъ дорого стоила ему моя побѣда, онъ сдѣлался въ моихъ глазахъ предметомъ культа. По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ случай и доставилъ мнѣ честь того вниманія, которое онъ мнѣ оказалъ, помѣстивъ меня въ списокъ, оставленный Тучкову.

Въ другой разъ, какъ-то къ слову, онъ въ нѣсколькихъ словахъ высказалъ взглядъ свой на свою должность. Слова эти я храню какъ драгоцѣнность.... увѣренъ, что онѣ будутъ оцѣнены впослѣдствіи.

— «Лучшій генералъ-губернаторъ тотъ, про котораго не знаютъ, есть онъ или нѣтъ, когда все идетъ какъ слѣдуетъ. Генералъ-губернаторъ долженъ только наблюдать, чтобы все совершалось законно; чтобъ суды и люди исполняли въ точности требованія закона,— и показывать власть свою только тогда, когда имъ замѣчены будутъ какія нибудь нарушенія закона или уклоненія отъ него».

Заговоривши о графѣ Строгоновѣ, не могу удержаться, чтобы не разсказать еще одинъ случай, бывшій со мною, въ которомъ онъ еще разъ выказалъ, какъ много въ этой благородной душѣ было гуманности и справедливости.

У меня горѣлъ домъ въ то время, какъ я сидѣлъ въ палатѣ.

Извѣщенный сыномъ, я прискакалъ на пожаръ, увидѣлъ, что имущество мое вынесено на бульваръ, но нѣкоторые сундуки раскрыты и часть раскрадена спасителями. Въ другомъ моемъ домѣ чрезъ узкую улицу (Грачевку) жила вдова бывшаго моего управляющаго домами, сбирающая съ домовъ доходы; не смотря на болѣзненность ея (она лежала почти на смертномъ одрѣ), отнять у нея право этого сбора значило, по ея понятіямъ, лишить ее возможности быть мнѣ полезною, а за это – она имѣла полное право это думать—она легально получала и квартиру и жалованье. Это была женщина вполнѣ надежная и я очень часто оставлялъ у ней деньги довольно большими суммами. Въ это время у ней, по моему счету, должно было быть около 3.300 р. Поручивъ моему сыну наблюдать за имуществомъ, я пошелъ къ тому дому, гдѣ жила управительница. Толпа на площади, противъ горѣвшаго дома, была страшная; чтобы удержать ее въ нѣкоторомъ разстояніи отъ огня, разставлена была цѣпь изъ солдатъ, на разстояніи 10-ти или 12-ти шаговъ другъ отъ друга. Такъ какъ толпа была такъ густа, что пролѣзть черезъ нее не было возможности, потому что и другой домъ могъ скоро загорѣться и изъ него жильцы уже выносили свои пожитки, слѣдственно надо было торопиться, то я, выбравшись изъ толпы, пошелъ вдоль цѣпи солдатъ, по свободной сторонѣ. Мнѣ попался на встрѣчу какой то частный приставъ съ крестомъ на шеѣ, который закричалъ мнѣ грубо: «куда ты идешь?» Вполнѣ вѣжливо я сталъ объяснять ему, что я владѣлецъ дома, который горитъ, что иду въ другой свой домъ, который можетъ загорѣться каждую минуту и хочу взять у умирающей моей управительши до 3.000 руб., которые она въ попыхахъ и въ болѣзни можетъ потерять или которые могутъ быть украдены въ этой суетѣ. Мой частный приставъ находился въ той полицейской ярости, которую можно назвать furia policinaese, въ которой полицейскій ничего не видитъ и не слышитъ, и закричалъ солдату, стоявшему близъ меня въ цѣпи: «возьми его!» Это, какъ вѣроятно вы согласитесь сами, было уже черезъ-чуръ сильно. Солдатъ грубо схватилъ меня за руку, я не могъ утерпѣть, чтобы не закричать ему, чтобы онъ до меня не дотрогивался, и хотѣлъ идти дальше, но мой частный приставъ не удовольствовался и, одержимый той же полицейской яростью, закричалъ другому солдату, чтобъ онъ помогъ первому. И конечно меня бы арестовали и посадили въ сибирку, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, ежелибъ на мое счастіе не шелъ мимо и, разумѣется, внѣ цѣпи, знакомый мнѣ плацъ-адъютантъ К—ъ. Я очень хорошо помню, что закричалъ ему: «избавьте меня пожалуста отъ этихъ скотовъ!» К–ъ подошелъ къ яростному частному приставу и объяснилъ

ему кто я такой; ярость его мгновенно стихла и онъ, какъ ошпаренный пѣтухъ, поспѣшилъ удрать. Я пошелъ безпрепятственно въ другой домъ, взялъ деньги и возвратился къ своему имуществу.

Пожаръ продолжался долго. Я имѣлъ честь встрѣтить графа Строгонова, съ которымъ стоялъ около получаса; онъ былъ такъ внимателенъ, что засвидѣтельствовалъ мнѣ, что мебель моя спускалась съ балкона моими людьми съ величайшею осторожностію, распрашивалъ о домѣ, жильцахъ и проч. Отойдя отъ него, я наткнулся на полиціймейстера Сычинскаго, сидѣвшаго въ своемъ золотомъ шишакѣ на бочкѣ; онъ меня спросилъ: «какая была у васъ исторія?» И когда я отвѣчалъ, что никакой исторіи не было, не считая выходку частнаго пристава заслуживающею вниманія, то онъ прибавилъ: «какъ не было, когда о томъ, что вы ударили часоваго уже доведено до свѣдѣнія генералъ-губернатора». Я отвѣчалъ ему, что оставилъ графа только сію минуту и что онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ ни слова, при чемъ разсказалъ ему все какъ было.

Тѣмъ не менѣе это меня встревожило. Я очень хорошо понималъ, что значитъ ударить часоваго, и хотя былъ въ этомъ совершенно неповиненъ, но зная сколько у меня недоброжелателей, нашелъ лучшимъ не обращаться къ субалтернамъ, а прямо къ графу, благородный и возвышенный характеръ котораго былъ извѣстенъ всей Москвѣ.

Такъ какъ платье у меня все сгорѣло (или было раскрадено), то я и явился къ графу въ люстриновомъ сѣренькомъ пальто,—единственномъ костюмѣ, который у меня оставался. Разумѣется, входя въ кабинетъ къ нему, я извинился, что осмѣливаюсь представиться ему въ такомъ неприличномъ нарядѣ и объяснилъ ему причину моего посѣщенія.

Графъ отвѣчалъ, что въ такомъ положеніи, въ какомъ я находился вчера, человѣкъ не помнитъ самъ, что дѣлаетъ; что это не можетъ быть причтено въ вину и проч. въ этомъ родѣ,—но я, не желая, чтобъ у человѣка столь много уважаемаго, могла остаться хоть тѣнь сомнѣнія о моемъ характерѣ, особенно при занимаемой мною должности, я постарался увѣрить графа, что драться съ кѣмъ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ совершенно не въ моихъ привычкахъ; что я этого себѣ никогда бы не позволилъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, какимъ непріятнымъ послѣдствіямъ я могъ бы подвергнуться за удары часовому. Графъ меня отпустилъ, сказавши, что я могу быть совершенно покоенъ.

Не прошло трехъ дней, какъ я получилъ отъ втораго коменданта барона Саморуги письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомлялъ, что о побояхъ, мною нанесенныхъ солдату, доведено до свѣдѣнія

военнаго министра, и что я могу кончить это дѣло, помирившись съ солдатомъ.

Это письмо меня взорвало. Изъ него увидалъ, что солдатамъ потворствуютъ, когда они вносятъ на безвинныхъ людей возмутительныя клеветы, и способствуютъ извлекать изъ своей лжи денежныя выгоды. Не задумываясь долго, я отвезъ это письмо къ графу. Онъ выслушалъ меня съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ и отпустилъ, подтвердивши снова не тревожиться.

Такъ прошло три или четыре недѣли и я начиналъ уже забывать объ этомъ происшествіи, озабоченный отстройкою сгорѣвшаго дома.

Не лишнимъ считаю прибавить, что когда я пришелъ въ палату на другой день пожара, мнѣ доложили, что содержащійся въ острогѣ арестантъ, Николай Красильниковъ, просится въ палату для объявленія, какъ арестанты называютъ, «секрета». Я велѣлъ его привести на слѣдующій день.

Введенный въ присутствіе, Красильниковъ объявилъ, что онъ знаетъ, кто сжегъ мой домъ. Я, засмѣявшись, отвѣчалъ, что отъ этого мнѣ теперь нѣтъ никакой пользы, и что это могло бы меня интересовать наканунѣ, но не теперь. Онъ отвѣчалъ, что онъ и наканунѣ зналъ, что пожаръ будетъ, ибо выходивши съ конвоемъ изъ палаты, онъ встрѣтилъ въ дверяхъ арестантку Авдотью, которая ему сказала: «Селиванова домъ завтра взлетитъ на воздухъ!» Онъ просился назадъ въ палату объявить мнѣ объ этомъ, но его не допустили. Тогда я пожелалъ узнать, кто сжегъ мой домъ? Меня заинтересовало—какимъ образомъ въ острогѣ знаютъ напередъ, когда будетъ горѣть какой либо домъ. Красильниковъ мнѣ разсказалъ, что у него есть сестра, находящаяся по своей матери (французской актрисѣ Anne) подъ особымъ покровительствомъ одного частнаго пристава, что у его сестры есть любовникъ, о которомъ въ палатѣ производится дѣло о сбытѣ завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ; что дѣло это было у меня на дому и что домъ подожгли для того, чтобы сжечь дѣло. Къ этому онъ прибавилъ, что у его сестры есть объ этомъ изъ острога письмо, которое лежитъ въ такой-то комнатѣ, въ такомъ-то комодѣ, въ такомъ-то ящикѣ.

Не надѣясь, чтобы, по поводу вышеписанныхъ отношеній къ частному приставу, можно было найти письмо черезъ полицію, я подалъ объ этомъ открытіи докладную записку гражданскому губернатору. Изъ этого однако ничего не вышло. Письма разумѣется не нашли. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Для полноты картины прибавлю, что этотъ же самый домъ года черезъ два былъ снова подожженъ мальчикомъ лѣтъ 11-ти, какъ онъ

самъ разсказывалъ, за 2 рубля серебромъ. Мальчикъ описалъ того, кто подкупилъ его, довольно подробно; но потомъ, вдругъ, неизвѣстно почему, началъ говорить вздоръ и указывать на людей, примѣты которыхъ были совершенно не схожи съ примѣтами того, на котораго показывалъ прежде. И это дѣло кончилось тоже ничѣмъ—и хотя были темные слухи, обвинявшіе въ этомъ поджогѣ одно извѣстное мнѣ лицо, и слухи, надо прибавить, довольно вѣроятные, я преслѣдовать ихъ не сталъ: опытъ перваго дѣла доказалъ мнѣ всю ихъ безполезность. Не надо забывать, что судебныхъ слѣдователей тогда еще не было: слѣдствія производила полиція.

Прошло три или четыре недѣли послѣ полицейской яростной выходки на пожарѣ,—и я начиналъ, конечно, забывать о ней,—какъ вдругъ, секретарь палаты (П. Д. К—ъ), воротившійся изъ канцеляріи генералъ-губернатора, куда онъ ходилъ для нѣкоторыхъ объясненій,—доложилъ мнѣ, что обо мнѣ получена какая-то секретная бумага изъ Петербурга. Всякая секретная бумага послѣ того, что я вытерпѣлъ въ жизни по милости Панчулидзева, меня разумѣется пугала. Я бросился въ канцелярію—и тамъ правитель канцеляріи (Ѳ. П. К—ъ) приказалъ дать мнѣ прочитать эту бумагу. Бумага эта была ни больше, ни меньше какъ Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи меня отъ преслѣдованія за побои солдату на пожарѣ. Освобождался я по ходатайству генералъ-адъютанта графа Строгонова, и по докладу Государю Императору военнымъ министромъ.

Нѣтъ надобности говорить, что я бросился благодарить графа Строгонова, сознавая самъ, что для выраженія моего чувства, которое останется во мнѣ до конца жизни, у меня недостаетъ словъ.

Выслушавъ молча нѣсколько горячихъ словъ благодарности, онъ заговорилъ о другомъ, какъ будто самая благодарность моя была ему непріятна; какъ будто поступокъ его въ отношеніи ко мнѣ былъ что то такое, о чемъ не стоитъ даже и говорить.

Благородный человѣкъ! Ежели когда нибудь онъ прочтетъ эти строки, пусть знаетъ, что я буду его помнить до гробовой доски и что его имя есть одно изъ тѣхъ, которое я произношу чуть не съ благоговѣніемъ.

III.

;сли справедливо, что графъ С. Г. Строгоновъ, уѣзжая изъ Москвы, зилъ Тучкову записку, кого онъ считаетъ полезнымъ въ комми- ,ля составленія проэкта новаго городскаго управленія, въ ко- і былъ упомянутъ и ея, то нѣтъ удивительнаго, что я пользо- і расположеніемъ Тучкова, котораго, независимо отъ моихъ слу- ыхъ отношеній какъ предсѣдателя палаты, я имѣлъ возмож- › узнать близко, вслѣдствіе многихъ его порученій, неотнося- :я вовсе къ моей службѣ, и узнать настолько, чтобъ имѣть воз- юсть оцѣнить эту благородную личность со всѣхъ сторонъ, такъ я затруднился бы отвѣчать, ежелибъ меня спросили: что въ немъ э всего заслуживало уваженія.

'ъ доказательство того, какъ сильно развито было въ немъ чув- правды, хотя бы даже въ ущербъ собственной власти; какъ ненъ былъ его взглядъ и какой широкій просторъ давалъ онъ ымъ, хоть и свободнымъ убѣжденіямъ, только бы они были енны—я хочу разсказать одинъ случай, характеризующій, по ней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, честную личность Тучкова.

;огда было получено разрѣшеніе на составленіе проэкта городо- положенія для Москвы, Тучковъ назначилъ въ комисію отъ)вія дворянъ: А. А. Рябинина и меня; отъ сословія купцовъ: . Ширяева и И. И. Четверикова и отъ себя: В. М. Лосева и ,. Игнатьева, который былъ и производителемъ дѣлъ. Комисія юдъ его личнымъ предсѣдательствомъ собралась въ назначен- день, вечеромъ, въ комнатѣ передъ его кабинетомъ. Тутъ поста- длинный столъ, покрыли его зеленымъ сукномъ, и освѣтили я большими канделябрами. Тучковъ сѣлъ посрединѣ, Игнатьевъ ивъ него; я подлѣ Игнатьева, подлѣ меня Рябининъ, за тѣмъ)въ; купцы сидѣли съ правой стороны.

'акъ какъ петербургское городовое положеніе было уже вве- нѣсколько лѣтъ прежде, то его и предположили принять за заніе работъ. Была-ли это мысль Тучкова—не знаю; думаю, что

ъ перваго же засѣданія роли обозначились ярко. Не смотря на іьшое количество членовъ комисіи, въ ней проявились три на- іенія: чисто либеральное, желающее во всемъ справедливости 1 même, сословное и консервативно-чиновничье, держащееся за у петербургскаго положенія, какъ за догматъ. Это послѣднее на-

правленіе исказило весь характеръ проэкта, который при генералъ-губернаторѣ Тучковѣ могъ выдти образцовымъ, то есть самымъ истиннымъ выраженіемъ желаній всѣхъ обывателей города Москвы.

Я сказалъ выше: я не думаю, чтобъ Тучковъ желалъ буквально держаться петербургскаго положенія; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть всѣхъ его несовершенствъ. По несчастію, тутъ былъ злой духъ, который портилъ все. Въ первое же засѣданіе оказался разладъ въ воззрѣніяхъ: одни находили, что петербургское положеніе, такъ какъ оно уже утверждено законодательнымъ порядкомъ, есть верхъ человѣческой мудрости; что намъ стоитъ только списать его слово въ слово и быть вполнѣ довольными, ежели его утвердятъ. Другіе, напротивъ того, находили, что петербургское положеніе можетъ быть и очень хорошее въ то время, когда оно было введено, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда въ понятіяхъ и взглядахъ произошло замѣтное движеніе впередъ, не удовлетворяетъ, прежде всего, справедливости, а вслѣдствіе этого и дѣйствительной потребности общественныхъ требованій.

По петербургскому положенію городское общество состояло изъ пяти сословій: 1) потомственныхъ дворянъ; 2) личныхъ дворянъ и потомственныхъ гражданъ; 3) купцовъ; 4) мѣщанъ и 5) цѣховыхъ. Три изъ этихъ сословій посылаютъ въ распорядительную думу по 2 члена, четвертое и пятое двухъ членовъ оба вмѣстѣ. Либеральная фракція находила это несправедливымъ, говоря, что ежели уже есть дѣленіе на сословія, то каждое изъ нихъ и должно имѣть въ распорядительной думѣ свое представительство и что петербургское положеніе въ этомъ случаѣ грѣшитъ противъ справедливости во имя скрытыхъ цѣлей.

Чиновничья фракція не позволяла себѣ даже судить, справедливо это или нѣтъ; ее ужасала самая мысль измѣнять что либо въ петербургскомъ положеніи; ей казалось это дерзостью, невозможною, немыслимою.

Сословная и консервативная молчала и только посматривала на Тучкова, ожидая что онъ скажетъ.

Тучковъ молчалъ.... Онъ не хотѣлъ вступать въ пренія, ибо зналъ, что его мнѣніе, ежели онъ его выскажетъ, будетъ безусловно принято большинствомъ. На этотъ разъ либералы превозмогли; количество 10 членовъ распорядительной думы было принято.

Второе столкновеніе было на параграфѣ: какъ поступать въ такомъ случаѣ, когда распорядительная дума не согласится съ мнѣніемъ общей думы.

Либералы находили, что общая дума есть тоже, что власть законодательная; а распорядительная дума тоже что власть исполнительная; что ежели общая дума представляетъ собою цѣлый городъ, то въ интересахъ этого города она должна быть верховнымъ судилищемъ и распорядительная дума, получавшая направленіе отъ общей думы, должна безусловно ей подчиняться.

Чиновники видя, что въ петербургскомъ положеніи всѣ подобныя пререканія разрѣшаются генералъ-губернаторомъ, скорѣе всего, въ видахъ лести, искоса посматривая на Тучкова, утверждали, что невозможно обойти генералъ-губернатора, такъ какъ онъ есть настоящій хозяинъ города,—но либералы, увлекшись жаромъ спора, можетъ быть нѣсколько и безтактно, стали напротивъ того утверждать, что послѣ деспотизма Закревскаго, надо всѣми силами стараться загородиться отъ власти генералъ-губернаторской и на слова чиновниковъ, что странно было бы лишить его превосходительство принадлежащей ему власти,—не затруднились прибавить, что ежелибъ можно было быть увѣреннымъ, что Тучковъ или другіе подобные ему, всегда будутъ занимать мѣсто главнаго начальника столицы, тогда никакія предосторожности не нужны, да и самый параграфъ этотъ надо было бы вовсе уничтожить, какъ вещь совершенно излишнюю.

Видя, что при этомъ желаніи умалить генералъ-губернаторскую власть, живое олицетвореніе этой власти не изъявляетъ нисколько не только гнѣва, но даже и тѣни неудовольствія, чиновники поджали хвостикъ, но тѣмъ не менѣе вѣрные своей бюрократической мысли единолично разрѣшать всѣ вопросы,—а между тѣмъ видя, что оракулъ молчитъ, предложили средній терминъ (terme moyen), именно: въ подобныхъ случаяхъ, спорный вопросъ представлять на разрѣшеніе сената. Такъ этотъ параграфъ и былъ принятъ. Тучковъ остался вѣренъ себѣ самому. Онъ, въ столь близкомъ его власти вопросѣ, ни однимъ словомъ не стѣснилъ свободу преній.... Онъ принялъ параграфъ, но не продиктовалъ его. Не знаю, много ли найдется генералъ-губернаторовъ, которые бы такъ гуманно и разумно смотрѣли на подобный случай. Нельзя не согласиться, что для самолюбія генералъ-губернатора не можетъ быть пріятно доселѣ безконтрольную и почти диктаторскую власть, установленную Голициными и Закревскимъ (сохрани меня впрочемъ Богъ ихъ сравнивать) отдать на судъ сенаторовъ, людей, которые во многихъ случаяхъ гнутся передъ генералъ-губернаторскою властію и замѣтно заискиваютъ ихъ расположенія.

Самый же сильный споръ, помнится мнѣ, возникъ со стороны ли-

беральной фракціи, когда дошли до параграфа, дозволяющаго потомственнымъ дворянамъ отказываться отъ городской службы, если они будутъ въ нее выбраны и, наоборотъ, лишающаго этого права всѣ другія сословія. Либералы говорили, что это возмутительная несправедливость; что обыватели города всѣ равны, потому что сообразно своему достатку равномѣрно несутъ общественную городскую повинность; что купецъ 1-й гильдіи, выбранный на зло ему въ рядскіе старосты или торговые смотрители, есть вопіющій нонсенсъ; что въ городскомъ обществѣ самое дѣленіе на сословія, есть уже непонятная странность и что ежели предоставить дворянамъ право отказываться отъ должностей, то надо предоставить это право и всѣмъ другимъ сословіямъ, во имя разумности и правды.

Сословная фракція доказывала, что всемилостивѣйше жалованная дворянству грамота даетъ дворянамъ право отказываться отъ службы, когда они этого не желаютъ и что заставлять ихъ служить было бы нарушеніемъ дворянскихъ правъ. Либералы отвѣчали, что дворянская грамота дана была императрицею Екатериною совсѣмъ при другихъ условіяхъ, что городская служба не сословная и что извѣстный законъ, изданный на извѣстный случай, не можетъ служить основаніемъ для другихъ случаевъ; что сепаратные указы, самимъ закономъ воспрещено приводить основаніемъ для другихъ подобныхъ дѣлъ и что слѣдственно дворянская грамота къ настоящему случаю относиться не можетъ.

Въ жару спора сословная фракція забылась до того, что позволила себѣ, въ присутствіи безграничной генералъ-губернаторской власти, сказать либераламъ:

— Мы знаемъ, чего вы хотите!!

Либералы, въ свою очередь, тоже забывши, гдѣ они и при комъ, отвѣчали рѣзко:

— Мы и не скрываемъ нашихъ мнѣній! Мы прямо говоримъ, что различіе сословій есть мерзость передъ Богомъ, и что въ настоящемъ случаѣ выставлять сословныя права чистое безумство....

Замѣчательно, что члены другой сословной фракціи не смотря на то, что вопросъ касался ихъ болѣе, нежели кого нибудь, упорно молчали; либераламъ однимъ пришлось на своихъ плечахъ выносить упрекъ, могущій столько повредить имъ впослѣдствіи.

Взглянувъ на Тучкова, которымъ сословные вѣроятно хотѣли запугать либераловъ, надѣясь, что въ присутствіи генералъ-губернатора они не осмѣлятся высказать своихъ завѣтныхъ мыслей,—я увидѣлъ, что Тучковъ улыбается не ядовито и зло, а чрезвычайно добродушно

и видимо не поставляя ихъ мнѣнія имъ въ вину. Видя, что споръ зашелъ довольно далеко и что вопросъ надо же разрѣшить чѣмъ нибудь, Тучковъ сказалъ тихо, что по его мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ можно будетъ придержаться петербургскаго положенія. Само собою разумѣется, что либералы спорить съ нимъ не стали и параграфъ былъ принятъ въ петербургской редакціи.

Одна изъ сословныхъ фракцій оказала признакъ жизни только тогда, когда возбужденъ былъ вопросъ о томъ: изъ какихъ сословій можетъ быть избираемъ градской голова. Либералы говорили, что способные люди могутъ быть во всѣхъ сословіяхъ; что цензъ тутъ не долженъ играть никакой роли, что петербургское положеніе, дающее это право только потомственнымъ дворянамъ и купцамъ 1-й гильдіи, ни на чемъ не основанная привиллегія, несправедливая и потому неразумная и проч. Чиновники молчали не смѣя возражать послѣ предшествовавшаго урока; одни сословники поддерживали петербургское положеніе, находя его разумнымъ; другіе робко высказались, что почему бы не дать этого права и второй гильдіи. Тучковъ опять молчалъ; онъ давалъ высказаться свободно всякому мнѣнію и когда либералы, хоть и неохотно согласились, что градской голова сапожникъ или извощикъ не совсѣмъ удобная вещь,—большинство согласилось съ желаніемъ заинтересованныхъ: дать и 2-й гильдіи право выставлять своихъ кандидатовъ на градскаго голову. Тучковъ былъ строго пассивенъ все время. Стѣсненія своимъ мнѣніямъ никто не чувствовалъ. Ежели кто могъ быть имъ недоволенъ, такъ это фракція чиновниковъ: они, воображая, что ежели онъ молчитъ при ихъ выходкахъ, значитъ соглашается,—очень въ немъ ошиблись—онъ ни разу не поддержалъ ихъ.

Когда проэктъ устава былъ обсужденъ и принятъ окончательно. чиновничья фракція и тутъ попыталась втянуть Тучкова въ поступки противные его честной природѣ. Вѣроятно она увѣрила его, что редакція журнала всѣми просмотрѣна предварительно и на нее изъявили уже всѣ согласіе,—только журналъ этого перваго засѣданія во второе засѣданіе былъ принесенъ правителемъ канцеляріи Радзевичемъ, уже подписанный генералъ-губернаторомъ, и, слѣдственно, редакція его была совершенно неизвѣстна членамъ комисіи. Тогда одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что ежели журналы засѣданій будутъ приносимы уже подписанные генералъ-губернаторомъ прежде, а не читаться въ засѣданіяхъ для общаго одобренія, прежде подписанія, то лучше закрыть коммисію, потому что ни одинъ изъ ея членовъ не пожелаетъ идти противъ генералъ-губернатора и что, слѣдственно,

ни коммисіи, ни преній нѣтъ, — это заставило чиновниковъ перемѣнить тактику и случай этотъ болѣе не повторялся.

Сохрани меня Богъ подозрѣвать въ этомъ Радзевича, онъ былъ слишкомъ честный человѣкъ для того, чтобъ позволить себѣ подобную гадкую выходку.

Дальнѣйшія засѣданія коммисіи, составлявшей правила введенія проэкта въ дѣйствіе и въ которыхъ Тучковъ лично уже не предсѣдательствовалъ, полны такихъ курьезовъ, что объ нихъ стоило бы разсказать, но я ихъ оставляю до поры до времени.

Что Тучкова уважали и любили, и какъ генералъ-губернатора, и какъ человѣка, лучше всего доказываютъ его похороны, т. е. тогда, когда отъ него нельзя было ждать никакой благостыни. Провожало его до послѣдняго жилища около ста тысячъ человѣкъ, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ безъ состоянія или, по крайней мѣрѣ, съ состояніемъ очень ограниченнымъ,—то открыта была подписка на расходы по погребенію и собрано было 20.819 руб., изъ которыхъ потомственные дворяне пожертвовали 6.248 руб., личные 2.071 руб., купцы 10.000 руб., мѣщане 1.500 руб., ремесленники 1.000 руб. и проч.

Изъ нихъ на похороны и памятникъ истрачено 12.855 руб., а изъ оставшихся: 2.500 руб. употреблено на училище глухонѣмыхъ, 3.200 руб. на женскія гимназіи и проч.

Думаю, что не многіе удостоиваются такой тризны.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Я говорилъ выше, что на дворянскихъ выборахъ 1865 года я не былъ снова выбранъ: у меня недостало 5 шаровъ противъ моего конкурента, поддерживаемаго всѣми правовѣдами Москвы и ихъ вліяніемъ на лицъ, имѣющихъ дѣла въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Разумѣется, мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ просить Тучкова взять меня къ себѣ «состоящимъ при немъ», что и было сдѣлано.

Послѣ тревогъ и заботъ предсѣдательства, я задыхался въ ничего не дѣланіи. Тщетно я просилъ слѣдствій, командировокъ, труда,—мнѣ въ канцеляріи отвѣчали, что слѣдствій: нѣтъ, потому что всѣ онѣ розданы; — командировокъ тѣмъ еще менѣе; наконецъ, послѣ многихъ просьбъ съ моей стороны, дали мнѣ какое-то пустое слѣдствіе которое, разумѣется, я и окончилъ очень скоро. Такая дѣятельность, конечно, не могла меня удовлетворить. Въ это время вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе; я слышалъ отовсюду, что въ Польшѣ нужны русскіе люди; что безъ нихъ, не боясь измѣны, тамъ взяться некѣмъ, что.... и проч. Всѣ это только говорили, но

никто не двигался. Я вообразилъ, что могу быть тамъ полезенъ, и сообщилъ о моемъ намѣреніи ѣхать туда одному изъ тѣхъ благороднѣйшихъ людей, вниманіемъ котораго я имѣлъ честь пользоваться,— генералъ-адъютанту С. П. Шипову, бывшему въ Польшѣ, при Паскевичѣ, въ родѣ министра внутреннихъ дѣлъ и оставившаго тамъ самое лестное для всякаго русскаго воспоминаніе. Онъ одобрилъ мысль мою и обѣщался мнѣ содѣйствовать.

Не смотря на то, что мнѣ было уже 50 лѣтъ, что я былъ отцемъ двухъ взрослыхъ дѣтей, что всѣ мои денежные интересы сосредоточены были въ Москвѣ, гдѣ я жилъ домомъ,—я не задумался ни на минуту въ моемъ желаніи служить родинѣ, въ ея больномъ мѣстѣ. Я поѣхалъ къ Тучкову и объяснилъ ему мое желаніе. Онъ удивился, но не сталъ отговаривать. Онъ, такъ сказать, благословилъ меня и даже обѣщалъ—ежели я найду въ этомъ надобность—писать обо мнѣ графу Ѳ. Ѳ. Бергу.

И. В. Селивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА,

СУПРУГА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

въ 1707—1713 гг.

При настоящемъ томѣ «Русской Старины» (томъ XXVIII, май) приложенъ лучшій портретъ этой вполнѣ достопамятной женщины въ весьма отчетливомъ геліографическомъ снимкѣ, исполненномъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Свѣдѣнія объ Екатеринѣ I и ея жизни, начиная съ разъясненія ея темнаго происхожденія до самой кончины ея на престолѣ обширнѣйшей въ свѣтѣ монархіи—составляютъ цѣлую литературу. Эта литература довольно обширна и въ русской печати. Поэтому читатели «Русской Старины», конечно, знаютъ и жизнь, и характеристику, этой женщины во всѣхъ подробностяхъ и намъ остается лишь, по поводу портрета, нами изданнаго, только напомнить существенныя черты этой подруги и спутницы преобразователя Россіи, дѣлившей съ нимъ и радость и горе, бывшей его и утѣшительницей и усладою, необыкновенно чутко понимавшей его и умѣвшей отозваться на каждое движеніе его великаго духа.

Отношенія къ Петру—составляютъ самыя интересныя проявленія личности Екатерины Алексѣевны—и мы полагаемъ, что напоминаніемъ нѣсколькихъ къ ней писемъ царя и императора,—ея супруга, лучше всего оживитъ предъ нами ея нравственный обликъ. Письма эти сообщены намъ въ спискѣ покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, въ апрѣлѣ 1875 года, владѣвшимъ обширною библіотекою. Подлинники писемъ изданы съ добавленіемъ многихъ другихъ—въ 1861 г. въ весьма мало распространенномъ сборникѣ: «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Москва. 8 д. Изданіе коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ», книга 1-я. Изъ этого сборника мы привели нѣкоторыя письма въ дополненіе къ копія князя А. И. Барятинскаго.

Ред.

†

Изъ Жолкви, въ 8 д. января 1707 г.

Госпожи тетка и матка [1])! Письмо ваше, въ которомъ пишете о нововыѣзжей Катеринѣ, я принялъ, слава Богу, что здорово въ рожденьи матери было, а что пишете къ миру (по старой пословицѣ), и ежели такъ станетца, то мочно больше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ. О пріѣздѣ вашемъ я уже вамъ говорилъ и симъ письмомъ также подтверждаю: пріѣзжайте на Кіевъ не мѣшкавъ; изъ Кіева отпишите, а не отписавъ не ѣздите, для того, что дорога отъ Кіева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и съ дочерью. Piter.

---

†

Въ 5 д. января 1708 г.

Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублефъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василефъской и зъ дѣвочькою. Piter.

---

†

Изъ Вильны въ 29 д. января 1708 г.

Тетка и матка сама друга! (а скоро будетъ и сама третья!) Здравствуйте, а мы, слава Богу, здорово. Письмо ваше купно и съ презентомъ принялъ, и за оныя благодарствую, а что пишете, чтобъ къ вамъ всегда добрыя вѣдомости писать, и то я отъ сердца радъ, да какіе Богъ дастъ. Я чаю, что сіе мое письмо вамъ при самомъ времени выѣзда Ганскина изъ Кельдера достанется, о чемъ зѣло слышать желаю, что дай Боже въ радости не только слышать, но и видѣть. О ѣздѣ вашей въ Питербурхъ еще не могу писать, понеже непріятель ближится, и не знаемъ еще куды его обороты будутъ, о чемъ немедленно буду писать, увидѣвъ время куды вамъ быть, понеже горазда безъ васъ скучаю. Еще жь объявляю свою нужду здѣшнею: ошить и обмыть некому, а вамъ нынѣ вскорѣ быть, сами знаете, что нельзя. А здѣшнимъ повѣрить боюсь Екимовой (sic) причины.

---

[1]) Анисья Кириловна Толстая, приставница при Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Анисью Толстую государь называетъ теткою, а Екатерину—маткою.

того ради извольте то исправить, о чемъ вамъ донесетъ доноситель сего письма. За симъ предаю васъ въ сохраненіе Божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что дай, дай Боже! Прошу отдать должной поклонъ сестрѣ.

На частыя письма для Бога не подивуйте, истинно недосугъ. Piter.

---

†

Изъ Думиловичъ, въ 8 д. февраля 1708 г.

Матка и тетка! здравствуйте и съ нововыѣзжею Анною [1]); дай Боже всѣмъ здоровья. А что вы писали чтобъ быть вамъ въ Моленскъ: [2]) и о томъ я уже съ Семеномъ деньщикомъ писалъ, что по опорожненіи вы ѣхали; только не написалъ—куды, ибо и нынѣ еще не знаю, гдѣ съ вами видѣтся, для того, что не знаемъ—куды наши обороты будутъ; однакожъ поѣзжайте въ Моленскъ, отколь ближе къ намъ можете пріѣхать. За симъ паки здравствуйте; отдайте мой поклонъ сестрѣ. А о ѣздѣ въ Питербурхъ ранѣе конца сего мѣсяца не могу подлиннаго отписать; однакожъ надѣюсь на Бога, что чаю сему быть. Piter.

---

†

Изъ Санктъ-питербурха, въ 20 день марта 1708 г.,
при самомъ пріѣздѣ сюды.

Тетка и матка, здравствуйте! Уже съ три недѣли, какъ отъ васъ вѣдомости не имѣю; а межъ тѣмъ слышу, что не очень у васъ здорова. Для Бога, пріѣзжайте, скорѣй; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ. А съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ встрѣчь башмашникъ вашъ, понеже чаю, что вы уже въ дорогѣ. Дай Боже, чтобъ васъ видѣть въ радости скорѣй. Piter.

---

[1]) Цесаревна Анна Петровна, впослѣдствіи герцогиня Голштинская, † 1728 г., мать императора Петра III.

[2]) Надобно читать: Смоленскъ.

†

Изъ Вежищъ въ 5 д. марта 1708 г.

Матка и тетка, здравствуйте и съ маленькими! Письмо ваше я получилъ, изъ котораго не гораздо добро видѣлъ; дай Боже здоровья. Довольно у матки быть и одной теткѣ, а другую зачѣмъ чортъ принесъ? А что пишете, что некому чесать гладко,—пріѣзжайте скорѣе, старой гребнишка сыщемъ. И ежели сіе письмо застанетъ васъ межъ Вязьмы и Можайска, то поворотитесь къ Москвѣ и прямо поѣжайте въ Питербурхъ; а буде по сю сторону Вязьмы и Смоленску, то лутче въ Смоленскъ, и оттоль чрезъ Луки въ Нарву, понеже я въ будущую недѣлю конечно поѣду, Богъ волитъ, въ Нарву, и оттоль, не мѣшкавъ въ Питербурхъ. Piter.

---

†

Изъ лагору (т. е. лагеря) отъ рѣки Черной Маппы,
въ 31 д. августа 1708 г.

Матка и тетка, здравствуйте! Письмо отъ Васъ я получилъ, на которое, не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; понеже предъ очьми непрестанно непріятныя гости, на которыхъ уже намъ скучило смотрѣть: того ради мы вчерашнего утра резервувались и на правое крыло короля шведскаго съ осмью баталіонами напали, и по двочасномъ огню оного съ помощію Божіею съ поля сбили, знамена и протчая побрали. Правда, что я какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однакожъ сей танецъ въ чахъ (въ очахъ?) горячего Карлуса изрядно стонцовали; однакожъ больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ. Отдайте поклонъ кнеіне (княгинѣ Меншиковой?) и протчимъ, и о семъ объявите. Piter.

---

†

Изъ лагору (лагеря) въ 27 д. іюня 1709 г. [1]).

Матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что всемилостивый Господь неописанную побѣду надъ непріятелемъ намъ сего дня даровати изволилъ, единымъ словомъ сказать, что вся непріятельская сила на голову побиты, о чемъ сами отъ насъ услышите; и для поздравленія пріѣзжайте сами сюды. Piter.

Поклонись отъ меня кнеінѣ и протчимъ.

---

[1]) Съ этого достопамятнаго и славнаго дня, царь Петръ пишетъ уже письма прямо государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, не соединяя ея имени съ именемъ ея приставницы Анисьи Кириловны Толстой. Ред.

†

Изъ Торна, въ 30 д. сентября 1709 г.

Матка, здравствуй! Мы сюды четвертаго дни пріѣхали, Слава Богу, здорово, и здѣсь съ королемъ Августомъ видѣлись; и отсель на будущей недѣлѣ поѣдемъ къ королю Прусскому. Мѣшкота намъ здѣсь зѣло докучаетъ; однакожъ для интересу принуждены не скучать. Дай, Боже, скоро совершить и быть къ вамъ. Поклонись теткѣ отъ меня. Впротчемъ, Слава Богу, все здѣсь доброго видится. Въ Кенегсбергѣ моръ, и тамъ не будемъ. Piter.

На пакетѣ надпись: «Катеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Изъ Маріенвердена, въ 16 д. октября 1709 г.

Матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что мы, по свиданіи съ королемъ Августомъ, пріѣхали сюды въ королю Прусскому вчерась; и здѣсь не чаю больше пяти дней или недѣли задержаться, и управя дѣла, поѣдемъ на почтѣ къ вамъ. Дай Боже, чтобъ скорѣй быть и здорово застать. Поклонъ отдай теткѣ отъ меня; а что она полюбила чернца, и я о томъ жениху объявилъ, о чемъ зѣло печалиться, и отъ той печали хочетъ самъ взблудитца. Piter.

На пакетѣ надпись: «Катеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Изъ Выборха, въ 14 д. іюня 1710 г.

Матка, здравствуй! Объявляю вамъ что вчерашняго дня городъ Выборхъ сдался, и сею доброю вѣдомостью (что уже крѣпкая подушка Санктъ-Питербурху устроена чрезъ помощь Божью) вамъ поздравляю. Также отдай мой поклонъ и симъ поздравь вначалѣ князь-игуменьѣ, такожъ теткѣ—яко четверной лапушкѣ, такожъ дочкѣ, сестрѣ, невѣсткѣ и племянницамъ, и протчимъ, а маленькихъ за меня поцалуй [1]). Piter.

На пакетѣ надпись: «Катеринѣ Алексѣевнѣ».

---

[1]) Въ это время у царя Петра отъ Екатерины Алексѣевны были дѣти: Анна, род. въ Петербургѣ 27-го февраля 1708 г. и Елисавета—род. въ Москвѣ 18-го декабря 1709 г.; бывшія до того дѣти отъ Екатерины—Павелъ, род. въ

†

Изъ Карлсбада, въ 14 д. сентября 1711 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Мы сюды доѣхали, Слава Богу, здорово, и завтра зачнемъ лечитца. Мѣсто здѣшнее такъ весело, что мочно честною тюрьмою назвать, понеже между такихъ горъ сидитъ, что солнца почитай не видѣть; всего пуще что добраго пива нѣтъ. Однакожъ чаемъ, что отъ воды Богъ дастъ доброе. Посылаю при семъ презентъ тебѣ: часы новой моды, для пыли внутри стекла, да печатку, да четверной лапушкѣ втраімъ (sic); больше за скоростию достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ. Изъ Помераніи еще новаго не имѣемъ, но ожидаемъ в[с]корѣ; дай, Боже, доброе! Петръ.

---

†

Изъ Карлсбада, въ 19 д. сентября 1711 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! А мы, Слава Богу, здоровы, только съ воды брюхо одуло, для того такъ поятъ, какъ лошадей; и инаго за нами дѣла здѣсь нѣтъ, только что . . . . Письмо твое я чрезъ Сафонова получилъ, которое прочитая гораздо задумался. Пишешъ ты, якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого-нибудь вытнее [1]) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ Тарунчанъ? Я больше чаю: изъ Тарунчанъ; что хочешъ отомстимъ (отомстить), что я передъ двумя лѣты занялъ. Такъ то вы Евины дочки дѣлаете надъ стариками! Кнезь-папѣ и четверной лапушкѣ, и протчимъ отдай поклонъ. Петръ.

1704 г., Петръ—род. въ сентябрѣ 1705 г., о которыхъ упоминаетъ Устряловъ въ исторіи царствованія Петра I-го (томъ IV, ч. I, стр. 142) умерли до 1707 г. и дочь Екатерина Петровна, родившаяся 27-го января 1707 г. умерла 27-го іюля 1708 г. и погребена въ Петропавловскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ.—См. изданное нами при «Русской Старинѣ» 1878 г. томъ XXI (апрѣль). «Родословіе дома Романовыхъ» стр. XV.—До 1711-го года письма адресовались царемъ Петромъ своей супругѣ такъ: † «Катеринѣ Алексѣевнѣ», или: «Подать Катеринѣ Алексѣевнѣ». Съ сентября мѣсяца 1711-го года, на пакетахъ государь надписывалъ: † «Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ поднесть» или: «Государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

[1]) Вытный—рослый, здоровый.

†

Изъ Карлсбада въ 28 д. сентября 1711 г.—начальнаго дня нашего добра.

Катеринушка, здравствуй! А мы, слава Богу, здоровы, только съ воды брюхо одуло; однакоже чаемъ отъѣхать отсель съ третьяго числа сего мѣсяца въ Торгау, гдѣ будетъ свадьба сына моего, и оттоль, видѣвся съ королями, буду поспѣшать въ Торуну, инаго изъ сей ямы писать не имѣю. Петръ.

---

†

Изъ Выборга въ 25 д. апрѣля 1712 г. [1]).

Катеришка, здравствуй! О себѣ объявляю, что сюды пріѣхалъ вчера на вечеръ; а ежелибъ ночь не стоялъ на якорѣ, то-бъ тѣмъ же днемъ могъ поспѣть, какъ отъ васъ поѣхалъ. За симъ здравствуй, и поклонъ, отдай кому надлежитъ. О непріятелѣ на морѣ еще не слышно, а нашъ провиантъ весь дошелъ и судны отпущены отсель. Петръ.

---

†

Изъ Кезмара (Кесмарка], въ 15 д. іюля 1712 г.

Катеринушка, здравствуй! Мы сюды пріѣхали вчерась поздно и сегодни поѣдемъ сухимъ путемъ. Конвой здѣшній станетъ стоять до Пятницы, котораго дня рано пойдетъ извѣстная персона, которая ѣхать хотѣла симъ путемъ. Ежели не съ малыми людьми поѣдетъ, или не прилѣжно просить и готовитца станетъ, то не (а) паметуйте имъ, ибо опасаюсь—ежели станутъ въ полкахъ такихъ же роскошей требовать. Петръ.

Надпись на пакетѣ: «Государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

---

[1]) Отсюда слѣдуетъ списокъ, сообщенный редакціи «Русской Старины» покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ А. И. Барятинскимъ, въ 1875 г. Подлинники этихъ писемъ также вошли въ сборникъ, изданный коммисіей по изданію грамотъ и договоровъ.

Ред.

†

Изъ Грипсвальда (Грейсфальде), въ 2 д. августа 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешъ. Петръ.

P. S. Корабль нашъ святаго Петра сего дня сюды пришелъ, а двухъ ждемъ скоро; я чаю—скоро поѣду въ Датской флотъ, однакожъ долго мѣшкать тамъ не чаю.

---

†

Изъ Грипсвальда, въ 8 д. августа 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешъ, а и мнѣ не безскучно жъ; однако можемъ разсудить, что дѣла на скуку мѣнять не надобно. Я еще отсель ѣхать скоро себѣ къ вамъ не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поѣзжай (съ) тѣми тремя батальоны, которымъ велѣно иттить въ Анкламъ; только для Бога бережно поѣзжай и отъ батальоновъ ни на ста саженъ не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зело много въ Гаѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя. Петръ.

---

†

Изъ Вольгаста, въ 14 д. августа 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что я сегодня пріѣхалъ съ флота сюды и надѣюсь съ помощію Божіею къ вамъ быть любимымъ путемъ. Хотя хочется съ тобою видѣться, а тебѣ чаю гораздо больше, для того, что я въ 27 лѣтъ былъ, а ты въ 42 года не была; однакожъ подождать будетъ немножко, чтобъ веселѣе пріѣхать. Петръ.

P. S. Отпиши ко мнѣ: къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть [1]).

---

[1]) Матрена Ивановна Балкъ, рожденная Монсъ, мать злополучной по судьбѣ своей статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной.

Ред.

†

Изъ Вольгаста, въ 17-й д. августа 1712 г.

Катеринушка, здравствуй! По полученіи сего письма поѣзжай совсѣмъ сюды, также кнезь-папу и протчихъ возьми съ собою, а отправитъ васъ Даниловичъ. Петръ.

Благодарствую на присылкѣ пива и протчаго.

---

†

Изъ Берлина, въ 2-й д. октября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что я третьяго дня пріѣхалъ сюды и былъ у короля, а вчерась онъ поутру былъ у меня, а въ вечеру я былъ у королевы. Посылаю тебѣ, сколько могъ сыскать, устерсовъ; а больше сыскать не могъ, для того что въ Гамбурхѣ сказываютъ явился пестъ (моровая язва), и для того тотчасъ заказали всячину оттоль сюда возить. Я сего момента отъѣзжаю въ Лейпцигъ. Петръ.

---

†

Изъ Лейпцига, въ 6-й д. октября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Я отсель сего момента отъѣзжаю въ Карлсбадъ и чаю завтра туды поспѣть. Платье и протчее вамъ куплено, а устерсовъ достать не могъ. За симъ вручаю васъ въ сохраненіе Божіе. Петръ.

---

†

Изъ Карлсбада, въ 11-й д. октября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, зравствуй! Мы вчерашняго дня зачали пить воду въ сей ямѣ; а какъ отдѣлаюсь, писать буду. О протчихъ вѣстяхъ не спрашивай изъ сей глуши. Поклонись отцу Козьмѣ; а товарищъ его здѣсь самъ другъ съ килою по старому шутитъ. Петръ.

P. S. Поздравляемъ симъ днемъ—началомъ нашего авантажу.

---

†

Изъ Карлсбада, въ 27 д. октября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Письмо твое я получилъ, на которое отвѣтствую, что я курсъ кончилъ вчерась; воды, слава Богу, дѣствовали зѣло изрядно; какъ будетъ послѣ? И отселѣ въ будущую пятницу поѣду въ Теплицы, гдѣ болѣе четырехъ дней не будемъ мѣшкать. Послѣ вашихъ писемъ, что непріятели намѣрились атаковать, по ся поры ничего нѣтъ поновки; знать у нихъ тверда голандская пословица: тюсхенъ дутъ энъ зеге ѳюль гого берге леге (т. е. между смертью и побѣдою лежитъ много горъ [1]). Впрочемъ предаю васъ въ сохраненіе Божіе. Петръ.

Къ дочкѣ-бочкѣ писалъ при семъ.

---

†

Изъ Карлсбада, въ 31-й д. октября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Благодарствую зѣло за презентъ полпива, понеже у насъ такова нѣтъ. Грамотку Ильиничнину челъ медвѣдю; за всякое слово досталось всѣмъ. Я отъѣзжаю сего часа въ Теплицы, а тамъ мѣшкать долго не буду. Петръ.

На пакетѣ надпись: «† Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Изъ Берлина, въ 17-й д. ноября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Я сюды пріѣхалъ вчерась, и по трехъ дняхъ поѣду отсель. За симъ предаю васъ въ сохраненіе Божіе. Петръ.

---

†

Изъ Вартоу, въ 27-й д. ноября 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что я сюды пріѣхалъ вчерась, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. Да пришли къ намъ пѣвчихъ съ протопопомъ, а у себя оставь человѣкъ двухъ съ батькою. Петръ.

---

[1]) Сія пословица имѣетъ одинаковое значеніе съ россійскою: славны бубны за горами. (Примѣч. въ спискѣ кн. А. И. Барятинскаго).

†

Изъ Лагоу при подъемѣ, въ 2 д. декабря 1712 г

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Благодарствую за платье. которое обновилъ въ день св. Андрея. Что же приказывала ты, чтобъ взять васъ сюды, и о томъ теперь отложить надобно, понеже время пришло вамъ молится, а намъ трудиться; ибо шведы вчерась рушились противъ датчанъ, чтобъ не допустить оныхъ до конъюнкціи съ нами; а мы сего моменту подымемся отсель на сикурсъ датскимъ. И тако на сей недѣлѣ чаемъ быть бою, гдѣ все окажется, куды конъюктуры поворотятся. Петръ.

---

†

Изъ Гистроу, въ 12-й д. декабря 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Приказывалъ я къ тебѣ съ Шепелевымъ, чтобъ быть; а съ Мануковымъ, чтобъ дождалась тамъ. А какъ сіе письмо получишь, поѣзжай сюды налегкѣ, а обозы оставь тамъ. Побей челомъ кнесь-панѣ, чтобъ съ тобою пріѣхали двѣ времонщицы. Петръ.

P. S. Благодарствую за присылку съ Юшковымъ. Поклонись отъ меня кнеіне Даниловичевой.

---

†

Изъ Рабова, въ 21-й д. 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! когда дастъ Богъ, придешъ съ полкомъ въ Польшу, тогда выбери конныхъ человѣкъ ста два или больше и поѣзжай въ Элбингъ, а оттоль на почтовыхъ съ небольшими людьми до Мемля (о чемъ мы въ королю прусскому писали). А напередъ пошли въ Ригу, чтобъ тѣ полки, которые въ Курляндіи собрали тебѣ подводы. Петръ.

---

†

Изъ Пампоу, 25-й д. декабря 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Письмо твое я вчерась получилъ; благодарствую за пиво. Что же о ѣздѣ вашей со всѣмъ полкомъ, и то уже отмѣнилась, но три батальона взяты сюды; а ты съ тѣмъ батальономъ, который въ Гистроу, поѣзжай съ Богомъ въ надлежащій путь чрезъ Шведтъ Польшею, недалеко отъ Бранденбургской

Помераніи, до Элбинга; а тамъ, взявъ человѣкъ тридцать или менше съ собою, на почтѣ поѣзжай до Питербурха (куда, дай Боже, скоро быть и намъ). О ѣздѣ вашей писано для подводъ въ Берлинъ чрезъ ихъ Прусы, а польскими сами найдете. Батальонъ отпусти отъ Элбинга Польшею. Что же пишешъ о сынѣ дочкинѣ (?), что она родила губителя міру, и она (sic) вели послать къ кнезь Ивану Алексѣевичу. У насъ, слава Богу, еще все благополучио. Датчане и саси (саксонцы) съ нами случились. Славленье наше не такъ какъ дома, однакожъ болѣе здѣсь отъ сердца оного славимъ, а чаю, что иныя увидятъ и самаго Христа—добрыя. Понеже пословица есть: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутца,—возьми съ собою кнезь-папу и архидіакона, которому отдай должный поклонъ отъ меня и о славленьѣ нашемъ возвести. Также, ежели прежде будешъ въ Питербурхъ, тамошнимъ поклонись. Петръ.

P. S. Поздравляю вамъ торжественнымъ праздникомъ, которымъ поздравь отъ меня кнеіне Данилавичевой; такожъ возьми съ собою и офицеровъ заполочнымъ (заполочныхъ) до Элбинга, а оттоль отпусти ихъ съ батальономъ въ Ригу.

---

†

Изъ Пакендорфа, въ 27-й д. декабря 1712 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! О ѣздѣ твоей въ Питербурхъ я уже писалъ къ вамъ съ Юшковымъ, чтобъ вы ѣхали съ батальономъ командрованымъ, да изъ Гарцъ взяли съ собою офицеровъ заполочныхъ, о чемъ и нынѣ подтверждаю. Поѣзжайте не медленно; протчее приказано словами Шепелеву. Благодарствую за платье. Дай Боже, чтобъ не зажиться, скоро-бъ васъ паки видѣть. Петръ.

На пакетѣ: «† Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Изъ Фридрихштата, въ 4-й д. февраля 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй и съ дѣтками, которыхъ уже, чаю, увѣдѣла. Дѣла наши какъ здѣсь идутъ, увѣдаешъ отъ господина адмирала, къ которому я пространно писалъ; и ежелибъ не такая крѣпкая пасами земля была, тобъ уже полную викторію съ помощію Божіею получили. Въ протчемъ предаемъ васъ въ сохраненіе Божіе и желаемъ видѣть васъ вскорѣ. Поклонись сестрѣ отъ меня. Петръ.

P. S. Вчерась у меня обѣдали и про именинницено здоровье пили.

---

†

Съ Полтавы, мая въ 2-й д. 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Посылаю къ тебѣ бутылку венгерскаго (и прошу, для Бога, не печалься: мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье). Дай Богъ на здоровье вамъ пить, а мы про ваше здоровье пили. Петръ.

Хто не станетъ сегодня пить, тому будетъ великой штрафъ.

На пакеѣ: «† Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Изъ Боргоу, въ 16-й д. мая 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что господа шведы насъ зѣло стыдятся, ибо нигдѣ лица своего намъ казать не изволятъ. Однакожъ мы, слава Богу, внутрь Финляндіи вошли и футъ взяли [1]), отколь ближе можемъ ихъ искать. А—что у насъ дѣлалось, о томъ прилагаю при семъ вѣдѣніе. Петръ.

---

†

Съ Полтавы, въ 4-й д. іюля 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! О себѣ не могу подлинно сказать, буду-ли скоро къ вамъ или поѣду; однакожъ хотя и поѣду, то скоро паки, Богу извольшу, къ вамъ буду, о чемъ завтра или послѣ завтрее писать къ вамъ буду, или самъ пріѣду. Петръ.

На оборотѣ: «† Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

---

†

Съ Луткѣра, не дошедъ Новой крѣпости, въ 2-й д. августа 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Инаго писать не имѣю, только что мы, слава Богу, со всѣми судами дошли близь Новой крѣпости; и ежелибъ сегодняшній противный вѣтръ не помѣшалъ, тобъ конечно сего-жъ дня были въ Элзенфорсъ. Приказывалъ я Кикину, чтобъ нѣсколько бочекъ вина купить съ новыхъ пришедшихъ кораблей, такожъ и сыровъ, и прислать сюды ко мнѣ для презенту другимъ; и сіе потщись исправить поскорѣе. Петръ.

---

[1]) Voet—по голандски нога; футъ взяли т. е. твердой ногой стали. (Примѣчаніе въ изд. 1861 г., стр. 32).

†

Изъ Эльзенфорса, въ 12-й д. августа 1713 г.

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что мы слава Богу, въ 5-й д. сего мѣсяца прибыли сюды здорово съ транспортомъ; только отъ бывшаго шторма, которой былъ въ 3-мъ числѣ нѣсколько судовъ повредилось, а именно: Велькомхельтъ, Драгаръ и одинъ гальотъ. Однакожъ не только люди, но и запасы цѣлы, тако-жъ и ихъ починить можно. Мы по праздникѣ Успенія Богородицы чаемъ идтить далѣе землею къ Абоу, но бою быть не чаю: понеже вчерась воротился генералъ-лейтенантъ господинъ Голицынъ, который ходилъ за непріятелемъ, сказываетъ, что не могъ настичь, всѣ бѣгутъ; и когда отъ части такъ бѣгутъ, то какъ отъ всего войска стоять будутъ. При семъ объявляю, что въ 6-й (день сего мѣсяца г. адмиралъ объявилъ мнѣ милость государя нашего— чинъ генерала полнаго, чѣмъ васъ, яко госпожу генеральшу, поздравляю. Какъ чинъ шаутбейнан(х)та, такъ и сей мнѣ сказанъ зѣло странно, ибо на степи пожалованъ въ флагманы, а на морѣ въ генералы. И чаю, съ помощію Божіею, быть къ вамъ не гораздо замѣшкавъ. Петръ.

Прошу отдать мой поклонъ преосвященному и матери святой и протчимъ святымъ и несвятымъ.

Сообщ. въ 1875 г. Кн. А. И. Барятинскій.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается списокъ, доставленный намъ от 14-го апрѣля 1875 г. изъ Скерневицъ покойнымъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ. Этими немногими письмами какъ нельзя лучше обрисовывается характеръ отношеній царя Петра къ «государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ», и чувства глубокой, нѣжной любви его къ ней. Всѣхъ же писемъ его къ ней въ подлинникахъ, сохранившихся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (частью въ Петербургѣ частью въ Москвѣ), имѣется 199; послѣднее письмо «съ заводовъ, въ 31-й д. октября 1724 г». Всѣ эти документы напечатаны въ вышеупомянутомъ первомъ томѣ сборника, изданномъ Московскимъ Главнымъ Архивомъ въ Москвѣ, въ 1861 г. съ буквальною точностью. Списокъ князя Барятинскаго воспроизведенъ здѣсь дословно, но безъ соблюденія извѣстной ороографіи царя Петра.

Ред.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

въ 1760—1761 гг.

Статья Арнольда Шефера[1]).

Елисавета, послѣдняя по времени русская женщина по крови и духу на царскомъ престолѣ, была такъ многоразлично описана иностранными послан-иками при русскомъ дворѣ, что образъ ея рисуется передъ нами самыми кивыми красками. Величественная осанка императрицы, грація движеній, я умѣнье привѣтливо обходиться съ людьми—неотразимо дѣйствовали на кружающихъ. Русскіе вельможи гордились ею, какъ дочерью Петра I-го, которагo дѣянія льстили національной гордости, возбуждали удивленіе, не мотря на всю ненависть къ его «новшествамъ». Духовенство прославляло Елисавету за неизмѣнное православіе и преданность церкви и за это про-щало всѣ ея грѣхи. Мѣру этихъ грѣховъ она, разумѣется, переполняла съ излишкомъ своимъ сластолюбіемъ и сладострастіемъ, пустыми и шумными увеселеніями, суетнымъ препровожденіемъ времени, страстью къ нарядамъ, небрежнымъ отношеніемъ къ государственнымъ дѣламъ и обреченіемъ своихъ подданныхъ на жертву нерадивымъ и недобросовѣстнымъ совѣтникамъ и лугамъ, которые безъ стыда и совѣсти продавали свои услуги иностран-ымъ дворамъ и высасывали живые соки государства. Благодаря этому, Россія пришла въ полный упадокъ и разстройство, между тѣмъ какъ госу-дарыня жила день за день, по цѣлымъ мѣсяцамъ не принимая докладовъ, даже въ крайнихъ случаяхъ не могла придти ни къ какому рѣшенію.

Такою представляется намъ императрица на основаніи многочисленныхъ звѣстныхъ намъ донесеній, относящихся къ первымъ годамъ ея царство-

[1]) См. Historische Zeitschrift H. von Sybel. Achtzehnter Jahrgang. 1876. Vier-es Heft. München, pp. 419—432. Статья Арнольда Шефера, указанная намъ ака-емикомъ А. А. Куникомъ—была переведена для «Русской Старины» еще ъ январѣ мѣсяцѣ 1877 года. Помѣстивъ при «Русской Старинѣ» изданія те ущаго года (т. XXVII, январь) портретъ императрицы Елисаветы Петровны ъ превосходнѣйшей гравюрѣ Чемезова 1761 г. (геліографическій съ нея сни-окъ), считаемъ необходимымъ, для воспоминанія объ этой государынѣ, напеча-ать и помянутую статью; обиліе матеріаловъ, находящихся въ нашемъ распо-яженіи и постоянно печатаемыхъ въ «Русской Старинѣ» помѣшало намъ дѣлать это ранѣе. Ред.

ванія, до Семилѣтней войны. Считаемъ нелишнимъ сопоставить съ этими данными то, что сообщаетъ намъ австрійскій посолъ о 52-хъ-лѣтней императрицѣ, за нѣсколько недѣль до ея смерти, вмѣстѣ съ описаніемъ темныхъ сторонъ ея двора и правленія. Имя этого австрійскаго посла Мерси Аржанто; впослѣдствіи онъ состоялъ посланникомъ при французскомъ дворѣ,—какъ видно изъ его переписки съ Маріей Терезіей, изданной Арнетомъ и Жеффруа, и былъ довѣреннымъ лицомъ своей государыни, которая сверхъ того поручала ему присматривать за ея дочерью Маріей Антуанетой и помогать ей совѣтами. Назначенный за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ уполномоченнымъ посломъ при русскомъ дворѣ послѣ Эстергази, Мерси Аржанто представилъ, 11-го ноября 1761 года, свое подробное донесеніе. хранящееся въ Вѣнскомъ дворцовомъ государственномъ архивѣ.

Елисавета умерла 5-го января 1762 года (25-го дек. 1761 г.).

Мерси пишетъ: «Какъ бы безкорыстно, само по себѣ, чистосердечно и устойчиво ни было дружественное настроеніе русской императрицы по отношенію къ нашимъ всемилостивѣйшимъ государямъ, ея нерасположеніе къ прусскому королю, а слѣдовательно, и желаніе положить конецъ и предѣлы могуществу этого опаснаго врага, тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрно, что упомянутое утѣшительное настроеніе государыни теряетъ почти всякое значеніе, въ виду того, что она мало или вовсе не заботится объ исполненіи своихъ указовъ; эти именные указы, если не совсѣмъ, то бо́льшею частью. тѣмъ легче парализируются злонамѣренными людьми, что умственныя и душевныя силы императрицы исключительно поглощены извѣстными близкими ей интересами и совершенно отвлекаютъ ее отъ правительственныхъ заботъ.

«Прежде всего, ея всегдашнею и преобладающею страстью было желаніе прославиться своею красотой; теперь же, когда измѣненіе чертъ лица все замѣтнѣе заставляетъ ее ощущать невыгодное приближеніе старости, она такъ близко и чувствительно принимаетъ это къ сердцу, что почти вовсе не показывается въ публикѣ. Такъ, съ 30-го августа, пріемнаго дня во дворцѣ, ее видѣли только дважды въ придворномъ театрѣ; я лично болѣе не имѣлъ случая бесѣдовать съ нею; слѣдовательно, со времени моего прибытія сюда, только однажды удостоился этой чести.

«Не менѣе сильною причиной безпокойнаго расположенія духа императрицы служатъ ея частыя и мучительныя угрызенія совѣсти, вмѣстѣ съ боязнью смерти; послѣднее достаточно очевидно уже изъ того, что отъ нея стараются вообще удалить не только все, что можетъ послужить поводомъ къ испугу или печальнымъ размышленіямъ, но, изъ той же заботливой предосторожности, запрещается кому бы то ни было проходить въ траурномъ платьѣ мимо жилыхъ покоевъ императрицы; если же смерть постигаетъ кого нибудь изъ важныхъ или извѣстныхъ лицъ, то это нерѣдко скрываютъ отъ императрицы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: хотя эти обстоятельства не-

значительны сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе они даютъ нѣкоторый поводъ предполагать, что императрица, при подобной сильно укоренившейся въ ней слабости, никогда не помирится съ мыслію о смерти и не въ состояніи будетъ подумать о какихъ либо дальновидныхъ, соотвѣтствующихъ этому распоряженіяхъ.

«Къ двумъ вышеуказаннымъ поводамъ ея тоски очевидно присоединяется еще сильное и постоянное неудовольствіе, какое причиняетъ ей поведеніе великаго князя и его нерасположеніе къ великой княгинѣ, такъ что императрица уже три мѣсяца не говоритъ съ нимъ и не хочетъ имѣть никакихъ сношеній; это печальное положеніе дѣлъ еще болѣе усложняется тѣмъ, что, изъ всѣхъ пользующихся довѣріемъ императрицы, ни у кого не хватаетъ достаточно присутствія духа и честности, чтобы пріискать средства успокоить ее и заставить такъ или иначе побороть свою слабость; между тѣмъ, она попеременно предается страху, унынію и крайней подозрительности, и нѣтъ никакой возможности побудить ее обратить сколько нибудь серьезное вниманіе на управленіе и связанный съ нимъ ходъ дѣлъ. Однако, считаю нелишнимъ замѣтить, что вышеуказанныя печальныя обстоятельства несравненно болѣе отражаются на характерѣ и расположеніи духа императрицы, чѣмъ на состояніи ея здоровья, потому что съ прошлаго лѣта она даже чувствуетъ себя лучше прежняго и, помимо незначительныхъ болѣзненныхъ припадковъ, которымъ она бываетъ иногда подвержена, вообще обладаетъ такимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ, что по всѣмъ даннымъ (если бы только императрица съумѣла до извѣстной степени пересилить свою внутреннюю тоску и недовольство) ей предстоитъ еще много лѣтъ жизни.

«Между тѣмъ, при настоящемъ положеніи императрицы, дворъ и министерство пребываютъ въ постоянной неизвѣстности, безпокойствѣ и страхѣ. Каждый держится особой и своеобразной политики; и такъ какъ къ этому присоединяется еще вѣроломство и недовѣрчивость, составляющія прирожденныя свойства русской націи, то между ними не можетъ надолго состояться никакое искреннее соглашеніе; часто самые задушевные друзья внезапно обращаются въ непримиримыхъ враговъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобная неурядица замѣтнымъ образомъ отражается на государственномъ управленіи.

«Однако, не желая слишкомъ удаляться отъ моей главной цѣли, считаю полезнымъ упомянуть вкратцѣ о нѣкоторыхъ довольно важныхъ обстоятельствахъ, съ которыми связанъ цѣлый рядъ внутреннихъ пороковъ государства, хотя ихъ настоящимъ источникомъ все-таки нужно считать вышеупомянутую слабость, безпечность и терпимость императрицы.

«Здѣшняя знать, ввергнутая въ нужду непомѣрною роскошью и бо́льшею частью отягченная долгами, неизбѣжно поставлена въ необходимость искать выхода въ разнаго рода окольныхъ путяхъ, преимущественно же въ насильственныхъ вымогательствахъ и незаконныхъ поступкахъ относительно по-

датнаго сословія и купцовъ; такого рода несправедливости совершаются здѣсь повсемѣстно, смотря по большей или меньшей степени благоволенія, какое удалось тому или другому лицу заслужить у сената, и остаются тѣмъ безнаказаннѣе, что сами представители правосудія, злоупотребляя своею должностью и вліяніемъ, первые подаютъ собою дурной примѣръ.

«Настоящій всеподданнѣйшій докладъ вышелъ бы слишкомъ пространнымъ, если бы я сталъ приводить въ отдѣльности своекорыстные и несправедливые поступки каждаго изъ нихъ; одно несомнѣнно, что такого рода обстоятельное описаніе едва-ли нашло себѣ подобное гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ можно достаточно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

«Князь Шаховской, нынѣшній генералъ-прокуроръ и вмѣстѣ съ тѣмъ глава сената, быть можетъ, единственный между ними, котораго нельзя подкупить взятками; однако, хотя онъ и не принимаетъ подарковъ, но всѣмъ извѣстно, что онъ даваніемъ денегъ взаймы устраиваетъ гнуснѣйшія сдѣлки и самый вѣрный путь заручиться его помощью—занять у него какую нибудь сумму денегъ за незаконные проценты. Сенаторъ графъ Романъ Воронцовъ, братъ канцлера, пользующійся наибольшимъ значеніемъ послѣ председателя сената, считается всѣми за человѣка, способнаго совершать безчестнѣйшія дѣла съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ и смѣлостью. Такъ какъ эти два лица обыкновенно склоняютъ на свою сторону голоса другихъ членовъ сената, достойныхъ неменьшаго порицанія, то можно себѣ легко представить въ какой мѣрѣ соблюдается правосудіе въ подобныхъ рукахъ, какъ рѣшаются другія подвѣдомственныя сенату государственныя дѣла и, наконецъ—какой изъ-за этого долженъ подняться общій и открытый ропотъ всей публики.

«Не въ лучшемъ положеніи находятся и другія части управленія, въ которыхъ подобная же неурядица и злоупотребленія увеличиваются со дня на день.

«Значительныя монополіи [1]), предоставленныя графу Петру Шувалову (ежегодный доходъ котораго простирается до 300,000 рублей), непомѣрныя и большею частью доведенныя до 300 проц. таможенныя пошлины, рядомъ съ другими затрудненіями и вымогательствами, постигающими купцовъ при отпускѣ ихъ товаровъ, наносятъ цѣлый рядъ настолько чувствительныхъ ударовъ торговлѣ, что при настоящемъ порядкѣ вещей она должна неизбѣжно придти къ полному упадку.

«Что же касается полицейскаго устройства, то оно находится въ такомъ небреженіи, что даже въ самой столицѣ убыль и прибыль товаровъ предоставлены случайному колебанію и предметы первой необходимости, уже безъ того стоящіе по довольно высокой цѣнѣ, иногда подлежатъ двойнымъ пошлинамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ и вовсе не оказывается.

---

[1]) Петръ Шуваловъ выхлопоталъ себѣ монополію на дрова, сало, ворвань и табакъ. Прим. автора.

«Полная внутренняя неурядица, породившая вышеуказанные недостатки государственнаго строя, должна была неизбѣжно повести къ не менѣе чувствительному ущербу и во внѣшнихъ дѣлахъ государства. Послѣднія преимущественно возложены на государственный совѣтъ или такъ называемую конференцію. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ членами этой конференціи, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе относительно ихъ неспособности и недѣятельности. Вслѣдствіе того, что предсѣдателемъ ихъ собраній является слабый канцлеръ (Михаилъ Воронцовъ), собранія эти не только ограничиваются праздными спорами о словахъ и такими совѣщаніями, гдѣ каждый выражаетъ мнѣніе, соотвѣтствующее его личнымъ цѣлямъ,—но онѣ никогда или очень рѣдко кончались бы какимъ нибудь рѣшеніемъ (такъ какъ для формальной и правильной постановки вопроса требуется полное единодушіе голосовъ), если бы секретарь Волковъ, въ виду болѣе или менѣе настоятельной необходимости, зачастую не бралъ на себя постановку рѣшенія по своему усмотрѣнію, хотя окончательное рѣшеніе все-таки подлежитъ пересмотру и дальнѣйшимъ противорѣчіямъ каждаго изъ членовъ конференіи и такимъ образомъ, бóльшею частію, не получаетъ достаточной прочности и силы для приведенія въ исполненіе. Собственныя слова канцлера дали бы мнѣ право составить такое мнѣніе о здѣшней конференціи, если бы, помимо этого, послѣ получасовой бесѣды съ членами ея не оставалось только удивляться (считаю долгомъ откровенно заявить это), что подобнымъ людямъ ввѣрены интересы такой могущественной монархіи, какъ Россія».

Мерси даетъ надлежащую оцѣнку тому возраженію, какое могли бы сдѣлать ему, что русскій дворъ уже много лѣтъ и въ теченіе настоящей войны держался твердой и послѣдовательной политики и издалъ разнообразныя и основательно составленныя государственныя бумаги; онъ признаетъ, что важность намѣренія ослабить прусское могущество и заключенный съ этою цѣлью союзъ съ вѣнскимъ дворомъ—должны поражать каждаго и казаться достаточно убѣдительными, но что всѣ удавшіяся до сихъ поръ государственныя бумаги почти всегда представляли собою только извлеченія изъ положеній, заключавшихся въ австрійскихъ государственныхъ бумагахъ, и даже часто, въ главныхъ чертахъ, прямо списаны съ нихъ, хотя, съ другой стороны, Мерси не отрицаетъ, что между низшими чинами попадаются очень способные и ловкіе субъекты. «Что же касается начальниковъ и высшихъ властей, то не думаю,—говоритъ онъ,—чтобы подобныя бездарности могли встрѣчаться при какомъ либо другомъ европейскомъ дворѣ».

«При вышеуказанномъ хаосѣ лицъ и обстоятельствъ, графъ Иванъ Шуваловъ пользуется такимъ могуществомъ и вліяніемъ, которыхъ истинное значеніе трудно опредѣлить, какъ по отношенію ихъ силы, такъ и общихъ зависящихъ отъ графа правительственныхъ распоряженій, и которыя во всякомъ случаѣ должны тяжело отразиться на государствѣ. Вообще всѣ вы-

сопоставленныя лица, занимающія придворныя и государственныя должности, окружають постояннымъ и неуклоннымъ вниманіемъ великаго князя; но всего замѣтнѣе это на камергерѣ, котораго поведеніе относительно великаго князя представляетъ неизмѣнную смѣсь лести, подлостей и проистекающихъ отсюда противорѣчій. Такимъ образомъ, хотя онъ, Шуваловъ, постоянно опасается навлечь на себя ненависть того, который рано или поздно сдѣлается его государемъ, и ради этого готовъ бо́льшею частью не только одобрить, но и оказать поддержку самымъ очевиднымъ заблужденіямъ великаго князя,—тѣмъ не менѣе случается иногда, что онъ впадаетъ въ другую крайность, вслѣдствіе неосновательной боязни возбудить неудовольствіе императрицы, и по поводу какихъ нибудь мелочей, не задумываясь, беретъ на себя смѣлость открыто и горячо ратовать противъ того же великаго князя, при чемъ онъ, Шуваловъ (какъ это мнѣ достовѣрно извѣстно), время отъ времени, въ присутствіи своихъ приближенныхъ, съ напускною и какъ бы геройскою рѣшимостью говоритъ такого рода фразы: что въ случаѣ смерти императрицы онъ уже придумалъ какимъ образомъ избѣгнуть неудовольствія и мести великаго князя и уже окончательно рѣшился на это. Подобныя заявленія (въ которыхъ заключается намекъ на рѣшимость въ извѣстномъ случаѣ лишить себя жизни посредствомъ яда или какимъ инымъ способомъ, что, по видимому, вовсе не соотвѣтствуетъ природной слабохарактерности камергера), въ связи съ остальнымъ, ничуть не болѣе пристойнымъ поведеніемъ Шувалова, еще болѣе возстановляютъ противъ него великаго князя, который въ сущности такъ же нерасположенъ къ нему, какъ и великая княгиня, хотя они оба не выказываютъ этого».

Мерси не распространяется о личныхъ свойствахъ великаго князя Петра Θеодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны, откладывая это до слѣдующаго донесенія, но добавляетъ относительно графа Шувалова слѣдующее: онъ считаетъ «вполнѣ достовѣрнымъ, что, при крайне ограниченныхъ способностяхъ и легкомысліи камергера, его заблужденія и уклоненія отъ праваго пути тѣмъ опаснѣе, что онъ всегда умѣетъ прикрывать ихъ подъ видомъ неутомимаго рвенія и любви къ отечеству, хотя не представилъ пока никакихъ другихъ доказательствъ этому, кромѣ проектовъ преобразованія разныхъ частей управленія; нѣкоторыя изъ проектовъ уже начинаютъ мало по малу приводиться въ исполненіе, но ни одинъ изъ нихъ никогда не доводится до конца; при этомъ вниманіе камергера обращено то на полицейское управленіе, то на торговлю или же искусства и науки, и всѣ его затѣи наконецъ привели къ тому, что подданные впали еще въ бо́льшую нищету, чѣмъ прежде; въ торговлѣ произошелъ застой вслѣдствіе монополій его родственника, которыя онъ же поддерживаетъ; здѣшняя академія дошла до полнаго упадка и всѣ талантливые художники, съ такимъ стараніемъ привлеченные въ столицу Петромъ I, удалились изъ государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что при-

чину вышеприведенной неурядицы слѣдуетъ главнымъ образомъ искать въ прирожденномъ высокомѣріи графа Шувалова, его черезчуръ лестномъ мнѣніи о собственной націи и ненависти къ иностранцамъ, вслѣдствіе чего у него составилось убѣжденіе, что иностранцы не могутъ принести въ столицѣ никакихъ такихъ выгодъ или пользы, которыя бы не могли быть осуществлены русскими, при ихъ такъ называемыхъ природныхъ способностяхъ.

«Въ настоящее время, въ виду того, что графъ сильнѣе и очевиднѣе, чѣмъ когда либо, обращаетъ свое вниманіе на политическія дѣла, слѣдуетъ, по всѣмъ даннымъ, принять мѣры, чтобы онъ, руководясь тѣми же ложными правилами, не привелъ къ такимъ же злополучнымъ и вреднымъ результатамъ, какъ и во всѣхъ своихъ прежнихъ предпріятіяхъ. Къ величайшему несчастію, нѣтъ почти никакой возможности вразумить его, Шувалова, относительно настоящаго положенія дѣлъ, потому что нельзя вывести ничего существеннаго изъ его словъ, такъ какъ, принимая доклады, онъ никогда не дѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія, изъ котораго бы можно было заключить, что онъ согласенъ или держится другаго мнѣнія. Точно такимъ же образомъ принялъ онъ съ видомъ безусловнаго одобренія все, что я имѣлъ случай представить ему относительно естественнаго совпаденія интересовъ обоихъ императорскихъ дворовъ, необходимости ослабить общаго опаснаго врага и наиболѣе подходящихъ для этого средствахъ; онъ даже заговорилъ первый о непростительномъ поведеніи русскаго главнокомандующаго и необходимости оставить армію на зиму въ Помераніи; между тѣмъ въ высшей степени правдоподобно и почти несомнѣнно, что все зло, какое произошло до сихъ поръ по милости русскаго генералитета и еще можетъ произойти, въ сущности должно быть приписано ему, камергеру; въ этомъ предположеніи утверждаютъ меня слѣдующія, вновь полученныя свѣдѣнія.

«Въ послѣднее время, а именно когда фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ самымъ неожиданнымъ и неудачнымъ образомъ отдѣлился отъ нашей арміи въ Силезіи, то навлекъ на себя этимъ несчастнымъ отступленіемъ строгій выговоръ отъ здѣшней конференціи, который былъ немедленно посланъ ему черезъ курьера; графъ Шуваловъ съ тѣмъ же курьеромъ отправилъ фельдмаршалу письмо отъ кабинета, подписанное государыней, и сдѣлалъ отъ себя приписку, въ которой говорилось, что чувства, выраженныя государыней въ письмѣ, вѣроятно, доставятъ ему большое удовольствіе: дѣйствительно, письмо государыни было самое милостивое и состояло въ томъ, что ея величество благодарила маршала за оказанную имъ заботливость о сбереженіи арміи и высказывала увѣренность, что онъ не имѣлъ возможности распорядиться съ нею иначе какъ онъ распорядился, и совершенно предоставляла его усмотрѣнію военныя дѣйствія, какія могутъ быть предприняты въ остальное время кампаніи. Говорятъ, фельдмаршалъ вовсе не удивился такому разнорѣчивому содержанію двухъ одновременно дошедшихъ до него

депешъ и рѣшилъ послать въ конференцію копію упомянутаго посланія кабинета, въ томъ предположеніи, что не можетъ представить лучшаго документа въ свое оправданіе. Между тѣмъ, достаточно этого единственнаго случая, чтобы видѣть, какъ мало можно расчитывать даже на самыя настоятельныя рѣшенія здѣшняго министерства и какъ легко всемогущему камергеру пресѣчь ихъ и сдѣлать безсильными.

«Когда обстоятельство это сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, я счелъ своимъ долгомъ добиться отъ канцлера, чтобы онъ высказался болѣе яснымъ и чистосердечнымъ образомъ на счетъ поведенія русскаго маршала, всегда поступающаго наперекоръ разумнымъ указаніямъ министерства; сообразно съ этимъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, я постарался внушить ему, что—въ виду устойчивости, высказанной государыней въ ея рѣшеніяхъ, и рвенія, съ какимъ онъ дѣйствуетъ, слѣдуя ея неизмѣнной дружбѣ союзу—мнѣ совершенно непонятно, почему всѣ самыя положительныя и строгія приказанія—если не совсѣмъ игнорируются, то бо́льшею частію вовсе не исполняются русскимъ генералитетомъ. Канцлеръ совершенно откровенно заявилъ мнѣ при дальнѣйшемъ разговорѣ, съ видомъ искренняго сожалѣнія, что не колеблясь откроетъ мнѣ по секрету причину непонятнаго и нелѣпаго исхода дѣлъ, гдѣ вся вина, по его мнѣнію, падаетъ на камергера Шувалова, который всегда вмѣшивается въ дѣла къ ихъ ущербу и вреду, не имѣя для этого надлежащаго ума и познаній. Онъ, графъ Воронцовъ, много разъ не только предлагалъ Шувалову или самому занять мѣсто въ министерствѣ или не извращать постановленныя рѣшенія; но такъ какъ онъ не могъ добиться исполненія такой простой просьбы, то часто находится въ сильномъ и тѣмъ болѣе ощутительномъ затрудненіи, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ ему не удается говорить съ государыней, а этими промежутками пользуются, чтобы помѣшать всему полезному, что онъ предлагаетъ, и тѣмъ мѣрамъ, какія онъ принимаетъ для надлежащаго ускоренія важнѣйшихъ дѣлъ; и такъ какъ, благодаря всему этому, отправленіе его должности дѣлается крайне непріятнымъ, то онъ нерѣдко желалъ бы избавиться отъ нея.

«Я почтительно возразилъ на это канцлеру, что подобное желаніе и рѣшеніе несовмѣстимы съ обязательствомъ, какое лежитъ на немъ по отношенію къ его государынѣ, а равно и съ общимъ довѣріемъ союзныхъ дворовъ къ его благонамѣренному образу мыслей; и онъ, вмѣсто того, чтобы поддаваться такимъ образомъ встрѣчающимся затрудненіямъ и препятствіямъ, долженъ лучше подумать о томъ, какъ преодолѣть ихъ; онъ черезъ это пріобрѣтетъ не только полнѣйшее уваженіе своей государыни, но можетъ смѣло расчитывать на ея просвѣщенное пониманіе и одобреніе; онъ также принесетъ несомнѣнную и безконечную пользу, если выскажетъ ей всю правду съ тою неуклонною твердостью, какая необходима въ подобныхъ случаяхъ и подобаетъ его усердію и чистымъ намѣреніямъ. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ графомъ Воронцовымъ я держался того же довѣрчиваго тона, не

упуская изъ виду, что̀ могло быть ему пріятно; въ результатѣ онъ выразилъ свое полное удовольствіе увѣреніемъ, что отнынѣ готовъ употребить всѣ старанія и силы для наибольшаго споспѣшествованія общему благу и онъ тѣмъ болѣе признателенъ и тронутъ моею чистосердечностью, что принимаетъ ее за доказательство моего личнаго расположенія къ нему и справедливой оцѣнки его чувствъ. Повидимому, канцлеръ дѣйствительно заслуживаетъ подобнаго отношенія, по своему разумному и справедливому образу мыслей, и я имѣю довольно основательныя причины вѣрить тому, что онъ по своему характеру мало или вовсе не былъ бы склоненъ руководствоваться корыстными побужденіями, если бы дурное положеніе его частныхъ дѣлъ не понуждало къ этому. Помимо дохода въ 20,000 рублей, составляющаго все его достояніе, онъ тратитъ ежегодно на содержаніе своего дома втрое болѣе этого и къ концу прошлаго года долги его возрасли до 240,000 рублей; слѣдовательно, трудно сказать, какъ велика можетъ быть сумма чрезвычайныхъ получаемыхъ имъ вспоможеній. Субсидія, полученная имъ отъ французовъ [1]), связала его по отношенію къ нимъ извѣстнаго рода признательностью, которою уже не разъ пользовался Baron de Breteuil и, вѣроятно, воспользуется и впредь; сообразно съ этимъ, всепокорнѣйше слѣдуя предписанію в. п., ни въ чемъ не отступлю отъ него. Но, оставя въ сторонѣ признательность канцлера къ Франціи (къ которой мы должны относиться съ крайнею осторожностью и предусмотрительностью), имѣю честь завѣрить моего всемилостивѣйшаго государя, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что графъ Воронцовъ дѣйствительно рѣшился твердо и ревностно содѣйствовать ослабленію нашего врага, и въ этомъ отношеніи его образъ мыслей ни въ какомъ случаѣ не можетъ казаться двусмысленнымъ или подозрительнымъ. Такимъ образомъ, остается только пожалѣть, что, при упомянутомъ удовлетворительномъ настроеніи министра, его слабость, трусливость и посредственныя способности—сами по себѣ представляютъ почти непреодолимыя препятствія, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы, при бо̀льшей настойчивости съ его стороны, мы могли бы надѣяться на полученіе болѣе значительныхъ и существенныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, какихъ мы достигли до сихъ поръ; однако, не смотря на это, при ближайшей оцѣнкѣ тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе могли бы занять мѣсто канцлера, я имѣю полное основаніе думать, что такая перемѣна впослѣдствіи оказалась бы еще невыгоднѣе для насъ. Мерси Аржанто».

С.-Петербургъ, 11-го ноября 1761 г.

Черезъ день послѣ отсылки вышеприведеннаго донесенія, Мерси видѣлъ еще разъ государыню въ послѣобѣденное время, въ небольшомъ обществѣ, собравшемся у Ивана Шувалова, по случаю дня его рожденія. Императрица велѣла позвать къ себѣ посланника, о которомъ докладывали камергеру, и разговаривала съ нимъ самымъ милостивымъ образомъ объ

[1]) См. Gesch. des siebenjährigen Krieges. II¹ 10. II² 180 S. Примѣч. автора.

обоихъ императорскихъ величествахъ, завѣряла въ своей величайшей и искренней дружбѣ къ нимъ и выразила свое удовольствіе по поводу хорошихъ вѣстей, полученныхъ изъ Помераніи. Она сказала, что «чувствуетъ себя довольно хорошо, только ее сильно безпокоитъ слабость въ ногахъ, вслѣдствіе которой она не можетъ ни стоять, ни двигаться». Мерси приписываетъ эту болѣзнь «слишкомъ сидячему образу жизни», тогда какъ прежде императрица гораздо чаще выѣзжала (донесеніе отъ 14-го ноября). Что же касается догадокъ о предполагаемой перемѣнѣ престолонаслѣдія, то Мерси упоминаетъ еще въ прежней своей депешѣ отъ 11-го октября о поразительной нѣжности, которую государыня публично выказывала къ великому князю Павлу, и ея заботахъ объ его воспитаніи. Говорятъ, великій князь, къ которому она нерасположена, сильно задѣтъ этимъ, но, повидимому, живетъ такъ же беззаботно, какъ прежде. По словамъ Мерси, совершенно неизвѣстно, на что рѣшатся государыня относительно престолонаслѣдія.

Въ дополненіе къ характеристикѣ Воронцова, считаю нелишнимъ привести то, что̀ сообщаетъ Мерси въ своемъ донесеніи, писанномъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Елисаветы, а именно 10-го января 1762 года. При первомъ опасномъ направленіи своей послѣдней болѣзни, государыня дала понять канцлеру, что желаетъ поговорить съ нимъ «наединѣ». Разговоръ этотъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, такъ какъ императрица почувствовала себя лучше, и, наконецъ, вовсе не состоялся.

«Когда же съ государыней случился новый и еще болѣе опасный приступъ болѣзни, то графъ Воронцовъ на столько поддался своей слабости и непомѣрной трусости, что сказался больнымъ и слегъ въ постель; хотя его незначительная болѣзнь ни въ какомъ случаѣ не могла помѣшать ему выходить изъ дому, но онъ все-таки намѣренно уклонился отъ необходимости присутствовать при кончинѣ государыни и разстался съ ней, не повидавши ее еще разъ».

Такимъ образомъ, императрица умерла безпомощною и одинокою. Любимцы, испившіе до дна чашу ея милостей, притаились и обратили все свое вниманіе на восходящее свѣтило—великаго князя Петра Ѳеодоровича. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ отнесся къ нимъ съ презрѣніемъ. Однако, будучи самъ рабомъ своихъ страстей и своенравія, онъ не умѣлъ держать своихъ приближенныхъ въ повиновеніи и страхѣ, и шесть мѣсяцевъ спустя проигралъ игру своей супругѣ. Чтобы взвѣсить надлежащимъ образомъ то, что̀ сдѣлано Екатериной II-й для упроченія присвоенной ей власти и прославленія русскаго имени передъ цѣлымъ свѣтомъ, нужно только представить себѣ изъ какихъ рукъ и въ какомъ состояніи перешло къ ней государство. Народъ, въ сущности, не былъ испорченъ. Изъ всѣхъ нововведеній всего менѣе заражено было общею порчей войско, созданное Петромъ и Минихомъ. Оно показало, чѣмъ оно можетъ быть—въ Семилѣтнюю войну, когда русскіе генералы пришли къ убѣжденію, что не должны жертвовать арміей ради союзниковъ своей государыни, а сохранить ее по возможности невредимою.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Нижеслѣдующіе пять документовъ: указы Петра Великаго, письмо помѣщицы 1752-го года, объявленіе начальника Тамбовской губерніи въ 1812 г. и памятная записка съ характеристикой профессоровъ Московскаго университета за время полъ-вѣка назадъ,—весьма обязательно сообщены намъ Н. Н. Протасовымъ. Его библіотека въ Тамбовскомъ его имѣніи заключаетъ въ себѣ нѣсколько рѣдкихъ изданій прошлаго вѣка, каковы книги, напечатанныя въ царствованіе Петра Великаго, а въ фамильномъ архивѣ есть нѣсколько историческихъ документовъ. Помѣщаемые ниже документы напечатаны здѣсь дословно, но безъ соблюденія прежняго правописанія. Ред.

I.

Указъ капитану Философову или кто впредь командиромъ будетъ на галерѣ «Клестъ».

Понеже великіе непорядки во осмотрѣніи морскаго хода являются, ибо офицеры не брегутъ своего званія, но какъ мартышки что командиръ дѣлаетъ, то и они: когда командиръ напереди идетъ, тихо, съ половиною гребли или наплавомъ, также съ однимъ или и тѣмъ подобранымъ парусомъ поджидая заднихъ, то хотя бъ въ полумилѣ кто былъ назади, тожъ дѣлаютъ не внимая что надлежитъ. Того для симъ накрѣпко объявляется: дабы офицеры зѣло смотрѣли сигналовъ, и какой будетъ учиненъ сигналъ, такъ и дѣлали, и всякій спѣшилъ и содержалъ себя въ своемъ мѣстѣ, какъ настоящій сигналъ повелѣваетъ. И не надлежитъ каждому смотрѣть на командира своего паруса или греблю—много ль парусовъ или гребли оный имѣетъ, но тщится всегда свое мѣсто содержать, напримѣръ: хотя бъ командиръ шелъ наплавомъ или половиною гребли, а кто останется, то ему надлежитъ не точію во всѣ весла грести, но и оба паруса употребить, хотя бъ у командира ни одного не было. Ежели выпередитъ, то убавить парусовъ и таванить, ибо не въ томъ состоитъ, чтобъ столько парусовъ или гребли имѣть, сколько командиръ имѣетъ, но чтобъ вся-

кому въ своемъ мѣстѣ быть по сигналамъ и своего командира не отставать. Ежели кто сіе преступитъ: впервые наказанъ будетъ вычетомъ за мѣсяцъ жалованья, въ другой рядъ—на годъ, въ третій—лишенъ будетъ своего ранга и написанъ въ солдаты. Петръ.

Данъ на кораблѣ «Ингерманландія», сентября 25-го дня 1716 года.

Сигналъ: Когда штандартъ поднятъ будетъ на андривели, тогда всѣмъ командующимъ галерами ѣхать на галеру командующаго флотомъ галернымъ.

II.

По указу его величества Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

Въ нынѣшнемъ 1722 году, апрѣля 3-го числа, по его императорскаго величества указу, и по смотру въ столовой палатѣ правительствующаго сената, дворянинъ Василій Александровъ сынъ Любовниковъ за старостію отъ службы, и отъ дѣлъ отставленъ, и впредь ни къ какимъ дѣламъ никуда спрашивать его не велѣно. И въ городѣхъ командующимъ о томъ вѣдать, и чинить по сему его императорскаго величества указу. И для того онъ, Любовниковъ, отпущенъ въ домъ свой по прежнему. Оберъ-секретарь Иванъ Позняковъ. Секретарь Иванъ Ларіоновъ. Протоколистъ Петръ Елесовъ.

Примѣчаніе. Указъ этотъ приводится какъ образчикъ тогдашняго увольненія отъ службы, которое обыкновенно вызывалось лишь старостью, увѣчьемъ и болѣзнію. Ред.

III.

Письмо помѣщицы 1752 г.

Радость моя, Павелъ Васильевичъ! Желаю тебѣ множество лѣтъ во благополучіяхъ здравствовать. А о себѣ доношу: я съ дѣтками жива. Поздравляю тебя съ дочерью, съ Анною, дай Богъ тебѣ ее видѣть, воспитать, да возрасти; а родилася августа 11-го дня. Еще васъ поздравляю съ имениникомъ; а я отъ васъ получила письмо въ августѣ мѣсяцѣ — изволилъ писать, съ братцемъ о раздѣлкѣ. Я у братцевъ купчую взяла, а денегъ истеряла 60 рублей: пошлины заплатила 51 рубль, за работу 7 рублей, въ Москвѣ стеряли 1 рубль 70 копѣекъ. А я къ вамъ обо всемъ писала, а письма отдалъ Кирила въ Москвѣ адъютанту Степану Ивановичу. И послала я къ вамъ Якова на карой лошади, и съ нимъ послано: двѣ пастилы-малины, сушеныхъ яблокъ 40 нитокъ, кувшинъ патоки, кадушка сотоваго меду, зеленыхъ крупъ. Изволь, свѣтъ мой, кушать на здоровье. Еще послано трое чулокъ, кушакъ, скатерть. Изволь носить на здоровье. Не погнѣвайся, что немного гостинца послала за дальностію, а кушакъ и чулки посланы домашнія, и то не погнѣвайся, лучше взять негдѣ. А какъ изволишь прислать за мною и то изволь отписать ко мнѣ заблаговремѐнно, что какого запасу готовить, и людей и лошадей взять съ собою, и вина сколько надобно—чтобъ высидѣть при себѣ, а безъ насъ чтобъ не варить. Изволь отъ меня поклонится Оринѣ Андреевнѣ, Аннѣ Константиновнѣ, Натальѣ Ивановнѣ и съ сожителями ихъ, и куму моему Герасиму Андреевичу, Юрію Осиповичу и съ сожительницею.

И ежели не будетъ нужды въ постилахъ, и то изволь отослать одну Аннѣ Андреевнѣ—ихъ дѣтямъ. А я слышала кто у васъ будетъ маіоромъ; изволь отписать, каковы предъ прежнимъ штабы до тебя? А хлѣбы у насъ весьма худо родились: въ Желчинѣ спрятано ржи сто 50 копенъ, овса сто копенъ, пшеницы 50 копенъ, просу 8 копенъ, а ячмень и гречиху морозъ побилъ— только старый скирдъ гречихи, и не чаю семянамъ быть. Грецкого гороху спрятано 5 четвериковъ, а мелкій горохъ еще не прятали; а ржи умолотомъ выходитъ по четверти съ копны и овесъ по 10-ти; а пшеница по 5-ти четвериковъ; а въ Михалковѣ спрятано хлѣба: ржи сто 40 копенъ, озимой пшеницы 20 пол-четверты копны, овса 50 копенъ, а гречи вовсе пропали; а ржи умолотомъ въ Михалковѣ по четверти, а пшеницы по 3 четверика съ копны, а гороху 2 четверти; а въ Боркахъ ржи спратано сто копенъ, а яровые хуже нашего—всѣ пропали. Да на Михалковскихъ крестьянахъ нашего хлѣба четвертей 30, а выбирать будетъ нечѣмъ. А что хлѣба продавать изволь отписать по ранѣе, а я думаю пшеницу всю продать, да прошлогодской въ Михалковѣ ячмень, да гороху, который наберется, да изъ Желчина старый скирдъ ржи продать. Овса продавать нечего, затѣмъ что у насъ трава не родилась и мы нанимали луговъ въ Жолчинѣ и въ Михалковѣ и того въ обоихъ мѣстахъ восемсотъ копенъ сѣна.

И остаюсь жена твоя Авдотья Протасова. Нижайшій и любезный свой поклонъ приношу.

Августа 29-го дня 1752 года.

Помѣта: Получено сего сентября 11-го дня.

Примѣчаніе. Напечатано дословно, но по исправленіи грамматическихъ ошибокъ. Ред.

IV.

Объявленіе отъ Тамбовскаго гражданскаго губернатора всѣмъ жителямъ въ 1812 г.

Я увѣдомляю васъ, что по всей Тульской границѣ разставлено изъ тамошнихъ жителей ополченіе въ осторожность отъ злодѣевъ. Конные разъѣзды множество ловятъ разбойниковъ, называемыхъ мародеровъ, бѣглыхъ солдатъ и казаковъ. На сихъ дняхъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ поймали двухъ такихъ злодѣевъ.

Я вновь подтверждаю всѣмъ остеречься, и имѣть во всѣхъ селеніяхъ денные и ночные караулы. Злодѣи хитры, они притворяются разнообразно то вывѣдываютъ потихоньку, то вдругъ набѣгаютъ отрядомъ и кричатъ: французы, французы идутъ! Кто испужается и побѣжитъ, того сами они ограбятъ и селеніе сожгутъ. И такъ не вѣрьте никому, ни козакамъ, ни солдатамъ: эти разбойники бѣжали изъ полковъ для грабежа. Ловите ихъ, куйте въ желѣзы, присылайте ко мнѣ, а въ случаѣ сопротивленія поступайте съ ними, какъ съ непріятелями. Тамбовскій гражданскій губернаторъ Петръ Ниловъ.

Примѣчаніе. Объявленіе это разсылалось въ 1812 году въ предѣлахъ Тамбовской губерніи въ печатныхъ оттискахъ. Ред.

V.

Памятная записка о профессорахъ Московскаго университета

[помощника попечителя графа А. Н. Панина]

1831 г.

Ректоръ (И. А. Двигубскій) остылъ къ наукамъ. Этотъ человѣкъ такъ безхарактеренъ и лукавъ, при посредственномъ умѣ, что никогда нельзя быть увѣрену въ его мнѣніи о самыхъ маловажныхъ предметахъ.

Рейсъ—ученый тяжелодумъ, одаренный искуствомъ затруднять всякое возложенное на него дѣло. Можно бы было по худому его знанію россійскаго языка, отдать его въ академію наукъ, и взять въ обмѣнъ изъ другаго университета дѣятельнѣйшаго профессора.

Фишеръ—предсѣдатель медико-хирургической академіи, отличный профессоръ естественныхъ наукъ.

Чумаковъ—человѣкъ добросердечный и знающій въ своемъ дѣлѣ, но по части инспекторской слишкомъ слабъ.

Давыдовъ—ума палата, но смотритъ въ лѣсъ отъ безнадежности его судьбы на поприщѣ наукъ.

Павловъ—уменъ и ученъ, но не у мѣста: ему бы слѣдовало возвратить каѳедру сельскаго хозяйства, а физику отдать по прежнему Веселовскому, который и теперь ее преподаетъ въ медико-хирургической академіи.

Щепкинъ—знаетъ математику основательно, преподаетъ отлично высшія ея части, и способенъ на всякія должности по своему званію.

Перевощиковъ—и ученъ и свѣдущъ въ астрономіи, и довольно рѣчистъ, но подчиненный строптивый и начальникъ крутой отъ непреклонности нрава.

Мягковъ—устарѣлъ методою преподаванія военныхъ наукъ. Нынѣшнее лѣто должно показать, что онъ можетъ сдѣлать при пособіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, которыя я ему сообщилъ.

Гейманъ. Химіи учитъ весьма хорошо, знаетъ и любитъ свое дѣло.

Коцауровъ и Погорѣльскій—адъюнкты довольно слабые достойныхъ математическихъ профессоровъ, за которыми они съ трудомъ поспѣваютъ.

Мудровъ. Оказалъ большія услуги университету и человѣчеству при образованіи клиники, но его винятъ въ излишнемъ пристрастіи къ методѣ Брусса.

Бунге—изъ лучшихъ профессоровъ медицинскаго отдѣленія; онъ не утомимъ при всей слабости. Во время холеры онъ показалъ себя и христіаниномъ и медикомъ отличнымъ. Ему содѣйствовали въ это время съ особеннымъ самоотверженіемъ изъ молодыхъ лѣкарей, господа Армфельдъ, Гильдебрантъ—сынъ знаменитаго оператора, и Марьинскій, а изъ студентовъ медицинскаго отдѣленія господинъ Ушаковъ.

По части хозяйственной заслуживаютъ особенно отличную похвалу: профессоръ Щепкинъ, адъюнктъ Топоровъ и экономъ Андреевъ.

Рихтеръ. Акушеръ. Очень хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Альфонскій. Весьма искусенъ, особенно въ хирургіи.

Эвеніусъ, глазной врачь, очень хорошъ.

Эйнбродтъ. Займетъ съ честію мѣсто Лодера по анатоміи.

Страховъ. Честный и безкорыстный человѣкъ, изъ лучшихъ учениковъ Мудрова.

Терновской. Хвалятъ довольно его знаніе, но холера показала его нѣсколько робкимъ.

Іовской. Знаетъ хорошо химію и можетъ заступить мѣсто Денисова по технологіи; только должно бы его приготовить поѣздкою по Россійскимъ и чужимъ мануфактурамъ и рукодѣліямъ.

Рясовской—смыслитъ акушерство по словамъ медиковъ, но малодушенъ въ заразительныхъ болѣзняхъ.

Александръ Фишеръ—отличный сынъ достойнаго отца, знаетъ основательно естественныя науки и изъясняется по русски какъ коренной русскій.

Топоровъ. Акушеръ, молодой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ, хорошій преподаватель акушерской науки, могъ бы быть употребленъ съ пользою на письмоводительство медицинскаго отдѣленія, котораго переписка затрудняется нерѣшимостію декана Котельницкаго и медленностію Никифора Лебедева.

Каченовской—тяжеловѣсъ россійской словесности, ученъ, но усыпителенъ, ему бы лучше быть при одной педагогикѣ.

Ульрихсъ. Честный и деликатный человѣкъ, только черезъ чуръ бережетъ своихъ ученыхъ собратьевъ; неправды не скажетъ ни за что, но иной разъ не договоритъ правду, чтобъ избѣгнуть непріятности отъ этихъ свѣтскихъ монаховъ. Знаетъ исторію хорошо и удовлетворительно изъясняется по русски.

Ивашковскій. Еллинистъ хорошій.

Снѣгиревъ — знаетъ древности отечественныя лучше чѣмъ латинскій языкъ, на которомъ онъ изъясняется грубо и неправильно. Снѣгиреву слѣдовало бы отдать археологію отдѣльно отъ эстетики, а латинскій языкъ препоручить магистру Кубареву.

Кистеръ. Знаетъ хорошо свой языкъ и учитъ довольно успѣшно; надъ нимъ иногда смѣются за дурной русской выговоръ.

Гавриловъ—годится въ архивъ старыхъ дѣлъ.

Гарвей—знаетъ языкъ англійскій основательно и учитъ хорошо, но имѣетъ мало слушателей, что можно также сказать и о Руббинѣ.

Декампъ—знаетъ французскую литературу очень хорошо, но по невѣдѣнію русскаго языка пропадетъ безъ Куртенера, который ему будетъ отличной помощникъ.

Петръ Матвѣевичъ Терновской—учитъ богословіи и исторіи церковной въ университетѣ и пансіонѣ, и отправляетъ божественную литургію въ семъ послѣднемъ мѣстѣ; человѣкъ умный и благочестивый, обходительной и ученый.

Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ. Учитъ римскому праву. Вашему сіятельству (кн. Н. Н. Голицыну) довольно извѣстенъ съ весьма хорошей стороны.

Сандуновъ. Отлично знаетъ россійское законодательство, но давно уже боленъ и мало подаетъ надежды къ выздоровленію.

Имъ обоимъ должно бы избрать достойныхъ преемниковъ.

Маловъ и Смирновъ. Ихъ адъюнкты мало чести дѣлаютъ московскому университету и пора имъ на покой. Ректоръ крѣпко стоитъ за Смирнова, по какимъ то частнымъ связямъ, но онъ изъ худшихъ самый худой и его классъ всегда похожъ, въ отсутствіи моемъ, на лубочную комедію.

Погодинъ, помощникъ Ульрихса, отлично преподаетъ исторію. Если онъ оставитъ университетъ, трудно будетъ найти кѣмъ замѣнить его.

Василевской. Профессоръ дипломатики и политическихъ правъ. Голова безразсудная.

Сообщ. Н. Н. Протасовъ.

Примѣчаніе. Напечатанная выше записка—сохранилась безъ подписи. Написана она 5-го апрѣля 1831 года, бывшимъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа графомъ Александромъ Никитичемъ Панинымъ, для князя Николая Николаевича Голицына, племянника кн. С. М. Голицына. Кн. Николай Николаевичъ—былъ правителемъ канцеляріи попечителя округа и гр. Панинъ предполагалъ этою запискою, своевременно врученною князю Ливену, министру народнаго просвѣщенія, «поочистить Московскій Университетъ». Неизвѣстно, была ли она представлена кн. Ливену. На этотъ документъ ссылается профессоръ В. С. Иконниковъ въ своей замѣчательной монографіи о русскихъ университетахъ. Хотя документъ, былъ уже напечатанъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи», изд. 1870 г., кн. IV, (смѣсь), стр. 214—219, тѣмъ не менѣе мы пользуемся спискомъ, сообщеннымъ г. Протасовымъ, чтобы напомнить эту характерную записку, тѣмъ болѣе, что этимъ спискомъ, по виду бумаги и черниль 1830-хъ годовъ, исправляются двѣ-три погрѣшности изданія г. Бодянскаго (въ «Чтеніяхъ»: въ Ужаковъ — у насъ: Ушаковъ и т. п.). Ред.

Отлученіе отъ церкви въ 1720 году.

Лѣта 1720 октября въ день. По указу преосвященнаго Георгія, епископа Ростовского и Ярославского, града Ярославля церкви священномученика Власия попу Лаврентию. Сего октября въ день нынѣшняго 720 году въ доношеніи, каково подано преосвященному епископу града Ярославля Казанского дѣвичь монастыря игуменіею Езакустодианою съ сестрами, написано: въ тотъ де ихъ Казанской дѣвичь монастырь приходитъ дѣвка Татьяна Иванова дочь, нарядясь въ мужское нѣмецкое платье, при шпагѣ, и называется мужескимъ именемъ, Яковомъ Турчаниновымъ и ее де игумению съ сестрами бранитъ и ругаетъ и поноситъ всячески неподобно, а живетъ де оная дѣвка у ярославца Ивана Иванова сына Колашникова; и чтобъ преосвященный епископъ пожаловалъ ихъ, повелѣлъ оную дѣвку въ Ярославлѣ въ духовной приказъ сыскать и за оное ея непотребство указъ учинить. И по ево преосвященного епископа указу повелѣно оную дѣвку сыскивать и по посылкѣ изъ духовного приказу оной ярославецъ Колашниковъ учинился противенъ и посыльныхъ на дворъ не пустилъ и оной дѣвки не отдалъ. Того ради о сыску оной дѣвки и о присылкѣ въ духовной приказъ посланъ въ Ярославскую канцелярію указъ. А сего октября въ день, въ указѣ великого государя изъ оной канцеляріи, за рукою вышняго надворнаго суда судіи господина Андрея Яковлевича Данкова, въ домовой духовной приказъ, написано: вышеписанной де ярославецъ Иванъ Ивановъ сынъ Колашниковъ въ ярославскую канцелярію сысканъ и допрашиванъ. А въ допросѣ показалъ: помянутая де дѣвка у него, Колашни

кова, не живала и никогда къ нему не прихаживала, а ходила де къ Ивану Люткину, которой стоитъ у него по отводу бурмистровъ, по вся дни, а по иные дни и ночевала. А сего жъ де октября въ день вышеписанной Иванъ Люткинъ, пришедъ вышняго надворнаго суда къ судіи господину Андрею Яковлевичу Дашкову на дворъ, по вопросу ево, господина судіи, оной Люткинъ словесно показалъ при стороннихъ людехъ, а имянно: при ярославскомъ бурмистрѣ Ильѣ Корсаковѣ, ярославской канцеляріи при подъячихъ: Михаилѣ Степановѣ, Яковѣ Мазалевскомъ, да кинешемской канцеляріи при подъячихъ: Иванѣ Пасинковѣ, Алексѣѣ Протопоповѣ: что де человѣкъ Яковъ Турчаниновъ, которого называютъ дѣвкою, а име де ей Татьяна, у него Люткина есть, приходитъ де къ нему на время и ночюетъ по ночи и по двѣ. Да онъ же Люткинъ говорилъ, что де у него были такіе и въ Санктпитербурхѣ, и дѣло де его солдацкое, не имѣетъ де онъ у себя жены, а безъ того быть не можетъ. Да хотя бы де къ нему и другіе, женескъ полъ кто пришелъ, и онъ бы де имъ не отказалъ и впредь де имъ отказывать не будетъ. И противъ того указу въ ярославскомъ духовномъ приказѣ, по указу преосвященного епископа и по выпискѣ, велѣно: по святымъ правиломъ того беззаконно живущаго Люткина отрѣшить церковного входа, понеже въ правилѣ святыхъ въ Кормчей на листу 25-мъ правило четвертое: блудницу храняй и держай въ домѣ своемъ аще не останетца того, да отлученъ будетъ; да листу сорокъ девятомъ правило двадцатое: любодѣица и любодѣецъ седмь лѣтъ да отлучитца; въ требникѣ на листу триста сорокъ седьмомъ правило сто семьдесять девятое: прилюбодѣица или явленный блудникъ не пріемлетца въ церковь, аще не останетъ грѣха иже при... его, по тридцать девятому правилу великого Василія. И того ради указалъ преосвященный оного Люткина за ругаціе христіанского закона и за преступленіе священныхъ правилъ и за мерскую его богопротивную гордость, понеже не токмо якобы падшему законопреступнику смиритца предъ Богомъ и просить прощенія, но и на пущую мерзость противъ закону божія простираетца и хвалился и впредь въ тѣхъ же беззаконныхъ мерзостяхъ валятися. Того ради о томъ ево, Люткина, отрѣшеніи послать къ вамъ, церковнымъ служителямъ, указы. И какъ ты сей указъ получишъ, и ты бъ о томъ ево, преосвященного епископа, указъ вѣдалъ и онаго Люткина по святымъ правиламъ церковна входа весьма лишилъ до указу и въ домъ къ нему ни съ какими требами не входилъ. А ежели въ которомъ приходѣ оная блудница Татьяна явитца, и онную велѣть поимавъ привесть въ духовной приказъ. Того ради всякой священникъ въ своемъ приходѣ сей указъ объявитъ приходскимъ людемъ. Богоявленской попъ Федоръ.

Сообщилъ **В. И. Лѣствицынъ**.

ПОСЛАНЦЫ ИЗЪ АВГАНИСТАНА ВЪ РОССІЮ

въ 1833—1836 гг.

Въ 1835 г., поручикомъ генеральнаго штаба Мочульскимъ была представлена начальнику Кавказскаго штаба генералъ-маіору Вольховскому, а чрезъ него генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ графу Нессельроде—записка, заключающая свѣдѣнія объ Авганистанѣ и о посланцахъ авганистанскихъ въ С.-Петербургъ, въ 1835 г., Гуссейнъ-Али-ханѣ и мирзѣ Мамудѣ, его товарищѣ.—Записка эта можетъ имѣть нѣкоторый современный интересъ въ виду послѣднихъ дѣйствій англичанъ въ Авганистанѣ. **И. А.**

I.

По порученію начальства сблизившись съ прибывшими изъ Авганистана посланниками и узнавъ отъ нихъ нѣкоторыя подробности о положеніи ихъ отечества, а равно собственно о нихъ самихъ, считаю долгомъ изложить нижеслѣдующее:

Авганцы, народъ воинственный и храбрый, неоднократно распространяли значительно свои владѣнія, но въ послѣднее время (въ 1835 г.) внутренніе раздоры весьма ихъ ослабили; пользуясь оными, владѣтель Белуджистана отложился, вскорѣ то же сдѣлалъ владѣтель Синда, владѣтель же Пенджаба, покоривъ, частію умомъ, частію оружіемъ, всѣхъ малыхъ владѣльцевъ своего отечества, основалъ сильное государство. Учредивъ у себя, по примѣру другихъ индѣйскихъ государей, регулярныя войска и артиллерію, съ помощію оныхъ отнялъ у авганцевъ Дромптуръ, Лея, Мултанъ, Кашимиръ. Персіане вторгнулись въ Кабулистанъ и завладѣли Мешетомъ и частію Хоросана. Сынъ шаха Мамуда, Камранъ, послѣ долговременныхъ междоусобій, основалъ отдѣльное государство въ Хератѣ. Зулфагаръ-Бегъ основалъ въ Сарепулѣ независимое ханство. Наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ, Миръ-Мурадъ-Али-Бегъ Кундузскій занялъ г. Балхъ и всю страну до хребта Хинду-Куша; и такъ, авганцы, стѣсненные въ своихъ границахъ, справедливо предвидятъ мрачную себѣ будущность.

Явились англичане. Государство Моголовъ разрушилось и Индія пала подъ ихъ власть. Дѣятельная политика ихъ быстро начала проникать во всѣ стороны и тамъ, гдѣ силою дѣйствовать не могли, они покоряли деньгами и обѣщаніями. По овладѣніи знаменитымъ городомъ Делли, взоры свои они устремили на Пенджабъ. Здѣсь правилъ государь сильный и въ теченіе многихъ лѣтъ тщетно искали они удобнаго случая, чтобы получить вліяніе

на сіе государство. Наконецъ представился оный: Фету-Сингъ, братъ Ренджидъ Синга, владѣтеля Пенджаба, по смерти отца своего получилъ въ управленіе земли на востокѣ отъ владѣній Ренджида. Видя благія учрежденія своего брата, ежедневное увеличеніе его могущества, онъ началъ тому завидовать. Англичане, замѣтивъ его слабость, воспользовались ею и, рассоривъ его съ братомъ, вовлекли къ себѣ въ союзъ. Нынѣ утвердившись въ его землѣ, питаютъ его надеждою, что, по смерти Ренджидъ-Синга, будто бы въ его пользу займутъ владѣнія сего государя, а сами, вѣроятно, готовятся подступить съ сей стороны къ границамъ авганцевъ и овладѣть важною рѣкою Индомъ.

Между тѣмъ, для владѣнія сею рѣкою необходимо имъ имѣть во власти своей Хейдеръ Абадъ, столицу Мурадъ-Али-шаха Синдскаго; для достиженія чего въ послѣднія времена они неоднократно уже покушались разстроить союзъ, существующій между симъ владѣтелемъ и Достъ-Маммедъ-шахомъ; но, не успѣвъ въ семъ, они обратили свое вниманіе собственно на авганцевъ, стараясь всѣми мѣрами ослабить сей народъ. Внутренніе раздоры заставили многихъ знатныхъ авганцевъ бѣжать и искать покровительства у англичанъ, которые, давъ имъ убѣжище, употребляютъ ихъ для достиженія своей цѣли. Сіи недовольные, поддержанные золотомъ англичанъ, расторгли въ своемъ отечествѣ связь народную и, поселивъ въ немъ духъ партій, грозятъ ему паденіемъ.

Достъ-Маммедъ-шахъ управляетъ авганцами болѣе 15-ти лѣтъ, въ теченіе которыхъ неоднократно долженъ былъ укрощать внутреннія безпокойства и мятежи и воевать противъ внѣшнихъ враговъ; кажется, что и нынѣ раздоры возникли въ южныхъ частяхъ Авганскихъ земель. Долговременное правленіе Достъ-Маммедъ-шаха въ столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и уничтоженіе многихъ замысловъ его непріятелей доказываютъ, что онъ долженъ быть государь умный, строгій и дѣятельный.

Прибывшее изъ Авганистана посольство прислано отъ имени авганскихъ владѣтелей: Достъ-Маммедъ-шаха и Шахзаде Камрана Хератскаго; отъ владѣтелей Синдскаго Мурасъ-Али-шаха и племянника его Амира-Богадура-Рустема, управляющаго Хенперпуромъ, Сакаръ Бакаромъ и Шикарпуромъ, и отъ Мурадъ-шаха, владѣтеля Лакнагура. Судя по разговорамъ посланниковъ, цѣль сихъ государей—снискать покровительство Россіи, просить Государя Императора о признаніи ихъ россійскими союзниками и утвержденіи ихъ законными владѣтелями тѣхъ странъ, коими нынѣ управляютъ.

Кажется, что особы, посольство сіе составляющія, ошиблись во мнѣніи, каковое прежде имѣли о Россіи; полагали, что ихъ предложеніе будетъ принято съ величайшею радостію, что двинутся тотчасъ наши войска въ ихъ землю и исполнятъ всѣ ихъ желанія. Но увидѣвъ закавказскія земли и ихъ жителей, не зная еще Россіи, ни русскихъ, по первымъ судятъ о

насъ. Узнавъ борьбу нашу съ горцами, они сомнѣваются въ нашихъ силахъ и способахъ и лишились надежды получить отъ насъ войска. Они понять не могутъ, отчего Государь Императоръ, при теперешнемъ положеніи Персіи, ею не овладѣваетъ.

Посланники, присланные съ вышеупомянутыми предложеніями, суть: Хаджи-Гуссейнъ-ханъ изъ племени Гхылджіевъ и мирза Мамудъ, духовнаго званія, изъ знатнаго племени Дурране и фамиліи Популъ-Зеи. Они оба авганцы и двоюродные братья. Гуссейнъ-ханъ въ поведеніи своемъ не весьма основателенъ, что и видно изъ поступковъ его во время слѣдованія изъ Кабула сюда. При отправленіи сего посольства, были ему вручены бумаги и подарки для высочайшаго двора. Подарки состояли: изъ 28-ми перьносовыхъ шалей, произведенія земель Авганскихъ, отъ Достъ-Маммедъ-шаха, и 14 шалей и 8 кусковъ индѣйской парчи отъ Мурадъ-Али-шаха; всѣ 50 штукъ уложены были въ сундукъ и запечатаны печатью исполняющаго при Достъ-Маммедъ-шахѣ должность визиря, мирзы Семи-хана. Письма были уложены въ парчевой мѣшокъ и тою же печатью запечатаны.

Посольство выѣхало изъ Кабула еще въ началѣ 1833 года и прибыло благополучно въ г. Мешетъ въ Хоросанѣ, гдѣ намѣревалось отдохнуть нѣсколько времени, въ ожиданіи удобнаго случая ѣхать въ Тегеранъ. Въ сіе время Гуссейнъ-ханъ завелъ разныя знакомства съ персіанами, и, увлекаясь страстію, женился на персіанкѣ невысокаго званія, и сей бракъ задержалъ его въономъ городѣ болѣе года, не смотря на то, что мирза неоднократно напоминалъ ему объ обязанности поспѣшать къ своему назначенію, нѣсколько разъ даже хотѣлъ одинъ ѣхать, но у хана хранились подарки Государю Императору и у него же были всѣ бумаги. Скрывая все сіе, ханъ нынѣ увѣряетъ, что столь долгое время былъ задержанъ по повелѣнію Абазъ-мирзы, который будто бы объявилъ ему, что, по причинѣ военныхъ обстоятельствъ, посольству слѣдовать далѣе нельзя было.

Между тѣмъ у мирзы Маммуда бѣжалъ одинъ изъ его слугъ въ г. Туршишъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Мешета; узнавъ о мѣстѣ пребыванія бѣглеца, мирза отправился туда, условившись съ ханомъ съѣхаться въ Созуарѣ [1]). Прибывъ въ сей городъ, онъ ждалъ хана три мѣсяца и рѣшился уже ѣхать назадъ въ Мешедъ, какъ на дорогѣ встрѣтилъ хана, который со страхомъ объявилъ ему, что его обокрали и что только осталось 22 штуки шалей и парчи, которыя онъ для бо̀льшей безопасности отправилъ чрезъ какого-то купца въ Россію. Мирза не могъ вѣрить таковымъ разсказамъ, видя, что у хана оставался ящикъ, въ коемъ прежде

[1]) На географическихъ картахъ сей городъ называется: Себзеваръ, Себзеваръ или Субзваръ.

хранились подарки Государю Императору, въ коемъ будто воры оставили половину вещей; но ханъ возражалъ, что отправленныя въ Россію вещи онъ успѣлъ отбить у похитителей, остальныхъ же найти не могъ. Прибывши въ Россію, ханъ началъ уже разсказывать, что его трухменцы ограбили; но вѣроятнѣе всего, что онъ сіи вещи самъ продалъ; ибо, задолжавъ въ Мешетѣ, не имѣлъ средствъ къ заплатѣ; при томъ, женившись и взявъ съ женою къ себѣ и мать и сестру ея, увеличилъ число окружающихъ себя, чѣмъ вовлекся въ значительныя издержки.

На дорогѣ въ Тегеранъ умерла жена хана и онъ женился на ея сестрѣ. Въ Тегеранѣ пробыли они болѣе трехъ мѣсяцевъ и достигли границы Россіи почти чрезъ два года по выѣздѣ изъ своего отечества. Во время пребыванія Гуссейнъ-Али-хана въ Персіи, ему разсказали, что посольства въ Россіи тѣмъ успѣшнѣе бываютъ, чѣмъ послы знатнѣйшаго сана; сіе, а равно намѣреніе скрыть число отправленныхъ съ нимъ шалей, вѣроятно, его побудило распечатать мѣшокъ, въ коемъ находились бумаги владѣтелей, и переписать двѣ изъ нихъ, а именно: письмо Достъ-Маммедъ-шаха и Мурадъ-Али-шаха (по словамъ мирзы, своеручно, въ селеніи Гулублю въ Карабахѣ), назвать себя въ оныхъ сердаремъ, чѣмъ никогда не былъ, и уничтожить настоящія письма оныхъ государей. Не зная къ тому арабскаго языка, онъ не могъ прочитать печатей владѣтелей и потому упустилъ помѣстить въ поддѣланномъ имъ письмѣ Достъ-Маммедъ-шаха печать Камрана Хератскаго, каковая находилась въ оригинальномъ письмѣ сего государя; по сей же причинѣ приложилъ персидскія печати, между тѣмъ какъ настоящія печати владѣтелей—малаго эллиптическаго формата съ арабскими надписями. Оригинальная печать Достъ-Маммедъ-шаха приложена между прочимъ къ просьбѣ племени Юсуфъ-Зеи, каковая сохранилась въ оригиналѣ и имѣетъ слова: Достъ-Маммедъ-шахъ Абдалли. Оригинальныя письма были писаны братомъ мирзы, мирзою Маммедъ-Аліемъ. Поступки сіи, какъ говоритъ мирза, весьма тяжко гнетутъ совѣсть хана, опасающагося строжайшаго наказанія, и если ему удастся выѣхать изъ Россіи, то никогда не возвратится въ Кабулъ, а скроется въ какомъ либо другомъ государствѣ. Быть можетъ, что и мирза не столь правъ какъ показываетъ; но, говоря неоднократно о семъ съ откровенностію, онъ никогда въ разсказахъ своихъ даже въ мелочахъ себѣ не противорѣчитъ.

Ханъ имѣетъ нѣкоторый вѣсъ въ своемъ племени, но близкихъ родственниковъ, занимающихъ важныя государственныя должности, не имѣетъ; такъ что, по словамъ мирзы, ему въ своемъ отечествѣ не предстоитъ блистательной будущности.

Мирза Маммудъ—второй посланникъ и, кажется, данъ хану совѣтникомъ; имѣетъ многихъ родственниковъ при дворѣ своего государя, также большой вѣсъ у племени Юсуфъ-Зеевъ, къ коимъ ежегодно ѣздилъ пропо

вѣдывать и читать коранъ. У него много здраваго разсудка; знаетъ, по словамъ нашихъ переводчиковъ, весьма хорошо восточные языки; имѣетъ даръ слова, скроменъ въ обращеніи и въ выраженіяхъ своихъ остороженъ. Въ немъ замѣтна нѣкоторая черта благородной гордости, отличающая въ особенности племя Дурране. Недавно имѣлъ я случай на дѣлѣ удостовѣриться въ семъ. Пришедши однажды къ нему, засталъ его скучнымъ и мало разговорчивымъ и, послѣ многихъ тщетныхъ вопросовъ о причинѣ его унынія, онъ вдругъ вспыхнулъ и съ негодованіемъ объявилъ мнѣ, что ханъ просилъ чрезъ переводчика о заплатѣ 150 руб. серебромъ, которые онъ задолжалъ здѣшнимъ купцамъ.

— «Скажите,—говорилъ онъ мнѣ,—не стыдъ ли это? Чтὸ объ насъ подумаютъ? Этотъ ханъ только глупости дѣлаетъ; но,—продолжалъ онъ,—я просилъ переводчика, чтобы онъ моего имени таковою просьбою не маралъ, у меня денегъ довольно, хотя и вдвое менѣе получаю чѣмъ ханъ. Мнѣ таковая помощь не нужна».

Бо̀льшее содержаніе, каковое получаетъ ханъ противъ мирзы, возбудило, кажется, зависть послѣдняго; ханъ же подозрѣваетъ, что мирза открылъ его поступки; все сіе поселило между ними нѣкоторую холодность и недовѣрчивость. Они неохотно разсказываютъ о политическомъ положеніи дѣлъ своего отечества и увеличиваютъ все, что въ ихъ пользу служить можетъ.

Таковые вопросы скоро имъ наскучаютъ и не разъ уже они отвѣтили:

— «Пріѣзжайте къ намъ—то увидите сами; отчего англичане все знаютъ? Оттого, что они вездѣ бываютъ».

Они оба довольно кротки и ласковы въ обращеніи съ своими людьми, гостепріимны и въ обращеніи имѣютъ нѣкоторое сходство съ персіанами. Они магометане, секты Омаровой, но, кажется, не придерживаются буквально постановленіямъ своей вѣры и говорятъ, что, будучи здѣсь и сообразуясь съ обычаями русскихъ, они должны дѣлать чтὸ у насъ прилично. Они не терпятъ персіанъ.

Генеральнаго штаба поручикъ Мочульскій.

II.

Съ вышеупомянутою запискою Мочульскаго имѣетъ нѣкоторую связь другая записка по дѣламъ Авганистана (1836 г.), составленная неизвѣстно кѣмъ по поводу прибытія въ С.-Петербургъ кабульскаго посланника Гуссейна-Али, для испрошенія себѣ у русскаго правительства помощи противъ угрожающей имъ опасности отъ англичанъ. Въ послѣдней запискѣ прямо говорится, что если Авганистанъ достанется въ руки англичанъ, то Средняя Азія подчинится ихъ вліянію; азіатская торговля русскихъ рушится; англичане могутъ вооружить противу насъ, при удобномъ случаѣ, сосѣдніе къ намъ азіатскіе народы, снабдить ихъ порохомъ, оружіемъ и деньгами и превратить ихъ въ опасныхъ для насъ враговъ, и т. д. И. А.

Оренбургскій военный губернаторъ въ маѣ мѣсяцѣ 1836 г. донесъ министру иностранныхъ дѣлъ о прибытіи на Оренбургскую линію посланника отъ шаха кабульскаго, который пріѣхалъ туда тайнымъ образомъ изъ Бухаріи, подъ видомъ торговаго человѣка, имѣя при себѣ, кромѣ письма къ военному губернатору, грамоту отъ своего шаха Достъ-Магометъ-хана къ Государю Императору. Цѣль сей посылки состояла въ испрошеніи какого нибудь пособія противъ угрожающей кабульскому владѣльцу опасности отъ англичанъ (поддерживающихъ прежнюю сверженную династію авганскихъ шаховъ) и противъ Ренжидъ-Синга, владѣтеля Пенжаба.

Генералъ-адъютантъ Перовскій по сему предмету изъяснялъ, что настоящимъ случаемъ должно бы воспользоваться, дабы войти въ связи съ Достъ-Магометъ-ханомъ, которыя могутъ быть для насъ полезны особенно въ торговомъ отношеніи. Мнѣніе его состояло въ томъ, чтобы постараться поддержать какимъ нибудь способомъ кабульскаго владѣльца, ибо если водворятся въ Авганистанѣ Сеики (народъ, коимъ управляетъ Ренджидъ-Сингъ), то земля опустошится и надежды наши на торговыя сношенія съ этою страною исчезнутъ. Если же завладѣетъ Авганистаномъ Шуджа-Уль-Мулькъ, прежній шахъ изъ сверженной династіи, котораго поддерживаютъ англичане, то Авганистанъ вполнѣ подчинится Восточно-индѣйскому обществу и англичанамъ останется до самой Бухары одинъ только шагъ: Средняя Азія можетъ подчиниться ихъ вліянію; азіатская торговля наша рушится; они могутъ вооружить противъ насъ, при удобномъ случаѣ, сосѣдніе къ намъ азіатскіе народы, снабдить ихъ порохомъ, оружіемъ и деньгами, а этого только и не доставало, чтобы ничтожныхъ противниковъ нашихъ превратить въ опасныхъ враговъ. Если же покровительство Россіи удержитъ Достъ-Магомета на престолѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, изъ признательности останется добрымъ пріятелемъ нашимъ и врагомъ англичанъ; онъ разобщитъ ихъ отъ

Средней Азіи, положитъ преграду торговому властолюбію ихъ, усмиритъ хивинцевъ, а если нужда потребуетъ—и бухарцевъ, и будетъ способствовать распространенію нашей торговли. На счетъ самаго пособія генералъ-адъютантъ Перовскій полагаетъ, что при истощенныхъ денежныхъ средствахъ Достъ-Магометъ-хана (у коего, впрочемъ, войска достаточно), всего лучше было бы послать къ нему русскаго сукна и нанки, въ которыя онъ одѣваетъ постоянно своихъ солдатъ и которыя въ Авганистанѣ будутъ имѣть тройную и четверную противъ здѣшняго цѣну; слѣдовательно, пособіе это будетъ имъ болѣе полезно нежели денежное. Товары эти посланникъ кабульскій могъ бы взять у заводчиковъ нашихъ въ долгъ, на сроки, за поручительствомъ извѣстнаго торговаго дома, который получитъ деньги отъ казны; можно также назвать авганца сего прикащикомъ нашего торговаго дома. Мѣра эта во всякомъ случаѣ имѣла бы послѣдствіемъ то, что азіатцы ознакомились бы болѣе съ нашими товарами, и если этою мѣрою сбытъ ихъ современемъ усилится, то самые таможенные сборы вознаградятъ казну за первоначальное пожертвованіе ея. Сверхъ того, можно бы, по мнѣнію генералъ-адъютанта Перовскаго, послать въ Кабулъ русскихъ офицеровъ и даже оружейниковъ, подъ видомъ частныхъ путешественниковъ.

По полученіи всѣхъ сихъ свѣдѣній, министерство докладывало Государю Императору; на пріѣздъ посланца авганскаго изъявлено высочайшее соизволеніе, и вслѣдствіе того онъ прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и находится подъ видомъ купца азіатскаго, живя на казенномъ содержаніи. Въ то же почти время, получено было донесеніе отъ посланника нашего въ Персіи графа Симонича, коимъ увѣдомлялъ, что къ персидскому двору прибылъ изъ Авганистана же, но отъ другаго владѣльца, и именно кандагарскаго, посланецъ съ просьбою о принятіи Кандагара подъ защиту и покровительство Персіи, на что персидское правительство, изъявивъ согласіе, отправило его обратно съ инвеститурною грамотою и подарками; что, сверхъ того, будто бы ожидался таковой же посланный и отъ шаха кабульскаго, съ подобнымъ предложеніемъ о принятіи его подъ покровительство Персіи, но прибытіе сего послѣдняго замедлилось только потому, что, во избѣжаніе опаснаго пути чрезъ Гератъ, онъ отправился чрезъ Бухарію. Соображая сіе обстоятельство, министерство имѣло основательныя причины полагать, что отправленный къ шаху персидскому есть тотъ самый, который прибылъ въ Россію, ибо и сей посланъ былъ чрезъ Бухарію. Но изъ послѣдующихъ донесеній графа Симонича открылось, что ожидаемый посланецъ отъ кабульскаго владѣтеля дѣйствительно прибылъ въ Тегеранъ, бывъ долгое время задержанъ въ Бухарѣ; онъ отправленъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который долженствовалъ ѣхать въ Россію, и, совершивъ вмѣстѣ часть пути, разстался съ нимъ въ Бухаріи.

Такимъ образомъ оказывается, что шахъ кабульскій отправилъ двухъ

посланниковъ: одного въ Персію съ изъявленіемъ своей готовности быть подъ ея покровительствомъ, а другаго въ Россію для испрошенія какой либо себѣ помощи.

Графъ Симоничъ по симъ обстоятельствамъ пишетъ, что, по его соображеніямъ, слѣдовало бы воспользоваться этимъ случаемъ и авганскихъ владѣльцевъ подчинить вліянію Персіи, составивъ изъ нихъ конфедерацію подъ покровительствомъ сей державы и ручательствомъ (гарантіею) Россіи, но что напередъ нужно персіанамъ привести въ повиновеніе трухменцевъ и усмирить Гератъ. Противъ первыхъ, по его мнѣнію, можно бы намъ оказать Персіи пособіе, снабдивъ военными снарядами и придавъ въ помощь каспійскую нашу флотилію.

Графъ Симоничъ при этомъ увѣдомилъ еще, что кабульскій посланецъ офиціально уже сообщилъ персидскому двору объ отправленіи и въ Россію подобнаго же посольства отъ его владыки, что̀ не можетъ не дойти до свѣдѣнія англійской миссіи.

При семъ Симоничъ проситъ о поспѣшнѣйшей высылкѣ ему разныхъ подарочныхъ вещей, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ имъ отправлены къ владѣльцамъ Кабула и Кандагара.

Сверхъ того пишетъ, что полезно бы имѣть при миссіи офицера генеральнаго штаба, нахожденіе коего при немъ въ качествѣ адъютанта, или подъ инымъ наименованіемъ, не встрѣтило бы никакого затрудненія, а, напротивъ, было бы для шаха пріятно.

Сообщ. И. А.

Романъ Медоксъ,

[по поводу его разсказа объ ополченіи горцевъ въ 1812 г. [1]].

Иркутскъ былъ хорошо мнѣ знакомъ въ 1818 году; въ 1830 г., чрезъ 12 лѣтъ, много воды утекло.—Перемѣны нашелъ во всемъ: въ начальствѣ, въ жителяхъ, даже частью въ обычаяхъ.—Между многими особенностями, я обратилъ вниманіе на пять—шесть человѣкъ—не знаю—сосланныхъ или удаленныхъ. Прежде бывали такіе субъекты, но они жили по деревнямъ, а теперь въ Иркутскѣ. Было ихъ, можетъ быть, и болѣе, но эти были особенно приличны, образованны и были приняты—кромѣ генералъ-губернатора—почти вездѣ. По разсказамъ, особенное мое вниманіе обратилъ нѣкто Медоксъ; о немъ вездѣ много говорили, но, странное дѣло, изъ многаго не рисовалось ничего яснаго, рельефнаго—всѣ разсказы съ какими-то недомолвками. Что̀-бы ни говорили о Медоксѣ, непремѣнно слышишь: говорятъ, будто бы, вѣроятно, должно быть, и проч. Положительнаго—ничего. Говорили, что онъ членъ европейскаго тайнаго общества, что неизвѣстно отъ кого, но отъ разныхъ лицъ получаетъ деньги и довольно часто; Медоксъ-ли онъ—и это не вѣрно; что онъ былъ флигель-адъютантомъ въ 1812 году; даже изъ бумаги, по которой онъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г. томъ XXVI (декабрь), стр. 709—713.

присланъ, ничего заключить нельзя. Помню, первый разъ я встрѣтилъ его у путейскаго офицера. Медоксъ лѣтъ 35-ти, небольшаго, даже малаго-средняго роста, съ рѣдкими напереди волосами—свѣтлыми, но съ сильнымъ рыжимъ оттѣнкомъ; выбритъ чисто, лицо продолговато, бѣло—какъ у рыжихъ, правильно; глаза необыкновенно подвижны, сложенъ крѣпко и правильно; голосъ тихъ, при началѣ рѣчи заикался порядочно. Замѣтно, ни съ кѣмъ не начиналъ говорить самъ, но отвѣчалъ коротко и обдуманно; поведенія неукоризненнаго. Одѣтъ всегда въ сюртукѣ, часто гороховаго цвѣта, всегда очень опрятенъ. Что особенно обращало вниманіе, то это щегольское бѣлье—очень тонко, необыкновенно бѣло, видно—это была любимая его статья костюма. Медоксъ держалъ себя прилично, но я не помню, чтобы онъ самъ подходилъ къ кому нибудь. Первое впечатлѣніе у меня было—это кровный англичанинъ!—Я говорилъ съ нимъ, онъ отвѣчалъ охотно и вѣжливо, но я остался съ тѣми же свѣдѣніями, какъ и всѣ: говорятъ и то и се. Я ласково пригласилъ Медокса къ себѣ въ адмиралтейство; онъ былъ нѣсколько разъ, иногда по цѣлому дню и говорилъ охотно, да не то, что̀ я хотѣлъ знать. По словамъ его, у него было огромное знакомство съ высокостоящими въ Питерѣ и за границей. Медоксъ отлично зналъ Кавказъ, говорилъ занимательно объ обычаяхъ горцевъ и вообще о жизни Кавказа.—Вы тамъ долго были, Медоксъ?—«Не очень долго». Вы что тамъ дѣлали?—«Я имѣлъ порученіе, но зависть, антриги—испортили прекрасное предпріятіе».—Какое предпріятіе?—а онъ начнетъ разсказывать прелюбопытные анекдоты объ обычаяхъ и личностяхъ, да тѣмъ и отдѣлается. О чемъ ни спросите, у него всегда готова ширма, за которую онъ ловко спрячется, разсказывая не то, что̀ вамъ хочется знать. Въ деньгахъ никогда не нуждался Медоксъ; онъ получалъ по почтѣ; разъ я самъ видѣлъ повѣстку на 700 рублей. Отъ кого деньги?—никогда никто не зналъ. Еслибъ я хотѣлъ продолжать разсказъ о Медоксѣ въ Иркутскѣ, то повторялся бы—не болѣе.

Уѣзжая изъ Иркутска и прощаясь съ Медоксомъ, я выразилъ сожалѣніе, что его молодая жизнь въ Иркутскѣ скучна, недѣятельна. Онъ отвѣчалъ «Ничего, пока сносно».—Хорошо бы и вамъ проститься съ Иркутскомъ.—«Я здѣсь пока здѣсь Лавинскій, а уѣдетъ онъ, уѣду и я». Я подумалъ: хвастаешь, не вырвешься, но онъ говорилъ такъ спокойно и твердо, что я спросилъ: вы не шутите, Медоксъ?—«Нѣтъ, я говорю серьезно».—Да развѣ отъ васъ зависитъ быть здѣсь, или въ Петербургѣ?—«Конечно, если я говорю, то оно такъ и будетъ».

Я въ Петербургѣ; перешелъ въ корпусъ жандармовъ и пока состоялъ при шефѣ; у графа Бенкендорфа всякій день въ 10 часовъ пріемъ просителей, на пріемѣ и я. Лавинскій выѣхалъ и отказался ѣхать въ Сибирь. Въ одинъ пріемный день у шефа, смотрю и глазамъ не вѣрю—Медоксъ!—Онъ меня не узналъ. Я подошелъ къ нему, поздоровался: какъ, вы здѣсь?—«Я не хотѣлъ оставаться безъ Лавинскаго». Это онъ сказалъ очень спокойно—какъ бы сказалъ: хорошая погода. Вообще, Медоксъ въ залѣ шефа былъ какъ дома. Вышелъ графъ Бенкендорфъ, подошелъ къ Медоксу, назвалъ его по фамиліи, спросилъ, давно ли пріѣхалъ?—«Вчера», заикаясь отвѣчалъ Медоксъ.—Ты будешь жить въ Петербургѣ?—«Ваше сіятельство, въ Россіи нѣтъ человѣка безъ званія, а я никакого званія не имѣю; прошу пожаловать мнѣ какое нибудь положеніе». Графъ засмѣялся и ласково сказалъ: На-дняхъ зайди. Дубельтъ, видя, что я разговаривалъ съ Медоксомъ какъ знакомый, спросилъ меня и я разсказалъ ему объ Иркутскѣ, а на вопросъ мой Дубельту—кто такой Медоксъ?

онъ отвѣчалъ: «А кто знаетъ этого чортова сына, онъ и самъ сбился съ толку». Чрезъ немного дней, Медоксъ явился; графъ объявилъ ему, что Государь пожаловалъ ему званіе—отставнаго солдата, на которое и получилъ свидѣтельство. Медоксъ, казалось, былъ очень доволенъ. Я много разъ встрѣчалъ его въ щегольскомъ фаэтонѣ; онъ раскланивался со мною, я сказалъ ему мою квартиру; онъ не сказалъ мнѣ своей, говорилъ: «живу временно, скоро переѣду». Медоксъ всегда отлично одѣтъ, всегда вѣжливъ и всегда скупъ на слова. Вотъ, что мнѣ кажется вѣрнѣе: отецъ Медокса былъ антрепренеръ труппы актеровъ, какой націи—не знаю, но глядя на Медокса, я видѣлъ въ немъ англичанина. Въ 1812 году, Медоксъ нарядился флигель-адъютантомъ, на Кавказѣ хотѣлъ образовать отрядъ горцевъ, повергнуть ихъ Государю—но сорвалось!—Тянулось дѣло очень долго; кончили какъ нибудь—въ Иркутскъ. Что Медоксъ принадлежалъ къ какому-то сильному тайному обществу, мнѣ кажется—это несомнѣнно. Въ 1835 году, я, въ Симбирскѣ, получаю секретное предписаніе: въ Москвѣ былъ очень богатый, старый грекъ (кажется) Максимъ; у него была знаменитая и драгоцѣнная жемчужина, которая такъ была правильно-кругла, что разъ двинутая по горизонтальному столу—долго каталась. Грекъ обладалъ драгоцѣнною коллекціею табакерокъ и многими драгоцѣнностями. Является къ греку флигель-адъютантъ съ рескриптомъ Государя, въ которомъ Государь проситъ грека повѣрить свои драгоцѣнныя рѣдкости посылаемому флигель-адъютанту, который возвратитъ ихъ по описи. Грекъ, въ восторгѣ, передалъ флигель-адъютанту, который и пропалъ. Флигель-адъютантъ, такъ по крайней мѣрѣ заподозрили въ III-мъ отдѣленіи (быть можетъ и несправедливо)—былъ Медоксъ, о которомъ и предписывалось, если окажется,—арестовать. Дубельтъ на полѣ карандашомъ написалъ: «твой другъ, лови его!»—Поймали Медокса или нѣтъ—не знаю. Меня самого закрутила судьба, не до Медокса мнѣ было. Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» о Медоксѣ[1]), я сказалъ, что̀ подсказала мнѣ память.

Э. И. Стоговъ.

Примѣчаніе. Мы получили отъ другаго лица краткое біографическое свѣдѣніе о Р. М. Медоксѣ, но безъ объясненія причинъ—почему этотъ человѣкъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ въ 1830-хъ годахъ и просидѣлъ въ крѣпости до 1855-го года. Умеръ Р. М. Медоксъ 5-го декабря 1859 г. Ред.

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1879 года, томъ XXVI, декабрь, стр. 709—713 Читатели нашего изданія, конечно, помнятъ живые, талантливые очерки Э. И. Стогова изъ прошлой жизни русскаго общества; воспоминанія его о Сперанскомъ, Лавинскомъ, Трескинѣ и проч. и проч. («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 98—117; 499—530; 631—704. Изд. 1879 г. томъ XXIV, стр. 49—80. Ред.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ,

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[рожд. 1788, ум. 1864 г.] [1]).

Государь Александръ Павловичъ, будучи почти при послѣднемъ вздохѣ—при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, князѣ Петрѣ Михаиловичѣ Волконскомъ, при Дибичѣ—сказалъ, 19-го ноября 1825 г., видя яркое солнце, которое освѣщало всю его комнату:

— «Laissez moi voir encore le soleil, c'est le plus beau jour de ma vie».

Исполнивъ весь долгъ истиннаго христіанина, Государь скончался, видя слезы всѣхъ его окружающихъ; Императрица съ обыкновенною ея кротостью рыдала, держа руку Государя. Нѣсколько дней послѣ, она писала вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Notre ange est au ciel et moi je végète sur la terre». Но недолго она была разлучена съ нимъ, потому что, доѣхавъ до Бѣлева, скончалась въ маѣ 1826 года.

[Записано 19-го ноября 1854 г.].

Императоръ Николай I.

Всѣхъ занимаютъ воинскія дѣла въ Крыму; у насъ у всѣхъ сердце замираетъ въ ожиданіи новостей; каково же должно быть безпокойство Царя? За то онъ и измѣнился, такъ похудѣлъ, какъ послѣ болѣзни, и что̀ мудренаго: ни одной ночи покойно не почиваетъ, а иныя напролетъ просиживаетъ. Сегодня я услышала, что разсказывалъ его камердинеръ (узна̀ю, какъ его зовутъ), что однажды на этихъ дняхъ Государь, умывшись поутру, сталъ молиться Богу; камердинеръ его дожидался въ другой комнатѣ, когда онъ его позоветъ; проходитъ 15 минутъ—все еще тихо въ кабинетѣ; еще пять, еще нѣсколько минутъ, наконецъ, камердинеръ, видя, что уже почти полчаса прошло, въ безпокойствѣ страшномъ тихонько дверь отворяетъ и видитъ, что

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 г., томъ XXVII (мартъ), стр. 635—650; томъ XXVIII (іюнь), стр. 733—356.

Государь, какъ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и земно поклонясь, заснулъ. Въ первую минуту камердинеръ такъ испугался, что потихоньку позвалъ людей, и съ осторожностью подошедъ къ Царю, сталъ его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказалъ:

— «Какъ я усталъ! Даже на молитвѣ заснулъ!»

По этому можно судить, какъ ему не легко все это время.

[Записано 12-го октября 1854 г.].

Въ январѣ мѣсяцѣ 1855 года предводитель дворянства нижегородскаго представилъ Государю Николаю Павловичу отъ лица всего дворянства адресъ и какъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько времени его достать будетъ трудно, то я вкратцѣ его здѣсь изложу, какъ объ немъ мнѣ разсказывали. Все общество дворянъ нижегородскихъ предлагало Царю—не только все свое имущество, но себя и дѣтей своихъ на службу, и просили его дать имъ только знамя Пожарскаго, котораго память незабвенна въ Нижнемъ Новгородѣ, и пр., и пр. На другой день, какъ этотъ адресъ былъ читанъ въ собраніи, купцы и мѣщане пришли къ князю Урусову, ихъ губернатору, и съ большимъ чувствомъ говорили, какъ имъ больно было, что дворяне въ ихъ адресѣ къ Государю забыли про Минина, который такъ горячо доказалъ свою любовь къ отечеству, и что и они всѣ готовы всѣмъ, что только могутъ, пожертвовать въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ для пользы отечества. Я живо себѣ представляю, какъ все это должно было быть пріятно Царю.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло, что я не писала въ этой книжкѣ, и вы этому вѣрно не удивитесь, зная, что все это время я ничѣмъ заняться не могла, такъ огорчена я была жестокою потерею, которую не мы одни, а вся Россія понесла, лишившись Государя нашего Николая Павловича. Это такой былъ всѣмъ намъ ударъ! хотя уже три дня мы знали, что онъ былъ нездоровъ, но когда узнали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, никто повѣрить этому не могъ. Теперь еще не износили мы въ сердцахъ нашихъ всю нашу скорбь, нѣтъ дня, чтобы не лились слезы говоря про него! А ужъ велика была его кончина! истинно училъ онъ насъ какъ жить, но и научилъ какъ должно умереть! . . . .
. . . . Вы найдете въ библіотекѣ маленькую книжку: «Послѣднія минуты жизни Государя Николая», которую вы слышать не могли равнодушно: мы всѣ заливались сле-

зами, читайте ее чаще; примѣръ такой истинно христіанской кончины рѣдко въ жизни встрѣчается и надобно имъ пользоваться. Вы слышали какъ онъ любилъ Россію, какъ неусыпно трудился для нея, какъ дорого ему было семейство, какъ просилъ онъ, чтобъ старались сохранить въ немъ то согласіе, которое его радовало, какъ приказывалъ повиновеніе къ родителямъ, какъ поручалъ дѣтямъ беречь ихъ маменьку! Подумайте, все это говорилъ умирающій Государь, у котораго столько было заботъ въ жизни и столько отвѣтственности передъ Богомъ, но и тутъ онъ обо всѣхъ подумалъ, не забылъ даже своего кучера Якова, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ утѣшался мыслію, что и у престола Всевышняго молиться будетъ за Россію. Такъ еще душа полна къ нему преданностью и любовью, что, кажется, не перестала бы все думать и писать о немъ; и какъ не благодарить еще много его и за то, что приготовилъ онъ нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, который съ благословеніемъ Божіимъ, вѣрно, тоже стараться будетъ составить счастіе Россіи!

[Написано въ апрѣлѣ 1855 г.].

Императрица Александра Θеодоровна.

Въ Петергофѣ, за Самсоновскимъ павиліономъ, съ возвышенія бѣжитъ прелестный каскадъ между большихъ камней; косили мужики траву, бабы ее убирали и одна изъ нихъ, старушка-чухонка, легла отдохнуть на травѣ и заснула; то было время отдыха работниковъ. Императрица Александра Θеодоровна пріѣхала тогда въ павиліонъ, вышла около него погулять и увидѣла спящую такъ крѣпко старуху, что она даже не слыхала, какъ подошла къ ней царица, которая, увидя это, положила ей въ руку 5 руб. сер., пошла прочь и сказала служивымъ дежурнымъ, что̀ она сдѣлала, и не приказала старуху будить; сама отошла отъ павиліона и стала по другую сторону озера; какъ пріятно ей было видѣть пробужденіе старухи. Чухонка показала свои деньги служивымъ, которые рукой показали ей Императрицу, стоящую на другой сторонѣ; старушка упала на колѣни, протягивала Императрицѣ свои руки, цѣловала ихъ и посылала ей свои поцѣлуи черезъ озеро.—Государыня радовалась ея радости и отъ души смѣялась, видя какъ бѣдная женщина ее изъявляла.

Иногда императрица Александра Θеодоровна сама разливала чай въ своей маленькой гостиной, гдѣ была круглая деревянная лѣсенка въ верхнія комнаты Государя. Однажды, при двухъ или

трехъ свидѣтеляхъ, она ждала Государя чай кушать и, прислушиваясь къ шагамъ его, она уже знала въ какомъ онъ расположеніи духа, и точно будучи озабоченъ, а можетъ быть, и разсерженъ, Государь Николай Павловичъ, сошедъ внизъ, не говоря ни слова сталъ ходить по комнатѣ.

Государыня Александра Θеодоровна налила чашку чаю, и камердинеръ подалъ ее Государю на подносѣ. Онъ взялъ, попробовалъ:— «безъ сахара»,—сказалъ съ досадой, бросилъ чашку на подносъ; она упала на коверъ и, натурально, чай пролился.

— «Скорѣе вытрите»,—сказала Царица человѣку и не стала увѣрять Государя, что сахаръ былъ, какъ многія бы женщины сдѣлали, и тѣмъ еще болѣе увеличила бы нерасположеніе духа Царя, но налила другую чашку и сама поднесла ему, говоря:

— «Эта съ сахаромъ.»

Государь обернулся къ тѣмъ, которые были въ комнатѣ:

— «Cet ange de bonté me désarme toujours par sa douceur!»

Сперанскій.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ хорошій пріятель Θеодору Петровичу Львову; однажды онъ къ намъ пріѣзжаетъ и я, видя, что у него отстегнулась Андреевская звѣзда, хотѣла ее ему поправить.

— «Ради Бога оставьте ее такъ,—сказалъ онъ мнѣ,—сейчасъ самъ Государь (Николай Павловичъ) свою мнѣ надѣлъ, когда я ему поднесъ мой сводъ законовъ, и онъ точно такъ ее надѣлъ; мнѣ и вечеромъ разстаться съ нею будетъ тяжело».

К. П. Брюлловъ.

По восшествіи на престолъ Государя Николая Павловича, тотчасъ приступили къ окончанію Исакіевскаго собора и поручено было лучшимъ художникамъ украсить его своими произведеніями; всѣ представили свои проекты и мысль Карла Павловича Брюллова на счетъ купола была совершенно одобрена Государемъ и писать его было ему поручено за 450 тыс. ассигнаціями. Монферанъ вдругъ присылаетъ ему сказать, что если онъ не дастъ ему со всей этой суммы 15%, то куполъ будетъ у него отнятъ; взволнованный Брюлловъ посылаетъ ему сказать, что умретъ скорѣе, чѣмъ на это согласится. Спустя нѣсколько времени писать куполъ Брюллову не позволили (мысль его теперь исполнена Бруни съ картоновъ Брюллова, во время его

болѣзни и послѣ смерти его). Пріѣхала я къ нему, узнавъ объ этомъ; онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и я его не узнала: такъ горькое это повелѣніе его сразило; онъ былъ внѣ себя; эскизъ купола, утвержденный княземъ Волконскимъ по повелѣнію Государя, стоялъ на мольбертѣ у него въ гостиной.

— «Я было хотѣлъ его разорвать въ первую минуту,—сказалъ мнѣ Брюлловъ, — но одумался, поставилъ его предъ собою и говорю нѣсколько разъ въ день, подойдя къ нему: гляди, червякъ, и ты возымѣлъ мысль гордую въ великій вѣнокъ этого зданія вплести свой листокъ,—гляди на это и смиряйся».

При этомъ губы у Брюллова тряслись и онъ успокоиться не могъ и разсказывалъ намъ, что по зависти тотъ же Монферанъ увѣрилъ, что писаніе масляными красками иа куполѣ не выдержитъ морозовъ и теплаго воздуха снизу и что, переговоря съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, мужемъ Великой Княгини Маріи Николаевны, рѣшились уговорить Государя сдѣлать всѣ фигуры по эскизу Брюллова, но изъ гальванопластики, т. е. изъ тонкихъ мѣдныхъ листовъ. Видя совершенное отчаяніе Брюллова, А. Ѳ. Львовъ имѣлъ случай говорить объ этомъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; я говорила Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, который служитъ (1854 г.) у Великой Княгини Маріи Николаевны, и представилъ имъ огорченіе Брюллова, который даже не въ состояніи бы былъ и вынести его; съ великою радостью мы узнали черезъ нѣсколько времени, что куполъ былъ возвращенъ Брюллову; но тутъ онъ рѣшительно и жизнь свою потерялъ. Мы были у него вверху и видѣли какъ онъ первую фигуру написалъ, которая весьма понравилась Государю; тутъ-же Брюлловъ намъ сказалъ, какъ тяжело ему работать, потому что, не смотря на стеклянныя рамы, которыя его отдѣляли отъ нижней части церкви, въ которой тесали гранитъ и мраморъ, самая тонкая пыль летѣла къ нему, и мнѣ показалъ онъ отставшую бумажку отъ его картоновъ, на которой лежала въ палецъ толщины самая мелкая отъ камней пыль.

— «И все это,—говорилъ Брюлловъ,—ложится мнѣ на грудь, я ее глотаю, а домой придя обѣдать, браню кухарку, что она съ известкой сварила мнѣ супъ».

Все это вмѣстѣ усилило его болѣзнь; онъ принужденъ былъ отъ купола отказаться. Государь приказалъ Бруни, подъ руководствомъ Брюллова, писать его, и когда я пріѣхала бѣднаго больнаго провѣдать, онъ, показавъ мнѣ въ окошко изъ академіи куполъ Исакіевской церкви, сказалъ:

— «И это принимаю какъ испытаніе: вижу его, а другой его пишетъ!»

Брюлловъ тогда жестоко занемогъ скопленіемъ разныхъ болѣзней; около сердца ему поставили семь сетоновъ или заволокъ, которые передергивали всякое утро; наконецъ, ему стало совершенно лучше и онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ на островъ Мадеру, гдѣ почти поправился, но соскучилъ тамошнею жизнію, возвратился въ Римъ и тутъ, забывъ какъ слабое его здоровье все требовало осторожности, сталъ жить по прежнему и вскорѣ скончался.

Привезли въ Петербургъ прелестную картину Карла Павловича Брюллова, представляющую послѣдній день Помпеи. Узнавъ, что она стоитъ въ одной изъ залъ Зимняго дворца, мы поѣхали ее посмотрѣть послѣ пѣвческой капеллы, гдѣ мы до слезъ были тронуты ангельскимъ пѣніемъ, что̀ мы тутъ слышали; съ душой, еще исполненною восхищеніемъ отъ сочиненія и отъ исполненія, мы увидѣли картину Брюллова. Нельзя описать всего того, что̀ я почувствовала, увидя изящную эту картину; слезы брызнули поневолѣ изъ глазъ моихъ и съ этимъ чувствомъ я пріѣхала къ Брюллову въ академію.

— «Неужели вамъ моя картина такъ нравится?»—спросилъ онъ меня.

— «Не знаю—она-ли, или расположеніе мое послѣ придворныхъ пѣвчихъ, — сказала я, — но вы еще видите, что я равнодушно про картину вашу говорить не могу.

— «А если бы вы знали,—сказалъ Брюлловъ,—какъ тутъ и тутъ лучше», показывая на голову и сердце свое.

По кончинѣ Великой Княгини Александры Николаевны, Преображенскіе офицеры пожелали сдѣлать образъ Царицы Александры и поставить его у себя въ казармѣ; поручили его написать Брюллову, и онъ, какъ очень чувствующій и геніальный человѣкъ, пользуясь портретами Великой Княгини, написалъ чудесный образъ Царицы Александры, чрезмѣрно сходный съ покойною Великою Княгиней. Онъ представилъ святую, летящую въ необыкновенной свѣтъ; правая ея рука положена на грудь, лѣвая опущена внизъ; она, кажется, говоритъ: «Да будетъ воля Твоя». Царская ея порфира съ плечей ея сошла и корона уже едва держится на головѣ; ангелъ едва поддерживаетъ святую и отдѣляетъ ее отъ міра, который представленъ внизу въ темномъ свѣтѣ.

Попросилъ меня Карлъ Павловичъ пріѣхать посмотрѣть этотъ образъ. Съ чувствомъ скорби, потерявъ ангельскую нашу Великую

Княгиню, я не могла безъ слезъ смотрѣть на него; градомъ онѣ лились, я молчала; Брюловъ, сидя рядомъ со мною, съ горемъ сказалъ мнѣ.

— «И ее скоро отъ меня увезутъ, я ее больше не увижу!»

Говорилъ онъ это съ такою любовью и—что мудренаго, работа его, казалось, оживилась подъ его кистью. Государь самъ плѣнился этимъ образомъ и офицеры Преображенскаго полка пожертвовали имъ Царю. Его Величество приказалъ сдѣлать моленную въ той комнатѣ, гдѣ скончалась Великая Княгиня, въ Царскомъ, и образъ Царицы Александры тамъ поставилъ.

А. Ѳ. Львовъ.

Государь Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна такъ милостивы были къ А. Ѳ. Львову, что позволили ему ходить акомпанировать на скрипкѣ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, когда та играла на фортепіано, и Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, когда она пѣла. Надобно было видѣть какъ обѣ Княжны изыскивали, чѣмъ попотчивать А. Ѳ. Львова; когда имъ подавали чай, котораго Львовъ не кушалъ, предлагали ему конфектъ, мороженаго и пр., и пр. Наконецъ А. Ѳ. Львовъ, въ замѣшательствѣ отъ столькихъ милостей, сказалъ:

— «Если непремѣнно угодно вашимъ высочествамъ меня чѣмъ нибудь попотчивать, то прикажите очистить мнѣ апельсинъ съ мелкимъ сахаромъ».

Это въ ту же минуту и было сдѣлано, и впослѣдствіи лишь, бывало, подадутъ чай Великимъ Княжнамъ, Ольга Николаевна или Александра Николаевна, у которой поочереди чай кушали, вставала, подходила къ маленькому шкапику, вынимала на тарелкѣ очищенный апельсинъ съ сахаромъ и подавала его Львову. Однажды очередь была дѣлать музыку у Великой Княжны Александры Николаевны; пріѣхалъ А. Ѳ. Львовъ, встрѣтила его Великая Княжна и Софья Ивановна Гигенботомъ, англичанка, которая ее воспитывала; начался черезъ нѣсколько минутъ слѣдующій разговоръ.

Софья Ивановна: «Вы думаете, Алексѣй Ѳедоровичъ, что Великая Княжна добра?»

Львовъ: Я въ этомъ увѣренъ.

— «А я вамъ скажу, что она не только что не добра, но скупа и вы причиною, что я это узнала».

Великая Княжна: Пожалуйста, Софья Ивановна, не разсказывайте.

— А я прошу, ради Бога, разскажите,—сказалъ Львовъ,—тѣмъ болѣе, что я невинная тому причина.

Какъ ни упрашивала Софью Ивановну Великая Княжна не говорить ничего, но та сказала Львову.

— «Сами разсудите, права-ли я: сегодня поутру принесли цѣлую корзину ея высочеству лучшихъ рѣдкихъ фруктовъ и они у нея въ шкапу; я предложила ей ими васъ попотчивать и она никакъ не согласилась: вѣрно, сама ихъ хочетъ кушать».

Тутъ Великая Княжна не вытерпѣла, покраснѣла и почти со слезами на глазахъ сказала:

— «Ахъ, Софья Ивановна, я не хотѣла быть первою, потчуя Алексѣя Өедоровича рѣдкими фруктами: у Ольги вчера точно такіе же были и она ими не успѣла попотчивать его!»

А. Ө. Львову одинъ прусскій офицеръ привезъ изъ Берлина маленькій мелодиканъ; тонъ этого инструмента очень понравился Великой Княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ и тогда Львовъ просилъ у нея позволенія его ей поднести.

— «Ни за что,—отвѣчала Великая Княжна,—не хочу васъ его лишить!»

— Но я никакъ не думаю,—сказалъ Львовъ,—подарить его вашему высочеству, но отдаю вамъ его на 50 лѣтъ; потомъ вы мнѣ его воротите.

Не прошло двухъ лѣтъ, Львовъ его получилъ обратно послѣ кончины Великой Княгини, вмѣстѣ съ акварелями, что̀ нарисовалъ Өедоръ Өедоровичъ Львовъ въ ея альбомѣ. Тогда же Императрица Александра Өеодоровна прислала въ капеллу и платьице Великой Княгини, сдѣланное, на подобіе платья маленькихъ пѣвчихъ, изъ малиноваго кашемира съ золотыми шнурками и часами; Львовъ заказалъ со стекломъ ящикъ на ножкѣ и только что хотѣлъ положить его туда, какъ остановилъ его человѣкъ простой, невоспитанный, который содержалъ магазинъ дѣланныхъ цвѣтовъ—Ляпинъ.

— «Какъ, Алексѣй Өедоровичъ,—сказалъ онъ,—вы хотите просто положить дорогое платьице на бумагѣ подъ стекло? Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ сдѣлать розовую гирлянду и на нее драгоцѣнность положите, а пусть цвѣтовъ моихъ никто не увидитъ».

И, въ самомъ дѣлѣ, на другой день принесъ Ляпинъ шифръ Великой Княгини, сдѣланный изъ незабудокъ, и вѣнокъ изъ розановъ, на которые платьице дорогое и положили.

Антонъ Августовичъ Герке

1812—1870.

Извѣстный въ свое время виртуозъ и піанистъ, профессоръ Санкпетербургской Консерваторіи Антонъ Августовичъ Герке, родился 9-го августа 1812 года въ Волынской губерніи, въ м. Пулинахъ. Прадѣдъ и дѣдъ его, дворяне, были музыканты. Отецъ его, Августъ Герке, воспитывавшійся въ Германіи, былъ въ свое время извѣстнымъ скрипачемъ, и неоднократно посвящалъ свой артистическій талантъ благотворительнымъ общественнымъ цѣлямъ, въ неурожайные годы въ Новороссіи. Ему обязанъ Антонъ Герке своимъ музыкальнымъ развитіемъ. Развитіе музыкальныхъ способностей опередило въ немъ даже даръ слова: едва научившись лепетать, онъ уже любилъ музыку и чувствовалъ ошибки въ игрѣ другихъ. Домашняя школа отличалась строгостью и настойчивостью, и артистическое призваніе сказалось уже тогда, когда Герке въ Кіевѣ въ первый разъ услышалъ оркестръ (1818 г.). Скоро развитіе артиста обогатилось новыми элементами. Отецъ повезъ его въ Москву, гдѣ учителемъ его былъ извѣстный Фильдъ, тогда представитель музыкальной школы піанистовъ въ Россіи. Потомъ Герке отправился за границу и учился въ Парижѣ у Калькбренера, въ Лондонѣ у Мошелеса, въ Гамбургѣ у Раса. На развитіе артиста имѣло важное вліяніе обстоятельство, составившее перерывъ въ его музыкальной дѣятельности. Переѣхавъ въ Кіевскую губернію, онъ принужденъ былъ занять мѣсто библіотекаря у богатаго гр. Михаловскаго: библіотека въ 5,000 книгъ вызвала въ немъ страсть къ чтенію, которое образовало его многосторонній взглядъ и самостоятельность натуры. Въ 1832 году Герке пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ Карломъ Майеромъ. Съ этого времени начался рядъ вліяній на него замѣчательныхъ талантовъ, съ которыми онъ былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ. То были послѣдовательно: Бельвиль, Ури, Дулькенъ, Шимановская, Клара Викъ, съ которою Герке игралъ въ Лейпцигѣ, Тальбергъ, Листъ, Софія Борерь, Гензельтъ. Много нашелъ онъ прекраснаго въ искуствѣ Дрейшока; но болѣе всего произвели на него впечатлѣніе вечера у Рубинштейна, какъ исполнителя, знатока теоріи, справедливо называемаго львомъ среди современныхъ представителей піанизма.

Значеніе Герке предоставило ему въ 1833 г. почетное званіе піаниста его величества, которое ему принадлежало на службѣ въ императорскихъ театрахъ.

Въ періодъ самостоятельной дѣятельности, нашъ артистъ былъ за границею 4 раза. Любовь къ искуству вызывала въ немъ живое участіе въ судьбѣ музыки въ отечествѣ. Герке былъ однимъ изъ первыхъ учредителей симфоническаго общества, составившагося изъ кружка артистовъ у А. И. Фицтума: изъ этого кружка развилось впослѣдствіе русское музыкальное общество. Въ университетскихъ концертахъ его, Герке постоянно игралъ первую скрипку. Взглядъ Герке на искуство и метода, опредѣляющая школу, постоянно обновлялись вліяніемъ знаменитыхъ піанистовъ, и не проходило 5-ти лѣтъ безъ того, чтобы онъ не усвоивалъ себѣ новаго. Это объясняется свойствами его игры, о которой еще въ 1837 г. печатно высказался въ Zeitschrift für Musik Шуманъ. Онъ характеризуетъ его исполненіе соединеніемъ легкости, нѣжности и спокойствія съ вѣрностью и отчетливостью, и особеннымъ искуствомъ свое-

образно владѣть инструментомъ. Герке, по его убѣжденію, заставлялъ забывать недостатки въ композиціи Тальберга. Для насъ новъ теперь этотъ отзывъ славнаго нѣмецкаго музыканта. Это объясняется скромностью и спокойствіемъ артистической натуры Герке, никогда не искавшаго шумной извѣстности. А между тѣмъ, начиная съ 1830-хъ годовъ, онъ долгое время былъ въ Петербургѣ педагогическимъ авторитетомъ въ искуствѣ и далъ образованному обществу болѣе 2,000 учениковъ. Эта педагогическая сторона его была тою заслугой, которая вызываетъ искреннее сочувствіе и глубокое уваженіе къ нашему почтенному артисту во всякомъ, кто понимаетъ значеніе музыки въ образованіи души[1]).

Умеръ Антонъ Августовичъ Герке въ 1870 году 5-го августа, въ благопріобрѣтенномъ имѣніи своемъ, въ сельцѣ Креньѣ, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи, и похороненъ недалеко отъ своего помѣстья на кладбищѣ села Едрова.

Это былъ труженикъ добрый, внимательный и заботливый о своихъ ученикахъ и ученицахъ. Добавимъ къ этому, что онъ былъ чуждъ и корысти, такъ какъ въ то время, когда другія, подобныя ему знаменитости, брали за уроки десятки рублей, Антонъ Августовичъ довольствовался пятью рублями за урокъ — если выѣзжалъ и тремя рублями у себя на дому. Между тѣмъ у него было девятеро дѣтей, которымъ всѣмъ дано было хорошее образованіе (двое изъ нихъ кончили курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія). Одинъ изъ его сыновей—уважаемый юристъ и талантливый присяжный повѣренный. Другой, съ отличіемъ служившій въ арміи во время послѣдней войны—недавно скончался.

Напечатанныя здѣсь (буквально) два письма кн. В. Ѳ. Одоевскаго—первое къ М. С. Волкову, а второе къ Б. Г. Глинкѣ-Маврину, суть рекомендательныя письма добрѣйшаго и умнѣйшаго князя Владиміра Ѳедоровича о весьма почитаемомъ имъ пьянистѣ Герке. Кн. Одоевской,—въ числѣ многихъ его дарованій, какъ извѣстно, былъ большой любитель и знатокъ музыки. Письма не были отданы скромнымъ Герке по принадлежности и уже послѣ смерти,—найденныя въ бумагахъ его сыномъ Августомъ Антоновичемъ, весьма обязательно сообщены симъ послѣднимъ на страницы «Русской Старины».

Ред.

I.

По ст. стил. 14-е Мая 1837. Спб.

Ето письмо, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Матвѣй Степановичъ, Вамъ отдастъ нашъ извѣстный фортопьянистъ Герке, путешествующій по Европѣ слушанія ради. Я бы не долженъ былъ Вамъ рекомендовать никого, потому что не могъ ничего сдѣлать для покровительствуемаго Вами арфиста Беккера; впрочемъ, онъ самъ виноватъ; арфа—инструментъ сухой въ концертѣ и нелюбимый нашею публикою, а онъ пустилъ билеты по 25 р.; но что всего хуже, собравши немногихъ слушателей, онъ не позаботился собрать оркестръ, чего у насъ также не любятъ; къ бо̀льшей бѣдѣ, пѣвица, которая должна

---

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1868 г. № 41.

была пѣть, занемогла; скрипачь Гауманнъ не пріѣхалъ и такимъ образомъ Беккеръ явился въ огромной залѣ съ одною своею арфою; можете себѣ вообразить какой еффектъ произвела ета продѣлка! Съ тѣхъ поръ Беккеръ не приподнялся, но какъ онъ имѣетъ истинный талантъ, то я съ своей стороны употреблялъ всѣ доступныя мнѣ средства для его поддержанія; въ газетахъ было помѣщено нѣсколько статей, въ гостиныхъ было сказано нѣсколько проповѣдей. Къ несчастію, талантъ его понятенъ только знатокамъ, его піесы длинны, ему аплодировали, но вообще не нравился. Герке, я думаю, по своей робости не рѣшится дать концертъ въ Парижѣ. Чего онъ ищетъ и проситъ, ето: услышать вблизи лучшихъ музыкантовъ.

Вы знаете уже ужасное происшествіе съ нашимъ Поетомъ Пушкинымъ! въ Journal des Debats была написана довольно справедливая статья; подробностей же цѣлая книга и я не могу ихъ описать Вамъ. потому что еще едва пишу: я мѣсяцъ пространалъ ревматизмомъ въ головѣ и лихорадкою, и до сихъ поръ плохо еще оправился; впрочемъ, объ етомъ заговорилъ для того, чтобы сказать о статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ, остававшейся у меня для переписки, и которая должна была явиться въ свѣтъ въ 1-мъ № «Современника», который не вышелъ за смертію издателя: я, Жуковскій, кн. Вяземскій, Плетневъ и Краевскій взялись издать «Современникъ» въ пользу дѣтей Пушкина, но вообразите себѣ: Нарк. Атрѣшковъ въ числѣ опекуновъ Пушкина! помѣстить о немъ въ журналѣ Пушкина было бы. разумѣется, неприлично—и я перенесъ ету статью въ «Литерат. Прибавленія», издаваемыя Краевскимъ. Ето объясненіе мнѣ необходимо было Вамъ сдѣлать, дабы Вы не удивились увидѣвъ въ «Лит. Приб.» Вашу статью.—Засимъ прощайте, напишите намъ два слова о себѣ, да высылайте къ намъ поскорѣе изъ Парижа Тальони; скажите французамъ: Que nous avons failli attendre, какъ говаривалъ Люд. XIV-й.

Вашъ душ... Одоевскій.

Жена вамъ кланяется.

II.

14-е Мая стар. ст. 1837. Спб.

Ето письмо, любезнѣйшій Борисъ Григорьевичъ, Вамъ отдастъ Antoine Gerke, pianiste de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. котораго прошу приголубить; онъ ѣздитъ по Европѣ для своего усовершенствованія и его главная цѣль слушать поближе славныхъ фортопьянистовъ, для чего ему надобно проходъ въ гостиныя; онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, но робость и застенчивость

его погубили, ему надобно непремѣнно поддавать духу, и я очень боюсь, чтобы онъ изъ подтишка не заткнулъ за поясъ многихъ изъ Вашихъ Парижскихъ пьянистовъ.—Что Вы подѣлываете? хоть бы словомъ отозвались!—Я давно сбирался писать къ Вамъ, но цѣлую зиму хворалъ, а съ Свѣтл. Воскресенія занемогъ порядкомъ ревматизмомъ въ головѣ! Вы, жители Юга, не знаете или забыли, что ето значитъ на Сѣверѣ, когда каждый день дуетъ сѣверный вѣтеръ, а солнце торчитъ какъ лимонная корка безъ всякой пользы.—Вы вѣрно видитесь съ Толстымъ, агентомъ Министерства Народ. Просвѣщ. въ Парижѣ; скажите ему, что одна болѣзнь помѣшала мнѣ ему писать.—Къ нему вышлется весь годъ «Литерат. Прибавленій», изъ котораго онъ не худо сдѣлаетъ если переведетъ строки, написанныя о кончинѣ Пушкина, и чтобы остерегся, читая статью о Пушкинѣ, напечатанную въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1-мъ № 1837, ибо она написана врагомъ Пушкина Полевымъ и съ большимъ коварствомъ; ети господа, кажется, задумали мало по малу задушить мертваго Пушкина (ибо съ живымъ имъ этаго не удалося) и ета статья есть первый камень этой баттареи. Хорошо бы если бы Толстой гдѣ нибудь въ Журналѣ сказалъ: что Журналъ, издававшійся Пушкинымъ, продолжается его друзьями и Сочиненія его издаются ими же въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, къ чему, я думаю, можно прибавить (если ему не дано было особаго приказанія не говорить объ этомъ), что Государь далъ на ето около 50,000 р., ибо не знаю за чемъ ето скрывать для людей, которые насъ почитаютъ варварами, а Царя нашего чуть не людоѣдомъ.—Но я не имѣю времени писать болѣе и даже не имѣю силъ, ибо еще плохо оправился и скоро устаю надъ работою. Къ Вамъ будетъ прислано 2 екземпл. «Современника», одинъ для Васъ, другой для Толстого.

Вашъ душою Одоевскій.

Жена вамъ кланяется.

Скажите Герке гдѣ ему найти Волкова. Да что бы Вамъ и ему (т. е. Волкову) прислать для газеты, въ которой я сотрудникъ, для «Литературныхъ Прибавленій»?

Съ подлинными письмами кн. В. Ѳ. Одоевскаго вѣрно. **Авг. Ант. Герке.**

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

пять его писемъ. 1830—1836 гг.

I.

Николаю Алексѣевичу Полевому (это—адресъ).

„Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ знать, что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ. Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь вашъ А. Пушкинъ.

27-го марта 1830 г. Москва.

II.

Николаю Михайловичу Коншину (это—адресъ).

„Собака нашлась благодаря Вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ, говоря: мало; по мнѣ и онъ и собака того не стоятъ, но жена моя другаго мнѣнія. Здоровы-ли вы и скоро-ль увидимся?

А. П.

(Письмо писано въ Царскомъ Селѣ 1831 г.).

III.

Его высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину.

Въ Москвѣ, па Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, у священника въ домѣ (это адресъ).

„Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю чего надѣяться: перемѣнилась-ли, успокоилась-ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Өедоровичъ) пила твое здоровье и желала тебѣ всякого благополучія. Объ Алешѣ (это слово зачеркнуто и сверху написано): не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о калиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ, не плачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ? Успокой старика какъ умѣешь.

Не знаю буду-ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ-ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя; я положился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг., то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень неприятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину, и желаю вамъ обоимъ щастія А. П.

IV.

Его высокородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гречу. За Синимъ мостомъ, на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ (это—адресъ).

„Милостивый государь Николай Ивановичъ. Искренне благодарю Васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лице Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю можно-ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искуства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

13-го окт. 1836 г.

V.

Его высокоблагородію М. Г. Николаю Михайловичу Коншину (это—адресъ).

22-го декабря 1836 г.

Письмо Ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему Васъ съ руки на руки. Съ Уваровымъ—увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Ложечникова, не займетесь-ли вы, по примѣру вашего предшественника и романами? А куда бы хорошо! Все-таки Вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволяю себѣ дружески Вамъ за то попѣнять. Не будете-ли Вы въ П. Б.? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я Васъ увижу. Отвѣтъ постараюсь доставить Вамъ какъ можно скорѣе. А. П.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЗУБОВЪ

† 26-го іюня 1880 г.

Позволяемъ себѣ перепечатать изъ газеты «Голосъ» нашъ очеркъ, посвященный памяти П. А. Зубова («Голосъ», 1880 г., іюля 12 го дня, № 191). Многочисленные почитатели высокихъ нравственныхъ качествъ и заслугъ этого достопамятнаго государственнаго дѣятеля, столь преждевременно сошедшаго въ могилу, конечно, не посѣтуютъ на насъ за перепечатку помянутаго очерка.

Ред.

29-го іюня 1880 года на кладбищѣ Новодѣвичьяго Воскресенскаго монастыря, близь С.-Петербурга, погребенъ прахъ Петра Алексѣевича Зубова, скончавшагося 26-го іюня послѣ пятилѣтней мучительной болѣзни.

Могила приняла въ свои хладныя объятія одного изъ достойнѣйшихъ по уму, дарованію и высоко-нравственнымъ качествамъ государственнаго дѣятеля нынѣшняго царствованія.

Представитель стариннаго дворянскаго рода Зубовыхъ, по происхожденію Вологжанинъ (Вологодской губерніи), П. А. Зубовъ родился 24-го мая 1819 г. Въ ноябрѣ 1835 года онъ, въ числѣ тридцати девяти юношей, принятъ былъ въ Училище Правовѣдѣнія при самомъ его учрежденіи [1]. Въ 1841 году (17-го іюня) Петръ Алексѣевичъ кончилъ образованіе въ Училищѣ Правовѣдѣнія и опредѣленъ въ канцелярію I отдѣленія V-го департамента Правительствующаго Сената.

---

[1]) Изъ 39-ти питомцевъ Училища Правовѣдѣнія, поступившихъ при его основаніи, П. А. Зубовъ уже 18-й въ ряду тѣхъ изъ нихъ, которые въ теченіе времени съ 1835-го года по 1880-й годъ сошли въ могилу.

Училище Правовѣдѣнія вправѣ гордиться, что оно даровало Россіи многихъ отличныхъ юристовъ-практиковъ, сослуживших и продолжающихъ нести добрую службу Россіи. Въ ряду ихъ П. А. Зубовъ былъ однимъ изъ наидостойнѣйшихъ, такимъ, какого это училище не можетъ не признать идеаломъ для своихъ питомцевъ. Въ этомъ ссылаемся на свидѣтельство всѣхъ—сотоварищей, подчиненныхъ, сослуживцевъ П. А. Зубова, словомъ всѣхъ, кто только зналъ его въ теченіе болѣе нежели тридцатипятилѣтней его службы Царю и Отечеству.

Съ необыкновенною энергіею, безъ малѣйшихъ протекцій, прошелъ онъ тяжелую службу въ области юстиціи отъ нисшей до самой высшей ступени: въ 1841 году—младшій помощникъ секретаря въ Сенатѣ, въ слѣдующемъ году—старшій помощникъ тамъ же, черезъ два года—секретарь I-го отдѣленія V-го департамента Сената, въ 1845 году—товарищъ предсѣдателя Новгородской уголовной палаты, спустя два года оберъ-секретарь въ I-мъ отдѣленіи V-го департамента Правительствующаго Сената,—въ 1853 году назначенный за оберъ-прокурорскій столъ—П. А. Зубовъ въ томъ же, 1853 году, назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а съ 1858 года, въ званіи статсъ-секретаря государственнаго совѣта,—онъ уже управляетъ всѣми дѣлами Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Весь успѣхъ его службы былъ прямымъ послѣдствіемъ дарованій, необыкновеннаго его трудолюбія и беззавѣтной любви къ своему дѣлу.

Спеціалистъ-практикъ въ области уголовнаго права, П. А. Зубовъ не былъ исключительно только чиновникомъ. Практика у него шла, до извѣстной степени, въ тѣсной связи съ продолженіемъ изученія самой науки; это было тѣмъ естественнѣе, что во все время секретарства въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, болѣе десяти лѣтъ, Петръ Алексѣевичъ былъ преподавателемъ уголовнаго судопроизводства въ томъ же Училищѣ Правовѣдѣнія, которому онъ обязанъ своимъ образованіемъ.

Годы 1858—1864—годы незабвенные, годы особенно плодотворные—въ новѣйшей исторіи нашего отечества!

Государственной канцеляріи Государственнаго Совѣта, по волѣ Преобразователя Россіи, довелось именно въ эти годы принять осо-

бенно дѣятельное участіе въ разработкѣ великихъ реформъ, возникшихъ и совершенныхъ въ то славное время.

Мы помнимъ, съ какимъ увлеченіемъ, внѣшне всегда спокойный, сдержанный, неизмѣнно добродушный П. А. Зубовъ предался тогда труду.

Кромѣ управленія дѣлами обширнаго и весьма важнаго въ то время Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ,—въ каковомъ Петръ Алексѣевичъ былъ не только докладчикомъ всѣхъ его дѣлъ, но и редакторомъ всѣхъ, безъ исключенія, рѣшеній, исходившихъ изъ этого департамента по дѣламъ уголовнымъ, на него, именно въ 1860 году, возложенъ былъ трудъ особенной важности, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ и исполненію котораго отдалъ всю свою энергію и всю свою многолѣтнюю опытность: ему поручено было все дѣлопроизводство по внесенному въ Государственный Совѣтъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи проекту устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ (14-го іюня 1860 г.), а въ самый разгаръ работъ первостепенной государственной важности по исполненію даннаго порученія, Зубовъ—назначенъ членомъ-редакторомъ въ Высочайше учрежденную при Государственной Канцеляріи Коммисію, для составленія проектовъ законоположеній по судебной части въ Россійской Имперіи—(14-го октября 1862 г.).

Отсюда начинается право Петра Алексѣевича Зубова на память о немъ признательнаго потомства.

Весь сложный, громадный процессъ созданія дѣйствующихъ нынѣ „законоположеній по судебной части въ Россіи“ — ждетъ своего изслѣдователя-историка. Одною изъ его задачъ будетъ опредѣлить мѣру участія каждаго изъ отечественныхъ знатоковъ права юристовъ въ созданіи помянутыхъ законоположеній; но что П. А. Зубовъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ работниковъ при составленіи какъ основныхъ положеніи судебной реформы (1862 г.), такъ затѣмъ и Судебныхъ Уставовъ (1864 г.)—это несомнѣнно.

Плодотворные и неутомимые его труды, какъ по управленію дѣлами Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, такъ, въ особенности, по коммисіи, учрежден-

ной для составленія законоположеній о преобразованіи судебной части, ввели его на высшую ступень государственной службы: 1-го января 1865 г. Петръ Алексѣевичъ вступилъ сенаторомъ въ то самое 1-е Отдѣленіе V-го Департамента, гдѣ двадцать четыре года предъ тѣмъ началъ службу безвѣстнымъ помощникомъ секретаря, а спустя годъ—Зубову повелѣно присутствовать въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената.

Извѣстно, что высшее судилище, созданное Судебными Уставами 20-го ноября 1864 г., не было мѣстомъ покоя. Въ новомъ Сенатѣ—сенаторы должны были трудиться и трудиться очень много: по каждому дѣлу самому сенатору доводилось составлять докладъ, производить докладъ предъ публикою, для которой отнынѣ распахнулись двери Сената, наконецъ, писать резолюціи.

И что за превосходный докладчикъ явился въ новомъ сенаторѣ! Кто изъ бывавшихъ въ тѣ годы (1866—1871) въ Уголовномъ Департаментѣ Кассаціоннаго Сената не вспоминаетъ докладовъ П. А. Зубова съ особеннымъ удовольствіемъ. Самое обширное запутанное дѣло излагалось его звучнымъ прекраснымъ голосомъ съ поразительною ясностью, притомъ неторопливо, спокойно, съ тѣмъ достоинствомъ, которое никогда и нигдѣ не оставляло Петра Алексѣевича. Но труды по Сенату, сами по себѣ уже значительные, такъ какъ Кассаціонный Сенатъ переживалъ первые годы своего бытія, когда надо было все установить, во всемъ разобраться и воплотить на практикѣ то, что создано было въ теоріи, въ Высочайше утвержденныхъ проектахъ законоположеній, всѣ эти труды не исключали другихъ, государственной важности, занятій. А именно: въ тѣ же самые годы (1865—1871) Петръ Алексѣевичъ является дѣятельнымъ членомъ „въ Коммисіи для окончательныхъ работъ по преобразованію судебной части" (1865 г.); въ томъ же году онъ назначенъ предсѣдателемъ „Комитета для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ изъ примѣненія Высочайше утвержденныхъ 20-го ноября 1864 г. Судебныхъ Уставовъ къ административнымъ вѣдомствамъ"; 1867-й годъ застаетъ его членомъ особаго совѣщательнаго Комитета для разсмотрѣнія работъ Варшавской Юридической Коммисіи о преобразованіи судебной части въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ

и это послѣднее обширнѣйшее и весьма замѣчательное преобразованіе не осталось безъ непосредственнаго и самаго дѣятельнаго въ немъ участія Зубова; а кто зналъ Петра Алексѣевича, тотъ вполнѣ увѣренъ, что участіе его и не могло быть инымъ, какъ исполненнымъ самаго близкаго изученія всѣхъ сторонъ дѣла....

27-го декабря 1869 г. П. А. Зубову повелѣно быть Первоприсутствующимъ въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Казалось бы, что съ новымъ назначеніемъ облегчится трудъ Петра Алексѣевича, ни чуть не бывало: привычка и любовь къ труду и необыкновенная деликатность въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ—вызывало то, что Первоприсутствующій продолжалъ трудиться, какъ простой сенаторъ, оставляя за собой докладъ наиболѣе важныхъ и сложныхъ дѣлъ....

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ судебная реформа, такъ сказать, все болѣе и болѣе входила въ плоть и кровь русскаго народа, внося съ собою самые живительные соки въ общественный организмъ, верховною властію признано было необходимымъ усилить личный составъ Государственнаго Совѣта—юристами, всецѣло проникнутыми тѣми принципами права, которые легли въ основу Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Вслѣдствіе сего, по Высочайшей волѣ, въ Государственный Совѣтъ введены, въ званіи членовъ онаго, бывшіе предсѣдатели департаментовъ новаго Сената и нѣкоторые изъ сенаторовъ. Въ числѣ первыхъ былъ Петръ Алексѣевичъ Зубовъ. (Именной Высочайшій указъ 1-го января 1872 г.).

Новый членъ высшаго въ Россіи законодательнаго учрежденія явился въ него во всеоружіи обширнѣйшихъ свѣдѣній, имъ пріобрѣтенныхъ въ многолѣтней практикѣ уголовнаго права и былъ немедленно отличенъ Августѣйшимъ Предсѣдательствующимъ Государственнаго Совѣта. Всегда особенно дорожа спеціалистами въ каждой области знанія, Предсѣдательствующій въ Совѣтѣ—при предварительномъ обсужденіи того или другаго вопроса, до уголовнаго права относящагося, а затѣмъ и при окончательномъ его разсмотрѣніи въ засѣданіи Совѣта—всегда обращался къ П. А. Зубову и весьма дорожилъ мнѣніемъ этого столь свѣдущаго криминалиста-практика.

На новыя силы возложено было и новое, весьма важное по

своему значенію дѣло: 11-го іюня 1873 года Зубовъ назначенъ предсѣдателемъ особаго „Комитета для обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи“.

Менѣе, чѣмъ въ два года. поистинѣ колоссальный трудъ былъ оконченъ. Зубовъ вынесъ его на своихъ могучихъ плечахъ почти одинъ, но зато и сломился подъ его тяжестью: въ тотъ самый день, когда онъ имѣлъ счастіе удостоиться Высочайшаго одобренія и признательности за представленный и оконченный имъ трудъ, 21-го апрѣля 1875 г. параличъ поразилъ его мозгъ и онъ—умеръ для Россіи, лучшимъ гражданиномъ которой былъ съ перваго дня своего ей служенія.

Не умеръ онъ только для своей супруги, семьи и близкихъ друзей. Больной былъ окруженъ самымъ нѣжнымъ, самымъ заботливымъ уходомъ. Только, и только этимъ можно объяснить упорство борьбы его жизни со смертью; борьба эта длилась пять лѣтъ: 26-го іюня 1880 г. испустилъ духъ честный даровитый труженикъ на поприщѣ государственной дѣятельности.

Некрологи обыкновенно легко уснащаются самыми выспренними похвалами. Оно и понятно: пишутся они обыкновенно людьми близкими къ усопшему и въ виду свѣжей могилы, когда все недоброе улетучивается, со всѣмъ недобрымъ легко примиряются....

Но пишущій эти строки чуждъ и тѣни увлеченія: онъ не былъ ни подчиненнымъ, ни родственникомъ, ни свойственникомъ покойнаго, ничѣмъ ему не обязанъ,—впрочемъ, нѣтъ,—обязанъ глубокою признательностью за то безпредѣльное уваженіе, какое вызывали въ немъ, въ теченіи почти 20-ти лѣтняго знакомства, высокія нравственныя качества покойнаго.

Да̀, Петръ Алексѣевичъ Зубовъ былъ человѣкъ безъ пятна и упрека. Если сказать, что это былъ государственный дѣятель, судья, сенаторъ—неподкупной честности, непоклонливый ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ, кромѣ исполненія святаго долга, то это будетъ лишь одна доля того прекраснаго, что представлялъ его нравственный обликъ. Въ немъ поражала его безпредѣльная доброта, мягкость нрава, чуждая, однако, уступчивости при исполненіи своихъ обязанностей, и любовь къ ближнимъ, доходившая до того, что никто и никогда не слыхалъ отъ Петра Алексѣевича ни единаго дурнаго отзыва о комъ бы то ни было. Но все доброе, благородное

вызывало въ немъ самую теплую, сердечную похвалу. Послѣ этого намъ понятно то увлеченіе, съ какимъ сказаны были однимъ изъ высокопоставленныхъ, близкихъ къ нему лицъ, слѣдующія слова:

— „Я зналъ покойнаго сорокъ пять лѣтъ, зналъ его такъ коротко—какъ едвали кто либо изъ прочихъ его друзей и сослуживцевъ: П. А. Зубовъ служилъ для всѣхъ и каждаго самымъ возвышеннымъ идеаломъ чести и благородства. Строгость къ себѣ, снисхожденіе къ другимъ, отсутствіе малѣйшаго искательства въ комъ и въ чемъ бы то ни было, любовь къ труду—по истиннѣ необыкновенная и не менѣе того изъ ряду выходящая скромность—вотъ его отличительныя качества какъ человѣка [1]).

Рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ дружина подвижниковъ и дѣятелей эпохи великихъ реформъ въ Россіи: уже нѣтъ въ живыхъ Я. И. Ростовцева, гр. Д. Н. Блудова, кн. П. П. Гагарина, гр. В. Н. Панина, С. С. Ланскаго, К. В. Чевкина, Н. А. Милютина, С. М. Жуковскаго, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго, В. А. Татаринова, сенатора Буцковскаго.... Къ этимъ славнымъ именамъ своихъ согражданъ Россія присоединитъ отнынѣ имя Петра Алексѣевича Зубова.

М. С.

---

[1]) Необходимо также замѣтить, что вступивъ въ жизнь бѣднякомъ, П. А. Зубовъ такимъ же бѣднякомъ и умеръ, не пріобрѣтя ни малѣйшаго состоянія.

Замѣтки и опечатки.

Въ «Русской Старинѣ» 1880 г., томъ XXVIII (іюль), на стр. 617 напечатанъ «автографъ М. П. Бестужева-Рюмина». Мы помѣстили его какъ свидѣтельство начитанности и образованія этого человѣка, погибшаго въ потокѣ «декабрьской смуты 1825 г.» въ крайне раннемъ еще возрастѣ († 13-го іюля 1826 г.). Что же касается до того, кто собственно авторъ переписаннаго имъ стихотворенія, необходимо напомнить, что таковой Вольтеръ. Стихи эти, обращенныя къ королевѣ Шведской, родной сестрѣ Фридриха Великаго (à Madame la Princesse Ulrique, depuis Reine de Suède), напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій Вольтера, изд. 1784—1789 гг., въ 70-ти томахъ, томъ XIV, стр. 338.

Опечатка. «Русская Старина» 1880 г., томъ XXVIII (іюль), стр. 560, стихъ 4-й, въ пятой строфѣ, должно читать такъ:

Au transport le plus vif ton Esculape en proie.

Извѣстный, уважаемый военный историкъ нашъ, бывшій профессоръ Николаевской Военной Академіи генералъ-лейтенантъ князь Н. С. Голицынъ сообщилъ намъ интересный матеріалъ къ исторіи царствованія императора Александра Павловича: одинъ изъ проектовъ, составленный въ Варшавѣ около 1819 года Н. Н. Новосильцевымъ и его канцеляріею. Проектъ этотъ, по мимо воли составителя, напечатанъ въ 1831 году въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкѣ, съ подлинника, найденнаго въ канцеляріи Новосильцева подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Charte constitutionelle de l'Empire de Russie.—Государственная уставная грамота Россійской Имперіи». Книга въ 8-ю д., 154 стр. Французскій текстъ на лѣвой сторонѣ, русскій переводъ—на правой.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій—какъ чиновникъ канцеляріи Новосильцева—участвовалъ въ переводѣ проектовъ, въ этой канцеляріи составленныхъ, о чемъ и разсказываетъ въ своей автобіографіи, напечатанной при первомъ томѣ посмертнаго изданія его сочиненій, (см. изд. 1878 г., томъ I, стр. 35 и слѣдующія). Князь Вяземскій несомнѣнно былъ переводчикомъ и этого проекта. Помянутая книга состоитъ изъ шести главъ: Глава I. Предварительныя распоряженія. Глава II. О Правленіи Россійской Имперіи. Глава III. Ручательства Державной Власти. Глава IV. О Народномъ представительствѣ. Глава V. О судебной власти. Глава VI. Общія постановленія.

Всѣхъ статей, вошедшихъ въ этотъ проектъ «Государственной Уставной грамоты», 191.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXVIII томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1880 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1880 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

Акты, указы, переписка, преданіе, разсказы, очерки, замѣтки.

Время до Петра I.

стр.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Петра II.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра II.

Исторія русской литературы.

Русскіе артисты.

Портреты, планы и снимки.

(Примѣч. для переплетчика: Портретъ Пушкина долженъ быть помѣщенъ къ стр. 532).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Описаніе Венгерской войны 1849 года; съ приложеніемъ 14 картъ и плановъ. Составилъ И. И. Ореусъ. Спб. Въ 8 д. 1880 г., стр. VI+546+118. Отзывъ М. С. (На оберткѣ 5-й книги «Русской Старины» 1880 г.)
2. Записки Петра Андреевича Каратыгина, 1805—1879. Изданы и редактированы сыномъ покойнаго П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880 г. Въ 8 д., стр. 336. Отзывъ М. С. (Тамъ-же).
3. Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства за время съ половины XVIII до начала XIX столѣтія. Т. II. Спб. 1879. 844 стр. (Тамъ-же).
4. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Языкознаніе. Исторія словесности. Кіевъ. 1880, 745. (На оберткѣ 6-й книги «Русской Старины» 1880 г.).
5. Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. М. 1880, 578. (На оберткѣ 6-й и 7-й книги «Русской Старины» 1880 г.).
6. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, издан. Импер. Академіею наукъ подъ редакціею Н. В. Калачова, Т. I. Годъ 1711. Спб. 1880, 476. (На оберткѣ 7-й книги «Русской Старины» 1880 г.).
7. Исторія пѣхоты. Соч. Рюстова. Переводъ съ нѣмецкаго А. К. Пузыревскаго. Спб. 2 тома, 1876. Отзывъ Н. К. Шильдера. (Тамъ-же).
8. Живописная Россія. Изданіе М. О. Вольфа, подъ редакціею П. П. Семенова. Выпуски I и II. Спб. въ 4-ю д. 1879—1880. Отзывъ П. П. (На оберткѣ 8-й книги «Русской Старины»).
9. Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Составилъ Григорій Геннади. Томъ второй буквы Ж—М., съ дополн. Н. Собко. Берлинъ, 1880 г. (Тамъ-же).
10. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, 1816—1823, по документамъ Остафьевскаго Архива кн. П. П. Вяземскаго. Спб. въ 16-ю д. 1880 г. 77 стр. и семь автографовъ А. П. Пушкина. 1816—1837 гг. Изъ собранія кн. П. П. Вяземскаго—изд. въ литографированныхъ снимкахъ. 1880 г. Отзывъ М. С. (На оберткѣ 8-й книги «Русской Старины»).

Примѣчаніе. Всѣ тѣ отзывы, составители которыхъ не обозначены выше, сообщилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.

изданія. Оно будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, которые предположено выпустить въ свѣтъ въ четырехлѣтній періодъ времени.

Возвращаясь къ содержанію двухъ первыхъ выпусковъ, повторяемъ, что очерки С. В. Максимова и В. И. Немировича-Данченко весьма любопытны. Рисунки Н. Н. Каразина бойкостью карандаша напоминаютъ высоко-талантливаго Густава Доре, а большіе политипажи можно назвать изящными картинами по ихъ отчетливости; къ сожалѣнію, чуть-ли не всѣ рѣзаны на деревѣ не русскими, а иностранными ксилографами.

Закончимъ нашу замѣтку искреннимъ пожеланіемъ г. Вольфу успѣха и доведенія начатаго дѣла до конца. Авось на долю этого изданія изъ 86.000,000 населенія Россіи найдется хоть нѣсколько тысячъ людей, любопытствующихъ ознакомиться съ ихъ родиною, путемъ пріобрѣтенія интересной и довольно изящной энциклопедіи отечествовѣдѣнія. **П. П.**

Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ Гр. Геннади. Т. II, Ж—М, съ дополненіемъ Н. Собко. Берлинъ, 1880. Ц. 10 марокъ и 50 пфен.

Первый томъ этого изданія появился въ 1876 г. и вызвалъ въ свое время замѣчанія и поправки въ нашей періодической печати (Журн. Мин. Нар. Просв. Т. 189, 1877, № 1; Древн. и Нов. Рос. 1877, № 4, т. I и III) Впрочемъ недостатки въ подобномъ изданіи вполнѣ понятны, тѣмъ болѣе тогда, когда оно ведется за границею. Во второмъ томѣ авторъ (нынѣ, увы, уже умершій) могъ воспользоваться содѣйствіемъ другихъ лицъ, сообщившихъ ему свои указанія и замѣтки, въ особенности покойнаго Н. П. Дурова, извѣстнаго своимъ богатымъ собраніемъ русскихъ изданій XVIII и XIX столѣтій, предназначеннымъ теперь къ продажѣ, и Н. П. Собко, принявшимъ на себя провѣрку и просмотръ значительной части II тома, а также составившимъ списки календарей и мѣсяцеслововъ. Вообще, новѣйшія изданія, касающіяся упоминаемыхъ въ словарѣ писателей, оказываются не всегда прочтенными авторомъ, хотя они и вошли уже въ позднѣйшіе каталоги; по прежнему встрѣчаются смѣшенія одноименныхъ авторовъ, и т. п. недосмотры. При всемъ томъ, трудъ Геннади является весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу скудную библіографію. Но къ сожалѣнію, не успѣвъ довести свое предпріятіе до конца, авторъ скончался... Въ печати однако было заявлено, что матеріалы для двухъ послѣдующихъ томовъ на столько уже были приведены въ порядокъ, что изданіе ихъ состоится подъ наблюденіемъ одного изъ его сотрудниковъ. Въ 8 № Рос. Библіографіи изд. 1880 г. появился некрологъ Григорія Николаевича Геннади, перечень его трудовъ и портретъ.

В. И.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1816—1825, по документамъ Остафьевскаго Архива кн. П. П. Вяземскаго. Спб. 1880 г. въ 16 д., стр. 77.

Въ ряду нѣсколькихъ монографій, очерковъ, статей и матеріаловъ вызванныхъ къ появленію въ печати сооруженіемъ памятника А. С. Пушкину, брошюра кн. Вяземскаго (оттискъ сообщеній его въ газету «Берегъ») безспорно одна изъ самыхъ интересныхъ. Сюда вошли: 1. Выдержки изъ писемъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ, кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева;—2. Изъ біографіи О. С. Павлищевой, написанной сыномъ ея Л. Н. Павлищевымъ.—3. Записка графа М. А. Корфа.—4. Время съ 1820 по 1825 годъ.—Во всѣхъ этихъ письмахъ и замѣткахъ—читатели найдутъ нѣсколько чертъ, выводовъ, замѣчаній—о характерѣ, дѣйствіяхъ и вообще нравственномъ образѣ Пушкина. Особенно курьезенъ взглядъ гр. Корфа, взглядъ крайне узкій, какой то озлобленный... Въ его запискѣ какъ бы сведены всѣ обвиненія его современниковъ, которыя взводила на Пушкина—зависть, злоба, невѣжество и умышленное или неумышленное непониманіе геніальнаго поэта, его необыкновеннаго характера и нравственной природы.—Какова сила времени! Проходили годы, геній Пушкина все болѣе и болѣе вызывалъ къ себѣ поклоненіе всего грамотнаго русскаго люда, самые недостатки его какъ человѣка получали другую окраску, и тотъ же гр. Корфъ—увлеченный потокомъ—сталъ во главѣ Комитета, которому принадлежитъ честь осуществленія желанія Русскаго народа: сооруженіе памятника великому русскому поэту. Кромѣ помянутой брошюры, кн. Вяземскій издалъ автографическіе снимки съ семи подлинныхъ писемъ Пушкина. **К. К.**

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1880 г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(Первыя четыре книги изд. 1880 г. *напечатаны* вторымъ *изданіемъ).*

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными, при каждой книгѣ, портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, **ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

